

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

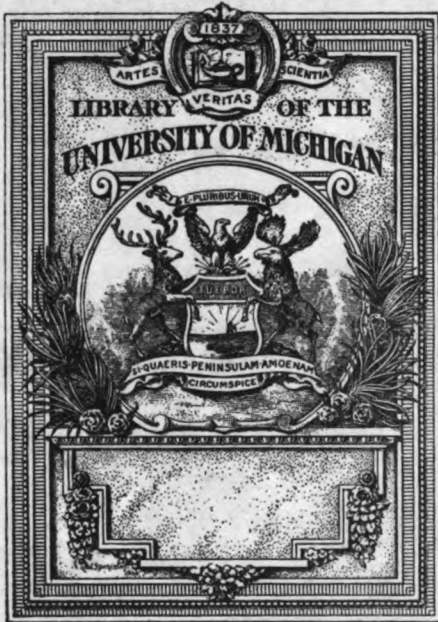
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Pamiāti V.A. Zhukovskago i N.V. Gogoliā ...

Nikolaĭ Vasil'evich Gogol', Grigorĭi P Georgievskĭi, Otdelenie russkogo
iāzyka i slovesnosti, Akademiiā nauk SSSR

89178
26360
P17

ПАМЯТИ

В. А. ЖУКОВСКАГО

И

Н. В. ГОГОЛЯ.

1—3.

Выпускъ первый,

съ 4-мя фототипями и 3-мя цинкографиями.

— 1888 —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1907.

ПАМЯТИ
Pamiatì

В. А. ЖУКОВСКАГО

В. А. Жуковскаго
И
и

Н. В. ГОГОЛЯ.

Н. В. Гоголя.

Выпускъ первый,

съ 4-мя фототипиями и 3-мя цинкографиями.

— 183 —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1907.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1907 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ постановило выпустить всѣ отпечатанные подъ общею редакцію своего покойнаго члена ординарнаго академика А. Н. Веселовскаго — листы сборника *Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя*, чтобы не задерживать появленія помѣщенныхъ въ нихъ матеріаловъ и статей. Къ печатанію же слѣдующаго, 2-го выпуска уже приступлено и редакція его поручена орд. академику А. И. Соболевскому.

Отдѣленіе приносить глубокую признательность сыну поэта *П. В. Жуковскому* за любезное предоставленіе, для провѣрки при печатаніи текста *Дневниковъ 1814—5 годовъ*, подлинныхъ рукописей, что было необходимо въ виду оказавшейся неполноты и неточности копій съ нихъ, сдѣланной владѣльцемъ бумагъ А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго *А. Ѳ. Олгинымъ*, и присланной имъ для изданія въ настоящемъ выпускѣ.

Содержаніе I-го выпуска.

О Т Д Ъ Л Ъ П Е Р В Ы Й 1):

	Стран.
I. Письма В. А. Жуковскаго къ Императору Николаю I и къ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ 1821—1852 гг.—Съ приложеніемъ 4-хъ фототипическихъ снимковъ съ портретовъ В. А. Жуковскаго (описаніе коихъ см. на стран. V—VI предисловія).	
Предисловіе А. А. Фомина	I—VI
Письма	1—107
Примѣчанія къ письмамъ	108—129
Перечень извѣстныхъ въ печати писемъ В. А. Жуковскаго къ Императору Николаю Павловичу и къ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ съ 1817 г. по 1852 г.	131—7
Указатель личныхъ именъ и географическихъ названій	138—140
II. Письма-Дневники В. А. Жуковскаго 1814 и 1815 годовъ (числомъ пять), приготовленные къ печати П. К. СИМОНИ	143—213
Предисловіе акад. А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО	143
Письма-Дневники 1814 г.	145
Іюнь	145
Іюль	159
[Сентябрь]	176
Письмо-Дневникъ 1815 г. (?)	188—211
Апрѣль	—
Вѣѣщность дневниковъ (съ 2-мя снимками на отд. листѣ)	212—3
Дневникъ за Май 1814 (?) г. (отрывочныя записи)	—

О Т Д Ъ Л Ъ В Т О Р О Й:

I. Н. Я. ГРОТЪ: В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 году. (Новыя матеріалы)	1—46
II. В. А. ФРАНЦЕВЪ: — Чешскіе переводы произведеній В. А. Жуковскаго и статьи о его жизни и литературной дѣятельности	47—51
III. ЕГО-ЖЕ: — Н. В. Гоголь въ чешской литературѣ. (Съ приложеніемъ снимк. къ страницѣ 74-ой)	52—88

1) Въ I-мъ и во II-мъ отдѣлахъ — самостоятельный счетъ страницъ.

ПИСЬМА

Василія Андреевича Жуковскаго

къ

**Императору Николаю I и къ Императрицѣ Александрѣ
Феодоровнѣ**

1821 — 1852 гг.

Въ Собственной Его Императорскаго Величества Библиотекѣ въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ¹⁾ хранится пакетъ съ письмами Василя Андреевича Жуковскаго къ Императору Николаю Павловичу и его супругѣ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ, бывшей ученицѣ нашего поэта, а потомъ его другу и покровительницѣ.

Значеніе этихъ писемъ въ историко-литературномъ отношеніи обуславливается ролью самихъ корреспондентовъ въ русской исторіи и литературѣ. Главный интересъ сосредоточивается, конечно, на тѣхъ данныхъ, которыя даютъ эти письма для біографіи самого Жуковскаго, личность котораго въ исторіи литературы и въ исторіи общественныхъ отношеній была весьма замѣчательна, не только для своего времени и своего кружка, но и для всей послѣдующей эпохи и для послѣдующихъ поколѣній.

Всѣхъ писемъ 23; изъ нихъ 2 — адресованы Императору, а 21 — Императрицѣ.

Оба письма къ Императору на русскомъ языкѣ, а изъ писемъ къ Императрицѣ 13 на русскомъ и 8 на французскомъ языкѣ.

Письма обнимаютъ періодъ съ 1821 г. по 1852 г.

Послѣднее письмо (№ 23) написано даже не самимъ Жуковскимъ, который вслѣдствіе болѣзни глазъ не могъ уже писать, а подъ его диктовку, по всей вѣроятности²⁾, однимъ изъ братьевъ его жены и только подписано имъ самимъ.

1) № 130/86 шк. 13. Карт. 3

2) Согласно предположенію сына поэта—П. В. Жуковскаго.

Изъ переписки В. А. Жуковскаго съ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и его супругой Александрой Θεодоровной въ нашей литературѣ до сихъ поръ уже были изданы слѣдующія письма В. А. Жуковскаго: три письма къ Императору 1830 и 1832 годовъ, напечатанные въ «Русскомъ Архивѣ» 1896 года; одно письмо и три записки, напечатанныя въ Собраніи сочиненій Жуковскаго, изданныхъ подъ редакціей А. Д. Алферова (1902 г.); четыре письма къ Императору (1829 и 1830 гг.) появились въ «Русской Старинѣ» 1902 года. Крімъ того указаніе на одно письмо къ Императору (1850 года) было сдѣлано И. А. Бычковымъ въ его описаніи «бумагъ Жуковскаго».

Что касается до писемъ В. А. Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Θεодоровнѣ, то изъ этой переписки были до сихъ поръ напечатаны слѣдующія письма Жуковскаго:

1) 20 писемъ (съ 1826 года по 1840 годъ) въ «Русскомъ Архивѣ» за 1873 и 1874 годъ.

2) Одно письмо (1840 г.) въ XI томѣ (посмертномъ) «Собранія сочиненій Жуковскаго», начатомъ печатаніемъ еще при жизни автора. А отсюда оно было перепечатано во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ.

3) 6 писемъ (1821 и 1830 гг.) въ «Русской Старинѣ» за 1901 и 1902 годъ.

4) Одно письмо въ «Русскомъ Архивѣ» за 1900 годъ.

5) Одно письмо въ Собр. Соч. Жуковскаго, изд. подъ ред. А. Д. Алферова.

На нѣкоторыя письма или черновики ихъ или даже только наброски писемъ есть указанія въ описаніи Бумагъ В. А. Жуковскаго, сдѣланномъ И. А. Бычковымъ, и въ другихъ изданіяхъ (см. въ концѣ перечень писемъ В. А. Ж.).

Такимъ образомъ письма, хранящіяся въ Собственной Его Императорскаго Величества Библиотекѣ, являются весьма цѣннымъ матеріаломъ для характеристики отношеній Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Θεодоровнѣ. Они пополняютъ два

значительныхъ пробѣла (между 1821—1827 и 1839—1852 годами, т. е. до конца жизни поэта), которые до сихъ поръ не могли быть ничѣмъ заполнены, такъ какъ къ характеристикѣ отношеній этихъ корреспондентовъ главнымъ матеріаломъ могутъ служить только ихъ письма. И тотъ фактъ, что эти письма были почему-то выдѣлены (и потому, конечно, не попали до сихъ поръ въ печать), можно, мнѣ кажется, объяснить ихъ интимнымъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, характеромъ, а это обстоятельство тѣмъ болѣе увеличиваетъ ихъ цѣнность.

Письма печатаются съ оригиналовъ съ точнымъ сохраненіемъ орфографіи и описокъ подлинниковъ.

Примѣчанія къ письмамъ помѣщены послѣ ихъ текста.

За примѣчаніями слѣдуетъ указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій, встрѣчающихся въ письмахъ.

Приложенный въ концѣ перечень всѣхъ до сихъ поръ изданныхъ писемъ Жуковского выяснитъ значенія печатаемыхъ нынѣ и въ то же время послужитъ справочнымъ указателемъ для лицъ, интересующихся вопросомъ.

Для удобства всѣ письма датированы однообразно въ началѣ каждаго. При этомъ, если датировка сдѣлана не самимъ Жуковскимъ, то данныя, касающіяся времени и мѣста отправленія, заключены въ прямые скобки.

Къ письмамъ В. А. Жуковского прилагаются снимки съ неизданныхъ до сихъ поръ портретовъ его, хранящихся въ Собственной Его Императорскаго Величества Библиотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ.

Всѣ они прекрасно исполнены акварелью въ величину почти точно передаваемую фотографіей.

Первый изъ нихъ, работы извѣстнаго въ то время портретиста П. Ѡ. Соколова, изображаетъ Жуковского приблизительно въ 1823—1825-хъ годахъ, когда ему было 40 или 42 года, т. е.

*

передъ тѣмъ, какъ онъ былъ назначенъ наставникомъ великаго князя Александра Николаевича.

Съ этимъ портретомъ много сходства представляетъ очень рѣдкая гравюра, работы, вѣроятно, того же Соколова. Она извѣстна мнѣ лишь по двумъ экземплярамъ, находящимся въ собраніяхъ П. А. Ефремова и Е. Е. Рейтерна, — самыхъ полныхъ коллекціяхъ портретовъ В. А. Жуковского.

Второй и третій портреты принадлежатъ кисти тестя В. А. Жуковского Е. Рейтерна. Они исполнены, согласно помѣткѣ на одномъ изъ нихъ, въ 1832 году. Какъ тотъ, на которомъ Жуковский изображенъ на диванѣ, такъ и другой, гдѣ онъ представленъ стоящимъ за рабочимъ столомъ, являются очень для него характерными по словамъ сына художника, Е. Е. Рейтерна, который видѣлъ нашего поэта, будучи 14 — 16-ти лѣтнимъ юношей.

Первые три портрета хранятся всѣ вмѣстѣ въ одномъ изъ альбомовъ въ библиотекѣ Императора Александра II.

Четвертый портретъ, работы неизвѣстнаго художника (можетъ быть, кисти Гау), находится въ альбомѣ за 1823—1837 г. съ портретами преподавателей и свиты Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича.

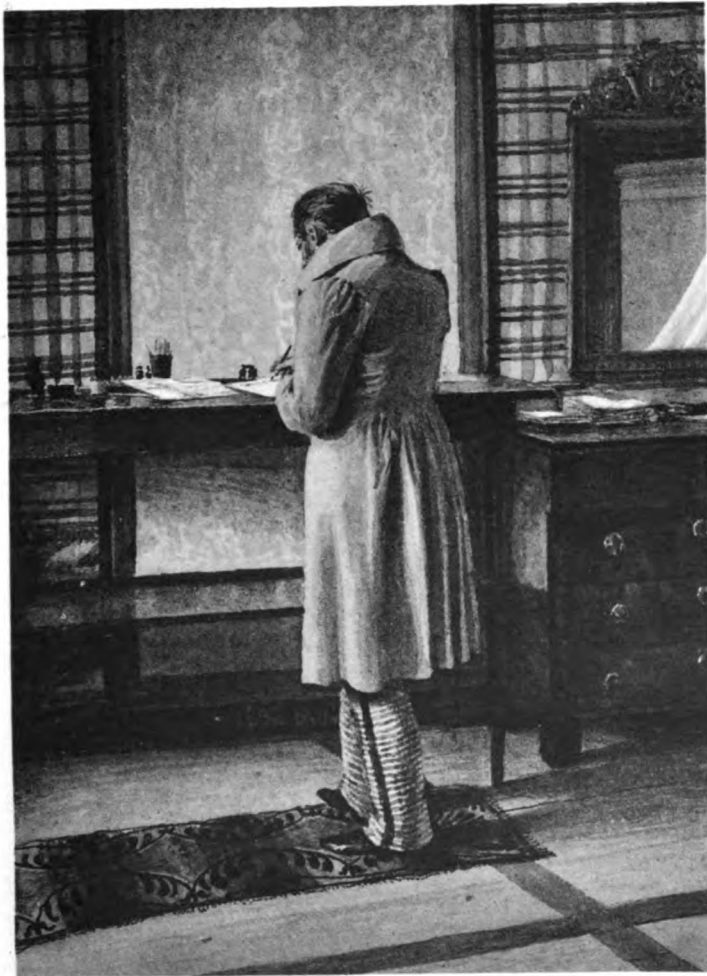
Считаю долгомъ упомянуть съ признательностью имя покойнаго завѣдующаго Собственной Его Императорскаго Величества Библиотекой Р. А. Гримма, съ предупредительностью и вниманіемъ отнесшагося къ поискамъ необходимыхъ мнѣ матеріаловъ, а также выразить мою благодарность завѣдующему Собственной Его Императорскаго Величества Библиотекой, В. В. Щеглову, за его любезное содѣйствіе при моемъ пользованіи печатаемыми нынѣ письмами Жуковского, и его помощнику Н. К. Леману за сличеніе набраннаго текста съ подлинниками.

А. Осминъ.

В. А. Жуковский въ 1820—1825 г.
Съ акварели П. Ф. Соколова, хранящейся въ Собственной Е. И. В. Библиотеке.

100

В. А. Жуковский въ 1832 году.

*Оъ акварели Е. Рейтерна, хранящейся въ Собственной
Е. И. В. Библиотекѣ.*

4701

В. А. Жуковский в 1882 году.
С акварели Е. Рейтера, хранящейся в Собственной Е. И. В. Библиотеке.

1882

370

В. А. Жуковский въ 1835 — 1840 г.

Съ акварели (можетъ быть Гау), хранящейся въ Собственной Е. И. В. Библиотеки.

1821 годъ.

№ 1.

Великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Берлинъ]

[26 Ноября/8 Декабря 1821 года¹⁾].

Я располагался пробывать въ Берлинѣ не болѣе недѣли, но вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ я здѣсь: прошу у вашего Императорскаго Высочества прощенія за эту невольную медлительность²⁾. Полуздоровый, полубольной боюсь пускаться въ путь: теперь нѣтъ дороги, дожди безпрестанныя; я принужденъ пробывать здѣсь нѣсколько дней лишнихъ, чтобы не остановиться долѣе, въ какомъ-нибудь незнакомомъ мѣстѣ на дорогѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ покинулъ свою комнату³⁾, провожу время свое пріятно; бываю часто у m-e Kleist⁴⁾, m-elle Wildermeth⁵⁾, у Гуфланда⁶⁾. Нѣсколько разъ имѣлъ честь обѣдать у Его Величества короля⁷⁾. На прошедшей недѣлѣ въ день рожденія герцога Карла⁸⁾ былъ въ palais Louis балъ: я видѣлъ въ знакомомъ мѣстѣ, знакомыя лица, слышалъ знакомую музыку: по отсутствіе вашего высочества все перемѣнилось, а о моей шестимѣсячной отлучкѣ особенно напоминала мнѣ Принцесса Луиза⁹⁾; она очень выросла и похорошѣла. Все прочее совершенно по старому. — Не могу изъяснить вашему высочеству моей благодарности къ его высочеству кронпринцу¹⁰⁾: онъ оказываетъ мнѣ самую трогательную для меня благосклонность, за

которую плачу ему сердечною привязанностію. Я нѣсколько разъ имѣлъ честь у него обѣдать въ его маленькомъ обществѣ и провелъ вмѣстѣ съ нимъ два пріятнѣйшихъ вечера у m-elle Wildermeth. Въ оба раза читали клейстову¹¹⁾ трагедію der Prinz von Homburg¹²⁾. Было много спору и смѣху. — На прошедшей недѣлѣ, въ то время когда король вмѣстѣ съ принцами Вильгельмомъ и Карломъ находился въ Потсдамѣ, принцъ Альбрехтъ¹³⁾ давалъ въ своихъ комнатахъ обѣдъ, на который и я имѣлъ честь быть приглашенъ. Онъ прекрасно игралъ ролю хозяина и съ большою важностію засѣдалъ на почетномъ мѣстѣ. Кронъ-принцъ предложилъ пить здоровье des angenehmen Wirths¹⁴⁾, и ему громко прокричали Hoh!

Какъ ни радуюсь мыслию возвратиться на родину, но покину Берлинъ съ сожалѣніемъ; я благодаренъ ему за многія счастливыя минуты и въ немъ есть люди, о которыхъ воспоминаніе навсегда останется драгоценностію. Несмотря на то нетерпѣливо жду возможности отъѣзда. Надѣюсь выѣхать черезъ недѣлю или дней черезъ десять. Какое будетъ для меня счастье опять увидѣть ваше Императорское высочество и снова приняться за исполненіе своей должности¹⁵⁾.

Его Императорскому высочеству Государю великому князю приношу глубочайшее почтеніе.

Честъ имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ

Вашего Императорскаго Высочества

покорнѣйшимъ слугою

Жуковский.

Берлинъ, 26 ноября/8 декабря.

1823 годъ.

№ 2.

Великой Княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Дерптѣ].

[25 Марта, 1823 года¹⁾].

Je supplie votre Altesse Impériale de me permettre de rester une dizaine de jours à Dorpat²⁾. Ma presence ici sans etre une consolation, est une espece de soulagement. Ils³⁾ ont été surs que je viendrai, ils ont même revé que j'arrive, quoique ils ne m'ont pas invité. (J'ai tout su à Petersburg par un etranger). Je ne puis pas exprimer à Votre Altesse ma situation. Quel voyage et par quel chemin! par le même que j'ai fait⁴⁾ il y a si peu de jours avec Alexandrine⁵⁾ tous les deux heureux de revoir une soeur et une amie⁶⁾! Il y a si peu d'intervalle entre mon dernier tranquille sejours ici et ce deplorable retour, que je suis a present comme demireveillé. Ils ont tous vu mourir, ils ont dit adieu, ils ont pleuré sur le cercueil—moi je suis de nouveau au milieu d'eux, je n'ai été témoin de rien, il me semble même que je n'ai pas fait d'absence et pourtant tout est bouleversé. A chaque instant il faut se rappeler de quelque chose d'affreux. J'entends la voix de sa fille⁷⁾, je la vois jouer et courir comme il y a dix jours en presence de sa mere — ce n'est pas un souvenir, c'est une attente involontaire, continuellement trompée d'une maniere douloureuse. A chaque instant il faut revenir a soi avec un serrement de coeur inexprimable. L'enterrement a eu lieu deux jours avant mon arrivée⁸⁾; je n'ai pas même cru arriver assez à tems. C'était une douleur pour toute la ville. Connu et inconnu ont envoyé des fleurs pour orner la table sur la quelle étaient couchés et la mere et le pauvre enfant⁹⁾ qui lui a conté la vie (Son accouchement ne *pouvait* pas etre heureux: elle etait d'avance condamnée à mourir). Jeune et vieux l'on pleuré; tous ont conduit son cercueil; même les etudiant se sont donné le mot pour honorer ses chers depouil-

les. Le chemin de Petersburg passe près du cimetiere, ou elle repose: ma premiere visite a été a elle. Le soleil eclairait tranquillement ce morceau de terre sous le quel elle se derobait a mes yeux. Il regnait la un calme je ne dirai pas effrayant mais inconcevable et desesperant ¹⁰). Maintenant nous pleurons tous ensemble, cela ne console pas, cela ne changera rien; on voudroit avoir recours a quelque chose, on l'essaie dans l'idee, on reconnait de nouveau que cela est inutile, que tout est fini, et les larmes coulent encore. Pauvre Alexandrine! Sa soeur a tout emporté avec elle. Je ne puis pas exprimer tout le malheur de sa situation a Votre Altesse mais vous me permettrez de vous en parler. Je demande pardon a Votre Altesse du desordre de cette lettre et de ce que j'y parle trop de moi même. Il est si naturel de vouloir epancher devant Vous son ame. Je n'ai pas écrit a la grande Duchesse, mais a un etre ami, dont l'existence est deja une consolation. Que Dieu Vons conserve.

Je suis avec le plus profond et sincere devouement

de Votre Altesse Imperial

le tres humble

et le tres obeissant serviteur

Joucovsky.

Dorpat, 25 Mars.

№ 2.

Переводъ:

[Дерптѣ].

[25 Марта 1823 года¹⁾].

Всемилютейшая Государыня.

Прошу, Ваше Императорское Высочество, позволить мнѣ пробыть дней десять въ Дерптѣ²⁾. Мое присутствіе здѣсь, не будучи утѣшеніемъ, все-же служить нѣкоторымъ облегченіемъ.

Они³⁾ были увѣрены, что я приѣду, имъ даже снилось, что я приѣзжаю, хотя они не приглашали меня (я узналъ обо всемъ въ Петербургѣ отъ посторонняго человѣка). Не могу описать Вашему Высочеству моего состоянія. Какое путешествіе и по какой дорогѣ! по той-же самой⁴⁾, по которой еще такъ недавно я проѣзжалъ вмѣстѣ съ Александрой⁵⁾: оба счастливые, что увидимъ снова сестру и друга⁶⁾! Промежутокъ между моимъ послѣднимъ, спокойнымъ пребываніемъ здѣсь и этимъ прискорбнымъ возвращеніемъ такъ еще малъ, что мнѣ кажется, что я нахожусь какъ-бы въ полу-снѣ. — Всѣ они видѣли, какъ она умирала, всѣ простились, всѣ плакали надъ гробомъ — я же снова среди нихъ, но я не былъ свидѣтелемъ всего этого; мнѣ даже кажется, что я не уѣзжалъ, а между тѣмъ все перевернулось вверхъ дномъ. Каждую минуту приходится вспоминать о чемъ-то ужасномъ. Я слышу голосъ ея дочери⁷⁾, я вижу ее играющей и бѣгающей, какъ десять дней тому назадъ въ присутствіи матери. — Это не воспоминаніе, это невольное ожиданіе, въ которомъ безпрестанно обманываешься самымъ ужаснымъ образомъ. Каждую минуту приходится возвращаться къ дѣйствительности съ невыразимой болью въ сердцѣ. Погребеніе состоялось за два дня до моего приѣзда⁸⁾; я даже и не предполагалъ приѣхать во время. Это было горемъ для всего города. Знакомые и незнакомые присылали цвѣты для украшенія стола, на которомъ лежали мать и бѣдное дитя⁹⁾, стоявшее ей жизни (ея роды *не могли* пройти благополучно: она заранѣе была приговорена къ смерти). И молодые и старые оплакивали ее; всѣ шли за ея гробомъ; даже студенты сговорились придти почтить ея дорогіе останки. — Петербургская дорога проходитъ мимо кладбища, гдѣ она покоится; прежде всего я былъ у нея. Солнце мирно освѣщало этотъ клочекъ земли, который скрылъ ее отъ моихъ взоровъ. Тамъ царил тишина, не скажу ужасная, но непостижимая и доводящая до отчаянія¹⁰⁾. — Теперь мы плачемъ всѣ вмѣстѣ. — Это не утѣшаетъ, это ничего не измѣнитъ; хотѣлось бы найти какой-нибудь исходъ, мысленно даже пытаешься найти его, но снова сознаешь,

что это бесполезно, что все кончено, и снова льются слезы. — Бѣдная Александра! ея сестра все унесла съ собой. Я не могу описать Вашему Высочеству всю силу ея горя, но Вы мнѣ позволите рассказать Вамъ о немъ. Прошу прощенія у Вашего Высочества за беспорядочность этого письма и за то, что я въ немъ слишкомъ много говорю о себѣ — такъ естественно желаніе излить передъ Вами свою душу: я писалъ не Великой Княгинѣ, но другу, одно существованіе котораго уже служить утѣшеніемъ. — Да хранить Васъ Богъ.

Остаюсь съ глубочайшей и искреннѣйшей преданностью
Вашего Императорскаго Высочества
нижайшій и покорнѣйшій слуга
Жуковскій.

Дерптъ, 25 Марта.

1826 годъ.

№ 3.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Эмсъ]

[15/27 Юня 1826 года].

Madame.

Arrivé a ma destination je m'empresse de profiter de la gracieuse permission, que Votre Majesté Imperiale a bien voulu me donner d'écrire à Elle. Je commence par ce qui m'est le plus cher: par exprimer de nouveau les sentiments profonds de reconnaissance pour la bonté que Vous Madame et sa Majesté l'Empereur m'avez témoigné au moment de mon départ. C'est un souvenir ineffaçable et je le porte comme un trésor dans mon ame. Que la Providence accorde à mes Souverains tous les biens que leur coeur mérite: ce voeu de ma reconnaissance en est aussi un pour le bonheur de ma Patrie.

Je suis à Ems depuis quelques jours. Grand Dieu! Quelle nouvelle m'attendait à mon arrivée ici. Karamsine n'existe plus¹⁾. Mon pressentiment ne m'a pas trompé! Encore un ange de moins sur la terre! Oui! un ange! ce nom lui appartient. Jamais un être plus pur n'a orné le monde! Il nous a quitté! Quelle perte pour la Russie! Quelle perte pour le souverain de la Russie! Oui, madame! Vous avez perdu en lui un sujet dont la probité était à toute épreuve; un conseiller sage, dont les idées étaient grandes sans exagération, qui aimait Son pays, qui le connaissait, qui pouvait être utile au trône par sa sagesse, un homme, dont le caractère respectable faisait respecter la dignité humaine, car il était une preuve vivante que la vertu pure existe et qu'on peut aimer le bien pour le bien, sans aucune vue d'intérêt ni d'égoïsme. Les bénédictions de sa patrie, à la gloire de la quelle il a tant contribué par ses écrits, le suivront dans la tombe et rendront sacrée la place, où reposent ses cendres. Avec quels sentiments de reconnaissance et d'attendrissement j'ai lu dans la mince feuille publique qui m'a annoncé ma perte douloureuse, ce qu'a fait mon Souverain auguste pour lui et pour sa famille²⁾. L'Empereur lui a rendu justice d'une manière digne du Chef d'un grand peuple: il a reçu sa récompense sans l'avoir réclamée; elle est venue à lui d'elle même, directement du cœur de son Souverain. Son âme qui était profondément religieuse, ne s'est pas trompée dans Sa confiance en Dieu: l'avenir de sa femme et de ses enfants, quoiqu'incertain, ne l'a jamais inquiété: il l'abandonnait tranquillement à la Providence divine.... Eh bien! cette Providence s'est déclarée à lui au moment où il allait descendre dans la tombe. L'Empereur peut se dire: j'ai réjoui les derniers moments d'un être vertueux. Et certainement l'Image du bienfaiteur de sa famille dans ces moments solennels s'est présentée à lui avec ceux qu'il aimait et qu'il quittait pour toujours; en les béissant il a aussi béni son Souverain et son Règne: une telle bénédiction ne reste jamais sans effet. Et tout cœur vraiment russe a dû être rempli de reconnaissance pour cette justice éclatante.

tante, rendue à un mérite si universellement reconnu : on sent dans des cas pareils que le Chef d'une nation est le vrai représentant de la morale publique, que c'est lui qui en est l'organe, qui lui donne la sanction, qui la conserve intacte, comme le feu sacré de Vesta, symbole du salut de la Patrie. Rien ne rejouit tant les-cœurs, que cette conformité du Souverain avec l'opinion générale toujours juste et incorruptible en ce qui regarde le vrai mérite. Alors toutes les bonnes idées sont sanctionnées, le vice est découragé, les hommes vertueux sont rassurés dans tout ce qu'ils aiment et qu'ils respectent, et le peuple acquiert un nouveau stimulant pour le bien, en voyant que son Chef l'approuve, le respecte et le proclame par ses récompenses.

Votre Majesté me permettra d'entrer ici dans quelques détails sur moi même. Mon voyage par mer a été singulièrement heureux : par un temps constamment beau je suis arrivé en dix jour à Elseneur. J'ai cru partir sans délai ; mais le bateau à vapeur qui va chaque semaine une fois de Coppenhague à Lubeck a été pris par le prince royal de Danemark³), ce qui m'a forcé de rester cinq jours à Coppenhague. D'ici à Lubek on fait le trajet en 24 heures. Après avoir resté à Hambourg trois jours pour m'acheter et arranger un équipage, je suis parti pour ma destination ; mais j'ai du voyager très lentement : ma faiblesse, seul reste de ma maladie, me forçait à m'arrêter chaque nuit. Enfin je suis à Ems⁴). Je puis dire que le voyage seul m'a déjà fait un grand bien. Le tems m'a été toujours favorable pendant que j'ai été en route : je n'ai pas souffert ni de la chaleur ni du froid. Les grandes chaleurs d'été n'ont commencé qu'à mon arrivée à Ems. Il fait apresent un tems magnifique, très favorable aux malades qui sont ici rassemblés. J'ai commencé à me traiter et vraiment je sens déjà un bienêtre intérieur qui me promet qu'à la fin de la cure je serai complètement restoré. On veut que je reste ici jusqu'à la fin de Juillet nouveau stile. Après il faudra se reposer une semaine (Je veux employer ce tems à voir les bords du Rhin) et puis partir pour Egra, ou il faudra encore rester quatre se-

maines. D'Egra j'irai par Dresde à Berlin ou je compte être au commencement de Septembre nouveau stile, et d'ou, apres une semaine de sejour, j'irai tout droit à Petersbourg, ou je pourrai arriver, si Dieu le permet, vers la fin de Septembre ou au commencement d'Octobre notre stile⁵). Je demande seulement la permission de passer 3 ou 4 jours à Dorpat.

Tel mon plan, Madame! que Dieu me permette à le remplir; qu'il benisse les bienfaits, dont j'ai été comblé par mon Souverain. Je ne lui demande qu'autant de vie, qu'autant de forces qu'il me sera nessessaire pour accomplir mon devoir: ce devoir est maintenant l'unique but de mon existence, c'est en lui seul que se reunissent maintenant toutes mes idées de bonheur ici bas, tous mes projets d'avenir, toutes mes plus cheres esperences. Je n'ai qu'une seule crainte—Madame, je ne le dis pas pour debiter une phrase — et cette crainte est bien grave: c'est celle de mon incapacité et de mou peu d'experience, mais Dieu qui voit ma Sincerité, me comptera pour quelque chose mon desir ardent de bien faire et mon devouement complet à ma vocation; il me soutiendra; il m'aidera à trouver les lumieres nessessaires. — Que fait il maintenant mon eleve bien aimé? Cher ange! Que Dieu le conserve pour notre Bonheur! Je ne puis penser sans attendrissement au congé, que j'ai pris de lui. Apres avoir quitté Votre Majesté, je suis dessendu dans notre chambre d'étude, ou il se trouvait seul avec Moerder⁶). Il a commencé a pleurer à chaudes larmes lorsque je l'ai embrassé. Etant sorti, je me suis arreté avec Moerder dans le vestibule. Voila qu'il accourt et se jette sur moi tout en larmes. *Прощу!* fut le seul mot qu'il a pu dire. Mais l'accent avec le quel il a prononcé ce seul mot était si touchant; il y avait quelque chose de si sonore, de si *partant du coeur* dans cet accent, que jamais il ne s'effacera de mon souvenir. C'est une ame bien née! Que la Providence veille sur ce trezor. J'espere, que les etudes, d'après les dispositions, qui ont été faites à mon depart, vont leur train sans interruption. J'ose ici demander à Votre Majesté la grace de ne pas faire aucun change-

ment dans leur cours. Le plan, une fois adopté, doit être suivi sans variation et strictement. Surtout je supplie Votre Majesté de ne pas vous hâter dans le choix de l'Ecclesiastique, qui devra donner au Grand Duc l'instruction religieuse: cet objet est trop essentiel et demande une grande circonspection. Il nous faut un homme, qui puisse entrer complètement dans notre plan. La Religion n'est pas une science détachée qu'on étudie comme les mathématiques, elle n'est pas uniquement un objet *d'instruction*; elle est plutôt un moyen *d'éducation*; elle doit entrer dans tout, elle doit s'identifier avec tous les sentiments, avec toutes les idées pour pouvoir devenir *la règle de la vie*: autrement son influence sera peu de chose. Tout dépend du choix du maître. Si nous ne pourrions pas trouver *ce qu'il nous faut*, au moins emparons nous de ce *qu'il y a de mieux*. J'espère, qu'à mon retour j'aurai le moyen de Vous présenter un homme, digne de Votre confiance.

En un mot je prie instamment Votre Majesté Impériale, que jusqu'à mon arrivée rien ne soit ni changé, ni diminué, ni augmenté dans les études de son Altesse; Veuillez bien sur cet objet soumettre mes très humbles prières à Sa Majesté L'Empereur.

J'ai eu le bonheur d'être ici présenté à Son Altesse Madame la princesse Royale de Prusse⁷⁾. Elle est infiniment gracieuse, elle charme par sa franche bienveillance; Sa physionomie a un attrait particulier. Elle a eu la bonté de me dire, qu'elle attendait ici l'arrivée de Mademoiselle Wildermeth, mais qu'elle craignait un peu les distractions qui peuvent lui faire oublier ce projet. Le Prince Royal n'est pas ici; il ne viendra qu'à la fin de Juillet pour deux jours, pour repartir tout de suite avec son épouse. J'aurai toujours le bonheur de le voir un moment à Ems en attendant celui de le revoir à Berlin. J'ai eu aussi l'honneur de rencontrer le Prince Frédéric⁸⁾ qui a eu la bonté de m'acquiescer comme une ancienne connaissance avec une cordialité tout à fait aimable: il n'est venu à Ems que pour voir la princesse Royale; maintenant il se trouve à Dusseldorf. J'ai trouvé ici plusieurs connaissances de Berlin, entre autres le général Klausevitz⁹⁾ avec

Son aimable femme, la comtesse de Perponcher¹⁰⁾, la comtesse de Reede, qui accompagne la princesse Royale, le comte de Bernsdorf et le major de Thümlink¹¹⁾. On attend ici pour le 26 Juillet n. s. l'arrivée de Madame la grande Duchesse Marie¹²⁾. Elle arrive d'abord (le 8) à Schlangenbad, ou je compte aller la saluer. J'ai appris cette agreable nouvelle par la comtesse Egloffstein¹³⁾, qui est ici ma voisine. Sa santé parait etre beaucoup melleure qu'à Petersbourg. Il y a ici quelques familles Russes: La Princesse Meschtchersky¹⁴⁾ avec son fils, Madame Doctoroff¹⁵⁾ avec ses filles, La princesse Galitzine née Souvoroff¹⁶⁾; La famille Stourdza¹⁷⁾ et le comte Edelink¹⁸⁾: je suis bien heureux d'avoir trouvé ici ces derniers; c'est une reunion d'etres bien respectables. La jeune M-e Stourdza¹⁹⁾ a reçu avec la plus vive reconnaissance les compliments, dont Votre Majesté a eu la bonté de me charger pour elle. Enfin pour couronner tout, le Comte Capod'Istrias²⁰⁾ se trouve aussi à Ems: j'ai revu avec attendrissement celui qui a été aimé par l'Empereur Alexandre, et qui l'a aimé avec un si fidele devouement. C'est une belle ame, jeune de sentiments, mure d'experience. Il a été l'ami de Karamsine et il est bien digne de ce titre respectable. Pour moi je jouis du bonheur de le voir et de l'entendre. Il aime la Russie; il a une affection franche pour Son Souverain. Sa santé me parait etre dans un très bon etat.

Je dois finir, en demandant pardon à Votre Majesté de l'énorme longueur de ma lettre. Elle trouvera Votre Majesté encore à Petersbourg; mais votre depart pour Moscou sera déjà prochain. C'est pour moi une perte vraiment irreparable que d'etre privé du bonheur d'assister à Votre entrée dans la ville natale de notre cher Ange²¹⁾ et de ne pas être temoin de Votre couronnement²²⁾. Mes voeux ardents vous suivront de loin. Je n'ai qu'une priere à adresser au ciel pour mon bien aimé Souverain: Que Dieu, en couronnant sa tete de la puissance Suprême, couronne aussi Son regne du bonheur de ses peuples. Que nous faut il pour trouver en Lui notre salut! Dès les premiers jours Il nous a prouvé qu'il

est capable de *S'oublier* pour la chose publique en sacrifiant même un trône²³), et qu'il a le *courage* nécessaire pour soutenir ce trône, lorsqu'une fois il est devenu son partage. Il veut le bien de bonne foi et il a la force de caractère indispensable pour exécuter ce qu'il veut. Que nous reste-t-il à demander au Ciel pour un tel Monarque, afin que nos chères espérances en Lui et ses propres belles résolutions ne soient jamais trompées? Des Hommes! Des hommes, capables de concevoir avec Lui, que le bonheur du Souverain est celui de la patrie, que servir leur pays est en même temps servir leur Prince et que les séparer l'un de l'autre c'est les trahir tous les deux. Les événements derniers²⁴) ont trop prouvé, que plus le Souverain reste isolé dans la toute puissance de sa volonté, plus il dépend de ceux, par qui sa volonté est exécutée. Le règne passé était celui d'Alexandre, d'une belle âme, dont le caractère était l'humanité. Nous en avons pourtant vu les résultats. Malheur si les ministres de la puissance souveraine ne sont qu'esclaves de leur intérêt: ils se cachent alors sous le masque d'un dévouement servile, qui n'est que trahison, ils deviennent tyrans de la volonté du maître, qu'ils dénaturent, et les vrais révolutionnaires, qui arment contre lui le mécontentement général, en faisant tomber sur lui seul le blâme, qui n'est du qu'à leur trahison mercenaire. Eh bien! que Dieu en couronnant mon Souverain, le guide et l'éclaire dans le choix de ceux qui entoureront sa personne sacrée et qui en devenant les intermédiaires entre Lui et ses sujets, deviendront nécessairement ses représentants. Tels sont les vœux que je forme pour lui, comme un sujet dévoué, en pensant au moment solennel qui mettra la couronne de Pierre le grand sur sa tête. Et je renouvelle ici, par attachement pour sa personne, le serment de fidélité que j'ai prononcé par devoir dans le temple. J'ai été témoin — et je bénis le ciel de l'avoir été — que son âme est grandement généreuse et maintenant je suis intimement persuadé, que toute voix qui parte du cœur, en proclamant le juste et le beau, sera complètement comprise par le sien et toujours en recevra

une belle reponse. Que ne fera-t-il pour ma patrie, secondé par des hommes capables de l'aimer et de l'entendre!

Pour vous, Madame! jouissez de votre belle destination! votre caractere est fait pour repandre autour de Vous la serenité et la paix. Et jouissant calmement du bonheur domestique, qui est votre ouvrage — bonheur, qui soulagera Votre auguste Epoux dans ses travaux penibles et qui developpera dans le cocur de vos enfants toutes les vertus humaines—vous remplirez complètement votre haute vocation et la prophetie de Votre Mere sera realisée.

Je suis avec le plus profond respect et le plus fidele devouement

Madame

De Votre Majesté Imperiale

le très humble et le très fidele sujet

Jukoffsky.

Ce 15/27 Juin 1826, Ems.

№ 3.

Переводъ:

[Эмсъ]

[15/27 Июня 1826 года].

Всемиловивѣйшая Государыня.

Прибывъ на мѣсто своего назначенія, я спѣшу воспользоваться милостивымъ разрѣшеніемъ писать Вамъ, которое Вы, Ваше Императорское Величество, пожелали мнѣ дать. — Начну съ того, что мнѣ всего дороже: т. е. съ выраженія чувствъ глубочайшей благодарности за доброту, которую Вы, Всемилови-

вѣйшая Государыня, и Его Величество Государь Императоръ оказали мнѣ въ минуту моего отъѣзда. Это неизгладимое воспоминаніе, и я ношу его, какъ сокровище въ моей душѣ. Пусть Провидѣніе даруетъ моимъ покровителямъ всѣ блага, которыхъ достойно ихъ сердце: это желаніе, вызванное моею личной благодарностью, есть въ то-же время и желаніе счастья для моего отечества. Я уже нѣсколько дней въ Эмсѣ. Великій Боже! Какое извѣстіе ожидало меня при моемъ прибытіи сюда! Карамзина нѣтъ болѣе¹⁾! Мое предчувствіе не обмануло меня! На землѣ еще однимъ ангеломъ меньше! да! ангеломъ! Это настоящее его названіе. Никогда еще существо болѣе чистое не украшало міръ! Онъ покинулъ насъ! Какая потеря для Россіи! Какая потеря для Повелителя Россіи! Да, Всемилостивѣйшая Государыня! Въ лицѣ его Вы лишились подданнаго вполне испытанной честности, мудраго совѣтника, идеи котораго были велики безъ преувеличенія; который любилъ свою страну, который зналъ ее, который могъ быть полезнымъ трону своей мудростью; человѣкъ достойный уваженія и заставлявшій уважать человеческое достоинство, потому что и онъ самъ былъ живымъ доказательствомъ, что на свѣтѣ существуетъ истинная добродѣтель и что можно любить добро ради добра, безъ всякихъ корыстолюбивыхъ и эгоистичныхъ видовъ на него. Благословенія родины, прославленію которой онъ такъ много содѣйствовалъ своими сочиненіями, послѣдуютъ за нимъ въ могилу и сдѣлаютъ священнымъ мѣсто, гдѣ покоятся его останки. — Съ какими чувствами признательности и умиленія, прочелъ я въ маленькой газеткѣ, возвѣстившей объ этой горестной для меня утратѣ, о томъ, что сдѣлалъ мой августѣйшій Покровитель для него и для его семьи²⁾. Императоръ воздалъ ему должное—образомъ, достойнымъ вождя великаго народа: онъ получилъ свою награду не прося ея; она пришла къ нему сама собою, непосредственно отъ сердца его Государя. Онъ былъ глубоко религіозенъ, и душа его не обманулась въ своемъ упованіи на Бога: будущее его жены и дѣтей, хотя было не обезпечено, никогда его не беспокоило; онъ предостав-

лялъ его совершенно спокойно божественному Провидѣнію... И Провидѣніе явило себя ему въ ту минуту, когда онъ готовъ былъ сойти въ могилу. Императоръ можетъ сказать себѣ: я усладилъ послѣднія минуты добродѣтельнаго существа. И, конечно, образъ благодѣтеля его семьи предсталъ предъ нимъ въ эти торжественныя минуты вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ онъ любилъ и покидалъ навсегда; благословляя ихъ, онъ также благословлялъ своего Государя и его царствованіе: такое благословеніе никогда не остается безъ послѣдствій. И всякое дѣйствительно русское сердце должно было быть исполнено благодарности за блистательный актъ справедливости, оказанный человѣку, достоинство котораго признано всѣмъ міромъ; въ такихъ случаяхъ чувствуешь, что Глава народа есть истинный представитель общественной нравственности, что онъ служить ея выразителемъ, санкционируетъ ее, сохраняетъ ее неприкосновенной, подобно священному огню Весты, символу спасенія родины.—Ничто такъ не радуется сердца всѣхъ, какъ это согласіе Государя съ общимъ мнѣніемъ, которое всегда непогрѣшимо и неподкупно въ томъ, что касается истинныхъ заслугъ.—Тогда всѣ добрыя идеи утверждаются, порокъ обезоруживается; люди добродѣтельные получаютъ поддержку въ томъ, что они любятъ и что они уважаютъ, а у народа является новое побужденіе къ добру, когда онъ видитъ, что его Глава одобряетъ его, уважаетъ и награждаетъ по его заслугамъ.

Ваше Величество, разрѣшите мнѣ войти въ нѣкоторыя подробности относительно меня самого. Мое путешествіе моремъ было удивительно счастливо: при постоянно прекрасной погодѣ я прибылъ на 10-й день въ Эльзиноръ. Я рассчитывалъ продолжить путь безъ замедленія, но пароходъ, отходящій разъ въ недѣлю изъ Копенгагена въ Любекъ, былъ уже занятъ Датскимъ кронпринцемъ³⁾, что и принудило меня пробыть пять дней въ Копенгагенѣ. Переѣздъ отсюда до Любека совершается въ 24 часа. Пробывъ въ Гамбургѣ три дня, чтобы купить и устроить экипажъ, я отправился къ мѣсту моего назначенія, но я долженъ

былъ ѣхать очень медленно: слабость, единственный остатокъ моей болѣзни, заставляла меня останавливаться на ночь. Наконецъ я въ Эмсѣ⁴⁾). Я могу сказать, что уже само путешествіе принесло мнѣ большую пользу. Погода все время, пока я былъ въ дорогѣ, была благопріятна: я не страдалъ ни отъ жары, ни отъ холода. Сильныя лѣтнія жары начались лишь съ моимъ пріѣздомъ въ Эмсѣ.—Теперь погода великолѣпная, очень благопріятная для собравшихся здѣсь больныхъ. Я началъ лѣчиться и, право, уже чувствую улучшеніе, которое обѣщаетъ мнѣ, что къ концу лѣчебнаго курса здоровье мое будетъ вполне восстановлено. Желательно, чтобы я пробылъ здѣсь до конца Іюля новаго стіля. Послѣ этого надо будетъ отдохнуть одну недѣлю (я хочу употребить это время для обозрѣнія береговъ Рейна), а затѣмъ ѣхать въ Эгеръ, гдѣ надо будетъ пробыть еще четыре недѣли. Изъ Эгера я поѣду черезъ Дрезденъ въ Берлинъ, куда я рассчитываю прибыть въ началѣ сентября новаго стіля⁵⁾), а отъ куда послѣ недѣльнаго пребыванія отправлюсь прямо въ Петербургъ, куда могу пріѣхать, если Богъ дастъ, къ концу сентября или къ началу октября нашего стіля. Я только прошу разрѣшенія пробыть въ Дерптѣ три, четыре дня.

Таковъ мой планъ, Всемилостивѣйшая Государыня! Да поможетъ Господь мнѣ выполнить его! да благословитъ Онъ тѣмъ благодѣянiя, которыми осыпалъ меня мой Государь. Я прошу у Него лишь столько жизни и силъ, сколько мнѣ будетъ нужно для выполненія моихъ обязанностей: эти обязанности служатъ теперь единственной цѣлью моего существованія; въ нихъ въ однихъ соединяются всѣ мои помыслы о земномъ счастіи, всѣ планы будущаго, всѣ мои драгоцѣннѣйшія надежды.—У меня одно только опасеніе, Всемилостивѣйшая Государыня,—говорю это не для того, чтобы сказать фразу,—и опасеніе это очень серьезно: я боюсь, что у меня нѣтъ способностей и опытности, но Богъ, видящій мою искренность, зачтетъ мнѣ мое страстное желаніе хорошо выполнить свои обязанности и мою полнѣйшую преданность моему призванію; Онъ поддержитъ меня; Онъ поможетъ мнѣ

найти необходимыя званія.—Что дѣлаеть теперь мой любимѣйшій ученикъ? Дорогой Ангель! Богъ да сохранить его для нашего счастья! Не могу вспомнить безъ умиленія о нашемъ прощаніи. Выйдя отъ Вашего Величества, я спустился въ нашу классную комнату, гдѣ Онъ былъ одинъ съ Мердеромъ⁶⁾. Онъ заплакалъ горькими слезами, когда я обнялъ его. Выйдя изъ классной, я остановился съ Мердеромъ въ вестибюлѣ, и вотъ онъ прибѣжалъ весь въ слезахъ и бросился ко мнѣ. «*Прости!*»—вотъ все, что онъ могъ сказать, но тонъ, которымъ онъ произнесъ это единственное слово, былъ такъ трогателенъ, въ немъ было что-то такое звучное, *исходящее отъ сердца*, что никогда это «прости» не изгладится изъ моей памяти. Это благородная душа! Провидѣніе да хранить это сокровище!—Надѣюсь, что занятія идутъ своимъ чередомъ, безъ перерыва, по тому плану, который былъ составленъ передъ моимъ отъѣздомъ. Осмѣливаюсь просить у Вашего Величества великой милости не дѣлать никакихъ измѣненій въ планѣ занятій. Надо строго и безъ измѣненій придерживаться разъ принятаго плана. Особенно умоляю Ваше Величество не торопиться выборомъ духовнаго лица, которое должно будетъ дать Великому Князю религіозное образованіе: это предметъ слишкомъ серьезный и требуетъ большой осмотрительности. Намъ нуженъ человѣкъ, который могъ бы вполне раздѣлять нашъ планъ. Религія не отдѣльная наука, которую изучаютъ, какъ напримѣръ, математику; она не можетъ быть разсматриваема только, какъ предметъ *обученія*; она скорѣе служитъ *средствомъ воспитанія*, она должна входить во все, должна сливаться со всѣми чувствами, со всѣми мыслями, чтобы стать *жизненнымъ правиломъ*, иначе, вліяніе ея будетъ очень ничтожно. Все зависить отъ выбора учителя. Если мы не будемъ въ состояніи найти *то, что намъ нужно*, по крайней мѣрѣ возьмемъ *то, что есть лучшаго*. Надѣюсь, что по возвращеніи моемъ, я буду имѣть возможность представить Вамъ человѣка, достойнаго Вашего довѣрія. Однимъ словомъ, я убѣдительно прошу Ваше Императорское Величество, чтобы до моего приѣзда ничто не было ни из-

мѣнено, ни убавлено, ни прибавлено въ занятіяхъ Его Высочества. Сблагovolите представить Его Величеству Государю Императору мою покорнѣйшую просьбу относительно этого.

Я имѣлъ счастье быть представленнымъ здѣсь Ея Высочеству кронпринцессѣ Прусской⁷⁾. Она безконечно прелестна и очаровываетъ своей искренней благосклонностью; ея лицо отличается особенной привлекательностью. Она была такъ добра, что сказала мнѣ, что ожидаетъ здѣсь приѣзда M-elle Vildermeth, но нѣсколько опасается развлеченій, изъ за которыхъ она можетъ забыть объ этомъ проектѣ. Кронпринца здѣсь нѣтъ. Онъ приѣдетъ лишь въ концѣ Іюля на два дня, чтобы тотчасъ-же уѣхать со своей супругой.—Я все-же буду имѣть счастье видѣть его на минуту въ Эмсѣ, въ ожиданіи свиданія въ Берлинѣ.—Я имѣлъ также честь встрѣтить Принца Фридриха⁸⁾, который принялъ меня, какъ стариннаго знакомаго, крайне любезно и радушно: онъ приѣзжалъ въ Эмсъ лишь для свиданія съ Наслѣдной Принцессой; теперь онъ въ Дюссельдорфѣ.—Я засталъ здѣсь нѣсколькихъ знакомыхъ изъ Берлина; между прочимъ Генерала Клаузевицъ⁹⁾ съ его милой женой, графиню Перпонше¹⁰⁾, графиню де Рееде, которая сопровождаетъ Принцессу, графа Бернсдорфъ и маіора Тюмплингъ¹¹⁾. — Здѣсь ожидаютъ къ 26 Іюля н. с. прибытія Великой Княгини Маріи¹²⁾. Она приѣдетъ сначала (8-го) въ Шлангенбадъ, куда я думаю отправиться, чтобы привѣтствовать ее. Я узналъ эту пріятную новость отъ графини Эглофштейнъ¹³⁾, моей здѣшней сосѣдки. Ея здоровье повидимому гораздо лучше, чѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь живетъ нѣсколько русскихъ семействъ: Княгиня Мещерская¹⁴⁾ съ сыномъ, г-жа Докторовъ¹⁵⁾ съ дочерьми, княгиня Голицына, урожденная Суворова¹⁶⁾, семейство Стурдза¹⁷⁾ и графъ Эделингъ¹⁸⁾. Я очень радъ, что встрѣтилъ здѣсь послѣднихъ: это общество весьма почтенныхъ людей. Молодая M-е Стурдза¹⁹⁾ приняла съ величайшей благодарностью привѣтъ, который я передалъ ей по милостивому порученію Вашего Величества.—Наконецъ, какъ бы вѣнцомъ всего, служитъ графъ Каподистрія²⁰⁾, тоже находящійся въ Эмсѣ. Съ умиленіемъ уви-

дѣлъ я снова того, кто былъ любимъ Императоромъ Александромъ и кто его любилъ съ такой глубокой преданностью. Это чудная душа, молодая по чувствамъ и зрѣлая по опытности. Онъ былъ другомъ Карамзина и вполне достоинъ этого почетнаго названія. Что касается меня, то я наслаждаюсь счастьемъ видѣть и слушать его. Онъ любитъ Россію, искренно преданъ Государю. — Мнѣ кажется, что здоровье его очень хорошо.

Я долженъ кончить, попросивъ извиненія у Вашего Величества за непомерно длинное письмо. Оно еще застанетъ Ваше Величество въ Петербургѣ, но отъѣздъ Вашъ въ Москву будетъ уже близокъ. Для меня дѣйствительно не вознаградится утрата, что я буду лишень счастья присутствовать при Вашемъ въѣздѣ въ родной городъ нашего дорогого Ангела²¹⁾, и не буду свидѣтелемъ Вашего коронованія²²⁾. Мои пламенные пожеланія послѣдуютъ за Вами издали. У меня одна лишь молитва къ небу за моего горячо любимаго Государя: чтобы Господь, вѣнчающій его главу высшей властью, увѣнчалъ бы и его царствованіе счастьемъ его народовъ. Что-же намъ нужно, чтобы найти въ Немъ наше спасеніе! Уже съ первыхъ дней Онъ показалъ намъ, что способенъ *забывать о себѣ* ради общественнаго дѣла, принося ему въ жертву даже тронъ²³⁾, и что у него есть достаточно *мужества* для поддержанія этого трона, разъ онъ сталъ его удѣломъ.— Онъ искренно желаетъ добра, и у него есть сила характера, необходимая для выполненія того, чего онъ хочетъ. Чего же еще просить намъ у Бога для такого Монарха какъ не того, чтобы наши дорогія упованія на Него, а также его собственныя прекрасныя намѣренія никогда не обманули насъ.

Людей! Людей, способныхъ понять, что счастье Государя,— это счастье отечества, что служить родинѣ значитъ въ тоже время служить и ея Государю, что отдѣлять одно отъ другого,— значитъ измѣнять и тому, и другому. Послѣднія событія²⁴⁾ доказали слишкомъ достаточно, что, чѣмъ уединеннѣе стоитъ Государь во всемогуществѣ своей воли, тѣмъ болѣе зависитъ Онъ отъ тѣхъ, кто исполняетъ его волю. Царствованіе Александра было цар-

ствованіемъ человѣка прекрасной души и гуманнаго характера, который былъ сама гуманность; мы видѣли однако результаты этого.—Горе, если министры самодержавнаго Государя только рабы своихъ выгодъ: тогда они скрываются подъ маской рабской преданности, которая есть не что иное, какъ предательство, они становятся тиранами воли господина, которую извращаютъ, и дѣлаются настоящими революціонерами, которые вооружаютъ противъ него всеобщее недовольство, подводя его одного подъ то осужденіе, которое было вызвано исключительно ихъ корыстолюбивымъ предательствомъ.—И такъ! пусть Господь, коронуя моего Государя, направитъ и вразумитъ Его при выборѣ тѣхъ лицъ, которые будутъ окружать Его священную особу и которые, сдѣлавшись посредниками между Нимъ и Его подданными, станутъ въ силу необходимости Его представителями. Таковы пожеланія, которыя для Него слагаются въ моихъ мысляхъ, какъ преданнаго Ему подданнаго, думающаго о томъ торжественномъ мгновеніи, когда корона Петра Великаго будетъ возложена на Его главу. И здѣсь, изъ преданности Ему, я снова приношу клятву вѣрности, которую уже далъ по чувству долга въ храмѣ. Я былъ свидѣтелемъ — и благодарю за это Бога — его великодушія, и теперь глубоко убѣжденъ, что всякій голосъ, идущій отъ сердца и стоящій за справедливость и прекрасное, всегда будетъ Имъ понятъ и найдетъ откликъ въ Его сердцѣ. Чего не сдѣлаетъ онъ для моей родины при помощи людей способныхъ полюбить и понять его!

Что касается Васъ, Всемилоствѣйшая Государыня, наслаждайтесь Вашимъ прекраснымъ назначеніемъ! Вашъ характеръ созданъ для того, чтобы распространять вокругъ себя счастье и миръ. Наслаждаясь покойно домашнимъ счастьемъ, Вами созданнымъ—счастьемъ, которое облегчитъ Вашему Августѣйшему Супругу Его тяжелые труды и разовьетъ въ сердцахъ Вашихъ дѣтей всѣ человѣческія добродѣтели—Вы вполнѣ выполните Ваше высокое призваніе, и предсказаніе Вашей Матери исполнится.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и искреннѣйшей преданности,

Всемилоствѣйшая Государыня,
Вашею Императорскаго Величества
покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга

Жуковский.

15,27 Юня 1826. Эмсъ.

№ 4.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Эмсъ]

[22 Юля (3 Августа) 1826 года].

Madame!

Pourrai-je dans un pareil jour ne pas exprimer devant Votre Majesté Impériale les sentiments qui remplissent toute mon ame. Je me transporte en imagination à Moscou. J'y vois Votre entree solennelle¹⁾, je vois l'Empereur acceuilli avec amour et enthousiasme, je vois à Vos cotés Votre fils, representant des beaux jours, que Vous apportez à sa patrie — ce tableau enflamme mon coeur et je regrette avec amertume de ne pas pouvoir jouir d'un spectacle dont le souvenir resterait ineffaçable dans l'ame. Toutefois de loin, dans ma pensee, je Vous accompagne de voeux les plus ardents. Que Dieu benisse ce grand moment et que Votre couronnement soit le symbole de la felicité de ma patrie! Le regne de l'Empereur Nicolas doit etre heureux: la Providence est toujours du parti d'une ame pure. Madame, veuillez bien agréer ces voeux d'un coeur qui vous est devoué sans bornes. Il m'est doux de repeter dans un moment comme celui-ci, que tous les instants de ma vie, sans aucune restriction, appartiendront désormais à l'accomplissement du devoir sacré, dont votre auguste confiance m'a chargée.

Je suis encore à Ems mais je le quitte dans deux jours pour me rendre à petites journées à Egra, ou je compte être le 15 Aout nouveau stile. C'est Egra, qui déterminera le sort de ma maladie, et je prendrai la liberté d'écrire à Votre Majesté sur ce qui sera décidé sur mon compte.

J'ai eu le bonheur de voir ici la princesse Guillaume³⁾ et c'est à Votre Majesté que je dois être reconnaissant pour ce bonheur; son Altesse n'est restée ici que quelques heures⁴⁾, mais Elle a bien voulu me faire la grace de m'appeler chez Elle et m'a communiquée les nouvelles, qu'elle a reçu de Votre Majesté le même jour. Elle a lu Votre lettre sur le pont de Mayence et en a jetté l'enveloppe dans le Rhin, en sacrifice reconnaissant au venerable Dieu du fleuve. J'ai été touché profondément de sa bienveillance. Elle est toujours telle que je l'ai vue jadis: belle et bonne, faite pour enflammer la lyre d'un poete et d'enthousiasmer de loyaux chevaliers. Son Altesse le prince Royal⁴⁾ n'est resté à Ems qu'un jour et demi: j'ai eu le bonheur de le voir deux fois⁵⁾ chez Lui et de passer dans sa société une soirée chez la comtesse de Perponcher: Il m'a acquelli avec une bonté si amicale, que le souvenir en restera toujours gravé dans mon ame. Pourtant il m'a paru être triste dans les moments que j'ai passé avec lui: certainement ma vue a reveillé dans son coeur des souvenirs et des regrets; moi même, en le voyant, j'ai pensé à celui, que nous avons perdu. Maintenant Son Altesse Imperiale madame la grande Duchesse Marie⁶⁾ se trouve à Ems. Votre Majesté peut concevoir le sentiment qu'a du produire dans mon ame l'entrevue avec Son Altesse. Je ne m'etendrai pas sur cet objet. Je dirai seulement qu'en la voyant si doucement bienveillante, si tranquillement resignée, on devine avec un profond attendrissement ce qui se passe dans son ame, et on se sent penetré de quelque chose de religieux qui remue l'ame et l'élève⁷⁾. Sa santé parait être ameilleurée. On est persuadé que les eaux d'Ems lui feront un bien décidé.

Madame, je mes aux pieds de Votre Majesté Imperiale les

expressions du profond respect et de l'attachement sans bornes avec les quels j'ai l'honneur d'être

Madame,
de Votre Majesté Imperiale
le tres fidele sujet

Joukoffsky.

Ems 22 Juillet 3 Aout 1826.

№ 4.

Переводъ.

[Эмс].

[22 Юля (3 Августа) 1826 г.].

Всемиловѣйшая Государыня!

Могу ли я не высказать въ такой день передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ тѣхъ чувствъ, которыми переполнена душа моя? Я переносусь мысленно въ Москву, вижу Вашъ торжественный¹⁾ вѣздъ, вижу, съ какою любовью, съ какимъ восторгомъ встрѣчаютъ Императора, рядомъ съ Вами вижу Вашего сына, служащаго залогомъ прекрасныхъ дней, которые Вы даруете его родинѣ.—Эта картина воспламеняетъ мое сердце, и я горько сожалѣю, что не могу наслаждаться зрѣлищемъ, воспоминаніе о которомъ оставило бы неизгладимый слѣдъ въ моей душѣ. Во всякомъ случаѣ издали я мысленно сопровождаю Васъ лучшими пожеланіями. Богъ да благословитъ эту великую минуту, и пусть Ваше коронованіе будетъ символомъ благоденствія моей родины!—Царствованіе Императора Николая должно быть счастливо: Провидѣніе всегда на сторонѣ чловѣка съ чистою душой.

Соблаговолите, Государыня, милостиво принять эти пожеланія сердца, безгранично Вамъ преданнаго. — Въ минуту,

подобную настоящей мнѣ пріятно повторить, что всѣ мгновения моей жизни будутъ отнынѣ всецѣло посвящены выполнению священной обязанности, которую возложило на меня Ваше августѣйшее довѣріе.

Я все еще въ Эмсѣ, но черезъ два дня покину его, чтобы небольшими переѣздами добраться до Эгера, гдѣ я рассчитываю быть 15-го августа новаго стilia.—Въ Эгерѣ будетъ рѣшенъ вопросъ о моей болѣзни; и тогда я возьму на себя смѣлость написать Вашему Величеству о томъ, что будетъ рѣшено относительно меня.

Я имѣлъ счастье видѣть здѣсь супругу принца Вильгельма²⁾ и за это счастье я долженъ быть признателенъ Вашему Величеству. Ея Высочество была здѣсь всего нѣсколько часовъ³⁾, но ей угодно было оказать мнѣ милость, позвавъ меня къ себѣ и сообщивъ мнѣ извѣстія, полученныя ею въ тотъ день отъ Вашего Величества. Она прочла Ваше письмо на майнцкомъ мосту и бросила конвертъ въ Рейнъ, какъ благодарственную жертву почтенному богу рѣки.—Я былъ глубоко тронутъ ея расположеніемъ. Она все та-же, какой я нѣкогда видѣлъ ее: прекрасная и добрая, созданная для вдохновенія лиры поэта и для восторговъ истинныхъ рыцарей. Его Высочество кронпринцъ⁴⁾ пробылъ въ Эмсѣ всего полтора дня. Я имѣлъ счастье видѣть его два раза⁵⁾ у него и провести въ его обществѣ вечеръ у графини Перпонше. Онъ принялъ меня съ такой дружеской добротой, что память объ этомъ навсегда запечатлѣется въ моей душѣ.—Мнѣ однако показалось, что онъ былъ грустенъ въ то время, когда я былъ у него: вѣроятно, видъ мой пробудилъ въ его душѣ воспоминанія и сожалѣнія; я самъ, увидя его, подумалъ о томъ, кого мы лишились. Въ настоящее время въ Эмсѣ живетъ Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія⁶⁾. Ваше Величество поймете, какое чувство вызвало въ моей душѣ свиданіе съ Ея Высочествомъ. Я не буду распространяться объ этомъ. Скажу лишь, что видя ее столь кротко-благосклонной, такъ тихо покорной — угадываешь съ глубокимъ умиленіемъ, что происходитъ въ ея душѣ, ощущаешь, какъ что-то религиозное

охватываетъ душу и поднимаетъ ее⁷).—Здоровье ея повидимому улучшилось. Увѣряютъ, что Эмскія воды принесутъ ей несомнѣнную пользу.—

Всемилютивѣйшая Государыня, повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства глубочайшаго почтенія и безграничной преданности, съ какими имѣю честь быть

Вашего Императорскаго Величества
искреннѣйшимъ вѣрноподаннымъ
Жуковскій.

Эмсь. 22 Юля 8 Августа. 1826.

№ 5¹).

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Франценсбруннъ].

[18/30 Августа 1826 года].

Madame!

Le sacre⁸) de Votre Majesté Imperiale m'impose l'obligation de mettre à Ses pieds mes felicitations les plus respectueuses et les plus sinceres à l'occasion de cette sainte ceremonie. Vous connaissez, Madame, les voeux que je formais dans tous les tems pour Vous, pour le bonheur de notre Auguste et bienaimé Souverain ainsi que de notre chere patrie. Mais aujourd'hui ces voeux penetrent plus que jamais mon ame, pleine de gratitude et de devouement. Puissent-t-ils etre exaucées! Ils doivent l'etre: la pureté du coeur que l'Empereur a porté au temple, qui a vu couronner Ses grands ayeux, Ses belles et magnanimes intentions, Son desir ardent de rendre Ses peuples heureux, attireront sur Sa tete la benediction celeste. Que Dieu soutienne Son courage, qu'il l'aide des lumieres de Sa Grace. La Russie se repose sur son Monarque: elle ne sera point trompée ni dans son amour ni dans ses esperances.

Eloigné de ma patrie dans ces augustes moments et n'en ayant reçu jusqu'ici aucune nouvelle directe, je soulage mon ennui par mon imagination; je lis dans les feuilles publiques ce que me refusent mes amis, qui m'oublient. Dans le dernier N^o du Journal de Francfort j'ai lu une courte description de l'arrivée de Vos enfants à Moscou et j'ai été attendri jusqu'aux larmes par cette lecture. Cette ardeur, que le peuple montre à voir le fils de son Souverain, son arrivée, qui precede celle de son Pere auguste et qui pour notre antique et fidele Moscou est comme un presage des biens qui resulteront du regne de son pere, l'image de cet etre innocent, entouré du bon peuple qui le benit et l'accueille par des acclamations d'amour, son entrée avec Vous dans la capitale — quel moment pour le coeur d'une Mere! tout cela se presente vivement a mon imagination et je regrette amerement de n'avoir pas pu etre temoin de ces scenes de bonheur, qui laisseraient un tresor de souvenir à l'ame.

Je suis seul à Franzensbrunn pres d'Eger; je ne connais ici personne et ne suis occupé, qu'à soigner tristement ma santé delabrée. Je suis ici depuis le 18 Aout nouveau stile et je partirai le 3 ou 4 septembre. Je me rendrai à Dresde, d'ou je compte retourner à Petersbourg par Weimar et Berlin. Mais avant de prendre cette derniere resolution, j'ose entrer sur l'etat de ma santé dans quelques details que je soumetts à l'indulgeante attention de Votre Majesté Imperiale.

Les voici: l'usage des eaux d'Ems m'a restoré interieurement; j'ai presque perdu cette paleur, qui a été la marque la plus sailante de ma maladie; mais il m'est resté une faiblesse dans les jambes telle que tout mouvement, un peu prolongé me fatigue, pas autant qu'à l'epoque de mon depart de Petersbourg, mais encore tres sensiblement. Il y a donc du mieux dans mon etat, mais ce mieux n'est ni complet, ni durable.

Voici ce que m'a dit le Docteur Diel^s), qui m'a traité à Ems et ce que m'ont confirmé tous les medecins consultés plus tard: «toute cure au moyen des eaux minerales a ses trois periodes

qui doivent indispensablement se suivre pour produire une guérison complète. La première période que l'on pourrait appeler préparatoire, est celle du premier usage des eaux, qui alors agissent directement sur la maladie et commencent à la combattre. Mais une seule cure ne suffit pas: il en faut absolument deux; la première commence la guérison, la seconde seule l'achève. Et cela ne suffit pas encore: l'action des eaux, employées pendant la première cure, ne se déclare que quelques mois après; pour que cette action ne soit pas arrêtée dans sa marche, et que rien ne produise une rechute, qui, en détruisant tous les bienfaits de la cure, rendrait l'état du malade beaucoup plus grave et la guérison plus douteuse, le concours de plusieurs circonstances est nécessaire, comme: l'influence d'un climat chaud ou du moins temperé, l'observation d'un régime sévère et l'absence de toute fatigue, tant corporelle qu'intellectuelle. Telle est la seconde période, qui remplit tout l'intervalle entre la première cure et la seconde. Celle-ci forme la troisième période et, devant achever la guérison, est par cela même la plus décisive. Or, pour arriver à ce résultat il faut absolument parcourir toutes les trois périodes: la première cure toute seule serait inutile, la seconde même ne le serait point si l'une n'était appuyée et l'autre préparée par l'influence de tout ce qui est nécessaire dans l'intervalle. Toutes les trois périodes sont donc indispensables et doivent former un tout pour que la guérison soit possible».

Tel est l'arrêt d'Esculape à mon égard. D'abord l'idée de ne pas revenir à mon poste et de retarder de plusieurs mois mes occupations chéries ne pouvait pas entrer dans ma tête, étant trop incompatible avec mes plus ardens desirs: j'étais résolu de retourner, coûte que coûte, à Petersbourg et c'est avec cette résolution que j'ai quitté Ems. Mais pendant mon voyage j'ai réfléchi plus murement sur ma situation et voici le résultat de mes réflexions en faveur duquel je prends la liberté d'invoquer l'attention bienveillante de Votre Majesté Impériale.

Pourquoi ai-je quitté la Russie? Pour me rendre *complète-*

ment une santé, sans laquelle il me serait tout à fait impossible de remplir la tâche éminamment honorable dont je suis chargé. *Retablissement complet!* hors de la point de salut. Un paillatif ne serait bon à rien. Il me ramenerait un peu plus tard au meme point, d'où je suis parti et je redeviendrais de nouveau un être inutile. Mais ce retablissement serait arrêté dans sa marche si je revenais a present a Petersbourg dans la plus mauvaise saison et tout à fait impossible si je ne retournais pas de nouveau à Ems. D'abord *le voyage*. Je ne puis pas me mettre tout de suite en route, après avoir fini à Eger: il faut absolument plusieurs jours de repos; il faudra ensuite s'avancer lentement pour ne pas trop se fatiguer coucher toutes les nuits — ce qui prolongerait extrêmement le voyage et par consequent il tomberait dans la plus mauvaise saison, très dangereuse pour un corp ouvert à toutes les influences de l'atmosphère et précisément à l'époque, ou l'effet des eaux doit ce développer: il faut ajouter les mauvaises routes de cette partie de l'Allemagne que je dois traverser ce qui augmenterait la fatigue et toutes les chances qui peuvent amener une rechute. *Le Retour*. A mon arrivée à Petersbourg je pourrais facilement garder le régime prescrit. Mais l'action du climat sera toujours contraire aux effets de la première cure et les arrêtera dans tout l'intervalle, qui doit s'écouler jusqu'à la seconde. L'étoffe du mal (comme l'expliquent les medecins) après avoir été excitée par les eaux, resterait repandue dans le corp au lieu d'en sortir par les bienfaits d'un climat favorable. Enfin, arrivé à Petersbourg, je dois me remettre tout de suite à mon travail et le poursuivre avec des efforts redoublés, ce qui dans l'état de convalescence ou de demimaladie, ou je me trouverais, pourrait avoir pour moi des suites facheuses. Et il me serait impossible de moderer ces efforts, car je ne pourrais ni ne voudrais être en arriere du chemin que ferait le Grand Duc dans son instruction, d'autant plus que durant tout mon séjour en Allemagne, je n'ai pas pu faire aucun preparatif pour mes leçons, tout travail penible m'ayant été rigoureusement defendu. Ainsi il faudrait redoubler d'efforts, ce

qui avec l'influence pernicieuse du climat me ramenerait probablement au point d'ou je suis parti et rendrait mon voyage tout à fait inutile. Enfin *le second voyage*. Il est indispensable car une seule cure ne suffit pas. Mais je ne pourrais l'entreprendre qu'au mois de Mai; il durerait à peu près un mois; je ne serais à Ems que vers le commencement de Juin; je devrais y rester jusqu'à la moitié de Juillet et ne pourrais me retrouver à Eger qu'à la fin du même mois; apres les trois semaines à Eger et le repos indispensable après la cure, je me mettrais en route au commencement de Septembre, encore une fois dans la mauvaise saison, et je reviendrais à Petersbourg dans le fort de l'automne. Il faut ajouter à cela qu'au lieu d'un voyage j'en devrais faire trois bien penibles dans ma situation; celui du retour present à Petersbourg, celui du nouveau retour à Ems et celui du second retour en Russie. Si au contraire je restais cet hivers en Allemagne, je pourrais me trouver a Ems deja au commencement de Mai, y rester jusqu'à la moitié de Juin, Etre à Eger dans les derniers jours du meme mois, quitter Eger dans la moitié de Juillet, se mettre tout de suite en route pour retourner à Petersbourg et voyager tres commodement, sans craindre les effets du mauvais tems. Je serais alors de retour dans les premiers jours d'Aout nouveau stile et j'aurais au moins un mois de la belle saison pour m'acclimater, ce qui completerait les effets de la double cure, et je pourrai alors compter sur une guerison radicale.

Votre Majesté Imperiale s'etonnera peut etre de ma trop grande sollicitude pour ma pauvre santé. Oui, madame, elle est maintenant pour moi un tresor inappreciable: je la chers comme le principal moyen d'agir avec quelque utilité dans la carriere qui m'est a present ouverte. Je dois la posseder avant tout pour pouvoir etre, selon ma capacité et mon ardeur, ce que je dois etre dans le poste que j'occupe. Si je la perds—je dois dire un adieu eternel à ma plus chere activité et avec elle au bonheur de la vie. Je crois donc qu'il est de mon devoir de faire tout pour la conserver et l'affermir. Il vaut mieux sacrifier à cette conser-

vation quelques mois, au commencement de ma carrière, que de risquer de s'arrêter *au milieu* d'elle et de tout abandonner dans un moment où il serait nécessaire que tout marchât sans interruption et selon un plan uniforme. Je crois donc qu'il m'est indispensable de passer cet hiver hors de la Russie. Les raisons de santé étant détaillées, j'en présente encore à Votre Majesté une qui regarde directement *mon affaire*. Mon séjour en Allemagne durant cet hiver ne serait pas un séjour de repos et d'inaction. Au contraire je me serais voué à une solitude parfaite et me serais occupé sans distraction, sous l'influence d'un climat bienfaisant des préparatifs pour les leçons, qui devront m'occuper à mon retour. D'un côté j'atteindrais le but principal de mon voyage: j'affermirais solidement ma santé par la cure du climat tout aussi nécessaire que celle des eaux; d'un autre côté j'éloignerais de moi les principales entraves qui m'ont rendu jusqu'ici l'accomplissement de mon devoir très difficile, sans pourtant y mettre d'empêchement. Ceci demande explication. Il est connu à Votre Majesté que j'entrepris la direction de l'instruction de Monseigneur sans avoir eu le temps de faire aucun préparatif préalable. À votre dernier départ de la Russie Votre Majesté a bien voulu me charger de m'occuper tout simplement avec le Grand Duc. Ce sont ces occupations mêmes qui m'ont donné l'idée du plan que j'ai développé depuis: à présent l'expérience m'a démontré que ce plan est parfaitement simple et que par cela même il peut être très profitable à notre élève. Mais pour qu'il le soit tout à fait, il est nécessaire que tout repose sur un seul homme et que les autres maîtres ne fassent, que compléter les travaux du principal: sans cela il n'y aurait pas d'unité et d'ensemble. Mais pour que l'instruction s'avance d'un pas ferme, il faut avoir fait, d'après le plan adopté, de grands préparatifs. N'ayant pas eu le temps de les faire d'avance, j'ai dû m'en occuper dans le cours même des leçons qui allaient leur train. Elles n'ont pas été arrêtées jusqu'ici, mais j'ai eu beaucoup de difficultés à combattre, n'ayant pas le loisir nécessaire. À présent notre horizon va s'étendre, il

faudra faire de plus grands preparatifs, et le loisir me manquant toujours les difficultés s'accumuleront nessesairement. C'est de ce coté, Madame, que mon sejour pendant cet hiver en Allemagne, amené par la nessesité de retablir ma santé, pourrait etre d'une vraie utilité à l'acomplissement de mon devoir comme instituteur de Monseigneur. Je devancerais d'une demi année entiere les leçons que je devrai donner à Monseigneur lors de mon retour; j'aurais gagné un avantage immense *pour tout le cours* de l'instruction preparatoire. Je serois toujours en avant et en occupant Monseigneur de ce qui est deja préparé à temps, j'aurais toujours le loisir, pendant les leçons courantes, de preparer commodement et avec plus de solidité les leçons, qui doivent les suivre. Tout cela me donnerait une grande liberté d'agir et en me preservant de cette inquietude d'esprit qui avec d'autres causes a produit ma maladie, faciliterait l'instruction meme, qui alors pourrait proceder plus fermement et sans aucune interruption. Les preparatifs que j'aurais a faire, durant mon sejour de convalescence en Allemagne, sont assez considerables: il s'agit de former des cahiers d'Histoire, de composer les tableaux et les cartes Historiques, les tableaux de genealogie: ce travail, d'après mon plan embrasse et reunit beaucoup d'objets differents, demande beaucoup de lecture, surtout beaucoup de travail mecanique. J'espere achever tout ce qui regarde *l'histoire ancienne* durant les mois de repos qui ne seront pas employés à ma cure. L'ayant une fois achevé j'aurai les mois libres pour tout le reste de la première periode de l'instruction de Monseigneur. Cet avantage est inappreciable. En même tems, etant ici à la portée de tout ce qui peut etre nessesaire à l'instruction, j'en aurais pu faire une collection complete en fait de livres, cartes, plans, gravures etc.

Tels seraient, Madame, les avantages de mon sejours en Allemagne pendant cet hiver: avantages personnels à moi par rapport à ma santé et aussi très réelles pour l'affaire de l'instruction de Monseigneur. Mais il en faut aussi considerer le desavantage: *L'interruption des occupations du Grand Duc*. Il aurait été très grand

et son effet seroit vraiment pernicieux, si je ne pouvais pas être remplacé. Mais je vous supplie, Madame, de réfléchir que cette interruption doit se faire au commencement de la première période de l'instruction, lorsque nous ne sommes qu'à son abc. Les objets dont Monseigneur s'occupe a present ne sont pas encore très considérables; il ne s'agit encore que des premières notions; une partie des préparatifs sont faits, les autres sont faciles à faire; le plan est fixé et nous possédons dans Gilles un homme, qui s'en est déjà emparé, qui est déjà parfaitement entré dans ma méthode et qui est très capable de l'exécuter sur tout dans les objets qui devront occuper le Grand Duc dans mon absence. Le seul mal consiste dans ce que Monseigneur, dans cet intervalle, devra recevoir ses principales leçons en langue étrangère; d'un côté c'est un inconvénient, de l'autre c'est un avantage: il fera de plus grands progrès dans le français et dans l'allemand. Quant à la langue Russe, comme il ne s'agit pas encore de ses *principes*, il n'en pourra pas oublier *l'usage*: et Mörder est toujours là pour recapituler en langue russe ce qui serait enseigné en Français et répété en Allemand. Et à mon retour je ferais moi-même cette recapitulation, ce qui ne prendrait pas beaucoup de tems et nous servirait à nous remettre en marche de front.

C'est sur tout cela que j'ai cru devoir attirer l'attention de Votre Majesté Imperiale. Malgré le chagrin réel que me cause la malheureuse, nécessité de retarder mon retour à Petersbourg, malgré ma répugnance à me soumettre à cette nécessité, j'ai enfin pensé que ce sacrifice m'est indispensable *non pas pour mon intérêt personnel*, mais pour la réussite de la seule affaire qui m'intéresse et exclusivement remplit mon âme. Je le répète: je ne demande au ciel qu'autant de vie et de force, qu'il me faut pour arriver à la fin de cette belle carrière, dans la quelle je suis entré. Tout ce qui est au delà m'est indifférent. J'ose espérer, que Votre Majesté croit à la lettre à la vérité de ce que je dis. Je pense donc remplir un devoir de conscience, en Vous communiquant en détail mes considérations. Daignez, Madame, les

honorer de Votre attention; veuillez bien les communiquer à Sa Majesté l'Empereur. J'attendrai à Dresde Sa decision supreme pour m'y conformer sans aucun delai. Je regrette de n'avoir pas pu adresser cette lettre à mon depart d'Ems, pour savoir plutot les intentions de mon auguste Souverain; mais alors je n'avais qu'une seule idée: celle de retourner à Petersbourg, ce n'est que peu a peu et apres plusieurs consultations que l'idée contraire s'est developpé et s'est affermie dans mon esprit. J'ose vous supplier, Madame, de ne pas tarder à me signifier les ordres de Sa Majesté, pour que, si Elle juge plus convenable que je revienne à Petersbourg, je puisse me mettre sans delai en route et retourne au tems prescrit à mon poste. En attendant, dans la supposition que Votre Majesté daignera approuver les raisons que j'ai enoncées dans cette lettre, je m'occuperai à tracer un plan d'après lequel Gilles pourrait s'occuper avec Son Altesse pendant mon absence pour qu'il n'y aie aucune interruption dans les etudes et pour qu'à mon retour je puisse tout de suite commencer la ou je trouverai arrêté Gilles. Je repete ici de nouveau la tres humble priere que j'ai mis aux pieds de Votre Majesté Imperiale dans ma premiere lettre: c'est que rien ne soit ni changé, ni augmenté, ni retranché dans les etudes de Monseigneur jusqu'à mon arrivée. Le plan une fois adopté doit etre poursuivi strictement; tout changement nuirait aux succes des études.

Je suis avec le plus profond respect et le devouement le plus sincère

Madame
de Votre Majesté Imperiale
le tres fidele sujet

Joukoffsky.

Franzensbrunn pres d'Eger ce 18/30 Aout 1826.

№ 5¹).

Переводъ:

*[Франценсбрунгъ].**[18/30 Августа 1826 года].*

Всемиловѣйшая Государыня!

Коронованіе²) Вашего Императорскаго Величества возлагаетъ на меня обязанность повергнуть къ стопамъ Вашимъ мои почтительнѣйшія и искреннѣйшія поздравленія по поводу этого священнаго обряда. Вамъ, Всемиловѣйшая Государыня, извѣстно, чего я всегда желалъ для Васъ, для счастья нашего августѣйшаго и возлюбленнаго Государя и нашей дорогой родины. Но сегодня эти желанія глубже, чѣмъ когда-либо, проникаютъ въ мою душу, полную благодарности и преданности. Да будутъ они услышаны! Они должны быть услышаны: чистое сердце, съ которымъ Императоръ вошелъ въ храмъ, гдѣ короновались Его великіе предки, Его благородныя и великодушныя намѣренія, Его горячее желаніе осчастливить подвластные Ему народы, все это ниспослетъ на Его главу благословеніе Божіе. Господь да поддержитъ Его мужество, да поможетъ Ему Своей Милостью. Россія уповаешь на своего Монарха: она не обманется ни въ своей любви, ни въ своихъ надеждахъ.

Будучи въ эти священныя минуты вдали отъ родины и до сихъ поръ не получая никакихъ прямыхъ извѣстій, я облегчаю мою печаль воображеніемъ; читаю въ газетахъ о томъ, о чемъ мнѣ не сообщаютъ мои друзья, которые забываютъ меня. Въ послѣднемъ № Journal de Francfort я прочелъ краткое описаніе приѣзда Вашихъ дѣтей въ Москву и былъ до слезъ тронутъ этимъ чтеніемъ. Этотъ энтузіазмъ, проявляемый народомъ при видѣ сына Государя, его приѣздъ, который предшествуетъ приѣзду августѣйшаго Отца и который служитъ для нашей древней и вѣрной Москвы какъ-бы предзнаменованіемъ тѣхъ благъ, которыя будутъ ре-

зультатомъ царствованія его Отца, образъ этого невиннаго созданія, окруженнаго добрымъ народомъ, который его благословляетъ и привѣтствуетъ съ любовью, его въѣздъ съ Вами въ столицу— какія все это минуты для сердца Матери! Все это рисуется живо моему воображенію, и я горько сожалѣю, что не могъ быть свидѣтелемъ этихъ сценъ счастья, которыя оставили бы въ душѣ моей цѣлое сокровище воспоминаній.

Я одинъ во Франценсбруннѣ близъ Эгера; я здѣсь никого не знаю и занятъ только тѣмъ, что печально забочусь о своемъ разстроенномъ здоровьи. Я здѣсь съ 18-го августа новаго стilia и уѣду 3-го или 4-го сентября. Я отправлюсь въ Дрезденъ, откуда надѣюсь вернуться въ Петербургъ черезъ Веймаръ и Берлинъ. Но, прежде чѣмъ принять это послѣднее рѣшеніе, осмѣливаюсь войти относительно состоянія моего здоровья въ нѣкоторыя подробности, которыя и повергаю на милостивое благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Вотъ онѣ: пользованіе водами Эмса укрѣпило меня внутренне; блѣдность, бывшая самымъ выдающимся признакомъ моей болѣзни, почти совсѣмъ исчезла, но осталась такая слабость въ ногахъ, что всякое болѣе или менѣе продолжительное движеніе утомляетъ меня, хотя и не въ такой степени, какъ во время моего отъѣзда изъ Петербурга, но во всякомъ случаѣ еще весьма чувствительно. Итакъ въ состояніи моего здоровья есть улучшеніе, но оно и не полное и не прочное.

Вотъ что сказалъ мнѣ докторъ Диль⁸⁾, лѣчившій меня въ Эмсѣ, и что мнѣ подтвердили всѣ доктора, съ которыми я совѣтовался позднѣе: «всякое лѣченіе минеральными водами состоитъ изъ трехъ періодовъ, которые необходимо должны слѣдовать одинъ за другимъ, чтобы выздоровленіе было полное. Первый періодъ, который можно было бы назвать подготовительнымъ, это періодъ перваго пользованія водами, дѣйствующими тогда непосредственно на болѣзнь и начинающими бороться съ ней. Но одного курса недостаточно: безусловно необходимы два, съ первымъ начинается выздоровленіе и только во второмъ

доканчивается. Но и этого еще недостаточно: дѣйствіе водъ, которыя употреблялись на первомъ курсѣ лѣченія, обнаруживается лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; для того, чтобы это дѣйствіе не остановилось въ своемъ вліяніи и чтобы ничто не могло вызвать возврата болѣзни, который, уничтоживъ всѣ благія слѣдствія лѣченія, сдѣлалъ бы состояніе больного болѣе серьезнымъ, а выздоровленіе болѣе сомнительнымъ, необходимо содѣйствіе еще нѣсколькихъ условій, какъ-то: вліяніе теплаго, или по крайней мѣрѣ болѣе умѣреннаго климата, соблюденіе строгаго образа жизни и отсутствіе всякаго утомленія, какъ физическаго, такъ и нравственнаго. Таковъ второй періодъ, заполняющій весь промежутокъ между первымъ и вторымъ курсомъ лѣченія. Этотъ послѣдній составляетъ третій періодъ, которымъ должно закончиться излѣченіе, а потому это періодъ наиболѣе важный. Но чтобы достичь такого результата, необходимо пройти черезъ всѣ три періода: одинъ первый курсъ лѣченія былъ бы бесполезенъ, второй также, если бы первый не опирался на второй, а этотъ не подготовлялся всѣмъ тѣмъ, что необходимо сдѣлать въ промежуткѣ. И такъ, всѣ три періода необходимы и должны составить одно цѣлое, чтобы выздоровленіе было возможно».

Таковъ относительно меня приговоръ эскулапа. Сначала мысль о томъ, чтобы не возвращаться къ моему посту и отсрочить на нѣсколько мѣсяцевъ мои излюбленныя занятія, не могла придти мнѣ въ голову, такъ какъ была слишкомъ несовмѣстима съ моими самыми страстными желаніями: я рѣшился во что бы то ни стало вернуться въ Петербургъ и съ этимъ рѣшеніемъ уѣхалъ изъ Эмса. Но во время пути я серьезнѣе поразмыслилъ о своемъ состояніи и пришелъ къ слѣдующему выводу, на который и осмѣливаюсь обратить милостивое вниманіе Вашего Императорскаго Величества.

Зачѣмъ уѣхалъ я изъ Россіи? Чтобы *сполнн*ь возстановить здоровье, безъ котораго мнѣ было бы совершенно невозможно исполнить порученное мнѣ, въ высшей степени почетное дѣло.

Выздоровленіе полное! безъ этого нѣтъ спасенія. Палліативъ ни на что бы не годился, нѣсколько позднѣе онъ привелъ бы меня къ той-же точкѣ отправленія, съ которой я началъ, и я снова сталъ бы существомъ бесполезнымъ. Но мое выздоровленіе приостановилось бы, если бы я вернулся въ Петербургъ теперь, въ самое плохое время года, и оно сдѣлалось бы совсѣмъ невозможнымъ, еслибъ я снова не вернулся въ Эмсъ. — Прежде всего *о путешествіи*. Я не могу тотчасъ же отправиться въ путь по окончаніи курса въ Эгеръ: нужно непремѣнно нѣсколько дней отдыха; ѣхать надо будетъ медленно, чтобы не слишкомъ утомляться, ночевать каждую ночь, что чрезвычайно затянуло бы путешествіе, а слѣдовательно оно пришлось бы въ самое дурное время года, очень опасное для тѣла, подверженнаго всѣмъ вліяніямъ атмосферы и именно въ такую пору, когда должно уже проявиться дѣйствіе водъ; прибавьте къ этому плохія дороги въ той части Германіи, которую мнѣ придется проѣзжать, что увеличитъ и усталость и всѣ шансы, которые могутъ повлечь за собой возвратъ болѣзни. *Возвращеніе*: вернувшись въ Петербургъ, я могъ бы легко соблюдать предписанный образъ жизни, но вліяніе климата все же будетъ неблагопріятно дѣйствію перваго лѣченія и даже остановитъ его на все время, которое должно пройти до втораго. Матерія болѣзни, какъ объясняютъ доктора, будучи возбуждена водами, осталась бы въ организмѣ, вмѣсто того, чтобы выйти изъ него отъ благотельнаго вліянія хорошаго климата. Наконецъ, прибывъ въ Петербургъ, я должепъ сейчасъ же приняться за свой трудъ и работать съ удвоенными усиліями, что въ томъ положеніи выздоровленія или полуболѣзни, въ какомъ я находился бы, могло бы имѣть для меня печальныя послѣдствія. И мнѣ было бы невозможно умѣрять эти усилія, ибо я не могъ-бы, да и не захотѣлъ бы отстать на томъ пути, по которому пойдетъ обученіе Великаго Князя, тѣмъ болѣе, что во время моего пребыванія въ Германіи я не могъ подготовиться къ моимъ урокамъ, такъ какъ всякая трудная работа была мнѣ

строго запрещена. Такимъ образомъ нужно было-бы удвоить усилія, что вмѣстѣ съ вреднымъ вліяніемъ климата привело бы меня вѣроятно къ той же точкѣ, съ которой я началъ, и сдѣлало бы мою поѣздку совершенно бесполезной. Наконецъ—*вторая поѣздка*. Она необходима, потому что одного курса лѣченія недостаточно, но предпринять ее я могъ-бы не раньше мая и продолжилась бы она около мѣсяца; я пріѣхалъ бы въ Эмсъ лишь къ началу іюня, долженъ былъ бы остаться тамъ до половины іюля и не могъ бы попасть въ Эгеръ раньше конца того же мѣсяца. Пробывъ три недѣли въ Эгерѣ и отдохнувъ, что необходимо послѣ лѣченія, я тронулся бы въ дорогу въ началѣ сентября, опять таки въ дурное время года, и вернулся бы въ Петербургъ въ глухую осень. Къ этому нужно еще прибавить, что вмѣсто одной поѣздки мнѣ пришлось бы сдѣлать три, очень тяжелыхъ въ моемъ положеніи: первую—возвращеніе въ Петербургъ въ настоящее время; вторичную поѣздку въ Эмсъ и вторичное же возвращеніе въ Россію. — Если же, наоборотъ, я провелъ бы эту зиму въ Германіи, то могъ бы прибыть въ Эмсъ уже въ началѣ мая, прожить тамъ до половины іюня, быть въ Эгерѣ въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца, выѣхать оттуда въ половинѣ іюля, сейчасъ же пуститься въ обратный путь въ Петербургъ и ѣхать совсѣмъ покойно, не боясь вліянія дурной погоды. Въ такомъ случаѣ я вернулся бы въ первыхъ числахъ августа новаго стilia и могъ бы воспользоваться по крайней мѣрѣ мѣсяцемъ прекрасной погодой, чтобы привыкнуть къ климату; это довершило бы вліяніе двойного лѣченія, и я могъ бы тогда разсчитывать на радикальное излѣченіе.

Ваше Императорское Величество удивитесь, быть можетъ, моей слишкомъ большой заботѣ о своемъ здоровьѣ. Да, Ваше Величество, оно стало для меня теперь неоцѣнимымъ сокровищемъ: я дорожу имъ, какъ главнѣйшимъ средствомъ дѣйствовать съ нѣкоторой пользой на томъ поприщѣ, которое въ настоящее время открыто предо мной. — Я долженъ обладать имъ прежде всего для того, чтобы, сообразно съ своими способностями и

усердіемъ, быть тѣмъ, чѣмъ долженъ быть на томъ посту, который занимаю. Если я потеряю его, то долженъ сказать вѣчное прости моей любимѣйшей дѣятельности, а вмѣстѣ съ ней и счастію жизни. И такъ я думаю, что моя прямая обязанность сохранить и укрѣпить его. Лучше пожертвовать для его сохраненія нѣсколькими мѣсяцами въ *началь* моего поприща, чѣмъ рисковать остановиться *по срединѣ* и покинуть все въ такую минуту, когда было бы необходимо, чтобы все шло безъ перерыва и согласно общему плаву. И такъ я думаю, что мнѣ необходимо провести эту зиму внѣ Россіи. — Доводы относительно здоровья изложены очень подробно, я представляю Вашему Величеству еще одинъ, непосредственно касающіеся *моей дѣятельности*. Мое пребываніе въ Германіи въ продолженіе этой зимы не было бы отдыхомъ и бездѣйствіемъ. Напротивъ, я предался бы совершенному уединенію и занялся бы, не отвлекаясь, при вліяніи благодѣтельнаго климата, подготовленіемъ къ урокамъ, которыми буду занятъ по возвращеніи. Съ одной стороны я достигъ бы главной цѣли моей поѣздки: прочно укрѣпилъ бы свое здоровье, лѣчася климатомъ, что столь же необходимо, какъ и лѣченіе водами; съ другой стороны удалилъ бы главныя препятствія, которыя до сихъ поръ очень затрудняли выполненіе моей обязанности, хотя и не мѣшали ему. Это требуетъ объясненія. Вашему Величеству извѣстно, что я принялъ на себя руководство обученіемъ Его Высочества, не имѣя времени для какой-бы то ни было предварительной подготовки. При послѣднемъ отъѣздѣ изъ Россіи Вашему Величеству было угодно поручить мнѣ просто заниматься съ Великимъ Княземъ. Вотъ эти занятія и внушили мнѣ мысль о томъ планѣ, который я съ тѣхъ поръ выработалъ; теперь опытъ доказалъ мнѣ, что планъ этотъ совершенно простъ и, поэтому именно, можетъ быть весьма пригоденъ для нашего ученика. Но, дабы онъ былъ вполне пригоденъ, необходимо, чтобы все было возложено на одного человѣка и чтобы другіе учителя только дополняли труды главнаго: безъ этого не будетъ единства, не будетъ цѣльности. А чтобы занятія шли

ровнымъ шагомъ, нужно, сообразуясь съ одобреннымъ планомъ, имѣть большую подготовку. Не имѣя времени подготовиться заранѣе, я принужденъ былъ заниматься этимъ тогда, когда уроки уже шли своимъ чередомъ. Они не прекращались, но мнѣ пришлось преодолѣть много затрудненій за неимѣніемъ необходимаго свободнаго времени. Теперь нашъ горизонтъ расширится, потребуется ббльшая подготовка, а такъ какъ свободнаго времени будетъ недостаточно, то затрудненія будутъ, по необходимости, накапливаться. — Вотъ именно съ этой стороны, Всемилостивѣйшая Государыня, пребываніе мое въ продолженіи нынѣшней зимы въ Германіи, вызванное необходимостью возстановить здоровье, могло бы быть дѣйствительно полезно для выполненія моей обязанности въ качествѣ наставника Его Высочества. Я приготовилъ бы на цѣлые полгода впередъ уроки, которые буду давать Его Высочеству по возвращеніи; и пріобрѣлъ бы очень много для *всего курса* предварительнаго обученія. Я былъ бы постоянно впереди и, занимая Великаго Князя тѣмъ, что было приготовлено заблаговременно, имѣлъ бы достаточно свободнаго времени въ теченіи уроковъ приготовить спокойно и съ большей основательностью слѣдующіе. Все это дало бы мнѣ большую свободу дѣйствій, предохраняя меня отъ того безпокойнаго состоянія духа, которое вмѣстѣ съ другими причинами вызвало мою болѣзнь; это облегчило бы и самое обученіе, которое пошло бы тогда съ большей увѣренностью и безъ всякихъ перерывовъ. Подготовительныя работы, которыми я занялся бы во время моего пребыванія, въ качествѣ выздоравливающаго, въ Германіи, довольно значительны: надо составить записки по исторіи, историческія картины и карты и генеалогическія таблицы. Эта работа, сообразно съ моимъ планомъ, должна обнять и соединить много различныхъ предметовъ, потребуетъ большихъ чтеній и особенно много механическаго труда. Я надѣюсь окончить все, что относится къ *древней исторіи*, въ продолженіи тѣхъ мѣсяцевъ, которые будутъ употреблены мною на отдыхъ, а не на лѣчение. По-

кончивъ съ этимъ, я посвящу свободные мѣсяцы всему остальному, что имѣеть отношеніе къ первому періоду обученія Его Высочества. Эта выгода неоцѣнима. Въ то-же время, имѣя здѣсь подъ руками все, что необходимо для обученія, я могъ бы составить полную коллекцію книгъ, картъ, плановъ, гравіуръ и т. д.

Таковы, Всемилостивѣйшая Государыня, были бы выгоды моего пребыванія въ Германіи въ продолженіи нынѣшней зимы: личныя выгоды, касающіяся моего здоровья, и не менѣе важныя — для дѣла обученія Его Высочества. Но надо также обратить вниманіе и на невыгодную сторону дѣла: *это — перерывъ въ занятіяхъ Великою Князя*. Эта невыгода могла бы быть очень велика и послѣдствія ея были бы дѣйствительно опасны, если бы нельзя было замѣнить меня. Но прошу Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, принять во вниманіе, что этотъ перерывъ произойдетъ въ самомъ началѣ перваго періода обученія, когда мы еще только что начали, такъ сказать, съ азбуки. Предметы, которыми Его Высочество занимается въ настоящее время, пока еще не такъ существенны, дѣло идетъ о первыхъ понятіяхъ; часть подготовительныхъ работъ уже сдѣлана, остальное не трудно сдѣлать; плавъ выработанъ и, въ лицѣ Жилля, мы имѣемъ человѣка, уже овладѣвшаго имъ, вполне усвоившаго себѣ мою методу и способнаго провести ее, особенно по тѣмъ предметамъ, которыми Великій Князь долженъ заниматься въ мое отсутствіе. Единственное неудобство заключается въ томъ, что въ этотъ промежутокъ времени Его Высочество долженъ будетъ изучать свои главные предметы на иностранныхъ языкахъ; съ одной стороны это имѣеть свои неудобства, но съ другой и преимущества: онъ сдѣлаеть больше успѣховъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Что до русскаго языка, то, такъ какъ пока еще дѣло не касается его *правилъ*, можно быть увѣреннымъ, что онъ не забудеть его *употребленія*, да и Мердеръ всегда можетъ воспроизводить по русски то, что будетъ преподаваться по французски и повторяться по нѣмецки. По

моемъ возвращеніи я самъ повторю все пройденное, что займетъ не много времени и поможетъ намъ идти впередъ.

На все это я считаю своей обязанностью обратить вниманіе Вашего Императорскаго Величества. Несмотря на искреннее огорченіе, которое причиняетъ мнѣ несчастная необходимость отложить мое возвращеніе въ Петербургъ, несмотря на все неудовольствіе подчиниться этой необходимости, я въ концѣ концовъ разсудилъ, что эта жертва неизбежна, не для *моей личной пользы*, но для успѣха единственнаго дѣла, которое меня интересуетъ и одно исключительно наполняетъ мою душу. Повторяю: я прошу у Бога лишь столько жизни и силъ, сколько мнѣ будетъ нужно, чтобы дойти до конца того прекраснаго поприща, на которое я вступилъ. Все, что находится внѣ его, для меня безразлично. Смѣю надѣяться, что Ваше Величество вполне повѣритъ, что все сказанное мною — правда. И такъ я думаю, что исполняю долгъ совѣсти, сообщая Вамъ подробно мои соображенія. Соблаговолите, Всемилостивѣйшая Государыня, почтить ихъ Своимъ вниманіемъ; соблаговолите сообщить ихъ Государю Императору. Я буду ждать въ Дрезденѣ Его Высочайшаго рѣшенія, чтобы сообразоваться съ нимъ безъ всякаго промедленія. Сожалѣю, что не могъ отправить этого письма при моемъ отъѣздѣ изъ Эмса, чтобы скорѣе узнать намѣренія моего Августѣйшаго Государя; но тогда у меня была лишь одна мысль: вернуться въ Петербургъ, и только мало по малу и послѣ многихъ консультацій развилаь и укрѣпилась въ умѣ противоположная мысль. Осмѣливаюсь просить Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, сообщить мнѣ приказанія Его Величества безъ промедленія, дабы, если Онъ найдетъ болѣе удобнымъ мое возвращеніе въ Петербургъ, я могъ немедленно отправиться въ путь и прибыть къ назначенному сроку на свой постъ. Пока, предполагая, что Ваше Величество соблаговолите одобрить доводы, которые я высказалъ въ этомъ письмѣ, я займусь составленіемъ плана, по которому Жилль могъ бы заниматься съ Его Высочествомъ во время моего отсутствія, для того, чтобы не было перерыва въ занятіяхъ и

чтобы по моему возвращеніи я могъ тотчасъ начать съ того, на чемъ остановился Жиль. Снова повторяю здѣсь свою покорнѣйшую просьбу, которую уже повергалъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества въ моемъ первомъ письмѣ: чтобы до моего приѣзда ничто не было ни измѣнено, ни увеличено, ни сокращено въ занятіяхъ Его Высочества. Надо строго держаться разъ принятаго плана; всякая перемена повредитъ успѣхамъ въ занятіяхъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и самой искренней преданности,

Всемиловѣйшая Государыня,
Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподанный Жуковский.

Франценсбруннъ близъ Эгера. 18/30 Августа 1826 г.

1839 годъ.

№ 6.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Гага]

[17/29 Апрѣля 1839 года].

Всемиловѣйшая Государыня.

Нынѣ въ двадцать первый разъ празднуемъ день рожденія нашего милаго Великаго Князя¹⁾: приношу Вашему Императорскому Величеству мое сердечное поздравленіе, какъ одинъ изъ самыхъ старшихъ знакомцевъ его на здѣшнемъ свѣтѣ! Кажется, теперь вижу Императрицу Марію Теодоровну, выходящую съ нимъ на рукахъ изъ той горницы, гдѣ онъ родился, дабы перенести его въ ту, гдѣ онъ провелъ первые дни жизни. И какъ въ это

время торжествовала Москва вдругъ два праздника и общій земной²⁾ и общій русскій³⁾! Чудный день! Одинъ изъ прекраснѣйшихъ въ жизни⁴⁾! и сколько въ немъ заключалось пророческаго, чему еще никакое событіе не измѣнило! Благослови Богъ будущее, какъ благословилъ прошедшее! Благослови Богъ тѣ чувства, которыя теперь наполняютъ сердце нашего двадцатидвухлѣтняго новорожденнаго; пускай изъ нихъ выйдетъ то же для него что вышло для Отца его на всю его жизнь, и что долго будетъ отзываться въ жизни нашего отечества⁵⁾.

Ваше Величество на письмо мое изъ Франкфурта⁶⁾, въ которомъ я съ чувствомъ счастья говорю о Дармштатской встрѣчѣ⁷⁾ отвѣчаете мнѣ черезъ Великаго Князя однимъ словомъ, которое признаюсь укололо мнѣ сердце. Вы полагаете, что я только буду хмуриться и горевать о новомъ неудачномъ путешествіи, при полученіи приказанія ѣхать въ Англію. Правда, мнѣ жаль, очень жаль, что мы пробудемъ въ ней такъ недолго. Но великій князь читалъ мнѣ письмо къ нему Государя и графъ Орловъ⁸⁾ такъ же читалъ свое и смѣю Васъ увѣрить, что я способенъ понимать ту прелесть высокой души, которая въ нихъ выражается. При этомъ чтеніи, мнѣ ничто другое не приходило въ голову, кромѣ Государева характера, столь чисто возвышеннаго въ рѣшительныя минуты. Его не всегда угадаешь, но именно въ тѣхъ случаяхъ, когда удивляешься его поступку, этотъ поступокъ кажется столь простымъ и естественнымъ, что самому непонятно, какъ могъ его не предвидѣть. Смѣю увѣрить Ваше Величество, что я никому не уступлю въ живости чувства, производимаго Царскими качествами нашего Государя. — Мы были въ Сардамѣ⁹⁾. При взглядѣ на лачужку гдѣ жилъ Петръ великій, слезы полились изъ глазъ моихъ и мнѣ въ эту минуту стало понятно, почему между чувствами, проходящими по душѣ человѣческой, одно изъ самыхъ сладкихъ есть благодарность Государю *за отечество*; оно именно потому такъ сладко, что оно совершенно безкорыстное: благодарить не за себя а за *всѣхъ*, не за одно благотворное дѣло, а за пожертвованіе *цѣлой жизни* святому долгу и радуешься

тому, что находишь себя способнымъ чувствовать такого рода благодарность. Петра великаго давно нѣтъ и его Сардамскій домикъ чуть держится, но это мѣсто для Русскаго имѣетъ очарованіе невыразимое

Работникомъ простымъ ¹⁰⁾

Въ сардамской хижинѣ великой Царь тайлся,
И, плотничая тамъ, владыкой быть учился.
Тамъ мыслию его корабль застроенъ тотъ ¹¹⁾—
На коемъ по волнамъ временъ и поколѣній,
Неизмѣняемый ¹²⁾ среди бурныхъ измѣненій,
Имъ созданный народъ
Указаннымъ путемъ плыветъ подъ флагомъ славы ¹³⁾
Корабль великія Россійскія державы.

и повѣрите мнѣ, что въ этой избушкѣ, гдѣ я провелъ *одинъ* незабвенные полчаса (ибо пришелъ туда прежде великаго князя ¹⁴⁾) думая о Петрѣ я живо вспомнилъ Государя, о которомъ вообще какъ то чаще думается здѣсь, гдѣ такъ много слѣдовъ могучаго Сардамскаго плотника.

Не смѣя беспокоить Его Величество особеннымъ письмомъ, беру смѣлость просить Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, передать Ему мое усердное поздравленіе съ нынѣшнимъ днемъ.

Завтра мы покидаемъ Гагу и черезъ двое сутокъ будемъ уже въ той огромной безднѣ, которая называется — Лондонъ ¹⁵⁾.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный

В. Жуковский.

Гага 17/29 Апрѣля 1839.

1840 годъ.

№ 7.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Дармштадтъ].

[23 Апрѣля, 1840 года].

Вчера былъ день истинно счастливый. Рано по утру явился Будбергъ ¹⁾ и принесъ святое благословеніе тому счастью ²⁾ которое за годъ передъ симъ мы здѣсь такъ неожиданно встрѣтили. Такое благословеніе должно его упрочить. Чтобы мнѣ самому вполне понять, усилить и освятить то чувство, которое теперь наполняетъ мое сердце, надобно было мнѣ прочитавъ тѣ письма, которые Государь и Ваше Величество написали къ великому князю. Въ нихъ выражено *все*, что только можетъ высокая, нѣжная, чистая душа, на высшемъ мѣстѣ здѣшняго свѣта, чувствовать въ лучшую, блаженнѣйшую свою минуту. Дай Богъ, чтобы эти письма были предисловіемъ къ начинающейся семейной жизни милаго нашего жениха: изъ нея прекрасно выльется и его жизнь государственная. Я наконецъ поздравилъ вслухъ нашу прелестную невѣсту. Прежде, я уже, одинъ разъ подошедши къ ней, сказалъ: *Faut il faire semblant de rien, madame, et ne vous dire rien de clair?* Она вспыхнула и ея глаза—необыкновенно выразительные, полные чувства и тонкаго, зоркаго ума—потемнѣли. Я прибавилъ: *sans vous dire rien, j'espere que vous comprenez le sentiment qui doit me remplir en ce moment.* Отвѣта не было, но въ самомъ ея молчаливомъ замѣшательствѣ было что то значительное. Вчера наконецъ я поздравилъ ее яснымъ словомъ. Я сказалъ ей между прочимъ: *quelle lettre le grand Duc a reçu de son Pere un jour vous la lirez dans l'original.* Въ этой послѣдней фразѣ, какъ Ваше Величество замѣтите, выразился и теперешній учитель ея русскаго языка ³⁾. Мнѣ усладительна мысль быть первымъ близкимъ русскимъ знакомцемъ ея;

эта судьба досталась мнѣ и при Васѣ и дай Богъ, чтобы я здѣсь нашелъ на вѣчную память сердце то же, что въ первомъ столь счастливомъ для меня знакомствѣ. Мое дѣло будетъ состоять не въ одномъ приготовленіи ея къ русской грамотѣ, но и въ приготовленіи къ тому чтобы понять нашу Русь въ *оригиналь* какъ несравненное письмо Отца Россіи къ своему наслѣднику въ рѣшительную минуту его жизни. И *вчера* ⁴⁾ она мнѣ такъ же понравилась какъ въ другіе дни. Эта *dignité — qui n'est ni roideur ni secheresse, mais simplement une noble nature* неизмѣнилась ни на минуту; глаза ея были темнѣе обыкновеннаго, молодыя щеки живѣе, но во всемъ прочемъ совершенное спокойствіе: это качество царское. Завтра или послѣ завтра ⁵⁾ надѣюсь начать съ нею свои занятія; буду стараться не наскучить; но дѣло довольно затруднительное и скучное *само по себѣ*. Она однако, какъ всѣ увѣряютъ любить занятіе, несмотря на свою молодость. Великое счастье по моему мнѣнію, что она встрѣтится съ Вашимъ Величествомъ до приѣзда своего въ Россію: переходъ изъ одного положенія въ другое, столь трудное, будетъ для нея нечувствителенъ. Вообще, сколько могу судить по одному поверхностному взгляду, ея характеръ твердый; она властна сдѣлать изъ себя все что *должно*. Прекрасное же всему основаніе дала сама добрая природа наградивъ ее прекраснымъ сердцемъ, котораго никакая воля создать не можетъ. Но главнымъ правиломъ въ обращеніи съ нею, какъ мнѣ кажется, должна быть спокойная, терпѣливая, кроткая къ ней довѣренность. Эту молодую, свѣтлую душу, такъ самобытно и чисто развивающуюся, надобно предоставить ей самой, надобно дѣйствовать на нее безъ принужденія, одною полною къ ней вѣрою, одною дружескою къ ней привязанностію и ожидать спокойно того, что изъ нея выйдетъ; она этого ожиданія не обманетъ; и сдѣлается *всѣмъ чѣмъ должна быть*, и безъ всякаго, иногда труднаго, перелома, безъ всякой утраты своей самобытности, приметъ то направленіе, тѣ привычки, кои необходимо ей принять на томъ мѣстѣ, которое теперь указало ей провидѣніе.

Но я долженъ кончить. Курьеръ сію минуту отправляется. Счастіе увидѣть Ваше Императорское Величество радуеть всѣхъ насъ несказанно⁶).

Вашего Императорскаго Величества

Вѣрноподанный

Жуковскій.

Дармштатъ, Апрѣль 28, 1840 г.

№ 8.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Дармштадтъ].

[1/13 Мая 1840 года].

Имѣю счастіе извѣстить Ваше Императорское Величество, что въ прошедшую среду, 24 апрѣля, я началъ свои занятія съ Ея Высочествомъ Принцессою Маріею¹). Этотъ первый урокъ не могъ быть покоенъ, ибо вмѣсто одного учителя, было ихъ два и изъ этихъ двухъ одинъ женихъ²): легко вообразить каковъ былъ порядокъ лекціи. Однако началось очень мило и весело. Я невольно вспомнилъ то что было за двадцать три года передъ этимъ³): мое явленіе къ Вашему Величеству въ губернскомъ мундирѣ и въ пудрѣ; это происходило въ Аничковскомъ дворцѣ; при нашей первой лекціи присутствовала съ своей добродушною важностію графиня Ливенъ⁴); было что то принужденное. Но эта принужденность исчезла передъ веселою, свѣтлою душою моею ученицы, которая своимъ характеромъ отвѣчала моему идеалу. Этотъ идеалъ не исчезъ; прошли годы; тогдашняя свѣтлая душа, съ которою въ то время такъ было мнѣ сладко встрѣтится, такъ же свѣтла и теперь; вся ея молодость сохранилась; годы не на-

вели на нее ни одной морщины. Благодарю за это мою судьбу, которая въ нашей Русской Императрицѣ (видимой другими изъ отдаленія, слѣдовательно не всегда въ настоящемъ свѣтѣ) дала мнѣ найти то, что на свѣтѣ встрѣчается такъ рѣдко, что украшаетъ жизнь, что бережетъ поэзію жизни. И вотъ теперь на старости лѣтъ, я какъ будто опять очутился на прежнемъ мѣстѣ; и передо мною опять милое, чистое созданіе, копечно иного рода, но не менѣе привлекательное для моей не совсѣмъ еще устарѣлой души. Я сообщилъ, при началѣ нашей лекціи, свое воспоминаніе великому князю, замѣтивъ однако, что въ то время онъ не могъ присутствовать при пей какъ теперь и что тогда мнѣ и въ мысли не могло придти, чтобы этотъ случай могъ *такимъ образомъ* повториться въ моей жизни. Этотъ первый часъ нашихъ занятій прошелъ очень весело и разомъ сблизилъ меня съ моею ученицею. Но въ заключеніе его я попросилъ великаго князя, чтобы онъ, для соблюденія строгаго порядка въ нашемъ ученіи, одинъ разъ на всегда избавилъ насъ отъ своего нѣсколько неугомоннаго присутствія, на что онъ и благоволилъ смиренно согласиться; и теперь часы, опредѣленные для моихъ лекцій, посвящаетъ онъ или верховой ѣздѣ или охотѣ; что весьма выгодно для моей грамматики. Не могу выразить Вашему Величеству, какъ была для меня трогательна смиренная покорность моей ученицы ея новому, скучному долгу. Надобно признаться, что ей предстоитъ тяжелый трудъ: языкъ совершенно непохожій ни на одинъ ей знакомый, ни слухъ не привыкъ къ звукамъ, ни глаза къ чтенію, ни языкъ къ выговору; прежде нежели можно ожидать какого нибудь успѣху, надобно чтобы время произвело эти три привычки; а какъ пріобрѣсти ихъ, занимаясь одишь только часъ въ день⁵⁾? Не смотря на эту скучную трудность, она рѣшительно принялась за дѣло. И даромъ что сердце и мысли ея были полны другимъ, она была такъ искренно внимательна, съ такимъ умнымъ любопытствомъ входила во все, что послѣ нашего занятія осталось во мнѣ не одно удовольствіе, но и благодарность. Это чистая, младенческая натура при умѣ дѣльнымъ и важнымъ,

при характерѣ твердомъ; я не замѣтилъ въ ней тѣни неистиннаго; она непритворно весела, добросердечна и ни мало не легкомысленна. Правда, ей еще надобно пріобрѣтать; но основаніе прекрасное; дай Богъ чтобы привычки, коими довершится ея естественный характеръ, соотвѣтствовали этому прекрасному основанію и чтобы эти привычки пріобрела она безъ всякаго насилія и съ полнымъ сохраненіемъ своей самобытности. Но матерьяльное Ваше сердце и Вашъ рѣдко здравый умъ будутъ лучшими охранителями этого сокровища: лучшія средства для того любовь и прямодушная довѣренность; никто не владѣетъ ими такъ какъ Вы.—Первый день моихъ занятій былъ для меня вполне днемъ воспоминанія. Поутру я въ воображеніи посѣтилъ Аничковскій дворецъ⁶⁾; а вечеръ возобновилъ въ моей памяти мою первую жизнь Берлинскую⁷⁾. Давали Спонтиніеву оперу Нурмагалъ⁸⁾. Я не зналъ этой музыки прежде. Когда-жъ я услышалъ ее, то Дармштатъ пропалъ изъ глазъ моихъ и я очутился на праздникѣ Лалла Рукъ⁹⁾. Это прекрасное тогдашнее видѣніе такъ живо пролетѣло передъ моею памятью, что какъ будто сама молодость en personne навѣстила меня;

Und manche liebe Schatten standen auf¹⁰⁾.

Странное, непонятное очарованіе въ звукахъ: они не имѣютъ ничего существеннаго, но въ нихъ живетъ и воскресаетъ прошедшее. Я не думалъ никого произвольно вспоминать; но вслѣдъ за этою картиною праздника, именно тѣ, которыя тогда были и которыхъ теперь нѣтъ, какъ будто сами слетѣлись со всѣхъ сторонъ на поминки и тѣнями мимо меня провѣяли. Наша идеальная пери¹¹⁾ съ своимъ прекраснымъ ангеломъ¹²⁾, ея несравненная мать, наша добрая Клейстъ¹³⁾, меня тогда усыновившая, наша Вильдерметъ¹⁴⁾ которую никогда мое сердце не забудетъ, и многіе, многіе другіе и вслѣдъ за ними моя Александрина Воейкова которой я тогда описалъ этотъ праздникъ, которая тогда была во всемъ цвѣтѣ жизни, а теперь въ далекой могилѣ, подъ небомъ Италіи¹⁵⁾ свѣтлымъ какъ была она сама. Очнувшись отъ этого

видѣнія, мнѣ показалось, что другой міръ поднялся около меня; онъ мнѣ не чуждъ, и я ему не чужой, но онъ какъ будто не имѣеть будущаго; глаза болѣе оборачиваются назадъ; а то что впереди, какъ будто стоитъ уже за границею жизни, какъ будто задернуто занавѣсомъ. Поэзія не измѣнила, но она перемѣнила одежду. Она не обманъ; напротивъ она верховная правда жизни; но въ первыя, свѣжія лѣта она сливается со всѣмъ, что насъ окружаетъ. Позже она становится съ одной стороны воспоминаемъ съ другой вѣрою; въ промежуткѣ же между этими двумя образами, опустѣвшая сцена жизни; видишь вблизи декораціи, кулисы, машины и веревки. Хотя прежней картины нѣтъ, но ея дѣйствіе все было истинное. А въ жизни вѣрно только одно прошедшее ибо оно неизмѣнно; вѣрное же будущее принадлежитъ къ другому разряду.—Коснувшись до этого будущаго, я однако долженъ вспомнить и о моемъ здѣшнемъ, матеріальномъ будущемъ. При отъѣздѣ своемъ я представилъ Вашему Величеству то письмо, которое было мною написано Великому Князю¹⁶⁾. Если Вы прочитали его, то знаете теперь совершенно, въ чемъ состоитъ моя главная забота. Собственно *для меня* не будетъ никакой потери если воздушный замокъ¹⁷⁾ въ этомъ письмѣ описанный останется не построеннымъ; но драгоценнѣйшая, хотя посторонняя цѣль моя останется недостигнутою. Было бы самымъ желаннымъ счастіемъ на весь остатокъ моей жизни, если бы я могъ, доживая его, говорить себѣ: всѣмъ что есть у меня добраго обязанъ я заботливому, произвольному благотворенію тѣхъ, къ кому было привязано сердце.—Это письмо будетъ послѣднимъ къ Вашему Величеству изъ заграницы; скоро будемъ имѣть счастье Васъ самихъ увидѣть; это ожиданіе всѣхъ насъ радуетъ несказанно.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный В. Жуковскій.

Дармштатъ, 1/13 мая, 1840.

№ 9.⁸⁾

Императору Николаю Павловичу.

[Эмсь].

[9/21 Июня 1840 г.]

Всемиловѣйшій Государь!

Наступила для меня минута, въ которую я долженъ прибѣгнуть къ Вамъ, какъ къ отцу и предать въ Вашу волю все свое счастье. Если Вы захотите, что бы оно было, — то оно будетъ. Но могу ли смѣть и имѣю ли право надѣяться, чтобы Вы удостоили обратить на него вполнѣ Вашу милостивую заботливость?

Государь, я хочу испытать семейнаго счастья, хочу кончить свою одинокую, никому неприсвоенную жизнь. Я уже отказался было отъ всякой подобной надежды, которая теперь въ мои лѣта можетъ показаться безразсудностию, но обстоятельства меня рѣшившія похожи на опредѣленіе свыше. Миѣ кажется, что я нашелъ себѣ товарища надежнаго, который можетъ оживить и осчастливить мои остальные годы. Правда, та, которую я выбралъ, по своимъ лѣтамъ, могла бы быть моею дочерью, но по своему образованію, по своему характеру она способна довольствоваться просто семейнымъ счастьемъ, основаннымъ на согласіи мыслей и чувствъ и на взаимномъ сердечномъ уваженіи, не смотря на разность лѣтъ. Могу быть, увѣреннымъ, что съ нею найду это счастье, и что оно будетъ постоянно, если самъ его не разрушу, на что буду просить помощи свыше.

Но я не здѣлалъ ни одного шагу для того, чтобы узнать положительно, согласится ли она дать миѣ руку; я даже не позволилъ себѣ ничего такого, чтобы могло обнаружить мое намѣреніе; ибо не имѣю на то права, не получивъ напередъ полнаго убѣжденія, что вмѣстѣ съ своею рукою дамъ женѣ своей и безнужную жизнь, убѣжденія, безъ котораго семейное счастье для

меня несбыточно. Въ молодыхъ лѣтахъ можно еще ввѣряться будущему и надѣяться собственною дѣятельностію устроить благоденствіе семьи своей. Съ моими лѣтами такая отважная надежда не совмѣстна и окруживъ себя семьею я долженъ знать навѣрное есть ли у нее кусокъ хлѣба нынѣ, и будетъ ли она имѣть его завтра. Но эти же самые лѣта не позволяютъ мнѣ болѣе откладывать: если теперь не схвачу того, что провидѣніе представляетъ мнѣ, то завтра будетъ поздно и завтра уже надобно будетъ навсегда сказать себѣ, что собственное семейное счастье не должно быть здѣшнимъ моимъ удѣломъ.

Вы одни, Государь, можете рѣшить мою участь и въ Вашу руку, какъ въ руку провидѣнія, предаю ее. Почти за годъ передъ симъ, по возвращеніи нашемъ изъ заграницы было написано мною къ Государю Наслѣднику письмо⁹⁾ довольно подробное о собственныхъ моихъ обстоятельствахъ; это письмо находится теперь въ рукахъ Государыни Императрицы, которой я осмѣлился передать его какъ завѣщаніе, при послѣднемъ нашемъ отъѣздѣ изъ Россіи: въ немъ я позволилъ себѣ изложить надежды свои на Вашу Царскую милость и представить средство устроить мое будущее на прочномъ основаніи. Позвольте ли всемилостивѣйшій Государь, повергнуть это письмо къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества?

Но я долженъ прибавить, что обстоятельства, въ которыхъ было написано это письмо, были совсѣмъ не тѣ въ какихъ я нахожусь теперь; тогда совсѣмъ иная цѣль была передъ глазами моими. Теперь надлежитъ рѣшить долженъ ли произойти совершенный переворотъ въ моей жизни и рѣшить не откладывая, дабы послѣ не обвинять себя и не разкаяваться горько. Это побуждаетъ меня войти въ слѣдующія необходимыя объясненія: Первымъ и необходимымъ условіемъ моей семейной жизни должна быть и совершенная перемѣна въ ея образѣ. На первыхъ порахъ мнѣ невозможно будетъ остаться въ Петербургѣ: это лишитъ меня средства устроиться такъ какъ должно; во-первыхъ не буду имѣть на то способовъ матеріальныхъ, ибо надобно будетъ

всѣмъ заводиться съ начала, что введеть въ величайшія издержки и долги неоплатные; во-вторыхъ надобно будетъ вести образъ жизни, который съ достаткомъ моимъ не будетъ совмѣстенъ, возпрепятствуетъ устроить тотъ быть семейный, въ которомъ я полагаю свое счастье и наконецъ будетъ въ совершенномъ противрѣчїи со всѣми привычками жены моей, которая созрѣла въ уединенїи и не можетъ (по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ) занять никакого мѣста въ томъ кругѣ, къ которому я принадлежу въ теперешнемъ моемъ положенїи.

Но будетъ ли это согласно съ волею Вашего Императорскаго Величества? Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ Вамъ, принимая съ глубочайшею благодарностію Ваше повелѣніе заняться надзоромъ за ученїемъ ихъ Высочествъ Великихъ Князей³⁾, я осмѣлился всеподданнѣйше замѣтить, что не почитаю себя для сего дѣла необходимымъ: хорошее начало для него уже положено (въ чемъ по Волѣ Вашего Величества и я принялъ участіе) и все идетъ надлежащимъ порядкомъ, ибо наблюденїе за ученїемъ поручено людямъ надежнымъ, которые исполняютъ его какъ должно подъ непосредственнымъ надзоромъ своихъ начальниковъ. Главное же дѣло мое, то есть надзоръ за ученїемъ Наслѣдника, уже съ нѣ котораго времени совершенно кончено; Богъ дозволилъ дойти съ нимъ неразлучно до той эпохи, которая такъ рѣшительна въ его жизни⁴⁾ — этого счастья для меня слишкомъ достаточно на всѣ мои остальные годы. Касательно же преподаванїя русскаго языка Ея Высочеству Принцессѣ Марїи⁵⁾, то я полагалъ, что мое назначенїе къ ея особѣ относится только къ одному началу преподаванїя; я самъ желалъ этого счастья, ибо для меня было дорого однимъ изъ первыхъ русскихъ приблизиться къ невѣстѣ моего несравненнаго великаго князя, котораго я же изъ первыхъ встрѣтилъ у его колыбели. Касательно же *полнаго* преподаванїя русскаго языка которое должно продолжаться годы, я, приступая къ своему настоящему временному дѣлу, предупредилъ Государыню Императрицу что буду ходатайствовать у Вашего Величества о позволенїи представить на мое мѣсто человѣка, который могъ бы

заняться своею должностію съ надлежащимъ умѣніемъ и соединилъ съ нимъ надежный нравственный характеръ. Но новторяю, все это будетъ ли согласно съ волей Вашего Императорскаго Величества? Хотя и смѣю думать, что вы съ вашимъ рѣдко милостивымъ сердцемъ и не останетесь равнодушнымъ къ судьбѣ моей, но можетъ быть Вамъ въ то же время будетъ угодно повелѣть, чтобы я не покидалъ занимаемаго мною мѣста. Въ такомъ случаѣ мнѣ останется безпрекословно повиноваться вашей Волѣ и навсегда отказаться отъ того, въ чемъ теперь мнѣ видится мое счастье, къ которому бросаюсь не какъ молодой человѣкъ, увлекаемый страстію, въ мои лѣта смѣшною, а съ полнымъ убѣжденіемъ, что оно возможно, если только исполнятся тѣ условія, которыя для основанія его необходимы.

Если Богу угодно будетъ благословить мое желаніе, если Ваше Величество благоволите подтвердить его Вашимъ соизволеніемъ и не откажете мнѣ въ отеческомъ участіи, то я позволю себѣ сдѣлать рѣшительный шагъ. Удастся ли онъ, получу ли согласіе, не знаю, хотя и имѣю нѣкоторыя причины думать, что отказа не будетъ⁶). Приступить же ни къ чему я до сихъ поръ не могъ, ибо надлежало напередъ узнать Вашу волю, узнать что Вамъ благоугодно будетъ рѣшить со мною. Если все устроится по моему желанію, то буду просить у Вашего Величества сдѣлать мнѣ милость позволить, чтобы я по отъѣздѣ отъ сюда Ея Высочества Принцессы Маріи (съ которою буду заниматься во всѣ тѣ минуты, кои она будетъ имѣть свободными) остался на мѣсяцъ здѣсь: въ это время я все для себя устрою. Потомъ, возвратясь въ Россію, всю зиму и осень и начало весны употреблю на занятія съ принцессою и на окончательное приведеніе въ порядокъ того, что будетъ нужно для преподаванія наукъ ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ. Послѣ того уже буду просить благословенія у Васъ, у Государыни и у Великаго Князя на новую жизнь, того благословенія, которымъ такъ освящена и осчастливлена была моя прежняя.

Въ заключеніе письма моего я долженъ назвать свою (мо-

жетъ быть) невѣсту: это старшая дочь Рейтерна⁷⁾; если она захочетъ подать мнѣ руку, то она будетъ мнѣ вмѣсто ангела спутника жизни. Но называя ее, осмѣливаюсь просить Васъ Всемилостивѣйшій Государь, сохранить мое, сдѣланное Вамъ признаніе въ тайнѣ, ибо я еще не имѣю права произносить имени той, которую выбралъ одною только надеждою, которая и не подозрѣваетъ моего выбора и можетъ еще его не одобрить. Само по себѣ разумѣется, что сказанное Вашему Величеству не должно остаться тайною ни для Государыни Императрицы, моего постоянного ангела покровителя, ни для Великаго Князя, которому первому принадлежитъ всякое участіе въ судьбѣ моей. Но и отъ нихъ прошу тайны до тѣхъ поръ, пока мнѣ самому позволено будетъ обо всемъ сказать вслухъ, если только сбудется моя надежда⁸⁾.

Государь, неоткажите мнѣ въ Вашемъ святомъ отеческомъ благословеніи.

Жуковскій.

9/21 іюня 1840.
Эмсь.

№ 10. •

Императору Николаю Павловичу.

[Эмсь]

[Начало Іюля 1840 г.].

Всемилостивѣйшій Государь!

Отъѣзжая изъ Эмса въ самую рѣшительную для меня минуту, Ваше Величество благоволили позволить мнѣ объяснить Вамъ то, что осталось неяснымъ, въ письмѣ мною Вамъ представленномъ и чего, за краткостію времени, я не могъ досказать словесно¹⁾. Повергаю къ стопамъ Вашимъ всѣ мои надежды съ

невольнымъ трепетомъ но болѣе съ упованіемъ, ибо Вы теперь для меня видимый представитель Провидѣнія: одно Ваше слово рѣшитъ мою участь на весь остатокъ моей жизни. Прошу Ваше Величество великодушно простить меня, что осмѣливаюсь обременять вниманіе Ваше столь многими подробностями; почитаю необходимымъ высказать Вамъ все, какъ есть, въ смѣлой надеждѣ, что Вы, по благодати своей, не откажетесь истратить одинъ часъ на прочтеніе длиннаго письма моего: въ этомъ одномъ часѣ вашемъ заключается теперь все мое будущее. Чувствую, сколь затруднительно мнѣ ходатайствовать за самаго себя; но въ моемъ положеніи я долженъ прибѣгнуть къ Вамъ, какъ къ отцу; и знаю что самая вѣрная дорога къ Вамъ есть прямая.

Сущность дѣла уже Вашему Величеству извѣстна; но я долженъ здѣсь повторить, что я не могу навѣрное ручаться, буду ли имѣть успѣхъ въ своемъ исканіи: я имѣю одно согласіе родителей, но не знаю получу ли его отъ дочери, которой не имѣю права сдѣлать никакого предложенія, не узнавъ напередъ въ чемъ будетъ состоять Ваша воля и не устроивъ самымъ яснымъ образомъ моего будущаго, которое теперь все въ рукѣ Вашей. Если буду такъ счастливъ, что Вы, Государь, — соизволите обратить милостивый взглядъ на мою просьбу и ее не отринете, то позволю себѣ дѣйствовать открыто; но и въ такомъ случаѣ не могу напередъ поручиться за успѣхъ, хотя и имѣю нѣкоторый поводъ его надеяться.

Государь, чтобы имѣть какое-нибудь счастье въ семьѣ своей, самое необходимое для того условіе, есть убѣжденіе, что она имѣетъ вѣрный кусокъ хлѣба на *мыслимый день* и будетъ его вѣрно имѣть *на будущее время*. Этого убѣжденія я *теперь* не имѣю.

Вотъ теперешнее мое состояніе³⁾:

1. По мѣсту моему при Государѣ Наслѣдникѣ получаю жалованья:
Отъ Вашего Императорскаго Величества . . . 4000

Отъ Государя Наслѣдника	2000
2. Продолжаю пользоваться жалованьемъ, прежде назначеннымъ мнѣ отъ Государыни Императрицы, которое составляетъ	4000
3. Сверхъ того имѣю квартиру, столъ и экипажъ, на которые мнѣ выдается деньгами:	
На квартиру	5000
На столъ	9000
На экипажъ	4000
	<hr/>
Весь мой окладъ	28,000

Кромѣ того:

Мнѣ пожалована аренда на двадцать пять лѣтъ и по смерти въ 3000 серебромъ, что составляетъ ежегоднаго дохода 10,500

Имѣю въ Лифляндіи помѣстье.

Покойный Государь Александръ Павловичъ пожаловалъ мнѣ пенсіонъ въ 4000

Моего *годоваго оклада* слишкомъ достаточно для меня *одинокаго*, но онъ есть мое личное достояніе, временное, соединенное съ моею жизнію; достояніемъ семьи моей онъ быть не можетъ. Что же касается до другихъ доходовъ моихъ, то я долженъ здѣсь замѣтить, что доходомъ отъ аренды своей я не пользуюсь: я продалъ ее на 12 лѣтъ (въ 1839 году) и полученные деньги употребилъ на то, чтобы обезпечить состояніе сиротъ Воейковыхъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ теперь капиталъ въ 40,000 рублей; слѣдственно этотъ источникъ дохода въ продолженіе цѣлыхъ девяти лѣтъ для меня не существуетъ. Лифляндское же мое имѣніе³⁾ такъ же теперь не даетъ мнѣ никакого дохода. Оно могло бы быть прекраснымъ со временемъ; но теперь совершенно разорено отъ долгаго неприсмотра; сверхъ того оно заложено въ Лифляндскую кредитную систему и весь доходъ съ

него (въ теперешнемъ его разстроенномъ положеніи) идетъ на уплату процентовъ, за коею не только не остается ничего, но въ послѣднее время, я долженъ былъ еще употребить собственные деньги, чтобы помочь имѣнію, приходящему безпрестанно въ упадокъ. При имѣніи есть каменный домъ, который могъ бы быть весьма удобенъ для житія, но въ немъ цѣлы однѣ только стѣны; все остальное въ развалинахъ; на перестройку его нужна значительная сумма.

Изъ всего вышесказаннаго Ваше Величество изволите усмотрѣть, что, пользуясь однимъ только годовымъ окладомъ, я долженъ вдругъ начать новую жизнь, заводить домъ, такъ сказать съ фундамента, закупать все, что въ немъ нужно отъ плошки до экипажа и все это долженъ завести разомъ (если не перемѣню образа жизни) и уже не для одного себя. Прибавлю къ этому еще и то, что не могу и подумать о томъ, чтобы жена моя принесла мнѣ какое-нибудь приданое: ея честный отецъ не имѣетъ на то никакого средства; это приданое я долженъ буду сдѣлать отъ себя, что будетъ для меня истиннымъ счастьемъ, ибо въ замѣну получу въ женѣ своей величайшее богатство: она воспитана въ привычкахъ къ умѣренности, знаетъ порядокъ жизни домашней, будетъ умѣть довольствоваться малымъ и изъ малаго сдѣлаетъ большое. Но въ настоящихъ своихъ обстоятельствахъ, при теперешнемъ образѣ жизни моей, не вижу никакого средства положить хорошее основаніе моему домашнему быту; осмѣливаюсь представить на милостивое усмотрѣніе Ваше тотъ способъ, который полагаю самымъ вѣрнымъ для утвержденія благосостоянія моего на все будущее время.

Я желалъ бы, чтобы, при увольненіи меня отъ настоящей моей должности, не было мнѣ опредѣлено никакого пенсіона, ни отъ Вашего Величества, ни отъ Государыни Императрицы, ни отъ Государя Наслѣдника, чтобы такъ же не было мнѣ сохранено никакого другого оклада, а вмѣсто всего этого была бы пожалована *единовременно сумма на выкупъ моего Дифляндскаго имѣнія* и чтобы въ то же время, для перваго обзаведенія, даны

были заимобразно 150,000 рублей на 25 лѣтъ безъ процентовъ съ тѣмъ чтобы въ первые пять лѣтъ не платить ничего, а въ продолженіе слѣдующихъ 20-ти лѣтъ уплачивать по 7500 рублей въ годъ⁴). Если бы при этомъ была мнѣ оказана величайшая милость *сохранить мнѣ весь мой теперешній годово́й окладъ на первые три года семейной жизни*, то я могъ бы, по сдѣланному мною подробному разсчету, въ теченіе десяти лѣтъ, ограничивъ сколько возможно свои издержки, устроить мое будущее если не блестящимъ образомъ, то безбѣднымъ и прочнымъ: домъ былъ бы исподоволь построенъ, все нужное въ немъ было бы безъ всякаго раззорительнаго усилія заведено, имѣніе мало по малу было бы выкуплено и приведено въ лучшее состояніе; между тѣмъ къ концу означеннаго срока освободилась бы моя аренда и тогда упрочился бы для меня и для семьи моей вѣрный доходъ, который конечно и тогда не составилъ бы для меня болѣе двухъ третей того, что получаю теперь одинъ, но былъ бы совершенно достаточенъ, ибо былъ бы чистый.

Но для достиженія сей цѣли главное, необходимое условіе, безъ исполненія котораго ничто не будетъ для меня возможно, есть, при увольненіи меня отъ моей настоящей должности, всемилостивѣйшее *позволеніе, поселиться на первые три года тамъ, гдѣ будетъ для меня удобнѣе*, тамъ, гдѣ я могъ бы вмѣстѣ съ женою прожить половиною того, чѣмъ живу теперь одинъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ о такого рода ограниченности (не говоря о другихъ препятствіяхъ) нельзя и думать: ибо тамъ не могу столько отдѣлиться отъ общества сколько это будетъ необходимо на первое время; какъ бы я это не расположилъ въ мысляхъ, напередъ знаю, что на дѣлѣ этого не могу исполнить. Я желаю на эти три года поселиться гдѣ нибудь въ Германіи, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ дешевле, вмѣстѣ съ семействомъ Рейтерна, вдали отъ всякаго другаго общества, дабы, дѣля съ ними свой достатокъ и тѣмъ самымъ облегчая для самого себя способъ жизни, въ эти три года самую умѣренною экономіею положить основаніе будущему скромному довольству. Если не сдѣлаю этого въ самомъ

началѣ, то въ послѣдствіи не буду въ состояніи ничего уладить: вмѣсто того, чтобы пайти покой домашній и начать на просторѣ готовить свое будущее, я найду только душевную тревогу, разстрою настоящее и ничего для будущаго не упрочу. Если Ваше Величество, какъ добрый, милостиво-заботливый отецъ, не благоволяете войти въ это мое положеніе и не соизволите позволить мнѣ выбрать на первое время этотъ образъ жизни (принявъ благосклонно въ разсужденіе, что счастіемъ моимъ можетъ быть только то, что согласно съ моими обстоятельствами и съ моимъ образомъ чувствовать), то всякое другое милостивое пособіе Ваше остается для меня безъ дѣйствія; въ этомъ я убѣжденъ внутренно.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: что должно выйти изъ того труда, который мною начатъ по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества для учебнаго образованія Ихъ Высочествъ Великихъ Князей? Почитаю необходимымъ возобновить въ памяти Вашего Величества то, что было сказано мною въ запискѣ, всеподданнѣйше представленной Вамъ, и Вами одобренной. Я осмѣлился тамъ замѣтить: «что гораздо будетъ простѣе и удобнѣе, если дѣло *воспитанія* и надзоръ за *ученіемъ* великихъ князей будутъ поручены не *двумъ* а *одному* (и то и другое вѣрены съ одной, стороны Литке⁵⁾, съ другой Философову⁶⁾), что для завѣдывающихъ собственно *ученіемъ* Ихъ Высочествъ (тогда только *Гримма*⁷⁾, а теперь и *Гельмерсена*⁸⁾) не можетъ быть нуженъ *особенный* начальникъ въ такомъ дѣлѣ, которое они должны исполнять самобытно, подъ наблюденіемъ тѣхъ, кои на своемъ мѣстѣ должны быть ихъ полными, непосредственными начальниками; что ученіе Великихъ Князей началось и продолжается безъ моего непосредственнаго участія, ибо въ послѣдніе годы я былъ въ безпрестанной отлучкѣ (принять былъ за основаніе только мой планъ). Что отношеніе между преподавателями и ихъ начальниками утверждено, что все идетъ желаннымъ порядкомъ и что, въ слѣдствіе всего вышесказаннаго, здѣсь не только не можетъ быть нужно новое лицо, но что оно, (не будучи необходимо) по

тому именно можетъ быть лишнимъ и даже помѣхою, вмѣстившись съ своею неопредѣленною властію между подчиненнымъ и его настоящимъ начальникомъ». — Я дагѣ всеподданнѣйше изъявилъ въ запискѣ своей: «что, не желая отклонять отъ себя счастливой обязанности содѣйствовать пользѣ воспитанія Ихъ Высочествъ, прошу только, чтобы мнѣ въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ было назначено — не принимая *участія* въ надзорѣ за ученіемъ Великихъ Князей въ званіи главнаго наставника, ни *отъѣтственности* съ симъ званіемъ соединенной (что все должно вполнѣ принадлежать главнымъ воспитателямъ, отъ коихъ и всѣ учителя должны зависѣть), имѣть дѣло съ одними только Гриммомъ и Гельмерсеномъ, дабы вмѣстѣ съ ними заняться первою приготовительною половиною курса наукъ по методѣ, которая употреблена была для Государя Наслѣдника, послѣ чего особенный трудъ мой можетъ быть признанъ совершенно кончаннымъ». — Все это всеподданнѣйше было представлено мною Вашему Величеству въ такое время, когда еще у меня и мысли не было заводитья своею семьєю. Теперь обстоятельства мои перемѣнились; въ мои лѣта я не могу откладывать, или отъ всего долженъ навѣки отказаться. Но такая тяжелая жертва не есть въ настоящемъ случаѣ необходима; я бы ни минуты не задумался принести ее; но къ счастію, и не принося ее, могу исполнить главное, существенное въ возлагасомъ на меня дѣлѣ. Вотъ мой планъ, о утвержденіи коего всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Величество. Во первыхъ благоволите позволить мнѣ теперь (по отъѣздѣ отъ сюда Государыни Императрицы и Ея Высочества принцессы Маріи) остаться здѣсь на два мѣсяца, то есть до половины будущаго октября: въ это время, дождавшись въ Дюссельдорфѣ разрѣшенія участи моей отъ Вашего Величества, я все бы надлежащимъ образомъ устроилъ: судьба моя рѣшилась бы такъ или иначе. Потомъ благоволите позволить, чтобы я, возвратясь въ Петербургъ, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, то есть до половины апрѣля 1841 года занялся возложеннымъ на меня дѣломъ: уроками русскаго языка съ прин-

пессою Марією и приготовленіемъ всего нужнаго для курса ученія Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей вмѣстѣ съ Гельмерсеномъ (ибо съ Гриммомъ это уже не нужно; онъ ушелъ уже далеко, воспользовавшись моею методою, но дѣйствуя и по собственному плану). Въ это время, надѣюсь все главное вмѣстѣ съ Гельмерсеномъ кончить и пустить въ ходъ, для продолженія коего мое содѣйствіе нисколько не будетъ нужно, ибо Гельмерсенъ свое дѣло знаетъ. Что же касается до обученія Русскому языку Ея Высочества Принцессы Маріи, то я и прежде не предполагалъ, чтобы это дѣло могло быть мнѣ навсегда предоставлено; по окончаніи шести мѣсяцевъ буду просить у Вашего Величества позволенія представить на мѣсто мое преподавателя, котораго уже имѣю въ виду, и съ которымъ вмѣстѣ приготовилъ бы все къ продолженію обученія Ея Высочества по начатой мною методѣ. Здѣсь долженъ однако замѣтить, что занятія мои съ Ея Высочествомъ, до сихъ поръ продолжавшіяся, не могутъ представить еще никакого успѣха: обстоятельства тому совершенно противились. Мы могли имѣть не болѣе *пятнадцати* непрерывныхъ уроковъ — они остановлены были поѣздкою Принцессы въ Мюнхенъ и потомъ безпрестанными переѣздами поминутно перерывались, отъ чего нѣсколько сдѣланныхъ впередъ шаговъ сдѣлались совершенно бесполезными, несмотря на добрую волю моей ученицы, умной, исполненной высокихъ качествъ и вполне повнимающей свое назначеніе. Въ послѣднія три недѣли, кои остается мнѣ провести въ Дармштатѣ наши занятія будутъ непрерывны, почему и надѣюсь нѣкотораго успѣха.

Возвращаясь къ главному содержанию письма моего, прошу всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество позволить мнѣ надѣяться, что по истеченіи означенныхъ шести мѣсяцевъ, мое дѣло признано будетъ конченнымъ и что я тогда получу разрѣшеніе начать семейную жизнь мою. Но дабы не жить за границею безъ особеннаго, полезнаго назначенія и имѣть хотя нѣкоторое право пользоваться въ теченіе трехъ лѣтъ моимъ тепе-

решимъ содержаніемъ (если Ваше Величество благоволите мило- стиво мнѣ сохранить его), я осмѣливаюсь просить Васъ, Госу- дарь, возложить на меня слѣдующій трудъ, который въ своемъ родѣ можетъ имѣть и государственную пользу⁹). До сихъ поръ я съ особеннымъ участіемъ обращалъ вниманіе на изящныя иску- ства, предпочтительно же на живопись и скульптуру. Въ про- долженіе предполагаемаго трехлѣтняго пребыванія въ Германіи, имѣя возможность входить въ сношеніе съ лучшими художни- ками и способъ обзрѣвать какъ академіи, такъ и приготовитель- ныя школы искусства, я могъ бы собрать всѣ лучшія свѣдѣнія о тѣхъ способахъ, кои въ разныхъ мѣстахъ Германіи (въ Бер- линѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Дюссельдорфѣ даже и въ сѣ- верной Италіи) употребляютъ для ихъ успѣшнаго образованія. Изъ этихъ матеріаловъ я могъ бы подъ конецъ составить пол- ный отчетъ, коего содержаніе могло бы объять три предмета: 1-е самое искусство въ его теоріи; 2-е положеніе искусства въ Германіи и способъ его образованія и распространенія (обуче- ніе въ школахъ и академіяхъ, управленіе разными заведеніями, ихъ статистика, способы поощренія художествъ и художниковъ) и наконецъ 3-е—примѣненіе всѣхъ собранныхъ свѣдѣній и замѣ- чаніе къ тому, какъ употребить ихъ въ пользу въ Россіи. Та- кого практическаго взгляда на искусства еще у насъ нѣтъ; и онъ можетъ быть сдѣланъ надлежащимъ образомъ только въ Германіи. Я могъ бы употребить себя на это въ теченіи трехъ лѣтъ и надѣюсь, что нашелъ бы для этого хорошихъ сотрудни- ковъ и богатыхъ пособія. Если бы въ послѣдствіи Вашему Вели- честву благоугодно меня же употребить и на приведеніе въ дѣло собранныя мною свѣдѣнія, то такое назначеніе я принялъ бы съ глубочайшею благодарностію.

Впрочемъ, Государь, и безъ того уединенные дни мои не будутъ праздно и не пройдутъ безъ пользы для отечества. Но- вая жизнь, которой жду изъ благотворной руки Вашей, дастъ новую силу душѣ, и я могу надѣяться, что не безъ успѣха при- мусь опять за прежніе труды, давно оставленные для высшаго

назначенія. Если до сихъ поръ я могъ заслужить доброе имя, какъ писатель, которому всегда святое было свято, то и теперь, осчастливленный Вами, сойдя съ того пути, на который Ваша Царская воля привела меня, на которомъ столько чистыхъ благъ я встрѣтилъ и съ котораго въ свое уединеніе унесу столько благодарныхъ воспоминаній, могу надѣяться, что найду въ себѣ еще столько способностей, чтобы написать еще что нибудь достойное Вашего вниманія, полезное отечеству, на добрую память потомству обо мнѣ и объ Вашемъ вѣкѣ.

Если суждено мнѣ испытать еще на землѣ то счастье, о которомъ я такъ напрасно мечталъ во всѣ годы жизни, отъ котораго наконецъ совсѣмъ было отказался и которое вдругъ мнѣ представляется, такъ неожиданно (и въ какую минуту! когда подобное совершается въ жизни наслѣдника). Если это счастье устроится для меня такъ, какъ его желаетъ и понимаетъ сердце, то одна изъ главныхъ прелестей его будетъ та, что оно есть Ваше даяніе, и что я буду имѣть право съ каждымъ добромъ, которое встрѣчу въ будущемъ, слить воспоминаніе о Васѣ и о Вашемъ семействѣ, благотворныхъ создателяхъ всего, чѣмъ были украшены лучшіе мои годы.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

Жуковский.

Эмсъ, 1840 г. Юля.

№ 11.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

*[Дармштадтѣ]**[27 Июля (8 Августа) 1840 года].*

Votre Majesté Impériale m'a daigné permettre d'écrire à elle et m'a ordonné d'être court¹). Que puis-je dire? Je suis parti d'Ems, plein de bonheur, ne doutant pas de l'intérêt que prendrait à mon sort l'Empereur et jouissant d'avance de l'ardeur que mettra le Grand Duc à devenir le bienfaiteur de ma vie; et la conversation que Vous avez daigné m'accorder quelques moments avant mon départ, m'avait rendu tellement heureux, que je ne pouvais y penser sans verser des larmes d'attendrissement.

Je me voyais déjà, à cette heure suprême, qui devait changer toute ma destinée, entouré de mes anges terrestres qui étaient là pour me bénir et surtout j'y voyais Vous, qui étiez toujours mon ange de choix, l'être idéal dominant la principale période de ma vie. Je vous assure, Madame, qu'à cette seule idée tout mon cœur se fondait de bonheur. — A présent quelle chute! La lettre du Grand Duc, tant attendue, est arrivée, glaciale et sèche; L'Empereur m'a accordé le congé de deux mois, sans daigner rien prononcer sur mon avenir; Le grand Duc me fait sentir que j'ai outrepassé la mesure dans mes demandes²), et par ce mot qu'il n'aurait jamais du pouvoir m'adresser, (résultat d'une erreur, comme je le pense d'après tout ce que j'ai entendu de Vous) il me rejette dans la foule des hommes avides qui ne revent qu'argent; enfin la conversation avec Votre Majesté, qui était ma planche de salut dans ce naufrage de mes plus chères espérances, n'a eu d'autre résultat pour moi que celui de me persuader, que Vous aussi, de qui l'opinion était pour moi l'équivalent de ma conscience, à qui mon âme a toujours appartenu en entier, quand même, que Vous aussi partagiez cette opinion si injuste sur mon compte. Cette conversation — Vous l'avez brusquement

interrompue, sans me jeter l'aumone d'un mot consolant, sans même penser à l'état de découragement et même d'humiliation dans lequel Vous m'abandoniez ainsi dans le moment le plus décisif de ma vie. Et demain Vous partez sous l'influence de l'impression, que cette conversation a du laisser dans Votre coeur; et cette impression Vous restera, car je n'aurai plus la possibilité de Vous approcher et je n'oserai pas même le tenter, car je sens que dès ce moment je suis devenu pour Vous importun. C'est ainsi que je dois partir pour Dusseldorff, sans avoir entendu un mot de benediction de Votre part; et lorsque le moment⁴⁾ viendra, je serai seul, je n'oserai pas même en idée Vous invoquer d'y assister: Votre opinion sur moi est changée. Et pourtant je ne merite pas, que cela soit ainsi... raison de plus de se cramponner à un coeur ami, pour trouver près de lui et la paix de l'ame et la valeur réelle de la vie. Que Dieu daigne me l'ouvrir; Après arrive ce qui pourra. — Ma lettre est devenue de nouveau très longue, Daignez me le pardonner, Madame: la cruelle situation de mon ame à la suite de ce fatal entretien doit me servir d'excuse. Sur le reste je ne dis rien; je m'expliquerai avec le grand Duc. Que Dieu benisse la route et le retour de Votre Majesté!

27 Juillet,
8 Aout 1840.
Darmstatt.

Joukovsky⁵⁾.

№ 11.

Переводъ:

[Дармштатъ].

[27 Юля / 8 Августа 1840 г.].

Всемилоствѣйшая Государыня!

Ваше Императорское Величество соблагволили разрѣшить мнѣ писать Вамъ и приказали быть краткимъ¹⁾. Что мнѣ ска-

Сборникъ П Отд. Н. А. Н.

6

зять? Я уѣхалъ изъ Эмса, исполненный счастья, не сомнѣваясь въ участіи, которое приметъ Императоръ въ моей судьбѣ, и заравѣ наслаждаясь при мысли, съ какою горячностью примется Великій Князь за благоустроеніе моей жизни. И разговоръ, которымъ Вы удостоили меня за нѣсколько минутъ до моего отъѣзда, такъ осчастливилъ меня, что я не могъ думать о томъ безъ слезъ умиленія. Мысленно я уже видѣлъ себя въ торжественный часъ, который долженъ измѣнить мою судьбу, окруженнымъ моими земными ангелами, благословляющими меня, видѣлъ главнымъ образомъ Васъ, которая всегда была моимъ ангеломъ хранителемъ, идеальнымъ существомъ, руководившимъ мною въ самый важный періодъ моей жизни. Увѣряю Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, что при одной этой мысли сердце мое было преисполнено счастья. — Теперь — какой ударъ! Письмо Великаго Князя, столь желанное, пришло, холодное и сухое; Императоръ даровалъ мнѣ двухъ-мѣсячный отпускъ, но не соблаговолилъ высказаться о моемъ будущемъ. Великій князь даетъ мнѣ понять, что мои просьбы превысили мѣру, и эти слова, съ которыми ему никогда не слѣдовало бы обращаться ко мнѣ (слѣдствіе заблужденія, какъ я полагаю, судя по всему тому, что я слышалъ отъ Васъ), смѣшиваютъ меня съ толпой людей алчныхъ, которые только и думаютъ, что о деньгахъ; наконецъ бесѣда съ Вашимъ Величествомъ привела меня къ убѣжденію, что и Вы, которая была моимъ якоремъ спасенія въ этомъ крушеніи моихъ завѣтныхъ надеждъ, чье мнѣніе было для меня равносильно голосу моей совѣсти, кому всегда принадлежала вся моя душа, что и Вы тоже раздѣляете это мнѣніе, столь несправедливое по отношенію ко мнѣ. Эту бесѣду Вы рѣзко прервали³⁾, не кинувъ мнѣ даже, какъ милостыню, ни одного утѣшительнаго слова, даже не подумавъ о томъ уныніи и униженіи, въ которомъ Вы покидали меня въ самую рѣшительную минуту моей жизни. А завтра Вы уѣзжаете подъ впечатлѣніемъ, которое долженъ былъ оставить въ Вашемъ сердцѣ этотъ разговоръ; и это впечатлѣніе такъ и останется, потому что я не буду

больше имѣть возможности приблизиться къ Вамъ и не посмѣю даже сдѣлать къ тому попытки, ибо чувствую, что съ этой минуты я сдѣлался Вамъ докучливъ. И вотъ въ такомъ то состояніи я долженъ ѣхать въ Дюссельдорфъ, не получивъ отъ Васъ благословенія. И когда настанетъ та минута ⁴⁾, я буду одинокъ, не посмѣю даже мысленно обратиться къ Вамъ съ просьбой присутствовать при ней: Вы измѣнили свое мнѣніе обо мнѣ. А я всетаки не заслуживаю того; тѣмъ болѣе у меня причинъ прилѣпиться къ дружескому сердцу, чтобы подлѣ него найти и душевный миръ и истинную цѣну жизни. Да отверзнетъ мнѣ его Господь; а потомъ будь, что будетъ. — Мое письмо опять вышло очень длиннымъ... Соболаговолите простить мнѣ это, Всемилостивѣйшая Государыня! Ужасное состояніе моей души послѣ того рокового разговора, да послужитъ мнѣ извиненіемъ. Объ остальномъ не скажу ничего; объяснюсь съ Великимъ княземъ. — Да благословитъ Богъ путь и возвращеніе Вашего Величества!

Жуковский ⁵⁾.

Дармштатъ, 27 $\frac{27 \text{ Юля.}}{8 \text{ Августа}}$ 1840 г.

№ 12. ¹⁾

Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ.

[Дармштатъ ²⁾].

[8 Августа 1840 года].

Non ³⁾, Madame, je ne puis pas me refuser la jouissance de vous exprimer ce que je sens, ce qui me remplit tout ce jour, depuis le moment ou la Providence (oui, la Providence elle meme) vous a amenée à ma rencontre. Je ne sais pas au reste ce que je dois vous dire—ce sont de ces situations ineffables qu'on peut comprendre, mais qu'on ne dit pas, qui s'emparent de l'ame comme une musique celeste, pour la quelle on ne trouve pas de mots. Cette

apparition d'un moment à été magnifique: tout le bonheur, tout le calme interieur dont j'ai joui solitairement tout ce dernier temps, avant la reception de la lettre ⁴) du Grand Duc et que dorénavant j'appellerai *bonheur avant la lettre*, est revenu. De nouveau je suis rempli de courage, de serenité—et tout cela grace à Vous, grace à cette apparition providentielle, grace a ce regard si touchant, si profond, si vrai, si inexprimable que vous avez daigné jeter sous moi, grace à cette main amie que j'ai senti dans les miennes, grace a cette benediction que cette main chérie a daigné poser sur ma tête—je voudrai bien pouvoir vous remercier a genoux pour tout cela, mais ce n'est que mon ame seule qui est devant vous a genoux. Oui, jamais, dans le courant de ma vie, je n'ai rencontré personne, qui put se comparer a vous dans les moments ou l'on vous trouve telle que vous etes, ou vous vous donnez au coeur qui s'ouvre pour vous recevoir, telle, que Dieu vous a créé, telle que vous etes toujours en Sa presence et telle que vous serrez à jamais sans avoir la possibilité de changer. J'ouvre dans ce moment le petit album, que vous m'avez donné jadis à votre depart de Berlin pour Ems et j'y trouve entre autres ces vers ecrits de la main du Prince Royal:

Beseeligend war ihre Nähe,
 Und alle Herzen wurden weit;
 Sie brachte Blumen mit und Früchte
 Gereift auf einer andern Flur,
 In einem andern Sonnenlichte,
 In einer glücklichen Natur.

d. 28 May 1821 nach dem Wunche meines theuren Schukowsky F. W. ⁵).

Oui, *beseeligend* dans toute la force de ce terme. Les vers ont été ecrites dans les tems de Lalla Rookh. Dans le lointain a-dessus de la foule, m'apparut alors une vision; elle a passé devant mes yeux comme un bon genie; et depuis, ce genie est toujours resté le mien, il est toujours *le même*; le tems n'a rien changé en

lui; et chaque fois que je le revois il m'apporte avec soi le charme de la Vie.

Je vous dis adieu, Madame, avec un sentiment inexprimable de reconnaissance. Vous avez fait ma paix avec le grand Duc et j'ai même apresent le bonheur de croire que j'ai eu tort d'accuser son coeur. Avec quel charme apresent je me mettrai en route, avec quelle serenité j'irai au devant de ce bonheur que peut etre Dieu dans sa bonté me destine, sans m'inquieter de l'avenir que je remets avec confiance entre les mains de l'Empereur et les Votres ⁵). Que Dieu vous guide dans votre route et qu'il vous ramene à l'Empereur, vous, qui etes l'ange de sa vie.

Joukowsky ⁶).

Ce 8 Aout 1840.

№ 12.¹⁾

Переводъ:

[Дармитатъ]²⁾.

[8 Августа 1840 года].

Нѣтъ³⁾, Всемилостивѣйшая Государыня, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи выразить Вамъ то, что я чувствую, что наполняетъ сегодня все мое существо съ той самой минуты, когда Провидѣніе (да, само Провидѣніе!) привело Васъ мнѣ на встрѣчу. Въ сущности я даже не знаю, что мнѣ сказать Вамъ: это одно изъ тѣхъ невыразимыхъ состояній, которыя можно понять, но нельзя высказать, которыя овладѣваютъ душой подобно небесной музыкѣ, для которой нельзя найти словъ. Это мимолетное явленіе было восхитительно: все счастье, весь душевный покой, которыми я одиноко наслаждался въ послѣднее время, до полученія письма⁴⁾ отъ Великаго князя, и которое я впредь буду называть счастьемъ avant la lettre, — все это вернулось ко мнѣ.

Я снова полонъ мужества и ясности духа — и все это благодаря Вамъ, благодаря этому чудесному явленію, благодаря этому взгляду, столь трогательному, столь глубокому, столь правдивому, столь невыразимому взгляду, которымъ Вы удостоили меня; благодаря этой дружеской рукѣ, которую я ощутилъ въ своихъ; благодаря этой дорогой рукѣ, соблаговолившей осѣнить меня своимъ благословеніемъ. Мнѣ хотѣлось бы на колѣняхъ благодарить Васъ за все это, но я могу только душой преклониться передъ Вами. Да, никогда еще, въ теченіи всей моей жизни, я не встрѣчалъ никого, кто могъ бы сравняться съ Вами въ тѣ минуты, когда видишь Васъ такую, какою Вы есть на самомъ дѣлѣ, когда Вы отдаетесь сердцу, открывающемуся для воспріятія Васъ, такую, какою создалъ Васъ Господь, какой Вы всегда бываете предъ Нимъ и какой останетесь навсегда, не будучи въ состояніи измѣниться. — Въ эту минуту я открываю маленькій альбомъ, который Вы мнѣ дали при отъѣздѣ Вашемъ изъ Берлина въ Эмсъ, и между прочимъ нахожу въ немъ стихи, написанные рукою кронпринца:

«Присутствіе ея дѣлало счастливымъ,
 Всѣ сердца раскрывались передъ ней;
 Она несла съ собою цвѣты и плоды,
 Созрѣвшіе на иной нивѣ,
 Въ лучахъ иного солнца,
 Среди счастливой природы.»

28-го мая 1821 г. по желанію моего дорогого Жуковского.

Г. W. 5)»

Да, *дѣлала счастливымъ* — въ полномъ смыслѣ этого слова. Эти стихи были написаны во времена Лаллы Рукъ. Тогда вдали, высоко надъ толпой, предстало предо мной видѣніе; оно пронеслось передъ моими очами, какъ добрый геній; и съ тѣхъ поръ этотъ геній всегда оставался моимъ, онъ *все тотъ же*, время ничего не измѣнило въ немъ; и каждый разъ, когда я снова вижу его, онъ приноситъ съ собой прелесть жизни.

Прощаюсь съ Вами, Всемилостивѣйшая Государыня, съ невыразимымъ чувствомъ благодарности: Вы примирили меня съ Великимъ Княземъ, я теперь я даже счастливъ при мысли, что былъ неправъ, обвиняя его сердце. Съ какимъ восторгомъ отправлюсь я теперь въ путь, съ какимъ спокойствіемъ пойду на встрѣчу счастію, которое, быть можетъ, Господь, по своей благодати, посылаетъ мнѣ, пойду, не беспокоясь о будущемъ, которое съ полнымъ довѣріемъ вручаю Государю и Вамъ!

Да направитъ Васъ Господь на Вашемъ пути, и да сохранитъ Онъ Васъ для Государя, Васъ, ангела хранителя Его жизни.

8 Августа 1840 г.

Жуковский ⁶⁾.

№ 13.¹⁾

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Дюссельдорфъ].

[15/27 Сентября 1840 года].

Je n'ai pas osé importuner Votre Majesté Imperiale par mes lettres dans le courant de Votre voyage, ni dans les premiers jours de Votre arrivée à Petersbourg. Apresent Vous devez etre rentrée dans le cours habituel de Votre vie et peut etre aurez Vous un instant libre à donner à la lecture de ces lignes, que j'ose et que j'ai besoin d'adresser à Votre Majesté, parceque je suis persuadé que Vous ne les lirez pas avec indifference.

Cet ange qui m'a apparu dans le moment decisif, ou je devais quitter Darmstatt, cet ange de paix, qui a rendu le calme à mon coeur alors attristé, qui m'a beni avec cette bonté, qui date du Ciel, ne m'a pas abandonné depuis et la serenité qu'il a fait rentrer dans mon ame y est restée. Avec quel charme j'ai pensé au court moment, ou je l'ai vu devant moi, tel qu'il est, tel qu'il m'a apparu dans les meilleurs heures de ma vie, tel que je porte dans le fond de mon ame; et quelle reconnaissance ne lui dois-je pas

d'être venu si à temps pour m'apporter joie et tranquillité, qui m'étaient alors si nécessaires pour accepter avec pleine jouissance l'humble bonheur qui m'attendait. Oui, Madame, de nouveau je mets aux pieds de Votre Majesté Imperiale ma reconnaissance pour ce bienfait, qui ne pouvait venir que de Vous. Comme par un coup de baguette ma destinée s'est transformée entièrement: j'ai trouvé ce qu'il me faut, je l'ai trouvé au moment où j'étais déjà résigné à ne plus le chercher et je suis d'autant plus sûr de le posséder, que je ne fais-ici autre chose, que l'accepter avec une humble reconnaissance de Dieu, qui a daigné lui même me le proposer sans ma participation. Voilà depuis 6 semaines que je suis fiancé à Elisabeth de Reutern. Je dois sa main à son cœur, qui depuis longtemps déjà m'appartenait, et qui, au moment où je me suis adressé à lui, s'est prononcé librement, sans aucune influence étrangère. Avec cette intime persuasion, je fixe d'oeil tranquille mon avenir. Je ne demande à Dieu que de daigner me conserver cette vie, à la quelle par Sa grace j'attache présentement une aussi grande valeur. Quant à Vous, Madame, j'ose Vous demander une grace d'un autre genre, c'est de vouloir bien plaider ma cause près de Sa Majesté l'Empereur. Mais il ne s'agit pas ici de le solliciter de daigner protéger mon avenir, il s'agit de me redresser dans son estime: l'idée de ne pas la posséder entière gèterait complètement ma vie; et par malheur je suis forcé de croire (d'après les expressions qui m'ont tant chagrinés dans la lettre de Monseigneur le grand Duc) que l'Empereur a trouvé dans la lettre, que j'ai osé adresser à Sa Majesté, l'expression d'un homme intéressé, dont les désirs passent toute mesure. Une telle opinion sur mon compte de la part de Mon Souverain serait pour moi le comble de malheur. Mais j'ose affirmer, que je ne la mérite pas: de tous les défauts, que l'homme peut avoir, la cupidité est celui qui est le plus éloigné de mon caractère. J'ai osé adresser deux demandes à Sa Majesté: dans l'une j'ai exprimé le désir qu'à la place du pension, qu'après ma retraite (nécessité présente par les circonstances) j'aurais pu espérer de conserver,

il me fut donnée une somme equivalante pour que je pusse liberer mon bien hipothequé et y reparer ma maison, maintenant inhabitable. La seconde priere n'est autre chose que la demande d'un *secours* qui a souvent été accordé à ceux qui ont eu occasion de le solliciter, la demande *de me preter* une somme pour 25 ans, sans interet, avec condition *de la payer graduellement* pendant les dernieres vingt années, ce qui me mettrait dans l'état de baser mon bien - etre present et d'assurer l'avenir de ma famille. En adressant ma trop longue lettre a Sa Majesté je suis entré dans trop de détails (ich war zu umständlich comme Votre Majesté me l'a dit avec tant de justesse); j'aurais du au contraire ne rien ecrire et m'abandonner sans aucune inquiétude à la magnanimité de l'Empereur. Mon excuse est dans ma franchise: j'ai parlé à Sa Majesté comme à un pere, sans aucune arriere pensée, sans la moindre apprehension de paraitre à ses-yeux sous un mauvais jours. C'est de ce dernier malheur que je Vous supplie encor de me sauver, Madame. Je ne puis pas supporter l'idée de finir ma carriere près de Votre famille, après 23 années de fidele attachement sans tache par perdre dans l'estime de Celui dont l'opinion est pour moi le plus grand tresor et ma suprême recompense.

Aujourd'hui doit etre l'entrée de notre auguste Fiancée à Petersbourg: que Dieu benisse ce moment pour l'avenir du grand Duc et pour le notre; et puissent l'Empereur et Vous Madame jouir de ses suites heureuses pendant de longues années.

De Votre Majesté Imperiale

le très fidele sujet

Joukovsky.

Dusseldorf, 15/27 Septembre 1840.

№ 13.¹⁾

Переводъ.

[Дюссельдорфъ].

[15/27 Сентября 1840 года].

Всемиловѣйшая Государыня.

Я не смѣлъ беспокоить Ваше Императорское Величество своими письмами ни во время Вашего путешествія, ни въ первые дни Вашего прибытія въ Петербургъ. Теперь жизнь Ваша, вѣроятно, идетъ уже своимъ обычнымъ путемъ, и у Васъ, быть можетъ, найдется свободная минута, чтобы прочесть эти строки, съ которыми я осмѣливаюсь и съ которыми мнѣ необходимо обратиться къ Вашему Величеству, такъ какъ я убѣжденъ, что Вы не прочтете ихъ равнодушно.

Ангель, явившійся мнѣ въ рѣшительную минуту, когда я долженъ былъ уѣхать изъ Дармштата, этотъ ангель мира, вернувшій покой моему огорченному сердцу, благословившій меня съ небесной добротой, не покинулъ меня съ тѣхъ поръ, и спокойствіе, которое онъ вернулъ моей душѣ, живетъ въ ней. Съ какимъ восторгомъ думалъ я о томъ краткомъ мгновеніи, когда я видѣлъ его передъ собой такимъ, каковъ онъ есть и какимъ являлся мнѣ въ лучшіе часы моей жизни, какимъ я ношу его въ глубинѣ моей души; и какова же должна быть моя благодарность за то, что онъ такъ во время принесъ мнѣ радость и спокойствіе, которыя тогда были мнѣ такъ необходимы, дабы я могъ съ полнымъ наслажденіемъ принять скромное счастье, меня ожидавшее! Да, Всемиловѣйшая Государыня, я снова повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества мою благодарность за то благодѣяніе, которое и могло явиться только отъ Васъ. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла судьба моя совершенно измѣнилась: я нашелъ то, что мнѣ нужно, и нашелъ тогда, когда уже рѣшилъ не искать его болѣе,

и я тѣмъ болѣе увѣренъ въ обладаніи имъ, что я лишь принимаю его со смиренной благодарностью отъ Господа, которому было угодно даровать его мнѣ. — Вотъ уже шесть недѣль, какъ я обрученъ съ Елизаветой Рейтернъ. Ея руку отдало мнѣ ея сердце, которое уже съ давнихъ поръ принадлежало мнѣ и которое, какъ только я обратился къ нему, отозвалось свободно и безо всякаго посторонняго вліянія. Въ этомъ искреннемъ убѣжденіи я спокойно смотрю на свое будущее. Я прошу лишь одного у Господа: сохранить мнѣ жизнь, которой, по Его благости, я придаю теперь такую высокую цѣну.

Что касается Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, то я осмѣливаюсь просить у Васъ милости иного рода, именно ходатайствовать за меня предъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ. Дѣло не въ томъ, чтобы онъ соблагволилъ быть покровителемъ моей будущности, а въ томъ, чтобы онъ вернулъ мнѣ свое уваженіе: мысль, что я не пользуюсь имъ вполне, совершенно испортила бы мою жизнь; къ несчастію, я принужденъ вѣрить (судя по нѣкоторымъ словамъ, столь огорчившимъ меня, въ письмѣ Его Высочества Великаго Князя), что Императоръ нашелъ въ письмѣ, съ которымъ я осмѣлился обратиться къ Его Величеству, выраженіе челоуѣка корыстолюбиваго, желанія котораго переходятъ всякую мѣру. Такое мнѣніе обо мнѣ со стороны моего государя было бы верхомъ несчастія для меня. Но я осмѣливаюсь утверждать, что не заслуживаю его: изъ всѣхъ недостатковъ, которые могутъ быть у челоуѣка, корыстолюбіе менѣе всего свойственно моему характеру. Я осмѣлился обратиться къ Его Величеству съ двумя просьбами: въ одной я высказалъ желаніе, *чтобы вмѣсто пенсіи*, которую послѣ моей отставки (вынужденной теперь обстоятельствами) я могъ надѣяться сохранить, мнѣ дали соотвѣтствующую сумму, дабы я могъ выкупить мое заложенное имѣніе и поправить домъ, теперь непригодный для житья. Вторая просьба не что иное, какъ просьба о *помощи*, которую часто оказывали тѣмъ, у кого былъ случай ходатайствовать о томъ, просьба о *дарованіи* мнѣ без-

процентной ссуды на 25 лѣтъ, съ условіемъ *выплачивать ее постепенно* въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, что дало бы мнѣ возможность упрочить мое настоящее благосостояніе и обезпечить будущее моей семьи. Обратясь съ моимъ слишкомъ длиннымъ письмомъ къ Его Величеству, я вошелъ въ излишнія подробности (я былъ слишкомъ обстоятеленъ, какъ Ваше Величество мнѣ совершенно справедливо сказали); мнѣ слѣдовало поступить совершенно обратно: совѣмъ не писать объ этомъ, а положиться безъ малѣйшаго безпокойства на великодушіе Императора. Извиненіемъ мнѣ можетъ послужить моя откровенность: я говорилъ съ Государемъ, какъ съ отцемъ, безо всякой задней мысли, безъ малѣйшаго опасенія явиться въ его глазахъ въ дурномъ свѣтѣ. И вотъ я умоляю Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, спасти меня отъ этого несчастія. Я не могу примириться съ мыслью, что служеніе мое Вашей семьѣ, послѣ 23-хъ лѣтней вѣрной и безупречной привязанности, завершится тѣмъ, что я лишусь уваженія Того, чье мнѣніе является для меня величайшимъ сокровищемъ и высшей наградой.

Сегодня долженъ состояться въѣздъ нашей августѣйшей Невѣсты въ Петербургъ. Да благословитъ Господь эту минуту на будущее для Великаго Князя и для насъ и да насладится Государь и Вы, Всемилостивѣйшая Государыня, ихъ счастіемъ на долгіе годы.

Вашего Императорскаго Величества

преданнѣйшій подданный

Жуковскій.

Дюссельдорфъ, 15/27 Сентября 1840 года.

1841 годъ.**№ 14.****Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.***[Дюссельдорфъ].**[7/19 Августа 1841 года].***Всемилоствѣйшая Государыня.**

При отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, когда я имѣлъ счастье прощаться съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, вамъ угодно было позволить мнѣ написать къ Вамъ о томъ, что будетъ со мною; но Вы тогда же приказали, чтобы я написалъ не иначе, какъ по прошествіи нѣкотораго времени, дабы мнѣ можно было говорить съ вами о новой жизни своей не съ горяча, а познакомившись съ нею коротко и осмотрѣвшись около себя безъ всякаго предубѣжденія. Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ.¹⁾ какъ я женатъ; я знаю коротко судьбу свою и теперь съ большимъ убѣжденіемъ нежели въ первыя минуты благодарю Бога, который ее самъ, безъ моего вѣдома, для меня устроилъ и мнѣ даровалъ безъ моего ожиданія и исканія. Не могу придумать ничего, чтобы я теперь пожелалъ прибавить къ моему смиренному, ясному счастью: оно полное. И мнѣ особенно радостно сказать это Вашему Величеству, ибо никто лучше васъ не знаетъ цѣны такого блага; а мое сверхъ того есть Ваше созданіе. Теперь изъ семейнаго моего пріюта, котораго покоемъ и вѣрностію обязанъ я благотворительности тѣхъ, коимъ лучшее время жизни моей посвящено было съ любовію, смотрю съ благодарностію на мое прошедшее и съ особеннымъ чувствомъ воспоминаю тѣ свѣтлыя

дни, въ которые вы были ко мнѣ такъ милостивы, вы мой идеаль доброты, прелести и величія. Этотъ идеаль, старый любимый другъ души, никогда не покинетъ меня и будетъ добрымъ гениемъ моей домашней жизни. Не стану обременять вниманіе вашего Величества подробнымъ описаніемъ того, что со мною было въ послѣднее время: если эти обстоятельства будутъ для васъ любопытны, то онѣ всѣ описаны въ письмѣ моемъ къ Государю Наслѣднику¹⁾. Но для меня необходимо сообщить Вамъ, всемилостивѣйшая Государыня, продолженіе того письма²⁾, которое вамъ угодно было прочесть въ Петербургѣ; необходимо потому, что оно познакомитъ Васъ съ тѣмъ добрымъ созданіемъ, которое Богъ теперь соединилъ со мною. Изъ него увидите како(го) рода счастье мнѣ теперь въ удѣлъ досталось (Это письмо получено мною въ Берлинѣ; то, что не было читано Вашимъ Величествомъ начинается, кажется, съ 7 страницы. Осмѣливаюсь просить о его мнѣ возвращеніи). вмѣстѣ съ этимъ письмомъ вѣрю и ее, мою добрую жену, Вамъ, какъ моему провидѣнію: увѣрю васъ, что вѣра въ вашу къ ней милость есть одно изъ необходимыхъ благъ, входящихъ въ составъ моего семейнаго счастья. Но это счастье будетъ весьма просто. Что ожидаетъ меня впереди, я не знаю—будь что угодно Богу. Моя же цѣль состоитъ теперь въ томъ, чтобы обратить все свое вниманіе, всѣ свои желанія единственно на то, что здѣсь *одно на потребу*: и для достиженія къ этой цѣли имѣю въ жепѣ своей надежнаго помощника; ея простая, неспорченная душа, хотя и не богатая знаніями, исполнена высокаго просвѣщенія. И дай Богъ чтобы въ остающіяся мнѣ годы я, при этомъ главномъ, могъ совершить что нибудь и такое, что и послѣ меня осталось бы добрымъ обо мнѣ воспоминаніемъ.

Оканчиваю письмо мое, повтореніемъ моей глубочайшей благодарности передъ вами всемилостивѣйшая Государыня, за всѣ благотворенія, коими такъ щедро вы осыпали меня въ прошедшемъ: однимъ изъ главныхъ или главнѣйшимъ изъ сихъ благотвореній почитаю *возможность*, которую вы даровали мнѣ *знать*

близко вашу высокую душу. Это знаніе всегда было и на всегда останется моимъ любезнымъ сокровищемъ. Сохрани Богъ Васъ, Государя и все милое Царское семейство въ неизмѣнномъ счастіи, на радость и благоденствіе нашего общаго отечества.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

В. Жуковскій.

Дюссельдорфъ, 7/19 Августа 1841 г.

1842 годъ.

№ 15.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Дюссельдорфъ].

[22 Іюня / 4 Іюля 1842 года].

Всемиловѣйшая Государыня.

Имѣю счастье всеподданнѣйше поздравить Ваше Императорское величество со днемъ Вашего рожденія, благословеннымъ днемъ, съ которымъ Провидѣніе соединило столько добра для моего отечества и съ праздникомъ который въ этотъ день вмѣстѣ съ вами одной семьей торжествуетъ вся Россія. Двадцать пять лѣтъ чистаго домашняго счастья, счастья простаго, ничѣмъ непомраченнаго на тронѣ, посреди тревогъ Царской жизни, посреди тревогъ нашего смутнаго времени! Много ли государей представить намъ исторія, которымъ было бы дано такое благословеніе Божіе. Поздравляя ваше Величество со днемъ заклю-

чающимъ двадцатипятилѣтіе этого счастья, я чувствую что мой привѣтъ, привѣтъ души, принадлежащей вамъ совершенно и знающей тайну вашей прекрасной души будетъ для васъ пріятель: вы имѣете право радоваться нашими поздравленіями ибо вы спокойно можете оглянуться на свое прошедшее: ваша жизнь свѣтла и ваше сердце безъ упрека; а Россія благословляетъ васъ за домашнее счастье Царя ея и за вашихъ дѣтей, на коихъ лежатъ надежды будущаго времени.

Несказанно горестно для меня выражать нынѣ чувства мои на письмѣ и быть на чужбѣ въ такой день, который и для меня лично выражаетъ самую важную и счастливую эпоху моей жизни. Я не могъ рѣшиться оставить жену въ ея теперешнемъ положеніи, будучи напуганъ тѣмъ, что съ нею случилось прежде. Смѣю надѣяться, что хотя на одно мгновеніе воспоминаніе обо мнѣ представится вашему величеству въ этотъ день, въ который около васъ все будетъ такъ торжественно, и въ который я въ самомъ тихомъ уединеніи, среди семьи моей и вмѣстѣ съ нею буду молиться за васъ благодарнымъ сердцемъ съ полною вѣрою, что наша молитва будетъ услышана, ибо она соединена съ молитвою вѣрнаго и благодарнаго народа русскаго.

При письмѣ своемъ къ Государю Императору я осмѣлился приложить мои стихи ¹⁾, служащія изъясненіемъ той картины, которая была написана моимъ тестемъ Рейтерномъ и всеподданнѣйше поднесена Государю и Вашему величеству: мы хотѣли вмѣстѣ, разными языками, онъ кистію, я перомъ, сказать одно. Чувствую что мнѣ не удалось всего выразить такъ, какъ оно было у меня на сердцѣ: слова заупрямились согласиться съ тѣмъ, что было въ мысли. Благоволите принять милостиво приношеніе моей уже устарѣлой музыки: вы были всегда ея самымъ свѣтлымъ вдохновеніемъ. Дай Богъ, чтобы послѣднія строки стиховъ ²⁾, теперь ею подсказанныхъ мнѣ, были пророчествомъ. Но если это пророчество исполнится, то уже поэта на свѣтѣ не будетъ. Ваше величество и тогда объ немъ вспомните съ привычнымъ благоволеніемъ. Но пока онъ живъ, лучшимъ его сокровищемъ бу-

дети благодарная память о своей милостивой Императрицѣ, которой да пошлетъ Богъ всѣ свои благословенія на долгія годы.

Вашего Императорскаго величества

вѣрноподанный

В. Жуковский.

Дюссельдорфъ, 4 Июля / 22 Июня 1842 г.

№ 18.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Дюссельдорфъ].

[15/19 Ноября 1842 юда].

J'ose esperer, que Votre Majesté Imperiale, daignera prendre part au bonheur, dont le Seigneur a beni ma vie: il m'a rendu pere; une fille¹⁾ vient de me naitre. Je la mets aux pieds de Votre Majesté en invoquant sur sa tete Votre protection auguste. Il y a deja 8 (huit) jours qu'elle existe, etant née le 30 oct. 11 nov. et hier j'ai eu le bonheur de la faire baptiser; elle est apresent introduite dans la famille du Sauveur. Le même eclesiastique²⁾ qui a beni mon mariage sur le Rothenberg³⁾ dans l'Eglise greque de la S-te Catherine, est venu administrer le baptême à mon enfant. Elle a reçu le nom d'Alexandra....

En lui donnant ce nom j'ai exprimé les meilleurs voeux que j'ai à former pour son bonheur ici-bas tel que je l'entends. Que le bon ange de celle qui le porte, à la quelle j'ai pensé, en nommant par son nom ma fille, qui a eu tant d'influence bienfaisante sur ma propre vie, a la quelle enfin mon coeur gardera jusqu'à son dernier battement son culte, que son bon ange parle a celui de mon enfant et lui donne le secret de l'ame de celle que Dieu

lui a confié, pour que celle de ma fille chérie puisse un jour développer en elle ce qui fait le charme idéal de l'autre.

Il y a quelque chose d'ineffable dans ces mots: *ma fille*; et mon cœur tressaille d'attendrissement lorsque j'appelle ma fille Alexandra.

N'osant pas importuner Sa Majesté L'Empereur par une lettre particulière, j'ose prier Votre Majesté d'avoir la grâce d'être mon interprète près de mon auguste souverain: la science que mon enfant apprendra un jour le mieux sera celle de bénir en Lui et en Vous les bienfaiteurs de ses parents. Comme sa sujette elle n'aura d'autre tribut à porter aux pieds de son trône que ses prières pour son bonheur et sa gloire: ces prières seront ferventes comme celles de son père et de son cœur.

De Votre Majesté Impériale

le très humble sujet

Joukovsky.

Dusseldorf, 7/19 Novembre 1842.

№ 16.

Переводъ:

[Дюссельдорфъ].

[7/19 Ноября 1842 года].

Всемиловѣйшая Государыня.

Смѣю надѣяться, что Ваше Императорское Величество благоволитъ присоединиться къ радости, которой Господь благословилъ мою жизнь, сдѣлавъ меня отцемъ; у меня родилась дочь⁴). Повергаю ее къ стопамъ Вашего Величества и прошу оказать ей Ваше августѣйшее покровительство. Вотъ уже недѣля, какъ она появилась на свѣтъ; она родилась 30-го Октября/ 11 Ноября, и вчера я имѣлъ счастье ее окрестить; она вступила

теперь въ семью Спасителя. Тотъ же священникъ ^{а)}), который вѣнчалъ меня въ Ротенбергѣ ^{б)}), въ греческой церкви св. Екатерины, совершилъ обрядъ крещенія моего ребенка. Ей дали имя Александры.

Давъ ей это имя, я выразилъ мои наилучшія для нея пожеланія земного счастья, какъ я его понимаю. Пусть ангелъ хранитель Той, которая носить это имя, о которой я думалъ, называя ея именемъ мою дочь, которая имѣла такое благотворное вліяніе на мою собственную жизнь, преклоненіе предъ которой, наконецъ, сердце мое сохранить до послѣдняго своего бѣшенія, — пусть ея добрый ангелъ побесѣдуетъ съ ангеломъ моего ребенка и откроетъ ему тайну души Той, которую Господь ввѣрилъ ему, дабы въ душѣ моей возлюбленной дочери развилось современемъ то, что составляетъ идеальную прелесть другой.

Есть что-то неизяснимое въ словахъ: *дочь моя*, и сердце мое трепещетъ отъ умиленія, когда я называю мою дочь Александрой.

Не осмѣливаясь утруждать Его Величество Государя Императора отдѣльнымъ письмомъ, я беру на себя смѣлость просить у Вашего Величества милости быть моимъ ходатаемъ предъ моимъ августѣйшимъ Государемъ: наука, которую со временемъ мой ребенокъ будетъ знать лучше другихъ, это наука — благодарять въ Его и Вашемъ лицѣ благодѣтелей его родителей. Какъ подданная, она не повергнетъ къ подножію Его трона иной дани, кромѣ молитвъ о Его счастіи и славѣ: эти молитвы будутъ столь же горячи, какъ молитвы ея отца и ея сердца.

Вашего Императорскаго Величества

покорнѣйшій слуга

Жуковскій.

Дюссельдорфъ, 7/19 Ноября 1842 г.

1843 годъ.

№ 17.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Эмса].

[10/22 Юня 1843 года].

Всемиловѣйшая Государыня

Приношу Вашему Императорскому Величеству съ глубочайшею преданностию вѣрнопопданнаго мое усердное поздравленіе со днемъ вашего рожденія¹⁾. Это любезнѣйшій праздникъ моего отечества; дай Богъ намъ всѣмъ еще многіе, многіе годы продолжать видѣть, что Вы среди этой любящей Васъ семьи счастливы, столько счастливы сколько ваша семья вамъ того желаетъ.

Пишу Вашему Величеству изъ Эмса — сюда привела меня болѣзнь жены; благодаря Бога, Эмскіе воды здѣлали ей добро уже теперь; еще лучшаго дѣйствія ожидаю отъ послѣдствій леченія. По пріѣздѣ моемъ сюда живо возобновилось въ памяти моей, все то что было здѣсь со мною за три года передъ симъ — ужъ тому три года! Какъ страшно летитъ время! Здѣсь произошелъ рѣшительный переломъ моей жизни. Съ какимъ особеннымъ чувствомъ я долженъ былъ вспомнить объ васъ! Черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ изъ Эмса Государя Императора, который въ двухъ словахъ рѣшилъ мое будущее, въ самый день моего отъѣзда въ Дармштатъ, я пришелъ передъ обѣдомъ къ Вашему Величеству (не имѣвши еще до тѣхъ поръ случая говорить съ Вами подробно о томъ что со мною случилось).

Какой на всю жизнь незабвенный часъ провелъ я тогда съ Вами; вы слушали мою исповѣдь и согласились со мною, что не я самъ выбралъ судьбу свою что это судьба сама, посланная свыше, встрѣтила меня на моей дорогѣ, мною овладѣла и что мнѣ ничего иного не оставалось кромѣ благодарной, смиренной

покорности промыслу. Нашъ разговоръ начался вашимъ вопросомъ, простымъ, сердечнымъ, сказаннымъ съ тѣмъ правдушіемъ, которое васъ такъ отъ всѣхъ на свѣтѣ отличаетъ. Вы у меня спросили: *mon cher, ne faites vous pas une folie?* И въ то время, когда все еще было для меня впереди, все сомнительно, я незапинаясь отвѣчалъ вамъ: *нѣтъ!* и объяснилъ свое *нѣтъ* съ полнымъ убѣжденіемъ что мое внутреннее чувство и моя вѣра въ будущее меня не обманывали. А теперь, очутившись черезъ три года на томъ же мѣстѣ, гдѣ этотъ, можно сказать, роковой вопросъ былъ мнѣ сдѣланъ вами, я вижу васъ снова мысленно передъ собою и повторяю Вамъ свое тогдашнее *нѣтъ*, сказанное въ то время съ какою то безтрепетною надеждою на будущее, и теперь произносимое съ глубокою благодарностью къ Богу, такъ благостно, такъ вполне исполнившаго эту надежду, имъ же самимъ вложенную мнѣ въ сердце. Мое теперешнее *нѣтъ* есть выраженіе двухлѣтняго семейнаго счастья, въ которомъ все то напало, что надобно сердцу: а чувство этого счастья есть въ тоже время сладкое чувство благодарности къ тѣмъ, черезъ кого Богъ его даровалъ мнѣ, къ моему благодетелю Государю, къ вамъ и къ милому Великому Князю. Счастіе есть для меня въ одно время и радостное, трогательное, благодарное воспоминаніе.

Дней черезъ десять полагаю оставить Эмсъ и снова возвращусь въ Дюссельдорфъ. Хотѣлъ отпустить туда жену одну, а самъ ѣхать въ Штутгардъ для говѣнія, не имѣвъ возможности съѣздить туда въ великой постъ, но отмѣнилъ эту поѣздку до Августа мѣсяца, то есть до успѣнскаго поста. Въ Эмсѣ есть нѣсколько Русскихъ семействъ: Хитровъ ²⁾ съ женою и дочерью; М. Я. Нарышкина; генералъ Ростовцевъ ³⁾ съ семействомъ; Балашевъ съ женою (урожден. Паскевичъ); недавно пріѣхалъ Васильчиковъ ⁴⁾ съ женою (Архаровой) и дочери. Мнѣ сказали было будетъ въ Эмсѣ Канкринъ ⁵⁾, но онъ отправился въ Гастенъ. Дни два гоститъ въ Эмсѣ Смирновъ ⁶⁾; она оставила дѣтей въ Баденъ-Баденѣ и пріѣхала въ Эмсъ единственно для свиданія со мною. Нынче она уѣзжаетъ; ей вѣроятно надобно будетъ провести зиму

въ Италиі. Она проситъ меня положить ко стопамъ Вашего Императорскаго Величества ея усердное поздравленіе со днемъ вашего рожденія.

Оканчиваю письмо свое повтореніемъ за себя, за мою жену и за нашу дочь сердечнаго желанія, чтобъ Богъ благословилъ васъ, сохранилъ васъ и ваше семейство и упрочилъ въ васъ и вокругъ васъ неизмѣнное счастье. Жена моя осмѣливается съ искреннею любовію поцѣловать руку своей милостивою Императрицы.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

В. Жуковский.

Эмсъ, 10/22 Іюня 1843 г.

№ 18.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Дюссельдорфъ].

[12/24 Октября 1843 года].

Всемиловѣйшая Государыня

Я уже приносилъ Вашему Величеству черезъ Государя Наслѣдника мое поздравленіе съ новымъ счастьемъ¹⁾ вашего семейства, которое несказанно меня обрадовало на чужой сторонѣ. Но я всѣмъ сердцемъ пожалѣлъ что я не на Родинѣ, что я не въ Москвѣ, когда прочиталъ въ Газетахъ, что Вы и Великій князь поѣхали въ Москву навстрѣчу Государя Императора дабы съ Нимъ вмѣстѣ праздновать рожденіе вашего Внука. Мнѣ бы должно было непременно быть на этомъ праздникѣ: въ Кремлѣ онъ имѣлъ великое, трогательное, поэтическое значеніе, и я бы желалъ поглядѣть въ этомъ Кремлѣ на великаго Князя, уже

отца, тамъ, гдѣ я первый увидѣлъ его въ пеленкахъ. Сохрани намъ Богъ этаго милаго младенца и дай ему такъ же здраво созрѣть какъ его отецъ, а Государю и Вамъ долго ими радоваться.

Я имѣлъ счастье видѣть Государя Императора въ Берлинѣ гдѣ прожилъ столько же времени, сколько и Государь²⁾). Послѣ отъѣзда Его Императорскаго Величества я остался еще на два дни, ибо Его Величеству королю³⁾ угодно было меня пригласить въ Потсдамъ. Въ эти дни моей Берлинской жизни прошедшее или лучше сказать давнопрошедшее съ особенною живостію во мнѣ обновилось. Сколькихъ нѣтъ изъ прежнихъ, самыхъ милыхъ! Въ Шарлоттенбургѣ вспомнилъ я тотъ день, когда Ваше Величество посѣтили гробницу своей Матери вмѣстѣ съ ея внукомъ; вы тогда мнѣ принесли изсохшій листокъ съ этой гробницы; я берегу его съ благоговѣніемъ. Теперь рядомъ съ первымъ монументомъ стоитъ другой⁴⁾ — нельзя на него смотрѣть безъ умиленія. Въ этомъ снѣ выражена чистая жизнь; художникъ угадалъ то выраженіе, которое должно было имѣть лице этого добраго короля, когда послѣ непорочнаго дня своего онъ засыпалъ сномъ непорочнымъ. И теперь онъ спитъ послѣ прекраснаго дня жизни, и конечно на душѣ его осталось тоже выраженіе минувшей жизни, какое при каждомъ здѣшнемъ, успокоительномъ снѣ должно было царствовать на лицѣ его. Я думаю что Ваше Величество уже получили и прочитали книгу Эйлерта⁵⁾. Въ ней много лишняго, она длинна; но въ тоже время въ ней такъ много прекраснаго, такъ много живо напоминающаго! Я послалъ экземпляръ и къ Великому князю изъ Берлина.

Эйлертъ изъ многихъ отдѣльныхъ рѣчей Короля составилъ длинныя рѣчи въ связи; впрочемъ онъ имѣлъ часто случай съ нимъ говорить уединенно и могъ слышать то, чего не могли слышать другіе, особливо о высокиихъ предметахъ христіанства. Все, что онъ приводитъ изъ слышаннаго имъ отъ Короля, удивительно и здравостію ума и теплотою простаго чувства. Я прочиталъ многое съ восхищеніемъ и слезами. — Нынѣшній король сохра-

нигъ ко мнѣ свою прежнюю милость; мое сердце преисполнено къ нему искренней любви и благодарности. По своему высокому просвѣщенію, по своей чистотѣ душевной, по своей любви къ правдѣ, по своимъ безкорыстнымъ намѣреніямъ онъ можетъ служить образцемъ лучшихъ государей; но нашъ вѣкъ безуменъ въ своихъ стремленіяхъ и глухъ на правду; онъ не пойметъ или не услышитъ его голоса⁶⁾. Буйство подъ ружьемъ; и оно бы давно уже зажгло войну, когда бы его близнецъ эгоизмъ его не обуздывалъ, парализируя его стремительность личною корыстію. Какое мѣсто Фридр. Вильгельмъ IV займетъ въ исторіи записывающей факты, предугадать нельзя, но въ исторіи души царской, еслибъ она могла быть писана для людей (но ее читаетъ Богъ) онъ занялъ бы первое мѣсто. А на землѣ все для души; Царство и родъ человѣческой суть только явленія: существуетъ одна душа; и каждая отдѣльная душа на *своемъ* мѣстѣ значить болѣе нежели всѣ царства земныя взятыя вмѣстѣ. .

Сидя за столомъ на королевскомъ обѣдѣ и видя сидящихъ рядомъ моего Императора и Короля Прусскаго я думаю про себя, что передо мной лучшіе, первые люди нашего времени, сходные высокостію характера, чистотою намереній и созданные любить и понимать другъ друга: здѣсь не можетъ быть одной политической дружбы, здѣсь должна и можетъ быть личная, рыцарская дружба. А въ такой дружбѣ благо народовъ: въ наше время, когда все трещитъ и ломается, много спасительной силы заключено быть можетъ въ душевномъ союзѣ Царей, согласныхъ любов(ь)ю къ правдѣ, вѣрѣ и истинной свободѣ.

Чтобы обратиться отъ высокаго къ мелкому скажу Вашему Величеству, что король, разговорясь со мною о давнопрошедшемъ, подарилъ мнѣ Спонтиніеву музыку, написанную на праздникъ Лалла Рукъ⁷⁾. Одна изъ сестеръ моей жены прекрасно играетъ на фортопяно, она и младшая сестра поютъ очень пріятно и я такимъ образомъ часто даю себѣ въ своемъ уединенномъ уголку этотъ праздникъ и подъ музыку много давно прошедшаго воскресаетъ: въ звукахъ есть чтото безсмертное, хотя

сами они бытія не имѣютъ. Съ ними то, что прошло, является снова точно какимъ оно нѣкогда было, во всей своей прежней свѣжести и молодости,

Und manche liebe Schatten stehen auf.

Около меня и другія тѣни теперь летаютъ, тѣ которыя къ намъ вызываетъ поэзія. Теперь она прикликала ко мнѣ гигантскую тѣнь Гомера и я рассказываю по русски то что онъ рассказалъ за 3000 почти лѣтъ по гречески; перевожу Одиссею, хочется перевести ее такъ, чтобы въ моемъ переводѣ сохранена была ея прадрѣдовская простота древняго Поэта и что бы чтеніе Одиссеи сдѣлалось доступно всѣмъ возрастамъ. Этотъ трудъ красить мое уѣдиненіе. И въ немъ бы жило со мною теперь полное счастье, еслибъ этой радостной, тихой жизни не тревожила забота о женѣ; она опять начала страдать тѣмъ же, чѣмъ страдала до своей поѣздки въ Эмсъ; воды сначала ей помогли; теперь опять все по старому и думаю, что на будущей годъ ей опять надобно будетъ прибѣгнуть къ Эмсу. Прошу Ваше Величество милостиво простить меня, что вхожу въ такія подробности о моей жизни: внѣшній широкій міръ для меня какъ будто не существуетъ и мнѣ не о чемъ говорить, какъ о себѣ и о своемъ. Вы же, принявъ такое участіе въ устроеніи моей теперешней жизни, конечно не безъ участія удостоите вниманія иногда и ея мелкія обстоятельства. — Прошу Бога чтобы онъ сохранилъ Ваше драгоцѣнное здоровье со всемъ вашимъ благословеннымъ семействомъ.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

Жуковский.

г. Дюссельдорфъ. 12/24 Октября 1843 г.

1844 годъ.

№ 19.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

*[Дармштатъ].**[25 Марта 1844 года].*

Всемиловѣйшая Государыня!

На канунъ свѣтлаго праздника приношу Всемиловѣйшему Государю Императору и Вашему Императорскому Величеству мое усерднѣйшее поздравленіе. Богъ привелъ мнѣ опять встрѣтить этотъ праздникъ вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ, съ которымъ такъ же вмѣстѣ имѣлъ я счастье и причаститься святыхъ Тайнъ, какъ то бывало въ прежнее время въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ. Въ эти часы я былъ благодарною мыслию и съ Вами и сердцу моему живо представлялась Ваша всегдашняя, неизмѣнная, конечно и теперь неизмѣнная ко мнѣ милость: этому воспоминанію оно навсегда останется вѣрнымъ; это воспоминаніе будетъ всегда яснымъ свѣтомъ моей теперешней, благодаря Вамъ, тихой и беззаботной семейной жизни. — Къ несчастію болѣзнь моей малютки, которую тревожатъ теперь прорѣзывающіеся зубы, помѣшала мнѣ привезти съ собою въ Дармштатъ жену, которую было бы мнѣ такъ радостно представить Ихъ Высочествамъ. Но моя благосклонная звѣзда и тутъ мнѣ неизмѣнила: Государь Наслѣдникъ ѣдетъ черезъ Дюссельдорфъ въ Гагу; на возвратномъ пути онъ обѣщается посѣтить мой маленькій домишко; такимъ образомъ я буду имѣть несказанное счастье показать ему свою дочь и свою добрую жену, которая далеко превзошла тѣ надежды земнаго счастья, которыя родились во мнѣ въ то время, когда я такъ неожиданно былъ по милости Божіей награжденъ ею безъ моей заслуги. Она есть для меня безпре- станнѣйшій живой представитель тѣхъ благотвореній которыми осы-

пали меня мой Государь и Его благословенное семейство. — Посѣщеніе великаго князя будетъ заключеніемъ моего пребыванія въ Дюссельдорфѣ; въ концѣ будущаго Мая переселюсь во Франкфуртъ; женѣ моей нужно солидное леченіе и я хочу ее ввѣрить доктору Коппу.

Полагаю ко стопамъ Вашего Императорскаго Величества мою глубочайшую благодарность за мою сироту Воейкову¹⁾. Въ минуту несчастія вы всегда близки. Ея душѣ, вполнѣ осиротѣвшей, открылся теперь пріютъ надежный; мысль, что она будетъ находиться при великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, для меня совершенно успокоительна на счетъ будущей судьбы ея: вижу здѣсь не одну высокую честь, не однѣ выгоды вѣрнаго существованія; тутъ есть нѣчто гораздо высшее; въ такомъ сосѣдствѣ, подъ такимъ покровомъ будетъ для нее много драгоценныхъ сокровищъ душевной жизни. Благословляю всѣмъ сердцемъ Вашу царскую, материнскую милость.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

В. Жуковскій.

Дармштатъ, 25 Марта 1844 г.

1846 годъ.

№ 20.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Франкфуртъ на Майнѣ] [24 Февраля/8 Марта 1846 года].

Всемиловѣйшая Государыня.

Полагаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества сердечное, радостное поздравленіе мое и всѣхъ моихъ съ счастливымъ, столь желаннымъ для насъ событіемъ¹⁾ въ Вашемъ Цар-

скомъ семействѣ. Благослови Богъ этотъ бракъ и да будетъ тотъ часъ, въ который произнесено на него согласіе, началомъ долговременнаго, высокаго счастья для нашей несравненной Невѣсты. Ваше материнское сердце наконецъ, послѣ долгаго лишенія, вкусило полную радость: она есть награда отъ Бога за смиреніе передъ Нимъ и за покорность Его Власти: эта радость будетъ для Васъ дѣйствительнѣе прекраснаго климата Италіи *) — она укрѣпитъ возвращенное имъ Ваше здоровье; Россія съ восхищеніемъ встрѣтитъ свою добрую Царицу и вмѣстѣ съ нею отпразднуетъ ея и свой семейный праздникъ и соединитъ съ сердцемъ ея свои молитвы за ея милую жизнь, за неизмѣнное благоденствіе этой жизни, за счастье дѣтей Ея. Въ этомъ громкомъ хорѣ общей молитвы будетъ и тихая наша, совершаемая въ смиренномъ кругу домашнемъ, гдѣ все напоминаетъ о Васъ, гдѣ все настоящее упрочено Вашими милостями и гдѣ живетъ память Прошедшаго, столь счастливаго въ благословенной близости Вашей. — Вмѣстѣ съ моими обѣтами приношу Вашему Величеству и обѣты жены моей, которая съ благодарностію къ Богу помышляетъ о томъ счастьи, какое онъ далъ ей почувствовать въ благостномъ Вашемъ присутствіи.

Вашего Императорскаго Величества

Вѣрноподанный

Жуковскій.

Франкфуртъ на Майнѣ, 24 Февраля, 8 Марта.

1848 годъ.

№ 21.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Баденъ-Баденъ].

[10/22 Сентября 1848 года].

Всемилоствѣйшая Государыня.

Давно не имѣлъ я счастья писать къ Вашему Императорскому Величеству, не смѣя тревожить Вашего вниманія. И что кромѣ печальнаго могъ я писать въ послѣднее время? Оно и безъ меня доходило до Вашего свѣденія. Теперь пользуюсь отъѣздомъ Государыни Великой Княгини, чтобы возобновить въ Памяти Вашего Величества мое изгнаническое существованіе: странное дѣло! какъ ни давно я розно съ отечествомъ, а все, кажется, какъ будто вчера васъ видѣлъ; эти два дня Ниренбергской встрѣчи съ Вашимъ Величествомъ глубоко врѣзались въ память сердца; они не уходятъ въ даль, они непрошедшее, они мое милое, всегда присутственное настоящее. Но что же мы пережили съ этихъ дней, въ которыя видѣлъ я васъ, ѣдущихъ съ в. к. Ольгою Николаевною искать здоровья подъ свѣтлымъ и покойнымъ небомъ Сициліи, до теперешней минуты, въ которую я спѣшу встрѣтить великую Княгиню Кронъ Принцессу Виртембергскую въ Брухзалѣ на пути ея въ Россію! Можно сказать, что вся всемірная исторія въ эти немногіе дни повторилась, но повторилась не для созданія а для разрушенія¹⁾. Когда произошло нашествіе варварскихъ *народовъ* на Имперію римскую, она разрушилась на части, изъ которыхъ въ теченіе временъ образовались новыя государства теперь произошло другаго рода нашествіе, гораздо болѣе губительное, ибо оно губить не одинъ матеріальный составъ, государствъ, но и возможность произвести какой нибудь новый твердый составъ государственный, *нашествіе варвар-*

скихъ идей, которыя все опрокинули, на чемъ стоять человѣческое общество: нѣтъ вѣры, нѣтъ могущества власти, нѣтъ покорности долгу, все это мало по малу тайно и явно было въ теченіе послѣднихъ лѣтъ подкапываемо вредными доктринами; правительство Германіи недѣйствовало; наконецъ одинъ сильный толчекъ — французская революція — и все разшиблось въ куски. Ктобы могъ вообразить возможнымъ, что бы все, что въ своемъ медленномъ ходѣ, творили вѣка, одинъ другому передавая въ наслѣдство продолженіе и довершеніе своего дѣла, чтобы всѣ эти великія борябы политическія и религіозныя, изъ коихъ вышло такъ называемое *равновѣсіе политическое Европы*, чтобы все, что создано было знаменитыми германскими императорами, и монархами славнаго дома Гогенцоллерновъ, чтобы великое наслѣдство силы, оставленное Пруссіи великимъ Фридрихомъ и чтобы наконецъ все, что, послѣ Наполеоновскаго военнаго деспотизма, опрокипутаго союзомъ Царей и нашимъ Александромъ, было устроено на новыхъ основаніяхъ, казавшихся болѣе прочными, ибо они положены были на фундаментѣ христіанства, чтобы все это огромное зданіе могло вдругъ упасть отъ одного дуновенія. Франція ударила въ набать — и вдругъ въ муравейникѣ Европы, въ маленькой Баденской области, въ ничтожномъ провинціальномъ ея городкѣ сходится маленькая шайка радикаловъ, профессоровъ, адвокатовъ, студентовъ, никѣмъ не призванныхъ, безъ всякаго мандата; эта шайка черезъ Гейдельбергъ, гдѣ она увелчивается, переселяется во Франкфуртъ, своевольно провозглашаетъ себя Предварительнымъ Парламентомъ³⁾, выбираетъ изъ среды своей нѣсколько бѣшеныхъ говоруновъ, и бессмысленныя декламациі этихъ самозванцевъ уничтожаютъ въ нѣсколько дней всю древнюю Германію: передъ ними цѣпенѣютъ всѣ Германскіе Государи, окруженные сильными и еще имъ вѣрными арміями, они произносятъ смертный приговоръ всѣмъ историческимъ правамъ, одною чертою пера зачеркиваютъ всѣ страницы исторіи; Германскій союзъ уничтоженъ; величіе монархической власти обругано; покорствуя бѣшенымъ крикунамъ, выдающимъ себя

за представителей небывалаго самодержавнаго народа, она безмолвно признаетъ надъ собою самовольно созданный имъ парламентъ, и столь же самовольно избраннаго викарія Германіи³⁾. Но это послѣднее избраніе можно въ настоящую минуту назвать почти спасеніемъ—столь необходима верховная власть, что даже и тѣнь ея служить опорой и защитой. Если бы теперь эта тѣнь власти не случилась во Франкфуртѣ, то теперь уже повсюду горѣла бы война междоусобная подъ краснымъ знаменемъ коммунизма. Попытка Штруя⁴⁾ могла бы обратиться въ общее бѣдствіе при всей ничтожности силъ этаго безумнаго разбойника. Но это мгновенное изъявленіе власти никого не пробудило: правительства всѣ еще въ обморокѣ отъ внезапнаго страха. А между тѣмъ у всѣхъ передъ глазами, явно, съ неописаннымъ нахальствомъ, даже почти хвастая своими разбойничьими замыслами, шайка мятежниковъ, дерзкая только общеою трусостію, продолжаетъ работать *въ свою пользу*. И все ей помогая, бунтуетъ, но бунтуетъ не противъ *злоупотребленія*, а противъ самаго существованія власти, противъ всякой узды, налагаемой ею на развратъ воли, на изступленіе страсти, на буйство безвѣрія, хотятъ не измѣненія, не преобразованія, а просто уничтоженія всякой границы, забывая, что свобода не есть самовольство надъ долгомъ въ угожденіе страсти, а власть свободная надъ страстію въ угожденіе долгу: противъ такой свободы теперь проповѣдуютъ со всѣхъ кровель, все бунтуетъ: *чернь* бунтуетъ противъ монарха и хочетъ быть сама монархомъ, не позволяя даже Богу *милостію своею* раздавать власть земную и эту то чернь провозглашаютъ *самодержавнымъ народомъ* (peuple souverain) ея достойные представители на площадяхъ, въ клубахъ и камерахъ, и ни одинъ голосъ не смѣетъ сказать имъ въ опроверженіе, что народъ составляютъ *всѣ* члены государственнаго тѣла (начиная съ *головы* то есть съ правящаго монарха и съ *состояній*, хранящихъ порядки, защищающихъ, учащихъ, до подошвы, то есть до работающаго земледѣльца), а не одни *ноги*, которыхъ механическая слѣпота — (хотя они все поддерживаютъ и все приводятъ

въ матеріальное движеніе)—не можетъ управлять очами мыслящей головы. *Присяжный* (le juré) бунтуетъ противъ правосудія, и угрождаетъ черни, оправдывая разбой и убійство, въ какомъ бы они видѣ ни являлись, въ мятежѣ ли фанатика Геккера⁵⁾, въ стихахъ ли презрительнаго Фрейлиграта⁶⁾, бѣшено грызущаго руку, изъ которой прежде принималъ произвольно благотвореніе; *книгопечатаніе*, публичный органъ мысли, бунтуетъ противъ здраваго смысла, истины, справедливости, чести и обращаетъ священное человѣческое слово въ стилетъ убійцы, или въ отраву разврата, или въ факель пожарнаго мятежа; *Проповѣдникъ Христа* бунтуетъ противъ Его церкви и увлекаетъ въ безвѣріе другихъ, чтобы имъ закрасить собственное отступничество; *Горожанинъ* бунтуетъ противъ *солдата*, охраняющаго его жизнь и собственность, а когда ему самому придется защищать ихъ прячется въ уголъ или поддается подкупленнымъ витязямъ баррикады, истиннымъ врагамъ его жизни и собственности; *Ремесленникъ* бунтуетъ противъ *владѣльца и фабриканта*, дающихъ ему работу, и, въ ожиданіи великаго событія, когда разбоемъ разхитить ихъ имущество, а съ нимъ, и собственныя средства добывать работу и пропитаніе, привыкаетъ къ праздности и разврату. Однимъ словомъ кто теперь не бунтуетъ или не борется съ бунтомъ? Кто теперь не разоренъ матеріально и нравственно? Кто не обѣднялъ или имуществомъ или безопасностію личною? Кто не обѣднялъ уваженіемъ къ прошедшему, довѣренностію къ настоящему, надеждою на будущее? Таково зрѣлище представляемое теперь Германію. Но какое бы иное зрѣлище она представила, еслибъ высокія намѣренія короля Прусскаго⁷⁾ *во время* были исполнены. Онъ зналъ лучше всѣхъ своихъ современниковъ, чего требовала Германія; и приготовленный имъ новый порядокъ былъ основанъ на сохраненіи всего необходимаго историческаго съ устраненіемъ всего обвѣтшалаго, нашему времени уже чуждаго; этотъ порядокъ удовлетворилъ бы всѣмъ *праведнымъ* требованіямъ; *Германскій союзъ*, трупъ, никогда души не имѣвшій, здѣлался бы живымъ, могучимъ хранителемъ общаго

благоденствія, это всѣми желаемое *единство* могло бы произойти безъ уничтоженія самобытности частной; достоинство сана монаршаго и въ немъ ручательство за будущее осталось бы неприкосновеннымъ. Горе проникаетъ всю душу, когда подумаешь объ этой трагической неудачѣ и о томъ разореніи, которое должно было произойти въ этой царской, высокой, чистой душѣ отъ гибели всѣхъ ея прекрасныхъ надеждъ, отъ утраты всей ея внутренней жизни. На него падаетъ всеобщее обвиненіе; и къ несчастію здѣсь судъ людей (не судъ Божій) правъ. При всѣхъ качествахъ, какія только могутъ украшать человѣческую душу, ему не достаетъ одного: *рѣшимости* для исполненія, рѣшимости въ надлежащую минуту. Одна минута все погубила. Если бы онъ вмѣстѣ съ своею вѣрною гвардіею вышелъ изъ Берлина въ минуту бунта и, ставъ передъ воротами своей столицы, потребовалъ бы повиновенія — теперь бы и Пруссія и вся Германія были усмирены и дѣло преобразованія пошло бы путемъ законнымъ и не было бы вырвано изъ рукъ монарховъ законодателями черни. Такъ было угодно провидѣнію. Наше безбожное время есть самый краснорѣчивый проповѣдникъ Бога, понятнѣе нежели когда нибудь говоритъ оно человѣку: что ты безъ Бога? Ты сказалъ: я *одинъ* все устрою; смотри же что безъ него твои созданія. Но кто теперь вслушается въ такую проповѣдь? Пруссія все еще осталась до своего спасенія въ этой бурѣ; ея Государь все еще имѣетъ въ рукахъ своихъ сильныя средства. Но пробудится ли онъ въ своей силѣ? А когда согласишься, что дѣлаютъ его министры (не говорю уже объ этомъ грязномъ національномъ собраніи) то подумаешь, что онъ окруженъ предателями, согласившимися погубить монархію; но они губятъ отъ трусости, губятъ Государство потому, что боятся оскорбить уличныхъ бродягъ Берлина. А что Берлинъ? Онъ не Пруссія; лучшая часть Пруссіи вся за короля, за него еще и все войско — но это войско, теперь вѣрное, устоитъ ли противъ безпрестанныхъ обольщеній, которыми развращаютъ его мятежники явные и тайные? Пошли Богъ свою силу этой душѣ, которая такъ вѣрна

Его волѣ. Выписываю здѣсь заключеніе письма⁸⁾ Его ко мнѣ, въ отвѣтъ на мое, которое по одному особенному обстоятельству⁹⁾ я долженъ былъ написать къ нему.

Ah! cher Joukowsky quel temps! et quelle engence que celle qui regne et fait regner!! L'ame se desseche sous la soufle homicide des miserabilités colossales et destructives d'un temps qui veut *tout* et qui ne peut *rien*, d'un temps qui n'a pour seule excuse que son plus abominable peché — l'apostasie. Unissez vos ferventes prieres aux miennes pour que Dieu aie pitié de nous! qu'il benisse mes choix et mes projets. Ma patience est a bout. Je ne releve de ma chute ou pour tomber à jamais, ou—si notre seigneur m'est secourable—pour commencer une nouvelle ère pour la Prusse et l'Allemagne.

О Благослови его Богъ! Но это письмо, полученное мною тому два дни, писано 18 Сентября еще пропавшій мѣсяць.

Прилагаю при семъ брошюрку, которая выражаетъ чувства теперь болѣе и болѣе разпространяющія въ Пруссіи. Мало по малу начинаютъ раздаваться и голоса въ пользу правды.

Послѣ всего вышесказаннаго говорить о самомъ себѣ было бы неприлично. Если вашему Величеству будетъ угодно узнать что нибудь объ моихъ обстоятельствахъ, то благоволите удѣлить нѣсколько минутъ на прочтеніе моего письма къ Государю Наслѣднику. Скажу одно: теперь благодарю самаго себя, что страхъ холеры принудилъ меня остаться; женѣ, которой хуже нежели прежде, нужно *коренное* леченіе. Я отдалъ ее на руки Гуггерта въ Баденѣ. Остальное въ Божіей власти. Прошу его только объ одномъ, чтобы отвратилъ отъ меня несчастіе навлечь на себя неодобрѣніе этимъ принужденнымъ продолженіемъ заграничной жизни отъ Государя Императора.

И я и жена и дѣти наши полагаемъ ко стопамъ вашего Величества нашу благоговѣйную любовь. Благослови Богъ Царя, Царицу и все ихъ семейство.

Вашего Императорскаго величества

вѣрноподанный Жуковскій.

Баденъ-Баденъ, 10/22 Сентября 1848 г.

1850 годъ.

№ 22.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Баденъ-Баденъ]

[12/24 Ноября 1850 года].

Всемиловѣйшая Государыня.

Я помню живо ту минуту, когда, за двадцать пять лѣтъ передъ симъ, на канунѣ роковаго 14 декабря¹⁾, я пришелъ къ Вашему Императорскому Величеству; тогда вы сказали мнѣ: Vous pouvez maintenant nous faire vos condoleances; mon mari doit regner. На другой день я увидѣлъ васъ, когда вы, въ утреннемъ, бѣломъ платьѣ, переходили, ведя за руку Наслѣдника, на половину покойной Императрицы. Тогда весь дворъ былъ въ собраніи, все блистало и все было мрачно, потому что уже на площади кипѣлъ бунтъ и Императоръ стоялъ подъ пулями: я помню васъ; вы и теперь какъ будто у меня передъ глазами: на лицѣ вашемъ не было робости, была одна тихая, величественная покорность вышней волѣ; она тогда глубоко тронула мое сердце и воспоминаніе объ этомъ образѣ никогда не покинетъ его. Вечеру я увидѣлъ Васъ снова—все было кончено и Россія однимъ днемъ познакомилась на всегда съ своимъ Государемъ; въ той-же простой одеждѣ вмѣстѣ съ Царемъ, отстоявшимъ свой тронъ, и съ наслѣдникомъ вы прошли передъ нами въ церковь и стали посреди ея на колѣни. Отдѣльно отъ всѣхъ, втроемъ, и никому не пришло въ голову послѣдовать этому примѣру, хотя бы тому и слѣдовало быть; но какое то общее чувство сказало всѣмъ: эта благодарная молитва есть таинство, мы можемъ быть только ея свидѣтелями, можемъ ее только про себя повторять, но ея торжественное приношеніе есть жертва, *Имъ* однимъ въ эту минуту принадлежащая. Вечеръ этого дня я провелъ у Карамзина.

Съ нимъ часто бывали у меня разговоры объ Васъ и онъ не всегда былъ на вашей сторонѣ, но тутъ онъ мнѣ сказалъ: *ne me parlez plus de Votre Imperatrice, c'est une femme admirable.* Вы помните, что Карамзинъ почти весь этотъ день провелъ вмѣстѣ съ Вами въ комнатахъ покойной Императрицы, гдѣ онъ видѣлъ то, что происходило тамъ, въ такую минуту, когда высказывается само собою все, что таятся въ глубинѣ человѣческаго сердца. Повторяю это свидѣтельство его объ Васъ по прошествіи двадцати пяти лѣтъ Вашей царской жизни для того, чтобы при торжествѣ вашего юбилея вы съ любовію вспомнили о нашемъ Карамзинѣ, о его чистомъ сердцѣ, о его высокомъ разумѣ и о его привязанности къ царю, которая такъ горячо началась тогда въ его сердцѣ и которой не дано было ему доказать послѣ на дѣлѣ. Къ памяти о Карамзинѣ присоединяю и мое поздравленіе, которое вмѣстѣ съ женою, съ дѣтьми и со всею моею семьею благоговѣнно полагаю ко стопамъ вашего Императорскаго Величества. Большая часть этого двадцати пяти лѣтъ была проведена мною въ близи вашего благословеннаго семейства: воспоминаніе объ этомъ свѣтломъ времени моей жизни неувыдаемо живеть въ моемъ сердцѣ. И особенно въ воспоминаніи о Васъ есть для меня что-то молодое, изображающее и хранящее во мнѣ поэзію того времени. Съ тѣхъ поръ, какъ я удалился изъ круга, очарованнаго вашимъ милымъ присутствіемъ, я, можно сказать, разстался со внѣшнимъ свѣтомъ, я заперся въ тѣсномъ кругу семейной жизни. На старости лѣтъ я вступилъ въ строгую школу: семейство есть вѣнецъ земной жизни; но это вѣнецъ изъ розъ свитыхъ съ тернами³⁾. Я однако не ропщу на мои терны и учусь благодарить за нихъ Бога. Вотъ уже десятый годъ, какъ я удаленъ изъ отечества силою семейныхъ обстоятельствъ. Сначала мнѣ хотѣлось пожить на просторѣ, про себя, незаботясь ни о чемъ; если бы я послѣ первыхъ двухъ лѣтъ моей заграничной жизни возвратился въ Россію, моя домашняя жизнь была бы теперь совсѣмъ устроена. Но я, какъ говорится, зажился, далъ себѣ волю, привычка приковала меня къ тишинѣ уединенія, съ

которымъ мнѣ такъ было весело и пріятно. А когда наконецъ я поднялся въ путь, Богъ послалъ на мою жизнь великое испытаніе, которое съ тѣхъ поръ ею владѣетъ — болѣзнь моей жены, сокрушающую мое семейное счастье. Это испытаніе длится уже шестой годъ. Въ 1848 году я уже былъ готовъ пуститься въ путь и всѣ мои пожитки тогда же отправилъ въ Петербургъ; но холера меня остановила и это было къ добру, ибо Эмскія воды въ этотъ годъ только что повредили женѣ моей; а революція перебросила насъ изъ Франкфурта въ Баденъ, гдѣ Гугертъ нѣсколько помогъ женѣ, но болѣзнь такъ упряма, что и въ нынѣшнемъ году, когда все было готово къ нашему отъѣзду, я долженъ былъ снова остаться. А моя собственная болѣзнь возпрепятствовала мнѣ съѣздить въ Варшаву, чтобы имѣть счастье увидѣть ваше Императорское Величество.....

Но къ чему я все это пишу? Въ немногихъ словахъ я немогу вполне изобразить передъ Вами всего моего положенія; а входить въ подробности нельзя; могу ли мучить вниманіе Вашего Величества ничтожными мелочами моей жизни. Между тѣмъ эти мелочи ее изнуряютъ. Я часто прихожу въ уныніе отъ мысли, что я какъ будто отчужденъ отъ отечества, что мои дѣти еще съ нимъ незнакомы, что первые ихъ годы прошли на чужбѣ, что я могу умереть, не передавъ ихъ отечеству, которому жизнь ихъ должна быть посвящена, и что наконецъ можетъ быть мое невольное, столь долговременное, столь для меня часто мучительное и во всѣхъ отношеніяхъ вредное отсутствіе будетъ изъяснено въ невыгодную для меня сторону. Правда, у меня есть добрый Ангелъ хранитель⁸⁾, онъ знаетъ хорошо и мое положеніе, и всѣ мои мысли; онъ будетъ моимъ представителемъ и заступникомъ передъ Государемъ и Вами. Смѣю однако думать, что время и отдаленіе мнѣ передъ Вами не повредили. Хотя я и не позволялъ себѣ тревожить васъ своими письмами; но я вѣрю вашему вѣрному сердцу; Вы не отымете у меня моего милѣйшаго сокровища, той милости, которою я былъ такъ счастливъ въ прежнее время: эту вѣру укрѣпляетъ во мнѣ воспоминаніе о моей встрѣчѣ съ Вашимъ Ве-

личествомъ въ Ниренбергѣ. Я не могу думать безъ слезъ объ этихъ двухъ дняхъ нашего съ Вами свиданія, когда передъ глазами моими такъ умиительно явилась вся та прелесть, которая радовала мое сердце прежде и никогда изъ него не выйдетъ. Когда я Васъ увидѣлъ послѣ уже четырехъ лѣтъ моей жизни внѣ отечества, мнѣ показалось что я расстался съ Вами только наканунѣ, такъ все въ Васъ было неизмѣнно тоже:

Моя Поэзія, мой свѣтлый идеалъ.

Несказанно сожалею, что не удалось мнѣ быть въ Варшавѣ; но, обдумывая всѣ обстоятельства, увѣряюсь, что эта помѣха къ лучшему, сколь она для меня же прискорбна. Теперь же покорно донашиваю мой крестъ чужеземной, бивачной жизни. Богъ наложилъ его на мои плечи; авось онъ позволитъ мнѣ сложить его будущею весною. Кому добровольно захочется жить посреди этого революціоннаго хаоса, который часъ отъ часу увеличивается и портитъ настоящее, угрожая будущему. Сносить безропотно крестъ мой между прочимъ помогаетъ мнѣ и то, что я теперь безпрестанно занятъ и такъ занятъ, что желалъ бы утратить время: я здѣлалъ себя учителемъ моихъ дѣтей, даю уроки теперь и готовлю уроки для будущаго ибо хочу самъ ихъ приготовить къ подробному, высшему ученію; Пока еще учу дочь, но скоро примусь и за сына: въ этомъ занятіи много прелести и его достаточно для наполненія всѣхъ минутъ жизни. Но старость беретъ свое, да и время на старости невыразимо скоро мчится. Позволить ли Богъ употребить на пользу дѣтей мои послѣднія годы — Его воля! но какъ бы я желалъ, чтобы эти годы прошли не даромъ и для отечества, чтобы въ немъ обо мнѣ осталось доброе воспоминаніе и чтобы Государь, Вы и мой несравненный великій князь теперь похвалили мою старость а современемъ могли бы вспоминать обо мнѣ съ благоволеніемъ и перенесли это благоволеніе на мое семейство.

Благослови Васъ Богъ и сохрани намъ въ Васъ долго, долго любезнѣйшее сокровище нашего отечества. Съ этою молитвою я

и моя жена и мои дѣти цѣлуемъ руку нашей милостивой, несказанно нами любимой Императрицѣ.

Вашего Императорскаго Величества вѣрнопогоданный

В. Жуковскій.

Баденъ-Баденъ, 1850 г. $\frac{12}{24}$ ноября.

1852 годъ.

№ 23.¹⁾

[Баденъ Баденъ].

[13/25 Января 1852 года].

Всемиловѣйшая Государыня!

Приношу Вашему Императорскому Величеству живѣйшую благодарность за подарокъ на новый годъ, который Вы мнѣ такъ милостиво благоволили здѣлать, и который принесъ мнѣ новое счастье, возобновивъ старое, начинавшее казаться мнѣ потеряннымъ: приношу благодарность за тѣ немногіе слова, которые Графиня Толстая передала мнѣ въ письмѣ своемъ отъ имени Вашего Императорскаго Величества; на эти слова отозвалось въ глубинѣ моего сердца все то прошедшее счастливое время, которое провелъ я вблизи Вашей, и въ которое Вы были такъ ко мнѣ постоянно милостивы. Вотъ уже болѣе 10 лѣтъ, какъ я розно съ Россіей; первые 3 или 4 года этаго времени прошли для меня тихо и весело въ тѣсномъ кругу семейномъ; съ тѣхъ поръ до настоящей минуты жизнь моя была почти безпрестан-

нымъ испытаніемъ: съ одной стороны долговременная болѣзнь жены, которая и теперь еще не миновалась, и два раза начинавшаяся собственная моя болѣзнь, которая только благодаря сперва Коппу а потомъ Гутерту не обратилась въ смертельную (и опасеніе которой лишило меня возможности быть въ Варшавѣ во время присутствія тамъ Вашего Величества); съ другой стороны долговременное принужденное отсутствіе изъ отечества и мысль, что оно можетъ сочтено быть произвольнымъ, и что я наконецъ могу сдѣлаться *чужимъ* для тѣхъ, для кого мнѣ такъ дорого остаться *своимъ* — все это вмѣстѣ портило жизнь мою, и особенно находилъ на меня, какъ ночное привидѣніе, страхъ, что мое долгое отсутствіе можетъ лишить меня мѣста въ Вашей памяти. Въ этомъ случаѣ я виноватъ передъ самимъ собою: я недолженъ былъ имѣть подобной тревоги, не потому, чтобы считалъ себя достойнымъ Вашего воспоминанія, а потому, что долженъ былъ вѣрить Вашему характеру, столь мнѣ извѣстному: правда мысль о несказанной прелести моего свиданія съ Вашимъ Величествомъ въ Нирнбергѣ всегда развеселяли меня; но воображеніе, упрямо и подозрительно; въ отдаленіи многое его пугаетъ. Какъ же не благодарить мнѣ Ваше Величество за тѣ цѣлительныя строки, которые по приказанію Вашему написала мнѣ Графиня Толстая! Вы прислали мнѣ рецептъ радикальнаго лѣкарства. Когда услышишь нечаянно давнишнюю знакомую мелодію, передъ душею является и то мѣсто, гдѣ ее слышалъ прежде, и тѣ люди, которые тогда были близко, и тѣ чувства, которые тогда жили въ сердцѣ: такое дѣйствіе произвелъ на меня Вашъ голосъ, услышанный мною въ этихъ драгоценныхъ строкахъ. И я и жена полагаемъ ко стопамъ Вашего Императорскаго Величества нашу живѣйшую благодарность и съ благоговѣніемъ цѣлуемъ Вашу руку. Когда-то Богъ приведетъ мнѣ почувствовать ее въ моей рукѣ, какъ то было въ Нирнбергѣ или еще болѣе, какъ то было въ Дармштадѣ, когда Вы такъ милостиво мнѣ дали Ваше благословеніе на новую жизнь. Моя болѣзнь упряма, и я не надѣюсь отъ нее до конца зимы отдѣлаться; а Гутертъ говоритъ, что съ

Марта мѣсяца должно начаться для меня лѣченіе, которое вѣроятно продолжится до половины Іюля. Дай Богъ, чтобы это такъ было, и чтобы мое изгнаничество наконецъ кончилось. Моя болѣзнь испортила для меня пребываніе въ Баденѣ Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны³⁾; правда она была поводомъ, что Ея Высочество навѣстила меня въ моей семьѣ: она подарила намъ три незабвенныхъ вечера, въ которые все милое отечественное побывало у меня въ гостяхъ вмѣстѣ съ Нею; но послѣ я видѣлъ Ее только при отъѣздѣ Ея изъ Бадена. Моя болѣзнь доставила мнѣ и другое счастье: посѣщеніе Его Величества Короля Прусскаго; онъ благоволилъ провезти у меня почти часъ; моя жена, лежавшая тогда въ постелѣ больная, не могла Его видѣть; но когда онъ покидалъ меня, я подвелъ къ Нему моихъ дѣтей, прося чтобъ онъ положилъ на ихъ головы съ благословеніемъ свою руку. Послѣ я имѣлъ счастье видѣть у себя и Принца Прусскаго и Принцессу Прусскую.

Теперь въ сердцѣ у меня одно нетерпѣливое желаніе: возвращеніе весны; авось она прогонитъ мою болѣзнь и отворитъ мнѣ двери въ Россію³⁾.

Молю Бога чтобы Онъ сохранилъ Вамъ Всемилолюбивѣйшая Государыня на долгое время здравіе и благоденствіе.

Вашего Императорскаго Величества

Вѣрноподанный

В. Жуковскій.

Баденъ-Баденъ. $\frac{13}{25}$ Января 1852 года.

Примѣчанія къ письмамъ.

1.

1) Годъ опредѣляется при помощи дневниковъ В. А. Жуковского: въ письмѣ упоминается о чтеніи трагедіи Клейста «Prinz von Homburg», а въ своемъ дневникѣ подъ 21 нояб. (нов. ст.) 1821 г. Жуковскій записалъ: «Обѣдъ и вечеръ у м-е Kleist, (чтеніе) «Prinz von Homburg». (Дневники В. А. Жуковского, изд. И. А. Бычковымъ). Есть небольшое разногласіе между дневникомъ и письмомъ. Въ дневникѣ Жуковскій пишетъ, что онъ провелъ вечеръ у м-е Kleist, гдѣ, очевидно, и происходило чтеніе названной трагедіи, а въ письмѣ въ великой княгинѣ говоритъ, что провелъ вмѣстѣ съ Кронпринцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ «два пріятнѣйшихъ вечера у Wildermeth. Въ оба раза читали Клейстову трагедію Der Prinz von Homburg». Нужно думать, что запись въ дневникѣ правильнѣе, такъ какъ въ письмѣ, написанномъ болѣе двухъ недѣль спустя, Жуковскій легко могъ ошибиться, тѣмъ болѣе, что все это время онъ проводилъ въ кружкѣ однихъ и тѣхъ же лицъ, между которыми постоянными членами были и Кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ и m-elle Wildermeth и M-me Kleist, а собранія происходили то у одного, то у другого изъ названныхъ лицъ.

2) Жуковскій долженъ былъ вернуться къ великой княгинѣ, чтобы продолжать съ ней занятія русскимъ языкомъ.

3) Жуковскій отмѣтилъ въ дневникѣ подъ 8—13 ноября (нов. ст.), что просидѣлъ это время дома, но зато съ 14 ноября началось, какъ онъ пишетъ дальше, «пріятное препровожденіе времени» въ кружкѣ лицъ, стоявшихъ близко ко двору и отчасти въ литературѣ и искусствамъ. Музыка, пѣніе, обзорнѣе достопримѣчательностей, театръ, чтеніе, литературныя бесѣды и споры чередуются одни за другими, оживляя придворную атмосферу и внося въ нее такую интересную и оживленную интеллигентную жизнь, которая, кажется, шла въ разрѣзъ съ общимъ строгимъ этикетомъ и формализмомъ придворныхъ порядковъ.

4) По всей вѣроятности, одна изъ придворныхъ дамъ.

5) Съ 1805 года m-elle Wildermeth была гувернанткой принцессы прусской Шарлотты, впоследствии великой княгини и императрицы Александры Θεодоровны. Жуковский былъ съ ней очень друженъ, часто встрѣчался съ ней, много бесѣдовалъ. Онъ такъ однажды отозвался о ней въ своемъ дневникѣ: «у ней много ума и при немъ есть какое-то дѣтское простосердечіе. Она болѣе, нежели кто-нибудь, удалена отъ интригъ» (Дневника В. А. Жуковского I. с. стр. 87). Въ слѣдующихъ письмахъ она упоминается неоднократно; Жуковский находился съ ней въ перепискѣ.

6) Христіанъ-Вильгельмъ Гуфеландъ (род. 1762, ум. 1836 г.), лейб-медикъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, былъ въ свое время пзвѣстнымъ врачомъ, профессоромъ и писателемъ. Съ его сочиненіями Жуковский былъ знакомъ уже въ 1804 г. (См. «Бумаги В. А. Жуковского», описанныя И. Бычковымъ), лично съ нимъ онъ познакомился въ 1820 году 31 октября въ Берлинѣ (см. «Дневники В. А. Жуковского») и полюбилъ этого интереснаго и, повидимому, очень симпатичнаго человѣка. «Я провелъ прекрасный вечеръ, пишетъ Жуковский въ своемъ дневникѣ 3-го ноября 1820 года,» Гуфландъ пріятельный человѣкъ. Въ первый разъ, когда я его увидѣлъ, сердце невольно къ нему склонилось; оно рѣдко обманывается. Я былъ счастливъ и доволенъ самимъ собой, говоря съ этимъ старикомъ, смотря ему въ лице, на которомъ глубокомысленная важность, тонкость слита съ какимъ-то пріятнымъ простодушіемъ.... Гуфландъ говорилъ прекрасно о ложныхъ мѣрахъ правительства насчетъ притѣсненія свободы печатанія... Этотъ вечеръ прошелъ для меня прекрасно, его можно причислить къ хорошимъ минутамъ жизни.—Смотря въ глаза старику Гуфланду, у меня вертѣлось на языкѣ слово Vater; онъ имѣетъ для меня прелесть Краузе («человѣкъ съ необыкновенными дарованіями, поэтъ, въ обширномъ значеніи этого слова», какъ отзывается о немъ Жуковский въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ сентября или октября 1816 года). Но въ чемъ же эта прелесть? Не въ умѣ, не въ знаніи, но въ сердцѣ, которымъ мы живемъ сами и которое въ другихъ животворитъ насъ и притягиваетъ. Прощаясь съ старикомъ, я отъ души жалъ его руку, а онъ мнѣ сказалъ съ какимъ то прелестнымъ доброжелательствомъ: «Adieu, sie haben mich sehr erfreut». Эти слова звучали въ моей душѣ: дома невольная меланхолія меня наполнила; не могу ее изъяснить, но я готовъ былъ плакать.

7) Фридрихъ Вильгельмъ III (король прусскій 1797—1840 г.), отецъ великой княгини Александры Θεодоровны.

8) Карлъ Фридрихъ-Августъ (р. 1785—ум. 1837 г.), герцогъ Мекленбургъ Стрелицкій, прусскій генералъ отъ инфантеріи, сводный братъ Королевы Луизы Прусской, матери великой княгини Александры Θεодоровны.

9) Родная сестра великой княгини Александры Ѳеодоровны.

10) Братъ великой княгини Александры Ѳеодоровны, наслѣдникъ прусскаго престола Фридрихъ-Вильгельмъ (род. въ 1797 г., вступилъ на престолъ подъ именемъ Фридриха-Вильгельма IV въ 1840 г., ум. въ 1861 г.), былъ большимъ другомъ Жуковскаго. Они переписывались.

11) Heinrich von Kleist (род. въ 1777 г., ум. въ 1811 г.)— нѣмецкій драматургъ и авторъ разсказовъ и стихотвореній. Онъ былъ послѣдователемъ нѣмецкой романтической школы (Веймарскаго кружка), но въ его сочиненіяхъ часто прорывались, благодаря его страстной, необузданной натурѣ, черты реальной поэзіи. Многія изъ произведеній его носятъ яркій патріотическій отпечатокъ.

12) Одна изъ національных драмъ Клейста, наиболѣе выдержанная и сценичная изъ всѣхъ его драматическихъ произведеній, но съ узкопатріотическимъ характеромъ.

13) Принцы: Вильгельмъ (род. 1797 г., ум. 1888 г., впоследствии первый императоръ германскій), Карлъ (род. 1801 г., ум. 1883 г.) и Альбрехтъ (род. 1809 г. ум. 1872 г.) — сыновья короля Фридриха-Вильгельма III.

14) Ему было тогда всего 12 лѣтъ.

15) Жуковскій состоялъ въ должности преподавателя русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Въ Петербургъ онъ вернулся однако лишь 6 февраля 1822 года.

2.

1) Годъ письма опредѣляется событіемъ, по поводу котораго оно написано—смертью Марьи Андреевны Мойеръ (урожд. Протасовой), скончавшейся 19 марта 1823 г. Можетъ быть, Зейдицъ и не подозрѣвалъ о существованіи этого письма къ Великой Княгинѣ, такъ какъ въ своей книгѣ: «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго» говоритъ по поводу этого событія: «извѣстіе о преждевременной смерти Маріи Андреевны потрясло душу Жуковскаго и погрузило его на многіе годы въ тихую меланхолическую грусть. Нельзя описать словомъ того, что происходило въ душѣ несчастнаго поэта. Собственныя его слова лучше всего изображаютъ его скорбь при этомъ роковомъ ударѣ. Онъ тотъ-часъ поѣхалъ въ Дерптъ. Кому оттуда онъ могъ сообщить горестныя свои чувства, какъ не подругъ своей Авдотѣ Петровнѣ Елагинной? Онъ и писалъ къ ней 28 марта».

Письмо къ великой княгинѣ близко къ письму къ Авдотѣ Петровнѣ не только по содержанію, но и по многимъ отдѣльнымъ выраженіямъ,

но къ великой княгинѣ Жуковскій написалъ раньше чѣмъ Авдотѣ Петровнѣ, — на другой же день по прїѣздѣ въ Дерптъ, 25 марта.

2) Гдѣ жила и скончалась Марья Андреевна Мойеръ и куда овъ только что прїѣхалъ, узнавъ о ея смерти, для него совершенно неожиданной, такъ какъ только съ недѣлю тому назадъ овъ видѣлся съ Марьей Андреевной въ томъ же Дерптѣ, куда провожалъ изъ Петербурга ея сестру, Александру Андреевну Воейкову, и гдѣ пробылъ двѣ недѣли.

3) Ек. Ае. Протасова, А. А. Воейкова и И. О. Мойеръ.

4) Выраженіе, тождественное съ таковымъ же въ письмѣ къ Авдотѣ Петровнѣ Елагиной.

5) Александра Андреевна Воейкова ѣхала съ дѣтьми въ Дерптъ къ сестрѣ.

6) Марья Андреевна Мойеръ. Она была общей любимицей и особенно была дружна съ сестрой Александрой и Жуковскимъ.

7) Первый ребенокъ Марьи Андреевны — ея дочь Катя. Екатерина Ивановна Мойеръ воспитана была Екатериной Аванасьевной Протасовой вмѣстѣ съ двумя дѣтьми другой ея дочери, Александры Андреевны Воейковой (умершей 1829 года), и впоследствии вышла замужъ за сына Авдотьи Петровны Елагиной — Василя Александровича. Сообщеніе Марьи Васильевны Безръ, дочери Екатерины Ивановны Елагиной. Эти данныя позволяютъ намъ исправить указаніе Зейдлица въ его книгѣ о Жуковскомъ (стр. 133 прим. 2), что Екатерина Ивановна была воспитана Авдотьей Петровной Елагиной.

8) Похороны происходили 21 марта, а Жуковскій могъ прїѣхать только 23 или 24-го.

9 и 10) Эти выраженія совершенно одинаковыя съ таковыми же въ письмѣ къ Авдотѣ Петровнѣ Елагиной.

3.

1) Карамзинъ умеръ 22 мая 1826 года. Жуковскій узналъ объ этомъ изъ газетъ только 11 іюня по прїѣздѣ своемъ въ Эмсъ для лѣченія.

2) Рѣчь идетъ о милостивомъ рескриптѣ Карамзину Императора Николая Павловича (написанномъ Жуковскимъ) 13 мая 1826 года и объ указѣ Императора Министру Финансовъ о производствѣ Карамзину (а послѣ его смерти семьѣ его) пенсін въ 50,000 рублей въ годъ.

3) Христианъ Фридрихъ — сынъ датскаго короля Христиана VI.

4) Жуковскій прибылъ въ Эмсъ 10 іюня.

5) Привести этотъ планъ въ исполненіе ему не удалось: ему пришлось вернуться въ Россію много позже, а именно въ октябрѣ 1827 года.

6) Генералъ-адъютантъ Карлъ Карловичъ Мердеръ (род. въ 1788 г., ум. въ 1834 г.), воспитатель Наслѣдника Цесаревича великаго князя Александра Николаевича.

7) Супруга Кронпринца Фридриха Вильгельма — урожд. принцесса Баварская Елизавета.

8) По всей вѣроятности, принцъ Фридрихъ-Августъ (род. 1727, ум. 1854, года), съ 1837 г. Саксонскій король Фридрихъ-Августъ II.

9) Прусскій генералъ Карлъ фонъ Клаузевицъ (род. 1780 г., ум. 1831 г.) и его жена, урожденная графиня Брюль.

10) Очевидно, жена нидерландскаго генерала и посланника графа Генриха-Георга Перпонше (род. 1771 г., ум. 1856 г.).

11) Адъютантъ кронпринца прусскаго Адамъ фонъ-Тюмплингъ (род. 1781 г., ум. 1871 г.).

12) Герцогиня Саксенъ-Веймарская Марія Павловна — сестра Императоровъ Александра и Николая Павловичей.

13) Графиня Юлія Эглофштейнъ (род. 1792 г., ум. 1869 г.), обладавшая художественнымъ талантомъ, хорошая знакомая Гёте.

14) Вѣроятно, княгиня Софья Сергѣевна Мещерская (род. 1775 г., ум. 1848 г.), урожденная Всеволожская — извѣстная благотворительница и распространительница духовно-нравственнаго просвѣщенія въ Россіи.

15) По всей вѣроятности, вдова извѣстнаго героя — генерала Дмитрія Сергѣевича Дохтурова (род. 1756 г. ум. 1816 г.).

16) Княгиня Марія Аркадьевна Голицына, урожденная княжна Суворова.

17) Александръ Скарлатовичъ Стурдза (род. 1791 г., ум. 1854 г.). Служилъ въ Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и занимался литературой.

18) Графъ Альбертъ Эдлингъ (род. 1774 г., ум. 1841 г.), Саксенъ-веймарскій министръ, былъ женатъ на Роксандрѣ (Александрѣ) Скарлатовнѣ Стурдза, сестрѣ Александра Скарлатовича.

19) Жена Александра Скарлатовича — дочь Х. В. Гуфланда.

20) Графъ Іоаннъ Каподистрія, русскій и греческій государственный дѣятель (род. 1776 г., ум. 1831 г.). Жуковскій очень уважалъ и любилъ его и даже рекомендовалъ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, какъ воспитателя для великаго князя Александра Николаевича.

21) Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича.

22) Коронованіе Императора Николая Павловича состоялось 22 авг. 1826 года.

23) Намекъ на отказъ Николая Павловича отъ престола въ пользу своего брата Константина Павловича и присяга послѣднему, какъ Императору, несмотря на то, что ему былъ уже извѣстенъ отказъ брата и было вскрыто письмо покойнаго Императора, въ которомъ Александръ Павловичъ назначалъ своимъ преемникомъ Николая Павловича. Извѣстно, что Николай Павловичъ только тогда рѣшился вступить на престолъ, когда отъ великаго князя Константина Павловича было вновь получено подтвержденіе его отказа. Эти колебанія вызвали волненіе и смуты (между прочимъ, и заговоръ Декабристовъ), на которыя Жуковскій намекаетъ далѣе въ томъ же письмѣ.

24) Указаніе на интриги въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра Павловича и на событія 14 декабря 1825 года.

4.

1) Торжественный въѣздъ Императора Николая Павловича въ Москву для коронованія состоялся 25 іюля 1826 года.

2) Принцессу Маріанну, супругу принца Вильгельма, брата короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма III.

3) По отиѣтѣ Жуковскаго въ дневникѣ это было 6/13 іюля.

4) Наслѣдный принцъ Фридрихъ Вильгельмъ.

5) Согласно дневнику Жуковскаго это было 14/26 и 15/27 іюля.

6) Великая Княгиня Марія Павловна, Герцогиня Саксенъ-Веймарская, пріѣхавшая въ Эмсъ 19/31 іюля. Жуковскій часто бывалъ у нея.

7) Очевидно, она все еще находилась подъ впечатлѣніемъ смерти своего брата, Императора Александра Павловича.

5.

1) Въ дневникѣ В. А. Жуковскаго подъ 7/19, 8/20, 14/26, 17/29, 19/31 августа 1826 года идетъ рѣчь о какомъ-то письмѣ, которое только 21 авг. / 12 сент. было отправлено. И. А. Бычковъ въ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту дневника утвердительно говоритъ, что тутъ идетъ рѣчь о письмѣ Жуковскаго къ самому Императору. Но если онъ основывается только на приведенныхъ имъ данныхъ, то онъ едва ли правъ, такъ какъ нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что въ дневникѣ Жуковскаго идетъ рѣчь именно объ этомъ обстоятельномъ письмѣ къ Императрицѣ Алек-

сандръ Θεодоровнѣ (на написаніе котораго онъ употребилъ цѣлыхъ 12 дней), и нѣтъ повода предполагать, что кромѣ этого письма Жуковскій писалъ еще самому Императору. Въ концѣ письма онъ вполне опредѣленно говоритъ: «Соблаговолите сообщить мои соображенія Государю Императору. Я буду ждать въ Дрезденѣ Высочайшаго рѣшенія, чтобы сообразоваться съ нимъ безъ всякаго промедленія». И такъ какъ отъ этого рѣшенія Императора завсѣло возстановленіе его разшатавшаго здоровья, то не удивительно, что онъ называетъ это письмо «роковымъ» (письмо къ А. И. Тургеневу).

2) Коронаваніе состоялось 22 августа, и, слѣдовательно, письмо, отправленное только 21 августа / 2 сент., не могло послѣть ко дню коронаціи.

3) Августъ-Фридрихъ-Андріанъ Дилъ (род. 1756 г., ум. 1839) былъ врачомъ въ Эмсѣ въ продолженіе 40 лѣтъ и пользовалъ очень многихъ русскихихъ.

6.

1) Великаго Князя Александра Николаевича, родившагося 17 апрѣля 1818 года.

2) Это была св. Пасха.

3) Какъ день рожденія Наслѣдника Царскаго престола.

4) Эти выраженія письма паюмннаютъ настроеніе, въ которомъ находился Жуковскій, когда писалъ свой пророческій гимнъ: «Посланіе къ Великому Князю Александрѣ Θεодоровнѣ». Въ «Дневникѣ» его мы находимъ соответствующую этому настроенію запись подъ 17 апр. 1818 года онъ писалъ: «Одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней. Рожденіе Великаго Князя. Прелестное утро. Чувства веселья, ясныя, живыя, безъ примѣси. Радость истинная».

5) Торжественно радостный тонъ этой части письма напоминаетъ разсужденіе Жуковскаго на тему: «Христосъ Воскресъ» въ альбомѣ, подаренномъ Наслѣднику Цесаревичу, когда по случаю своего совершеннотія въ 1834 г. онъ приносилъ присягу.

6) Это письмо до сихъ поръ, повидному, напечатано не было.

7) Разумѣется встрѣча великаго князя Александра Николаевича съ принцессой Маріей Гессенской, дочерью великаго Герцога Гессенскаго Людовика II, которая стала его невѣстой, а затѣмъ супругой.

8) Графъ А. Θ. Орловъ состоялъ въ свитѣ великаго князя Александра Николаевича во время его путешествія за границей.

9) Это было 5/17 апрѣля 1839 года.

10) Эти стихи взяты Жуковскимъ изъ его же стихотворенія (написаннаго, по дневнику, 11 апр.), извѣстнаго подъ заглавіемъ: «Поэту

Ленепсу, въ отвѣтъ на его посланіе ко мнѣ, написанное на случай посѣщенія Саардама Наслѣдникомъ Цесаревичемъ». Изъ этого стихотворенія, появившагося въ «Утренней Зарѣ» на 1840-й годъ, Жуковскій помѣстилъ въ письмѣ къ Императрицѣ только стихи отъ 6—14 включительно. Текстъ стихотворенія въ письмѣ нѣсколько разнится отъ печатнаго.

11) Этотъ стихъ въ печатномъ текстѣ читается такъ:

Здѣсь былъ его рукой корабль заложенъ тотъ.

12) Въ печатномъ текстѣ: неизмѣняемо.

13) Въ печатномъ текстѣ первыя два слова стиха пропущены и осталось только:

плыветь подъ флагомъ славы.

14) Для него на этотъ случай онъ написалъ стихотвореніе, появившееся въ печати лишь въ 1867 году (въ Русскомъ Архивѣ № 11). Это стихотвореніе «Въ Саардамскомъ домикѣ» (Великому Князю Александру Николаевичу).

15) Въ дневникѣ Жуковскаго: уѣхали 19-го и пріѣхали въ Лондонъ 21-го.

7.

1) Баронъ Будбергъ пріѣхалъ со спеціальнымъ порученіемъ Императора — передать благословеніе на бракъ великаго князя съ принцессой Маріей гессенской.

2) Рѣчь идетъ объ упоминаемой въ предыдущемъ письмѣ встрѣчѣ Великаго Князя Александра Николаевича съ его будущей супругой Маріей Александровной.

3) По желанію Императора Николая Павловича Жуковскій былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка къ принцессѣ гессенской Маріи.

4) Т. е. въ тотъ моментъ, когда было получено извѣстіе отъ Государя и Государыни объ ихъ согласіи на бракъ Великаго Князя съ принцессой Маріей.

5) Въ слѣдующемъ письмѣ къ Императрицѣ есть указаніе, что занятія русскимъ языкомъ съ принцессой Маріей Жуковскій началъ дѣйствительно 24-го апрѣля.

6) Свиданіе Императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны съ Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ и принцессой Маріей произошло 4-го Іюня въ Дармштатѣ, а затѣмъ Императрица переѣхала для леченія въ Эмсъ.

8.

1) Принцессой Маріей гессенской.
 2) Великій Князь Александръ Николаевичъ.
 3) Это было 22 октября 1817 года, когда Жуковскій началъ свои занятія по преподаванію русскаго языка съ Александрой Теодоровной, тогда еще Великой Княгиней.

4) Статсъ дама графиня Шарлотта Карловна Ливенъ, воспитательница дочерей Императора Павла Петровича.

5) На недостаточное количество времени, опредѣленнаго для занятій, указываетъ Жуковскій и позже въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Императору (см. стр. 63.).

6) Здѣсь Жуковскій давалъ первый урокъ Великой Княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

7) Въ 1821 году, когда Жуковскій вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и своей ученицей Великой Княгиней посѣтилъ Берлинъ.

8) Композиторъ Спонтини Людовикъ (графъ Саптъ Андреа) родился 14 ноября 1774 г. ум. 24 янв. 1851 г. Онъ написалъ 14 оперъ и цѣлый рядъ другихъ произведеній. Въ 1819 году онъ былъ приглашенъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III къ прусскому двору, при которомъ оставался до 1842 года. Зимой 1821 года, по случаю пріѣзда въ Берлинъ Великаго Князя Николая Павловича съ его супругой Великой Княгиней Александрой Теодоровной, для празднествъ, устроенныхъ при королевскомъ дворѣ, Спонтини написалъ оперу-балетъ Лалла Рукъ (сюжетъ былъ заимствованъ изъ поэмы Томаса Мура). Позже, воспользовавшись отдѣльными частями этого произведенія, онъ передѣлалъ его въ двухъ-актную оперу «Нурмагалъ» или Праздникъ Кашемирскихъ розъ. Либретто для этой оперы написалъ М. Герглоцъ (*Biographie universelle des musiciens* par F. Y. Fetis. Paris 1875, V, 8).

9) Какъ потому, что музыка оперы «Нурмагалъ», заимствованная изъ оперы Лалла Рукъ, напоминала ему праздникъ 1821 года, такъ и потому, что текуція событія его жизни вообще какъ будто повторялись въ томъ же видѣ, въ какомъ они протекли въ 18—20-хъ годахъ.

У Гримма въ его монографіи «Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland (изд. второе, Leipzig 1861 г. т. I стр. 144) мы находимъ интересное описаніе этого праздника и характеристику Александры Теодоровны въ этой роли. Die Königin des Festes war auch die der glänzenden plastischen Vorstellung. Die Grossfürstin war damals dreiundzwanzig Jahr alt, in der vollkommensten Entwicklung ihrer seltenen Schönheit; ihr Wuchs, ihre Gestalt trug nicht die kalten regelmässigen Formen der grie-

chischen Antike, sondern den abgerundeten Schmelz, den ein echt deutsches Gemuth in der glücklichsten Fülle der Jugend belebt; es war nicht der Stolz einer Juno, sondern die Seele eines weiblichen Herzens, die aus den hellen Augen blickte; um ihren Mund spielte die Liebe zu ihrem Gatten und zu ihren Kindern, aber aus jedem Zuge ihres ganzen Wesens sprach die Anmuth und der Reiz einer glühlichen Jugend. Heute erschien sie mit einer Krone auf dem Haupte, das gescheitelte Haar glitt zu beiden Seiten herab und legte sich in Locken auf die Schultern. Ein weisses Kleid umgab den Körper, die Brust ein Spencer von Goldstoff, und unter demselben schmiegte sich der breite Gürtel an und liess die Enden über den Schooss herabhängen; Perlen und Edelsteine stritten um den Vorrang, und selbst die orientalischen Schuhe waren von Smaragden übersät. Ein Grünfarbener Schleier mit Silberfäden durchwirkt umfloss die here Gestalt.

10) Стихъ Гёте, который Жуковский очень часто цитуетъ въ своихъ письмахъ.

11) Пери — Принцесса Елизавета Радзивилль.

12) Ангелъ — Графиня Матильда Фоссъ, замужемъ графиня Зинарь.

13) Придворная дама при прусскомъ Дворѣ.

14) Вильдерметъ, воспитательница и другъ Императрицы Александры Θεодоровны, ум. 1839 г. Жуковский былъ съ ней очень друженъ; насколько она была ему близка, можно судить по одному изъ его отзывовъ о ней. Въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Θεодоровнѣ изъ Карlsru 12/24 марта 1839 г. онъ пишетъ по поводу ея смерти: «въ Штутгартѣ узнавалъ я о сердечной тяжкой потерѣ вашей; хотя вы и ожидали ея, но она васъ должна была поразить, какъ неожиданная. И для меня это есть потеря роднаго друга. Ни съ кѣмъ на свѣтѣ не было такъ приятно и такъ легко быть искреннимъ, какъ съ нашею доброю, несравненною Вильдерметъ. Это была самая высокая и самая простая душа. Какое утѣшеніе для Вашего Величества, что вы её могли навѣстить и этимъ послѣднимъ свиданіемъ въ жизни порадовать остальныхъ, болѣзненные дни ея. Во всю жизнь свою сохраняю о ней благодарное воспоминаніе, ибо всѣ минуты, которыя провелъ я вмѣстѣ съ нею, были для меня не только приятны, но и благотѣльны. Такого рода потери, такъ сказать, раззоряютъ жизнь. Счастливъ тотъ, кто можетъ сносить ихъ въ кругу роднаго семейства, но худо одному: онъ мало по малу становится глухонѣмымъ посреди общества».

15) Александра Андреевна Воейкова умерла 14/26 февраля 1829 г. въ Ливорно, гдѣ и похоронена на греческомъ кладбищѣ.

16) Это письмо Жуковскаго къ великому князю Александру Нико-

лаевичу, написанное изъ Эмса, напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1883 г. кн. II, стр. XLII.

17) Его мечты и планы относительно женитьбы.

9.

1) Объ этомъ письмѣ уже нѣсколько позже — въ концѣ августа 1840 г. — упоминаетъ Жуковский въ другомъ своемъ пространномъ письмѣ къ Екатеринѣ Аванасьевнѣ Протасовой, въ которомъ излагаетъ всю исторію своей женитьбы (оно было напечатано въ Русск. Бесѣдѣ 1859 г. III. 17).

2) Очевидно, тоже письмо, о которомъ упоминается на стр. 51. См. примѣчаніе 16-ое къ № 8.

3) Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ.

4) Рѣшенный уже тогда вопросъ о бракѣ Великаго Князя Александра Николаевича.

5) Невѣста Великаго Князя Александра Николаевича.

6) Жуковский тогда уже переговорилъ съ Рейтерномъ о своихъ мечтахъ и послѣдній далъ понять Жуковскому, что онъ, повидному, можетъ разсчитывать на взаимность чувствъ со стороны старшей его дочери Елизаветы.

Въ письмѣ Жуковского къ Екатеринѣ Аванасьевнѣ Протасовой того-же 1840 г. есть вполне опредѣленные указанія на то, какъ произошли всѣ эти событія, и между прочимъ объяснены причины, почему Жуковский могъ думать, что отказа не будетъ. «Я назначилъ для отъѣзда моего субботу (это было 1 іюня)... Пароходъ долженъ былъ отправиться ровно въ 11-ть... Ночь была тихая, ясная; небо въ звѣздахъ; посреди звѣздъ великолѣпная полная луна; на Рейнѣ ни струи, и кругомъ тишина удивительная... Въ темнотѣ говоришь смѣлѣе и откровеннѣе, нежели при свѣтѣ, и я сказалъ своему Безрукому (Рейтеру): Теперь мы прощаемся на долго... Помнишь ли то, о чемъ я говорилъ тебѣ въ Петербургѣ? Теперь, болѣе нежели когда нибудь, почувствовалъ я всю правду того, что говорилъ тогда. Я зналъ бы гдѣ взять счастье жизни, если бы только могъ думать, что оно мнѣ дастся. Но, хотя я вижу его передъ собою, я не могу позволить себѣ никакой надежды. Остается, полюбовавшись имъ, какъ прекраснымъ видѣніемъ, отойти отъ него и пожалѣть, что присвоить его невозможно.—*Mon cher ami, отвѣчалъ онъ мнѣ, la chose n'est pas si impossible que vous le croyez et que moi je l'ai cru d'abord. — Comment? Qu'est ce que vous meditez-là? Pensez au nom de Dieu, que vos paroles sont pour moi la destinée!*

Expliquez moi. — Je crois, d'après ce que m'a dit ma femme et d'après mes propres observations, qu'Élisabeth a dans son coeur un attachement pour vous! Et c'est déjà depuis longtemps. — Cela me suffit; dès ce moment je suis à elle, si vous consentez, qu'elle soit à moi. Voici ma main. — Et voici la mienne. — Une seule condition. Ni vous, ni sa mère ne devez lui dire un seul mot. Laissons la Providence achever ce qu'elle a elle même préparé. Si Dieu veut que cela se fasse, cela se fera sans notre participation: en nous mêlant de son affaire, nous ne pourrions que la gâter. De mon côté tout est dit définitivement, sans la moindre hésitation. Mais nous ne savons pas encore au juste ce qui se passe dans son coeur; il faut que (lorsque le moment viendra) il se prononce librement, sans la moindre influence de la part de qui cela soit. A présent je pars pour la Russie, je préparerai tout de mon côté, et lorsque je me retrouverai vis à vis d'elle, elle me dira oui ou non, d'après ce que lui dictera son coeur. — Колоколъ на пароходѣ зазвонилъ, и мы разстались. Вы, можетъ быть, вообразите, что я былъ въ сильномъ волненіи. Какой быстрый и неожиданный переломъ въ жизни! Что былъ я за четверть часа? Одинокій пассажиръ парохода, на которомъ куда то ѣхалъ, не имѣя передъ глазами ясной цѣли. И вдругъ въ одно мгновеніе изъ чаши само Провидѣнія вынуло мнѣ жребій, съ которымъ все такъ давно желанное разомъ досталось мнѣ. Но я не былъ въ волненіи. Удивительная ясность, самая сладкая тишина, похожая на полное, внезапное выздоровленіе (отъ котораго вдругъ и жизнь становится милою и все окружающее прекраснымъ), влилась въ мою душу, обхватила ее всю, и съ этой минуты до теперешней ее не покидала. Половину этой ночи я не спалъ, и на другое утро проспалъ какъ новый человѣкъ».

7) Елизавета Рейтернъ, которой было тогда 19 лѣтъ (род. 19 іюня 1821 года).

8) На эту просьбу сохранить все въ тайнѣ есть указаніе въ томъ же письмѣ къ Екатеринѣ Аванасьевнѣ Протасовой (См. примѣчаніе 1-ое къ письму № 10).

10.

1) Дѣло идетъ о предыдущемъ письмѣ, которое, какъ Жуковский пишетъ Екатеринѣ Аванасьевнѣ Протасовой, было имъ подано Государю въ моментъ Его отъѣзда въ Россію: «я уже приготовилъ письмо къ Государю, въ которомъ, объявляя ему о своемъ намѣреніи и прося его устроить мое будущее, просилъ въ то же время, чтобы онъ сохранилъ сказанное мною въ тайнѣ (сообщивъ его только Императрицѣ), ибо это дѣло было только моя надежда, можетъ быть, обманчивая, и я не

зналъ и не могъ быть увѣренъ, получу ли ея согласіе. Это письмо въ чернѣ показалъ я Рейтерну».

2) Счетъ велся на ассигнаціи. Интересно сопоставить съ этимъ сумму въ 50000 рублей, которая была назначена Императоромъ другому нашему писателю — Карамзину передъ его несостоявшимся отъѣздомъ за границу для гдченія въ 1826 году. Какъ извѣстно, вся эта сумма сполна обращалась ему въ пенсію пожизненно, а послѣ его смерти также сполна его сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ на службу, а дочерямъ до выхода замужъ послѣдней изъ нихъ.

3) Мейерсгофъ близъ Дерпта. Оно было потомъ куплено докторомъ Зейдлицемъ за 115000 рублей.

4) Отказъ отъ громаднаго ежегоднаго содержанія и сумма, проспная Жуковскимъ только живообразно для того, чтобы привести въ порядокъ дѣла, все это представляется въ дѣйствительности очень скромнымъ желаніемъ поэта и, кажется страннымъ, что Императоръ нашелъ его «безмѣрнымъ» (см. далѣе письмо № 11). Нужно думать, что такое мнѣніе Императора составилось не безъ посторонняго вліянія, которое могло задаться цѣлью устранить отъ близости къ Царской Семѣ ея старога друга. Это соображеніе можетъ объяснить и глубокую обиду Жуковскаго и страстный тонъ его письма къ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ (см. далѣе № 11.) Интересно сопоставить съ этимъ «безмѣрнымъ» желаніемъ Жуковскаго его же письмо 21 апрѣля 1841 г. къ Авдотѣ Петровнѣ Кирѣевской (сл. «Уткинскій Сборникъ т. I, стр. 69, № XLIV.) Приводимъ въ сокращеніи наиболѣе интересныя мѣста «Милая Дуняша... въ двухъ словахъ надобно сказать вамъ о томъ, что для меня рѣшилось... Чинъ тайнаго совѣтника; это хорошо для вишняго свѣта. Для внутренняго, домашняго свѣта, гдѣ всего нужнѣе покойное настоящее и ясное завтра, сдѣлано все, что я желалъ: дана мнѣ полная свобода съ сохраненіемъ мѣста при Наслѣдникѣ; 10,000 жалованія обращены въ пенсію; овладѣ по мѣсту 18,000 сохрaненъ; все это съ моимъ пенсіонномъ прежнимъ дастъ мнѣ 32,000 годоваго дохода; да еще Государь пожаловалъ 10,000 серебромъ на первое обзаведеніе — большаго я и во снѣ не желалъ;... Сверхъ того и продажа имѣнія идетъ весьма удачно. Я не думалъ продать его дороже 90,000, а продалъ за 110,000, что виѣствѣ съ моею арендою составитъ мнѣ капиталъ въ 130,000. Слава Царю Небесному! Далѣ Богъ пожитъ такъ, какъ Ему надобно. И да благословитъ Оупъ Царя земнаго!»...

Не менѣе важно и письмо, того-же 21 апр. 1841 г. (Уткинскій сборникъ, т. I, стр. 117, № XXIII), характеризующій виѣствѣ съ тѣмъ и безкорыстное отношеніе Жуковскаго къ его друзьямъ. «Мои обстоя-

тельства устроились наилучшимъ образомъ, писалъ онъ А. П. Зонтагъ; я свободенъ жить гдѣ хочу и въ то же время состою при Великомъ Князѣ, что почитаю особеннымъ счастьемъ. Весь мой окладъ мнѣ оставленъ, что даетъ мнѣ возможность существовать съ моею будущею семьею безъ нужды. Сверхъ того Государь пожаловалъ мнѣ и денегъ на первое обзаведеніе. И наконецъ я стою въ книгѣ животныхъ подъ фирмою тайпаго совѣтника. *Словомъ, Государь устроилъ мое будущее, какъ добрый, заботливый отецъ.* Мое перо не повернулось бы описывать все это для васъ (хотя я знаю, что вы за меня порадуетесь, не смотря на свое горе), но я имѣю на то слѣдующія причины, вотъ онѣ: *я передъ вами боиачъ, слѣдовательно, не вамъ со мною дѣлиться, а мнѣ съ вами.* Если не назначать вамъ законной пенсіи по праву вдовы, то вы по общему установленію получите только осьмую долю того жалованія, которое Зонтагъ получалъ въ послѣднее время; такъ расчелъ министръ внутреннихъ дѣлъ при мнѣ въ кабинетъ Воронцова. Вся эта осьмая часть составитъ едва ли 500 рублей. Вотъ что я сдѣлалъ съ своей стороны: *отъ Императрицы назначено мнѣ въ пенсію 4000 рублей. Уже просилъ ее, и она уже на это согласилась, отдалитъ отъ этихъ 4000 одну тысячу и обратитъ ее въ пенсію вамъ.* Объ этомъ сдѣлано будетъ распоряженіе еще прежде моего отъѣзда. И такъ вы будете получать около 1500 пенсіона. Сверхъ того постараюсь выхлопотать у нея какое нибудь единовременное пособіе. Да вотъ еще что: у меня почти кончена поэма, за которую я надѣюсь получить 6000 рублей. Эти деньги могли бы мнѣ быть пужны, если бы мнѣ не пожаловано Государемъ *гораздо больше, чѣмъ сколько я ожидалъ.* И такъ весьма естественно, что они должны быть ваши, и вы ихъ получите, какъ скоро они будутъ въ моихъ рукахъ.... Р. S. Чтобы облегчить вашу совѣсть на счетъ моихъ 6000, происходящихъ изъ моей поэмы и принадлежащихъ (если Вы отъ нихъ откажетесь) Машѣ, то вѣдайте, что я продалъ свое Лифляндское имѣніе 25-ю тысячами дороже, нежели какъ ожидалъ. Есть изъ чего дѣлиться. *И такъ прошу не спорить: это будетъ безпokoйно, досадно и обидно.*

5) Литке, Теодоръ Петровичъ, графъ (род. 1797 г., ум. 1882), извѣстный путешественникъ, адмиралъ, президентъ Императорской Академіи Наукъ и основатель Географическаго общества, былъ назначенъ въ 1832 г. воспитателемъ Великаго Князя Константина Николаевича.

6) Философовъ, Алексѣй Илларионовичъ, генералъ отъ артиллеріи, (род. 1799 г. ум. въ 1874 г.), отличившійся въ нѣсколькихъ походахъ, въ 1838 году былъ назначенъ воспитателемъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.

7) Гриммъ, Августъ Теодоровичъ (род. 1805 г. ум. 1878 г.), былъ

сначала воспитателемъ великаго князя Константина Николаевича, затѣмъ въ 1838 году великой княгини Александры Николаевны; въ 1847 году Императоръ Николай Павловичъ поручилъ ему воспитаніе великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей; въ 1858 г. онъ былъ воспитателемъ дѣтей Императора Александра II. Ему принадлежитъ трудъ: «Alexandra Feodorovna, Kaiserin von Russland».

8) Гельмерсенъ, Павелъ Александровичъ (р. 1891 ум. 1894), профессоръ Александровскаго лицея и училища правовѣдѣнія.

9) Жуковскій понималъ, цѣнилъ и любилъ всѣ виды искусства и съ одинаковымъ увлеченіемъ во всѣ годы своей жизни любовался и наслаждался произведеніями художественнаго творчества—тому свидѣтельствомъ его дневники и письма. Самъ онъ съ неослабѣвающей страстью художника заносилъ въ свои многочисленные альбомы (намъ извѣстно до 20 альбомовъ съ его рисунками) все, что представляло какой либо интересъ въ художественномъ отношеніи — тутъ и виды и портреты и бытовья сцены и памятники архитектуры и т. д. Его умѣнье схватывать всегда самое существенное, самое интересное, его способность талантливаго рисовальщика быстро, въ немногихъ чертахъ, въ однихъ контурахъ передавать съ фотографической точностью пространство, воздухъ, характерныя черты изображаемаго предмета—заслуживаетъ серьезнаго вниманія историковъ русскаго искусства. Для насъ же его провѣтъ представляетъ интересъ, потому что характеризуетъ его взглядъ на образовательныя и воспитательныя средства, служащія для развитія духовной жизни человека.

11.

1) Приказаніе «d'être court» было конечно результатомъ дѣйствительно пространнаго письма Жуковскаго къ Императору Николаю I (см. № 10 нашего изданія). Весьма вѣроятно, что по причинѣ его чрезмѣрной длины (въ которой онъ самъ сознается въ письмѣ къ великому князю Александру Николаевичу; см. далѣе № 13) оно не было читано Государемъ, а къмъ нибудь доложено безъ надлежащаго освѣщенія. Это объяснило бы недовольство Государя Жуковскимъ.

2) Самымъ обиднымъ для Жуковскаго было конечно не только недовольство Императора, но и то, что къ его мнѣнію присоединились и Императрица и Наслѣдникъ. Къ первой онъ питалъ самую возвышенную, вѣжную дружбу и глубокую привязанность и благоговѣлъ передъ ней, какъ передъ «земнымъ ангеломъ»; послѣдняго онъ считалъ своимъ создателемъ, на воспитаніе котораго отдалъ всего себя, всю свою жизнь. И

вотъ такія то безусловно дорогія для него существа могли измѣнить свое долгими годами составленное доброе мнѣніе о немъ, и такъ легко, такъ незаслуженно! Бѣльшей обиды, бѣльшаго огорченія для поэтически-чувствительной души Жуковскаго, конечно, нельзя было бы и придумать. То обстоятельство, что Государыня рѣзко прервала столь важный разговоръ, показываетъ, насколько было велико раздраженіе какъ ея самой, такъ и Государя Наслѣдника.

3) Жуковскій говоритъ о своей женитьбѣ, къ которой онъ отпоялся какъ къ событію первостепенной для него важности. И какъ видно, ему было бы дорого, чтобы его «земной ангелъ» Императрица Александра Феодоровна участвовала душой въ этомъ событіи. Его слова: «je serai seul» отражаютъ глубокое чувство боли.

4) Подпись «Joukoſfsky», безъ обычнаго во всѣхъ его письмахъ выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ, показываетъ, въ какомъ сильномъ волненіи было написано это письмо, копецъ котораго отличается исключительной рѣзкостью, вообще несвойственной Жуковскому и несомнѣстной съ его положеніемъ.

12.

1) Это письмо находится въ непосредственной связи съ предыдущимъ, очевидно поразившимъ Государыню искренностью и горячностью своего тона и заставившимъ призадуматься надъ чувствами оскорбленнаго до глубины души стараго друга Царской семьи. Но, можетъ быть, эта горячность и была главной причиной того, что такъ быстро наступило измѣненіе взглядовъ и полное примиреніе послѣ тяжелой и непріятной для обонхъ сторонъ размолвки.

2) Мѣсто отправленія этого письма опредѣляется указаніемъ самого Жуковскаго въ его большомъ письмѣ къ В. А. Протасовой отъ 10 авг.—5 сент. 1840 г. и данными письма, помѣщеннаго здѣсь подъ № 13.

3) Это простое обращеніе Жуковскаго къ Государынѣ—Non, Madame—характерно своей искренностью, какъ и содержанію письма, полного поэтическаго восторга передъ Императрицей. Контрастъ этихъ двухъ быстро слѣдующихъ одно за другимъ писемъ (№№ 11 и 12) интересенъ для характеристики психическаго настроенія поэта.

4) Того самого письма Великаго Князя, о которомъ упоминается и въ предыдущемъ письмѣ Жуковскаго къ Императрицѣ.

5) Фридриха Вильгельма, впоследствии короля Прусскаго Фридриха Вильгельма IV.

6) Также краткая подпись, какъ и въ предыдущемъ письмѣ, вызван-

ная тѣми же условіями возбужденности (см. примѣч. 4-ое къ письму № 11).

13.

1) Это письмо является съ одной стороны дополненіемъ письма № 12, съ другой замѣной длиннаго письма къ Государю, помѣщеннаго здѣсь подъ № 10.

Очевидно, что результатомъ ходатайства Жуковского о его обезпеченіи, изложеннаго въ краткомъ видѣ въ этомъ письмѣ къ Государынѣ, были тѣ пожалованія Государя, о которыхъ Жуковский писалъ А. П. Кирѣевской и А. П. Зонтагъ въ Апрѣлѣ 1841 г. (сл. примѣчаніе 4-ое къ письму № 10). И такъ какъ все, что было сдѣлано Императоромъ для обезпеченія Жуковского, превысило его ожиданія, то трудно думать, что подъ вліяніемъ Императрицы и произошла наконецъ та перемена въ мнѣніи Государя о Жуковскомъ, о которой послѣдній такъ настойчиво проситъ Государыню въ этомъ письмѣ.

14.

1) Это письмо Великаго Князя Александра Николаевича напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1883 г. кн. II.

2) Рѣчь идетъ о письмѣ Елизаветы Рейтернъ, тогда еще невѣсты Жуковского.

15.

1) Здѣсь говорится о стихотвореніи Жуковского: «1-го іюля 1842 года». Впервые оно было напечатано въ томъ же году въ 12-ой книжкѣ журнала «Москвитяинъ» съ примѣчаніемъ къ нему: «Сін стихи, писанные на праздникъ серебряной свадьбы русскаго царя, служатъ въ то же время изъясненіемъ картины (поднесенной Рейтерномъ Императору Николаю Павловичу), на которой изображенъ Георгій Побѣдопосецъ съ двумя вѣнками въ рукахъ: одинъ изъ бѣлыхъ розъ, другой лавровый».

2) Приводимъ здѣсь эти «послѣднія строки стиховъ», дополняющія письмо Жуковского, вмѣстѣ съ его пожеланіями, чтобы они «были про-рочествомъ».

Серебряную свадьбу права
Царя великаго и слава
Его домашній царскій бытъ,

Которымъ онъ животворитъ
 На всѣхъ концахъ его державы
 Семейныя благія нравы —
 Любви супружней образецъ,
 Дѣтей заботливый отецъ —
 Народъ о томъ лишь Бога молить:
 «Да нѣкогда царю дозволить,
 Чтобъ онъ съ царицею своею,
 Всѣхъ сыновей и дочерей
 И чадъ и внуковъ ихъ собравши,
 И тратъ въ семьѣ не испытавши,
 Позвалъ народъ, какъ нынѣ, свой
 На праздникъ свадьбы золотой».

(Полн. Собр. Соч. В. А. Жуковского подъ редакціей проф. А. С. Архангельскаго. т. IV, стр. 36).

16.

- 1) Александра Васильевна Жуковская, впоследствии баронесса Вѣрманъ, умерла въ 1899 году.
- 2) Священникъ Пѣвницкій.
- 3) Близъ Штутгарта.

17.

- 1) Императрица Александра Ѳеодоровна родилась 1 іюля 1798 года.
- 2) Алексѣй Захаровичъ Хитрово, государственный канцлеръ.
- 3) Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ генералъ адъютантъ (род. въ 1803 году, ум. въ 1860 г.). Былъ адъютантомъ Великаго Князя Михаила Павловича, управлялъ военно-учебными заведеніями, а впоследствии выдвинулся, какъ энергичный дѣятель по крестьянской реформѣ.
- 4) Князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.
- 5) Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ (род. 1774 г., ум. въ 1845 г.), тогда министръ фининсовъ.
- 6) Извѣстная Александра Осиповна Смирнова, урожденная Россетъ.

18.

- 1) Рѣчь идетъ о рожденіи, 8-го сент. 1843 года, у Великаго Князя Александра Николаевича перваго сына, Великаго Князя Николая Александровича (умершаго 2 апр. 1865 г.).

2) Въ дневникахъ Жуковскаго по поводу этого свиданія записано всего нѣсколько словъ: «Короткое свиданіе съ Государемъ. Роковое «не заживайся» (См. Дневники В. А. Жуковскаго стр. 532).

3) Фридрихъ Вильгельмъ IV.

4) Отца Императрицы Александры Осодоровны — прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, умершаго въ 1840 году.

5) Лютеранскій епископъ Эйлертъ Рульмапъ Фридрихъ, извѣстный богословъ, духовникъ Фридриха Вильгельма III (род. въ 1770 г., умеръ 1852 г.) Упомянутое Жуковскимъ сочиненіе его носитъ названіе: *Characterzüge und historische Fragmente aus dem Leben des Königs von Preussen Friedrich Wilhelm III.* Этотъ трудъ издавался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Магдебургѣ и былъ законченъ въ 1843 г.

6) Рѣчь идетъ о начавшихся тогда въ Германіи волненіяхъ, которыя закончились событіями 1848-го года.

7) См. выше примѣчанія 8—10 къ письму № 8.

19.

1) Дочь Александры Андреевны Воейковой, урожд. Протасовой, которая была назначена фрейлиной къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

20.

1) Предстоявшій бракъ великой княгини Ольги Николаевны съ наследнымъ принцемъ Вюртембергскимъ Карломъ (Фридрихомъ Александромъ), который вступилъ на престолъ въ 1864 году.

21.

1) Это письмо представляетъ большой интересъ потому, что въ немъ Жуковскій такъ подробно, какъ, кажется, нигдѣ, останавливается на оцѣнкѣ политическихъ событій, волновавшихъ Германію. Оно можетъ служить дополненіемъ къ письмамъ Жуковскаго къ Великому Князю Александру Николаевичу, напечатаннымъ въ Русскомъ Архивѣ 1885 г. т. I.

2) *Vorparlament* — предварительный парламентъ, засѣдавшій во Франкфуртѣ на Майнѣ съ 31 Марта по 3 Апрѣля 1848 г.

3) Этими Викаріемъ (*Reichsverweser*) Германіи былъ избранъ во франкфуртскомъ парламентѣ, въ засѣданіи 29 Іюня 1848 года, Эрцгерцогъ австрійскій Іоаннъ.

4) Очевидно, рѣчь идетъ о Струве (Густавъ, р. 1805 г., ум. 1870), одномъ изъ главныхъ дѣятелей революціи 1848-го года.

5) Геккеръ, Фридрихъ Карлъ (1811—81), принимавшій участіе въ томъ-же революціонномъ движеніи.

6) Фрейлигратъ, Фердинандъ, нѣмецкій поэтъ, дѣятель въ событіяхъ 1848 года (род. въ 1810 г. ум. въ 1876 г.).

7) Письмо, о которомъ говоритъ Жуковскій, хранится у его сына Павла Васильевича вмѣстѣ съ другими четырьмя письмами Фридриха Вильгельма IV къ нашему поэту. Отвѣтныя (числомъ 15) письма В. А. Жуковского пахотятся въ личной библіотекѣ германскаго Императора. Лѣтомъ 1903 года я имѣлъ возможность познакомиться съ ними и получить разрѣшеніе на ихъ напечатаніе, къ чему предполагаю приступить въ скоромъ времени.

Въ виду того, что письмо Фридриха Вильгельма IV, изъ котораго Жуковскій приводитъ выписку (оно не было еще напечатано), представляеть интересъ, какъ непосредственное дополненіе его письма къ Императрицѣ, мы приводимъ его въ томъ видѣ, въ какомъ оно сохранилось въ оригиналѣ.

Sans - Souci 18 Sptb. 1848 г.

Cher et tendrement aimé Joukowsky,

Vous saurez déjà, que l'affaire de la pension de retraite de notre ami a été réglée depuis Votre lettre. Je trouve le montant de la pension au-dessous de toute critique. Il est le resultat de ce «*besoin d'injustice*», qui fait l'essence de la vie du liberalisme. Pour le moment il n'y a rien à faire. Dieu sait, que j'ai fait tout ce que j'ai pu, pour épargner cetta tache à mon «*soi - disant règne*! Mais c'est en vain. L'ami à 2250 thalers de pension! Dites moi franchement, cher et excellent ami, cela suffit-il à son existence? Votre généreux et noble projet, qui ne pouvait sortir dans toute l'Europe que de Votre coeur seul, n'est, certes, plus nécessaire de réaliser. Mais j'ajouterais de grand coeur quelques centaines d'écus par an à la pension, sur ma cassette, si Vous le jugez nécessaire et s'il y a moyen de les faire accepter à notre cher et digne ami, qui parfois a la tête de marbre. Il m'importe beaucoup de savoir la vérité d'une chose que l'on m'a affirmée à plusieurs reprises de la manière la plus positive de la part du departement et à laquelle néanmoins je me prens la liberté de ne pas croire, jusqu'à ce que je n'aie la confirmation par l'ami lui même. C'est que la Caisse du departement lui a payé bey Heller und Pfennig tout son salaire jusqu'au jour où sa pension lui a été annoncée. Veuillez de grace, cher ami, me procurer la certitude sur la verité où le mensonge de cette assertion. Cela serait à peu près 6000 thalers et lui

serait sans doute de quelque ressource. Jusqu'au mois de mai il n'avait pas reçu une obole. Je sais cela de lui même. Faudrait donc, que ladite Caisse ait fait depuis Juin un effort surnaturel pour remplir son devoir. Mais «le habitus» du misérable qui gérait dans ce tems-là les affaires étrangères m'est presque garant, que la chose ne s'est pas faite.

Ah! cher et digne Joukowsky, quels tems et quelle engence, que celle qui règne et qui fait regner!!!!

Unissez Vos ferventes prières aux miennes, pour que Dieu ait pitié de nous! qu'il bénisse mes choix et mes projets. Ma patience est à bout. Je me relève de ma chute ou pour tomber à jamais, ou, si Notre Seigneur m'est secourable, pour commencer une nouvelle ère pour la Prusse et l'Allemagne. «Das Gebet des Gerechten vermag viel». C'est ma fière et sainte parole. Ich bin voll Gott Vertraun. Vale.

Конецъ листа съ подписью короля оторванъ, очевидно, имъ самимъ а на другой сторонѣ (на 4-ой страничкѣ почтоваго листа) слѣдуетъ еще приписка:

P. S. J'ai eu l'espoir secret de Vous voir à Cologne. C'est bien, bien triste, que Vous n'y êtes pas venu. La fête dans l'incomparable Cathédrale était miraculeusement belle. C'était un grand jour. Un beau jour. Allez y pour voir cette nef, rendue au Culte et s'élevant à la hauteur de 100 pieds.—Et si la forme du culte, qu'on y célèbre, n'est ni celle du Votre, ni celle du mien, c'est toujours le sanctissime nom de *Notre Seigneur* qu'on y adore, et cela fait un bien ineffable à l'âme, qui se dessèche sous le souffle homicide des misérabilités colossales et destructives d'un tems qui vent tout et qui ne peut rien; d'un tems qui n'a pour seule excuse que son plus abominable péché — l'apostasie!

На это письмо Жуковскій отвѣчалъ королю:

«Oui, sire, les tems, ou nous vivons, sont affreux: le bien est devenu impossible, l'avenir, qui se dresse devant nous, est un monstre d'anarchie qui menace d'engloutir la société humaine. Il n'y a de salut possible que dans le prompt et énergique reveil de l'autorité. Qui serait plus digne de la relever que Vous, sire? et en qui on devrait avoir une pleine confiance, si ce n'est en vous? Mais on est aveuglé. Toutefois vos grands et beaux projets n'ont pas été en vain. Dieu les *benira*, sire. Avec le courage d'un Chrétien et la résolution dun roi vous les réaliserez pour le bien de l'Humanité. J'espère en Dieu pour vous. C'est vous qu'il employera pour faire triompher sa cause, puisque c'est votre âme qu'il a daigné choisir pour la soumettre à de telles épreuves».

8) «Одно особое обстоятельство», по поводу котораго Жуковскій писалъ Фридриху Вильгельму IV, — были его усиленныя и настоятельныя хлопоты относительно обезпеченія Радовица.

22.

- 1) 14 декабря 1825 года — день заговора Декабристовъ.
- 2) Въ письмахъ Жуковского къ Императрицѣ это признаніе тяжелыхъ сторопъ его семейной жизни слышится впервые.
- 3) Подъ этимъ ангеломъ хранителемъ Жуковскій, очевидно, подразумѣваетъ Наслѣдника Цесаревича.

23.

- 1) Это предсмертное письмо писано уже не самимъ Жуковскимъ, совсѣмъ потерявшимъ зрѣніе и угасающимъ попомногу, а подъ его диктовку, по всей вѣроятности (это предположеніе его сына Павла Васильевича) однимъ изъ братьевъ жены поэта, и только подписано имъ собственноручно крупнымъ твердымъ почеркомъ.
 - 2) Великая княгиня Марія Николаевна, дочь Императора Николая Павловича, супруга герцога Максимилиана Лейхтембергскаго (родилась 1819, ум. 1876 г.).
 - 3) Весна этого года не отворила Жуковскому «двери въ Россію»; онъ скончался 12 апрѣля 1852 года.
-

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗВѢСТНЫХЪ ВЪ ПЕЧАТИ ПИСЕМЪ.

Василія Андреевича Жуковскаго.

къ

**Императору Николаю Павловичу и къ Императрицѣ Александрѣ
Феодоровнѣ**

съ 1817 г. по 1852 г.

1.	1817 или нач. 1818.....	рус.	В. К. А. Ө.
2.	1821 1 июня (н. с.)	изъ Дрездена ..	» » »
3.	» 4/16, 10/22, 17/29 июня	{ » » .. } { » Праги } { » Карлсбада . }	» » »
4.	» 23/5, 29/10 июня.	» » ..	» » »
5.	» 2/14, 7/19 октября	{ » Штутгардта } { » Франкфурта }	» » »
6.	» 1/13 ноября	» Берлина ..	» » »
7.	» 26 ноября, 8 декабря...	» » ..	» » »
8.	1823 25 марта	» Дорпта ...	фр. И. А. Ө.
9.	1826 15/27 июня	» Эмса	» » »
10.	» 22 июля, 3 августа.....	» »	» » »
11.	» 18/30 августа.....	» Франценсбрунна	» » »
12.	» 2/14 октября	» Дрездена ..	» » »
13.	1827 1 января	» »	фр. » »
14.	» 1/13 июля	» »	» » »
15.	» 15/27 сентября	» Берлина...	» » »
16.	1827 16/28 »	» »	» И. А. Ө.
17.	» декабря.	» С.-Петербург..	рус. И. Н. П.
18.	1828 25 июня	» Павловска .	» И. А. Ө.
19.	» 2 июля	» — ...	» » »

Въ перечнѣ сдѣланы для краткости слѣдующія сокращенія: 1) Письмо, писанное Княгиней Александрей Феодоровной — В. К. А. Ө., тоже Императрицей Александрей Феодоровной было напечатано данное письмо: Русскій Архивъ—Р. Ар.; Русская Старина — В. А. Жуковского 1878 г. изданіе 7-ое подъ ред. П. А. Ефремова—Из. 7-ое; Полное собраніе, описанныя И. Бичковымъ С. П. 1887 г.—О. Б. Ж. Второе и третье изданіе пѣсокъ Жирнымъ шрифтомъ напечатаны данныя, касающіяся писемъ, помѣщенныхъ

печатано въ Р. Ар.	1900 г. . . . IX т. . . . стр.	39.	—
» » » Ст.	1901 » . . . X » . . . »	221	№ 1.
» » »	» » . . . » . . . »	224	№ 2.
» » »	» » . . . XI » . . . »	389	№ 3.
» » »	1902 » . . . V » . . . »	337	№ 4.
» » »	» » . . . » . . . »	357	№ 5.
» » Ак. Сб.	1904 » . . . II . . . »	1	№ 1.
» » »	» » . . . » . . . »	3	№ 2.
» » »	» » . . . » . . . »	6	№ 3.
» » »	» » . . . » . . . »	21	№ 4.
» » »	» » . . . » . . . »	25	№ 5.
» Р. Ар.	1873 » . . . I » . . . »	1.	—
2. » Из. 7-ое	1878 » . . . VI » . . . »	264	№ 1.
» Р. Ар.	1874 » . . . I » . . . »	9	№ 1.
2. » Из. 7-ое	1878 » . . . VI » . . . »	278	№ 2.
3. » Из. Алф.	1902 » . . . I » . . . »	365	№ 2.
» Р. Ар.	1873 » . . . I » . . . »	72	№ 2.
» Из. 7-ое	1878 » . . . VI » . . . »	284	№ 3.
2. » » Алф.	1902 » . . . I » . . . »	367.	—
» Р. Ар.	1874 » . . . I » . . . »	20	№ 2.
2. » Из. 7-ое	1878 » . . . VI » . . . »	295	№ 4.
3. » Из. Алф.	1902 » . . . I » . . . »	369	№ 3.
» Р. Ар.	1874 » . . . I » . . . »	28	№ 3.
2. » » 7-ое	1878 » . . . VI » . . . »	299	№ 5.
» Из. Алф.	1902 » . . . I » . . . »	345	№ 1.
» Р. Ар.	1874 » . . . I » . . . »	31	№ 4.
2. » » 7-ое	1878 » . . . VI » . . . »	301	№ 6.
3. » Из. Алф.	1902 » . . . I » . . . »	371	№ 4.
» Р. Ар.	1874 » . . . » . . . »	35	№ 5.
2. » Из. 7-е	1878 » . . . VI » . . . »	304	№ 7.

е по русски — рус., тоже по французски — фр. 2) Письмо, адресованное Великому
 рови — И. А. Θ., тоже Императору Николаю Павловичу — И. Н. П. 3) въ указаніяхъ,
 Ст.; Академическій Сборникъ Памяти Гоголя и Жуковскаго — Ак. Сб.; Сочиненія
 бр. Соч. изд. 1903 г. подъ ред. А. Д. Алферова — Из. Алф.; Бумаги В. А. Жуков-
 скихъ писемъ отмѣчено соответствующими цифрами въ графѣ послѣ слова «печатано».
 этомъ сборникѣ. Отсутствіе какихъ либо данныхъ отмѣчено тире:—

20.	1829	апрѣля.....	—	рус.	И. Н. П.
21.	1830	24 января.....	—	»	» »
22.	»	30 марта.....	—	»	» »
23.	»	апрѣль	—	»	» »
24.	»	»	—	»	» »
25.	»	»	—	»	И. А. О.
26.	1832	10/22 ноября	}	» Верне близъ	Фр.	» »
				Веве.....		
27.	»	—	—	рус.	И. Н. П.
28.	1837	6/11 мая	»	Твери	»	И. А. О.
				и Ярославля		
29.	»	22 юня	»	Казани ...	»	» »
30.	»	24 »	»	Симбирска .	»	» »
31.	1837	3 юля	»	Тамбова ..	»	И. А. О.
32.	»	24 »	»	Москвы ..	»	» »
33.	»	» »	»	»	»	И. Н. П.
34.	»	» »	»	»	»	» »
35.	1838	26 юля, 7 августа. ...	»	Эмса	»	И. А. О.
36.	1838	26 юля, 7 августа	»	»	»	» »
37.	»	28 » 9 »	»	»	»	» »
38.	»	8 октября	»	Комо.....	»	» »

СТАНО	въ Р. Ст.	1902 г. ... IV т. ... стр.	66.	—
»	» » Ст.	» » ... IV » ... »	69.	—
»	» » Ар.	1896 » ... I » ... »	109.	—
2.	» Из. Алф.	1902 » ... » ... »	356	№ 3.
»	» Р. Ст.	1902 » ... VI » ... »	73.	—
»	» »	» » ... » ... »	92.	—
»	» »	» » ... » ... »	81.	—
»	» Р. Ар.	1874 » ... I » ... »	37	№ 6.
2.	» Из. 7-ое.	1878 » ... VI » ... »	305	№ 8.
»	» Р. Ар.	1896 » ... I » ... »	117.	—
»	» »	1874 » ... » ... »	44	№ 7.
2.	» Из. 7-ое.	1878 » ... VI » ... »	309	№ 9.
3.	» » Алф.	1902 » ... I » ... »	372	№ 5.
»	» Р. Ар.	1874 » ... » ... »	53	№ 8.
3.	» Из. 7-ое.	1878 » ... VI » ... »	314	№ 10.
2.	» Из. Алф.	1902 » ... II » ... »	374	№ 6.
»	» Р. Ар.	1874 » ... I » ... »	56	№ 9.
2.	» Из. 7-ое.	1878 » ... VI » ... »	316	№ 11.
3.	» Из. Алф.	1902 » ... I » ... »	375	№ 7.
»	» Р. Ар.	1874 » ... I » ... »	62	№ 10.
»	2. » » 7-ое.	1878 » ... VI » ... »	319	№ 12.
»	» Р. Ар.	1874 » ... I » ... »	64	№ 11.
»	2. » Из. 7-ое.	1878 » ... VI » ... »	320	№ 13.
»	3. » Из. Алф.	1902 » ... I » ... »	377	№ 8.
»	» »	» » ... » ... »	347	№ 2.
»	» »	» » ... » ... »	361	№ 5.
»	» Р. Ар.	1874 » ... I » ... »	67	№ 12.
»	2. » » 7-ое.	1878 » ... VI » ... »	322	№ 14.
»	3. » Из. Алф.	1902 » ... I » ... »	378	№ 9.
»	» »	» » ... » ... »	379	№ 10.
»	2. » Р. Ар.	1874 » ... I » ... »	71	№ 13.
»	» » 7-ое.	1878 » ... VI » ... »	324	№ 15.
»	» Р. Ар.	1874 » ... I » ... »	74	№ 14.
»	2. » Из. 7-ое.	1878 » ... VI » ... »	326	№ 16.

39.	1838	12/24 ноября	изъ Венеціи	...	рус.	И. А. Ѳ.
							»
40.	»	21 ноября, 3 декабря	..	»	»	»	»
							»
41.	1839	12/24 марта	» Карлсруэ	..	»	»
							»
42.	»	14/26 марта	»	»	»	»
							»
43.	»	17/29 апрѣля	» Гаги	»	»
44.	»	13 января	» Петербурга,		»	И. Н. П.
45.	1840	23 апрѣля	» Дармштадта		рус.	И. А. Ѳ.
46.	»	1/13 мая	»	»	»	»
47.	»	9/21 іюля	» Эмса	»	И. Н. П.
48.	»	между 1—3 іюля	»	»	»	»
49.	»	27 іюля, 8 августа	» Дармштадта		фр.	И. А. Ѳ.
50.	»	8 августа	»	»	»	»
51.	»	15/27 сентября	» Дюссельд.		»	»
52.	1841	7/19 августа	»	»	рус.	»
53.	1842	марта	»	»	»	»
							»
54.	»	22 іюня, 4 іюля	»	»	»	»
55.	»	7/19 ноября	»	»	фр.	»
56.	1843	10/22 іюня	» Эмса	рус.	»
57.	»	12/24 октября	» Дюссельд.		»	»
58.	1844	25 марта	» Дармштадта		»	»
59.	1846	24 февраля, 8 марта	..	{ » Франкфуртъ } на Майнѣ.		»	»
60.	1848	10/22 сентября	» Баденъ-Бад.		»	»
61.	1850	12/24 ноября	»	»	»	И. Н. П.
62.	1850	»	»	»	»	И. А. Ѳ.
63.	1850	»	»	»	»	»
64.	1852	13/25 января	»	»	»	»

яно	въ Р. Ар.	1874 г.	I т.	стр. 81	№ 15.
2.	» Из. 7-ое	1878 »	VI »	330	№ 17.
3.	» Из. Алф.	1902 »	I »	380	№ 2.
	» Р. Ар.	1874 »	I »	83	№ 16.
2.	» Из. 7-ое	1878 »	VI »	332	№ 18.
	» Р. Ар.	1874 »	I »	88	№ 17.
2.	» Из. 7-ое	1878 »	VI »	334	№ 19.
3.	» Из. Алф.	1902 »	I »	381	№ 12.
	» Р. Ар.	1874 »	I »	92	№ 18.
2.	» » 7-ое	1878 »	VI »	336	№ 20.
3.	» Из. Алф.	1902 »	I »	382	№ 13.
	» Ан. Сб.	1904 »	II »	43	№ 6.
	» Из. 8-ое	» »	VI »	408.	
	» Ан. Сб.	» »	II »	46	№ 7.
	» »	» »	» »	48	№ 8.
	» »	» »	» »	52	№ 9.
	» »	» »	» »	56	№ 10.
	» »	» »	» »	66	№ 11.
	» »	» »	» »	69	№ 12.
	» »	» »	» »	73	№ 13.
	» »	» »	» »	79	№ 14.
	» Из. 7-ое	1878 »	VI »	338	№ 21.
2.	» » Алф.	1902 »	I »	382	№ 14.
	» Ан. Сб.	1904 »	II »	81	№ 15.
	» »	» »	» »	83	№ 16.
	» »	» »	» »	86	№ 17.
	» »	» »	» »	88	№ 18.
	» »	» »	» »	92	№ 19.
	» »	» »	» »	93	№ 20.
	» »	» »	» »	95	№ 21.
	» О. Б. Ж.	1887 »	»	145	—
	» »	» »	»	»	—
	» Ан. Сб.	1904 »	II »	101	№ 22.
	» »	» »	» »	105	№ 23.

Указатель личныхъ именъ и географическихъ названій.*)

А.

Александра Θεодоровна Императрица, 1, 3, 34, 21, 116.
 Александра, см. Воейкова.
 Александра, см. Жуковская.
 Александръ Николаевичъ, 6, 116.
 Александръ Павловичъ Императоръ 11, 12, (19), 58, 96.
 Альбрехтъ, принцъ прусскій 2, 110.
 Англія, 44.
 Архангельскій, А. С. проф., 125.
 Архарова, см. Васильчикова.

Б.

Баденъ-Баденъ, 87, 96, 100, 103, 105, 107.
 Балашевъ, 87.
 Балашева, урожденная Паскевичъ 87.
 Бернсдорфъ, графъ 11, (18).
 Беринъ, 1, 2, 9, 10, (16), (18) 26, (35), 50, 64, 70, (72), 80, 89, 99.
 Беэръ, Мар. Вас., 111.
 Брухзалъ, 95.
 Будбергъ, баронъ, 46, 115.
 Бычковъ, И. А., 108, 113.

В.

Варшава, 103, 104, 106.
 Васильчиковъ, Ил. Вас., князь, 87.
 Васильчикова, урожд. Архарова, 87.
 Веймаръ, 26, (35).
 Вильгельмъ, принцъ прусскій 2, 110.

Вильгельмъ, принцесса см. Маріанна, 22, (24).

Вильдерметъ, 1, 2, 10, (18), 50, 109, 117.

Воейкова, дочь Алек. Андр., 93.
 Воейкова, Александра Андреевна 3, 4, (5), (6), 50, 84, 85, 93, 117.
 Воейковы — дѣти Ал. Андр., 58.
 Вѣна, 64.

Г.

Гага, 45, 92.
 Гамбургъ, 8, (15).
 Гастейнъ, 87.
 Гейдельбергъ, 96.
 Геккеръ Фридрихъ—адвокатъ, руководитель движенія 1848 г., 98, 127.
 Гельмерсенъ, преподаватель вел. князя, 61, 62, 63, 121.
 Германія, 28, 30, 31, (37), (38), (39), (41), 99, 100.
 Гете, поэтъ, 117.
 Гогенцоллерны, 96.
 Голицына, Мар. Арх. княгиня, урожденная Суворова, 11, (18), 112.
 Гриммъ, 61, 62, 63, 121.
 Гутгертъ, 100, 103, 106.
 Гуфландъ, Хр. Вильг., лейбъ-медикъ прусскаго короля, 1, 109.

Д.

Дармштадтъ, 67, (76), 46, 50, 66, 93, 106.
 Дерптъ, 3, 9, (16).

*) Ссылки на переводы писемъ поставлены въ скобкахъ, а ссылки на примѣчанія, гдѣ встрѣчаются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о данныхъ лицахъ, напечатаны курсивомъ.

Диль, докторъ 26, (35), 114.
 Докторова, см. Доктурова.
 Доктурова, вдова генерала 11, (18), 112.
 Дрезденъ, 9, 16, 26, 33, (35), (42), 64.
 Дюссельдорфъ, 10, (18), 62, 64, 67, (69), 75, 76, (78), 81, 83, 84, (85), 91, 92, 93.

Е.

Елагина, Авд. Петр., 110.
 Елизавета, супр. Фридриха Вильг. IV, урожд. принцесса Баварская, 10, (18).
 Ефремовъ, 6.

Ж.

Жиль, 32, 33, (41), (42), (43).
 Жуковская Александра, дочь Вас. Андр., 83, 84, (85), 125.
 Жуковскій Павелъ Васильевичъ, 127, 129.

З.

Зонтагъ, Анна Петр., 121.
 Зинарь, графиня см. Фоссъ.

И.

Италія, 64, 88, 94.

І.

Іоаннъ, эрцгерцогъ австрійскій, викарій, Германіи, 126.

К.

Канкринъ, Е. Ф. министръ русскій 87, 125.
 Капо-д-Истрія, политическій дѣятель 11, (18), 112.
 Карамзинъ, Ник. Мих., писатель 7, 11, (14), (19), 101, 102, 111.
 Карлъ, герцогъ мекленбургъ-стрелицкій. 1.
 Карлъ, принцъ прусскій 2, 110.
 Кирѣвская, Авдотья Петровна, 120.
 фонъ - Клаузевицъ, генералъ 10, (18), 112.

фонъ - Клейстъ, Гейрихъ, писатель, 2, 110.
 Клейстъ, придворная дама, 1, 50.
 Копенгагенъ, 8, (15),
 Коппъ, докторъ, 93, 106.
 Кремль (Московскій), 88.

Л.

Лала Рувъ, 50, 70, (72), 90, 116.
 Левенсъ, поэтъ, 115.
 Ливень, 48, 116.
 Лифляндія, 58, 59.
 Лятке, преподаватель велик. князя 61, 121.
 Лондонъ, 45.
 Луиза, принцесса прусская 1, 110.
 Любекъ, 8, (15).

М.

Маріанна, супруга принца Вильгельма, брата короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III 22, (24).
 Марія Александровна, урожденная принцесса гессенская, супруга Наслѣдника Цесаревича В. К. Александра Николаевича, 48, 54, 55, 62, 63, 116.
 Марія Павловна, герцогиня Саксенъ-Веймарская 11, (18), (24), 48, 54, 55, 62, 63.
 Марія Николаевна, супруга герцога Лейхтенбергскаго 93, 107.
 Марія Феодоровна, Императрица, супруга Императора Александра Павловича, 43.
 Мердеръ, К. К. генер.-адъют., воспитатель наслѣдника, 9, (17), 32, (41), 112.
 Мещерская, Софія Серг. княгиня 11, (18), 112.
 Михаилъ Николаевичъ, вел. князь, 63.
 Мойеръ, Мар. Андр., 110, 111.
 Мюнхенъ, 63, 64.
 Москва, 11, 21, 26, (34), 44, 60, 88.

Н.

Нарышкина, М. Я. 87.

Николай Николаевичъ, вел. князь, 63.
 Николай Павловичъ, Императоръ, 3,
 4, 21, (23), 52, 56.
 Нурмагалъ, опера, 50, 116.
 Нюрнбергъ, 95, 104, 106.

О.

Ольга Николаевна, вел. княгиня, 95.
 Орловъ, графъ, 44, 114.

П.

Паскевичъ, см. Балашева, 87.
 Перпонше, графиня 11, (18), 22,
 (24), 112.
 Петербургъ, 3, 4, (5), 9, 11, (16), (18),
 26, 27, 28, 29, 32, 33, (35), (36),
 (37), (38), (42) 53, 60, 61, 73,
 75, (76), (78), 79, 80, 103.
 Петръ Великій, Императоръ, 12,
 (20), 44, 45.
 Потсдамъ, 2, 89.
 Протасова, Екатерина Аванасьевна,
 111, 117, 119.
 Пруссія, 96, 99, 100.

Р.

де-Реде, графиня 11, (18).
 Рейнъ, 8, (16), 22, (24).
 Рейтернъ, Евграфъ Евграфовичъ, тестъ
 В. А. Жуковского. 56, 60, 82,
 (85), 118.
 Рейтернъ, Елизавета Алексѣевна, жена
 В. А. Жуковского. 74, (77), 119.
 Россія, 11, (14), (19), 25, 27, 29, 30, 34,
 (36), (38), (39), 47, 53, 55, 64, 65,
 82, 94, 95, 101, 102, 105, 107.
 Ростовцевъ, Як. Ив. генералъ. 87, 125.
 Ротенбергъ, 83, (85).

С.

Саардамъ, 44, 45.
 Смирнова, 87, 125..
 Спонгини, композиторъ, 50, 116.
 Струве (по Жуковскому Штруй) 97,
 126.
 Стурдза, Александръ Скарлатовичъ
 11, (18), 112.
 Стурдза, Роксандра Скарлатовна, же-
 па гр. Эделинга. 11, (18), 112.

Т.

Толстая, графиня, 105, 106.
 фонъ-Тюмлиннгъ, Ал. маіоръ, 11, (18),
 112.

Ф.

Философовъ, преподаватель великаго
 князя. 61, 121.
 Фоссъ, Матильда, замужемъ графиня
 Зинарь, 117.
 Франкфуртъ, 26, 34, 43, 44, 92, 93,
 94, 96, 97, 103.
 Франценсбруннъ, 26, 33, 34, (35), (43).
 Фрапція, 96.
 Фрейлигратъ, 98, 127.
 Фридрихъ Августъ, король саксонскій,
 10, (18), 112.
 Фридрихъ Великій, король прусскій,
 96, 109.
 Фридрихъ, наслѣдннй принцъ, 98.
 Фридрихъ IV, король Пруссскій, (24),
 90, 110.

Х.

Хитрово, Ал. Зах., госуд. контро-
 леръ, 87, 125.
 Христіанъ Фридрихъ, сынъ датскаго
 короля Христіана IV, 8, 111.

Ш.

Шарлотенбургъ, 89.
 Шлангенбадь, 11, (18).
 Штутгардь, 87.
 Штруй, см. Струве.

Э.

Эгеръ, 8, 9, (16), 22, 24, 26, 28, 29,
 (35), (37), (38).
 Эглофштейнъ, Юлія графиня 11, (18),
 112.
 Эделингъ, Альб., графъ, 11, (18), 112.
 Эделингъ, Рокс. Скарл. графиня,
 урожденная Стурдза, 11, (18), 112.
 Эйлертъ, Рузем., богословъ, 89, 126.
 Эльзиноръ, 8, (15).
 Эмсъ, 6, 7, 8, 10, 11, 13, (14), (16),
 (18), (21), 22, 23, (24), 26, 27, 28,
 29, (35), (36), (37), (38), (42), 52, 56,
 65, 66, (68), 70, (72), 86, 87, 88,
 91, 103.

ПИСЬМА - ДНЕВНИКИ
В. А. ЖУКОВСКАГО
1814 и 1815 годовъ.

Біографическое значеніе печатаемыхъ далѣе писемъ-дневниковъ В. А. Жуковскаго, предназначавшихся для Марьи Андреевны Протасовой, выяснено въ книгѣ академика А. Н. Веселовскаго: «В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и «сердечнаго воображенія» (Спб. 1904 г. стр. 163 — 173, 177 — 181, 194—8), гдѣ сообщено ихъ содержаніе и даны большія выдержки изъ нихъ по списку, сообщенному Отдѣленію русскаго языка и словесности А. Ѳ. Овѣгинимъ. Нынѣ эти дневники издаются сполна по оригиналамъ, любезно предоставленнымъ въ распоряженіе Отдѣленія П. В. Жуковскимъ.

Провѣрку ихъ по подлиннымъ рукописямъ поэта, наблюденіе за печатаніемъ и описаніемъ самыхъ подлинниковъ принялъ на себя П. К. Симони.

1814 годъ.¹⁾

ІЮНЬ.

Мой другъ утѣшительный!
Тогда лишь покинь меня,
Когда изъ души моей
Лучъ жизни сокроется!
Тогда лишь простишь со мной!
Источникъ великаго,
И вѣры и радости,
И въ сердцѣ невинности;
Мнѣ силу и мужество,
И твердость дающа,
Мой ангель — сопутница,
И въ жизни и въ вѣчности!

[Стран. 1] 21 іюня. Понедѣльникъ.

Я возвращаю тебѣ Май, *пустой* совершенно. Что было въ него записывать? Нужно ли было²⁾ выражать для моего друга такое состояніе души, которое было ее недостойно. Пустота въ сердцѣ, непривязанность къ жизни, чувство усталости — вотъ все. Можно ли было объ этомъ писать. Рука не могла взяться за перо. Словомъ такая жизнь была смерть за живо. И самое живое и пріятное желаніе и надежда мои были въ это время на

1) «1814 годъ» — прибавлено редакцію. — Слово «Іюнь» и текстъ стихотворенія — написаны В. А. Жуковскимъ на лицевой сторонѣ верхней части обложки тетрадки.

2) «было» — приписано потомъ надъ строкою.

смерть! Другъ мой! прости меня! теперь о смерти не могу подумать безъ самаго нѣжнѣйшаго о тебѣ сожаленія. Какъ желать ея, когда ты на свѣтѣ! Какъ предпочесть свое спокойствіе твоему! Маша, милая моя спутница, моя истинная благодѣтельница, заплачу ли за всѣ тѣ чувства, которыя ты въ меня поселила, презрѣніемъ къ жизни, къ самому себѣ, низостию, отчаяніемъ! Нѣтъ! я долженъ любить тебя иначе! Я долженъ жить для тебя — кто мнѣ запретить это! Быть счастливыми, т. е. дойти до своей цѣли зависить не отъ насъ; но быть достойнымъ счастья, идти къ прекрасной цѣли — о! это наше! наше на-вѣки! Какъ живо чувствую въ эту минуту всю высоту жизни, посвященной добру и тебѣ! Незнаю какъ пробудилось во мнѣ это чувство, — но это сдѣлалось въ другъ! По моему письму къ М(арьѣ) Ник(олаевнѣ), то есть по его началу ты могла судить, что я взялся за перо совсемъ въ другомъ расположеніи: и мысли, и чувства были черныя. (Стран. 2) Вдругъ какъ будто свѣтъ озарилъ мое сердце и взглядъ на жизнь совсемъ переѣнился. Ангель утѣшитель! вѣдь ты на свѣтѣ и ты моя.

Я остановился на этомъ мѣстѣ и пошелъ въ залу искать платка — ты подала мнѣ изломанное кольцо. Какъ кстатѣ, какой прекрасный знакъ!⁸⁾ Другъ мой, оно дано тебѣ *не мною*. Возьми мое. Пускай оно означаетъ совершенну переѣну моихъ чувствъ къ тебѣ на лучшее, возвышеннѣйшее чувство самой чистой, неизмѣнной привязанности; въ ней истинная моя жизнь; она будетъ для меня источникомъ вѣрнаго счастья, добра, надежды, религіи и наконецъ получить награду отъ того, кто будетъ *видѣть* жизнь мою, кто соединилъ насъ и освятить нашъ союзъ. Въ знакъ *то-ю же* дай и ты мнѣ кольцо *отъ себя*. Обручимся во имя Бога на добродѣтель, на хорошую жизнь, которая пройдетъ естли не вмѣстѣ, то по крайней мѣрѣ *одинаково* и для *одной*. Милой другъ, увѣряю тебя, что ты мнѣ теперь еще милѣе, еще святѣе и необ-

8) Слова: «Какъ кстатѣ: какой прекрасный знакъ!» — вставлены между строкъ, какъ пропускъ.

ходимъе прежняго. Я въ послѣдній мѣсяцъ слишкомъ испыталъ, что безъ тебя, безъ ободрительнаго о тебѣ воспоминанія, безъ чистой къ тебѣ привязанности я ничто. Мы не можемъ (*Стран. 3*) быть вмѣстѣ. Но одна кровля, одно небо—развѣ не одно и тоже! Главное—*наше сердце*—кто его перемѣнить? Мы могли бы жить вмѣстѣ, если бы намъ дана была полная довѣренность, полная свобода любить другъ друга и показывать другъ другу безъ принужденія самую чистую привязанность! Мы бы были счастливы вмѣстѣ и сохранили бы свое счастье непорочнымъ. Но ожидать такой довѣренности не возможно. Захочешь ли чтобы я былъ только терпимымъ въ твоей семьѣ, безъ уваженія, безъ дружбы; чтобы я всякую минуту чувствовалъ недостатокъ счастья; завидовалъ тѣмъ, кто пользуются безцѣнно правомъ дѣлить все съ тобою, и свои чувства тайлъ бы какъ какое преступленіе. Вдали отъ тебя я болѣе съ тобою. Здѣсь все для меня отравлено. Когда я одинъ, то думаю только о томъ, какъ бы быть съ тобою и ничто другое не входитъ въ голову; когда съ тобою, то сердце рвется и самая твердость исчезаетъ,—по неволѣ ропотъ, досада на жизнь, унылость во мнѣ поселяются. Такая жизнь тебя недостойна. Когда я съ тобою простился, то въ первые дни или, лучше сказать, во весь первый мѣсяцъ я былъ какъ мертвый—нестерпимая холодность ко всему давила мое сердце—О! смерть несравненно лучше такого ощутительнаго ничтожества. Въ душѣ моей было одно только чувство розлуки. Всему конецъ, нечего искать въ жизни,—вотъ что я (*Стран. 4.*) думалъ и болѣе ниче(го)⁴) не могъ думать! Но это перемѣнилось! Я нашелъ вѣрное для себя убѣжище—ангелъ мой! хранительница моего сердца! самое лучшее украшеніе моей жизни! Ты мое убѣжище! Какъ могла ты сказать въ своемъ послѣднемъ безцѣнномъ письмѣ: я даже желаю, что бы ты меня любилъ мене. Это желаніе убійственное; нѣтъ! нѣтъ! Желаю, чтобы моя къ тебѣ любовь усиливалась если можно безпре- станно! Въ ней *все* для меня! Она заключаетъ для меня всю мою

4) «ниче(го)» — «то» не дописано.

силу и дѣятел(ь)ность въ *настоящемъ*; ею можетъ быть для меня прекрасно и *будущее*! Съ нею могу воображать *отчужденность*! Она дастъ мнѣ примеръ — религію. Съ нею я богачъ, — безъ нее былъ бы самый жалкій, отверженный нищій. Скажу тебѣ то же, что я писалъ къ Марьѣ Николаевнѣ: для насъ осталось теперь одно: *твердая стѣна другъ въ друга*! Развѣ, разставшись, мы другъ для друга погибли! Развѣ нѣтъ у насъ одной общей надежды; одного вѣрнаго защитника! Развѣ цѣль, къ которой онъ насъ ведетъ, не прекрасная! Онъ только говоритъ намъ: *идите!* Ужели откажемся отъ проводника добраго? Развѣ можемъ требовать награды преждѣ заслуги? Развѣ брошены мы въ эту жизнь какъ въ пустыню, въ которой ужасы собраны только для того чтобы ужасать! Нѣтъ! это опытъ! Изъ него надобно выйти невредимо и достойнымъ награды! Вѣра въ тебя будетъ моею (*Стран. 5.*) твердостію! А ты вѣрь мнѣ и будь спокойна! Тотъ, кому дорого наше прямое счастье, сдѣлаетъ все за насъ и лучше нежели мы сами. Неуспѣхъ употребленныхъ нами усилій доказываетъ намъ только то, что мы *ничего* не можемъ, и такъ оставимъ все на волю тому, кто *все* можетъ. А мы будемъ ждать, каждый въ своемъ углу, *розно*, чтобъ послѣ благодарить *вмѣстѣ*. «Гдѣ бы я ни былъ (это выписываю изъ письма моего къ М(арьѣ) Н(иколаевнѣ) ⁵⁾ все ты «будешь въ душѣ моей, лучшею моею надеждою, вѣрнымъ моимъ «счастьемъ. Будемъ въ *настоящемъ* относить все ко этой надеждѣ, «а о будущемъ перестанемъ и заботиться. Станемъ *порознь* употреблять это *настоящее* самымъ лучшимъ образомъ, имѣя въ виду «то счастливое *вмѣстѣ*, которое когда нибудь придетъ. *Знай и «отрь*, что я живу для тебя. Развѣ мѣсто и время перемѣнятъ «чувства. Съ такою цѣлью могу любить жизнь! Гдѣ бы я ни былъ «вездѣ буду помнить, что я принадлежу тебѣ. И такъ вездѣ и «всегда надобно быть тебя достойнымъ. Есть ли дашь мнѣ слово «(и сохранишь его) ⁶⁾ быть спокойною и беречь себя для лучшаго

5) круглыя скобки и въ подлинникѣ.

6) тоже.

«времени, то я даю слово (и сохранию), что буду пользоваться
 «сколько можно своею жизнью, буду думать о себѣ какъ о твоей
 «свято [не]отъемлемой собственности. Какъ не уважать жизнь,
 «когда она *твоя!* Какъ не желать ее сдѣлать тебя достойною!»
 Развѣ мысли быть тобою любимымъ не довольно на цѣлую жизнь!
 Такое счастье подвержено ли перемѣнѣ судьбы? Случай (*Стран. 6*)
 можетъ ли имъ владычествовать! Нѣтъ! нѣтъ! вѣрить прови-
 денію! вѣрить другъ другу! всегда и вездѣ быть достойными другъ
 друга—вотъ все! Остальное не можетъ быть дурно! Дай же мнѣ
 руку! будь мнѣ примѣромъ! товарищемъ! ангеломъ хранителемъ!

Милой другъ, разставаясь съ тобою—я много теряю! Боже
 мой! не видаться! Но знае[шь] ли, что мы выигрываемъ? Свободу
 любить другъ друга! Мы заплатили за нее своимъ пожертвова-
 ніемъ! Теперь любовь вѣрная и чистая *наша* и никто не можетъ
 на нее имѣть права. Маменька могла бы дать намъ полное сча-
 стіе — о! съ такимъ счастіемъ ничто не сравнится! — Но теперь
 она уже ничего у насъ отнять не можетъ. Безъ этаго полного
 счастья намъ нельзя быть вмѣстѣ. *Безъ доверенности но вмѣстѣ*—
 мы бы опять были рабами, принуждены бы были таяться и
 притворствоваться, — *розно* мы свободны, и наша любовь при-
 надлежитъ намъ по праву. Я никогда и нигдѣ не буду *одинокимъ*
 съ моею къ тебѣ привязанностію, съ моею вѣрою въ твое сердце!
 Я буду богатъ мыслию, что ты моя и что всякое мое ⁷⁾ чувство,
 всякая мысль, всякой поступокъ мой будутъ освѣщены воспоми-
 наніемъ о томъ, что мнѣ всего дороже — развѣ это не жизнь?
 Кто такой союзъ разрушить? Кто имѣетъ право его оуждать?
 Наша жертва сдѣлана! Теперь мы выше всѣхъ, кто такъ равно-
 душно располагаетъ нашею судьбою; мы спокойно можемъ скрыть
 себя во глубину сердца и въ немъ находить свое счастье, въ немъ
 заключить вѣру другъ въ друга, *неза* (*Стран. 7*) всящюю ни отъ
 кого, и вѣру въ провиденіе, которая насъ приведетъ ко всему и
 все ⁸⁾ заменить что дурно добрымъ. *Розно* — мы независимы ни

7) послѣ слова «мое» было написано: «къ тебѣ» — но зачеркнуто.

8) «все» — е исправлено изъ первоначально бывшаго я.

отъ кого, ни отъ чего. *Вмѣстѣ* — насъ только бы оскорбляли и сохранили бы еще нѣкоторое право и на то, что у насъ въ сердцѣ. Нѣтъ! мой ангелъ! для меня довольно одной моею къ тебѣ привязанности на цѣлую жизнь! *Одно* чувство распространить на нее самый прекрасный свѣтъ, который ни чѣмъ не помрачится. Я буду, буду дорожить жизнію.

Признаюсь тебѣ, съ тѣхъ поръ какъ сюда возвратился — я нѣсколько колебался въ этихъ мысляхъ. *Вида* тебя снова ⁹⁾, чувствую все то жестокое горе разлуки, которое стѣсняло мою душу, — вижу одно только *то* счастье, котораго я лишонъ и забываю о томъ, которое мнѣ осталось. Видѣть тебя передъ собою и имѣть одно только воспоминаніе о тебѣ — какая розница! Но я и не хочу сражаться съ этимъ чувствомъ: пускай оно меня мучить! Теперь послѣднее время—оно безцѣнно при всѣхъ страданіяхъ! Но даю тебѣ слово, что убійственная безнадежность ко мнѣ уже не возвратится. Нѣтъ! другъ милой! Я знаю гдѣ и въ чѣмъ искать счастье. По крайней мѣрѣ теперь я съ одной стороны спокойнѣе, — я ничего нежду отъ маменьки; я поставилъ себя выше несправедливости и пренебреженія и доволенъ мыслию, что она уже у меня ничего отнять не можетъ.—Прошу отъ тебя только одного:—будь мнѣ примѣромъ и вѣрнымъ товарищемъ въ этой твердости, въ этой взаимной довѣренности; ищи (*Стран.* 8) такого же спокойствія въ самой себѣ. О, есть-ли бы я могъ быть увѣренъ въ твоемъ спокойствіи! Какую бы твердость это мнѣ дало на цѣлую жизнь!

Я¹⁰⁾ сдѣлалъ себѣ правило, которое одно мнѣ на *цѣлую жизнь* послужить можетъ. При всякомъ чувствѣ, при всякой мысли, при всякомъ намѣреніи буду у себя спрашивать: *достойны-ли они моею Машей? Можно ли изъ ей открыть? Будетъ ли и должна-ли она съ нею участвовать?* Милой мой ангелъ, развѣ этаго не довольно, чтобы не только не испортиться, но еще и сдѣлаться лучшимъ?

9) послѣ слова «тебя» — приписано «снова» надъ строкою.

10) Отсюда писано друзьямъ перомъ, почеркомъ какъ-то тоньше.

Скажу нѣсколько словъ о своемъ планѣ жизни. Для меня теперь одно—занятіе. И это занятіе будетъ тройкое: *Читатъ*—собирать хорошія мысли и чувства; *писатъ*—для славы и пользы; *дѣлатъ* все то добро, которое будетъ въ моей власти. Милой ангелъ, еще жить можно! Хорошо мыслить и чувствовать не есть ли быть всегда съ моею Машею, становит[ь]ся для нее лучшимъ. О! я это часто, часто испытывалъ: при всякой высокой мысли, при всякомъ хорошемъ чувствѣ воспоминаніе о тебѣ оживляется въ моемъ сердцѣ! я становлюсь какъ будто съ тобою знакомѣе и дружнѣе. Гдѣ же разлука? Развѣ не отъ меня зависитъ всегда быть съ тобою вмѣстѣ? *Слава* имѣетъ теперь для меня необыкновенную и особенную прелесть—какой мо (*Стр. 9*) жетъ быть не имѣла прежде. Ты будешь обо мнѣ слышать! Честь моего имени, купленная цѣною чистою, будетъ принадлежать тебѣ! Ты будешь радоваться ею и общаю возвыситъ свое имя. Эта надежда меня радуетъ. Приобрести общее уваженіе для меня теперь дорого. О! какъ мнѣ сладко думать, что сердце твое будетъ трогаться тѣмъ уваженіемъ, которое будутъ мнѣ показывать. Или его не будетъ, или оно будетъ справедливое, достойное тебя, мой другъ безцѣнный и единственный. — Быть *добрымъ на дѣлѣ* значить для меня любить мою Машу. Я мало, слишкомъ мало добра сдѣлалъ. Теперь много имѣю причины сдѣлаться добрѣе. Всякое доброе дѣло будетъ новою съ тобою связію. О! если бы только это не осталось однимъ намереніемъ! Бо[ю]сь своей лѣни,—а сдѣсь нужна дѣятельность! Но ты со мною! Буду выработать деньги! Часть себѣ, — а все, что не будетъ *необходимы[мъ]*, — другимъ. Но и пожертвованіе даже будетъ весело. Какой прелестный у меня свидѣтель! Милый другъ! проси бога, что бы онъ благословилъ меня на такую жизнь и сама дай мнѣ благословеніе любви, вѣрности и товарищества. Все доброе, что мы сдѣлаемъ, будетъ для насъ *заслугою* для счастья въ глазахъ провиденія. Но мы будемъ только вѣрить этой наградѣ, — а дѣйствовать и безъ награды, только не желай, чтобы *любовь моя къ тебѣ уменьши-*

мсь. Нѣтъ! пускай она часъ отъ часу усиливается: въ ней всё мой сокровища.

(Стран. 10) Думаю, что буду жить въ Мишенскомъ, — то есть Мишенское будетъ главнымъ мѣстомъ моего пребыванія — (впрочемъ, увидимъ). — Желалъ бы лучше въ Долбинѣ. Дуняша всѣхъ лучше умѣетъ тебя любить, всѣхъ лучше тебя понимаетъ и съ нею всегда говоримъ объ тебѣ *однимъ языкомъ*, но у нее нѣтъ мѣста. — Уединеніе для меня лѣкарство. Я всегда лучше съ собою, когда одинъ; душа утихаетъ; мысли приходятъ въ порядокъ и *лучшее* все подымается на верхъ. Для меня разсѣянія не только не нужно, но и вредно. Отъ чего мнѣ разсѣиваться? Неужели желать забыть? Забыть все мнѣ милое, все лучшее! — Нѣтъ! моя къ тебѣ любовь не можетъ быть моимъ губителемъ! Теперь болѣе нежели когда нибудь знаю, сколько она нужна моему сердцу! Какъ бы то ни было, буду *здѣсь, съ ними*, какъ можно уединеннѣе; порядокъ и занятіе — этаго въ рассѣянной жизни наитти не можно. Разсѣяніе, естли не отвлечетъ меня сердцемъ¹¹⁾ отъ моей милой цѣли, то по крайней мѣрѣ будетъ препятствіемъ стремит[ь]ся къ ней на дѣлѣ. Думаю, однако, что изрѣдка буду заглядывать и въ Москву. Сарепта же была безумная мысль, произведенная первымъ волненіемъ. Нѣтъ, милая, совершенно уединиться невозможно — но лучшія минуты мои будутъ для меня со мною. Часть времени буду проводить въ Черни. Однимъ словомъ, буду кружиться на своей родинѣ. Но, Боже мой! то мѣсто, гдѣ я считалъ имѣть все, мой райземной, будетъ уже для меня пусто или заперто. (Стран. 11) Но зачемъ этимъ себя мучить? Мой рай твое сердце — оно никогда не будетъ для меня закрыто. Какъ, однако, вдругъ одна мысль все помрачить и надобно проитти нѣсколько времени, чтобы душа опять пришла въ порядокъ. Какое горькое сиротство въ этомъ словѣ — *быть розно съ тобою*. Но развѣ я думаю теперь о счастіи? Его нѣтъ! Намъ надобно думать только о вѣрѣ въ счастіе! Оно будетъ наше, когда мы будемъ счастія достойны. Мы

11) Слово «сердцемъ» — вставлено надъ строкою.

еще много сокровища сберегли отъ бури! Но смѣю-ли сказать, что мы сберегли лучшее! О! это слово: *розно*! Какъ оно раздраетъ душу! Другіе будутъ имѣть право заботиться о твоёмъ счастьи! А я буду для тебя чужой? Нѣтъ! не чужой! Они будутъ только имѣть наружность права, а настоящее, данное твоимъ сердцемъ, принадлежитъ мнѣ! Въ своемъ уголкѣ буду думать, вѣрить, утѣшаться мыслию, что я *живу для твоего счастья*! что мое право ни кому не будетъ уступлено. Это жестокое *розно* можно украсить; все, все употреблю на то, чтобы оно не было такъ убійственно. *Думать, чувствовать, дѣлать, писать* — все для тебя! О! если бы только имѣть довольно твердости—но моя твердость зависитъ отъ твоей. Будь моимъ утѣшителемъ, хранителемъ, спутникомъ жизни!

Ты говоришь о поѣздкѣ въ Петербургъ — есть-ли можно будетъ согласить уединеніе и (*Стран. 12*) занятіе съ Петербургскою жизнью, то я поѣду. Но ты напрасно желаешь, что бы я вошелъ въ службу — служба ничего мнѣ не доставитъ! Все могу сдѣлать перомъ—а для пера нужны уединеніе и свобода. Одно только можетъ меня на это подвигнуть: — петербургская жизнь насъ сблизитъ! Но что же пользы, если только сблизитъ, а не соединитъ; а между тѣмъ броситъ меня совсѣмъ не въ тотъ кругъ дѣйствій, въ которомъ я могу что нибудь хорошее сдѣлать. Впрочемъ обо всемъ посоветуюсь съ Тургеневымъ. Онъ укажетъ мнѣ настоящую дорогу. Ты пишешь: *нельзя чтобы маменька не захотѣла тебя увидѣть* Ангелъ мой! мнѣ ужасно быть у васъ гостемъ! Увидѣться для того, чтобы разстаться—какое мученіе! Быть подлѣ васъ и не съ вами, — какъ это тяжело! О! тогда нѣтъ ни покоя, ни твердости. Душевное волненіе не даетъ мѣста ни какой доброй мысли укорениться; чувствуешь одно бремя жизни и желаешь только его сбросить. Здѣсь я буду по крайней мѣрѣ безъ заботъ и не зависимъ.—Всемъ бы этимъ я пожертвовалъ, когда бы могъ видѣть, что петербургск[ая] жизнь приведетъ къ чему нибудь счастливому. Но еще разъ повторяю — наше счастье зависитъ

теперь единственно отъ провиденія! вѣрнимъ ему отеческую объ немъ заботу. На *наши* средства полагаться нечего. Моя послѣдняя надежда была на Воейкова. Милой другъ, эта надежда (*Стр. 13*) пустая. Онъ не имѣеть довольно постоянства, чтобы держаться одной и той же мысли. Я боюсь быть къ нему несправедливымъ— но кажется мнѣ, что пылкость его и рвеніе болѣе на словахъ и онъ слишкомъ перемѣнчивъ, для приведенія чего нибудь къ концу. Я не сомнѣваюсь въ его дружбѣ, но теперешній языкъ его и со мною не похожъ на *прежній*. Онъ прежде говорилъ¹²⁾ такъ часто *о нашей жизни въѣсть*; теперь объ этомъ нѣтъ и въ поминѣ. *Il s'est trop vite resigné pour moi*. Мы съ нимъ живемъ подъ одною кровлею и какъ будто¹³⁾ не знаемъ другъ друга, а намъ жить вмѣстѣ не долго¹⁴⁾. Однимъ словомъ, лучше не ждать ничего и ни отъ кого, а вѣрить тому, кто не обманываетъ и не перемѣняется. О, мой милый другъ! Ему поручаю твою судьбу и твое будущее и въ этомъ все мое—ты моя единственная цѣль въ этомъ свѣтѣ. Пропади твое счастье, и я не подорожу жизнію! Тогда будетъ пріятно съ нею разстаться и слово «смерть» опять получить для меня свою прелесть. Теперь жизнь моя освящена тобою, и я буду любить ее какъ твою принадлежность.

Теперь планъ моей жизни тебѣ извѣстенъ—благослови насъ Богъ! Я увѣренъ, что ты одинаково со мною думаешь и о себѣ. Я желалъ бы, что бы ты болѣе занималась и такимъ, чѣмъ питало твою душу. Я желалъ бы, что бы ты сколько можно болѣе читала. Планъ чтенія у тебя есть. Форово предписаніе такъ же. Неужели безъ меня не будешь о себѣ заботиться такъ же какъ (*Стр. 14*) и при мнѣ? Вотъ что тебѣ скажу: въ первые дни послѣ моего отъѣзда мнѣ приходило желаніе сдѣлать что нибудь такое, что бы совсемъ разстроило здоровье, что бы дало болѣзнь

12) Послѣ слова «говорилъ» — вставлены и приписаны надъ строкою два слова: «такъ часто».

13) «Какъ будто» — приписано надъ строкою.

14) Слова: «а намъ жить вмѣстѣ не долго» — приписаны надъ строкою очень мелкимъ почеркомъ поэта.

и есть-ли можно смертельную—прости меня за такую мысль, но знаешь ли что меня останавливало всякой разъ?—*сожаленіе* о тебѣ, а теперь и самая мысль о смерти возбуждаетъ это сожаленіе—ангелъ мой! имѣй такое же ко мнѣ сожаленіе! Береги себя! Не убей моей жизни! Я желаю бы, что бы ты не бросала и своихъ *feuilles volantes*. Записывай дни свои, мысли и то что хорошаго замѣтишь въ книгахъ—я то же буду дѣлать и съ своей стороны. Когда нибудь розмѣняемся.

Участіе Алек(сандра) Павл(овича)¹⁵ въ насъ сильно меня тронуло. Какое доброе сердце! Но эта доброта не одно преходящее чувство, — нѣтъ, она выше! Она даетъ его душѣ сожаленіе и побуждаетъ ее *дѣйствовать* для облегченія или утѣшенія! Это прямая, но рѣдкая доброта. Дружба такого человѣка безцѣнна: я готовъ его любить какъ брата—и знаешь ли, что меня радуетъ? То, что онъ познакомится съ Тургеневымъ и они вмѣстѣ — два добрыхъ, благородныхъ сердца—будутъ о насъ заботит[ь]ся. Я съ нимъ переговорю о Петербургѣ. Есть ли можно будетъ все согласить, то онъ съ Тургеневымъ все устроитъ. — Такая привязанность къ *намъ* милыхъ, прекрасныхъ людей не есть ли большое утѣшеніе? О мой ангелъ! сколько людей тебѣ желаютъ счастья!

Авдотья Никол(аевна) пріѣдтъ и пріѣдтъ съ уроками и увѣщаніями. Другъ мой, не старайся ее убѣждать; скажи ей просто, что она разрушила прямое счастье; но скажи одинъ разъ и не (*Стр. 15*) давай ей никакой довѣренности; отклоняй даже и разговоръ, есть ли она захочетъ съ тобою обо мнѣ говорить. Все рѣшено. Отъ нее же утѣшенія не нужно.

Я буду писать къ маменькѣ,—но только тогда, когда съ нею разстанусь. Я никакой надежды не полагаю на свое письмо, — но сказать ей все необходимо. Ея мнѣніе обо мнѣ несправедливое и унизительное, —это надобно ей доказать. Болѣе ничего и не желаю. Я не хочу, чтобы она считала, что я признаю себя виновна-

15) Въ подлинникѣ написано сокращенно: «Алекс. Павл.».

тымъ, что принимаю изгнаніе изъ ея дома съ покорностію раскаянія. Нѣтъ, такое мнѣніе о себѣ ей оставить мнѣ невозможно. Теперь она ко мнѣ ласкова. Я этаго не приму за дружбу. И вѣра къ ея ласкѣ совсемъ исчезла въ моей душѣ. Но я благодаренъ ей и за добрую наружность. Теперь вижу въ ней одну твою мать и это имя для меня свято. Почтеніе, неожиданіе ничего и терпѣніе — вотъ все. Письмо мое будетъ просто. Отъѣздъ мой не будетъ разрывомъ. Наружность связи будетъ сохранена.

Прилагаю при этомъ письмо М(арья) Ник(олаевны). Отвѣтъ на то, которое я къ ней написалъ и еще письмо Дуняши, послѣ него написанное. Милые люди! Какое услажденіе для насъ ихъ дружба и участіе! Онѣ ничего не замѣняютъ для меня, — но онѣ будутъ знать мою цѣль! Они будутъ понимать мои чувства! Съ ними легче и бодрѣ буду идти къ этой цѣли. — Милой ангелъ! сердце разрывается, когда подумаю, что ты не будешь имѣть ихъ съ собою¹⁶⁾. О! для меня было бы легче, когда бы можно было отдать тебѣ всѣ свои отрады! И тогда бы я не былъ одинокимъ! Нѣтъ! нѣтъ! прочь мысль объ одиночѣ (*Стр. 16*) ствѣ! Моя цѣль прекрасная! Мой милый спутникъ въ одномъ свѣтѣ со мною: мы мыслимъ, чувствуемъ и живемъ одинаково и для одного! Боже! благодарю тебя!

Прилагаю при этомъ и *весь пустой май*. Прошу тебя все это въ него переписать. Отъ слова до слова, и прибавить свой отвѣтъ. Эта книжка будетъ моимъ закономъ. А то что ты мнѣ напишешь, перепишу для тебя. Даю тебѣ слово, что вся жизнь моя будетъ посвящена исполненію этихъ добрыхъ намереній или (чтобы кончить одною чертою)¹⁷⁾ *любви къ тебѣ*.

Воспоминанія, святая, утѣшительная мысль о моемъ другѣ — пусть будетъ оно хранителемъ моего сердца. Гдѣ бы я ни былъ,

16) Послѣ слова «собою» — стояло «Оди», но зачеркнуто. Ср. ниже — *одинокимъ*.

17) Скобки и въ подлинникѣ. Послѣ слова «намереній» было что-то написано, но зачеркнуто. «Или» — вставлено мелкимъ почеркомъ потомъ и на недостаточномъ промежуткѣ.

этотъ ангелъ меня не покинетъ. Съ нимъ моя жизнь не можетъ быть пустою, ничтожною жизнію. Нѣтъ, она будетъ *доброю* жизнію. Я чувствую въ душѣ своей какое то стремительное влеченіе ко добру¹⁸⁾; чувствую за себя и за тебя высокую твердость, которая говоритъ мнѣ: *вы ни отъ чего теперь не зависимы. Ни судьба, ни люди не изстребятъ того, что вы имѣете! а лучшее впереди! Тамъ Богъ! Онъ васъ видитъ и вы въ любви сво неразлучны! Нькогда будете сами это чувствовать. А теперь только вѣрите и будьте выше своего жребія.*

Lass mich

Aus dem geliebten Mund was meine Seele hasset
 Nie wieder hoeren! Klage dich
 Nicht selber an, nicht Den, der was uns drücket
 Uns nur zur Prüfung, nicht zur Strafe zugeschicket;
 Er prüft nur, die Er liebt, und liebet wäterlich!

.....
 Mir sagts mein Herz, ich glaubs, und fühle was ich glaube
 Die Hand, die uns durch dieses Dunkel führt,
 Lasst uns dem Elend nicht zum Raube¹⁹⁾.
 Und wenn die Hoffnung auch den Ankergrund verliert,
 So lass uns fest an diesem, Glauben halten:
Ein einziger Augenblick kann Alles umgestalten.
 Doch lass das argste seyn! Sie ziehe ganz sich ab
 Die Wunderhand, die uns bisher umgab;
 Las seyn das Jahr um Jahr sich ohne Hülf erneue
 Fern sey es das mich je, was ich gethan, gereue!
 Und läge noch die freye Wahl von mir,
 Mit frohem Muth ins Elend folgt'ich dir!
 Mir kostet's nichts von allem mich zu scheiden

18) Было и, потомъ зачеркнутое.

19) Съ слѣдующаго стиха текстъ помѣщается на внутренней сторонѣ сней обложки тетрадки.

Was ich besass; mein Hertz und deine Lieb' erzetzt
Mir alles; und so tief das Gluck herab mich setzt,
Bleibst du mir nur, so werd' ich keine neiden
Die sich durch Gold und Purpur glucklich schätzt,
Nur, dass *du leidest*, ist mein wahres leiden!
Ein truber blick, einstach, das dir entfährt,
Ist was mit tausend Farb die eigne Noth erschwert.
Sprich nicht von dem was ich fur dich gegeben,
Fur dich gethan! Ich that was mir mein Herz gebot,
That's fur mich selbst, der zehenfache Tod
Nicht bitterer ist als ohne dich zu leben.
Was unser Schicksal ist, hilft deine Liebe *mir*,
Hilft meine liebe *dir* ertragen;
So schwer es sey, so unerträglich — hier
Ist meine Hand — ich wills mit Freuden tragen.

На твое письмо завтра буду отвѣчать.

Іюль.

.....
 Мой милой другъ! Намъ рокъ велить разлуку!

Дни, мѣсяцы, и годы пролетятъ —

Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку!

Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ!

Но и въ дали моя душа съ твоей согласна!

Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна!

Всегда, всегда ты мой хранитель-ангелъ будь!

Меня, мой другъ, не позабуди!

.....

Іюня 28.

Я ѣду по вашимъ слѣдамъ. Остановился въ Куликовкѣ въ 17 верстахъ отъ Орла, тамъ гдѣ вы ночевали въ послѣдній разъ, возвращаясь съ ярмарки. Сижу на томъ мѣстѣ, гдѣ ты сидѣла, мой милой другъ, и *вообразилъ* тебя. Хозяйка мнѣ рассказывала объ васъ и я увѣрилъ ее, что я *женихъ*, но что не-вѣста моя ²⁰⁾ не младшая, а старшая дочь той госпожи, которая у нее останавливалась. Ночевать буду въ Разбѣгаевкѣ, на нашемъ же ночлегѣ; а завтра обѣдать въ Губкинѣ у Крылова и поклонюсь тому гробу, который вы сами сдѣлали. —

Ты видѣла меня грустнымъ, другъ милой, въ послѣдніе дни, — можетъ ли быть иначе? Во всякомъ положеніи, гдѣ бы я ни былъ, грусть болѣе или менѣе будетъ въ моемъ сердцѣ, — она

20) Слово «*моя*» — два раза повторено.

будеть его обыкновеннымъ состояніемъ. Могу ли когданибудь не чувствовать, что я лучшаго не имѣю въ жизни и имѣть не буду? Но какъ же разстаться съ нею, съ этою грустью? Она есть для меня воспоминаніе; — счастья истиннаго, настоящаго никогда для меня не будетъ, и я не могу даже его искать. Въ чемъ можно найти его? Но вѣрь мнѣ! убійственная безнадежность никогда ко мнѣ не возвратится. Тѣмъ, что осталось для меня въ жизни, буду стараться воспользоваться²¹⁾ и такъ, что бы не былъ недостойнымъ тебя. Теперь должно переимѣнить понятіе о жизни. Вчера подъѣзжая къ Мезени — я смотрѣлъ на рощу, которая растетъ близь дорогъ; погода была тихая²²⁾, и роща была покрыта прекраснымъ сіяніемъ заходящаго солнца. Чувство во мнѣ было пріятное, но съ этою пріятностію соединено было уныніе, которое всегда чувствую, когда чтонибудь подобное мнѣ представится. Я очень понимаю это чувство. Прежде (но давно уже)²³⁾ съ пріятнымъ впечатлѣніемъ соединялась всегда веселая надежда на будущее, надежда неизвѣстная, но еще не обманутая и потому веселая (*Стр. 2*). Теперь при каждомъ такомъ впечатленіи недостаетъ веселой надежды и сердце стѣсняется. Будущее извѣстно. Ждать того, что составляетъ лучшее въ жизни, нечего Для чего это пишу? Чтобы сказать тебѣ то, что я въ эту минуту подумалъ. Мысль обыкновенная, слишкомъ обыкновенная. Но въ эту минуту она показалась мнѣ разительно-новою. Отъ чего это? Отъ того, что прежде она была просто мыслию, а теперь есть опытъ; тогда убѣждалъ въ ея справедливости одинъ умъ, а теперь она представилась какъ необходимость, какъ прібѣжище: — *Ограничить себя настоящимъ.*

Будь настоящее нашъ утѣшительный Геній.

Милой другъ, настоящее принадлежитъ намъ. Есть ли надежда на будущее пропала, то будемъ сколько возможно ста-

21) Въ подлинникѣ стоитъ: «воспользоваться».

22) Послѣ слова «тихая» — были написаны два-три слова, но старательно зачеркнуты.

23) Скобки и въ подлинникѣ.

ратся пользоваться настоящею минутою и соберемъ *вокругъ себя все то*, что у насъ есть—предоставивъ *все будущее безъ всякой заботы* попеченію промысла. Въ настоящемъ мы принадлежимъ другъ другу и настоящимъ должны жить другъ для друга. Будемъ ²⁴⁾, смотря на прекрасный вечеръ, наслаждаться имъ и не давать воли сердцу сжиматься при мысли о будущемъ. *То, что есть*, на то устремлять *все* вниманіе, и не давать ни какой посторонней мысли его разстраивать. Въ томъ маленькомъ кружку, въ которомъ суждено мнѣ дѣйствовать, можетъ найтиса *доброе* занятіе для каждой минуты. А я имѣю свидѣтеля, вѣрнаго и неразлучнаго со мною. Любви къ этому другу достанетъ на всю жизнь.

Но все это одно прибѣжище. Я уцѣпился за него, какъ утопающій за доску. Лучшаго въ жизни, семейственнаго счастья, единственнаго котораго могъ я желать, я имѣть не буду—грусть объ его потерѣ всегда останется на днѣ сердца. Не должно только давать ей власти — чтобы она не отравляла того, что мнѣ осталось. Жизнь моя должна быть тебя достойна — (*Стран. 3*) въ этомъ главная теперь моя обязанность. —

Но пользоваться настоящимъ, — эта мысль еще не имѣеть для меня полной ясности. Это одно только темное намѣреніе. Во мнѣ два человѣка. Одинъ — *вседневный*, то есть по привычкѣ недѣятельный, слѣдующій своимъ склонностямъ, со всѣми недостатками; другой — *совершенный*, то есть въ иныя минуты готовый на все прекрасное, имѣющій высокія мысли и желанія. Этаго *совершеннаго* я вижу часто какъ будто во снѣ, и онъ точно какъ сонъ пропадаетъ, оставляя посебѣ одно легкое воспоминаніе. Надобно непременно взять, какъ говорится, *этотъ сонъ въ руку*. Не надобно быть хорошимъ во снѣ; надобно *совершенное* сдѣлать *вседневымъ*. Совершенное: какое гордое слово... но, другъ милой! есть ли предположить себѣ цѣль, то уже должно, чтобы эта цѣль была самая высокая. — Напримѣръ, кстатѣ или

24) Слова: «Будемъ» и «наслаждаться имъ» — приписаны надъ строкою.— Слово «смотря» — исправлено изъ «Смотрѣть», при чемъ *тѣ* — зачеркнуто.

не кстатѣ, скажу то, что пришло мнѣ въ голову объ *удовольствіи*: много такого называютъ удовольствіемъ, что плѣняетъ насъ одну минуту и потомъ исчезаетъ не оставивъ по себѣ слѣда. Достойно ли такое удовольствіе исканія? Нѣтъ! одно *удовольствіе съ воспоминаніемъ* есть прямая принадлежность души человѣческой; одно воспоминаніе можетъ дать ему цѣну. И только такія удовольствія могутъ *сниться въ счастье*. Но для этаго они должны быть *добрыя*. Объ этомъ много бы можно было сказать; послѣ что нибудь и напишу. Еще одна мысль: пока ничто въ жизни не рѣшилось, по тѣхъ поръ мы живемъ *внѣ себя*—все наше; отъ всего чего то ждешь; когда же узнаешь, что такое жизнь—то нужда велитъ заключить себя *въ самомъ себѣ*, съ тѣмъ что лучшаго сберечь отъ судьбы своей. Еще счастливъ, когда это прибѣжище возможно, когда самъ для себя можешь быть приютомъ. Милой другъ! я не буду одинъ въ этомъ приютѣ — мой лучшій другъ со мною! Ты! (*Стран. 4*).

Вотъ смѣшное замѣчаніе. Въ Орлѣ остановился я ночевать на постояломъ дворѣ. Тамъ стоитъ княгиня Несвицкая съ большою дочерью. Эта женщина въ разводѣ съ мужемъ, котораго я зналъ. Глупой и пустой человѣкъ. Но вотъ что смѣшно. Съ глупымъ мужемъ она не ужилась, а къ глупому любовнику имѣла *нѣжную привязанность*... Чтобы сказать *все* однимъ словомъ, этотъ Грандиссонъ былъ Ник(олай) Ив(ановичъ) Вельяминовъ. Чтобы быть мужемъ — нужны добродѣтели; а любовника дѣлаетъ прелестнымъ для многихъ женщинъ мысль, что — его можно оставить. Pardon, pour cette betise. Je ne devrais pas la faire entrer ici. Но мнѣ хочется съ тобою болтать.

Пишу къ тебѣ, сидя у дверей постоялаго двора — деревня Сорочьи Кусты; въ Разбѣгаевкѣ отъ того неостановился, что завтра будетъ слишкомъ великъ переѣздъ до Губкиной. Но я *ви-дѣлъ* тотъ дворъ, въ которомъ вы ночевали. Передъ самыми окнами колодезь и мостъ. Признаю, жаль было его проѣхать. — Около меня бѣгаютъ три забавныхъ мальчика — здоровые и свѣжіе, хозяйскіе дѣти. Я перекупилъ у нихъ землянику, за кото-

рую они предлагали грошъ, а я далъ пятакъ. Надобно было видѣть ихъ гордость, когда они торговались, и смиреніе, когда торгъ не состоялся; но я ихъ утѣшилъ, раздѣливъ эту землянику между ними. Этотъ великодушный поступокъ произвелъ великое впечатленіе надъ дѣтьми собирательницами земляники. Явилось ихъ ко мнѣ съ подюжины — и у всѣхъ земляника была куплена и роздана ребятишкамъ, за исключеніемъ одного стакана, за этимъ транспортомъ явился новый — но я отказалъ. Вотъ всѣ мои подвиги (*Стр.* 5).

Вотъ еще мысль²⁵⁾, самая вѣрная дорога къ цѣли есть *пряма*²⁶⁾. Осторожность не есть хитрость. Но хитрить значитъ подвергать себя опасности быть открытымъ, необходимости поддерживать обманъ обманомъ, или себѣ измѣнить. Есть ли цѣль хорошая, то чтобы къ ней достигнуть, надобна и средства употреблять хорошія; — иначе дурныя средства и самую цѣль обезобразятъ. Кто ищетъ счастья, тотъ долженъ его *стоять* и чувствовать, что стоитъ; безъ этого чувства не будетъ и счастья. Получивъ желаемое униженіемъ самихъ себя, мы сами то уничтожаемъ, чего желали, ибо дѣло не въ приобретеніи, а въ сохраненіи; — приобретеніе — *минута*, сохраненіе — *жизнь*. — Но какъ же сохранить хорошее, когда оно приобретено дурнымъ способомъ и, слѣдовательно²⁷⁾, когда мы сами сдѣлались неспособны имъ пользоваться. Важность не *въ присутствіи счастья*, а въ томъ, что бы мы могли выдержать его присутствіе.

Эта мысль написана прежде моего разговора съ маменькою *объ Ивановъ*.

Писалъ бы еще болѣе, но темно; надобно ложиться спать, чтобы встать до свѣту. Въ Губкинѣ опять поговорю съ тобою. Эти синенькія книжки непремѣнно будутъ продолжаться. Прошу и тебя писать. Возвратясь нашегъ ихъ тебѣ много. — Хорошо,

25) Почти три писанныя строки въ подлинникѣ тщательно зачернены.

26) Въ подлинникѣ написано: «пряма».

27) Въ подлинникѣ: «слѣд.»

что я ничего не писалъ въ маѣ. Онъ точно былъ пустой въ жизни. Но ты его наполнишь. Эта книжка всегда будетъ при мнѣ. Она будетъ моимъ катехизисомъ.

29.—*Губкино*. Лежу въ сараѣ, въ саняхъ, на снѣгъ. Читаю Виландова Diogenes von Sinopre и часто перерываю чтеніе, чтобы думать о тебѣ. Гулялъ и по кладбищу, — даже и срисовалъ его.

Ты хотѣла знать мои мысли о предвѣденіи. Право не помню, что я писалъ къ Ив. Вл. — Этаго письма нѣтъ у меня. Смысль, кажется, слѣдующій: въ мірѣ подъ властію Божіею, два закона управляютъ всѣми вещами. Одинъ физическій — неизмѣняемый, другой нравственный — свободный. Первому подчинено все не имѣющее ума. Послѣднему — все, что имѣетъ умъ и волю. Предопредѣленіе, фатализмъ существуетъ только въ физическомъ мірѣ. Законъ, установленный отъ вѣка, продолжаетъ и вѣчно будетъ продолжать дѣйствовать безъ всякаго измѣненія. Но въ нравственномъ мірѣ нѣтъ предопредѣленія, иначе не было бы и воли, а безъ воли нѣтъ добродѣтели и человѣкъ былъ бы машиною, самою жалкою изъ машинъ потому что онъ бы чувствовалъ свою неволю. Но предвѣденіе и предопредѣленіе одно и тоже. Богъ предвидитъ только то, что самъ предопредѣляетъ. Предвидѣть наши поступки значить предопредѣлить ихъ, — значить отнять у насъ волю. Только тогда Богъ можетъ быть нашимъ помощникомъ, защитникомъ и наградителемъ, когда не будетъ имѣть сего предвѣденія, лишаящаго и его всякой свободы относительно къ намъ. Одному только всемогуществу возможно было отказаться отъ сего предвѣденія. Случаи жизни устрояются промысломъ; путь человѣка назначается имъ же, — но человѣкъ самъ дѣйствуетъ, самъ мыслить — чувствуетъ посреди этихъ случаевъ, самъ *идетъ* по этой дорогѣ. Все что ни встрѣчается съ нами въ жизни, есть только *поводъ къ дѣйствию* и зависитъ отъ провиденія. Но какъ (*Стр. 7*) по этому поводу дѣйствовать, это зависитъ отъ насъ. — Творецъ предоставилъ себѣ только одно: — судить наши дѣйствія. Не предвидя ихъ, онъ оставилъ себѣ свободу насъ награждать; облегчать работу, трудную для нашихъ силъ, содѣй-

ствовать намъ, располагать случая такъ, чтобы мы не могли никогда потерять силы и надежду (для этого онъ требуетъ отъ насъ одного только упованія)²⁸⁾. Въ противномъ случаѣ нѣтъ для человѣка надежды, а для творца свободы исполнять надежду вѣрующаго сердца. Есть ли подумаешь, то ты найдешь, что моя мысль гораздо болѣе сходна съ понятіемъ о провиденіи, нежели мысль тѣхъ, которыя даютъ Богу это жестокое предвѣденіе, думая тѣмъ доказывать его всемогущество, но въ самомъ дѣлѣ только лишая его свободы. Надобно отдѣлить человѣка *самаю* отъ того, что бываетъ *съ человекомъ*. То, что съ нимъ бываетъ опредѣляется, устроивается, предвидимо Божествомъ. То что онъ *самъ* бываетъ въ этихъ разныхъ случаяхъ жизни — зависитъ единственно отъ него и предоставлено совершенно на произволъ его всемогуществомъ Божиимъ. Въ одномъ и томъ случаѣ человѣкъ (одинъ и тотъ же)²⁹⁾ можетъ дѣйствовать тысячью разныхъ манерою, — доказательство что отъ него зависитъ избрать способъ дѣйствія. Иначе, гдѣ было бы достоинство человѣка. Богъ склоняетъ человѣческую волю къ добру, это правда, но человѣкъ властенъ слѣдовать или не слѣдовать этому влеченію. Въ чемъ же состоитъ провиденіе? Въ томъ, что оно располагаетъ случаями жизни, устроиваетъ ихъ къ лучшему³⁰⁾, а человѣку говоритъ: дѣйствуй согласно со мною и вѣрь моему содѣйствію. Что бы ни было, мой другъ, но мы должны смотрѣть на все, что ни встрѣчается съ нами, какъ на предлагаемый намъ способъ *свыше* приобрести *лучшее*. Надобно только вѣрить. (Стр. 8) Какъ бы ни было страшно и трудно, а тайный, невидимый помощникъ близко.

Другъ! что бѣды для вѣры въ провиденье?
Лишь вѣстника, что смотреть съ высоты
На насъ святой, незримый испытатель!

28) Скобки круглыя и въ подлинникѣ.

29) Круглыя скобки въ подлинникѣ.

30) Далѣе было написано, но зачеркнуто; «и чтобы ни было бы».

Лишь сердцу гласъ: крѣпись! Минутный ты
 Жилецъ земли! Есть Богъ! и ждетъ создатель
 Тебя въ другой и лучшей сторонѣ!
 Дорога бурь приводитъ къ тишинѣ.

5 июля. Орел⁸¹⁾. Въ Нетрубежѣ не писалъ ничего и не было времени писать. Мнѣ было очень свободно и я принять былъ очень хорошо. Признаться, мнѣ не хотѣлось ѣхать, — я боялся быть неловкимъ, принужденнымъ, — слѣдовательно, скучнымъ. Но этаго совсемъ не было, и никогда быть не можетъ, есть ли не захочешь имѣть никакихъ претензій. Моя принужденность иногда бываетъ отъ *расположенія*. Въ инныя минуты невольно думаешь болѣе о самомъ себѣ; отъ этаго теряешь всякую свободу, или не имѣешь ни способности, ни желанія быть съ другими веселымъ, ласковымъ и прочее. Непринужденность въ обращеніи много зависитъ отъ *первой минуты* — отъ того, каковъ былъ въ первую минуту съ людьми, съ которыми заводишь сношеніе. Есть ли первая минута не удалась, то это дѣлаетъ надолго или и навсегда не ловкимъ. Много непринужденность зависитъ отъ *вѣдъ характера и образа жизни*.

Въ первой вечеръ много было говорено *объ васъ* и о тебѣ особенно. Милая, видно опять надобно отказать отъ довѣренности! Ты опять больна и опять начинаешь скрываться. Ты только хочешь носить маску любви ко мнѣ — не сердись за это выраженіе! Гдѣ же любовь, когда нѣтъ никакой (*Стран. 9*) заботы о себѣ, когда ты довольствуешься только тѣмъ, что я тебѣ вѣрю и ни мало не думаешь оправдывать моей вѣры. Правда! меня съ тобою не будетъ и я не буду *видѣть*. Но помни и то, что и тебя не будетъ со мною, что и ты такъ же *видѣть* не будешь. Но слѣдствія для меня *все* обнаружатъ и тогда уже сожаленіе не удержитъ меня отъ подражанія. Подумай объ этомъ хорошенько и будь заботлива. Моя привязанность къ жизни, мое уваженіе

81) Слово «Орелъ» вставлено.

къ ней основаны на мысли, что ты все со мною раздѣляешь. Одна только ты можешь для меня все уничтожить.

Ал. Павловичъ говорилъ *обо всемъ* со мною. Предполагая нѣжнѣйшее сожаленіе въ сердцѣ маменькиномъ къ намъ, онъ думаетъ, что всего важнѣе стараться перемѣнить ея мнѣніе и что это возможно; надеется на Досифея, на Ив. Владим. и пр. Милой другъ, онъ былъ бы правъ, есть-ли бы его *предположеніе* было справедливо. Я самъ всего ждалъ отъ сожаленія, отъ желанія сдѣлать наше счастье. Но ихъ нѣтъ. Ты видишь, что маменька не хочетъ вѣрить, что это тебѣ *нужно*; что она только объ томъ заботится, чтобы и другіе тому вѣрили. Наше несчастіе для нее не существуетъ. Иначе могла ли бы она имѣть духъ съ такою холодностію, съ такимъ пренебреженіемъ шутить на счетъ нашей привязанности, которую называетъ страстію и хочетъ представить смѣшною и странною; а насъ какими то романическими героями и тому подобнымъ. Для нее важно только исполненіе ея воли. О! она была бы исполнена и безъ этихъ жестокихъ, незаслуженныхъ несправедливостей. Она не понимаетъ насъ или понимать не хочетъ. Гдѣ же тутъ думать о перемѣнѣ мнѣнія. Тогда была бы возможность его побѣдить, когда бы она сравнивала его пожертвованіе съ пожертвованіемъ нашего счастья! Но она не чувствуетъ необходимости въ этомъ сравненіи, и не думаетъ колебаться. Ей не страшно (*Стран. 10*).

Ал. Павл. сказывалъ мнѣ, что и отецъ и мать его слышали объ насъ и были весьма недовольны, что узнавши васъ они увѣрились въ несправедливости слуховъ и что М. Ник. — какъ она объ этомъ сказывала Катер(инѣ) Яковлевнѣ — *поговоривъ со мною, по своей проницательности все узнала и*³²⁾ *совсемъ успокоилась на мой счетъ. Начавъ говорить о тебѣ*³³⁾, *она смотрѣла*

32) Слова: «все узнала и» — вставлены другими чернилами почеркѣе.

33) Послѣ слова «о тебѣ» было написано: «со мною» — но зачеркнуто чернилами почеркѣе.

мнѣ пристально въ глаза: не замѣтила никакой во мнѣ перемѣны; и я отъчалъ ей холодно! чего же болѣе? и она обѣщала порядочную спѣть обѣдню тѣмъ, которыя такъ ее вздумали дурачить.—На нихъ нечего надеяться. Павелъ Иван. способенъ сильное въ насъ принять участіе, но онъ не имѣетъ никакой воли и ничего рѣшительно желать не можетъ. Онъ говоритъ о тебѣ съ чувствомъ; я увѣренъ, что не смотря на мнѣніе, онъ въ состояніи согласиться съ нами въ желаніяхъ, — но исполнить ихъ онъ не способенъ. При первомъ противорѣчій онъ насъ оставитъ, слѣдовательно все еще болѣе испортитъ. Я даже скорѣе бы положился на Мар. Ник. не смотря на весь ея флегматизмъ. Она имѣетъ твердость. Стоитъ только наитти способъ привлечь на свою сторону ея мнѣніе. Но для этого нужна бы была великая осторожность и время, есть-ли бы и думать, что и онъ и она могутъ быть намъ полезны. Но что они для насъ сдѣлаютъ? Все что теперь остается, есть только пріобрести ихъ дружбу, — это отчасти и сдѣлано, само собою, безъ всякихъ пантомимъ и маскаратовъ, а просто, — иначе и не должно.

9 июля. Деревня Котовка. Завтра увидимся, другъ мой. Вчера я простился съ своими хозяевами, которыя, кажется довольно меня полюбили. А съ Александромъ Павловичемъ у насъ идетъ по братски. Знаешь ли что мнѣ вчера было предложено? Не менѣе какъ путешествіе вмѣстѣ съ Алекс. Павловичемъ. Что ты на это скажешь? Я далъ слово подумать, но рѣшительнаго ничего не сказалъ. Александр. Павл. очень былъ бы радъ путешествію, — но онъ не вѣритъ, чтобы этотъ планъ былъ исполнимъ. (Стран. 11). Его уже совсемъ снарядили было одинъ разъ въ Неаполь и вдругъ ужасное *не хочу* все разстроило; былъ нѣкогда общій планъ ѣхать въ Америку, и все уже было уложено, — но грозное *не хочу* подоспѣло въ свое время. Его состояніе тяжелое. Онъ совершенный невольникъ капризовъ. Время у него отнято; занятіями его располагаютъ самовластно; безпрестанно упрекаютъ его въ холодности и твердятъ о его независимости. Павел. Ив. при всей своей добротѣ со всемъ соглашается и все сноситъ. Но

онъ сносить, потому что имѣеть характеръ слабый, который во всѣхъ положеніяхъ быть можетъ и на все погнется. А Алекс. Павл., имѣя характеръ твердый, долженъ все снести, обо всемъ молчать и все скрывать въ самомъ себѣ. Это его невольно отъ нихъ отдаляетъ въ душѣ своей и онъ совершенно одинокъ въ отеческомъ домѣ. Но и въ самомъ этомъ одиночествѣ онъ не имѣеть свободы. Напр. онъ желалъ бы писать и точно имѣеть дарованіе, которое могъ бы при такой охотѣ къ трудолюбію весьма образовать, но онъ долженъ отказаться отъ пера—ему будутъ и здѣсь связывать руки, будутъ поправлять то, что онъ напишетъ и свое печатать подъ его именемъ. Служба для него прибѣжище. Но вотъ уже матери опять не хочется, что бы онъ служилъ, а отецъ съ нею согласенъ. Лучше желаютъ, что бы онъ путешествовалъ, а онъ боится, что бы подъ предлогомъ путешествія только не была бы у него отнята служба. — Однимъ словомъ, у него нѣтъ матери. Подъ этимъ именемъ безразсудное твореніе управляетъ его судьбою—желаетъ отъ него любви ³⁴⁾, хочетъ искренности, но естественно ли быть искреннымъ съ тѣми, которые не предполагаютъ въ насъ никакой собственной воли, не даютъ намъ ни радости, ни права мыслить, а требуютъ (*Стран. 12*) одной слепой и безотвѣтной покорности! Это жесточааетъ человѣка съ характеромъ твердымъ. Онъ могъ бы имѣть въ отцѣ и товарища, и друга и участника въ счастіи, когда бы ³⁵⁾ отецъ его былъ съ нимъ свободенъ, когда бы чужая воля не управляла его слабою волею. Но безразсудство матери не только обременяетъ сына, но и отца съ нимъ разлучаетъ. Таково его положеніе. Къ матери онъ имѣть привязанности не можетъ,— онъ можетъ только рабски молчать передъ нею; къ отцу такъ же,— отъ него не надеется онъ ни справедливости, ни помощи, ибо доброе сердце его молчитъ передъ самовластіемъ матери. Къ тому же его

34) Послѣ слова «любви» стояло «супрекаетъ» — зачеркнутое тѣми же чернилами.

35) Слова: «отецъ его» написаны подъ строкою вмѣсто зачеркнутаго слова онъ.

не понимаютъ. Онъ выше ихъ образомъ мыслей и чувствами. Въ своей горницѣ со мною онъ совсемъ не тотъ, каковъ въ гостиной съ отцемъ и матерью. Главное его чувство желаніе оставить домъ семейственный, гдѣ нѣтъ ему никакого счастья. Такое положеніе ужасно.

Путешествіе было бы весьма пріятно съ такимъ товарищемъ, каковъ Ал., а ему очень было бы хорошо со мною,—я въ этомъ увѣренъ. Между тѣмъ это бы сохранило мою съ ними связь, а они для насъ нужны. Твое же сердце и мое не могутъ переимѣниться. Путешествіе не разсѣитъ меня и ничто въ свѣтѣ не отниметъ у меня лучшей моей драгоценности: *любви къ моему земному спутнику*. Подумай сама объ этомъ, мой безцѣнный ангелъ. Эта мысль — уѣхать за-границу — ужаснула бы меня въ другое время, но теперь и безъ того надобно будетъ разлучиться и скоро. Я думаю, что я *долженъ* уѣхать отъ васъ *самъ*, а не ждать вашей поѣздки въ Дерптъ. Какъ жить у васъ, зная образъ мыслей маменьки? Какъ быть у васъ только *терпимымъ*; имѣть только пріютъ—уѣхать, (*Стран. 13*) съ вами видаться, но не жить у васъ. Я желаю знать твое мнѣніе на этотъ счетъ. Подумай, милая, что маменька видитъ во мнѣ Иванова и ставитъ меня на одну съ нимъ доску. Къ тебѣ, мой другъ, я привязанъ теперь болѣе нежели когда нибудь, — прошедшій мѣсяцъ убѣдилъ меня, что эта привязанность необходима для моей жизни. Теперь знаю на опытѣ, что имѣю такое благо, котораго ничто, ни обстоятельства, ни случай у меня не похитятъ. Но отъ маменьки благодарній принять не могу. Она не должна думать, что бы чѣмъ нибудь могла заплатить мнѣ за ту дружбу, которою я отъ нее требовалъ въ замѣну моей, и чтобы была какая нибудь замѣна того счастья, котораго она меня лишила съ такимъ спокойствіемъ. Милому человеку простить не можно, хотя бы и желалъ. Я недавно между письмами нашелъ одно свое письмо, писанное къ ней въ Москвѣ въ мартѣ 1811 послѣ вашего отъѣзда. Не помню почему оно не послано, — но въ этомъ письмѣ я прошу отъ нее довѣренности и увѣряю ее, что это единственный способъ переимѣнить

мою къ тебѣ привязанность въ чувство брата и сдѣлать насъ счастливыми. Это письмо я ей отдамъ въ доказательство, что она не захотѣла нашего счастья. За послѣдній тяжелый мѣсяцъ я готовъ даже ³⁶⁾ благодарить провиденіе. Оно жестокимъ способомъ преобразовало мое сердце и сдѣлало его тебя достойнѣе. Теперь люблю тебя какъ причину всего что можетъ сдѣлать мою жизнь хорошею. Надежда моя не пропала, — но отъ нее отдѣлилось безпокойное нетерпѣніе, котораго мѣсто заступила (*Отран. 14*) беззаботная довѣренность къ промыслу. Пускай онъ все устроиваетъ самъ и все будетъ устроено къ лучшему. — Будущее все еще наше, — не будемъ мѣшаться въ распоряженія отеческой власти, а будемъ только думать, о томъ, какъ бы заслужить отъ нея награду. Та-ка(я) ³⁷⁾ мысль, мой другъ, не даетъ ли душѣ утѣшительное спокойствіе: что передъ этою надеждою случаи жизни?

Какъ тяжела разсѣянная жизнь! Я это чувствовалъ во все время нынешняго моего путешествія. Счастливъ тотъ, кто можетъ заниматься и умѣетъ не скучать съ самимъ собою. Дорогою изъ Муратова въ Орель я завелъ разговоръ съ Павломъ Ив. о свадьбѣ Толстаго (Варв. Вас.), въ которой онъ много участвовалъ. Изъ этаго разговора заключить можно только то, что онъ все для насъ сдѣлать можетъ и ничего не сдѣлаетъ. Онъ любитъ тебя нѣжно и его рѣдко доброе сердце заставитъ его съ жаромъ взять твою сторону, но онъ не устоитъ противъ противурѣчій. Какъ бы то ни было, все ты можешь имѣть въ немъ добраго защитника.

Теперь вспомнилъ еще одно, что слышалъ о тебѣ отъ Павла Ивановича. Ты возвратилась съ ярмарки съ больною грудью и у тебя болѣлъ бокъ. Онъ (который тебя останавливалъ отъ поѣздки)³⁸⁾

36) Слово «даже» вставлено другими чернилами.

37) я — недописано.

38) Круглыя скобки и въ подлинникѣ.

спросилъ у тебя, не повредило ли тебѣ это путешествіе. Ты и не подумала ничего сказать. Напротивъ успокоила его и по обыкновенію своему, разсудила страдать молча.... Неужели (*Стран. 15*) это всегда такъ будетъ. Когда я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ, ты была блѣднѣе и казалась нездоровою. Другъ мой, какого же мнѣ счастья велишь ты искать на свѣтѣ, когда не буду имѣть довѣренности къ твоей любви. И есть-ли какое ни будь въ тебѣ ко мнѣ сожаленіе! Ты послѣднее сама у меня отымаешь, послѣднее добровольно хочешь разрушить!

Есть-ли можно, другъ мой, спиши мнѣ нѣкоторыя мысли, которыя въ этой тетрадкѣ.—Я желалъ бы ихъ сохранить. Этотъ списокъ доставить мнѣ съ Маріей Николаевной³⁹⁾.

Милой другъ, когда я стоялъ въ церквѣ и смотрѣлъ на нашу милую Сашу и когда мнѣ казалось сомнительнымъ ея счастье, сердце мое было стѣснено и никогда такъ не поразило меня слово *отче Нашъ* и вся эта молитва. Я читалъ ее или, лучше сказать, объяснялъ для себя совсемъ иначе, нежели какъ это случалось прежде. Во мнѣ возбудилась довѣренность къ промыслу и будущее не было уже такъ страшнымъ. Я обѣщалъ Сашѣ написать эту молитву съ собственными, немногими прибавленіями. Гдѣ же лучше написать ее, какъ не здѣсь? Пусть будетъ она *прежде* для тебя, а потомъ и *для нее*. Жаль, что это не написалось, тогда же, такъ какъ было въ душѣ (*Стран. 16*).

Отче нашъ. Что утѣшительнѣе этаго имени, другъ мой! Отецъ, *нашъ* Отецъ и *всемильный*, слѣдовательно все строящій къ благу. И ты и она будете счастливы, — сердца ваши достойны счастья. Отецъ, а мы дѣти. Вообрази обязанности, налагаемыя на насъ

³⁹⁾ Эти послѣднія три строки написаны чернилами чернѣе и почеркомъ крупнѣе.

этимъ именемъ! Вообрази счастье съ нимъ соединенное! Быть добрыми дѣтьми добраго отца и отца всемогущаго. Можноли бояться жизни! Мы живы и онъ нашъ отецъ, — мы созданы для этаго святаго семейства! Гдѣ же одиночество? И земля и небо развѣ не нашъ отеческій, семейственный домъ? Я живу въ домѣ отца моего, въ домѣ, куда ни зло, ни несчастія не входятъ, а когда входятъ то единственно только для того, что бы мы живѣе могли почувствовать всю безопасность отеческаго крова, живѣе почувствовали всю красоту милаго, отеческаго края. — Гдѣ лучше товарищество, какъ не съ отцемъ? А этотъ отецъ намъ товарищъ. Передъ нимъ *есе* ясно. Онъ насъ видитъ и слышитъ. Не нужно языка, чтобы передъ нимъ выражать свои чувства. Онѣ для него понятны. Только намъ надобно понимать языкъ его.

Иже еси. Какое утѣшеніе! Какую твердость даетъ душѣ это слово *еси*. Онъ существуетъ, — онъ *есть* нашъ товарищъ, (*Стран. 17*) нашъ защитникъ, судія нашего сердца неизмѣнный, неподкупный. Онъ *есть*, — въ этомъ словѣ вся наша судьба, всѣ наши надежды, утѣшенія и подпоры. Онъ есть, — онъ вездѣ, гдѣ бы мы ни были и мы носимъ его въ своемъ сердцѣ, и онъ вездѣ нашъ, вездѣ видимъ нашему сердцу. *На небесахъ.* Тамъ, гдѣ увидимъ его нѣкогда лицомъ къ лицу, — гдѣ онъ все для насъ объяснить. Но и объясненіе нужно-ли намъ будетъ! *На небесахъ* — этимъ величественнымъ словомъ все еще здѣсь объясняется. *И на землѣ.* Здѣсь, гдѣ онъ нашъ товарищъ — на жизнь и смерть, въ горѣ и радости! Съ нимъ прямо къ цѣли! Что дорога жизни съ такимъ спутникомъ! Куда ни оглянись, — онъ вездѣ на землѣ, вездѣ видимъ въ могуществѣ и благодати и всюду слышенъ сердцу, — только склоняя слухъ къ его утѣшительному голосу! Только научись понимать его! Только вѣрь и люби. *Да святится имя твое.* Можноли сказать безъ чувства отцу, да святится имя твое? Имя милое. Вообрази сына, который святить имя отца, — святить его всею: любовію, когда онъ еще съ нимъ, воспоминаемъ,

когда его уже нѣтъ. Но отецъ земной разлучается съ своимъ сыномъ; съ отцемъ небеснымъ разлуки нѣтъ. — Да святится имя его любовію, благодарностію, надеждою и твердостію. *Да придетъ (Стран. 18) царствіе твое.* Не то царствіе, которое начинается для насъ за гробомъ, — оно откроется вмѣстѣ съ гробовою доскою, и эта минута сама собою наступитъ. Желать ея ускоренія можно только въ минуту забвенія самаго себя и значило бы нарушать законъ вѣчный, — но царствіе сіе да начнется для насъ на земли. Вообразимъ, что оно уже началось, что мы всѣ граждане этаго царствія. Если не всѣ съ нами согласны въ покорности, то будемъ покорны каждый отдѣльно своему царю, будемъ вѣрными подданными его престола и скажемъ: *Да будетъ воля твоя якоже на небеси и на земли.* Здѣсь и тамъ. Миръ земной да сольется для насъ съ міромъ небеснымъ. О какъ не предаться въ *Его* волю, когда все такъ обманчиво и тлѣнно на землѣ! Но какъ же и земная жизнь становится возвышенною, когда предашь себя этой волѣ, всемъ земнымъ управляющей! *Хмбъ нашъ засушиный даждь намъ днесъ.* Все провиденію и обо всемъ безпечность младенца. Вѣрь и будь достоинъ, — *остальное* дурно быть не можетъ. *И остави намъ долги наши.* Суди насъ какъ отецъ! И дай намъ въ твоихъ милостяхъ уроки добра! Самыя твои наказанія да приедемъ какъ милости и наставленія. *Якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* О! Это пишу (Стран. 19) отъ всего сердца! Прочь низкое! прочь злоба! Съ именемъ святаго отца — всѣмъ любовь или всѣмъ — прощенье. Богъ станетъ насъ судить, какъ мы сами сдѣсь судили. Другъ мой! Я начинаю теперь *новую дорогу жизни*: вонъ изъ сердца всякое чувство ненависти и злобы. Оскорбленія не чувствовать не могу — я⁴⁰⁾ но прочь низкое и злоба! Я буду достоинъ моего небеснаго отца! Вся моя жизнь его провиденію.

40) Далѣе идетъ одно неразборчиво написанное слово («исполни») и полторы тщательно зачеркнутыхъ чернилами строкъ текста. Можетъ быть эти слова: «я исполни...» тоже слѣдовало зачернить, но это осталось неисполненнымъ по забывчивости.

Не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. — Не несчастіе для насъ искушеніе, но слабость души, приводящей къ ропоту, который все унижаетъ и жизнь и свѣтъ дѣлаетъ противнымъ! *Отчаяніе* — вотъ опасный врагъ; тотъ *лукавый*, отъ котораго да избавить насъ отецъ всевышній. Оно и небо и землю покрываетъ для насъ темнотою, въ которой исчезаетъ путь провиденія. Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ!

Воейковъ сей часъ разсказалъ мнѣ вашъ разговоръ съ маменькою. Боже мой, сколько обвиненій!

Послѣднее! и кончу на всегда! Сей часъ мы говорили съ Воейковымъ, — обнялись, плакали и дали другъ другу слово въ братствѣ отъ сердца. Другъ мой—будь съ нимъ искренна, нищи въ нихъ обѣихъ подпоры и *опрь* имъ. Довѣренность (*Стран. 20*) не будетъ обманута. Сердце мое рвалось, когда я воображалъ тебя съ ними одинокою. Теперь легче, но ради Бога не таись ни въ чемъ и все дѣли съ ними. Мнѣ же остается теперь одно: — вѣра въ твое сердце! Есть ли въ немъ сбережено будетъ мое мѣсто, естли твое уваженіе ко мнѣ будетъ всегда неизмѣнно,—чего мнѣ останется желать? Моя судьба теперь вся отъ тебя зависитъ; никто другой на мою жизнь вліянія имѣть не можетъ. Ты и провиденіе—въ васъ мое вѣрное счастье. Тебя отдаю подъ его защиту, а самъ даю тебѣ слово предаться ему съ совершеннымъ спокойствіемъ; оно сохранить насъ: — мы передъ нимъ невинны; мы желали и желаемъ счастья, основаннаго на всемъ добромъ. Оно насъ приведетъ къ нему, — когда? Это неизвѣстно! Но думай, вѣрнѣе всякую минуту, что мы къ нему идемъ! Эта спокойная надежда стоитъ счастья. Я боялся одного: — чтобы не захотѣли дѣлать насилія твоему сердцу. Саша и Воейковъ ручаются за его сохраненіе. Я просилъ Воейк(ова) какъ друга, какъ брата, быть твоимъ помощникомъ, твоимъ утѣшителемъ. Нѣтъ! онъ не обманетъ меня. Онъ это завѣщаніе вѣрно исполнитъ. Сохраняя твое

спокойствіе онъ будетъ и моимъ благотворителемъ. Я просилъ его ничего болѣе для насъ не требовать, но быть только всегда на нашъ счетъ не измѣннымъ во мнѣніи. Это для него не можетъ быть трудно. Только будьте согласны и не имѣйте недоувѣрчивости⁴¹⁾ другъ къ другу. Ангелъ мой, прости! Благослови тебя Богъ!

Я живъ — и ты моя!

Въ этихъ двухъ словахъ весь мой жребій....

[Сентябрь]⁴²⁾.

(Стран. 1.) *Все въ жертву за нее!*⁴³⁾

(Стран. 2.) Ты хочешь отвѣта—что сказать тебѣ. Базиль! Меня огорчаетъ чрезвычайно твоя малая довѣренность къ промыслу. Другъ мой! я не буду несчастлива и не могу быть несчастливою. Добрый, милостивой отецъ, который *вездѣ* со мною, который любить меня для тебя (для меня! Боже мой, стою ли такой высокой обо мнѣ мысли!),⁴⁴⁾ можетъ ли онъ допустить это? *L'amour parfait chasse la crainte—oh! je ne crains rien je t'assure; j'espère, j'attens tout et ce n'est pas en vain, crois moi. Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten.* Это такъ вѣрно, и я такъ увѣрена, что это будетъ, что смотрю на теперешнюю жизнь, какъ на срокъ, который мнѣ данъ, чтобы приготовиться къ счастью, чтобы имѣть возможность сказать: теперь я его достойна! и достойна

41) Отсюда текстъ переходитъ на заднюю синюю обложку и тамъ продолжается.

42) Обозначенія мѣсяца не имѣется, оно прибавлено редакціею.

43) На первомъ листѣ кромѣ упомянутого девиза ничего не написано. Самый текстъ записанъ лишь со 2-ой страницы. На этой страницѣ помѣщенъ текстъ письма М. А. Протасовой. Печатается онъ здѣсь подрядъ,—отвѣтныя замѣчанія В. А. Жуковского—см. ниже на страницахъ 180 и слѣд.

44) Круглыя скобки и въ подлинникѣ, такъ же и ниже.

дѣлать счастье ангела! О! моя жизнь мнѣ драгоценна — и я берегу ее какъ твою принадлежность, которую нѣкогда должна буду тебѣ возвратить! Базиль, чего намъ бояться! — Отложимъ на часъ всѣ надежды (или крѣпкую вѣру на благость Божию, потому что счастье наше впереди и оно *сѣрно*) и посмотримъ на вещи съ дурной стороны. Могу ли я зависѣть отъ В[оейкова], каковъ бы онъ ни былъ? Мое все со мною. Есть ли онъ имѣеть особенные планы, то все они до меня не касаются; вліянія на судьбу мою онъ все[же] имѣть не можетъ, потому что съ твердостью, съ полною вѣрою въ твое сердце, я не могу быть столько слаба, чтобы забыть тебя и себя. И только въ такомъ случаѣ когда они совершенно вооружаютъ мое сердце противъ себя, позволю себѣ такія средства, которыхъ теперь ничто бы извинить не могло. Ты говоришь: разставшись теперь, мы расстаемся съ надеждою жить когда нибудь другъ для друга — нѣтъ! я буду жить для тебя и вѣрно придетъ время, что буду жить и вмѣстѣ — но теперь еще это невозможно. (*Стран. 4*). Послѣ возвращенія нашего изъ Дертта, я не только всего надеюсь, но точно увѣрена въ счастья, а теперь я еще его недостойна! Два года эти будутъ проведены розно — цѣль моя есть: дѣлаться лучше и достойнѣе тебя. Это развѣ не тоже что жить вмѣстѣ? Счастье впереди! Вопреки всему, будь его достоинъ и оно будетъ твое. Одного только я бы желала: болѣшую довѣренность на Бога и безопасность младенца — тотъ кому *все* повѣришь — *все* и сдѣлаетъ. Вспомни наши планы, нашу надежду на Авд:[отью] Ник:[олаевну], на Вой:[ейкова]: не помагалъ ли намъ Богъ! Что мы несчастливы — отъ того, что не умѣемъ возложить на него свою довѣренность. Онъ для насъ *все* сдѣлаетъ! Базиль! ты слишкомъ огорчаешься разлукой. Скажи, много ли ты имѣешь утѣшенія теперь, будучи вмѣстѣ? Правда, что вчера мы имѣли хорошія, милыя минуты, но онѣ тебя не достойны. Mon ange, ta vie doit être active, utile à tout ceux qui t'entoureront, mais pas seulement à ceux qui seront avec toi. Elle doit l'être aussi à moi. Ton exemple me donnera des forces et du

coupage. Другъ мой, одно мѣсто въ твоей тетрадкѣ меня огорчило, но ты вѣрно самъ раскаиваешься въ этомъ. Твоя жизнь не нужна, не драгоценна!... О, Базиль! ты знаешь, что моя связана съ твоею! Je n'aurai de force et de resignation qu'autant que je pourrai être tranquille sur ton compte, mais dès que j'aurai perdu cette seule consolation, il n'y aura plus ni bonheur, ni espoir pour moi. Береги свое здоровье—ты объ немъ уже давно не думаешь. Базиль! для тебя начнется ничтожная жизнь! О Боже мой! mon ami il faut être plus grand que le sort, tu ne te ressembles plus — *il faut monter la montagne pour voir le royaume de Cachemire*. Si Dieu voulait nous éprouver par de plus grands malheurs encore. Basile, je suis heureuse, en possédant ton coeur; mon sort est digne d'envie. Comment ne pas tout faire pour me perfectionner, pour me rendre digne de la recompense que j'ai reçue avant (*Стран. 6*) le combat. Oh! je me sens beaucoup de force et de resignation surtout.

Ecoute mon ami! je t'en prie ne donne pas la lettre à maman. Elle ne pourra faire aucun bien, mais si même elle en faisait, je te prierais encore de ne pas la donner. Оставь все на власть лучшаго заступника и ни что не пропадетъ. Есть ли у тебя есть силы, то поговори ей самъ, но этаго я желала бы только для того, что бы она хотя послѣдніе два дни была лучше съ тобою. О! какое ее ужасное раскаяніе ожидаетъ! Базиль, какъ мы счастливы въ сравненіи съ нею.—Eh bien! mon ami, point de lettre, oui! tu me le promets. N'as tu pas assez de ton propre coeur: de ta conscience, qui doit te mettre au dessus de tout. Et puis si tu le veux moi et nos amis sont aussi pour toi. Послушай, она слишкомъ чувствуетъ сама, что она не права; доказательства ей не нужны; признаться ей тяжело и отъ письма твоего она этаго не сдѣлаетъ.—Ты бы меня много утѣшилъ, есть ли бы послушался въ этомъ. Я боюсь за ее здоровье,—намъ надобно ее беречь.— О Базиль! что насъ разлучить? Цѣль, желанія, надежды, дѣйствія однѣ! А какое счастье еще насъ ожидаетъ! Оно будетъ! Богъ мнѣ это говорить!

Теперь поговоримъ о томъ, чего я отъ тебя требую. Tu me promettera de t'occuper beaucoup. Basile, tes compositions feront ma gloire et mon bonheur. Если бы ты зналъ, сколько мнѣ упрекала совесть это бездѣйствіе, въ которомъ ты жилъ до сихъ поръ. Я не только причина всѣхъ твоихъ горестей, но даже и этого мучительнаго ничтожества, которое отымаешь у тебя будущею, не давая въ настоящемъ, ничего кромѣ слезъ. — И такъ занятія! непременно занятія! Въ одной книжкѣ ты сказалъ, что оно будетъ для тебя драгоценно, потому что твоя слава будетъ моя; я надеюсь на твои обѣщанія. Еще: я бы желала очень, что бы ты занимался воспитаніемъ *дѣтей*. Другъ мой, это *счастье*, котораго не надобно отвергать — а кто можетъ (*Стран. 8*) болѣе тебя сдѣлать имъ пользы? И такъ ты сдѣлаешь и счастье ихъ матери. Ты мнѣ и это обѣщаешь?—Творца надобно благодарить только за жизнь, сказалъ ты. (О! какъ я была счастлива въ эту минуту!). Послушай, Базиль — а эта жизнь есть только испытаніе, которое легко перенести можно! (Легко! легко только съ такимъ ангеломъ утѣшителемъ какъ ты!) Вообрази же награду, которая насъ ожидаетъ! Боже — мы твои дѣти!

Comme je voudrais te donner toute ma force et tout mon courage—mais cela aussi, c'est à toi que je le dois (А я! Чѣмъ я тебѣ не обязанъ! Ты во всей силѣ слова моя благодѣтельница.) je me sentais si faible, si différente de moi même. Toi qui fais tant de bien, comment n'est tu pas heureux!

Объщай дѣлать все то, о чемъ я тебя здѣсь прошу. Скажи, что ты надеешься. О! мы точно вмѣстѣ будемъ счастливы. Une voix intime me ce dit. Et celle la ne trompe jamais.

Je te promets de t'ecrire toujours, quelque part que je sois. Sur ce point—je suis sure de Woeykoff et quand nous serons à Pétersbourg Ал. Пав. me sera d'une grande utilité. Tes lettres à lui seront pour moi aussi, et puis les lettres d'Eudoxie seront dictées par toi. Ты будешь писать рецензію между строкъ. Но главное то, что мое сердце пойметъ, чего нельзя будетъ написать. О! счастье — наше! — я это говорю за полтора дни

до разлуки съ тобою: стало быть я его *предчувствую* (вопреки всему).

Ангель мой! Богъ тебя благословить! Я не имѣю силъ сказать: *прощай!* Да и не должна! мы не разстанемся.—*Je te benis, je prie pour toi à tous les instants du jour! Ma vie! Perseverance.*

(Стр. 3)⁴⁵⁾. Не недověрчивость къ промыслу⁴⁶⁾, мой другъ а забвеніе самаго себя, естественное слѣдствіе смущенія и горести. Я видѣлъ, сколько печальнаго ожидало тебя въ будущемъ; многое можетъ быть и увеличивалъ, — когда подумаю объ этомъ и теперь, то такое же смущеніе; но теперь имѣю твое письмо—оно ото всего защита! Я его перечитываю и всякой разъ имѣеть оно на меня вліяніе *добраго дѣла*,—я готовъ прыгать; чувствую себя легче и живѣе. Но знаешь ли, что я не даю себѣ воли часто читать это бездѣльное письмо. Я откладываю его нарочно, какъ радость, чтобы имѣть и наслажденіе ожиданія.

L'amour parfait chasse la crainte. Вотъ въ чемъ твое совершенство. Ты имѣешь такую спокойную вѣру. Она даетъ и любви твоей большую высоту. Ты лучше меня любить умѣешь, и я въ самой моей къ тебѣ привязанности долженъ принять тебя же за образецъ.

Такъ, мой другъ, будемъ смотрѣть на разлуку, какъ на срокъ — будемъ надѣяться. Мы сдѣлали условіе съ *тѣми*, кто объ нашемъ счастьи будетъ заботиться болѣе насъ самихъ. Будемъ увѣрены, что все хорошее будетъ и не позже, не ранѣе какъ нужно. Готовить[ся] *въ ожиданіи*. Въ этомъ словѣ теперь для насъ жизнь. Но все это не было бы для меня такъ понятно, когда бы я говорилъ тебѣ отъ одного себя; но и тутъ милость ко мнѣ провиденія. Я долженъ былъ на минуту забыться, чтобы

45) Отсюда начинаемъ печатаніе отвѣтныхъ замѣчаній В. А. Жуковскаго на письмо М. А. Протасовой. Они вписаны на нечетныхъ страницахъ тетради, а въ концѣ, по окончаніи письма Протасовой, — идутъ уже подрядъ до конца тетради.

46) Слова: «къ промыслу»—внесены поверхъ строки.

мой ангелъ изъяснилъ мнѣ мою должность — и какимъ языкомъ! — самый языкъ совести никогда не будетъ для меня такъ убѣдительно. — Языкъ утѣшенія, радости, однимъ словомъ — языкъ моей Маши. Наканунѣ и въ самый день отъѣзда, я сказалъ отъ сердца, что жизнь прекрасна, — это твое дѣло. Ты представила мнѣ въ будущемъ столько прекраснаго. Своему проступку обязанъ я тѣмъ, что началъ еще болѣе тебя уважать, началъ чувствовать твое превосходство надо мною, а какъ весело его чувствовать! Твои наставленія кажутся мнѣ чѣмъ то святымъ! И кто имѣетъ то, что я имѣю? Стоитъ о тебѣ вспомнить, чтобы обрадоваться что я живъ; стоитъ развернуть твое письмо, что бы во всякое время жизни имѣть утѣшеніе; ободреніе для хорошаго дѣла, защиту отъ дурнаго; поощреніе къ прекрасному; — всемъ, (*Стр. 5*) всемъ я обязанъ тебѣ; какъ весело въ этомъ признаваться! Знаешь ли что я перечитываю это письмо съ восхищеніемъ, но не даю себѣ этого удовольствія каждый день, что бы оно было дороже отъ ожиданія. Вѣчныя мечты! Ты мнѣ велела назвать тебя *своею матерью*, за ту нѣжную заботу о моей судьбѣ, которую ты имѣешь. Нѣтъ, мы не расстаемся — вся наша жизнь будетъ тѣснымъ сношеніемъ другъ съ другомъ, *une correspondance intime*. Все что ни здѣлаю въ жизни — все для тебя, ты будешь знать обо мнѣ и будешь радоваться.

(Я не пишу того, что было писано о Воейковѣ. Несправедливость!)

Райское *вмѣстѣ* поручимъ Богу. Теперь одно, *мы живы и другъ для друга*. Заслуживать! При этомъ словѣ всѣ силы душевныя возбуждаются *et il me semble déjà voir le royaume de Cachemire*. Съ маменькою можешь обо мнѣ говорить свободно; теперь имѣемъ на это право; никто, кромѣ нея не можетъ насъ сблизить.

Ты говоришь: *ta vie doit être active*. Надобно было все это слышать *отъ тебя*, что бы сильно пожелать исполнить. Безцѣнное завѣщаніе моего друга, какъ его преступить! Мой примѣръ.

для тебя нуженъ! нѣтъ, я могу только подражать тебѣ! *Oui! montons la montagne!* жизнь впереди! Какое счастье: *resignation et courage!* Si tu veux mon exemple, tu l'auras. Теперь мое правило (и даю слово его исполнить!): *жить какъ ты велишь! какъ тебѣ нужно!* У меня баронесса [Черкасова?] спросила: какія же теперь мои намеренія? — Я ей отвѣчалъ: никакихъ! жить, какъ ей надобно! Въ этомъ все! (Милой другъ, прости! я не утерпѣлъ, что бы ей не сказать о своемъ предложеніи; мнѣ хотѣлось, что бы она знала въ совершенствѣ *что ты!* И какое для меня наслажденіе видѣть, какъ добрыя сердца тебѣ удивляются! Вотъ истинное мое достоинство: быть любимымъ такою душою, какъ твоя!)

Теперь слово о томъ, что ты отъ меня требуешь!—Требуешь, милой другъ: какое счастье тебѣ повиноваться. Бездѣйствіе! Нѣтъ! оно было не отъ тебя. Теперь мы розно, и чтоже влечетъ меня къ дѣятельности? Ты! Что же когда бы мы были вмѣстѣ и вмѣстѣ счастливы? И такъ вини не себя, а тѣхъ, которые наше вмѣстѣ разрушили.

(Стр. 7). Вотъ мой кодексъ. *Писать* (и при этомъ правило—жить какъ пишешь, что бы сочиненія были не маска, а зеркало души и поступковъ). Это будетъ моею съ тобой корреспонденціею. Слава моя будетъ твоею. Мнѣ сладко теперь думать о уваженіи, которое могу заслужить отъ отечества и котораго причиною будешь ты. Эта мысль даетъ мнѣ гордость и силу. Слава моя будетъ чистая и достойная моего ангела, *моей Маши*. Я буду писать много и безпрестанно.

Воспитаніе дѣтей. Это занятіе будетъ посвящено тебѣ же. Но какъ же я радъ, что ты угадала мои мысли. Я самъ хотѣлъ употребить на это часть времени. Темъ лучше, что это занятіе будетъ исполненіемъ твоей воли.

Владиміръ будетъ написанъ. Мы не розно. Мой Ангелъ вдохновенія всегда со мною. Мои милѣйшія желанія исполнены въ твоей любви. Остальное провидѣнію. Нѣтъ моя бѣлая книга не останется пустою, — я *бѣлой книги не боюсь*. Провиденіе твоею рукою начертало въ ней невидимыя черты, видимыя сер-

пу: — *жить для Машы, для всею добраго, быть ея достойнымъ, и этимъ заслужить счастье, которое вѣрно.* Ты получишь ее изъ моихъ рукъ, и полную, полную, и во всякой часть. Все недостойное тебя забыто или будетъ отброшено. Съ такимъ предметомъ я счастливъ.

Вотъ мои ежедневныя занятія:

1. *Собраніе понятій о религіи.* Надобно сдѣлать тебѣ мою исповѣдь. Я не могу быть передъ тобой лицомъ. Я не имѣю того, что называется полнымъ понятіемъ о религіи. Но желаю вѣрить и буду имѣть чистую, достойную человѣка и Бога вѣру, Въ этомъ ты мнѣ порука. Искренность въ этомъ желаніи и довольно. Душевно буду искать убѣжденія, той вѣры, которая нужна для счастья, которая совершенствуетъ сердце. Что бы ни было, но жить по правиламъ христіанства. Это ведетъ къ небу. И такъ: чтеніе свящ[еннаго] писанія, книгъ о религіи, и твоей книжки. Свои мысли объ этомъ предметѣ и для тебя особенное собраніе этихъ мыслей.

(Стр. 9) 2. *Чтеніе моралистовъ.* Хочу непременно дѣлать свои прививки, то есть каждой день къ какойнибудь хорошей чужой мысли прививать нѣсколько своихъ. Собраніе этихъ мыслей для тебя. Надобно, чтобы каждой день былъ означенъ своею особенною мыслию.

3. *Каждый день деп или три страницы прозы* о чемъ бы то ни было. Это составитъ современемъ порядочный матеріалъ для журнала. Особенный списокъ для тебя. На это уже готовъ альбомъ.

4. *Всякой день непременно писать въ стихахъ,* и все будетъ для тебя переписано.

5. *Чтеніе книгъ о воспитаніи.* Прежде нежели приняться за дѣло, надобно понабраться мыслей и чужихъ естли нѣтъ своихъ. Изъ этихъ матеріаловъ современемъ составить письма о воспитаніи и письма къ Дуняшѣ о ея дѣтяхъ. Можетъ выйти прекрасная книжка (?).

6. *Записывать свой день.* Это для тебя. Дурное и хорошее безъ закрывки передъ моимъ другомъ, передъ моею совестію,

передъ вторымъ провиденіемъ моимъ. Видишь ли, какая куча занятій, и при всемъ этомъ оживотворитель, ободритель, свидѣтель ты, мой другъ, моя благодѣтельница. Вотъ и расположеніе часовъ, что бы ты знала чѣмъ я въ какую минуту занять.

6 часъ. Чтеніе Св. Писанія и т. под. и твоей книжки.

7 }
8 } Проза (письма).

9 Ходить.

10 }
11 } Стихи (письма)
12 }

1 }
2 } Матеріалы для Владиміра

3 }
4 } произвольное занятіе. Не худо и поспать.
5 }

6 ход.

7 }
8 } Чтеніе мор[алистическихъ] книгъ и о воспитаніи.
9 }

10. Записки дня.

(Стр. 10)⁴⁷⁾ Отъ тебя желалъ бы, что бы ты дѣлала 1, 2 и 6 для меня, какъ я для тебя. Кажется, что это возможно. Сдѣлай книжку, въ которую бы записывать лучшее изъ Святаго Писанія и духовн[ыхъ] писателей. Къ этому прибавлять свои замѣчанія. Другую книжку для записыванія лучшихъ мыслей изъ всѣхъ книгъ и къ нимъ такъ же свои замѣчанія. Наконецъ, каждый день въ десяти строкахъ записать въ журналъ (въ голуб[ую] книжку) все это для меня. Этотъ журналъ будетъ вмѣсто писемъ. При случаѣ отдавать на почту, что будетъ легко. Мнѣ же особенно писать къ тебѣ будетъ нельзя. Но въ Дунашиныхъ письмахъ все подчеркнутое будетъ мое

47) Отсюда продолжаютъ замѣтки В. А. Жуковскаго безъ перерыва.

Что же касается до денегъ, то вотъ мое требованіе (поздно я вздумалъ требовать!). Могутъ случиться весьма затруднительныя обстоятельства — ты не имѣешь объ нихъ понятія; *но стъръ мнѣ*. Можетъ случиться то, что деньги вамъ будутъ спасеніемъ. 1000 Дуняшины и еще другая 1000, которую получишь отъ меня, должны у тебя храниться какъ залогъ. Обѣщайся мнѣ до этихъ денегъ ни въ какомъ случаѣ не касаться и беречь ихъ *на черныи день*. Есть ли рѣшишься исполнить мою просьбу, то успо[ко]ишь меня совершенно. Я боюсь вашихъ нуждъ. Не имѣть денегъ въ такой дальней сторонѣ есть быть невольникомъ и самымъ жалкимъ. (а ты обо мнѣ не подумала и раздала безъ нужды свои деньги. Это меня очень огорчило и огорчаетъ). Береги эти деньги, какъ маменькино добро. Условіе: не тратить ихъ ни на что, а беречь про черныи день. — Есть ли дашь слово исполнить это условіе, то я буду спокоенъ.

Теперь послѣднее слово. Другъ мой, *perseverence*, твердость и дѣятельность въ горѣ; вѣра къ будущему. — Однимъ твоимъ словомъ: *devant Dieu* ты дала мнѣ все: силу, надежду и даже счастье. Мысль, что ты (*Стр. 11*) призовешь меня на помощь, когда нельзя будетъ ни чего другаго сдѣлать, замѣняетъ для меня все. Все прочее заключено для насъ въ одномъ: *будемъ достойны своей счастія*.

26 сентября.

Все это было написано 15 сентября. Милой ангелъ, кто бы могъ ожидать такой переменны!

Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten.

Маша, дай руку на счастье. Мы будемъ вмѣстѣ; *вмѣстѣ!* какъ мило это слово послѣ двухъ мѣсяцевъ горькой мысли, что мы разстались. Теперь нечего и нѣкогда тебѣ сказать. Прости, другъ безцѣнный! Безъ васъ буду много думать о нашей будущей жизни, о нашемъ миломъ вмѣстѣ; какого объ этомъ напишу и для тебя. Это будетъ послѣднимъ моимъ письмомъ къ тебѣ и единственнымъ,

какое ты имѣть будешь. Между тѣмъ чтобы ты знала, что буду безъ тебя дѣлать, то вотъ рапортъ.

1. Написать планъ *нашей жизни* (ангель, нашей).
2. Переслать къ Тургеневу мои сочиненія.
3. Собраться въ Дерптъ.
4. Посланіе къ Государю и перевести Библию.

Все то, что ты читала здѣсь было бы планомъ моей жизни *безъ тебя*.—Оно останется такимъ же, но къ этому прибавится только милое, одушевительное *съ тобою*. Надобно сдѣлать, чтобы наше виѣстѣ было какъ можно яснѣе и спокойнѣе, но чего не снесешь для этого *вмѣстѣ*. Ты будешь моимъ ободрителемъ, моею наставницею. Боюсь только какъ бы Авд[отья] Никол[аевна] всего не разстроила. (*Стр. 12*) Но это уже твое дѣло. Другъ мой, будь моею защитницею. А я постараюсь обогатить себя такими мыслями, которыя бы утвердили, а не разстроили наше счастье. Прости, душа, радость, жизнь!

[1815 годъ].⁴⁸⁾

[Апрѣль.]

(*На обложкѣ*): Und trennen uns gleich Meer und Land,
Vereinigt uns doch Freundschaft band?
Und fester knüpft nach *kurzer Zeit*
Es einst die Ewigkeit!

Дерптъ. Апрель 14-го.

48) Обозначенія года и мѣсяца прибавлены отъ редакціи.

14 апреля.

(Стр. 1) Милой другъ, поняла ли ты то чувство, которое меня рѣшило къ тебѣ написать: *позволь мнѣ отъ тебя отказаться и самому найти человѣка, который бы могъ тебя сдѣлать счастливою!* Это самое лучшее чувство въ жизни моей и въ эту минуту я былъ счастливъ! Маша, въ эту минуту я точно тебѣ доказалъ, что я тебя люблю. Чемъ я жертвовалъ? Тѣмъ что было мнѣ всего дороже! Не одною надеждою, но вмѣстѣ и тѣмъ, что ее замѣняло, своею привязанностию, отъ которой готовъ былъ отказаться [ся] и которую надобно было совсемъ перемѣнить, которой надобно было дать совсемъ другой характеръ! Ты должна знать, что заставило меня на это рѣшиться, — я хотѣлъ быть увѣреннымъ въ твою счастіи, въ томъ, что тобою не пожертвуютъ, что ты будешь зависеть и отъ меня! Мнѣ надобно было съ тобою разстаться и покинуть тебя подъ власть человѣка, который не умѣетъ тебя ни шадить, ни утѣшать. Въ эту минуту мысль *пожертвовать собою* (точно *собою*, то есть всею, что наиболѣе было я,) представилась мнѣ какъ вдохновеніе Божіе. Съ этою мыслию новая жизнь для меня открылась: *моя семья, мои связи семейственныя*, и что всего дороже ты, въ зависимости отъ меня, мой другъ, моя сестра, съ полною свободою любить другъ друга любовью родныхъ. Какъ за это не отдать всего съ наслажденіемъ. Но *первое* движеніе было право безкорыстное — слѣдствіе его представилось мнѣ *послѣ*. Ахъ! милая, какъ въ эту ночь я радовался жизнию. Я видѣлъ въ ней все новое. Но моимъ чувствомъ не умѣли воспользоваться, нашли способъ даже его охолодить. Какъ опытъ ни научилъ меня, что все мнѣ кажущееся возможнымъ одному, дѣлается невозможнымъ съ ними; но я не послушался и еще написалъ! Письмо прочтено было холодно; но жить стали со мною лучше — но въ чемъ же это *лучшее*, котораго лучше уже вѣрно не будетъ? Что мнѣ дали за мое счастіе, за мои сокровища: которыми я такъ рѣшительно пожертвовалъ? Одну наружность! Лице ласковое — а все прочее тоже. Я перемѣнилъ самое мнѣніе, рѣшился перемѣнить даже и чувство, рѣшился хо-

тѣтъ, чтобы и ты его перемѣнила—(*Стран. 2*). Для этого нужно большое надъ собою усиліе, большое постоянство и постоянная помощь съ ея стороны и съ твоей — это общее наше дѣло! А она что дѣлаеть съ своей стороны! Какое усиліе беретъ надъ собою! Есть ли мнѣ можно обѣщать и стараться⁴⁹⁾ изтребить такое чувство въ сердце, къ которому я привязанъ — что весьма трудно — то почему же она не можетъ изтребить недовѣрчивости, которая мнѣ только мѣшаетъ исполнить мое обѣщаніе! Она требуетъ, что бы я былъ постояннымъ, а сама не можетъ и пяти дней выдержать такого характера, который для нее долженъ быть легокъ; требуетъ отъ меня искренности, что бы я внутренне желалъ того, что обѣщаль (и я на это рѣшился) а сама и не думаетъ, что ей нужна такая же искренность, дабы насъ обоихъ съ тобою поддержать. Я думалъ все сдѣлать для своего и еще болѣе для твоего счастья своею жертвою и вижу, что ничего не сдѣлалъ, а только наложилъ на себя жестокую неволю. Изъ того чистаго позволеннаго счастья, на которое теперь лично имѣю право, выходитъ одна тяжелая должность. Все что прежде меня съ тобою соединяло, должно быть разорвано — а что же на его мѣстѣ! Ничего! Въ душѣ ужасная пустота, на которою даже и жаловаться нельзя, потому что сдѣсь и сожаленіе не позволено. Все что прежде наполняло душу, если не исчезло, то сдѣлалось запрещеннымъ — надобно было его замѣнить! А какъ замѣнить, когда меня съ тобою, не смотря на обѣщаніе, разлучаютъ подозрѣніемъ? Я видѣлъ, что ты грустила, — это меня мучило, а какъ было помочь? Мысль, что ты воображаешь меня и холоднымъ, и равнодушнымъ, меня терзала — если бы я могъ говорить съ тобою свободно, какъ другъ, какъ родной, мы бы вѣрно согласились, мы оба любимъ доброе, а вмѣстѣ его любить весело — ты бы меня послушалась, а я видя твою рѣшимость могъ бы имѣть всю нужную мнѣ твердость и никогда бы не боялся слабости! Но какъ (*Стран. 3*)

49) Слова «и стараться» — приписаны тѣмъ же почеркомъ, или нѣсколько мельче поверхъ строки между строками.

же ждать, что бы теперь что нибудь для насъ перемѣнилось! Никто не подумаетъ о томъ, чего я себя лишаю, чего мнѣ должно стоять себя и тебя передѣлать! Они только требуютъ жертвы, а сами не хотятъ подумать, что значить эта жертва и сколько нужно съ ихъ стороны участія! Теперешнее обращеніе со мною войдетъ въ привычку; все будущее останется похожимъ на настоящее. Мы будемъ всегда розно и сверхъ того наша обязанность будетъ разлучиться и въ сердцахъ, потому что ты дала слово! Не только по прежнему будемъ мы—подъ тѣмъ же принужденіемъ, которое уже сдѣлало насъ виноватыми въ скрытности, но еще и въ самой привязанности другъ ко другу не найдемъ ни какого утѣшенія, ибо сохранить эту привязанность такую, какова она была прежде, запрещаетъ намъ наша обязанность. Моею любовію къ тебѣ я могъ только пожертвовать для твоего счастья.—Она была моею жизнію; я могъ промѣнять ее только на другую жизнь, на любовь къ тебѣ безъ примѣся собственнаго, на свободную любовь друга, брата, товарища! Дано ли мнѣ это счастье? нѣтъ, и никогда оно дано не будетъ! Есть ли теперь не могли обрадоваться брату, то уже ему никогда обрадоваться не могутъ! Вообразить, что *все* для насъ сдѣлали! а какъ имъ доказать, что они не сдѣлали ничего? Это можно только чувствовать! Кто же принудить это почувствовать? Нашего положенія они не понимаютъ и понимать не могутъ! И живучи виѣстѣ мы будемъ несчастнѣе ежели когда нибудь! И такъ необходимость велить уѣхать—и я беру *свое* назадъ! По крайней мѣрѣ розно съ тобою мнѣ своего лучшаго чувства изстреблять нѣтъ нужды! Но *съ нимъ* я не могу и не долженъ *сдѣсь* остаться! Сдѣсь я могу только быть братомъ, не по одному имени, а съ чувствами, (*Стран. 4*) съ обязанностями и есть ли хочешь съ счастьемъ брата. Розно съ тобою, я никому, кромѣ Бога, отчета въ своихъ чувствахъ не отдаю, а я увѣренъ, что онъ не отвергнетъ того, что у меня въ сердцахъ.

Ты не поняла меня, мой милый другъ! Это натурально! На твоёмъ мѣстѣ и я можетъ быть такъ же бы тебя не понялъ! Намъ не дали и не дадутъ говорить другъ съ другомъ откровенно!

Есть ли бы мы имѣли эту свободу, мы согласились бы на то, что намъ теперъ должно и вмѣстѣ бы рѣшились его исполнять и вѣрно были бы счастливы исполненіемъ, хотя оно и дорого бы намъ стоило. Но мы бы вмѣстѣ учились добродѣтели—это связь другаго рода и самая чистая и самая счастливая! Самое тяжкое въ моемъ положеніи было то, что я замѣчалъ твою грусть и чувствовалъ, что ты обвиняла меня тогда, когда я истинно стоилъ твоего уваженія и всей помощи со стороны твоей. Въ то время когда ты думала, что я пожертвовалъ всемъ *au plaisir de je ne sais quoi*, всемъ, даже и возможностью показывать къ тебѣ дружбу, когда уходила, что бы давать мнѣ грустныя минуты съ маменькою, когда воображала, что я *все забывъ* радовался дружбою своею къ Воейкову, въ то время когда онъ тебя такъ нѣжно утѣшалъ, *говоря что я не хочу тебя любить, а хочу только поскорѣе выдать, замужъ* (я ты даже считала нужнымъ въ *упожденіе* мнѣ кинуться первому на шею) въ то время когда была *одна* и даже въ самой себѣ не находила отрады—мнѣ было право не легче. Безпрестанное мучительное бореніе съ собою, котораго ни что не обле[г]-чало и съ которымъ соединялась мысль, что ты должна обвинять меня. Имя брата, которое я одинъ взялъ на себя и за которое мнѣ ничего не давали, обязывало меня переимѣнить, вырвать изъ сердца всѣ прежнія чувства; При воспоминаніи о Красов- (*Стран. 5*) скомъ душа хотѣла вспыхнуть, но я себя удерживалъ и твердилъ себѣ, что такого роду движеніе не должно быть мнѣ свойственно. Часто, смотря на тебя, былъ готовъ забыться, но останавливался, уходилъ къ себѣ, и все опять возвращалось въ надлежащій порядокъ. Часто однако и съ самимъ собою не находилъ утѣшенія. Что было для меня прежде прибѣжищемъ—мыслью о твоей ко мнѣ любви, надежда на нее, для меня болѣе не существовала, потому что не должно было существовать болѣе! Этой мысли, этой надежды я долженъ былъ бояться! И свою любовь къ тебѣ—лучшее свое чувство—я долженъ былъ есть ли не уничтожить, то переимѣнить! Я запрещалъ себѣ это чувство, потому что назвался братомъ твоей матери и долженъ былъ имъ быть не

по одной только наружности. Вообрази же мое положеніе! — *Съ тобой*⁵⁰⁾—я былъ отъ тебя далеко, не только тѣмъ принужденіемъ, которое насъ рознило, но даже своею обязанностію, которая не только мнѣ⁵¹⁾ на тебя запрещала смотрѣть преж[н]ими глазами, но и въ тебѣ такъ же искать и желать прежняго ко мнѣ чувства, мы сдѣлались совершенно *чужи* другъ для друга; *одинъ*—я былъ лишень всѣхъ своихъ воспоминаній и надеждъ, которыя давали мнѣ прежде бодрость и *думать* о тебѣ такъ, какъ прежде считалъ не позволеннымъ, словомъ прежней Маши для меня уже не было, той, которая была соединена въ душѣ моей со всякимъ чувствомъ, а той, которая должна была заступитъ ее мѣсто, я еще не имѣлъ и слабо надѣялся имѣть, видя то принужденіе, которымъ, не смотря на наши жертвы, насъ разлучали! Я былъ въ уныніи, но право ни разу не поколебался въ своемъ пожертвованіи. И чтобы вперед не поколебаться вотъ что для себя написалъ. (Но *для себя*, а вѣдь *ты* этого не знала — и никому въ голову не приходило того, что дѣлалось въ моей душѣ. Имъ только можно требовать пожертвованіе; величаться своимъ великодушіемъ, а понять человѣка не умѣютъ и не хотятъ).⁵²⁾

(*Стран. 6*). *Апрѣля 11*. (Надобно тебѣ знать, что я для собственнаго утѣшенія, оправданія и, естли хочешь, для того, что бы хотя съ бумагою быть искреннимъ хочу непременно, во всѣ трудныя минуты писать свои мысли—это и облегчаетъ и даетъ твердость! Пусть дѣлаютъ что хотятъ, пусть думаютъ обо мнѣ какъ хотятъ! Моя книга про меня знаетъ—и вотъ что я написалъ въ своей книгѣ:)
«Прежде я имѣлъ цѣлю быть счастливымъ *вмѣстѣ* съ Машею. Это *вмѣстѣ* было бы *средствомъ къ прекрасному*.
«Прекрасное состояло бы не въ одномъ наслажденіи собственнымъ счастіемъ, но въ томъ что составляетъ настоящую жизнь,

50) Передъ этими двумя словами стояло зачеркнутое слово, похожее на «Розно» (?).

51) Слово «мнѣ» внесено сверхъ строки.

52) Такъ въ скобки заключено и въ подлинникѣ, тоже и далѣе по мѣстамъ.

«въ исполненіи ея обязанностей, въ добрѣ на дѣлѣ, въ нравственномъ своемъ усовершенствованіи. Отъ этаго теперь должно отказаться. Совсемъ другое должно теперь быть *средствомъ къ прекрасному*. Оно состоитъ въ пожертвованіи самимъ собою, въ совершенномъ забвеніи собственнаго и все *для нее*. Для этаго рѣшительно отказаться отъ невозможнаго (а что бы отказаться рѣшитель[но], то и переимѣнить свое къ ней чувство на лучшее, безкорыстное, братское), все употребить для сбереженіе семейнаго «покоя, твердо покориться судьбѣ или лучше своей должности, и не слабѣть въ исполненіи труднаго. Я назвался братомъ не для того что бы подъ этимъ именемъ имѣть непозволенные чувства и желанія. Нѣтъ! но для того, что бы она была мною счастлива, что бы она принадлежала мнѣ какъ дочь моей сестры, что бы судьба ея зависѣла и отъ меня, что бы я имѣлъ въ ея матери настоящую сестру, товарища и друга, съ которымъ ея счастье было бы общимъ нашимъ дѣломъ. Спокойствіе на счетъ ея судьбы и сладкая мысль что я имѣю участіе въ ея счастья и еще болѣе сладостная объ немъ забота будутъ моею наградою. Съ именемъ брата должна разрушиться вся прежняя связь между нами, но начаться другая тѣсная и самая чистая. Надобно *сказать* себѣ и приучить себя *думать*, что (*Стран. 7*) она не должна любить меня, какъ прежде, но любить какъ родного, какъ брата или лучше какъ отца, и заботиться о своемъ отдѣльномъ счастіи, не сливая его, какъ прежде, съ моимъ, но съ твердою увѣренностію, что дѣлая свое счастье она въ то же время дѣлаетъ и мое. Не только должно это сказать самому себѣ, но и исполнить на дѣлѣ, *ее самое* приучить къ этой мысли, изъ ея счастья вырвать все собственное, основанное на одномъ эгоизмѣ, все что было прежде общаго (несогласнаго съ нашимъ обѣщаніемъ) уничтожить, сдѣдовательно не желать, что бы и она имѣла то чувство, котораго я имѣть не долженъ, не только не желать, но и ее заставить не имѣть его— (а какъ заставить, Маша, когда мы не только не можемъ говорить другъ съ другомъ, но и глядѣть другъ на друга боимся) заставить ее ко мнѣ переимѣниться и утѣшать себя однимъ только

одобрениемъ сердца, что все сдѣлано, все принесено въ жертву должности и тому, что всего было⁵³⁾ дорожѣ, что теперь еще стало дороже. Однимъ словомъ мнѣ должно быть истиннымъ братомъ ея матери и поступать такъ, какъ бы долженъ былъ поступать истинной братъ! Теперь спрашиваю: въ чемъ счастье Маши? Въ спокойствіи и свободѣ сердца, въ согласіи съ матерью и со всею семьею, слѣдовательно, и со мной въ увѣренности, что я счастливъ! Наконецъ, естьли такъ быть должно, еще и въ замужствѣ по сердцу, то есть чтобы съ другимъ имѣть то, чего надѣялась со мною! Мое же счастье состоитъ теперь въ томъ, что бы Маша это все имѣла, что бы я видѣлъ, что она все это имѣетъ, что бы я былъ во всемъ этомъ участникъ! Стремленіе къ этому есть то, что теперь для меня прекрасное въ жизни. Что нужды, что трудно, что даже и вопреки себѣ! Самая трудность, самое страданіе есть средство къ прекрасному! Та минута, въ которую, для этой цѣли, я рѣшился пожертвовать собою была⁵⁴⁾ восхитительна! Но это чувство восхищенія часто пропадаетъ и я прихожу въ уныніе! Что нужды! Не дол(ж)но терять бодрости! Что чувство произвело въ одну минуту, то твердость должна исполнять въ теченіе жизни. Гдѣ жъ было бы достоинство добродѣтели, когда бы она была и легка и пріятна? Надобно смотрѣть не на удовольствіе, а на достоинство внутреннее! Знать, естьли не чувствовать. (*Стран. 8*) Всякое исполненіе отдѣльной должности есть дорога по утесамъ, кончи ее—небо надъ головою и кашемиръ передъ глазами. Мое небо *ея счастье*—и такъ унывать не должно. Что прежде наполняло душу, то разрушено—свои надежды замѣнить ея надеждами; чего желалъ для себя передать ей и изъ ея будущаго сдѣлать свое будущее! А для себя беречь настоящую минуту, которую посвятить дѣятельности и добру. Мы съ нею въ этомъ случаѣ не раздѣлимся; она будетъ увѣрена, что ея будущее есть мое и станетъ объ немъ думать, какъ о моемъ, и между тѣмъ

53) Слово «было» вставлено надъ строкою.

54) Начато было *пре*, но зачеркнуто.

будеть видѣть, что я счастливъ настоящимъ, все имѣя въ настоящемъ—свою работу, ея дружбу, одобреніе сердца, и надежду для «нея одной такого счастья, какого прежде желалъ для насъ двоихъ». «Но это все равно».

Вотъ что, милой другъ, я думалъ и, для своего ободренія, записалъ для себя въ то время, когда тебя утѣшали съ насмѣшкою, говоря, что я не хочу тебя любить и брежу тѣмъ, какъ бы тебя поскорѣе выдать замужъ! А ты огорчилась, думала что ты мнѣ въ тягость, и богъ знаетъ что еще тебѣ приходило въ голову. Но это все отъ того, что ты не могла со мною объясниться. Если бы, я могъ быть твоимъ товарищемъ такъ какъ бы это теперь было должно—ты бы мнѣ повѣрила, ты бы со мною во всемъ согласилась, и мнѣ и тебѣ было бы легче исполнить общую должность. Мы бы сдѣлали другъ друга счастливыми. Въ этомъ я увѣренъ; ни кто не можетъ такъ успокоить и рѣшить на все доброе моего сердца, какъ ты; и ни кто не можетъ сдѣлать того на душѣ твоей, что я могу сдѣлать. Мы бы возвратили другъ другу спокойствіе, когда бы намъ дана была воля и надлежащая довѣренность. Жить вмѣстѣ съ такою цѣлюю, какую я себѣ предписалъ, было бы сначала труднѣе, но послѣ гораздо лучше—мы бы вели другъ друга прямо къ добродѣтели, путемъ пожертвованія и должности и были бы счастливы взаимнымъ другъ къ другу уваженіемъ. Я исполнялъ бы *à la lettre* то, что себѣ предписалъ, а ты, (*Стран. 9*) согласившись во всемъ со мною, первая и лучше всехъ мнѣ бы помогала. И ты бы должна была сказать себѣ тоже, что я: мнѣ надобно смотрѣть на него другими глазами. Чего онъ хочетъ? Моего счастья! *И я хочу его!* Въ чемъ полагаетъ онъ это счастье? Въ свободѣ и спокойствіи сердца, въ согласіи съ моею матерью? Въ моей увѣренности, что онъ счастливъ? Въ довѣренности къ нему, которая не иное что какъ мысль (которой ни чьи слова перемѣнить не могутъ), что онъ мое счастье всему предпочитаетъ, что онъ стоять хочетъ моего уваженія, столько, сколько самъ меня уважаетъ, на конецъ и въ томъ, что бы я была счастлива за мужемъ! *я помочу ему наит-*

ти это счастье. Но какія же для этого средства? *Что бы имѣть спокойствіе и свободу сердца* ты бы должна была не только сказать себѣ, но и приучить себя къ мысли, что я твой братъ, твой родной другъ и непремѣнно смотрѣть на меня совсемъ другими глазами, и дать совсемъ другой характеръ своей ко мнѣ привязанности (не сдѣлавъ этого или не стараясь искренно этого дѣлать, намъ теперь жить вмѣстѣ не лзя — мы дали слово! Но намъ иначе нельзя этого будетъ сдѣлать, какъ имѣя полную свободу другъ съ другомъ, говоря другъ другу все что на сердцѣ, а не быть разлученными, какъ теперь, подозрѣніемъ, которое только что напоминаетъ о прежнемъ и лишаетъ силы себя переимѣнить!) Съ этимъ неразлучно и твое *согласіе съ матерью а мое съ моею сестрою.* Что можетъ лучше согласить, какъ не съ ея стороны полная довѣренность? ибо тогда она все для насъ сдѣлаетъ и будетъ имѣть право на нашу благодарность, а съ нашей стороны⁵⁵⁾ искренняя жертва и стараніе ее поддержать. Тогда бы и ты и она взаимно другъ другу были всемъ обязаны и это стѣснило бы нашу дружбу и мы точно бы другъ друга любили, точно бы жили другъ для друга. *Чтобъ быть утѣренною въ моемъ счастьи* тебѣ только нужно заботиться о своемъ! ибо мнѣ точно ничего не надобно кромѣ его, кромѣ исполненія своей должности⁵⁶⁾ и мысли что и ты такъ же ее охотно исполняешь, какъ я, кромѣ нужнаго покоя для своихъ работъ, которыя при мысли о твоемъ счастьи полетѣли бы прямо на крыльяхъ! Когда все это будетъ, то есть, твое счастье, работа, и любовь моей (*Стран. 10*) семьи, искренняя а не по одной наружности, то уже мнѣ право желать ничего не останется. И если ты можешь воображать, что мнѣ еще что ни будь нужно, то очень ошибешься и только сама все разстроишь. Въ этомъ случаѣ ты должна à la lettre быть со мною согласна и эта статья самая легкая. Для полной *довѣренности къ моему сердцу* (довѣренности, которая теперь должна быть совсемъ

55) Зачеркнуты: «не только».

56) Далѣе слова: «и мысли, что и ты такъ же ее охотно исполняешь, какъ я» — желкимъ почеркомъ вписаны сверху между строкъ.

другаго рода) тебѣ должно только помнить, что я всею пожертвовалъ для твоего счастья и что эта жертва еще болѣе меня къ тебѣ привязала, слѣдовательно перемѣниться къ тебѣ не могу иначе какъ въ лучшее, что эта привязанность, теперь совсемъ иная, всегда будетъ главнымъ моимъ чувствомъ и теперь еще болѣе причиною всего добраго; что слово *être à charge à moi* есть жестокое, убійственное для тебя и для меня слово; что я не могу не хотѣть любить тебя, чтобы ни говорили тѣ, которые не знаютъ, что такое любить; что теперь для меня любить тебя значить быть добродѣтельнымъ и предпочитать всему на свѣтѣ святую должность; что желаніе выдать тебя за мужъ въ моемъ сердцѣ есть высочайшая степень къ тебѣ привязанности, самой безкорыстной, забвеніе не о самомъ себѣ, но обо всемъ, что⁵⁷⁾ принадлежитъ къ эгоизму; что это слово: выдать за-мужъ только на языкѣ нечувствительнаго человѣка, который хотѣлъ позабавиться надъ твоимъ страданіемъ оскорбительно, а на моемъ языкѣ значить: твоя семейная жизнь, твои семейныя радости, все прекрасное для чего ты рождена и что ты должна имѣть, и что дать тебѣ съ человѣкомъ тебя достойнымъ было бы верхъ моего счастья! Желать тебѣ такого счастья никто болѣе меня не можетъ; я знаю ему цѣну и потому то, что знаю ему цѣну, желаю, что бы оно было твоимъ — а этаго желать тебѣ можно и совершенно забывъ о себѣ, не будучи ни холоднымъ къ тебѣ, ни равнодушнымъ и что бы исполнить такое желаніе, тебѣ не должно бросаться *къ первому на шею*, а на противъ стараться всѣ тѣ условія выполнить съ которыми я, а не другой кто, могу имѣть его во глубинѣ сердца. Милой другъ, вспомни для чего я совершенно отъ тебя отказался? для того что бы имѣть полную безпечность (*Стран. 11*) на счетъ твоей судьбы, что бы радоваться мыслію: теперь нечего за нее бояться! по крайней мѣрѣ могу быть увѣренъ, что прежняя ея ко мнѣ привязанность будетъ хранителемъ ея сердца, что она будетъ за мужемъ только за тѣмъ, кто замѣнитъ для нее

57) Зачеркнуто слово: «естъ».

меня, кто лучше меня дастъ ей счастье, кому она такъ же захочитъ себя повѣрить, какъ мнѣ! Это давало моему сердцу полное спокойствіе на счетъ твоей будущей судьбы и къ этому то счастию желалъ бы я быть твоимъ проводникомъ — я бы шелъ къ нему вмѣстѣ съ тобою какъ къ своему. И точно мнѣ бы ничего желать не осталось, ибо при этомъ все что мнѣ нужно, у меня бы было: трудъ, семья и одобреніе сердца. Однимъ словомъ мы бы шли по дорогѣ добродѣтели вмѣстѣ. Она трудна; за то лучше всѣхъ прочихъ. А ты, не понявши меня и повѣривъ толкователямъ моихъ чувствъ, которыя не постигаютъ ихъ, сама хочешь лишитъ меня плода моего пожертвованія! То, для чего именно все сдѣлано, хочешь уничтожить. Но всему причиною то, что мы не можемъ говорить другъ съ другомъ — что насъ стерегутъ! Намъ не вѣрятъ! Не дадутъ намъ никакого счастья вмѣстѣ даже и добродѣтели вмѣстѣ.

До сихъ поръ я написалъ, когда получилъ твою послѣднюю записку. Такъ точно! *Для дружбы все что въ мірѣ есть!* Ничего другаго не прошу, какъ только счастья исполнить это на дѣлѣ и отдать мое *все* для моего *друза*, для моей сестры, для той, которой всѣмъ хорошимъ обязать и теперь еще лучшимъ буду обязанъ — *добромъ на опытѣ*. Но это *добро на опытѣ* возможно только съ прямою довѣренностію. Безъ нея ничему быть невозможно. Есть ли ее не будетъ, то я осуждаю и тебя и себя на прямую гибель — у насъ все возьмутъ и намъ никакого утѣшенія не останется. Въ *ея* довѣренности вся подпора. Я хочу лично быть счастливъ моею жертвою и видѣть что ты ею счастлива будучи разво съ тобою, буду не въ состояніи съ тобою объясниться, будемъ ли понимать другъ друга, и что насъ можетъ подкрѣпить? Развѣ отказавшись отъ тебя я перемѣнился? Развѣ можно все изъ себя сдѣлать однимъ словомъ? Нужно постоянство, нужна твердость! А какъ ихъ имѣть, когда принужденіе и подозрѣніе всякой часъ будутъ отымать силы! У насъ въ душѣ будутъ однѣ чистыя намѣренія, (*Стран. 12*) а все вокругъ насъ будетъ слу(жи)ть къ тому только, чтобы эти намѣренія ослаблять! Какъ же за себя ру-

чатся? Послѣ такого рѣшительнаго обѣщанія измѣнить себя не будетъ ли ужаснымъ несчастіемъ, которое отравитъ всякую минуту жизни! Одинъ дурной шагъ—и прости спокойствіе! Излишней на себя надежды имѣть не должно и въ хорошихъ обстоятельствахъ; а какъ на себя надѣяться, когда для насъ только что обременяютъ исполненіе обязанности! Прежде мы иное себѣ позволяли, потому что не давали слова перемѣнить свои чувства, а теперь, обѣщавъ это, и въ самомъ сердцѣ должны согласоваться съ обѣщаннымъ. По настоящему въ трудныхъ обстоятельства(хъ) и должно удержаться на прямой дорогѣ — болѣе было бы достоинства! Но я опять скажу, себѣ не должно слишкомъ вѣрять! Прибавлю къ этому еще одно — будучи не въ состояніи съ тобою говорить, я буду видѣть твою грусть и это только у меня отыметъ бодрость! Надобно будетъ не только бороться съ собою но и съ чувствомъ твоей горести, видѣть что ты отъ меня страдаешь и не имѣть возможности тебѣ помочь! Между тѣмъ и самая борьба будетъ безъ успѣха — нѣсколько времени будешь себя удерживать, стараться переломить и вдругъ одна минута все снова разстроитъ! Опять начинай снова и уже съ большею слабостью и съ меньшею надеждою! Это уже и случилось, было, со мною! Отъ такого бесполезнаго усилія потеряешь и самое къ себѣ уваженіе, и даже то, что казалось добродѣтелью, потеряешь свою прелесть. Они не думаютъ какъ это трудно, и какъ нужна съ ихъ стороны помощь. Что открыло тебѣ глаза, что привлекло тебя ко мнѣ въ тайнѣ, что и тебя и меня заставило наконецъ скрываться? Подозрѣніе и принужденность! Почему же и теперь нельзя того же бояться? Почему она объ этомъ не подумаетъ. Я имѣлъ силу сказать себѣ: перемѣни все и всемъ пожертвуй! имѣлъ силу желать этаго искренно! имѣлъ силу даже нѣсколько времени искренно себя превозмогать — а она не имѣетъ силы сказать себѣ: буду любить брата какъ сестра и совершенно вѣрившись ему, дать ему все возможное счастье! То что я теперь дѣлаю, есть дѣло жертвы и жертва свободная, но весьма трудная— (Стран. 13) то что ей должно сдѣлать, совсемъ не есть жертва,

напротивъ ей же самой счастье! Развѣ трудно повѣрить своей дочери и своему брату и быть между нами безъ всякаго подозрѣнія! Она говоритъ мнѣ: будь твердъ, а сама ни какой твердости не имѣетъ въ своей довѣренности! Два дни хорошо, а десять дурно! — Наше вмѣстѣ, съ тою прекрасною цѣлю, какую я себѣ предположилъ, было бы прекрасно, но безъ довѣренности ему быть не можно. Ея къ намъ не имѣютъ — и намъ *разстаться*. Такъ и быть, если уже ничего имѣть не должно. Разлука все мое мнѣ возвращаетъ. Я все отдавалъ, что мнѣ дорого, отдавалъ искренно, и ты бы тоже сдѣлала. Мое письмо у маменьки. Она знаетъ, что могла бы изъ меня и для меня сдѣлать. Но въ этомъ же письмѣ я говорю, что могу быть братомъ только вмѣстѣ съ нею, что розно она не имѣетъ ни какого права на мое сердце, ни на тѣ чувства, которыя въ немъ; что я жертвую ими не потому, что считаю ихъ незаконными, а потому что искреннее пожертвованіе считаю необходимымъ для общаго счастья. И такъ я передъ нею правъ — правъ самыми чувствами. Разлука избавитъ насъ отъ опасности нарушить данное слово. Все будущее другъ для друга и для добра. Теперь ты въ своей горницѣ не будешь одинокою — твой вѣрной товарищъ будетъ съ тобою, а мой ни когда меня не покинетъ. Теперь не буду бояться своего чувства; оно по прежнему будетъ во мнѣ источникомъ всего прекраснаго. Я нашелъ для себя правило, котораго теперь не отдамъ за миліоны: *все въ жизни къ великому средство*. Это правило можно легко примѣнить какъ къ цѣлой жизни, такъ и къ каждому отдѣльному обстоятельству! Стоитъ только спросить у себя: къ чему великому или прекрасному оно можетъ быть средствомъ. Этому правилу я уже обязанъ многими добрыми минутами и съ нимъ нигдѣ и никогда не пропадешь. Нужды терпѣть не буду — я одинъ! Вспомни Эверса и скажешь себѣ, что бѣдности нѣтъ на свѣтѣ. Не воображай меня несчастнымъ, — у меня есть твое уваженіе, твоя дружба, воспоминанія, друзья, прекрасная цѣль и твердость! Я буду вѣрить твоему сердцу; это значить, что ты все употребишь для своего счастья и ни когда имъ не пожерт-

внешь изъ воспоминанія о своемъ братѣ и благодарности за его къ тебѣ любовь! Этой только вѣрности отъ тебя требую и на этомъ только условіи *все* общаю. (*Стран. 14*) Я желалъ бы, что бы ты была болѣе съ собою, съ своими мыслями, съ своимъ Фенеломъ; что бы ты записывала для себя свои мысли, чувства и опыты, такъ какъ это уже начала было дѣлать. Знаешь ли какъ это утѣшительно, особливо тогда, когда бы желалъ и не можешь кому нибудь передать сердце. Пусть этотъ *кто нибудь* будетъ бумага. Думать и выражать мысли есть облегченіе. Я же смотрю на жизнь теперь совсемъ другими глазами — человѣкъ не долженъ быть несчастливъ, если только онъ можетъ быть добрымъ! Эверсъ одинъ на свѣтѣ и бѣденъ! На что будущее? Вся жизнь въ настоящей минутѣ, посвященной добру! За такую доброю минутою слѣдуетъ другая ей подобная — слѣдовательно и счастливая, изъ минутъ дни, изъ дней жизнь, а за жизнью вѣчность и вмѣстѣ. Такъ не примѣтно отъ одной доброй минуты переходя къ другой очутимся вмѣстѣ съ прекраснымъ прошедшимъ, въ которомъ такъ же были не розно, потому что были равно добры. Прости. Perseverence.

15 апрѣля.

Вчера, въ то время когда ты была у вечерни — я прошелъ въ низъ и нашелъ маменьку одну съ Сашею. Я говорилъ съ нею опять и искренно. Сказалъ ей, что не говѣю отъ того что она не позволила бы мнѣ ходить въ церковь вмѣстѣ съ тобою и что такого рода осторожность совсемъ не годится; что я хочу имѣть ту же свободу съ тобою, какъ съ Сашею; что мнѣ больно теперь бояться и говорить съ тобою и смотрѣть на тебя, теперь, когда я ей братъ; что ей нельзя требовать чтобы⁵⁸⁾ слова были дѣло — что я имѣю искреннее намереніе все перемѣнить, но что перемѣнится все отъ постоянства, а не вдругъ однимъ словомъ, и что для этаго нужна съ ея стороны помощь; что я всегда замѣчалъ, что принужденность только ослабляла меня, и что я при ея со

58) Далѣе зачеркнуты два слова.

мною переи́мѣнѣ самъ мѣнялся; — окончаніе разговора было, что тебя *надобно выдать за мужа* (это она сказала) — я прибавилъ: *надобно что бы ты была счастлива*. — Послушай, другъ! Нѣтъ ничего лучше семейственнаго счастья и ты должна его имѣть. Я одного только боюсь, именно, что бы не случилось то, отъ чего я своимъ пожертвованіемъ тебя хотѣлъ избавить. Если тебѣ сдѣлаютъ насиліе и ты выдешь замужъ не только безъ склонности, но еще и сохранивъ противное чувство — и если я еще долженъ буду этаго быть свидѣтелемъ — тебѣ должно освободить сердце для счастливаго (*Стр. 15*) замужства; отдать себя другому съ надеждою, что будешь съ нимъ счастлива — однимъ словомъ сдѣлать изъ себя все то, что бы быть готовою для семейнаго счастья, но никакъ не жертвовать собою! Эта жертва не только бесполезна но, можно сказать, и преступная. Для чего можетъ быть необходима она! Что бы имѣть эту готовность *быть счастливою* съ другимъ, ты должна приучить себя смотрѣть на меня другими глазами, видѣть во мнѣ брата, друга, который этаго же счастья за тебя желаетъ, но для меня же и изъ уваженія къ своей должности ты должна стараться, чтобы⁵⁹⁾ замужство было для тебя счастьемъ драгоценнымъ, а не бѣдствіемъ, съ которымъ ничего на свѣтѣ не сравнится. Особливо для тебя это бѣдствіе будетъ несносно. Что же я буду, если за все, что у меня взято, еще падобно будетъ быть его свидѣтелемъ!

Однимъ словомъ опять, имѣю надежду, что сестра моя будетъ моею сестрою и что мнѣ дано будетъ право любить мою Машу и жить для ея счастья. Но я желалъ бы чтобы и ты посмотрѣла безпристрастными глазами, основательна ли моя надежда? Не лучше ли я сдѣлаю, когда съ вами разстанусь? Живучи вмѣстѣ, не будемъ ли мы только нарушать другъ другу спокойствіе?

16 апрѣля.

Вчера утро было прекрасное. У насъ у всѣхъ было на душѣ свободно. Мнѣ кажется, что есть начало той довѣренности, кото-

59) Далѣе было написано: «это было», но зачеркнуто.

рой я желаю и которая одна все намъ дать можетъ. Когда я принесъ цвѣты, то *объявилъ*, что одинъ горшокъ для тебя — это не сдѣлало дурнаго впечатленія. Когда дѣлалъ приготовленія къ обѣду — то ихъ не приняли въ дурную сторону. Добрый знакъ. Вчера еще, безъ васъ, но при ней, побранилъ я Воейкова, за его стихи ко мнѣ въ Альбомъ, въ которыхъ онъ хвастаетъ своею дружбою ко мнѣ, которая будто *гладила меня противъ шерсти* и сказалъ ему довольно рѣзко, что я отъ него ни когда не слышалъ жестокой правды и что мнѣ совсемъ не нужно напоминать, что тотъ другъ, который говорить правду, хотя и неприятную. Это не имѣло дурнаго впечатленія. Но объ этихъ стихахъ Воейкова ко мнѣ знаетъ моя книга. Они служатъ новымъ⁶⁰⁾ доказательствомъ, что онъ вездѣ хочетъ быть въ виду, всемъ казаться. И здѣсь онъ хотѣлъ дать почувствовать, что теперешняя моя перемѣна есть плодъ той жестокой правды, которую онъ мнѣ сказалъ — хорошій плодъ хорошаго разговора. Я спросилъ у него, (*Стран. 16*) когда онъ говорилъ мнѣ такого рода правду? И напередъ угадалъ его отвѣтъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: *а третьяго дня?* Именно то, чего я ожидалъ. Это тотъ день, въ который я написалъ у него въ альбомъ. Черта негодная. Есть ли бы онъ зналъ настоящую причину! Но что ему до настоящихъ причинъ! Ему хочется только *казаться!* Не *жить*, а только заставить другихъ думать, что онъ *живетъ!* Оставимъ это. Я не могу быть оскорбленъ и униженъ тѣмъ, что могутъ подумать, что я только потому, что Воейковъ доказалъ мнѣ, что надобно *исправиться*, рѣшился на перемѣну образа чувствовать! Голосъ и оправданія сердца всего лучше! А ты моя Маша, мой двадцатилѣтній Эверсъ, знаешь что у меня въ душѣ — чего же болѣе! Можно жить прекрасно! Стоить только теперь стараться о нашемъ счастьи и сказать себѣ въ чемъ оно состоитъ.

Докончу сперва исторію вчерашняго дня и ныншняго — а тамъ слова два и о будущемъ. — Вчера послѣ причастія ты об-

60) Слово: «новымъ» приписано надъ строкою.

няла маменьку, и она заплакала вмѣстѣ съ тобою. Напрасно я взялъ ее за руку—этимъ я напомнилъ ей только о прошедшемъ. А, въ эту минуту, если бы она тоже насъ понимала, мы бы должны были думать объ одномъ прекрасномъ будущемъ⁶¹⁾ и на всю жизнь, *другъ другу поотрить*. Мысль, что она не поняла меня, стѣснила и даже охолодила мнѣ сердце на минуту—но регрессиве! и все будетъ. Вечеру, когда я возвратился домой и нашелъ васъ всѣхъ вмѣстѣ и тебя такую веселою, не знаю отъ чего стало мнѣ грустно—нѣтъ! знаю отъ чего! Я вообразилъ, что кто ни будь другой уже на моемъ мѣстѣ, а еще сердце не такъ привыкло къ этой мысли! И поутру проснулся съ этою же грустью—но утро всегда возвращаетъ хорошія мысли. Ты не огорчайся, если будешь видѣть меня въ нныя минуты и унылымъ и мрачнымъ! Можно ли не быть теперь этимъ минутамъ! и они будутъ еще можетъ быть долго! Только не бойся ихъ и для нихъ не переменнай того, что должно быть не на минуту, а на всегда. Когда старое возвращается — я грустенъ! Эта грусть вѣрный товарищъ эгоизма! Хорошее, доброе, безкорыстное, то что есть настоящая любовь къ моей милой сестрѣ, единственно ея достойная, то всегда весело, ясно и чисто! Я знаю, каковъ⁶²⁾ я теперь *быть долженъ*—понятіе объ этомъ во всякую минуту, и хорошую, и дурную, *одинаково*; но я еще не сдѣлал(ся) тѣмъ *что должно*; я еще никакъ не дошелъ до той высоты, на которой быть *должно*—вѣдь, я отказываюсь отъ тебя не изъ равнодушія, не изъ холодности! Дать другое свойство моей привязанности къ тебѣ я долженъ и рѣшился! Но этаго не сдѣлаешь (*Стран. 17*) въ одну минуту! и ты должна мнѣ помогать! По старой привычкѣ я называю *моимъ* то, что не должно быть *моимъ*, или что будетъ *моимъ*, но не такъ, какъ прежде! Развѣ я потеряю тебя, тогда когда ты будешь *счастлива* съ другимъ? и счастлива нѣкоторымъ образомъ отъ меня? Нѣтъ! милая, повѣрь, что мое сердце привыкнетъ предпо-

61) Зачеркнуто тщательно другими чернилами одно слово въ 3—4 буквы.

62) Неясно читается слово съ поправкою въ 4 буквы: «чѣмъ (?)».

читать это счастье прежнему! Только ты будь моею помощницею! Смотри на это такъ какъ мнѣ должно; не огорчайся моими тяжелыми минутами! Иди впередъ, за тобою и мнѣ будетъ легко; есть ли же и надъ тобою что нибудь грустное будетъ имѣть силу, не поддавайся; всякую противную мысль удаляй отъ себя, а есть ли трудно, жди чтобы доброе опять возвратилось и оно вѣрно возвратится, такъ какъ я уже это испыталъ на себѣ. Жди того, что скажетъ доброй шептунъ, который всегда умѣетъ дать бодрость душѣ. Что бы грустныя минуты не приводили въ отчаяніе и не мешали бодрости! Это минуты, которыя проходятъ, а доброе не мѣняется. Когда увидишь меня грустнымъ, думай, что это не на долго; когда увидишь веселымъ, знай, что я доволенъ собою, что въ эти минуты наиболѣе люблю тебя и что въ душѣ у меня свѣтлыя мысли о твоёмъ счастіи, что я воображаю себя его причиною, что съ этой минуты все низкое пропадаетъ и все хорошее беретъ верхъ! Милой другъ, и въ грусти и въ радости помню тебя,—но въ грусти я болѣе эгоистъ; а въ радости я весь принадлежу тебѣ. Последнее лучше и ты должна желать, что бы послѣднее сдѣлалось постояннымъ. Оно даетъ мнѣ прямое счастье. Съ *прежнимъ*, я не могу ни чѣмъ заняться. *Последнее* напротивъ оживляетъ во мнѣ все; занятіе становится и пріятнее и успѣшнее, а все хорошее — еще лучше. Прекрасныя мысли и чувства теперь имѣютъ еще болѣе цѣны для меня. Давеча это мѣсто въ проповѣди мнѣ⁶³⁾ понравилось такъ, какъ бы прежде не могло понравиться. *Пусть время промчится надъ изъ гробами—лишь бы не унесло объ нихъ воспоминанія! Они живы!* Вообразимъ же, что въ прошедшемъ умерло для насъ только то, что не должно жить всегда; но чистое, вѣчное осталось! Пусть проходитъ время — оно не умертвитъ того, что вѣчно! Оно живо! Мы живемъ для другаго и лучшаго! Разставшись во всемъ томъ, что не должно быть нашимъ *вмѣстъ*, мы ближе другъ къ другу въ томъ, что теперь прямо *наше*. Теперь *прекрасное* состоитъ

63) Далѣе было слово «болѣе», но зачеркнуто.

для насъ въ побѣжденіи себя. Для тебя *побѣдить* себя значить⁶⁴⁾ все сдѣлать для своего счастья и совершенно увѣриться, что въ немъ и *мое*, слѣдовательно, приучить себя думать объ немъ такъ, какъ бы ничего прежде не было. Для меня (*Стран. 18*) побѣдить себя значить совсемъ не имѣть прежи[ихъ] желаній и надеждъ, все что было вдвоемъ, передать тебѣ одной—однимъ словомъ жить въ будущемъ за *тебя*. О! въ этомъ будущемъ много прелестнаго! Развѣ трудно желать его и надеяться съ такою же живостью за одну тебя, какъ прежде за насъ двоихъ! Не отыми же у меня этой надежды и будь мнѣ въ ней товарищемъ. *Средство* къ этому *прекрасному* есть искреннее пожертвованіе тѣмъ, что ему противно. А что бы было пожертвованіе, нужна твердость! нужно, чтобы мы другъ съ другомъ были согласны. Я уже сказалъ, въ чемъ твое счастье и ты должна въ этомъ себя увѣрить! Не думай ни какъ, что желая его ты нарушишь любовь и ей измѣнишь! Напротивъ, теперь измѣною будетъ есть ли будешь дѣлать не то, что должно! Ты должна имѣть прекрасныя надежды, ты стоишь того, чтобы они были исполнены, а для меня не должно ли быть счастьемъ когда онѣ исполнятся! Что же касается до моего собственнаго, то и объ это[мъ] ты должна имѣть мои же понятія! Ты говорила маменькѣ, что желала бы видѣть меня отцемъ семейства; милая, я могу прожить безъ этаго—мнѣ же надобно *искать самому*, а тебя напро[тивъ] — *искать будутъ!* Это большая розница! И мое положеніе совсемъ другое, чѣмъ твое — я имѣю занятія, имѣю кругъ дѣйствія; для тебя же другаго нѣтъ, какъ въ семействѣ. Но главное, чтобы ты была счастлива въ семействѣ. Этаго то счастья хочу, чтобы ты надѣялась, этого счастья желалъ бы тебѣ дать—сколько еще много мнѣ останется. Мысль что ты все имѣешь, твоя дружба, работа полезная и одобреніе сердца.

Прошу все это переписать и такъ, какъ переписана прежняя голубая книжка — то есть страница твоя, страница моя. Себѣ

64) Далѣе стояло «увѣриться», но зачеркнуто; *заятая* же послѣ его осталась.

не такъ вѣрю какъ тебѣ. А то что скажешь мнѣ ты то будетъ свято; я буду тогда твердъ и все исполню. Съ этой минуты я твой другъ, твой братъ — и въ этомъ perseverence.

Вотъ тебѣ и тетрадка, въ которую переписать.

Назначить *правила* обхожденія съ каждымъ особенно, съ маменькой, Воейковымъ, тобою и — съ собою.

НВ. Я никогда не говорилъ Воейкову, что ты мнѣ сказала о Красовскомъ; онъ солгалъ; онъ поступилъ съ тобою, какъ полиціймейстеръ съ колодникомъ; — мое НВ. стерто! видно онъ его видѣлъ.

28 апрѣля.

(Стран. 19) Милая моя волшебница! Прочитавъ то, что ты мнѣ написала, я сталъ веселъ, бодръ — горя и слѣду нѣтъ. Между тѣмъ мы съ тобою расстаемся! Что *будетъ* впередъ неизвѣстно! Но намъ теперь да *будетъ* дѣла нѣтъ! Настоящее и прошедшее — вотъ наше! А оно у насъ есть и, право, самое богатое. Мы выдержали много испытаній, есть ли иное и можно бы опорочить, то все въ цѣломъ хорошо? Не надобно надежды — на что этотъ обманщикъ, который мѣшаетъ быть добрымъ? Сама вообрази, можетъ ли быть что нибудь для насъ дурнаго? Тѣ, которые намъ вредятъ или, лучше сказать, вредили, сами не счастливы насъ! Имъ у насъ отнять теперь нечего — а что они въ своемъ сердцѣ? Захотимъ ли быть на ихъ мѣстѣ? Я говорю: *нѣтъ* — нѣтъ! Это несправедливо! *Тотъ*! Милая твое письмо помирило меня съ маменькою! Я опять чувствую къ ней нѣжную благодарность, — она за тебя заступилась. Мой отъѣздъ свяжетъ все крѣпкими узами и она будетъ самымъ усерднымъ твоимъ защитникомъ — теперь въ этомъ я увѣренъ. Прочитавъ твое письмо, я сошелъ въ низъ и отъ души пожалъ ей руку — она несчастна! Несчастливы насъ въ нынѣшныя минуты! Повѣрь, милая, что теперь тебѣ будетъ легко быть съ нею искренною! А я, будучи отъ нея далеко, буду ей дорожѣ; она можетъ быть отдать мнѣ болѣе справедливости и уже ничто не будетъ ей мешать меня любить. Мысль, что она тебя защищаетъ, даетъ мнѣ большое спокойствіе; привязываетъ

меня къ ней и въ эти два остальные дни, которые пробуду я съ вами, мнѣ будетъ легко ее любить. За себя уже нечего досадовать—прошедшему забвенье! а въ будущемъ вижу въ ней одну твою защитницу! Будь я съ вами — она будетъ меня бояться! Будь я далеко отъ васъ—она будетъ видеть все наше пожертвованіе, отдастъ намъ справедливость, и есть ли не открыто, то въ тайне будетъ одно съ тобою ко мнѣ чувствовать—вотъ еще благодѣянія разлуки! Вы будете понимать другъ друга! молча будете обо мнѣ говорить!

(Стран. 20). Переписываю то что тебѣ надобно:

Что намъ до той пустыни, въ которой нашъ голосъ раздается? Не ей насъ слышать! А слышитъ насъ Богъ! Милая Маша, скажемъ рѣшительно другъ другу, что наше прекрасное для насъ теперь въ разлуку — намъ не дадутъ быть добродѣтельными и мы даромъ отдадимъ все свое лучшее, свою привязанность другъ къ другу, которая здѣсь потеряетъ всю для насъ прелесть и всѣ свои отрады: Въ словѣ: разлука—и свобода, и добродѣтель, и всѣ наши утѣшенія Надобно было все то испытать, что мы испытали, чтобы живо почувствовать какъ это справедливо. Что выигрываемъ мы, будучи вмѣстѣ? Самое то, что дѣлаетъ разлуку несносною, *чувство, что мы розно*; разставшись, напротивъ, мы возвратимъ себѣ ободрительное увѣреніе, что мы вмѣстѣ *и мыслью и сердцемъ и жизнью!* Розно это чувство, это увѣреніе намъ запрещено не будетъ. Неужели значить быть *омъсть* — видѣть другъ друга и не имѣть способа сказать другъ другу искренняго слова! Боже мой! тебѣ и мнѣ бояться говорить другъ съ другомъ и кого же бояться—Воейкова! Неужели значить быть *омъсть* — страдать, не имѣя способа облегчить другъ другу страданія? Значить-ли быть *омъсть* — затруднять другъ для друга исполненіе обязанностей? Значить-ли быть *омъсть* —напоминать только другъ другу своимъ присутствіемъ, что мы розно? О вѣтъ! мы можемъ быть вмѣстѣ безъ этого жестокаго напоминанія: вмѣстѣ однимъ добрымъ чувствомъ, воспоминаніемъ, добромъ, желаніемъ хорошаго, вѣрою другъ въ друга! Въ какое время

жизни и гдѣ ты будешь не со мною? Здѣсь только это не возможно. Милая, не бойся этого слова — разлука! Я вижу теперь въ ней благодѣтельнаго ангела! Она и мнѣ и тебѣ все *наше* возвращаетъ. Скроемся въ глубину нашего сердца—тамъ наше *все*? Все спокойствіе, вѣрная взаимная любовь, свобода чувствовать, желаніе прекраснаго, твердость въ достиженіи къ нему. Энтузіазмъ, довѣренность другъ къ другу и къ себѣ самимъ—вмѣстѣ мы не воспользуемся ни какимъ средствомъ къ прекрасному — у насъ оторвутъ руки, если мы ихъ къ нему протянемъ. Разно мы свободны и жизнь совершенно наша. Я когда то написалъ: *счастье не состоитъ изъ удовольствій простыхъ, сладующихъ просто одно за другимъ; (Стран. 21) но изъ удовольствій съ воспоминаніемъ* и эти удовольствія сравнилъ я съ фонарями, зажженными на улицѣ ночью—между ими есть пустые промежутки, но эти промежутки освѣщены и вся улица свѣтла, хотя не вся составлена изъ свѣта. Такъ и счастье жизни. Удовольствіе—фонарь, зажженный на дорогѣ жизни, воспоминаніе — свѣтъ, а счастье рядъ этихъ прекрасныхъ воспоминаній, которыя всѣ сливаются въ одно общее тихое ясное чувство, и которыя всю жизнь озаряютъ. Чѣмъ чаще фонари — тѣмъ свѣтлѣе дорога! Я сказалъ *надежда мимнее!* лучше сказать: *надежда пустое, вредное слово* Это слово имѣетъ прелесть для одной неопытности, для которой эта прелесть заключена въ непостижимости этого слова. Что такое надежда? Ожиданіе чего то въ будущемъ? всегда неясное? часто безпокойное? Часто и веселое! такое ожиданіе болѣе вредно, нежели полезно! Оно всегда уничтожаетъ настоящее. Есть ли весело, то дѣлаетъ къ настоящему по крайней мѣрѣ равнодушнымъ; есть ли печально, то его отравляетъ. Позабудемъ о будущемъ, чтобы жить какъ должно! Милой другъ, пользуйся настоящею минутою, ибо она только есть средство и самое вѣрное къ прекрасному! Зажигай *свой* фонарь, не заботясь ни мало объ тѣхъ, которые удастся зажечь послѣ. Въ свое время ты оглянешься и за тобою будетъ прекрасная свѣтлая дорога—между настоящею минутою и неизвѣстнымъ предѣломъ жизни помѣстимъ не *надежду*, а *про-*

виденіе. Переходъ отъ одной хорошей минуты къ другой *нечувствительно*—дойдемъ до этого предѣла, за которымъ вѣрное, прекрасное будущее! Объ этомъ будущемъ можно думать безъ сомнѣнія—оно не мѣшаетъ жизни. Но здѣшнее будущее есть настоящій врагъ всего *прекраснаго*! Что въ немъ! Приходитъ ли оно когда нибудь такимъ, какимъ мы его себѣ воображаемъ? На что же ему вѣрить и объ немъ заботиться? а прошедшее пускай идетъ съ нами рядомъ. *Il ne faut pas s'avancer dans la vie en detournant la tete, mais il ne faut pas du tout attacher ses yeux sur un lointain incertain! Tout cela empêche de voir autour de soi.* Надобно имѣть въ прошедшемъ вѣрнаго, добраго товарища настоящему. *Для сердца прошедшее вѣчно*—а наше съ тобой прошедшее есть самый необходимый другъ нашъ. Только съ нимъ будетъ и настоящее для насъ прелестно. Увѣряю тебя, что у меня теперь на душѣ такъ ясно, какъ никогда не бывало. Всѣ проклятыя цѣпи, мѣшавшія всему доброму, сброшены; я остался съ моею чистою вѣчною къ тебѣ привязанностію, съ довѣренностію къ жизни, въ которой уже ничего дурнаго (*Стран. 22*) быть не можетъ (одна мольба: не укради!) съ беззаботностію о будущемъ и съ твердою привязанностію къ настоящему, которое не иное что какъ желаніе употребить его на прекрасное. Повѣрь, что мнѣ всегда будетъ хорошо—въ Петербургѣ, въ Долбицѣ, въ тюрьмѣ,—только не здѣсь, гдѣ я не въ силахъ буду ничего добраго сдѣлать, гдѣ всѣ наружности будутъ противъ меня, гдѣ мы же будемъ обвинены при самыхъ прямыхъ намѣреніяхъ и мысляхъ, гдѣ и къ самимъ себѣ довѣренности имѣть невозможно. Тебѣ же безъ меня будетъ здѣсь спокойно—и съ собою и съ ними: не нужно будетъ ничего тайть! Полная независимость! Маменька сама будетъ къ тебѣ ближе! Теперь ни тебя, ни меня обвинять будетъ не въ чемъ! Разлука подружитъ меня съ нею! Мы будемъ другъ ко другу писать—я къ нимъ, но ты узнаешь свои мѣста; а тебѣ вѣрно будетъ позволено писать много. Ты пользуйся—пиши о постороннемъ, но искренно. Петербургской жизни бояться нечего—я буду имѣть

время и что весьма важно, тамъ настоящіе мои друзья, съ которыми сердцу легко и свободно! Петербургъ полонъ людьми, которые имѣютъ обо мнѣ хорошее понятіе! Стоитъ только это поддерживать! Я не буду искать многого, слѣдовательно и труднаго писанія не будетъ. А Тургеневъ? Нѣтъ! не бойся ничего—я буду работать съ энтузіазмомъ! Во всякую минуту жизни можно быть человѣкомъ и радовать этою мыслию! Только здѣсь эти *минуты* въ которыя можно бы быть добрымъ, будутъ употреблены единственно на то чтобы избѣжать отъ зла! *C'est indigné! Est-ce la vivre?* А что ежели избѣжать не удастся? Намъ не дадутъ избѣжать—но они будутъ въ сторонѣ! А виноваты передъ собою и передъ ними будемъ мы! Гдѣ бы я ни былъ, у меня будетъ хорошее настоящее и свобода имъ воспользоваться! *Хорошее* — не значить счастливое, значить болѣе—доброе! Тоже и для тебя! Прошедшаго у насъ никто не отниметъ, а будущаго не надобно! Одно только условіе: не дай собою пожертвовать! Чтобы твой другъ, твой братъ не могъ тебя упрекнуть, что ты изъ доброй воли истребляла все его счастіе!

Рѣшиться быть опекуномъ—была минута энтузіазма! Но это надобно хорошенько обдумать! Можетъ быть еще полезнѣе *не бытъ* быть опекуномъ, чѣмъ *бытъ*.

(Стран. 23)—Видишь-ли, мы можемъ доказать другъ другу какъ геометрическую задачу, что для насъ разлуки нѣтъ! У насъ одинъ шептунъ! Что думалъ я въ хорошую минуту, то пришло въ голову и тебѣ—однѣ и тѣ же мысли; одни и тѣ же слова. Прости же, другъ! *Настоящее и все оз жизни къ прекрасному средство.* Съ этими двумя подпорами забудемъ легко о томъ промежуткѣ, который отдѣляетъ насъ отъ той границы, за которой начнется наша родина, отъ того будущаго въ которомъ мы будемъ вмѣстѣ и неразлучно. Теперь твердость, постоянство, спокойствіе души и неизмѣнная вѣрность другъ другу! Есть ли бы могла ты вообразить, какъ у меня теперь на душѣ ясно! Безъ страха смотрю на жизнь! Въ ней *tout est consequent!* Все влечетъ за собой свои естественныя слѣдствія. Испытаніе — приготовленіе къ утѣше-

нію! Разлука—условіе соединенія! Одинакая сдѣшняя жизнь—приготовленіе къ одинакой вѣчности! Ничто не пропало! Все лучшее наше! Гдѣ бы я ни былъ, вездѣ свѣтъ Божій — Вездѣ настоящее наше и можетъ быть прекрасно! Можно даже иногда подумать, что и то будущее началось для насъ здѣсь! Разница между той и здѣшнею жизнью только въ томъ, что здѣсь могутъ быть горы и лѣса между нами, а тамъ нѣтъ этого непроницаемаго пространства! Все остальное для насъ и здѣсь то же какъ и тамъ! Чего же унывать? Жизнь прекрасна! Прости!

Внѣшность дневниковъ.

Всѣхъ писемъ-дневниковъ В. А. Жуковского имѣлось въ распоряженіи Редакціи пять. Это небольшія тетрадочки, сшитыя изъ бѣлой и съ покрывшкою изъ синей бумаги. Самъ Жуковскій ихъ называлъ «*синенькія книжки*» (см. стран. 163 или «*голубая*» книжка 184, 205). Одна тетрадь, предположительно относящаяся къ *Сентябрю* мѣсяцу 1814 года, украшена наклеенными восьмиугольными пластинками бѣлой бумаги съ рисунками, исполненными сепіею. (См. на снимкѣ). Форматомъ всѣ тетрадочки 9,5 см. × 10,1 см. Одна тетрадочка за *Апрѣль 1815 г.*(?) безъ обложки: на верхнемъ листочкѣ нарисованъ «фонарикъ» (см. стр. 186 снимокъ; ср. стран. 208.).

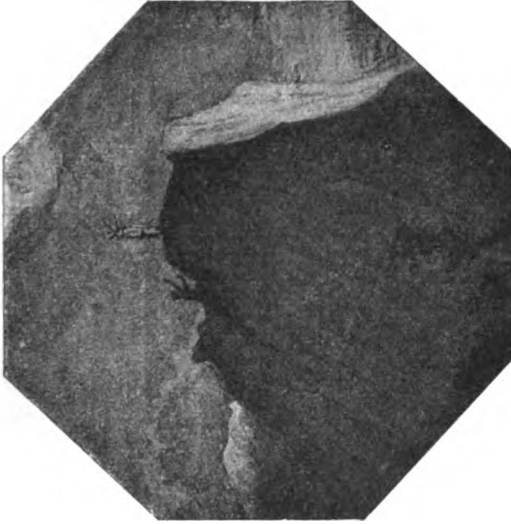
Дневникъ за *Май 1814 г.* въ футлярчикѣ для сбереженія вложенныхъ въ листы тетради засушенныхъ цвѣтовъ, можетъ быть, дорогихъ по какимъ-либо воспоминаніямъ. На тетради наклеены красный ярлыкъ и полоска такой же бумаги по корешку. Бумага, судя по знаку на ней, относится къ 1811-му году.

На первыхъ двухъ страницахъ записаны чернилами и карандашомъ лишь первыя 2 страницы. (Ср. стр. 156). Приводимъ текстъ:

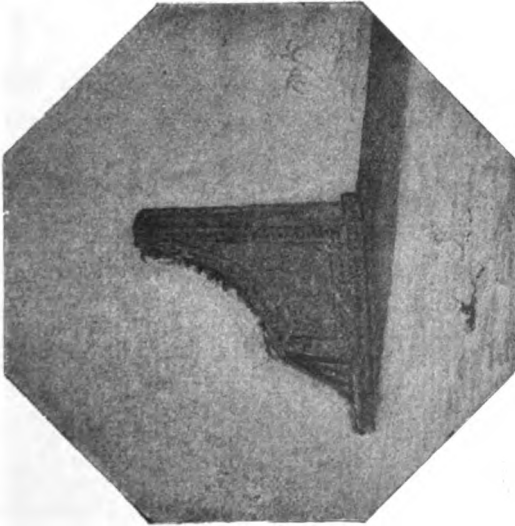
«Жизнь и для счастья—въ этомъ увѣреніе, великая отрада. Жизнь для души! Много непонятнаго въ судьбѣ человѣческой, но словомъ: душа существуетъ все объясняется. Жизнь для души—не одна , но жизнь, здѣсь и тамъ.

«Да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ мя вѣруйте. Въ дому отца моего обители многи суть: аще ли же ни реклъ быхъ вамъ, иду уготовати мѣсто вамъ. И аще уготовлю

На Верхней обложкѣ.

На Нижней обложкѣ.

Рисунки на обложкѣ „Дневника за Сентябрь“.

мѣсто вамъ паки приду и пойму вы къ себѣ да идеже есмь азъ и вы будете. Каможе азъ иду вѣсте и путь вѣсте.

Іоаннъ XIV, 1—4.

Отвѣщавъ же Іисусъ рече ей: Марѳо, Марѳо, печешися и молвиши о мнози. Единю же есть на потребу. Марія же благоую часть избра, яже не отыметя отъ нея. Лук. гл. X. 42.

Блаженни плачущіе яко тѣи утѣшатся. Матв. V. 4. ||

Вѣчность для человѣка: прошедшее, обратившееся въ настоящее для будущаго

Колумбъ¹⁾ угадалъ Америку, хотя и не былъ увѣренъ въ ея существованіи—компасъ и рѣшимость.

Утѣшеніе есть убійство. Въ потерѣ милаго нельзя утѣшиться какъ въ потерѣ чело(вѣ)ка).

Красота

Приидите²⁾ ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы. Возмите иго мое на себе и научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обряцете покой душамъ вашимъ. Иго бо мое благо и бремя мое легко есть.

Матѳ. Глав. 11—28 и пр.»

На одной изъ дальнѣйшихъ пустыхъ страницъ въ срединѣ тетради отмѣчено карандашомъ: «13 Іюля» и тутъ же вложенъ засушенный цвѣточекъ.

При изданіи текста «Дневниковъ» были соблюдаемы всѣ орфографическіе приемы автора и даже описки и недомолвки. Въ логическихъ скобкахъ заключены предположительныя дополненія.

1) Отсюда писано карандашомъ.

2) Опять писано черниломъ, но не тѣми, что было выше, а почернѣе.

В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 году.

(Новые матеріалы).

Большую часть 1837 года, отъ мая до декабря, Жуковскій провелъ въ предпринятомъ его Августѣйшимъ Питомцемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ В. К. Александромъ Николаевичемъ путешествіи по Европейской и Азіатской Россіи. Это историческое путешествіе, въ теченіе котораго, какъ извѣстно, неоднократно имѣли случай проявиться и отозваться благотворными для многихъ послѣдствіями добрыя и возвышенныя чувства нашего поэта, его гуманность, человѣколюбіе и добросердечіе¹⁾, обогатило его чуткую и воспримчивую душу множествомъ новыхъ разнообразныхъ и сильныхъ впечатлѣній, не только свѣтлыхъ и утѣшительныхъ, но порой и грустныхъ, которыя не могли не отразиться въ дальнѣйшихъ стадіяхъ его духовнаго развитія, въ его послѣдующей поэтической дѣятельности. Какъ суровый востокъ Россіи и Сибирь, такъ особенно теплый и поэтической югъ, впервые посѣщенные имъ Кіевъ и Крымъ должны были оставить въ умѣ и сердцѣ его яркіе, неизгладимые слѣды.

1) См. письма его съ пути къ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Срв. П. Загарина «В. А. Жуковскій и его произведенія», М. 1863, стр. 507 и сл. Также статью П. А. Плетнева «Путешествіе В. А. Жуковского по Россіи». Соч. и Переп. Плетнева, 1886, т. I, стр. 404—415.

Сборникъ II Отд. В. А. Н.

Въ это же путешествіе Жуковскому удалось побывать и на своей родинѣ, въ родномъ своемъ Мишенскомъ, въ Бѣлевѣ, и пожить въ кругу родныхъ; но это оживленіе воспоминаній о давно-минувшемъ, о счастливыхъ, но не безмятежныхъ годахъ юности, — воспоминаній, смѣшанныхъ съ горестнымъ чувствомъ по поводу понесенныхъ утратъ и найденныхъ въ родномъ гнѣздѣ перемѣнъ, навѣяло на него глубоко-грустное, меланхолическое настроеніе, довольно замѣтное въ его письмахъ къ друзьямъ въ это время.

Зато много истинно-отрадныхъ минутъ и утѣшеній, много свидѣтельствъ высокаго уваженія, общественнаго признанія и сердечнаго сочувствія и дружбы выпало на долю В. А. въ этотъ разъ—въ Москвѣ, въ которой онъ въ два приѣма провелъ недѣли по двѣ: сперва съ 23 іюля по 9 авг., когда Наслѣдникъ пріѣхалъ въ Первопрестольную, возвращаясь съ Востока и изъ центральной Россіи, и имѣлъ здѣсь свиданіе съ императрицей Александрой Ѳеодоровной; а затѣмъ съ конца октября до половины декабря — уже на обратномъ пути съ юга Россіи, когда Государь съ семьей и весь дворъ возвращались въ Петербургъ.

Изъ переписки самого Жуковскаго, изъ писемъ и показаній нѣкоторыхъ современниковъ, литераторовъ и друзей поэта, изъ Дневника Погодина¹⁾ мы имѣемъ лишь самое общее понятіе о дняхъ, проведенныхъ имъ въ Москвѣ, о чествованіи его москвичами и вообще о его тамошнихъ впечатлѣніяхъ.

Нынѣ я имѣю возможность обнародованіемъ новаго небольшого матеріала, именно отрывковъ изъ дневника извѣстнаго друга нашего поэта, А. М. Тургенева²⁾, и одного письма Жуковскаго къ князю П. А. Вяземскому, пополнить имѣющіяся свѣдѣнія о пребываніи В. А. въ Москвѣ лѣтомъ и осенью 1837 г., при чемъ — надо замѣтить — въ этихъ новыхъ документахъ чрезвычайно живо и симпатично рисуется идеальный образъ нашего

1) См. Н. П. Барсукова, Ж. и Т. Погодина, кн. V, стр. 1—13.

2) Этотъ дневникъ былъ, по всей вѣроятности, тогда-же переданъ авторомъ—В. А. Жуковскому.

славнаго писателя и человѣка, «чистой души Андреевича», какъ его фамиллярно звалъ его московскій пріятель¹⁾).

Замѣтки А. М. Тургенева, не представляя никакихъ особенно крупныхъ и важныхъ фактическихъ данныхъ для біографіи В. А., но изображая его привлекательный нравъ, его замѣчательную простоту и скромность въ общежитіи, даютъ намъ интересныя бытовые картинки, рисуя многіе типы и черты времени, рядомъ съ описаніемъ примѣчательныхъ мѣстъ и портретами нѣкоторыхъ историческихъ лицъ, а потому во всякомъ случаѣ прочтутся съ любопытствомъ. Весьма характерно также «обращеніе» Тургенева къ Жуковскому, какъ къ наставнику Наслѣдника русскаго престола.

Что касается помѣщаемаго здѣсь интереснаго письма Жуковскаго, то оно писано по поводу кончины И. И. Дмитріева, случившейся какъ разъ въ промежутокъ между обоими посѣщеніями Москвы Жуковскимъ, именно 3 окт., и все посвящено памяти этого дорогаго В—ю А—чу и душевно-любимаго имъ учителя и перваго руководителя на поэтическомъ поприщѣ. Оно принадлежитъ къ тому собранію бумагъ, относящихся къ кончинѣ И. И. Дмитріева, которое только-что издано мною въ статьѣ «Къ біографіи И. И. Дмитріева»²⁾).

1) См. ниже «Дневникъ» Тургенева, а также сохранившіяся его письма къ Жуковскому. Русск. Старина, 1893, янв., стр. 249.

2) Извѣстія Отд. русск. языка и слов. И. А. Н., 1901, кн. 4-я.

I.

А. М. Тургеневъ о В. А. Жуковскомъ.

(Дневникъ А. М. Тургенева).

Александръ Михайловичъ Тургеневъ¹⁾ (род. 26 окт. 1772 г., умеръ 18 іюня 1862), герой Бородина, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ дѣятелей первой половины прошлаго вѣка — сперва на военномъ, а потомъ на гражданскомъ поприщѣ, былъ близокъ со многими выдающимися современниками, какъ литераторами, такъ и государственными людьми (напр. Сперанскимъ, Канкринымъ, граф. Строгоповымъ), и былъ въ искренней, тѣсной дружбѣ съ В. А. Жуковскимъ, съ которымъ состоялъ въ постоянной перепискѣ и котораго горячо любилъ и высоко цѣнилъ. Нашъ поэтъ платилъ ему такую же сердечную привязанностью и искреннимъ уваженіемъ и постоянно надѣлялъ его въ письмахъ самыми нѣжными и дружески-фамильярными эпитетами. Нельзя не согласиться, что въ этихъ отношеніяхъ къ нему Жуковскаго заключается лучшая характеристика его высокихъ нравственныхъ свойствъ и благороднаго характера. Въ подтвержденіе сказаннаго достаточно привести нѣсколько строкъ В. А. къ Тургеневу по поводу своего брака: «Я еще не писалъ къ тебѣ о томъ, что было со мною, къ тебѣ, который принималъ въ судьбѣ моей такое живое братское участіе, къ тѣбѣ, котораго люблю какъ вѣрнаго друга, уважаю, какъ лучшаго и самаго

1) Эта вѣтвь рода Тургеневыхъ очень давно отделилась какъ отъ той, къ которой принадлежали братья А. И. и Н. И. Тургеневы, такъ и отъ той, изъ которой происходитъ И. С. Тургеневъ, а потому о родствѣ А. М. съ послѣдними трудно и говорить.

чистаго изъ людей, какъ это могло случиться — пойми самъ.... Одно только знай, что не проходило дня, въ который бы я о тебѣ не думалъ съ любовью, въ который бы не желалъ всѣмъ сердцемъ, чтобы ты былъ свидѣтелемъ моей семейной жизни.... До сихъ поръ я все твой по прежнему, и на всю остальную жизнь...»¹⁾

Извѣстно, что Тургеневъ, смолоду проникнутый свободолобивыми идеями, всю жизнь мечталъ объ освобожденіи крестьянъ, и судьба дала ему наклонѣ дней дожидаться этого великаго событія, которое онъ привѣтствовалъ съ восторгомъ и умиленіемъ.

Интересно и то, что А. М.; переживъ почти всѣхъ своихъ современниковъ, явился живымъ, связующимъ звеномъ между писателями стараго поколѣнія и литераторами второй половины вѣка, въ средѣ которыхъ онъ поддерживалъ лучшія преданія пережитой старины: въ его домѣ въ 50-хъ годахъ собирались и читали свои произведенія такіе корифеи нашей литературы, какъ И. С. Тургеневъ, гр. Л. Н. Толстой, И. А. Гончаровъ, Я. П. Полонскій и другіе.

А. М. Тургеневъ оставилъ интересныя записки о событіяхъ конца XVIII и начала XIX вѣка, часть которыхъ была напечатана въ Русской Старинѣ 1885—1889 г. (см. томы 47, 48—1885 г.; т. 49 и 52—1886 г.; т. 53—1887 и т. 61 и 62—1889 г.) и 1895, т. 84 и которымъ былъ предпосланъ краткій біографическій очеркъ объ авторѣ ихъ, сообщенный внукомъ его, А. С. Сомовымъ²⁾).

Въ 1837 г. Тургеневъ жилъ въ Москвѣ уже въ отставкѣ, оставивъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ службу, а именно послѣд-

1) Письмо отъ 12 окт. 1841. См. «Русск. Стар.» 1885, ноябрь, стр. 428. Переписка Жуковского съ А. М. Тургеневымъ, главнымъ образомъ письма перваго помѣщены въ «Русск. Старинѣ» 1892 г., ноябрь, стр. 361—397 (Письма Жуковского 1833—1851 гг.) и 1893, янв., стр. 249—253 (6 писемъ Тургенева и замѣтка его о смерти Жуковского).

2) У Александра Мих. Тургенева отъ брака его съ П. Х. Литке была единственная дочь Ольга, крестьянка В. А. Жуковского, вышедшая замужъ за С. Н. Сомова (нынѣ Управл. Госуд. Имущ. въ Херсон. и Бессар. губ.) и рано умершая.

нюю свою должность директора Медицинскаго Департамента, по которой безвинно терпѣлъ гоненія со стороны министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго. Жуковскій, сопровождая Наслѣдника во всѣхъ его экскурсіяхъ по московскимъ окрестностямъ, пользовался тою значительною свободою, которая ему предоставлялась, для самостоятельныхъ передвиженій, прогулокъ и для любимаго своего дорожнаго занятія — срисовыванія видовъ и эскизовъ въ свой альбомъ. Обычнымъ спутникомъ его при этомъ былъ А. М. Тургеневъ, который затѣмъ описывалъ эти прогулки и свои впечатлѣнія живыми чертами и красками по большей части въ игривомъ и шутивомъ тонѣ, сопровождая свои рассказы историческими комментаріями, воспоминаніями и анекдотами. Этотъ-то дневникъ его съ 27 іюля по 4 августа и дошелъ до насъ и здѣсь цѣликомъ печатается¹⁾.

Ему предшествуетъ маленькое обращеніе къ Жуковскому, какъ къ наставнику В. К. Наслѣдника, съ слѣдующей на немъ надписью:

«Ермолафія, собственно до тебя относящаяся».

Въ поясненіе этого заглавія скажемъ, что этимъ семинарскимъ словомъ (означающимъ «многословная болтовня, чепуха, дребедень»²⁾) Тургеневъ озаглавилъ и свои упомянутыя Записки и что сообразно съ этимъ и онъ самъ себя и Жуковскій его называлъ (и въ разговорахъ, и въ письмахъ) *«ермолафомъ»*. Вотъ это обращеніе.

«На тебя смотритъ вся Россія, вся Европа! Первая утѣшаетъ себя мыслию упованія наслаждаться благоденствіемъ, уготованнымъ трудами и попеченіемъ твоими при развитіи душевныхъ качествъ высокаго Питомца твоего. Вторая знаетъ тебя какъ знаменитаго автора. Ты не принадлежишь самъ себѣ; имя твое

1) Съ благосклоннаго разрѣшенія семьи Сомовыхъ.

2) См. Я. К. Гротъ, Филологич. Разысканія («Труды», т. II), кн. I стр. 92. У Крылова есть «Похвальная рѣчь Ермолафиду». Въ приводимыхъ далѣе словахъ Тургенева о В. А. «Ермолафией» называется онъ въ шутку и родословную, генеалогическую роспись.

будеть извѣстно въ позднѣйшемъ потомствѣ. Роль твоя à peu près роль Адашева. Въ этихъ отношеніяхъ ты ходишь, какъ говорятъ, по ножевому острю. Ты всѣмъ извѣстенъ добротою души и сердца твоего. Всѣ знаютъ, что душа твоя свѣтла какъ зеркало, съ котораго и малѣйшее дуновение мгновенно исчезаетъ. Но знай, что ты имѣешь много людей недоброжелательствующихъ тебѣ. Всѣмъ тѣмъ, которыхъ называютъ у насъ родовыми, ты не угоденъ потому, что у тебя нѣтъ трехсаженной поколѣнной ермолафій. Въ 60 лѣтъ жизни мнѣ довелось видѣть одного въ большомъ табунѣ родовыхъ, который не принадлежалъ къ роду, а прочіе всѣ носили отпечатокъ наслѣдниковъ Тараса Скотинина.

«Сколько разъ слышалъ я восклицанія насчетъ выбора твоего! Чему быть доброму? Что можемъ у него занять? Чему научиться? Стихи писать! — и вслѣдъ за сими восклицаніями панегирикъ Е. П-ой за премудрое избраніе Н. І. С.¹⁾! . . .

«Кто не помнитъ? Кто не знаетъ? Многіе видѣли своими глазами, какъ наканунѣ П. З.²⁾ раболѣпно стоялъ въ толпѣ поклонниковъ въ прихожей Н. І. С. и какъ на другое утро раболѣпно ожидалъ Н. І. С. выхода П. З. изъ кабинета своего!

«Я увѣренъ въ томъ, какъ знаю, что я Ермолавъ (*т. е. ермолафъ*), что ты скорѣе согласишься умереть, нежели сдѣлать какую-либо подлость. — Но суди-жь о людяхъ, и именно родовыхъ, которые до того и глупы и дерзки, что осмѣливаются тебя ставить въ параллель съ Н. І. С. . . .

«И потому, повторяю тебѣ, ты ходишь по ножевому острю. Помни, родовая сволочь на все способна!

.....

«Питомца твоего масса любить и обожаетъ. Родовая сволочь видитъ въ немъ направленіе, не сообразное съ ея желаніями.

1) Кн. Ник. Ив. Салтыковъ (1736—1816), ген.-фельдмаршалъ, президентъ военной коллегіи, а съ 1812 предсѣдатель Государственнаго Совѣта. Съ 1783 г. онъ руководилъ воспитаніемъ вел. князей Александра и Константина Павловичей. К. Г.

2) Кн. Платонъ Ал. Зубовъ (1767 — 1822), выдвинувшійся благодаря Салтыкову, противъ котораго потомъ интриговалъ. К. Г.

Она будетъ всячески стараться, употреблять всё ухищренія, чтобы завладѣть грунтомъ и истребить добрыя сѣмена насажденныя. Уповаю на Бога! Это ей не удастся».

Дневникъ А. М. Тургенева.

27 июля 1837 г. Москва.

Вчера условились мы какъ можно ранѣе отправиться на Воробьевы горы. Въ четвертомъ часу по полуночи 27 числа (вторникъ) я былъ уже въ Кремлевскомъ дворцѣ и комнатахъ чистой души Андреевича; сказалъ слугѣ его разбудить молодца: это правду сказать помедлилось нѣсколько. В. А. легъ поздно спать, однакоже въ 5 часовъ съ четвертью мы уже стояли на верху Воробьевыхъ горъ. Столь раннее путешествіе предпринято въ намѣреніи снять московскіе виды. Кто не знаетъ величественнаго, прелестнаго вида съ Воробьевыхъ горъ на Москву, того можно назвать жалкимъ человѣкомъ въ мірѣ. Но мы были много опечалены. Густое, непроницаемое облако коричнеаго изъ-свѣтла цвѣту покрывало Москву Бѣлокаменную — какъ пеленою. Что дѣлать — утро пропало! Ожидая, что облако это восходящее солнце разложитъ, мы послали въ селеніе на Горахъ за молокомъ и чернымъ хлѣбомъ. Скоро принесли намъ кувшинъ свѣжаго, холоднаго и вкуснаго молока, два ломтя чернаго хлѣба, два стакана; мы съѣли по куску хлѣба, выпили по стакану молока. Между тѣмъ густое облако кое-гдѣ прорѣдѣло, обнаружилось нѣсколько предметовъ; чистая душа усѣлся въ тѣни столѣтняго вяза и началъ снимать видъ, а я, не умѣя рисовать, любовался прекрасными видами, смотрѣлъ на Москву погруженный въ задумчивость съ какимъ-то неизъяснимымъ душевнымъ удовольствіемъ и вспомнилъ о прошедшемъ, вспомнилъ о своей молодости, о бывшихъ

со мною на Воробьевыхъ горахъ случаяхъ и о томъ, что я былъ здѣсь въ 1800 г. Тридцать семь лѣтъ протекло съ того времени! А кажется какъ будто все вчера только было!

День былъ прежаркій, солнце начало несносно палить и было еще надобно въ 9-мъ часу В. А. быть въ Донскомъ Монастырѣ.

Въ девять часовъ Государь Наслѣдникъ обѣщалъ въ монастырь пріѣхать. Чистая душа сказалъ мнѣ: «Ну братъ Михалычъ, ѣдемъ въ Донской; надобно будетъ сюда еще пріѣхать и думаю, послѣ обѣда, подъ вечеръ снимать видъ лучше, — теперь нельзя рисовать: всѣ предметы кажутся въ туманѣ, красками это было бы превосходно». Сѣли въ карету и покатали въ Донской монастырь. Пріѣхавъ, мы нашли братію у Св. Воротъ: два іеромонаха были въ облаченіи: одинъ держалъ большое серебряное блюдо и на немъ животворящій крестъ, прочіе въ черной одеждѣ, но опрятной и у всѣхъ бороды были хорошо расчесаны и вычесаны; святіи отцы ожидали Владыку — милостиваго архипастыря, преосвященнѣйшаго митрополита московскаго Филарета.

Мы не успѣли молвить десяти словъ съ преподобными, какъ длинноногій и поджарый послушникъ, поставленный на Средней Донской подзоромъ, чтобы благовременно увѣдомить братію о шествіи и приближеніи архипастыря, бѣжалъ въ длиннополой своей свитѣ, махалъ скинутымъ съ головы чернымъ кокуемъ и кричалъ во все горло: «ѣдетъ, ѣдетъ, звони Ермошка!»

Черезъ нѣсколько минутъ увидѣли мы четырехмѣстную карету, запряженную шестью вороными конями, которые тяжело на пескѣ прыгали, разсыпался въ ухахъ трескъ бѣга, густая пыль клубилась подъ ногами коней и предшествовала святителю. Когда остановились у вихода на рундукъ, преосвященный минутъ пять не позволилъ служкѣ отворить дверцы кареты, дожидаясь, пока пыль разложится. Наконецъ изволилъ вытти, весь чинъ монашескій подвинулся на встрѣчу архипастырю, пѣли, кадили, звонили, и смиренно шли передъ нимъ. Владыка увидѣлъ В. А., благословилъ его, началъ съ нимъ говорить и мимоходомъ мнѣ также далъ благословеніе. Шелъ въ храмъ, обычно тамъ молился

и, приложась къ святымъ иконамъ, всѣхъ бывшихъ тутъ благословилъ. Потомъ пошелъ смотрѣть всѣ храмы и въ кельи братій заглянулъ. Извѣстили о приближеніи Цесаревича.

Тогда митрополитъ, облекшись въ мантию, въ рукѣ съ крестомъ животворящимъ, со всею братіей и клиромъ пошелъ Наслѣдника встрѣчать. Въ святыхъ вратахъ, къ кресту святому приложась, Царевичъ шелъ въ соборный храмъ съ митрополитомъ. По совершеніи краткаго молебствія, провозглашеніи многолѣтія Государю Императору и всей Августѣйшей фамиліи, митрополитъ повелъ Цесаревича показывать достойныя замѣчанія вещи и рассказывалъ Его Высочеству разныя историческія событія, до монастыря Донского относящіяся.

По осмотрѣ всего Государь Цесаревичъ въ сопровожденіи архипастыря изволилъ отправиться въ Даниловъ монастырь на берегу Москвы рѣки, гдѣ опочиваютъ мощи святаго князя Данила, сына св. великаго князя Александра Невскаго, гдѣ митрополитъ съ архимандритомъ и братією встрѣтилъ Государя Цесаревича такимъ же образомъ, какъ было въ монастырѣ Донскомъ. Прибытія Его Высочества въ Донской монастырь ожидали болѣе получаса сверхъ назначеннаго времени. Въ этотъ промежутокъ я замѣтилъ собирателя вѣстей — уже преклонныхъ лѣтъ, сѣдовласаго господина, котораго я непременно долженъ знать потому, что онъ по всѣмъ его приемамъ, поступи и разговору долженъ быть москвичъ; а все то, что за 40 лѣтъ въ Москвѣ случилось, кто за 40 лѣтъ въ Москвѣ жилъ и дѣйствовалъ, мнѣ извѣстно потому, что свѣдѣнія эти составляли за 40 лѣтъ мою обязанность, отъ меня требовали, чтобы я все случившееся вѣдалъ и cadaго дѣйствующаго въ обществѣ зналъ¹⁾. Но протекшія сорокъ лѣтъ насъ совершенно разнакомили. Сѣдоголовый очень увивался около придворнаго лакея, служившаго Василю Андреевичу, спрашивая, спрашивая, кто онъ таковъ. Лакей удовлетво-

1) Съ 1799 г. Тургеневъ нѣсколько лѣтъ состоялъ адъютантомъ при Московскомъ генералъ-губернаторѣ, гр. Салтыковѣ. К. Г.

рилъ его любопытство, но относительно меня, кто я, оставилъ его въ неизвѣстности. Сѣдая голова нѣсколько разъ ходилъ вокругъ меня, наводилъ лорнетъ, протиралъ себѣ глаза и все не могъ узнать, кто бы это былъ, кто такъ съ Жуковскимъ вольно-дружески въ присутствіи Его Высочества обращается.

Въ Даниловомъ монастырѣ опять увидѣлъ я сѣдую голову, которая вокругъ меня обхаживаетъ. Было чрезвычайно жарко: я не пошелъ въ церковь и сѣдая голова осталась на монастырѣ (?) и сѣлавъ около меня круга два-три, ослабилась и заговорила: «Позвольте васъ спросить, вы—родственникъ Его Превосходительства г. Жуковского?» «Нѣтъ», отвѣчалъ я. Сѣдая голова вынула изъ кармана большую серебряную круглую съ медаліономъ Екатерины II табатерку, понюхала сам-пан-тре и ослабляясь, заговорила: «Позвольте васъ спросить, вы конечно также находитесь въ свитѣ Его Императорскаго Высочества-съ?»—«Нѣтъ». Сѣдая голова вытаращила глаза, разинула большой ротъ, въ которомъ не было ни одного жильца, отступила шага на два отъ меня, понюхала сам-пан-тре и, уклоня немного туловище свое впередъ, заговорила: «Дозвольте-жъ васъ спросить, кто вы?»—«Ты видишь—человѣкъ», отвѣчалъ я. Съ послѣднимъ словомъ моего отвѣта сѣдая голова затряслась, начала моргать глазами, повернулась и пошла отъ меня скорыми шагами, что-то бормотавъ, чего я не разслушалъ.

Когда я сѣлъ съ В. А. въ карету, сѣдая голова торчала противъ дверца каретнаго; надобно было видѣть ужасную рожу, какую голова сѣдая сочинила, услышавъ отвѣтъ мой придворному лакею на вопросъ, куда прикажете?—въ Александрійскій дворецъ! Не могу утверждать, а припоминая лицо сѣдой головы, котораго быть можетъ я не встрѣчалъ лѣтъ 30 или болѣе, это былъ единый изъ князей Б — хъ, рязанскихъ помѣщиковъ, извѣстныхъ записныхъ и подрѣзныхъ карточныхъ игроковъ, существовавшихъ въ Москвѣ въ 1798—1799 и 1800 годахъ,—ихъ было два брата, совѣсть у обоихъ была подъ каблучкомъ. Они были великіе профессеры изящнаго и благороднаго

искусства лѣпить и передергивать и если который изъ нихъ еще (существуетъ), то конечно, широкое мое лицо и короткое мое туловище въ бѣломъ кирасирскомъ мундирѣ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю ему во снѣ представляется. Игроки помянутаго времени во сто лѣтъ А. Т. не забудутъ. Они меня и я ихъ (т. е. игроковъ) весьма нежаловали!

Государь Наслѣдникъ изволилъ изъ Даниловскаго монастыря поѣхать осматривать Голицынскую больницу, а оттуда Его Высочество изволилъ отправиться въ манежъ Александринскаго дворца, гдѣ Его Высочеству было благоугодно выбрать и испытать себѣ коня на манѣвры. Времени было много. Чистая душа Андреевичъ усѣлся въ саду въ тѣни и началъ чертить карандашемъ виды. Къ счастью явился къ нему главный садовникъ дворцовыхъ оранжерей и садовъ, *deutscher Mann und zwar aus Bamberg gebürtig*. Щедрый нѣмчинъ въ мигъ представилъ русскій самоварецъ и пошло пированье! — чай со сливками, бѣлымъ хлѣбомъ, сухарями былъ намъ очень по душѣ, — и мнѣ и Андреевичу и ѣсть и пить не шутя хотѣлось.

Мы благодарили нѣмца и нѣмецъ насъ за сдѣланную ему честь и извинялся нѣсколько разъ, что его Мари Ивановна «не тогадалса прислалъ малинка шашка». Я увѣрялъ гостепріимнаго нѣмца, что малинка шашка намъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, труда не сдѣлаетъ и съ своей стороны доказалъ ему это на дѣлѣ: я выпилъ 8 чашекъ чаю. Приѣхалъ Наслѣдникъ во дворецъ. В. А. поднялся съ мѣста, остановилъ свое рисованье, пошелъ съ великимъ княземъ и, скоро возвратясь, сказалъ мнѣ: «Ну Михалычъ, мы можемъ пробыть здѣсь до 3-хъ часовъ». — Потомъ пошли мы къ домику, въ которомъ графъ Фѣдоръ Григорьевичъ Орловъ, бывшій владѣлецъ дома и сада, нынѣшняго александринскаго дворца, утопая въ богатствѣ, нѣжилъ чувства свои и находилъ земное блаженство въ сладострастіи. Орловы, сколько ихъ ни было, жили просто физически, скотоподобно. Чувственныя наслажденія, удовлетвореніе требованій—были единственнымъ для нихъ блаженствомъ. Кто изъ нихъ оставилъ что на память себѣ? Ничего!

Въ жизнь ихъ утѣхою имъ были—кулачный бой, медвѣжья травля, рысаки, фабричныя, цыгане, дураки! Извѣстно, когда послѣдній часъ въ жизни гр. Алексѣя Григорьевича Орлова Чесменскаго наступилъ, графъ потребовалъ стаю цыганъ и духъ оставилъ тѣло графское съ напутствіемъ въ жизнь вѣчную, сопровождаемый пѣснью ихъ: «На что-жь было городъ городить, во сыромъ бору по ягоды ходить!» которую цыгане орали во все горло вокругъ смертнаго одра его сіятельства.—Услужливый gefälliger вѣмчинъ-садовникъ принесъ тарелку черныхъ превкусныхъ вишенъ. Какъ онѣ были кстати, какъ я ихъ ѣлъ! Признаюсь пографски,—да я, сказать правду, болѣе 20 лѣтъ такихъ крупныхъ, вкусныхъ вишенъ, какія далъ нашъ бамбергскій уроженецъ, не ѣлъ! Не много изъ нихъ досталось чистой душѣ Андреевичу. Ему и некогда было—онъ рисовалъ. Вишни почти всѣ за мной остались.

Въ три часа кончилъ Андреевичъ свое рисованіе, и мы отправились въ городъ. На другой день, т. е. 28-го числа (среда) назначили ѣхать въ Коломенское, Симоновъ Монастырь, въ Новоспасскій, куда Его Высочество изволилъ ѣхать осмотрѣть мѣстоположеніе и древности, какія гдѣ еще остались.

28 Юля. Среда. Москва.

Въ 4 часа по полуночи 28-го числа разбудилъ я камердинера Андреевича, который сказалъ мнѣ: «дайте уснуть В. А., Его Превосходительство изволилъ поздно лечь почивать». На 28-ое во всю ночь лилъ сильный дождь, все въ природѣ освѣжилось, отдохнуло отъ жаровъ, простоявшихъ непрерывно 10 дней и доходившихъ до 27—28 градусовъ въ тѣни; на солнцѣ, сказывали мнѣ, было 35 и до 37. Это по нашему, по-астрахански. Жажда меня не томила въ жаръ; я не знаю что такое томиться отъ жажды, какъ то видно надъ другими, однако-же замѣтилъ, что я поутру и вечеру пилъ чаю почти вдвое обыкновенной моей мѣры. Все небо было еще покрыто облаками, вѣтеръ дулъ сильно

съ юга, казалось—безъ дожда не обойдется, и я думалъ, что путешествіе наше будетъ отложено.

Въ 5 часовъ слуга разбудилъ Андреевича, карета была уже готова, чистая душа скоро прихотился, одѣлся, и мы отправились черезъ коломенскую заставу. Ъхали менѣ часа.

Я увидалъ село Коломенское ровно черезъ 37 лѣтъ, а Васи́лій Андреевичъ видѣлъ это прелестное, очаровательное мѣсто, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни. Къ несчастью исторіи, поэзіи, любителей древности, къ сокрушенію народа русскаго, которому ничего не оставляютъ старины его, какъ-будто бы хотятъ, чтобы народъ русскій не зналъ ничего о себѣ самомъ, навсегда забылъ свою древность, славное знаменитое свое происхожденіе! наконецъ скажу, къ стыду правленія, — ахъ! горестно мнѣ вымолвить, но что дѣлать, правду сказать должно: это случилось въ царствованіе великаго, незабвеннаго, благословеннаго Александра I, государя неусыпно стремившагося народы, вѣренныя Богомъ его управленію, просвѣтить, прославить, возвысить, облагородить. Вандалъ невѣжда, подлый пройдоха, пролазь, шатавшійся по всѣмъ переднимъ у всѣхъ временщиковъ, Петръ Степановичъ Валуевъ — кто его не зналъ! — вскорѣ по воцареніи Александра I, былъ назначенъ начальникомъ Грановитой и Оружейной палаты и всѣхъ дворцовъ царскихъ въ Москвѣ и внѣ города. Что-жъ варваръ надѣлалъ? сломалъ дворецъ Коломенскій! колыбель рода царскаго Романовыхъ! памятникъ священной древности для ученаго, памятникъ изящнаго зодчества, украшенія, убранства, прямо русскаго! что ваши рококо и всѣ рококо—никуда не годятся и дрянъ въ сравненіи съ стариною нашею! И все это Валуевъ учинилъ, чтобы набить себѣ карманъ! Я помню какъ онъ въ Кремлѣ продавалъ съ молотка разныя утвари царскія, одежды, мебели; при мнѣ купилъ путешественникъ англичанинъ желѣзныя кресла царя Алексѣя Михайловича съ его вензелемъ и, какъ тогда говорили, что царь сидѣлъ на этихъ креслахъ въ соборѣ въ день вѣнчанія его на царство, — за 800 рублей и какихъ же? бумажныхъ! и ни

одного не сыскалось вельможи-богача русскаго перекупить кресла царскія, оставить ихъ потомству! Валуевъ былъ наглый корыстолюбецъ; для него ничего не было священнаго. На первой башнѣ съ правой стороны, когда идешь изъ Кремля въ Спасскія ворота, висѣлъ вѣчевой колоколъ Великаго Новгорода, взятый у новгородцевъ и привезенный въ Москву по велѣнію Грознаго царя Ивана Васильевича, послѣ конечнаго разоренія Новгорода и уничтоженія правъ и свободы новгородцевъ, когда гражданъ новгородскихъ въ присутствіи Грознаго царя опричники его убивали долбнями, какъ бьютъ передъ Рождествомъ свиней, и бросали съ моста въ Волховъ. Хитрые раскольники, желая имѣть у себя вѣчевой колоколъ, разгласили, что въ вѣчевомъ колоколѣ было болѣе серебра по вѣсу его, нежели мѣди. Молва эта была пущена для того, что бы склонить скорѣе Валуева на удовлетвореніе желанія ихъ.

Г. Валуевъ подъ предлогомъ тѣмъ, что сокровища царскихъ дворцовъ, Оружейная палата и прочее ввѣрены ему, разсудилъ за благо и вѣчевой колоколъ включить въ мягкую царскую рухлядь и успѣлъ уже стащить колоколъ съ башни на землю. Незабвенный и благороднѣйшихъ правилъ человекъ, бывшій въ то время комендантомъ ген.-маіоръ Иванъ Христьяновичъ ¹⁾ Гессе прискакалъ въ большомъ смущеніи и огорченіи къ фельдмаршалу Ивану Петровичу Салтыкову, бывшему тогда въ Москвѣ военнымъ губернаторомъ съ рапортомъ.

«Ваше сіятельство, я, московскій комендантъ, честь имѣю доложить вашему сіятельству, что г. тайный совѣтникъ Валуевъ съ башни новгородскій колокольчикъ укралъ. Я заарестовалъ колокольчикъ и поставилъ двухъ часовыхъ, чтобы тайный совѣтникъ Валуевъ ночью не увезли колокольчикъ.» О происшествіи этомъ было донесено Государю Императору; высочайшее повелѣніе послѣдовало — вѣчевой колоколъ оставить неприкосновеннымъ на прежнемъ мѣстѣ. Кстати о Иванѣ Христьяновичѣ Гессе: Гессе былъ вызванъ изъ Дрездена въ Гатчино къ великому князю

1) Тургеневъ пишетъ: *Христьяновичъ*.

Павлу Петровичу въ качествѣ садовника и садоводство очень хорошо зналъ. Неизвѣстно, по собственному ли своему расположенію, или понравившись великому князю, — по предложенію его высочества, вступилъ въ Гатчинѣ въ военную російскую службу, въ баталіоны тогда у великаго князя въ Гатчинѣ бывшіе и составлявшіе особенное во всемъ отъ армейскихъ полковъ войско, одѣтое въ мундиры по прусскому покрою. Гессе прибылъ въ Москву при восшествіи Императора Павла на царство въ чинѣ майора съ назначеніемъ плацъ-майоромъ въ Москвѣ; получилъ слѣдующіе чины до генераль-майора и былъ не только въ кругу высшаго сословія любимъ и уважаемъ, но и всѣмъ вообще народомъ; послѣ нашествія непріятеля въ 1812 году, по изгнаніи французовъ Иванъ Христьяновичъ, возвратясь въ Москву по прежнему въ званіи коменданта, вскорѣ умеръ¹⁾.

1) Еще о Иванѣ Христьяновичѣ: прискорбно прямо русскому человѣку и видать и вспоминать о томъ, что нѣмцы—чуждые для насъ, водворившись въ Россіи, болѣе насъ, природныхъ россиянь, уважаютъ, чтятъ и сохраняютъ старину русскую.—При воцареніи Павла I умножилось карауловъ конечно въ 5 разъ болѣе, сколько ихъ существовало; шахматные будки часовыхъ на всѣхъ углахъ въ Кремлѣ торчали. Кого боялись—кого стерегли,—про то знаетъ блаженной памяти императоръ Павелъ II—4000 солдатъ выходило каждый день въ караулъ! Москва, казалось, была въ осаду. Въ главный караулъ, т. е. гауптвахту ходила цѣлая рота. Солдатъ русскій, хотя всегда довольствуется себя пищею Св. Антонія, но слѣдствія пищи болѣе нежели воздержной—однѣ и тѣже, какія бывають и у тѣхъ, которые ѣдятъ самыя лакомыя кушанья. Кому придетъ на мысль, чтобы потомокъ, хотя дальнѣйшій и позднѣйшій, перваго основателя Москвы, князь Долгорукій (Юрій Владиміровичъ), бывший въ Москвѣ военнымъ губернаторомъ, назначилъ устроить необходимое мѣсто для солдатъ главнаго караула — да гдѣ же? въ Патріаршемъ Домѣ, подлѣ храма Господня во имя двенадцати апостолъ!!! Повѣрятъ ли? Кто требовалъ и настоялъ на томъ, чтобы сказанное мѣсто было уничтожено? Иванъ Христьяновичъ Гессе!!!! Ничтожный князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій не постыдился рассказывать, какъ ему Гессе рапортовалъ о непрстойномъ назначеніи необходимаго мѣста, и именно: «В. Сіятельство, честь имѣй рапортовать главна гауптвахтъ на караулъ солдата на двѣнадцать апостолъ с. ..., негодно Ваше Сіятельство такой мѣсто—патріаршій домъ». Всѣ хохотали. Чему? что иностранецъ не умѣетъ по-русски объясниться! но не стыдился того, что иностранецъ первый указалъ князю русскому о непростительномъ неуваженіи св. храма, неблагопристойности, однимъ словомъ. О, невѣжество, свинство, какого едва ли увидишь у дикарей! Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, увы! къ стыду Россіи, жилъ болѣе ста лѣтъ и прожилъ вѣкъ свой, слывя всегда м. мъ; но былъ генераль-аншефъ и кавалеръ всѣхъ орденовъ Россійскихъ!!!!

Любезный другъ, чистая душа Андреевичъ, и я съ нимъ помянули вандала Валуева по-свойски. Если при поминовеніи — усопшіе также вчуть, какъ говорятъ, когда кто начнетъ вкать — что его поминаетъ кто-либо, то Петръ Степановичъ Валуевъ навѣрное отъ поминовенія нашего замучился икотою въ аду, гдѣ онъ — безъ всякаго сомнѣнія — находится и служить у князя тьмы перемовіймейстеромъ.

Василій Андреевичъ въ Коломенскомъ снималъ виды съ двухъ мѣстъ, былъ доволенъ своею работою и прохладною погодою. По милости его и мое короткое туловище узреть позднѣйшее потомство! Онъ заставлялъ меня становиться два или три раза въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи, чтобы и мой прекрасный станъ помѣстить въ рисунокъ.

Въ Коломенскомъ мнѣ было хорошо — *fideles Leben!* Услужливый нѣмчинъ садовникъ явился съ самоваромъ и *heute, aber in allem acurat und richtig* чайныя чашки, какъ миски суповыя, сливочное свѣжее масло, превкусный бѣлый хлѣбъ, густыя сливки! — *fideles Leben!* и это какво? мы пили чай, мы ѣли *Butterbrod*, роскошествовали, прохлажались подъ дубомъ, въ тѣни котораго великій Петръ съ дѣтьми боярскими въ лапту игралъ!

За полдень, въ часъ съ четвертью, а много въ половинѣ двухъ, мы поднялись и поѣхали въ Симоновъ монастырь, въ которомъ былъ еще слышенъ звонъ во всѣ колокола въ честь отъѣзжавшаго изъ обители Государя Наслѣдника.

Минуть черезъ двадцать слуга отворилъ дверцу, мы стояли уже у вратъ обители. Вышли. Андреевичъ спросилъ: «куда же пойдемъ, Михалычъ, все заперто». «Пойдемъ къ отцу архимандриту», я отвѣчалъ. Вошли, гостей не ожидали. Отецъ Мельхиседекъ, архимандритъ, въ подрясникѣ люстрина голубого, застегнутомъ однимъ въ верху крючкомъ, низъ на распахку, такъ что порты было можно зрѣть смиренаго монаха. Среди палаты стоялъ столъ, на немъ десятокъ блюдъ, на нихъ въ росолѣ стерляди, бѣлужина и осетрина, донской балыкъ, уральская икра.

Среди стола, на превеликомъ блюдѣ высокая какъ пуховикъ господствовала кулебяка. Въ углу сидѣла дамина лѣтъ тридцати—небогѣе, не такъ чтобы красива, не такъ чтобы и дурна. По комнатѣ, какъ тѣнь, фигурой гнусный по указу, съ Владимірскимъ за 35 годовъ, шагаль увялый кавалеръ. Еще какой-то фифкусъ лѣтъ молодыхъ и вѣроятно строкулисть съ крестомъ *стой-слава*, виталь вокругъ архимандрита, юлилъ предъ даминой и табакерку подносилъ страдавшему удущемъ господину. — Отець архимандритъ zelo былъ пьянъ! подумалъ я: когда успѣлъ отецъ насуслиться до сыта? у Спаса Новаго еще гудѣли колокола, едва-ли было полчаса — Его Высочество присутствовать изволилъ здѣсь и архипастыръ также былъ съ Царевичемъ у Мельхиседека! Лишь возрился въ Андреевича преподобный, въ другую комнату спѣшилъ главу всунуть въ клубокъ и рясу черную накинуть; явился въ мигъ обратно и громко возгласилъ: «шампанскаго сюда!» Андреевича благословлялъ, лобзалъ его плеча, въ знакомые изъ давнихъ лѣтъ втирался и часто повторялъ: «Андрей Васильевичъ, припомни, какъ меня ты отстоялъ». Я видѣлъ, мой Андреевичъ, что пьяный архимандритъ вралъ, ни слова въ томъ не понималъ! Хвалами до небесъ превозносилъ онъ обличиху. Вино намъ подали: его во славу Божью Мельхиседекъ въ себя послалъ необинуясь. Мнѣ кубокъ подали. «Отець, сказалъ я пьяному монаху, вина не пью». Архимандритъ кивнулъ мнѣ бородой и кубокъ опорожнилъ. Потомъ завелъ рассказъ о строящейся колокольнѣ: 43 сажени будетъ въ вышину. Синодъ святѣйшій поднесъ Царю докладъ и строить мнѣ разрѣшено — кому какое дѣло! Блаженной памяти купецъ Игнатъевъ, мой другъ, 500 мнѣ тысячъ рублей далъ и завѣщаніе самъ написалъ высокую построить колокольню.

Купецъ Игнатъевъ былъ извѣстная шельма, ограбилъ родственникововъ своихъ сиротъ Колосовыхъ, и богатѣйшаго отца дѣтей пустилъ по міру, — а чего изъ награбленнаго не прожилъ, передалъ другу своему архимандриту на построение колокольни въ 43 сажени! Все это и всѣмъ извѣстно. Сироты по совершенно-

лѣтѣи своемъ просили, обнаружили, доказали неоспоримо, что завѣщанный капиталъ 500 тысячъ рублей и усвоенныя Симонову монастырю, кажется, 70 лавокъ — есть ихъ достояніе, похищенное у нихъ во время малолѣтства и сиротства родственникомъ и опекуномъ ихъ Игнатъевымъ. Дѣло было обсуждено у юристъ-консультовъ, въ сенатѣ, въ святѣйшемъ синодѣ и конечно безъ сомнѣнія — въ рестораціи, гдѣ деньги и вино юристъ-консультовъ съ синодомъ согласили! Все отдали по завѣщанію разбойника монастырю, а Колосовыхъ по міру съ сумой пустили!!!

Часъ битый пьяница насъ задержалъ. Въ Симоновѣ мы ничего не видали, да сказать правду, не знаю, что есть любопытнаго видѣть? Если что и было древняго въ обители, рука времени и не менѣе того бывшіе настоятели монастыря не менѣе вандала Петра Степановича Валуева все изгладили, изглодали, какъ черви могильные, которые, уничтоживъ гробницу и тѣло, сами исчезаютъ.

Вырвавшись отъ высокопреподобнаго отца архимандрита, Андреевичъ пріютился съ карандашемъ и картономъ на буграхъ подъ соснами, близъ пороховыхъ погребовъ. Я растянулся во всю мою длину также на бугрѣ подъ сосною. Мнѣ пришло на память, что вѣка 4, а можетъ быть и 5 тому вѣковъ, Симоновъ праотцы мои татары держали долгое время въ осадѣ, что было чудо: осажденные иноки весь запасъ съѣстной употребили, отцамъ святымъ нечего было ѣсть; по благодати Божіей каждое утро въ обитель падали съ неба рыбы, которыми братія и народъ, укрывшійся отъ непріятели въ монастырѣ, питались до освобожденія своего. Событіе это было изображено на ставняхъ паперти соборнаго храма, — не знаю, существуетъ ли оно нынѣ. Мысль о томъ, что я, потомокъ ченгисъ-хана или по крайней мѣрѣ Батыя, Тургень-Золотая орда, — лежу, катаюсь на бугрѣ, можетъ быть скрывающемъ котораго-нибудь изъ величайшихъ варваровъ, почтенныхъ моихъ предковъ, передалъ я Андреевичу. Онъ согласился съ мнѣніемъ моимъ и сказалъ: «можетъ быть». — Я, скудная вѣточка, но все того же корня, который питалъ и

державу, дубъ, скрывавшій вершину свою въ облакахъ! я лежу роскошно и валяюсь на прахъ ужаснаго злодѣя, предка моего, и подлѣ кого-же, въ чьихъ глазахъ это великое событіе совершается? Слава русской поэзіи, другъ мой Жуковскій сидитъ съ карандашемъ подъ сосною и чертитъ каракули въ десяти шагахъ отъ меня!!! Wunder, wunder—grosser Gott! Неужели достопамятная среда... въ жизни моей 28 іюля, день, въ который было столь много воспоминаній о великомъ, о старинѣ нашей, — день, въ который мы видѣли село Коломенское, отыскивали подъ угломъ церкви надгробный камень Осляби и Пересвѣта, были, сидѣли и рисовали у Лизина пруда и были въ гостяхъ у пьянаго архимандрита! неужели объ этомъ не узнаетъ потомство?

Совсѣмъ было забылъ: У Лизина пруда Андреевичъ, сидѣвши подъ березой, снималъ видъ съ церкви стараго Симонова, въ которой подъ угломъ заложены два камня предлинные и пребольшіе, покрывающіе прахъ двухъ богатырей, посланныхъ князю Дмитрію Донскому святымъ архимандритомъ Сергіемъ, нынѣ чудотворцемъ Радонежскимъ на битву съ Мамаемъ на полѣ Куликово.

Отъ Лизина пруда поѣхали мы въ Новоспасскій монастырь. Здѣсь подъ церковью осматривали гробницы предковъ царскаго рода Романова. Тутъ же погребены князья Сицкіе и царевичи и царевны сибирскіе, да митрополитъ Сарскій и Подонскій.

Въ древнія времена между Новоспасскимъ монастыремъ и Крутицами и недоѣзжая Новоспасскаго монастыря отъ Москвы протекали два ручья: одинъ назывался Сара, другой — Подонъ. По названіямъ этихъ ручьевъ именовался архіерей Сарскимъ и Подонскимъ, проживалъ на Крутицахъ. Не знаю, существовала ли Сарская и Подонская епархія и какой былъ удѣлъ ея. Но это извѣстно: Сарскій и Подонскій архіерей впоследствии именовался Крутицкимъ и была составлена Крутицкая епархія, которой удѣломъ были города Коломна и Кашира. Епархія Крутицкая долго существовала и, если не ошибаюсь, — до времени на-

значенія въ Москву въ архіепископы знаменитаго нашего Платона. Нынѣ здравствующій еще архіепископъ, послѣднѣ бывшій Ярославскимъ и Ростовскимъ, Авраамій, проживающій на покоѣ въ Толнскомъ монастырѣ, въ 7 верстахъ отъ Ярославля на луговой сторонѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ былъ рукоположенъ въ дьяконы Крутицкимъ архіереемъ, и именно въ храмѣ на Крутицахъ. Преосвященный Авраамій былъ 25 лѣтъ призримъ въ сиропитательномъ домѣ протоіереемъ, потомъ принялъ монашескій чинъ, былъ долгое время архимандритомъ въ Андроніевѣ монастырѣ въ Москвѣ въ 1822 году:—я свегъ съ преосвященнымъ знакомство въ Астрахани,—тогда владыка прибылъ туда на епархію, на мѣсто архіепископа Іоны, воззваннаго въ Экзархи Грузіи, Карталиніи и Кахетіи.

Съ преосвященнымъ Аврааміемъ въ Астрахани мы пріятельски жили: архипастыръ благочестивый, умный, трезвый и, дозволю себѣ сказать, много и лучше ученый многихъ нынѣ новочуныхъ! Въ 1822 году въ іюлѣ я оставилъ Астрахань, освободившись отъ несносной для меня таможенной службы! Ровно 10 лѣтъ — *malgré moi* — я былъ мытаремъ подъ начальствомъ биреч-мытаря (*sic*), т. е. министра финансовъ. Тогда былъ м. ф. претолстый челоуѣкъ, Д. А. Гурьевъ. Въ Астрахани пробылъ я 5 годовъ, благодарю Бога, очень счастливо, былъ любимъ и уважаемъ цѣлымъ астраханскимъ обществомъ. Ко мнѣ ходили на судъ и разборъ мой добровольно торговаго сословія люди, нѣвшіе между собой пререканія — въ сотняхъ тысячахъ рублей, съ тѣмъ, какъ я разберу и обсужу, — такъ тому и быть безъ поворота. Не гордись, смѣю сказать, — гордымъ Богъ противится, — ни одинъ министръ юстиціи и прочихъ названій, конечно, не нѣлъ такого довѣрія въ обществѣ, какимъ я былъ осчастливленъ въ Астрахани! Всегда воспоминаю Астрахань съ неизъяснимымъ удовольствіемъ.

Съ почтеннѣйшимъ старцемъ Аврааміемъ (ему, сказалъ онъ мнѣ, 87-ой годъ или уже 87) видѣлся я сего 1837-го года въ іюлѣ мѣсяцѣ, ровно черезъ 15 лѣтъ послѣ послѣдняго моего

свиданія съ нимъ въ Астрахани. Разстались мы на берегу Волги и свидѣлись на берегу той-же рѣки. Велить-ли Богъ намъ, сказали мы другъ другу прощальсь, въ этомъ мірѣ еще увидѣться!

Подъ сводами храма, гдѣ покоится прахъ предковъ царскаго рода Романовыхъ, монахи, вѣроятно по приказанію мудраго, тонкаго и знающаго дворъ и свѣтъ митрополита Филарета, повѣсили лампы и засвѣтили ихъ елеемъ. Безъ приказанія архипастыря, святѣи отцы не догадались бы это сдѣлать. Прости Господь мнѣ согрѣшеніе, но отцы наши черноризцы большей частью бываютъ весьма свиноваты, грубы и наглы.

Когда мы были въ Новоспасскомъ монастырѣ,—это было послѣобѣденное время, половина 4-го часа пополудни. Но при насъ привезли погребать тѣло г-жи Глѣбовой, урожденной Новосильцовой.

Она была дочь Петра Александр. Новосильцова, извѣстнаго въ свое время чудака въ Москвѣ. Онъ былъ великій искусникъ верховой ѣзды, страстный лошадиный охотникъ: каждый день утромъ ѣздилъ на конѣ съ трубкой въ зубахъ; табакъ курилъ, можно сказать, безпрестанно. За нимъ и передъ нимъ всегда ѣзжало по нѣскольку слугъ, предъѣхавшимъ ему дѣлалъ онъ наставленіе въ верховой ѣздѣ и объѣздкѣ лошадей; слѣдовавшіе за нимъ имѣли каждый свое назначеніе. Одинъ везъ боярину питье, другой курительный табакъ, чубуки и трубки, зрительную трубку, съ шинелью или плащемъ, одинъ вель лошадей заводныхъ боярскаго сѣдла, и наконецъ ѣздовой вель выючнаго коня, покрытаго красивою попоною, которая скрывала отъ зрителей судно боярина. Въ Вѣнѣ видѣлъ я герцога Альберта, прогуливающагося на конѣ съ такимъ же кортежемъ.

Я былъ знакомъ съ покойнымъ Новосильцовымъ. Знакомство завязалось у насъ въ манежѣ фельдмаршала Салтыкова. Я умѣлъ тогда хорошо управлять конемъ. Петръ Александровичъ полюбилъ меня. Я довольно часто ѣзжалъ къ нему обѣдать. Новосильцовъ ѣлъ и пилъ славно. Опрятность служителей, чистота комнатъ, придуманныя симетрія и украшенія въ домѣ заста-

вляли восхищаться; но супруга его, дѣти, даже гости, не упоминая уже о служителяхъ, что называется — ходи по стрункѣ! Покойный обыкновенно садился за обѣдъ въ 2 часа по полудни. Сѣвши на кресла, онъ начиналъ съ хоромъ пѣвчихъ, который составляли служители, молиться Отче нашъ, потомъ по данному отъ хозяина знаку, всѣ за столомъ сидѣвшіе снимали съ тарелокъ салфетки и развертывали ихъ. Въ углу залы сидѣли музыканты, которые всѣ были уроды или увѣчные, какъ-то: хромые, горбатые, кривые, криворотые, косоглазые и т. п. Послѣ горячаго, по произволу и сигналу хозяина, начинали чающіе движенія воды симфонію въ своемъ углу, или стоявшіе за стульями слуги начинали пѣсню и хозяинъ съ ними вмѣстѣ. Новосильцовъ пѣлъ 2-ой басъ и умѣлъ прекрасно пѣть. По окончаніи стола, не вставая со стула, отправлялъ съ хоромъ пѣвчихъ благодарственную молитву. Говорили про него, что онъ былъ тиранъ съ подданными своими.

Слѣдующее событіе заставило меня отстать отъ Петра Александровича. Обѣдая у него видѣлъ я какого-то среднихъ лѣтъ господина, котораго онъ называлъ сосѣдомъ, и дѣйствительно гость былъ по деревнямъ ему сосѣдъ, большой пріятель. Новосильцовъ обращался съ гостемъ искренно, дружески. Послѣ стола, послѣ кофе предложилъ хозяинъ гостю не помню что-то пропѣть вмѣстѣ. Вѣроятно гость также былъ любитель музыки. Началось пѣніе, все шло хорошо, да гость не въ тонъ взялъ ниже, — какъ нашъ хозяинъ могучимъ кулакомъ хлопъ гостя по виску! Какъ снопъ другъ съ ногъ долой: лежитъ безъ чувствъ вдоль протянувшись. Вотъ гостю прыскаютъ водой въ лицо и спиртомъ оттираютъ, за лѣкаремъ шлютъ, за попомъ! Насилу черезъ часъ сосѣдушка очнулся. Признаюсь, я какъ только могъ скорѣе отъ Новосильцова убрался.

Какую отвратительную, гадкую сцену видѣли мы въ святыхъ вратахъ Новоспасскаго монастыря! Когда принесенное тѣло Глѣбовой, по прочтеніи послѣдней литіи, опустили въ могилу и весь обрядъ погребенія былъ оконченъ, толпа нищихъ мужчинъ

и женщины, покрытые лохмотьями, съ разбитыми лицами, пьяные, въ развращеннѣйшемъ видѣ, кинулась къ Святымъ вратамъ, гдѣ имъ подавали денежную милостыню. Шумъ, гамъ, ругательства, драка этихъ развращенныхъ до того омерзительны и несносны, что я впалъ въ большое прегрѣшеніе, подумавъ: неужели эти мерзавцы достойны называться человѣками! Проѣзжая отъ Симонова въ Новоспасскій монастырь, дорога ведетъ мимо бывшаго Крутицкаго монастыря, который въ царствованіе Екатерины II-ой упраздненъ, и бывший главнокомандующимъ въ Москвѣ ген.-анш. князь Александръ Александровичъ Прозоровскій испросилъ дозволеніе обратить зданія монастырскія въ казармы и конюшни для сформированныхъ Городскихъ гусаръ, начальникомъ которыхъ былъ любимецъ князя Прозоровскаго, полковникъ, грузинскій князь Филиппъ Семеновичъ Жеваховъ. Князь Прозоровскій и князь Жеваховъ были плохіе археологи, не любили древностей и все что только было въ монастырѣ древняго зодчества, все разрушили! Остались однѣ ворота или галерея надъ воротами, складенная изъ изразцовъ. Храмъ обращенъ въ амуничники, въ амбары для овса! *Ce n'est pas mieux se que faisaient les français pendant leur séjour à Moscou!*

Чтобы вамъ дать ясное понятіе о князьяхъ Прозоровскомъ и Жеваховѣ, читайте со вниманіемъ: кому не извѣстны гоненія на Н. И. Новикова. Князь Прозоровскій угождалъ Катеринѣ Романовнѣ Дашковой, злобствовавшей на Новикова за то, что онъ въ типографіи своей напечаталъ въ 6 недѣль словарь Чулкова о внутренней въ Россіи торговлѣ, гдѣ, чѣмъ и въ которое время существуютъ ярмарки, бываютъ съѣзжіе торги, дневные, недѣльные и т. д. (книга и нынѣ еще преполезная, а тогда единственная), которую Чулковъ поднесъ Императрицѣ. Государыня милостивѣйше удостоила принять посвященіе Ей книги, тотчасъ наградила трудъ сочинителя собственно изъ своихъ рукъ золотую большою табакеркою, наполненною червонцами и повелѣла Президенту Россійской Академіи Наукъ немедленно напечатать книгу на счетъ казны въ пользу сочинителя. Чулковъ былъ въ это

время придворнымъ актеромъ. За что княгиня К. Р. Дашкова не благоволила къ Чулкову, мнѣ неизвѣстно, но три года книга его валялась въ Академіи и напечатать ее не было соизволенія Романовны. Одни говорили: она злобствовала за то, что Чулковъ сочиненіе свое осмѣлился помимо ея представить Государынѣ. La scorpione scandaleuse en parle autrement, что Чулковъ не пошелъ къ Романовнѣ ее утѣшить. Я зналъ Чулкова, когда онъ уже былъ оберъ-секретаремъ сената въ московскихъ департаментахъ.... Вы спросите — да Новиковъ какъ замѣшался? Чулковъ, видѣвъ сочиненіе свое обреченное Романовною валяться въ прахѣ на полу, быть съѣденнымъ крысами, взялъ отъ театра отпускъ, пріѣхалъ въ Москву: Новиковъ напечаталъ ему сочиненіе его; Чулковъ схватилъ 5-6 экземпляровъ, поскакалъ въ Петербургъ и поднесъ напечатанное сочиненіе Императрицѣ. Государыня, принявъ книгу, изволила сказать: «ну насилу-то Катерина Романовна поворотилась, — я три года ждала твоего сочиненія». Чулковъ упалъ на колѣни: Виновать, всемилостивѣйшая Государыня, я напечаталъ книгу на свой счетъ въ вольной типографіи. — Гдѣ? спросила Екатерина. — Въ Москвѣ, въ типографіи Новикова. — Въ какое время? — Въ 6 недѣль, Ваше Величество, я для этого отпускъ испросилъ. — Спасибо тебѣ, Чулковъ, — ты меня утѣшилъ, изволила сказать Государыня. Еще пожаловала ему награжденіе и, отпуская Чулкова, милостиво сказала ему: «Чулковъ, ты годишься и на лучшее дѣло, нежели быть скоморохомъ. Ты бы вступилъ въ службу гражданскую. Чулковъ, ободренный милостивымъ ласковымъ словомъ Государыни, не замедлилъ разстаться съ театромъ и изъ гистріона превратился въ преполезнаго и почтеннаго оберъ-секретаря сената.

Когда Шишковскій, Степанъ Ивановичъ, главный начальникъ тайной канцеляріи, прибылъ въ Москву произвестъ слѣдствіе въ ложѣ масонской и разыскать мартинистовъ, — это было, если не ошибаюсь, въ 1790—1791 или 1792 году, не помню твердо года, — онъ пересѣкъ многихъ, какъ-то дураковъ князей Никитичей Трубецкихъ, Татищева Петра Алексѣевича, Ив. Влади-

мировича Лопухина, кажется и Ив. Петровичу Тургеневу досталось, и многих еще, всѣхъ не припомнишь. Шишковскій этою продѣлкою, т. е. сѣченіемъ недѣль шесть занимался. Всѣ книги напечатанныя, всѣ манускрипты, подготовленные къ печати въ типографіи Новикова, и всѣ найденныя у него бумаги были секвестрованы. Было велѣно ихъ разобрать. Шишковскій, окончивъ всѣ сѣченія обряды, отправился въ С. Петербургъ, а князь Прозоровскій поручилъ разборъ книгъ и манускриптовъ любимцу своему, князю Филиппу Жевахову. Жеваховъ во всю жизнь свою ничего не читалъ и ничего другого не могъ разобрать, кромѣ утренней рапортнички вахмистра о состояніи эскадрона!

Прошелъ мѣсяць, прошло можетъ быть и два послѣ порученія, сдѣланнаго Жевахову. Князь Прозоровскій, увидѣвъ Жевахова, спросилъ: «А сиречь (любимая рѣчь князя Прозоровскаго, которую онъ въ разговорѣ приставлялъ къ каждому слову) сиречь князь Филиппъ, чтожъ сиречь ты не рапортовалъ мнѣ сиречь долго времени, сиречь отобралъ-ли ты сиречь годныя отъ негодныхъ книги? А сиречь чтожъ ты сиречь не шьешь, не порешь». «Да, кажу ваше сіятельство, я исполнилъ въ точности, кажу, повелѣніе вашего сіятельства». «А какъ это сиречь?» «Да кажу, ваше сіятельство, мы въ троемъ съ капитаномъ да съ вахмистромъ поворочали, поворочали стопы то и печатныхъ и не печатныхъ, кажу, вахмистръ пыталъ и читать—онъ письменный; да кажу, говорить, такая де гиль напорота, что и не поймешь. Я кажу, ваше сіятельство, вывезъ все на Воробьевы горы, кажу сгрудилъ все въ кучи да и зажегъ. Кажу, часа полтора горѣли, ваше сіятельство, да уже, смѣю доложить Вашему сіятельству, кажу всѣ до словичка сгорѣли».—«А, сиречь, князь Филиппъ, ты умно и поступилъ!»

Новиковъ былъ посланъ въ заточеніе, гдѣ и дождался воцаренія Императора Павла. Иванъ Петровичъ Тургеневъ былъ сосланъ въ свои деревни; дураковъ князей Никитичей Трубецкихъ, помнится, послали въ Кострому; Лопухинъ и Татищевъ отдѣлались спинами и были оставлены въ Москвѣ.

Изъ Новоспасскаго поѣхали мы обѣдать, — намъ ѣсть захотѣлось, и я, не зная въ Москвѣ гастрономическихъ заведеній, завезъ чистую душу Андреевича въ ресторацію Печкина противу Александровскаго саду. Андреевичъ обѣдомъ былъ недоволенъ, да и я бы не поблагодарилъ г. Печкина, еслибы свѣжепросоленная съ ботвиньей осетрина не заставила молчать въ моей утробѣ ворковавшаго желудка.

Послѣ обѣда Андреевичъ поѣхалъ къ себѣ отдохнуть, а я по образу пѣшаго хожденія стопы мои направилъ на Тверскую.

29-го іюля.

Встрѣтилъ Андреевича, шедшаго съ крыльца. «Мы ѣдемъ завтра въ Воскресенскъ, — тебѣ со мной нельзя, мнѣ навязали Муравьева¹⁾ со мной ѣхать». «Въ добрый часъ тебѣ — ступай благополучно, сказалъ я другу и пошелъ къ себѣ писать Ермолафію.

Муравьевъ, высокій ростомъ, статный мужчина, съ пригожимъ лицомъ насильно лѣзетъ въ рай! Грѣшу и можетъ быть много грѣшу, но святости его я худо вѣрю. Двѣ пуговики онъ носить на кафтанѣ сзади и ключъ есть у него, да этимъ онъ ключемъ въ рай дверь не отомкнетъ. Къ нему, какъ говорятъ, молиться ѣздить въ будуаръ. Всѣ бабы вѣры той, что онъ алтарь привезъ къ намъ на святую Русь изъ Іерусалима! Не знаю, какъ могло это случиться! Навѣрное, что бабы врутъ.

30-ое іюля.

Праздникъ, балъ, иллюминація и фейерверкъ у князя богача, князя Сергія Голицына въ деревнѣ, отъ города Кремля въ тринадцать верстахъ. Мнѣ сказывали людей тамъ семь десятковъ тысячъ было! Не знаю, кто и какъ могъ сосчитать. Не знаю,

1) Андрей Николаевичъ, извѣстный писатель, авторъ «Путешествія ко Святымъ мѣстамъ». К. Г.

правда-то, каретъ и дрожекъ много переломили, ушибленныхъ было много людей, но это знаю вѣрно: на барышнѣ породы знатной все платье изорвали, а она сидѣла въ ужинѣ за тѣмъ столомъ, гдѣ Цесаревичъ былъ!

31-го іюля.

Отправился въ 9-мъ часу утра къ Андреевичу и встрѣтилъ въ каретѣ на Тверской его вслѣдъ за великимъ княземъ во всю рысь ѣхавшаго — куда не знаю.

1-е августа 1837 г. Москва.

Въ 8 часовъ по полуночи сегодня, 1-го августа, былъ я у друга Андреевича въ Кремлѣ. Высоко живетъ — двѣ большія лѣстницы прежде должно влѣзть, чтобы до него добраться. Видно 60 мои годовъ начинаютъ требовать къ себѣ уваженія; войдя къ другу, я почувствовалъ въ 1-й разъ, что вѣрноподанные крѣпостные мои ноги очень хотѣли, чтобы я сѣлъ и тѣмъ освободилъ отъ ноши.

Великій князь завтра изволитъ ѣхать въ Троицкую Лавру: «Если что не помѣшаетъ, Михалычъ, мы ѣдемъ вмѣстѣ». «Хорошо, ѣду», сказалъ я. Андреевичъ облекся во вся тяжкая, то есть мундиръ и всѣ ордена, отправился въ Николаевскій дворецъ къ Цесаревичу, и я спустился на площадь предъ Грановитую Палату, хотѣлъ итти въ Успенскій соборъ, да не пустили: насъ отставныхъ on traite en saпaille. — Что дѣлать? Толпа народа занимала все пространство площади и ежеминутно умножалась; народъ все подходилъ. Я пріютился на лѣстницѣ церкви, которая у западнаго входа въ соборъ, гдѣ образъ явленный Печерской Богоматери; мнѣ было очень покойно, меня не толкали, не тѣснили, не жали, не давили, и я сидѣлъ на ступенькахъ лѣстницы препокійно. Народъ на площади походилъ на волнующееся море, толпа была въ безпрестанномъ движеніи—и у каждаго выражалось желаніе протѣсниться, стать поближе, стать у самаго ка-

ната, которымъ означено свободное мѣсто для хода духовенства съ крестомъ и шествія Его Высочества.

Смотря на это движеніе, думалъ я, какое перо, какое краснорѣчіе можетъ описать живо любовь и преданность народа русскаго къ его Государямъ! Нѣтъ, это невозможно, — какъ объяснить это русское радованіе, нетерпѣніе увидѣть царя, счастье поклониться ему и отъ всей души прокричать ура! Какой иностранный вивать поравняется съ русскимъ ура! — слышалъ я и нѣмецкій и французскій вивать, — наше русское ура выше всего.

Всемиловѣйшій указъ Государя Императора о дарованіи преступникамъ помилованія, уменьшенія ихъ наказанія, дарованія нѣкоторымъ права загладить преступленія содѣянные усерднымъ снова служеніемъ и честнымъ поведеніемъ, данный по ходатайству Его Императорскаго Высочества изъ Тобольска, произвелъ въ народѣ великую радость; всѣ и вездѣ толкуютъ, говорятъ о добродушіи Наслѣдника, о милосердіи Государя.

Но вѣроятно написать указъ было поручено строкулисту! Указъ читаютъ и перечитываютъ, — и надо сказать правду — не ясно понимаютъ.

Если бы въ указѣ были помѣщены слова «я всегда буду миловать во имя твое!»—это обрадовало бы несказанно сердце русское! Это выраженіе родителя, показывающее нѣжную любовь къ сыну, радованіе о его человѣколюбіи и милосердіи напомнило бы старину нашу, нашъ быть русскій! — Какъ говорили цари русскіе? Что спасло Россію въ 1812 году? Слова Александра I-го: *не положу меча моего доколѣ будетъ хотя одинъ солдатъ непріятельскій на землѣ русской!* Это было сказано по-царски! Изъ лагеря на Двинѣ Александръ прибылъ въ Москву объявить народу своему о предстоявшей опасности государству. Что сказалъ Александръ въ собраніи дворянства и купечества, въ залѣ благороднаго собранія? «Отечество въ опасности, мы должны спасти его». Эти слова въ одно мгновеніе, какъ электрическая сила, проникли въ душу cadaго и воспламенили сердце. Мы

русскіе любимъ краснорѣчіе сильное! Фразы — для насъ не годятся и фраза есть пататри - пататри, — словъ много, а силы никакой!

Какимъ молодцомъ шелъ за митрополитомъ въ крестномъ ходу Наслѣдникъ! Всѣ пришли въ восхищеніе! Въ народѣ слышенъ былъ говоръ: вотъ надежда наша; герой, кавалеръ, красавецъ, молодецъ. Дай Богъ ему многія лѣта здравствовать! Нѣтъ сомнѣнія, что молитва къ Богу о долгоденствіи Государю Цесаревичу у всѣхъ и cadaго восходила отъ чистаго сердца! Я видѣлъ, могу сказать, тысячи людей, у которыхъ катились изъ глазъ слезы, и самъ плакалъ съ неизъяснимымъ радованіемъ сердечнымъ. Не умѣю дать отчета, что происходило во мнѣ въ это время.

Какой случай: жена московскаго купца Соколова, пришедшая, какъ и всѣ прочія, увидѣть Государя Цесаревича, вдругъ занемогла. Ее провели за церковь, на крыльцѣ которой я стоялъ. Пособіе сдѣлать ей было, отъ большого стеченія народа, невозможно, — нельзя было достать стакана воды. Когда прошелъ крестный ходъ на виду, видѣлъ я, что священникъ уже исповѣдовалъ ее. Не знаю, осталась ли въ живыхъ, но тогда казалась при послѣдней минутѣ жизни своей.

2-ое августа 1837 г. Москва.

Понедѣльникъ, 2-го августа, по полуночи въ 3 часа и три четверти взобрался я къ другу Андреевичу въ кремлевскомъ дворцѣ: карета дорожная, шестью конями запряженная, стояла у крыльца; у ямщиковъ нашиты номера на шляпахъ и смотритель почталіонъ при нихъ сказалъ мнѣ: все готово. Комнатный слуга и постельникъ (камердинеръ) еще спали; взбудивъ народъ, велѣлъ подать себѣ огня и расположился на креслахъ съ сигарою въ зубахъ. Андреевичъ легъ спать въ 2 часа, кряхтѣлъ, когда его будили, однако скоро всталъ, скоро снарядился. Ему подали кофе, а мнѣ чай; въ половинѣ шестого часа, благословясь, мы покатали въ Лавру Троицкую къ Святому Сергію чудотворцу.

Вмѣсто трехъ перемѣнъ было три прибавлено и мы въ три часа двадцать минутъ приѣхали въ Сергіевскій Посадъ — отъ Москвы 61 да отъ Кремля до заставы вѣрно 7 верстъ, итого 68 въ три часа двадцать минутъ: семнадцать верстъ въ часъ — быстро ѣхали; двадцать минутъ времени прошло при перемѣнахъ лошадей. На козлахъ съ кучеромъ торчалъ лакей придворный и поэтому во всѣхъ селахъ по дорогѣ священники въ облаченіи, съ животворящимъ крестомъ, со хоругви намъ выходили, осѣняли насъ святымъ крестомъ, а еклезіархи звонили во всѣ колокола безъ пощады! Въ селѣ Рахмановѣ стоялъ на конѣ служка монастырскій и едва завидѣлъ нашу карету, во всю прыть пустился скакать въ монастырь подать вѣсть о прибытіи Цесаревича въ село Рахманово.

Высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ спѣшилъ возложить одежды, облаченіе и съ архимандриты, и іереи и всѣмъ соборомъ пошелъ къ святымъ вратамъ ожидать прибытія Его Высочества. Мы догадались, что скакунъ-служка надѣлаетъ въ лаврѣ кутерьму, думали — придумывали, какъ бы это упредить; да какъ? косматый послушникъ летѣлъ предъ нами вихремъ! Скоро вскакали мы въ посадъ и не безъ затрудненія могли заставить ямщиковъ остановиться потому, что во всѣхъ церквахъ звонили во всѣ колокола и изъ всей силы. — Мы вышли изъ кареты и поспѣшили къ стоящему предъ церковью священнику съ святымъ крестомъ — діаконъ съ кадиломъ, усердствующіе православные держали хоругви — сказать, что великій князь едва-ли еще черезъ часъ изволитъ прибыть. Не тутъ-то было. Священникъ осѣнялъ крестомъ, діаконъ кадилъ, дьячокъ и пономарь пѣли. Что было дѣлать? Дождаться пока окончатъ всю продѣлку? Наконецъ умолкло пѣніе, но колокола звонили. Андреевичъ толковалъ священнику, что мы — не великій князь, что Его Высочество не прежде изволитъ прибыть, какъ черезъ часъ. Уймись звонить, отцы святыя. На это со всею простотою души сказалъ діаконъ: «да уймись звонить, слышишь въ лаврѣ въ царь звонятъ».

Каретѣ велили тихо спускаться съ горы, сами пошли пѣшкомъ, стараясь увѣрить, что Его Высочество еще не прибылъ. Но посмотримъ: чины всей ратуши въ мундирахъ насъ встрѣчаютъ! Съ этими господами было не трудно изъясниться: у нихъ не было колоколовъ. Пошли мы далѣе. Сойдя съ горы, другъ чистая душа увидѣлъ уголокъ, сказалъ мнѣ: «Михалычъ, вотъ здѣсь бы порисовать—прекрасный видъ, да гдѣ бы приютиться?» Я указалъ ему лавку подлѣ будки: «садись здѣсь, сказалъ ему, тебя и солнце печь не будетъ». Онъ приютился, а я пошелъ въ лавру увѣдомить митрополита, что прибылъ г. Жуковскій, а его Высочество Государь Наслѣдникъ изволить прибыть не прежде, какъ черезъ часъ.

Въ святыхъ вратахъ нашелъ я высокопреосвященнаго митрополита во всемъ архипастырскомъ облаченіи, сидящимъ на своемъ стулѣ: вокругъ его стояли архимандриты, іеромонахи также во всемъ облаченіи, протодіаконъ, діаконы съ кадилами, діаконы съ рипиды, и иподіаконы съ трекили,—вся братія въ мантияхъ. Испросивъ у архипастыря благословенія, я доложилъ его высокопреосвященству, что Государь Наслѣдникъ изволить прибыть не прежде какъ чрезъ часъ. «Да какъ же намъ дали вѣсть, что Его Высочество изволилъ уже пріѣхать въ Рахманово и тамъ его Его Высочество встрѣчали со кресты». — «Ваше Высокопреосвященство, звонили по ошибкѣ, — увидѣвъ придворный экипажъ, въ которомъ ѣхалъ В. А. Жуковскій». — «А вы какъ это знаете?» спросилъ митрополитъ меня. — «Я съ нимъ сюда пріѣхалъ». — «Гдѣ же В. А.?» Расположился внизу горы снимать видъ Лавры. Съ лѣвой стороны архипастыря стоялъ московскій граждан. губернаторъ Никол. Авдот. Небол., усталый отъ трудовъ: потъ градомъ съ него лилъ. Намѣстникъ священно-архимандрита-митрополита въ Лаврѣ Троицкой, архимандритъ Антоній, державшій крестъ святыи на блюдѣ, началъ со мною разговоръ. — Благородный видъ инока, прекрасныя черты лица, выражающія чувства души нѣжной, умѣющей любить, способной и чувствовать и мыслить благородно,—всѣ формы его обращенія, самый голосъ

заставили меня Антонія любить! Халтурою Антоній не вонялъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ—сердечною тоскою изнуренный, искалъ убѣжище въ стѣнахъ монастыря! Смотрѣвъ на Антонія, мысль о тщеславіи, что оно нарядило его въ черную рясу, гоняшь прочь.

Черезъ часъ и 15 минутъ послѣ звонка нашего приѣзда изволилъ прибыть въ Лавру Высокій Путешественникъ, Государь Цесаревичъ. На площади не умолкало радостное народа русскаго ура! Колокола звонили, всѣ и вся были въ движеніи. Митрополитъ съ крестомъ въ рукѣ привѣтствовалъ Наслѣдника престола рѣчью; но шумъ народа, звонъ колоколовъ не позволили ничего разслушать. А какой-то изступленный послушникъ съ косматыми волосами, протягивавшій долгую свою шею у меня изъ-за плеча съ одной стороны, а съ другой—длинный, святой уже до половины, съ ключемъ златымъ къ низу спины, бояринъ комнатный Андрей—мнѣ надоѣли до крайности: первый космами своими царапалъ по лицу, а другой, перегнувшись, шепталъ Антонію, что ему въ проѣздъ его вездѣ звонили; вѣрно онъ скоро будетъ самъ архіереемъ, и просилъ архимандрита приказать отвезти ему комнату, гдѣ бы ему сдѣлать туалетъ свой!—Подумалъ я—онъ мѣтитъ въ архіереи, а первая забота—туалетъ! Антоній дернулъ надоѣдавшаго мнѣ космача и вдругъ оба исчезли. Я былъ доволенъ несказанно и тогда только разслушалъ слова митрополита къ Наслѣднику: «и мы нынѣ съ тобой пойдемъ во храмъ молиться!»

Наслѣдникъ, приложась къ животворящему кресту Христа Спасителя, съ смиреніемъ христіанина шествовалъ за митрополитомъ. Толпа двинулась, и я въ минуту былъ въ 50 шагахъ сзади,—отъ давленія кости у меня хрустѣли! По счастью моему какой-то строкулистъ въ мундирѣ съ бѣлыми пуговицами, слышавшій, что я приѣхалъ съ Жуковскимъ въ придворной каретѣ, и быть можетъ прочитавшій на козлахъ у кареты надпись: *Его Императорскаго Высочества*, принялъ меня за преважное, преважное лицо; послѣдняя догадка строкулиста и не совсѣмъ была

ошибочна,—во всей толпѣ круглѣе и шире моего не было ни одного лица! Но что бы то ни было почтенный строкулисть, схвативъ меня за руку, началъ въ толпѣ тузить кого какъ попало: прочь невѣжды, дай дорогу, кого вы оттерли! раздвинулись и я пошелъ, поднявши морду величаво. Другая остановка: дверь въ храмъ была заложена запоромъ. Мой благодѣтель строкулисть шепнулъ что-то сквозь щель дверей—что я не слышалъ. Мгновенно сняли запоръ и въ храмъ меня впустили. — Ужъ пѣли запричастный стихъ,—услышали гвалтъ мы у дверей — и голосъ громкій прокричалъ: пусти, я камергеръ Андрей Муравьевъ—свиты Его Императорскаго Высочества.—отверзлася церковна дверь и молодецъ франтомъ явился.

По совершеніи литургіи Его Высочество, сопровождаемый митрополитомъ, изволилъ шествовать во всѣ храмы обители, гдѣ почиваютъ святыя мощи угодниковъ, — для поклоненія, потомъ отправился въ Виѳанію.

Митрополитъ поѣхалъ въ каретѣ намѣстника Антонія въ Виѳанію. Лошади были запряжены—четыре въ рядъ. Неискустволи кучера управлять, или долго кони не были ѣзжены,—начали бить и понесли. Рѣшительная, но дерзкая отважность слуги Надежды Алексѣевны Шереметевой спасла митрополита. Увидѣвъ, что лошади несутъ и кучеръ не въ силахъ удержать ихъ, слуга бросился предъ лошадей и повисъ на дышлѣ и тѣмъ спасъ жизнь митрополиту.

Въ Виѳаніи митрополитъ затомилъ Наслѣдника, показывая Его Высочеству всѣ углы новопостроенной имъ семинаріи, въ которой, сказать правду, глядѣть нечего и неначто! По моему лучшаго митрополитъ не показалъ Наслѣднику, онъ не повелъ Его Высочество на балконъ, съ котораго виды прелестныя!

Что это значить? — Не мною былъ балконъ построенъ!

По возвращеніи изъ Виѳаніи въ Лавру, Андреевичъ передалъ меня архимандриту Антонію, чтобы меня накормили. Почтенный архимандритъ ввѣрилъ меня отцу Саватию, который отвелъ меня въ кельи намѣстника. Едва успѣли мы войти, какъ при-

бѣжалъ святыи до половины камергеръ—причесывать, крутить хо-
холъ по модѣ, лицо и руки умывать, жабо вновь завязывать и пр. и пр.

Мнѣ принесли стерляжью уху — хоть бы и въ Астрахани!
Потомъ ботвинью съ осетриной виноградной—чудо-рыба! какъ
янтаремъ подернута.

Отблагодаривъ отца Саватія, пошелъ я на монастырь, гдѣ
множество было народа, гдѣ много видѣлъ я прекрасныхъ дамъ,
которыхъ святии отцы всѣхъ знаютъ. Между ними увидѣлъ я
одну чудесной, разительной красоты. Въ ней все: осанка, взглядъ,
глазъ въ маслѣ голубой, бровь черная дугой и бѣлоснѣжная грудь,
и ножки стройныя съ крутымъ подъемомъ, какъ персикъ мягкая
рука, — въ ней все обворажало! спросилъ отца святого — кто она?
новорожденница — 18 минуло ей лѣтъ, живетъ съ родителями
здѣсь лѣтомъ. Другую увидалъ: была одѣта въ платьѣ черномъ,
какъ ангелъ хороша, — сказали, что она недавно овдовѣла. По-
думалъ я — конечно, неутѣшная вдова утѣшится здѣсь скоро! и
подлинно, съ отцомъ лѣтъ подѣ тридцать вдова, какъ мнѣ каза-
лось, условіе заключала! — Какъ вдругъ монахъ въ заношен-
номъ подрясникѣ мнѣ по-нѣмецки говорить. Ба! это что за
чудо? — *Ich bin aus dem neuen Finland, bin Probstes Sohn, mir
nicht hier wohl im Kloster; ich will nicht mehr hier bleiben,
bin arm, hier liebt man nur die Reichen.* — Онъ принявъ вѣру
греческаго исповѣданья, вступилъ сюда въ монахи и кажется во
всемъ монастырѣ здѣсь только два монаха: если не ошибаюсь,
намѣстникъ Антоній и монахъ-пасторскій сынъ изъ новой Фин-
ляндіи (онъ былъ теологъ въ Абовскомъ университетѣ); а про-
чихъ можно раздѣлить на два разряда. Ученые монахи акаде-
мисты помышляютъ, какъ-бы поскорѣй пробиться въ архіереи;
надѣтъ побольше орденовъ, да въ сытнюю епархію попасть вла-
дыкой, а тамъ живи и проклажайся. Неученые — чтобъ пить, ѣсть
и — хорошо. . . .

4 августа 1837 г.

Вчера въ 6 часовъ пополудни изволила прибыть Государыня
Императрица Александра Теодоровна съ великою княжною Ма-

ріею Николаевною. Государь Цесаревичъ ѣздилъ Ея Величество встрѣчать, далеко-ли не знаю. Хотя и живу на Тверской улицѣ, по которой Государыня изволила проѣзжать, но мнѣ не удалось видѣть. За четверть часа пришелъ ко мнѣ слуга тѣтки моей Воронцовой увѣдомить меня, что тѣтушка вдругъ сдѣлалась нездорова. Почтенной тѣтушкѣ безъ малаго 90 лѣтъ. Пошелъ старушку навѣстить. Разстроился у тѣтушки желудокъ: сырыхъ груздѣй покушала родная, огурчиковъ, да подали малины ей стоявшей въ погребѣ на льду. Вотъ и поднялась съ тѣтушкой потѣха!

Сегодня (4-ое число) въ 9-мъ часу пришелъ я къ чистой душѣ: онъ только что проснулся. Ему вчера московскіе писаки дали въ Сокольникахъ пирушку¹⁾. Все было прекрасно, хорошо, пристойно, благородно; но власть ихъ авторская — цыганское гузновертѣнье въ бесѣдѣ литераторовъ, хула взящнаго.

Чистая душа Андреевичъ одѣлся во всѣ орнаменты и отправился въ Николаевскій дворецъ къ Государынѣ, предлагалъ мнѣ доѣхать съ нимъ до крыльца и тамъ пріютить меня посмотрѣть шествіе Царицы. Убоявшись толпы, я сказалъ, что лучше стану на Красномъ крыльцѣ. Но меня туда не пропустили: строгое было дано повелѣніе, чтобы никого и ни подь какимъ предлогомъ на Красное крыльцо не пропускать. Куда-жъ дѣваться, думалъ я. Пойду на площадь посмотрѣть на народъ. Иду мимо Архангельскаго собора съ Москворѣцкой стороны и слышу: псаломщикъ ведетъ торгъ съ купечкой бабой—пустить ее въ соборъ. Псаломщикъ требуетъ цѣлковый, а баба говорила: «Ахъ! батяка мой, да за что? вѣдь намъ лишь поглядѣть—довольно четвертакъ». Я далъ чтецу псалмовъ рубль серебра и былъ очень доволенъ, надѣясь безъ толчковъ имѣть счастье увидѣть всеми-лостивѣйшую Государыню! На Ивановской Колокольнѣ начали звонить во всѣ колокола, въ соборѣ у Архангела духовенство

1) Объ этомъ чествованіи поэта см. Н. Барсукова «Ж. и Тр. Погодина», кн. V, стр. 8—9. К. Г.

начало пѣть молебень, который былъ скоро совершенъ, и ожидали Ея Величество. Увы! пропалъ мой рубль. Государыня Императрица не изволила въ соборъ къ Архангелу зайти; пошла изъ Успенскаго Собора по Красному крыльцу—въ Грановитую палату. Рубля псаломщикъ не отдастъ. Я заставилъ его указать мнѣ, что есть въ Соборѣ древняго—достойнаго примѣчанія.—Извольте, покажу.—Онъ мнѣ показалъ портретъ Царя Алексѣя Михайловича, написанный на доскѣ въ видѣ образа: въ старину царей причисляли къ лику святыхъ и писали ихъ на образахъ: портретъ или образъ этотъ много отъ сырости повредился; однако же можно еще хорошо разсмотрѣть черты лица и вѣроятно портретъ большое имѣетъ сходство, судя по абрису и чертамъ лица. Другой портретъ указалъ мнѣ брата царя Ивана Васильевича Грознаго, который хорошо сохранился и не оставляетъ никакого сомнѣнія въ сходствѣ оригинала. Римскихъ съ горбомъ носовъ и красивыхъ ястребиныхъ глазъ идеальнымъ ликамъ святыхъ на иконахъ не пишутъ. Я спросилъ псаломщика, нельзя ли списать копии съ портретовъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: не мало объ этомъ хлопоталъ Полевой, да не дозволили. Есть-ли псаломщикъ сказалъ мнѣ правду, то въ какомъ еще сильномъ невѣжествѣ глушится наше духовенство!»...

На этомъ, къ сожалѣнію, прерывается дневникъ Тургенева. Жуковский оставался въ Москвѣ еще 4 дня (до 9 августа), но вслѣдствіе приѣзда Императрицы—загородныя экскурсіи Наслѣдника вѣроятно прекратились, и Жуковский не могъ уже пользоваться прежней свободой: время его было болѣе занято пріемами у высочайшихъ особъ, тѣмъ болѣе, что повѣствованія о путешествіи изъ его устъ должны были особенно интересовать Императрицу - мать. Кромѣ того, числа 5-го или 6-го вернулся изъ Петербурга И. И. Дмитріевъ, котораго Жуковский ждалъ

съ нетерпѣніемъ, и оба поэта, учитель и ученикъ, ловили часы и минуты, чтобы быть вмѣстѣ... Они не подозрѣвали конечно, что это было ихъ послѣднее свиданіе¹⁾. При такихъ условіяхъ Жуковскій едва-ли могъ эти дни удѣлять сколько-нибудь времени своему другу А. М. Тургеневу. Быть можетъ потому прервался и дневникъ послѣдняго.

1) См. ниже, слѣдующую замѣтку. Также нашу ст. «Къ біографіи Н. И. Дмитріева», Изв. Отд. Имп. Ак. Наукъ, 1901, т. VI, кн. 4.

II.

В. А. Жуковскій объ Ив. Ив. Дмитріевѣ.

(Неизданное письмо Жуковского).

О самыхъ близкихъ, искренно дружескихъ и проникнутыхъ глубокимъ взаимнымъ уваженіемъ отношеніяхъ Жуковского и Дмитріева достаточно извѣстно, и распространяться здѣсь о томъ не представляется надобности.

Кто не знаетъ, что Дмитріевъ наставлялъ Жуковского съ первыхъ шаговъ его поэтическаго развитія и что послѣдній, послѣ Карамзина, считалъ себя ему всего болѣе обязаннымъ. Никогда ни малѣйшая тѣнь или недоразумѣніе не нарушало ихъ задушевной пріязни: Жуковскій, поддерживая непрерывно то личныя, то письменныя сношенія съ И. И., любилъ дѣлиться съ нимъ своими самыми интимными мыслями и впечатлѣніями, отдавать ему на судъ свои работы и свои замыслы. Дмитріевъ ему платилъ тою же искренностью и не менѣе восторженнымъ сочувствіемъ: полученіе произведеній своего славнаго ученика было для него всегда праздникомъ. Вспомнимъ напр. ихъ обменъ поэтическими изліяніями въ концѣ 1831 года.

Осенью этого года Дмитріевъ получилъ отъ Василія Андреевича два его стихотворенія по случаю взятія Варшавы (именно «Старая пѣсня на новый ладъ» и «Русская Слава»). Это вдохновило И. И. къ слѣдующему извѣстному посланію:

В. А. Жуковскому¹⁾.

Была пора, питомецъ русской славы,
И я во слѣдъ Державину пѣвалъ
Фелицы мощь, погромъ и стонъ Варшавы,—
Рекла и бысть — и Польша тронъ упалъ.

Пришла пора... увянулъ, сталъ безгласенъ
И лиру прахъ въ углу моемъ покрылъ;
Но прочь свое! мой вечеръ тихъ и ясенъ:
Побѣды звукъ меня одушевилъ.

Взыграй же духъ! Жуковский, дай мнѣ руку!
Пускай съ пѣвцомъ воскликнетъ патриотъ:
Хвала и честь Екатерины внуку!
Съ нимъ русский лавръ цвѣсть будетъ въ родъ и родъ.

Отвѣтомъ на это посланіе были прекрасные стихи Жуковского «Къ Ив. Ив. Дмитріеву», начинающіеся такъ:

Не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчноюный,
Твоя пора: твой геній бодръ и свѣжъ;
Ты пробудилъ давно молчавши струны,
И звуки насъ плѣнили тѣ жъ...²⁾

Въ тотъ же день, когда были написаны эти стихи, т. е. 16 окт., Жуковский писалъ Дмитріеву: «Ваши стихи расшевелили всю мою душу: примите мою искреннюю благодарность за то чувство, которое вы во мнѣ пробудили. *Жуковский, дай мнѣ руку*: въ этихъ словахъ, сказанныхъ мнѣ Дмитріевымъ, такъ много магическаго;

1) Стихотвореніе это вмѣстѣ съ отвѣтомъ Жуковского было напечатано въ «Северныхъ Цвѣтахъ» на 1832 г. Мы печатаемъ его съ тѣми исправленіями автора (*Побѣды звукъ* вм. *Побѣды гласъ*, и *цѣсть будетъ* вм. *прозябнетъ*), которыя онъ просилъ сдѣлать въ письмѣ къ Ж. отъ 21 окт. 1831 г. и которыя почему-то до сихъ поръ не приняты въ изданіи сочиненій Дмитріева.

2) Недавно въ найденномъ мною автографѣ этого стихотворенія — оказались еще двѣ новыя строфы (т. е. варианты), заслуживающія вниманія. См. статью «Нѣсколько дополненій къ рукописямъ В. А. Жуковского» въ Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и сл. И. А. Н. т. VI, кн. 2.

они мнѣ кажутся подписью всей прошедшей моей жизни, въ лучшихъ годахъ которой Дмитріевъ и Карамзинъ играютъ такую свѣтлую роль. Какъ весело подать Вамъ руку въ такую минуту, когда слава отечества опять вспыхнула яркимъ свѣтомъ». (Письмо изъ Петерб. 16 окт. 1831)¹⁾...

Въ послѣдній разъ Жуковский и Дмитріевъ обмѣнялись письмами въ мартѣ 1837 г., слѣдовательно за полгода до смерти послѣдняго, по поводу посылки Жуковскимъ своему учителю-другу — «Ундины». Это было вскорѣ послѣ постигшей Россію великой литературной утраты, трагической смерти Пушкина, — и не удивительно, что скорбнымъ размышленіямъ о ней посвящены въ значительной части эти письма²⁾. Собираясь между тѣмъ въ путешествіе съ Наслѣдникомъ по Россіи и имѣя въ виду быть въ Москвѣ, В. А. прибавлялъ въ своемъ письмѣ (12 марта): «Надѣюсь нынѣшнимъ лѣтомъ имѣть счастье васъ увидѣть. Тогда поговоримъ подробно о Пушкинѣ»... Это свиданіе дѣйствительно состоялось въ первыхъ числахъ августа, но, къ сожалѣнію обоихъ друзей, было очень кратко. И. И. Дмитріевъ провелъ іюль мѣсяцъ въ поѣздкѣ въ остзейскій край и въ Петербургъ и вернулся въ Москву лишь за три дня до выѣзда оттуда Жуковского въ свитѣ Наслѣдника на югъ (9-го авг.). Онъ былъ все-же очень счастливъ, что засталъ его, какъ не менѣе былъ этимъ доволенъ и Василій Андреевичъ, и оба они старались насладиться обществомъ другъ друга. Это было послѣднее ихъ свиданіе, о которомъ такъ трогательно повѣствуетъ Жуковский въ ниже печатаемомъ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому. Друзья разстались въ надеждѣ вновь скоро увидѣться, но уже 3-го октября, послѣ краткой, но тяжелой болѣзни, И. И. Дмитріева не стало³⁾. В. А. Жуковский, пріѣхавъ затѣмъ въ

1) Сочиненія Жуковского, изд. 7-ое, т. 6, стр. 432.

2) Тамъ же, стр. 437—39 и Соч. И. И. Дмитріева (ред. Флоридова) Спб. 1896, т. II, стр. 329.

3) О послѣднихъ мѣсяцахъ жизни И. И., о его болѣзни и обстоятельствахъ кончины см. въ моей статьѣ въ Извѣстіяхъ отд. р. яз. и сл. И. А. Н. (1901, т. VI, кн. 4) «Къ біографіи И. И. Дмитріева».

Москву, въ свитѣ Государя, въ концѣ октября, могъ только навѣстить могилу и поклониться праху своего дорогаго учителя въ Донскомъ монастырѣ. Подъ грустнымъ впечатлѣніемъ этой неожиданной утраты имъ и написано настоящее письмо.

Письмо къ кн. П. А. Вяземскому.

30 октября, Москва.

Вотъ мы и въ Москвѣ, проглотивъ около 20,000 верстъ. Скоро увижусь съ тобою, мой милый другъ, мнѣ къ вамъ — моимъ очень хочется; здѣсь въ Москвѣ безъ Ивана Ивановича пусто: онъ былъ для меня здѣсь представителемъ прошлой жизни. Проѣзжая черезъ Тулу, гдѣ я началъ жить, гдѣ были и первые мои уроки, и первая любовь, и первые стихи, гдѣ я въ первый разъ въ жизни услышалъ и полюбилъ имя Дмитріева вмѣстѣ съ именемъ Карамзина, я нашелъ въ трактирѣ на столѣ тотъ № газеты, гдѣ напечатана статья о немъ Шевырева¹⁾, — какой интервалъ между этими двумя эпохами! Вся жизнь быстро предо мною пробѣжала воспоминаніемъ; потомъ приближаясь къ Москвѣ черезъ Подольскъ, я проѣхалъ въ виду Астафьева, вспомнилъ немногіе, но прекрасные, свѣжіе, чистые дни астафьевскіе — въ нашемъ прошедшемъ два самыя яркія для насъ лица: Карамзинъ и Дмитріевъ. Около нихъ сосредоточиваются всѣ тѣ дни, въ которые и мы сами какъ-то были лучше и все около насъ было лучше. Пустоты, которая послѣ нихъ въ нашемъ быту осталась, ничѣмъ не наполнишь. Первый визитъ мой въ Москвѣ былъ на погребень — ужъ не предсказанье ли это какое? Ужъ и меня не придется ли вамъ хоронить въ нынѣшнемъ году? Оно было бы и кстати: представитель лучшаго стараго времени въ литературѣ

1) Московскія Вѣдомости, 1837, 16 октября, № 83. Отзывъ о ней кн. П. А. Вяземскаго въ письмѣ его къ Шевыреву, Р. Архивъ, 1885, № 6, стр. 305; также въ письмѣ его къ А. А. Краевскому, см. Прилож. къ Отчету И. П. Библ. за 1895 г., стр. 67. См. «Ж. и Тр. Погодина» кн. V, стр. 124. К. Г.

и представитель лучшаго новаго времени сошли со сцены; я стою въ промежуткѣ, какъ-будто ни на что не опираясь — по неволѣ надобно повалиться. — Знаешь ли, на кого у меня главная надежда для будущей генерациі? Но надежда, еще ни на чемъ положительномъ не основанная? На Карамзина II, на Андрея (котораго поздравляю съ возвращеніемъ на родину¹⁾). Въ немъ

1) Андрей Николаевичъ Карамзинъ родился 24 окт. 1814 г., убитъ 16 мая 1854 года въ Каракальскомъ дѣлѣ, съ Турками. Это былъ человекъ выдававшійся умомъ, образованностью и благородствомъ; характеромъ прямымъ и симпатичнымъ (о смерти его см. ст. П. Вистенгофа «А. Н. Карамзинъ» въ Рус. Стар. 1878, т. 22, стр. 193 и д., и поправки къ ней кн. Васильчикова и Дика, тамъ же, т. 23, стр. 155 и 710, и А. Вязмитинова «Каракальское дѣло», тамъ же, 1879, т. 26, стр. 125). Съ 1846 г. онъ былъ женатъ на Аврорѣ Карл. Демидовой, рожд. Шернваль, извѣстной своимъ умомъ и красотой финляндкѣ. См. частыя упоминанія объ этой четѣ въ «Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», Спб. 1896. Плетневъ очень любилъ А. Карамзина и усердно рекомендовалъ его Я. К. Гроту. «Ты въ Андреѣ, пишетъ онъ, найдешь что-то восхитительно-благородное и умное». (Переписка, II, стр. 810). «Если представится случай, не уклонись сблизиться съ нимъ, ты ему нужнѣе, нежели онъ тебѣ, — поэтому-то и хорошо явиться готовымъ на душевную помощь. Онъ у васъ прямо въ пустынь». (тамъ же, стр. 827). «Конечно, слишкомъ свѣтская его наружность не заманчива для нашего съ твоимъ вкуса; но у него въ душѣ много теплоты, а въ умѣ — идей» (тамъ же, III, 270). Однакожъ эта виѣшняя свѣтскость и манера дѣйствительно не понравились Я. К. (тамъ же, III, стр. 549—50, 554). Какъ бы то ни было А. Н. при всѣхъ своихъ способностяхъ и литературныхъ склонностяхъ, не оправдалъ надеждъ Жуковского, хотя въ ту пору, въ 30-хъ годахъ видимо подавалъ ихъ. Отправляясь передъ тѣмъ по болѣзни за границу, онъ писалъ И. И. Дмитріеву: «... я уже подалъ просьбу объ увольненіи меня въ отпускъ за границу на полтора года. Если Богъ дастъ, я отправлюсь сперва по слѣдамъ Русскаго Путешественника въ Германію и Швейцарію, а потомъ на зиму въ Италію. Италія! какъ это имя звучитъ гармонически моему воображенію! Много есть привлекательнаго для меня въ этихъ планахъ, но горькая мысль о разлукѣ все покрываетъ черною тѣнью...». («Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву» Спб. 1866, стр. 440). Въ словахъ о немъ Жуковского слышится какъ-будто отголосокъ мнѣній и отзывовъ о немъ семьи Карамзинныхъ. 2 мая 1837 г. сестра его Екатерина Николаевна писала къ Дмитріеву же: «Братъ Андрей нѣсколько разъ просилъ въ письмахъ своихъ напомнить Вамъ о немъ, и нѣжно благодарить за ваше, нами ему переданное, воспоминаніе. Какъ живо наслаждается онъ своимъ путешествіемъ и какъ часто письма ея поражаютъ насъ сходствомъ мыслей и чувствъ съ папенькиными. Онъ конечно всѣхъ болѣе похожъ на него душой и умомъ, и къ тому же имѣетъ очень счастливый, веселый характеръ» (курсивъ нашъ). Тамъ же, стр. 440. Желая ему бросить военную службу, Жуковский какъ-будто предчувствовалъ, что эта карьера станетъ для него роковою. К. Г.

таится высота и чистота отца. Какъ отецъ началъ онъ письмами и такими же письмами. Желаю ему и дороги отца, съ его высокою, смиренною мудростию. Но чортъ поberi пушки. Сидя на лафетѣ, не приготовишься продолжать исторію государства російскаго; и не пушками застрѣлишь Булгаринныхъ et comr., обратившихъ въ торжище храмъ словесности и п.... изъ своихъ н.... на свѣтъ большой и малый.

Мы проживемъ здѣсь съ мѣсяцъ и болѣе¹⁾. Я просилъ Солнцева²⁾ написать къ наслѣднику Дмитріева³⁾, чтобъ поспѣшилъ пріѣхать: я бы желалъ разобрать оставшіяся бумаги. Надобно издать полное собраніе сочиненій его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ самъ ихъ въ послѣдній разъ издалъ. Но все выключенное можно приложить въ Аппендиксѣ. Я бы желалъ присоединить къ старому: Записки и переписку съ Карамзинымъ⁴⁾. Цѣлы ли письма И. И. у Екатерины Андреевны? Сбираюсь взглянуть на его свѣжую могилу. Проѣзжая черезъ Сызрань, я (съ в. к.⁵⁾ посѣтилъ его деревню⁶⁾, видѣлъ мѣсто, гдѣ онъ родился, и изъ оконъ построеннаго имъ самимъ дома срисовалъ это мѣсто. Какое счастье, что онъ пріѣхалъ въ Москву дня за три до моего отъѣзда. Я былъ у него, потомъ мы обѣдали вмѣстѣ въ Англійскомъ клубѣ⁷⁾, потомъ были вмѣстѣ на вечерѣ у Императрицы, и на другой день онъ нарочно для меня пріѣхалъ въ концертъ,

1) Это предположеніе не осуществилось, такъ какъ уже 17 дек. путешественники вернулись въ Петербургъ. К. Г.

2) Федоръ Григорьевичъ, археологъ-живописецъ, † 1891 г. К. Г.

3) М. А. Дмитріевъ, бывший тогда въ Симбирскѣ. К. Г.

4) Мысль Жуковскаго, къ сожалѣнію, не была осуществлена. Новое изданіе сочиненій Дмитріева, первое по его смерти, вышло лишь въ наши дни (1893—5 г., подъ ред. А. А. Флоридова). Записки его («Взглядъ на мою жизнь») изданы М. А. Дмитріевымъ въ 1866 г. (М.). Изъ переписки съ Карамзинымъ сохранились лишь письма Карамзина къ нему, которыя и изданы И. Академіей Наукъ (Я. Гротомъ и П. Пекарскимъ) тоже въ 1866 г. К. Г.

5) Съ великимъ княземъ Наслѣдн. Александромъ Николаевичемъ. К. Г.

6) Село Богородское, Симбирск. губ., въ 25 верстахъ отъ Сызрани. К. Г.

7) «Погодинъ ужасно досадовалъ «изъ самолюбія», что ему не удалось вмѣстѣ съ И. И. Дмитріевымъ и Жуковскимъ побывать въ Англійскомъ Клубѣ». Н. П. Барсуковъ, «Ж. и Тр. Погодина»; кн. V, стр. 8. К. Г.

гдѣ мы и простились. Онъ былъ какъ-то особенно ко мнѣ во все это время нѣженъ.

Напиши ко мнѣ, прошу тебя, обо всѣхъ нашихъ, о своихъ, о Карамзинныхъ. Поблагодари мою милую Іосифовну¹⁾ за то, что пріѣхала здоровая, съ запасомъ новой для всѣхъ насъ жизни. Обними Вьельгорскаго²⁾, а его заставь обнять за меня графиню³⁾; да скажи Іосифу⁴⁾, чтобы ко мнѣ написалъ о себѣ подробный отчетъ. Ну Слава Богу! скоро буду опять со всѣми вами. Лишь бы только не здѣсь сбилось со мною предсказаніе. Живу такъ тѣсно, что и гроба негдѣ будетъ уставить, а отпѣвать не будетъ и мѣста. Правда и въ Петербургѣ трудно будетъ спустить вамъ меня съ моей лѣстницы, да все ужъ лучше, нежели здѣсь⁵⁾.

(Приписка:) «Навѣсти Козлова⁶⁾, онъ въ ужасномъ положеніи. Пальцы уже одеревенѣли; и языкъ начинаетъ нѣмѣть. Слухъ давно ослабѣлъ. А душа какъ будто живѣтъ».

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого письма Жуковскій уже покинулъ Москву, и 17 дек. уже подѣзжалъ къ Петербургу. Верстъ за 50 отъ столицы онъ увидѣлъ большое зарево, а не до-

1) Александра Осиповна Смирнова.

2) Гр. Михаилъ Юрьевичъ.

3) Гр. Луиза Карловна, жена предыдущаго.

4) Гр. Іосифъ Михайловичъ, ихъ сынъ, сотоварищъ Наслѣдника В. К. Александра Николаевича, начавшій путешествіе съ ними, но вернувшійся съ дороги, умеръ отъ чахотки въ 1839 г. К. Г.

5) Любопытно, что въ то самое время, какъ Жуковскому, подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ утратъ, приходили въ голову мысли о смерти, которая, по его словамъ, «была бы даже кстати»,—другъ его, Гоголь, въ тотъ же самый день, 30 окт. 1837 г. пишетъ ему изъ Рима письмо, въ которомъ читаетъ: «Я веселъ, душа моя свѣтла. Трудюсь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой. Жизни! Жизни! Еще бы жизни! Я ничего еще не сдѣлалъ, что было бы достойно Вашего трогательнаго расположенія... и заключаетъ письмо словами: «Храни Богъ долго, долго прекрасную жизнь вашу!» К. Г.

6) Ив. Ив. Козловъ, извѣстный нашъ поэтъ-слѣпецъ прожилъ еще два года слишкомъ и скончался 30 янв. 1840 года. Горячая дружба Жуковскаго была лучшимъ его утѣшеніемъ въ испытаніи. По смерти его В. А. посвятилъ ему прочувствованныя строки въ статьѣ «О стихотвореніяхъ И. И. Козлова» въ «Современникѣ» 1840 г. т. XVIII, стр. 83. К. Г.

ѣзжая до города узналъ, что горитъ Зимній Дворецъ, гдѣ находилась и квартира Жуковскаго... Однакожь по прїѣздѣ оказалось, что она не пострадала, что все осталось на своемъ мѣстѣ. По свидѣтельству П. А. Плетнева, Жуковскій «съ трогательнымъ простодушіемъ говорилъ по этому поводу: мнѣ было какъ-то стыдно...»¹⁾).

К. Я. Гротъ.

1) П. А. Плетневъ. О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго, «Соч. и Переп. Плетнева», т. III, Спб. 1888, стр. 107.

Чешскіе переводы произведеній В. А. Жуковскаго и статьи о его жизни и литературной дѣятельности.

Вл. А. Францевъ.

Изъ русскихъ поэтовъ немного знакомъ чехамъ по переводамъ В. А. Жуковскій. Въ этомъ отношеніи ему посчастливилось значительно меньше другихъ русскихъ писателей, иногда даже второстепеннаго значенія. О Жуковскомъ вообще и въ чешскихъ литературныхъ журналахъ, и въ частныхъ письмахъ главнѣйшихъ представителей возрожденія находимъ весьма незначительныя упоминанія. Шафарикъ въ своей *Geschichte der slaw. Sprache und Lit.* (1826 г.) отводитъ Жуковскому всего лишь одиннадцать строчекъ; къ музѣ Жуковскаго и Батюшкова, съ которыми онъ знакомъ только по отзывамъ русской критики, онъ относится съ какимъ-то недоверіемъ, когда пишетъ Коллару (21 янв. 1824 г. Cf. *Časop. Česk. Mus.*, 1873, str. 384): «*Žukovský a Baťuškov trůní teď na Ruském Parnasu; a jestli všickni ruští kritikové nelhou, mohou směle Sophoclesa, Pindara, Shakespeara a Schillera do kola svého zavolat, aby s nimi vodkovali a sklenicemi brnkali*». Въ 1827 году съ нашимъ поэтомъ встрѣтился въ Лейпцигѣ Фр. Палацкій, впоследствии знаменитый чешскій историкъ. О своемъ знакомствѣ съ Жуковскимъ онъ писалъ Коллару: «Въ маѣ я познакомился въ Лейпцигѣ и, такъ сказать, подружился съ нѣкоторыми знаменитыми русскими, между прочимъ съ Жуковскимъ. Оба наши журнала будутъ исправно ему по-

сылаться. Онъ мнѣ пришелся очень по сердцу и общалъ мнѣ давать журналы русскіе. Онъ состоитъ воспитателемъ цесаревича Александра, — человѣкъ остроумный, ученый, очень любезный, скромный и притомъ серьезный, любящій своихъ славянъ». (Č. Č. Mus., 1879, 392). Но съ музой Жуковского Палацкій едва ли былъ знакомъ, хотя самъ былъ въ юные годы поэтомъ. Для чешской литературы это личное знакомство его съ Жуковскимъ ничего не принесло. Заслуга перваго перевода принадлежитъ, если не ошибаемся, Фр. Л. Челаковскому, который напечаталъ въ журналѣ *Česká Včela* (1834, № 11 — 13) «Pohádku o králi Kojatovi, o synu jeho králeviči Milanovi, o čarodějníku Černuchovi a o dceři jeho Velence» (См. также Fr. L. Čelakovského *Sebrané spisy*, sv. III, 403. Praha, 1877). Поэтъ нашелъ большое сходство между сказкой, обработанной Жуковскимъ, и чешскими народными пѣснями. Съ произведеніемъ Жуковского Челаковскій познакомился въ альманахѣ «Новоселье».

Остальные извѣстные намъ переводы произведеній Жуковского относятся къ болѣе позднему времени. «Свѣтлану» перевелъ на чешскій языкъ Іосифъ Коларжъ въ журн. *Světozor*, II, 1868, 484; переводъ этотъ вошелъ впоследствии въ сборникъ «*Slovanská poesie*» (изд. Fr. Vymazal, v Brně, 1874, I, 78). Изъ мелкихъ стихотвореній Жуковского въ чешскомъ переводѣ намъ извѣстны слѣдующія: «*Pomsta*» (Мечь), — перевелъ I. Б. Пихль (*Společenský krasořečník český*. Díl III, 11 — 12. Praha, 1853); «*Slavnost Borodinská*» — перевелъ М. Яндикъ (*Šumavan*, 1871); «*Noc*» («*Den znaven už se v lesku svém...*»), «*Listek*» («*Od větve družné odloučený...*») и «*Píseň*» («*Zaniklých dnů čarovná zdání...*») — перевелъ I. В. Сладекъ (*Lumír*, IX, 1881, 347, 364); «*Pěvec v taboře ruských vojinů*» (отрывокъ) — перевелъ I. Калашъ (*Zličan*, 1883, № 3); стихотворенія: «*Večer*» («*Strážko, vinoucí se žlutavou písčinou...*»), «*Noc*» («*Již nad plamenný vody klín...*») и «*Píseň*» («*Kéž jsem ptáčkem, který libě zpívá*») — перевелъ Фр. Халуна (*Ruch*, V, 1883, 68, 70); онъ же перевелъ стихотворенія: «*Hádanka*» (Загадка) и «*Vánoce*» (Крещенскій ве-

черъ, отрывокъ изъ «Свѣтланы») въ сборн. Kvítí z ruských luhů, Praha, 1885, стр. 22, 99. Стихотвореніе «Моѣ» («Nemluvné ty moře, lazurné ty moře») перевелъ Руд. Покорный (Květu, 1886, II, 153).

Статья В. А. Жуковского о И. И. Козловѣ (изъ «Сѣв. Пчелы») по-чешски напечатана была въ журн. Časopis Česk. Mus., 1840, sv. II, 198 — 199. «V kruhu rodinném» («Въ семейномъ кругу») переводили: а) V. L. въ газ. Krakonoš, 1884 г.; б) И. Ваня, въ своемъ сборникѣ «Světém, kniha knih», v Praze, 1883, и с) неизвѣстный въ журн. Domací hospodyně, 1887, № 4.

Либретто оперы П. И. Чайковского «Орлеанская дѣва», представленной въ первый разъ на сценѣ чешскаго Народнаго театра 28 іюля 1882 г., перевелъ В. І. Новотный (Panna Orleanská. Velká zpěvohra ve 4 dějstvích. Dle Schillera od Žukovského, издана въ «Bibl. operních a operetn. textů», Serie II, seš. 13).

Изъ біографическихъ и критическихъ статей и очерковъ, посвященныхъ В. А. Жуковскому, можемъ отмѣтить: замѣтку J. W. P. о «новомъ» произведеніи Жуковского «Ундины», въ приложеніи къ журналу «Květu», 1838, № IX, стр. 35, гдѣ Жуковский, какъ поэтъ, поставленъ рядомъ съ Пушкинымъ. «Ундину», появившуюся послѣ продолжительнаго молчанія поэта, авторъ замѣтки называетъ «цвѣткомъ русской поэзіи» и хвалитъ изданіе Смирдина. Нѣсколько замѣчаній о Жуковскомъ находимъ въ статьѣ: «Novější básníci ruští» (по Кенига: «Litterarische Bilder aus Russland»), въ приложеніи къ журн. «Květu», 1840, № XV, XVIII. Литературный очеркъ: «Žukovský a Gogol» помѣщенъ въ журн. Vesna, 1852, № 29 (ve Vídni); здѣсь же находимъ замѣтку: «O literárních pracích pozůstalých po V. A. Žukovském» (1852, № 32). Нѣсколько замѣчаній о литературной дѣятельности Жуковского сообщается въ статьѣ І. Б. Коржинка: «Lermontov a přední básníkové ruští» (Časopis Česk. Mus., XXVII, 1853, 275). Біографическій очеркъ: «Ze života ruského básníka V. A. Žukovského. Dle serbského» (sic!) написалъ Фр. Ржига (Květu, 1871, 214); краткія біографическія свѣдѣнія сообщены въ сб.

«Slovanská poesie» (Fr. Vymazal, т. I, 78). Наиболее полную и обстоятельную характеристику поэтической дѣятельности В. А. Жуковского и русскаго романтизма представилъ на основаніи русскихъ пособій А. Дурдикъ (въ журн. Světozor, X, 1876, стр. 419, 432, 443, 458, 470, 478). Къ столѣтней годовщинѣ рожденія Жуковского вышли двѣ статьи: «Žukovského jubilejní slavnost» Эд. Елинка въ журн. Slovanský Sborník (II, 1883, 208) и Фр. Халупы: «Stoleté jubileum narození V. A. Žukovského» (Ruch, V, 1883, 79). Чешскій поэтъ Святополкъ Чехъ къ столѣтнему юбилею рожденія Жуковского написалъ стихотвореніе: «Жуковскому» (Žukovskému), посвятивъ его «Кружку любителей русскаго языка въ чешской Прагѣ» (напечатано въ программѣ торжественнаго собранія Русскаго Кружка въ Прагѣ, 3 (15)-го февраля 1883 года) Такъ какъ стихотвореніе это, насколько намъ извѣстно, не появлялось нигдѣ, кромѣ названной программы, то мы приводимъ его здѣсь въ оригиналѣ.

ŽUKOVSKÉMU.

Když Rusi ňadro nadšením se dmulo
 a mečem bleskla ruka hrozebná;
 když posvátným jí žárem zaplanulo
 to srdce zlaté, Moskva velebná;
 když odrážela valný světa voj,
 jak hrdá skála moře vztekly přival:
 tu v jejích stanech voják-pěvec sníval,
 na srdce tiskna varito i zbroj;
 on vlast i krásu kochal duší junou,
 on jaře zvonil čepelem i strunou
 a ve válečný ryk, děl temný řev
 svůj mísil jasný bohatýrský zpěv.

Boj minul. Harfa otčiny se chvěla
 větérkem svěžím, dechem jarních tuch —
 tu Tvoje, Žukovský, dlaň umná, vřelá

ji probudila v nový černý ruch.
Tvá duše vsála kouzlo cizích květů,
však zachovala vlastní vděk i pel,
zpěv ruský v ether ideálních světů
Svým křídlem duhovým Jsi povznášel.

Ve stopách Tvých se pevců zástup sbíral,
šíř' perutě duch ruský rozestíral,
a vzešel Puškin jako slunce skvoucí
i Lermontov jak luna čaroslivá...
Však Ty jsi nezašel. Tvá píseň živa.
Na ruském nebi září nehynoucí
plát budeš dále v zoři červánkové,
jak luzná jitřní hvězda doby nové. (Sv. Čech)

Н. В. Гоголь въ чешской литературѣ.

Печальнымъ выдался для русской литературы тысяча восемьсотъ пятьдесятъ второй годъ: 21-го февраля этого года она оплакала крупнѣйшую утрату — Гоголя, въ апрѣлѣ — схоронила Жуковского, а въ юнѣ скончался Загоскинъ. «Я не запомню такого ужаснаго високоса!» съ скорбью писалъ С. Т. Аксаковъ И. С. Тургеневу. Столь же печальнымъ былъ этотъ роковой високосъ и для литературы чешской, потерявшей въ этомъ году сразу двухъ замѣчательнѣйшихъ своихъ поэтовъ: пѣвца славянской взаимности Яна Коллара († 24 янв. 1852) и симпатичнѣйшаго автора «Отголоска русскихъ пѣсенъ» Ф. Л. Челаковского († 5 авг. 1852). «Текущій годъ и для васъ и для насъ очень несчастливъ: вы потеряли Гоголя, Жуковского и Загоскина, а мы Коллара и Челаковского», писалъ Ганка Бодянскому (1 авг. 1852 г.). Кончина Гоголя вызвала въ кругахъ чешскихъ писателей чувства искренняго соболѣзнованія русской литературѣ. Прага видѣла великаго русскаго писателя въ своихъ стѣнахъ, здѣсь у него были друзья и почитатели, а многія произведенія его сдѣлались значительно раньше 1852-го года достояніемъ чешской литературы.

Гоголя знали и читали въ Прагѣ и въ Чехіи раньше, чѣмъ появились въ печати первые чешскіе переводы произведеній его. Уже въ 1838 году въ приложеніи къ чешскому литературному журналу Kwěty (str. 58) встрѣчаемъ небольшую замѣтку о Го-

голѣ, въ коей говорится слѣдующее: «Послѣ смерти Пушкина и Марлинскаго среди русскихъ писателей особенно замѣчательнымъ является Гоголь. Его новеллы и романы (sic) являются мастерскими произведеніями, ибо въ нихъ чрезвычайно правдиво изображаются характеры русской жизни. Новѣйшее его произведение составляетъ комедія, пользующаяся въ Петербургѣ большимъ успѣхомъ. Нынѣ Гоголь пребываетъ въ Римѣ, и о немъ ничего не слышно». Въ томъ же журналѣ въ 1840 г. (прилож. къ № XVII), въ очеркѣ К. Сабины «Nowelisté ruští», составленномъ по извѣстной книгѣ Кенига (*Litterarische Bilder aus Russland*, v. H. Koenig. Stuttgart, 1837) Гоголю посвящено уже значительно болѣе мѣста.

Раннему знакомству чешскихъ писателей съ твореніями Гоголя должны были способствовать въ извѣстной степени и непосредственныя отношенія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Гоголю во время пребыванія его въ Прагѣ. Еще въ началѣ іюля н. с. 1838 года Бодянский въ письмѣ къ Погодину высказываетъ надежду встрѣтиться съ Гоголемъ въ Карлсбадѣ. Собравшись вмѣстѣ съ Шафарикомъ въ Карлсбадъ и Теплицы для лѣченія ревматизма, Бодянский предполагалъ провести въ этихъ мѣстахъ недѣль пять и здѣсь думалъ свидѣться съ Гоголемъ. Возможность такой встрѣчи допускалъ, очевидно, и Погодинъ. 1-го іюля (18-го июня) 1838 года, наканунѣ выѣзда въ Карлсбадъ, Бодянский, которому надлежало передать Гоголю какое-то письмо, пишетъ Погодину изъ Праги: «Касательно письма къ Гоголю, я оставляю оное до Карлсбада: мнѣ что-то шепчетъ, что я его найду тамъ; а если это не случится, тотчасъ же отправлю по адресу въ Римъ; можетъ быть, напишу и отъ себя нѣсколько строкъ къ нему». Встрѣча, какъ видно изъ письма Бодянскаго отъ 6 (18) августа того же года, не состоялась. «Письмо къ Гоголю отправлено мной тотчасъ по приѣздѣ въ Карловары», извѣщалъ онъ Погодина.

Письма Бодянскаго къ Погодину за 1840-ой годъ свидѣтельствуютъ, что въ началѣ 1839-го года Гоголя ожидали въ Прагѣ. Въ письмѣ отъ 7 (19)-го мая 1840-го года Бодянский вы-

сказываетъ сожалѣніе, что ему «не удалось еще разочекъ сойтись съ Гоголемъ». «...Я все надѣялся», говоритъ Бодянской далѣе, «авось, оправившись, гдѣ-нибудь сойду съ нимъ въ Италиі, Мариенбадѣ, Прагѣ или Вѣнѣ». Но свиданіе нашего славяновѣда съ великимъ своимъ землякомъ, къ огорченію Бодянскаго, не состоялось. Повидимому, однако, Гоголь въ этомъ году былъ въ Прагѣ или гдѣ-либо въ Чехіи и познакомился здѣсь съ Шафарикомъ. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыя мѣста писемъ Бодянскаго къ Погодину даюгъ основаніе для такого предположенія. Правда, 1-го іюня 1840 года Шафарикъ въ письмѣ къ Погодину заявляетъ: «Gogol war bis Dato nicht in Prag», но значить ли это, что Гоголь вообще до этого времени не былъ въ Прагѣ, или же эти слова относятся только къ 1840-ому году, когда его тоже могли ожидать здѣсь? 6 (18)-го октября 1839-го года Бодянской изъ Вѣны сообщаетъ Погодину: «Третьяго дня получилъ письмо отъ Шафарика... Онъ пишетъ, что Николай Васильевичъ Гоголь взялъ у него малороссійскія и польскія пѣсни, изданныя Вацлавомъ изъ Олеска, обѣщаясь послать назадъ ему изъ Вѣны, но онъ донынѣ не получалъ этой книги. Если онъ ея не получитъ, то очень трудно будетъ достать другой экземпляръ, потому что въ самой Галичинѣ изданіе это теперь чрезвычайно рѣдко»...

Библіотека Шафарика, несомнѣнно, заключала много поучительнаго и новаго для Гоголя. Многія книги этой сокровищницы, нынѣ составляющей собственность Чешскаго Національнаго Музея, являются нѣмыми свидѣтелями живыхъ связей Шафарика съ русскимъ ученымъ и литературнымъ міромъ. Упомянутія о томъ, что Гоголь въ разное время, надо думать, чрезъ чье-либо посредство пользовался книгами библіотеки Шафарика, встрѣчаемъ въ пѣкоторыхъ письмахъ Шафарика къ Погодину. Такъ, 19-го іюля 1839 года Шафарикъ пишетъ Погодину въ Мариенбадѣ: «Von Hrn von Gogolj erhielt ich ein Schreiben und die ihm geliehenen Bücher über Wien richtig und schon lange». Очевидно, это не тѣ книги, о коихъ писалъ выше Бодянской. Спустя три дня (22 іюля 1839 г.) Шафарикъ, вѣроятно, въ исполненіе

просьбы Погодина, извѣщаетъ его: «Heute schicke ich Ihnen die verlangten Bücher und wünsche herzlich, dass Hr. von Gogol' recht viel für seine Zwecke darin finden möge».

Въ эти годы связей съ Прагой Гоголь познакомился ближе съ знаменитыми «Славянскими Древностями» Шафарика. Книга произвела на бывшаго профессора исторіи сильное впечатлѣніе. Замѣтимъ, что Гоголя вообще занимали вопросы славянской исторіи. 15-го апрѣля 1838 г. онъ проситъ Н. Я. Прокоповича прислать ему книгъ отъ Смирдина, «особенно книгъ относительно исторіи славянской и русской»¹⁾. 3-го мая 1839 года Гоголь писалъ Погодину изъ Рима о «Славянскихъ Древностяхъ»: «Я ихъ читалъ и удивляюсь ясности взгляда и глубокой дѣльности. Кое-гдѣ я встрѣчалъ мои собственныя мысли, которыя хранилъ въ себѣ и хвастался втайнѣ, какъ открытіями, и которыя, натурально, теперь не мои, потому что уже не только образовались, но даже напечатались прежде моего»²⁾. О размѣрахъ и значеніи ученой и литературной дѣятельности Гоголя Шафарикъ составилъ себѣ вполне вѣрное сужденіе по отзывамъ Погодина, который усердно, какъ извѣстно, знакомилъ искренняго друга и многочисленныхъ знакомыхъ своихъ въ Чехіи съ произведеніями русской литературы вообще и нашего писателя въ частности. Въ наброскахъ и замѣткахъ Шафарика, извлеченныхъ изъ бумагъ его проф. Е. В. Пѣтуховымъ, о Гоголѣ со словъ Погодина записано: «Gogol', grosser Kenner Kleinrusslands, schreibt Gesch. v. Kleinrussland. Hist. Künstler, kein grosser Forscher. Ein junger Mann, ein der ersten Schriftsteller»³⁾.

Шафарикъ, какъ мы замѣтили выше, благодаря Погодину, уже рано имѣлъ возможность познакомиться съ произведеніями Гоголя. При крайней затруднительности непосредственной выписки русскихъ книгъ изъ Россіи, взаимный обмѣнъ ученыхъ рус-

1) См. Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу, изд. Е. В. Пѣтуховъ, Кіевъ 1895, стр. 24.

2) Сочин. Гоголя, V, 369. Cf. А. А. Кочубинскій, Гр. С. Г. Строгоновъ, Вѣстн. Евр., 1896, авг., 482.

3) Зап. Юрьевск. Унив., 1896, № 1, стр. 52.

скихъ и чешскихъ и добровольныя подношенія русскихъ ученыхъ путешественниковъ были единственными путями, коими русская литература проникала въ родственныя славянскія земли. Насколько велика была въ Прагѣ потребность въ русской книгѣ вообще, свидѣтельствуешь, напримѣръ, тотъ фактъ, что Шафарикъ беретъ на себя роль посредника между пражскимъ книгопродавцемъ И. Г. Кальве и Москвой и въ январѣ 1841 года пишетъ Погодину обширное письмо о желаніи Кальве вступить въ непосредственныя сношенія съ московскими книгопродавцами, дабы новыя русскія книги кратчайшимъ путемъ и возможно скорѣе могли получаться въ Прагѣ. Прося Погодина оказать содѣйствіе этому дѣлу, Шафарикъ отмѣчаетъ далѣе, что именно слѣдуетъ присылать въ Прагу. «Такъ какъ русскія книги,—говоритъ онъ,— читаютъ здѣсь только ученые и образованные люди, то поэтому слѣдуетъ высылать въ числѣ научныхъ и спеціальныхъ изданій и выдающіяся произведенія изящной словесности: романы и стихотворенія». Шафарикъ имѣлъ въ виду удовлетворить духовнымъ интересамъ своихъ соотечественниковъ, не состоявшихъ въ столь близкомъ, какъ онъ, общеніи съ русскими учеными. Пребываніе въ самомъ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ Бодянскаго въ Прагѣ и Чехіи въ известной степени облегчило эти связи съ Россіей, и подъ вліяніемъ Бодянскаго могъ создаться особенный интересъ къ твореніямъ Гоголя. Въ апрѣлѣ 1838 года Бодянскій проситъ Погодина: «Захватите, пожалуйста, съ собой сочиненія Гоголя, Марлинскаго и другихъ, кого можно, изъ новѣйшихъ нашихъ лучшихъ писателей для Шафарика,—онъ хотѣлъ бы познакомиться съ ними⁴⁾; кромѣ того, здѣсь нашлись бы многихъ изъ нихъ пе-

4) Сочиненія Гоголя были въ рукахъ Шафарика значительно раньше, но, повидимому, онъ не обратилъ на нихъ вниманія, будучи занятъ главнымъ трудомъ своимъ—Славянскими Древностями. Извѣщая Авт. Марка (15 ноября 1836 года) о полученіи изъ Москвы русскихъ книгъ, Шафарикъ посылаетъ ему списокъ тѣхъ произведеній, которыя онъ желалъ бы переуступить любителямъ русскаго языка. Здѣсь между прочимъ встрѣчаемъ: Gogol, Mirgorod, povjesti, St PBr., 8°, 2 dily.

ревестя». Такимъ переводчикомъ, насколько намъ извѣстно, прежде всего предполагалъ быть Ф. Л. Челаковскій. Въ декабрѣ (20-го) 1837 года Бодянскій, сообщая Погодину нѣкоторыя свѣдѣнія о переводахъ Челаковскаго произведеній русскихъ поэтовъ, замѣчаетъ, что Челаковскій собирается перевести также нѣкоторыя повѣсти Гоголя. Но намѣреніе Челаковскаго не осуществилось.

Первымъ переводчикомъ повѣстей Гоголя въ Чехіи, какъ слѣдуетъ заключать изъ писемъ Бодянскаго, явилась жена Шафарика. Въ мартѣ 1838 года Бодянскій проситъ Погодина отъ имени Шафарика прислать въ Прагу для больной жены его сочиненія Гоголя и, если можно, Пушкина, а 1-го іюля н. ст. того же года Бодянскій спѣшитъ сообщить Погодину: «Нѣкоторыя изъ повѣстей Гоголя и вашихъ переводятся на чешскій языкъ». Въ дополненіе къ прежней своей просьбѣ онъ еще разъ повторяетъ: «Потрудитесь вмѣстѣ съ прочими книгами послать Шафарика для его жены, если можно достать еще, Ревизора, Арабески и Вечера на хуторѣ».

Были ли переводы жены Шафарика гдѣ-либо напечатаны, и переводила ли она Гоголя на *чешскій* языкъ, мы не можемъ сказать достовѣрно, но самъ Шафарикъ свидѣтельствуетъ о томъ, что жена его переводами съ русскаго языка занималась. «Моя Юлія⁵⁾, покончившая теперь съ Гоголемъ, переводитъ вашъ «Сокольниковскій садъ», сообщаетъ онъ Погодину 5-го января н. ст. 1841 года. Изъ напечатаннаго въ «Русской Мысли» (1896, V, 179) Itinerarium'a путешествія Гоголя видно, что Гоголь, какъ свидѣтельствуетъ отмѣтка на паспортѣ его, былъ въ Прагѣ 30-го іюня 1842 года⁶⁾. Къ сожалѣнію, объ этомъ, вѣроятно, весьма кратковременномъ, пребываніи Гоголя въ Прагѣ мы ничего болѣе опредѣленнаго сказать не можемъ: чешскія газеты совершенно молчатъ о семъ фактѣ; никакихъ упоминаній о немъ нѣтъ и въ письмахъ современниковъ; никакихъ писемъ Шафарика за лѣтніе мѣсяцы 1842 года ни къ Погодину,

5) Урожденная Julie Ambrózy de Sédén или Zsédén.

6) Cf. Шенрокъ, Матеріалы, IV, 136—137.

ни къ Бодянскому не сохранилось. Нѣтъ сомнѣнiя, что Гоголь уже знакомый съ Шафарикомъ, хотя бы по трудамъ его, не преминулъ бы посѣтить его. Замѣтимъ здѣсь, что нѣсколько лѣтъ спустя Гоголь явился посредникомъ между Погодинымъ и Шафарикомъ по личнымъ дѣламъ перваго. Гоголь долженъ былъ передать Шафарику деньги за купленные у него Погодинымъ книги. Объ этомъ говорятъ самъ Погодинъ въ письмѣ къ Шафарику отъ 2 (14) авг. 1847 г.: «Вамъ могъ я послать только 800 р. съ чѣмъ-то асс., пополамъ съ Пештомъ за книги, но не знаю еще, дошелъ ли до васъ вексель. Больше никакъ не могъ, а просилъ Гоголя помочь мнѣ, и онъ обѣщаль доставить вамъ остальное непременно». Вскорѣ послѣ этого, въ письмѣ отъ 21 авг. (2 сент.) 1847 г. Погодинъ спрашиваетъ Шафарика: «Получили ли вы деньги чрезъ Гоголя? Мнѣ было тяжело въ послѣднее время, — вотъ почему прислалъ я такъ поздно свой долгъ, или часть своего долга...»⁷⁾. Но предполагаемое свиданiе Гоголя съ Шафарикомъ не состоялось. На оба отмѣченныя выше письма Шафарикъ отвѣчалъ Погодину 25 сент. 1847 г.: «Вы спрашиваете въ послѣднихъ двухъ письмахъ, не получилъ ли я чего-либо отъ Гоголя. Я отъ него не только ничего не получалъ, но даже не говорилъ съ нимъ, не видалъ его и рѣшительно ничего не знаю, гдѣ онъ обрѣтается».

Болѣе опредѣленныя данныя о пребыванiи Гоголя въ Прагѣ относятся къ 1845 году. Въ июнѣ этого года Гоголь былъ въ Карловыхъ Варахъ, а въ августѣ мы встрѣчаемъ его въ Прагѣ, куда онъ прибылъ проездомъ изъ Грeфенберга. Здѣсь⁸⁾ Гоголь обратилъ особенное вниманiе на Національный Музей, завѣдываемый Ганкою⁹⁾, приходилъ туда нѣсколько разъ и рассматри-

7) Письма—въ библиотекѣ Чешскаго Музея въ Прагѣ.

8) По свидѣтельству «Записокъ о жизни Н. В. Гоголя», т. II, стр. 60.

9) Ганка имѣлъ о Гоголѣ кое-какія извѣстія отъ своего ученика и друга, впоследствии профессора Дерптскаго университета, А. С. Жириева. 8(20)-го мая 1845 г. онъ писалъ Ганкѣ: «Русскую Пасху встрѣчалъ въ русской церкви въ Висбаденѣ, гдѣ познакомился съ двумя русскими знаменитостями: Жуковскимъ и Гоголемъ. Оба приѣхали изъ Франкфурта говѣть и разговляться. По-

валъ хранящіяся въ немъ сокровища славянской старины. Для Ганки, усердно и съ удивительнымъ вниманіемъ слѣдившаго за всѣми явленіями русской духовной жизни, Гоголь былъ уже старымъ знакомымъ; произведенія его онъ читалъ, несомнѣнно, раньше этой первой встрѣчи съ нимъ въ Музеѣ. Въ 1842 году Василій Алексѣевичъ Пановъ поднесъ Ганкѣ сочиненія Гоголя, сдѣлавъ на книгѣ слѣдующую надпись: «Какъ творческое истинное изображеніе Русской жизни приносить эту книгу въ даръ исполнѣ умѣющему цѣнить эту жизнь Вячеславу Вячеславичу Ганкѣ одинъ изъ читателей—Русскій Славянинъ. Прага, 1842 г. сент. 8-го — авг. 27-го»¹⁰⁾. Ганка создалъ въ своемъ воображеніи собственный образъ Гоголя, котораго онъ зналъ по портретамъ, и никакъ не хотѣлъ вѣрить, что передъ нимъ тотъ самый Гоголь, сочиненія котораго онъ изучалъ съ такою любовью: такъ наружность Гоголя, его приемы и разговоръ мало выказывали того, что было заключено въ душѣ его; наконецъ Ганка спросилъ у самого поэта, не онъ ли авторъ такихъ-то сочиненій.

«И, оставьте это!» сказалъ ему въ отвѣтъ Гоголь.

«Ваши сочиненія», продолжалъ Ганка, «составляютъ украшенія славянскихъ литературъ».

«Оставьте, оставьте!» повторялъ Гоголь, махая рукой, и ушелъ изъ Музея. Столько мы знаемъ о пребываніи его въ Прагѣ. Въ книгѣ посѣтителей Чешскаго Музея онъ расписался 5 (17) августа¹¹⁾ и тогда же написалъ въ альбомѣ Ганкѣ слѣдующія строки: «Гоголь желаетъ здѣсь Вячеславу Вячеславичу еще сорокъ шесть лѣтъ ровно, для пополненія 100 лѣтъ, здравствовать, работать, печатать и издавать во славу славянской земли и съ

слѣднѣй намѣренъ ѣхать въ Италію и Португалію: онъ въ природѣ своей — прямая противоположность тому, какимъ онъ является въ своихъ уморительныхъ повѣстяхъ и комедіяхъ: гипохондрикъ въ высшей степени. Впрочемъ, онъ дѣйствительно не совсѣмъ здоровъ, хотя болязнь свою онъ уже слишкомъ преувеличиваетъ въ своемъ воображеніи».

10) Это тотъ самый Пановъ, который вызвался сопровождать Гоголя въ его поѣздкѣ за границу въ 1840 г.

11) Дата приписана рукой Ганки.

такимъ же радушіемъ привѣтствовать всѣхъ Русскихъ, къ нему заѣзжающихъ, какъ нынѣ»¹²⁾).

Гоголь пишетъ дочкѣ
Виккиаву Виккиаву сестрѣ
Сорока шестъ летъ рубли, ^(для покупки для себя) ~~Берав.~~
стобаситъ работати платати и
сдавати кошаву авалиской земли
и съ такою же радушіемъ привѣт-
ствовати всѣмъ рускимъ къ какому заѣз-
жающему или иному. —
1845. 5/11 Мучѣр.

Насколько намъ извѣстно, первымъ появившимся въ печати въ чешскомъ переводѣ произведеніемъ Гоголя былъ «Тарасъ Бульба». Переводъ этотъ принадлежитъ К. В. Запу и былъ помѣщенъ въ журналѣ Kwětu за 1839 годъ (стр. 125 и сл.) Впослѣдствіи, въ 1847-омъ году, переводъ К. В. Запа вышелъ отдѣльнымъ, исправленнымъ и дополненнымъ,—по всей вѣроятности, при содѣйствіи Гавличка,—изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Taraš Bulba. Obraz starého kozactva na Ukrajině», въ сборникѣ: M. Gógola Zábavné spisy, v Praze, u Pospíšila, 1847, и отдѣльнымъ выпускомъ въ 202 стр.¹³⁾

Слѣдующіе по времени переводы относятся уже къ сороко-

12) Эта записка Гоголя была сообщена, къ сожалѣнію, не вѣрно и не полно, въ альманахѣ Libussa, 1852 г., въ жизнеописаніи Ганки, составленномъ его другомъ Легисъ-Глюкзелигомъ, а оттуда перешла въ томъ же видѣ и въ «Записки о жизни Н. В. Гоголя...», т. II, стр. 50—51. Одновременно съ Гоголемъ въ Прагѣ пребывалъ знаменитый хорватскій поэтъ Станко Вразъ. Страннымъ образомъ оба писателя не встрѣтились другъ съ другомъ.

13) Въ послѣднее время «Тараса Бульбу» переводили на чешскій языкъ: Јос. Комерза («Taraš Bulba. Historická kozacká pověst», въ изданіи Besedy Slovanské, díl I, v Brně, 1892. Отзывъ объ этомъ переводѣ въ газетѣ Čas, VI, 1892, 614) и И. Гошекъ (въ коллекціи Ruská knihovna, т. XVI, 1893, стр. 29—154. Рецензія въ газетѣ Národní Listy, 1896, № 271). И. С. Гинекъ переделалъ повѣсть Гоголя въ драму («Taraš Bulba. Obraz kozackého života na Ukrajině, v 5 odděl.». Dle romanu M. Gógola pro české divadlo vzdělal I. S. Huneč), представленную въ первый разъ на чешской сценѣ 20-го декабря 1865 года. Cf. Národní Listy, 1865, № 291. Здѣсь названъ Фричь, какъ авторъ этой драмы.

вымъ годамъ и принадлежать извѣстному чешскому публицисту и поэту Карлу Гавличку-Боровскому (1821—1856).

Такимъ образомъ, чешское общество рано начало знакомиться съ произведеніями Гоголя. Едва ли поэтому справедливо утверждение В. И. Ламанскаго¹⁴⁾, который говоритъ, что не только въ сороковыхъ годахъ, но и гораздо позже у западныхъ славянъ читали, переводили, любили Мицкевича, совсѣмъ мало знали Пушкина и почти вовсе не переводили и не читали Гоголя. Задолго до кончины Гоголя чехи читали на родномъ языкѣ и «Мертвыя души» и многія изъ повѣстей нашего писателя. Съ Пушкинымъ они тоже познакомились рано и во многихъ переводахъ¹⁵⁾. Иной вопросъ, насколько они понимали произведенія корифеевъ нашей новой литературы, и въ какой мѣрѣ знакомство съ ними отразилось въ тогдашней чешской литературѣ. По справедливому замѣчанію А. Н. Пыпина, непониманію Пушкина и особливо Гоголя способствовало вообще малое знаніе или совершенное незнаніе русской жизни¹⁶⁾, но интересъ къ твореніямъ ихъ существовалъ несомнѣнно. Особенно сильно было увлеченіе всѣмъ славянскимъ вообще послѣ бурнаго 1848-го года. Въ провинціяхъ, въ разныхъ чешскихъ гимназіяхъ въ пятидесятыхъ годахъ образовались кружки учениковъ, которые, насколько это было возможно, старались изучать славянскіе языки и литературы. Въ числѣ любимыхъ авторовъ молодежи чешской былъ и Гоголь¹⁷⁾.

Въ 1842-омъ году Гавличекъ, по рекомендаціи Шафарика, приглашенъ былъ въ Россію Погодинымъ въ качествѣ воспитателя дѣтей его, но по пріѣздѣ въ Москву Гавличекъ поступилъ на ту же должность въ семью С. П. Шевырева. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Гавличекъ не случайно попалъ въ Россію. Перебирая средства, которыя могли бы служить къ избранной имъ цѣли

14) «И. И. Срезневскій», стр. 7.

15) Ср. В. Францевъ, Пушкинъ въ чешской литературѣ, Спб., 1899.

16) А. Н. Пыпинъ, Ист. русск. этногр., III, 97.

17) О. Первольфъ, Славянское движеніе въ Австріи. Русская Рѣчь, 1879, августъ, 100.

служенія чешскому народу, Гавличекъ пришелъ къ мысли, что поприще журналиста, издателя популярной газеты, есть самое полезное и плодотворное для проведенія въ массу идей, необходимыхъ для ея благосостоянія. Хорошо изучивъ свое отечество, онъ пожелалъ узнать бытъ и другихъ народовъ. Это рѣшеніе раздѣляли съ нимъ еще два чешскіе патріота, которые рѣшились отправиться въ разныя страны Европы съ тѣмъ, чтобы результатами своего пребыванія за границей воспользоваться по возвращеніи въ отечество. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ отправиться въ Англію, другой во Францію, третій въ Россію. Россію избралъ Гавличекъ¹⁸⁾.

Общество, въ которомъ юный Гавличекъ очутился въ Москвѣ, должно было весьма благодѣтельно повліять на расширение знакомства его съ русской литературой. «Я имѣлъ счастье», говорятъ Гавличекъ, «попасть въ общество людей, которыми могла бы гордиться Русь, если бы только умѣла цѣнить ихъ, а не смотрѣла бы, какъ деревенская женщина, на одинъ блескъ и шумиху. Я живу не у Погодина, какъ предполагалъ, а у Шевырева... Въ нашемъ домѣ и у Погодина—средоточіе всѣхъ горячихъ народныхъ стремленій къ усовершенствованію русской литературы. Хомяковъ (поэтъ), Павловъ, Снегиревъ, Кирѣевскій постоянно бываютъ у насъ. Гоголь не живетъ въ Москвѣ, но зато у насъ (у Шевырева) складъ его сочиненій, и отъ насъ они продаются книгопродавцамъ. Сбытъ ихъ громадный. «Мертвыя души» уже распроданы, хотя экземпляръ (NB. одна только часть) ихъ стоитъ 14 гульденовъ...»¹⁹⁾.

Но, къ сожалѣнію, знакомство Гавличка съ русской литера-

18) М. И. Сухоминовъ, изъ Праги, въ Русск. Вѣстн., т. XXIII, стр. 118. «Dobře víte, писалъ Гавличекъ 27 апр. 1844 г. изъ Москвы, že jsem tyto peprné cesty své na sv. Rus předvezlal hlavně v společnosti s dvěma spoležáky Ga. (=dr. Vilém Gabler) a Gi. (Fr. Girgl). Rozdělili jsme si Evropu na tři díly a mně se dostala do cestování a studování východní». Korrespondence, vyd. L. Quis, str. 177; см. еще стр. 20 и 25.

19) Въ письмѣ изъ Москвы, отъ 8-го мая 1843 г., къ Запу. Havlička Sebr. vprisy, str. 233; Слав. Ежегод., II, 1877, стр. 185; то же въ новѣйшемъ изданіи переписки Гавличка подъ ред. Л. Квиса, стр. 101—102.

турой не отличалось ни особенной глубиной, ни широтой. Гавличекъ общалъ другу своему Запу посылать изъ Москвы рефераты о русской литературѣ для задуманнаго послѣднимъ по-временнаго изданія «Зерцало»²⁰⁾.

Запъ искалъ «сна востокѣ Европы», у ближайшихъ соплеменниковъ, новыхъ источниковъ литературной жизни, которая въ Чехіи пробуждалась нынѣ отъ долгаго сна. Въ предисловіи къ первому выпуску «Зерцала» онъ ясно высказалъ свой взглядъ на значеніе для чешской литературы ближайшаго общенія съ литературами этихъ единоплеменниковъ. «За недостаткомъ удачныхъ оригинальныхъ трудовъ, говорилъ онъ, мы постоянно питаемся переводами плодовъ духа и жизни чужихъ, неславянскихъ народовъ. Это денационализируетъ насъ больше, нежели кому-либо при первомъ взглядѣ можетъ казаться. Гибельная чужеземщина вкрадывается въ жизнь, изъ жизни въ литературу. Поэтому такъ мало народнаго духа, такъ мало самостоятельнаго самосознанія замѣчается въ нашей литературѣ. Обратимъ вниманіе на обильные и прекрасные плоды литературъ нашихъ восточныхъ побратимовъ: какой полетъ фантазій, какое богатство и свѣжесть духа! Мы должны пользоваться ими, черпать изъ нихъ переливающуюся въ нихъ силу, и древо нашей собственной литературы навѣрно прекрасно зазеленѣетъ, и мы сами отвернемся отъ запада, нынѣ поставляющаго намъ объѣдки своей истощенной жизни».

Отчеты о главнѣйшихъ явленіяхъ тогдашней русской литературы, писанные у непосредственныхъ источниковъ ея, могли бы сослужить великую службу чешскому просвѣщенному обществу. Темъ для такихъ рефератовъ безъ труда можно было найти изобиліе. Но вотъ что писалъ Гавличекъ тому же Запу уже въ маѣ мѣсяцѣ 1843 года, т. е. спустя всего три мѣсяца по прибытіи въ Москву. «Русская литература вовсе не въ такомъ блестящемъ состояніи, какъ мы обыкновенно думаемъ; пе-

20) Zrcadlo života na východní Evropě. Sw. I a II. W Praze, 1843. Во второмъ выпускѣ въ чешскомъ переводѣ напечатана была «Projížďka do Bessarabii» Н. И. Надеждина.

редъ нашей чешской она имѣеть лишь то преимущество, что она — богатая дама, что у нея есть деньги; если бы у насъ было столько золота, мы сумѣли бы вытряхнуть изъ рукава столько же плохихъ книгъ, какъ и господа русскіе. Зато русской литературѣ недостаетъ одной малой вещи, но столь драгоценной и угодной Богу, что я увѣренъ, что она поможетъ нашей убогой литературѣ достигнуть Парнаса, — я имѣю въ виду безкорыстіе, настоящій, искренній и упорный трудъ и любовь къ народу своему. Сомнѣваюсь, чтобы во всемъ шестидесятимилліонномъ русскомъ царствѣ было столько искреннихъ патріотовъ, сколько ихъ въ одной Прагѣ. Богатство портитъ людей».

Отзывъ нельзя не назвать страннымъ. Русская литература, записавшая уже на скрижали свои имена Пушкина и Лермонтова, не удовлетворила юнаго славянскаго гостя. Еще рѣзче и еще несправедливѣе были его сужденія въ письмѣ къ Запу отъ 24-го октября 1843 года.

«Я только потому не послалъ вамъ до сихъ поръ реферата о русской литературѣ», извинялся Гавличекъ, «что совѣсть не позволяетъ мнѣ лгать». «Kdo si nechce hubu spralit, musí mlčet, nebo chvalit», оправдывается онъ. «Вамъ, какъ знатоку дѣла, я говорю, что намъ, чехамъ, хотя бы намъ нечего было и ѣсть, все-таки чрезъ нѣкоторое время, что касается основательности и оригинальности, не въ чемъ будетъ завидовать русскимъ. Доселѣ я знаю только одного Гоголя: всѣ прочіе (и съ Пушкинымъ) составляютъ только, такъ сказать, *imitatorum pecus!*»

Такимъ образомъ, вся тогдашняя русская литература для Гавличка не представляла ничего достойнаго вниманія, за исключеніемъ одного Гоголя. Собираясь покинуть къ осени 1844 года Москву, онъ пишетъ 30 апрѣля Запу: «Я насытился уже русскими полушубками... жаль времени! По-русски я уже знаю, Москву изучилъ, еще больше научусь нынѣшнимъ лѣтомъ, а этого пока будетъ достаточно. Много, конечно, я уже не успѣю просмотрѣть, но для меня, какъ для будущаго преимущественно беллетриста, даже русская литература не имѣеть цѣны; всю премудрость, которая

миѣ нужна, я могу унести съ собой на спинѣ». Еще одно доказательство, какъ мало знакомъ былъ Гавличекъ съ корифеями нашей новой письменности, какъ незначительна была программа его изученій и задачъ, которыя онъ имѣлъ въ виду выполнить во время пребыванія своего въ Россіи.

Подобный скороспѣлый приговоръ надъ представителями всей новой русской литературы, съ Пушкинымъ во главѣ, произнесенный недолговременнымъ гостемъ Бѣлокаменной, свидѣтельствуешь больше о его критической отвагѣ, чѣмъ о дѣйствительномъ знакомствѣ и истинномъ пониманіи произведеній русской литературы. Замѣчательно, что въ письмахъ своихъ изъ Москвы Гавличекъ ни единымъ словомъ не обмолвился ни о Грибоѣдовѣ, ни о Лермонтовѣ, ни о Жуковскомъ, ни о Крыловѣ, ни о пріобрѣвшемъ уже въ тѣ годы литературную извѣстность Достоевскомъ, ни о многихъ другихъ выдающихся нашихъ писателяхъ, которыми русская литература того времени могла по праву гордиться. И это молчаніе и приведенные отзывы о главнѣйшихъ представителяхъ русской литературы являются тѣмъ болѣе странными, что, по признанію Гавличка (въ письмѣ къ Запу отъ 3 мая 1843 г.), у него было достаточно времени для занятій, а библіотека Шевырева, богатая произведеніями всѣхъ вообще литературъ, Погодина, изобиловавшая книгами историческими и старыми русскими, славянская библіотека Бодянского и, наконецъ, университетская — всѣ были къ его услугамъ.

Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что Гавличку прежде всего, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Москву, пришлось познакомиться съ твореніями Гоголя. Это знакомство произошло само собой. Домъ Шевырева, какъ выше свидѣтельствовалъ самъ Гавличекъ, былъ складомъ изданій Гоголя. Познакомившись съ произведеніями Гоголя, Гавличекъ немедленно приступаетъ къ переводу нѣкоторыхъ повѣстей его на чешскій языкъ. Уже въ октябрѣ (24-го) 1843 года онъ обѣщаетъ выслать Запу²¹⁾

21) Korespondence K. Havlíčka, str. 112—113.
Сборникъ II Отд. И. А. Н.

переводъ трехъ повѣстей Гоголя, при чемъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о содержаніи ихъ.

«Въ двухъ повѣстяхъ, — говоритъ Гавличекъ, — комически изображена жизнь мелкопомѣстнаго малорусскаго дворянства въ деревнѣ («Старосвѣтскіе помѣщики», или, какъ Гавличекъ переводитъ, «Filemon a Vaucis») и въ городѣ («Matěj a Matouš», т. е. «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»), а третья — рисуеть быть бурсаковъ». Эти переводы, согласно обѣщанію Гавличка, предназначались для Zrcadla, задуманнаго Запомъ. Гавличекъ въ томъ же письмѣ преподаетъ Запу слѣдующій совѣтъ, въ извѣстной степени опредѣляющій взглядъ его на указанные произведенія Гоголя: «Если вы желаете помѣстить въ «Зерцалѣ» что-либо сухое, незанимательное, тогда прибавьте это къ тому выпуску, въ коемъ будутъ напечатаны эти повѣсти Гоголя: онѣ весьма забавны, — какъ бы публика не разлакомилась».

Только къ концу января 1844 года обѣщанные переводы Гавличекъ надѣялся окончить, при чемъ извѣщалъ Запа, что изъ «Вія» онъ переведетъ только часть (а именно: «prorásní kijevských bursaků»), такъ какъ предлагать чешскому читателю переводъ всей повѣсти было бы противно задачамъ «Зерцала»; съ другой стороны, и самая повѣсть, хотя и основанная на народномъ преданіи, казалась Гавличку сильно переиначенной, ненародной и имѣющей весьма малую беллетристическую цѣну.

Въ то же самое время Гавличекъ выражалъ желаніе дополнить и исправить, согласно новому изданію²²⁾, «Тараса Бульбу», переведеннаго К. В. Запомъ для журнала Kwětu еще въ 1839 году, но такъ какъ единственный экземпляръ этого журнала, имѣвшійся въ библиотекѣ Бодянскаго, проданной имъ университету, былъ недоступенъ, ибо библиотека лежала неразобранной, и пользоваться ею не позволялось, то это намѣреніе Гавличку пришлось отложить. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ Запу

22) 1 мая ст. ст. 1843 г. онъ пишетъ Запу: «Gogola spisy vyšly ve 4 dílech; Taras Bulba velmi zdokonalen a skoro o polovic větší».

изъ Москвы онъ прямо говорить о томъ, что дополненія эти онъ сдѣлаетъ, если будетъ нужно, уже въ Чехіи, т. е. по возвращеніи на родину. Въ Чехіи же спустя нѣсколько лѣтъ сдѣланъ былъ Гавличкомъ и переводъ «Мертвыхъ душъ».

Относительно переводовъ Гавличка вообще можно замѣтить, что всѣ они отличаются большою близостью къ оригиналу, хотя не всюду переводчикъ надлежащимъ образомъ понимаетъ русскій текстъ. Гавличекъ переводитъ обыкновенно слово за словомъ, вообще чрезвычайно точно, не обходя болѣе трудныхъ мѣстъ, какъ это дѣлали позднѣйшіе переводчики; конструкція его предложеній поразительно близка къ русской, и этимъ переводы его сильно и выгодно отличаются отъ позднѣйшихъ. Все это можно сказать о внѣшней сторонѣ переводовъ Гавличка.

Но едва ли можно утверждать, что Гавличекъ понималъ истинное значеніе Гоголя для русской литературы и умѣлъ дать своимъ соотечественникамъ вѣрное опредѣленіе творчества его, а между тѣмъ такого рода утвержденія мы встрѣчаемъ въ жизнеописаніяхъ Гавличка. Такъ, редакторъ послѣдняго изданія переписки Гавличка Л. Квисъ утверждаетъ, что Гавличекъ правильно понималъ значеніе Гоголя и для русской и для чешской литературы: «*Třeba i podceňoval Puškina, házeje jej nemilosrdně do koše s ostatními napodobiteli západu, přece dlužno se podiviti tomu, jak správně vystihuje význam Gogolův pro ruské a spolu hned pro české písemnictví*»²³⁾. Но это утвержденіе ничѣмъ не поддерживается и никакъ не вытекаетъ изъ того, что сказано было Гавличкомъ о Гоголѣ.

«Неподражаемый ключъ къ уразумѣнію современной русской жизни», «Мертвыя души» остались непонятыми Гавличкомъ.

Односторонность пониманія Гавличкомъ произведеній Гоголя констатировалъ уже Шевыревъ въ одномъ изъ писемъ къ Погодину²⁴⁾. Упрекая Гавличка въ полномъ отсутствіи интереса къ русскимъ лѣтописямъ, древней письменности, писателямъ эпохи до на-

23) Correspondence K. Havlíčka, str. 86.

24) Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. VIII, стр. 452—454.

чала сороковыхъ годовъ, вообще ко всему тому, что необходимо было изучить для пониманія русской жизни, Шевыревъ утверждаетъ, что Гавличекъ довольствовался знакомствомъ лишь съ однимъ Гоголемъ, при чемъ понималъ въ немъ одну только комическую сторону, которая приходилась по сердцу его наклонности къ смѣшному. Свой взглядъ на «Мертвыя души» Гавличекъ выразилъ въ нѣсколькихъ строкахъ предисловія, предпосланнаго переводу ихъ: называя бессмертную поэму «замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ перваго русскаго юмориста», онъ видитъ въ ней прежде всего чрезвычайную забавность, которая не позволитъ читателямъ скучать. Такими же «забавными» произведеніями, какъ было указано выше, онъ считалъ и повѣсти Гоголя. Такого рода сужденія, отзывы о необыкновенно яркомъ юморѣ Гоголя, какъ исключительномъ дарованіи его, не чужды были, правда, и тогдашней русской литературной критикѣ, и молодой славянскій гость нашъ легко могъ поддаться вліянію чужихъ взглядовъ и вкусовъ.

Великое социальное значеніе «Мертвыхъ душъ», вліяніе этого произведенія на русскую литературу и литературныя понятія, глубокое проникновеніе художника-мыслителя въ тайники души русскаго человѣка, — все это осталось для Гавличка закрытой книгой, открыть которую онъ не сумѣлъ. Смѣсь слезъ и смѣха, «внѣшній смѣхъ и тайный плачъ», — основныя черты творчества Гоголя, были не замѣчены Гавличкомъ, и Гоголь въ изображеніи его представляется лишь юмористомъ, «забавнымъ пересмѣшникомъ», безъ той «думы скорби на челѣ», которая неразлучна съ вѣрнымъ его портретомъ.

По возвращеніи на родину Гавличекъ продолжаетъ знакомить своихъ соотечественниковъ съ произведеніями Гоголя. Раньше всего появились въ печати сдѣланные Гавличкомъ еще въ Москвѣ переводы «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» («Starosvětská šlechta») и «Носа»; переводы эти вышли въ изданіи *Biblioteka zábavného čtení (Nový běh, svazek V, str. 33, 102)* за 1845 годъ²⁵⁾.

25) Въ 1893 году оба перевода Гавличка вышли въ новомъ изданіи Фр. Бачковскаго. Второй переводъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» сдѣланъ Яномъ

Въ 1846 году Гавличкомъ былъ изданъ въ журналѣ *Česká Včela* (№ 35, подписано: Н. В., т. е.: *Havlíček Borovský*) отрывокъ изъ «Вія», подъ заглавіемъ: «*Kujevští studenti, jak byli před časy*»²⁶).

Къ 1847-му году относятся переводы Гавличка: «Шинели» (подъ заглавіемъ: «*Plášť*») и «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» (*Pověst o tom, kterak se rozhněvali pan Matěj s panem Matoušem*), вышедшіе въ сборникѣ: *M. Gógola Zábavné spisy* (Praha, 1847) и отдѣльнымъ изданіемъ²⁷).

Радостно привѣтствовалъ это первое, въ видѣ самостоятельнаго сборника, изданіе избранныхъ сочиненій Гоголя литературный критикъ журнала *Květy*²⁸: «Гоголь! Одна изъ первѣйшихъ звѣздъ на небосклонѣ русской литературы, одинъ изъ главнѣйшихъ столповъ храма русской романтики. Творенія его, вышедшія въ прошломъ году въ французскомъ переводѣ, стали достояніемъ всего просвѣщеннаго міра, а отнынѣ будутъ украшеніемъ и въ сокровищницѣ нашей переводной литературы».

Выразивъ похвалу переводчикамъ за ихъ симпатическое начіаніе, чешскій критикъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ

Гербеномъ (*Zoga*, 1882); третій—Л. Шкорпиломъ (*Mogavská Orlice*, 1885); четвертый—Яномъ Вагнеромъ (*Česká bibl. ročník*, R. II, sv. 5) и пятый—И. Гошкомъ (*Ruská knih.*, 1893, XVI, 5—28). Гошку принадлежитъ и послѣдній переводъ повѣсти «Ночь» (*Ruská knih.*, XVI, 249—275).

26) Вслѣдъ за Гавличкомъ тотъ же отрывокъ «Вія» въ 1847 году перевелъ Христіанъ Стефанъ въ сборникѣ повѣстей Гоголя: *M. Gógola Zábavné spisy*, подъ заглавіемъ: «*Kujevští školáci*». Отрывокъ, переведенный Гавличкомъ, перепечатанъ былъ въ 1857 году въ календарѣ «*Průrok*» (стр. 65 и сл.). Полный переводъ «Вія», сдѣланный И. Гошкомъ, вышелъ въ «Русской библ.» (т. XVI, 155—194), а подъ заглавіемъ «*Král duchů*», въ переводѣ П. Изерской, онъ былъ напечатанъ въ газетѣ *Plzeňské Listy* въ 1893 г. (№ 93 и сл.).

27) Вторымъ изданіемъ этого перевода «Шинели» вышелъ у Фр. Бачковского въ Прагѣ въ 1892 г., а «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»—въ 1893 г. Новый переводъ ихъ принадлежитъ И. Гошку (*Ruská knih.*, т. XVI, 333—364, 195—248).

28) 1847, стр. 344. Краткая библиографическая замѣтка объ этомъ изданіи появилась въ этомъ журналѣ уже въ № 36, стр. 143.

творчество Гоголя: «Перо Гоголя подобно волшебному жезлу, при помощи котораго дѣйствительная, неподдѣльная жизнь разнообразной Россіи переносится на бумагу, безъ нарушенія оригинальности этой жизни, безъ ослабленія силы ея красокъ. Геній Гоголя подобенъ проказнику-гному, который играетъ то маленькимъ зернышкомъ чистаго золота, то мишурными блестками и такъ искусно вращаетъ ихъ, что каждый разъ онѣ иначе сіяютъ, и каждый разъ на нихъ увидишь нѣчто новое».

Приводимъ здѣсь интересные, свидѣтельствующіе о вдумчивомъ пониманіи произведеній Гоголя, отзывы критика о вышедшихъ въ этомъ сборникѣ переводахъ. О «Тарасѣ Бульбѣ», переведенномъ, какъ выше было отмѣчено, К. В. Запомъ, по поводу употребленныхъ переводчикомъ двухъ различныхъ опредѣленій повѣсти: «*Obraz starého kozáctva*» и «*Pověst kozácká*», критикъ замѣтилъ: «Если бы мы вздумали приложить къ произведенію Гоголя обычную форму повѣстей, то въ самомъ дѣлѣ не знали бы, какъ съ нею приступить къ нему, и едва-ли какое-либо изъ мѣрилъ пришлось бы по нему. Но въ этомъ нѣтъ бѣды. При помощи параграфовъ эстетики не создавалось еще ни одно художественное произведеніе, и наоборотъ—изъ истинно-художественныхъ произведеній возникло много эстетическихъ параграфовъ... Назовемъ ли мы «Тараса Бульбу» «казацкой повѣстью», или «картиной стараго казачества»,—это не можетъ повліять на цѣну самаго произведенія, которое навсегда останется замѣчательнымъ явленіемъ русской беллетристики, величественнымъ и могучимъ дубомъ на рубежѣ поэзіи и прозы, озареннымъ сіяніемъ заходящаго солнца, огненной картиной бьющей ключемъ жизни, не знающей никакихъ узъ, полной разнообразнѣйшихъ фигуръ и цѣлыхъ группъ удалыхъ искателей приключеній, такъ что глазъ не знаетъ даже, на чемъ прежде всего остановить свое вниманіе. Главное здѣсь—не внутренняя основа творенія, не совершенное и прочное соединеніе всѣхъ частей его, впередъ выдвигается не столько причина, сколько слѣдствіе—и притомъ со всею силою пластики. Увлеченные живымъ потокомъ дѣйствія, развивающагося предъ

нашими очами, мы сосредоточиваемъ взоры на томъ, что несетя мимо насъ, не доискиваясь источника, изъ коего все это истекаетъ. Къ этой «картинѣ казачества» мы невольно должны приложить иную мѣрку, чѣмъ къ обыкновенной повѣсти».

Не менѣе восторженно отзывается о повѣсти Гоголя и современный критикъ, который желалъ бы видѣть и въ чешской литературѣ историческую повѣсть, подобную «Тарасу Бульбѣ». «Тарасъ Бульба — прелестная историческая картинка. Попробуйте взять любой образчикъ исторической беллетристики, процвѣтавшей въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, на примѣръ въ Германіи, и убѣдитесь, въ состояніи ли будете дочитать до конца болѣе обширную повѣсть. Прочитавъ нѣсколько страницъ, вы положите книгу въ сторону. Безсодержательность разсказа, безцвѣтность формы и матеріи утомятъ васъ тотчасъ же. «Тараса Бульбу» прочитаете съ удовольствіемъ до послѣдней строки и съ любопытствомъ будете искать еще продолженія. За исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей, коими произведеніе это связано съ своей эпохой (романтизмъ дѣйствія и героевъ, связь Андрія съ польскою красавицею, картины сношеній влюбленныхъ и нѣкоторыя преувеличенія въ изображеніи характеровъ и военнаго счастья казаковъ), повѣсть о казацкой жизни въ Запорожьѣ, дикой жизни степи, необузданности нравовъ. Сѣчи, военномъ движеніи въ окрестностяхъ осажденнаго Дубна и прочія главы казацкаго романа читаются какъ нѣчто свѣжее, вчера только появившееся. Произведеніе это отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ современному повѣствовательному искусству: оно имѣетъ свой особенный ароматъ, мѣстный колоритъ и множество поэтически использованныхъ деталей времени и мѣста. Приблизительно такую картину военнаго лагеря мы желали бы видѣть у нашихъ гуситовъ подъ Вышеградомъ или подъ Пльзенью... Удивительно, откуда авторъ тридцатыхъ годовъ набралъ красокъ и матеріала для своей кипящей жизнью исторической картины! Въ ней нѣтъ ни тѣни кропотливыхъ студій, тщательнаго собранія замѣтокъ и записокъ. Все это какъ бы схвачено

въ дыханіи воздуха, въ самой природѣ тѣхъ давно минувшихъ временъ»...²⁹⁾.

Первый критикъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на повѣстяхъ: «Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ...» и «Шинель». Авторъ, говоритъ онъ о Гоголѣ, какъ бы играетъ кускомъ нѣжной фарфоровой глины, которая въ рукахъ великаго художника приобретаетъ все новыя и новыя формы. Подобный остроумный рассказъ о столь ничтожныхъ предметахъ могло создать только гениальное перо Гоголя. Критикъ находитъ, что повѣсть, которую можно было бы назвать комической идилліей, если бы подобное опредѣленіе существовало въ какой-либо словесности, написана въ сильномъ Хоггартовскомъ стилѣ, кое-гдѣ даже слишкомъ яркими, крикливыми красками³⁰⁾.

Относительно содержанія обѣихъ онъ говоритъ слѣдующее: «Можно ли найти предметъ проще и незамысловатѣе? Это—повѣствованіе безъ всякой завязки и развязки, и какое тутъ множество игриваго юмора и шутливой прониі! Какова сила наблюдательности и мелкихъ, правда, но чрезвычайно удачныхъ узоровъ, чертъ и точекъ, постепенно создающихъ въ общемъ блестящую картину извѣстной части русской жизни. Въ этомъ отношеніи Гоголь обладаетъ гениальною изобрѣтательностью и столь вѣрно рассчитанными словами, что всегда попадаетъ ими въ цѣль; каждый оборотъ его заключаетъ нѣчто знаменательное, язвительно затрагивающее то общественные нравы, то отношенія частныя и общественныя. Читателя увлекаетъ не столько предметъ разсказа, сколько самый способъ изложенія. Въ этомъ Гоголь недостижимъ!»

Нельзя не признать остроумными сужденія чешскаго критика о «Портретѣ». По мнѣнію критика, Гоголь представляется намъ здѣсь, какъ поэтъ, одаренный необычайной фантазіей, дикой, наполняющей насъ ужасомъ; здѣсь онъ обнаруживаетъ то демоническое настроеніе (*infernalní rozman*), какимъ, напримѣръ,

29) *Národní Listy*, 1896, № 271.

30) *Květy*, 1847, стр. 352, 379—380.

отличается Гоффманнъ. Такимъ характеромъ проникнута уже въ извѣстной степени «Шинель», но тамъ онъ скрывается хоть частью подъ покровомъ дѣйствительной жизни. Критикъ справедливо замѣчаетъ, что, кромѣ элемента чисто фантастическаго, повѣсть имѣетъ нѣсколько тенденціозныхъ, касающихся вопросовъ искусства, орнаментовъ, придающихъ всему произведенію своеобразный, оригинальный характеръ.

«Ночь» чешскій критикъ называетъ «взрывомъ необузданнѣйшей, лишенной всякаго удержу фантазіи, не обращающей вниманія на то, что скажетъ о созданіяхъ ея строгая дѣйствительность». «Казалось бы, говорить критикъ, что для подобной мелочи не стоитъ обмакивать перо, а между тѣмъ Гоголь сумѣлъ украсить ее удивительнымъ богатствомъ юмора и оживить блескомъ красокъ дѣйствительности». Не менѣе восторженнымъ является и отзывъ о «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ». Критикъ прежде всего находитъ, что повѣсть поражаетъ читателя чрезвычайной легкостью разсказа, текущаго плавно безъ всякихъ усилій со стороны разсказчика, безъ всякихъ лишнихъ словъ. «Это истинный шедевръ стили!» замѣчаетъ онъ. По его мнѣнію, «Старосвѣтскіе помѣщики» являются восхитительной идилліей, далеко превосходящей десять книгъ неестественныхъ идиллій Геснера, съ ихъ безжизненными маріонетками, сисящими казаться людьми изъ крови и тѣла.

Въ 1849-мъ году вышелъ наконецъ¹ и переводъ «Мертвыхъ душъ» («Mrtvé duše»), печатавшійся въ редактированной Гавличкомъ газетѣ *Národní Noviny* съ № 156 (20-го іюля н. ст.) по № 207 (11 сентября н. ст.). Въ № 221 той же газеты напечатана была въ переводѣ Н. В. (т. е.: Гавличка-Боровскаго) «Лакейская» («Lokajství»³¹).

Переводъ «Мертвыхъ душъ» не отличался однако полнотой и

31) Издатель корреспонденціи Гавличка Л. Квисъ ошибочно утверждаетъ, въ примѣчаніи на стр. V, что эта сцена не была никогда напечатана и сохранилась только въ рукописи, въ бумагахъ Гавличка, въ библиотекѣ Чешскаго Музея.

точностью, и Гавличекъ, сознавая недостатки его, приготовилъ въ послѣдствіи болѣе полный, исправный и тщательнѣе отдѣланный текстъ перевода, которому не суждено было однако появиться въ печати при жизни переводчика. Переводу своему Гавличекъ предпослалъ въ *Národních Novinách* слѣдующія строки: «Надѣюсь, что именно въ настоящее время я приобрѣту благодарность нашего общества, познакомивши его съ этимъ замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ перваго русскаго юмориста, особенно потому, что въ этомъ произведеніи прекрасно изображены разнообразныя русскія характеры. Хотя произведеніе это довольно длинно и, по моему расчету, можетъ печататься въ газетѣ нашей около мѣсяца, однако необыкновенная занимательность его (*zábavnost'*) никому не позволитъ скучать, и мнѣ кажется, что этимъ хорошо восполнится нынѣшняя скудость политическихъ статей». Дополненнымъ и исправленнымъ переводомъ³²⁾ «Мертвыхъ душъ» Гавличка³³⁾ воспользовался въ послѣдствіи д-ръ В. Ржезничекъ, напечатавшій его въ своемъ изданіи *Modrá knihovna*³⁴⁾. Гавличекъ перевелъ только первую часть поэмы Гоголя. Не желая присоединять къ этому переводу какой-либо чужой переводъ отрывковъ второй части и основываясь на мнѣніи Гавличка, что

32) Однако, и этотъ дополненный и исправленный переводъ Гавличка никакъ нельзя назвать полнымъ и всегда вѣрнымъ. Гавличекъ почему-то и въ этой позднѣйшей переработкѣ своего перевода избѣгаетъ лирическихъ и описательныхъ мѣстъ. Мы не будемъ перечислять здѣсь эти пропуски, а ограничимся только указаніями на нѣкоторые неточности въ переводѣ Гавличка. Такъ «на закуску послѣ обѣдни» онъ переводитъ: «на *svačíně*», понимая выраженіе «послѣ обѣдни» въ смыслѣ «послѣ обѣда» (*svačina*—вѣм. *Jauche*); «казенная палата» Гавличекъ переводитъ «*zemský vaud*», «подмигивающій глазъ»—«*šilhavé oko*» (т. е. косою); «ключница»—«*kuchařka*»; «слишкомъ два часа»—неправильно переведено: «*zrovna*» (т. е.: именно, какъ разъ) *dvě hodiny*»; «изъ-за избъ тянулись.... огромныя клады хлѣба» — не понято и переведено: «*za chalupami táhly se veliké kupy polí v obilím*» и т. д.

33) Вырѣзки изъ *Národních Novin* съ собственноручными поправками и дополненіями Гавличка хранятся въ библиотекѣ Чешскаго Музея. Приложенный здѣсь снимокъ есть одна изъ страницъ позднѣйшихъ дополненій къ первоначальному переводу «Мертвыхъ душъ».

34) *Ročn. III, № 5—6*, 1894 года. Замѣтку объ этомъ изданіи см. въ газетѣ *Čas* 1894, str. 569.

F [Starý, obšírný sad; táhnoucí se za domem, zaháje-
 jící až za sels, a trávící se pak v polích, zarostlý a
 zhnusivatelý, obírcoboval jak se zdálo sám jediný tuto
 obšírnou ses, a sám jediný byl maleben se svoje krásnou
 naté bání ležely na nebesém horizontě spojené
 vršky vybijnělých na svobodě stromi. Bílý, ohromný
 peň břízky, bez vrchole uvažního buď bouři neb kos-
 mem činil z této zelené kónstě jako pravidelný ma-
 morový, ~~hlavový~~ blyštlivý se sloup, křiva ostrokoncinná
 zlomenina ^{jeho}, kterou se končil na hoře místo sou-
 pítalů, cenná se ^{v jeho} snížné bělostě ~~hlav~~ jako čipice
 aneb jako černý pták. Chmel zapletený dole v křovinách
 jeřábových, bezových a v ~~hlav~~ ovesi, ~~hlav~~ probíhající pak
 po vrškách velkého plotu, vyběhl konečně vzhůru a
 obrnul do polovice zlamanou břízku. Dosáhnou na
 ní do polovice spustil se odlaněný zase dolů, a na-
 chytal se na vršky jiných stromi, sem tam visel jen
 se větvi v kotoních upevněných ~~hlav~~ tinnými, varozný
 mi hájny zhlava se volibaje vzhůrem. Místem se
 otvíraly zelené kónit^{iny}, ožářené sluncem, a ukazovaly
 neovětlený kontek, jako temnou past, on byl řílý stí-
 nem pokrýte a soba že se jen v čerčné hlubíně jeho mi-
 kalý úžná slůživou, pavalení zadrželi; kólicí se besidka
 starý, zhnusilý ~~hlav~~ peň jívny, uschlé v takové hmlině,
 listi a větvé spletené a smotané, a konečně mládí

Автографъ Карла Гавличка-Боровскаго.

(Описание сада Плюшкина: «Старый, обширный, тянувшийся позади дома садъ...»)

первая часть сама по себѣ является вполне законченнымъ цѣлымъ, издатель ограничился перепечаткой приготовленной Гавличкомъ первой части «Мертвыхъ душъ». Такое отношеніе къ переводу Гавличка имѣетъ свое основаніе, но никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ издателя, что отрывки второй части «Мертвыхъ душъ» могутъ имѣть интересъ только для русскаго историка литературы, но никакъ не для чешской публики.

Вторично переведены были «Мертвыя души» Е. Ваврой въ изданіи И. Кобра *Slovanské Besedy* (Ročník II, Praha, 1862) и вышли въ трехъ частяхъ (I-ая—208 стр., главы I—VII; II-ая—182 стр., главы VII—XII; III-я, посмертная,—143 стр., главы XIII—XVI).

Лучшимъ и единственно полнымъ переводомъ поэмы Гоголя слѣдуетъ, несомнѣнно, признать переводъ И. Гошка, вышедшій въ 1891 году въ Русской Библиотекѣ (*Ruská knihovna*, томъ XI), издаваемой И. Отго, подъ редакціей извѣстнаго чешскаго публициста и переводчика произведеній русской литературы Я. К. Грубаго. Переводъ этотъ сдѣланъ по десятому изданію сочиненій Гоголя 1889 года, вышедшему подъ ред. И. С. Тихонравова. Первая часть — есть точный переводъ той редакціи, которая помѣщена въ изданіи Тихонравова, въ томѣ III-мъ, стр. 3—249. «Относительно перевода второй части», говоритъ редакторъ чешскаго изданія, «у насъ возникали нѣкоторыя сомнѣнія, но мы рѣшились все-таки перевести и эту часть «Мертвыхъ душъ», на томъ основаніи, что и въ отрывкахъ ея, хотя и не столь обработанныхъ и совершенныхъ, какъ этого желалъ самъ авторъ, заключается столько возвышенной красоты, такъ много глубокихъ мыслей, что и чешскій читатель съ благодарностью прочтетъ эти незначительные обломки великолѣпной эпопеи и пожалѣетъ о невознагради- мой потерѣ всего творенія». При переводѣ второй части переводчикъ придерживался, по его словамъ, такъ называемаго исправленнаго текста, напечатаннаго Тихонравовымъ въ IV-мъ томѣ (стр. 287—408), при чемъ позволилъ себѣ сдѣлать два отступленія отъ этого текста, а именно: въ главу вторую переводчикъ

включилъ анекдотъ Чичикова о «черненькихъ» и «бѣленькихъ»³⁵⁾ и въ главу пятую — два эпизода: разговоръ Чичикова съ адвокатомъ и конецъ бесѣды Муразова съ Хлобуевымъ. Обѣ эти вставки займствованы чешскимъ переводчикомъ изъ первой редакціи второго тома «Мертвыхъ душъ», помѣщенной въ изданіи Тихонравова въ томѣ III-мъ, на стр. 279—411. Кроме того, для большей связности текста первыхъ четырехъ главъ, переводчикъ дополнилъ нѣкоторыя части второго тома по воспоминаніямъ тѣхъ лицъ, коимъ Гоголь читалъ его; такъ, вторая глава дополнена въ чешскомъ переводѣ на основаніи воспоминаній Арнольди (въ изд. Тихонравова т. III, стр. 556—561), пропуски въ главахъ третьей и четвертой — по замѣткамъ Шевырева (въ изд. Тихонравова т. IV, стр. 577 и 582).

Отмѣтимъ далѣе всѣ прочіе, извѣстные намъ, чешскіе переводы произведеній Гоголя. Къ сороковымъ годамъ относится еще полный переводъ «Записокъ сумасшедшаго» («Zápisky bláznů»), появившихся впервые въ ж. Květy (№ 13) за 1846 г. Впоследствии, подъ заглавіемъ «Z denníka šilence», перевелъ «Записки» А. В. Экъ въ ж. Lumír въ 1873 году (т. I, стр. 273); отрывки изъ нихъ, читавшіеся на сценѣ В. Н. Андреевымъ-Бурлакомъ, перевелъ д-ръ Павелъ Дурдикъ въ очеркѣ: «Scény z Gogolových «Bláznových zápisek», které představuje herec V. N. Andrejev-Burlak» (Světozor, 1886, стр. 523 и сл., съ 8-мью иллюстраціями); въ 1892 г. въ газетѣ Český Jih (приложение къ № 16 и сл.) «Записки» напечатаны были въ переводѣ неизвѣстнаго лица, подъ заглавіемъ: «Z denníku bláznů» и, наконецъ, въ названной уже нами Русской Библіотекѣ (т. XVI, стр. 418—441) онѣ вышли въ послѣдній разъ въ переводѣ И. Гошка.

Въ 1847 году вышелъ журналъ Česká Včela (1847, № 95—97) переводъ «Коляски» («Kočárek»), сдѣланный, какъ можно предполагать на основаніи внѣшнихъ признаковъ, самимъ редак-

35) По-чешски извѣстное выраженіе: «Полюбите насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ», переведено: «Měj nás rád neumyté, umyté má nás rád každý». Едва ли можно признать эту передачу удачною.

торомъ журнала Карломъ Гавличкомъ-Боровскимъ. Вторично, подъ заглавiемъ: «Коѣгъ», перевелъ этотъ разсказъ И. Гудецъ въ юмористическомъ журналѣ *Paleček* (1879 г.); въ журналѣ *Jitřenka* 1888 г. (№ 23 и 24) помѣщенъ былъ третiй переводъ Яна Новака (подъ заглавiемъ «*Koleska*»); наконецъ, четвертый переводъ принадлежитъ И. Гошку (*Ruská knihovna*, т. XVI, str. 365—380).

Къ тому же 1847-му году относится появленiе въ переводѣ Хр. Стефана «Портрета» («*Podobizna*») и «Невскаго проспекта» (въ сборникѣ М. *Gógola Zábavné Spisy* и отдѣльно). И. Гошку принадлежитъ новѣйшiй переводъ обонхъ разсказовъ (*Ruská knih.*, т. XVI, стр. 276—322, 381—417). Кромѣ того, «Портретъ» вышелъ нѣсколько раньше въ переводѣ И. К. Шляйса въ газетѣ *Klatovské Listy* (1883 г., № 1 и сл.).

Въ періодъ времени съ 1849 года, когда Гавличекъ напечаталъ отмѣченный выше переводъ «Лакейской», до 1852 года, т. е. до смерти Гоголя, новые переводы произведенiй Гоголя, насколько намъ извѣстно, не появлялись, и только смерть великаго писателя пробудила вновь интересъ чешскаго общества къ его безсмертнымъ творенiямъ.

Въ теченiе 1852 года появились слѣдующiе переводы: въ журналѣ *Lumír* (т. I, стр. 361): «Майская ночь» («*Majová noc*»), въ переводѣ Ф. В. К.; въ газетѣ *Pražské Noviny*, выходившей подъ редакцiей поэта В. Яромiра Пицка, тотъ же переводчикъ (Ф. В. К.) помѣстилъ: 1) «Сорочинскую ярмарку» («*Trh v Sorocíně*», № 202—210) и 2) «Страшную мечь» («*Strašná pomsta*», № 212, 214—223, 225). Редакцiя Пражскихъ Новинъ предпослала переводу второй повѣсти слѣдующее примѣчанiе: «Обращаемъ вниманiе нашихъ читателей на эту, у насъ до сего времени еще неизвѣстную, повѣсть. Гигантскiя фигуры, нарисованныя здѣсь мастерскимъ перомъ недавно скончавшагося Гоголя, напоминаютъ намъ титановъ-героевъ мрачныхъ скандинавскихъ сагъ. Повѣсть эта является полною противоположностью «Майской ночи».

«Майскую ночь» впоследствии переводили на чешскiй языкъ:

1) В. Ржига въ журналѣ Světozor 1877 года (т. XI, 6); 2) неизвѣстный переводчикъ—въ календарѣ Česko-Moravská pokladnice на 1883 г. (стр. 83—104, съ иллюстраціями); 3) И. Илька въ газетѣ Křакопошъ въ 1885 г. и 4) И. Гошекъ въ Русской Библ. (т. XIII, 56—85). Здѣсь же отмѣтимъ и переводъ либретто оперы Н. А. Римскаго-Корсакова «Майская ночь», сдѣланный для чешской сцены В. И. Новотнымъ (См. Zlatá Praha, 1886, 540).

«Сорочинская ярмарка» извѣстна намъ еще въ слѣдующихъ переводахъ: 1) въ 1855 году ее перевелъ д-ръ И. П. для журнала Lumír (т. I, 242), подъ заглавіемъ «Soročinský trh»; 2) въ переводѣ М. («Trh Soročinský») она появилась въ 1865 году въ газетѣ Lužničan (Tábor); 3) переводъ В. Р. вышелъ въ 1875 г. въ журналѣ Světozor (т. IX, стр. 197, 210, 220, 236); 4) подъ заглавіемъ: «Výroční trh v Soročincích» Янъ Вагнеръ издалъ эту повѣсть въ коллекціи Česká bibl. roční (Ročník II, sv. 5); 5) послѣдній переводъ сдѣланъ И. Гошкомъ для Русской Библ. (въ 1892 г., т. VIII, стр. 7—38). Замѣтимъ кстати, что въ пражскомъ нѣмецкомъ журналѣ Ost und West эта повѣсть вышла еще въ 1847 году (№ 83—88) въ переводѣ I. Е. Шнейдера, подъ заглавіемъ: «Der Jahrmakrt zu Sorotschin». «Страшную мечь» вторично перевелъ въ 1890 году въ газетѣ Slovacké Noviny (№ 69 и сл.) А. В. Верекинъ, а въ третій разъ она переведена И. Гошкомъ въ Русской Библ. (т. XIII, стр. 152—194).

Въ 1855 году въ журналѣ Lumír (т. I, стр. 315) появилась «Ночь передъ Рождествомъ» («Noc před Vánosemi») въ переводѣ Либишанскаго; вторично перевелъ ее В. Покъ въ изданіи И. Л. Кобра Ustřední knihovna (вып. 73); третій переводъ, подъ заглавіемъ: «Štědrý večer», принадлежитъ Руд. Бѣгалу (въ газетѣ Moravská Slovač, 1888, № 87), четвертый — Яну Вагнеру (Česká bibl. roční, R. II, sv. 5) и пятый — И. Гошку (Ruská knih., т. XIII, стр. 105—151).

Значительно позже сдѣлался достояніемъ чешской литературы «Ревизоръ». Комедія Гоголя впервые была представлена на сценѣ пражскаго «Временнаго театра» («Prozatimní divadlo»)

21 апрѣля 1865 года, въ переводѣ И. Гуттара: «Revisor, ruská národní komedie v 5 jednáních»³⁶). На сценѣ чешскаго Национальнаго театра (Národní Divadlo) она была поставлена только 20 октября 1891 года и имѣла, какъ свидѣтельствуя театральные отчеты, несомнѣнный успѣхъ (См. Národní Listy, 1891, № 298; Zlatá Praha, № 50, str. 600; Světozor, № 49, str. 587—589; Čas, str. 698—699; Česká Thalie, str. 359 и сл.). Второй переводъ; сдѣланный I. S., носить заглавие: «Revisor, aneb: «Nehněvej se na zrcadlo, máš li křivou hubu», veselohra v 5 jednáních», и вышелъ въ двухъ изданіяхъ: 1) въ журналѣ Česká Thalie въ 1867 г., и 2) въ коллекціи Divadelní ochotník (вып. 4-й) въ 1882 г. Изъ журнальныхъ сообщеній мы знаемъ, что «Ревизора» перевелъ на чешскій языкъ и В. Ч. Бендль, извѣстный переводчикъ произведеній Пушкина, но переводъ его остался неизданнымъ (См. Lumír, 1865, 175; Rozhledy literární, 1886, 112). Новѣйшій (1892 г.) переводъ «Ревизора» сдѣланъ И. Гошкомъ (Ruská knih., т. XIII, 231—341; рец. Vlast', 1893, № 5), присоединившимъ впервые къ переводу комедіи Гоголя и «Развязку Ревизора» («Rozuzlení Revisora»). Въ 1902 году переводъ Гошка съ вступительной статьей д-ра К. Кольмана вышелъ въ популярномъ изданіи Světová knihovna (вып. 271—272). Съ шестидесятихъ годовъ и до настоящаго времени «Ревизоръ» встрѣчается всегда сочувственное отношеніе чешской публики и изрѣдка появляется на сценахъ небольшихъ загородныхъ театровъ, такъ называемыхъ пражскихъ «аренъ». Въ послѣдній разъ мы имѣли случай видѣть его на сценѣ такого театра (Píštěkovo divadlo na Král. Vinohradech) лѣтомъ 1901 года. «Ivan Fedorovič Šproňka» перевелъ Ц. Фричъ въ юмористическомъ журналѣ Paleček (1882 г.); второй переводъ принадлежитъ В. М. Имрамовскому, въ ж. Zlatá Praha (I. 1884, 198 и сл.), и третій — И. Гошку (Ruská knih., т. XIII, 195—221).

«Игроки» («Hráči. Obraz z ruského života v 1 jednání») перевелъ

36) Ср. «Ревизоръ на чешскомъ языкѣ», Книжн. Вѣстн., 1865, № 10, 205. Въ июнѣ 1902 г. «Ревизоръ» опять поставленъ на сценѣ Нац. театра.

д-ръ Павелъ Дурдикъ и издалъ въ 1885 г. въ собраніи *Ochotnické divadlo* (вып. 12-й). «Игроки» представлены были въ первый разъ на сценѣ чешскаго Национальнаго театра 9-го января 1885 года. Произведеніе Гоголя, по отзывамъ театральныхъ рецензентовъ (*Slovanský Sborník*, IV, 1885, стр. 111. Ср. еще отчетъ о первомъ представленіи въ газ. *Národní Lísty*, 1885, № 11), имѣло несомнѣнный успѣхъ на чешской сценѣ. «Игроковъ» нельзя назвать новинкой, замѣчаетъ одинъ изъ критиковъ, тѣмъ не менѣе они явились лакомымъ блюдомъ, поднесеннымъ чешской публикѣ. Пьеса эта, представляющая въ сущности драматизированный анекдотъ, не понравилась бы, если бы ее написалъ писатель чешскій, но она имѣла успѣхъ, благодаря своему русскому характеру, и произвела бы сенсацію, если бы была написана какимъ-нибудь французскимъ писателемъ» . . .

Отрывокъ, «Нос на Украјинѣ» (Украинская ночь) напечатанъ былъ въ газетѣ *Český Jih* въ 1891 г. (№ 5, приложение). Въ XIII-мъ томѣ Русской библіотеки въ переводѣ И. Гошка помѣщены еще: «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала» («*Svatojanský večer*», стр. 39—55), «Пропавшая грамота» («*Ztracený list*», стр. 86—98) и «Заколдованное мѣсто» («*Začarované místo*», стр. 222—230). Въ нѣмецкомъ переводѣ послѣдняя повѣсть стала извѣстна чешскому обществу значительно раньше, а именно уже въ 1847 г., когда она появилась въ переводѣ I. Е. Шнейдера («*Der verzauberte Ort*») въ пражскомъ журналѣ «*Ost und West*» (№ 95 и 96).

* * *

Смерть Гоголя вызвала въ Чехіи неподдѣльное, искреннее огорченіе. Одну изъ первыхъ замѣтокъ о смерти популярнаго уже въ Чехіи русскаго писателя встрѣчаемъ въ № 73-емъ газеты *Pražské Noviny* 1852-го года. Здѣсь сообщалось: «Знаменитый русскій писатель Николай Васильевичъ Гоголь, произведенія котораго въ переводѣ и въ Чехіи пользуются большими симпатіями (кто не знаетъ, напримѣръ, его «Тараса Бульбы» и другихъ пре-

красныхъ сочиненій!), скончался въ Москвѣ 5 марта с. г., въ 8 ч. утра, послѣ непродолжительной болѣзни на 44 году жизни».

Подробныя извѣстiя о послѣднихъ минутахъ, кончинѣ и похоронахъ Гоголя вскорѣ сообщилъ Ганкѣ, имѣвшему счастье лицезрѣть великаго русскаго писателя и бесѣдовать съ нимъ, московскiй корреспондентъ его, переводчикъ Краледворской рукописи Н. В. Бергъ ³⁷⁾. «Драгоценный Вячеславъ Вячеславичъ!» писалъ онъ своему пражскому другу 19 апрѣля 1852 года, «вы конечно знаете, что мы лишились нашего великаго Гоголя. Это поразило насъ всѣхъ ужасно. До сихъ поръ не можемъ опомниться. Все, что у него оставалось не напечатаннымъ, онъ сжегъ, а равно и второй томъ Мертвыхъ Душъ. Въ сороковой день по кончинѣ его были поминки въ Даниловскомъ монастырѣ, гдѣ онъ положенъ рядомъ съ Языковымъ, Валуевымъ и Венелинымъ, и трапеза для сорока человекъ бѣдныхъ. Это было въ понедѣльникъ на Святой. Ст. П. Шевыревъ прочелъ за нашимъ обѣдомъ (который былъ тамъ же, въ покояхъ архимандрита) Свѣтлое Воскресенiе Гоголя. Всѣ были тронуты до слезъ. Немного такихъ мгновенiй, какiя мы прожили тамъ, дается человѣку на землѣ! Миръ праху твоему, великiй человѣкъ!... На памятникѣ, который хотятъ поставить ему друзья, будетъ (какъ говорили на поминкахъ) написано слѣдующее: Горькимъ словомъ моимъ посибюся. Не помню, откуда это. Чуть ли не изъ книги I. Сына Сирахова. На поминкахъ присутствовали Шевыревъ, Погодинъ, Хомяковъ, П. Кирѣевскiй, Елагинъ, Грановскiй, Соловьевъ, Островскiй (замѣчательный изъ молодыхъ писателей) и др., — всего около сорока человекъ. На похоронахъ его была, можно сказать, вся Москва. Я имѣю лишнюю гипсовую маску, снятую съ лица Гоголя; увѣдомьте, какъ бы мнѣ вамъ ее переслать, я бы переслалъ»...

По случаю кончины Гоголя Н. В. Бергъ написалъ для «Москвитянина» (1852, № 8, апрѣль, кв. 2-ая, стр. 273) стихотво-

37) Впослѣдствiи лекторъ русскаго языка въ Имп. Варшавскомъ университетѣ. Скончался въ 1884 году.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

рение, которое сообщилъ Ганкѣ въ этомъ же письмѣ. Ганка не замедлилъ перевести на чешскій языкъ и приведенный нами отрывокъ изъ письма Берга и самое стихотвореніе и подѣлиться съ чешскимъ читателемъ скорбной вѣстью о кончинѣ великаго русскаго писателя, ставшаго уже хорошо извѣстнымъ въ Чехіи. Стихотвореніе Н. В. Берга въ оригиналѣ и чешскомъ переводѣ и отрывокъ изъ письма напечатаны были въ приложеніи къ журналу *Lumír* 1852 г. (№ 8, 20 мая н. ст.)⁸⁸⁾.

НАДЪ ГРОБОМЪ ГОГОЛЯ.

Ударилъ часъ — и нѣтъ у насъ Его!
 Пылливое еще закрылось око!
 Еще у насъ не стало одного,
 Кто вѣдалъ Русь и жизнь ея глубоко.

И онъ, какъ тѣ, угасъ во цвѣтѣ лѣтъ,
 И всѣ сердца исполнились печали
 И повяли, кого межъ нами нѣтъ,
 Кого мы безвозвратно потеряли!

А между тѣмъ, тогда, какъ съ нами жилъ
 И дѣйствовалъ, и мыслилъ этотъ геній,
 Исполненный живыхъ, чудесныхъ силъ
 И тайныхъ неразгаданныхъ видѣній, —

Тогда вполнѣ его не понималъ
 Никто изъ насъ, по своему толкуя
 О томъ, что онъ въ душѣ своей скрывалъ,
 Одинъ за всѣхъ страдая и тоскуя.

И малодушно былъ онъ осужденъ,
 И много въ немъ увидѣли пороковъ,
 И много нареканій вынесъ онъ
 И горько-оскорбительныхъ упрековъ.

88) Приводимъ здѣсь оба текста какъ они напечатаны въ названномъ журналѣ.

Но все молчалъ, таясь отъ всѣхъ вдали;—
 И умеръ онъ... и вдругъ намъ грустно стало,
 Что мало жизнь мы эту берегли
 И — можетъ — ей сочувствовали мало.

И суетясь ко гробу мы спѣшимъ,
 Гдѣ скрылся онъ, борьбою утомясь,
 И плачемъ тамъ, склоняясь передъ нимъ
 И за душу покойнаго молясь.

Какъ будто смерть разоблачила намъ
 Его нераздѣленные страданья,
 И шутки со слезами пополамъ,
 И вѣчное, упорное молчанье;

Какъ будто намъ теперь лишь уясненъ
 Великій духъ, и мы должны сознаться,
 Что въ правѣ былъ задумываться онъ
 И въ самого себя уединяться.

NAD HROBEM GOGOLOVÝM.

Udeřil čas — i není Ho u nás!
 Zpytavé ještě zakrylo se oko!
 Ještě nepovstal ani jeden z nás,
 Kdoby znal Rus' v životě tak hluboko!

On jako ti uhas ve květu let,
 Všecka srdce naplnila se smutkem
 I poňala, koho ztratil náš svět,
 Koho jsme měli slovem, koho skutkem!

A mezi tím, tehda když s námi žil,
 I působil, i myslil tento Genij,
 Naplněn jsa živých, podivných sil
 I tajných, nerozhodnutých vidění,

Tehda vplně jeho neponímal
 Nižádný z nás, jak sám znal vykládaje
 To, co v duše své hloubi ukryval,
 Sám za všechny stesk veda i strádaje.

I malodušně byl odsouzen on,
 I mnoho v něm viděli chyb vzdorů,
 I mnoho nařikání vynes on,
 I hořce urážlivých napřekorů.

Než vždy mlčel, taje se všech vdáli,
 I umřel on — i hned se smutno stalo,
 Že málo jsme život ten chránili,
 I snad též jej spolucítili málo.

I na překot k hrobu jsme spěchali,
 Kde skryl se on, zápasem v unavení,
 I pláčem sklánějíc se v pečali
 Za duši nebožtíka v modlení.

Jakoby smrt rozoblačila nám
 Jeho nerozdělené utrpení,
 I žerty se slzami kanou nám,
 I věčné — i tvrdošijné mlčení.

Jakoby nám ted' teprv objasněn
 Veliký duch — i dlužni jsme přiznat se,
 Že právo měl tak býti zahluben
 I v samého v sebe ustraňovat se.

Получивъ отъ Ганки переводъ своего стихотворенія, Бергъ писалъ ему (11 июня 1852 г.): «Переводъ вашъ сдѣланъ съ поразительною вѣрностью. Я позволю себѣ замѣтить только одно мѣсто: въ концѣ предпоследней строфы въ вашемъ переводѣ какъ будто сказано не совѣтъ то, что у меня по-русски: «И шутки со слезами пополамъ, И вѣчное упорное молчанье», т. е. и шутки,

перемѣшанныя со слезами, и вѣчное молчаніе его (смерть какъ будто разоблачила). Извините, если я ошибся, но думаю, что вы меня не поняли... Дѣйствительно, Ганка не понялъ этого мѣста стихотворенія Берга, какъ легко убѣдиться изъ сравненія указанныхъ стиховъ оригинала и перевода. Тогда же Бергъ сообщалъ Ганкѣ, въ добавленіе къ извѣстіямъ о послѣднихъ минутахъ Гоголя, еще нѣсколько подробностей. «Когда сильно занемогъ Гоголь, — писалъ Бергъ, — вся Москва приняла въ этомъ участіе. Всѣ при встрѣчахъ другъ съ другомъ спрашивали: «А что слышно объ Гоголѣ?» «Каковъ онъ?» Въ четвергъ 21-го февраля разнеслась по городу ужасная вѣсть о его кончинѣ. Онъ умеръ на квартирѣ графа Толстого, въ домѣ Талызина на Никитскомъ бульварѣ. Всѣ бросились поклониться покойному. Комната, гдѣ стояло тѣло, была постоянно полна народомъ. Маску сняли немедленно. 22-го февраля, въ пятницу, въ 8 часовъ вечера, назначена была панихида и выносъ тѣла въ университетскую церковь. Между посѣтителеми были попечитель Московскаго учебнаго округа Его Прев. Генераль-Адъютантъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ. По выслушаніи панихиды, тѣло вынесли на рукахъ и несли вплоть до церкви друзья и знакомые покойнаго. На другой день было двѣ панихиды, при чемъ въ церковь стекалось множество народа. Въ день погребенія (воскресенье, 24 февраля) вся церковь наполнилась народомъ, а также сѣни, крыльцо и часть улицы. Было до четырехъ тысячъ человѣкъ. Тутъ замѣтили лежацій въ головахъ покойнаго свѣжій лавровый вѣнокъ, принесенный неизвѣстно кѣмъ. Къ концу обѣдни прибылъ г. Московскій Военный Генераль-Губернаторъ, Его Сіят. графъ Арсеній Андр. Закревскій. Всѣ должностныя лица были въ мундирахъ. По окончаніи обѣдни и отпѣванія тѣло вынесли изъ церкви на рукахъ профессора Грановскій, Соловьевъ, Кудрявцевъ и др. и передали внизу, на улицѣ, народу. Много было желающихъ нести тѣло, и такъ оно было донесено до монастыря, несмотря на дурную дорогу и снѣгъ по колѣна и на значительное разстояніе, — отъ университета до Даниловскаго монастыря вѣр-

ныхъ пять версть, — всѣ шли пѣшкомъ, не чувствуя усталости... Экипажи тянулись безконечной вереницей сзади... Такъ мы похоронили нашего великаго Гоголя! И никто не запомнитъ такихъ похоронъ, никогда не было такого общаго сочувствія къ писателю (кромѣ, разумѣется, похоронъ Пушкина въ Петербургѣ), такой общей печали... По прошествіи шести недѣль былъ распечатанъ шкапъ его и тамъ найдено нѣсколько тетрадей разныхъ неизвѣстныхъ сочиненій: пять главъ (несовсѣмъ отдѣланныхъ) 2-го тома «Мертвыхъ душъ», внутренняя біографія и нѣкоторыя другія. Все это будетъ издано въ свѣтъ при первой возможности. С. П. Шевыреву поручено Академіей Наукъ составить біографію покойнаго, для чего Степанъ Петровичъ ѣдетъ нынѣшнимъ мѣсяцемъ въ Полтавскую губернію, гдѣ родился Гоголь, и гдѣ живы еще его мать и три сестры».

И этими строками Ганка поспѣшилъ подѣлиться съ своими соотечественниками. Переводъ приведеннаго здѣсь отрывка изъ письма Берга сдѣланъ былъ извѣстнымъ переводчикомъ Пушкина Бендлемъ (псевд.: Ченекъ Страницкій), очевидно, по порученію Ганки, и напечатанъ былъ въ томъ же журналѣ: *Lumír* (1852, прилож. № 11), подъ заглавіемъ: «Poslední doba N. Gogola a pozůstalé spisy jeho». Въ дополненіе къ сообщеніямъ Берга переводчикъ присоединилъ извлеченіе изъ статьи Погодина (въ «Москвитинѣ») о послѣднихъ минутахъ Гоголя, посланной Бергомъ Ганкѣ одновременно съ упомянутымъ письмомъ. Оба извлеченія изъ письма Берга перепечатаны были тотчасъ же въ газетѣ *Pražské Noviny* (1852, № 123 и № 165—166), уже раньше сообщившей читателямъ своимъ краткій очеркъ жизни и обзоръ литературнаго наслѣдія Гоголя (1852, № 98—100). Въ томъ же 1852-мъ году принесла нѣсколько замѣчаній о взаимныхъ отношеніяхъ Жуковскаго и Гоголя («Žukovský a Gogol») вѣнская чешская газета *Vesna* (№ 29).

Обстоятельный біографическій очеркъ и характеристику литературной дѣятельности Гоголя представилъ Е. Вавра къ его переводу «Мертвыхъ душъ» (*Slovanské Besedy*, R. II—III, str.

145—164). О значеніи Гоголя въ исторіи русской литературы говоритъ Antal Stašek въ статьѣ: «Ruské básnictví a Turgeněv» (Osvěta, III, 1873, leden, 65—66), но сужденія его довольно поверхностны; I. V. разсуждаетъ о томъ же въ ж. Světozor 1881 г. (т. XV, 281, 290). Въ замѣткѣ: «Pěstouni Gogolovi» (по Скабичевскому) разсказывается о злключеніяхъ Гоголя съ цензурой (Slovanský sborn., V, 1886, 283). Статьи Бѣлинскаго о Гоголѣ перевелъ В. Мрштикъ («Bělinskij o Gogolovi», въ ж. Rozhledy literární, 1887, № 11). Ему же принадлежитъ замѣтка «Gogol ve Vídni» (въ ж. Česká Thalie, 1887, str. 201), по поводу постановки «Ревизора» на Вѣнской сценѣ. Нѣсколько словъ къ пятидесятилѣтію «Ревизора» написалъ д-ръ К. Кадлецъ (въ ж. Literární listy, IX, 1888, 55—57). Драматическимъ произведеніямъ Гоголя посвящаетъ нѣсколько замѣчаній неизвѣстный авторъ статьи: «Ruské hry, realismus na jevišti a české národní drama» въ ж. Literární Listy, X, 1889, str. 64, 97. Иос. Коверза по лекціямъ О. Ѡ. Миллера составилъ очеркъ отношеній русской критики къ Гоголю: «Několik slov o Gogolovi a kritice občasí Gogolovského» въ ж. Liter. listy, XI, 1890, 172, 191, 221.

Исторію затрудненій при постановкѣ «Ревизора» на сценѣ разсказываетъ К. Штепанекъ въ очеркѣ: «K dějinám Gogolova «Revisora»» (въ ж. Česká Thalie, 1891, стр. 341); ему же принадлежитъ обстоятельная біографія Н. В. Гоголя въ чешскомъ Энциклопедическомъ словарѣ (Ottův Slovník Naučný, X, 252). Къ своему переводу «Мертвыхъ душъ» (1891 г.) присоединилъ И. Гошекъ краткое жизнеописаніе и очеркъ дѣятельности Гоголя (стр. 393—400). Критическія статьи и замѣтки по поводу изданія сочиненій Н. В. Гоголя въ чешскомъ переводѣ («Ruská knihovna») появлялись въ многочисленныхъ журналахъ въ разное время; отмѣчаемъ болѣе значительныя изъ нихъ: въ ж. Zlatá Praha, 1891, str. 588; 1892, 588; 1893, 576; Čas, 1891, 714; Hlídká literární, 1892, № 5 (о «Мертвыхъ душахъ»), 1893, str. 63—65 (А. Vrzal), 1894, 18—20, 58—59 (А. Vrzal). По поводу выхода въ свѣтъ одиннадцатаго русскаго изданія сочиненій

Н. В. Гоголя — замѣтка въ ж. *Vlast*, X, 1893—94, 449, 561. Рефератъ о статьѣ Н. Василькова въ «Вѣстникѣ воспитанiя» (1893, № 5) — «Туру vychovatelův a vychování ve spisech Gogolových» (На paměť «Mrtvých duší», г. 1842—1893) находимъ въ чешскомъ педагогическомъ журналѣ *Paedagogické Rozhledy*, VII, 1894, seš. II. Отрывки изъ статьи Гоголя «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ» переведены въ очеркѣ: «Z kritických článků Bělinského a Gogola o Puškinovi» (*Rozhledy*, VIII, 1899, № 17). О заслугахъ Гоголя въ исторiи новой русской литературы говорить И. Махалъ въ обширной статьѣ: «O ruském románu novodobém» (*Česká Revue*, III, 1899). Замѣчательнѣйшiй изъ современныхъ чешскихъ поэтовъ Ярославъ Врхлицкiй въ сборникѣ «Dojmy a rozmyšl» (1880 г., str. 226) посвятилъ нашему писателю сонетъ, озаглавленный «Gogol», въ коемъ въ поэтической формѣ попытался опредѣлить основные мотивы творчества Гоголя:

Vše objal duchem, byltě jak svět celý,
vše lidi znal v jich ctnostech a jich hřichu,
a nad vším rozpoutal bouř svého smíchu,
jak bůh rozházel svého hněvu střely.

On smál se dál—a lidé kol se chvěli,
on klidně všecku velkost jich a pýchu,
v nic svázil—ale při tom trpěl v tichu,
nes všecky jejich bludy, moloby, žely.

Jak titan chytal směle skály slov
a stavěl v stálém smíchu kolos bájuj,
jak s bohem o závod kdo více stvoří.

A lesů ruch a stepi smutek tajný,
vše dyše z jeho básně rovné moři,
z níž na vás «bratře» volá Čičikov.

Вл. Францевъ.

ПАМЯТИ
Pamiatì

В. А. ЖУКОВСКАГО

V. A. Zhukovskago
И
i

Н. В. ГОГОЛЯ.

N. V. Gogolia.
Гоголя

Выпускъ второй,

v. 2

съ 2-мя фототипиями.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1908.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1908. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ

Н. В. ГОГОЛЕМЪ.

Изданы Г. П. Георгіевскимъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Среди бумагъ Н. В. Гоголя, хранящихся въ Отдѣленіи рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ, уцѣлѣли три тетради съ народными пѣснями.

Въ гоголевской литературѣ уже извѣстны оба эти факта: и то, что Гоголь собиралъ народныя пѣсни, и то, что послѣ него сохранились тетради съ этими пѣснями.

Если фактъ собиранія Гоголемъ пѣсенъ сталъ извѣстнымъ еще при жизни Гоголя, именно въ 1834 году, когда изданы были М. Максимовичемъ «Украинскія народныя пѣсни», въ предисловіи къ которымъ Максимовичъ указалъ на участіе въ трудѣ его «Н. В. Гоголя—новаго историка Малороссіи и автора Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки»; то объ уцѣлѣвшихъ тетрадяхъ съ пѣснями біографы Гоголя очень долго ничего не знали и первое краткое сообщеніе о нихъ получили лишь въ 1893 году, когда вышелъ въ свѣтъ второй томъ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя» В. И. Шенрока, который на 158—159 стр. оповѣстилъ: «мы имѣемъ въ рукахъ три собственноручныхъ тетради пѣсенъ, старательно переписанныхъ Гоголемъ, изъ которыхъ одна заключаетъ въ себѣ пѣсни русскія, впрочемъ, повидимому, выбранныя преимущественно изъ сборника Сахарова, а въ двухъ другихъ записаны пѣсни южно-русскія и (sic) мало-россійскія».

Къ сожалѣнію, оба эти извѣстія не были своевременно и должнымъ образомъ оцѣнены біографами Гоголя и даже, повидимому, очень скоро и весьма основательно забыты.

По крайней мѣрѣ, даже П. Кулишъ, пересчитывая собирателей малорусскихъ пѣсень и отмѣчая ихъ заслуги, совсѣмъ, ни однимъ словомъ, не упоминаетъ о Гоголѣ¹⁾.

Еще основательнѣе забылъ В. И. Шенрокъ свое собственное сообщеніе о тетрадяхъ съ пѣснями. Три года спустя, въ 1896 году, онъ напечаталъ о нихъ уже совсѣмъ иное извѣстіе, которое буквально гласитъ слѣдующее:

«Далѣе назовемъ тетрадки Гоголя съ выписками изъ разныхъ сочиненій:

.....

«2) Выдержки изъ малороссійскихъ южно-русскихъ пѣсень.

«3) Изъ русскихъ пѣсень.

«4) Пѣсни, записанныя для сборника Кирѣевскаго»²⁾.

Кромѣ забвенія своихъ собственныхъ словъ, въ этомъ описаніи Гоголевскихъ тетрадокъ замѣтна уже переоцѣнка всѣхъ прежнихъ свѣдѣній о дѣятельности Гоголя въ области народной поэзіи, и Гоголь изъ собирателя народныхъ пѣсень уже превращается едва ли не въ переписчика изъ готовыхъ сборниковъ.

Такой оборотъ дѣла вынуждаетъ точно установить отношеніе Гоголя къ народному творчеству.

Гоголь съ юныхъ лѣтъ полюбилъ народныя пѣсни³⁾ и придавалъ имъ огромное значеніе въ дѣлѣ изученія народа въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ⁴⁾.

Весьма рано въ немъ явилось и желаніе собирать и записывать эти памятники народнаго творчества. Еще въ Гимназіи

1) Записки о южной Руси. Издакъ П. Кулишъ. Томъ первый. Спб. 1856. 221 стр.

2) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. VII. Спб. 1896. 893 стр. Ср. I-е примѣчаніе на стр. 329 тома второго «Писемъ Н. В. Гоголя», ред. В. И. Шенрока.

3) Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока, томъ второй, М. 1893. 50—51 стр.

4) О малороссійскихъ пѣсняхъ. Сочиненія Н. В. Гоголя, изданіе десятое, томъ пятый, М. 1889. 287—294 стр. Ср. письмо къ И. И. Срезневскому отъ 6 марта 1834 года, 279 стр. перваго тома «Письма Н. В. Гоголя», ред. В. И. Шенрока.

высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ Гоголь завелъ для себя особую записную книгу, подъ названіемъ «Книга всякой всячины», и въ нее внесъ первые опыты своего собранія народныхъ пѣсенъ¹⁾.

По выходѣ изъ Нѣжинской Гимназіи Гоголь еще энергичнѣе принялся за собраніе народныхъ пѣсенъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы своей самостоятельной жизни, и достигъ въ этой области, судя по сохранившимся его записямъ народныхъ пѣсенъ, весьма замѣтныхъ и даже крупныхъ результатовъ. Эти занятія Гоголь даже предпочиталъ всѣмъ прочимъ и даже своему художественному творчеству: «главнымъ дѣломъ Гоголя въ эту пору было собраніе народныхъ украинскихъ пѣсенъ, въ которое онъ одно время вдался было усиленно, относясь къ этому занятію съ горячимъ увлеченіемъ внезапно возгорѣвшейся страсти»²⁾.

Біографія Гоголя не даетъ матеріаловъ для точнаго и подробнаго опредѣленія участія самого Гоголя въ собраніи и записываніи народныхъ пѣсенъ. Можно отыскать лишь косвенныя указанія, въ перепискѣ Гоголя, на то, что онъ и самъ не прочь былъ заняться нелегкимъ дѣломъ выслушиванія и записыванія пѣсенъ, хожденія въ народъ и непосредственнаго собранія памятниковъ народнаго творчества. Въ письмѣ къ Пушкину отъ 23 декабря 1833 года³⁾ Гоголь писалъ: «Я восхищаюсь заранѣе, когда вообразю, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ... А сколько соберу тамъ преданій, повѣрьевъ, пѣсенъ и проч.» Въ другой разъ, въ письмѣ къ М. А. Максимовичу, отъ 12 марта 1834 г., мечтая о совмѣстномъ съ нимъ изданіи пѣсенъ въ Кіевѣ, Гоголь говоритъ: «Весну и лѣто мы бы тамъ (въ Кіевѣ) славно отдохнули, набрали матеріаловъ, а къ осени бы и засѣли работать».

1) Гимназія высшихъ наукъ. Нѣжинскій періодъ жизни Н. В. Гоголя. *Ординарный профессоръ М. Н. Сперанскій. Кіевъ, 1902. 19, 22—23 стр.*

2) *Матеріалы для біографіи Гоголя, томъ второй, 158 стр.*

3) Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ письма Гоголя цитируются по изданію А. Ф. Маркса, подъ редакціей В. И. Шенрока, въ 4-хъ томахъ.

Что выраженіе «набрать матеріаловъ» Гоголь понималъ въ смыслѣ непосредственнаго выслушиванія и записыванія пѣсенъ, объ этомъ ясно свидѣтельствуеетъ другое письмо его къ Максимовичу, отъ 22 января 1835 года, гдѣ онъ уже прямо говоритъ: «Я думаю, что ты пропастъ услышалъ новыхъ пѣсенъ. Ты долженъ непременно подѣлиться со мною и прислать. Да нѣтъ ли какихъ нибудь эдакихъ старинныхъ преданій? Эй, не зѣвай! Время бѣжить, и съ каждымъ годомъ все стирается».

Любовь Гоголя къ пѣснямъ была такъ велика, что онъ готовъ былъ для собранія ихъ жертвовать и трудомъ своимъ, и временемъ, и даже своими прямыми занятіями. 9-го ноября 1833 года онъ писалъ Максимовичу: «Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ и собраніи Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трешетной свѣчѣ, между стѣнами убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! какъ я васъ люблю! Чтѣ всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!»...

Очевидно, при такомъ отношеніи къ пѣснямъ, Гоголь готовъ былъ и на свое личное участіе въ дѣлѣ собранія ихъ. Къ сожалѣнію, біографія его не располагаетъ опредѣленными указаціями для положительнаго выясненія этого участія.

Повидимому, самымъ крупнымъ источникомъ, изъ котораго Гоголь черпалъ народныя южно-русскія пѣсни, была его родовая Васильевка, а самыми дѣятельными собирателями, записывателями и списывателями пѣсенъ были всѣ его домашніе: мать, сестры, тетуски, приживалки. Подтвержденій находится множество въ его письмахъ къ роднымъ. Такъ, 2 апрѣля 1830 года Гоголь писалъ изъ Петербурга къ матери: «Всѣ посылки ваши получилъ и не могу возблагодарить достойно за нихъ васъ... Приношу благодарность тетенькѣ Катеринѣ Ивановнѣ, которая рѣшилась пожертвовать временемъ — собрать для меня нѣсколько любопытныхъ пѣсенъ; но драгоцѣннѣйшія изъ нихъ есть, одна-

кожъ, списанныя ваши двѣ запорожскія. Благодарю также Лукерью Федоровну и Марью Борисовну за ихъ участіе. Жаль только, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рука такъ неразборчива, что я до сихъ поръ многого не разобралъ». Въ другой разъ, 19 сентября 1831 года, въ письмѣ къ сестрѣ своей М. В. Гоголь писалъ: «У меня есть къ тебѣ просьба. Ты помнишь, милая, ты такъ хорошо было начала собирать малороссійскія сказки и пѣсни, и, къ сожалѣнію, прекратила. Нельзя ли возобновить это? Мнѣ оно необходимо нужно... А сказки, пѣсни, происшествія, можете посылать въ письмахъ или небольшихъ посылкахъ».

Особенно выдѣлялась знаніемъ пѣсенъ народныхъ и умѣніемъ ихъ пѣть тетушка Гоголя Екатерина Ивановна Ходаревская, урожденная Кослровская, родная сестра Марьи Ивановны Гоголь. О ней Гоголь писалъ Данилевскому 8 февраля 1833 года: «Я думаю, Катерина Ивановна напѣла тебѣ уши пѣснями про *бойрендомъ духтеромъ*»; а также въ письмѣ къ матери отъ 1 ноября того же 1833 года: «Скажите Катеринѣ Ивановнѣ, что мнѣ часто приходятъ на умъ ея пѣсни, но я ихъ не пою, потому что я мастеръ только подтягивать. А если бъ запѣлъ соло, то морозъ подралъ бы по кожѣ слушателей».

Просьбы свои о присылкѣ пѣсенъ Гоголь и впослѣдствіи неоднократно повторялъ своимъ роднымъ. Такъ, въ письмѣ къ матери, отъ 30 января 1835 года, онъ просилъ сестру: «Пришли, пришли, сестра, пѣсню, о которой пишешь. Очень буду благодаренъ». Въ другомъ письмѣ къ матери же, отъ 22 сентября 1835 года, Гоголь спрашивалъ тетушку: «Милостивая Государыня Катерина Ивановна! Припасли ли вы мнѣ пѣсенъ?»...

Надо думать, все-таки, что эти повторныя просьбы вызваны были вовсе не бездѣйствіемъ родныхъ, а жаждой къ пѣснямъ самого Гоголя. По крайней мѣрѣ, онъ самъ въ своихъ письмахъ свидѣтельствуетъ неоднократно благодарность свою роднымъ за присылку пѣсенъ, которая, видимо, шла непрерывно, а иногда и въ весьма значительномъ количествѣ. Въ письмѣ къ матери отъ 22 ноября 1832 года Гоголь обращается къ сестрѣ: «поблаго-

дарилъ бы тебя и за пѣсню, но она уже у меня давно есть, написанная рукою Борисовны». 9 марта 1834 года онъ писалъ матери: «Благодарю очень васъ и сестру за пѣсни». Въ письмѣ къ ней же отъ 22 ноября 1833 года Гоголь писалъ: «Во первыхъ, прежде всего я долженъ благодарить васъ за посылку: сестру за пѣсни, изъ которыхъ особенно та что: *«Що се братця якъ барятця!»* очень характерна и хороша; но болѣе всего одолжили вы меня присылкою старинной тетради съ пѣснями: между ними есть многія очень замѣчательныя. Сдѣлаете большое одолженіе, если отыщете подобныя той тетради съ пѣснями, которыя, я думаю, болѣе всего водятся въ старинныхъ сундукахъ между старинными бумагами у старинныхъ поповъ или у потомковъ старинныхъ поповъ».

Такимъ образомъ, кромѣ записи съ живого голоса, Гоголь привлекалъ въ свое собраніе и пѣсни старинныхъ рукописныхъ сборниковъ.

Въ результатѣ такихъ поисковъ и стараній Гоголевское собраніе народныхъ пѣсенъ вскорѣ приобрѣло значительные размѣры, и тогда у Гоголя появилась слабость, общая многимъ собирателямъ: не показывать другимъ своего собранія и не дѣлиться съ другими своими сокровищами, а самому пользоваться чужими собраніями. 9 ноября 1833 года Гоголь писалъ къ Максимовичу о пѣсняхъ: «Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними! Прелесть! Я вамъ ихъ спишу... не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсенъ. Вы не понимаете, какаѣ это мука. Я знаю, что есть столько пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю. Это все равно, если бъ кто передъ женщиной сказалъ, что онъ знаетъ секретъ, и не объявилъ бы ей. Велите переписать четкому, красявому писцу въ тетрадь in quarto, на мой счетъ. Я не имѣю терпѣнія дожидаться печатнаго; притомъ я тогда буду знать, какія присылать вамъ

пѣсни, чтобы у васъ не было двухъ сходныхъ дублетовъ. Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже пахабныя; онѣ все даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы! прошедшую жизнь и, увы! прошедшихъ людей... Велите сдѣлать это скорѣе. Я вамъ зато пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухъ-сотъ, и что замѣчательно—что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытыя».

12 февраля 1834 года Гоголь опять писалъ Максимовичу: «Пѣсенъ я тебѣ съ большою охотою прислалъ бы, но у меня ихъ ужасная путаница. Незнакомыхъ тебѣ, можетъ быть, будетъ не болѣе ста, зато извѣстныхъ, вѣроятно, около тысячи, изъ которыхъ большую часть мнѣ теперь нельзя посылать. Если бы ты прислалъ свой списокъ съ находящихся у тебя, тогда бы я зналъ, какія тебѣ нужны, и прочія бы выправилъ съ моими списками и послалъ бы тебѣ».

Болѣе подробно о количествѣ своего собранія пѣсенъ Гоголь писалъ И. И. Срезневскому 6 марта 1834 года: «Пѣсенъ я знаю и имѣю много. Около ста пятидесяти пѣсенъ я отдалъ прошлый годъ Максимовичу, совершенно ему неизвѣстныхъ. Послѣ того я приобрѣлъ еще около 150; у Максимовича теперь уже 1.200. Но я бьюсь объ чемъ угодно, что теперь же еще можно сыскать въ каждомъ хуторѣ, подальше отъ большой дороги и разврата, десятка два неизвѣстныхъ другому хутору»¹⁾).

Такимъ образомъ, по подсчету самого Гоголя его собраніе включало въ себя не менѣе 300 пѣсенъ совѣсмъ особыхъ, неизвѣстныхъ другимъ собирателямъ.

1) Фактъ пересылки Гоголемъ тетради пѣсенъ Максимовичу засвидѣтельствованъ и письмомъ Гоголя къ Максимовичу изъ Петербурга, напечатаннымъ въ первомъ томѣ писемъ изданія Маркса на 309 страницѣ: «Итакъ, посылаю тебѣ книги прямо въ Кіевъ... виѣстѣ съ ними и тетрадь пѣсенъ, кото-

Цѣлю собранія пѣсенъ Гоголь поставилъ себѣ изданіе ихъ совмѣстно съ Максимовичемъ. 12 марта 1834 года онъ писалъ Максимовичу: «Пѣсни намъ нужно издать неслѣдственно въ Кіевѣ. Соединившись вмѣстѣ, мы такое удеремъ изданіе, какого еще никогда ни у кого не было». Это желаніе совмѣстной работы по изданію народныхъ пѣсенъ вызывало потребность во взаимномъ обмѣнѣ собраніями пѣсенъ. Гоголь много разъ просилъ Максимовича прислать ему свое собраніе. «Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя, писалъ онъ Максимовичу въ декабрѣ 1833 года, обѣщанной тетради пѣсенъ, тѣмъ болѣе что безпрестанно получаю новыя, изъ которыхъ много есть историческихъ, еще больше — прекрасныхъ. Впрочемъ я нетерпѣливѣе тебя и никакъ не могу утерпѣть, чтобы не выписать здѣсь одной изъ самыхъ интересныхъ, которой, вѣрно, у тебя нѣтъ» (Що се братця якъ баярця). 29 марта 1834 года Гоголь писалъ къ нему же: «Пѣсню твою про Нечая получилъ вчера. Вотъ все, что получилъ отъ тебя, вмѣсто обѣщанныхъ какихъ то книгъ». Наконецъ, лишь въ апрѣлѣ 1834 года Гоголь получилъ собраніе пѣсенъ Максимовича и 20-го числа писалъ ему: «Благодарю тебя за пѣсни. Я теперь читаю твои толстыя книги; въ нихъ есть много прелестей». Одновременно Гоголь получилъ и отпечатанные листы второго изданія пѣсенъ Максимовича, вышедшаго въ свѣтъ въ этомъ же 1834 году, которые по мѣрѣ печатанія продолжалъ получать и потомъ¹⁾. Обратнo возвратитъ пѣсни Максимовичу Гоголь не торопился и уже изъ Рима 5 февраля 1838 года писалъ къ матери: «Еще я позабылъ спроситъ васъ: отослали ли вы двѣ толстыя рукописныя книги въ Кіевъ къ профессору Максимовичу, или отвезли ихъ сами, бывши въ Кіевѣ? Сдѣлайте ми-

рыя въ разныя времена списывались. Она замѣчательна тѣмъ, что содержитъ въ себѣ самыя обыкновенныя, общеупотребительныя пѣсни, но которыхъ врядъ ли кто можетъ пересказать изъ поющихъ: такъ утратились слова ихъ». Къ сожалѣнію, датировано это письмо (іюль 1 (1834)) въ указанномъ изданіи, повидимому, неправильно.

1) См. письмо къ Максимовичу отъ 28 мая 1834 года.

лость, извѣстите меня объ этомъ,—тѣмъ болѣе, что онъ напоминалъ мнѣ о нихъ, и я такъ передъ нимъ виноватъ¹⁾).

Всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія даютъ основаніе полагать, что у Гоголя было свое собственное и довольно значительное собраніе южно-русскихъ пѣсенъ, составленное преимущественно трудами родственныхъ ему корреспондентовъ, и что Гоголь имѣлъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ того, и рукописное собраніе пѣсенъ Максимовича.

Печатный пѣсенный матеріалъ былъ также извѣстенъ Гоголю.

Въ письмѣ своемъ къ Максимовичу, отъ 7 января 1834 г., онъ спрашивалъ: «Знаешь ли ты собраніе галицкихъ пѣсень, вышедшихъ въ прошломъ году (довольно толстая книжка, in—8)? Очень замѣчательная вещь! Между ними есть множество настоящихъ малороссійскихъ, такъ хорошихъ, съ такими свѣжими красками и мыслями, что весьма не мѣшаетъ ихъ включить въ гадаемое собраніе». Объ экземплярѣ этого изданія пѣсенъ (пѣсни люду галичскаго) Гоголь 12 февраля 1834 года писалъ Максимовичу: «Экземпляра пѣсенъ галицкихъ здѣсь нигдѣ нѣтъ; мой же собственный у меня замоталъ одинъ задушевный пріятель».

Кромѣ того, Гоголь имѣлъ изданія пѣсенъ Максимовича, Срезневскаго и Цертелева. 29 мая 1834 года онъ писалъ Максимовичу: «Недавно С. С. (Сергѣй Семеновичъ Уваровъ) получилъ отъ Срезневскаго экземпляръ пѣсней и адресовался ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ «Журналѣ Просвѣщенія», такъ же, какъ и о бывшихъ до него изданійхъ—твоемъ и Цертелева. Чтожъ я сдѣлалъ? я написалъ статью, только самаго главнаго позабылъ: ничего не сказалъ ни о тебѣ, ни о Срезневскомъ, ни о Цертелевѣ. Послѣ я спохватился и хотѣлъ было прибавить и проболтаться о твоёмъ великолѣпномъ новомъ изданіи, но опоздалъ: статья уже была отпечатана». Впослѣдствіи, въ письмѣ отъ 7 іюля 1840 года Гоголь просилъ С. Т. Акса-

1) В. И. Шенрокъ полагаетъ, что «это были малороссійскія пѣсни, собранныя Зоріаномъ Доленгой-Ходаковскимъ». См. примѣчаніе къ этому письму.

кова поручить Константину Сергѣевичу Аксакову выслать ему за границу «оба изданія пѣсней Максимовича, а можетъ быть и третье, коли вышло». И вообще Гоголь старался не пропустить ни одного изданія пѣсень и между прочимъ, въ 1837 году, просилъ Н. Я. Прокоповича: «пожалуйста пришли... хорошее изданіе русскихъ пѣсень или малороссійскихъ пѣсень».

Однако, позволительно думать, что эти просьбы о высылкѣ печатныхъ изданій пѣсень вызваны были уже не интересамъ собиранія пѣсень, а исключительно интересами освѣдомленности самого Гоголя въ текущей пѣсенной литературѣ¹⁾. Повидимому, Гоголь закончилъ самый процессъ собиранія пѣсень, по крайней мѣрѣ, въ главной ихъ массѣ, до времени своего отъѣзда за границу въ 1836 году. За границу онъ уже повезъ съ собою готовое и въ основѣ законченное свое собраніе пѣсень. Тамъ онъ любилъ обращаться къ этому источнику народнаго познанія и за чтеніемъ пѣсень находить для себя удовольствіе и отдохновеніе. 15 августа 1839 года Гоголь писалъ Погодину: «Слышу пустоту безъ тебя, но не грущу. Малороссійскія пѣсни со мною. Запасаясь и тпущь сколько возможно надышаться стариной». Въ томъ же мѣсяцѣ 25 числа Гоголь писалъ Шевыреву: «Передо мною выясняются и проходятъ поэтическимъ строемъ времена казачества... Малороссійскія ли пѣсни, которыя теперь у меня подъ рукою, навѣяли ихъ, или на душу мою нашло само собою ясновидѣніе прошедшаго, только я чую много того, что нынѣ рѣдко случается».

Все Гоголевское собраніе малороссійскихъ пѣсень и заключалось именно въ тѣхъ двухъ тетрадяхъ, въ размѣрѣ малаго почтоваго листа, которыя сохранились до нашего времени и по которымъ собранныя Гоголемъ пѣсни печатаются въ настоящей книгѣ.

1) Могли быть и особыя побужденія для такихъ просьбъ Гоголя: «Эти книги мнѣ теперь весьма нужны, дабы окунуться покрѣпче въ коренной русской духъ», писалъ онъ Языкову 20 января 1847 года. Ср. письма къ Шевыреву отъ 11 февраля 1847 года и 27-го апрѣля того же года.

Косвеннымъ, однако весьма убѣдительнымъ подтвержденіемъ этихъ соображеній о времени окончанія собранія пѣсенъ и составленія сохранившихся тетрадей до отъѣзда за границу служить почеркъ, которымъ Гоголь переписалъ малороссійскія пѣсни: мелкое, красивое, ровное и отчетливое письмо, почти безъ пропусковъ буквъ въ словахъ и безъ сокращенія окончаній словъ, какимъ писалъ Гоголь въ молодости, уже не повторяется въ послѣдній десятокъ лѣтъ его жизни.

Обращаясь къ составу Гоголевскаго собранія малороссійскихъ пѣсенъ, необходимо прежде всего отмѣтить, что онѣ сохранились въ двухъ совершенно одинаковыхъ по размѣрамъ тетрадахъ, въ малую 4-ку или, вѣрнѣе, въ малый почтовый листъ. Въ первой тетради, собственноручно переписанной Гоголемъ и собственноручно же Гоголемъ озаглавленной на особой оберткѣ: «Южнорусскія пѣсни», содержится всѣхъ пѣсенъ 190 (При нумераціи ихъ римскими цифрами Гоголь пропустилъ одну цифру, именно LI, и потомъ, обозначивъ 140-ую пѣсню фантастическою цифрою СХС, онъ дальнѣйшій счетъ уже сталъ обозначать такъ: CLXI, CLXII и т. д.). Во второй тетради, написанной карандашомъ, рукою Кулиша: «Малороссійскія пѣсни. Изъ бумагъ Гоголя» и совершенно тождественной съ первой по размѣрамъ и внѣшнему виду, но переписанной не Гоголемъ, а рукою переписчицы, содержится всѣхъ пѣсенъ 222, отмѣченныхъ арабскими цифрами¹⁾. Въ этотъ счетъ не входятъ небольшіе пѣсенные отрывки, которыхъ по нѣсколькѣ даже десятковъ собрано подъ одною цифрою. Такимъ образомъ въ двухъ тетрадахъ Гоголевскаго собранія насчитывается 412 малорусскихъ пѣсенъ.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ составъ этого собранія малороссійскихъ пѣсенъ совсѣмъ не вошли тѣ пѣсни, которыя Гоголь передалъ другимъ собирателямъ мало-

1) При цитаціи пѣсенъ мы удерживаемъ Гоголевскую нумерацію римскими и арабскими цифрами: римскія означаютъ пѣсни первой тетради, а арабскія—второй.

русскихъ пѣсенъ. Эти пѣсни, хотя и очень цѣнныя, Гоголь выключилъ изъ своего собранія. Такъ, въ этомъ собраніи нѣтъ ни той пѣсни («Що се братця якъ барятця»), которую Гоголь переслалъ Максимовичу въ декабрѣ 1833 года, ни тѣхъ семи пѣсенъ, которыя Гоголь переслалъ Бѣлозерскому для сборника Метлинскаго (между 1832—1834 гг.)¹⁾.

Изъ этого обычая Гоголя уже не считать своими тѣ пѣсни, которыя онъ подарилъ другимъ, можно бы съ нѣкоторымъ основаніемъ сдѣлать предположеніе, что въ составѣ сохранившихся пѣсенъ нѣтъ и тѣхъ 150, которыя Гоголь передалъ Максимовичу 1-го іюля 1834 года (по датировкѣ В. И. Шенрока). Но, разумѣется, утверждать это можно будетъ лишь въ томъ случаѣ, если найдется Гоголевская тетрадь пѣсенъ, пересланныхъ Максимовичу, и если эти пѣсни не совпадутъ съ сохранившимися.

Уже изъ этихъ фактовъ можно было бы заключить, что въ составѣ Гоголевскаго собранія не вошли и тѣ пѣсни, которыя были напечатаны до его собранія. И ближайшее сопоставленіе пѣсенъ печатныхъ сборниковъ съ Гоголевскими убѣждаетъ въ полной справедливости такого заключенія.

Для сравненія прежде всего необходимо было пересмотрѣть всѣ, по возможности, печатные пѣсенники²⁾, которые изданы были до перваго сборника Максимовича, и потомъ сродные по содержанію сборники пѣсенъ Максимовича и Лукашевича. Въ результатѣ получились слѣдующія наблюденія.

При сравненіи Гоголевскихъ пѣсенъ съ пѣснями Пѣсенниковъ мы (пользуясь трудомъ М. Н. Сперанскаго) могли сопоставить лишь первые, начальные, два стиха послѣднихъ, и

1) Пѣсни присланныя Гоголемъ напечатаны на стр. 110 (двѣ), 111, 114, 118, 119 и 282 изданія Амвросія Метлинскаго «Народныя южнорусскія пѣсни», Кіевъ, 1854.

2) Пользуясь случаемъ засвидѣтельствовать глубочайшую благодарность профессору М. Н. Сперанскому, который любезно предоставилъ мнѣ свой рукописный трудъ, содержащій списокъ (съ приведеніемъ двухъ начальныхъ стиховъ) всѣхъ малорусскихъ пѣсенъ, выбранныхъ изъ пѣсенниковъ, изданныхъ до сборника Максимовича.

при такомъ условіи оказалось всего пять пѣсенъ у Гоголя болѣе или менѣе совпадающихъ съ пѣснями Пѣсенниковъ, а именно CVIII пѣсня Гоголя совпадаетъ съ 10-ою пѣснею (по счету профессора М. Н. Сперанскаго) Пѣсенниковъ (изъ сборника подъ названіемъ «Молодчикъ съ молодкою»), CLXXVI Гоголя съ 54 Пѣсенниковъ (изъ Новаго всеобщаго пѣсенника Лв. Калатилина), CLXXVII Гоголя съ 5 Пѣсенниковъ (изъ сборника «Молодчикъ съ молодкою»), 63 пѣсня Гоголя съ 14 Пѣсенниковъ (изъ того же сборника) и 116 Гоголя съ 60 Пѣсенниковъ (изъ сборника Калатилина).

При сопоставленіи Гоголевскихъ пѣсенъ съ пѣснями сборника Лукашевича¹⁾ оказалось только два совпаденія, именно X пѣсня Гоголя совпадаетъ съ 8-ою обрядною Лукашевича и CLXXXVII Гоголя съ 1-ою обрядною Лукашевича.

Нѣсколько больше совпаденій пришлось наблюдать при сравненіи пѣсенъ Гоголя съ пѣснями перваго сборника Максимовича²⁾. Всего въ этомъ случаѣ оказалось 15 пѣсенъ болѣе или менѣе близкихъ по содержанію, а именно:

II пѣсня Гоголя совпадаетъ		по содержанію съ 3 (161 стр.) пѣсней Максимовича.			
III	»	»	4	»	»
IV	»	»	5	»	»
IX	»	»	10	»	»
XLIV	»	»	XCVII	»	»
CVIII	»	»	XXVII	»	»
CXVII	»	»	I	»	»
CXXVIII	»	»	LXXIV	»	»
CLXV	»	»	LVII	»	»
9	»	»	LXXXIX	»	»
10	»	»	XLV	»	»
30	»	»	LVI	»	»
47	»	»	XXXII	»	»
98	»	»	XXXVIII	»	»
158	»	»	XCIV	»	»

1) Малороссійскія и червонорусскія народныя думы и пѣсни, Спб., 1836.

2) Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ, М. 1827.

Однако, необходимо имѣть въ виду, что близость этихъ пѣсенъ по содержанію далека отъ тожества. Кромѣ нерѣдкихъ вариантовъ, она въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходитъ въ особую редакцію той же самой пѣсни. Для примѣра можно привести пѣсню, которая у Гоголя помѣщена подъ № СХVII, а у Максимова подъ № I:

у Гоголя:

Стоять явирь надъ водою
 Та вжежъ похылывся,
 Еще козакъ молоденькій
 Та вже й зажурывся.
 Зелененькій явороньку,
 Чого съ похылывся,
 Молоденькій козаченьку
 Чого жъ зажурывся?
 Ой якъ мни нехылытися,
 Вода корень мые.
 Ой якъ мни не журытися
 Колы сердце мліе.

у Максимовича:

Стоить яворъ надъ водою
 Въ воду похилывся;
 На козака невзгодонька,
 Козакъ зажурився.
 Не хилися явороньку,
 Ще ты зелененькій!
 Не журися козаченьку
 Ще ты молоденькій!
 Не радъ яворъ хилитися —
 Вода корни мые;
 Не радъ козакъ журитися —
 Да серденько ные!

Этотъ примѣръ убѣдительно доказываетъ, что Гоголь въ записываніи пѣсенъ даже близкихъ по содержанію къ пѣснямъ Максимовича пользовался не его сборникомъ, а другими матеріалами, и что пѣсни Гоголя самостоятельны даже и въ случаяхъ близости.

Расположеніе пѣсенъ въ тетрадахъ Гоголя не имѣетъ никакой системы. Пѣсни даже не разбиты по обычнымъ рубрикамъ. Гоголь былъ противъ системы и распредѣленія пѣсенъ по рядамъ и отдѣламъ. Онъ предпочиталъ въ данномъ случаѣ нѣкоторый поэтический безпорядокъ. 26 марта 1834 года онъ писалъ къ Максимовичу: «Зачѣмъ ты дѣлишь свое собраніе на гуливья, казацкія и любовныя? Развѣ казацкія не гуливья и гуливья не всѣ ли казацкія? Впрочемъ, я не знаю настоящаго значенія твоего слова *казацкія*. Развѣ нѣтъ такихъ пѣсней, у которыхъ

одна половина любовная, другая гулливая? По мнѣ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія».

Нотъ также нѣтъ въ тетрадяхъ Гоголя, хотя онъ и интересовался ими. 18 іюля 1834 года онъ спрашивалъ Максимовича: «Да что ты не прислалъ мнѣ нотъ малороссійскихъ пѣсенъ? Прислалъ одинъ листъ подъ названіемъ «Голоса», а самихъ то голо-совъ и нѣтъ! Я съ нетерпѣніемъ дожидаясь ихъ». Подъ «Голосами» въ этомъ случаѣ, очевидно, разумѣлась музыка Алябьева¹⁾, но для пѣсенъ своего собранія Гоголь, повидимому, не имѣлъ ни записей народныхъ напѣвовъ, ни музыкальныхъ переложеній.

Переходя къ первой тетради Гоголевскихъ пѣсенъ, содержащей «Русскія пѣсни» и собственноручно Гоголемъ переписанной и озаглавленной, необходимо прежде всего замѣтить, что время составленія ея, вѣроятно, совпадаетъ со временемъ собранія пѣсенъ южно-русскихъ. Въ этомъ по крайней мѣрѣ убѣждаетъ тожество всей внѣшности и почерка во всѣхъ тетрадяхъ.

Что же касается до матеріаловъ, на основаніи которыхъ Гоголь составилъ свое собраніе русскихъ пѣсенъ, то мы не располагаемъ данными даже гадательно сдѣлать о нихъ какое-либо предположеніе. Несомнѣннымъ является лишь то, что Гоголь не пользовался услугами Кирѣевского и самъ вовсе не для Кирѣевского составлялъ свое собраніе русскихъ пѣсенъ. Гоголь даже безъ особаго довѣрія относился къ слухамъ о трудахъ Кирѣевского и вовсе не вѣрилъ въ скорое появленіе въ печати собранія его пѣсенъ. 11 января 1834 года Гоголь писалъ Погодину: «Поцѣлуй за меня Кирѣевского! Правда ли, что онъ печатаетъ русскія пѣсни?» А 8 октября 1843 года онъ писалъ Языкову: «Ты пишешь, что Петръ Васильевичъ Кирѣевскій совершилъ свой великій подвигъ и послалъ пѣсни въ Петербургъ въ

1) См. Сочиненія Н. В. Гоголя, изданіе десятое, томъ пятый, М., 1889, 287 стр., примѣчаніе.

цензуру. Слава Богу! Есть, стало быть, надежда, что мы, лѣтъ черезъ десять, будемъ читать ихъ, разумѣется, если пропустить цензура и не помѣшаетъ недосугъ, котораго такъ много въ Московской жизни». Извѣстно, что срокъ, поставленный Гоголемъ, оказался очень малымъ...

Если и можно искать матеріалы для Гоголевскаго собранія русскихъ пѣсенъ, то вѣрнѣе предполагать ихъ въ печатныхъ трудахъ Снегирева и Сахарова ¹⁾. О Снегиревѣ Гоголь писалъ Погдину 5 мая 1839 года: «Снегиревъ мнѣ полезенъ... Иногда выкопаетъ такую пѣсню, за которую всегда спасибо». Компактное изданіе пѣсенъ Сахарова Гоголь просилъ К. С. Аксакова выслать ему за границу (въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ 10 іюня 1840 года). Но и такое предположеніе, повидимому, теряетъ правдоподобность, если вѣрно то, что Гоголь закончилъ и собраніе русскихъ пѣсенъ до отъѣзда своего за границу въ 1836 году.

Ближайшее знакомство съ пѣснями Гоголя и Сахарова ²⁾, сопоставленіе и сравненіе ихъ убѣждаютъ въ значительной самостоятельности собранія русскихъ пѣсенъ Гоголя.

Сравненіе содержанія пѣсенъ Гоголя и Сахарова обнаруживаетъ значительную близость между ними. Тоже наблюдается и между пѣснями Гоголя и пѣснями другихъ пѣсенниковъ, которыя мы цитируемъ по изданію академика А. И. Соболевскаго ³⁾.

Для удобства изученія, мы прежде всего приведемъ таблицу параллельныхъ пѣсенъ у Гоголя, Сахарова и Соболевскаго, при чемъ вторыя цифры при обозначеніи пѣсенъ Сахарова и Со-

1) Быть русскаго народа, сочиненіе А. Терещенки въ VII частяхъ, Спб., 1848 г., которымъ восторгался Гоголь (Записки о жизни Н. В. Гоголя, II, 222 стр.), уже не могъ оказать вліяніе на собраніе пѣсенъ Гоголя, вслѣдствіе поздняго выхода въ свѣтъ.

2) Цитируемъ ихъ по компактному изданію въ пяти томахъ: «Пѣсни русскаго народа», Спб., 1838.

3) Великорусскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ А. И. Соболевскимъ, томы I—VII, Спб., 1895—1902.

болевскаго подразумѣваютъ томъ ихъ изданія, а первыя цифры—
номеръ пѣсни:

Гоголь:	Сахаровъ:	Соболевскій:
I	2,2 пляс.	348, II.
II		501, I.
III		374, V.
IV		557—9, II; 760, VII.
VI	44,з.	
VII		133, III.
IX		88, VII.
X		278, V.
XI		722, IV.
XII		382, I.
XIII	132,з.	
XIV	118,з.	
XV		373, III.
XVI		138, IV.
XVII	6,2 пляс.	399, II.
XVIII	9,4 удал.	425, VI.
XIX		433, II.
XX		764, VII.
XXI	5,4.	381, I.
XXII		60, VII.
XXIII		414, II.
XXIV		551, IV.
XXV	30,4.	360, I.
XXVI	6,4.	175, VI.
XXVII	55,з.	
XXIX		638, V.
XXX	17,2 пляс.	76, VII.
XXXI	56,з.	
XXXIII	220,з.	
XXXIV	144,з.	

Гоголь:	Сахаровъ:	Соболевскій:
XXXVI	213,в.	
XXXVII	172,в.	
XXXVIII	170,в.	
XXXIX	145,в.	
XL	148,в.	
XLII	189,в.	
XLIII	3,4.	
XLIV	10,4.	1, II.
XLV	20,4.	169, II.
XLVI	24,4.	
XLVII	33,4.	356, I.
XLVIII	36,4.	696, V.
XLIX	37,4.	
L		14, III.
LI	4—8,4.	242, II.
LII	6,4 разгуд.	535, III.
LIII	8,4 тоже.	717, IV.
LIV	18,4 тоже.	
LV	28,4 тоже.	191, VII.
LVI	29,4 тоже.	
LVII	30,4 тоже.	320, VII.
LVIII	1,4 удалыя.	
LIX	2,4 тоже.	
LX	14,4 тоже.	
LXI	23,4 тоже.	
LXII	7,4 солд.	
LXIII	1,4 козац.	
LXIV	5,4 тоже.	
LXV	9,4 тоже.	
LXVI	3,в.	
LXVII	1,4 Веснянки.	
LXVIII	1,4 колыб.	

Гоголь:	Сахаровъ:	Соболевскій:
LXIX	2,4 тоже.	
LXX	29,з.	
LXXI	31,з.	
LXXII	34,з.	
LXXIII	38,з.	
LXXIV	39,з.	
LXXV	40,з.	94, IV.
LXXVI	49,з.	
LXXVII	72,з.	
LXXVIII	75,з.	
LXXIX	88,з.	
LXXX	90,з.	
LXXXI	93,з.	
LXXXII	95,з.	
LXXXIII	89,з.	
LXXXIV	195,з.	
LXXXV	199,з.	
LXXXVI	222,з.	
LXXXVII	229,з.	
LXXXVIII	238,з.	
XC	227,з.	
XCv	2,4 Веснянки.	
XCvIII	39,2	651, II.
XCiX		662, VII.
C	57,2.	
Ci	23,2 плясов.	56, IV.
CII	3,4 удалыя.	500, V.
CIII	16,4 тоже.	578, VI.
CIV	24,2 плясов.	191, V.

Изъ этой таблицы явствуется, что лишь для 14 Гоголевскихъ пѣсенъ не нашлось параллельныхъ у Сахарова и Соболевскаго.

Но и сходство остальных далеко не умаляет значенія Гоголевскаго собранія.

Прежде всего заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что огромное большинство пѣсенъ Гоголя, сходныхъ съ пѣснями Сахарова, имѣетъ совсѣмъ другія имена дѣйствующихъ лицъ, чѣмъ какія носятъ дѣйствующія лица пѣсенъ Сахарова. Обстоятельство это нерѣдко имѣетъ столь замѣтное значеніе, что мѣняетъ самый характеръ пѣсенъ, и во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ о заимствованіи Гоголемъ русскихъ пѣсенъ у Сахарова.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ сходство Гоголевскихъ пѣсенъ съ пѣснями Сахарова не заходитъ такъ далеко, чтобы исключить наличность существенныхъ варіантовъ. Однако, какъ важны иногда различія Гоголевскихъ пѣсенъ, это лучше и яснѣе всего можно видѣть на наглядномъ примѣрѣ. Для этого мы приведемъ параллельные тексты Гоголя и Сахарова одной пѣсни «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море», занимающей у Гоголя XXI мѣсто, а у Сахарова напечатанной въ четвертомъ томѣ подъ № 5:

У Гоголя:

Ужъ какъ палъ туманъ на сине
море, на сине море,
А злодѣйка кручина въ ретиво
сердце;
Какъ не сжаживать туману со
синя моря,
А злодѣйкѣ кручинѣ съ ретива
сердца.
Какъ далече, далече во чистомъ
полѣ,
Разгорался огонекъ малеше-
векъ.
Возлѣ огничка посланъ коври-
чекъ,

У Сахарова:

Ужъ какъ палъ туманъ на сине
море,
А злодѣйка - тоска въ ретиво
сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выдти кручинѣ изъ
сердца вонь.
Не звѣзда блеститъ далече во
чистомъ полѣ,
Курится огонечекъ малешенекъ;
У огонечка разостланъ шелко-
вой коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалъ до-
брый молодець,

У Гоголя:

А на ковричкѣ лежитъ добрый
 молодець;
 Во правой рукѣ держитъ тугой
 лукъ,
 Во лѣвой рукѣ калену стрѣлу.
 Во скорыхъ ногахъ стоитъ до-
 брый конь,
 Онъ и бьетъ копытомъ объ сыру
 землю,
 И онъ знать даетъ добру мо-
 лодцу;
 Ты вставай, вставай, добрый мо-
 лodeць,
 Ты садись на меня на добра коня;
 Я свезу тебя къ отцу къ матери,
 Къ молодой женѣ, къ малымъ
 дѣтушкамъ.
 Ты скажи, объяви молодой женѣ,
 Что женился я на иной женѣ.
 И я взялъ за себя поле чистое,
 А въ приданье взялъ зелены
 луга;
 У насъ добрый свать былъ бу-
 латный мечъ,
 А сосватала калена стрѣла,
 На постель клала свинцова пуля.
 Ты дуброва, дуброва зеленая,
 Ты долина, долина широкая!
 Ужь какъ всѣмъ ты долина изу-
 крашена,
 А однимъ ты долина обезчещена.
 Посреди тебя зеленый курганъ,

У Сахарова:

Прижимаетъ платкомъ рану
 смертную,
 Унимаетъ молодецку кровь, го-
 рючую;
 Подлѣ молодца стоитъ тутъ его
 добрый конь.
 И онъ бьетъ своимъ копытомъ
 въ мать сыру землю,
 Будто слово хочетъ вымолвить
 своему хозяину:
 Ты вставай, вставай, удалъ до-
 брый молодець!
 Ты садись на меня, своего
 слугу,
 Отвезу я добра молодца на ро-
 диму сторону,
 Къ отцу матери родимой, къ
 роду племени,
 Къ малымъ дѣтушкамъ, къ мо-
 лодой женѣ!
 Какъ вздохнетъ тутъ удалъ до-
 брый молодець;
 Подымалась у удалова его
 крѣпка грудь,
 Опустились у молодова бѣлы
 руки,
 Растворилась его рана смер-
 тельная,
 Пролилась ручьемъ кровь горю-
 чая,
 Тутъ промолвилъ добрый моло-
 дець своему коню:

У Гоголя:

На курганѣ разосланъ коври-
чекъ,
А на ковричкѣ лежитъ молодецъ:
Онъ избить, изстрѣленъ, изра-
ненъ весь.

У Сахарова:

Ахъ ты, конь мой, конь, ло-
шадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ рат-
номъ,
Добрый пайщикъ службы цар-
ской!

Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чис-
тое;

Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

Примѣръ этотъ не только убѣдительно говоритъ о самостоятельномъ значеніи Гоголевскаго собранія русскихъ пѣсень, но и свидѣтельствуетъ о высокихъ достоинствахъ Гоголевской записи, ставящей пѣсни его на степень образцовъ народной рѣчи и народной поэзіи.

То же самое убѣжденіе о самостоятельномъ значеніи Гоголевскаго собранія русскихъ пѣсень получается и при сравненіи ихъ съ пѣснями раннихъ пѣсенниковъ, вошедшими въ изданіе «Великорусскихъ народныхъ пѣсень» академика А. И. Соболевскаго. И при этомъ сравненіи выясняется, что близость и сходство пѣсень не переходитъ въ тожество, которое свидѣтельствовало бы о механическомъ «списываніи» Гоголемъ русскихъ пѣсень изъ разныхъ печатныхъ источниковъ. Для наглядности и убѣдительности мы приведемъ параллельно тексты нѣсколькихъ сходныхъ пѣсень.

Вотъ, напримѣръ, двѣ записи одной и той же пѣсни, при чемъ получились даже разные имена дѣйствующихъ лицъ. Пѣсня эта записана Гоголемъ подъ № LXXV, а у академика Соболевскаго напечатана въ четвертомъ томѣ подъ № 94:

У Гоголя:

Ай на дубчику два голубчика
 сидятъ,
 Промежь себя рѣчи говорятъ
 Про удалого молодца про Алек-
 сандра.
 Какъ нѣтъ такого молодца,
 Что Александра Александро-
 вича.
 Онъ съ рублика на рубликъ
 ступалъ,
 По пяти рублей на улицу кидалъ,
 Десятью ворота запиралъ,
 Какъ и сотнею сиротъ обдѣлялъ.
 Вы сироты помолите обо мнѣ,
 Объ удаломъ молодцѣ Алек-
 сандрѣ.

У Соболевскаго:

Какъ на дубчикѣ два голубчика
 сидятъ,
 Промежду себя воркуютъ - го-
 ворятъ,
 Какъ про добраго молодца,
 Про Матвѣя про Петровича.
 Онъ и съ тысячи на тысячу
 ступалъ,
 Ассигнаціей дорогу устигалъ,
 Сиротушекъ изъ неволи выку-
 палъ:
 «Вы подите, сиротинушки, до-
 мой,
 Помолитесь вы Богу за меня,
 Какъ за добраго молодца!»

Образцомъ записи и болѣе полной, и болѣе народной служить пѣсня у Гоголя «Изъ-за бору, бору», № ХСVIII, сходная съ напечатанной во второмъ томѣ изданія академика Соболевскаго подъ № 651:

У Гоголя:

Изъ за бору бору,
 Изъ за зеленого,
 Протекала свѣтъ
 Быстрая рѣчка.
 Стучала гремѣла
 По кремнямъ острымъ,
 Обростала быстра рѣчка
 Калиной малиной.
 На калиновомъ мосточкѣ
 Сидѣла голубка,
 Ноженьки мыла

У Соболевскаго:

Изъ бору-бору, изъ зеленого,
 Стучала гремѣла быстрая
 рѣчка,
 Обростала быстра рѣчка кали-
 ной, малиной.
 На калиновомъ мосточкѣ сидѣла
 голубка,
 Ноженьки мыла, перемывала,
 Свое сизо перышко перебирала,
 Перебравши сизо перье, сама
 взворковала...

У Гоголя:

Перемывала,
 Свое сизо перышко
 Перебирала,
 Свою буйну голову
 Чесала.
 Перебравъ сизо перье,
 Перечесавъ буйну голову,
 Сама взворковала....

Совершенно однородный характеръ записи можно видѣть и на примѣрѣ пѣсни «Пряди, моя пряха», помѣщенной въ собраніи у Гоголя подъ № СІ, а въ изданіи академика Соболевскаго въ четвертомъ томѣ подъ № 56:

У Гоголя:

Пряди моя пряха,
 Пряди не лѣнися.
 И я рада бѣ пряха,
 Меня въ гости звали,
 Звали позывали,
 Къ сосѣду въ бесѣду,
 На пиръ пировать.
 Мой милый хорошій,
 Мой милъ пригожій,
 Холость не женатый,
 Бѣлый кудряватый.
 Вотъ ѣдетъ мой милой
 На ворономъ конѣ,
 Въ бѣломъ балахонѣ,
 Шапочка съ углами,
 Головка съ кудрями.
 Къ двору подѣзжаетъ,
 Дѣвица встрѣчаетъ,

У Соболевскаго:

Пряди, моя пряха, пряди, не лѣ-
 нися!
 — Рада бы я пряха, — меня
 въ гости звали,
 Звали позывали, къ сосѣду въ
 бесѣду.
 У сосѣда будетъ мой милый хо-
 рошій,
 Мой милый пригожій,
 Бѣлый кудряватый, холость, не
 женатый.
 Вотъ ѣдетъ мой милый...

У Гоголя:

За руки хватаетъ,
За столикъ сажаетъ.

Извѣстная пѣсня «Лучина, лучинушка березовая» въ записи Гоголя, подъ № IV, тоже имѣетъ любопытныя особенности, по сравненію съ напечатанной во второмъ томѣ изданія академика Соболевскаго подъ № 557:

У Гоголя:

Лучина, лучинушка березовая!
Ахъ, чтожь ты, лучинушка, не
ясно горяишь,
Не ясно горяишь, не вспыхи-
ваешь?
Али ты, лучинушка, въ печи не
была,
Въ печи не была, не высу-
шена?
Али те, лучинушку, свекровь
подлила?

У Соболевскаго:

Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно
горяишь,
Не ясно горяишь, горяишь, не
вспыхиваешь?
Или ты, лучинушка, въ печи не
была,
Или ты, лучинушка, не высу-
шена,
Или свекровь лютая водой под-
лила?

Какъ на образецъ особенной близости между пѣснями Гоголя и изданными академикомъ Соболевскимъ, которая не исключаетъ наличности заслуживающихъ полнаго вниманія варіантовъ, можно указать на пѣсню «Пѣтушокъ, пѣтушокъ», помѣщенную въ тетради Гоголя подъ № LIII и въ четвертомъ томѣ изданія академика Соболевскаго подъ № 717:

У Гоголя:

Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!..
Зачѣмъ рано встаешь,
Голосисто поешь,
Голосисто поешь,

У Соболевскаго:

Пѣтушокъ мой, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Ты къ чему рано встаешь,
Голосисто поешь,
Голосисто поешь,

У Гоголя:

Заломала ихъ сѣра утица,
 По единому сизу перышку.
 Какъ у добрава молодца
 Не сами кудри завивалися,
 Завивала ему красна дѣвица
 По единому чорну волосу,
 Завивши кудри сама заплакала:
 Кабы знала млада, вѣдала,
 Вѣкъ сидѣла бы я во дѣвушкахъ.

У Соболевскаго:

Попроси у нихъ благосло-
 веньица
 Идти во солдатушки.
 Что возговорить московскій гу-
 бернаторъ доброму молодцу:
 «Отчего ты идешь, добрый мо-
 лодецъ, во солдатушки,
 Отъ бѣды, или отъ напасти?»
 — «Не отъ бѣды иду, не отъ
 напасти, —
 Отъ худой славы, отъ худой
 жены!»

Приведенные примѣры, полагаемъ, вполне достаточны для того, чтобы убѣдиться въ самостоятельномъ происхожденіи и въ самостоятельномъ значеніи собранія русскихъ пѣсенъ Гоголя и чтобы снять съ Гоголя даже тѣнь подозрѣнія въ какомъ-то «списываніи».

Ниже печатаются всѣ три тетради, каждая особо, за особою, поставленною Гоголемъ, нумераціею пѣсенъ и съ Гоголевскимъ же оглавленіемъ въ началѣ двухъ первыхъ. Для каждой тетради нами составленъ особый алфавитный указатель пѣсенъ, и всѣ три указателя печатаются вмѣстѣ послѣ пѣсенъ.

При печатаніи тетради съ русскими пѣснями и первой тетради съ пѣснями южнорусскими, собственноручно переписанными Гоголемъ, въ точности сохранено Гоголевское правописаніе, за исключеніемъ знаковъ препинанія, которыхъ у Гоголя почти нѣтъ. Надобно замѣтить, что оно страдало большими недостатками: «правила орфографіи какъ будто неизвѣстны Гоголю»¹⁾. Еще современники Гоголя обращали вниманіе на его безграмот-

1) Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности за 1891 годъ, М., 1891, стр. 102: статья Н. С. Тихонравова «Замѣтки о словарѣ, составленномъ Гоголемъ».

ность. Пушкинъ говорилъ: «Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь»¹⁾. Самъ Гоголь сознавалъ свой недостатокъ и въ декабрѣ 1846 г. писалъ Плетневу: «Я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь, не могу обработать слогъ и языкъ свой—первыя необходимыя орудія всякаго писателя. Они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей».

Конечно, главнымъ побужденіемъ сохранить Гоголевское правонисаніе было желаніе замѣнить настоящимъ изданіемъ рукопись для послѣдующихъ занятій.

Въ настоящее время пѣсни, собранныя Гоголемъ, хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3224.

Григорій Георгіевскій.

Румянцовскій Музей.
Октябрь 1906 года.

1) Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, томъ V, Спб., 1887, стр. 135.

РУССКІЯ ПѢСНИ.

Оглавленіе пѣсней.

- I. Во погѣ береза стояла.
- II. Хмѣль.
- III. Веселая голова.
- IV. Лучина, лучинушка березовая.
- V. Охъ, какъ взговорить во теремѣ.
- VI. Пантелей государь ходить по двору.
- VII. Ты поди, моя коровушка, домой.
- VIII. Отрывки.
- IX. Улица, улица моя.
- X. Во саду ли, въ огородѣ пташки воспѣвали.
- XI. Что не самъ то я ко дѣвушкѣ ходилъ.
- XII. Ахъ, какъ далече, далече во чистомъ погѣ.
- XIII. Разлилася, разлеилася.
- XIV. Не лежи, чорный бобръ, у крутыхъ береговъ.
- XV. Дорогая моя хорошая.
- XVI. Какъ по рѣчкѣ, какъ по быстрой.
- XVII. Я вечеръ молода во пиру была.
- XVIII. Не шуми, мати зеленая дубровушка.
- XIX. Ахъ, вы кумушки голубушки подружки.
- XX. Отдалѣла то я, сударушка, отдалѣла.
- XXI. Ужъ какъ палъ туманъ на сине море.
- XXII. Вдовушка по сѣничкамъ похаживала.
- XXIII. Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди.
- XXIV. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.

- XXV. Ахъ ты, поле мое, поле чистое.
 XXVI. Сторона ль моя, сторонуншка.
 XXVII. Изъ за лѣсу, лѣсу.
 XXVIII. Отрывки.
 XXIX. Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту.
 XXX. Ой, во саду, саду, люблю садовую.
 XXXI. Какъ изъ гнѣздышка пташечка.
 XXXII. Ахъ сборы, сборы Маланьяны.
 XXXIII. Подымалась погодушка.
 XXXIV. Высоко звѣзда восходила.
 XXXV. Къ дружкѣ.
 XXXVI. Я не знала, не вѣдала, ко мнѣ сваха прѣзжала.
 XXXVII. Съ рѣченьки утушка слетывала.
 XXXVIII. Яблонька моя, яблонька.
 XXXIX. Черны кудри за столъ пошли.
 XXXX. На морѣ селезень косы вьеть.
 XXXXI. Ты Фетинья Вахромѣвна.
 XXXXII. Во теремѣ гусли лежали.
 XXXXIII. Ужъ какъ полно красна дѣвица тужити.
 XXXXIV. Какъ у ключика у гремучего.
 XXXXV. У дородна добра молодца.
 XXXXVI. По улицѣ то дождь то свѣгъ.
 XXXXVII. Ахъ вы, горы, горы крутыя!
 XLVIII. У залетна ясна сокола.
 XLIX. Ой, ты дума моя, думушка.
 L. Ахъ, кабы на цвѣты не морозы.
 LI. Не ходи холость поздно вечеромъ.
 LII. Ахъ, душечка молодой ямщикъ.
 LIII. Петушокъ, петушокъ, золотой гребешокъ.
 LIV. Еще какъ люди въ людяхъ то живутъ.
 LV. У Спаса къ обѣдни звонять.
 LVI. Охъ, въ горѣ жить не кручинну быть.
 LVII. У дороднаго добра молодца.
 LVIII. Ахъ, батюшка, Ярославль городъ.

- LIX. Изъ Кремля, Кремля, крѣпка города.
 LX. У насъ то было, братцы, на тихомъ дону.
 LXI. Ужъ какъ по морю, по морю синему.
 LXII. Ахъ, по морю, морю синему.
 LXIII. Что пониже было города Саратова.
 LXIV. Мимо славнаго города Воронежа.
 LXV. У насъ, братцы, на дону, въ Черкасскомъ городу.
 LXVI. На зарѣ Иванъ сударь Петровичъ.
 LXVII. Весна красна.
 LXVIII. Колыбельная пѣсня.
 LXIX. Колыбельная пѣсня.
 LXX. Ой ни чарочки по столику гремятъ.
 LXXI. Александра матушка породила.
 LXXII. Во саду ли, въ огородѣ, во вишенью.
 LXXIII. Перевью тыномъ рѣку.
 LXXIV. Звонко звонятъ въ Новѣгородѣ.
 LXXV. Ай на дубчику два голубчика сидятъ.
 LXXVI. Кто у насъ холость ходить?
 LXXVII. Пелагея матушка.
 LXXVIII. Около шеста бѣлаго, полотняного.
 LXXIX. Какъ на Иванушкѣ кудри русыя.
 LXXX. Александрюшка господинъ.
 LXXXI. Не бушуйте вы, вѣтры буйныя.
 LXXXII. Бѣлокаменна палата грановита.
 LXXXIII. Ты Иванъ сударь.
 LXXXIV. Чтобы те свату по міру ходить.
 LXXXV. По городу, по городу звоны попли.
 LXXXVI. При дѣвичьемъ было при вечерѣ.
 LXXXVII. Ладушка моя милая.
 LXXXVIII. Какъ по саду по садику.
 LXXXIX. Ахъ вы, дѣвушки, дѣвушки.
 LС. Послѣ бани.
 LСI. Отлелеяла, отлелеяла волга.
 LСII. Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ.

- LCIII. Ахъ ты, свѣтъ, моя свѣтлая свѣтлица.
LCIV. Шли прошли по околицѣ.
LCV. Веснянка.
LCVI. Ужъ что я сижу думаю.
LCVII. Болѣзнь ты мой, батюшка.
LCVIII. Изъ за бору, бору, изъ за зеленого.
LCIX. Сидитъ олень подъ сырѣмъ дубкомъ.
C. Зайнька, поскачи.
CI. Пряди, моя пряха.
CII. Ахъ подъ лѣсомъ, лѣсомъ, подъ зеленой дубровою.
CIII. Ты несчастный добрый молодець.
CIV. Ахъ ты, ноченька.
CV. Надъ рѣчкою, надъ быстрою.
-

I.

Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла.
Некому березы заломати,
Некому кудрявой заломати.
Я пойду погуляю,
Бѣлую березу заламаю.
Вырѣжу три пруточка,
Сдѣлаю три гудочка,
Четвертую балалайку.
Вы, гудки, не гудите,
Старого мужа не будите.
Старой спать съ похмѣлья,
Со великого перепою.
Выду на новыя сѣни,
Стану я стараго будити:
Встань, мой старый, пробудися!
Вотъ тебѣ помой, умойся,
Вотъ тебѣ онуча, утрися,
Вотъ тебѣ лопата, помолися,
Вотъ тебѣ камень, подавися.

II.

Хмѣль.

Какъ въ городѣ было во Казанѣ,
Среди было торгу на базарѣ,
Хмѣлюшка по выходамъ гуляетъ,
Еще самъ себя хмѣль выхваляетъ.
Ужъ какъ нѣтъ меня, хмѣлюшки, лучше,
Хмѣлевой моей головки веселѣе.

Еще царь - государь меня знаетъ,
 Князья и бояре почитаютъ,
 Священники - попы благословляютъ;
 Еще свадьбы безъ хмѣля не играютъ,
 И крестины безъ хмѣля не бываютъ,
 Еще гдѣ подерутся, побранятся,
 Еще тутъ безъ хмѣля не мирятся.
 Одинъ лихъ на меня мужикъ крестьянинъ:
 Онъ честехонько во зеленый садъ гуляетъ,
 Онъ глубокія борозды копаешь,
 Глубоко меня, хмѣлину, зарываетъ,
 Въ ретиво сердце тычиночки втыкаетъ,
 Застилаетъ мои глазоньки соломкой.
 Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался,
 По тычиночкамъ я вверхъ подымался,
 Я отростилъ свои ярыя шишки;
 Но все лихъ на меня мужикъ крестьянинъ:
 Онъ по частешеньку въ зеленый садъ гуляетъ,
 Онъ и сталъ меня, хмѣлюшку, сниматьъ
 И со малыми ребятами щипати,
 Въ куле, въ рогожи зашивати,
 По торгамъ, по домамъ развозити;
 Меня стали мужики покупати
 И со суслицомъ во котликахъ топити;
 Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался:
 Я изъ котлика вонъ подымался,
 Не въ одномъ мужикѣ разыгрался.
 Я бросалъ ихъ о тынъ головами,
 А во скотской пометъ бородами.

 III.

Веселая голова,
 Не ходи мимо двора,

Не ходи мимо двора,
Дороженьки не тори.
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади,
Отцу матери бесчестья,
Роду племени покоръ,
Роду племени покоръ,
Мнѣ головушка домой.
Мнѣ головушка домой,
Мнѣ нельзя придти домой,
Мнѣ нельзя придти домой,
Сказать матушкѣ родной.
Скажу такъ, скажу сякъ,
Скажу эдакъ и вотъ такъ:
Скажу, въ садикѣ была,
Во зеленомъ гуляла,
Сладки яблочки рвала,
Все наливчетые,
Все наливчатые
И разсыпчатые.
Я на блюдечко клала
На серебрянное,
На серебрянное,
Позолоченное,
Ко милому относла
Во высокой во теремъ.
Милой яблочь не примаешь,
Ничего не говоритъ,
Ничего не говоритъ,
Не отказываетъ,
Не отказываетъ,
Не приказываетъ.
И я топнула ногой,
Сама съ терема долой,

Сама съ терема долой,
 Оставайся, чортъ съ тобой!
 Не ломайся надо мной,
 Надъ дѣвичьей красотой,
 Надъ дѣвичьей красотой,
 Надъ моею русой косой;
 На ступеничку ступила,
 Призадумалася,
 На другую я ступила,
 Призадумалася,
 А на третью я ступила,
 Ворочусь млада назадъ;
 Дружку выговорю,
 Дружку выговорю,
 Въ глаза выругаю:
 Ты послушайка, каналья,
 Погадай, негодяй,
 Погадай, негодяй,
 Я за что тебя люблю,
 Я за что тебя люблю,
 Худу славушку несую?
 Я за то только люблю,
 Что на ноженьку лежокъ,
 Что на ноженьку лежокъ,
 На босу ногу сапогъ,
 Во полночь гулять готовъ.

 IV.

Лучина, лучинушка березовая!
 Ахъ, что жъ ты, лучинушка, не ясно горишь,
 Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
 Али ты, лучинушка, въ печи не была,
 Въ печи не была, не высушена?

Али те, лучинушку, свекровь подлила?
 Подружки голубушки, ложитесь спать,
 Ложитесь спать, вамъ нѣкого ждять.
 А мнѣ молодешинькѣ всю ночьку не спать,
 Всю ночьку не спать, постелюшку слать,
 Постелюшку слать, мила дружка ждять.
 Первый сонъ заснула, милый небывалъ,
 Другой сонъ заснула, сердечного нѣтъ,
 Третій сонъ заснула, заря бѣлый день.
 По бѣлой по зорюшкѣ мой милой идетъ,
 Сапожки на ножкахъ поскрыпивають,
 Натуральной тросточкой постукиваетъ.

V.

Охъ, какъ возговорить въ теремѣ
 Свѣтъ Улита Сафроновна:
 Что, ясенъ ли свѣтелъ мѣсяць?
 Что, весель ли мой милой другъ,
 Свѣтъ Федулъ Вахрамѣвичъ?
 И онъ пьетъ прохлаждается,
 И онъ много похваляется:
 У меня жена разумная,
 Что не пьетъ пива пьяного,
 Зелена вина въ ротъ не беретъ;
 У ней рѣчь лебединая,
 А походка павлиная;
 Она проидеть, утѣшитъ меня;
 Слово молвить, накормитъ меня.

VI.

Пантелей, государь, ходить по двору,
 Кузмичь гуляетъ по широкому:
 Кунья на немъ шуба до земли,
 Соболья на немъ шапка до верху,
 Божья надъ нимъ милость до вѣку;
 Бояре-то смотрятъ изъ города,
 Боярыни-то смотрятъ изъ терема,
 А сужена смотреть изъ полога.
 Бояре то молвятъ: чей то такой?
 Боярыни молвятъ: чей господинъ?
 А сужена молвить: мой дорогой.

VII.

Ты поди, моя коровушка, домой,
 Ты поди, моя буреная,
 Ахъ, диди-ди, калинка моя,
 Въ саду ягода малинка моя.
 Завтра встану я ранешенько,
 Я умоюся бѣлешенько;
 Я умоюся бѣлешенько,
 Снаряжуся хорошешенько.
 Погоню ли я коровъ на росу,
 На встрѣчу мнѣ медведь во лѣсу.
 Прилетѣли голуби на дубы,
 Поклевали голуби желуди,
 Оставили они тросточки
 На ѣловыя досточки.
 Ахъ, у всѣхъ женъ мужья хороши,
 Хороши да хорошешеньки,

А у меня ли у младешеньки
Негодяй мужичоночко,
Да и тотъ съ кулачоночко.
Поперегъ моей кроватушки лежить,
Поперечную рѣчь говорить:
Онъ велитъ раздѣвать раззுவать,
Расбестію распоясывати;
Расбестію распоясывати,
Часты пуговики разстегивати.
Я сама буду до мужа добра,
Что добра буду и ласкова.
Я поѣду ль во Торжокъ торговать
И куплю я мужу пуговку,
Я куплю мужу пуговку,
Что семи пудъ да и съ четвертью.
Навяжу ль я мужу на груди
И пуцу я мужа на воду;
Пуцу ль я мужа на воду,
А сама взойду на гору;
Я сама взойду на гору,
Погляжу, какъ мужъ мой плаваесть.
Онъ какъ чортъ барыхтаесть,
Какъ пузырь надуваесть;
Какъ пузырь надуваесть,
Надо мной ужъ не ломаетъ.

VIII.

Отрывки.

1.

За тѣ ль меня скачки, за тѣ ль поплясушки,
Меня батюшка билъ билъ, меня родной билъ билъ.

2.

Ковали черевички мои,
Клади скобки серебрянныя,
Подбивали гвоздиками позолоченными.

3.

Воротись, моя надежа, воротись, сердце!
Не воротись, надежа, махни черной шляпой,
Черной шляпой пуховою, правою рукою.

4.

Ахъ! что за парень за такой,
Николашинька по улицѣ ходилъ.
Онъ съ гривенки на гривенку ступалъ,
Полтиною ворота запирагъ,
По рублевичку въ окошко кидалъ,
По пяти рублей красавицамъ давалъ.

5.

Со вечера съ полуночи приходилъ молодчикъ,
Приходилъ ко мнѣ молодчикъ собой невеличекъ,
Чуть заснула съ полуночи, а онъ меня кличетъ.

IX.

Улица, улица моя,
Трава мурова зеленинская.
По улицѣ молодецъ идетъ,
Вдоль по широкой удалинкой.
На молодчикѣ смуръ кафтанъ,
Опоясочка шелковая,

Рукавички барановыя.
 Рукавички барановыя,
 Сапожки сафьяновыя,
 На немъ шапочка бархатна,
 Околышекъ черна соболя.
 По улицѣ молодець идетъ,
 Вдоль по широкой удалинкой,
 Подъ полой несетъ дуду загулу,
 Подъ другой онъ несетъ гусельцы.
 Какъ струна загула, загула,
 Другая выговаривала:
 Пора молодцу женидбу давать,
 Холостому время свататься,
 Стару бабу за себя ему взять,
 Стару бабу на печи въ углу держать,
 Старой бабѣ калачи покупать,
 Стару бабу киселемъ кормить,
 Стару бабу киселемъ кормить,
 Молокомъ бабу подпаввати.
 Какъ бы бабѣ калача да колача,
 Съ того баба горяча да горяча,
 Кабы бабѣ киселя да киселя,
 Съ того баба весела да весела,
 Кабы бабѣ молока да молока,
 Съ того баба молода да молода,
 Кабы бабѣ сапоги да сапоги,
 Ударила бѣ въ три ноги да въ три ноги.
 Затянула бѣ баба пѣсеньку
 Тонкимъ звонкимъ голосочкомъ.
 Сынъ на матери снопы возигъ,
 Молода жена въ пристяжкѣ была,
 Стару матушку пристегивалъ,
 Молоду жену придерживалъ.
 Ну-ну, ну, ну, стара матушка,

Постой, мила молода моя жена.
 Ты, любима моя пѣсенка!
 Я любила тебя въ дѣвкахъ пѣть,
 Люблю тебя я и за мужемъ,
 У милаго въ очахъ будучи.
 Но, ахъ, бѣда! ахъ, бѣда,
 Ахъ, бѣда моя не маленькая,
 Что зовуть меня не дѣвушкой,
 Не дѣвушкой, не молодушкой.
 Я со вечера дѣвушка,
 Ко полуночи молодушка;
 Ко полуночи молодушка,
 Ко бѣлу свѣту хозяйюшка;
 Ко бѣлу свѣту хозяйюшка,
 Черезъ сорокъ недель матушка.
 Ахъ, ты, дѣверь, дѣверинушка,
 А гдѣ наша животинушка?
 Коровушки во дубровушкѣ,
 Лошадушки на площадушкѣ,
 Овечушки подлѣ рѣчушки,
 А свинушки на долинушкѣ.

 X.

Во саду ли, въ огородѣ пташки воспѣвали.
 Кабы знала я вѣдала пташкинъ голосочикъ:
 Я списалабъ голосъ пташкинъ на бѣлу бумагу,
 Отослала бъ голосочикъ въ нижній городочикъ,
 Въ нижній нижній городочикъ ко сердечному другу.
 Велишь ли ты, моя радость, хорошо ходити?
 Ходи, радость, хорошенько, бѣлая, румяная.
 Не ходи, моя надежа, къ сосѣду въ бесѣду:
 У сосѣда во бесѣдѣ холосты ребята;

Мастера въ скрыбку играти, дѣвокъ забавляти;
Глазами то поводятъ, изъ ума выводятъ;
Черны брови подмываютъ, на дворъ вызываютъ.

XI.

Что не самъ я то ко дѣвушкѣ ходилъ,
Не посла я ко любезной посылалъ:
Что сама ко мнѣ хорошая пришла,
Что пришла, пришла, пожаловала,
Въ окошечко праву ручку подала,
Въ окошечко во косящетовое,
Сквозь окошечко нѣмецкаго стекла.
Сударушка, не гнѣвися на меня,
Не равно я слово молвилъ во хмѣлю,
За досадушку покажется тебѣ,
За досаду, за великую бѣду.

Во чистомъ полѣ калинушка стоитъ,
На калинѣ соловеюшка сидитъ,
Горьку ягоду калинушку клюетъ,
А малиною закусываетъ;
Прилетѣли ко соловью два сокола,
Они взяли соловья виѣстѣ съ собой,
Посадили соловейку во саду,
Что во мѣдную во клѣточку,
За серебрянну решоточку.
Соловейка во всю ночь просвисталъ.
Добрый молодецъ осенню ночь неспалъ;
Все душу красну дѣвицу утѣшалъ,
Чтобы дѣвица любила молодца,
И любила бы, и жаловала,
И ни въ чемъ бы не отказывала.

XII.

Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ,
 Раскладенъ тамъ былъ огонечекъ малешенекъ,
 Отъ огонечка шелъ дымочикъ тонешенекъ,
 Подлѣ огонечка разосланъ шелковый коверъ,
 На коврикѣ лежитъ добрый молодецъ,
 Припекаетъ свои раны кровавыя:
 Въ головахъ его лежитъ стрѣлъ колчанъ,
 По праву руку лежитъ сабля острая,
 По лѣву руку его крѣпкой лукъ,
 А въ ногахъ стоитъ его добрый конь.
 Добрый молодецъ ужъ кончается,
 И самъ добру коню наказываетъ:
 Ахъ! ты, конь мой, конь добра лошадь!
 Ты видишь, что я съ бѣлымъ свѣтомъ разлучаюсь,
 И съ тобой однимъ прощаюсь;
 Какъ умру я, мой добрый конь,
 Ты зарой копытомъ мое тѣло бѣлое,
 Среди поля, среди чистаго,
 Среди раздольица, среди широкаго;
 Побѣги потомъ во святую русь,
 Поклонись моему отцу, матери,
 Благословенье отнеси малымъ дѣтушкамъ,
 Да скажи моей молодой вдовѣ,
 Что женился я на другой женѣ:
 Въ приданное взялъ поле чистое,
 Свахою была калена стрѣла,
 А спать положила пуля мушкетная,
 Тяжки мнѣ раны палашевыя.
 Всѣ друзья меня и братья оставили,
 Всѣ товарищи развѣхались:
 Лишь одинъ ты, мой добрый конь,
 Послужилъ мнѣ до смерти моей;

нет.

И ты увидишь, мой добрый конь,
Что удалой добрый молодецъ кончается.

XIII.

Разлилася, разлеелася
По лугамъ вода вешняя;
Унесло, улелеило
Чадо милое, дочь отъ матери.
Оставалася матушка
На крутомъ красномъ бережку;
Закричитъ она громкимъ голосомъ:
Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое,
Позабыли трои ключи,
Трои ключи золоты,
Со кольцомъ со серебряннымъ,
А внутри позолоченнымъ;
Какъ первой то ключикъ
Отъ высокаго терема;
А другой-то ключикъ
Отъ зеленова садика;
А третій то ключикъ
Отъ кована ларчика.
Государыня матушка!
Позабыла я не трои ключи,
Не трои ключи золоты;
Позабыла, матушка,
Волю батюшкину,
А нѣгу матушкину
И пріятство сестрицыно.

XIV.

Не лежи, черный бобръ, у крутыхъ береговъ,
Черная куна, возлѣ быстрой рѣки;
Не сиди, Панфилъ, во чужомъ пиру,
Панфилъ господинъ, да ивановичъ;
Снаряжай ты свадебку Катинькину,
Что катинькину да ивановнину.
Глупые люди! неразумные!
Ужъ у меня свадебка снаряжена:
Девять печей хлѣба испечено,
Десятая печь тертыхъ калачей;
Девять четвертей пива наварено,
Десятая четверть зелена вина;
Ужъ у меня приданное изготовленно:
Девять городовъ съ пригородками,
Три терема съ притеремками.

XV.

Дорогая моя, хорошая,
Ты, душа моя, красна дѣвица,
Моя прежняя полюбовница!
Не сиди, мой свѣтъ, долго вечеромъ:
Ты не жги свѣчи воску ярого,
Ты не жди меня до бѣла свѣта;
Ахъ, задумалъ я вить жениться,
И зашелъ къ тебѣ распроститися,
За любовь твою поклонитися.
Залилась дѣвица горючимъ слезамъ,
Во слезахъ она слово молвила:
Размиѣняемъ, другъ, подарками;

Ты отдай, отдай мой золотъ перстень,
 Ты возьми, возьми свой булатный ножъ,
 Со которымъ ты все ко мнѣ ѣзжалъ;
 Ты пронзи, пронзи мою бѣлу грудь,
 Распори мое ретиво сердце. —
 Тутъ возговорить добрый молодець:
 Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
 Не круши себя ты, душа моя!
 Я ходить буду чаще прежняго,
 Я любить стану милѣй старого.
 Прослезилась тутъ красна дѣвица;
 Таково ему слово молвила:
 Ужъ не грѣть солнцу жарче лѣтняго,
 Не любить другу милѣй прежняго.
 Инъ женись, женись, добрый молодець!
 Объ одномъ тебя прошу, бѣдная:
 Не поставь себѣ въ похваленіе,
 А моей чести въ поврежденіе,
 Для меня что ты долго холостъ былъ.

 XVI.

Какъ по рѣчкѣ,
 Какъ по быстрой
 Сизой селезень плыветь.
 По бережку
 По крутому
 Добрый молодець идетъ.
 Чешеть кудри,
 Чешеть черны
 Частымъ рыбьимъ гребешкомъ.
 Самъ съ кудрями,
 Самъ со черными

Разговариваетъ:

Кому, мои кудри,

Кому, мои черны,

Вы достанетесь чесать?

Доставались кудри,

Доставались черны

Старой бабѣ чесать.

Она не умѣетъ,

Она не гораздо

Черны кудри чесать.

Какъ по рѣчкѣ,

Какъ по быстрой

Сизой селезень плыветъ.

По бережку

По крутому

Добрый молодецъ идетъ;

Чешетъ кудри,

Чешетъ черны

Частымъ рыбьимъ гребешкомъ.

Самъ съ кудрями,

Самъ со черными

Разговариваетъ:

Кому, мои кудри,

Кому, мои черны,

Вы достанетесь чесать?

Доставались кудри,

Доставались черны

Красной дѣвицѣ чесать.

Она то умѣетъ,

Она видъ гораздо

Черныя кудри чесать.

XVII.

Я вечеръ, молода, во пиру была,
 Ни у батюшки, ни у матушки;
 Я была въ гостяхъ у мила дружка,
 У мила дружка у сердечнова.
 Я не медь пила и не полпивцо,
 Я пила, млада, сладку водочку,
 Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,
 Изъ полуведра черезъ край пила;
 И я гѣсомъ шла, не боялася,
 И я полемъ шла, не шаталася;
 Ко двору пришла, пошатнулася,
 За вереюшку ухватилася:
 Веряя ль моя, ты вереюшка,
 Содержи меня, бабу пьяную,
 Бабу пьяную и похмѣльную.
 Не увидѣлъ бы свекоръ батюшка,
 Не сказалъ бы онъ своему сыну,
 Своему сыну, моему мужу.
 Ахъ! какъ мой то мужъ горькой пьяница,
 Онъ вина не пьетъ, съ воды пьянъ живеть;
 Надо мной молодой онъ ломается.
 У меня молодой дома прибрано:
 Ложки вымыла, во щи вылила,
 Чашу вымыла, въ кашу вылила;
 Косяки оскребла, пирогъ испекла.

XVIII.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
 Не мѣшай мнѣ доброму молодцу думу думати.
 Какъ завтра мнѣ доброму молодцу во допросъ итти
 Передъ грознаго судью, самого царя.

Ужъ какъ станетъ меня царь-государь допрашивать:
 Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
 Ужъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
 Еще много ли съ тобой было товарищей?
 Я скажу тебѣ, надежа, православный царь,
 Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:
 Что товарищей со мной было четверо;
 Ужъ какъ первый мой товарищъ былъ темная ночь,
 А другое тѣ мой товарищъ былъ булатный ножъ,
 Какъ третій мой товарищъ былъ добрый конь,
 А четвертый мой товарищъ былъ тугой лукъ;
 На посылочкахъ у молодца была калена стрѣла.
 Что возговоритъ надежа православный царь:
 Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянской сынъ,
 Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать.
 Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
 Во чистомъ полѣ хоромами высокими,
 Что двумя ли столбами съ перекладиною.

 XIX

Ахъ, вы, кумушки, голубушки, подружки,
 Вы которому святителю молились,
 Вы которымъ чудотворцамъ обѣщались,
 Что у васъ мужья молодые?
 У меня ли молоденьки старичище;
 Не пускаетъ старичище на игрище;
 Я уходомъ отъ старого уходила,
 Подъ полою цвѣтно платьѣ уносила,
 За вѣреюшкою одѣвалась,
 И я позже всѣхъ въ бесѣду приходила,
 Я на кончикъ младешанька садилась,
 И я прежде всѣхъ съ бесѣды торопилась.

XX.

Отдалѣла то я, сударушка, отдалѣла,
Черезъ три поля я мила дружка провожала.
Ужъ про все то, про все я со милымъ говорила,
А одно ли тайно словечушко позабыла,
Не забыла то я, красна дѣвица, постыдилась:
Не женися ты, мой сердечной другъ, не женися.
Онъ меня ли, красну дѣвицу, не напомнилъ,
Не помнилъ то онъ, душа моя, да женился,
Не на душечкѣ вѣдь онъ на красной на дѣвицѣ,
Но на горькой ли да на злощастной онъ на вдовицѣ:
Что тяжель то тяжель у вдовушки нравъ обычай,
Что постелюшку она стелеть да слезно плачетъ;
Она плакавши мого милого проклинаеть,
А свово-то мужа прежняго выхваляетъ.

XXI.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, на сине море,
А злодѣйка кручина въ ретиво сердце;
Какъ не схаживать туману со синя моря,
А злодѣйкѣ кручинѣ съ ретива сердца.
Какъ далече, далече во чистомъ полѣ,
Разгорался огонекъ малешенекъ.
Возлѣ огничка посланъ ковричекъ,
А на ковричкѣ лежитъ добрый молодецъ;
Во правой рукѣ держить тугой лукъ,
Во лѣвой рукѣ калену стрѣлу.
Во скорыхъ ногахъ стоятъ добрый конь,
Онъ и бьетъ копытомъ объ сыру землю,
И онъ знать даетъ добру молодцу;
Ты вставай, вставай, добрый молодецъ,
Ты садись на меня, на добра коня;

Я свезу тебя къ отцу къ матери,
 Къ молодой женѣ, къ малымъ дѣтушкамъ.
 Ты скажи, объяви молодой женѣ,
 Что женился я на иной женѣ.
 И я взялъ за себя поле чистое,
 А въ приданье взялъ зелены луга;
 У насъ добрый свать былъ булатный мечъ,
 А сосватала калена стрѣла,
 На постель клала свинцова пуля.
 Ты, дуброва, дуброва зеленая,
 Ты, долина, долина широкая!
 Ужъ какъ всѣмъ ты, долина, изукрашена,
 А однимъ ты, долина, обезчещена.
 Посреди тебя зеленый курганъ,
 На курганѣ разосланъ ковричекъ,
 А на ковричкѣ лежитъ молодецъ:
 Онъ избить, истреленъ, израненъ весь.

 XXII.

Вдовушка по сѣничкамъ похаживала,
 Пялечки во рученькахъ понашивала:
 Шила, вышивала тонко бѣло полотно.
 Вышила рукавчики да къ Батюшкѣ пошла.
 Батюшка, придумай, пригадай мнѣ, сударь,
 Замужъ ли итти мнѣ, во вдовахъ ли сидѣть.
 Охъ, ты, свѣтъ мое дитя, свѣтъ родименькое!
 За мужъ, свѣтъ мой, не ходи, во вдовахъ не сиди:
 Лучше ты, мое дитя, въ монастырь поиди.
 Батюшка, во старечки еще я молода:
 И я келью разобью, монастырь весь разгоню,
 Старыхъ бабъ оттуда вонъ повыпихиваю.
 Сватался ко вдовушкѣ съ Москвы дворянинъ:

Сказывалъ житья бытъя пятьсотъ рублей.
 Думаю-подумаю: найду я за него;
 Разумомъ раскину: нѣтъ, не быть дѣлу такъ.
 Сватался ко вдовушкѣ гостинной сынъ съ Москвы;
 Сказывалъ житья бытъя онъ двадцать кораблей.
 Думаю-подумаю: найду я за него;
 Разумомъ раскину: нѣтъ, не быть дѣлу такъ.
 Сватался ко вдовушкѣ удалой скоморокъ:
 Сказывалъ житья бытъя волынку да гудокъ.
 Думаю-подумаю: иду я за него;
 Разумомъ раскину: ну, инъ быть дѣлу такъ.
 Сыта ли, не сыта ли, всегда я весела;
 Пьяна ли, не пьяна ли, всегда я плясая:
 Еще честь да хвала — скоморохова жена.

 XXIII.

Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди,
 Что на всѣ ли на четыре на сторони;
 Пока батюшка сударь за мужъ не выдалъ,
 За того ли за дѣтину, за невѣжу.
 На кабакъ идетъ невѣжа — скачетъ, пляшетъ,
 Съ кабака идетъ невѣжа — свищитъ, гарчитъ,
 Къ широку двору подходитъ, кричитъ, вопить;
 За колечушко беретъ, да всклицаеть:
 Еще ли дома ли жена да молодая?
 Отпирала бы она широки ворота.
 Я скорешенько съ постелюшки вставала,
 Я покрѣпче ворота запирала,
 Посмѣлѣ съ невежей говорила:
 Ты ночуй, ночуй, невѣжа, за ворота:
 Тебѣ мягкая перина — снѣгова пороша,
 А высоко зголовье — подворотня,

Тебѣ тепло одѣяло — темна ночка,
 Шитой бранной положекъ — буйный вѣтеръ.
 Каково тебѣ, невѣжа, за ворота,
 Таково то мнѣ младешенькѣ за тобою,
 За твою за дурацкой головою.

XXIV.

Внизъ по матушкѣ, по волгѣ,
 По широкому раздолью,
 Разыгралася погода,
 Погодушка верховая,
 Верховая, волновая.
 Ничего въ волнахъ не видно,
 Одна лодочка чернѣть;
 Никого въ лодкѣ не видно,
 Только парусы бѣлѣютъ,
 На гребцахъ шляпы чернѣютъ,
 Кушаки на нихъ алѣютъ.
 На кормѣ сидитъ хозяинъ.
 Самъ хозяинъ во нарядѣ,
 Во коришневомъ кафтанѣ,
 Во грезетовомъ камзолѣ,
 Въ аломъ шолковомъ платочкѣ,
 Въ черномъ бархатномъ картузѣ.
 Ужъ какъ взговоритъ хозяинъ:
 Мы пригрянемте, робята,
 Внизъ по матушкѣ, по волгѣ,
 Ко Аленину подворью,
 Ко Ивановой здоровью.
 Аленушка выходила,
 Таки рѣчи говорила:
 Не прогнѣвайся, хозяинъ,

Въ чемъ ходила, въ томъ и вышла,
 Въ одной тоненькой рубашкѣ
 И въ кумачной тѣлогрѣйкѣ.

 XXV.

Ахъ! ты, поле мое, поле чистое,
 Ты раздолье мое широкое!
 Ахъ! ты всѣмъ, поле, изукрашено,
 Мягкой травушкой и муравушкой,
 И цвѣточками василечками;
 Ты однимъ поле обещено;
 Посреди тебя, поля чистаго,
 Выросталъ великъ часть ракитовъ кустъ,
 И на томъ кустѣ, на ракитовомъ,
 На верху сидитъ сизой младъ орелъ:
 Въ когтяхъ держитъ чорна ворона,
 Онъ точитъ кровь на сыру землю.
 А подъ кустомъ, подъ ракитовымъ,
 Ахъ! лежитъ убитъ добрый молодецъ,
 Изъязвленъ, избитъ, исколотъ весь.
 Какъ не ласточки, не касаточки,
 Вкругъ тепла гнѣзда увиваются,
 Увивается тутъ родна матушка.
 Она плачетъ такъ, какъ рѣка льется,
 А родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ,
 Молода жена плачетъ, какъ роса каплетъ,
 Красно солнышко взойдетъ, росу высушить.

 XXVI.

Сторона ль моя, сторонушка,
 Сторона ль моя незнакомая!

Что не самъ я на тебя зашелъ,
 Что не добрый ли да меня конь завелъ;
 Завела меня, доброва молодца,
 Прыткость, бодрость молодецкая
 И хмѣлинушка кабацкая.
 Породила да матушка
 Во безчастный день, во пятницу,
 Во зеленомъ саду гуляючи,
 Что подъ грушею подъ зеленою,
 Что подъ яблонью подъ кудрявою.
 Пѣленала да меня матушка
 Во пеленочки въ атласныя,
 Что свивала да меня матушка
 Во свивальничекъ въ алой бархатной;
 Одѣвала ль меня матушка
 Одѣяломъ ли соболинымъ;
 Берегла меня матушка
 И отъ вѣтра, и отъ вихоря,
 Что отъ частого мелкого дожжичка;
 Не уберегла меня матушка
 Что отъ службы государевой,
 Отъ чужой дальней сторонушки.

 XXVII.

Изъ за лѣсу, лѣсу,
 Лѣсика темного,
 Изъ за лѣсу конь бѣжить,
 Подъ конемъ земля дрожить,
 На конѣ узда гремитъ.
 За конемъ стрѣла летить,
 За стрѣлой молодецъ бѣжить.
 У воротичекъ Афимьюшка стоять:

Афимьюшка, переими мого коня,
Алексѣевна, переими мого добра.
Я захочу, сударь, перейму,
Я не захочу, не перейму;
Я не твоя еще, сударь,
Я божья да батюшкина.
Изъ за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнаго,
Изъ за лѣсу конь бѣжить,
Подъ конемъ земля дрожить,
На конѣ узда гремитъ.
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлою молодець бѣжить.
У воротичекъ Афимьюшка стоитъ:
Афимьюшка, переими мого коня,
Алексѣевна, переими мого добра.
Я захочу, сударь, перейму,
Я не твоя еще, сударь,
А Божья да матушкина.
Изъ за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнаго,
Изъ за лѣсу конь бѣжить,
Подъ конемъ земля дрожить,
На конѣ узда гремитъ.
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлою молодець бѣжить.
У воротичекъ Афимьюшка стоитъ:
Афимьюшка, переими мого коня,
Алексѣевна, переими мого добра.
Я теперь, сударь, перейму,
Я теперь божья, сударь, да твоя.

XXVIII.

Отрывки.

I.

По задверью сударушка водицу носила,
 Коромысло кипарисно, ведерки дубовы,
 Ведерки дубовы, обручья кедровы.
 Коромысло гнется, свѣжа вода льется.
 Дѣтинушка бѣгъ кудрявѣ изъ окошка смотреть.

II.

Ахъ, Суздальцы, володимерцы,
 Ни сказать, ни плясать съ колокольчиками,
 Съ колокольчиками болобольчиками.

III.

Открывайте кованы сундуки,
 Винимайте багрецовога сукна,
 Кройте Ивану новъ кафтанъ,
 Ни дологъ, ни коротокъ,
 Ни узокъ, ни широкъ,
 Въ подолѣ раструбистой,
 Къ ретиву сердцу прижимистой.

IV.

Ужъ какъ мой милъ идетъ,
 Что ясенъ соколъ летитъ,
 Шапочку охорашиваетъ,
 Бѣлыми руками помахиваетъ,
 Черными кудрями потряхиваетъ.

XXIX.

Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту,
Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту трава росла.
Трава росла шелковая,
Шелковая, муравая, зеленая.
И я въ три косы косила,
И я въ три косы косила ради гостя,
Ради гостя, ради друга,
Ради гостя, ради друга дорогова.
Слышитъ, ноетъ мое сердце,
Слышитъ, ноетъ мое сердце, занываетъ.
Какъ задумалъ, моя радость,
Какъ задумалъ, моя радость, другъ жениться.
Онъ не хочетъ со мной дѣвицей,
Онъ не хочетъ со мной дѣвицей водиться.
Какъ поѣдешь, душа радость,
Какъ поѣдешь, душа радость, другъ вѣнчаться,
Заѣзжай ко мнѣ дѣвицѣ,
Заѣзжай ко мнѣ дѣвицѣ, другъ, проститься.
Черезъ рѣченьку поѣдешь,
Черезъ рѣченьку поѣдешь, захлебнешься,
Черезъ быструю поѣдешь,
Черезъ быструю поѣдешь, ты утонешь,
Про меня красну дѣвицу,
Про меня красну дѣвицу вспомняешь.
Какова то я, младенька,
Какова то я, младешенька, бывала.
По утру ранымъ раненько,
По утру ранымъ ранешенько вставала.
На босу ногу башмачки,
На босу ногу башмачки надѣвала.
И на плечики салопчикъ,

И на плечики салопчикъ накидала.
 На головушку платочикъ,
 На головушку платочикъ повязала.

XXX.

Ай, во саду, саду, люблю садовую,
 Люблю, люблю садовую грушу зеленую.
 Надъ рѣкой дѣвка стояла, сама себѣ говорила:
 Или я несчастна, дѣвка безталанная,
 Дѣвка безталанная, замужъ сговоренная?
 Сговорила меня мать за крестьянина отдать.
 Не иду, не иду, матушка, не иду, государыня,
 Не иду, государыня, замужъ за крестьянина,
 Крестьянино-тъ, матушка, много пашней пашеть,
 Много пашней пашеть, хлѣба высѣваетъ,
 Полосы широкія, борозды глубокія.
 А во саду, саду, люблю садовую,
 Люблю, люблю садовую грушу зеленую,
 Грушу, грушу зеленую, дѣвку веселую;
 Надъ рѣкой дѣвка стояла, сама себѣ говорила:
 Или я несчастна, дѣвка безталанна,
 Дѣвка безталанная, замужъ сговоренная?
 Сговорила меня мать за боярина отдать.
 Не иду, не иду, матушка, не иду, государыня,
 Не иду, государыня, за мужъ за боярина:
 Боярино-тъ, матушка, собачій охотникъ,
 Много собакъ держать, собаки борзья,
 Собаки борзья, лакеи босья;
 Что Бояринъ воевать, а я горе горевать;
 Что Бояринъ во Москву, а я кинуся въ тоску.
 Ай, во саду, саду, люблю садовую,
 Люблю, люблю садовую грушу зеленую,

Грушу, грушу зеленую, дѣвку веселую.
Надъ рѣкой дѣвка стояла, сама себѣ говорила:
Или я безчастна, дѣвка безталанна,
Дѣвка безталанная, замужь сговоренная?
Сговорила меня мать за приказного отдать.
Иду, иду, матушка, иду, государыня,
Иду, государыня, за мужь за приказного;
Что приказное-тъ писать, а я денешки считать.

XXXI.

Какъ изъ гнѣздышка пташечка,
Изъ гнѣздышка изъ теплова,
Изъ вѣточки яблонной,
Выпорхала, вылетала
На чисто поле на зеленое,
На тѣ ли луга муравистая;
Рвала травушку со корешка,
Бросала травушку на сторонушку.
Рвала, вырывала пташечка,
Вырывала маковъ цвѣтъ,
Вырвавши, имъ любовалася.
Какъ изъ терема, терема,
Изъ терема красного високаго,
Красного, високаго, свѣтлаго,
Изъ пристрама матушкина,
Выходила, выбѣгала,
Выходила красна дѣвица,
Красна дѣвица, душа машинька,
На тотъ ли на широкой дворъ,
Во зеленъ кедровый садъ;
Садилась свѣтъ васильевна
За новый дубовый столъ;

Смотрѣла всѣхъ пріѣзжихъ гостей,
 Всѣхъ пріѣзжихъ незнакомыхъ:
 Выбирала себѣ суженого,
 Выбирала себѣ милого;
 Ужъ никто то ей невзглянется,
 Ужъ никто то ей не по сердцу.
 Выбирала душа машинька,
 Выбирала свѣтъ васильевна,
 Тебя ли, Андрей господинъ,
 Андрей сударь Поликарповичъ.
 Ужъ выбравши, любовалася,
 Любовалася, красовалася.
 Ужъ какъ онъ то мнѣ понравился,
 Ужъ какъ онъ то мнѣ по сердцу,
 Ужъ какъ мнѣ ли на него не наглядѣтся,
 Ужъ какъ мнѣ ли на него не насмотрѣтся,
 Ужъ какъ мнѣ ли съ нимъ не хочется и разстаться.

 XXXII.

Ахъ, сборы, сборы Маланьины,
 Велики сборы Фадеевны:
 Сбирала подружекъ за свой столъ,
 Сажала подружекъ высоко,
 Садилась сама выше всѣхъ.
 Охъ, вы, дѣвушки, подружки!
 Придумайте, пригадайте,
 Какъ жить да быть въ чужихъ людяхъ?
 Какъ мнѣ называть свекра лютова?
 Какъ мнѣ величать свекровь лютовую?
 Мнѣ батюшкомъ назвать не хочется,
 Мнѣ свекромъ назвать, осердится,
 Мнѣ матушкой назвать не хочется,

Свекровью назвать, осердится.
 Убавлю я спѣси гордости,
 Прибавлю я ума разума,
 Назову я свекра батюшкомъ,
 А люту свекровь матушкою.

XXXIII.

Подымалася погодушка,
 Что со сѣверной сторонушки,
 Уносила лебедь бѣлую,
 Лебедь бѣлую, черноногую,
 Со желтыхъ водъ со ключевыхъ,
 Съ тихихъ рѣчекъ со глубокихъ,
 Отъ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ;
 Гнала, гнала лебедь бѣлую,
 Гнала, гнала черноногую,
 Гнала въ бурно море синее.
 Синее море взволновалось,
 Лебедь бѣла востоковалася.
 Ой, ты, буря, непогодушка!
 Унесла меня съ моей сторонушки,
 Со желтыхъ водъ со ключевыхъ,
 Съ тихихъ рѣчекъ со глубокихъ,
 Отъ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ!
 Ужь не жаль то мнѣ желтыхъ водъ ключевыхъ,
 Ужь не жаль то мнѣ тихихъ рѣчекъ глубокихъ,
 Ужь не жаль то мнѣ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ,
 Жаль то мнѣ своей сторонушки!
 Жаль то мнѣ своихъ бѣлыхъ перышковъ,
 Бѣлыхъ перьевъ, бѣлыхъ крылышекъ!
 Какъ изъ славной Тверской улицы
 Подымалися князья бояре всѣ;

Соѣзжались ко Иванову двору:
Ворота дубовыя отворяются,
Входятъ гости на широкой дворъ,
Идутъ гости на ново крыльцо.
Въ терему ли видятъ дѣвицу,
Во высокомъ видятъ красную,
Аксиньюшку душу Ивановну.
Ужъ берутъ ли за бѣлы руки,
Ужъ уводятъ ли отъ дѣвушекъ,
Ужъ уводятъ ли отъ красныхъ;
Какъ сажаютъ душа Аксиньюшку,
Аксиньюшку свѣтъ Ивановну,
Что за тотъ ли за дубовый столъ,
Что за тѣ ли скатерти бранныя.
Потомъ увезли къ себѣ домой
Къ свекору, чужому батюшкѣ,
Ко свекрови, чужой матушкѣ,
Ко чужимъ сестрамъ, золовушкамъ,
Ко чужимъ братьямъ, деверьюшкамъ.
Свекоръ батюшка осердится,
Свекровь матушка разгнѣвается,
Умныя деверья вкось глядятъ,
Глупыя золовки съѣсть хотятъ.
Душа Аксиньюшка втоскуется,
Свѣтъ Ивановна взгорюется,
Въ горячихъ слезахъ восплачется:
Ой, вы, гости незнакомые!
Увезли меня отъ батюшки,
Увезли ли отъ родимова!
Увели меня изъ терема,
Увели ли изъ високаго!
Разлучили со дѣвицами,
Со дѣвицами ли красными,
Со моими ль то подружками!

Ужъ не жаль то мнѣ и терема,
Ужъ не жаль то мнѣ высокаго,
Ужъ не жаль мнѣ красныхъ дѣвушекъ:
Жаль то мнѣ роднаго батюшку,
А жалчей того русой косы,
Что моей ли дѣвичьей красы!

XXXIV.

Высоко звѣзда восходила,
Выше солнца, выше мѣсяца:
Какъ у насъ во теремѣ
Анисьюшка горько плакала,
Степановна слезно вопила,
Поминала про чужу сторону,
Про чужого отца съ матерью.
Какъ то чужой то отецъ съ матерью,
Безжеланные родители,
Посылали меня молоду
На Москву рѣку по воду;
Какъ съ восточной сторонушки
Подымалася погодушка,
Налетѣли гуси сѣрые,
Возмутили воду свѣжую;
Я молода безъ воды пришла.
Свекоръ батюшка журить, бранить;
Свекровь матушка бить хочетъ.
Спасибо золовушкѣ,
За меня слово замолвила:
Ой, ты, глупая невѣстушка,
Неразумная твоя головушка!
Какова вода случилася,
Во вѣдрахъ бы устоялася.

XXXV.

Къ Дружкѣ.

Охъ, ты, умная головушка,
 Ты, удалой добрый молодець!
 Ты охочь по пирамъ ходить,
 По зговорамъ, по дѣвишникамъ,
 По дѣвичьимъ по вечерамъ,
 Ты охочь пѣсень слушати,
 Ты охочь, сударь, дѣвиць дарити,
 Не рублемъ, не полтиною,
 Золотыми червонцами.

XXXVI.

Я не знала, не вѣдала,
 Ко мнѣ сваха пріѣхала,
 Сваха гордая, спѣсивая,
 Молодая, гломливая;
 Она ступить не ступила;
 Да хотя она ступила
 По атласу, по бархату,
 По аксимену на золотѣ.
 Она молвить не молвила;
 Да хотя она и молвила
 Со княжной, со боярыней,
 Съ Афросиньей Фадеевной:
 Одѣвайся ты, умная,
 Снаряжайся, разумная.
 Не спѣши, сваха гордая!
 Мнѣ куда снаряжатся
 Отъ родимого батюшки,
 Отъ родимой матушки.

XXXVII.

Съ рѣченъки утушка слетывала,
Съ тихой сѣрая вспархивала;
Прилетала утушка,
Прилетала сѣрая,
На бурное на сине море.
Не знала утушка,
Не знала сѣрая,
Гдѣ ей опустетися,
Отъ вихоря уклонитися.
Гуси стали щипати,
А утушка громко кликати:
Ой, ты, рѣчка, моя рѣчинька,
Ты, рѣчинька ли моя тихая!
Кабы знала я да вѣдала
Такую надъ собою невзгодушку,
Разстатися бы съ тобой не подумала.
Сходила съ терема Дарьюшка,
Сходила съ високаго Антоновна,
Приѣзжала ко свекору въ домъ.
Свекоръ батюшка не ласковой,
Не ласковой, не какъ родной.
Входила ко свекрови въ теремъ:
Свекровь матушка угрюмая,
Угрюмая, не какъ родная;
Дѣверья по свѣтличкѣ похаживаютъ,
Объ ней все поговариваютъ:
Ужъ какъ наша ли невѣстушка
Не хороша, не пригожа,
Не ласкова, не привѣтлива;
Золушки перешептываютъ:
Ужъ какъ наша ли невѣстушка
Не гораздо ничему:

Ни сткать, ни спрясть,
 Ни золотомъ пошить,
 Ни щей сварить; ни пирога испечь,
 Ни песенку запѣть,
 Ни въ дудочку, ни поплясать;
 Словечушкомъ промолвить,
 За другимъ въ карманъ поидеть.
 Ужь не знала то Дарьюшка,
 Ужь не вѣдала Антоновна,
 Куда ей дѣваться,
 Куда ей укрытися
 Отъ насмѣшекъ отъ зависти?
 Что всплachtetся, что взгорюется,
 Что взгорюется, что встоскуется:
 Ой, ты, теремъ мой у батюшки,
 Ой, ты, высокой у матушки!
 Кабы я знала да вѣдала
 Здѣсь себѣ таково житье,
 Разстаться бы съ тобой я не вздумала,
 Выдти бы изъ тебя не вздумала.
 Я жила въ тебѣ смиреншенько,
 Я была въ тебѣ веселешинька,
 Не знала я тоски и горести.

 XXXVIII.

Яблонька моя, яблонька,
 Яблонька моя зеленая,
 Не цвѣти теперешней весной,
 Не плоди сладкихъ яблочковъ.
 Я скажу мому батюшкѣ,
 Я скажу моей матушкѣ,
 Что ты худо поливана,

Что ты худо лелеина,
 Что отъ того ль и яблоковъ нѣтъ;
 Что сама я стану тебя поливати,
 Сама корешокъ обчищати,
 Сама червячокъ обметати;
 Авось либо батюшка и сжалится,
 Авось либо матушка и взмилуется,
 Не огдадутъ меня нынешній годъ,
 На чужую дальнюю сторону,
 На чужую дальнюю не знакомую,
 Безъ горя горе мыкати;
 Безъ слезки горько плакати,
 Безъ думы крѣпко думати;
 Безъ скуки скучати,
 Безъ грусти горевати.

XXXIX. *мет.*

Черны кудри за столъ пошли,
 Русу косу за собой повели,
 Черны кудри у русой косы спрашивали:
 Русая коса, неужли ты моя?
 Еще же, черныя кудри, я не твоя,
 Божья да батюшкина.
 Черныя кудри у русой косы спрашивали:
 Руса коса, неужли ты моя?
 Я Божья да теперича твоя.

XXXX.

На морѣ селезень косы вьетъ,
 Сѣрая утушка полощется,
 Туда жъ она торопится.

Ей всё утушки завидовали,
 Ей всё сѣрыя завидовали.
 Не завидуйте, утушки,
 Не завидуйте, сѣрыя!
 И у васъ будутъ селезни,
 Молодые, хохлатые.
 Противъ зеркальца чистаго,
 Противъ зеркальца хрустальнаго,
 Чесаль молодець кудри черныя;
 Дѣвица бѣлится, румянится,
 За нимъ же торопится.
 Ей всё дѣвушки завидовали,
 Ей всё красныя завидовали:
 Не завидуйте, дѣвушки,
 Не завидуйте, красныя;
 И у васъ такіежъ будутъ молодцы,
 Такіе жъ будутъ хорошіе,
 Такіе жъ будутъ пригожіе,
 Такіе жъ бѣлые, румяные.

 XXXXI.

Ты, фетинья Вахромѣвна,
 Не клади Богу жалобу
 Ни на батюшку, ни на матушку.
 Ты клади Богу жалобу
 На сваху ту разлучницу,
 Что ходила по ранехоньку,
 Говорила по тихохоньку,
 Твою матушку уговаривала,
 Хвалила, выхваливала
 Чужу дальнюю сторонушку:
 Какъ чужая то сторонушка

Сахаромъ посяна,
Сытою поливана!
Что взговорить ей матушка,
Маремьяна Перфильевна:
Ты полно, обманщица,
Ты полно, подговорщица!
Я сама знаю чужу сторонушку,
Чужую дальнюю, незнакомую;
Ужъ какъ чужая то сторонушка
Горемъ вся изнасяена,
Она слезами поливана,
Печалью огорожена.

XXXXII.

Во теремѣ гусли лежали;
Ай, вѣкому въ гусли играти,
Еще петра дома не случилось,
Захарыча дома не случилось;
У ласкова тестя пируеть,
У ласковой тещи столуеть.
А теща то зятя провожала,
Среди двора зятю наказала:
Ахъ, зять, ты мой зять любимой!
Ты пей, зять, вино не до пьяна,
А сладкова меда не до сыта;
Ты садись на коня не шатайся,
Поѣдешь домой не валяйся,
Надъ Татьянушкой не ломайся;
Вѣдь Татьяна дитя молодое,
Ивановна не устарокъ,
Обычая твоего не знаетъ,
Ко нраву твоему не привыкла,

Разувать раздѣвать не умѣть,
 Въ уста целовати не достанетъ;
 На лавочку станеть, такъ достанетъ.

XXXXIII.

Ужъ какъ полно, красна дѣвица, тужити:
 Не наполнишь ты синя моря слезами,
 Не воротишь друга милого словами!
 Говорила я милому, говорила,
 Я въ упрось ли друга милаго просила:
 Не женися ты, мой милой, не женися.
 Не послушался, душа моя, женился!
 Онъ присыпалъ ко бѣдну сердцу печали,
 И онъ налилъ очи ясныя слезами,
 Запечаталъ уста алыя онъ кровью.

XXXXIV.

Какъ у ключика у гремучева,
 У колодезя у студенова
 Добрый молодець самъ коня поилъ,
 Красна дѣвица воду черпала;
 Почерпнувъ воды поставила,
 Какъ поставивши призадумалась,
 А задумавшись заплакала,
 А заплакавши слово молвила:
 Хорошо тому жить на семь свѣтъ,
 У кого есть отецъ и мать,
 Отецъ и мать, и братъ сестра,
 Ахъ, и братъ сестра, что и родъ и племя.
 У меня ль, у красной дѣвицы,

Ни отца нѣту, ни матери,
Какъ ни брата, ни родной сестры,
Ни сестры, ни роду, ни племени,
Ни того ли мила друга,
Мила друга полюбовника.

XXXXV.

У дороднаго добра молодца
Въ три ряда кудри завивалися,
Въ четвертый рядъ по плечамъ лежать;
Не сами кудри завивалися,
Завивала красна дѣвица,
По единому русому волосу.
Завивши кудри сама задумалась:
Какъ бы знала я, вѣдала,
Про свое горе, про нещастіе,
Про замужье про бездѣльное,
Я бы сидѣла вѣкъ въ дѣвушкахъ,
У родимова своего батюшки,
У родимой своей матушки;
Я бы чесала буйну голову,
Я бы плела трубчату косу,
Вплетала въ ленту алую,
Ленту алую шелку красного,
Шелку красного Шамаханскаго.
Кабы знала я млада, вѣдала,
Что просваталъ меня батюшка
Не въ любимую сторонушку,
Не за прежняго полюбовника,
Не за ладушку за милаго,
А отдалъ меня батюшка
Не въ согласную семью,
Не въ покрытую избу.

XXXXVI.

По улицѣ то дождь, то снѣгъ,
 То дождь, то снѣгъ, то вьялица,
 То вьялица, то метелица,
 Кутить, мутить, въ глаза несеть.
 Меня младу свекоръ зоветъ.
 Для свекрушка для батюшки
 Сама съ мѣста не тронуся,
 Не тронуся, не ворохнуся.

По улицѣ то дождь, то снѣгъ,
 То дождь, то снѣгъ, то вьялица,
 То вьялица, то метелица,
 Кутить, мутить, въ глаза несеть.
 Меня младу свекровь зоветъ.
 Для матушки свекровушки
 Сама съ мѣста не тронуся,
 Не тронуся, не ворохнуся.

По улицѣ то дождь, то снѣгъ,
 То дождь, то снѣгъ, то вьялица,
 То вьялица, то метелица,
 Кутить, мутить, въ глаза несеть.
 Меня младу миль другъ зоветъ.
 Для друженька для милаго
 Иду, иду скорешенько,
 Скорешенько, торопешенько.

XLVII.

Ахъ, вы, горы, горы крутыя!
 Ничего вы, горы, ни породили,
 Что ни травушки, ни муравушки,
 Ни лазоревыхъ цвѣточковъ, василечковъ;

Ужъ вы только породили, круты горы,
 Бѣлъ горючъ камень великъ добрѣ.
 Что на камушкѣ растеть ли часть раки товѣ кустѣ,
 Что подѣ кусточкомѣ лежить убить добрый молодецѣ,
 Разметавѣ свои руки бѣлыя,
 Разстрепавѣ свои кудри черныя,
 Изъ реберѣ его поросла трава,
 Ясны его очи пескомѣ засыпались.
 Что не ласточка, не касаточка
 Вкругѣ тепла гнѣзда увивается,
 Увивается его матушка родимая.
 Ахъ, какъ я тебѣ, сынѣ, говаривала,
 Не водись, мой сынѣ, со бурлаками,
 Что со бурлаками, со ярыгами,
 Не ходи, мой сынѣ, во Царевѣ кабацѣ,
 Ты не пей, мой сынѣ, зелена вина:
 Потерять тебѣ, сынѣ, буйну голову.

XLVIII.

У залетнова ясна сокола
 Подопрѣло его правое крылышко,
 Правое крылышко, правильно перышко.
 У заѣзжего добра молодца
 Что болить его буйная головушка,
 Что щемить его ретиво сердце,
 Ни по батюшкѣ, ни по матушкѣ,
 Ни по братцѣ, не по родной сестрѣ,
 Ни по душечкѣ по молодой женѣ;
 А болить его буйная головушка,
 А щемить его ретиво сердце,
 Что по душечкѣ красной дѣвицѣ,
 Что по прежней ли полюбовницѣ.

Во зеленомъ его садику,
 У любовной его яблоньки,
 Отвалился что не лучший сукъ,
 Покатились сладки яблочки
 Что по матушкѣ по сырой землѣ.
 Подбирала сладки яблочки
 Что душа ли красная дѣвица,
 Его прежняя полюбовница,
 Уколола правую ноженьку
 Объ сучокъ сладкой яблоньки.
 Что болить, болить ея ноженька,
 Отъ того щемить ретиво сердце
 У дородного добра молодца,
 У прежняго ея полюбовника.

 XLIX.

Ой, ты, дума моя, думушка,
 Ужъ ты ль, дума крѣпкая!
 Не могу я думы крѣпкія
 Ни придумати, ни раздумати,
 Приложить ума разума.
 Какъ вечеръ мой милъ сердечный другъ
 Загадалъ ли мнѣ загадочку,
 Хитру, мудру, неотгадливу,
 Неотгадливу, не придумчиву,
 Не придумчиву, ужасную.
 Онъ сказалъ мнѣ про свою затѣю:
 Застрѣлить моего нелюба въ зеленомъ саду.
 Не тужу я о постыломъ,
 О постыломъ моемъ мужѣ;
 Лишь тужу я о любимыхъ,
 О любимыхъ моихъ дѣтяхъ:

Весь вѣкъ будутъ сиротами,
Сироты и горемыки.

L.

Ахъ, кабы на цвѣты не морозы,
И зимой бы цвѣты разцвѣтали;
Ахъ, кабы на меня не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила,
Не сидѣла бы я подпершия,
Не глядѣла бы я во чисто поле.
И я батюшкѣ говорила,
И я свѣту всему доносила:
Не давай меня, батюшка, за мужъ,
Не давай, государь, за неровню,
Не мѣчись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы.
Не съ хоромами жить — съ человѣкомъ,
Не съ богатствомъ жить мнѣ — съ совѣтомъ.
Я по сѣнямъ шла, я по новымъ шла,
Подняла шубку соболиную,
Чтобъ моя шубка не прошумѣла,
Чтобъ мои пуговицы не прозвякнули,
Не услышалъ бы свекоръ батюшка,
Не сказалъ бы онъ своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.

LІ.

Не ходи, холостъ, поздно вечеромъ,
Поздо вечеромъ вдоль по улицѣ,
Вдоль по улицѣ, вдоль по широкой,
Не маши, холостъ, рукой правою,

Не отсвѣчивай золотымъ перстнемъ,
 Дорогой ставочкой со яхонтомъ.
 Коли я тебѣ полюбилася,
 Полюбилася, показалася,
 Засылай ко мнѣ свата сватати,
 Свата добраго, дядю родного.
 У тебя много ума разума,
 У меня много есть приданного:
 Пять сотъ рублей голымъ деньгами,
 Пятьдесятъ дворовъ со крестьянами.

 ЛП.

Ахъ, душечка, молодой ѣмщикъ,
 Ты къ чему рано упиваешься?
 Во кабакъ идешь, самъ шатаешься,
 Изъ кабака идешь, самъ валяешься,
 Возлѣ стѣночки пробираешься,
 За вереюшку самъ хватаешься.
 Верея ль ты моя, вереюшка,
 Верея ль ты моя сосновая!
 Не сама ли въ землю становилася,
 Становили тебя добрые молодцы,
 Добрые молодцы володимерцы.
 Какъ у сизова млада селезня
 Не сами перья заломалися,
 Заломала ихъ сѣра утица
 По единому сизу перышку.
 Какъ у доброва молодца
 Не сами кудри завивалися,
 Завивала ему красна дѣвица
 По единому черну волосу,
 Завивши кудри сама заплакала:

Кабы знала млада, вѣдала,
Вѣкъ сидѣла бы я во дѣвушкахъ.

LIII. ✓

Пѣтушокъ, петушокъ,
Золотой гребешокъ!..
Зачемъ рано встаешь,
Голосисто поешь,
Голосисто поешь,
Съ милымъ спать не даешь?
И я встану младешенька
Ранымъ рано ранешенько,
Я умоюсь младешенька
Шуйскимъ мыльцемъ бѣлешенько;
Я взойду ли подъ насѣточку,
Пѣтушка возьму за крылышко,
За правильное за перышко,
Я ударю объ насѣточку.
Еще вотъ те, петушекъ,
За ночной за смѣшокъ!
Зачемъ рано встаешь,
Голосисто поешь,
Голосисто поешь,
Съ милымъ спать не даешь.

LIV.

Еще какъ люди въ людяхъ-то живутъ:
На людей люди улаживаютъ,
На свекровь спонаравливаютъ;
У меня молодой свекровушка лиха,

Что лиха, лиха, не ласковая,
Кривошлыка не привѣтливая,
Посылаетъ и туда и сюда,
Какъ на всѣ ли на четыре стороны,
Въ темный погребъ по зелено вино:
Въ погребу водка анисовая,
Тесова кровать расписанная,
На кровати перинушка лежитъ,
На перинушкѣ дѣтинушка сидитъ.
Въ погребу млада замѣшкалась,
Холостому стаканъ поднесла,
Не женатому зеленова вина.
Холостой стаканъ меду принималъ,
Ко стакану бѣлу руку прижималъ,
И онъ при людяхъ сестрою называлъ,
Безъ людей своею душечкою.
Ахъ, душечка, молодушка моя,
Показалася походочка твоя!
Какъ проидешь, утѣшишь ты меня,
А промолвишь — взвеселишь, радость моя.
Я иду ли молода по широкому двору,
Иду, иду, да пошатываюсь;
А моя то кривошлыка свекровь
По новымъ сѣнямъ похаживаетъ,
Коблукомъ сѣни проламываетъ,
Своимъ сыномъ мнѣ угроживаетъ.
Еще дай, боже, до вечера дожить,
Своего сына дожждаться,
Накучу я, намучу сынку
На любимую невѣстушку.
Я велю сынку во Новгородъ сходитьъ,
Я велю ли шелкову плеть купитьъ,
Съ головы кожу до ногъ спустить.
Ахъ, ты, мать моя, матушка,

Ахъ, мать государыня моя!
 Не устать то мнѣ въ Новгородъ сходить,
 Вѣдь невторова шелковую плеть купить,
 Не бѣда вѣдь мнѣ жену свою учить,
 Съ головы кожу до пять спустить,
 Да вѣтъ съ ней то мнѣ вѣкъ будетъ исжить.

LV.

У спаса къ обѣдни звонять,
 У прихода часы говорить,
 По монастырямъ благовѣстять.
 Теща къ обѣдни спѣшить,
 На мутовкѣ рубашку сушить,
 На поваренкѣ кокошнички.
 А и теща къ обѣдни пошла,
 Что идетъ по малешеньку,
 Ступаетъ по тихохоньку,
 Съ ноги на ногу постуываетъ,
 На башмачки посматриваетъ,
 Чеботы накалачиваетъ.
 А всѣ церкви теща прошла,
 А зашедь то николѣ челомъ,
 А Николѣ мясницкому;
 Всѣ люди теща прошла,
 А зашедь то она зятю челомъ,
 Да Денису Борисовичу.
 А и зять на нее не глядитъ,
 Господинъ слово не говоритъ.
 А и вижу я, вижу сама,
 А что есть на немъ бѣшеная!
 Бить зятю дочь мою,
 Прогнѣвить сердце матернино

И пролить ему горячу кровь.
 А и чемъ будетъ зятя дарить,
 Чемъ господина дарить?
 Есть то у меня у вдовы,
 Есть то у меня у молоды,
 Будетъ съ него живота.
 Поиду млада въ торги,
 Куплю млада камки,
 Сошью ли я зятю кафтанъ,
 Сошью дочери сарафанъ,
 Чтобы зять дочь не билъ,
 Не гнѣвилъ сердце материно,
 Не проливалъ бы горячу кровь.

У спаса къ обѣдни звонятъ,
 У прихода часы говорятъ,
 По монастырямъ благовѣстятъ.
 Теща къ обѣдни спѣшитъ,
 На мутовкѣ рубашку сушитъ,
 На поваренки кокошнички.
 А и теща къ обѣдни пошла,
 А идетъ по малешеньку,
 Ступаетъ по тихошеньку,
 Съ ноги на ногу поступаетъ,
 На башмачки посматриваетъ,
 Чеботы накалачиваетъ.
 А всѣ церкви теща прошла,
 А зашедъ то она Николѣ челомъ,
 А Николѣ Мясницкому;
 Всѣ люди теща прошла,
 А зашедъ то она зятю челомъ,
 Да Денису Борисовичу.
 А и зять на нее не глядитъ,
 Господинъ слово не говоритъ.
 А и вижу я, вижу сама,

А что есть на немъ бѣшеная!
Бить зятю дочеръ мою,
Прогнѣвить сердце материно,
Проливать ему горячу кровь.
Чемъ будетъ зятя дарить,
Чемъ господина дарить?
Есть то у меня у вдовы,
Есть то у меня у молоды,
Будетъ съ него живота!
А три палаты три каменны,
А и маковицы серебряны,
Крыши позолочены;
Промежу тѣми палатами
Протекла быстрая рѣка,
А на той на быстрой рѣкѣ
Много гусей, лебедей,
Много сѣрыхъ малыхъ утокъ;
А и тѣмъ то буду зятя дарить,
Мнѣ тѣмъ то господина дарить,
А Дениса Борисовича.
А и зять на нее поглядѣлъ,
Господинъ слово выговорилъ:
Теща, ты, теща моя,
Благоданная матушка!
Ты подит-ко живи у меня,
А работы не робь на меня;
Только ты баню топи,
Только ты воду носи,
Еще мнѣ ребенка качай.

LVI.

Охъ, въ горѣ жить—не кручинну быть!
 А и горе, горе, гореваньице!
 Охъ, въ горѣ жить—не кручинну быть,
 Нагому ходить—не стыдиться,
 А у денегъ нѣту—передъ деньгами,
 Появилась гривна—передъ злыми дни.
 Не бывать плѣшаку кудрявому,
 Не бывать гулякѣ богатому,
 Не отростить дерева суховерхаго,
 Не откормить коня сухопараго,
 Не утѣшить дитя безъ матери,
 Не скроить атласу безъ мастера.
 А и горе, горе, гореваньице!
 А и лыкомъ горе подпоясалось,
 Мочалами ноги изопутаны!
 А я отъ горя въ темны лѣса —
 А горе прежде лѣсъ зашелъ;
 А я отъ горя въ почестный пиръ —
 А горе зашелъ впереди сидить;
 А я отъ горя на Царевъ кабакъ —
 А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащить.
 Какъ я нагъ то сталъ, насмѣялся онъ.

LVII.

У дороднова добра молодца
 Много было на службѣ послужено,
 На печи было въ воли полежано;
 Дослужился я, добрый молодецъ, до край печи,
 И увидѣлъ корыто предолгое.
 Что я спросилъ я у товарищей,

Не та ли то волга широка и долга,
 Широка и долга крутобережна?
 Какъ увидѣлъ въ ставчикѣ ложечки,
 Не тѣ ли 'то весла, чемъ на волгѣ гребуть?
 У дороднова добра молодца
 Много было на службѣ послужено,
 Съ кнутомъ за свиньями похожено;
 Много цвѣтного платя поношено,
 По подъ оконью онучь попрошено;
 И сахарнаго куска поѣдено,
 У ребятъ корокъ отъимано;
 На добрыхъ коней поѣзжено,
 На чужія дровни присѣдаючи,
 Ко чужимъ дворамъ приставаючи.
 У дороднова добра молодца
 Много было на службѣ послужено,
 На поварняхъ было посижено,
 Кусковъ и оглодковъ попрошено,
 Потихоньку безъ спросу потаскано,
 Голяками глаза выбиты,
 Ожегомъ плеча поранены.

LVIII.

Ахъ, батюшка Ярославль городъ!
 Ты хорошъ-пригожъ, на горѣ стоишь,
 На горѣ стоишь на всей красотѣ,
 Промежъ двухъ рѣкъ промежъ быстрыхъ,
 Промежъ волги рѣки промежъ котрасли.
 Съ луговой было со сторонушки
 Протекла тутъ волга матушка,
 Со нагорной да со сторонушки
 Пробѣгала тутъ рѣка котрасля;

Что съ верху то было волги матушки
 Что плыветь гребеть легка лодочка:
 Хорошо то была лодка изукрашена,
 У ней носъ корма раззолочены,
 Что разшита легка лодочка
 На двенадцатеры веселочки;
 На кормѣ сидять Атаманъ съ ружьемъ,
 На носу стоять Есаулъ съ багромъ,
 По краймъ лодки добры молодцы,
 Посреди лодки красна дѣвица,
 Есаулова родная сестрица,
 Атаманова полюбовница;
 Она плачетъ, какъ рѣка льется,
 Въ возрыданьи слово вымолвила:
 Не хорошъ то мнѣ сонъ привидѣлся,
 Ужъ какъ бы у меня, красной дѣвицы,
 На правой рукѣ, на мизинчикѣ,
 Распаялся мой золотъ перстень,
 Выкатился дорогой камень,
 Расплеталася моя коса руса,
 Расплеталася лента алая,
 Лента алая Ярославская;
 Атаману быть пойману,
 Есаулу быть повѣшену,
 Добрымъ молодцамъ головы срубить,
 Красной дѣвицѣ въ темницѣ быть.

 LIV.

Изъ кремля кремля, крѣпка города,
 Отъ дворца дворца государева,
 Что до самой ли красной площади,
 Пролегала тутъ широкая дорожка,

Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра молодца, большого боярина,
Что большаго боярина, Атамана стрѣлцаго,
За измѣну противъ царского величества.
Онъ идетъ ли молодець — не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается,
Что и тутъ царю не покоряется.
Предъ нимъ идетъ грозень палачъ,
Въ рукахъ несетъ остеръ топоръ,
А за нимъ идетъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена;
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдають, какъ ручьи шумять,
Въ возрыданьи выговаривають:
Ты, дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь царь пожалуетъ,
Оставить буйну голову на могучихъ плечахъ.
Каменѣеть сердце молодецкое,
Онъ противится царю, упрямствуетъ,
Отца матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ.
Привели его на красную площадь,
Отрубили буйну голову
Что по сами могучи плеча.

LX.

У насъ то было, братцы, на тихомъ дону,
На тихомъ дону во Черкасскомъ городу,

Породился удалой доброй молодець,
 По имени Степанъ Разинъ Тимофѣевичъ.
 Въ козачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
 Онъ съ нами, козаками, думу не думывалъ;
 Ходилъ, гулялъ Степанушка во царевъ кабагъ,
 Онъ думалъ крѣпку думушку съ гольдыбою:
 Судыри мои, братцы, голь кабацкая!
 Поедемъ мы, братцы, на синее море гулять,
 Разобьемъ, братцы, басурмански корабли,
 Возьмемъ мы, братцы, казны сколько надобно,
 Поѣдемте, братцы, въ каменну Москву,
 Покупимъ мы, братцы, платье цвѣтное,
 Покупивши цвѣтно платье, да внизъ поплывемъ.

LXI.

Ужъ какъ по морю, по морю синему,
 Здуниной Дунай, морю синему,
 Туда плыветь соколъ корабль по тридцать лѣтъ;
 Тридцать лѣтъ корабль на якорѣ не ставвалъ,
 Къ крутому бережку не причаливался,
 И онъ желтаго пѣску въ глаза не видалъ.
 А бока то сведены по туриному,
 А носъ да корма по змѣиному.
 Атаманомъ былъ на немъ Илья Муромецъ,
 А на муромцѣ кафтанъ рудожелтый цвѣтъ,
 На кафтанѣ были пуговики злаченныя,
 А на каждой то пуговкѣ по лютому льву.
 И напали на соколъ корабль разбойнички,
 Ужъ какъ злыя то татары со калмыками,
 И хотятъ они соколъ корабль разбить разгромить.
 Илью муромца хотѣли въ полонъ полонить.
 Илья муромецъ по кораблю похаживаетъ,
 Своей тросточкой по пуговкамъ поваживается:

Его буговки златыя разгорѣлися,
 Его люты львы да разрѣвѣлися,
 Ужъ какъ злые то татары испугалися,
 Въ сине море татары побросалися!

LXII.

Ахъ, по морю, морю синему,
 По синему морю по Хвалынскому,
 Что плывуть тутъ выплывають тридцать кораблей;
 Что одинъ изъ нихъ корабль, братцы, напередъ бѣжитъ,
 Впереди бѣжитъ корабль, какъ соколъ летить.
 Хорошо больно корабликъ изукрашенъ былъ:
 Паруса на кораблѣ были тафтяные,
 А тетивочка у кораблика шемаханска шелку,
 А подзоры у кораблика рытова бархату,
 На рулю сидѣлъ нашъ Батюшка, православный царь.
 Что не золотая трубушка вострубила,
 Да что возговорить нашъ батюшка, православный
 Ахъ, вы гой еси матросы легкіе, [царь:
 Вы мечитесь на мачты корабельныя,
 Вы смотрите во трубочки подзорныя,
 Что далеко ли до Стекольнава?

LXIII.

Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Протекала, пролегала мать Камышенка рѣка.
 Какъ съ собой она вела круты, ясны берега,
 Круты ясны берега и зеленые луга.
 Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку;

Что по той ли быстринѣ, по Камышенкѣ рѣкѣ,
 Какъ плывутъ тутъ выплываютъ два сварядные стружка.
 Хорошо были стружечки изукрашены,
 Они копьями, знамены, будто лѣсомъ поросли;
 На стружкахъ сидятъ гребцы удалые молодцы,
 Удалые молодцы, все Донскіе казаки,
 Да еще же гребенскіе, запорожскіе;
 На нихъ шапочки собольи, верхи бархатны,
 Еще смурые кафтаны кумачемъ подложены,
 Астрахански кушаки полупелковые,
 Пѣстрядинныя рубашки съ золотымъ галуномъ,
 Что зеленъ сафьянъ сапожки, кривые каблуки
 И съ зачосами чулки да все гарусные;
 Они веслами гребутъ, сами пѣсенку поютъ;
 Они хвалятъ величаютъ православнаго царя,
 А бранятъ они клянутъ воеводу,
 Что съ женою и съ дѣтми и со внучатами,
 Заедаетъ воръ собака наше жалованье,
 Кормовое годовое наше денежное;
 Да еще же не пускаетъ насъ по волгѣ погулять,
 Внизъ по Волгѣ погулять, съ дунинаю восиѣвать.

LXIV.

Мимо славнаго города Воронежа
 Пролегала тамъ широкая дороженька
 Что ко славному ко городу ко Санктпитуру.
 Что по той было по широкой по дороженькѣ
 Ужъ какъ шли прошли казаки съ тиха дона,
 Что съ тиха, братцы, дона Ивановича.
 Ужъ какъ всѣ, братцы, казаки сквозь Москву прошли,
 Что одинъ изъ нихъ казакъ остается,
 Онъ заходитъ на кружало Государево,

Онъ снимаетъ съ себя шапочку черна соболя,
 Онъ и молится Спасителю образу,
 Онъ и кланяется на всѣ четыре стороны,
 Государевымъ цѣловальникамъ особливъ поклонъ.
 Ахъ, вы здравствуйте, государевы цѣловальники!
 Вы продайте мнѣ вина на пятьсотъ рублевъ,
 А товарищамъ моимъ на тысячу.
 Промежду собой цѣловальники взглянулися:
 Ужъ какъ экого пѣтуха у насъ не было,
 Ужъ какъ знать это, братцы, не донской козакъ,
 Ужъ какъ знать это атаманъ ихъ.
 Вывозили имъ поила сколько надобно:
 Ужъ вы пейте, мои ребята, сколько вамъ хочется.

LXV.

У насъ, братцы, на дону во черкасскомъ городу,
 Проявилась у насъ, братцы, прирощеная тума,
 Онъ изъ тумъ, братцы, тума Сенька Маноцковъ злодей.
 Крѣпкой думушки съ стариками онъ не думывалъ,
 Думывалъ онъ крѣпку думушку съ ярыжками,
 Перекинулся собака ко Азовскому пашѣ.
 А Азовскій то папа сталъ его спрашивати:
 Ты скажи, скажи, пріятель, правду истинную,
 Что то думаютъ у васъ во Черкасскомъ городу?
 Да у насъ то на дону во Черкасскомъ городу
 Старики-то пьютъ, гуляютъ, по бесѣдушкамъ сидятъ,
 По бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ:
 Ой, не дай, Боже, Азовцамъ ума разума того,
 Не поставили бъ они башеньки на усть рѣчки Каланчи,
 Не перекинули бы цѣпи черезъ славный тихій донъ,
 Не подвели бы они струны ко звонкимъ колоколамъ.
 Ужъ нельзя намъ, братцы, будетъ во сине море провдтить,

По синю морю гулять, зипуновъ то доставать.
 Какъ у насъ было на дону во черкесскомъ городу,
 Войсковой нашъ атаманъ во всю ночушку не спалъ:
 Какъ со вечеру соколъ нашъ роговыя проплывалъ,
 По бѣлу свѣту соколъ нашъ по синю морю гулялъ,
 По синю морю гулялъ, кораблики разбивалъ.

LXVI.

На зарѣ Иванъ сударь Петровичъ
 Вставалъ ранешенько,
 Умывался бѣлешенько,
 Передъ зеркаломъ хрустальнымъ
 Чесалъ кудри черныя,
 Чесалъ, самъ приговаривалъ:
 Завивайтесь, кудри,
 Завивайтесь, черныя,
 Ужъ какъ завтра ль васъ, кудря,
 Ужъ какъ завтра ль васъ, чорныя,
 Не самъ буду завивати,
 Станетъ завивати красна дѣвица;
 А и матушка родимая,
 А и слышавши его рѣчи,
 Говорила своему сыну милому:
 Дитя ли мое дитятко,
 Дитя ли мое милое!
 Не гадай впередъ, не загадывай,
 Не угадавши, не отгадывай,
 Какова еще рука у дѣвицы?
 Какова еще бѣлая у красной?
 Либо завьются кудри,
 Либо не завьются черныя.
 Коли будетъ совѣтъ да любовь,

Кудри сами станутъ завиваться;
Коли будетъ кось да перекошь,
Не развивши станутъ развиваться.
Ужъ завьются ли кудри,
Ужъ завьются ли черныя
Не отъ бѣлыхъ рукъ суженыхъ,
Не отъ румяныхъ рукъ ряженыхъ,
Не отъ частого гребешка,
Не отъ частого костянова.
Завиваются ли кудри,
Завиваются ли черныя,
Отъ веселья, отъ радости,
Развиваются ли кудри,
Развиваются ли черныя,
Отъ печали, отъ горести,
Отъ тоски, отъ кручинушки.

LXVII.

Весна красна
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сопочкѣ,
На бороночкѣ.
Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
И всѣ красныя на широкой,
Одной дѣвушки нѣтъ;
Сидитъ она во теремѣ,
Ширинку шьетъ золотомъ,
Узду везетъ тесмянную.
Ахъ, горе великое!
Кому-то достанется?
Достанется моему суженому,
Моему ряженому. (веснянка).

LXVIII.

Колыбельная пѣсня.

Баю, баюшки, баю,
 Баю сашеньку, баю!
 Приди, котикъ, почевать,
 Мово Сашеньку качать,
 Мово сашеньку качать,
 Качать прибаюкивати.
 Спи, усни, угомонъ
 Тебя возьми.
 У котушки кота
 Колыбель хороша,
 У мово Сашеньки
 Лучше его;
 У кота кота
 Перинушка мягка;
 У моего Сашеньки
 Мягче его;
 У кота кота
 И подушечка бѣла;
 У мово Сашеньки
 Лучше его.
 У кота кота
 Одѣялицо тепло,
 У мово Сашеньки
 Соболиное лежить;
 У котушки кота
 Плетка подъ подушкой **лежить**,
 У мово Сашеньки
 На стѣночкѣ висить.
 Спи, усни, угомонъ
 Тебя возьми.

Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!

LXIX.

Колыбельная пѣсня.

По горамъ, по горамъ
По высокіимъ,
По раздольицамъ
По широкіимъ,
Тутъ огни горять
Негасимые,
Злы татарове
Тутъ полонъ дѣлать.
Доставалася
Теща зятю въ плѣнъ,
Онъ отвезъ ее къ молодой женѣ:
Ахъ, и вотъ тебѣ,
Молода жена,
Полоняночка
Съ руси руская.
Ты заставь ее
Три дѣла дѣлать:
Что и первое
То дитя качать,
А другое-то
Тонкій кужель прять,
Что и третіе
То цыплятъ пасти.
Ты, баю, баю,
Мое дитяtko!
Ты по батюшкѣ

Злой татарченокъ,
Милъ внученочекъ:
Вѣдь твоя то мать
Мнѣ родная дочь;
Семи лѣтъ она
Въ полонъ взята,
На правой рукѣ
Нѣтъ мизинчика.
Ты, баю, баю,
Мое дитятко!
Какъ услышала
Тутъ татарочка,
Она бросилась
На бѣлы руки
Къ своей матушкѣ:
Ахъ, родимая
Моя матушка!
Выбирай себѣ
Коня лучшаго,
Мы бѣжимъ съ тобой
На святую русь,
На святую русь,
Нашу родину.

LXX.

Ой, ни чарочки по столику гремѣть,
Ни яндовочки похода говорить,
Свѣтъ Сашенька ходить по терему,
Ивановна ходить по высокоу.
Она ходять убирается,
Во цвѣтно платьѣ наряжается,
Убравшись въ гости просится.

Ужъ ты миленкой,
Хорошенькой дружокъ,
Николай Андреевичъ!
Ты пусти меня въ гости побывать
Ко родимому батюшкѣ, ко родимой матушкѣ.
Я давно, сударь, въ гостяхъ не была,
Отъ весны, сударь, до осени,
Отъ утра, сударь, до вечера.
Ты, радость, умная, разумная моя,
Александра Ивановна!
Въ добрыхъ людяхъ такъ не водится,
Убравши въ гости не просятся.
Ты сама у меня гостя во дворѣ,
При бесѣдушкѣ хозяйюшка въ дому,
При компаньи похвала мнѣ молодцу.
Еще ты у меня пивушка не пьешь,
Зеленова вина въ ротъ не берешь,
Только кушаешь сладкой медъ,
Сладкой медъ да сладку водочку,
Сладку водочку—анисовую,
Черезъ сахаръ перегоненную.

LXXI.

Александра матушка породила,
Гаврилыча родная на великъ день
Въ самую заутренню, во звоны колокольные,
Во звоны колокольные, во пѣнье церковное;
А сама приговаривала: будь, мое дитятко,
И бѣло и румяно, по торгу будь счастливо,
По невѣстамъ талантливо.

LXXII.

Во саду ли, въ огородѣ, во вишенью,
 Ходить голубь, ходять сизый со голубошкой.
 Что у голубя, что у сизого золотая голова,
 Что у голубушки позолоченная.
 Что голубь то сизый, то андрей государь,
 Что голубь то сизый, то Андреевичъ,
 Что голубушка то аннушка,
 Что голубушка то Ивановна.
 Приходилъ къ нему товарищъ,
 Позавидовалъ ему:
 Какъ бы этака жена у меня душа была,
 Ябъ ни билъ бы, не бранилъ,
 Порошку бъ румянъ ей купилъ;
 Набѣлись, моя надежда,
 Нарумянъся, душа,
 Поѣзжай, моя надежда,
 Куда надобно тебя.
 Конни кони вороные,
 Извощики молодые,
 Сани писанные,
 Узды низанные,
 Шлеи строченныя, позолоченныя,
 Возжи лентовыя, позументовыя,
 На извощичкахъ перчаточки
 Алы серебрянныя,
 На хорошихъ, на пригожихъ не заглядывайся,
 На веселыхъ на бесѣдахъ не засиживайся:
 И того будетъ съ тебя, что и я у тебя,
 И того будетъ съ меня, что и ты у меня.

LXXIII

Перевью тыномъ рѣку,
Я тыномъ тынилкою,
Въ третій рядъ крапивкою,
Загоню лебедя съ лебедкою.
Почему знать лебедя?
Почему знать лебедку?
У лебедя золота голова,
У лебедки серебрянная.
Лебедь козьма сударь,
Лебедь да Антиповичъ,
Лебедка Анисья
Сударыня Васильевна.
Какъ просилась Анисьюшка
У Козьмы на улицу,
У Антипыча на широку.
Другъ ты мой, Анисья,
Радость моя, Васильевна,
Я тогда тебя пушу
Погулять на улицу,
Поиграть на широкую,
Когда родишь девять сыновъ,
Когда родишь десятую дочь.
Я тогда сама не пойду,
Я тогда не подумаю,
Я тогда сына женю,
Я тогда сноху пушу
Погулять на улицу,
Поиграть на широкую.

LXXIV.

Звонко звонятъ въ Новѣгородѣ,
 Звонче того во каменной Москвѣ.
 Звонила звоны Алимпіадушка,
 Звонила звоны Гавриловна,
 Мимо ѣхалъ тутъ Лука господинъ,
 Мимо ѣхалъ тутъ Львовичъ.
 Звона ея онъ заслушался,
 Красоты ея засмотрѣлся.
 Приѣхалъ домой, сталъ рассказывать:
 Видѣлъ я, матушка, свою суженную,
 Видѣлъ я, сударыня, свою ряженную;
 Ростомъ она и тонка и высока,
 Лицомъ она и бѣла и румяна,
 Бровью она почернѣе меня.

LXXV.

Ай, на Дубчику два голубчика сидятъ,
 Промежъ себя рѣчи говорятъ
 Про удалого молодца, про Александра.
 Какъ нѣтъ такого молодца,
 Что Александра Александровича:
 Онъ съ рублика на рубликъ ступалъ,
 По пяти рублей на улицу кидалъ,
 Десятью вороты запиралъ,
 Какъ и сотнею сиротъ обдѣлялъ;
 Вы, сироты, помолите обо мнѣ,
 Объ удаломъ молодцѣ Александрѣ.

LXXVI.

Кто у насъ холость ходить?
 А кто жъ у насъ не женать?
 Антипій сударь холость ходить,
 Ивановичъ сударь не женать.
 Пора ему жениться, на добрый конь садиться,
 Пора ему ѣхати ко тестеву двору,
 Ко тестеву двору, ко тещеву терему,
 Ко тещеву терему, ко дѣвичьей комнатѣ.
 Ты, дѣвица, отопри, красавица, отопри!
 Я рада бы отперла, боюсь батюшки,
 Боюсь батюшки, опасаюсь матушки.
 Съѣзжаетъ Антипій со широкова двора,
 Со широкого двора, со высокого терема.
 Тутъ дѣвица отперлась, красавица отперлась:
 Антипій сударь, воротись, Ивановичъ, воротись!
 Я радъ бы воротился, мой добрый конь не стоитъ,
 Мой добрый конь не стоитъ, буйный вѣтеръ шляпу
 [рветъ,
 Буйный вѣтеръ шляпу рветъ, красно солнце въ лицо
 [сжетъ.

LXXVII.

Пелагея, матушка,
 Васильевна, государыня,
 Николаюшкѣ сынку говаривала,
 Ивановичу милому наказывала:
 Ты спи, мое дитятко,
 Ты спи не засыпайся,
 Поранѣ просыпайся,
 Въ соборныя заутрени,

Во громкій ранній благовѣсть,
 По скорешеньку одѣвайся,
 Бѣлешенько умывайся,
 Частымъ гребешкомъ чешися,
 Прилѣжно Богу молися,
 Да дастъ онъ тебѣ суженую!
 Чтобы твоя суженая-ряженая
 Бѣла, хороша, пригожа,
 Была бы умна да вѣжлива,
 Къ добрымъ людямъ привѣтлива,
 Свекру батюшкѣ покорлива,
 Свекровѣ матушкѣ послушлива,
 Деверьюшкамъ услужлива,
 Заловьюшкамъ досужлива,
 Тебѣ, милому другу, любовная.

LXXVIII.

Около шеста бѣлаго полотняного
 Машенька садила цвѣточки,
 Ивановна разсаживала алыя.
 Въ томъ шатрѣ спалъ почивалъ,
 Спалъ господинъ Иванъ,
 Иванъ сударь Петровичъ;
 Онъ кличетъ покликаеть:
 Машенька, подь ко мнѣ въ шатерьъ,
 Сердце мое Ивановна!
 Я не иду, сударь, не слушаю:
 Я слышала люди сказывали,
 Люди сказывали: у тебя отецъ гордь.
 Душенька Машенька,
 Будь сама добра!
 Держи голову поклонную.

А сердце покорное.
Я не иду, сударь, не слушаю:
Люди сказывали, у тебя мать гордая.
Душа Машенька,
Будь сама добра!
Держи голову покорную,
А сердце покорное.
Я не иду, сударь, не слушаю.
Я еще слышала, люди сказывали,
Добрые говорили: у тебя братья лихи,
Братья лихи, сестры злы.
Душенька Машенька, будь сама добра!
Будь ласкова, привѣтлива,
Во всемъ догадлива да смѣтлива,
Въ чужихъ словахъ не замѣтлива,
А въ своихъ проста да умѣтлива.

LXXIX.

Какъ на Иванушкѣ кудри русыя
По плечамъ лежать,
Какъ на эти кудри дивоватися
Съѣзжались купцы и бояре;
Ужъ они-ль дивовались,
Ужъ они-ль у людей спрашивали:
Чье это дитятко,
Чье это милое?
Оно нѣжное и манежное,
Оно чистое и рѣчистое,
Оно ясное и прекрасное,
Сидитъ-ли—красуется,
Во пиру ли величается.
Это дитятко матушкино,

Наталья свѣтъ Ивановны,
 Это дитятко батюшкино,
 Ивана свѣтъ Ивановича.

LXXX.

Александрюшка господинъ,
 Ивановичъ бояринъ,
 Рубилъ яблонь подъ корень,
 Тесалъ доски тонкія,
 Дѣлалъ гусли звонкія.
 Кому эти гусельцы?
 Кому эти звонкія?
 Аннушкѣ гусельцы,
 Ивановнѣ звончаты.
 Ей ли во гусли не сыграть?
 Ее ли молодости не цвѣсть?

LXXXI.

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
 Не раскачивайте звонка колокола,
 Не пускайте вы звону по родной землѣ,
 Не будите вы молодую жену
 У Николая свѣтъ Алексѣевича,
 Не будите вы Марью Андреевну!
 Какъ вечеръ ли она у матушки была,
 Къ бѣду свѣту сына породила,
 Что сына-то Николая Николаевича.
 Въ тѣ поры Николая дома не случилось,
 Въ тѣ поры его государь царь жаловалъ
 Тремя городами тремя стольными.

Какъ во первомъ городу вино курять,
Какъ во второмъ городу пиво варять,
Какъ во третьемъ городу его сына крестять.

LXXXII.

Бѣло каменна палата граповита!
Не дубовыя стулы застучали,
Бѣлы скатерти камчатны зашумѣли,
Что серебряны приборы загремѣли,
Идутъ мамки, идутъ няньки со свѣчами,
А бабушка идетъ со здоровьемъ,
Поздравляютъ Василья со дитею со малою:
Какъ жена тебѣ сына породила,
Государю царю служивого,
А тебѣ, сударь, перемѣна.

Бѣла каменна палата грановита!
Не дубовыя столы застучали,
Бѣлы скатерти камчатны зашумѣли,
Что серебряны приборы загремѣли,
Идутъ мамки, идутъ няньки со свѣчами,
А бабушка идетъ со здоровьемъ,
Поздравляютъ Василья со дитею со малою:
Какъ жена тебѣ дочку породила,
Государынѣ царицѣ золотошвейку,
А тебѣ, сударь, перепутье.

LXXXIII.

Ты, Иванъ сударь,
Ты, Иванъ Ивановичъ,
Какъ породила тебя матушка

Въ воскресень, на великъ день,
 Во самую заутренню,
 Пеленала тебя матушка
 Во пеленочки камчатныя,
 Положила тебя матушка
 Въ колыбельку багрецовую.
 Раскачала тебя матушка
 Отъ востока до запада,
 А сама приговаривала:
 Баю, баю, мое дитятко!
 Баю, баю, мое милое!
 Ты, Иванъ сударь,
 Ты, Иванъ Ивановичъ.

LXXXIV.

Чтобы те свату по міру ходить,
 По міру ходить, силу волочить!
 Ужъ какъ свать по бережку похаживаетъ,
 Въ чисту рѣченьку поглядываетъ,
 Да вѣдь самъ себя похваливаетъ:
 Ужъ и какъ же я хорошъ!
 Ужъ и какъ же я пригожъ!
 Самъ то шестомъ, голова пестомъ,
 Рожа пряслицею, глаза раковицею.

LXXXV.

По городу, по городу звоны пошли,
 По терему, по терему дары понесли.
 Дарила дары, дарила дары душа дѣвица.

Прими, сударь, дары, прими, сударь, дары, добрый
 На мои дары, на мои дары не погнѣвайся: [молодецъ!
 Мои то дары, мои то дары непасенныя,
 Моя то свадьба, моя то свадьба незнаемая.

LXXXVI.

При дѣвичьемъ было при вечерѣ,
 При Марьяномъ то дѣвичникѣ;
 Не трубушка трубила рано на зарѣ,
 То плакала Марьюшка по русой косѣ:
 Свѣтъ моя косынька, русая коса!
 Разовьютъ тебя, косыньку, на шесть доль,
 Заплетутъ тебя, косыньку, на двѣ косы.
 Дотолѣ ты, косыньку, дѣвушки плели,
 Теперыча косыньку свахѣ ужъ плести;
 Укрутятъ ты, косыньку, вокругъ головы,
 Повяжутъ по косынькѣ бабью красоту,
 Бабья красота на печи въ углу,
 Дѣвичья красота во полѣ на лугу.

LXXXVII.

Ладушка моя милая,
 Анна Ивановна!
 Надо жить во чужихъ людяхъ
 Умѣючи,
 Разумѣючи.
 Чужи люди словно темный лѣсъ,
 Словно туча грозная.
 Безъ морозу сердце вызябнетъ,
 Безъ бѣды глаза выхолятъ.

Въ чужихъ людяхъ будь
И покорна
И пословна.

LXXXVIII.

Какъ по саду, по садику,
Что ходила тутъ гуляла
Молодая боярыня,
Во рукахъ она носила
Двѣ серебрянныя тарелочки,
Подходила ко яблонькѣ.
Ахъ, ты яблонька, яблонька,
Зелена и кудрявая!
Наклонись ко пониже мнѣ
Ко матушкѣ ко сырой землѣ,
Я сорву съ тебя два яблочка,
Положу на тарелочку,
Понесу во высокъ теремъ,
Во высокъ теремъ къ милу братцу
Алексѣю Ивановичу.
Ахъ, ты, братецъ голубчикъ мой,
Ясенъ соколъ,
Ты прими ко два яблочка,
Ты принявъ разрушай-ка,
Поразрушивши покушай ко,
Моего горя послушай ко,
Не оставь меня, милой братъ,
На чужой на сторонушкѣ,
У чужого отца матери,
У чужого рода племени.
Ты, сестра моя милая,
Ты носи платье не снашивай,

Терпи горе не сказывай.
Ахъ, ты братецъ, голубчикъ мой,
Нося платье, сносятся,
Потерпя горе, скажешься.

LXXXIX.

Ахъ, вы, дѣвушки, дѣвушки,
Голубины гнѣздышки!
Много васъ посѣяно
Да не много выросло.
Одно поле Кіевско,
А другое Черниговско;
Промежъ тѣхъ двухъ полей
Не лебедь всликала,
Не куна взыграла,
Да чтоль Анна всплакала
По своей русой косѣ,
Чтоль по красной то красотѣ:
Ты, коса ль, краса моя,
Коса безкручинная,
Коса безпечальная! -
Какъ вчера русу косу
Въ парной бани парили,
А сегодня русу косу
Подъ вѣнецъ поставили,
Женою называли,
Женою Ивана князя,
Женою Ивановича.

LС.

Послѣ бани.

Спасибо тебѣ, родимый братецъ,
 На дровцахъ сухихъ, перелетовыхъ!
 Спасибо тебѣ, родная невѣстушка,
 На пару на банькѣ,
 На мягкомъ на вѣничкѣ.

LСІ.

Отлеяла, отлеяла волга
 Быстра рѣченька съ крутымъ бережкомъ.
 Отжилася, отнѣжилася свѣтъ
 Прасковья душа у батюшки.
 Какъ пошло мое дитятко
 Съ высокаго терема
 По частымъ по ступеничкамъ,
 Впереди идетъ свѣчничекъ,
 По бокамъ поѣзжавые гости,
 Позади идетъ матушка.
 Воротись, мое дитятко,
 Позабыла ты, дитятко,
 Трое ключики на шелковомъ поясочкѣ.
 Не одни я позабыла ключи,
 Позабыла я, матушка,
 Волю батюшкину
 Да и нѣгу матушкину,
 Приголубки милыхъ братьевъ,
 Да и ласки сестрицыни,
 Я еще позабыла красу свою дѣвичью,
 Я косу свою русую.

LСII.

Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ,
По частымъ переходичкамъ,
Золотые были выходы,
Что по тѣмъ по выходамъ
Разостланы куни, соболи,
Что по тѣмъ куньямъ соболямъ
Все сидѣли красны дѣвушки,
Пелагеевны подруженьки,
Все Петровны голубушки.
Посидите, дѣвушки,
И вы съ утра день до вечера,
Съ вечера до бѣла свѣта,
Съ бѣла свѣта до суда Божья.
И вы сдайте, дѣвушки,
И вы съ рукъ, да на руки,
Къ Ивану на вѣки,
Къ Петровичу на вѣки.
Золотыя метелочки,
Что мѣли повымели?
Три горницы, три новыя,
Одну не вымели
Угловую нову горницу,
Гдѣ сидитъ лютой свекоръ
Со лютой со свекровушкой;
Ужъ умѣютъ судить, рядить,
Про чужое мило дѣтище,
Что недавно приведенное;
Что идетъ дремливое,
Много бѣдъ набѣдило,
Много искоть наискотило.

LСІІІ.

Ахъ, ты, свѣтъ, моя свѣтлая свѣтлица!
 Ахъ, ты, свѣтъ ли, моя столовая горница!
 Во сыромъ то бору свѣтлица роняна,
 По тихому дону свѣтлица плавлена,
 На прекрасномъ мѣстѣ свѣтлица ставлена
 Косящатыми окошками во зеленый садъ,
 Крутымъ краснымъ крылечкомъ во широкой дворъ
 Какъ во той ли во свѣтлой во свѣтлицѣ,
 Какъ во той ли во столовой новой горницѣ
 Наставлены столы то все дубовые,
 Разостланы скатерти бранныя;
 А за тѣмъ ли столомъ бѣлодубовымъ
 Сидѣлъ удалой, доброй молодець
 Какъ по имени Василій сударь Григорьевичъ.
 Онъ игралъ въ гусли звончатые,
 Онъ наигривалъ волю, волю батюшкину,
 Онъ наигривалъ нѣгу, нѣгу матушкину.
 Приходила гусли слушать Ольга душа,
 Приходила гусли слушать Афанасьевна.
 Она слушала гусли, сама вонъ пошла,
 Сама вонъ пошла горько заплакала.
 Ахъ, ты, свѣтъ то воля, воля батюшкина,
 Ахъ, ты, свѣтъ то нѣга, нѣга матушкина!
 Отставать то будетъ отъ воли, воли батюшкиной,
 Отставать то будетъ отъ нѣги, нѣги матушкиной,
 Привыкать то будетъ къ праву свѣтъ Василя,
 Привыкать то будетъ къ праву свѣтъ Григорьева

LСІV.

Шли прошли по околицѣ
 Красны дѣвицы румяны,

Очи ясны заглядчеваты:
 Ужъ и что дѣвицы завидятъ,
 Все на ясны очи берутъ,
 Все запримѣчаютъ.
 А у нихъ ли мука озимовата,
 Еще мѣлка овеейна,
 Мѣлко вытолчена,
 Въ решето высѣена.
 Ужъ какъ если въ околицѣ
 У вдовушкѣ салееѣ (?),
 У вдовы дочка умна учена.
 Она, вдовушка, учила
 Свою дочку молоду
 Въ рукахъ пялички держать,
 Золоты ширинки вышивать.

 LCV.

Веснянка.

Весна, весна красная!
 Приди, весна, съ радостью,
 Съ радостью, радостью,
 Съ великою милостью,
 Со льномъ высокіимъ,
 Съ корнемъ глубокіимъ,
 Съ хлѣбами обильными.

 LCVI.

Уже что я сижу думаю,
 Уже что я сижу гадаю
 Ужъ своимъ я глупымъ разумомъ.

У меня ли горе не чутко,
 У меня молодой горя круты горы,
 Уже слезъ рѣки быстрыя,
 Всѣ поля горемъ насѣяны,
 Всѣ сады горемъ изнасажены.
 Не дали то мнѣ горькой,
 Не дали мнѣ горемышной
 Во дѣвушкахъ насидѣться,
 Со годами соверстаться,
 Съ умомъ съ разумомъ собратся,
 Лицо бѣлое понаполнить,
 Русу косынку повыростить,
 Алу ленту доносить.

LСVII.

Болѣзньный ты мой батюшка
 И радѣльщица моя матушка!
 Ты скажитко, мой батюшка,
 Со пріятушкой со матушкой,
 Что спалась ли вамъ темна ноченька?
 А мнѣ-то горькой,
 А мнѣ горемышной
 Не спалася темна ноченька,
 Не хорошъ мнѣ сонъ привидлся:
 Что вставали вѣтры буиныя,
 Со всѣхъ то съ четырехъ сторонъ,
 Уносили то мою постелюшку
 На чужую дальню сторонюшку
 Ко чужому отцу матери,
 Ко незнаму роду племени.

LCVIII.

Изъ за бору бору
Изъ за зеленого
Протекала свѣтъ
Быстрая рѣчка,
Стучала гремѣла
По кремнямъ острымъ,
Обрастала быстра рѣчка
Калиной малиной.
На калиновомъ мосточкѣ
Сидѣла голубка,
Ноженьки мыла
Перемывала,
Свое сизо нерышко
Перебирала,
Свою буйну голову
Чесала.
Перебравъ сизо перье,
Перечесавъ буйну голову,
Сама взворковала:
Завтра по утру
Батюшка будетъ,
Хоть онъ будетъ, аль не будетъ,
Тоски не убудетъ,
Въ двое, въ трое у голубки
Печали прибудетъ.

LCIX.

Сидитъ олень подъ сырымъ дубкомъ.
Тепло ли те, олень, студено ли те, олень?
Мнѣ во лѣтѣ тепло, во зимѣ холодно.

Приодѣньте оленя, приокутайте:
 Что со дѣвушки вѣнокъ, со молодушки платокъ,
 Со старья бабы шелковой поясокъ.
 Чей, чей это вѣнокъ толочу волочу,
 Толочу волочу по подлавичью, по залавичью?
 Я не дамъ вѣнка топтать, я не дамъ волочить,
 Сама выскачу, сама выпляшу
 Я своимъ станкомъ я коротенькимъ.
 Я станомъ коротка, я плечами широка.
 Хоть станъ коротокъ, назовутъ королемъ королеви-
 А гдѣ утка шла, тутъ и пыль прошла, [чемъ.
 А гдѣ я млада, тутъ и рожь густа,
 Уколосиста, умолотиста,
 Еще съ колосу маленька, съ зерна пирогъ.

С.

Заянька, поскачи,
 Сѣринькой, поскачи,
 Кружкомъ бочкомъ повернись,
 Кружкомъ бочкомъ повернись!
 Заянька, въ ладоши,
 Сѣринькой, въ ладоши!
 Сдѣсь города все немецкія,
 Закрѣпочки желѣзныя,
 Есть зайцу куда выскочить,
 Есть сѣрому куда выскочить.
 Кружкомъ бочкомъ повернись,
 Кружкомъ бочкомъ повернись.

СІ.

Пряди, моя пряха,
Пряди не ленися.
И я рада-бъ пряла,
Меня въ гости звали,
Звали позывали
Къ сосѣду въ бесѣду,
На пиръ пировать.
Мой милъ хорошій,
Мой милъ пригожій,
Холость не женатый,
Бѣлый кудряватый.
Вотъ ѣдетъ мой милой
На ворономъ конѣ
Въ бѣломъ балахонѣ,
Шапочка съ углами,
Головка съ кудрями,
Къ двору подѣзжаетъ,
Дѣвица встрѣчаетъ,
За ручки хватаетъ,
За столикъ сажаетъ.

СІІ.

Ахъ, подъ лѣсомъ, лѣсомъ, подъ зеленой дубравой
Сама протекала matka быстрая рѣка,
Урываючи круты, красны бережки,
Осыпаючи жолты пески сыпучи.
На томъ на крутомъ на красномъ бережкѣ
Само выросло свято дерево кипарисно,
На томъ на святомъ деревѣ кипарисномъ
Молодой соловей тепло гнѣздо свиваетъ,

Малыхъ дѣтушекъ выводить;
 Онъ жалостно свищетъ, хорошо воспѣваетъ,
 Вспоминаючи красное теплое гѣто;
 Нѣгдѣ мнѣ, соловушкѣ, тепла гнѣзда свити,
 Нѣгдѣ мнѣ малыхъ дѣтокъ выводить.
 Какъ тутъ растужится, какъ расплачется
 Удалой добрый молодець,
 Сидючи онъ во темной темницѣ,
 Вспоминаючи свою родимую сторонушку:
 Ужъ нѣгдѣ мнѣ на своей сторонѣ побывать,
 Съ отцомъ съ матерью невидаться,
 Съ родомъ съ племенемъ не свыкаться,
 Молодой женой не любоваться,
 Малыхъ дѣтушекъ не вспоить.
 Знать то мнѣ, добру молодцу,
 Во темницѣ головушку положить.

СIII.

Ты безсчастнѣй добрый молодець,
 Бесталанная твоя головушка!
 Что ни въ чемъ то мнѣ, братцы, талану нѣтъ,
 Ни въ торгу, братцы, ни въ товарищахъ;
 Что ссылають меня съ корабля домой.
 Отъ тебя ли, отъ безсчастнаго,
 Сине море взволновалось,
 Всѣ волны въ морѣ разыгрались.
 Ужъ какъ возговорить безсчастнѣй молодець:
 Мы пригрянемъ те всѣ въ веселочки,
 Мы причалемте ко бережку,
 Ко часту кусту ракиотовому,
 И мы срежемъ те по прутуку,
 И мы сдѣлаемъ те по жеребью;

Ужъ мы кинемте во сине море.
Ужъ какъ всѣ жеребья поверхъ воды,
А Безсчастнова какъ ключъ ко дну.

CIV.

Ахъ, ты, ноченька,
Ночка темная!
Ты молодушка,
Ты молоденька!
Ты головушка,
Ты побѣдненька!
Съ кѣмъ ночь темную
Ночевать тебѣ?
Съ кѣмъ осеннюю
Коротать тебѣ?
Лягу спать одна
Безъ мила дружка,
Безъ мила дружка
Береть грусть тоска;
Береть грусть тоска,
Далеко миль живеть,
Далеко живеть
Онъ за рѣченькой.
Ужъ я съ той со тоски
Погулять пойду,
Погулять пойду,
Повидаюсь съ нимъ.
Машеть милой мнѣ
Ручкой правою,
Ручкой правою,
Шляпой черною:
Перейди ко мнѣ
Ты за рѣченьку.

Перешла бы я:
 Перехода нѣтъ;
 Переходъ хоть есть,
 Тонка жердочка.

CV.

Надъ рѣчкою надъ быстрою
 Стоитъ раки товѣ кустъ,
 Вкругъ раки това кусточка
 Лежитъ сиротинушка,
 Сиротинушка горемышная.
 Соловейка пѣсни пѣлъ,
 Сиротинушка высвистывалъ:
 Во пиру ли во бесѣдѣ
 Много было гостей дорогихъ,
 Не было только соловеюшки,
 Соловеюшки голубушки.
 А моя-то соловеюшка
 Идетъ, будто пава плыветъ,
 Рѣчи ведетъ, будто лебедь поетъ:
 Мнѣ жаль тебя, сиротинушку,
 А жалчей того батюшку,
 А жалчей того матушку.
 У батюшки со матушкой
 Я одна въ дому всѣмъ ворочу;
 У мила дружка во теремѣ
 Я послушница свекровушки,
 У тебя ли сиротинушки
 Я лежу у сердечушка,
 У чужихъ людей моихъ злодѣевъ
 Я слыву гулёнушкой.

ЮЖНО-РУССКІЯ ПѢСНИ.

Южнорусскія пѣсни.

- I. Свиты, зоре, на все поле.
- II. Нема леду, нема леду.
- III. Ой, бижитьъ, бижитьъ мила дивочка.
- IV. Ой, завью винки да на вси святки.
- V. Стояла тополя вкрай чистого поля.
- VI. Ой, нестїй вербо надъ водою.
- VII. Наши подоляне церковъ збудовали.
- VIII. Ой, чїежъ то жито пидъ гору стояло.
- IX. Ой, чїежъ то поле заковтило стоя.
- X. Слава зоря до мисяца.
- XI. Въ синечкахъ голубецъ гуде.
- XII. Ой, колесомъ, колесомъ мисяцъ въ гору иде.
- XIII. Выгукнули ангелы въ небѣ.
- XIV. Выйду я до хаты, дѣтныны нема.
- XV. Говорила липонька до своего лыстонька.
- XVI. Гныся не ломыся, мальиновий мосте.
- XVII. Дывовалися луги той червонїй малыни.
- XVIII. До бору, бояре, до бору.
- XIX. Забула милесенького запытаты.
- XX. Дума танецъ выводитьъ.
- XXI. Журылася Евуненька.
- XXII. Отрывки.
- XXIII. Въ новыхъ синцяхъ огонь горыть.
- XXIV. Въ Кїевѣ гримъ загримивъ.

- XXV. Ганнулька плыла до нового рода.
XXVI. За горою ни дзвинь дзвонить.
XXVII. За дворомъ за новенькимъ.
XXVIII. За дворомъ черешенька.
XXIX. Ой, зацвила калинонька въ лузи въ очерети.
XXX. Зеленая черешенька, чомъ ты не вродыла?
XXXI. Зоронька вечерняя.
XXXII. Зоронька вечерняя одсвѣтыла.
XXXIII. Идутъ мужики до млына.
XXXIV. Ишовъ милый за лисъ.
XXXV. Марусенька съ Ивасенькомъ стадо поле.
XXXVI. Коло млына кремнина.
XXXVII. Коло млына калына.
-

I.

Свиты, зоре, на все поле,
 Заколь мисяць зыде,
 За коль до мене миленькій
 Вечеряты прыиде.
 Ой, чи прыиде, чи не прыиде
 На вечерю тую,
 Я ему ранесенько
 Снідаты зготую.

Цвилы лозы при дорози
 Синесенькимъ цвитомъ;
 Ишовъ казакъ изъ улыци
 Билесенькимъ свитомъ.
 Не жаль тому казаченьку
 Поснідаты дати,
 Що винъ иде изъ улыци,
 Якъ стане свитаты.

II.

Нема леду, нема леду,
 Нема й переходу.
 Колы тоби люба мыла,
 Прыды й черезъ воду.
 Перебрела двѣ риченьки
 И половину ставу,
 Не вводи меня, козаченько,
 Въ великую славу!
 Ой, сама жъ ты, дивчинонько,
 Себе въ славу вводишь,
 Що пиздвенько не раненько
 Изъ улыци ходышь.

Ой, якъ же мни, козаченьку,
 Да раньше ходыты?
 Якъ возьмешъ ты за рученьку,
 Не мусишь пустыты.

 III.

Троицкая.

Ой, бижыть, бижыть мила дивчинка,
 А за нею да русалочка:
 Ты послушай мене, красна панночка,
 Загадаю тоби тры загадочки;
 Якъ угадаешъ, до батька пушу,
 Колыжь не вгдаешъ, до себѣ возьму.
 Ой, що росте безъ корени,
 А що бижыть безъ повода,
 А що цвите безъ всякого цвиту?
 Камень росте да безъ кореня,
 Вода бижыть да безъ повода,
 Папороть цвите да безъ всякого цвиту!
 Панночка загадочки невгададала,
 Русалочка ее залоскотала.

 IV.

Троицкая.

Ой, завью винки да на вси святки,
 Ой, на вси святки, на вси празднычки,
 Да рано рано на вси празднычки.
 А въ бору сосна колыхалася;
 Дочка батенька дожидалася.

Ой, мій батеньку, мій голубчику,
 Ты прибудь ко мнѣ хоть на одно лито.
 У меня въ тыни передъ воротами
 Синее море разливается,
 Паны и Гетьманы избигались,
 Все сему дыву дывовались.

V.

Стояла туполя вкрай чистого поля.
 Стій, тупольнюкко, стій не разывайся,
 Буйному витроньку не поддавайся.
 На наши туполя четыре сокола:
 Первый соколко молодой Иванко,
 А другій соколко молодой Ныколко,
 А третій соколко молодой Мыхайло,
 Четвертый соколко молодой Васылько.

VI.

Ой, не стій, вербо, надъ водою
 Та не пускай зилья по дунаю,
 Ой, дунай море розливае
 И день и ничь прибувае,
 Въ вирби корень пидмывае,
 А сверхи вершокъ усыхае,
 Коло вербы лыстья опадае.
 Стань соби, вербо, на рыночку
 У хрещатимъ барвиночку,
 У запашнимъ васыльку.

VII.

Наши подоляне церковь збудовали,
 Не такъ збудовали, якъ намалевали,
 Та намалевали три мисяца ясныхъ.
 Ой, первый мисяць молодой Иванко,
 А другій мисяць молодой Васылько,
 А третій мисяць молодой Мыхалко.
 Наши подоляне церковь збудовали,
 Не такъ збудовали, якъ намалевали,
 Та намалевали тры зирочки ясныхъ,
 Тры дивочки красныхъ.
 Ой, первая зирочка млада марочка,
 А другая зирочка млада галочка,
 А третья зирочка млада Варочка.

VIII.

Ой, чіе жъ то жито пидъ гору стояло?
 Иванкове жито пидъ гору стояло,
 Пидъ гору зелененько, по мисяцю видненько,
 Молода маричка, ходы жито жаты.
 Молодый Иванко, неведею я жаты.
 Ахъ, я тебе возьму житы, жаты начну,
 Пидъ гору зелененько, по мисицю видненько, сер-
 [денько.

IX.

Ой, чіежъ то поле
 Зажовтило стоя?
 Иванове поле
 Зажовтило стоя,

Женци молодые,
 Серпы золотыя.
 О, чіе жъ то поле
 Задремало стоя?
 То Грыцкове поле
 Задремало стоя,
 Женьци все старыя,
 Серпы все стальные,
 Задремало стоя.
 А мы своему пану
 Изробыли славу,
 Житечко пожалы,
 Въ снопы повязали,
 А копы поклали.
 А мы своему пану
 Изробыли славу!
 Ой, паночку нашъ,
 Обженочекъ часъ.

 X.

Слала заря до мѣсяца:
 Ой, мисяцю, мій товарищу,
 Не заходь ты раній мене,
 И заидемо оба разомъ,
 Освятимо небо и землю;
 Зрадуется звирь у поли, гость у дорози.
 Слала Марусечка да до Ивасечка:
 Ой, Ивасе, мій суженый,
 Не сйдай на посаду раній мене,
 Обсадимо обое разомъ,
 Свеселимо два двора разомъ;

Ой, первый дворъ батька твоего,
А другій дворъ батька моего.

XI.

Въ синечкахъ голубецъ гуде,
До свитлоньки голосокъ иде.
Не голубъ то гуде,
То Ивась говорить.
Говорить же винъ до своего батенька:
Ой, батеньку да голубоньку,
Збирай минн да дружиноньку,
Старосту статечного,
Дружбеньку сердечнаго,
И сванечку мищанечку,
И свашечку спивачку,
И мызыки кучерявые,
И скрипочки малеваные,
И съ субботы на недилоньку
Пойдемо до дивоньку.

XII.

Околесомъ колесомъ мисяцъ въ гору иде.
У нашей Марыси на столи рай ся вье.
Марысенько дивонько, кто жъ той рай давъ
Ой, мни Господь Богъ и батенько риднецькы
Липше Божее, нежъ батеньково;
Батенько дае ще и оставляе,
А Господь Богъ дае ще и прычыняе.

XIII.

Идучи подъ вѣнецъ.

Выгукнули ангелы въ неби,
Пробудылы батинка въ гроби:
Вставай, батенько, до суду,
Ведуть твою дetyну до нелюбу.

XIV.

Выйду я до хаты, дetyны нема,
Гляжу на постелю, перыны нема.
Ой, выйду я до коморы, скрыни нема,
Гляжу я въ виконце, уже свить,
Выйду я за ворота, тилько слидъ.
Зеленою вербоньки порослы,
Куды мою дetyноньку повезлы;
Золотые кольца бренчалы,
Якъ мою дитину помчалы.

XV.

Говорыла лыпонька
До своего лыстонька:
Казавъ еси, да мій лыстоньку,
Що не будешъ да опадаты,
А теперъ да опадаешъ,
Чорну землю прикрываешъ.
Казалась моя матинка,
Що не дасы дочки замужь,
Теперъ мене даешъ,

Свить ми завязуешь
 Билою да китайкою,
 Черною да нагайкою.

XVI.

Гныся, не ломыся, малыновый мосте,
 Съ тонкой тросты
 Хоть я и зигнуся,
 Таки не зломлюся.
 Тутъ буде ихаты пышне весилье,
 Пышне весилье, статечны староста.
 Гныся, не ломыся, малыновый мосте,
 Съ тонкой тросты
 Хоть я зигнуся,
 Таки не зломлюся,
 Таки переиде пышнее весилье,
 Пышнее весилье статечны староста

XVII.

Дывовалься луги той червоній малыны,
 Де ты, малына, росла тонка, висока, листомъ ши-
 Росла жъ бо я росла въ рици при крыныци, [рока?
 При холодной водыци,
 Тонкая, высокая, листомъ широкая.
 Де жъ ты, Марыся, росла такая хороша?
 Рослажъ бо я росла у батенька въ свитлонци,
 А у матери въ голодочку,
 Въ рутвянимъ виночку.

XVIII.

До бору, Бояре, до бору,
Рубайте сосну здорову,
Щипайте ее на загнить,
Щобъ коровай славенъ бувъ на весь свить.
Тече риченька, тече;
Нехся нашъ коровай пече,
Мы дотиль не підемо,
Докиль его не выйемо.
Сичите сосну дрибненько,
Щобъ она горила ясненько,
Щобъ нашъ коровай гнитенъ бувъ,
Щобъ молодець красенъ бувъ.

XIX.

Забула миленького запытаты,
Чи позволить погуляты.
Гуляй, гуляй, моя мила, съ казаками,
А не гуляй съ мужиками,
Бо казаки писню поють веселеньку,
Розвеселятъ и дивоньку молоденьку,
Мужики поють писню жалобненьку,
Замутять дивку молоденьку.

XX.

Дума танецъ выводитъ,
Що выведе, той стане,
По дивонькахъ погляне,
Чи вси дивкы въ танку е.

Одной Рожы тутъ нема;
 Маты рожу чесала,
 А чешучи научала:
 Донюжь моя роженька,
 Якъ пидешь въ таночекъ,
 То не ставай край думы,
 Бо та дума безъ ума,
 Зведе тебе зъ разума,
 За рученьку стискае,
 Золоть перстень сдымае.

 XXI.

Журылася Евуненька
 Где оришокъ посадыти,
 А щобъ его расплодыти.
 Посажужь я оришекъ
 У батька на подвирью.
 Якъ наихалы гости
 Изъ чужой маестности,
 Двирь киньми утопталы
 И оришокъ обламалы,
 Евуненьку намовлялы:
 Сидай, Евуне, зъ нами,
 Зъ нами боярами,
 Бо у насъ горы не такые,
 У насъ горы золотые,
 И травоньки шелковые,
 И риченьки медяные,
 И садоньки выноградные.
 Вечеронька на стилъ стала,
 Зозуленька у окна палъ,
 Якъ упала, закувала.

Не слухай, Евушенько,
 Не дайся на пидмову,
 Бо я увесь свить злитала,
 Золотыхъ горъ не выдала,
 Шолковыхъ травъ не топтала,
 Медяныхъ рикъ не пывала,
 Въ виноградныхъ садахъ не бувала;
 Всюды горы каменные,
 Травоньки зеленые,
 Риченьки водяные,
 Садоньки вышневые.

 XXII.

Отрывки.

1.

Горила сосенка и корень;
 Охъ, ты мини, серденько, не годенъ.
 Ой, горила сосенка й лучина;
 Любы мене, серденько, дивчына.
 Ой, горила сосенка съ коринця;
 Таки я дождала молодця.

2.

Ой, кивъ бижыть, земля дрожить,
 Орель летыть, перо дзвынить.

3.

Коломѣче черноброви, не боишися Бога,
 Ай, що покидаешъ мене коломѣйку дома.

Коломієць чернобрывецъ волы запрягае,
Коломійка чернобрывка съ жалю умирае.

4.

Вы, голубы, не гудите по хати,
Не сбидите милого въ кимнати.

5.

Не хай мене не ховають ни попы ни дяки,
Не хай мене поховають раинскіе козаки;
Бо попы зъ дяками за похоронъ бьются,
Молодые казаченьки горилки напьются.

6.

Ой, у поли два маляри мурують крыныцю;
Отдай, отдай стана нене свою едыныцю.
Ой, вжежъ въ тій крыници водыци леее,
А ще моя едыныця работы не вміе.

7.

По дорози жучку,
По дорози черный,
Оглянься, дивчинонько,
Якій я моторный.
Ой, выишовъ въ конецъ плота,
Взявся я пидъ боки,
Подывыся, дивчинонько,
Якый я высокій.

8.

Снывся мини мельнычокъ темные ночи,
Сама я не знаю, чого винъ хоче,
Чи хлиба, чи воды, чи якої биды.

9.

Повій, витроньку, черезъ сини въ свитлоньку
 На тесовые столы, на статечные жены,
 Бо оныся потомыли, намъ теремки робыли.

10.

Якъ маты Ганцюню родыла,
 Мисяцемъ обгородыла,
 Зорею (сонцемъ) пидперезала,
 Якъ до шлюбу выграджала.

11.

жъ тобі, доню, зъ весны не казала:
 опай грядки, не сій рутки, не будешъ поливала;
 ешь, доню, прїядешъ, марусенько, пизными зороньками,
 льешъ дрибну рутоньку своїми слизоньками.

12.

Покатыли, поваляли смоляную бочку,
 Выманыли, выдурмили у батька дочку;
 Выпыли и выточили меду и вина бочку,
 Якъ схтили, выдурмили у батька дочку.

13.

ила калына у лузи та попустила квиты;
 днв чумакъ покидае жинку и дребненькіе диты.
 е було та чумоковаты, поки всюду було ривно,
 перь черезъ тіи білеты той годыты невилно.
 въ степу глыбока криниця, только вода бльщиться;
 піпшовъ бы я до жинки, до дитей, не маю чимъ роспла-
 [титься.

14.

И сюды гора и туды гора,
 По надъ кремнищемъ ясно;
 Кого я люблю, кохаю,
 Подывыться красно.

15.

Свиты мисяцю въ лису,
 А ты зоронька на дорогу,
 Щобъ було выдненько до дому,
 Бо несемъ постилоньку молодому.

16.

Въ еднимъ садику медведь щебетавъ,
 А въ другимъ садоньку сова ковала.
 Ой, чи бисъ видавъ, щобъ медведь щебетавъ.
 Говорила милому сваненька въ своимъ дому,
 Завертнися въ рядно та пустывся на дно,
 А тамъ на дни доставъ брехни.

17.

Котыться крыштагъ по синожати,
 Котыться криштагъ посувається;
 Маты съ Ганусею напивається.

18.

Летыть воронъ съ чужихъ сторонъ, нижки подобгавши;
 Ой, бедажъ мни на чужиньки радоньку не мавши.

19.

Летгла пава черезъ море упала;
 Таки очи, таки брови, якъ у мого пана.

Летела птыця та зелена крыльця;
Таки брови, таки очи, якъ у мого грыця.

20.

На води човенъ выхытуется;
Козакъ дивчины выпытуеця:
Чи не ты, дивчино, греблюю шила,
Чи не ты мою хусточку носила?
Моя хусточка знакомытая,
Шовкомъ червонымъ перемитенная.

21.

На гори ленъ ленъ,
На долини зеленець;
По три гроша молодець,
По шелягу дивка,
Зъяжте, хлопци, дидька!

22.

На гори гарбузы, на долини дыни;
Полюбивъ чортъ бабу въ куцій кожушыни.
Не дывуйтеся, люди, що я обидрався;
Любивъ батько гладку и я въ его вдався,
Бравъ батько гладку, беру и я гладку.

23.

На долини дивчата шевця мыли,
Одна клочемъ, друга вихтемъ,
Таки шевць смердыть ихтемъ.

24.

Ой, чукъ, Марусыця,
Въ ней фартухъ ворухнется.

25.

Ой, ляхъ, маты, ляхъ
Пытается куда шляхъ,
Пытается дороги
У дивчины небоги.

26.

Въ чимъ тебе маты купала,
Що ти таке счастье дала?
Щы въ любистку, чи въ шевліѣ,
Якъ згадаю, сердце мліе.

27.

На купайли була, сорочку забула,
Не піду до дому, боюся сорому.
Увернуся въ солому, та піду до дому.

XXIII.

Въ новыхъ синцяхъ огонь горыть,
Тамъ Андрійко коня сидлае,
Ему батенько присвичае.
Куды, сыночку, гадаешь,
Противъ нички коныка сидлаешь?

Гадаю, батенько, на подолье,
 На тимъ подолѣ подворье,
 А на тимъ подворью свитлонька,
 А у тій свитлонци дивонька
 Дрибные взороньки вышивае,
 Хорошу и писеньку спивае.
 Лучкомъ воротечка отчепивъ,
 Стрилочкою кватырочку отсунувъ,
 И дрибные взоронько помыливъ,
 И хорошую писеньку перебивъ,
 Молодую зою полюбивъ.

 XXIV.

Въ Кієви гримъ загримивъ,
 А въ Сыняви стоятъ хмары,
 А въ перемышли дожди взошли,
 Тамъ Оксана красу сіе, разумъ садыть,
 Разумъ садыть и говорить:
 Якъ я пиду за нелюба,
 Ой, ты, краса, не всходь красно,
 Ты, розумоньку, не прыймасы.
 Въ Кієви гримъ загримивъ,
 А въ Сыняви стоятъ хмары,
 А въ Перемышли дожди взошлы,
 Тамъ Оксана красу сіе, разумъ садыть,
 Разумъ садыть и говорить:
 Якъ я пиду за милого,
 Ты, красно, всходь красно,
 Разумоньку, попрыймайся.

XXV.

Ганулька плыла до нового роду.
 Гануленько, Гануленько, моя ты переписочка!
 Вставай ранесенько, умыйся билесенько,
 Учеши головоньку якъ маковоньку,
 Возьмыся пидъ боки,
 Покажи свои скоки!

—

XXVI.

За горою ни дзвинь дзвоньгъ,
 Мисяць всходить,
 А въ новой свитоньки огонь сіяе,
 Тамъ Грыцуненко коня сидлае,
 Ему матинка свичечка трымае,
 Свищечки трымае, него пытае:
 Куды жъ ты пидешь, мій сыноньку,
 Мій сыноньку Грысуненьку?
 Поиду, матинко, на украиньоньку
 Соби по дивоньку,
 Вамъ по неvistоньку;
 Тамъ дивонька богатая,
 Въ будень ходыть у блавати,
 А въ суботоньку въ оксамити,
 А въ недилоньку въ щиромъ злотѣ.

—

XXVII.

За дворомъ за новенькимъ,
 Тамъ брала дивчына лень дрибненькій,
 Брала жъ она брала выбирала,

До своего лыченька прикладала:
 Личко жъ мое вирненкое,
 Кому жъ буде суженое?
 Чи повови, чи дьякови,
 Чи вражому мужикови?
 Ни попови, ни дьякови,
 Но вражому мужикову.

 XXVIII.

За дворомъ черешенька,
 Тамъ стояла Ганусенька,
 Русу косу чесала,
 Батенька дожадала:
 Батеньку голубоньку,
 Гладь мою головоньку
 Билыми рученьками,
 Дрибными слезонками.

 XXIX.

Ой, зацвила калынонька въ лузи въ очеретѣ.
 Клыче маты Васыленка: ходы, сынку, вечеряты,
 Якъ не прыидешъ вечеряты, приди обѣдаты,
 Якъ не придешъ обидаты, приди сердце одвидати.
 Ой, кинь бижить, земля дрожитъ, кинь дорогу чуеть;
 Ой, Богъ знае, Богъ видае, где Василь ночуеть.
 Ой, ночуеть Васыленьку въ степу край дороги,
 Принявъ коня вороного до зеленой лищины,
 А самъ пишовъ видвидаты до молодой дивчыны.
 Ой, Васылю, васыленьку, пригодонька буде,
 Утонешъ при березѣ, где воды не буде.

Ой, утонувъ Васыленько на синему мори,
 Ходить дивча по берези, били руки ломыть.
 Ой, не ломи, дивчинонко, мызинного пальця,
 Знайдешь палицу, не найдешь коханыця.
 Ой, давъ я вамъ, рыбалочки, по пивъзолотого,
 Вытягните Васыленька хотя не живого;
 Ой, дамъ вамъ, рыбалочки, горилки напыться,
 Ой, вытягнить Васыленька хоть на его подывитьсяя.

 XXX.

Зеленая черешенька, чомъ ты не вродыла?
 Бо людая була зима, мене зморозыла.
 Молодая дивчинонка, чемъ ты замужъ не шла?
 Всю украину исходыла, молодця не нашла.
 Молодая дивчинонька, не слава на тебе:
 Кажуть люды, що ночуе Гильтаенко у тебе.
 Не хай кажуть, не хай говорятъ на свою животыну,
 Поставили стороженьку край моего тыну.
 Стороженька стара була, звечера уснула,
 Молодго дивчинонька Гильтая крикнула.
 Стороженька статечная гораздъ дала знати;
 Утикай, утикай, Гильтаенку, бо хотять тебя піймати.
 Я Гильтай молоденькій и самъ догадався,
 Схилься, схилься по пидъ тынци и въ бурьянъ сховався.

 XXXI.

Зоронька вечерняя
 То жесь мни освитьла,
 Изъ дома домивнынькой,
 Изъ поля робитнынькой,

Где будешъ ничь ночеваты,
 Вечерю вечеряты?
 Маю я надію въ Бози,
 Свекирка при дорози,
 Тамъ буду ничь ночеваты
 И вечеру вечеряты.

XXXII.

Зоронька вечерняя одсвѣтила,
 А зъ дома домивнынкою,
 А съ поля робитнынкою.
 Чего жъ ты, батеньку, жалуешъ?
 Не все жъ бо я съ собою заберу,
 Зоставлю слидоньки по двору,
 А дрибненькіе злезоньки по столу,
 Золотые ключеньки у комори.

XXXIII.

Идутъ мужики до млына,
 А паробки до ступки;
 Мелють мужики шпеныцю,
 А парубки мякину.
 Сему тому решето,
 Ивасеви повтора,
 Загадався женыты,
 Зъ мякинъ пиво робыты,
 А глыною дрижджыты,
 Кропивою хмилыты;
 А ще пиво не укысло,

А вже старцівъ натислю;
 А ще пива не пыли,
 А вже старци ся побылы.

XXXIV.

Ишовъ милый за лисъ,
 И чорни оченьки записъ,
 И слидоньки забравъ,
 Сердцу туженьку задавъ.
 Не шумите, луги,
 Не задавайте сердцу туги,
 Бо я и такъ тугу маю,
 Що милого не видаю.
 Ажъ мій милый иде,
 Четыри коньки веде,
 А на пятимъ їде;
 Прихавъ до Дунаю,
 До широкого краю,
 Ставъ кони наповаты,
 Самъ молодъ потопаты.
 Ратуй мене, мила,
 Кольсь вирно любила!
 Ратуйте его, люды,
 Бо не мій милый буде!
 Рыбонька гуляе,
 Бо свою пару мае,
 А я не маю пары,
 Бо седю въ тяжкой кари.

XXXV.

Марусенька съ Ивасенькомъ стадо поле,
Хустку шые вышивае,
До стадоньку промовляе:
Стадо жъ мое, стадо вороное,
Пасы траву зеленую,
А пій воду студеную.
Матыся иде, медь вино несе,
Въ правой руци отруточку;
Злей, матуся, отруточку,
Слей, матуся, у купочку.
Напьемся мы отруточки,
Напьемся, матусю, отруточки,
Поховай, матусю, у купочку.
Маты сына не слухала,
Въ едній ямци не ховала,
Ивасенька на цвынтарю,
А марусеньку за цвынтаремъ;
На Ивоси явиръ росте,
На Маруси березонька,
Вершокъ съ вершкомъ зростается,
Листокъ съ листкомъ слипается:
Колы бъ же я була знала,
Була бъ въ купи поховала.

XXXVI.

Коло млына креминына,
Трава зелененька;
Отъ чего ся разгнивала
Та, моя мыленька?

Возьму я косу,
 Та траву пидкошу;
 Чи я мою мылу
 За людьми перепрошу.
 Просывъ отецъ, просывъ я,
 Просыла родына,
 Не хай ли перепросить
 Лихая година.

 XXXVII.

Коло млына калына,
 Тамъ дивчына ходыла,
 Въ ручкахъ ножикъ носила,
 Романъ зиле копала,
 Матеньки пытала,—
 Кого, маты, чароваты?
 Чаруй, доню, нелюба,
 Щобъ съ тобою не стоявъ,
 За рученьку не державъ,
 Щобъ такъ нелюбъ съ тобою,
 Якъ витерь съ горою.
 Коло млына калына,
 Тамъ дивчына ходыла,
 Въ ручкахъ ножикъ носила,
 Руту зиле копала,
 Матеньки пытала,—
 Кого, маты, чароваты?
 Чаруй, доню, мылого,
 Щобъ съ тобою постоявъ,
 Щирую правду сказавъ,

Щобъ такъ мылый съ тобою,
Якъ рыба съ водою.

XXXVIII.

Коло синей, коло хаты,
Ходить голубъ сивый волохатый,
Ни загнаты, ни зазваты.
Вынды, моя мила, изъ кимнаты;
Ты на двори, я въ комори,
Поличимъ сердце ясныя зори;
Дивчино, сердце мое,
Сподобалось ми лычко твое,
Не такъ лычко, якъ ты сама,
На папери выпысана,
Писавъ три дни и три ночи,
Заклиъ выпысавъ чорни очи.

XXXIX.

Край береженька стояла,
Билые ноженьки умывала.
Ножички жъ вы мои билые,
Кому жъ будете милые?
Ой, якъ старому, борони боже,
Ой, якъ молодому, дай боже,
Бо молодой буде шановаты,
А старый буде вымовляты,
А все першую жинку спомынаы.

XL.

Кривого танцю,
 Да не выведу коньцу,
 Треба его выводитьы,
 Конецъ находыты.
 Молодая ключница
 Коло замку ходыла,
 Ключами дзвонила,
 Сторожи будыла:
 Станьте, не лежите,
 Щобъ не вылинувъ соколоцько,
 Щобъ не выпустивъ парбочей красы,
 Парбочья краса
 Слуховая крапива,
 А дивчья краса
 Трыястый барвинокъ;
 Парбочья краса
 Якъ зимняя роса,
 Въ смоли потопае,
 Въ дегтю вырыпае,
 А дивочья краса,
 Якъ литняя роса,
 Якъ литняя роса
 Въ меду потопае,
 Въ вынѣ вырыпае,

XLI.

Крути горы що видъ моря,
 Той край нещасливый.
 Ъхавъ я видъ дивчины,

Летивъ голубъ сивый.
Сивый голубъ, сивый голубъ,
Голубка сивѣйша,
Милый отецъ, мила маты,
Дивчина милѣйша.
Съ отцемъ съ матерью сѣдуса,
Хриха наберуса,
А съ милюю якъ зѣдуса,
Не наговорюся.

LXII.

Лыгилы журавли,
Силы палы на роли,
Сталы соби гадаты,
Сталы соби думаты,
Которая роля ранняя,
Которая роля пиздняя.
Липшая роля ранняя,
Нижли тая пиздняя,
Бо на ранниі пшениця,
А на пиздній метлыця;
Липше жинка першая,
Нижли тая другая,
Бо першая диты бѣ,
Якъ ластовка гнездо бѣ,
А другая голубыть,
Трохи съ свита не сгубыть.

XLIII.

Летела возуленька
 Изъ за гирь идучи,
 Плакала дивчинонька
 Съ своего краю идучи:
 Ой, краю, мій краю,
 Якъ я тебе спוגадаю,
 Заплакаты маю.
 Пошію я сорочичку,
 Плоскинку додилку,
 Породыла мене маты
 Нещастну бездилку.
 Колюбъ я робыла,
 Ручки поломыла,
 Моя роботонька
 Някому не мыла.

XLIV.

Летыть орель по надъ моремъ
 По высокой высокости.
 Плаче козакъ старесенькій
 По своей молодости:
 Ой, литажъ моя молодые,
 А де ся вы подилы?
 Чы вы въ луги, чи въ буйраки,
 Причь видъ мене польнулы?
 Козачукая добыченька
 Марно пропадае,
 Тыждень козакъ здобувае,
 За единъ день пропивае.

XLV.

Летае сокиль по сонцю,
 Що разъ припадая къ виконьцу:
 Гдежъ тая дивчинонька, що тутъ була?
 Сказавбымъ ей добрую вѣсть,
 А вже ей парубокъ на двори есть,
 Вже ей парубокъ за селомъ,
 За годинку за два за столомъ
 Сыдыть съ Варваркою соколомъ.

XXVI.

Литае пташина чечече,
 Сила соби на столи щечече,
 Спустила крылочка до долу;
 Часъ же намъ, бояре, до дому:
 Уже витерь воротечка отчинивъ,
 Мисяць дороженьку освитивъ,
 Топнули коньками на двори,
 Брязнули колокольци на кони,
 Та вже, дивчинонько, їдутъ по тебе.
 Не дай мене, матинко, видъ себе.
 Якже мени, доненьку, тебе не даты,
 Було бъ не любоньку не браты.

XLVII.

Межи двума березами
 Ни гримъ гримить, ни дзвинъ дзвинить,
 Тамъ староста теремъ рубить,
 Наспидъ кладе яворину,

Поверхъ яворыны все терныну,
 Поверхъ терныны яблоньну.
 Пислы пишлы до сванечки,
 Щобъ дала сребра злата,
 Щобъ було кресты звесты
 И верхи знесты.
 Межи двумя берегами
 Ни гримъ гримыть, ни дзвинь дзвинить,
 Тамъ молодой Василько теремъ рубить,
 На спидь кладе яворыну,
 Поверхъ яворыны все терныну,
 Поверхъ терныны яблоньну.
 Пислы пошлы до марыси,
 Щобъ дала сребра злата,
 Щобъ було кресты звесты
 И верхи знесты.

 XLVIII.

И шумыть и гуде,
 Дрибенъ дощикъ иде,
 А хто мене молоду
 До домоньку заведе?
 Обизвався козакъ
 На солодкимъ меду:
 Гуляй, гуляй, чернявая,
 Я до дому заведу.
 Прошу я тебе,
 Не выдыжъ ты мене,
 Бо льшого маю мужа,
 Буде биты тебе.
 На бикъ хлопци, на бикъ хлопци,
 Бо чортъ мужа несе,

Якъ побачыть мене съ вами,
 Его трясця затрясе.
 Не хай трясе хылытса,
 Якъ витерь вербами,
 Такижъ бо я, сердце мое,
 Хоть постою зъ вами.

 XLIX.

Надъ моремъ глубокимъ
 Стоитъ теремъ высокій,
 Ой, тамъ стоятъ лыпа,
 Золотомъ обвита,
 А шелкомъ перевита,
 А въ тимъ тереми
 Марысенъка росу косу чеше.
 Приишовъ до еи
 Батенько ии:
 Отчины, доненьку;
 Бигъ, не отчиню,
 Буйного витра ся бою,
 Бо витерь косу розмете,
 А сонце лыченько спече.

 L.

На Ивана на купала
 Що Иванъ діѣ? гречку сіе.
 У нашої гречки чорни вершечки,
 Буложъ тобі Иванку не купатыся,
 Було бъ тобі Иванку звами гратыся.
 Що Иванъ діе? пшеньцю сіе.

У нашей пшеницы жолтые косыци,
Було бѣ тоби Иванку не купатыся,
Було бѣ тоби Иванку зъ нами гратыся.

LII.

На тесовомъ столѣ
Красный коровай стоитъ,
Якъ зъ воску выльваный,
Золотомъ осыпаный.
Тажъ тоби, марысенко,
Вирная заслуга
Отъ милого Бога,
Отъ родненького батенька
За тихіе походоньки,
За низкіе уклононьки.

LIII.

Наша пичь торкочеть,
Чогось она хочеть?
Хоче она раю,
Красного короваю.
У нашей печи
Золотые плечи,
А срибныя крыла,
Що бѣ коровай гнитыла.

LIV.

Нашъ красныйъ коровай,
 Я тебе убираю
 Въ рожовые цвѣты,
 Щобъ ся любыты.
 Никто не вгадае,
 Що въ тимъ короваю
 Съ трехъ крыницъ водыця,
 Съ семи стоговъ пшениця,
 Семь копъ яецъ,
 Дрожжейъ гарнецъ.

LV.

Не знала мене маты
 За кого за мужъ дати,
 Дала жъ мене за старого дйда,
 Бо не знала, що то бида.
 Пусты мене, диду,
 Я до церквы пиду,
 Богу помолюся.
 Не пуцу, небого,
 Тамъ дьяченькивъ много,
 Дасись на пидмову.
 Пустыжъ мене, диду,
 Я до корчмы пиду,
 Не хай же я погуляю.
 Не пуцу, небого,
 Тамъ челяди много,
 Дасись на пидмову.
 Пусты жъ мене, диду,

Я по воду пиду
 До тихого дунаю.
 Взяла коповочку,
 Пишла по водочку
 До тихого дунаю,
 Воды не набрала,
 Въ тихій дунай упала,
 Ажъ ся вода разлила.
 Нехай мои руки
 Пощипають щуки,
 Нехай нелюбъ не стискае,
 Не хай мое лице
 Пощыпае птыця,
 Не хай не любъ не целуе,
 Не хай мои очи
 Желтый песокъ точить,
 Нехай не любъ не ласкочеть,
 Нехай мои косы
 Тыхій дунай носыть,
 Не хай не любъ не кондосыть.

 LVI.

Отрывки.

1.

Не съ железа, не съ жилиза, а съ самой крыци
 Справывъ коваль ковалыси замокъ до свитлыци.

2.

Не шумы, лыпо,
 Бо мини и такъ лыхо

Безъ моего милого,
 Безъ порядку его.
 Не шумы, яворе,
 Бо мни и такъ горе
 Безъ милои моей,
 Безъ порядки моей.

3.

Сорока рака носыла,
 Тещенька зятя просыла,
 Выперу тобі штаны и сорочку,
 Только полюби мою дочку.

4.

Ой, въ саду вишня съ пидъ кореня вышла.
 Выглядае мій миленькій, видкиль мила вышла.
 Вышла мила, вышла, билу ручку дала,
 Витай, витай, сердце мое, давнымъ тя выдала.
 И свичка горила, и я сама млила,
 До для того, сердце мое, що тебе не взрила.

5.

Ой, у поли крыныченька рублемъ рубленая,
 Тамъ стоить дивчинонька якъ малеваная.
 Малеваная, вражій сыну, а но не для тебе,
 Яки були мясныченьки не бувъ же ты у мене.

6.

Хмелю жъ, ты мій хмелю, ты тонкій и высокій,
 Съ тобою, хмелю, треба съ разумомъ жыты,

Не по полный чари медь горилку пыти,
 А по повній пивши, то разумоньку звивши.
 Не журися, милая, я хлиба розгадаю,
 Стари шаровары на продажъ я маю,

7.

Не теперь, не теперь по грибы ходыти,
 На весни, на весни, якъ станутъ родыты.
 Не з мишкомъ, не з мишкомъ, тилько съ коробками,
 Ходять дивки до корчмы, а все съ парубками.

8.

Пидь чимъ Черчикъ, пидь Нечуй витромъ,
 Не чулы хлопци зузили литомъ,
 Якъ почувы, полякалыся,
 Въ глуху кропиву поховалыся.

9.

Казавъ еси берестяку, що не пустышь съ себѣ лысточку,
 Теперь пускаешъ, сирю землю прикрываешъ.
 Казавъ еси, мій батеньку, не дамъ тебе за мужъ, моя довеньку,
 Теперь мене даешъ, доли ми неугадаешъ.

10.

Ты дороженька широкая, чомъ ты ся курышь?
 Ты дивчинонько молодая, чомъ ты ся журышь?
 Колы бь мни дощу съ годыну, тобъ я ся некурыла,
 Ой, колыбъ у мене матусенька була, тобъ я ся не журыла.

11.

Чи вси тїя сады цвѣтуть, що съ весни развиваются?
Чи вси тїя звинчаются, що въ осени заручаются?
Половина саду цвѣте, половина развивается,
Половина звинчаются, половина разлучаются.

12.

Ой, отъ вислы до Кїева пробытыя шляхи,
Ой, завладѣли та несправедливо краемъ нашимъ ляхи.

13.

Ой, часъ маты жито жаты, колось похылвися,
Ой, часъ мене за мужъ даты, голосъ изменився;
Ой, часъ маты жито жаты крыї дороженьки,
Ой, часъ мене замужъ даты, бо судять вороженьки.

14.

Ой, ты грыбе, ягода, о, ты старый, я молода,
Научиламся пыты, не хочю робыты,
Всявши мужа за чупрыну и хотѣла быты.
Лежи, мужу, тута, закиль знаиду прута,
Закиль знаишла прута, пересердымыся,
А на своего миленького змылосердылася.

15.

На городи воркунъ зиле по плоту вѣтся,
Гдѣсь моя лыха доля шляхомъ волочется?
Волочися, лиха доля, иди утопыся,
До мене молодого вѣкъ не вырныся.

16.

Ой, сербине, сербине, покынь сербоваты,
 Возьми серпъ, иды въ степь пшениченьки жаты.
 Бодай же ты, дивчынонько, того неждидала,
 Щобъ моя била рученька пшениченку жала.

17.

Докиль ходыли по украини козаки зъ рогами,
 Стоялы степы поля облогами.
 Якъ явились на украини ляхи и паны въ ладивныцяхъ,
 Сталы у мужикивъ пироги на польцяхъ.

18.

Ой, сонъ, матинко, та головоньку клонить.
 Тожъ тобі, сыноньку, своеволенька робыть.
 Есть у мене садъ виноградъ, та не хоче родыты,
 Есть у мене моя мила, та не хоче любыты.

19.

Стоить въ полѣ на подоли крыныченька,
 Ой, вжежъ въ тій крынычиньки водыця сочытса.
 Отдай, отдай, старо нене, робыты научытса.
 Нехай въ тои крынычинци вода прибывае,
 Нехай моя доня хотъ зъ рикъ погуляе.

20.

Умеръ батько, байдуже, умерла маты, байдуже,
 Умеръ милый чернобрывый, жаль мине его дуже.

21.

А горилки зятю горилки,
А не браты було бѣ у насъ дивки,
А ни черной куныци,
Бо полетять горшки съ польци.

22.

А встань, диду, просо товчи,
А нашъ дидъ разстогнався;
А встань, диду, кашу исты,
А нашъ дидъ разболівся;
А встань, диду, на бабу шиду,
Ажъ нашъ дидъ розскакався.

23.

Ой, зналы, зналы вдовине весиле,
Не распустыли косы якъ совоньки крылье,
Павонька хвистъ распустыть,
А вдова косы не распустыть.

24.

Ой, за Бугомъ, за Бугомъ
Ходыдъ Дзюнзя за плугомъ,
И чепыки кривые,
И погоньци нимые.

25.

Сорока рака носыла,
Тещенька зятя просыла,
Выперу тобі штаны и сорочку,
Тилько полюби мою дочку.

26.

Кукурузы, кукурузы дайте,
 Кукуруза не поможе, козака шукайте.
 А где тая колыточка, що висили раки,
 Чотыре куски солоньны и рижокъ табаки.

27.

Сорока скрекоче,
 Дидъ бабы не хоче.
 Чортъ минни раду давъ,
 Що я тую бабу сподобавъ.

28.

Минни батько не ридъ, минни маты не ридъ,
 Минни теща родына, минни жинку вродыла.

LVII.

Ой, въ выни, въ вини да въ виногради,
 Тамъ красна панна да наряжалася,
 Наряжалася да убиралася,
 Скидала съ себе все кришнее,
 Надивала на себе золотее,
 Шла до церкви ясною зорею,
 А съ церкви шла красною панною.
 У воротця иде, якъ сонце всходыть,
 Въ синечки иде, синечки сіяють,
 Въ свитлоньку иде, паны встричають,
 Шапки здымають, ей пытають:
 Чи ты царевна, чи ты кролевна?

Яжъ не царевна, не королевна,
 Степанова дочка,
 Якъ ягодо́чка.

LVIII.

Нашъ хорунжій хорошій,
 Короговцею махае,
 Дружочокъ зачепае.
 Дружочки голубочки,
 Идите танцюваты,
 Молодого оглядаты:
 Чи уміе танцюваты,
 Чи высоки пороги,
 Щобъ не кривые ноги.

LIX.

Наихалы сваты вольнці
 Та у мишку, та у ряднынці.
 Межъ ными дружко якъ панъ,
 А на ему соломенный кафтанъ,
 Гонтами голова збыта,
 А снопками борода спита,
 Перевесломъ пидперезався,
 Якъ весальи прибивався.

LX.

Не куй, староста, золотого ножа,
 Да пидкуй вороного коня,

Будемъ ихаты боромъ камешнымъ,
 А биръ буде шумиты,
 Камень буде дзвиниты.
 Акъ учують люды,
 Намъ слава буде,
 Якъ учують мищане,
 То намъ слава стане.

LXI.

Перепылеченька,
 Да невылыченька,
 По свиту литае,
 Траву пригортае,
 Голуба шукае.
 Гляне на гороньку,
 Голубъ на дубоньку,
 Склонивъ головоньку
 Въ чужую стороньку.
 Туманъ долиною,
 А морозъ лищиною,
 А козакъ съ дивчиною.
 Дѣвчино сирото,
 Не стели широко,
 Постели узенько,
 Присунься близенько.

LXII.

Ой, въ лиску, въ лиску на килку,
 Тамъ высла колысонька на шелку.
 А хто въ тій колысонци колышется?

Иванъ, товариштво мое любое,
 Колыши жъ мене высоко,
 Щобъ мнѣ було видно далеко.
 А где моя тещенька?
 Медъ вино пье.
 А где моя миленькая?
 Винки вье.

LXIII.

Ой, у поли двѣ тополи.
 Шкода мнѣ, диду, молодой;
 Посывиешъ, старый диду, посывиешъ,
 Докиль мнѣ молодой постель не нагрѣшъ.
 Ой, нагрѣю, моя милая, нагрѣю,
 И кунами и соболями накрѣю;
 Куны и соболи помнутя,
 Молоди мои лѣта минутя.
 Заковала зозуля въ лузи;
 Чого съ моя головочка въ тузи?
 Наступила чорна хмара зъ загиръ,
 А прѣхавъ мій миленькій сподилъ,
 А привязавъ своего коныченъка до чистокилья.
 А маруся зачула
 И вынесла чашу меда и вина двѣ.
 Ой, пій, милый, не упыйся,
 На вороному коныченъку не схылися.
 Буду пыти и не упьюся,
 На вороному коныченъку не схылюся.
 Ой, стыхесенька говоры,
 Щобъ не почувъ старый мужъ съ коморы.
 А съ кимъ мила говорила?
 Съ кухарками, нелюбочко, съ кухарками,

Посылала по воду съ конивками.
 На що тоби мила такъ рано вода?
 Умытыся, нелюбочко, бо я молода,
 Е у мене пшеничное пиво;
 Пиды уточи, тай умыйся,
 Возьми соби китаечку, тай утрыся,
 Возьми шуку рыбу, тай потавися,
 Ой, ляжъ же соби на лижечку, проспыся,
 Пиды соби до скрыночки уберыся
 И до саду винограду проходыся.
 Ой, то мини, нелюбочко, ни за що,
 Колы мое мишканье ледащо.
 Ой, не будешъ, моя мила, каяты,
 Якъ возьму нагайкой краяты.
 Ой, не буду, мій миленькій, не буду,
 Кого жъ бо я вирну люблю, не забуду;
 Я думала, що нагайка съ паперу,
 Ажъ вона съ чентового ременю.
 А ея матусенька зачула.
 Ой, до коня, челядочка, до коня,
 Бижи за марусей въ погоню,
 Бижи за марысенкой до бору:
 Вернысь, марусенько, до дому.
 Ой, на тее челядочка вырывалася,
 Щобъ я до дому верталася.
 Ъ моихъ два виночка въ темныци,
 Возьмите повисте на килочку въ свитлыци,
 Щобъ моя ненька якъ погляне,
 Мене молодую спомяне:
 А гдесъ моя маруся детьна,
 Що въ тыхъ виночкахъ ходыла?

LXIV.

Ой, у поли крыньця безо дна,
Тече зъ неи вода холодна,
Ни якъ тей воды напытыся,
Не можно дивки добытыся.
Ей въ поли кленъ дерево ризно;
Ходыть козакъ до дивчыны пиздно.
Не ходы, козаче, до мене,
Бо не слава на тебе и на мене.
Я той неславы не боюся,
Кого люблю, то съ тымъ обіймуся.

LXV.

Ой, давно, давно въ роду була,
А вжежъ тая дороженька терномъ заросла,
Терномъ заросла, листомъ припала,
Червоною калыною понависала.
Якъ я схочу, теренъ высъчу,
А червоную калыну въ пучечки повяжу,
Тони я свою родыноньку хотъ въ рикъ обачу.

LXVI.

Ой, дубъ на дубонька похилывся.
Ой, козакъ ненци отклонывся:
Ой, часъ мини, ненько, оженытыся,
Бо якъ прыиде ничка осенняя,
Ни съ кимъ мини спаты розмовляты.
До коньку, сынку, вороненького,
До сиделка червоненького.

Кинь, нене, рже не говорыть,
 Винь мене молодаго въ миста уводыть.
 Ой, коню жъ мій, коню ворошенькій!
 Ой, пане жъ мій, пане молоденькій!
 Чи яжъ тоби, коню, тяжкій та важкій,
 Чи моя козацкая збруя?
 Ты жъ минни, пане, не тяжкій не важкый,
 А нї твоя козацкая збруя.
 Она минни тяжка корчма пляховая,
 Бо у тій корчемци маешъ исты, пыты,
 Мни вороному кажешъ сыру землю биты.
 Дай же тому коню сина по колїна, оброну по очи,
 Затынай того коня хоть бы о пивъ ночи.

 LXVII.

Дубъ на дуба похылывся;
 Козакъ на козака засмутывся.
 «Ой, коню мій, коню смутный невеселый,
 Чомъ ты до мене коню не говоришь?
 Чи ты докучило сидло мое,
 Чи ти докучила збруя моя?
 Чи я ти докучивъ, козакъ молоденькій?
 Ни мя докучило сидло твое,
 Ни мя докучила збруя твоя,
 Ни ты ми докучивъ, козакъ молоденькій,
 Но ми докучила корчма твоя.
 Ой, куда їдешъ, корчмы не минаешъ,
 А куда ходышь, їшь, пьешъ, гуляешъ,
 А о мени, ворономъ кони, тай не дбаешъ;
 А до горы идешъ, пидтымаешъ,
 А якъ съ горы идешъ, не стрымаешъ;

Черезъ луги ѣдешъ, не попасашъ,
Черезъ дунай плывешъ, не наповашъ.

LXVIII.

По загумени синіе терны цвितуть;
Ой, синіи сыніе дрибненьки,
Тамъ Ивасенько сивыми киньми грае,
Ой, грае, грае, на тестивъ двирь поглядае.
Чого ты, зятю, на мій двирь поглядаешъ?
На моимъ двори ни якои диввыни не маешъ,
Нема у мене ни тура, ни еленя,
Тыльки марысенька, та и тая молоденька.

LXIX.

Ой, звыслы синіе хмароньки звыслы;
А не зійдешъ мни дивчынонька зъ мысли.
Чи мни що дала, чи що учинила,
Я еще не спавъ, а она мни прысныла.
Якъ я згадаю, кого вирно любила;
Кобъ мни не душа, то бымъ ся згубыла.
Якъ я гадаю торичные золотенки,
Ни ми спанья, ни мни работоньки.

LXX.

Ой, сборъ сборъ въ субботу,
Була соби сборныця антося,
Збирала сбиръ у панотця въ двирь,
Выбирала дружечки на выбирь,

А садыла ихъ по за стилъ,
 Гадала гадочекъ билше всякъ:
 А едная гадочка свекорко,
 Винъ мини батинкомъ не буде,
 Оно моему серденьку жаль буде;
 А другая гадочка свекруха,
 Она мене матинкой не буде,
 Оно моему серденьку жаль буде.

LXXI.

А чый то коникъ изъ гиръ выбигае,
 Изъ за гиръ выбигае, камень разбивае?
 Старостивъ то коникъ изъ за гиръ выбигае,
 Изъ за гиръ выбигае, камень разбивае,
 А гривонькою все поле укрывае,
 А хвостыченькомъ дороги уметае,
 Оченьками дороги оглядае,
 А ушеньками радоньки слухае.

LXXII.

Батенько мій ридненькій,
 Снывся ми сонъ дивненькій,
 Що на нашихъ воротечкахъ
 Сивый соколонько сыдять,
 Все ся съ пылненька дывытця
 Съ подъ правого крылечка,
 Съ пидъ золотого пыррячка.
 Доненьку Оксюеньку,
 Не есть то соколонько,
 Бо то есть Василенько;
 На посади сыдыть

Все ся съ пылненька дывыть,
 Съ пидъ правой рученьки,
 Съ пидъ вышитой кустоньки.

LXXIII.

Быйте, дивчины, въ падковы,
 Що у козака чорни бровы,
 Чорны бровы, чорны очи,
 Чорни бровы якъ шнуручокъ,
 Кучерявы якъ терночокъ.
 Его маты въ ночи уродыла,
 Щобъ дивчына полюбила.

LXXIV.

Боровая пчелонька, чого такъ гудешъ?
 Чи до бороньку идешъ?
 Якъ же мини не густы,
 Осмеркла я у бороньку,
 Освела пидъ бортѣю.
 Молодая марыся, чого такъ плачешъ?
 Якъ же мини не плакаты,
 Осмеркла у батенька,
 А освела у свекорка
 Пидъ билымъ завываньемъ,
 Пидъ вичвымъ накрываньемъ.

LXXV.

Ой, ты, старый диду, чому ся не женишь?
 Старой не хочу, молода не пиде,

Хоть она пиде, то не ляже спаты,
 А хоть ляже спаты, то не обернется,
 А хоть обернется, то не поцелуе,
 А хоть поцелуе, то все и сплюе.
 Ой, у тебе, диду, борода козяча,
 Борода козяча, губа собача,
 Очи совиные, медвежи похидки.
 Пишовъ Дидыще на тое торжище,
 А купивъ крутое нагаище,
 А ставъ жинку быты та ще й волочиты:
 Знай, суко, якъ и зъ старымъ житы.
 Ой, у тебѣ, диду, борода шелкова,
 Борода шелкова, а губа тернова.

LXXVI.

Ой, ходжужъ бо я блужу темновькой почи,
 Самъ не знаю, чомъ не сплять мои очи.
 Не сплять чорни очи ни въ день, ни въ ночи,
 За тобою, моя мила, тужачи.
 А у поли былына, ею витеръ хитае;
 Що на меньша пташина соби пару мае.
 Ой, я бидный въ свити гадаю,
 Що я соби пары не маю.
 Щобъ соболеви очи, а орлови крыла,
 Польшувъ бы я где дивчина мыла,
 Польшувъ бы я, та упавъ на двори,
 Чи не выйде мила поскорій.
 Ажъ мила выходить съ чорными бровями,
 Промовляя до мене слягидными словами.
 Ой, сывый голубоньку, сядь коло мене,
 Пригорни мя до себе,

Возьми свою ручку пригорни,
Бо твое тѣло и черныя очи
Не дають покою ни въ день, ни въ ночи.

LXXVII.

Ой, ходыла павонька на щирымъ бору,
Погубила перьячко въ шелкову траву;
Не такъ мнѣ жаль павоньки и перья ея,
Якъ мнѣ жаль дѣтѣноньки въ чужій сторони,
Бо чужая сторононька безъ витра шумыть,
Бо не рядный батенько не бѣе, та болыть.

LXXVIII.

Ой, у лузи калына
Билымъ цвѣтомъ зацвила,
Тамъ дивчина ходила,
Цвѣть калыну ломыла,
До батынька носыла.
Батенько голубоньку,
Чи буду я такая,
Якъ цвѣть калына тая?
Будешъ, доню, будешъ,
Поки у мене будешъ,
А якъ идешъ видъ мене,
Спаде красенька съ тебе,
Якъ зъ ранняго вивса роса,
Такъ съ твого лыченька краса.
Обизвалася доля
Стоячи надъ водою:

Ой, стелы, дивче, лыжко,
 Не будешь на немъ спаты.
 Сболгла моя нижка
 Стоючи коло лижка,
 Зболгла моя друга
 Стоячи коло луга.
 Учуча тое маты,
 Стала дочку жаловаты:
 Иды, доню, до дому,
 Не годы не любому.
 Якъ мни не годыты,
 Обсины мене диты,
 Якъ ту калыноньку квыты,
 Такъ мене молодую диты.
 Ой, маты моя, маты,
 Кольсь хотила жаловаты,
 Було замужъ не даваты,
 Було мене поховаты
 Малою детьною,
 Було мене насыпаты
 Высокою могилою;
 То бысь була забула,
 Же у тебе дочка була,
 А теперь не забудешъ,
 Поки на свити будешъ.

LXXIX.

Ой, у поли на выгони стоить берега росистая,
 А на ней росонька золотыстая.
 Где ся вьялы райскія птахи,
 Тую русу постряхалы.
 Где ся взяла красная панна,

Красная панна марысенька,
 Тую росу позбирала,
 Понесла ея до злотнычка.
 Ой, злотнычку ремеснычку,
 Зроби хрестъ до церковци,
 А перстенець до нелюбошки.

LXXX.

Ой, ишовъ дощикъ кропнистый,
 Ой, уродився червчикъ зернистый.
 Не умла Ульяна краситы,
 Мусила Мирона проситы,
 А нашъ Миронъ молодець,
 Рубавъ березу пидъ коренець,
 Рубавъ же ни и не зрубавъ,
 Гнувъ же ея и не зигнувъ,
 Вылизъ на вершокъ да расчехнувъ.
 Ой, ѣдь, родыньку, не бійся,
 Въ червоные чобитки узыйся,
 Топчи вороги пидъ ноги.
 Заробыла Оксеня пироги,
 Загоряла малына загоряла,
 Пидъ пею Оксеня стояла,
 Шолкомъ ноги звязала,
 Для Мирона тримала,
 Дайте намъ ручоньки съ торочками,
 А мы дадемъ сорочку съ квичочками.

LXXXI.

Повій витроньку съ зеленого дуба,

Не маю нигде порады видъ свого нелюба,
 А пришовъ нелюбъ съ синей до хаты, не хоче говориты.
 Бидпая жъ моя головонька, що маю чыниты?
 Ой, пиду жъ я церковку Богу помолюся,
 Я зъ нелюбомъ житы не піймуся, пійду утоплюся.
 Стій, доненьку, не топыся, марне душу загубышь,
 Скажи жъ мени, доненьку, кого вирне ты любишь.
 Щежъ, моя матенька, пикого не любила,
 Не хай бы я хоть рикъ, хоть два дявкой погодыла,
 Утопыла жъ мене, матенько, якъ конопельку у воду,
 Незважилась на худобоньку, ни на мою уроду,
 Ой, якъ тяжко тій конопельци у болотоньку гныты,
 То такъ, моя матинько, зъ пелюбонькомъ житы.

LXXXII.

По гори гори не огонь то горыть,
 Не огонь горыть, марысенька ходять.
 Ясная зоронька,
 Не сгасай равенько,
 Марысенько ходыть,
 Перстенцями свитыть,
 Ясне биле ложе стелеть,
 До ложа говорыть:
 Ложе жъ, мое ложе,
 Хтожъ на тебе ляже?
 Ляжежъ на тоби молодой, козаченко,
 Положетъ рученьку на моемъ серденьку,
 А его рученька легче отъ пиренька.
 Ясная зоронько,
 Не сгасай раненько.

LXXXIII.

По гори, по гори рута и барвипокъ,
 А по долинамъ пахучій васылскъ,
 А въ тямъ васыленьку перепелонька свыще.
 Кому жъ ихаты перепелоньки иматы?
 Дружбонько мовыть: яжъ не пиду,
 Бо мій коныченько на камень не ступить,
 А мій хортыченько съ рытязя не пидеть,
 А мій соколоненько съ ручекъ не полынетъ.

LXXXIV.

По гори гори,
 Тамъ ганнуся ходыла,
 Перстенцями дзвоныла.
 Дзвените, перстенци,
 Зъ дорогими каминци,
 Не хай батенько чуе,
 Не хай мене пожалуе,
 Що молоду за мужъ дае,
 Разуму не научивши
 И роскоши не наживши,
 Научать мене люды,
 Жаль батенькови буде.

LXXXV.

черезъ синечки, черезъ свитлоньку шелковые шнуры,
 на ней Федоры молоденькой молодые разумные,
 ялыченько, якъ яблоченько, якъ на роженци квиты,
 и батенько, на ней ридненькій, не можеся наглядиты:

Ой, теперь же мни моя Федоровька, теперь же мни мила,
Сыдишь за столомъ, съ яснымъ соколомъ, якъ червона малына.

LXXXVI.

Погубыла диты орлянечка,
По дорозѣ бьется.
Ой, знаты по тому козака,
Що винъ зъ мене сміється.
Ой, смійся, хоть не смійся,
Нихто не буде знаты,
Есть у меня два братика
И ридненька маты,
Покрють не славу,
Якъ пожаръ отову,
Никто не буде знаты,
Росты коса до пояса,
Я про то буду гуляты.

LXXXVII.

По пидъ лисомъ битая дорога,
Середъ лиса рубленая крыниця,
Тамъ староста коника папувавъ,
Ему Иванечко водыци пидлыває.
Ступай, Иванечко, на билый каменечко,
Съ билого камени
На золотое стремени,
Съ золотого стремени
На вороного коня,
Зъ вороного коня,
Уже ты, ганнусенька, моя.

LXXXVIII.

Посію я яру руту надъ водою,
 Уродытся яра рута зъ лободою;
 А хто жъ мене яру руту да прополе,
 А хто жъ мене молоденьку да пригорье?
 Обизвався старій дидъ съ бородою:
 Я тебе яру руту да прополю,
 Ой, я тебе молодую да пригорну.

LXXXIX.

О, на ставу, ставочку, дрибные дивчата,
 А у нашимъ Межибожи пышные дивчата.
 Чи пышные, чи дурные, чи такъ у нихъ ведется,
 Якъ выиде на улыцю, якъ жаба надметься,
 Що улиця, то вдовиця, дивчатъ не выдати.
 Пишли суки до прилуки ляшкивъ выглядати;
 Ходимо, пане брате, дубивъ оправляты,
 Бо не можно въ Межи-божи дивчатъ защепаты.
 Ой, на ставу, ставочку, дрибенькая рясна,
 Ой, чи чула ты, дивчинонку, якъ я въ кобзу брязкавъ?
 Ой, чи чула, чи не чула, въ виконци сыдила,
 Жебъ я крыльце мала, то була бъ полетила.

LXXXX.

Ой, не тужи, дивчинько, по мни.
 Покинуты три колосы въ гумни,
 Еденъ колось дитей годоваты,
 А другій колось челядь зодигаты,
 Третій колось горилку курыты

И за мое здоровье пыты,
 Щобъ тоби тяжко на коня всидаты,
 Якъ мини тяжко диты годоваты,
 Щобъ тоби тяжко съ коня зсидаты,
 Якъ мини тяжко челядь зодигаты,
 Щобъ тоби дорога курыла,
 Якъ мини горилка не мыла.

LСІ.

Пиду я берегомъ по надъ ставомъ,
 Сама я не знаю кому ся достану,
 Чи тому диду съ сивою бородою,
 Що онъ не годенъ говорити зо мною,
 Его борода припечокъ замитаты,
 Мое лыченько свитлоньку взвеселяты,
 Его борода якъ солома въ стриси,
 Мое лыченько якъ малына въ лиси.

LСІІ.

По садочку хожу,
 Барвиночокъ сажу.
 Чомъ я у тебе, маты,
 Неженатый хожу?
 Росты барвиночку,
 Росты зелененькій,
 Гуляй, гуляй, мій сыночку,
 Бо ещесь молоденькій.
 Росты, росты, барвиночку,
 Ище постелься.
 Гуляй, гуляй, мій сыночку,

Та вже оженися.
Оженися, сынку,
Возьми вдовы дочку,
Що ходыть въ неділю
Въ рутвянимъ виночку.
Ой, матусю, матусю,
Тожъ не моя ривна,
Ходыть соби по рыночку,
Якъ та королівна,
Ходыть соби по рыночку,
Хусточку выймае,
А молодой козакъ
Съ жалю омливае.
Оженися, сынку,
Возьми сыротынку,
А не бери вдовоньки,
Не дасть Богъ доленьки,
Бо вдовоньки сердце,
Якъ зимою сонце,
Хотя оно ясногріе,
Таки зимній витерь віе,
А у дивчины сердце,
Якъ у ляти сонце,
Хотя оно хмуренькое,
Таки тепленькое.

ЛСШ.

Пидъ березою пидметено,
Барвиночкомъ оплетено,
Василечкомъ обстелено,
Ой, тильки систы поихаты,
На Кривци дивку видвидаты.

На Кривци дивка убогая,
 Крае ручники съ витасчки,
 А торочечки шелковые.
 Пидъ березою пидмстено,
 Барвиночкомъ оплетено,
 Василечкомъ обстелено,
 Ой, тильки систы помхаты,
 На киселяхъ дивку видвидаты.
 На Киселяхъ дивка богатая,
 Крое ручники съ ряднички,
 А торочечки зъ онучечки.

LCIV.

Пала роса въ конецъ проса при белой дорози.
 Кому дати на добраничъ дивчины небози,
 Та добраночъ дае и коныковъ зиртае,
 За рученьку стискае, тяженько вздыхае.
 Ой, мій милый чернобрывый, чого ся ты квапышь?
 Чи до отця, чи до матки, чи до иной глядишь?
 Ой, мій милый чернобрывый, до свитлоньки прошу,
 А я съ твого коныченька сидельце сношу,
 Кажу твойго коныченька до стаеньки взяти,
 А тебе молоденького прошу до киньнаты,
 Кажу твому коныченьку оброку дати,
 А тоби молоденькому билу постиль слаты,
 И сама ляжу, тяжку жаль розвяжу,
 Всадыжь ручку за пазушку.

LCV.

Ой, пане господару, на твоємъ двору

Стоитъ дерево тонке высоко,
 Тонке высоке, листомъ широке,
 Лыстомъ широке, верхомъ кудряве.
 На тѣи кудри сивъ сокиль сыдыть,
 Сивъ сокиль сыдыть, далеко видыть,
 Далекое видить въ чистое поле,
 Въ чистое поле где Господь оре,
 Пресвятая дива исты носыла,
 Исты носыла, Бога просыла,
 Орите, сынки, другіе пывки,
 Другіе пывки, горы, долынки,
 Будемъ сіяти жито пшеницю,
 Жито пшевыцу и вшеляку пашныцю.
 Ой, уродылся сриблое срибло,
 Жемчужный колось, золотое зерно,
 Зберемо хлопцивъ а все молодцивъ,
 Вяжите, сынки, тугіе снопки,
 Накладемо кипъ якъ на неби звиздъ,
 Зберемо возы на три обозы.
 Будемъ возыти до пана Павла,
 Тай у его токи,
 А его токи частоколови,
 Кладить, сынки, широкіе стижки,
 Завершимо сивымъ соколомъ,
 За сивъ словомъ будай здорови.

 LCVI.

Марьяна матинка предъ Богомъ стояла,
 Господа Бога просыла и троицу свичку держала:
 Господи милосердный, спусти мене съ неба,
 Съ неба на землю до моей дetyнoньки,
 Не хай ся я подивлю на свою вирну дetyну,

Чи она хорошо изряжена,
И въ часъ на посага насажена.

LCVII.

По пидъ гаемъ зелененькимъ сдavnяя стеженька,
Тамъ Марысенъка ходыла, Господа Бога просыла,
До горы рученьки вносила:
Господе милосердный, спусти мене
Дрибнымъ дощемъ на землю,
Не хай ся подывлю на свою вирну дытыну,
Чи она израджена на посади посажена.
Благанная душа, тамъ тебе не потребно,
А вже я такъ зраджена на посади посажена.

LCVIII.

Крыкнулы лебеди на води,
Брязнулы цимбалы на двори,
То уже, Оксеню, идуть по тебе.
Не дай мене, маты, отъ себе,
Чи я тоби, матинко, дошла,
Що я въ твоей свитлонци сидила,
Русуныкую косу чесала
И румяне лыченько умывала,
Ясного сонца въ виконце,
Темной ничи при свичи.

LCIX.

Ой, посію въ поли нывку лѣнку,

Межя тымъ ленкомъ одна конопелька,
 На конопельци все райскіе пташки,
 Поють писеньку а все различную,
 А разлучимо Ганнусю отъ матинки,
 А прылучимо молодаго Ивасенька,
 А у Ивасенька дротяная ногаечка,
 Буде онъ твое тилочко укрываты,
 Не буде кому Ганнуса жаловаты.

С.

Ой, пушу стрилу по всему селу,
 Ой, и я въ лелю по всему селу,
 Ой, пишла стрила на конецъ села,
 Охъ, и я въ лелю па конецъ села,
 Та убила стрила билого молодца,
 Охъ, и я въ лелю билого молодца.
 А никто къ тилу не прыступитъся,
 Охъ, и въ лелю не прыступитъся,
 Прыступила стара бабушка,
 Охъ, и я въ лелю его матушка,
 Ой, сами дзвоны задзвонилися,
 И сама церковь отченилася,
 Ой, сами кныжки росчиталися,
 И сама земля отворилася,
 И само тило схоронилося.

СІ.

Ой, рано рано адроньки пили,
 Ой, еще раньше Марыся встала,

Дворы уметала,
 Дворы уметала,
 Столы устылала,
 Сподиволася трое гостенькивъ,
 Еденъ гостынько ясный солненько,
 Другій гостенько ясный мисяченько,
 Третій гостенько дрибенъ дощикъ.
 Чымъ ся похвалышь, ясное солненько?
 Ой, якъ взійду въ неділю рано,
 Освячу я церкви и костелы,
 Ой, возрадуется весь міръ на свити.
 Чимъ ся похвалышь, ясный мисяченько?
 Ой, якъ взійду пизно пизненько,
 Освячу жъ я горы и долины,
 Ой, возрадуется весь звирь въ лиси,
 Весь звирь въ лиси, гость при дорозѣ.
 Чемъ ся похвалышь, дрибенъ дощикъ?
 Ой, якъ я спаду три раза въ маю,
 Ой, взродуется жито и пшеница,
 И вшелякая пашныни.
 А за тымъ словомъ бувай же здорова,
 Красная панна не сама зъ собою,
 Зъ отцемъ и съ маткою,
 Зъ отцемъ и зъ маткою,
 И съ родыною.

 СІІ.

Въ саду роса висыть,
 Хорошая коровай мисыть
 И съ бѣлыми рученьками,
 А съ черными оченьками,
 Бѣлая муку сіеть,

Хижая воду носыть,
А дюжая коровай мисыть.

СІІІ.

Плавае по води золотый човнокъ,
А въ тимъ човныку красный молодець
Струже стрилоньки зъ малыноньки,
Струже, малюе, на Дунай пускае:
Плывите, стрилоньки, до моеи дивоньки,
Не хай готуе тонки подарки,
Моему батинку тонку кошулю,
А моеи мати тонкій рубочокъ,
Сестрыци зъ рута виночокъ,
А братику шолкову хустку,
А мни молодому сама молодая,
Скрыня новая и постиль билая.

СІV.

Плугъ не оре,
Чевики кривые,
Желѣза тупыя,
Бычки молодые,
Твердая новина,
Ой, не матерына,
Дайте батога
Погоняты бугая,
Нехай пре.
Забывайте желизця,
Закладайте колисця,
Пондымо ораты,

Новины добуваты,
 Кто новину добуде,
 Той господаремъ буде

CV.

Прыихалы баре съ Семя гиръ,
 Вывезли соби скрыпки на выбиръ,
 Казали соби по Семигирски заграты,
 Пиде дружба и съ дружечкой гуляты,
 А на дружби красная шуба съ бобрами,
 На іомъ шапка съ струсыными перами,
 А на дружци тихъ трое съ перлами.

CVI.

Пріихавъ зяченько на тестя на подвиръ,
 Заточивъ подвирье кованными возами,
 Заставивъ стайню вороными конями,
 Засадивъ свитлоньку молодыми боярами,
 А зависывъ комнату красными сукнами,
 Заставивъ тесовый стиль гостемъ короваемъ,
 На тимъ короваю три яблочки зъ раю,
 Тожъ тобі, Марысенька, вирная твоя выслуженька,
 Щось соби выслужила у милого Бога,
 У милого Бога и матинки ридней.

CVII.

Рыстью коньки рыстью,
 Ъдемо съ корыстью,
 Съ квиткою съ млеткою,

Съ молодою невесткою,
 Витчины маты лиску,
 Веземъ тоби невестку,
 До коморы ключницу,
 До поля рабитныцю,
 Корови не выдаеть,
 Бо ся хвоста боить,
 Обидаты не сварыть,
 Бо ся зъ горшками сварыть,
 Хлиба не спече,
 Бо у неи съ носа тече.

CVIII.

Сама я сама пшениченьку жала,
 Ой, приду жъ я до домоньку, не ма мого пана,
 Челядонька въ дому, щожъ мини въ тому,
 Далежбы я билу ручку, да нема кому.
 Пиду до кимнаты, билу постиль слаты,
 Стина нима, постиль била, ни съ кимъ розмовляты,
 Стина нименька, постель биленька,
 Сжался, милый Боже, ще я молоденька.
 Ой, выиду, я выиду на крутую гору,
 Ой, гляну я, ой, гляну на быстреньку воду,
 Щука рыба въ води до воли гуляе,
 А я стою тай думаю, що пары не маю.

CIX.

Ой, звонке деревцо калына,
 Якъ рубалы, то дзвинила,
 Якъ везлы, то шумило,

Якъ на столи стояло,
 До Бояривъ промовляло:
 Загадавъ Ивасенька
 Загадку липши всѣхъ,
 Сивъ соби вишше всихъ.

СХ.

Сыдыть сокиль на тополи,
 Спива писню по неволи.
 Ой, соколе соколовьку,
 Не журь мою головоньку,
 Бо я сама сжурылася,
 Що отъ роду отбылася,
 Отъ роду, отъ родыны,
 Отъ вирной дружины.
 Чины, Боже, мою волю,
 Зоставъ мине удовою,
 А вдовою молодою,
 Не хай же я погуляю
 Якъ та рыба по Дунаю,
 Якъ та рыба зъ окупцями,
 Я молода зъ молодцями,
 Якъ рыбка зъ плотыцями,
 Я молода зъ молодыцями.

СХІ.

Самъ Богъ коровай мисыть,
 Пречистая свитыть,
 Ангелы воду носятъ,
 Святые Бога просятъ.

Трыиця по церкви ходыть,
Спаса за ручку водыть,
Ой, ты спасе нашъ,
Ходы ты до насъ,
Бо теперь у насъ гаражъ.

СХІІ.

Сивая зозуленька,
Не вилятай раненько
Въ чистое поленько,
Важить на тебе сивый соколонько,
Нижечками тя угомыть,
Крылоньками тя зловить,
Занесе бо винъ тебе до своего гнзденька,
До дрибненькихъ дитенькивъ.
Молодая марысенко,
Не выходы раненько,
До города по зиленько,
Важить на тебе молодой Ивасенько,
Ниженьками тя угомыть,
Рученьками тя зловить,
Завезе винъ тебе въ чужую сторононьку,
На людскую обмовоньку,
Будуть обмовляты,
Що ничемъ дароваты.

СХІІІ.

Сивъ зажурывся,
Що зъ малого оженьвся.
Не журыся, мій собою,

Я пидросту скоро,
 Не журься, мїя паночку,
 Пидросту я въ серпаночку,
 Пидростешь ты злого духа,
 Таки будешь коротуха,
 А до хлопцивъ реготуха,
 Не давномъ ся оженивъ,
 Пошламъ я рукою,
 Пошла жинка зъ борщомъ,
 А я за мукою.

СХІV.

Стояла тополя край чужого поля,
 А на тїй тополи чстыри сокола,
 Першїй соколъ польнуувъ въ виноградъ,
 А другїй соколъ польнуувъ на Дунай,
 А третїй соколъ польнуувъ на чистое поле,
 А четвертый соколъ польнуувъ подъ небеса,
 Зъ винограду летыть, курапатву несе,
 Съ Дунаю лыне, сребрный перстень несе,
 Съ чистого поля лыне, стаднаго коня жене,
 Съ пидъ небесивъ лыне, красную панну веде.

СХV.

Суха верба, мокра калюжа,
 Розгнивалася жинка на мужа,
 Взлизла на пичь будто не дужа.
 Да прынысы жъ, мила, меду,
 А она каже, головы незведу.

Да прынеси, мила, пива,
Дай мини попій, ледви я жива.
Да прынеси, мила, горилки,
Дай мини попій, шукай соби жинки.
Да прынеси, мила, дубину,
На твои сукни, на твою спину.
Встала мила якъ не лежала,
Обняла милого тай поцеловала:
Дай, Боже, здоровья изъ неба,
Що ты догадався чого мини треба,
Щобъ тая годына повикъ родыла,
Що мене молоду уздоровила.

СХVI.

Семень пивня продае,
А Семеныха не дае,
Ой, Семене, Семене,
Порадеяжъ ты и мене,
А я пивня не продамъ,
Въ мене пивень господарь,
И хаточку замете,
И смитычко винесе,
И по смитѣи ходыть,
И куречку водыть,
Курочка сопоче,
Бо пивныка хоче,
А пивнычокъ краче,
На курочку скаче.

СХVII.

Стоит явиръ надъ водою,
 Та вжежъ похылывся,
 Еще козакъ молоденькій,
 Та вже й зажурывся.
 Зелененькій явороньку,
 Чогось похылывся?
 Молоденькій козаченьку,
 Чого жъ зажурывся?
 Ой, якъ мни нехылытися,
 Вода корень мые,
 Ой, якъ мни не журытыся,
 Колю сердце мліѣ?
 Ой, поихавъ въ Московщину
 Козакъ молоденькій,
 Орихове сиделечко
 И кинь вороненькій,
 Ой, поихавъ въ Московщину,
 Да тамъ и загинувъ,
 Казавъ соби выкопати
 Высоку могилу,
 Казавъ соби посадыты
 Въ головоньку калыну:
 Будуть пташки прилитати,
 Калыноньку исти,
 Будуть мни приносяты
 Отъ родоньку висты.

СХVIII.

Та надъ риченькою та надъ быстренькою,
 Стоит голубъ сивый съ голубонькою,

Та голубъ гуде, а голубка не знае,
Ой, що голубъ голубку кидаетъ.
Та не кидай мене, голубъ, при лихой години,
Буду тобі годити якъ малой дытыни,
Ѣстоньки варыты изъ ярой пшеницы,
А питы носити съ холодной крыници.

Отрывки. (Смѣсь).

1.

Дубовое корыто полное воды налито,
Тамъ дивоньки ходыли, били нижки помыли,
А парубки пришли, помыи выпили.

2.

Добре тую кохати, що въ червонимъ кобязи,
А которая въ синю, не хай тая свынямъ.

3.

Вы, голуби, не ходите по хати,
Не збудите милого въ кимнати.

4.

Заглядалы сваты съ синей до хаты,
Чи тлуста капуста, чи зъ масломъ лемишка,
Чи велька верешка, чи на истся имъ свашка.
Казалы, що свашка велька, дидька она велька!
Въ черевички ся взула, якъ жаба ся надула.

5.

Зажену я квочку въ бочку, а курчатами звершу,
Скажи меня, Оксеночку, хто тебе шморгнувъ спершу.

6.

Пидъ сосною росла,
А недобрая до насъ пришла,
Ничого дивоваты,
Бо такая була й маты,
Напишите и въ реестри,
Бо такіе булы й сестры.

7.

На Петра хлибъ пекла, а на Ивана выбирала,
Посію я рожу, поставлю сторожу,
Стороною, дощчикъ, стороною,
Надъ моею рожею повною!

8.

Не ма найкрашчаго на взроду,
Якъ ясная зоря въ погоду,
А якъ мисяць взіиде, заря похмуріе,
Нема миленького, ажъ сердце мліе,
Ой, мліе, мліе, омливае,
Що вирного друга не мае.

9.

Приди, приди, сама буду,
Скину фартухъ, напну буду,

А зъ запаски зробию двери,
Сама ляжу на постели.
Приди, приди самъ самъ,
Чогось тоби дамъ дамъ,
Зеленого чесноку,
Припаде тоби до смаку.

10.

Ой, ты, диду бородаю, чи ты знаешь, що я маю,
Маю гроши съ панчишкою,
Пидъ колиномъ, пидъ мышкою.
Эй, старый, за волами; старый разстогнався,
Эй, старый, ходы спаты, старый размѣявся.

11.

Ой, шастъ, кума дасть,
Почереви клецкомъ,
Якъ зробимо куми сына,
Назвемо стецькомъ.

12.

Сыдыть козакъ на могили, сорочку латае,
На украйну поглядае, раздобычь уграе,
Сыдыть пугачъ на убочу на витерь надувся,
Иде казакъ зъ украины, на лыхо здобувся.

13.

Гостецо Гостыце, щось у тебе блыщыться,
Яжъ бо того хотила, що бь у мене блыстило.

14.

Развивайся, зеленый дубе, на четыре лысты,
 Полюбивъ я дивчиноньку, не маю корысти,
 А ни ласкивъ, ни корысти, ни пожалованья,
 Чорнымъ очкамъ не ма спанья, нижкамъ спочиванья.

15.

Ой, въ саду, въ саду, зацвили волошки,
 Тымъ я тебе полюбила, що чарнявый трощки,
 Ой, въ саду, въ саду, зацвили ягидки,
 Тымъ я тебе полюбила, що чортъ знае, съ виткиль.

16.

За моремъ гуска летила,
 Съ перцемъ капуста кипила,
 Чи съ перцемъ, чи не съ перцемъ.
 А бы съ щирымъ сердцемъ.

17.

Прогнивався мій милый на мене,
 Не говорить три дни до мене,
 Пущу я два лебеди на ставъ,
 Чи не буде мій милый до мене ласкавъ.
 Поплынули лебеди зъ водою,
 Не говорить мій милый зо мною.

18.

Ой, пасутся сиви волы, траву вымынають,
 А вжежъ мою дивчиноньку инші одлюбляють.

Ой, паситесь сиви волы, не бійтеса вовка,
А якъ пиду до дивчины, болить ми головка.

19.

Мои пидкивоньки, чомъ не крешете,
Мои ворожеськи, чомъ не брешете?
Вжс вороженьки набрехались,
А пидкивоньки накресались.

20.

Развивайся, сухій дубе, на ничь морозъ буде,
Куды идешь, козаченько, беда тоби буде.
Ой, ни одну дивчиноньку биду бидоваты,
Пидвазавши халявоньку въ село вандроваты.

21.

Свитыса, зоренько вечеровая,
Наша дивчина хлопчину очаровала,
Чи зильечкомъ, чи кориньечкомъ,
Чи билимъ лычкомъ, чи чорнымъ очкомъ.

22.

А скынь, милый чорнобривый, сиву епанчу,
А прикрый тую бесидоньку, не пусты дошу,
Ой, счаслива та годынонька, где ридъ съ родомъ пье,
А на тую бесидоньку гримъ и туча не бье.

23.

Чого ты за мужъ ишла,

Колы у тебе не обросла,
Я знаю такое зилье,
Що обросте за весилье.

24.

Та не тешетеса, вороги,
Везе зять тещи пироги,
Хоть непшенични та ячни,
А бы булы вдячни.

25.

Постелю я коберець,
Посыплю я червець,
Червець червоніе,
Нашъ ридъ веселіе.

26.

Доброй маты дытына хоть по ночи ходыла,
При соби цвоточки носыла,
Просыли ея хлопца, не дала,
Гарнымъ шелкомъ ниженьки звязала.

27.

У нашего роду нема переводу,
Якъ маты, такъ дочка, якъ червона малыночка.

28.

Хоть їдъ родоньку, хоть неїдъ.
Раздеръ Ивасю по гуску якъ медвїдъ.

29.

Упала зоря съ неба, нікому свитыти,
Нема мого миленького, ни съ кимъ говорити,
Нема мого миленького, нема мого пана,
А вжежъ тая постилонька порохомъ припала,
Нема мого миленького, не ма моею душки,
На щожъ придадутся пухови пудушки.

30.

Ой, казала дивчинька, що кабакъ не дорисъ,
Онажъ ему кабакъ дала, що винъ ледви донисъ

31.

Уполи дві тополи, третья конопелька.
Плаче дивчина, що дыгына умерла.
Не плачь, дивчиньку, не вдавайся въ тугу,
Скльчъ хлопцівъ на толоку, зроблять тобі другу.

32.

Не була я въ доми на своїхъ заручинахъ,
За Дунаємъ була, полотенце билила,
Голосъ мене загодить, лыбонь батенько кличе:
Иди, доню, до дому, маешь гостеньки въ дому,
Сами ихъ выряджайте и по хустонци дайте.

33.

Ходыла Ганцюня по вересу,
Загубила свою красу ище до часу,
Понхала маты дочки оглядаты,

Привезла клубокъ нитокъ дочки зашивать,
И клубокъ згубила и дочки не зашила,
Роди, доньиньку, щось робила,
поки будешь жила.

34.

Хвалю Бога, оженила сына,
Теперь мини прибула сила,
Не буду воды носитьи,
Не буду дужи мисыти,
Не буду хаты месты,
Только буду порядокъ весты.

35.

Шумыть зелена дубрѡва, самъ князь ѣде по дрова,
Ой, не шумите, луги, не задавайте туги,
Бо я и такъ тугу маю, бо милого не маю.

36.

Шумыть вода, гуде вода, колесо облызае.

37.

Ой, въ поли два явора, третья сосна,
Не для тебе, вражій сыну, я молода взросло,
Ступай, коню воренькій, ризвою стопою,
Любя мини розмовонька вдовонька съ тобою.

38.

Хоть бы пришло погибати по самы уха,

Таки пиду до дивчины хотя й завирюха,
Хоть бы пришло погибаты по самыя очи,
Таки пиду до дивчины темнеькои ночи.

39.

Ой, коню мій сывый, будь ми счастливый,
Занеси мя, занеси до моей дивчины,
Ой, вдари копытами передъ воротами,
Щобы вишла дивчинонька съ чорными бровями.

40.

На гори керниця,
Коло неи пшениця,
Жалы сю женци,
Та сами молодци,
Хлопци усаты,
И дивки косаты.

41.

Та не дымъ то ся курить, панъ панъ то ся журыть,
Якъ пива наварити, горивки накурити.

42.

Добра нивка була, сто кипъ изродила,
Що копа, то колода, панови нагорода,
Запрягайте волы, їдте по пидпоры,
Стиртоньку пидпираты, вязальникивъ поспрашати.

43.

У нашего пана золотая брама,
Золотая приспа сило вязальникивъ триста,

Добру доленьку мае, рано съ поля собирае,
Тильки доганочки, що жинки не мае.

44.

Горишокъ зелененькій, нашъ панъ молоденькій,
Лищина зеленѣйша, наша панна молодѣйша,
Щастье доленьку мае, за вшесу ся обжинае.

СХХ.

Тече вада риченька, ой, тече вона зъ тыха,
Который не бувъ въ Варшави, той не знае биды лыха.
Стоить сосна высокая, тай отъ витру хитається,
Идуть чумаки у варшаву, тай дороги пытаются,
По тимъ боци Устилуга все жолтые писки,
Туды гналы все по чотыри, а видтиль назадъ пишки.
Потимъ боци казимира туды все камени горы,
Вандровали вси туды въ жупанахъ, а видтиль назадъ голи.
Ой, дежъ бо вы, чумаченьки, ой, дежъ свои волы подилы?
У Варшави надъ выслою тамъ ихъ собаки поилы.
Ходить чумакъ по табори, хусточку свою мае,
Що погляне до колышки тай копѣчки не мае.
О, ну, хлопци, ну, чумаки, ой, ну, волы продаваты,
Далекая дороженька намъ до дому вандроваты,
Ходить чумакъ по рыночку и хусточку свою мае.
Ой, ну, хлопци, ну, чумаки, ой, ну, гроши заробляты!
Научитесь, наши жинки, сами дома бидоваты.

СХХІ.

Темная ничка петривочка,
Не выспалася невесточка.

Встань, неvistочка, бодай не встала,
Подій коровы, що оть батька нагнала,
Сукала шнуры шелковые,
Путалы кони вороные.
Ой, скакавъ коникъ по пидъ гречкой,
А за нимъ хлопецъ съ гнуздечкой:
Постій, кошу, загнуздаю,
Поядсмо до Дунаю,
До дунаю воду пыты,
А до Логвина дивки любиты.
А въ Логвини дивки богати,
Крають ручныки зъ риднички,
Торочать торочки съ кропивочки.

СХХІІ.

Татаровько иде,
И волюньку веде,
У волюньки коса
До самого пояса,
За нею батенько ридненькій
У погоню иде:
Вернься, моя доненьку,
До свого домоньку.
Вернься, батеньку,
Мене не догонышь
И самъ себя утомышъ.

СХХІІІ.

Тамъ стояло ризно два дубочки,
Исхымылися верхи до купочки,

Прилетило да два голубочки,
 Силы воны въ поли на раздоли,
 Сидячи говорили:
 Беда тому да неженатому,
 А еще гирше що оженывся,
 Взявъ жинку да нелюбовную,
 Не билое лыченько да не черныя брови.

СХХІV.

Теперь же намъ три радости:
 Пичь бычка прививъ,
 А бовдуръ телушечку,
 Прыпичокъ ягнушечку,
 Коцюба яйца знесла,
 Помело кудкудахтало,
 Ступа на яйцахъ сидила,
 А макогинъ оженывся,
 Качалочка грала,
 Макитра скакала,
 На двое ся распала;
 Та клищъ бубнить,
 Та комошка гуде,
 Гнида замужъ иде,
 А вошь радуется,
 Що невестка буде.

СХХV.

Терешева жона,
 Та нема ей дома:
 Сила на човнычокъ,

Поѣхала на ставнычокъ,
 Тамъ дытя коханое,
 Кашею годованое,
 Кашею молочною,
 Сытною и солочною;
 Тамъ ся я забарыла,
 Хустоньку зоставила,
 Боюся до дому иты,
 Бо буде мій мужъ биты,
 Щиткою гребинкою,
 Веретенюмъ кужилкою.

 СХХVI.

Тожъ пидлитае сивый соколъ пидъ вишневыи садъ,
 Тожъ пидмовляя ганнусеньку изъ садоньку,
 Тожъ не хочеться ганнусеньци изъ садонька,
 Тожъ не хочеться галонци изъ вишневого.
 Тожъ пидѣзжае Грыщуне пидъ тещивъ двирь,
 Тожъ пидмовляя ганусю видъ батенька.
 Тожъ не хочеться ганнуса видъ батенька,
 Тожъ не хочеться гануса видъ ридного:
 У мого батенька раннее сниданье, частое гулянье,
 Часты таночки, а рутвяни виночки,
 У мого батеньку всюды горы та гулятоньки до воли,
 А въ свекорка всюду ривно та и гуляты не вильно.

 СХХVII.

Тихо, тихо Дунай воду несе,
 А еще найтыхше молода косу чеше,
 А що начеше на Дунай несе:

Плыви, косо, тыхою водою,
 А я вслидъ за разъ за тобою;
 Встань, косо, послухай, що татонько говорить,
 Татонько говорить, жалобненько плаче:
 Годовавъ дытя не рикъ, не четири,
 А отдавъ дытя не дня, не годыны,
 А людямъ послуга,
 А мни на сердцю туга.

СХХVIII.

Тече ричка не вельчка,
 Поставлю я ятирь,
 А хто мене не полюбыть,
 Трясця его батька й матирь.
 Тече ричка не вельчка,
 Схочу перескочу,
 Витдай мене, моя маты,
 За кого я схочу.
 Дала мене моя маты
 За кого я схтила,
 Шумить, шумить нагаечка
 Коло мого тила.

СХХIX.

Ходить блудить козакъ по дуброви,
 Выблудився зъ дубровы на поле,
 Ажъ тамъ дивчина зеленый макъ поле.
 Ой, дивчина, переночуй мене.
 Козаче, боюся не славы,
 Буде на тебе и на мене.

Дивчина, не бійся ничего,
 Збудышть мене завтра рано,
 Такъ рано, щобъ ище не свитало,
 Щобъ козаки у походъ не вставали,
 Щобъ козаки коней не сиджали.
 А дивчинонько тверденько заснула,
 Нечула, якъ ничка минула.
 А крикнулы голубы сывеньки,
 Пробудився козакъ молоденькій.
 Гдесь козака невинне любила,
 Що такъ рано не збудыла.
 Горами, козаче, горами,
 Перелета дорога горами,
 Е у мене кони вороные,
 Перескочуть гороньки лихіе;
 Низомъ, козаченько, низомъ,
 Перетята дороженька хмызомъ,
 Е й у мене коныкъ вороненькій,
 То видопче той хмызъ зелененькій.

 СXXX.

Лебедю, лебедоньку,
 Чи бувже ты на Дунаеньку?
 Чи бачивъ же ты свою лебидоньку?
 Ой, бувъ же я на Дунаю,
 Бачивъ же я лебидоньку свою,
 Скоро я на Дунай влынувъ,
 Лебедонька въ ракиць пошла,
 Тильки почувъ, якъ водонькою зашумила,
 Якъ крылочками задзвинила.

СХХХІ.

Хылилася береза своею зеленою дубровою;
 Дьякуюжь тобі, зеленая дуброва, за мое постоянье!
 Кильки я у тебе стояла, буйного витра не знала,
 Тильки я знала дождивко дрибненькій
 На свій лысть зелененькій,
 Тильки жъ бо я зеленое витячко годовала.
 Дьяковала марыся ридненькому батенькови:
 Дьякою жъ тобі, мій батенько, за твое годованье,
 Кильки жъ я у тебя бувала, лихого словця не знала,
 Тильки жъ знала, що суботоньку русу косу чесала.

СХХХІІ.

Хвальылася береза своими вихами
 Передъ дубами.
 Хвальысь, не хвальысь, не ты ихъ кохала;
 Кохали вихи буйные витры,
 Буйные витри, дрибные дощи.
 Хвальылася Олена своими косами
 Передъ молодцями.
 Хвальысь, не хвальысь, не ты ихъ кохала;
 Кохала косу ненька старенька
 Темной ничи при ясной свищи,
 Ясного сонця коло виконця.

СХХХІІІ.

Частые да густые
 На небѣ зирочки,

Частнѣйшіе да густѣишіе
 На короваѣ шишечки.
 Ой, пичь наша регоче,
 Короваю хоче,
 А припчоць усмихається,
 Короваю сподивається.
 Ой, пытався коровой перечи,
 Чи далека доряженька до печи.
 Дайте пирога попыраться,
 Пиду до печи женихаться.

СXXXIV.

Черезъ тихій дунай сухіе кладочки,
 Я молоденька перешла стыхенька,
 Несла я ключи не побрязкаючи,
 А своего миленькаго не пробужаючи,
 Бо пробудивши тяжко приспаты,
 Не пускае мене молодой на улыцю гуляты,
 А хоть и пустыть, то не забавляйся,
 За годиновку до дому вертайся,
 А я молода була, та загулялася,
 Вже година минула, до дому не верталася,
 А якъ заря взошла, до дому пришла.

СXXXV.

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ!
 На загуменку плуженько оре;
 Щедрый вечеръ, добрый вечеръ!
 А Божая мати истоньки несе,
 А святыи петро погоняе,

И принесла до нихъ исты,
 И каже: орте, дитоньки, горы,
 Горы, долины и широкіе нывы,
 Будемъ сіяты жито пшеницю
 И вшеляку пашницу.
 Будуть брони бороновать,
 Будуть копоньки якъ зороньки,
 А женщяки якъ овечечки.

СХХХVI.

Породыла червчаточка семеро дитей,
 Евдосю, Хведосю, Варварыны,
 Елыну и Гапію, Анастасію, Ганнусю мою.
 Ой, тожь породыла, погодовала,
 Ой, погодовавши за мужъ повитдавала
 Евдосю за Дацька, Хведосю за Грыцька,
 Варварыню за Ивана, а Елыню за Романа,
 А Ганнусю за Демида, Анасію за Давида,
 А Ганнусю за Самійла.
 А звиль, червчаточка, твой зяті?
 Съ Переяслава панъ Дацько, съ Цвитина панъ Грыцко,
 Съ Стародуба панъ Иванъ, а съ Кіева панъ Романъ,
 А зъ Варшавы панъ Демидъ,
 А за Львова панъ Давидъ,
 А съ Кракова панъ Саміилъ.
 Ой, тамъ ходывъ духъ святий спасъ,
 Спасы, Боже, той усихъ насъ,
 Напередъ Червчатку, а за нею охоту,
 И пана Ивана, и зятей, и дитей,
 Прысичныхъ гостей.
 Що строино, то гоинно, паны їжджалы
 На воронихъ коныкахъ,

А въ червонихъ чобиткахъ,
А въ оксамитныхъ жупанкахъ,
Въ золотыхъ пояскахъ,
Въ соболевыхъ шапочкахъ.
Тамъ же була вся ревисія,
Тамъ же булы попы и вдовици,
Тамъ же булы и молодци,
Медъ вино пидпывалы,
Съ виномъ ся подхмелялы горилыцею;
Спомяни, Боже, всѣхъ моихъ дитокъ,
Спомяни, Боже, всихъ моихъ дочокъ,
Евдосю, Хведосю, Варварыню и Елыню,
Гапію, Анастасію и Ганпусю мою.

СХХХVII.

Я жита не сіяла,
Само жито родыть,
Я козака не чаровала,
Самъ до мене ходыть.
Не сіявши да не оравши
Не буде родыты,
Козаченька да не чаровавши
Да не буде любиты.
Я козака не чаровала,
Хиба моя маты
Брала писокъ
Съ пидъ билыхъ ножокъ
Да въ печи палыла,
Щобъ его душа и тило
До мене горило.

СXXXVIII.

Ой, лугомъ, лугомъ вода иде,
 А пидъ лугомъ стеничка,
 Ой, туды Гелена ходыла,
 Зъ луговою водою говорила,
 На море китаику стелила,
 Въ дуброви кильчужку садыла,
 Во Львови судно золотыла.
 Якъ я буду иты за нелюба,
 Не билися, китайко, на мори,
 Не брыни, кольчужка, въ дуброви,
 Не сiяй ты, судно, въ Львови.
 Ой, лугомъ, лугомъ вода иде,
 А по пидъ лугомъ стеничка,
 Якъ я буду итти за милого,
 Билися, китайко, на мори,
 Забрыни, кольчужка, въ Дуброви,
 Засiяй ты, судно, въ Львови.

СXXXIX.

Ой, маты, чумакъ иде,
 Ой, маты, рибу везе,
 А вся рыба судачина
 Посыпила пидъ очима.
 Ой, маты, волы пропивъ,
 За корову жупанъ купывъ,
 А все жупанъ натягаю
 Да корову вспоминаю.
 Ой, маты, маты моя,
 Докучила роскишь твоя,

Треба матку покидаты,
Роскишь твою забуваты.

CXL.

Ой, на гори нывка,
Сама матерынка,
Тамъ дивчина жито жала,
Сама чернобрывка.
Иде козакъ дорогою:
Помогай Богъ, жинче!
Она стала, витказала,
Бодай здоровъ, сердце.
Иде козакъ дорогою,
Пидкивками креше,
За нимъ, за нимъ дивчинонька,
Русу косу чеше.
Роса коса до пояса,
За поясомъ квитка;
Не зачепай, вражій сыну,
Бо засватана дивка.

CLXI.

Ой, розишлись мои роскоши якъ листь поводи,
Ой, утишились мои вороженьки въ моей пригоди.
Моя пригодонька, моя пригодонька якъ литня роса,
Где витерь пове, сонце пригріе, опаде вся.
Перестань, милый, голубоньку сивый, до иншой ходыты,
Буду съ тобою подъ присягою по щирой правди жити.
Ой, не по правди, ой, ты мій миленькій, та зо мною жи-
Минаешъ хату, минаешъ ворота, до иншой идешъ; [вешь,

До иншой пдучи та писеньку спиваешъ,
 Мини молоденькой тяжкій жалъ задаешъ.
 Ой, моя миленька, голубонька сивенька, обсади вишнями
 [двиръ,
 Щобъ не заходивъ пизде, незаносивъ витерь голосъ мій.
 Ой, садъ садила, я садъ пидлывала, не примався винъ;
 Кого я любила и ридъ его знала, не судивъ мини бигъ.

CLXII.

Пишли вивци въ полынку сами биленькіе,
 А за ними вивчарики сами биленькіе.
 Ой, чому вы, вивчарики, та не спиваете,
 Ой, де свои спиваночки та подиваете?
 Ой, мы свои спиваночки подинемъ, подинемъ,
 Въ полононці зъ овечками на швару посіемъ;
 Мы посіемъ спиваночки довгими нывами,
 Будемо ся умывати дрибными слезами;
 А муть туда вивчарики съ вивцями ходыти,
 Будуть наши спиваночки люди находыти,
 Муть за ными овчарики тай овечки пасты,
 Будуть наши спиваночки за капелюхъ класты.

CLXIII.

Гей, заржи, заржи, сывый кониченьку,
 По пидъ воротонька идучи!
 Гей, чы учуе жъ моя дивчинонька
 Вечероньку готуючи?
 Дивчина учула, тяженько зитхнула,
 Тай ревненько заплакала.
 Гей, гей, о мій мочный Боже,

Тожежь го вирно кохала,
 Буду постыти симъ поведяливъ,
 А осьмую недилоньку;
 Принеси, Боже, кого вирно люблю,
 Та до моего домопъку.

CLXIV.

Ой, ты дивчино зарученная,
 Що ты ходышь засмученная?
 Ой, якъ я маю весела буты,
 Кого я люблю, тяжко забуты.
 Ой, ты дивчино черныя очи,
 И въ день ся журишь и не спишь въ ночи.
 Черныя очи принаду дали,
 Душу й тило вразъ зъ житьемъ взяли.
 Ой, ты дивчино, мыслями блудышь,
 Сама не знаешь, кого ты любишь.
 Ой, знаю, кого кохаю,
 Ёно не знаю, съ кимъ житы маю.

CLXV.

Ой, знати, знати кто кого любитьъ,
 Близько сидае и приголубить.
 Ой, знати, знати кто съ кого квыться,
 Здалека сидае, вскосомъ дывитыся.
 Ой, знати, знати кто не жеватыйъ,
 Личенько ривное, самъ якъ панято.
 Ой, знаты, знаты кто оженився,
 Личенько змарнило, самъ зажурився.
 Ой, горе тому кто мае жону,

Втоптана стеничка до его дому.
 Ой, гирше тому, кто еи не мае,
 По ночи ходыть, тай ся розшибае.
 Ой, беда тому тай не жонатому,
 Якъ тому горшкови тай щербатому,
 Съ исподу кипить, зверху сбигае,
 Куда ся оберне, щастья не мае.

CLXVI.

Болят моя головонька,
 Оченьками мружу,
 Самъ не знаю, не видаю,
 За кимъ сердцемъ тужу.
 Ой, лебонто ты дивчина,
 Тай туги причина,
 Що отъ тебе не доходить
 Жадная новина.
 Тамъ то дивча, тамъ то брови,
 Тамъ то очи чорни,
 Тамъ то лычко румяное
 И слова выборни.
 Ой, дивчино, дивчинонько,
 Не задавай тугя,
 Не давайся на пидмову,
 Якъ тя схоче другій.
 Не журися, мій миленькій,
 Жа ты не здражаю,
 Ино только Бога прошу
 И тебе жадаю.

CLXVII.

Гей, на гори дубина,
 Край дубины долина,
 Край долины ставочокъ,
 Край ставочка млыночокъ,
 А въ млыночку мельнычка,
 А въ мельнычки двѣ дочки,
 Една звеся Ганнуся,
 А другая Маруся,
 Една пишла за пана,
 А другая за Ивана;
 Що за паномъ бидуе,
 За Иваномъ пануе.

CLXVIII.

Не шуми, луже, въ дубровонци дуже,
 Не задавай сердцю жалю, що я въ чужимъ краю;
 Бо я въ чужимъ краю якъ былина въ поли,
 А никому поради ти бидной головы.
 Ой, вниду, я вниду, на гору крутую,
 Ой, погляну, погляну, на воду быструю.
 Быстрая риченька, я на ню дывлюся,
 Таки миннѣ мысли пришли: пиду утоплюся.
 Ой, цыть, не топися, бо душу загубышь,
 Хоць мене вирне любишь але жити мусишь.

CLXIX.

Панъ пшениченьку віе,
 А пани видмитае;

Пань паню обіймає:
 Омитай пшениченьку,
 Купью ти спидныченьку.
 А яку? золотую,
 На паню молодую.

CLXX.

Гей, вниду я, вниду на гору високу,
 Тамъ я подывлюся, тамъ я подывлюся,
 Та въ скалу глубоко.
 Соколы літають, сумненько гукають,
 Гей, ено мини, мини молоденькой,
 Тяжкій жаль задають.
 Кто бы хтивъ звидаты, якій я жаль маю?
 Ото выпустыламъ свого соколонька,
 Вже го не спіймаю,
 А хотя й спіймаю, то вже не такого;
 Ой, що бы такъ приставъ щиренько вирненько
 До серденька мого.
 Гей, въ поли могила зъ витромъ говорила:
 Гей, повій, витре, гей, повій буйненькій,
 Що бымъ ся змнила.
 И витерь не віє, сонце допекає,
 Гей, та ено мене дивча якъ калына
 Квитомъ прикрыває,
 Квитомъ прикрыває и росить слезами:
 Милый въ той могили, квитъ на могили,
 Тай я буду звами.

CLXXI.

Мисяцю рароженьку,
Свиты намъ дороженьку,
Шоби ми сблудыли,
Виночка не сгубили.
Точеть ся винецъ точить,
Панови передь очи,
А чего винъ ся точить?
Бо горилоньки хочеть.
Нашъ Егомосць дзорца
Вижавъ пшеницу за сонца.
Печигоривскіе лѣниви,
Стоить жита два ниви.
Съ стрихи горюшки летили,
Бо женци горювки хтили,
Виночокъ на килочокъ,
Горювка на стилочокъ;
Не дайте намъ съ жбанка,
Не добра та горювка,
Даите намъ зъ барылочки
Доброй горюлочки.
Не ма пана дома,
Поухавъ до Львова
Медъ вино куповати,
Женщикивъ частовати.
А наша Имосць пышна,
За воротенька вийшла,
Ключиками подзвонила
И Богу ся помолила,
Що вже въ полю обробыла.
На двиръ, женчики, на двиръ,
Топкати зеленый моригъ

Гострыми гостроньками,
 Чорными чобитками.
 Нива ся хвалыла,
 Що добре зродыла,
 Еще ся хвалила,
 Лишше була родыла.
 Казала намъ нивка,
 Що е въ пана горилка,
 Въ свитлыци на полыци,
 Въ зеленій скляници.
 Намъ горивка не мыла,
 Насъ нива потомыла.

 CLXXII.

Сивый коню, сивый коню,
 Что ты задумався?
 Не мажъ мой дивчиноньки,
 Що я въ ни кохався.
 Сивый коню, сивый коню,
 Наижься оброку,
 Поженемся за дивчиной
 У землю глубоку.
 Сивый коню, сивый коню,
 Тяжко на тя буде,
 Поидемо разомъ зъ витромъ,
 Попасу не буде.
 Бигай коню, бигай коню,
 Бо вже вечеріе,
 Ой, тамъ сыдыть моя мила,
 Где зъ лиса зоріѣ.
 Виджу милу, вижу любку,
 Дывиться въ виконце,

Хоть такъ темно, хоть не видно,
Свѣтитъся якъ солнце.

СЛХХІІІ.

Шумыть, дымить по долинѣ;
Широкій листь на калыни,
Еще ширшій на явори.
Стоить мила на розмови;
Тече вода риченьками,
Плаче мила слезоньками.
Тихо, мила, не журися!
Я молодой не женывся.
Гдежь ты, мила, перебуаешъ,
Що у меня не буваешъ?
Пребуваю край Дунаю,
Тебе, сердце, вспоминаю.
Шо бы човно и весельце,
Ночовавбымъ въ тебе, сердце.
Ни я човна, ни порога,
Мушу ночоваты въ дома.
Приди, мила, подывися,
Якъ я буду женитися;
Кажу милу запросити,
Въ конецъ стола посадыти,
Кажу пива наварити
И горивки накуриты;
Кажу милій наливати
И жалосно заспивати;
Та горивка минн гирка,
А то пиво минн дивно;
Ще дивнїйши твои слова,
Шо ты не мїй, я не твоя.

Твои сестры говорили,
 Шо бы мы ся не любили,
 Та я люди такъ гадали,
 Шо бы мы ся не кохали.
 Твоя маты чаровница,
 Великая розлучница,
 Розлучила насъ съ собою,
 Не дала жити съ тобою.

CLXXIV.

Бодай ты ся когутыку на сидали скрутывъ,
 Шо ты мене молодую такъ раненько збудывъ.
 Ой, знаю когутыку, якъ рано вставаты,
 Якъ сонечко въ виконечко, а мылый до хаты;
 А я того мамо люблю, що раненько встаеть,
 Биленькими онучками ноги обвиваеть.

CLXXV.

За горою високою голуби литають;
 Я роскоши не знала, лита ся минають,
 Я роскоши не знала и не буду знати;
 Лита жъ мои, почимъ же васъ маю памятати?
 Литажъ мои молодые, тожъ ми жаль за вами,
 Що я соби не гуляла та у своей мамы.
 Лита жъ мои молоденьки, тожъ ми жаль за вами,
 Ой, такъ ми завше здоіе шомъ не була зъ вами.
 Литажъ мои молодые, лита молоденьки,
 Якъ васъ здыбле лыха доля, будте коротеньки,
 Якъ дасть Богъ лыху долю, то покоритесь,
 А якъ буде добра доля, ой, то продовжитесь.

Стоить верба въ концѣ гребни, що я ю садыла,
Не машь того, тай не буде кого я любила;
Кого жь бо я вирно люблю, то той за плечима,
А кого я ненавижу, той передь очима.
Гудыть голубь коло хаты, сивый и чубатый,
Якъ загудыть жалобненько, жаль мому серденьку.
Ой, хочь гуды, хочь не гуды, голубе небоже,
Кого жь бы я вирно люблю, не судивь мини боже.

CLXXVI.

Котылыся возы зь горы,
Поламали спыци;
А вжежь мини не ходыти
На ти вечерниці?
А вжежь мини не ходити
Куды я ходила?
А вжежь мини не любити
Кого я любила?
Котылыся возы съ горы,
На долини стали;
Кохалыся, любилыся,
Теперь перестали;
Когалыся, любилыся,
Якъ голубивь пара,
Ой, а теперь розишылыся,
Якъ чорная хмара.
Чорна хмара розійдеся,
Дрибный дожищикъ буде,
А зь нашого за коханья
Рано ничь не буде.
Два голуби воду пили,

А два колотили;
 Бодай ти посчезали,
 Що насъ разлучили.
 Ой, дежъ тая керниченька,
 Що голубъ купався?
 Ой, дежъ тая дивчинонько,
 Що я въ ни кохався?
 Ой, дежъ тая керниченька,
 Що голубка пыла?
 Ой, дежъ тая дивчинонька,
 Що мене любила?
 Сивый голубъ, сивый голубъ,
 Голубка сивійша;
 Милый отецъ, мила маты,
 Дивчина милійша.

 CLXXVII.

Биду соби купила та за свои гроши;
 Кажуть биду любити, беда не хорошій,
 И кривый, и слипый, ще до того горбатый,
 Якъ ся стане трипотаты, треба зъ хаты утикати.
 Я въ неділю пьяна була, въ понеділокъ спала,
 А въ вівторокъ спонивъ сорокъ пшеници нажала;
 Въ середу сушила, въ четвергъ молотыла,
 А въ пятницу продавала, въ субботу пропыла.
 За щожъ мене мужу быть, за яки вчинки?
 Чи я тобі не напяла за рикъ два починки?
 Не сама жъ пряла, кума помогала,
 То за масло, то сыръ, то за кусокъ сала;
 Не сама я пряла, прялы помощныци,
 То за муку, то за тисто, то за паляпыни.
 Чи я тобі не жена, чы не господиня?

Три дни хаты не мела, смитья по колина.
 Хоть я буду месты, то не буду несты,
 Купи, мужу, визочокъ, будемъ смитья везти;
 Купи, мужу, визочокъ и сиву кобылу,
 Вывеземо смитьячко на попову ниву.
 А попова ныва симъ лять не родыла,
 Якъ вывезлы смитья, пшеницю вродыла.

СЛХХVIII.

Черезъ садъ стеженька, иде дожчикъ сдрибненька;
 Ой, отвори, мужу, врата, бо иду пьяненька.
 Мужъ ворота отчиняе, свою жинку лае:
 Що ты, мила, та гадаешъ, що о дому ниць не дбаешъ?
 Все то черезъ хлопци та черезъ коханци,
 Що якъ пиду та зъ вечера, то приду ажъ въ ранци.
 Ой, взявся за рученьку тай повивъ до хаты.
 Цытьте, хлопци, не кричить, най ся выспытъ маты;
 Ой, идбыжь ты, мужу, добрый та взявъ батигъ довгий,
 А взявъ меня биты, не ходи до корчмы пыти,
 Ко бымъ ты не любивъ, заразбымъ тебе бивъ,
 Але но ты дуже люблю, биты ты не буду.
 Ой, ты не поповичъ, а я не попивна,
 Ко бысь мене хоть разъ выбивъ, не була бъ звавилна.

СЛХХIX.

Посіяламъ руту круту межи берегами;
 Ой, якъ тяжко мени житы межи ворогами.
 Щожь я маю тай бидненька зъ ними учинити?
 Кого жъ бо я вирно люблю, съ тымъ не дають жити.
 А вжежь моя рута крута береженьки поре;

А вжежь моїй вороженьци по пидь боки коле.
 Ой, пидужь я руты круты верхи позрываю;
 Вороженьки спати ляжуть, я ся погуляю.
 Ой, мисяцю, мисяченьку, заиды за комору:
 Не хай я си зь моимь милымь трохи поговорю.
 На щожь тоби, моя мила, собаки тримати,
 Маемо мы сосидоньки що вміють брехати.
 Коломь коломь по надь водомь та стежыньки выютси,
 Часомь душа невинная, люди набрешутся.
 Не хай брешуть, не хай брешуть, добрешутся лиха,
 А ти соби идьма піймо и любимся зь тыха.
 Скрыпые воротенька не могу заперти,
 Кого люблю, не забуду до самой смерти.

 CLXXX.

Глянь, мативко, на мій носажь,
 Всихь дружочокь плетена коса,
 А на мене така падтала,
 Що я свою рочесала,
 Кисками плечи окрыла,
 Слизками лычко умыла.

 CLXXXI.

Ой, гай, маты, о, гай, маты, ой, гай зелененькій!
 Ой, поихавь на украйну козакь молоденькій,
 Ой, поихавь, ой, поихавь, низенько склонився
 Та на быту дороженьку съ коня похилывся.
 Ой, дай, мила, ой, дай, мила, съ видра воду пыти,
 Та щей же я перестану за тобой тужити.
 Не дамь я ти зь видра воды, не казала маты,

Приди, прїиды самъ зъ вечера, буду чароваты.
 Чаруй, чаруй, дивчынонько, на четыре четверты,
 Шо бь ся долго не мучити, щобь заразы умерти.
 Обчарую руки, ноги, обчарую очи,
 Шо бь до мене не ходили темненькой ночи.
 Першесь мене голубила, самась ми мовила,
 Теперь хочешь шоби съ мене бильше невидила;
 И я тебе надъ свить кохавъ, булась мини мила,
 Бо мя дуже прижадила, самась ми мовила:
 Я иншого не кохаю, лышень тебе знаю,
 Якъ не буду зъ тобой житы, съ жалю умираю.
 Якъ узали билши люди къ тоби прибувати,
 А ты мене молодого взяла чароваты.

 CLXXXII.

Летивъ, летивъ соколонько высоко зъ орлами,
 Ударився въ оболono сивыми крылами.
 Ударився въ оболono сивыми крылами;
 Выйди, выйди, сердце мое, съ чорными бровями!
 Выйди, выйди, сердце мое, хотъ съ видромъ по воду,
 Не хай же я подывлюся на твою уроду.
 Ой, выдаться, що хмурьтця, дощикъ покрапляе;
 Ой, выдаться, що сердьтця, зъ взскоса поглядае,
 Ой, выдаться, що сердьтсья миленька на мене;
 Ой, якъ взгляне, сердце вяне въ ней и въ мене.
 Плыне човенъ, воды повенъ, а за ними весельце;
 Чомъ ты мене такъ не любишь, якъ я тебе, сердце?
 Плыне човенъ, воды повенъ, кобы не звернувся;
 Щобъ мій милый чорнобрыый похутко вернувся.

CLXXXIII.

Рутку сію, рутку сію, рутку пидливаю,
 Рости, рутко, зелененька, на зиму сховаю.
 Молодая дивчинонька рутку пидливала,
 Молодому козакови коника тримала.
 Ой, перестань, дивчинонько, рутку пидлывати,
 Ой, щезь я перестамъ тяженько вздыхати;
 Возьму коня до дунаю заведу доставу.
 Завивжесь мя, козаченьку, въ вельку неславу.
 Сама ты ся, дивчинонька, въ неславу водыла,
 Що пизненько не раненько зъ корчмы выходила.
 Якъ я мала изъ корчмоньки раненько ходыти?
 Возьмешъ мене за рученьку, не хочешъ пустыти.
 Ой, мала ты добрый разумъ въ своей головонци,
 Було бъ мене не слухати въ моей розмовонци.
 Ой, мала я добрый разумъ та пустыла въ воду,
 Дывуючися, козаченько, на твою уроду.

CLXXXIV.

Половынный мисяченько на неби
 Половину земли освитывъ,
 Прыйшовъ надъ море не спочивъ.
 Ой, мій милый Боже, коби цылый
 Шобымъ земленьку освитывъ,
 Прыйшовъ надъ море тай спочивъ.
 Ой, единъ Ивасенько у батенька
 Половину роботоньки зробивъ,
 Пришла субота, не спочивъ.
 Ой, милый Боже, кобы насъ двое,

Шоби ми роботоньку зробили,
Приде субота, спочили.

CLXXXV.

Ой, зійдымось, подруженьки,
Заспиваймо петривочки.
Ой, сынесенькій пролисочку,
Чи гараздъ тобі у лисочку?
Ой, такъ же мини у лисочки,
Якъ тїя невести у свекрухи:
Що пизю ляже, рано встане,
Рано встане, пиздно ляже, дило робыть;
Ужежъ вона дило поробыла,
Своей свекруси невгодыла.
Ой, сынесенькій пролисочку,
Чи добре тобі у лисочку?
Ой, добре мини у лисочки,
Якъ тїй дивоцци у матери,
Що рано ляже, пизно встане,
А пизно встане, дила не робыть,
А вжежъ вона своїи метенци угодыла,
Ще жъ вона дила не дилала,
А вже молодая поснидала.

CLXXXVI.

Ой, пидъ гаемъ, гаемъ, гаемъ зелененькимъ,
Плыне Дунай чистый да быстренькій;
А надъ тымъ Дунаемъ яворъ зелененькій,
Пидъ яворомъ, пидъ яворомъ коникъ вороненькій;
На конику сыдыть козадъ молоденькій,

Сыдыть, сыдыть на конику, а въ кобзоньку грас,
 Струна въ струны промовляе, дивчины пытае:
 Дивчинонько моя, чи ты любишь мене?
 Скажи правду, чи пидешь за мене?
 Я и сама не знаю, що чинити маю.
 Маю жь я отця и матку, пиду запытаю,
 А ты, козаченьку, также не спишыся,
 Маешь ты родыноньку, пиди порядися.
 Тильки у мене и родоньки, що кинь вороненькій,
 Якъ усяду тай поиду козакъ молоденькій

CLXXXVII

Мала нячка петривочка,
 Да не выпалася наша дивочка,
 Не выпалася, не нагулялася,
 Пришла до дому, батенька боялася.
 Ой, дубровна зозуленька, не куй равно у дуб-
 Не сбуды жь мене молодой, [рови,
 Избудять мене ранній тебе.
 Устань, невѣхно неработнице,
 У моемъ доми не кукольніце!
 Уже корови у дуброви,
 Уже овечечки у чистомъ поли,
 Уже и плугатары у толоци,
 Уже и твій миленькій по тимъ боци,
 Да ни переплысты, ни перебресты,
 Ня рученьку даты утопаты.
 А ты, доненько, знай отгадати,
 Що я неутонька упоринати,
 Съ ледомъ воды доставати.

CLXXXVIII.

См ѣсь.

1.

Ой, ты, горо каменная, чомъ ся не лупаешъ?
Ой, скажи ми, дивча, правду въ кимъ ты ся кохаешъ?
Хиба бы я зъ писку була, шобы ся лупала,
Хиба бы я дурна була, шобы ся признала.

2.

Ой, я жита не сіяла, само жито сходыть;
Я козака не червала, самъ до мене ходыть,
Я не вмила черовати, ани моя маты,
Не учила то я сосидонька изъ третей хаты.

3.

Колы жъ мене, сердце, любишъ, не кажи никому,
Бо то люди порозносять, якъ витерь солому.

4.

Бида жъ мни молодому, бидажъ мни, бида!
Не кажутъ ми та любити дивчину въ сосида.
Якъ въ сусида не любити, колы сусидъ близкій,
Та въ сусида гарна дивка, тай перелазъ низкій?

5.

Ой, у поли дvi дорози, третья поперечна;
Чи будешъ ми, дивчинонька, на осень беспечна?

6.

Рубай, сыну, яворину, роби, сыну, клынья;
Возьми соби сыроточку, буде господыня.
Не съ каждой яворины буде, ньько, клынья;
Не съ каждой сыроточки буде господыня.

7.

Стоять дивка коло танцю, голова биліе,
Якъ погляне на парубка, якъ мало не мліе.

8.

Повій, повій, витре, по высокої гори,
Та росчеши кучерики по моеї голови.
Хоть я буду та по гори высокої віяти,
Таки треба кучерики гребенемъ чесати.

9.

Шумить мини, якъ во млыни, въ моеї головоньци,
Не могу я привикнуты въ чужій стороньци.

10.

Ой, мисяцю, переградься на дви половини,
Одной свиты мыленькому, а другою мини!

11.

Ой, хлопчину, хлопчиньку, такесь ми миленькій,
Яко въ ляти при дорози явирь зелененькій.

12.

Кобымъ була така красна якъ зора ясна,
Свѣтыла бымъ знаю кому, николы не згасла.

13.

Кобы знала моя мыла, якесь ми милая,
Яко въ лити при дорози вода студенная.

14.

А якій ты гидкій бридкій, я тя прекрасила,
Билымъ лычкомъ, якъ сонечкомъ, чорными очима.

15.

Повій, витре буйнесенькій, виткиль я тя прошу,
Розвій тугу, розвій тугу, що на сердци ношу.
Повій, витре, изъ за горы, виткиль ты жадаю,
А то зъ тоей стороненьки де милого маю.

16.

Ой, не ходи коло воды билыми ногами,
Не урывай сердця мого чорными бровями.

17.

Ой, вже мини не ходыты зеленымъ потокомъ,
Ой, вже мини не любити, та мужъ пидъ бокомъ.

18.

Ой, хлопець хлопціоватый тай не волоцюга,
 Где хороше дивча чую, тамъ ничку ночую.
 Одну ничку на запичку, а другую въ кутку;
 Обицявъ я черевички, гиренькіи мѣи смутку.

19.

По тимъ боци Днистра воды Гильтай сино косыть,
 По сямъ боци днистра воды дивчина голосыть;
 Бодай сино огнемъ сило, коса зломилася,
 Що бы моя дивчинонька тай не журилася.

20.

У которой дивчиноньки брови надъ очима,
 То тажъ мене дивчинонька тай розволочила,
 То тажъ мене дивчинонька той розволочила,
 Та чого я въ свити не знавъ, того научила.

21.

А не кури, Війку, люльку въ моей хатычини,
 А не викури очи чорни молодой дивчини.

22.

Пишла бы я на кладочку, кобы не упала,
 Пишла бы я за наймыта, кобы не пропала,
 Бо въ наймыта воливъ не ма, сорочка не шита,
 За наймитомъ дивчиночка сямъ разъ на день бита.

23.

Ой, засвяти, місяченьку, тими долинами,
Куды иде мій миленькій на нічъ и зъ волами.

24.

А якъ идешъ, любко, на нічъ, заграйже въ сопилку,
А я выйду послухаю, чи ты тамъ, сокилку;
А якъ идешъ, любко, на нічъ, заграйже въ листочокъ,
А я выйду послухаю, чи твій голосочокъ.

25.

Пане брате, товаришу, мы товарищимо,
А возьмимъ ся по дивчини та господаруимо.
Ой, я возьму тай дивчину за білу ручину,
Переведу тихій дунай тай быстру ричину,
Переведу, переведу тай ся не замочу,
Шо бы люди не казали, що я ся волочу.

26.

Гей, гину, мати, гину за дивчину катерину!
Гей, сыну, не загинешъ, бо ты ей самъ покинешъ.
Выдишъ, маты, що загину за дивчину катерину,
Гей, зъ горы на долину тянуть мене за чуприну.
Нащо мене, маты, маешъ проклинаты?
Видай Касю за мене, будешъ наша маты.

27.

Гей, далека дороженька видъ вислы до днестру,
Пустывемъ ся тай безъ весла на риченьку быстру,

Ни для того бымъ свить звидавъ, ни для того краю,
Ино для той вышеньки, що надъ Днистромъ маю.

28.

Ой, дивчина красна, де ты волы пасла?
Пидъ дубками съ парубками, де травиця красна.

29.

Продай, мама, дви коровы, купи мини чорни брови:
На колодци стояти та на хлопцивъ моргати.
Продай, мати, дви тельци, купи мини шнуровици:
Въ мене цыци трясуться, зъ мене хлопци сміються.

30.

Ой, иду я до керници по студенну воду,
А мій милый чернобривый кругляе колоду;
А ему не казала: помогай Бигъ, любку.
А винъ другу обіймае, якъ голубъ голубку.
Та най же ю обіймае, якъ самъ соби знае:
Е у мене липшій красшій, що мене кохае.

31.

Не такъ больть, якъ укусыть лютая гадина,
Ой, якъ больть, якъ счаруе любая дивчина.
Якъ укусыть гадянонька, знайдешъ въ зилу лики;
Якъ счаруе дивчинонька, пропадешъ на вѣки.

32.

Коби мини зранку горилочки въ дзбанку

И до того люлька, дивчина ганнулька,
 Горилочку пивбемъ, тютюнецъ курывбымъ,
 Дивчину ганнульку до себе тульывбымъ.
 Кобы мини зъ ранку ковы филижанку,
 Сухарця до того, хлопця молодого,
 Кафонкубымъ пила, сухарець бимъ ила,
 Хлопця молодого до себе тулила.

33.

Ой, тамъ за ричкою сидить молоденька,
 Черезъ ричку подай ручку, дивчина мыленька.
 Рада бы я рада и оби подати,
 Седьтъ въ хати пидъ виконцемъ ридненькая маты.

34.

Ой, пидъ лисомъ, лисомъ дубиною,
 Косивъ ячминь сокирою,
 А дивчина громадила,
 Козаченька принадила.
 Ой, козаче черноусый,
 Чомъ у тебе жупанъ кусый?
 Мене дивки пидпоили,
 Жупанъ мини пидкроили.

35.

По пидъ садъ виноградъ по воду ходыла,
 Ой, не давъ же мини бигъ кого я любила,
 Але давъ мини бигъ кого я не знала,
 Гото за мій перебирь, що перебирала.

36.

Кобымъ не пывъ, мене не бивъ, то бымъ ты любила,
 То бымъ тоби що недилн головоньку змыла,
 Головоньку змыла, сороченьку дала,
 Росчесала кучерики, тай поцеловала.

37.

А на сгножати твердо лежати,
 А на копыци краше гузыци.

39.

Да встань, Хомко, да бижи швидко,
 Да скинь штанину да покажи повинну,
 Ажъ тая новина по сами коляна.

40.

Ходить садовникъ по саду, грушки черешни личить.
 Ой, вси грушки, вси черешни тилько едную снято.
 Ходить батенько по новой свитлонци, всю челядь личить.
 Вся чалядонька вся биленькая, тилько ганцю взято.

41.

Чи такъ у васъ якъ у насъ на тій коломыи,
 Любивъ козакъ дивчиноньку, а она впала въ помьи.
 Чи такъ у васъ якъ у насъ по полю кропивка,
 По шелягу молодець, по три копы дивка.

42.

Чистая водыця на писку,
Хорошая пшениця въ колоску,
А высокіе стоги на гумни,
Выши жъ нашъ коровай на столи.

43.

Въ мене полы зашитые, стоятъ ложки не мытые
смитьячко въ купци; наихали купци
митя куповаты.
До жъ тоби, щebetухо, за смитьячко дати?
Юды хипъ, туды хипъ, за смитьячко девять кипъ,
десята кипка, що выбрала титка.

42.

е ходы по леду, позавалишься.
и ты мене вирно любишь, чи ты званьшься?
ь огороди бузина коренистая,
ортова дивчина норовистая;
ь огороди бузина пересаженная,
ортова дивчина переряженная.

43.

Стукнули ангели въ неби,
Збудили батенька въ гроби.
Вставай, Батенько, до суду,
Бде твое дытятко до слюбу.

44.

Покирися, домашенько, покорыся,
 Своей ненци поклонися,
 Оглянься назадъ себе,
 Стоитъ родынонька коло тебе,
 Склони ся дома.

45.

Мылила вада мылила,
 Маты до дому велила:
 До дому, суки, до дому,
 Мишайте свиньямъ полову.
 А вы, хлопци, за нами,
 Ъжте полову зъ свинями.

46.

Ой, выидите, безштаньки, заспиваймо веснянки,
 Зимовали, ключья пряли, не спивали.
 О, выидите зъ штанами, заспиваймо зъ вами,
 Зимовали, ключья пряли, не спивалы.

47.

Черезъ улыцю метелюха струже;
 Ой, видчины, милый, бо пьяна дуже,
 Ой, видчины, милый, та своей коханци,
 Я пійшла зъ вечера та пишла у ранци.

48.

Не жаль мини дороженьки що закурилася,

Жаль мѣни дивчиноньки що зажурилася;
Не жаль мѣни дороженьки що пыломъ припала,
Жаль мѣни дивчиноньки що зъ лыченька спала.

49.

Сбиралася громада,
Живка мужа продала
За три деньги безъ шага,
Накупила пашеньки,
Наробила браженьки,
Закликала симъ панивѣ,
А въ тихъ панивѣ симъ хохливѣ,
И браженьку попыли,
И бражняку побыли.

50.

Десь у тебе, козаченьку, не ридная маты,
Що якъ станешъ на каменѣ, той пидкивки знати.

51.

Ой, козаче гарный, не ходи до Ганны,
А ходы до марушки на бѣлы подушки,
А въ марушки душки четыри подушки,
А пята маленька, сама молоденька.

52.

Ой, дивчина кумына, тутъ була та нема,
Тутъ вертилася та не знаты де дилася.
Ой, козаче сердыня, возьми мене на коня.
Ой, дивчино машко, на коника важко.

53.

Выйди, ой, выйди, ясная зирка,
Нехъ ты забачу хоть черезъ кватырку.
Взойди, взыйди, ясное сонце,
Нехъ ты забачу хоть чрезъ виконцо.

60.

Ой, лисомъ иду, соби гуду,
Чорни лисы розлягаются,
Ой, хожу я до дивчины,
Вороженьки посмиваются.

61.

Стану я на бервено, бервено перехылится,
Иде мій милый коло ворить и на мене не подывется;
Стану я на бервено, бервено перевернется,
Стоить милый съ ишою, видъ мене отвернется.

62.

Ой, чого ты поскрыпуешъ ты, яднава хата?
Нема добра въ нашемъ сели, бо панивъ богато.

63.

Повій, повій, буиный витре, по высокій гори,
Да роччеши кучерики по моей голови.
Хочь я буду да по гори высокій вѣяти,
Таки треба кучерыки гребенемъ чесаты.

64.

Якъ идите, хлопци, въ танецъ, берить рукавыци,
Маты стоять якъ коровы, дочки якъ тельци.

65.

Ой, пиду я на ярмарокъ й тото упьюся,
Покажу вамъ тїи штуки що перевернуся.

66.

Ходыть волыкъ по надъ дунай, сумненко борыче:
Выйди, выйди, дивчынонько, бо тя хлопецъ клыче.
Ой, не вишла дивчынонька, ено ей маты:
Кому треба моей донька, пай иде до хаты.

67.

Ой, не куры, Вуйку, люльку въ моей хатчыны,
Не выкури очи чорни молодїй дивчини.

68.

Ой, ишовъ я черезъ село та ми було стыдно,
Несу курку подъ полою, а їи хвостыкъ видно.

69.

А въ пана пана,
Собака пьяна
Лежыть на саняхъ
Въ червоныхъ штаняхъ.

70.

Апанась волю пась, катерина бычки;
 Пострывай, невтыкай, куплю черевички.
 Ой, пйшовъ Апанась по горилку для насъ,
 Зачепывся за пень дай стоявъ цилый день;
 Пйшла жинка отчепыла, дай по шій набыла:
 Иду, дурню, до дому — плачуть диты за тобою.

71.

Чого жь вража кудла бреше?
 Ажъ до мене мылый чеше;
 Выйдужъ зъ хаты подывыться,
 Щобъ въ годину незмельця.

72.

Не буду ся женыты, бо мини ниць зъ того,
 Не стае ми десять грошей до пивзолотого.
 Гобъ чукъ кумудра чумудрыха молода.
 Недавномъ ся оженывъ буде рикъ въ петривку,
 Ой, заберу диты въ торбу, пиду на вандривку.
 Гопъ чукъ чумудра чумудрыха молода.
 Тай выиду я на село, стано ся на горби,
 Оглянуся за себе, чы суть диты въ торби.
 Гопъ чукъ чумудра чуму дрыха молода.

CLXXXIX.

Вербовая кладка, гныся не ломыся,
 Мене мати, да не ридная,
 Шлетъ мене да поводицю

Зъ великими да видерци,
 Вельть повни браты,
 Да не отдыхаты,
 Да не вельть отдыхати,
 Зъ миленькимъ розмовляти.
 Вербовая кладка, гнися да уломися,
 Мене мати, да ридненькая,
 Шлетъ мене да по водицю
 Зъ маленькими да видерци,
 Да вельть полни браты,
 Да вельть отдыхати,
 Да вельть отдыхаты,
 Зъ нелюбомъ розмовляты.

СХС.

Взійди, мисяцю, не вечерися;
 Идъ же, Ивасю, не становися,
 Не пасы коня у чистого поля,
 Попасешъ коня у теста на двори,
 У теста на двори, на шелковой травѣ.
 Ой, идъ, сыночку, въ счастливу годиночку,
 Часъ привизъ любую дружиночку.
 Съ князева двора сивъ кинь выступае,
 Не самъ же винъ выступае,
 Староста выѣзжае.
 А у нашего Ивася чорненькіе очи,
 Не боитесь ни видъ темной ночи,
 Ёде до милой хоть о пивночи.
 Чого жъ я маю ночки бояться?
 Сивъ кинь пидо мною, милъ Бигъ надо мною,
 Моя сванечка поручъ за мною.
 Засвети, мисяцю, съ ясною зорою

Надъ мою головою,
 Повій же, витроньку, стиха по маленьку,
 Та повій же ты межи гороньками,
 Занеси вистечки до моей тещеньки,
 Не хай застилае тисовые столы,
 Не хай застилае кружчатые убрusy,
 Не хай наповняе повны повныци,
 Не хай засвѣтитъ восковые свѣчки,
 Не хай ся сподивае жадного гостя,
 Жадного гостя, молодого Ивася.

СХСІ.

Ой, на риченци на Иордани,—
 Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
 Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
 Тамъ пречиста рызи прала,
 Щедрый вечеръ, добрый вечеръ и пр.
 А выправши повисыла на ялыни.
 Прилетѣли два янгелы
 Та взяли рызы на крылечка,
 Понесли ризу на небеса;
 Все небеса растворилися,
 Все янгелы поклонилися.
 Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
 Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

СХСІІ.

Ой, петривная зозуленька,
 Та не куй рано въ дуброви,
 Не сбуди мене молодой:

У мене свекоръ, не батенько,
У мене свекруха, не матенька,
У мени диверки, не братики,
У мене вдовици не сестрици,
Та сбудять мене раньше,
Ранній росы оббивати
И капусту поливати;
Та встань, невестко не робитныця,
Своему добру не кукубниця.
Встала невестка, послухала,
Взяла видерце, постукала,
Опять голову укутала.

СХСІІІ.

Ой, чомъ не прыйшовъ, якъ я тоби велила?
Всю ниченьку, серденько, свичка горела.
Ой, чомъ не прыйшовъ, якъ я тоби казала?
Всю ниченьку, серденько, скраю лежала.
Я за тимъ не прыйшовъ, що щобить не найшовъ,
А въ батькивскихъ не дойшовъ, що чортъ мае подошовъ,
А сестра не дала, що соби добула,
А въ своихъ стыдно, що устички видно.

СХСІV.

Ни Ивася у виночку,
Ни Ивася у таночку,
Поихавъ на ловы,
На коростявымъ кони,
Мышечокъ ловыты,
На Вечерю варыты.

Що мышка пысне,
 То винъ зубами стысне,
 Що мышка квякне,
 То винъ ее кулакомъ гракне,
 Що мышка пидъ мистъ,
 То винъ ее зубами за хвистъ,
 Не пару я ходакивъ зтоптавъ,
 Поки тебе, мышко, злапавъ,
 Постый, мышку, постый,
 Зробу съ тебѣ постилъ,
 Зроблю съ тебѣ шубу,
 Марусю до нелюбю.

СХСV.

Ой, я ракъ не боракъ,
 Запорожскій козакъ,
 Якъ вощылну буде такъ,
 А я коза бедра,
 А пидъ бока ведра,
 Стуку пуку нижками,
 Сколю тебѣ рижками,
 Хвостыкомъ пидмету,
 Рижками вынесу.
 Кукурику кудкудакъ,
 Забивъ рыбу хвостомъ ракъ,
 Колы бь рыба не дурна,
 Тобъ ся раку не дала.

СХСVІ.

Приѣхала молодая маты,

Где мы ее положимо спаты?
 Положимо на печи, та на печи душно,
 На прыпичку важко, а на земли блохи;
 Выведемо ей до коморы трохи,
 Щожъ тутъ слыхать, черные кунци выдать,
 Кунко голубко, шатайся, мотайся, не дайся.
 Якъ мини шататься, мотаться, не дасться,
 Колы мини батько веливъ, колы мыни казала маты
 Сивому голубу дати чорную кунку мотаты.

СХСVII.

Ой, засвичу я ясную свичу,
 Пушужъ ей ажъ до Бога,
 Щобъ моему миленькому
 Счасливая дорога.
 Засвичужъ я ясную свичку,
 Пушужъ ее по надъ ричку,
 Щобъ моему миленькому
 Було видно на всю ничку.
 Романъ зилье, Романъ зилье,
 На дороженьку похыляется,
 Гдесъ мій милый чернобрывый
 Черезъ люди поклоняется.
 Ой, щожъ мини по Роману,
 На роману ягодокъ не ма,
 Ой, щожъ мини по поклону,
 Колы его самого нема.
 Вытоптала черевички
 Пидъ гору пидходяючи,
 Выплакала чорни очи
 Тебе, сердце, выглядаяючи.

СХСVIII.

Сонъ головонько клонить,
 До комороньки гонить,
 На билы подушечки,
 Тамъ спаты не дужечки.
 Встаетъ зъ ложа,
 А за нею Маты Божа,
 Взложила корононьку
 На ея головоньку.
 Посадили квитоньку
 Коло винограду,
 Дай, Боже, тымъ дытонкамъ
 На многіе лета.

СХСIX.

Росточено поволочено по сняхъ,
 Разстелено чинны скатерти по столу.
 Куда мы ишла красна Касуненька на посагъ?
 Питается довидуется видъ Батенька,
 А видъ кого мій батенько посагъ ставъ?
 Видъ Бога, видъ добрыхъ людей, дитятко,
 Посягуется самъ Господь Богъ съ ангелами,
 Посагуется, мое детатко, съ друзьями.

СС.

Сыну мій дударыку,
 Тыжь було селомъ идешъ,
 Тыжь було въ дуду гудешъ,

Якъ ударишь у дуду,
 То все лыхо забуду,
 А теперъ тебе не мае,
 Дуда твоя гуляе.
 Ой, пѣду я у комору по муку, по муку,
 Тай ударю дудочку по боку, по боку,
 А дудочка тыныны, тыныны,
 А я въ скоки та у боки,
 На въ присидки у долони,
 Разсыпала кившъ муки по комори;
 Ой, пѣду я по току да по копаному,
 Выплакала кари очи да по коханному;
 Ой, пѣду я по току дай по гладенькому,
 Выплакала кари очи по мыленькому.

 ССИ.

Та булажъ въ мене жинка, та була жъ въ мене зирка,
 Да послала мене въ лисъ — дай у лисъ по дрова,
 Та дала жъ мнѣ сокыру, та далажъ мнѣ тупую,
 Щобъ я утомывся, въ лиси забарывся.
 А Богъ мнѣ погодывъ, я сокырю изломывъ,
 Такъ я ѣ не втомывся — въ лиси не барывся.
 Та була жъ въ мене жинка, та була жъ въ мене зирка,
 Та послала мене у лисъ — да ѣ у лисъ по дрова,
 Та дала жъ мнѣ хлиба, та дала жъ мнѣ сухого,
 Щобъ я подавився, зъ лису не вырнувся.
 А Богъ мнѣ погодывъ, собака хлибъ ухопывъ,
 Такъ я ѣ не вдавився, въ лиси не барывся.
 Та була жъ въ мене жинка, та була жъ въ мене зирка,
 Да послала мене у лисъ, да ѣ у лисъ по дрова,
 Та дала жъ мнѣ шкапу, та дала жъ мнѣ лныву,
 Зъ нею бъ повозывся бъ, въ лиси опызнывся.

А Богъ минн погодывъ, кобылу вовкъ задушивъ,
Такъ я не пизнывся, въ лиси не барывся.

 ССII.

Ой, у поли двн тополи,
Одна другу перехылюе,
А въ козака да двн дивчыноньки,
Одна другу перепытуе:
Ой, сестрычко, ты, подружко,
Чи була жъ ты да на улыци?
Ой, хочъ и була да щей чи бачила
Козаченка того на игрици?
Ой, якъ же мни дай не бачыть,
Колы я зъ нымъ да й постояла?
Тяжко вздыхае — тебе вспоминае
Да все зъ тебѣ насмѣхається...

 ССIII.

Гей, маты, да негай мене,
Въ далеку дорогу выряжай мене,
Бо темна жъ ничка да не выдная;
Голивонька жъ моя бидная,
Кинь вороный спотыкаецця,
Козаченьку да дримаецця,
Пуцу коня на долыну,
А самъ ляжу да й спочыну.
Шатлывая та годынонька,
Деся взялась да дивчынонька,
И варвала да травыченку
Да вдарыла да по лыченьку:

Вставай, козакъ, годи спаты,
 Твого коня хочуть турки взяты,
 Коня возьмутъ, другіи буде,
 Тебе зарубають, минн жалъ буде.
 Десь ты мене да дивча любишь,
 Що ты мене рано такъ будышь?
 Якъ быжь тебе я да не любила,
 За тобою въ степу и не бродыла,
 А тожь тебе здавна я кохаю,
 Добрю славу я зневажаю.

 ССІV.

Сонце нызенько, вечеръ близенько,
 Засмутилося мое серденько,
 Засмутилося не веселытця,
 Десь мое серденько довго барытця.
 Ой, прійды, прійды, не буде кривды,
 Якъ буде кривда, я буду винна!
 Ой, прійди, прійди, не забарыся,
 Вечеръ близенько, не опизныся.

 ССVІ.

Загадки.

1.

Прійшовъ хтось,
 Взявъ щось,
 Ябъ пишовъ за нимъ
 Та не знаю за кимъ (огонь).

2.

Крыкнувъ вилъ на сто гинъ
На тысячу городивъ (Громъ).

3.

Бижать кони булани,
На ихъ узды порвани,
Узлыки явнать
Да не развязать (звѣзды).

4.

Пришла пани
Въ зеленомъ жупани,
Добрыдень дала,
Та ѣ у порога лягла (вѣнчикъ).

6.

Якъ бы не дививъ чунчукъ,
То бабина бѣ чупурда
По пупа заросла.

7.

Выситъ бовтается,
Всякъ за его хапается (замокъ).

8.

Маты гладуха,
Дочка краснуха,
Сынъ кучерявый.

9.

Сыдять баба наганку,
Довбається въ поганку.

10.

Костьянъ, деревьянъ,
Черезъ гору свини гнавъ.

11.

Лысый видъ скривъ ворота дывится.

11.

Сыдѣть дядъ надъ кручею,
Заткнувъ сраку онучею.

12.

Лежить Гася,
Простяглася,
Якъ бы встала,
Той неба достала.

13.

За лисомъ за пролисомъ талалай плеще.

14.

Прилитивъ птахъ на шестыхъ ногахъ,
Сивъ на могили: Боже мій милый,
Надъ всимъ минн волю ты давъ,
Надъ царями, надъ панами,
Тильки не давъ минн воли,
Що рыба въ мори (комарь).

15.

Гувъ, гувъ,
Дидъ бабу нагнувъ,
Мохнате протнувъ,
Солоденьке выкусивъ (орѣхъ).

16.

Маненькій погрибець
Повенъ яецъ (зубы).

ССVІІ.

Кобы я была такъ красна,
Якъ та зора ясна,
Свитыла бы мыленькому,
Никола не згасла.
Свитыла бымъ въ день и въ ночи,
Разбиваламъ мару,
Якъ бы ишеу до другой,
Запла бымъ за хмару.
Та становши за хмароньку,
И темности цілой,
Сказала бымъ заплакавши:
Покинувъ мя милый.
Ой, скрыпљивы воротеньки,
Тяжко ихъ заперты,
Кого люблю, не забуду
До самой смерти.
Кого люблю не забуду,
Ажъ буду вмираты;
Тильки его чорни очи
Буду вспоминати.
За вше о то Бога прошу,
Бысь ты быльъ счастливый
Не за мною, то съ другою,
Бось ты серду милый.

ССVІІІ.

Якъ пишла Ганна въ дунай по воду
И ступила Ганна въ хитку кладку,

Ганна моя панна,

Ягода моя червоная!

Кладка схитнулась, Ганна втонула,

Якъ потопала, трычи зрынала,

Ганна моя панна,

Ягода моя червоная!

Ганнына маты громаду збирала,

Громаду збирала, усимъ заказала:

Не берите, люды, у Дунай воды:

Въ Дунай вода Ганнына слиза.

Не ловите, люды, у Дунай шуки:

Въ Дунай шуки Ганныни руки.

Не ловите, люды, у Дунай сомивъ:

Въ Дунай сомы Ганныни ноги.

Не ламайте, люди, по лугамъ калыны:

По лугамъ калына Ганнына краса.

Не рвите, люды, по лугамъ терну,

У лузи терень — Ганныны очи.

Не косите, люды, по лугамъ травы,

По лугамъ трава Ганнына коса.

Ганна моя панна,

Моя ягода червоная!

ССІХ.

Посію я рожу, поставлю сторожу,

Стороною дощикъ иде стороною,

Надъ моею рожой червоною.

Не певна сторожа, выломана рожа,
 Стороною дощикъ иде стороною,
 Надъ моею рожою червоною.

Выйшло на рожи три мисяца ясныхъ,
 Три мисяца ясныхъ, три молодця красныхъ.
 Першій молодчикъ молодой Василько,
 Другій молодчикъ молодой Иванко,
 Третій молодчикъ молодой Павличко.
 Посію я рожу, поставлю сторожу,
 Стороною дощикъ иде стороною,
 Надъ моею рожою червоною.

Не певна сторожа, выломана рожа,
 Выйшло на рожи три зирочки ясныхъ,
 Три зирочки ясныхъ, три дивочки красныхъ.
 Перша дивочка — молода Одарка,
 Другая дивочка — молода Оксанка,
 Третья дивочка молода Оленка,
 Стороною дощикъ иде стороною,
 Надъ моею рожою червоною.

 ССХ.

У кievѣ на рынку
 Пьютъ козаки горилку.
 Шинкарочка молода,
 Повирь меду и вына.
 Яжъ на виру не продамъ,
 Бо на тоби жупанъ дранъ.
 Хоть на мини жупанъ дранъ,
 Есть у мене грошей джбанъ.
 Колю кажешъ грошей джбанъ,
 Я за тебе дочку дамъ,
 Ой, хоть дочку не дочку,

Вирнесеньку наймычку.
 Въ Суботоньку змовлялы,
 Въ недилоньку звинчали.
 Ой, у ранци винчались,
 А въ вечерѣ пытались:
 Ивасеньку молодый,
 Видкиля ты родонькомъ?
 — Я зъ Кіева Иваненко,
 По прозвищу Віттенко!
 Марусенька молода,
 Видкиля ты родонькомъ?
 Я зъ Кіева Иванивна,
 По прозвищу Віттивна.
 Якій теперь свить наставъ,
 Що братъ сестры не пизнавъ,
 Дурни й попы настали,
 Сестру съ братомъ звинчали.
 Ходимъ, сестро, въ темный лисъ,
 Не хай же насъ звиръ изъисть!
 Ходимъ, брате, горою,
 Розъсіймося травою!
 Ой, ты станешъ сыній цвить,
 А я стану жовтый цвить,
 Буде слава на весь свить,
 Будуть люды цвितы рвать,
 Изъ насъ грихы избирать;
 Будуть люды косыты,
 За насъ Бога просыты,
 Ой, сей жъ травця,
 Що съ братикомъ сестрыця¹⁾.

1) Иванъ да Марья. Melantrichum съ желтыми цвѣтами и синими процвѣт-
анн. Растеть въ лѣсахъ.

ССХІ.

Я сегодня тута, а завтра поѣду,
 Будешъ, мила, припадаты ажъ до мого слиду,
 Будешъ припадати, мене вспомянаты,
 Чому съ миленькою довго не видати.
 Ой, не буду, мылый, далыби не буду,
 Горювала за тобою, той и безъ тебе буду!
 Ой, на гори ячминь, пидъ горою жыто,
 Пришла звистка до милои, що милого вбыто,
 Ой, убыто, убыто, затыгнуто въ жыто,
 Червоною китайкою лыченько прыкрыто.
 Прилытила пава (жена), на лыченько впала,
 Кытаечку пиднимае, къ ему промовляе:
 Чы ты, мылый, упывся, чы зъ коныка убывся,
 Чы за мною молодою сильно зажурывся?
 Ни я, мыла, упывся, ни съ коныка убывся,
 Пришла туга до серденька, тымъ я скончився.
 Прилетѣла пташка (душа), бѣля его упала,
 Таки очи, таки брови, якъ у мого пана.
 Прилетѣла пташка малевани крыльця,
 Таки очи, таки брови, якъ у мого грывця.

ССХІІ.

Жена мужа выряжала,
 Выряжаючи проклинала:
 Бодай ихавъ не доѣхавъ,
 Щобъ кинь ему горою ставъ,
 А шабелька дорогою,
 А шапочка купиною,
 Сини сукни чистымъ полемъ,
 А самъ молодъ яворонькомъ!
 Пишла мила въ поле жаты,

Стала хмарка набигаты,
Дай ставь дожчикъ накрапаты.
Пишла мыла пядь явора:
Явороньку зелененькій,
Прикрый диты сыротеньки!
Ой, и яжъ не яворонько,
Я жъ тымъ дитямъ да батынько,
Знаешъ, мыла, що казала,
Якъ ты мене выряжала,
Выряжаючи проклинала.

ОЖНО-РУССКІЯ ПѢСНИ.

1.

По огородци ходыла, лебедочку гоныла;
Чи я тоби, мій миленькій, за наймичку робыла?
Якъ я тоби за наймичку робыла, то ты мини заплаты,
А якъ за хозяйку робыла, такъ мене босою не воды.
Чего сидишь надулася, чому въ кожухъ не вдяглася?
Ой, якъ мини не дутыся, що ни во що обутыся.
Он, якъ гляну я пидъ стѣлъ, лежить чобить якъ постѣлъ.
Обулася, тай пишла, слава Богу, що найшла,
Черезъ гребельку иду, якъ голубка гуду,
Не журия, мій родоньку, бо не боса я иду.

2.

Чи я плыла, чи я брела, чи мене пидлыто,
Чи той козакъ не ставъ любиты, чи ёго отбито;
Отбивала щука рыба отъ берега ряску,
Потеряла дивчинонька отъ козака ласку;
А я тую дрибну ряску беру на запаску,
Таки тому козакови пѣдойду пѣдъ ласку.
Враждуютъ вражи люды,
Що вдовинъ сынъ дома не ночуе.
Божилась вдивонька, передъ паномъ стоя,
Далиби добродію, сынъ дома ночуе.
А зъ вечера постиль стеле, а въ свити лягае,
Не разъ, не два, у дивчины чобить отбигае.
Забувъ чобить, забудь юпку у дивчины любки,
Забувъ люльку, забудь шапку у дивчины Гапки.

3.

По пидъ мостомъ трава росла, ривняется зъ мостомъ,
Кращій парень отъ дивчины, станочкомъ и зростомъ.
Чи не будешь по мини тужиты,
Якъ пиду я въ чужу землю, государю служиты?

Ой, не буду, козаченько, дали би не буду,
 Горювала я зъ тобою, то й безъ тебе буду.
 Ты за гору, за круту, я тебе забуду.
 Не выихавъ козаченько за нови ворота,
 Не взялася дивчинонька ни ижа, ни роботы,
 Не выихавъ козаченько за жолты пѣски,
 Бижить за нымъ дивчинонька пишка:
 Вернись, козаченько, матуся умирае.
 Не вернуся, забаруся, вѣйска остаюся.
 Не выихавъ козаченько за жолты палаты,
 Бижить его стара маты:
 Ой, вернись, мій сыночку, дивчина умирае.
 Буду, маты, коня гнаты, щобъ живу застаты,
 Не застану я живою, застану на лави,
 Не застану на лави, застану въ ями.
 Дубовая домовина, мурована яма,
 Лежить моя дивчина, якъ рыба вяла.

4.

Въ субботу родителей упоминала,
 Въ нидилю на висильячку погуляла;
 Въ понидилокъ на похмилечку лежала,
 Въ вивторокъ разивъ сорокъ похмиляла.
 Встану я въ середу ранесенько,
 Да выведу три ниточки тонесенько;
 Якъ набижать пухирчики,
 Якъ побаче мій миленькій, дай заплаче:
 Не пряды, моя мила, не неволься,
 Дождемся лета, красной весны, зеленой, лопуховой,
 Да пошіемъ сарафанчикъ,
 Застуденчикъ, застибончикъ, лупуховій,
 Да пидемъ по пидъ лисомъ,
 По пидъ гаемъ, по пидъ садыкомъ, по пидъ зеленымъ.
 Десь узялыся козы зъ лозы, все поповы,

Да ѣ обълы сарахфанчикъ,
 Застуденчикъ, застыбончикъ, лопуховій.
 Якъ поидемъ по за лисомъ,
 По за гаемъ, по за садькомъ, по за зеленымъ,
 Щобъ насъ люды не бачили, и не назвали ледачнии.

5.

Ой, давно, давно я у батька була,
 Стежка, дорожка тереномъ заросла,
 Тереномъ заросла, ще ѣ шепшиною,
 Ой, якъ була я у батенька, ще ѣ дивчиною.
 А я якъ схочу, теренъ потопчу,
 Ой, та до свого батинька у гости полечу.
 Ой, сяду упаду у батенька у саду,
 Ой, у батинька саду на винограду.
 Ой, що мій батенько по двору ходыть,
 Ой, вороного коня за поводы водыть.
 А найстаршій братъ коня сидлае,
 Ой, середушій братъ дрова рубаетъ,
 А наименьшій братъ лукъ заряжаетъ,
 Ой, на тую зузулю та поглядае.
 Выходыть зъ хаты старая жена,
 Ой, старая жена, матуся моя.
 Ой, не стреляй, сыне, въ той зузули,
 Ой, якъ той зузули на садовини,
 Ой, то такъ вашей сестри на чужини.

6.

Ой, у поли озеречко, тамъ плавало ведеречко,
 Соснове ведерце, дубовее денце;
 Покумаемося, мое сердце.
 Ой, нащожъ намъ кумоватыся, гриха набиратыся.

Сидлай, хлопче, коня, та выизжай зъ двора,
 Ой, щобъ же намъ не знатыся.
 Ой, у поли трава шамъ, шамъ,
 Винъ до мене ходыть самъ, самъ;
 Черевички въ бѣлыхъ ручкахъ несе,
 Винъ до мене босый чеше;
 Щобъ подкивки не брянчалы,
 Щобъ собаки не гаргалы, щобъ вороженьки мовчалы.
 Ой, пиду у лисочокъ, да вырву я листочокъ;
 Буду пристылаты, буду прикрываты свого милого слидо-
 Ой, щобъ тая ранняя пташка по слидочку не ходыла, [чокъ.
 Ой, щобъ тая стыдка, щобъ тая брыдка, зъ милымъ не го-
 ворыла.
 Та вжежъ тая ранняя пташка по слѣдочку походыла,
 Та вжежъ тая стыдка, та вжежъ тая брыдка зъ моимъ ми-
 лымъ поговорила.

Вариантъ той же (старинная).

Ой, у поли озеречко, та плавало ведеречко,
 Сосновое ведерце, дубовое денце.
 Ой, не цураемся, сердце, а хоть покумаемся:
 Де найбільше стоять челядоньки, родыной называемся.
 Яжъ не хочю куматься и славоньки набираться,
 Сидлаю коня, понду изъ села, щобъ и въ вичи не видаться.
 Ои, пуду я пиду по пидъ темнесенькимъ лугомъ,
 Ои, чи не встринуся, чи не побачуся зъ милесенькимъ дру-
 гомъ.
 Ни гдѣ ни встричалася и ни гдѣ не бачилася,
 Тилько слидочокъ зъ пидъ бѣлый снѣжочокъ,
 Ой, де мій милый походывъ.
 А я лыстонько рвала, да слиды прикрывала,
 Ой, де мій милый походывъ.

7.

Ожевылся молодъ, тай не поволи!
 Тай взявъ жинку, не до любви,
 Не биле лычко, не черни брови.
 Тай пишовъ молодъ въ Китай городъ,
 Тай продавъ молодъ та жупанъ синій,
 Та купивъ молодъ корабель новыи,
 Давъ за корабель семдесятъ рублей,
 Семдесятъ рублей и зъ полтыною,
 Тай пустывъ корабель на сине море,
 Тай взійшовъ молодъ на круту гору,
 Тай глянувъ молодъ по синему морю:
 Корабель плыве, ажъ море ревѣ;
 А мила сыдыть, якъ свича горыть,
 А дитыночка, якъ рожиночка.
 Ой, вернись, мила, голубко сыва.
 Не вернись заразъ, не любивъ гораздъ,
 Не вернись муже, бо ты бьешь дуже.
 Що було тило, якъ папиръ било,
 А теперъ тило то почернило.

8.

Ой, отъ моря, та до моря, битая дорога,
 Туды жъ моя поихала любая розмова.
 Ой, прикропи дробенъ дощикъ битую дорогу,
 Та заверни, милый Боже, любую розмову.
 Ой, не буду прикропята, нехай засыхае,
 Ой, не буду завертаты, нехай заизжае.
 Ой, куды жъ ты отъизжаешь, сизокрытый орле,
 Ой, хто мене, та безъ тебе, сей вечеръ прегорне?
 Пригортайся, дивчинонька, къ другому такому,
 Тай не кажи ти правды, що мини самому.

Ой, якъ мини, козаченько, правды не казаты,
 Буде стыдкій, препоганый, тобою докоряты.
 Ишли коровы изъ дубровы, а овечки зъ поля,
 Плаче, плаче дивчинонька, край козака стоя.
 Не плачь, не плачь, дивчинонька, така твоя доля,
 Полюбила козаченька, при мисяцю стоя.
 Ой, поплыви, щука рыба, противъ воды тыхо,
 Нейды, дивко, за вдивця, буде тобі лыхо,
 Ой, вдовець, не молодець, вси норовы знае,
 Ой, винъ тебе молоду побье и полас,
 Ой, винъ твое било личко до своего зровнае.

9.

Била жинка мужика, била жинка дурака,
 Пишла позываты, й пишла позываты.
 Присудыли мужику, присудыли дураку,
 Щей жинку прохаты, щей жинку прохаты.
 Сыдыть мила на покути, сыдыть мила на покути,
 Нижки подобгавши, й нижки подобгавши.
 Стоить милый у порога, стоить милый у порога,
 И шапочку знявши, ей и шапочку знявши.
 Просты мене, моя мила, прости мене, моя мила,
 Що ты мене била, ей що ты мене била.
 Куплю тобі цеберъ меду, куплю тобі цеберъ меду,
 И коновочку пива, ей и коновочку пива.
 Ой, отъ пива больтъ спина, а отъ пива больтъ спина,
 А отъ меду голова, эй а отъ меду голова.
 Купы, милый, горилочки, купи, милый, горилочки,
 Щобъ я весела була, эй щобъ я весела була.
 Нельзя коню воды пыть, нельзя коню воды пыть,
 Вода студяная, эй вода студяная.
 Нельзя мужу жены бить, нельзя мужу жены бить,
 Жена молодая, эй жена молодая.

10.

Ой, пила, пила неумириха на меду,
Тай пропила свою дочку молоду.
Ой, пила жъ, пила неумириха на рынку,
Тай пропила свою дочку Маринку.
Хто дасть мнѣ цеберъ меду и вина,
То тому жъ буде моя дочка молода.
Озовеся шенкаренко молодый:
Яжъ дамъ тоби цеберъ меду и вина,
То нехай мнѣ твоя дочка молода.
Ой, у недилоньку рано пораненьку, до схода солнца,
Ой, плакала Неумиривна у виконця.
Ой, зачиню, моя матицько, зачиню,
Ой, не люблю шенкаренка, покину.
Та пишла, пишла Неумиривна, пишла прочь,
А за нею шенкаренко на всю ночь.
То що ни жене, Неумиривну той не бѣе,
Та все ёи хорошенько питае.
Та чого жъ, чого, Неумиривна, сама идешь,
Чи ты у мене служебочокъ не маешь?
На що жъ мнѣ и служебочки твои,
Що ты самъ молодъ, не до мыслоньки моей.
Пишла жъ, пишла Неумиривна шляхами,
А за нею шенкаренко зъ ляхами.
Та що ни жене, Неумиривну той не бѣе,
Та все ёи хорошенько питае.
Чого жъ, чого, Неумиривна, пишки идешь,
Чи ты жъ у мене вороныхъ коней не маешь?
На щожъ мнѣ ворони кони твои,
Що ты самъ молодъ, не до мысленьки мнѣ.
Пишла жъ, пишла Неумиривна пожаремъ,
А за нею шинкаренко вже й конемъ.
Та пожаръ ноги Неумиривны поджега,

Горяча кровь ей слидоко залива.
 То що не жене, Неумировну той не бье,
 Та все ей хорошенько пытае.
 Чого жъ, чого Неумировна боса идешъ,
 Чи ты у мене черевичкивъ не маешъ?
 На щожъ минн и черевички твои,
 Що ты самъ молодъ, не до мысленьки минн.
 Ой, дай минн, шенкаренко, ножика,
 Уризаты тоненького полотеньця,
 Завязаты биленькую нижечку;
 Та не улучила Неумировна у полотенце,
 Та улучила Неумировна у сердце.
 О, теперь же, шенкаренко, я твоя,
 Бери мое биле тило на коня,
 Тай повези до матуси до двора,
 Та не хай мене моя матуся поховà.

11.

Ой, здорова дивчина попова
 Въ огороди морковцу полола.
 Ой, сполола морковцу и пустернакъ,
 Поколола ниженьку на будякъ.
 Больтъ моя ниженька зъ будякомъ,
 Больтъ мое серденько за дьякомъ:
 Ой, подите по Семена по дьяка,
 Чи не выйме изъ ниженьки будяка.
 Добри вечеръ, дивчиненько, куды идешъ?
 Кажн минн всю правдонько; де живешъ?
 Ой, живу я, козаченько, край воды,
 Збудувала свитлоньку зъ лободы,
 А синечки, присинечки зъ кроковци,
 Зъ хорошего дерева зъ морковци.
 Не выросте бильшая лобода,

Та не буде крашая попадья;
 Старый пипъ, широкая борода,
 Не хай его грець любе, а не я.
 Ой, не ходы, батюшка, ты служить,
 Бо уже матушка забижить.
 Ой, не ходы, батюшка, винчаты,
 Бо матушка пиде гуляты.
 Пипъ въ церкви винчае, годае:
 Ой, чи дома моя мила попадья?
 Повинчавъ, та до дому приближавъ,
 Винъ свои попаденьки не заставъ.
 По улыци патлями мотае,
 Кого встрине, попаденьки питае.
 Пытавъ, пытавъ, пападеньки не напавъ,
 Зачепывъ рукавами, тай упавъ.
 Бодай тебе, попаденько, грець узявъ,
 За тобою увесь рукавъ обирвавъ;
 Набигавши, пиду ляжу спаты,
 Годи минн попадья шукаты.
 Прибигае попаденька й у ночи,
 А пипъ гарчать якъ скаженный на печи.
 Устань, пипъ, я на тебе подывлюсь,
 Сама соби подумаю, засміюсь.
 Ой, ты думавъ, я у табаци гуляла,
 Ты винчавъ, а я зъ заду стояла.

12.

Щой у тебе, ты мій мужъ, а личина борода,
 Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, а личина борода.
 А личина борода и собача хода,
 Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, а собача хода.
 И собача хода, и свиняча їда,
 Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, и свиняча їда.

Якъ поѣхавъ старичокъ та на ярмачокъ,
 Купивъ соби старичокъ ремененькій батожокъ,
 Ремененькій батожокъ и дротяныи вожки,
 Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, дротяныи вожки.
 Звязавъ молодой и рученьки и нижки,
 Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, и рученьки и нижки.
 Посадывъ молоду до стины очима,
 Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, до стѣны очима.
 До стины очима, на хату плечима,
 Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, на хату плечима.
 Скажи жь теперь, молода, яка у мене борода,
 Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, яка у мене борода.
 Щой у тебе, ты мій мужъ, шолковая борода,
 Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, а шолковая борода.
 А шолкова борода, офицерска хода,
 Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, офицерска хода.
 Офицерска хода и все паньска ѣда,
 Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, все паньска ѣда.

13.

Ой, що Хома да Ерема да родніе братья,
 Що на Хоми и на Ереми тай однакови платя.
 Що на Хоми безъ рукава, а на Ереми такъ подрались.
 Изишлись воны до купочки, и порадовались и распечалились:
 Ото, брате, наше дило, у поли хлиба роботы.
 Провивъ Хома плугъ, плугъ, а Ерема сошку,
 Запригъ Хома вола, а Ерема коня.
 Хома каже: «гей, гей», а Ерема каже: «ну, ну».
 Що Хомигъ не везе, а Еремигъ не тягне.
 Ой, бѣ Хома дубиною, а Ерема хлодыною,
 Що Хома коня убывъ, а Ерема облупавъ.
 Изишлись та до купочки, и порадовались и распечалились:
 Не то, брате, наше дило, у поли хлиба роботы,

Ото брате наше дѣло, а до церкви ходыть.
 Пишовъ Хома въ церковь, а Ерема въ олтарь,
 Узявъ Хома книги, а Ерема рызы.
 Ой, ставъ Хома читаты, а Ерема спиваты.
 Десь узявся пономарскій сынъ,
 Якъ ударывъ Хому въ носъ, а Ерему въ пыку,
 Начынылы воны повну церковь крику.
 Изышлись воны до купочки и порадовались и распечалились:
 Не то, брате, наше дѣло до церкви ходыть,
 А то, брате, наше дѣло сини горшки возыть.
 Набравъ Хомъ возъ, возъ, а Ерема два два,
 Похалы на базаръ, ставъ Хома въ мисти, а Ерема у басты.
 Що у Хома не купують, а у Еремы не торгують,
 Що у Хома розыбралы, а у Еремы розхвоталы.
 Изышлись воны до купочки и порадились и распечалились:
 Не то, брате, наше дѣло сини горшки возыты,
 А то, брате, наше дѣло по за кущемъ ходыты.
 Ой, сивъ Хома пидъ кущемъ, а Ерема за кущемъ.
 Десь узявся чоловікъ съ кійкомъ,
 Якъ ударыть Хому кійкомъ, а Ерему килькомъ.
 Изышлись воны до купочки, и порадились и распечалились:
 Ото, брате, наше дѣло по за кущемъ ходыть.

14.

Та пропывъ чоловікъ бугая,
 А жинка корову и теля:
 Ой, чоловіче, та покоймося,
 Та ходимъ до домоньку, та порадымося,
 Ще щось пропыемо.
 Та пропывъ чоловікъ барана,
 А жинка вивцю и ягня.
 Ой, чоловіче, то покоймося,
 Та ходимъ до дому та порадымося,

Ще щось пропьемо.
 Та пропывъ чоловикъ кабана,
 А жинка свиню и поросю.
 Ой, чоловиче, та покоймося,
 Та ходимъ до домоньку та порадымося,
 Ще щось пропьемо.
 Та пропывъ чоловикъ гусака,
 А жинка гуску и гусыня.
 Ой, чоловиче, та покоймося,
 Та ходимъ до домоньку, та порадымося,
 Ще щось пропьемо.
 Та пропывъ чоловикъ селезня,
 А жинка качку и когinya.
 Ой, чоловиче, та покоймося,
 Та ходимъ до домоньку, та порадымося,
 Ще щось пропьемо.
 Та пропывъ чоловикъ пивня,
 А жинка курку и курчина.
 Ой, чоловиче, та покоймося,
 Та ходимъ до домоньку, та порадымося,
 Ще щось пропьемо.
 Та пропывъ чоловикъ подушки,
 А жинка съ полу вси доски.
 Ой, чоловиче, та покоймося,
 Та ходимъ до домоньку та порадымося,
 Ще щось пропьемо.

15.

Якъ поихавъ королевичъ на прогулянье:
 Та покинувъ галюточку на горюванье.
 Привязавъ коня до явора, самъ лигъ почивать.
 Ой, приснився, привидився чудный, дывный сонъ.
 Пидъ правою та рученькою мисяць зійшовъ,

Изъ пидъ ливые, зъ пидъ биллой рученьки выленувъ соко-
 Якъ поихавъ королевичъ до бабусеньки: [ломъ.
 «Бабусенько, голубонько, видгадай сей сонъ:
 Изъ пидъ правой та рученьки мисяць зійшовъ,
 Изъ пидъ ливой изъ пидъ биллой выленувъ соколомъ».
 Ой, поизжай, королевичъ, до свого двора,
 Та вжежъ твоя галюточка сына родыла,
 Понаймала мамокъ, нянекъ, сама полягла.
 Якъ поихавъ королевичъ до свого двора,
 Ой, якъ выйшла противъ ёго що-найстарша свистъ:
 «Здоровъ, здоровъ, чужій зять, теперь ты не нашъ,
 То вжежъ твоя галюточка сына родыла,
 Понаймала мамокъ, нянекъ, сама полягла».
 Якъ увійшовъ королевичъ въ нову свитлицю,
 Лежить ёго галюточка на всю скоиньцю.

16.

Надъ моими воротами чорна хмара стала,
 А на мене молодую поговоръ та слава.
 А я тую чорну хмару перомъ размахаяю,
 Перебула увесь поговоръ, перебуду й славу.
 Я на славу родилася, въ поговори изросла;
 А я зъ лёдачимъ зозналася, славы набралася.
 Куды идешъ, мій миленькій, чи въ чистое поле,
 Кому жъ мене вручаешъ, мій ясный соколе?
 Уручаю дивчиненьку другому такому,
 Та не кажи тои правды, що минн самому.
 Ой, якъ минн, козаченько, правды не казаты,
 Ой, якъ возме за рученьку, той стане пытаты.
 Не потурай, дивчинонько, его размовоньки,
 Держи разумъ и умъ добрый въ своей головоньки.
 Держала разумъ и умъ добрый, та упустила въ воду,
 Не уповала на худобу, ни на его вроду.

Ой, ни въ роди, ни худоби, ни стану, ни зросту,
 Доведеться утопиться зъ высокого мосту.
 Не топыся, дивчиненько, бо душу загубышь,
 Ходимъ, сердце, повинчаемся, колы вирно любышь.

17.

Охъ, зойды, зойды, зирочко, ты вечерняя,
 Охъ, войды, войды, дивчино, моя вирная,
 А зирочка взійшла, небо й землю осветыла,
 А дивчина вийшла, казаченька звеселила.
 Охъ, ты козаче, ты хрищатый, ты барвипочку,
 Кто тобі постеле та въ дорози постелечку?
 Стелеться мини зеленая борковина,
 Ты мини, дивчина, ты въ дорозеньки мила.
 Охъ, ты, дивчина, ты сухотонька моя,
 То що не вельить братъ вся родынонька моя,
 Ой, не такъ родына, якъ найменьшая сестра:
 Не бери, брате, дивчина безъ доли зросла,
 А безъ доли взросло, безъ счастья вродылася,
 Вона тобі, брате, дружиною не судылася.
 Ой, не вельишь, сестро, сїи дивчины браты,
 Та повели, сестро, прочь и зъ нею помандроваты.
 Мандровали поле, мандровали друге,
 А на третье поле дивчину у ноженъки коле.
 Та примандровались до сухого лому,
 Ой, тутъ же, дивчино, завернимся до дому.
 Ой, мене, козаче, не матуся вродыла,
 Щобъ я изъ мандровки та до дому ходыла;
 Годувала мене маты бильми калачами,
 Щобъ я любилася съ хорошими паничами;
 Годувала маты бильми та пшенишными,
 Щобъ я любилася съ хорошими, та съ приличными.

18.

Добре було житы, першу жинку быты;
 А зъ другою зъ молодою, горе й въ свити житы;
 Вона рано встае, мене колатае:
 «Вставай, чоловиче, товару даваты,
 А я пиду до базару, соли купуваты.
 Соли ни купила, у шинку заблудыла,
 Сама собі молодая лиха наробыла;
 Малы диты плачуть, свини въ викна скачуть,
 Сусидонька зъ боку, та все ти бачуть;
 Ой, тату, нашъ тату, затопы намъ хату,
 Навары намъ истья, пишла наша маты на базаръ,
 Та не мае й висти, не буде топыты, не буде варыты.
 Возьму ципъ, пиду въ тикъ, жита молотыты,
 Чи вдарывъ не вдарывъ, на шляхъ поглядае,
 Чужи жинки зъ базара идуть, моеи не мае.
 Трошки перегодомъ, иде огородомъ:
 «Хоть же я и пьяна, а бы не упала;
 А хоть же я упала, такъ ты не подводиывъ,
 А хоть же я наплася, такъ я зъ своимъ родомъ.

19.

Кажуть люды, чумакъ буде, дивчина раденька,
 Взяла серпы, пишла въ степы, пшениченьки жаты.
 Наскучило дивчиноньки пшениченьки жаты,
 Выплакала кари очи, чумаченьки ждучи.
 Ой, изъ за горы, изъ за круты, рыпять возы й дучи,
 По переду чумаченько вискакуе идучи.
 Хоть вискокомъ, не вискокомъ, звычайо не знаешь,
 Якъ изъыхавъ чумаченько на турецкомъ поли,
 Выдвинулы чумаченьки три возы соли;
 Хоть три возы, не три возы, такъ три паравця,

Полюбила дивчинонька чумаченька Гриця.
 Та туды пишла дивчинонька соли купуваты,
 Тожъ не соли купуваты, жалю завдаваты.
 Ой, не купиуй, дивчинонька, а соль не коризна,
 Запряжу я сиры волы, понду въ Надеждку,
 Оставайся ты, дивчина, на другу весну;
 Бодай же ты, дивчинонька, тоди замижъ пишла,
 Якъ у степу, край дороги, яра рута взойшла.
 Бодай же ты, чумаченько, тоди оженився,
 Якъ у млени, на камени, кукуль родився.
 Дивчинонька догадалася, дорожку ископала,
 Дороженьку ископала, руту посіяла.
 Весна пришла, дожди пишли, и яра рута взійшла,
 Та уже тая дивчинонька давно замижъ пишла.
 А у млени на камени куколь не вродився,
 Старый чумаць якъ собака, да ще й не женився.

20.

Ой, на гори опеньчка,
 Сватай мене теперичка,
 А зимою, Богъ съ тобою,
 Не будь мини за тобою.
 Ой, на гори суха гречка,
 Дурна дивка якъ овечка,
 Походила, побродила,
 Казаченька полюбила,
 А у мого миленького а ни дровъ ни воды;
 Прийды, сердце, поцуюю, тай на панцину иды.
 Ни топила, ни варила, не буду й топыты,
 Вывирила миленького, чи не буде быты.
 Побывъ разъ, не гораздъ, тило почернило,
 Ай то плакавъ цилу ночь, що у мене болгло.
 Ой, маты, маты, люблять мене хлопци,

Даютъ гроши по таляру, а жита по коробци,
 А я жита не беру, та все сами гроши,
 Я поганныхъ не люблю, та все де хороши;
 До мене капитанъ старостивъ пресылавъ,
 А поручикъ молодой старостою приходывъ.
 Ой, изъ за горы солнце сходить, тамъ дивчина ви-
 тошъ нудить,
 Знаты на мыченьку, що не спала ниченьку,
 Знаты й на виду, що не спала до льду.

21.

А Маруся не дужа лежала,
 Чернымъ шолкомъ головку звязала;
 Трѣхъ козаковъ изъ полку божала,
 Пришло три козака зъ полку,
 Розвязали Маруси головку.
 Одынъ каже: «я Марусю люблю»;
 Другій каже: «я за себе возьму»;
 Третій каже: «я на рушничку стану».
 Ой, хто мни царь-зилья достане,
 Той за мною на рушничку стане.
 Озовется козакъ молоденькій:
 Ой, е у мени три кони на стойли,
 Одынъ коныкъ якъ голубъ сизенькій,
 А другій коныкъ, якъ воронъ черненькій,
 А третій коныкъ, якъ лебедь биленькій.
 Однимъ конемъ до моря доскачу,
 Другимъ конемъ море перескачу,
 Третьимъ конемъ царь-зилья доскачу.
 Ой, ставъ козакъ зилья коваты,
 Стала надъ нымъ зузуленька коваты;
 Ой, не копай, коваче, царь-зилья,
 Та яды встричаты Марусеньку зъ висилья.

22.

Хвалилася мене маты молодымъ женыты,
 Клычуть мене молодыци, меду, вина пыты;
 Ой, не пиду, молодыци, меду и вина пыты,
 Заробывъ я копу жита, треба змолотыты.
 Гиля, Гиля, сиры гуси на ставъ воды пыты.
 Не погожа въ ставу вода, погожа въ крыныци.
 Ходывъ парень до дивчины, тай ставъ до вдовыци,
 А у вдовыци дви свитлыци, а третья кимната,
 А у дивчины одна хата, тай та не прибрата,
 Ой, тымъ вона не прибрата, що стеля дубова,
 Тымъ дивчина не сватана, що вона й убога;
 Хоть вона убогая, та отецка дытына,
 Ходыть вона по свитлыци, якъ та сиротына.
 А у вдовы богатой рушныкъ на колочку,
 А у дивчины убогой брови на снурочку.
 А у вдовы богатой бычки та телычки,
 А у дивчины молодой жовты черевычки.

23.

Коло млыни, млыни, червона калина.
 Десь тая дивчина, що мене любила.
 Любила, любила тай пречаровала,
 Вывела коныченька, взяла й осидлала,
 Та вынесла рыбку та шей хлиба скипку:
 Нажъ тобі, мій милий, тай вечеряй швидко,
 Вечеряй швидко, тай идъ въ дорогу,
 Коли тобі завродно, ночуй зо мною,
 Есть у мене батько, есть у мене маты.
 Радъ бы я, серденько, зъ тобою почуваты,
 Есть у мене жинка, есть у мене диты,
 Радъ бы я, серденько, до тебе летаты.

Ой, ты, дивчина, горда да пышна,
 Чомъ ты до мене пизненько не выйшла?
 Якъ минн, сердце, до тебе ходыты,
 Хотять вороги тебе й уловиты;
 Свечи догоряють, вороги лягають,
 Чортово батька, воны настъ піймають.

24.

Братъ сестру въ гости кличе,
 А нивистка дули тыче.
 Братъ сестру завертае,
 А нивистка нышкомъ лае.
 Ой, завертай, милый коню,
 Повдьмо изъ господы,
 Повдьмо изъ гостыни,
 Щобъ у брата не добли,
 Щобъ братове ни побли,
 Я до тебе, брате, ни обидаты,
 А я до тебе, брате, одвидаты.
 Не до тебе, брате, а до дитокъ твоихъ,
 Щобъ воны зналы титокъ своихъ.

25.

Та по пидъ мостомъ, трава ростомъ
 Ровняется зъ мостомъ;
 Та крацій парень отъ дивчины
 И станочкомъ и зростомъ.
 Та чи не будешь, дивчиненько, по минн тужиты,
 Та якъ пиду я въ чужу землю государю служиты?
 Ой, не буду, козаченько, далиби не буду,
 Та горювала я зъ тобою, то й безъ тебе буду,
 То ты за гору, за крутую, я тебе забуду.

Та не выихавъ козаченько та за нови ворота,
 Та не взялася дивчинонька ни їжа ни работа,
 Та не выихавъ козаченько за густы лозы,
 Да облыли дивчиноньку дребненькіє слезы.
 Та не выихавъ козаченько за жовты пески,
 Та оглянется козакъ назадъ, бежить его мила пишка.
 Ой, вернися, козаченько, матуся умирає.
 «Та не вернуса, забарюся війска зостануса.»
 Та не выихавъ козаченько за новы палаты,
 Та оглянется козакъ назадъ, бежить ёго стара маты.
 «Ой, вернися, мій синочку, дивчина умирає.
 Та буду, маты, коня гнаты, щобъ живеньку застаты,
 Та не застану я живои, застану на лави,
 Та не застану я на лави, та застану въ ями,
 Та дубовая домовина, мурована яма,
 Та лежить моя дивчинонька якъ рыбонька вяла.

26.

Въ недиленьку рано по раненьку
 Розсердывся сынъ, та на свою неньку:
 «Тай иды, нене, теперь видъ мене,
 Будуть, нене, гостынки у мене,
 Будуть гости, та все у перчыни,
 А ты, нене, въ сирій сирячини.»
 «А у тебе, сыну, друга хата,
 Буду, сыну, кужельку чесаты,
 Буду, сыну, дитя колыхаты,
 Твоей жинки жалю завдаваты».

У тебе, ненько, сорочка не била,
 У тебе, ненько, слово не до дила.
 Пишла маты за нови ворота,
 Стоять вона, якъ бидна сырота.
 Ой, війшовъ сынъ ворота зачиняты,

А маты дума, что ёи прохаты.
Що ты, маты, думаешь, гадаешь,
Чомъ ты соби хаты не шукаешь?
Пишла маты битыми шляхами,
Умывается дрибными слезами;
Пишла маты густою лозою,
Умывается дрибною слезою.
Та зострилася маты зъ ридною дочкою,
Та умылася зъ дрибною слезою.
«Чего, ненько, тутъ ходышь, блудышь,
Чому до мене въ гости не пребудешь?»
Ой, якъ мнини, донько, перебуваты,
Есть у тебе зла лычина въ хати,
Вона тебе буде быты та лаяты,
А ты будешь жалобно плакаты.
Ой, хоть буде мене биты та лаяты,
Та не совайся, ненько, обороняты:
Ой, вниъ пиде й у комору спаты,
А мы будемъ питы та гуляты,
Та будемъ съ тиха розмовляты,
Та не будемо ему правдоньки казаты.
Ой, прійшовъ сынъ матери прохаты:
«Та иды, нене, теперъ до мене,
Сталось мнини несчастье безъ тебе,
Умерла у мене жена молодая,
Зосталася дитына малая.»
Не хай, брате, горыть твоя хата,
Та моя маты не прійде тебе ратоваты;
Не хай горыть твоя хата, до одного колочка,
Та не пиде маты до твого дворочка,
Не хай, брате, горыть до одного палина,
У тебе, ненько, сорочка не била,
У тебе, ненько, слово не до дила.

27.

Тимъ у свити добра нема,
 Що братъ сестри за родъ не ма;
 Тимъ у свити теряється,
 Що братъ сестры цурається,
 Отсунувъ братъ кватырочку,
 Та гляну погляну по рыночку:
 Иде сестра зъ мужемъ у гостыночку.
 Пріймай, жинка, хлѣбъ зъ стола,
 Иде въ гости сестра моя.
 Ой, якъ моя иде, то ховайся,
 А якъ твоя иде, пребирайся.
 Пріймай, жинка, дижу въ хижу,
 Я свои сестры не навизу.
 Сестра все якъ зачула,
 Та назадъ конеченьку завернула,
 Тяженко, важенько вздыхнула:
 Ой, стой, брате, не лякайся
 И зъ хлѣбомъ и солью не ховайся,
 Я, брате, дома обидала,
 А бы тебе, брате, одвидала;
 Не такъ, брате, тебе, якъ твоихъ дитокъ,
 Ой, щобъ вони знали своихъ титокъ.

28.

Отъ теперъ я сама, якъ у поли былина,
 Та не давъ мини Богъ, кого я вирно любила,
 Тай давъ мини Богъ ревниваго мужа,
 Що винъ ще, та гуляе, а мене разоряе,
 А якъ прійде до дому, не говоритъ зо мною;
 А бо мы уже, серденько, разойдимся зъ тобою.
 Брешешъ, брешешъ, моя мила, я винчався зъ тобою.

Ой, пійду я, молодая, та до броду по воду,
 Эй, чи не побачу жъ я перевозчица у броду.
 Перевозчицокъ молоденькій, перевези черезъ воду,
 Эй, перевези черезъ воду, а та до ридного роду,
 Эй, нехай же я побачусь хоть четвертого году.
 Перевозчикъ молоденькій та сѣго не чуае,
 А почула моя мата, край кривныченьки стоя.
 «Эй, не плачь, не плачь, довенька моя, бо така твоя доля.»
 Ой, полюбила козаченька при мисяцю стоя,
 Не я его полюбила, полюбила моя маты,
 Що звелила минн маты билы рушнички даты,
 Ой, еще звелила минн моя маты, та на рушничку статы.
 Не жалій же, моя маты, що я у тебе одиниця,
 А утопы мене у риченьку, де холодна водыця.
 Не хай же, моя маты, що хороша й на въ роду,
 Ой, возьми мене и утопы мене въ холодную воду.
 Десь я у тебе, моя маты, та увесь хлѣбъ переила,
 Ой, що ты мене туды дала, а куды я не схотила;
 Чи я у тебе, моя маты, уси плахты поносыла,
 Що ты мене туды дала, а куды я не хотила;
 Чи я у тебе, моя маты, и пшениченьку не жала,
 Що ты мене туды дала, а куды я не божала.

29.

Ой, изъ за горы витерь віе, дорогою козакъ иде,
 Зостривъ дивку сироточку, сироточку 17-ть лютючку.
 Ой, дивочко сироточко, сироточко 17-ть лютючко,
 Загадаю загадочку, скажижъ минн всю правдочку:
 «Ой, що вьется коло дривця, а й що росте безъ коринця?»
 Ой, що бжжить безъ прогону, хто свитыть круту гору?»
 Дивчина ее узнала, козакови отгадала:
 «Козаченько молоденькій, ой, хмилъ вьется коло дривця.

Камень росте безъ коринця, вода бжжть безъ прогону,
А мисяць свитьть круту гору.

30.

Пусты мене, маты, у поле жита жаты,
Бѹду, маты, жито жаты, а доленьки шукаты.
Ой, не пуцу, доню, щобъ не заблудылась,
Та ужежь, доню, свою долю давно й загубыла.
Пусты мене, маты, й у лугъ по калыну,
Буду, маты, калыну ломаты й доленьки шукаты.
Ой, не пуцу, доню, щобъ не заблудыла,
Та вжежь, доню, свою долю давно й загубыла.
Пусты мене, моя маты, мижь челядь гуляты,
Буду, маты, зъ челядью гуляты, доленьки шукаты.
Ой, не пуцу, доню, чтобъ не заблудыла,
Та вжежь, доню, свою долю давно й загубыла.
Пусты мене, маты, на ставку купаться,
Буду, маты, на дно порынаты, доленьки шукаты.
Ой, не пуцу, доню, чтобъ ты й не утонула,
Та вжежь, доню, твоя доля ажъ на дно порнула.
По пидъ мостомъ, мостомъ, трава зелененька,
Ой, за добрымъ чоловикомъ жинка молоденька.
По пидъ мостомъ, мостомъ, трава побыхае,
За ледачимъ чоловикомъ жинка пропадае.
Пиду на толоку, накопаю дроку,
Щобъ вороженьки не джждали року.
Пиду на толоку, накопаю пижми,
Щобъ вороженьки не джждали тыждня.

31.

Ой, не дала мене маты за роботниченька,
Та отдала мене маты за разбойниченька,

Що зъ вечера рано на зари зъизжаются розбой,
А о пилночи рано на зори, уже й разбой добулы.
А къ свитови рано на зари и мій милый иде,
И мій милый иде, девьятеро коней веде,
На десятому сыдыть, на свою милу кричыть:
«Эй, отчиняй, моя мила, ты новіи ворота,
Бери, бери воронныи кони, у нову сталю веды,
Бери, бери шолковое платье, на быстру рику несы,
Ни розгортуючи, ни осмотрюючи».
Ёго мила и не послухала его,
Поразгортала и поразсмотрювала;
Розгорнула одинъ платъ, ажъ тамъ ей ридный братъ.
Ой, чи есть ты, мій милый, ой, есть же ты разбойникъ,
Що ты мого брата убивъ, а своего шурина.
Ой, ты, миленька моя, темна ничка була,
Темна ниченька була, не разсмотривъ що родня,
Винъ на мене не кричавъ, щобъ я зъ шляху зворочавъ,
А я шляху не звернувъ, зъ пистолета ужарнувъ,
Покотилась голова, такъ якъ маковочка,
Якъ у печи жаркій жаръ, то такъ мини шурина жаль.

32.

Ой, вывела перепилочка диты,
А пишла у пшениченьку сидиты;
Дитоньки мои, горенько мини зъ вами,
Ой, що не маю хозяина межъ вами.
Ни журись, ненько, не журись нами,
Якъ порастемо, разойдемся сами;
Не журись, ненько, ты ни рано ни пиздно,
Якъ поростемо, разойдемся ризно.
Разойдемся, ненько, по горамъ, по долинамъ,
Буде насъ, ненько, по чужихъ украиннахъ.
Ой, люды, ненько, будуть пановаты,

Мы будемъ, ненько, у людей горюваты.
 Не шукай насъ, ненько, ни въ горахъ, ни въ долинахъ,
 Шукай насъ, ненько, по чужихъ украиннахъ,
 Одно жъ паде въ лись, а друге у пролился,
 Ты, стара ненько, ты на насъ не надійся.

33.

Ой, колыбъ я, зузуленька, соби крыла мала,
 Тобъ я тую й украйну кругомъ облитала,
 Тобъ я свого та сыночка середь полку пизнала.
 Померъ, померъ новобранецъ у нидиленьку у ранци,
 Положили новобранца на тесовій лавци;
 Поховали новобранца у зеленому байраци,
 Тяло несуть, коня ведутъ, конь головоньку клонить,
 За нимъ иде стара ненька, та били рученьки ломить.
 Ой, колы бъ же я, зузуленька, соби крымочки мала,
 Тобъ я тую украйну кругомъ облитала,
 Тобъ я свого та сыночка и въ гроби пизнала.
 Ой, лятила зузуленька, та сказала куку,
 Ой, подай мини, сыночку, хоть одну руку.
 «Ой, радъ бы я, моя маты, обидва податы,
 Насыпали сыромъ земли, не могу поднаты».
 Залитавъ пивинь на ворота, сказавъ кукурику,
 Не сподивай мене, ненько, уже й не до вику.

34.

Пишла вдова долыною,
 Зъ маленькою дьтыною;
 Сила вдова спочиваты,
 Мале дьтя годоваты,
 Пишла вдова все садами,
 Размовляла зъ билыми цвитами:

Цвѣты мои биленьки прекрасны,
Дѣты мои маленьки безсчастны!
Чомъ вы, цвѣты, рано забилены:
Я молода вдовила, дѣты малы посиротили.
Летыть орелъ по надъ горою,
Размовляе зъ бидною вдовою:
«Не плачь, вдова, не журися,
Бо я твого мужа знаю,
Тричи на день отвѣдаю.
Ой, першій разъ обѣдаю,
А другій разъ полудную,
А третій разъ вечеряю,
На чорный чубъ наступаю,
Зъ лоба очи колупаю,
А жовту кость роскидаю —
Все по горахъ та по долахъ,
Та по чужихъ украинахъ.

35.

Оженывся молодъ, тай по неволи,
Тай узявъ жинку, тай не до любви,
Не биле лычко, не чорни брови.
Якъ пійшовъ молодъ й у Китай городъ,
Та купивъ молодъ корабель новый,
Корабель новый и веселечко.
Та за той корабель пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей зъ полтиною.
Посадывъ жинку зъ дытыною,
Отпихнувъ корабль, не давъ веселечка.
Корабель плове, ажъ вода гуде,
А мила сыдыть, якъ свича горыть,
А дытыночка якъ ожыночка,
Та вона жъ плаче, якъ воронъ криче.

Ой, вернися, мила, голубонька сива,
 Будешь, мила, ты до любви,
 Биле лычко и чорни брови.
 «Не вернусь, муже, бо ты бивъ дуже;
 Ой, бивъ ты мене нагайкою,
 Называвъ мене не хозяйкою.
 Та мое тило почернило,
 Вить нагайки, вить трестяночки».

36.

Ой, зима, зима, холодна була,
 Та прошу я тебе, не зморозь мене;
 Не зморозь мене, по холоду идучи,
 По холоду идучи, коня ведучи,
 Коня ведучи, збрую несучи;
 А збруя моя, збруя ясная,
 Тильки доля моя несчастная.
 А що жинка мужа тай не злюбила,
 Повела й у садъ, тай загубила;
 Повела й у садъ, такъ повисила
 На тонькій гальци, та на яблунци;
 А сама пишла й у новенькій домъ,
 Въ новенькій, сѣла за столомъ;
 Сила за столомъ зъ яснымъ соколомъ,
 Тай пише перомъ, чи живъ чи здоровъ,
 Чи живъ чи здоровъ мій мужъ молодой.
 Тай пишла вона милого пробужаты,
 Ой, устань милый, бо й уже свить бильый.
 Ой, не встану, мила, бо больть спина,
 Ой, не встану, дорога, бо больть голова.

37.

Ой, не шуми, луже, ты луже,
Зелевая дубровонька.
Ой, якъ миня не шумиты,
Буйный вѣтеръ повивае,
Широкій листь опадае.
Козакъ матуси питае:
«Позволь, маты, коня взяты,
Вороного ѿ осидлаты,
Похаты на дуброву,
До милои на розмову.
Не дохавъ; де ворота
Вышла мила, краще злата,
Бере коня за поводи,
А милого за рученьки,
Веде коня у станыцю:
«Прошу, милый, у свитлыцю»;
Дае коню сина, вивса,
А милому меду ѿ вина.
Сама сила въ конецъ стола,
Сама сила задумалась,
Кари очи зарюмала.
Чого, мила, задумалась, кари очи зарюмила?
Чи жаль тобі сина, вивса?
Чи жаль тобі меду вина?
Не жаль миня сина вивса,
Не жаль миня меду вина,
Якъ жаль миня гуляньчка,
Суботнаго чисаньчка;
Що субота причышуся,
Що нидиля приберуся,
Пиду Богу помолюся,

Не такъ Богу молыться,
Якъ на милого дывыться.

38.

Та вже третій вечеръ, якъ я дивчину бачивъ,
Ой, казала, выйду, а теперъ не выходыть.
Выйды, выйды, дивчино,
Потишь мое сердце репчино.
Ой, рада бъ я выйти, такъ неволенька моя,
Не пускае маты, що я й молоденька,
Не пускае, не велить,
Зъ тобою, серденько, говорыть,
Не пускае гуляты,
Съ тобою, серденько, стояты.
Якъ бы я мавъ соби й орлови крыла,
Взявъ бы я польнуувъ де прежняя мила;
Та сивъ бы я у двори,
Чи не вышла бъ мила къ мини.
Мила не выходыть, мила не говорыть,
Сыдыть край виконця, слова не промовыть.
Промовъ, мила, словечко,
Якъ насъ любилося двоечко,
Якъ мы любилыся, тай не побралися,
Славы, поговору, мы обое набралися.
Була слава й поговоръ,
Ты не моя мила, я не твій.
Ой, ходимъ, милый, до Богаго дому,
Помолвмся, милый, святому престолу.
Не хай звяже пишъ руки,
Що бъ не було, милый, разлуки;
Не хай звяже руки намъ,
То тоди заципить ворогамъ.

39.

Що то Ганца, що то гожа,
Що то лыченько якъ роза,
Що то Ганця якъ потретъ,
Лучше Ганци въ свити нѣтъ.
Пишла Ганца по буряки,
А за нею все бурлаки,
А поповичъ по переду.
«Постой, Ганцю, куплю меду».
Я не хочу меду питы,
И поповича любиты,
Я бурлака вирно люблю,
Сама ему меду куплю.
Он, здорова дивчиненька,
Яка жъ бо ты била;
Десь ты у поле не ходыла,
Що не загорила.
А я у поле не ходыла,
Конопельки терла,
Не бачила миленького,
Трохи я не умерла.
А у поле не ходыла,
Конопель тапала,
Не бачила миленького,
Трохи не пропала.

40.

Казавъ мини батько, щобъ я оженився,
Щобъ по ночамъ не ходывъ, тай не волочився.
Я буду ходыты и шкоду робыты,
Було бъ тоби, моя маты, молодымъ оженыты.
А й оженившись треба погодиты,

Жинку свою, малыхъ дитокъ тай погудоваты.
 Якъ похавъ милый у поле ораты,
 Его жинка молодая въ корчму погуляты;
 Якъ пришла изъ корчми, взяла й затопыла,
 Та своему миленькому исты наварыла.
 Якъ прихавъ милый изъ поля до дому,
 Его жинка молодая дригае ногою:
 Ой, ты бувъ у поли, я була на мисти,
 Яка тоби вража маты наварила исты.
 Ой, муже, мой муже, чины мою волю,
 Та посады гайдука, та передо мною.
 А мій мужичище, та взявся у бочища,
 Таки садыть гайдука, таки гайдучище.

41.

Колыбъ минни нидили диджаты,
 То бъ я пишла й до роду гуляты.
 А й у мене й увесь ридъ богатый,
 Буде мене часто гастоваты.
 А я буду повни й выпиваты,
 Выпью й одну, выпью й другую,
 А третюю буду одмогаться,
 Ой, родоньку, пора до домоньку,
 А й у мене дытына малая,
 А ще къ тому свекруха лыхая,
 Ой, у мене мій милый ревнивый,
 Ой, пиду я зъ тыха пидъ виконце,
 Послухаю, что свекорка робыть.
 А свекруха вечеряты варыть,
 А свекоръ дубиночку парыть,
 Толсту, толсту, та ще й суковату,
 Та на мою спину глуповату.
 А мій милый дытыну колыше,

Ой, ну люли, мале й дытя спаты,
 Пишла маты до роду гуляты,
 А у неѣ увесь ридъ богатый,
 Буде еѣ часто гаствоваты.
 Вона буде повни выпиваты,
 Выпье й одну, выпье й другу,
 А третю стане одмогаться,
 Ой, родонько, пора до домоньку,
 А й у мене дытына малая,
 А й у мене мій милый ревнивый,
 Буде мене биты, та лаяты.

42.

А чи минѣ тутѣ житы, а чи минѣ горюваты,
 И обявши головоньку, изъ сего села мандроваты,
 Що взявъ, що взявъ жинку невдашку а не вдатнюю жену,
 Що ни спыхты, ни зварыть, ни до людей говорить,
 А зъ моимъ родомъ говорить, не по двору походыть.
 Та взявъ, та взявъ жинку невдашку, за билую рученьку,
 Повивъ, повивъ жинку невдашку до тихаго Дунаю.
 Пустывъ, пустывъ жинку невдашку за тихою водою:
 Плены, плены, невдашку, за тихою й водою,
 То вжежъ минѣ надокучило, горюючи зъ тобою.
 А самъ пишовъ удалый молодчикъ на крутую гороньку,
 На крутую гороньку, та въ новую свитлоньку,
 Ажъ тамъ сидять утяты, невдащяны дитяты.
 Ой, татусю, татусю, ой, де же ты дивъ матусю?
 Ой, чи втопывъ, чи вдавывъ, чи на тихій Дунай пустывъ?
 Я не втопывъ, ни вдавывъ, на тихій Дунай пустывъ.
 Дитки жъ мои малы, десь вы три дни ниылы,
 Що вы минѣ важкимъ словомъ на порози убыли.
 Я не втопывъ, ни вдавывъ, на тихій Дунай пустывъ,
 Та плены, плены, жинко, невдашко, за тихою водою,
 Та вже минѣ надокучило, горюючи зъ тобою.

43.

Оравъ милый у царыни, теперь у толоци.
 Выплакала кари очи за четыри noci;
 Та вжежъ миви ты четыри за десять стали,
 Бодай тоби, мій миленькій, вольки пристали.
 Сиры вольки пристали, плужокъ поломався,
 Щобъ мій милый, голубъ сивый, до дому пригнався.
 Ой, вы тучи громовыи, розойдитесь ризно,
 Чи не прійде мій миленькій, хочъ не рано, пиздно.
 Якъ побигла Бондаривна калиновымъ мостомъ,
 Не хороша на лыченько, такъ хороша зростомъ.
 Якъ побигла Бондаривна помежъ крамарями,
 А за нею три драгуна зъ голыми шаблями,
 Якъ нагнали Бондаривну на глубоку яму,
 Та вытягли Бондаривну, якъ рыбоньку вялу.
 Якъ повели Бондаривну къ Гриневичу въ хату,
 Посадымы Бондаривну до стины плечима,
 А до пана Гриницкаго карыми очима;
 Заставили Бондаривну трехъ писень спиваты,
 А хлопчика маленького ружа заряджаты.
 Еще жъ той Бондаривны писня не поспила,
 Уже їи била постиленька кровью окапила.
 Якъ увишовъ старый бондарь, давай Гриню платъ.
 На що ему, мій таточку, та гроши даваты,
 Его взяты и звязаты, на Сибирь отдаты.
 Ой, лежала Бондаривна въ обидню годьну,
 Пока звеливъ панъ Гриницкій зробить домовину.
 Ой, лижала Бондаривна изъ noci до ранку,
 Пока звеливъ панъ Гриницкій зкопаты ямку.
 Ой, у той Бондаривны, у полихъ мережка,
 Куды везлы Бондаривну кровавая стежка.
 Ой, у той Бондаривны на голови стежка,
 Отце тоби, панъ Гриницкій, на Сибирь дорожка.

Очи моя кареньки, горе минн зъ вами,
Поховалы Бондаривну, спить теперъ сами.

44.

Умеръ батько, байдуже,
Умерла маты, байдуже,
Умеръ милый, голубъ сивый,
Жаль минн его дуже.
Ой, бондарю, бондарю,
Ни бый мене долбнею,
Побый мене дубчикомъ,
Назову тебе голубчикомъ.

45.

Корабазивци, на поповіи гребли,
Свадьба иде,
Ракъ у дудку дме,
Черепаха сваха,
Жаба свитылка,
Гарбузъ князь.
Веливъ минн Северинъ прійты,
Веливъ минн на печи систы,
Веливъ минн калача ксты,
Северине, пане мій,
Де твій двиръ,
Ой тамъ же я, край Дунаю.
Тамъ я соби хижу маю,
Ой, тамъ же я пробуваю,
Купала на Ивана,
Де волохи поють,
Церковъ бодують,
Святый вечеръ.

Ихалы бояры горою,
 Везли коровговъ зъ собою,
 А я тую гухнатую,
 Симъ разъ и разъ пидъ хатою,
 А собака гавъ, а я ей бугъ,
 А винъ и опухъ.

46.

Ой, поихавъ Олексаша изъ дому въ дорогу,
 Та покинувъ дома жену нездорову.
 Та поихавъ Олексаша въ зелены поля,
 Ой, оглянется назадъ, а за нимъ слезы бижать:
 «Ой, вернися, Олексаша, вернися до дому,
 То уже твоя жена Богу душу отдала.
 Не доихавъ Олексаша до нового двора,
 Ой, думаетъ жъ Олексаша, що дрова рубаютъ,
 Ажъ то ёго жини труну доробляютъ.
 Ой, ни дышовъ Олексаша до новой свитльци,
 Ой, думаетъ Олексаша, що зузули кують,
 Що зузули кують, соловьи щебечуть,
 Ажъ то мали, мали диточки по матери плачуть.
 Ой, цытьте диточки, цытьте малые,
 Колы бь вернулисья лѣта молодые.
 Та поиду, диточки, у два городочка,
 Та куплю вамъ диточки, а два теремочка.
 Одинъ теремочокъ, червоне намисто,
 Другій теремочокъ, матеръ молодую.
 Не хай же той, таточко, теремъ загорыться,
 Червоне намисто до купы зольется,
 Не хай же та мачуха у гробъ западется,
 А ненька ридненька на сей свитъ зведется.

47.

Ой, польты, галко, де мій ридній батько,
 Не хай мене одвидае, колы ему жалко.
 Галочка летае, батенька не мае,
 О, десь ему не жаль мене, що не одвидае.
 Ой, поплыви й утко, противъ воды прудко,
 Та не кажи моей неньци, щобъ пребула худко.
 Утинька плавае, а матиньки не мае,
 Ой, десь имъ не жаль мене, що не одвидають.
 Ой, полеты, орле, де мій братикъ оре,
 Не хай мене одвидае, яке минн горе.
 Ой, орель летае, братика не мае,
 Ой, десь ему не жаль мене, що не одвидае.
 Ой, пошлаю я сыныцю по ридну сестрыцу,
 Не хай мене одвидае, та безталанницю.
 Снипча летае, сестрици не мае,
 Ой, десь ей не жаль мене, що не одвидае.
 Ой, пошлаю чичитку по ридную титку,
 Не хай мене одвидае, бидную сиротку.
 Чичитка летае, а титки не мае,
 Ой, десь же ей не жаль мене, що не одвидае.

48.

Ой, исправлю я возы, запряжу я сиры волы,
 Та пиду у степь гуляты, и шляшеньки розглядаты,
 Ой, знайду я шляшочокъ, та гляну я й у шиночокъ,
 Ай, у тому шеночку, та шенкарочка чорна,
 Ой, шинкарочка чорна, на имьячко Ганна,
 И шинкарочка Ганна, чого у тебе у синяхъ кално?
 То бурлаченьки були и горилочку пили,
 Воны танци водыли, воны грязи наносыли.
 Ой, шинкарочко Ганно, сыпъ горилочку на виру,

Сыпъ горюлочку на виру, пиши гроши на стину.
 Колы стину розберешъ, тоди зъ бурлака гроши зберешъ.
 А шенкарочка плаче, вона горько рыдае.
 Ой, не плачь же, шинкаречко, та не плачь не журися,
 Не хай бурлакъ проспѣтся, дабы ему похмельѣтся,
 Винъ зъ тобою расплатѣтся, винъ зъ тобою простѣтся.

49.

Кашыно, ялыно, що тебе извъялыло?
 Извъялыли мене буйни витры, лютыми морозами.
 Козаче молоденькій, що тебе изжурило?
 Зажурила мене тая дивчина, що зъ карыми очима,
 Не разъ, не два стою у неѣ подъ коморою,
 Выйды, дивчино, выйды, рыбчино, поговоримъ зъ тобою.
 Рада бъ выходыты, зъ тобою говорыты;
 Лежыть не любъ, на правой руци, не могу разбудиты.
 Дивчина моя люба, отсунься отъ нелюба,
 А я не люба тай убью изъ лука, якъ сивого голуба.
 Чи влучишь, чи ни влучишь,
 Зъ нелюбимъ не разлучишь,
 Чи вдаришь чи не вдаришь,
 Тильки намъ житѣя збавишь.
 Козаче молоденькій, у тебе конь вороненькій,
 Осидлай коня, выизжай зъ двора, ты не мій, я не твоя.
 Козакъ коня сидлае, до коня промовляе:
 Ой, коню, коню вороненькій, донеси до Дунаю,
 Донеси до Дунаю, де утопытьсѣ думаю,
 Що хорошу вродоньку маю, да утопытьсѣ думаю,
 Ой, прїймай Боже душу, а ты рыбоньку тушу.
 А ты, риченька, быстра водонька, викинь кыстки на сушу.

50.

Ой, ишла дивка до броду по воду,
Та уподобала козака на вроду.
Ой, еще дивка воды не набрала,
Уже зъ козаченькомъ на розмови стала.
Ты, козаче, ты славный собою,
Возми мене у човничокъ зъ собою.
Еще дивка у човникъ не вступила,
Десь удалася, середь моря хвыля,
Вывернуло щубу рыбу зо дна,
Выкинуло молоду дивчиноньку зъ човна.
Три козаченька кони наповали,
Воны соби зъ тыха размовляли.
Однѣ каже, сине море грае,
Другій каже, дивка потопае,
Третій каже, хоть коньика збуду,
Таки ту дивку ратуваты буду.
Ой, ратуй мене, молодой козаче,
Ой, бери зъ мене дорогую плату.
Ой, я не хочу зъ тебе плату браты,
Ой, хочу тоби дружиною стати.
Ой, и хоть буду у море потопаты,
Таки не хочу дружиною стати.
Ой, подай, брате, долгую ломачу,
Приштыкнуты дивку по лежаку,
Ой, подай, брате, долгую тычину,
Приштыкнуты молоду дивчину.
Ой, не жаль мини баевой юбки,
Ой, якъ жаль мини дивчины голубки.
Ой, не жаль мини синій китайки,
Якъ жаль мини дивчины коханки;
Ой, не жаль мини доброго намѣста,
Якъ жаль мини дивчины до мысли.

51.

Та не хылыся, явороньку, ще жъ ты зелененькій,
 Не журыся, козаченько, ще жъ ты молоденькій;
 Та не радъ яворъ хилитыся, вода корень мые,
 Не радъ козакъ журитыся, такъ серденько мліе.
 Та несчастливый козаченько безъ доли вродывся,
 Взяли его въ неволиньку, винъ слезами умывся.
 Та взяли его въ неволеньку, забыли его у кандалы,
 Якъ забыли его й у кандалы, ведуть передъ пани.
 Якъ привели передъ пани, тай стали пыгтаты:
 «Чи е у тебе, козаченько, отецъ або маты,
 Що якъ станешъ на камени, тай подкивки златы?»
 Якъ бы у мене, пани мои, матуся ридненька,
 А тобъ у мене, що видля, сорочка биленька,
 А то у мене, пани мои, не матуся, титка,
 У ней сыны якъ соколы, а я якъ сыротынка.
 Та ведуть селомъ, ведуть мостомъ, крюкомъ очипають,
 За нимъ иде два братика, сильненько рыдають.

52.

У козака кудри вьются,
 А у дивчины слезы льются,
 Кудри вьются отъ радости,
 Слезы льются отъ печали.
 Не хай льются дробни слезы,
 А я пиду у густы лозы,
 У густы лозы у березы,
 У вишневынькій садочокъ,
 Сорываты ягодонокъ.
 Сорывала не нарвала,
 Соловеечка піймала,
 Та принесла до домочку,

Та пустыла у кліточку,
Повисила на килочку,
На шолковомъ снурочку,
Пивисила у кимнати,
Сама сила на кровати;
Якъ винь буде щебетаты,
Соловеечку маленькій,
У тебе голосокъ тоненькій,
Скажи минни, де миленькій,
Скажи минни шляхъ дорогу,
Куды ихаты до роду,
До роду, до родины,
До вирненькой дружины.

53.

Отце иду, отце иду по коліна въ лободу,
Та до той дивчины, що хороша на виду.
Въ огороди бузина, та посаженая,
Чортова дивчина, яка зряженая.
Въ огороди бузина перекопаная,
Чортова дивчина яка коханная.
Въ огороди бузина перерубленная,
Чортова дивчина перелюбленная.
Въ огороди бузина, на ній листа нема,
Ни цилуй, ни милуй, коли хосту нема.
Въ огороди бузина глыбоко-коринья,
Ой, хто мене поцилуе, заробьгъ масенье.
И шумьить и гуде, дробень дощикъ иде,
А хто жъ мене молодую, та до дому доведе,
Озовется козакъ, на солодкимъ меду,
Гуляй, гуляй, дивчиненько, я до дому доведу.
И нейды и неведы, и славоньки не роботы,
Не хай мене той веде, что до мене часто иде.

54.

У коси левта голуба,
Сама дивка молода
По садочку ходыла,
Два сыночка родыла,
Китайкою сповела,
До Дуная ѣ отнесла,
На корабль пустыла,
Дунаечка просила:
«Дунаечко, батечко,
Не топы моихъ детокъ
До дванадцати годокъ,
До тринадцати литокъ.
А ты, густый очереть,
Забавляй моихъ детей.
А ты, жовтый писочикъ,
Годуй моихъ деточокъ.
А вы, густы лозоньки,
Та считайте годочки».
На двѣнадцатомъ году,
Пишла вдова по воду,
Стала воду набираты,
Ставъ корабель приплываты.
А у тому корабли,
Два молодца молоды.
Одинъ листы читаетъ,
Другій вдовы питае:
«Удовонька молода,
Чи пидешь ты за мене?»
Я за тебе не ниду,
За другого дочку дамъ,
А не дочку, наймычку,
Хорошую панночку.

55.

Хмарка наступа, дощикъ накрапае,
 Дощикъ крапу робить, сестра брата просить:
 «Витдай мене, брате, въ чужую сторонку,
 Де велика семья, де богато дила;
 Де богато дила, я бѣ туды лятила,
 И дило робыла, и сямь годыла,
 И до тебе, брате, у гостоньки ходыла.
 Ждавъ братикъ нидилю, ждавъ братикъ другую,
 На третюю нидилю самъ до сестры иде.
 Принхавъ до двора, сестра нездорова,
 Уже третія нидиля, якъ я заболела,
 Уже билая постиль, уже пыломъ припала,
 Уже жъ я молодая изъ лыченька знала.
 Ой, засвѣты, брате, три свиченьки ясни,
 Ой, засвѣты, брате, буду я умираты.
 Свичка догоряе, сестрица умирае,
 Друга догоряе, братъ сестру зряжае,
 Третья догоряе, братъ сестру ховае:
 Отце жъ тоби, сестре, чужая сторона,
 И велька семья, и богато дила,
 Дила не робыла, сямь не годыла,
 И до мене, сестро, у гости не ходыла.

56.

Лита мон, лита, лита молодые,
 Дежъ вы подилыся, за часы малія?
 Тай видыбрали лита маленькіе дѣты,
 Видибрали силы все дочки да сыны.
 Та сыны жъ мон, сыны, сыны соловейки,
 Та запрягайте кони, кони вороненьки,
 Догоняйте лита, лита молоденьки.

Та ненько жъ, ты наша ненька, ты ненька стара,
 Коньки потомымъ, и лить не догонимъ.
 Та сыны жъ мои, сыны, сыны соловейки,
 Завертайте лита, лита молоденьки;
 Та уже жъ моя старость до мене приходитъ,
 Ой, диточки мои, не пускайте ёи,
 Голубьята мои, завертайте ёи;
 Та уже моя старость у синечки уступила,
 Ой, диточки мои, не пускайте ёи,
 Голубьята мои, завертайте ёи;
 Уже моя старость у свитлоньку уступила,
 Ой, диточки мои, завертайте еи,
 Голубьята мои, шануйте еи.

57.

Ой, Гаю, нейды у поле,
 Ой, Гаю, въ нижки коле,
 Ой, Гаю милостива,
 Чимъ ты брови намастила?
 Намастыла кукурвасомъ,
 Щобъ любили хлопци часомъ,
 Додемъ додемъ, долиною,
 А за мною кобылою,
 Кобылою вороною,
 Та за мною молодую
 Кобылою не нагнаты,
 Якъ попросе, треба устаты.
 Ой, що тобі за чортъ стався,
 Що ты мене й отцурався;
 Ходытемешъ, бродытемешъ,
 Тай опять мене любитынешъ.
 Ой, ты ихавъ, а я спала,
 Ой, ты свиснувъ, а я встала;

Та забула попытаты,
 Чого ходышь коло хаты,
 Чого ходышь, чого блудышь,
 Десь ты мене вирно любишь;
 Попоходытымешь, попоблудытымешь,
 Та опьять мене любытымешь.
 За мою ятривкою
 Ходють хлопци верявкою.
 За мою зобыцею
 Ходють хлопци улыцею.
 А за мною молодою
 Ходють хлопци чередою.

58.

Та Марусенько, серденько, скажи мини правдоньку:
 Яки у тебе гости булы, учора, безъ мене?

Ведмеденко зъ Занькова,
 Павлеченко зъ Крюкова,
 Козакъ Придыбойло
 Изъ чистаго поля.

Марусенько, серденько, скажи, сердце, правдоньку:
 Чимъ ты гостей принимала, учора, безъ мене?

Ведмеденка гусятыну,
 Павличенка курятину,
 Козакъ Павло Придыбайло
 Голубонька у масли.

Марусенько, серденько, скажи, сердце, правдоньку:
 Чимъ ты гостей поштувала учора безъ мене?

Ведмеденко горилку,
 Павлеченко вишнивку,
 Козакъ Павло Придыбайло
 Солодкій медочокъ.

Марусенько, серденько, скажи, сердце, правдоньку:

Де ты гостей спаты клала, учора, безъ мене?
 Ведмеденко у соломи,
 Павлеченко у полови,
 Козакъ Павло Придыбайло
 Зо мною у комори.

Марусенько, серденько, скажи, сердце, правдоньку:
 Якъ тій гости уставалы, учора, безъ мене?
 Веймеденко умывся,
 Павлеченко утерся,
 Козакъ Павло Придыбайло
 Богу помолився.

Марусенько, серденько, скажи, сердце, правдоньку:
 Якъ ты гостей выпровожала, учора, безъ мене?
 Ведмеденко шапку знявъ,
 Павлеченко ручку давъ,
 Козакъ Павло Придыбайло
 Обнявъ тай поцеловавъ.

59.

Ой, у конецъ гребли, тамъ шумили верби;
 Ой, лишь одна верба листомъ не шумила,
 Пидъ тою вербою, листу у коліна,
 А пидъ тымъ же листомъ лежить козакъ убитый,
 Тильки билы руки, разрублена голова на чатыри
 Охъ, и прилітало и три пави, [штуки.
 Ой, первая пава у головонькахъ пала,
 А другая сира, край серденька сила.
 Ой, що у головонькахъ, то ньька риденька,
 Ой, що край серденька, то ёго миленька,
 А що у ниженькахъ, сестрица риденька.
 Де Матуся плаче, тихій Дунай тече,
 Де сестрица плаче, тамъ стоять кривныца;
 Де мыла рыдае, тай росы не мае.

Що матуся плаче, годъ вить году,
 А сестрица плаче, вить тыжня до тыждня,
 А мила плаче, рыдае до нидилюньки,
 Ниделенька прійшла, мила замижъ пишла.

60.

Ой, темна ничка,
 Темна не видна,
 Десь мила за водою,
 Жеве вона зъ тяжкою бидою.
 Ой, засвичу свичку, перебре ричку,
 До милой хоть на одну ничку.
 Пидійду пидъ сини, вечеряты сили,
 Тильки моя мила ишла не вечера.
 Пидійду пидъ хаты, полягали спаты,
 Тильки моя мила не лягала.
 Мила не лягала, у виконця сидила,
 Зъ буйнымъ витромъ зъ тиха говорила:
 Не вий, витре, въ ночи, повій опивночи,
 Та не спяць мой каренькіи очи;
 Чи тымъ вони не спяць, що милого не зряць,
 Чи тымъ вони плачуть, що милого не часто бачуть.

61.

Головонька жъ моя бидна,
 Чого жъ моя мила сблидла?
 Чи пшеницу жала, чи ячень въязала,
 Чи на похмилля лежала?
 Я пшениченьки не жала,
 Ни ячменю не въязала,
 Отъ милого ручокъ,
 Отъ биленькихъ нижокъ,

Я на похмилѣ лежала.
 А я того якъ байдуже,
 Що бѣ милый дуже,
 Подлива водою, торка ногою,
 Говори мила зо мною.
 Ой, якъ минн говорыты,
 Будешь, милый, биты.
 Ты будешь ворчаты,
 А я буду мовчаты,
 Бо мужа я й провинула.
 Не бій мене милый въ день,
 Та не смйши сердце людей;
 Побьешь мене въ ночи,
 Запиршись бичи,
 Щобъ насъ люды та не знали,
 Пьяныцями та не назвали,
 Щобъ насъ люды не судыли,
 Пьяныцями не робыли.

62.

Ой, изъ за гори буѣный витерь вѣе, все повивае,
 Потеряла я свое здоровье, уже й лета минають.
 Ой, запряжу пару конивъ, пару воронѣи,
 Та поѣду догоняты лета молодыи.
 Дожену я лета молодѣи, у колиновомъ мостѣ:
 Завернитесь, лета молодые, вы до мене въ гости.
 Не вернямось, не вернымось, не знаемъ до кого,
 Що не умилы шановаты здоровьячка свого.
 Ой, пиду я й у вишневь садъ, та вырву я квитку,
 Та вырву я рожевую квитку, тай пуцу на воду,
 Плевы, плевы, моя рожевая квитка, а до мого роду,
 Плевы, плевы ты, рожевая квитка, де у поле крныца,
 Ой, тамъ стоять два братика, а третяя сестрица.

Ой, дежъ ты, наша сестра, симъ недилъ лежала,
 Що уже твоя рожевая квитка на води завьяла?
 Не лежала, мій братику, ни дня, ни години,
 Изсушила та извьляла чужая украинна,
 Тай ще къ тому, братику, доля несчастлива,
 Ще къ тому, мій братику, все чужая робота,
 Тай ще къ тому, мій братику, на сердци скорбота,
 Та ще къ тому, мій братику, все думки та гадки,
 Та ще къ тому, мій братику, мои недостатки.

63.

Ой, темная, та невидная ноченька,
 Дурна була, та нерозумная дивчина,
 Полюбила та козаченька старого,
 Веде зъ корчмы та за рученьку пьяного,
 Та привела до високого терема,
 Кладе спаты, та на тесовій кровати;
 Та забула соловіичку сказаты:
 «Соловейки, вы братики, вы мои,
 Не щебечить, а вы раненько на зори,
 Не збудить мого милого у теремн.»
 Я думала, що мій милый спыть, не чуе,
 Винъ на мене та нагаечку готуе.
 Я думала, що нагаечка шуточка,
 Якъ ударыть, той разсятытсья шкурочка.
 Я думала, що нагаечка волова,
 Якъ ударыть, то болыть сердце й голова.
 Я думала, що нагаечка на пару,
 Ажъ та вона изъ проклятого ременю.
 Я думала, що нагаечка зъ кистрыци,
 Ажъ то вона зъ проклятой сырыци.
 Я думала, що нагаечка, жовтый дрокъ,
 А ударыть, болыть сердце и живыть.

64.

Ой, маты, маты старая,
За що ты мене зкарала,
За пьяныченьку й отдала?
Що пьяныченько, що дня пье,
Прійде до дому, мене бье.
Нарикай, доню, нарикай,
Та у вишневый садъ тикай.
У вишневымъ саду калина,
Ой, тамъ стояла червона;
На той калини зузуля,
Ой, тамъ кувала сыва,
Тамъ вона днюе и ночуе,
Та никто зузули не чуе;
Тильки почула нивистка,
На круту гору идучи,
Холодну воду несучи.
Ея миленькій встричае,
Изъ плечъ видеречко знимае,
Та миленькій питае:
«Чого, милая, такая,
Що на лыченко блідная?»
Я тобі, мылый, не кажу,
Що я твоей неньки не вгожу:
Помажу припечокъ, лупае,
Помью лавки, не сяде,
Постелю постелю, не ляже,
Пытаю дила, не скаже,
Пиде до сиседъ, тай суде:
Ледащо нивистка ледащо,
Не пріймається а ни за що.
Не робы, мила, не робы,
Зклады рученьки, тай сяды.

Треба, миленькій, робыты,
И твой неньци годыты,
Щобъ соби славоньки зажиты.

65.

Якъ була у дивчины мачуха лыхая,
Та послала дивку до броду, по воду,
Та приказала маты повни видра браты;
Не велила маты видерь надливаты.
Не успила дивчина у бродъ уступыты,
Десь узялыся два вовчика зъ горы,
Та ухватили дивку пидъ билыи боки,
Та повели дивчину у яры глубоки;
Стали зъ дивчиною, стали жартвоваты,
Стала дивчинонька плакаты рыдаты,
Плакаты, рыдаты, голубамъ казаты:
«Ой, вы, голубоньки, ой, вы, сызеньки,
Чи полетыте вы на той край до батьки,
Накажите батьку, батьку ридному;
Не хай мене батько, батько не шукае,
Батько не шукае, мачуха не лае;
Не хай мене батько уже й отпоминае,
Мене молодой на свити не мае.

66.

Ой, на гори роменъ зелененькій,
Разгулявся козакъ молоденькій.
Не ма упину вдовьиному сыну,
Изушивъ извъялывъ чужую дытыну.
Пидъ горою комора стояла,
А у комори свичечка стояла;
Ой, тамъ мила билу постиль слала,

Та съ постиллю тыхо промовляла:
 «Постиле била, та не буду спаты,
 Ой, буду я у кровати стояты.»
 Що зъ вечера свичечка горила,
 О пивночи нагайка шумила,
 А къ свитови мила одубила.
 Лежыть мила, якъ бумага синя;
 Стоять мылый, такъ якъ папиръ билый.
 Треба, сыну, людей збираты,
 Треба, сыну, миленку ховаты.
 На що, маты, людей торбуваты,
 Треба, маты, думаты гадаты.
 Кого, маты, кату до рукъ даты,
 Що ты, маты, порадица у хаты,
 Що ты, маты, у комори стояла,
 Якъ мила мученьку пріймала;
 Чомъ ты мене, маты, не зпеняла?
 Та ще, маты, мене науцала:
 «Ой, бій, сыну, чужую дытыну».

67.

Ой, сынъ неньку за рученьку веде,
 Ой, сынъ неньку хорошо питае:
 «Ой, ты, ненько, ты, матинько моя,
 Чи мягкая постиленька твоя,
 Що постлала мыленькая моя?»
 Ой, сыне мій, ты моя дыгына,
 Мьягко спаты, та важко лежаты;
 Не зна мила на добра-ничь даты,
 А вившовши зъ коморы равенько,
 Та не скаже: на добрыи—день, ненько.
 Ой, ты, ненько моя, ты, матинько моя,
 Треба учиты, треба милу биты.

Ой, сыну мій, ты моя дытына,
Не бій жинку товстими кіями;
Та бый жинку розными словами,
О, якъ буде, та добрая жена, то послуха и доброго
А якъ удасться злая лычина, [слова,
То не боится ни бича, ни кія.

68.

Ой, выйду на гору, гляну на море,
Сыне море гра, хвыля разгоня;
Та гляну на свій край, ажъ роду нема,—
Я зажуруся, я й затоплюся,
Пиду у вишневий садъ, хочь прохожуся.
Въ вишневимъ саду, пидъ вишенькою,
Ой, тамъ сиділа пара голубивъ,
И цілюются, и милуются,
Та на мое життя все дивуются.
Ой, вы, голуби, вы сызеньки,
Вы цілуйтеся, вы милуйтеся,
Та на мое життя не дивуйтеся.
Десь узялися да стрилчика,
Та голуба убыли, а голубку узяли.
Та укинувъ за полу, принисъ до дому,
Принисъ до дому, пустывъ до долу,
Та насыпавъ пшеницы, кубокъ водыци.
Пшеници ни исть, водыце не пье,
Та пидъ ту вишню плакаты иде.
Не плачь, голубка, не плачь, сызенька,
Якъ я полену на синее море,
Прыжену тобі табунъ голубей,
Якого схочешь, такого й возьмешь.
И выбирала, и розсмотряла,
Та не выбрала такого якъ мала.

69.

Чужи люды конопельки сіють,
 А наши у мишечку приють.
 Ой, ты, чумаче не боже,
 Чомъ ты не робышь якъ гоже?
 Ой, ты чумаче голубче,
 Чомъ ты не робышь якъ лучше?
 Чужи люды конопли волочать,
 А наши свини волочуть.
 Ой, ты, чумаче не боже,
 Чому ты не робышь якъ гоже?
 Ой, чумаче голубче,
 Чому ты не робышь якъ лучше?
 Та вже чумаць дочумаковався,
 Штанивъ не мае, въ свитки зостався.
 Ой, ты, чумаче небоже,
 Чому ты не робышь якъ гоже?
 Ой, ты, чумаче голубче,
 Чому ты не робышь якъ лучше?

70.

Ой, соколе, соколенько,
 Не журь моей головоньки,
 Бо я й сама зажурюсь,
 Що я роду й остаюсь.
 Хорошого соби мужа маю,
 Добре буде быты, знаю;
 Що зъ вечера цилуе, милуе,
 О пивночи бѣе та катуе,
 А къ свитови прочь прогоняе:
 «Иды, стыдка, брыдка, и отъ мене,
 Есть у мене кращяя й отъ тебе».

Хочь у тебе двадцать чотыри,
А ти я краща межъ ными,
А така я старша надъ ными.
Де ты, брыдка, таку волю брала,
Щобъ надъ ными старшинствовала?
Измилуйся, Боже, надо мною,
Зоставь мене й увдовою.
Не хай же я й погуляю,
Якъ рыбонька по Дунаю.

71.

Ой, якъ була я малою, маленькою,
Не одиный сказавъ: будешь мнни миленькою;
А якъ пишла я замижъ, за несчастного сына,
Не одиный сказавъ, шкода того чирядина.
Въ мого свекорка на двори дви комори,
Колы пиду у тее комори, ажъ ни хлиба ни соли.
Бидна моя головонька, несчастлива доля,
Я у роду росла, у роду й кохалася,
Бидна моя головонька роду осталася.

72.

А московка ряба
Поихала по дрова;
И сече и рубя,
И на возъ наклада.
Зострила попа,
Помогай би дала:
«Помогай би батюшка,
Мой батюшка».
Ой, на гори журавель,
А въ долини гусы,

Вары, маты, вечеряты,
 Пиду до Маруси.
 А у Маруси полки та лавки,
 Якъ сивъ, прикипивъ,
 До дому не схотивъ.
 Пришла маты згоняты:
 «Иды до дому, скурвий сынъ».
 Пидъ пилъ подогнала,
 Очкуръ перервала,
 Очкуръ зъ бузины,
 А матня зъ пелены,
 А холоши зъ макивокъ,
 Тюпу, тюпу до дявокъ:
 «Дивчаточки, голубочки,
 Не бачили Марусеньки?»
 Хочь бачили, не бачили,
 Не будемъ казаты.
 Сидай же ты на коня,
 Будумъ догоняты,
 Простомъ, мостомъ,
 До билон хатки,
 До дивчяны ганки.

73.

Ой, повійте буйны витры изъ горы;
 Та прихавъ мій миленькій зъ войны,
 Та привъязавъ коныченька й у двора,
 А самъ пишовъ до милон своен:
 «Добри-вечерь, моя й мила, чи чуешь?
 Ой, чи сама мила вочуешь?»
 Ой, не сама, мій миленькій, не сама,
 Якъ у саду калиночка зацвила,
 Якъ у лизи калинонька зъ цвитами,

То такъ я зъ маленькими дѣтками.
Одно кладу, мій миленькій, и къ стини,
А друге кладу, мій миленькій, зъ краю,
Сама молода у середины лягаю.

74.

Давно дуба изрубили, пенёкъ зелененькій;
Давно вдова завдовила, сынокъ молоденькій.
Ой, удово удовонько, научай свого сына,
Якъ не будешъ научаты, будешъ чароваты;
Очарую руки й ноги и каріи очи,
Щобъ не ходывъ до дивчины, темненькои ночи.
Божилась удовонька, передъ паномъ стоя:
«Ой, далыби, добродію, ночуе сынъ дома,
Що зъ вечера постилъ стеле, къ свитови лягае,
Не разъ, не два, у дивчины чобить отбигае;
Не такъ чобить, не такъ чобить, якъ сивои шапки,
Тай у тои дивчиноньки, у своєї коханки.
Не такъ шапки, не такъ шапки, якъ билон юпки,
Тай у тои дивчиноньки, у своєї голубки.

75.

Выйся, выйся, подоймыся, сызо-крилый голубецъ,
Та перепелыченька, а мала не вельчка,
А мала не вельчка,
Та по поли литае, а комишь разгортае;
А комишь разгортае;
А комишь разгортае, а сокола шукае,
А сокола шукае:
«Соколе мій ясний, а паньчу прекрасный,
А паньчу прекрасный,
Та гордуешь темнотою, якъ витерь горою,

Якъ витерь горою,
 А якъ витерь горою, а туманъ долиною,
 А туманъ долиною;
 А туманъ долиною, а солнце украинюю,
 А солнце украинюю;
 А солнце украинюю, а козакъ зъ дивчиною,
 А козакъ зъ дивчиною.

76.

За три денежки кужельцю купыла,
 Та принесла до домоньку, положила.
 Лежить тая чужельца усю нидию,
 А въ неделю у воскресенъе, на висилья прогуляла,
 Въ понидилокъ на похмильячку лежала,
 А въ вивторокъ больно голову чесала;
 А въ середу государю, просударю прослужила,
 А въ четвергъ теплу баню топыла,
 А въ пятныцю стары жоны не прядаютъ,
 А въ субботу все поминки собираютъ,
 А въ нидию въ воскресенъе, на висилья прогуляла,
 А въ понидилокъ на похмильи лежала,
 А въ вивторокъ больно голову чесала,
 А въ середу кужельцю привъязала,
 А въ четвергъ три ниточки выпрядала.
 Ой, не пряды, моя мила, не неволься,
 Якъ настане весна красна,
 Та наросте широкій лысть лопушина,
 Та пошіемъ сарахванчикъ,
 Раздиванчикъ, размаханчикъ.
 Не ходы, моя мила, коло саду,
 Коло саду вишневаго, зеленого,
 Щобъ не порвалы сарохвана, роздивана, размахана.

77.

Бѣда мѣни, маты, за бѣдою,
Научилася журитыся молодю,
А друга бѣда, маты, мали дѣты,
Рада бѣ погуляты, нигде дѣты.
Покину дытыну у кропивыну,
Сама помандрую на Украину;
Вернуся, дытыну погодую,
Та опьять на украину помандрую.
Ой, якъ тѣй дытыни у кропивыни,
То такъ мѣни, маты, на Украини.
Та покину дытыну у нехворощу,
Сама помандрую ажъ у Польшу;
Та вернуся, дытыну погодую,
Та опьять ажъ у Польшу помандрую.
Ой, якъ тѣй дытыни у нехворощи,
То такъ мѣни, маты, у тѣй Польши.
Покину дытыну мѣжъ шляхами,
Сама помандрую зъ ляхами;
Вернуся, дытыну погодую,
Та опьять и зъ Ляхами помандрую.
Ой, якъ тѣй дытыни мѣжъ шляхами,
То такъ мѣни, маты, и зъ Ляхами.

78.

Заря зъ неба закотылася,
А й маты у дочки забарылася;
А хлиба соли не наилася,
А горилки не напилася;
Зъ своимъ зятемъ побранилася.
Озовется моя доненька:
«Ой, приведу я свою матинку,

Ой, за три шляхи за широкіи,
 За три гаи зелененькіи.
 Сама стану, та пидъ яворомъ,
 Ой, пидъ яворомъ зелененькимъ,
 Та заплачу жалибненько».

Оглянется моя матинка:
 «Чого плачешь, моя доненьку?
 Ой, чи попалась у невольницьку?
 Чи хмелика на гнзедечко звела,
 Чи тонкая паутиночка?
 Чи малая та дытиночка,
 Чи вирна та дружиночка?
 Ни хмелина, ни гнзедечко не звела,
 Ни тонкая паутиночка,
 Ни малая та дытиночка,
 А ни невирная дружиночка.

79.

Молодыи молодыци,
 Ой, Богъ вамъ давъ чоловиковъ,
 Ой, Богъ вамъ молоденькихъ,
 А у мене старичище
 Ни пускае ни на улыцю, ни на й грище.
 А я молодая догадалась,
 Биленкую постиленьку послала,
 Узяла свого старичище, тай приспала,
 Сама пишла на улыцю, и погуляла.
 Ой, видится не барилася,
 Вечерня зирочка закатылася,
 А свитова зирочка свитылася.
 Ой, иду я, а не боюся,
 Ажъ мій старичище, уже й свище:
 «Ой, де ты була, молодыха моя?

Лебонь ты изъ улыци изъ приведена.
 Ой, брешешь ты, старичище,
 Ни була я на улыци ни на й грища,
 А у комори ночувала,
 Та твоеи худобочки доглядала;
 Що корова ряба та теля привела,
 А я молода, та на кошари була,
 Привела корова телушечку,
 А чорна й овечка ягнушечку;
 Я молозева надоила,
 У полывьянямъ горщичку наварила;
 Взяла свого старичище й одурила.

80.

Галочка моя, галочка чорненькая,
 Скажи галочка, де моя миленькая?
 «Твоя милая у лузи надъ водою,
 Умывается горячою слезою,
 Утерается зильячкомъ крушыною,
 Малюе брови синею й ожыною».
 Кто мини буде вирною дружиною?
 Озовется дидъ старый зъ сидою бородою:
 «Пиду я, чорномазка, вечеряты зъ тобою».
 Ой, диду, диду зъ сидою бородою,
 Не подоба вечеряты зо мною молодою.
 У тебе борода, якъ у лузи купына,
 А у мене биле лычко, червона калина,
 Твоею бородою припечокъ замитаты,
 А мое биле лычко чорномазцямъ цаловаты.

81.

Ходить дивчина по надъ бережечкомъ, якъ рожевий цвѣтъ,
 Плаче, рыдае, що доли не мае, за неволеній свить.
 «Чого, дивка, плачешь, чого рыдаешь, чи боишся отця?
 Не бійся отця, бійся мене молодця,

Дивчина моя.

Ходить дивчина по надъ бережечкомъ, якъ рожевий цвѣтъ.
 Плаче, рыдае, що доли не мае, за неволеній свить.
 Чого, дивко, плачешь, чого рыдаешь, чи боишся неньки?
 Ой, не бійся неньки, щезъ я молоденькій,

Дивчина моя.

Ходить дивчина по надъ бережечкомъ, якъ рожевий цвѣтъ.
 Плаче, рыдае, що доли не мае, за неволеній свить.
 Чого, дивка, плачешь, а чого рыдаешь, чи боишся сестры?
 Ой, не бійся сестры, бо ще я козакъ быстрый,

Дивчина моя.

Ходить дивчина по надъ бережечкомъ, якъ рожевий цвѣтъ.
 Плаче, рыдае, що доли не мае, на неволеній свить.
 Чого, дивко, плачешь, а чого рыдаешь, чи боишся брата?
 Ой, не бійся брата, бо я гиршій ката,

Дивчина моя.

82.

Ой, ишовъ парень дорогою,
 Дорогою столбовою,
 Зостривъ дивку сироточку,
 Сироточку, сямъ-литочку.
 Ой, дивочко, сироточко,
 Сироточко, сямъ-литочко,
 Загадаю загадочку,
 Скажи, дивко, всю правдочку:
 Ой, що вьється коло древця?

Ой, що росте безъ коринця?
 Ой, що бижить безъ прогону,
 Ой, що свитыть круту гору?
 Ой, що палыть безъ жарини,
 Ой, що плаче безъ дивчины?
 «Ой, я це добре знаю,
 Козакови отгадаю:
 Ой, що вьется коло древця?
 Ой, хмиль вьется коло древця,
 Камень росте безъ коринця,
 Вода бижить безъ прогону,
 Мисяць свитыть безъ прозору,
 Солнце пече безъ жарини,
 Паринь плаче безъ дивчины.

83.

Изъ тыхого броду пили гусы сиры воду,
 Напилися, полытили,
 А летячи геркотили.
 Ой, пока нашъ батько буде,
 То потивъ намъ роскошь буде.
 А якъ матуся де динется,
 Той гостынонька менется.
 Ой, пиду я до брата,
 Ажъ у брата не та хата.
 Хочь у брата та хата,
 Такъ у брата ни ти сины;
 Уже у брата гости силы.
 Братъ сестру у гости кличе,
 А нивистка дули тыче.
 Братъ сестру завертае,
 А нивистка нышкомъ лае.
 Ой, завертай, милый коню,

Поидемо изъ гостыни,
 Щобъ у братови не гостыли,
 Щобъ братови ни дошлы,
 Хлиба, соли не пошлы.

84.

Ой, ты бривъ, черно-бривъ,
 Черно-бривъ, чомъ до мене забривъ?
 Та нема охотоньки,
 До дивчины сиротоньки.
 Чомъ, чомъ не прійшовъ?
 Бо чобитъ не найшовъ,
 Материнихъ не беру,
 Бо устилки погублю.
 А сестра не дала,
 Бо й соби добула,
 А батьковихъ не хочеться,
 Бо подошвы волочатся.

85.

Оженыла маты сына,
 Тай взяла нелюбу нивистку,
 Та не любу, тай не до любви,
 Не биле лычко, не чорни брови.
 Маты свого сына научала:
 «Замкни, сыну, жовтымъ ключомъ двери,
 Тай бій свою жинку край постели».
 Що зъ вечера комора звинила,
 А у комори свичечка горила,
 Тамъ миленька билу постель слала,
 А стелючи, мученьку пріймала:
 Що привязавъ до столба косами,

Тай наступивъ на въязы ногами,
Тай бѣ жинку трѣма батогами.
Стоить милый, якъ бумага била,
Лежить мила, якъ ожина синя.
Выйшла маты его стара зъ хаты,
Та стала своего сына пытаты:
«Десь ты, сыну, свою жинку любишь,
Що ты ей раненько не забудешь?»
Десь ты, маты, у порога стояла,
Якъ миленька смертю пострадала.
Научала, маты, якъ жинку караты,
Научижъ теперь, якъ ѳи ховаты.
Сидлай, сынку, коня вороного,
Та поюзжай до тестонько своего,
Та знай, сынку, що у тестя казаты:
«Ой, идь, маты, донечку ховаты,
Поихала по жовтую глыну,
Глины не набрала, смертю пострадала».
Иде маты доненьки ховаты,
Ажь никому и ворить отчиняты,
Тай никому правдоньки казаты.—
Увишла маты у новую свитлыцю,
Лежить дочка на всюю скомницю.
«Дочка жь моя, дочко, кукибнычко,
Чого жь у тебе плечи почернили,
Чого у тебе ѳ ручки посинили?
Чого у тебе нижки пожовтили?»
Плаче маты дрибными слезами,
Розказуе сваха вирными словами:
Плечи чорни, то глина побила,
Руки сини, у насъ пряжу синыла,
Ноги жовти, чепурно ходыла.
Ой, нужь, сваха, донечку ховаты;
А за сына другой шукаты.

Велыжъ, свахо, кату въ руки даты.
 А твого сына на Сибирь послаты,
 Моеи дочки тило ховаты.

86.

Синее море, жовтый цвѣтъ, та загодала на весь свѣтъ.
 У кого е кони, годуите, у кого нема, купуйте,
 У кого сыны, зряжайте, у кого нема, наймаите.
 Ой, зажурытса вдова, що у неи конь е, сына не мае,
 Тильки одна дочка Оленочка, тай тую у вѣско выряжала.
 Маты Оленочку у вѣско выряжала, выряжала, научала:
 «Тай нейды, дочко, попередъ вѣска, и не оставайся позаду
 вѣска,
 А йды, дочко, зъ боку войска», а Оленочка не послухала, по пе-
 редъ вѣска не поихала,
 Якъ же припало ричку бресты, и дунай плысты, то Оленочка
 перебрела и переплыла.
 Десь узявся татарюшка, узявъ еи коня за поводи, а Оленочка за
 билу ручку,
 Повивъ коньика у станыцю, а Оленочку у свѣтлыцю,
 Давъ же коньку сына и вивса, а Оленци меду и вина.

87.

Ой, малою сиротою стала,
 Та пишла замижъ, у горенько попала,
 Прираяли мене стари люды:
 «Пиды за мижъ, лучше жъ тоби буде».
 А я людску воленьку уволыла,
 Та пишла за мижъ, головку утопила;
 Тай не умила милому угодыты,
 Та пишла его раненько будыты:
 «Устань, милый, сизый голубочку,

Стоять тобі водыця у кубочку,
 И рупничокъ высыть на колочку;
 Стоять тобі сніданьячко у часци,
 Стоять тобі и горилочка у плясци».
 Десь ты моя наровоньки знала,
 А що такъ минн снідать зготувала?
 Ой, яжъ твоихъ наровивъ не знала,
 Минн твоя маты сказала,
 Щобъ такъ тобі снідать зготувала.

88.

Ой, матинко, вишенько, що безъ тебе лышенько,
 Ой, ненько жъ моя, топка гилька, якъ безъ тебе гирко.
 Що тебе жъ ни купыты, а ни заслужыты,
 Що безъ тебе, ненько моя, горе у свити жыты.
 Що уже жъ я й ходыла, та вжежъ я й служила,
 Та не найшла тои неньки, що мене родыла.
 Тильки найшла у поли синенькое море.
 Прійми жъ мене, синее море, теперь минн горе.
 Чи чула жъ ты, моя ненько, якъ я у тебе була?
 Пидъ покуднимъ виконечкомъ, якъ голубка гула.
 О, хоть чула, хоть не чула, не озывалася,
 Яжъ на тебе, донько моя, не сподивалася.
 Ой, чого жъ ты, донько моя, така стара стала,
 Що я тебе, донько моя, за рикъ не пизнала?
 Изстарила мене, ненько, чужая робота,
 А ще къ тому, моя ненько, на сердци скорбота.
 Изстарили, моя ненько, мене та чужіи хатки,
 А ще къ тому, моя ненько, мои недостатки.
 Изстарили мене, ненько, та чужіи лютки,
 А ще къ тому, моя ненько, маленькіи дитки.
 Изстарила мене, ненько, та чужая нива,
 А ще къ тому, моя ненько, невірная дружина.

89.

Та не вродыла мене маты а дила робыты,
 Та вродыла мене маты горилочку питы.
 Та люблю, люблю горилочку, та люблю іи питы;
 Ой, журятся мои вороженьки, чимъ буду платиты.
 Ой, у нидилоньку весь день пила, у понидилокъ спала,
 А въ вивторокъ снопивъ сорокъ пшениченьки нажала.
 А въ середу извозыла, а въ четвергъ змолотыла,
 А въ пятныцю провіяла, въ суботу змолола,
 А ниділю рано, у ранци отнесла шинкарци.
 Ой, день пила, ой, день пила, а тыждень робыла,
 Нежуритесь, мои вороженьки, ужежъ я заплаыла.

90.

Вятдай мене, моя маты, де новіи хаты,
 Ще свекорка якъ батинько, свекруха якъ маты,
 А диверки якъ братики, люблю жартоваты,
 А зовыци якъ сестрыци, е зъ кимъ розмовляты.
 Одинъ кивне, другій моргне, третій засміється,
 А мій милый, та ревнивый, мині не менется,
 У вечери, повечеря, все лихо складется.

91.

Порось ромень съ тыномъ ровень, на тынъ похилывся,
 Въ чужіи стороньки козакъ уклонывся.
 Приславъ поклоновъ, коня вороного,
 А я ему хустыну зъ пидъ злата самого.
 Мини тії хустыноньки у бока не носыты,
 За для славы казацкой сидельчко уккрыты.
 А якъ гляну на хустыну, згадаю дивчину,
 А якъ згляну на сидельце, утишу свое сердце.

92.

Та чого минн журиться, якои неволи,
 Що я добра не згадаю, а лиха до воли.
 Та витдай мене, моя мамо, за мижъ за старого,
 Буду его шановаты лучше молодого.
 Та буду шановаты, билу постель слаты,
 Качалочко у головочки, праники у боки,
 Шепшиною я застелю, лозыною укрию,
 Ой, Боже мій милостывый, чимъ я не угодила?
 Пошлю свого старенького, й у лугъ по калыну:
 «Пиды старый, пиды сидый, калины ламаты,
 Якъ калины не наломить, то далаби покину,
 Не наломить червонои, ей Богу покину».
 Пийшовъ старый, пишовъ сидый, калины ломаты,
 Прийшовъ паринъ, хорошъ бравый до моеи хаты,
 А я его за рученьку: «та иды, сердце, въ хаты».
 Посадила париночка за тесовымъ столомъ,
 Сама молода, якъ ягода, сила билл ёго.
 Выняла курча зъ печи, полудновать дала,
 Та послала свою дочку курчатъ годуваты:
 «Та иды, дочко паняночко, курчатъ годуваты,
 Не такъ курча доглядаты, батька выгладаты.
 Якъ итыме батько зъ лиса, давай въ хаты знаты».
 Та иде дочка паняночка, та долони плеще,
 Гуляй, гуляй, наша маты, батька не ма еше.
 Дотци виры ни дїймала, сама поглядала,
 Отсунула кватырочку, калина буріе,
 Ой, Боже мій милостывый, де я тебе подину;
 Поставила париночка за дубови двери,
 Сама лягла молодая на билой постели.
 Та иды старый бородатый, не колупай меду.
 Тяжко, важко на серденьки, головки не звезду.
 Пийшовъ старый бородатый медъ колупаты,

А я парня за рученьку: «та иды, сердце, зъ хаты».
 Тай иды паринь хорошъ бравый, та все лугами,
 Кто зостривъ та пытатыме, кажи, ходывъ за волами.
 Иде старый бородатый, та въ тарилки клепле,
 Ой, бувъ же тутъ тривражій сынъ, тильки мисто тепле.
 Та бодай тебе говорила лихая година,
 Полежала бия бока маленькая дытына.

93.

Якъ пійшовъ, той Панасъ,
 По горилку для насъ;
 Зачепився за пень,
 Тай простоявъ цилый день;
 И пляшку розбивъ,
 И горилку розливъ.
 Пяшла жинка видчиныла,
 Ему спину набыла:
 «Иды, дурню, до дому,
 Та не хвалься никому».

94.

Ой, що тобі приснылося,
 Ой, що тобі привидилося?
 Прошли наши марно лета,
 Якъ мисяць кругомъ свита.
 Чоловиче, що ты знаешь?
 Що ты все пьешь, та гуляешь;
 Що все гульки, та прогульки,
 А объ смерти нема думки?
 А я смерти не боюся,
 Я отъ смерти откуплюся,
 Калимаи обстелюся,

Гостоньками обсажуся.
 Чоловиче, що ты знаешь?
 Що смерть гостей росхляе
 Тай на тебе постягае.
 А я смерти не боюся,
 Я отъ смерти откуплюся,
 Возьму чарку, пляшку въ руки,
 А объ смерти нема думки.

95.

Чого же минн до дому?
 Чого жъ минн хвататься?
 Хлиба у мене худоба,
 Чи дытына плаче?
 Якъ бы у мене худоба,
 Ябъ дома сидла,
 Якъ бы у мене дытына,
 Тобъ дытыну глядла.

96.

Та вже не ходыты яромъ за товаромъ,
 Та вже не стояты зъ козакомъ Иваномъ.
 Та вжежъ ни ходыты, куды я ходыла,
 Та вжежъ ни любиты, кого я любила.
 Та не ходыты пишки по оришки,
 Уже мивяются дивоцки насмишки.
 Купы минн, Ваня, зелену запаску,
 Щобъ не забула, якій ты на ласку;
 Купи минн, Ваня, червоне намисто,
 Щобъ я не забула, якій ты намистный.
 Купи минн, Ваня, шолковый платочокъ,
 Щобъ я не забула, якій твій голосочокъ;

Купи минн, Ваня, баевую юпку,
 Щобъ я не забула, якій ты на думку.
 Якъ поихавъ Ваня у вельку дорогу,
 Та покинувъ милу черноброву.

97.

Ой, не ходы, Василечко, побиля тыночку,
 Бо покольшь билы нижки, тай на шепшиночку,
 Що шепшина та глодына, тай у печи дрова,
 Ой, десь стоить парочка, любая размова;
 Ой, якъ третій умишається, той потеряється,
 А я четвертый пребуде, той все гораздъ буде.

98.

Шли коровы зъ дубровы, а овечки зъ поля;
 Ой, плакала дивчинонька, край козака стоя:
 «Ой, куды ты, козаченько, отъизжаешъ,
 Ой, ты мене молодую кому вручаешъ?
 Вручаю дивчиноньку Господу Богу,
 А самъ пиду, самъ же поиду, Днипромъ за водою.
 Ой, килы жъ тебе, козаченько, у гости ожидаты?
 Ожидай, дивчинонька, тоди у гости,
 Якъ поросте зелена травыця у тебе на помости.
 Росла, росла зелена травыця, та вже похилилась,
 Ждала, ждала дивчина козака, та вже изжурилась.
 Ой, вышенько, та черешенько изъ коренемъ изъ сада,
 Кажуть люды, що козаченько буде, дивчинонька рада.
 Хоть радій, ни радій, то не буде браты,
 Було бъ тоби зъ другими ни жартвоваты.

99.

Прійды, прійды молоданъ,
Гречавычокъ тоби дамъ;
Не клады пидъ плече,
Бо рощина потече.
А це жъ то не я пекла,
А се моя маты.
А якъ бы я напекла,
Той по локтяхъ потекло.

100.

Ой, пиду я зъ сего хутора, пиду,
Та покину я всю вороженькамъ биду.
Тай оглянусь я, за крутою горою,
Ажъ иде беда, тай услидь же за мною.
«Чого, беда, чого ты учипылася?»
Тоби я, дивчина, тоби судилася.
Чого беда, чого ты увьязалася?
Зъ тобою, дивчина, зъ тобою зозналася.
Богачу, богачу, я тебе давно знаю,
Не сватай мене, у мене коровъ не мае;
Хочь у тебе не мае, я не буду докоряты.
Хоть ты не будешь, такъ твоя маты:
«Уставай, нивистко, уставай, молодая,
Подій коровъ, що видъ батьки нагнала».
А у мого батенька лиха година мала,
Де бь я тихъ тоби сирыхъ коровъ набрала?
У мене корови, тильки черни брови,
У мене тельци, тильки кари очици.

101.

Чого жъ въ ставу вода руда, лебонь хвыля збила,
 Чомъ дивчина смутна не весела, лебонь маты била?
 Мене матуся не была, сами слезы льются,
 Видь милого та людей не ма, видь нелюба шлются.
 Пришли минн, мій миленькій, хочь одніи люды,
 Не хай минн видь отца, видь неньки поруги не буде.
 Ой, видь отца поруженька, видь неньки другая,
 Не пускають мене на улыцю, що я молодая.
 Не потурай, дивчинонька, що я нарядывся;
 Я за сію пару жупану сильно задолжився:
 Сямъ день идты молотыты, три дни погоняты,
 Що давъ козакъ пару жупанивъ сей день походыты.

102.

Буложъ насъ три браты,
 Охъ, тія вси не вкупн,
 Одинъ въ Самари атаманомъ,
 А другій въ Петенбурги осавуломъ,
 А я молоденькій на укаинн.
 Наповаю коня зъ быстрого Днипра,
 Называю Днипра риднымъ братомъ.
 «Ой, ты Днипро-брате, скажи минн правду,
 Охъ, скільки у тебе ричокъ упало?»
 Ой, упало у мене ричокъ сорокъ чтыри.
 Одна ричка, конирочка,
 Тай та въ Днипро упала,
 Ой, вона жъ минн всю правду сказала,
 Называють мене бурлакою,
 А мого товарища разбилякою,
 Твого коныченька пропилякою.

103.

Ой, хожу я блужу теменькою ночи,
Не спясть мои очи, ни въ день ни въ ночи,
За тобой, мій милый, за тобою плачучи.
Дай мнѣ, Боже, орлови крыла,
Орлови крыла, соловьины очи;
Трепену, полену, хоть темной ночи,
Ой, сяду, я пиду, въ вишневоу саду,
Чи не выйде мыла къ мнѣ на порадѣ.
Ажъ миленька выходить и словесно говорить:
«Соколе мій ясный, и мій милый прекрасный,
Якій ты уродився у свити несчастный!
Що у поли былина, та безъ витра шатається.
Найменьшая птичка соби пару мае,
А мнѣ молодому пароньки не мае.
Ой, тильки мнѣ пары, та що очипи карн,
Тильки до любви, що чорни брови.
Та чорни брови маю, тай не оженюся,
Пиду до Дунаю, зъ жалю утоплюся.
Ты не топысь, козаче, бо ты душу загубышь,
Ходимъ повинчаймося, колы врно любишь;
Та за моя рушнички, а за твои гроши,
Ходимъ повинчаймося, обоє хороши.
Похали винчатися, ажъ не ма попа дома.
Чи твоя, чи моя несчастливая доля,
Що не застали свого попа дома?
Запрягай, хлопко, та коня вороного,
Пойдемъ винчатися до попа чужого.
Та отъ села до села, ставъ конь спотыкаться,
Вернымось, серденько, не будемъ винчатися.

104.

Ой, ты дубе купрявій и верхъ тоби рясенъ,
 Ой, минн вражій сынъ словами не страшень,
 Слова твои ласковіи, а чортова думка,
 Якъ тебе заплюю, то буду голубка.
 Ой, голубе, голубниченько високо несетя,
 Перечула черезъ люды, вражій сынъ сміетя.
 Смійся, смійся, за смихъ тоби буде,
 Трусытымешся симъ рикъ, тряця и смерти не буде,
 Болитымешъ, хворатымешъ, смерти бижатымешъ,
 У своей матери пыты прохатымешъ:
 «Ой, дай же минн, моя маты, холодной воды,
 Доставъ же я у дивчины великой биды».
 Стоять дивка на порози, бровами моргае,
 Молодому козакови жалю завдавае.

105.

Ой, гиля, гиля, сиры гусы на Ставъ,
 Добри вечеръ, дивчина, та ще жъ я не спавъ;
 Ой, не спавъ, не спавъ, та не буду спаты,
 Дай минн, дивчинонько, повечеряты.
 Я й не топыла и не варыла,
 Та взяла козаченька спать положила.
 Я й не умывався и не втырався,
 Яжъ тоби, дивчинонька, и такъ сподобався.
 Е у мене скрынця зъ подъ перелазомъ,
 Умыемось, козаченько, обое разомъ.
 Е у мене хустына шолкомъ вышита,
 Утрымояся, козаченько, хоть буду и бита;
 Хоть буду й бита, то знаю за що,
 За тебе, козаченько, не за ледащо.

106.

По вгородцу хожу и самъ соби рожу,
И размышляю, що робыты маю;
Чи листы писаты, до милой слаты,
Чи самому ихаты, отвидаты.
Якъ листы писаты, то будуть люды знаты,
А самому ихаты отвидаты.
Ой, прїхавъ милый до милой у гости,
А у милой увесь двиръ на помости.
Ой, на що жъ ты, мила, увесь двиръ замо-
За для того, що вирно любила. [стила?
Та узявъ милый милу за билую ручку,
Пишлыжъ воны зъ тыха въ мандривочку.
Мандровали поле, мандровали и друге,
А на третье поле, стали повертаты,
Стала мила важенько вздыхаты.
Узявъ милый милу подъ бялїи боки,
Тай укинувъ у Дунай глыбокій:
«Ой, плывы жъ ты, мила, тихо за водою,
Не по правди жила ты за мною.
Ой, выплыла мила, де густыи лозы,
Покотились дребненькїи слезы.
Ой, выплыла мила, де жовтый песочокъ,
Тай подала стыха голосочокъ:
«Чи я жъ не богата, чи я не прекрасна?
А що моя доленька несчастна.
Чи я не хороша, чи я не вродлива,
А що моя доля несчастлива.

107.

Пишла жинка на базаръ,
А я їи три дни ждавъ;

Ждавъ день, ждавъ и два,
Жинки зъ базара не ма.
Пішовъ бы я шукаты,
Шинкарочки питаты.
А жинка сыдыть,
Въ рукахъ чарочку держить:
«Иды, жинко, до дому,
Иды, голубко, до дому».
Даляби не пиду,
Поки ряду ни дійду.
Ей Богу ни пиду,
Не напилася до ладу.
Та не пишла до дому,
Та у шинкарки у комору;
И пье и гуляе
И у виконце поглядае,
Ажъ мій милый иде,
Якъ та буря гуде,
И дубину волоче.
Лыха моя годыша,
Запарина дубина
Тай ще сукувата;
Та на мою билу синну,
Та пинякувата.
Ахъ, ты милый, муже,
Не бій мене дуже;
Не буду я въ свити жить,
И до тебе говорыть,
И твоихъ дитей кормить.
Чи я въ тебе не жена?
Чи я господыня?
Три дни хаты не мела,
Въ печи не топыла.
За що мене, мій милый, бьешь?

За якіи чинки?
Чи я тобі не пряла,
За годъ три починки?
Одинъ пряла до Мыколы,
Другій до Покровы,
Третій зачала,
Тай не докончила.
За що мене, мій милий, бьешь?
Можебъ я й робыла.
Купы визъ веретинъ,
Нема мотовила,
Коли нема мотовила,
Шукай жинкини вила.

108.

Ой, пьяна, я пьяна, я пьяна,
Чоловика лаяла, лаяла;
«Цыть, кажу, мовчи, кажу,
Бой ты такіи и я така,
И вся наша родня така.
Було бъ не свататы въ ночи,
Не вылезли тобі очи,
Було бъ свататы въ день,
Роспытатыся людей,
А у насъ люды не татары,
Вони бъ тобі рассказали.
Цыть, кажу, мовчи, кажу,
Бо й ты такіи а я така,
И вся наша ридвя така.
Ой, хоть я дробная на виду,
А така я стоптала до ладу.
Цыть, кажу, мовчи, кажу,

Бой ты такій и я така,
И вся наша ридня така.

109.

Ой, и пье, козакъ пье, а у козака гроши е,
Его маты старенька, а й дрибни слезы лье,
Ой, и сыночку жъ ты мій, ты дытына моя,
Та не пій рано горилки, бо зведешся зъ ума.
Я горилки напьюсь, бильше ума наберусь,
Зъ вирною дружиною ой житы не поимусь.
Ой, у поли верба, пидъ вербою вода,
Тамъ дивчина воду брала, сама й молода.
Ой, дивчина отъ воды, а козакъ до воды:
Ой, дивчина молода, ой, дай коню воды.
Ой, рада бъ я подождать, та конеку воды дать,
Зимняя роса, дивчина боса, ниженьки щемлять.
На килочку рушнечки, тай обмотай нижечки,
Якъ дождемо той осени, куплю башмачки.
Ой, купуй ты самъ соби, а не будеш ты мини,
Есть у мене отецъ и матуся, тай куплять мини.
Ой, дивчина моя, сидай, сердце, на коня,
Та поидемъ у степъ гуляты, а де моя воливня,
А й у мене воливня, только одынъ бугаецъ,
Не журыся, сердце дивчино, я й самъ молодець.
Ой, дивчина моя, сидай, сердце, на коня,
А й та поидимъ у степъ гуляты, а де моя отара,
А у мене у отари тильки одинъ баранецъ.
Ой, не журися, сердце дивчино, я й самъ молодець.
Ой, дивчино моя, сидай, сердце, на коня,
Ой, та поидемъ у степъ гуляты, а де мои табуны.
А й у мене у табуна, тильки одынъ жеребець,
Ой, не журыся, сердце дивчино, я й самъ молодець.

110.

очко, дивочко, дивочко,
тебе выпиты, выпиты?
долу вылиты, вылиты?
тебе выпиты, выпиты,
до долу вылиты, вылиты.
ловоньди не шуми, не шуми,
ивиточку не боли, не болы.
ступи въ ниженьки, въ ниженьки,
цюю тришеньки, тришеньки.
горилочку пила, у мене чарочка мала,
хлю не тече, коло сердца пече.

111.

Га въ зеленому мачку
Пасла дивчина качку,
Пасучи загубыла,
Шукаючи заблудыла,
Преблудыла въ поле,
Ажъ тамъ мій нелюбъ оре:
«Помогай би тобі плуже,
Мій несуженый дуже».
«Здорова дивчинонька,
Несужена дружинонька:
Будешъ мيني постилъ слаты,
Та не будешъ на ей спаты;
Будешъ у кровати стояты,
Будешъ нелюба прохаты:
«Нелюбе, нелюбочку,
Пусты мене на постыльчку,
Уже мои билы нижки
По морозу походыли;

Уже мои били руки
 Та претерпили муки;
 Уже мои каря очи
 Не спали сей ночи;
 Уже моя руса коса
 По двору помаяла.

112.

Ой, маты моя, матусенька,
 На що мене хорошего родыла?
 На що миня биле лычко дарыла?
 Нельзя миня до церкви пійты,
 Нельзя миня Богу помолыться.
 Пшпъ мене въ вивтаръ кличе,
 А пономаръ проскуры тыче,
 А дяченьки задывляются,
 Та читаты помеляются.

113.

Ой, галочки сизо-перычки, пидымайтесь въ гору,
 Молодые новобранци, вернитесь до дому.
 Ой, рады бь мы пиднятыся, туманъ налягае,
 Ой, рады бь мы вертатыся, гетманъ не пускае.
 Бодай гетманъ счастья не мавъ, на кошевой доли,
 Пишли наши новобранци не по своій воля.

114.

Ты чорна, подай човна,
 А ты руда ходы сюда,
 А ты била, постый тамъ,
 Я до тебе прійду самъ.

Прійшовъ рудый до рудон
 Купуваты барабуля;
 Несчастлива моя доля,
 Не вкипила барабуля,
 Ой, тымъ вона не вкипила,
 Що ты рудый, а я била;
 Ой, ты рудый, а я била,
 Барабуля не вкипила.

115.

Очереть осока, чорны бровы у козака,
 Матусенька уродыла, щобъ дивчина любила;
 «Дивчина, люблю тебе,
 Та не ижъ хлеба, возьму тебе.
 Та не ижъ хлеба, не пій воды,
 Возьму тебе для выгоды».
 Та не хай ни исть твоя маты,
 Колы мене хоче нивисткой браты.
 А дивчина послушала,
 Три дни хлеба не кушала.

116.

Ой, бувъ та не ма, та поихавъ до млина,
 Ня съ кимъ систы, лина исты, хиба сяду сама;
 Ой, бувъ та не ма, та поихавъ до млина,
 Бидна моя головонька, сама спаты лягла.
 Ой, бувъ та не ма, поихавъ за ричку,
 Колыбъ его враги взяли, то поставила бъ свичку.

117.

Наварю я чичивыци,
 Та поставлю на польци.
 Що се биса нема зъ лиса?
 Що се братця, якъ барятся?

Чичивыця сходыть сходыть,
 Самъ до мене парынь ходыть.
 Що се зъ биса нема зъ лиса,
 Що се братця якъ барятся?

118.

Ой, сыну мій дударыку,
 Ты жъ було селомъ идешь,
 Ты було въ дуду граешь.
 Якъ заграешь въ дуду,
 То я всего лыха забуду,
 А теперь тебе не мае,
 Дуда твоя гуляе.
 Ой, пиду я въ комору по муку по муку,
 Якъ ударю дудочку по боку по боку.
 А дудочка, те-не-ни, те-не-ни,
 А я въ скоки такъ у боки,
 На въ присядки, та у долони,
 Кашъ мука по комори.

119.

Ой, въ нидилоньку равно, по раненьку, у вси звоны зво-
 А братъ и зъ сестрою на риночку ходыть: [нять,
 «Ой, часъ мене, брате, давно за мижъ даты.
 Не дай мене, брате, та за селянина,
 Виддай мене та за мещанина.
 Що у селянына не мае хаты,
 А у мещанина увесь двиръ на помасти.
 Я по новомъ двору люблю похожаты,
 А велька семья, люблю жартоваты».
 Якъ прїхавъ братикъ до сестры у гости:
 «Ой, здора, сестро, чи жива здорова?»

Не пытайся, брате, чего я змарнила,
 Нагайка, дритянка, кровью окипила.
 «Одежъ тоби, сестро, богатый мещанинъ,
 Що по новомъ двору любишь похожаты,
 А велика семья, любишь жартоваты.
 Убогий селянинъ у поля арае,
 Богатый мещанинъ у корчми гуляе.

120.

А де твій мужъ? на Дону.
 А твій де? утонувъ.
 Нумъ плакаты нумъ,
 Нумъ, нумъ, нумъ, нумъ.

121.

Видбила щука рыба, видъ берега ряску,
 Потеряла дивчинонька видъ козака ласку.
 А я тую дрибну ряску заберу у запаску,
 Таки тому козакови пидійду пидъ ласку.
 Пидішовъ я пидъ виконце, маты горохъ варыть,
 Горохъ варыть, сердце вянетъ, на улыцю барыть.
 Якъ бы тоби, мій миленькій, сестриця варила,
 Вона бъ тебе на улыцю тай не забарыла бъ.

122.

Черезъ улыцю метелюга струже,
 Ой, отчины, милый, бо пьяна иду дуже;
 Ой, отчины, милый, свой коханци,
 Якъ пишла зъ вечера, та пришла вранци.
 Ой, ты не поповичъ, я не попивна,
 Не бій мене пьяный, побій на похмилъя.

Якъ побьешь пьяну, не буду й знаты,
А якъ побьешь на похмилья, буду памятоваты.

123.

Дерь, дерь деруженець,
Кажуть люды, що я не жнецъ,
Що я въ поли не бувала,
Серпа зъ роду не держала.
А за мною густый рядъ.
А за мною пипъ и дьякъ.
А за мною молодую,
Ходють хлопци чередою.

124.

Ой, казавъ молодой козаче, що не буду Галю любиты,
Ой, пидходышь пидъ нове виконце, та подай, Галю, питы.
«Ой, и подай, Галю, ой, и подай, сердце, а изъ новаго видерця.
Ой, выйды, выйды, та сядь била мене, та утишь мое сердце».
Ой, якъ мини, козаченьку, до тебе выходыты,
Не спыть отецъ и маты, будуть мене биты.
Ой, не знай, дивчинонько, чимъ маты оскорбыть,
Отсунь кватырочку и отчины двери, та выгоны Галю изъ хаты.
Ой, гуль сизо-перій, а изъ новой хаты,
Ой, не даешь ты мой матусеньки всю ничь спаты.

125!

Колы бь, моя мила, та човнычко, та веселычко,
Сивъ бы поихавъ на той бережочокъ до дивчины мое сердечко.
На щожъ тоби, козаченько, та човынь та веселычко?
Стань подывыся зъ далека на мене, козаченько мое сердечко.
Ой, якъ мини, дивчинонько, здалека на тебе подывытыся,

Лучше обняты свою головоньку, та въ ричку утопытыся.
 Не дай мни, моя маты, ни снидаты, ни обидаты,
 Звелы жъ мни, моя маты, коня сидлалы, та до дивчины поихаты.
 Лугомъ иду, коня веду, вы, луженьки, развивайтесь,
 Селомъ иду, та плачу, рыдаю, вороженьки, утишайтесь.

126.

У поли, поли, стояла корчма,
 А у той корчми дивча шинкуе.
 Шинкуе вона медомъ та виномъ,
 И медомъ, та виномъ и горилочкою.
 Якъ прійшло до неи три волошина,
 И три волошина, три хороши.
 Одынъ же пье все медъ та вино,
 А другій пье и грошивъ кладе;
 А третій пье, дивча пидмовля:
 «Ходимъ, дивча, на Донъ и зъ нами,
 На Донъ и зъ нами, зъ волошами,
 Що у насъ на Дону не по вашему,
 Що у насъ на Дону не тчуть ни прядуть,
 Все зъ денегъ живутъ.
 Солому сичуть, пироги печуть,
 А сино смажуть, пироги мажуть».
 Повели дивча и все борами,
 Все й борами помижъ соснами,
 Привязали дивча до сосни плечима,
 А у боръ очима.
 Пидпалилы сосну зъ верху до спида,
 Сосонъ горыть, дивча говорыть:
 «Ой, хто е у бору, и хто край бору,
 И чуйте и бачте мою пригоду,
 А у кого е дочки та поучайте,
 Не хай волохамъ вироньки неймутъ,

А волоха вира якъ на води пива,
А въ дивчины ума, за шеляхъ нема.

127.

Дивирь зъ нивисткой розбивъ горщикъ зъ лимишкой,
Дивирь зъ нивисткой по смородыну пійшовъ,
Дивирь зъ нивисткой смородыны не найшовъ,
А у той смородыны широкіи листочки,
Дивирь нивистки купивъ чобиточки.

128.

Теперь мѣни погодыло,
Що прядыво не вродыло,
Та вродыла ччивыця,
Та буде мѣни фартухъ и сподныця.

129.

Пряду пряду валъ, валъ,
Люби мене панъ, панъ.
Пряду пряду мычку,
Люби мене Грыцьку.
Пряду пряду Волосинья,
Люби мене Оликсію.

130.

Ой, не знала бидна вдова, якъ хлиба робить,
Та наняла медведонька за плугомъ ходыть,
А вовчика сиренького волы погоняты;
А зайчика сиренького передни водыты,
А лысыцю горпыныцю обидать варыты.

Якъ разсердывся медведонько, тай плугъ поломавъ,
 А вовчочокъ сиренькій волю разигнавъ,
 А зайчикъ куценькій и собя поскакавъ.
 А лысыця горпыныця горшки побила,
 Отъ такъ тая бидна вдова хлиба робыла.

131.

Веселывся козаченько, тай не оглядився,
 Якъ походила серденько дивчина Маруся,
 Така била, повна, гарна, що й не надывывся,
 Не ма жинки, молодыци, кращей якъ Маруся.

132.

Та не знаешь, милый, якъ курочку зваты?
 Ципъ, ципъ, прійшовъ пипъ,
 Шиль, будемъ гуляты.
 Та не знаешь, милый, якъ качечку зваты?
 Тась, тась, прійшовъ ясь,
 Шиль, будемъ гуляты.
 Та не знаешь, милый, якъ овечку зваты?
 Баръ, баръ, прійшовъ Климъ,
 Шиль, будемъ гуляты.
 Та не знаешь, милый, якъ индычку зваты?
 Куръ, куръ, прійшовъ кумъ,
 Шиль, будемъ гуляты.
 Бидна моя головонька, чого дожилася,
 И кочилочки и рубля и ременнаго батога.

133.

Ой, маты, люблю Грыця,
 Що на коньку вертытся,

Люблю Грыця молодца,
 Що Гриць и до лыця.
 Гарный хлопецъ, гарно ходыть,
 Гарно и его маты водыть,
 Кожухъ новый, коширъ сивый,
 Гарный парынь чорнобривый.

134.

Ихавъ, ихавъ, чомъ до мене не захавъ?
 Захавъ до титочки,
 Запутався въ полъ-моточки.
 Ой, грай, колы граешъ,
 Не хай теща танцюе,
 Барабаны выбывае.
 А дочка не хай танцюе,
 Колы счастливу долю чуеть.
 Ой, заграйте музыки,
 У неи бризы велики.
 Мини маты пошила,
 Щобъ я хороше ходыла,
 Мини маты дала,
 Щобъ хороша була.
 Грай, панъ Иванъ,
 Танцюй, моя пани.

135.

Ой, горе, беда мини, переросла дуже,
 Колы бь мене той узявъ, що ложки струже,
 И ложечки и тарилочки, ще й на базарь повесе,
 Самъ себе прохарчуе, щей до дому принесе.

136.

Та ихавъ, ихавъ ярманковый,
 Ихавъ, ихавъ безтолковый,
 Занхавъ до титки,
 Запутався у пиль-митки.
 Лихо жъ твоей, кумо, маме,
 Сидивъ же я три дни въ ями.
 А ты й не выходишьъ,
 Тильки мене зводишьъ.

137.

Серденько жъ мое, теперь насъ двое,
 Ридные обое, пиды ты въ поле,
 Зрубай туполю.
 Пиди въ другую, зрубай ясовую,
 Построй комору все тысовую.
 Пиды жъ ты въ верби, зрубай верби,
 Зрубай верби, та пороби двери.
 Зачиняй мене въ тую комору.
 Порубай липки, пороби замки,
 Пороби замки и замакай мене,
 Та поставь сторожу молодую.
 Сторожа молода крипко заснула,
 А я молода, я гулять майнула.

138.

Віе витерьъ, повивае,
 Батько сына выряжае:
 «Та иды, сыну, причь отъ мене,
 Та не любляна жена й у тебе».
 Ой, я, тато, три сестры маю,

Та всеми тремя замышляю:
 Найстарша иде, ковя веде,
 Середуша иде, сидло несе,
 Найменьше иде, хустку несе,
 А хустку дае и приказуе:
 «Ой, брате нашъ, не кидай насъ,
 Ой, якъ будешь насъ покидаты,
 То буде тебе Богъ караты».

Пиды, сестро, до Дунаю,
 Набери, сестро, воды съ краю,
 А изъ другого писку жменю,
 Та посій, сестро, по каменю.
 Та нема дощу, нема сходу,
 Нема братика зъ походу.
 Та нема свиту на свиту,
 Пійшовъ братикъ по всимъ свиту.

139.

И чарко жъ моя й оковитая,
 Горилко моя й смаковитая,
 Хтожъ тебе наливатыме,
 Хтожъ тебе выпыватеме?
 Наливатеме Устина Афанасивна,
 Выпыватеме Марья Степановна,
 На здорвье тому, чью горилку пьемо,
 На безголовья тому, кто дывуется сѣму.
 За отца до динця,
 А за неньку повненьку;
 А за родыночку, хоть половиночку,
 А за милого симъ,
 Щобъ було весело намъ всимъ.

140.

Померъ Гайдабура,
Зосталася свиня бура,
Закололи свиню буру
Помыналы Гайдабуру,
Закололи свиню въ дощъ,
Та не вдався добрый борщъ.

141.

Лагу меду, голось веду, луже развивайся;
Ты, козаченько, на мои чорни брови не сподивайся.
Якъ будешь на мои чорни брови буваты,
То не будешь своею смертію умираты.
Дала дивчинонька козакови коханъ-зилья спиты,
Щобъ ему молодому на свити не житы.
Померъ козакъ, тиха ёго молва,
Козака несуть, коня ведутъ и ясну зброю,
Выкопалы козакови глубокую яму,
Выкопалы козакови високу могилу,
Посадыли червону калину,
Щобъ зузули литалы и рано ковалы,
Померъ козакъ черезъ тую дивчину, щобъ вси люды зналы.

142.

Пусты жъ мене негодяю,
Пиду на улычку погуляю.
Ой, колы жъ я негодай,
Сыды жъ дома, не гуляй.
Отъ такъ треба, отъ такъ треба.
Пусты же мене, голубочку,
Пиду погуляю на улычку.

Ой, колы жъ я голубецъ,
 Пиды полугяй у талець.
 О такъ треба, о такъ треба.
 Пусты мене, вошопруде,
 Пиду погуляю хотъ мижъ люды.
 Колы я вошипрудъ,
 Сыды дома, воши прудъ.
 О такъ треба, о такъ треба.

143.

О, у поли будякъ,
 Ой, у школи старый дьякъ.
 Ой, ты старый дячку,
 Люби мене швачку.
 У мене полы зашиты,
 Стоять ложки не мыты.
 А смитьячко у купци,
 Наихали купци.
 Наихалы купци, смитья кунуваты.
 Що тоби, щебетуха,
 За смитьячко даты?
 Сюды хипъ, туды хипъ,
 За смитьячко девьять кипъ.
 А десята кипка,
 Що выбрала титка,
 Ще повисмо прядива,
 Що вымыла дядына.

144.

Обищала пирогъ даты,
 А палянычку дала.
 Выбачайте сусидоньки,

У меня сырца не має,
Коровочка одное,
Горилочку любила,
Петривочку згубила.

145.

Свекоръ нивистку сильно не злюбивъ,
А свекруха незнавидила,
Тай послала лёну полоты,
Лёнъ выполы, да до дому нейды.
Встань же ты выполы белиною,
Белиною и крушиною,
Що безъ витру шатаются,
А безъ солнца украшаются.
Ой, прихавъ мій сынъ зъ дороги,
Та уклонився матуси у ноги:
«Ненько жъ моя, ненько старенька,
Ой, я издывъ, увесь свить произжавъ,
Та не бачивъ такой белины,
Що безъ витру та шатается,
А безъ солнца украшается.
Возьми, сынку, гостру сокиру,
Пиди зрубай тую белину.
Взявъ сынокъ гостру сокиру,
Пійшовъ рубаты тую белину.
Та разъ кипувъ, тай прокинувъ,
Въ друге кинувъ, вона загула,
Въ трете кинувъ, заговорила:
Не рубай мене, милый, я мила твоя,
Се твоя ненька такъ изробила,
Дитокъ маленькихъ посиротила,
Тебе молодого та завдовила.
Ой, прихавъ мій сынъ зъ дороги,

Тай уклонився матери у ноги:
 «Ненько жъ моя, ненько старенька,
 Не гораздъ ты се зробила,
 Дитокъ маленькихъ осиротила,
 Мене молодого та завдовила.

146.

Черезъ гору орелъ воду носить,
 Дивчинонька козаченька просить:
 «Козаченьку ты собою,
 Возьми мене зъ собою,
 Помандрую я и зъ тобою».
 Ой, дивчина, ты сухотонька моя,
 А люды кажутъ, що не будешъ ты моя,
 А люды кажутъ, я й самъ бачу,
 Не разъ и не два на день плачу,
 За тобою, дивчина моя.
 Ты за гору, мій милый, за гору,
 А я тебе оченьками провожу.
 Проводь, мила, оченьками,
 Чорненькими бровоньками,
 А умываючи слезоньками.
 Ой, вернися, мій милый, вернися,
 А есть у мене медъ и вино, напійся.
 Ой, не буду вертатися, меду и вина питы,
 Лучше бъ було не знатися,
 Нижъ теперъ разстатися,
 И зъ тобою, дивчино моя.
 Ой, лучше бъ було не любитися,
 Нижъ теперъ разлучитися,
 Ой, не сама по саду ходыла,
 А миленького за рученьку водыла.
 А вси ягидки обирвала,

Миленького годувала.
Я думала, що мій буде,
Повикъ мене не забуде.
Козаченьку, ты отецкій сынъ,
Казавъ же ты, тебе не покину,
А теперъ покидаешъ,
Печаль сердцу завдаваешъ.

147.

Ой, вербо, вербо кучерявая,
Хто тобі, вербо, кудри зовивъ?
Завела мини густа лоза,
А густа лоза, сама молода.
Ой, кажуть люды, милый не пье,
А що вечера зъ корчми иде,
Що пропивъ коня вороного,
А до дому иде й по другого.
Ой, мила моя, выкупи коня,
Выкупи коня, люблю тебе,
Якъ не выкупишь, убью тебе.
Ой, не разъ не два выкупала,
У виконечка и утикала,
У вишневомъ саду ночувала,
Зъ соловейками размовляла.
А соловейко якъ тѣхъ тай техъ,
А я молода якъ охъ тай охъ,
А у мене слезы, якъ той горохъ,
А у мене брови, якъ той горохъ,
А у мене очи, якъ той тернокъ,
А у мене лычко, якъ огарокъ,
А губки, якъ ягідки.

148.

Ой, сынъ мій, та негруенко,
 Не пій горилочки, рано въ нидилоньку,
 Та не грай конемъ улыцами,
 Не растучій малыхъ дитей,
 Та не низнивожуй старыхъ людей.
 Не гуляй же, сыну, и зъ панами,
 Що вони зъ тебе пьють, гуляють,
 Що вони зъ тебе ума выворяють.
 Ой, якъ мини, маты, не питы не гуляты,
 Що й у мене дворы коштовіи,
 Що у мене викна Арпушовіи.
 Що й у мене серебро не считанное,
 Що й у мене злато не важенное.
 Що й въ недиленьку рано въ ранци,
 Взяли Негруенку извъязалы,
 Та извъязалы руки сырицею,
 Тай повели улицею,
 Та подъ его дворы коштовіи,
 Та подъ его викни Арпушовіи,
 Тай укинули его въ темныцю,
 Тай въ глыбокую присподныцю.
 Сыдыть винъ литочко, сыдыть и друге,
 А на трете лито, стало повертаты,
 Ажъ иде его старенькая маты,
 Ой, стала жъ ему говорить:
 «Чи яжъ тоби, сыну, и не казала,
 Не пій горилочки, рано у нидилоньку,
 Ой, почимъ же ты, сыну, та литочки знаешь?
 Ой, що ты николы свята не выдаешь».
 Ой, по тымъ я, маты, ставъ лита знаты,
 Ишла дивка семилетка та по водыцю,
 Та вкинула свитку зъ рожевого цвиту.

Ой, по тимъ я, маты, ставъ лита знаты,
 Що на святый день, та на великъ день,
 Всихъ невольныковъ та повыпускали,
 Взяли Негруенка разществертовали.

149.

Та подумай ты мысли, объ моемъ несчастьи,
 А чи миня долго житы, у великимъ напасти,
 Та миня отъ напасти, та уже не пропасти.
 Куды птыты люды судять, объ миня говорить.
 Ой, доле жъ моя доля, де ты блудыла?
 Ой, якъ мене, моя матусенька, на сей свить зродыла.
 Та чи ты утонула, а чи въ огни сгорела,
 Ой, якъ ты й утонула, такъ пльиви къ бережечку,
 А якъ въ огни згорела, то пропадай доля.
 Ой, якъ пиду я погуляю у чисте поле,
 Ой, пиду я сяду въ зеленому саду,
 Чи не прійде моя доля къ миня на пораду.
 Ой, пиду я сяду въ зеленымъ жити,
 Чи не прійде доля, а до мене житы.
 Ой, пиду я сяду у зеленому проси,
 Чи не прійде доля, а до мене въ гости.
 Ой, пиду, я пиду, пидь ясны копи,
 Ажъ тамъ лежить моя доля, облежала боки.

150.

Ой, коли бъ ты хозяйнъ та вольки соби мавъ,
 Тобъ я дома сѣби сидила, та вольки глядила.
 Серденько мое, ледаще мы обое.
 Ой, колы бъ я, а той ты, не хочемо робыты.

Ой, колы бъ ты хозяйнъ, та коровку соби мавъ,

Тобъ я дома сидила, та коровку глядила,
Серденько мое, ледащо мы обое,
Колы бъ я, а той ты, не хочемо робыты.

Ой, колы бъ ты хозяйинъ, та овечки соби мавъ,
Тобъ я дома сидила, волничку чухрала,
Серденько мое, ледащи мы обое,
Не хай я, а той ты, не хочемо робыты.

Люды идуть ораты,
А мы въ корчму гуляты,
Серденько мое, ледащи мы обое,
Колы бъ я, а той ты, не хочемо робыты.

Люды идуть по дрова,
А у насъ болыть голова,
Серденько мое, ледащо мы обое,
Колы бъ я, а той ты, не хочемо робыты.

Люды идуть по сню,
А у насъ лыхо на сило,
Серденько мое, ледащо мы обое,
Колы бъ я, а той ты, не хочемо робыты.

151.

На порози стояла,
Гречаныки учиняла,
Гопъ, мои гречаники,
Гопъ мои билы,
Ни сянны, ни вянны,
Та до дила удянны,
Пухки, мяхки,
Ось на яко.

152.

Иды грыцю на улыцю,
Бери паляныцю,
Та не бери пидъ плече,
Бо рощина потече.
Бодай тоби дивко,
Що учинила ридко,
Далиби, що не я,
То матуся моя.

153.

На риченьки, та на дощечки,
Тамъ дивчина хлипощится,
Хлипощится, умывається,
Въ черевички обувається.
«Дывитесь, чоловиченьки,
Яки у мене черевиченьки.
Сежъ мини панъ отецъ покупивъ,
Щобъ хорошіи молодець полюбивъ,
А чулочки пани матка дала.
Щобъ хороша панянка була.

154.

Та горилочка небого,
Чому жъ тебе не много?
Якъ выпила за пятакъ,
Не почувла якій смакъ.
Якъ выпила за два,
То прибуло ума.
Якъ выпила я за три,
Не угадала куда йты.

Кричу, кричу, не чую;
 Не хай здоровъ ночуе.
 Хилю, хилю, не тече,
 Коло серденька пече.

155.

Полюбила коваля,
 Та не доля моя.
 Я думала кучерявый,
 Ажъ и чуба не ма.
 Ой, есть трошки,
 Та не кучери.
 Ужежъ мини шолудывы,
 Та докучили.

156.

Повій, витре буйнесенькій, зъ глыбокого яру,
 Пребудь, пребудь, мій миленькій, зъ далекаго краю.
 Ой, радъ бы я повіяты, такъ глыбоко дуже,
 Ой, радъ бы я прибуваты, такъ далеко дуже.
 Черезъ воду нема ходу, не ма й переброду;
 Колы мене вирно любишь, бреды черезъ воду.
 Половину воды бреду, половину стану.
 Сватай мене, козаченько, не вводь мене въ славу.
 Ой, сама ты дивчинонька у славоньци ходышь,
 Що пиздненько, не раненько изъ улыци ходышь.
 Ой, якъ мини, козаченько, рано ходыты,
 Якъ возьмешъ за рученьку, не можешъ пустыты.
 Не потурай, дивчинонько, моей розмовоньци,
 Держи разумъ и умъ добрый въ свой головоньци.
 Ой, держала разумъ добрый, та пустыла въ воду,
 Не уповала на худобу, лишь на ёго вроду.

Не уповала ни на волы, а не на коровы,
 Лишь на ёго биле лычко, тай на чорни брови.
 Були волы та коровы, та й повиздыхали;
 Биле лычко, чорни брови повикъ не злияе.
 Зъ великою худобою треба рано вставаты,
 А зъ вирною дружиною до полудня спаты.
 Великая худобонька все по за очима,
 А вирная дружинонька все передь очима.
 Зъ великою худобою животу досада,
 А зъ вирною дружиною серденьку отрада.

157.

Не топила, не варила, не буду й топыты,
 Выверяла миленького, чи не буде биты.
 Побивъ разъ, не гораздъ, тило почирнило,
 Плакавъ же винъ цилу ничъ, що у мене болило.
 Ой, у мого миленького, а не дровъ ни воды;
 Прийды, сердце, поцлуймось, та на панцину иды.
 И ты тутъ, и я тутъ, ой, хтожь у насъ дома,
 Ой, хто жъ у насъ порубае соломьяни дрова.

158.

Ой, чумаче, чумаче,
 Ой, чумаче, чумаче,
 Чомъ не рано зъ Криму идешь,
 Чомъ чумакивъ не ведешъ?
 А я веду та не всихъ,
 Лишь не мае й одного,
 Брата мого ридного;
 Та застався на Дону,
 Продае силъ на вагу.
 Сталась ему причина,

Силь волика прибила.
 Выкопали дви ями,
 Тамъ чумака сховали,
 Притрусили камишемъ.
 Поминали кулишемъ.
 Якъ зацвите бурьянець,
 Якъ заплаче мій отецъ,
 Що сынова голова
 Въ чужимъ край полягла.
 Якъ зацвите макивка,
 Якъ заплаче матинка,
 Що сынова голова
 Въ чужимъ край полягла.
 Якъ зацвितуть будячки,
 Якъ заплачуть братички,
 Що братова голова
 Въ чужимъ край полягла.
 Якъ зацвितуть сулыци,
 Якъ заплачуть сестрици,
 Що братова голова
 Въ чужимъ край полягла.
 Якъ зацвите синенька,
 Якъ заплаче миленька,
 Що милого голова
 Въ чужимъ край полягла.
 Якъ зацвите увесь цвितъ,
 Якъ заплаче увесь ридъ,
 Що родычева голова
 Въ чужимъ край полягла.

159.

Тай шовъ чумаць дорогою, сопилочку грае,
 Ой, сивъ чумаць, та мижъ возами, горилку кружае.

Та оглянется та чумаць Назарій, ажъ воливъ не мае.
 Теперъ же мы, милїи братья, на вики пропали,
 Що въ Крымъ шли та зъ возами, зъ Крыму зъ батогами,
 Ой, сидлай, хлопко, та сидлай, малый, коня вороного,
 Та бижи, хлопко, та бижи, малый, по надъ слободою.
 Та давай, хлопко, та давай, малый, усимъ панамъ знаты,
 Щобъ позволили тому чумакови волы пошукаты.
 Ой, у городи, та у Ростови у вси звонї звонять,
 Тай оглянется чумаць Назарь, ажъ волики гонять.
 Та женуть волы, та половеи, травьцю толочать,
 А за ними идуть чумаченьки битого волочать.
 Та женуть волы, та дорогою все половыи,
 А за ними идуть чумаченьки все молодїи.
 Женуть волы, та дорогою, та все круторогїи,
 А за ними идуть чумаченьки, все молодїи.

160.

Що у саду, та пидъ дулькою,
 Сидивъ голубъ и зъ голубкою;
 Цилують та милують,
 Сами соби та дывуються:
 Що у голуба та сизая голова,
 А въ голубки, та позлочувана,
 Чорнымъ шолкомъ перестрочувана.
 А у Ивана та на думци було:
 Колы бъ моя, та Одаря така,
 Тобъ я ии циловавъ, мыловавъ,
 И до печи куховарку нанявъ,
 А до стуны та товчильныцю,
 А до жорнъ та мелильныцю.
 А самъ бы я по водыцю ходивъ,
 А Одарю та за ручку водивъ:
 «Та, Одарю, ты голубка моя,

Що ты миня та за зилье дала?»
 Дала тобі, драголюбчику,
 Ты Иванку мій голубчику.

161. Свадебная.

А въ видилоньку, до сходъ сонця,
 Схопилась хвѣля на моря.
 Розбило судно й корабли,
 Та потопили крамари.
 Та прибило шолчечку къ бережочку,
 Пишла сванечка воды брать,
 Та не брала воды, все шолки,
 Мини сѣго шовчечку надобно,
 Старости старому до шопки,
 Вороному коньку на гривки,
 Ой, щобъ же нашъ староста красенъ бувъ,
 Ой, щобъ его конь вороный славенъ бувъ.

162.

Чи ты, ненько, спала, чи ты такъ лежала?
 Якъ я вчора изъ вечера, пидъ викномъ кувала.
 Ой, якъ бы я, донько моя, твій голосъ зачула,
 Вилинула бъ у кватырочку якъ сива зозуля.
 Пусты мене, ненько моя, у громовую тучу,
 Уже я тобі, ненько моя, повикъ не наскучу.
 Ой, не пущу, донько моя, щобъ туда не убила,
 Бо не найдешъ счастья и доли, що ты загубила.
 Пусты мене, ненько моя, у вишневъ садъ гуляты,
 А я буду все гуляты, доленьки шукаты.
 Ой, не пущу, донько моя, щобъ птыця не убила,
 Бо не найдешъ счастья и доли, що ты загубила.
 Пусты мене, ненько моя, на Дунай плаваты,

А я буду порынаты, доленьки шукаты.
Ой, не пуцу, донько моя, щобъ ты не утонула,
Бо не найдешъ счастья и доли, глубоко пирнула.

163.

Сватай мене, Марко, я за тебе пиду;
Я буду свататы, не дае тебе маты.
Ой, якъ не дае, будемъ мандроваты,
Темной ночки, и зъ Марочкомъ прички.
Ой, Марковъ конь, та не Марко на немъ,
Маркове сидельце, не Маркове сердце,
Маркова збруя, не Маркова мова,
Маркова писня, та не Марко спивае;
Маркови суремочки, та не Марко у ихъ грае.

164.

Ихавъ козакъ и зъ снопами,
Назнавъ дивку пидъ копами.
На дивчину задывався,
Ему визъ уломывся.
Колыбъ дивчина гарна,
А то руда та погана,
Тай та визъ поламала.
Хоть я руда та погана,
Такъ мій батько богатъ:
Симъ паръ воливъ на загопи,
На намести дукачъ.
Чорты убивъ твого батька,
Зъ твоимъ батькомъ богачомъ.
Наплювавъ я на тебе,
И на наместо зъ дукачемъ.

165.

Не займайте мене хлопци, по телята я иду.
 Якъ займете вы телята, позываты пиду.
 Ой, гапа, люблю хлапа,
 Хоть у мене, буде зъ мене гопъ.

166.

Ходыть гарбузь по огороду,
 Пытается своего роду:
 «Чи живы, чи здоровы,
 Все родычи гарбузови».
 Гарбузь сырый та перистый,
 Съ чимъ мы будемъ его исты?
 Миска пшена, кусокъ сала,
 Гарбузова вся приправа.

167. Свадебная.

Та биленькая черемшина, рано, рано,
 Та биленькая черемшина, та ранесенько,
 Чи все луги оббила, рано, рано,
 Чи все луги оббила, та ранесенько.
 Я все луги, ще й прилуги, рано, рано,
 Я все луги, ще й прилуги, та ранесенько.
 Лишь яворка не вбила, рано, рано,
 Лишь яворка не вбила, та ранесенько.
 Биля яворка сама зросла, рано, рано,
 Биля яворка сама зросла, та ранесенько.
 Молодая дивка Татьяна, рано, рано,
 Молодая дивка Татьяна, та ранесенько.
 Ты всехъ бояровъ обдарила, рано, рано,
 Ты всехъ бояровъ обдарила, та ранесенько.

И сваничокъ, свитылочокъ, рано, рано,
И сваничокъ, свитылочокъ, та ранесенько.
Лишь Якивка не вдарила, рано, рано,
Лишь Якивка не вдарила, та ранесенько.
Бія Якивка сама сила, рано, рано,
Бія Якивка сама сила, та ранесенько.

168.

Ой, воли мой, та половіи, чому жъ вы не орете?
Ой, лита мой молодіи, чого вы марно идите?
Ой, заржи, заржи, вороній коню, на круту гору идучи,
Та згадай, згадай, сердце дивчино, сніданье готуючи.
Я готувала, тяжко вздыхала, залибно заплакала:
«О, десь мій милый, голубонько сивый, на воронимъ коню иде?»
Ой, заржи, заржи, вороній коню, на круту гору идучи,
Та згадай, згадай, сердце дивчинонько, вечерю готуючи.
Якъ готувала, тяжко вздыхала, жалибно заплакала:
Ой, десь мій милый, голубонько сивый, на ворономъ коню иде?
Ой, на волька все налігачи, а на коника пута,
Ой, якъ бы не ты, сердце дивчино, то не бувъ бы я тута.
Ой, на волька все налігачи, а на коника узды,
Ой, якъ бы не ты, сердце дивчино, не терпивъ бы я нужды.

169.

Зашумила дубривонька,
Зашумила зелененька;
Распилала вдова молоденька.
Деся узявся козаченько,
Деся узявся молоденькій,
Та взявъ вдову за білу ручку,
Та взявъ іи за рученьку:
«Годи, вдово, питы, гуляты».

И повивъ ии до домоньку;
 Пора до дому ступаты.
 Не пиду я до домочку,
 Наклевечуть головочку,
 Ничимъ печи затопиты,
 Нямъ дижы замиситы,
 Тильки вдови горилочку питы.
 Деся узявся козаченько,
 Деся узявся молоденькй,
 Та взявъ вдову за билу ручку,
 Та взявъ ии за рученьку;
 Повивъ ии до риченьки,
 Кинувъ вдову въ холодную воду.
 Стала вдова утопаты,
 Стала сусидовъ прохаты:
 «Сусидочки, голубочки,
 Научайте свои дочки;
 Щобъ по ночахъ не ходылы,
 Прийсвита не любили
 И вирочки не донимали.
 Я жъ по ночахъ походила,
 Прийсвитовъ полюбила,
 И вирочки ему донимала,
 И правдоньку и сказала,
 Теперь же я на вики пропала.

170.

Не топыла, не варила, а у хати дымно,
 Ой, я пиду изъ сего села, комусь буде дивно.
 Не топыла не варила, а й у хати душно,
 Ой, я пиду изъ сего краю, комусь буде скушно.
 Не топыла не варила, на припечку жаръ, жаръ,
 Ой, я пиду изъ сего краю, комусь буде жаль, жаль.

Не топыла не варила, на припечку каша,
Ой, прощайте, мои подруженьки, теперъ я не ваша.
Не топыла не варила, а рыбка печется,
Десь мій милый чернобривый шляхомъ волочется.
Шли коровы изъ дубровы, а овечки зъ поля,
Не плачь, не плачь, дивчинонько, край козака стоя.
Не плачь, не плачь, дивчинонько, рута зелененька,
Сей покине, другій буде, еще ты молоденька.
Сей покине, другій буде кращій,
А той буде у болоти надъ чортами старшій.

171.

Ой, бувъ, та не ма
Миленького сокола;
Та полинувъ за лиси,
Боже его принеси.
Ой, якъ живъ бувъ, не любила,
Якъ умеръ не тужила.
Хиба тоди затужу,
Якъ на лави положу.
Якъ на лавци лежавъ,
Тоди було тришки жаль;
Якъ изъ лавки знялы,
Бильше жалю завдалы.
До дзвиндора несуть до плачу,
А видъ звиндора несуть, скачу.
Оттуть лежи въ ями,
За що лаявъ моїй мамі.
Гарбузомъ поминала,
Що хороше житъе мала.
Рѣдкою накадыла,
Що вирненько любила.
Черезъ тую яму,

На другого гляну,
И кивну и моргну,
До серденька пригорну.

172.

Ой, пиду я по за токомъ,
А тамъ лежить баба бокомъ.
Не хай баба не дурыть,
У неи живить не больть.

173.

Калина, малина, чого почернила?
Чи суши боишся, чи дощу бажаеть?
Я суши боюся, и дощу бажаяю,
Кого вирно люблю, сейчасъ умираю.
Ой, умру я, мила, а ты будешъ жива;
Та знатемешъ, мила, де моя могила.
Ой, моя могила край синяго моря,
Полягли любящи и тихая мова.
Та не тупай, мила, правою ногою,
Скажуть вороженьки, що живъ я съ тобою.
Трясця вороженькамъ та ще ихъ и роду,
А якъ вони знаютъ, що живъ я съ тобою.
Та не кидай, мила, сырою землею,
Бо ты сама знаешъ, що зъ пидъ нею важко.
Ой, тамъ воно важко, любилися тяжко,
Тамъ воно важненько, що любилися вирненько.
Сороки, вороны, тило розклювали,
А сирьи вовки, кости разносили.
Пиду погуляю, кости посбираю,
Въ тихому Дунаю кости поперемиваю,
Въ зеленому садочку кости покопаю.

174.

Колыбъ не вы, та не мы,
Тобъ мы у васъ не булы,
Горялочки не пили бь.
Та зійдымося родыно,
Щобъ жито родыло.
И житечко и овесъ,
Щобъ зійшовся рядъ увесъ.
Та напіймося блечки,
Щобъ родымыся гречки.
А хто въ саду гомонить?
Батько съ дитьми гомонить.
Та колибъ батько, та коли бь маты,
Та колы бь же и ихъ диты,
Та на тую беседоньку,
Любо й поглядиты.

175.

Дала маты дочку, въ чужу стороночку,
Заболело у ней у животочку.
И заказала маты своему дитяти,
А три года въ гости не буваты.
Ждала дочка лито, ждала дочка й друге,
А на трете лито стала скучаты.
Пороблю жъ я крыльця зъ широкого сердца,
Та полечу до й отця, до неньци;
Ой, сяду я пиду въ вишневому саду,
На вишеньци на черешеньци;
Та буду куваты, буду й промовляты,
Чи не выйде отецъ або маты.
Ой, вышла маты зъ рубленой хаты,
Зузуленьки зъ хаты згоняты.

Ой, шуги, влуги, сивая зузуля,
 Изъ вишеньки тай изъ черешеньки.
 Не ты садъ садыла, не ты й поливала,
 Не для тебе ягидки вродылы.
 Ой, я садъ садыла, ой, я й поливала,
 Се для мене ягидки вродыли.
 Ой, колыбъ я знала, що ты моя дочка,
 То дала бъ я тобі жемчугу жменю,
 Ще й разлотнѣй и кубочокъ меду,
 Ягидки бъ зоботи, медкомъ бы запиваты,
 Солоденькимъ медкомъ запиваты.

176.

Тай пѣшовъ чумаць у дорогу,
 Та зострився зъ бидою:
 «Бѣда жъ моя бѣдо, чого ты молода,
 На що мене изстарила?»
 Та не я тебе изстарила,
 Изстаривъ тебе дурный разумъ.
 Не пѣй ризныхъ водокъ,
 Та не люби чужихъ жинокъ,
 Будешъ житы якъ барвинокъ,
 Та горилочка съ пинка,
 Зведѣ зъ ума чужа жинка,
 Гарилочки напьется,
 А зъ ума зшебется,
 Хоть якій розумный будешъ.
 Та пѣшовъ милый въ дорогу,
 За нымъ жинка й у погону;
 Все возы минае, а милого нагоняе,
 Голубонькомъ называе:
 «Та вернися, милый, до дому,
 Плаче дытя за тобою.

Мале дытя плаче, а й отецъ маты лас,
 Тимъ намъ хортуны не мае.
 Ой, хортуно, хортовино,
 Ой, послужи хоть не много,
 Поки осидлае чумакъ молоденькій
 А конька воропого.
 Ой, хортуно, хортовино,
 Ой, послужи й хоть у ранци,
 Поки обуется а чумакъ молоденькій,
 А чоботы въ сощьянци.
 Ой, хортуно, хортовино,
 На що мене й остановыла
 При молодыхъ лятяхъ,
 При маленькихъ дитяхъ?
 Теперь мене й остановыла.
 Ой, хортуно, хортовино!
 Ой, послужи хоть немного;
 Служила й у панстви,
 А служила у бурластви,
 Послужи теперь у хозяйстви.

177.

Ты молодчикъ молоденькій, дурный разумъ у тебе,
 Ты божився передъ Богомъ: «не покину я тебе»;
 А теперь покидаешъ усю клятьбу и мене.
 А я зъ тоски та зъ печали, пиду млада у темный лисъ,
 Пиду млада у темный лисъ, не хай мене звирь изъистъ.
 Коло мене звири грають, мене не займають;
 Ой, вы звири, вы лютыи, розтерзайте вы мене,
 Рознести мое тило, а по дрибнепъкимъ частямъ,
 Рознести мои кости, по рокитовымъ кустамъ,
 Понесить мою душу а до милого моего,
 Не хай милый буде знаты, що була мила у ёго.

178.

Ой, колы бѣ же того, да сынъ Божій не множивъ,
 Кто щирі любощи, та на сей свить положивъ,
 Що щирі любощи, та животу досада,
 Болыть головонька, а на серденьку израда.
 Ой, повій, витронько, та по высокои гори,
 Та по высбокой гори, та по шолковой травы.
 И собери, Господи, уся любощи мои,
 Та понеси, Господи, та до мплого мого,
 Та положи, Господи, у головонькахъ ёго.
 Та скоро мій милый встане и на любощій взгляне,
 И на любощій взгляне и мене згадае.
 Пустыжь мене, пане, зъ Польщи на Украину,
 Та пиши, мила, листы, що породыла сына.
 Отписуй, козаче, що не твоя причина,
 Не твоя причина, а не твоя дивчина.
 Присягаю Богу и передъ паномъ,
 Що моя дивчина и моя причина.
 Та сидлай, хлопко, коня, та сидлай вороного,
 Та повизжай, хлопко, та до роду до твого.
 Пріѣзжае жъ козакъ, ажъ родыпа витае,
 Увійшовъ у кимнату, дивчина умирае.
 Отъ теперь, козаче, лыхая година,
 Отцурався батько и маты и уся родына.
 Отцурався батько, отцуралася и маты,
 Черезъ тебе, козаче, треба й умираты.
 Не умирай, дивчино, Господь Богъ зъ тобою,
 Скоро одужасшъ, возьму шлюбъ зъ тобою.

179.

Ой, Северино, Севериночку,
 Сватай мене дивчиночку,

Сватай мене молодую.
Ой, я бѣ тебе, дивчино, сватавѣ,
Та боюся твоего брата,
Отруй, дивко, своего брата;
Ой, я бѣ его отруила,
Такъ не знаю того зилья.
Иди, дивко, въ часте поле,
Въ чистимѣ поли двѣ ямины,
На ямони двѣ гадыны.
Та на ямину сонце пече,
А на гадыни зѣ рота тече.
Идставѣ, дивко, коновочку
Идѣ гадючу головочку,
Возьми, дивко, зѣ рота пины,
Отруй, дивко, брата своего.
Мого брата нема дома,
А мій братикъ у дорози,
А чарощи въ острози.
Ой, прихавѣ братъ зѣ дороги,
А чарощонки зѣ остроги.
Братъ до сестры зѣ радощами,
Сестра къ брату зѣ чарощами;
Ой, пій, сестро, впередъ сама;
Ой, я, брате, давно пила,
Се я для тебе зготовила.
Скоро братичокъ напився,
За сердечко ѿ ухопився,
Зѣ коньченька похилився:
«Гирке, сестре, твое пиво,
За серденько ѿ ухопило.
Ой, що сестрица родына,
Своего брата ѿ отруила.

180.

Гуляла Марусенька въ саду, тай заснула;
 Прійшовъ мій Ванюша, я все чула,
 Що людѣ говорять не зъ правдою,
 Хотять уловити зъ громадою,
 Въ солдаты отдаты неволею,
 А я того, Маруся, не боюся,
 Богу, Государю отслужуся,
 Якъ пиду до дому, оженюся,
 Возьму соби жинку папяночку,
 У новимъ городочку дворяночку.

181.

Ой, добрая годинонька була,
 Що матуся свого сына била,
 А сынъ пеньци покорився,
 Низько у ниженьки уклонився:
 «Не бій мене, мая матуся,
 О, якъ будешъ мене бьаты,
 То я пиду на въ україну житы,
 На въ украини добри людѣ,
 Тамъ мині буде добре житы.
 Якъ я пиду на въ країну,
 Яжъ тамъ молодъ не загину,
 Бо я парень козакъ молоденькій.
 Ой, вернися, мій сыну, вернися,
 Та у голубій жупанъ нарядыся.
 Не хай же я на тебе подивлюся,
 Слезоньками умыюся.
 Чи я кращій козакъ на въ країни.
 Выходыла круты бережечки,
 Вытоптала жовтеньки песочки,

Та не пашла сына своего,
Тильки нашла слидокъ ёго,
Де кохане дытя походыло.
Ой, пиду я въ вишневый садочокъ,
Та вырву я кленовый листочокъ,
Та прикрою я синивъ слидочокъ,
Щобъ пташечки не летали,
Щобъ зузули не кували,
Сынови слиды не теряли.

182.

И не бѣте мене и не лайте мене,
Коли я вамъ докучила, замижъ дайте мене.
Ой, отдайте мене, та за кучери,
Ужежъ миня шолудыви, та й докучили,
Ой, отдайте мене за волошина,
Щобъ я була молода та хорошая.

183.

И вчора у куми, и сёгодня у кумы,
А яжъ тую куму, та до себе зазову,
А у стриси горобья, тай на кушанья убью,
А потрушокъ у мишокъ, то понесу на торжокъ,
Та продамъ ярыло, та куплю барило,
Попродаю гомелки, та куплю горилки,
Ой, продамъ я груды, та куплю блюды,
Ой, тоди жъ я куму до себе зазову;
Та поставлю горобця, на двапцяти блюдцяхъ,
Охъ, и ижете, кумо, не засалюваняся,
И у рукава не бери и до дому не несы.

184.

Ой, не знала баба, чимъ забогатиты,
 Та купила куриночку, щобъ вывела диты.
 Ой, вывела куриночка куриньятивъ трое;
 Ой, погнала бабусенька куриньята пасты;
 Сама сила подъ тыномъ, кужельцю прясты;
 Ой, хмарыться, туманетя, ставъ дожець накропаты.
 Пора тобі, вражо баба, куриньята гнаты.
 Та щей не догнала, ужо двое стоптала,
 Назадъ повернулась, на трете спиткнулась.
 Сыдыть тая бабусенька, тай голову скребче,
 Куриночка пидъ поломъ сама соби шепче:
 «Скреби, скреби, вража баба, головоньку тыхо,
 Якъ приде дидъ зъ поля, буде тобі лыхо».
 Якъ пріхавъ дидъ изъ поля до новои хаты,
 Пытасться бабусеньки: «ой, де куриньята?»
 «Ой, изъ нашихъ куриньятъ ничего не буде,
 Якъ погнала пасты, пидзорили люды».
 Якъ схватывъ изъ воза новую притыку,
 Побивъ бабу и помоловъ и голову и пыку.
 Бодай тобі, дидусенько, права рука зсохла,
 Що ты мене побивъ, що трохи не здохла;
 Бодай тобі, дидусю, голова облизла,
 Що ты мене такъ побивъ, що на пичь не злизла.

185.

Ой, пье козакъ, пье и гуляе,
 А пидъ нимъ конь вороный розыгрався,
 Та на сине море розигнався.
 Та замерзае море синенькое,
 Та припадае снижкомъ билесенькимъ,
 Та потопае козакъ потонае,

Та до вороного коня промовляе:
 «Охъ, и бійся, коню, бійся, бійся выдыбайся,
 Тай отця и доненьки поспишайся,
 Та до моихъ братиковъ порадники,
 Та до моихъ сестриць жалібныхъ,
 Та до моихъ диточокъ, сириточокъ,
 Та до моеи жинки молодой.
 Та не кажи ты, коню, що я й утопився,
 Та и скажи, коню, що я й оженився,
 Та понявъ соби пару у синему морю,
 Тай у синему морю паняночку,
 Та соби, коню, вичну дворяночку.

186.

Ой, пью, милый, пью, и до дому нейду,
 Ой, якъ приду до домовьку,
 Схилю, склоню головоньку,
 Ляжу тай засну.

Иде свекорко тай будыть мене:
 «Устаь, устаь, негарная,
 У своимъ дили несправная,
 Сонливал, дремливая,
 До робота лививал,
 Нивистко моя.

Ой, пью, милый, пью, до дому нейду,
 Ой, якъ приду до домовьку,
 Схилю, склоню головоньку,
 Ляжу тай засну.

Иде свекруха тай будыть мене:
 «Устань, устань, негарная,
 У своимъ дили несправная,
 Сонливая, дремливая,
 До работы лививая,
 Нивистко моя.

Ой, пью, милый, и прочее и проч.

Иде диверко, тай будыть мене: и проч.

Ой, пью, и проч.

И зовыща и проч.

Ой, пью, и проч.

Иде милый тай будыть мене:

«Устань, устань, моя мила,

До роботы не лишыва,

Не сонлива, не дремлива,

До роботы не лишыва,

Хозяйко моя.

187.

Доле, моя доле, не ходы й надъ водою,

А бо ты утонешь, и я зъ тобою.

Циловавъ, миловавъ, у нидиленьку стоя,

А понидилокъ заставайся здорова,

Стелется тоби по пидъ гаемъ дорога.

Се тоби дорожка, а мини шляшокъ битый,

Якъ мини, серденько, а безъ тебе прожиты.

А схочешъ поживешъ, а схочешъ погорюешъ,

А якъ схочешъ, до мене примандруешъ.

Хоть буду житы, хоть буду горюваты,

А таки не буду до тебе мандроваты.

Ой, ты поихавъ билою кобылою,

Мене покинувъ зъ малою дытыною.

Ой, ты поихавъ, та будешъ пановаты,

А я осталась та буду горюваты.

188.

Выряжала маты сына на косовыцю,

Зачесала черны кудри, ажъ на потылицю.

«Я думала, мій сыночку, що будешъ косыты,
 Ажъ ты кинувъ косу въ росу, зачавъ голосыты».
 Коли бъ же ты, маты, знала, що то за досада,
 Тобъ ты мене оженила, щобъ була вотрада.
 Женись, женись, мій сыночку, бери, сынку, любку,
 Жалуй ии, мій сыночку, якъ голубъ голубку.

189.

Ой, изъ за горы, та зъ за крутой, ой, изъ за горы висти:
 Та выступа ляхи а сорокъ тысячъ, а гусаривъ двисти.
 А козакъ Нечай, та не подумаетъ, та не погадаетъ,
 Та зъ кумасею, та зъ Хмельницкою, медъ вино кружае.
 Ой, годи тобі, Нечаенко, питы та гуляты,
 Та бери пушки, та зарядушки, та иды Ляхивъ выгоняты.
 Ой, неуспивъ козакъ, неуспивъ Нечай, на коныка сесты,
 Та начавъ Ляхивъ, скурвыхъ сыновъ, якъ капуста сикты.
 Ой, неуспивъ Нечай, неуспивъ козакъ, та на коныка упасты,
 Та зачавъ Ляхивъ, скурвыхъ сыновъ, якъ снопики класты.
 Ой, оглянется козакъ Нечай, та на правую руку,
 Та не выбреде его конь вороный изъ Ляцкого трупу.
 Ой, оглянется козакъ Нечай на правое плече,
 Ажъ позадъ ёго коня вороного, кривавая ричка тече.
 Ой, оглянется козакъ Нечай та на праву сторону,
 Та покотылася Нечаенкова головка до долу.
 Ой, устаньможъ, та мильи братья, устаньмо погадаймо,
 Ой, десь того Нечаенка головку сховаймо.
 Ой, поховаймо, а мильи братья, въ церкви у Варвары,
 Заживъ, заживъ та Нечаенко казацкои славы.

190.

Ой, нетяго, нетяго, нетяженко моя,
 Де заслужина твоя?

Ой, служивъ же я у вдовы, ой, служивъ же я въ небоги,
А симъ годъ, ще й четыре.

Ой, пришлось до того, що платыся ты, вдово,
Бо я въ тебе служивъ довго.

Ой, вывела вдова, вывела небога,
Симъ паръ воливъ, ще й четыре,
Ой, дывытеса люды, и судите громада,
А чи сходно воно буде?

Ой, не сходно й удово, не сходно небого,
Бо я въ тебе служивъ довго.

Ой, нетяго, нетяго, и проч.

Ой, вывела вдова, вывела небога,
Симъ паръ коровъ, ще й четыре,
Ой, дывытеса люды, и судите громада,
А чи сходно воно буде?

Ой, не сходно й удово, не сходно небого,
Бо я въ тебе служивъ довго.

Ой, нетяго, нетяго, нетяженко моя,
Де заслужина твоя?

Ой, служивъ же я у вдовы, ой, служивъ же я въ небогий
Ажъ симъ литъ, ще й четыре.

Ой, пришлось до того, що платыся ты, вдово,
Бо я въ тебе служивъ довго.

Ой, вывела вдова, вывела небога,
Пару конивъ въ наряди.
Дывытеса люды и судите громада,
А чи сходно воно буде?

Ой, не сходно й удово, не сходно небого,
Бо я въ тебе служивъ довго.

Ой, нетяго, нетяго и проч.

Ой, вышла вдова, вышла небога,
Сама молода въ наряди.

Дывытеса люды и проч.

Ой, нетяго, нетяго и проч.

Ой, вывела вдова, вывела небога,
 Свою дочку въ наряди.
 Ой, дывытесе люды и судите громада,
 А чи сходно воно буде?
 Ой, сходно вдово, сходно небого,
 Бо я въ тебе служивъ довго.

191.

Породыла мене маты, у новой комори,
 Дала мини биле лычко, тай не дала доли,
 Тильки мини дала доли, гулянья доволи,
 Я гуляла, волю мала, маты не зъпиняла.
 Теперь мене зупенила чужая дытына,
 И свить мини завъязала, гулять заказала,
 И серденька принудила, щобъ я й не ходыла.
 Ой, зыйду я на гороньку билыми ножиньками,
 Загляну я въ долиноньку карыми оченьками.
 Ажъ у тои долиноньки сывъ голубонько гуде,
 Ой, щбъ жъ намъ, товарищу, за пригоднонька буде?
 Чи на коня вороного, чи на мене молодого?
 Якъ на коня вороного, конь буде й уतिकаты,
 Якъ на мене молодого, самъ буду й отвичаты,
 Акъ на мого товариша, я буду й оступаты.

192. Веснянка.

Та у кривого танця,
 Та не выведу кинця;
 Треба ёго та выводиыты,
 И ладъ ему та находыты.
 Грайте, дивочки, грайте,
 Пилу не збивайте,
 Плятья не каляйте.

На дивочкахъ платья,
 Все шолкъ та китайка,
 Та пилова тканка.
 Грайте, парубки, грайте,
 Пилу не збивайте,
 Платья не каляйте.
 На парубкахъ платья,
 Все михъ та ряднина,
 Заткана половина.
 Блудыли парубки,
 Симъ день по запичку,
 А чотыри по припичку;
 Приблудились воны,
 До передъ пышнаго викна.
 Дивчата, голубочки,
 Дайте скибку хлеба,
 Черепокъ сировотки,
 Ще й драной ложки,
 Похлибаты трошки.
 Тамъ парубки били,
 Що все сировотку илы,
 Тимъ дивчата краси,
 Що илы веринычки въ масли.

193.

Ой, ясно, прекрасно, а солнечко сходить, а гетманко заходить.
 Ой, уже нашъ, панъ нашъ атаманъ, а по табору ходить.
 По табору ходить, били руки ломить, зъ молодежью говорить:
 Ой, вельть, вельть, своей молодежи, сирьы волы запрягаты.
 Охъ, волы сталы, возы помазалы, сирьы волы повпрягалы,
 Ой, волы идуть, а возы рыплять, по зеленому байранци.
 Ой, за байракомъ, сорокъ чоловикъ до вишеньки привертають;
 Ой, по переду козакъ Гавриленко сивымъ конемъ выгравает.

Ой, грае, грае, грае выгравае, назадъ волыки завертае.
 Охъ, я годи тобі, еретичій сынъ, сивымъ конемъ выграваты,
 Охъ, я пора тебе, еритичій сыну, батогами наказаты.
 Ой, кнвъ спидкнввся, копыть зъзогнввся,
 Гавриленко й уснихмихнввся.

194.

Ой, у поля конопельки, верхи зелененьки;
 Милый милу покидае, вороги раденьки.
 Не то счастье, не то доля, де богаты люди,
 Де любляться да берутся, имъ житья не буде.
 Ой, хортуно зродливая, що жъ ты виробляешьъ,
 Дала сердцю завзнатыся, зъ милымъ разлучаешьъ.
 Есть у мене таке зилье, нижче перелазу,
 Якъ дамъ тобі напиться, забудешь одъ разу.
 Буду пьты черезъ чуру а й крапли не впушу,
 Тоди я тебе забуду, якъ очи заплюшу.

195.

Теперь же я не така, не сяка,
 А не бачила ни попа, ни дяка.
 Теперь же я горсточка,
 Не бачила ни выросточка.
 Теперь же я якъ биль била,
 Чортова журьба зыла.
 Зсушилася та зжурилася,
 А якъ шпилька тоненька.
 Симъ аршинъ окравчиночка,
 Та ще й коротенька.

196 (при печенъи коровай).

Изъ суботоньки та на нидилоньку година,
 Та збиралася Хведоркова родына,
 Та привезли й четверть борошпа й на коровай;
 Та хвалить Бога, хорошій буде нашъ коровай.
 А изъ суботоньки, та на нидилоньку година,
 Та збиралася Хведоркова родына,
 Та привезла горщокъ масла на коровай,
 Хвалить Бога, хорошій буде нашъ коровай.
 А изъ суботоньки та на нидилоньку година,
 И збиралася Хведоркова родына;
 Та привезла дижку сыра на коровай,
 Хвалить Бога, хорошій буде нашъ коровай.
 Изъ суботоньки та на нидилоньку година,
 Та збиралася Хведоркова родына,
 Та привезла липовку меду на коровай,
 Та хвалить Бога, солодкій буде нашъ коровай.

197.

Та по дорози жукъ, жукъ, по дорози чорный,
 Подывыся, дивчино, якій я моторный.
 Подывыся, глянся, якій я удався,
 Хиба дасы копу грошивъ, щобъ поженыхався.

198.

Та по садочку хожу, и самъ себе нужу,
 Та не знаю, що робыты маю?
 Чи листы писаты, до милии слаты,
 Чи самому ихать одвидаты.
 Якъ прівхавъ милый, до милии у гости,

Та поставивъ коня край порога.
 Ой, стой, коню, й у порога, проси у Бога виры,
 Щобъ вороги спатоньки й облегли.
 Все ворови спаты ляглы, моя мыла не спыть,
 Всю ноченьку у виконечка сидыть.
 Кватырочка видсувае, зъ витромъ розмовляе;
 Милый милу словами карае.
 Якъ ухопыть милый милу пидъ билин боки,
 Кинувъ ии въ Дунай глыбокій.
 Ой, якъ стала мила на дно потопаты,
 Та милому три слова казаты:
 «Ой, котора дивка на лыченьку била,
 То то ии головонька бидна.
 Ой, котора дивка на лыченьку красна,
 То то ии доленька несчастна».

199.

Ой, ихавъ, ихавъ, ихавъ, а сорочка зъ миха, зъ миха,
 А подтычка зъ рядна, що не стало полотна.
 Ой, ихавъ, ихавъ, ихавъ, чомъ до мене не заихавъ,
 А я тебе выглядала, симъ разъ хату выметала.
 Ой, ихавъ, ихавъ, ихавъ, чомъ до мене не заихавъ,
 А я рыбку варыла, по кусочку дилила,
 У кого чорный узокъ, тому рыбки кусокъ,
 А въ кого сида борода, тому й юшки шкода.

200.

Наступыла чорна хмара, ставъ дощъ накропаты.
 Благослови й, Атамане, память разбиваты.
 Ой, розбили козаченьки червоный намить,
 Уси козаки, уси богачи, дукачи молодци въ уланы пишли.
 А мужики симряжныки тай не посмилы,

Взялы квартиру, другу жартву й на дощи силы.
 Пришовъ же къ намъ нашъ Атаманъ, тай надъ нами ставъ,
 Скинувъ зъ себе жупанъ синій, тай надъ нами напъявъ.
 Колы бъ же нашъ панъ Атаманъ по вѣкъ пановавъ,
 Що надъ нами козаками, а й кафтанъ надо нами напъявъ.
 Ой, вѣйшовъ панъ Атаманъ, въ кинецъ стола сивъ,
 А увѣйшовъ дукачъ, вишовъ богачъ, въ пороги ставъ,
 Та зъ нашого атамана смияться ставъ.
 Ой, якъ крикне панъ Атаманъ та на своихъ хлопцивъ:
 «Ой, вы хлопци, вы молодци, вы добрыи люды,
 Возмийте дуку за чубъ, за руку, та выведить вонъ».
 Одынъ иде за руку взявъ, а другій дука бье,
 Не хай же винъ не смиятся, де голота пье.

201.

Ой, изментавъ пугачъ та на воротичка, а якъ пугу та пугу.
 Та поспишайтеся, наши чумаченьки, ночуваты до лугу.
 Охъ, и ради бъ мы та поспишаты, такъ чумака занедужавъ,
 Охъ, и занедуживъ чумака молоденькій та на мизу схилився,
 Охъ, и правенькою рученькою за серденько ухопився.
 Охъ, вы чумаченьки, славни молоденьки, а вы гожи та Божи,
 Охъ, и зробіть сѣму чумакови домовинучку изъ рогожу.
 Охъ, и выкопайте сѣму чумакови а глыбоку яму,
 Охъ, и поховайте сѣго чумаченька, а якъ рыбоньку вьялу.
 Охъ, и высыпте сѣму чумаченькови а високу могилу,
 Охъ, и посадить на сій могилѣ й червону калыну,
 Охъ, и щобъ видно червону калыну, ажъ на всю Украину.
 Охъ, и волы мои, волы половыи, хто падъ вами паномъ буде,
 Ой, якъ мене, мене молодого на свити не буде.

202.

Та соловейку маленькій,
 Та въ тебе голосъ тоненькій,

Та защебеты ты мини,
 А що я въ чужій сторони,
 Та хожу, блужу й гукаю,
 Та свого роду й шукаю.
 Та найшла у поли былину,
 Та матусину й могилу.
 Та на могили припала,
 Отця й неньку згадала:
 «Ой, устань, ненько, не лежи,
 Та зо мною й говори».
 Охъ, и куды ты, доньку, ишла,
 А що ты мене и тутъ изнайшла?
 А чи зъ тучею, чи зъ дощемъ,
 А чи зъ доброю годыною,
 А чи зъ малою дытыною?
 А ни зъ тучею, ни зъ дощемъ,
 А я зъ доброю й годыною,
 Охъ, и зъ малою дытыною,
 Охъ, и зъ вирною дружиною.

203.

У нашимъ славнимъ городи, пидъ пендерою,
 Собиралася сильна варвія царю билому.
 А по тій же сильной варвіи гетманъ произжае,
 Винъ пахотныхъ рипьятушокъ проискувае:
 «Вы, пахотныѣ рипьятушки, не печальтесе,
 Надивайте билое платье, мундиръ на себе,
 Заряжайте ясное ружо чорнымъ порошкомъ,
 Забигайте вы за туркомъ, темненькимъ лужкомъ.
 Колы бъ же намъ до города довалитесе,
 Сейчасъ тому атаману поклонитесе.
 Ой, малы мы, пане гетмане, Бендерю достать,
 Разукины сыны паны воли не дали,
 Тильки моимъ рупьятамъ жалю завдали.

204.

Ой, прїхавъ милый изъ вѣчера пизно;
 Та поставивъ кониченьки вси три разомъ ризно,
 А самъ пишовъ милый зъ тыха по маленьку.
 Пидышовши же пидъ виконце, милои питається:
 «Чи ты, мида, лаєшь, а чи проклинаєшь,
 Чи мене молодого хороше згадаєшь?»
 Я, милый, не лаю, я не проклинаю,
 А яжъ тебе, мій миленый, хороше згадаю.
 Нехай тобі, милый, легко згадається,
 А якъ миня зъ своимъ ридомъ добре гуляється.
 О, нехай тобі зузуленька, а миня соловейко,
 Нехай тобі тамъ легенько, миня веселенько.
 Тоби буде зузуленька а раненько куваты,
 Миня буде соловейко рано щебетаты.

205. Петривочка.

Ой, горе, горе, сухій дубъ
 Пускає полomme черезъ воды,
 А черезъ воды на слободы,
 Де Катерина биль билила:
 «Ой, беле жъ моя, тонка не била,
 Якъ я пиду за нелюба,
 Я тебе, беле, въ горни попечу,
 Ажъ тебе, беле, у святой зношу,
 А тебе, беле, шановатому,
 Николи изъ скрыни не виниматому.
 Ой, горе, горе, сухій дубъ
 Пускає полomme черезъ воды,
 А черезъ воды на слободы,
 Де Катерина биль билила,
 Да зъ тою билью говорыла:

«Ой, биле жъ моя, тонка била,
Якъ я пиду за милого,
Я тебе, беле, у буддень зношу,
Я тебе, беле, шаповатыму,
Видъ печи горшка видставлятыму.

206.

Охъ, мини лышенько й упилася,
У свою матинку й удалася.
Упилася на медочку,
Проспалася на холодочку.
Охъ, мини лыхо буде,
Я побачила люды,
Що пьяна я була.

207.

Дивчина, сподивайся талану,
Казавъ хлопецъ: «у вечери прилену».
А дивчина сподивалася,
Три дни хаты не мела и не вмилася.

208.

Ой, що то за Маруся,
Що я їи вирно люблю,
Та й заняты боюся.
Тимъ я до нея не горнуся,
Що славы боюся.
Тимъ я не займаю,
Що свататы маю,
А що свататы маю.
Колыбъ мини, Господы,

А вечера дождаты,
 Пошлю хлопцівъ, всяхъ молодцівъ,
 До Маруси гуляты;
 А самъ стану пидъ виконце,
 А що буде казаты,
 Ой, що буде Марусина,
 Моимъ хлопцямъ казаты.
 Марусина серденько
 Все по свитлоньки ходыть,
 Марусина серденько
 Слово, ричи говорыть.
 «Ой, е у мене два садочка,
 Та не на однимъ не родыть.
 Ой, е у мене два миленькихъ,
 Та не одынъ не ходыть.
 Пересажу садъ вишневийъ,
 Та винъ буде родыты.
 Перекажу миленькому,
 То винъ буде ходыты,
 Марусину серденьку
 А вирно любыты».

209. Свадебная.

Ой, темная, та не видная ниченька,
 Та зажурится соколова матинка:
 Чому жъ мого сына сокола довго не ма,
 Ой, десь же винъ черезъ сады полетивъ,
 Десь ёго чорни галочки переняли,
 Ой, десь ёго въ вишневийъ садъ зазвали,
 Ой, десь ёго ягидками годували,
 Ой, десь ёго зъ кривиченьки наповали,
 Ой, десь ёго чорною галкою даровали?
 Ой, темная та невидная ноченька;

Та зажурится Иванова матинка:
 Чому жъ мого сына Ивана довго не ма;
 Десь же винъ черезъ городъ поихавъ,
 Ой, десь ёго дружки панянки перенялы,
 Ой, десь ёго у свитлоньку зазвалы,
 Ой, десь ёго медомъ, виномъ наповалы,
 Ой, десь его калачами годувалы,
 Ой, десь ему Ганнушкою дарили.

210. Свадебная.

Ой, уже ненько, уже не раненько,
 Чомъ мене не учишь, ненько.
 Якъ тебе учяты, жаль тебе биты,
 Ты у мене разумная.
 Годы доненько, годы дятятко,
 Годы свекорку, ты лучше нижъ батинька.
 Годы, доненько, годы,
 Свекруси головоньки гляды.
 Годы, доненько, годы,
 Диверку годы, хустоньку перы.
 Годы, доненьку, годы,
 Зовыци годы, русу косу плеты.
 Годы, доненько, годы,
 Держи у свитлонци,
 Якъ у виночку,
 Рушнычокъ на килочку.
 Вйдуть зовыци умыватыся,
 Воны будуть дивоватыся:
 Чи мы въ лися рослы?
 Чи мы не видъ батька шли,
 Чомъ насъ такъ не навчили?

211.

Ой, не йды, милій, у дорогу, та не робы поговору,
 Переночуй хоть ничку зо мною.
 Ой, не буду ночуваты, бо не умієшь шановаты,
 Билой постилоньки слаты.
 Чимъ я, милый, не хороша,
 Чи до дила не вродлива,
 Чи то моя доля несчастлива?
 Ой, ты жъ, мила, и хороша,
 И до дила й вродлива,
 Така твоя доля несчастлива,
 А я батька за ридь маю,
 Тебе стыдку покидаю,
 А самъ пиду у корчму погуляю.

212.

Ой, не шій мини, ненечко, очинка сёго,
 Не трать дурно грошивъ, чортъ зна для кого.
 Не пора мини, ненечко, русу косу пидъ чепецъ ховаты,
 Буду ще, ненечко, дивчиною гуляты.
 Дивчиное гуляньячко краще усёго,
 А то пиду замижъ, чортъ зна за кого.

213.

Наварила борщу, тай у покришци,
 Посадыла дворянина тай на подушци,
 Ой, ижъ колы хочешъ, колы зъ рыбкою борщъ,
 А не хочь выбачай, а ложки не вмочай.
 Акъ бы чарочка нова, тобъ корилочки купила,
 Хилю, хилю, не тече, коло серденька пече.
 Ой, выпьемо, родыно, щобъ намъ жито родыло,
 И житечко и овесь, и зобрався ридь увесь.

214.

А я у батька оденьця,
 Полюбила Гриця чорнобривця.
 Я ничого не робыла,
 Тильки по садочку походила,
 Волоскій горішокъ посадила;
 «Росты, росты, горішеньку,
 Моему батеньку на втишиньку.
 Росты, росты, развивайся,
 А ты, мій батиньку, утишайся.
 Росты, росты выще проса,
 Кохай, мій батиньку, що хороша.
 Росты, росты, коренися,
 А ты, мій батиньку, не журися.
 Росты, росты выще тыну,
 Кохай, мій батиньку, якъ дыгыну.
 А вы, хлопця, не жартуйте,
 Купить черевички, тай підкуйте.
 У мене вижки не вельчки,
 Треба по талеру черевички;
 Еще за тее копу дати,
 Щобъ ти черевички підковати.

215.

Прихалы паны свататы вдовы,
 Здорова й удовонька, зелена дибровонько,
 Скажи и удово, скажи небога, скільки ты дітей маешь?
 Чомъ правдоньки не скажеш?
 А у мене дитокъ поввисенькій кутокъ,
 Бувъ бы ты хазяиномъ.

Прихалы паны свататы вдовы,
 Здорово удовонько, зелена дибривонька.

Скажи й увдова, скажи небого,
 Скильки ты воливъ маешъ?
 Чомъ правдоньки не скажешъ?
 А у мене воливъ дванадцять плугивъ,
 Бувъ бы ты хозяиномъ.

Приехали паны свататы вдовы,
 Здорова увдовонько, зелена дибривонько.
 Скажи й увдово, скажи небого,
 Скильки ты коровъ маешъ?
 Чомъ правдоньки не скажешъ?
 А у мене коровъ! а бы ты здоровъ,
 Бувъ бы ты хозяиномъ.

Приехали паны свататы вдовы,
 Здорово увдовонько, зелена дибривонька,
 Скажи й увдово, скажи небого,
 Скильки ты овецъ маешъ?
 Чомъ правдоньки не скажешъ?
 А у мене овецъ повненькій хливецъ,
 Бувъ бы ты хозяиномъ.

Приехали паны свататы вдовы,
 Здорова уддивонько, зелена дибривонько,
 Скажи вдово, скажи небого,
 Скильки ты конивъ маешъ?
 Чомъ правдоньки не скажешъ?
 А у мене конивъ дваадцять табуновъ,
 Бувъ бы ты хозяиномъ.

216.

Якъ задумавъ дворянинъ дворяночку браты,
 Вона ему отвичала: «я не умію жаты.
 Напны миня холодокъ, я буду лежаты.
 А въ видилю пьяна, въ понидилокъ спала,

А въ вивторокъ снопивъ сорокъ шшеныци нажала.
 А въ середу привезла, въ четвергъ змолотыла,
 Въ пятницу провіяла, въ суботу змолола,
 А въ нидию напекла зъ учаныкомъ пропила.

217.

Любылыся, кохалыся, обое хороши,
 А теперь розишлыся, якъ сребніи гроши.
 Любылыся, кохалыся, и маты не знала,
 А теперь розишлыся, якъ черная хмара.
 Любылыся, кохалыся, якъ зерно у гориха,
 А теперь розишлыся, якъ галочки у лиси.
 Ой, по гори, гори, шшеныченьки яри,
 По тымъ боци долинонька, все луги та травы.
 Я й сама не знаю, де мій милый дився,
 А чи ёго вивки зъили, чи винъ утопывся.
 Якъ бы жъ ёго вивки зъили, то бъ луги шумилы,
 А якъ бы ёго въ степу убыли, то бъ трава повьяла.
 Ой, якъ бы винъ у дивчяны, то бъ кони й ржалы,
 Ой, якъ бы винъ у шинкарки, то бъ брянчалы чарки.

218.

Я жита та не сіяла, само жито родыть,
 Я козака та не чаровала, самъ до мене ходыть.
 Ой, я ёго та не чаровала, хйба моя маты,
 Брала писокъ изъ пидь билыхъ нижокъ казаченька чароваты.
 Ой, не чаруй, та моя нене, козака до мене,
 Була слава, стали поговоры на тебе й на мене.
 А я тую, та чорну хмару, перомъ размахаяю,
 Перебула уся поговоры, перебуду й славу.

219.

Ой, пиду я въ огороды, нащиплю шильвію,
 Ой же, гой же, нащиплю шильвію.
 Нащипавши шильвійки, та зовью винокъ,
 Ой же, гой же, та зовью винокъ.
 А извивши виночокъ, пушу ѥ на Дунай,
 Ой же, гой же, пушу ѥ на Дунай.
 Кто до вина приплыве, той милый буде,
 Ой же, гой же, той милый буде.
 Озовется кровлевичъ на сивымъ кони,
 Ой же, гой же, на сивымъ копн.
 Я до вина приплыву, тай милымъ буду,
 Ой же, гой же, тай милымъ буду.
 Еще жъ конь не приплывъ, та уже ѥ потопавъ,
 Ой же, гой же, та уже ѥ потопавъ.
 Бижи, бижи, ты мій коню, въ свою сторону,
 Ой же, гой же, въ свою сторону.
 Та не кажи, ты мій коню, що я ѥ утопывся,
 Ой же, гой же, що я ѥ утопывся.
 И скажи, ты мій коню, що я оженився,
 Ой же, гой же, що я ѥ оженився.
 Булы у мене старости, въ вода порости,
 Ой же, гой же, въ води порости.
 Булы у мене свитылки, на неби зирки,
 Ой же, гой же, на неби зирки.
 Булы у мене сванычки, у мори клиточки,
 Ой же, гой же, у мори клиточки.
 Булы у мене бояры, рыба окуни,
 Ой же, гой же, рыба окуни.

220.

Ой, вышло, вышло а три девизіи, та на запорожкій дорози.
 Охъ, и уже, уже нашъ калнышъ кошевый, та головоньку звазавъ.

Якъ заграе вража московія у сурми та въ бубни.
 Ой, ходять наши славни Запорожци не веселы смутни.
 Ой, колыжъ будете, панове молодци, колы будете у гости.
 Ой, тоди жъ буду, панове молодци, до васъ у гости,
 А якъ поросте а трава зелена, а на зимнимъ помости.
 Тоди пидемо и поидемо, а до матуси у гости.

221.

Побратався соколь съ сизокрилымъ орломъ,
 Ой, орле жъ мій сизый, сизый, сизокрылый,
 Сизый, сизокрылый, товарищу милый,
 Ой, десь твои диты, диты, дитынята,
 Диты, дитынята, сизы соколята?
 Ой, тамъ мои диты, у лиси на древи,
 У лиси на древи, на высокимъ клеи.
 Наихалы ляхи, зъ великой Польщи,
 Те древо зрубали, диточки забрали.
 Якъ политивъ соколь зъ великой туги,
 Зъ великой туги, въ темныи луги.
 Ой, якъ винъ захвылить, та й лужи похилить,
 Ой, якъ винъ заспивае, той листь опадае.
 Ой, якъ засміється, то й лугъ розивьється,
 А якъ винъ затуже, та й похиле лужи.
 При добрій години кумы побратали,
 При лихой години, не ма й родыны.

222. Петривочка.

Ой, сивенька зузуленька,
 Та не куй рано по диброви,
 Не збуды мене молодои.
 Та збудять мене ранишь тебе,
 У мене свекорко не батинько,

У мене свекруха не матинка,
У мене диверки не братики,
У мене зовици не сестрыци,
Та збудять мене ранишь тебс:
Вставай, нивистко неробитныця,
До свого дому не кубибныця,
До свого роду не привитныця,
Уже коровы на дуброви,
Ты спышь, молода, й у комори.
Уже телята бия хаты,
Ты спишь, молода, у кимнати.
Уже вивци на крутій горци,
Ты спишь, молода, у коморци.
Уже свыни на долини,
Ты спишь, молода, й у пырыни.
Уставай, нивистко, годи спаты,
Чась капусточку полываты,
Раннюю росу отбиваты.
Я молодая послухала,
Взяла видерце постукала,
Рядномъ головоньку й изкутала.

УКАЗАТЕЛИ.

I. Русскія пѣсни.

- Ай, во саду, саду, люблю садовую, XXX.
 Ай, на дубчику два голубчика сидятъ, LXXV.
 Александра матушка породила, LXXI.
 Александрюшка господишь, LXXX.
 Ахъ, батюшка, Ярославль городъ, LVIII.
 Ахъ, вы, горы, горы крутыя, XLVII.
 Ахъ, вы, дѣвушки, дѣвушки, LXXXIX.
 Ахъ, вы, кумушки, голубушки, подружки, XIX.
 Ахъ, душечка, молодой ямщикъ, LII.
 Ахъ, кабы на цвѣты не морозы, L.
 Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ, XII.
 Ахъ, подъ лѣсомъ, лѣсомъ, подъ зеленой дубравой, CII.
 Ахъ, по морю, морю синему, LXII.
 Ахъ, сборы, сборы Маланьины, XXXII.
 Ахъ, ты, ноченька, CIV.
 Ахъ, ты, поле мое, поле чистое, XXV.
 Ахъ, ты, свѣтъ моя свѣтлая свѣтлица, XCIII (LCIII).
 Баю баюшки баю, LXVIII.
 Болѣзнь ты мой батюшка, XCVII (LCVII).
 Бѣлокаменна палата грановита, LXXXII.
 Вдовушка по сѣнничкамъ похаживала, XXII.
 Веселая голова, III.

- Весна, весна красная, XCV (LCV).
 Весна красна, LXVII.
 Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, XXIV.
 Возлѣ рѣчки возлѣ мосту, XXIX.
 Во полѣ береза стояла, I.
 Во саду ли въ огородѣ во вишенью, LXXII.
 Во саду ли въ огородѣ пташки воспѣвали, X.
 Во теремѣ гусли лежали, XLII.
 Во чистомъ полѣ калинушка стоятъ, XI.
 Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди, XXIII.
 Высоко звѣзда восходила, XXXIV.
 Дорогая моя хорошая, XV.
 Еще какъ люди въ людяхъ то живутъ, LIV.
 Зайныка поскачи, С.
 Звонко звонягъ въ Новѣгородѣ, LXXIV.
 Изъ за бору, бору, XCVIII (LCVIII).
 Изъ за лѣсу, лѣсу, XXVII.
 Изъ кремля, кремля, крѣпка города, LIX.
 Какъ въ городѣ было во Казанѣ, II.
 Какъ изъ гнѣздышка пташечка, XXXI.
 Какъ на Иванушкѣ кудри русыя, LXXIX.
 Какъ по рѣчкѣ, XVI.
 Какъ по саду, по садику, LXXXVIII.
 Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ, XCII (LСII).
 Какъ у ключика у гремучева, XLIV.
 Кто у насъ холость ходить, LXXVI.
 Ладушка моя милая, LXXXVII.
 Лучина, лучинушка березовая, IV.
 Мимо славнаго города Воронежа, LXIV.
 Надъ рѣчкою надъ быстрою, CV.
 На зарѣ Иванъ сударь Петровичъ, LXVI.

На морѣ селезень косы вьетъ, XL.
 Не бушуйте вы, вѣтры буйныя, LXXXI.
 Не лежи, черный бобръ, у крутыхъ береговъ, XIV.
 Не ходи, холость, поздно вечеромъ, LI.
 Не шуми, мати зеленая дубровушка, XVIII.

Ой, ни чарочки по столику гремятъ, LXX.
 Ой, ты, дума, моя думушка, XLIV.
 Около шеста бѣлаго полотнянаго, LXXVIII.
 Отдалѣла то я сударушка, отдалѣла, XX.
 Отлеяла, отлеяла Волга, XCI (LCI).
 Отрывки, VIII, XXVIII.
 Охъ, въ горѣ жить — не кручинну быть, LVI.
 Охъ, какъ возговорить въ теремѣ, V.
 Охъ, ты, умная головушка, XXXV.

Пантелей государь ходить по двору, VI.
 Пелагея матушка, LXXVII.
 Перевью тыномъ рѣку, LXXIII.
 По горамъ, по горамъ, LXIX.
 По городу, по городу звоны пошли, LXXXV.
 Подымалася погодушка, XXXIII.
 По улицѣ то дождь то снѣгъ, XLVI.
 При дѣвичьемъ было при вечерѣ, LXXXVI.
 Пряди, моя пряха, CI.
 Пѣтушокъ, пѣтушокъ, LIII.

Разлилася, разлеялася, XIII.

Сидятъ олень подъ сырымъ дубкомъ, XCIX (LCIX).
 Спасибо тебѣ, родимый братецъ, XC (LC).
 Сторона ль моя сторонушка, XXVI.
 Съ рѣченьки утушка слетывала, XXXVII.

Ты несчастный добрый молодець, CIII.
 Ты Иванъ сударь, LXXXIII.

Ты поди, моя коровушка, домой, VII.

Ты Фетинья Вахромѣвна, XLI.

У дороднаго добраго молодца, XLV, LVII.

Уже что я сижу думаю, XCVI (LCVI).

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, XXI.

Ужъ какъ полно красна дѣвица тужити, XLIII.

Ужъ какъ по морю, морю синему, LXI.

У залетнова ясна сокола, XLVIII.

Улица, улица моя, IX.

У насъ, братцы, на Дону во Черкасскомъ городу, LXXV.

У насъ то было, братцы, на тихомъ Дону, LX.

У Спаса къ обѣдни звонять, LV.

Черны кудри за столъ пошли, XXXIX.

Что бы те свату по міру ходить, LXXXIV.

Что не самъ я то ко дѣвушкамъ ходилъ, XI.

Что пониже было города Саратова, LXIII.

Шли прошли по околицѣ, XCIV (LCIV).

Яблонька моя яблонька, XXXVIII.

Я вечеръ молода во пиру была, XVII.

Я не знала не вѣдала, XXXVI.

II. Южно-русскія пѣсни.

А чый то коникъ изъ гиръ выбігае, LXXI.

Батенько мій ридненькій, LXXII.

Биду соби купила та за свои гроши, CLXXVII.

Бодай ты ся когутыку на сидали скрутывъ, CLXXIV.

Болятъ моя головонька, CLXVI.

Боровая пчелонька, чого такъ гудешъ, LXXIV.

Быте дивчины въ подковы, LXXIII.

Вербовая кладка, гныся не ломыся, CLXXXIX.

Взійди, мисяцю, не вечерися, СХС.

Въ Києви гримъ загримивъ, XXIV.

Въ новыхъ сянцяхъ огонь горыть, XXIII.

Въ саду роса висыть, СII.

Въ синечкахъ голубецъ гуде, XI.

Выгукнули ангелы въ неби, XIII.

Выйду я до хаты, дetyны нема, XIV.

Ганулька плыла до нового роду, XXV.

Гей, вниду я, вниду на гору високу, CLXX.

Гей, заржи, заржи, сывый кониченьку, CLXIII.

Гей, маты, да негай мене, ССIII.

Гей, на гори дубина, CLXVII.

Глянь, матинко, на мій посагъ, CLXXX.

Гныся, не ломыся, малыновый мосте, XVI.

Говорыла лыпонька, XV.

До бору, бояре, до бору, XVIII.

Дубъ на дуба похылывся, LXVII.

Душа танецъ выводить, XX.

Дывовалыся луги той червоній малыни, XVII.

Жѣна мужа выряжала, ССXII.

Журылася евуенька, XXI.

Забула миленького запытаты, XIX.

Загадки, ССVI.

За горою високою голуби лятають, CLXXV.

За горою ни дзвинъ дзвоныть, XXVI.

За дворомъ за новенькимъ, XXVII.

За дворомъ черешенька, XXVIII.

Зеленая черешенька, чомъ ты не вродыла, XXX.

Зоренька вечерняя, XXXI.

Зоренька вечерняя одсвѣтила, XXXII.

Идутъ мужики до млына, XXXIII.

Ишовъ милый за лисъ, XXXIV.

И шумыть и гуде, XLVIII.

Кобы я была такъ красна, CCVII.

Коло млына калына, XXXVII.

Коло млына кремёнына, XXXVI.

Коло синей коло хаты, XXXVIII.

Котылыся возы зъ горы, CLXXVI.

Край береженьки стояла, XXXIX.

Крути горы що видъ моря, XLI.

Кривю танцю, XL.

Крыкнулы лебеди на води, XCVIII (LCVIII).

Лебедю, лебедоньку, CXXX.

Летае сокиль по сонцю, XLV.

Летивъ, летивъ соколонько высоко зъ орлами, CLXXXII.

Летила зозуленька, XLIII.

Летыть орель по надъ моремъ, XLIV.

Литае пташина чечече, XLVI.

Лытили журавли, XLII.

Мала ничка петривочка, CLXXXVII.

Марусенька съ Ивасенькомъ стадо поле, XXXV.

Марына матинка предъ Богомъ стояла, XCVI (LCVI).

Межи двума березами, XLVII.

Мисяцю розроженьку, CLXXI.

Надъ моримъ глубокимъ, XLIX.

На Ивана на купала, L.

Наихалы сваты волынци, LIX.

На тесовомъ столи, LII.

Наша нячь торкочеть, LIII.

Наши подоляне церковь збудовалы, VII.

Нашъ красный коровай, LIV.

Нашъ хорунжий хороший, LVIII.

Не знала мене маты, LV.

Не куй, староста, золотого ножа, LX.

Не ма леду, не ма леду, II.

Не шуми, луже, въ дубровонци дуже, CLXVIII.

Ни Ивася у виночку, CXСIV.

Ой, бижыть, бижыть мила дивчинка, III.

Ой, въ выни, въ вини да въ виногради, LVII.

Ой, въ лиску, въ лиску на пилку, LXII.

Ой, гай, маты, о, гай, маты, ой, гай зелененькій, CLXXXI.

Ой, давно, давно въ роду була, LXV.

Ой, дубъ на дубонька похилывся, LXVI.

Ой, завью винки да на вси святки, IV.

Ой, засвичу я ясную свичу, CXСVII.

Ой, зацвила калынонька въ лузи въ очеретѣ, XXIX.

Ой, звонке деревцо калына, СІХ.

Ой, звыслы синіе хмароньки звыслы, LXIX.

Ой, зійдымось, подруженьки, CLXXXV.

Ой, звати, знати кто кого любыть, CLXV.

Ой, ишовъ дощакъ кропнистый, LXXX.

Ой, лугомъ, лугомъ вода иде, CXXXVIII.

Ой, маты, чумакъ иде, CXXXIX.

Ой, на гори нывка, СXL.

Ой, на риченци на Іордани, CXCI.

Ой, не стій, вербо, надъ водою, VI.

Ой, не тужи, дивчинонько, по мни, XC (LXXXX).

Ой, пане господару, на твоємъ двору, XCV (LCV).

Ой, петривная зозуленька, CXСII.

Ой, пидь гаемъ, гаемъ, гаемъ зелененькимъ, CLXXXVI.

Ой, посію въ поли нывку ленку, XCIX (LCIX).

Ой, пуцу стрилу по всему селу, С.

Ой, рано, рано андроньки пили, СI.

Ой, розлетись мои роскоши якъ листь по води, CLXI.

Ой, сборъ, сборъ въ субботу, LXX.

Ой, ты, дивчино зарученная, CLXIV.

Ой, ты, старый дяду, чому ся не женишь, LXXV.
 Ой, у лузи калына, LXXVIII.
 Ой, у поли дви тополи, LXIII, ССII.
 Ой, у поли крыниця безо дна, LXIV.
 Ой, у поли на выгони стоить береза росистая, LXXIX.
 Ой, ходжу жъ бо я блужу темнонькой ночи, LXXVI.
 Ой, ходыла павонька на щирымъ бору, LXXVII.
 Ой, чіежъ то жито пидъ гору стояло, VIII.
 Ой, чіежъ то поле, IX.
 Ой, чомъ не прыйшовъ якъ я тоби велила, СХСIII.
 Ой, я ракъ не боракъ, СХСV.
 О, колесомъ, колесомъ мисяць въ гору иде, XII.
 О, на ставу ставочку дрибные дивчата, LXXXIX.
 Отрывки, смѣсь, XXII, LXI, СХІХ, СLXXXVIII.

Пала роса въ конецъ проса при белой дорози, ХСІV (LCIV).
 Панъ пшениченьку віе, СLXIX.
 Перепылеченька, LXI.
 Пиду я берёгомъ по надъ ставомъ, ХСІ (LCI).
 Пидъ березою пидметено, ХСIII (LCIII).
 Пишлы вивци въ польинку сами биленькіе, СLXII.
 Плавае по води золотый човнокъ, СIII.
 Плугъ не оре, СIV.
 Повій, витроньку, съ зеленого дуба, LXXXI.
 По гори, гори, LXXXIV.
 По гори, гори не огонь то горить, LXXXII.
 По гори, по гори рута и барвинокъ, LXXXIII.
 Погубыла диты орлянечка, LXXXVI.
 По загумени синіе терны цвितуть, LXVII.
 Половышний мисяченько на неби, СLXXXIV.
 По пидъ гаемъ зелененькимъ сдавняя стеженька, ХСVII (LCVII).
 По пидъ лисомъ битая дорога, LXXXVII.
 Породыла червчаточка семеро дитей, СХХХVI.
 По садочку хожу, ХСII (LCII).

Посію я рожу, поставлю сторожу, ССІХ.
 Посію я яру руту надъ водою, LXXXVIII.
 Посілямъ руту круту межи берегами, CLXXIX.
 Прііхавъ зятенько на тестя на подвиръ, СVІ.
 Пріѣхала молодая маты, СХСVІ.
 Прііхалы барє съ Семи гиръ, СV.

Росточено поволочено по сняхъ, СХСІХ.
 Рутку сію, рутку сію, рутку пидлываю, CLXXXIII.
 Рыстью коньики рыстью, СVІІ.

Сама я, сама пшениченьку жала, СVІІІ.
 Самъ Богъ коровай мисить, СХІ.
 Свиты зоре на все поле, І.
 Семень пивня продає, СХVІ.
 Сивая зозуленька, СХІІ.
 Сивъ зажурывся, СХІІІ.
 Сивый коню, сивый коню, СLXXII.
 Слала заря до мисаца, X.
 Смѣсь, СLXXXVIII.
 Сонце низенько, вечеръ близенько, ССІV.
 Сонъ головонько клонить, СХСVІІІ.
 Стоить явиръ надъ водою, СХVІІ.
 Стояла тополя край чужого поля, СХІV.
 Стояла туполя вкрай чистого поля, V.
 Суха верба, мокра калюжа, СХV.
 Сыдыть сокилъ на тополи, СХ.
 Сыну мій, дударыку, СС.

Та була жъ въ мене жинка, та була жъ въ мене зирка, ССІ.
 Тамъ стояло ризно два дубочки, СХХІІІ.
 Та надъ риченькою, та надъ быстренькою, СХVІІІ.
 Татаронько иде, СХХІІ.
 Темная ничка петривочка, СХХІ.
 Теперъ же намъ три радости, СХХІV.

Терешева жона, СХХV.

Тече вода риченька, ой, тече вона зъ тыха, СХХ.

Тече ричка не велычка, СХХVІІІ.

Тихо, тихо Дунай воду несе, СХХVІІ.

Тожъ пидлитае сивый соколь пидъ вишневыи садъ, СХХVІ.

У Кіевѣ на рынку, ССХ.

Хвалылася береза своими вихами, СХХХІІ.

Ходыть блудыть козакъ по дуброви, СХХІХ.

Хылилася береза своей зеленой дуброви, СХХХІ.

Частые да густые, СХХХІІІ.

Черезъ садъ стеженька, иде дожчикъ сдрибненька, СLXXVІІІ.

Черезъ синечки, черезъ свитлоньку шелковые шпуры, LXXXV.

Черезъ тыхий Дунай сухіе кладочки, СХХХІV.

Шумыть, дымить по долынѣ, СLXXІІІ.

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ, СХХХV.

Я жита не сіяла, СХХХVІІ.

Якъ пишла Ганна въ Дунай по воду, ССVІІІ.

Я сегодня тута, а завтра поѣду, ССХІ.

ІІІ. Южно-руссія пѣсни. Вторая тетрадь.

А въ нидилоньку до сходъ сонця, 161.

А де твій мужъ? на Дону, 120.

А Маруся недужа лежала, 21.

А Московка ряба, 72.

А чи мини тута житы, а чи мини горюваты, 42.

А я у батька оденьця, 214.

Бида мини маты за бидою, 77.

Била жинка мужика, била жинка дурака, 9.

- Братъ сестру въ гости кличе, 24.
Було жъ насъ три браты, 102.
Веселывся козаченько тай не оглядився, 131.
Видбила шука рыба видъ берега ряску, 121.
Витдай мене, моя маты, де новіи хаты, 90.
Віе витерьъ повивае, 138.
Въ недиленьку рано по раненьку, 26.
Въ субботу родителей упоминала, 4.
Выйся, выйся, подоймыся, сызо-крылый голубецъ, 75.
Выряжала маты сына на косовыцю, 188.
Галочка моя, галочка чорненькая, 80.
Головонька жъ моя бидна, 61.
Горилочко, дивочко, дивочко, 110.
Гуляла Марусенька въ саду тай заснула, 180.
Давно дуба изрубили, пенекъ зелененькій, 74.
Дала маты дочку въ чужу стороночку, 175.
Дерь деръ деруженець, 123.
Дивирь зъ нивисткой розбивъ горщикъ зъ лимешкой, 127.
Дивчина сподивайся талану, 207.
Доле моя, доле, не ходы й надъ водою, 187.
Добре було житы, першу жинку быты, 18.
Заря зъ неба закотылася, 78.
За три денежки кужельцю купыла, 76.
Зашумила дубривонька, 169.
И вчора у куми и сегодня у кумы, 183.
Иды, Грыцю, на улыцю, 152.
Изъ суботоньки та на нидилоньку годына, 196.
Изъ тихого броду пили гусы сиры воду, 83.
И не бійте мене и не лайте мене, 182.
Ихавъ, ихавъ, чомъ до мене не захавъ, 134.
Ихавъ козакъ и зъ снопами, 164.
И чарко жъ моя й оковитая, 139.

- Кажуть люды, чумаць буде, дивчина раденька, 19.
 Казавъ мини батько, щобъ я оженився, 40.
 Калина, малина, чого почернила, 173.
 Калыно, ялыно, що тебе извъялыло, 49.
 Коло млыни млыни червона калина, 23.
 Колы бь мини нидили диждаты, 41.
 Колы бь моя мила та човнычко та веселычко, 125.
 Колы бь не вы та не мы, 174.
 Корабазивци на поповіи гребли, 45.
 Лагу меду, голось веду, луже развивайся, 141.
 Лита мой, лита, лита молодья, 56.
 Любылыся, кохалыся, обое хороши, 217.
 Молодыи молодыци, 79.
 Наварила борщу тай у покришца, 213.
 Наварю я чичивыци, 117.
 Надъ моими воротами чорна хмара стала, 16.
 На порози стояла, 151.
 На риченьки та на дощечки, 153.
 Наступыла чорна хмара, ставъ дощъ накропаты, 200.
 Не замайте мене, хлопци, по телята я иду, 165.
 Не топила, не варила, не буду й топыты, 157.
 Не топыла, не варила, а у хати дымно, 170.
 Обищала пирогъ даты, 144.
 Оженився молодъ тай не по воли, 7.
 Оженився молодъ тай по неволи, 35.
 Оженила маты сына, 85.
 Ой, бувъ та не ма миленького сокола, 161.
 Ой, бувъ та не ма, та поихавъ до млина, 116.
 Ой, вербо, вербо кучерявая, 147.
 Ой, волы мой та половіи, чому жъ вы не орете, 168.
 Ой, въ нидилоньку рано по раненьку у вси звоны звонять, 119.
 Ой, вывела перепилочка диты, 32.

- Ой, выйду на гору, гляну на море, 68.
Ой, вышло, вышло а три девизіи та на запорожкій дорози, 220.
Ой, галочки сизо-перички, пидымайтесь въ гору, 113.
Ой, Галю, нейды у поле, 57.
Ой, гила, гила, сиры гуси на ставъ, 105.
Ой, горе беда мини переросла дуже, 135.
Ой, горе, горе, сухій дубъ, 205.
Ой, давно, давно я у батька була, 5.
Ой, добрая годинонька була, 181.
Ой, здорова дивчина попова, 11.
Ой, зима, зима холодна була, 36.
Ой, излетавъ пугачъ та на воротичка, 201.
Ой, изъ за гори буйный витеръ віе, все повивае, 62.
Ой, изъ за горы витеръ віе, дорогою козакъ иде, 29.
Ой, изъ за горы та зъ за крутой, ой, изъ за горы висти, 189.
Ой, и пье козакъ пье, а у козака гроши е, 109.
Ой, исправлю я возы, запряжу я сиры волы, 48.
Ой, ихавъ, ихавъ, ихавъ, а сорочка зъ миха зъ миха, 199.
Ой, ишла дивка до броду по воду, 50.
Ой, ишовъ паринь дорогою, 82.
Ой, казавъ молодой козаче, що не буду Галю любиты, 124.
Ой, коли бъ ты хозяйнъ та вольки соби мавъ, 150.
Ой, колы бъ же того да Сынъ Божій не множивъ, 178.
Ой, колы бъ я зузуленька соби крыла мала, 33.
Ой, малою сиротою стала, 87.
Ой, матинко, вишенько, що безъ тебе лышенько, 88.
Ой, маты, люблю Грыця, 133.
Ой, маты, маты старая, 64.
Ой, маты, моя матусенька, 112.
Ой, на гори опеньчка, 20.
Ой, на гори ромень зелененькій, 66.
Ой, не дала мене маты за робитниченька, 31.
Ой, не знала баба чимъ забогатиты, 184.
Ой, не знала бидна вдова якъ хлѣба робить, 130.

- Ой, нейды, милій, у дорогу та не робы поговору, 211.
 Ой, нетяго, нетяго, нетяженько моя, 190.
 Ой, не ходы, Василечко, побиля тыночку, 97.
 Ой, не шій мины, ненечко, очипка сего, 212.
 Ой, не шуми, луже, ты дуже, 37.
 Ой, отъ моря та до моря битая дорога, 8.
 Ой, пиду я въ огороды, нащиплю шильвію, 219.
 Ой, пиду я зъ сего хутора пиду, 100.
 Ой, пиду я по за токомъ, 172.
 Ой, пила, пила Неумириха на меду, 10.
 Ой, повійте буйны витры изъ горы, 73.
 Ой, поихавъ Олексаша изъ дому въ дорогу, 46.
 Ой, полыты, галко, де мій ридній батько, 47.
 Ой, пріихавъ милый изъ вечора пиздно, 204.
 Ой, пье козакъ пье и гуляе, 185.
 Ой, пью, милый, пью и до дому нейду, 186.
 Ой, пьяна я, пьяна я, пьяна, 108.
 Ой, Северино, Севериночку, 179.
 Ой, сивенька зузуленька, 222.
 Ой, соколе, соколенько, 70.
 Ой, сыну мій дударыку, 118.
 Ой, сынъ мій та Негруенко, 148.
 Ой, сынъ неньку за рученьку веде, 67.
 Ой, темна ничка, 60.
 Ой, темная та не видная ниченька, 209.
 Ой, темная та не видная ноченька, 63.
 Ой, ты бривъ чернобривъ, 84.
 Ой, ты буде купрявый и верхъ тоби рясенъ, 104.
 Ой, уже, ненько, уже не раненько, 210.
 Ой, у конецъ гребли, тамъ шумили верби, 59.
 Ой, у поли конопельки верхи зелененьки, 194.
 Ой, у поли озеречко, тамъ плавало ведеречко, 6.
 Ой, хожу я блужу темненькой ночи, 109.
 Ой, чумаче, чумаче, 158.

- Ой, що тобі приснилось, 94.
Ой, що то за Маруся, 208.
Ой, що Хома да Ерема да родніе братья, 13.
Ой, якъ була я малою маленькою, 71.
Ой, ясно прекрасно а солнечко ходыть, а гетманко заходыть, 193.
Оравъ милый у царыни, теперь у толоци, 43.
Отце иду, отце иду по колина въ лободу, 53.
Отъ теперь я сама якъ у поли былина, 28.
О, у поли будякъ, 143.
Охъ, зойды, зойды, зирочко ты вичирняя, 17.
Охъ, миня лышенько, й упилася, 206.
Очереть осока, чорны брови у козака, 115.
Пишла вдова долиною, 34.
Пишла жинка на базаръ, 107.
Побратався соколъ съ сизокрилымъ орломъ, 221.
По вгородцу хожу и самъ соби рожу, 106.
Повій, витре буйнесенькій, зъ глыбокого яру, 156.
Полюбила коваля, 155.
Померъ гайдабура, 140.
По огородци ходыла, лебедочку гоныла, 1.
По пидъ мостомъ трава росла, ривняется съ мостомъ, 3.
Породыла мене маты у новой комори, 191.
Порось ромень съ тыномъ ровень, на тынъ похилився, 91.
Прійды, прійды, молодакъ, 99.
Пріихалы паны свататы вдовы, 215.
Пряду, пряду валъ, валъ, 129.
Пусты жъ мене, негодяю, 142.
Пусты мене, маты, у поле жита жаты, 30.
Сватай мене, Марко, я за тебе пиду, 163.
Свекоръ нивистку сильно не злюбивъ, 145.
Серденько жъ мое, теперь насъ двое, 137.
Синее море, жовтый цвѣть, та загодала на весь свить, 86.
Та биленькая черемшина, рано, рано, 167.

- Та вже не ходыты яромъ за товаромъ, 96.
Та вже третій вечеръ, якъ я дивчину бачивъ, 38.
Та въ зеленому мячку, 111.
Та горялочка небого, 154.
Та ихавъ, ихавъ ярманковый, 136.
Та й шовъ чумаць дорогою, сопилочку грае, 159.
Та Марусенько серденько, скажи минн правдоньку, 58.
Та не вродыла мене маты а дила робыты, 89.
Та не знаешь, милый, якъ курочку зваты, 132.
Та не хылыся, явороньку, щежъ ты зелененькій, 51.
Та пійшовъ чумаць у дорогу, 176.
Та по дорози жукъ жукъ, по дорози чорный, 197.
Та подумай ты мысли объ моемъ несчастьи, 149.
Та по пидъ мостомъ трава ростомъ, 25.
Та по садочку хожу и самъ себе нужу, 198.
Та пропывъ чоловикъ бугая, 14.
Та соловейку маленькій, 202.
Та у кривого танця, 192.
Та чого минн журяться, якои неволи, 92.
Теперь же я не така не сяка, 195.
Теперь минн погодыло, 128.
Тимъ у свити добра не ма, 27.
Ты молодчикъ молоденькій, дурный разумъ у тебе, 177.
Ты чорна, подай човна, 114.
У козака кудри вьются, 52.
У кося лента голуба, 54.
Умеръ батько, байдуже, 44.
У нашимъ славнимъ городи пидъ пендерою, 203.
У поли поли стояла корчма, 126.
Хвалилася мене маты молодымъ женыты, 22.
Хмарка настула, дощикъ накрыпае, 55.
Ходыть гарбузь по огороду, 166.
Ходыть дивчина по надъ бережечкомъ, якъ рожевый цвить, 81.

Черезъ гору орелъ воду носить, 146.

Черезъ улыцю метелюха струже, 122.

Чи ты, ненько, спала чи ты такъ лежала, 162.

Чи я плыла, чи я брела, чи мене пидлыто, 2.

Чого же мини до дому, 95.

Чого жъ въ ставу вода руда, лебонь хвыля збила, 101.

Чужи люды конопельки сіють, 69.

Шли коровы зъ дубровы, а овечки зъ поля, 98.

Щой у тебе, ты мій мужъ, а личина борода, 12.

Що то Ганца, що то гожа, 39.

Що у саду та пидъ дулькою, 160.

Я жита та не сіяла, само жито родыть, 218.

Якъ була у дивчины ма́чуха лихая, 65.

Якъ задумавъ дворянинъ дворяночку брать, 216.

Якъ пійшовъ той Панасъ, 93.

Якъ поихавъ королевичъ на прогулянье, 15.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

При печатаніи настоящей книги главною заботою было точное воспроизведеніе автографа Н. В. Гоголя. Поэтому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, собственныя имена напечатаны съ маленькой буквы. Исправленія текста допущены лишь въ случаяхъ несомнѣнныхъ описокъ.

Считаю себя обязаннымъ засвидѣтельствовать глубокую благодарность А. А. Шахматову, А. И. Соболевскому, М. Н. Сперанскому, Н. А. Янчуку и А. Е. Крымскому, оказавшимъ мнѣ любезное содѣйствіе при выполненіи моей задачи.

Въ концѣ книги приложены два фототипическіе снимка автографовъ Н. В. Гоголя изъ двухъ его собственноручныхъ тетрадей.

Г. Г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

<i>Страница:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Смѣд. читать:</i>
127	6 снизу	меня	мене
129	3 сверху	меня	мене
131	11 снизу	мѣсяца	мисяца
132	1 сверху	твое	твое
137	2 снизу	боишися	боишся
138	12 »	роботы	робыты
142	1 »	сидлаешъ	сидлаешъ
146	4 сверху	коханыця	коханья
154	4 »	своего	свого
156	8 »	давннать	давннать
161	10 »	Только	Тилько
164	1 снизу	мине	мини
174	7 сверху	мине	мини
182	9 »	меня	мене
189	3 »	различную	разлучную
190	12 снизу	взродуется	взрадуется
194	12 »	мине	мене
206	4 сверху	жила	жива
209	3 снизу	себя	себе
218	2 сверху	А пидъ	А по пидъ
220	5 »	примався	прыймався
224	6 снизу	допекае	допикае
226	14 сверху	Что	Що
227	3 »	долнѣ	долнѣ
230	5 снизу	пряла	я пряла
231	10 »	меня	мене
233	3 сверху	долго	довго
»	4 снизу	ними	нимъ
235	1 »	козадъ	козакъ
240	6 »	хатычнин	хатычини
246	1 сверху	Покирися	Покорися
255	7 »	шататься	шататься
260	4 снизу	красуза	красуза
263	2 сверху	въ хитку	на хитку.

ПАМЯТИ
В. А. ЖУКОВСКАГО
И
Н. В. ГОГОЛЯ.

Выпускъ третій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1909.

ПАМЯТИ

Pamiatì

В. А. ЖУКОВСКАГО

V. A. Zhukovskago

И

i

Н. В. ГОГОЛЯ.

N. V. Gogolia.

Выпускъ третій.

3

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр. 9 лин., № 12.

1909.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1909 года.

За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ Князь *Б. Голицынъ*.

ГОГОЛЕВСКІЕ ТѢКСТЫ.

Изданы Г. П. Георгіевскимъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
ВВЕДЕНІЕ.....	VII—VIII
1. О любви къ Богу и самовоспитаніи.	
Предисловіе	1
Текстъ.....	2
2. Молитва о созданіи поэмы «Мертвыя Души».	
Предисловіе	8
Текстъ.....	9
3. Сорочинская ярмарка.	
Предисловіе	12
Текстъ.....	25
4. Майская ночь.	
Предисловіе.....	55
Текстъ.....	60
5. Дополненія и поправки ко второй редакціи «Ревизора».....	84
6. Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыиграть какъ слѣдуетъ «Ревизора».	
Предисловіе	98
Текстъ.....	104
7. Предувѣдомленіе къ предполагавшимся изданіямъ «Ревизора» въ пользу бѣдныхъ.	
Предисловіе.....	105
Текстъ.....	108
8. Отрывки, наброски и молитвы.	
Предисловіе	112
Тексты	112

	СТР.
9. Матеріали историческіе.	
Предисловіе.....	119
Тексты: а) По Средней Исторіи.....	125*
б) По Славянской и Русской Исторіи.....	133
10. Матеріалы по Географіи Россіи.	
Предисловіе.....	203
Тексты: а) Изъ Палласа.....	214
б) Калмыки.....	418
в) Травники.....	432
11. Матеріалы по сельскому хозяйству.	
Предисловіе.....	438
Тексты.....	441

ВВЕДЕНИЕ.

Печатаемые ниже «Гоголевскіе тексты» извлечены мною изъ собственныхъ рукописей Н. В. Гоголя, служившихъ матеріалами для десятаго изданія его сочиненій и приобрѣтенныхъ, по окончаніи изданія, для Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ. Краткое сообщеніе о поступленіи ихъ въ Музеи было напечатано въ «Отчетѣ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1896 годъ», на 16-й страницѣ. Тѣмъ не менѣе, всѣ тексты оставались не напечатанными и въ полномъ видѣ не использованными ни для одного изданія сочиненій Гоголя, кромѣ «Молитвы», которая въ редакціи, назначавшейся для А. А. Иванова, напечатана, между прочимъ, и въ третьемъ томѣ изданія А. Ф. Маркса, подъ редакціей В. И. Шенрока, «Письма Н. В. Гоголя», на 309—310 стр.

Передъ каждымъ Гоголевскимъ текстомъ напечатаны предварительныя свѣдѣнія, или предисловія, въ которыхъ сообщены библиографическія указанія и приведены подробныя описанія Гоголевскихъ рукописей.

По содержанію «Гоголевскіе тексты» обнимаютъ обширный кругъ предметовъ, входившихъ въ интересы какъ литературнаго творчества Гоголя, такъ и другихъ излюбленныхъ его занятій. Перечень этихъ предметовъ и этихъ занятій обнаруживаетъ ихъ разнообразіе, а печатаемые тексты, какъ результатъ ихъ, свидѣтельствуютъ о силѣ интереса и о напряженномъ трудѣ, которые Гоголь посвящалъ имъ. Особаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ матеріалы по исторіи и по географіи Россіи, въ широкомъ значеніи этихъ словъ. Эти матеріалы и по количеству своему, и по внутреннимъ достоинствамъ указываютъ на то, что Гоголь много труда положилъ на собраніе ихъ и много времени потратилъ на литературную обработку ихъ. Если вспомнить виѣшнія условія и всю тогдашнюю обста-

новку жизни Гоголя, то по справедливости придется подивиться громаднымъ размѣрамъ работы Гоголя и ея результатовъ. Гоголю очень трудно было достать нужныя книги. Изъ писемъ Гоголя извѣстно, что онъ много разъ и многихъ лицъ просилъ о присылкѣ ему книгъ изъ Москвы и Петербурга въ Римъ, напримѣръ, или въ Германію. Необходимо имѣть въ виду, что тогда совсѣмъ не было нынѣшнихъ быстрыхъ и удобныхъ средствъ для сообщеній и сношеній. Тогда не было и нынѣшнихъ удобствъ для занятій — ни электрическаго освѣщенія, ни гладкой и ровной бумаги, ни стальныхъ перьевъ и ручекъ и т. п. И если, тѣмъ не менѣе, для одного только печатанія «Гоголевскихъ текстовъ» потребовалось почти два года, то сколько же времени затратилъ Гоголь на собираніе матеріаловъ, чтеніе, копированіе, компиляціи и т. д.? Очевидно, о Гоголѣ мало сказать, что онъ былъ труженикомъ: не было такого времени въ его жизни, когда бы онъ не работалъ.

Весьма важно отмѣтить и еще одну подробность въ біографіи Гоголя: найденные матеріалы по исторіи и обертка съ надписью «Матеріаль лекцій» убѣдительно говорятъ о томъ, что Гоголь трудился надъ лекціями и готовился къ нимъ. Несомнѣнно, уцѣлѣла лишь самая незначительная часть его работъ въ этой области, но и она окончательно уничтожаетъ отрицательныя сужденія о профессорствѣ Гоголя.

При печатаніи текстовъ имѣлось въ виду прежде всего точное воспроизведеніе рукописей Гоголя со всѣми особенностями Гоголевскаго правописанія, даже съ ошибками и описками Гоголя.

Для полноты бібліографическихъ справокъ считаю нужнымъ прибавить, что вторая редакція «Ревизора» впервые напечатана была Н. С. Тихонравовымъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», бесплатномъ приложеніи къ журналу «Царь-Колоколъ», 1892 года, № 3, мартъ, 109—235 стр.

Григорій Георгіевскій.

О любви къ Богу и самовоспитаніи.

Статья Гоголя О любви къ Богу и самовоспитаніи самимъ авторомъ не озаглавлена. Она представляет собою цѣльный, стройный и законченный трактатъ по тѣмъ двумъ вопросамъ, которые отмѣчены въ заглавіи.

По характеру темы можно предполагать, что этотъ трудъ Гоголя имѣлъ отношеніе къ тому періоду его творчества, когда онъ напечаталъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Однако въ этомъ изданіи нѣтъ этого труда. Неизвѣстнымъ онъ остался и для всѣхъ послѣдующихъ издателей и редакторовъ твореній Гоголя, и въ настоящее время печатается впервые.

Статья эта тщательно переписана набѣло самимъ Гоголемъ и сохранилась на полулистѣ писчей бумаги, сложенномъ въ размѣръ восьмой доли листа, при чемъ послѣдняя восьмушка осталась бѣлою. Въ скобкахъ напечатаны слова, зачеркнутыя самимъ Гоголемъ, а курсивомъ набраны слова, надписанныя самимъ Гоголемъ взаимно зачеркнутыхъ или въ дополненіе къ тексту.

Автографъ Гоголя хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3213 и воспроизводится здѣсь съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей правописанія Гоголя, даже описокъ его, кромѣ знаковъ препинанія.

Начало, корень и утверждение всему есть любовь Богу. Но у насъ это начало въ концѣ, и мы любимъ все, что ни есть въ мірѣ, больше самого Бога. Любить Бога слѣдуетъ такъ, чтобы все другое считать второстепеннымъ, чтобы законы его были выше для насъ всѣхъ постановленій человѣческихъ, совѣты выше всѣхъ совѣтовъ, чтобы огорчить его считать гораздо важнѣйшимъ, чемъ огорчить какого нибудь человѣка. Любить Бога значитъ любить его въ нѣсколько разъ болѣе, чемъ отца, мать, жену, мужа, дѣтей и брата. А мы даже и такъ его не любимъ, какъ любимъ ихъ. Кто любитъ Бога, тотъ уже гораздо болѣе любитъ и отца, и мать, и дѣтей, и брата, чемъ тотъ, кто ихъ *сильно* любитъ (больше), *не мысля (самоу) Бога*. Это одинъ только оптический обманъ и есть плотская чувственная любовь, страстное обаяніе, (а не любовь), такая любовь не поступаетъ разумно, потому что очи ея слѣпы. Любовь же есть свѣтъ, а не мракъ. Въ любви заключается Богъ, а не духъ тмы. Гдѣ свѣтъ, тамъ и спокойствіе, гдѣ тма, тамъ и возмущеніе. И потому любовь, произшедшая отъ Бога, тверда, и вносить твердость въ нашъ характеръ, и самихъ насъ дѣлаетъ твердыми. А любовь не отъ Бога шатка и мятежна и самихъ насъ дѣлаетъ шаткими, боязливыми и нетвердыми. И потому прямо отъ Божіей любви должны происходить всѣ другія любви на земли.

Всякая любовь земная, произшедшая отъ Божіей, высока, ибо она велитъ намъ гораздо больше любить, чемъ мы любимъ. Она велитъ намъ оказывать брату не только одну вѣщественную помощь, но и душевную, не только заботиться о его тѣлѣ, но и о душѣ, скорбѣть на него не за то, что онъ наноситъ намъ непріятность, но за то, что онъ этимъ наноситъ нещастіе душѣ своей. Ибо грѣхъ его лежитъ и на нашей душѣ. Мы должны были его поучить, наставить, образовать, воспитать.

Но какъ можемъ мы это сдѣлать, будучи сами слабы и немощны? Дорогою божественной *любви* все возможно, безъ нея все трудно. Чтобы воспитать другого, мы должны воспитать прежде себя.

Какъ же воспитать себя? Воспитаніе должно происходить въ непрерывномъ размышленіи о своемъ долгѣ, въ чтеніи тѣхъ книгъ, гдѣ изображается человекъ въ подобномъ намъ (положеніи) состояніи, кругѣ, обществѣ и званіи, (въ) *и среди* нашихъ же обстоятельствъ (ствахъ), и въ беспрестанномъ примѣненіи этаго съ закономъ Христа. Въ чемъ они не противурѣчаютъ Христу, то принимать, въ чемъ не соотвѣствуютъ его закону, то отвергать, ибо все что не отъ Бога, то не есть истинно. Что же найдешь сомнительнымъ и не знаешь какъ рѣшить, то до времени слѣдуетъ отложить (ся) и не смущаться (тѣмъ): это признакъ, что мы еще не готовы (такъ) *и что* глаза наши получаютъ ясное познаніе вещей послѣ, по мѣрѣ нашего усовершенствованія. Отъ споровъ, какъ отъ огня, должно остерегаться, какъ бы ни сильно намъ противурѣчили, какое бы неправое мнѣніе намъ ни излагали, не слѣдуетъ ни какъ раздражаться или доказывать напротивъ. Но лучше, удалясь къ себѣ напередъ, все сказанное взвѣсить, обсудить хладнокровно. Но и взвѣсивши его, не говорить, если чувствуешь, что не можешь такъ сказать, что бы оно именно было доступно тому человеку, съ которымъ говоришь, или же если чувствуешь, что не можешь сказать хладнокровно, (безъ гнѣва и даже съ любовью), *не увлекшись гнѣвнымъ расположеніемъ.* Истинна, сказанная въ гнѣвѣ, раздражаетъ, а не преклоняетъ. И такъ, воспитать другого мы можемъ уже тогда, когда достигли до самого высочайшаго незлобія, когда никакіе оскорбленія не могутъ оскорбить насъ. Тогда и разумъ нашъ получаетъ свѣтъ и можетъ наблюдать поступки другихъ, видѣть ихъ прегрѣшенія (и помогать имъ исправляться), *и находитъ средства помогать избавляться* отъ нихъ. *Тогда и Богъ поможетъ намъ на всякомъ шагу.*

На семъ основана и жизнь человека—учиться и учить другихъ, и себѣ и другимъ помогать *въ одномъ: помогать* возноситься къ Богу.

Во всѣхъ нашихъ начинаніяхъ и поступкахъ мы должны бо-
лѣе всего опасаться *духа* унынія, который есть чистое искуше-

ніе, духа тмы, которымъ онъ нападаетъ на человѣка, зная, какъ трудно бываетъ бороться ему съ нимъ. Уныніе противно Богу. Оно есть слѣдствіе недостатка любви нашей къ нему. Уныніе рождаетъ отчаяніе, которое есть душевное убійство, страшнѣйшее всѣхъ злодѣяній, совершаемыхъ человѣкомъ, ибо отрѣзываетъ всѣ пути къ спасенію, и потому нуще всѣхъ грѣховъ оно ненавидимо Богомъ. Отъ того и въ молитвахъ беспрестанно просится о томъ, дабы далъ намъ Богъ сердце трезвящееся, бодръ умъ и мысль свѣтлу.

Иногда смущенія, беспокойство душевное и уныніе бываютъ Божьими попущеніями насылаемы на насъ для того, чтобы испробовать и испытать, укрѣпились ли мы въ характерѣ? Иногда же для просто чтобы, ища средствъ спастись отъ нашего беспокойства унынія, придумали сдѣлать что нибудь такое, чего бы никакъ не придумали. Богъ всячески старается насъ вразуми и требуетъ, что мы употребили како нибудь усиліе для узпанія его воли. И потому многіе испытавшіеся совѣтуютъ въ такія минуты обратить взглядъ на прежнюю жизнь нашу и припомнить все *то*, что мы пропустили (въ ней) сдѣлать или откладывали на другое время, и въ такіе дни заняться уже не обыкновенными и вседневными нашими дѣлами, а тѣми *именно*, которыя мы пропустили, и заняться ими не такъ бы мы сами ихъ на себя паложили, но такъ какъ бы они на насъ были наложены (санимъ) Богомъ, а не другимъ къмъ, исполняя *ихъ* подобно послушнику, исполняющему беспрекословно и рабски всякое повеленіе своего подвигположника.

Жизнь не можетъ быть ни на минуту покойна. Тревоги слѣдуютъ одни за другими. Сегодня одна, назавтре другіе. Мы призваны въ міръ на битву, а не на праздникъ. Праздновать побѣду мы будемъ на томъ свѣтѣ. Здѣсь мы должны мужественно, не упадая *духомъ*, сражаться, дабы получить больше наградъ и больше повышеній, исполняя вся, какъ законный долгъ свой, съ разумнымъ спокойствіемъ, *осматриваясь* всякой разъ вокругъ себя и свѣряя все съ закономъ Христа Господа нашего. Нѣкогда

намъ помышлять о бѣгствѣ съ поля, на всякомъ шагу предстоитъ намъ подвигъ христіанскаго мужества, всякой подвигъ доставляетъ намъ новую ступень къ достиженью небснаго царствія. Чемъ больше опасности, тѣмъ сильнѣй слѣдуетъ собрать силы и сильнѣй возсылать молитву Богу. Находящійся среди битвы, не теряй ни на одну минуту этого изъ виду, готовящійся къ битвѣ, приготовляй себя къ тому заранѣе, дабы трезво, бодрственно и весело потечь по дорогѣ! Въ концѣ дороги Богъ и вѣчное блаженство!.. Но какъ безумные, беспечные и недалекозоркіе, мы не глядимъ на конецъ дороги. Отъ того и не получаемъ ни бодрости, ни силъ для (пути, прохожденія по ней) путешествія по ней. Мы видимъ одни препятствія, только не замѣчаемъ, что они то и есть ступени и восхожденія. А чаще всего мы все видимъ иначе. Пригорокъ намъ кажется горою, малость великимъ дѣломъ, призракъ дѣйствительностью, все преувеличивается въ глазахъ нашихъ и пугаетъ насъ. Потому что мы глаза держимъ внизъ и не хотимъ поднять ихъ вверхъ. Ибо еслибы подняли въ верхъ, то увидили бы вдругъ всѣмъ правящаго Бога *и свѣтъ исходящій оттуда и осящающій все въ настоящемъ видѣ*, и посмѣялись бы сами слѣпотѣ своей.

Всякое дѣло, усиліе, стремленіе, начинаніе да сопровождаетъ внутреннею молитвою, да не такой молитвою, какую мы привыкли повторять (буквально)... *бездушно*, не входя въ смыслъ всякаго слова, но такой молитвою, которая бы излетѣла отъ всѣхъ силъ вашей душѣ и послѣ которой, благословясь и перекрестясь, могли бы вдругъ приняться за самое дѣло.

Никто да не приходитъ отъ того въ уныніе, если Богъ не *сполнитъ* исполняетъ тотъ часъ же, *немедленно и вдругъ*, того чего (просимъ), наши желанія, и что благодареніе не вдругъ нисходитъ къ намъ на прошеніе. Но, напротивъ, тогда то отважиѣй, бодрѣй (и) веселѣй духомъ да молимся и дѣйствуемъ. Тогда то именно да возрастетъ сильнѣй наша надежда. Ибо Богъ съ великимъ смысломъ дастъ

иному въ концѣ то, что другому даетъ въ началѣ. Но блаженъ и вѣсколько разъ блаженнѣй тотъ, которому назначено вкусить въ концѣ за большіе труды и подвиги то, что (иному) другому за меньшіе. Душа его больше будетъ приготовленна, больше достойна и можетъ (быть) болѣе обнять и вмѣстить въ себѣ блаженства, нежели другого. Претерпѣвый до конца спасется, сказалъ Спаситель, и сямъ уже открылъ намъ тайну, на которую мы даже и *глядѣть не хотимъ* (и взглянуть не хотимъ), обратить, но только проразумѣть.

Не омрачаться, но свѣтлѣть душой должны мы непрерывно. Богъ есть свѣтъ, а потому и мы должны стремиться къ свѣту. Богъ есть верховное веселье, а потому и мы должны быть веселы и свѣтлы. Веселы именно тогда, когда воздвигается противъ насъ все, дабы смутить насъ, *иначе и заслуги нѣтъ никакой*. Тогда нетрудно быть веселу, когда вокругъ насъ все весело. Тогда всякій умѣетъ веселиться, и глупый, и непросвѣщенный вѣрою, и неимѣющій никакой твердости человѣкъ, и не христіанинъ, и язычникъ. Но достоинство и значеніе христіанина именно состоитъ въ томъ, чтобы во время смущенія и печали быть безпечальну и твердо духомъ. Иначе нельзя отличить его отъ язычника.

Но всѣхъ преуспѣваній нашихъ, трудахъ, дѣлахъ, молитвахъ да сопутствуетъ неразлучно любовь. Да *спѣтитъ она* какъ маятникъ и свѣтъ поминутно предъ глазами. Блаженъ, кто началъ свои подвиги прямо въ любви къ Богу. Онъ быстрѣе всѣхъ другихъ полетитъ по пути своему и легко побѣдитъ все то, что другому кажется непреодолимымъ и невозможнымъ. Весь міръ предстанетъ тогда предъ нимъ въ другомъ видѣ. Онъ привяжется къ міру потому только, что Богъ помѣстилъ его среди міра и повелѣлъ привязаться къ нему. Но и въ мірѣ возлюбитъ онъ только то, что (есть) въ немъ есть образъ и побіе Божіе, и земной любви поклонится онъ не такъ, какъ поклонится *образу* невѣжественный человѣкъ, считая его за самого Бога. Но какъ поклонится лучше просвѣщенный вѣрою, видящій видящій въ

немъ простое дерево и краски (послужившіе для напоминанія о Богѣ), *бесильные, (къ которымъ прибынулъ человекъ по бесилию своему)*, и возносящіе не къ образу, но (какъ) самому Богу. Равнымъ образомъ и въ земной любви нашей мы должны видѣть одни недостаточные, *видимые* знаки (великой) безконечной любви Божіей. Это только искры, одни края той великолѣпной ризы, въ которую облеклась безмѣрная и безграничная любовь Божія, которую ничто не вмѣститъ, какъ ничто не можетъ вмѣстить самого Бога.

Молитва о созданіи поэмы „Мертвыя души“.

Молитва о созданіи поэмы «Мертвыя души» сохранилась на четверткѣ писчей бумаги, сложенной пополамъ, въ размѣръ почтоваго листа, при чемъ первая редакція написана Гоголемъ на первой страницѣ, а вторая на третьей.

Гоголь вѣрилъ въ свое призваніе произвести нравственный переворотъ въ читателяхъ второго тома поэмы¹⁾. Онъ вѣрилъ въ то, что для созданія этой поэмы въ немъ созрѣвали «орудія и силы»²⁾. Онъ вѣрилъ и въ то, что безъ Божіей помощи и «смиренной молитвы нельзя ничего»³⁾. Поэтому онъ и страданія переносилъ съ сознаніемъ, что они «даются на добро», и часто просилъ своихъ знакомыхъ помолиться за него. Такъ, еще 25 ноября 1845 года Гоголь писалъ С. Т. Аксакову: «о недугахъ не стоитъ да и грѣхъ говорить: если они даются, то даются на добро. А потому помолитесь и всю вашу семью попросите помолиться, и всѣ, кто ни молились обо мнѣ, да помолются вновь, да обратится все въ добро и да пошлетъ Господь Богъ попутный вѣтръ моему дѣлу и труду».

1) См. объ этомъ подробно въ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова въ третьемъ томѣ десятаго изданія «Сочиненій Н. В. Гоголя», М., 1889, особенно стр. 540 и далѣе.

2) Письмо къ П. А. Плетневу отъ 4 июля 1846 года.

3) Письмо къ В. А. Жуковскому отъ 20 декабря 1851 года.

Повидимому, именно 1845-й годъ долженъ быть признавъ начальнымъ моментомъ того періода въ жизни Гоголя, къ которому должно быть отнесено написаніе особой молитвы къ Богу о помощи при созданіи второго тома поэмы.

Молитва сохранилась въ двухъ и даже въ трехъ редакціяхъ. Первые двѣ редакціи набросаны Гоголемъ на первой страницѣ листка, при чемъ самая первая была очень короткая. Ее Гоголь передѣлалъ и дополнилъ со словъ «Вѣрю бо, Отче». Эти первые двѣ редакціи напечатаны подъ № 1. Слова и строки зачеркнутыя Гоголемъ напечатаны въ скобкахъ, а надписанныя для исправленія и дополненія текста напечатаны курсивомъ.

Третья редакція молитвы напечатана подъ № 2. Гоголь почти набѣло переписалъ ее на третьей страницѣ, сдѣлавъ и въ ней небольшія поправки и дополненія.

Подъ № 3 печатается молитвенное воззваніе по случаю наступленія новаго года, собственноручно написанное Гоголемъ на обрывкѣ писчей бумаги. Крупный, нетвердый почеркъ этого воззванія заставляетъ написаніе его отнести къ моменту наступленія послѣдняго года жизни Гоголя, а упоминаніе о «созрѣломъ и полномъ плодѣ» заставляетъ считать предметомъ молитвы Гоголя ту же поэму «Мертвыя души».

Обѣ рукописи Гоголя хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3213.

1.

(Боже) влечи меня (къ себѣ), *Боже*, непобѣдимой силой святой любви (твоей) къ Тебѣ. Не оставляй меня ни на мигъ бытія моего. Сирисутствуй (со мной неотлучно) *мнѣ въ исполненіи дѣла*, въ трудъ моему, въ славу твою, для него же призвалъ меня въ міръ. *Да буду, совершая тебѣ, весь въ тебѣ, мысли, думы, дѣла. Тебя единого день и ночь. Уровняй мысль.* Содѣлай, да не существуетъ вокругъ меня (міръ и все смущающее) *все кромѣ*

Тебя, и лобызаю удами сердца моего, (да станеть) обесчувственной душа моя ко всѣмъ (тревогамъ) скорбямъ моимъ и станеть безотвѣт. къ бурямъ, воздвигаемымъ (лукавымъ) сатаной на возмущенье духа моего. Да не возложу надежды моей ни на кого (въ мірѣ) кромѣ Тебя, (Господи) Владыко и Господинъ. Но весь прильну къ Тебѣ и душой и тѣломъ, серди. Вѣрю бо, Отче, яко Ты есть возрасти(вшій)лз во мнѣ мысль [(мого) труда моего, Ты дашь силы мнѣ (произвести) совершить самой трудъ мой], и первую о немъ заронилз, трудъ мое, пріятомъ во славу Твою, и возстрастилз и силы моя на совершенье, строя все во спасенье души моей. Яко твоя есть Держава, сила и Царство нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Вѣрю бо, Отче, яко не отъ (своей воли, помышленія, но Ты, отъ своей воли поселилась во мнѣ... первая мысль о трудѣ моемъ, Ты же возрастилз поработать надъ дѣло, для него же далъ силы, одаривъ меня своимъ даромъ) моего произволенія началось сіе самое дѣло, надъ нимъ же (стремлюсь) хочу поработать Тебѣ, надъ нимъ же работаю во славу Твою. Ты же заронилз и первую мысль, Ты же возрастилз ее (до), Ты же одинъ дашь силы и окончить, все строя къ спасенью моему, воздвигая скорби на умягченье сердца моего, гоненье отъ людей на полученье (большей) сильнѣйшій любви къ Тебѣ. Ею же да возгорюсь отнынѣ, (славя тебя) славимаго всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

2.

Влеки меня къ себѣ, Боже мой, силой святой любви къ Тебѣ. Ни на мигъ бытія моего не оставляй меня! Соприсутствуй мнѣ въ трудѣ моемъ, для него же призвалъ меня въ міръ, да (во все время) соверш(енья)ая еіо пребуду весь въ Тебѣ. Отче мой, Тебя единого, Тебя единого день и ночь представляю передъ мысленные мои очи. Содѣлай, да пребуду нѣмъ въ міръ, да обезчестуетъ душа моя къ всемъ, кромѣ Тебя, да обезотвѣт-

стуеть сердце мое къ скорбямъ и бурямъ, ихъ же воздвигаеть сатана на возмущенье духа моего. Да не возложу моей надежды ни на кого *изъ живущихъ на земль*, кромѣ Тебя, Владыко и Господинъ мой! Вѣрю бо, яко ты одинъ въ силахъ (снести) *поднять* меня. Вѣрю, яко не отъ моего произволенія началось и сіе самое дѣло рукъ моихъ, имъ же и азъ хочу поработать тебѣ, то отъ Твоей же святи. Ты поселилъ во мнѣ и первую мысль, ты и возрастилъ ее, возрастилъ и меня самого, таже дажь и довести *ею* (все) концу, строя все во спасенье мое: воздвигая (и самыя) скорби на умягченье сердца моего (и самыя воздвигая и самыя), *поднимая* и гоненья (враговъ) *частыя* на прибѣганье къ тебѣ и на получение сильной любви къ тебѣ. Ее (же) *восприметь*, и да возгорится (огнь ненынѣ) дыша моего, ежеминутно и еже-часно славя святое Имя твое, и славити всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

3.

Боже Благослови!

Да появится въ наступающемъ году созрѣлый и полный плодъ!

Сорочинская ярмарка.

Первая редакція повѣсти Н. В. Гоголя.

«Время *историческаго* изученія произведеній Гоголя уже наступило», писалъ покойный академикъ Н. С. Тихонравовъ еще въ началѣ 1889 года: «въ русской литературѣ давно уже чувствуется потребность въ такомъ изданіи сочиненій Гоголя, которое удовлетворяло бы задачамъ историческаго изученія поэта». Необходимость собрать всѣ данныя для исторіи выработки и позднѣйшихъ передѣлокъ произведеній Гоголя очевидна сама собою: «эти данныя представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики творчества Гоголя, приемовъ его работы и вообще для исторіи его нравственнаго и художественнаго развитія» ¹⁾).

Въ виду этой потребности и вслѣдствіе важнаго значенія Гоголевскихъ текстовъ и предпринято было собраніе ихъ въ десятомъ изданіи сочиненій Гоголя. Веденное умѣлою рукой Н. С. Тихонравова, это изданіе представляло бы собою блестящій образецъ труда, главная задача котораго служить историческому изученію произведеній Гоголя. Къ сожалѣнію, кончина Тихонравова прервала его трудъ почти уже въ самомъ концѣ,

1) Сочиненія Н. В. Гоголя, изданіе десятое, томъ первый, М., 1889. Предвѣдомленіе, V и XX стр.

вслѣдствіе чего нѣкоторые матеріалы для изданія сочиненій Гоголя остались не вполне и даже вовсе неиспользованными Тихонравовымъ.

Къ числу такихъ матеріаловъ, которые только въ незначительной своей части были использованы для десятаго изданія сочиненій Гоголя, принадлежитъ собственноручная рукопись Гоголя, содержащая повѣсть его подъ названіемъ «Сорочинская ярмарка».

Рукопись повѣсти была извѣстна Н. С. Тихонравову и подробно и точно описана имъ въ «Примѣчаніяхъ редактора» къ первому тому десятаго изданія сочиненій Гоголя ¹⁾. Между тѣмъ содержаніе рукописи, стилистическія особенности содержащейся въ ней повѣсти исчерпаны въ «Варіантахъ» того же перваго тома ²⁾ въ самой незначительной степени. Всѣхъ вариантовъ приведено здѣсь изъ рукописи только 47, то-есть, меньше чѣмъ по два варианта на каждую печатную страницу повѣсти, изъ общаго количества 27 страницъ этой повѣсти въ первомъ томѣ десятаго изданія ³⁾. Но и это количество вариантовъ приходится принять съ ограниченіями и оговорками.

Прежде всего, въ трехъ случаяхъ въ вариантахъ отмѣчено простое отсутствіе въ рукописи нѣкоторыхъ словъ и выраженій печатнаго текста повѣсти ⁴⁾. Затѣмъ, чтеніе нѣкоторыхъ вариантовъ рукописи, принятое въ вариантахъ перваго тома десятаго изданія, не отвѣчаетъ дѣйствительному начертанію ихъ въ рукописи. Для примѣра можно указать на самый первый вариантъ изъ всей повѣсти. Къ выраженію: «звонкій голосъ» (перепела) подведенъ вариантъ, указывающій, что въ рукописи поставлено будто бы слово «громъ», а не «голосъ» ⁵⁾. Въ дѣйствительности

1) Ibid., 513—514 стр.

2) Ibid., 514—516 стр.

3) Ibid., 9—35 стр.

4) См. единственное примѣчаніе къ 14-й страницѣ повѣсти, единственное примѣчаніе къ 15-й стр. и третье примѣчаніе къ 22-й стр., въ первомъ томѣ на 514 и 515 стр.

5) См. Ibid., 9 и 514 стр.

же въ рукописи слово «громъ» зачеркнуто Гоголемъ и надъ зачеркнутымъ словомъ имъ же надписана фраза: «или звонкій раскатъ». Къ выраженію: «на истомленныхъ волахъ», вторымъ вариантомъ на 10-й страницѣ повѣсти подведено выраженіе будто бы изъ рукописи Гоголя: «истомленными волами» ¹⁾. Въ дѣйствительности, это выраженіе и въ рукописи Гоголя совершенно тождественно съ печатнымъ текстомъ повѣсти: «на истомленныхъ волахъ». Во второмъ вариантѣ къ 11-й страницѣ повѣсти слово «украшенія» показано зачеркнутымъ въ рукописи ²⁾. Въ дѣйствительности, въ рукописи это слово и сейчасъ остается не зачеркнутымъ. Въ первомъ вариантѣ къ 19-й страницѣ указано будто бы изъ рукописи чтеніе: «недугу» ³⁾. Въ дѣйствительности, въ рукописи правильно написанъ родительный падежъ: «недуга». Въ четвертомъ вариантѣ къ 22-й страницѣ слово «нашъ» (Черевикъ) показано зачеркнутымъ въ рукописи ⁴⁾. Въ дѣйствительности, въ рукописи слово «нашъ» не зачеркнуто. Въ шестомъ вариантѣ къ 23-й стр. слова: «котораго любопытство дергало ужасно», показаны будто бы зачеркнутыми въ рукописи ⁵⁾. Въ дѣйствительности, въ рукописи эти слова не зачеркнуты, а вписаны между строкъ, и вписанныя слова не всё приведены въ вариантѣ. Во второмъ вариантѣ къ 24 страницѣ приведены будто бы изъ рукописи слова: «отдавай свитку мою» ⁶⁾. Въ рукописи эта фраза читается такъ: «отдавай-ка свитку мою», при чемъ первое слово написано: «оддавай». Въ четвертомъ вариантѣ къ 26-й стр. приведены какъ бы изъ рукописи слова: «въ судорожной неподвижности въ воздухѣ» ⁷⁾. Въ дѣйствительности, въ рукописи это выраженіе читается такъ: «въ судорожной неподвижности на воздухѣ». Въ первомъ вариантѣ къ 28-й

1) См. Ibid., 10 и 514 стр.

2) См. Ibid., 11 и 514 стр.

3) См. Ibid., 514 стр.

4) См. Ibid., 515 стр.

5) См. Ibid., 515 стр.

6) См. Ibid., 515 стр.

7) См. Ibid., 515 стр.

страницѣ повѣсти приведено будто бы изъ рукописи слово «волосами»¹⁾. Въ дѣйствительности въ рукописи это слово читается: «волнами». Въ первомъ вариантѣ къ 29-й страницѣ приведено какъ бы изъ рукописи слово: «уклоняясь»²⁾. Въ дѣйствительности, въ рукописи это слово читается: «уклонясь». Въ первомъ вариантѣ къ 33-й страницѣ приведено слово будто бы изъ рукописи: «одна» (Параска)³⁾. Въ дѣйствительности въ рукописи этого слова совсѣмъ нѣтъ. Первый вариантъ къ 34-й страницѣ⁴⁾ не сполна приведенъ по рукописи.

Такимъ образомъ, полныхъ и точныхъ вариантовъ изъ рукописи Гоголя приведено въ первомъ томѣ десятаго изданія значительно меньше общаго ихъ количества.

В. И. Шенрокъ, закончившій десятое изданіе сочиненій Гоголя, по смерти Н. С. Тихонравова, въ «Описаніи рукописей, съ извлеченіемъ изъ нихъ всего не изданнаго въ предыдущихъ томахъ», приложенномъ къ седьмому тому, ограничился слѣдующими тремя строками, коснувшись рукописи «Сорочинской ярмарки»:

«Рукопись Сорочинской ярмарки. Р. Н. Подлинникъ написанъ на четырехъ несшитыхъ листахъ сѣрой бумаги (ср. т. I, стр. 513); хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеѣ (см. т. I, стр. 513)»⁵⁾.

Эти строки даютъ два сообщенія о рукописи Гоголя: 1, что она состоитъ изъ четырехъ листовъ и 2, что она хранится въ Румянцовскомъ Музеѣ. Такъ какъ при каждомъ изъ этихъ двухъ сообщеній стоитъ ссылка на «Примѣчанія редактора» къ первому тому десятаго изданія, то можно бы подумать, что оба они заимствованы изъ этихъ «Примѣчаній» и что непосредственнаго знакомства съ рукописью могло и не быть у лица, написавшаго о ней три строки и при этомъ дважды сославшагося на

1) См. Ibid., 515 стр.

2) См. Ibid., 515 стр.

3) См. Ibid., 516 стр.

4) См. Ibid., 516 стр.

5) См. VII т., стр. 892.

одну и ту же цятату. Однако и тутъ вышло какое-то недоразумѣніе: на 513 страницѣ перваго тома, несмотря на цятату, вовсе даже не упоминается Румянцовскій Музей, а тѣмъ болѣе ничего не сообщается о храненіи въ немъ рукописи Гоголя. Тамъ даже опредѣленно сказано, что рукопись «сохранилась у наслѣдниковъ» Гоголя. Во всякомъ случаѣ, сообщенія седьмого тома о рукописи «Сорочинской ярмарки» совсѣмъ не касаются содержанія ея. А такъ какъ при этихъ сообщеніяхъ совсѣмъ не было сдѣлано обѣщаннаго извлеченія изъ рукописи всего невзданнаго, то этимъ косвенно давалось понять, что и извлекать было нечего, что рукопись цѣликомъ извлечена въ первомъ томѣ, гдѣ была о ней рѣчь.

Однако, ближайшее знакомство съ рукописью «Сорочинской ярмарки» приводитъ къ противоположному заключенію и даже даетъ основаніе утверждать, что не только весьма многое въ содержанія ея остается неизвѣстнымъ, но и не опредѣлены еще ея мѣсто и значеніе въ исторіи созданія повѣсти Гоголя.

Чтобы не быть голословными, обратимся къ самой рукописи.

Прежде всего, въ рукописи всѣ главы собственноручно помѣчены Гоголемъ арабскими цифрами. Но не всѣ онѣ въ рукописи имѣютъ эпиграфы, а поставленные въ рукописи эпиграфы не всѣ тождественны съ печатными. Главы первая, пятая и девятая въ рукописи остались совсѣмъ безъ эпиграфовъ. Эпиграфъ седьмой главы рукописи («Отъ таке чортовщины завелося») совсѣмъ не сохранился въ числѣ эпиграфовъ печатной повѣсти и, очевидно, совсѣмъ выкинуть при печатаніи ея. Эпиграфъ восьмой главы рукописи («Цуръ тоби! Пекъ тоби! Сатанинске паважденіе!») буквально повторенъ эпиграфомъ и десятой главы, оставшись при этой главѣ и въ печатной повѣсти. Эпиграфы при шестой и седьмой главахъ первоначально были поставлены не тѣ, которые сохранились въ печатной повѣсти, но потомъ были зачеркнуты Гоголемъ и вмѣсто нихъ подписаны имъ другіе, совпадающіе съ печатными. Для эпиграфовъ восьмой, деся-

той и двѣнадцатой главѣ въ рукописи совсѣмъ не указаны источники, изъ которыхъ они заимствованы. Для эпиграфа третьей главы въ рукописи не указано произведение Котляревскаго, изъ котораго взятъ эпиграфъ. Наконецъ, эпиграфы рукописные замѣтно отличаются отъ печатныхъ какъ нѣкоторыми оборотами, такъ и особенно правописаніемъ.

Рукописный текстъ самой повѣсти отражаетъ на себѣ два фазиса творческой работы Гоголя надъ созданіемъ ея, что частію уже видно было по авторской работѣ надъ эпиграфами. Въ рукописи, говоря точнѣе, два текста: основной текстъ первоначальнаго наброска повѣсти и текстъ послѣдовавшихъ затѣмъ передѣлокъ основного, который самъ же Гоголь надписывалъ надъ зачеркнутыми словами и выраженіями перваго текста, или же просто вписывалъ между строками его тамъ, гдѣ находилъ нужнымъ произвести вставку или передѣлку. Но и тотъ и другой тексты весьма далеки отъ печатнаго текста повѣсти.

Дѣйствующія лица рукописной повѣсти тѣ же, что и печатной, но названія ихъ въ первой прочно еще не установились. Самъ Черевикъ, въ основномъ текстѣ третьей главы, еще остается безъ имени и получаетъ свое имя «Солопій» лишь во второмъ текстѣ рукописи, въ позднѣйшей надписи, между строкъ, надъ своимъ прозвищемъ. Его супруга, Хавронья, награждается, изъ устъ попавича въ шестой главѣ, тремя отчествами: Осиповна, Никифоровна, Трофимовна. Засѣдателя совсѣмъ нѣтъ въ рукописномъ текстѣ повѣсти. На его мѣстѣ дѣйствуетъ всюду, на протяженіи всей повѣсти, «комиссаръ». Старый знакомый и кумъ Черевика, казакъ, къ которому Черевики пріѣхали, въ концѣ первой главы, еще совсѣмъ не имѣетъ ни имени, ни прозвища въ рукописномъ текстѣ повѣсти. Человѣка съ шишкою на лбу нѣтъ въ рукописи, а есть человѣкъ съ шишкою на носу.

Характеристики дѣйствующихъ лицъ, разбросанныя по всей повѣсти, значительно отличаются въ рукописномъ текстѣ отъ печатнаго, который въ особенности не сохранилъ многихъ эпитетовъ Хавроньи Никифоровны («сдобная», «отжившая свой вѣкъ

прелестница» и др.). Даже количество дѣйствующихъ лицъ не совпадаетъ въ рукописномъ и печатномъ текстахъ повѣсти. Такъ, толпа парубковъ, встрѣтившихъ Черевиковъ на мосту, въ рукописномъ текстѣ была ограничениѣ: по основному тексту парубковъ было только «четыре», а по позднѣйшей надписи — «нѣсколько».

Разговоры дѣйствующихъ лицъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень далеки отъ печатнаго текста ихъ. Для примѣра можно привести перебранку между Хавроньей Никифоровной и парубкомъ въ бѣлой свиткѣ, происходящую въ концѣ первой главы.

Рукописный текстъ:

«Ахъ, ты негодной сорванецъ! Нечистая сила, нелегкая, позабирала бы всю родню твою!»

«Ахъ, ты старая вѣдьма!»

«Ахъ, ты (нечистое) сатанинское отродье! Вишь, молокососъ какой нибудь, дрянъ. . .»

Печатный текстъ:

«Чтобъ ты подавился, негодный бурлакъ! Чтобъ твоего отца горшкомъ въ голову стукнуло! Чтобъ онъ поскользнулся на льду, антихристъ проклятый! Чтобъ ему на томъ свѣтѣ чортъ бороду обжегъ!»

«Вишь какъ ругается!» сказалъ парубокъ, вытаращивъ на нее глаза, какъ будто озадаченный такимъ сильнымъ залпомъ неожиданныхъ привѣтствій: «я языкъ у нея, у столѣтней вѣдьмы, не заболитъ выговорить эти слова!»

«Столѣтней! . . .» подхватила пожилая красавица. «Нечестивецъ! поди, умойся напередъ! Сорванецъ негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянъ. И отецъ дрянъ и тетка дрянъ! Столѣтней! . . . что у него молоко еще на губахъ». . .

Есть отличія между теткстами рукописнымъ и печатнымъ въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, характеристикахъ и даже юмористическихъ выраженіяхъ. Такъ, въ рукописномъ теткстѣ еще совсѣмъ нѣтъ той описательной характеристики цыгана, которая въ печатномъ теткстѣ имѣется въ концѣ пятой главы. Нѣтъ въ рукописномъ теткстѣ и извѣстныхъ острофъ по адресу москалей, которые въ печатномъ теткстѣ появляются въ концѣ второй главы и въ началѣ шестой¹⁾.

Въ языкѣ рукописнаго теткста повѣсти сохранились еще малороссійскія слова и выраженія, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ печатномъ: крамарка, пучка, ярмарокъ, лузатъ и др. Особенно слѣды малороссійскаго языка сильны и замѣтны въ орфографіи рукописи: карые глазки, не спустишь и т. д.

Въ стилѣ рукописнаго теткста повѣсти сосредоточена вся, такъ сказать, суть отличія его отъ печатнаго. Именно стиль дѣлаетъ такимъ далекимъ разстояніе между ними. Въ общемъ этотъ стиль производитъ впечатлѣніе простоты первоначальнаго наброска, безыскусственности, по крайней мѣрѣ, отсутствія той степени художественной обработки, которая уже въ полной мѣрѣ присуща печатному тетксту. Въ рукописи сохранился первоначальный теткстъ, съ художественной стороны недодѣланный и необработанный.

Достаточнымъ показателемъ того, что рукописный теткстъ представляетъ собою первоначальный набросокъ повѣсти, могъ бы служить пропускъ словъ по разнымъ мѣстамъ теткста, отсутствіе въ предложеніяхъ нѣкоторыхъ частей ихъ. Напримѣръ: «и капризамъ ея конца» (нѣтъ?); «отвѣчала отжившая свой прелестница» (вѣкъ?) и т. п. Но стилистическое построеніе отдѣльныхъ выраженій, при сравненіи рукописнаго теткста повѣсти съ печатнымъ, съ очевидностію убѣждаетъ въ художественномъ превосходствѣ второго передъ первымъ. Замѣчаніе, напримѣръ, рукописнаго теткста, что хохотъ разгульныхъ повѣсъ удвоился «къ несказанной досадѣ пожилой щеголихи», въ печатномъ теткстѣ

1) I, 14 и 20 стр.

получило болѣе стройную и законченную форму самостоятельнаго предложенія: «Дородная щеголиха вскипѣла гнѣвомъ». «Говоръ примѣтно утишался» рукописнаго текста въ печатномъ, въ началѣ пятой главы, уже въ иной обработкѣ: «Говоръ примѣтно становился рѣже и глуше». Въ рукописномъ текстѣ продавица бубликовъ «едва держалась на ногахъ», а въ печатномъ «раскланивалась весь день безъ надобности и писала ногами совершенное подобіе своего лакомаго товара». Въ рукописи: «Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь и, нашедъ свою дочь танцующею передъ маленькимъ зеркаломъ, остановился, и смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая, задумавшись, казалось, не примѣчала ничего»; въ печатномъ текстѣ: «Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь и, увидя дочь свою танцующею передъ зеркаломъ, остановился. Долго глядѣлъ онъ, смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая, задумавшись, не примѣчала, казалось, ничего». Въ рукописи: «угрюмыя лица, на которыхъ, казалось, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами»; въ печатномъ текстѣ: «Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами».

Яснѣе стилистическая разница между текстами рукописнымъ и печатнымъ въ цѣломъ описаніи нѣкоторыхъ эпизодовъ повѣсти. Для примѣра и болѣе наглядности можно привести параллельное описаніе ярмарки или начало второй главы по тому и другому тексту, при чемъ необходимо имѣть въ виду, что слова, заключенныя въ скобки, отсутствуютъ въ основномъ текстѣ рукописи и надписаны Гоголемъ уже потомъ надъ строками и въ промежуткѣ между эпиграфомъ и текстомъ второй главы:

Рукописный текстъ:

(Случалось ли вамъ слышать гдѣ то валящійся отдаленный водопадъ, когда вамъ издали уже чуются неясные звуки?)

Печатный текстъ:

Вамъ, вѣрно, случалось слышать гдѣ то валящійся отдаленный водопадъ, когда встрѣженная окрестность полна

Кто не видалъ и не былъ когда нибудь въ вихрѣ шумной ярмарки, когда весь народъ съ своимъ товаромъ сростается въ одно огромное чудовище и шевелится всѣмъ корпусомъ на площади и по тѣснымъ улицамъ, шумить, гогочеть, гремитъ. Шумъ, трескъ, брань, бляенье, мычанье, ревъ,—все сливается въ одинъ нестройный говоръ, какъ будто бы валится гдѣ то отдаленный водопадъ и встревоженная окрестность полна гула. Напрасны будутъ старанія что нибудь разслушать, узнать, о чемъ идутъ рѣчи. Ничего вы не услышите, ничего не узнаете. Одни только продавецъ и покупатель понимали другъ друга. Громкое хлопанье по рукамъ и роспиванье могарыча одни только дадутъ знать вамъ, сдѣлка или покупка совершены. Пріѣзжій нашъ мужикъ и т. д.

гула, и хаосъ чудныхъ, неясныхъ звуковъ вихремъ носится передъ вами. Не правда ли, не тѣ ли самыя чувства мгновенно обхватятъ васъ въ вихрѣ сельской ярмарки, когда весь народъ сростается въ одно огромное чудовище и шевелится всѣмъ своимъ туловищемъ на площади и по тѣснымъ улицамъ, кричитъ, гогочеть, гремитъ? Шумъ, брань, мычаніе, бляеніе, ревъ—все сливается въ одинъ нестройный говоръ. Волю, мѣшки, сѣно, цыгане, горшки, бабы, пряники, шапки—все ярко, пестро, нестройно, мечется кучами и снуется передъ глазами. Разноголосныя рѣчи потопляютъ другъ друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа; ни одинъ крикъ не выговорится ясно. Только хлопанье по рукамъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ ярмарки. Ломаются возы, звенитъ желѣзо, гремятъ сбрасываемыя на землю доски, и закужившаяся голова недоумѣваетъ, куда обратиться. Пріѣзжій мужикъ нашъ» и т. д.

Изъ сопоставленія этихъ двухъ текстовъ съ несомнѣнно-стію выясняется незаконченный и необработанный характеръ

рукописнаго и высокая степень художественной отдѣлки печатнаго.

Всѣ вышеприведенныя данныя (а нами приведены далеко не всѣ особенности рукописнаго текста и исключительно тѣ, которыя доселѣ оставались совершенно неизвѣстными) служатъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ того, что въ рукописномъ текстѣ повѣсти «Сорочинская ярмарка» сохранился первоначальный набросокъ этой повѣсти, съ нѣкоторыми поправками и дополненіями послѣдовавшей за первоначальнымъ наброскомъ обработки повѣсти, однако, все еще весьма далекой до той художественной формы, въ которой повѣсть появилась уже въ печатномъ видѣ.

Ближайшее изученіе всѣхъ особенностей текстовъ рукописнаго и печатнаго заставляетъ признать разницу между ними огромною и настолько существенною, что необходимо предположить существованіе между ними еще одного рукописнаго текста, посредствующаго между двумя наличными, къ сожалѣнію, не сохранившася до нашего времени или еще неизвѣстно гдѣ хранящася. Особенности печатнаго текста такъ значительны по сравненію съ текстомъ рукописнымъ, что объяснять ихъ корректурными исправленіями автора нѣтъ возможности. Это не разночтенія только, не варианты, не поправки и не дополненія, а цѣлыя редакціи текста повѣсти, и такихъ редакцій въ рукописномъ видѣ, очевидно, было двѣ, изъ коихъ первая редакція сохранилась въ разсматриваемой нами рукописи, а вторая редакція, съ которой производился печатный наборъ повѣсти, остается въ неизвѣстности. Даже въ тѣхъ мѣстахъ повѣсти, которыя совпадаютъ и по рукописному и по печатному текстамъ, все же есть и разница между ними: въ перестановкѣ частей предложенія одной на мѣсто другой, въ наличности или въ отсутствіи предлоговъ и мѣстоимѣній (и, однако, нашъ), въ раздѣленіи сложнаго предложенія на два или нѣсколько простыхъ.

Трудно допустить, что бы всѣ подобныя особенности печатнаго текста, создавшія вторую редакцію повѣсти, появились лишь въ корректурныхъ листахъ или гранкахъ. Проще и естественнѣе

предположить, что Гоголь, такъ много и долго работавшій надъ своими художественными твореніями, еще разъ переписалъ повѣсть и на этотъ разъ придалъ ей ту редакцію, въ которой она, съ нѣкоторыми, разумѣется, корректурными поправками, и появилась въ печати въ отдѣльномъ изданіи «Вечеровъ на хуторѣ близъ Дикашки» въ 1831 году.

По рукописи первой редакціи повѣсти, по сохранившимся въ ней авторскимъ поправкамъ, по множеству зачеркнутыхъ словъ и строкъ, надписанныхъ и вписанныхъ, однажды зачеркнутыхъ, возстановленныхъ и снова зачеркнутыхъ или исправленныхъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ предложеній, уже можно судить, какимъ подвигомъ была для Гоголя его творческая, художественная работа. По этому труду, постепенно совершенствовавшему Гоголевскія созданія, можно со всею наглядностію видѣть и понять, что «для Гоголя переработка» прежнихъ произведеній была «подвигомъ, предпринятымъ въ глубинѣ души», что его великія созданія вырабатывались «годами самоотверженія, отчужденія отъ міра и всѣхъ его выгодъ», что кто желаетъ разъяснить себѣ исторію жизни и творческой дѣятельности Гоголя, тому необходимо изучить по оставшимся документамъ этотъ «подвигъ» художника, войти въ его «подвижническую келью»¹⁾.

Теперь нѣсколько словъ о рукописи и о нижепечатаемомъ текстѣ.

Рукопись первой редакціи повѣсти въ настоящее время, дѣйствительно, хранится въ Отдѣленіи рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ подъ № 3211. Она приобрѣтена была, вмѣстѣ съ другими автографами Гоголя, у наслѣдниковъ поэта въ 1896 году, по завершеніи десятаго изданія сочиненій Гоголя.

Не мало труда потребовалось для того, чтобы привести въ

1) I, Предувѣдомленіе, VIII стр.

порядокъ бумаги, служившія матеріаломъ и источникомъ для десятаго изданія. Отдѣленію рукописей достался какой-то хаосъ, въ которомъ самыя разнородныя рукописи и даже автографы разныхъ лицъ были перемѣшаны въ одну кучу, отдѣльныя произведенія разбросаны по листкамъ и не подобраны, повѣсти перемѣшаны съ письмами, статьи съ комедіями, собственныя произведенія Гоголя съ многочисленными выписками его изъ произведеній другихъ авторовъ, и все это въ свою очередь тонуло въ копіяхъ издателей и редакторовъ сочиненій и писемъ Гоголя. Много усилій и времени потрачено было, чтобы весь этотъ хаосъ привести въ тотъ порядокъ, въ которомъ вездѣ и всюду хранятся рукописи, а тѣмъ болѣе автографы классическихъ писателей. Естественно, поэтому, что рукопись повѣсти «Сорочинская ярмарка» соединена съ другими остатками «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» и вмѣстѣ съ ними включена для сохранности въ отдѣльную папку подъ вышеуказаннымъ № 3211. Въ результатѣ получилось довольно неожиданное явленіе: когда сохранившіеся листы «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» были подобраны одинъ къ другому, въ своей послѣдовательности по содержанию, и соединены вмѣстѣ, то оказалось, что давняя нумерація ихъ, помѣченная краснымъ карандашомъ, совершенно правильна. Очевидно, листы рукописи «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» были когда-то подобраны и, можетъ быть, представляли изъ себя нѣчто цѣльное, какъ автографъ отдѣльнаго произведенія Гоголя, и лишь впоследствии были отбиты одинъ отъ другого и вмѣстѣ съ прочими автографами приведены въ хаотическій беспорядокъ. Повидимому, прежнее приведеніе въ порядокъ рукописей Гоголя произведено было Кулишомъ, такъ какъ нумерація краснымъ карандашомъ еще встрѣчается на его копіяхъ и отвѣчаетъ нумераціи рукописей Гоголя, а можетъ быть и лицомъ, которому впоследствии достались и автографы Гоголя, и копія Кулиша.

При дальнѣйшемъ печатаніи самаго текста повѣсти приняты мѣры къ тому, чтобы точно воспроизвести рукопись Гоголя.

Такъ какъ рукопись носитъ на себѣ явные слѣды тройкой работы Гоголя: начертанія основного текста повѣсти, вычеркиванія въ немъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ выраженій и надписанія, вмѣсто зачеркнутаго, новаго текста, или же добавленія новаго къ основному; то и въ печатаемомъ текстѣ повѣсти даны показатели постепеннаго его измѣненія. Для этого основной текстъ повѣсти печатается прямымъ шрифтомъ; зачеркнутыя въ немъ слова и выраженія при печатаніи заключены въ скобки; слова и выраженія, надписанныя надъ основнымъ текстомъ въ рукописи и вписанныя среди него, набраны курсивомъ, зачеркнутыя же среди нихъ тоже заключены въ скобки.

Правописаніе Гоголя воспроизводится въ точности, даже съ сохраненіемъ его описокъ и ошибокъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ слова недописаны Гоголемъ, или гдѣ буквы написаны неясно, безъ отчетливаго начертанія особенностей каждой буквы; въ такихъ случаяхъ правописаніе принято по печатному тексту повѣсти въ десятомъ изданіи. Знаки препинанія, въ большинствѣ непоставленные Гоголемъ, разставлены тоже по этому изданію.

Позднѣйшія надписи заглавія повѣсти и года ея творенія опускаются, какъ поставленные не Гоголемъ.

1.

Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малоросіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой неизмѣримый океанъ, сладострастн(о)ымъ *куоломъ* нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ (въ нѣгѣ), потонувши въ нѣгѣ и (обнявши) *сжавши* прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ. *На немъ ни облака. Въ полѣ* ни шуму, ни рѣчи. Все какъ будто умерло. (Только) вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни *по воздушнымъ степямъ* летятъ на влюбленную землю, (да) или изрѣдка крикъ чайки или (громъ) *звонкій раскатъ* перепела (звон-

кимъ раскатомъ) отдается въ степи. Лѣниво и бездумно, *будто безъ цѣли* (какъ разсѣяно остановившійся) гуляющіе безъ пѣли стали, *растутъ на полѣ*, деревья, (листокъ не шелохнется) и (стремительные) *ослѣпительные* удары солнца *ослѣпительныхъ* лучей, кажется, *зажигаютъ цѣлыя* (исторгающіе изъ темнозеленой гучи ихъ) живописныя массы листьевъ, накидывая на другихъ темную какъ ночь тѣнь, на которой только при (вѣтрѣ) *сильномъ колебаніи* листьевъ вѣтромъ прыщеть золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ наськомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, *осѣняемъ* гордыми подсолнечными. *Сърыя* скирды сѣна и золотые снопы хлѣба (въ цѣлыхъ) *станомъ* располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣрности. Погнувшіяся отъ тяжести плодовъ (вѣтви) широкія вѣтви яблонь, грушъ, небо, его чистое зеркало — *рѣка въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ* . . . какъ полно сладострастія и нѣги Малоросейское лѣто.

Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркаго Августа тысячу восемьсотъ, восемьсотъ . . . да, лѣтъ тридцать будетъ назадъ тому, когда дорога на десять верстъ до мѣстечка Сорочинецъ кипѣла народомъ, поспѣшавшимъ *со встѣхъ окрестныхъ и дальнихъ* хуторовъ на ярмарку. Съ утра еще тянулись нескончаемою вереницей чумаки (чумацкіе возы) съ солью и рыбою. Горы горшковъ, закутанныя въ сѣно, высоко подымали съ воза гигантское чело свое и, кажется, скучали (своею неизвѣстностью) *темнотою*; (изрѣдка) *мѣстами* только какая нибудь расписанная миска или макитра хвастливо выказывалась изъ высоко взгроможденнаго плетня и привлекала (завистливые) *умиленные* взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ и проѣзжихъ поглядывало съ завистью на (степеннаго) *высокаго* гончара, (который) владѣльца сихъ драгоценностей, который медленными шагами (слѣдовалъ) шелъ за своимъ товаромъ, заботливо окутывая глиняныхъ своихъ кокетокъ и щеголей неизвѣстнымъ для нихъ сѣномъ.

Одиноко (брелъ) тащился на истомленныхъ волахъ *возъ*, наваленный мѣшками, (*льномъ*), *пенькою* и разною поклажею; (ни-

зенькой) толстый, небольшого росту мужикъ, уже съ посидѣвшею головою, съ (напудренными) усами, напудренными тѣмъ немолнымъ парикмахеромъ, который безъ зову является и къ красавицѣ и къ уроду и насильно пудритъ съ незапамятныхъ временъ весь родъ человѣческій. *За возомъ шла привязанная сзади кобыла.* Много встрѣчныхъ, и особливо молодыхъ парубковъ, брались за шапку, (встрѣч) поровнявшись съ нашимъ мужикомъ. Однакожь не сѣдые усы и не важная поступь его заставляли это дѣлать. Стояло только (взглянуть) поднять глаза немного вверхъ, чтобы увидѣть причину такой почтительности: на возу сидѣла хорошенькая дочка съ употельно рдѣвшимся личикомъ, съ черными бровями, ровною дугою поднявшимися надъ огненными карыми глазками, съ безпечно улыбающимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ голубыми и желтыми лентами, (которыя) *составлявшими* вмѣстѣ съ длинными, обходившими два раза вокругъ *всей* головы косами и полевыми цвѣтами, составляли (прекрасную) *богатую* корону(ою), покоились на ея (головкѣ) на очаровательной головкѣ. Все, казалось, занимало ее, все было ей чудно, ново, и хорошенькіе глазки беспрестанно бѣгали (отъ) съ одного предмета на другой. Какъ не разсѣяться! Въ первой разъ на ярмаркѣ! (Какихъ) Дѣвушка въ восемнадцать лѣтъ въ первой разъ на ярмаркѣ. Но ни одинъ изъ прохожихъ и проѣзжихъ не зналъ, можетъ быть, чего стояло ей упросить (батюка) *отца* взять и ее съ собою, который (можетъ всею) и душою радъ бы былъ это здѣлать гораздо прежде, если бы не злая мачиха, выучившаяся держать его *въ рукахъ своихъ* такъ же ловко, какъ цыганъ *возжи* коренной своей лошади. Но *за дочкою совершенно* мы (и) позабыли, что и она сидѣла тутъ же на высотѣ воза въ нарядной шерстяной кофѣтѣ зеленнаго цвѣта (съ красными), *по которой будто* по горностаевому мѣху нашиты были хвостики краснаго цвѣта, въ богатой плахтѣ, пѣстрѣвшей какъ шахматная доска, въ ситцевомъ цвѣтномъ очипкѣ, ни мало, однакожь, не скрасившимъ плоскаго краснаго лица, по которому проскальзывало (какое то) *что то*

такое неприятное, такое дикое, что (всякій) каждый тотчас спѣшилъ перенести встревоженный глазъ свой на веселинкое личико дочки.

Глазамъ нашихъ путешественниковъ началъ уже открываться Пселъ. Издали уже вѣяло прохладою. Сквозь темно и свѣтло зеленые листья (деревъ), небрежно раскиданныхъ по лугу деревъ, засверкали серебромъ и огненныя, одѣтыя холодомъ искры, и рѣка-красавица открыла (свою) блестящую, обнажила серебрянную грудь, на которую роскошно падали зеленые кудри деревъ. Своенравная, какъ она въ тѣ упительныя минуты, часы, когда (когда) вѣрное зеркало такъ завидно заключаетъ въ себѣ ея (гордыя, божественныя, прекрасныя ея черты съ обнажен.) полное гордости и ослѣпительнаго блеска чело (ея), лилейныя плечи, мраморную, ослѣвленную темною, упавшею съ рукой, волною шею, (мѣняетъ) съ презрѣніемъ кидаетъ одни украшенія, чтобы замѣнить ихъ другими, и капризамъ ея конца. Чудесная рѣка каждый годъ перемѣняетъ свои окрестности, украшенія, луга и деревья и пролагаетъ новый путь. Ряды мельницъ подымали на тяжелыя колеса свои широкія волны и мочно кидали ихъ, разбивая въ брызги, обсыпая пылью и обдавая шумомъ окрестность. Возъ съ знакомыми намъ пассажирами взѣхалъ въ это время на мостъ, и рѣка во всей широтѣ и величїи, какъ цѣльное стекло, разостлалась передъ ними. Небо, зеленые и синїе лѣса, люди, возы съ горшками, мельницы, все опрокинулось, и стояло, и ходило верхъ ногами, не падая въ голубую, прекрасную бездну.

Красавица наша, сидя на возу, задумалась, (глядя) на роскошь (вида) открывшагося передъ ней вида и позабыла даже лужать свой подсолнечникъ, которымъ исправно занималась во все время пути своего. Какъ вдругъ слова: «ай, да гарна дивчина!» поразили слухъ. Оглянувшись, увидѣла стоявшихъ на мосту (четырехъ) нѣсколькихъ парубковъ, изъ которыхъ одинъ, одѣтый пощеголѣватѣе прочихъ, въ бѣлой юпкѣ, свиткѣ, (повязанный краснымъ поясомъ), въ сѣрой решетчатыхъ смушекъ шапкѣ,

стоялъ подпершись въ боки и молодецки поглядывалъ на проѣзжающихъ. Красавица не могла не замѣтить его загорѣвшаго, но и исполненнаго пріятности лица и огненныхъ очей, жаждавшихъ видѣть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, можетъ быть, ему принадлежать произнесенныя слова. «Славная дѣвушка!» продолжалъ парубокъ въ бѣлой свиткѣ, не сводя съ нея глазъ. «Я бы отдалъ всю свое (ю) (худобу) хозяйство, чтобы только поцеловать. А вотъ впереди (ее) и дьяволъ сидитъ!» Хохотъ поднялся со всѣхъ сторонъ, но (почтенной) разряженной сожительницѣ нашего медленнаго мужика не слишкомъ показалось такое привѣтствіе: (щеки) красныя щеки ея вспыхнули и обратились въ огненные, и трескъ отборныхъ словъ посыпался дождемъ на *золоты* разгульныхъ парубковъ:

«Ахъ, ты негодной сорванецъ, нечистая сила, *нелекая*, по-забирала бы всю родню твою!»

«Ахъ, ты старая вѣдьма!»

«Ахъ, ты (нечистое) *сатанинское* отродье! Вишь, молокососъ какой небудь, дрянъ»...

Тутъ возъ начиналъ спускаться съ мосту. Послѣднія слова едва были слышны, но разгульной парубокъ нашъ не хотѣлъ *этимъ* кончить (такъ) и потому, схвативши комокъ грязи, швырнулъ вслѣдъ за нею. Ударъ былъ (такъ) удачнѣе, нежели могъ онъ думать: весь новый ситцевый очипокъ былъ забрызганъ грязью, и хохотъ разгульныхъ повѣсь удвоился съ новою силою, къ несказанной досадѣ (нашей ста) пожилой щеголихи. Возъ отѣхалъ *въ это время* уже довольно далеко, и мечь ея обратилась на безвинную падчерицу и медленнаго сожителя, который, будучи привыченъ издавна къ подобнымъ явленіямъ, сохранялъ упорное молчаніе, хладнокровно принимая мятежныя рѣчи разгнѣванной супруги *до тѣхъ поръ*, покамѣсть не вѣхали они въ (городъ) *природѣ* на (дворъ) загроможденный дворъ къ (куму тамошнему) *одному* казаку, куму и старому знакомому нашимъ путешественникамъ, которымъ всего нужнѣе дать отдыхъ послѣ такой дальней дороги.

2.

Шо Боже ты мій Господы, чого нема на тій ярмарци! Колеса, скло, деготь, тютюнь, ремень, цыбыля... такъ що хоть бы въ кишени було рубливъ и съ тридцять, (то и тогда бь може не закупывъ усего), та на всихъ стало закупить.

(Изъ малор. комедіи).

Случалось ли вамъ слышать (когда) идть то валяційся отдаленный водопадъ, когда вамъ издали уже чудятся неясныя звуки?

Кто не видалъ и не былъ когда нибудь въ вихрѣ шумной ярмарки, когда весь народъ съ своимъ товаромъ сростается въ одно огромное чудовище и шевелится встѣжъ корпусомъ на площади и по тѣснымъ улицамъ, шумить, гогочеть, гремѣть. Шумъ, трескъ, брань, (мычаніе), бляенье, мычанье, ревъ, — все сливается въ одинъ нестройный говоръ, какъ будто бы (гдѣ нибудь отдаленный водопадъ) валится гдѣ то отдаленный водопадъ и (испуганная) встревоженная окрестность полна гула. Напрасны будутъ старанія что нибудь разслушать, *узнать*, о чемъ идутъ рѣчи. Ничего вы не услышите, ничего не узнаете. Одни только продавецъ и покупательъ понимали другъ друга. Громкое хлопанье по рукамъ и распиванье могогарыча одни только дадутъ знать вамъ объ (успѣхѣ посольства), сдѣлка или покупка совершены. Приѣзжій нашъ мужикъ съ чернобровою дочкою своею давно уже толкался въ народѣ, узнавалъ и примѣрялся къ цѣнамъ. Всѣ его мысли вертѣлись около одной точки: около 10 мѣшковъ пшеницы, привезенныхъ имъ на ярмарокъ, и старой кобылы, и потому весьма естественно, что онъ (безвыходно), *къ великой досадѣ нашей красавицы*, терся почти возлѣ однихъ только возовъ съ мукою и пшеницею и еще съ зятемъ, котораго хотѣлось забрать на барыши. Между тѣмъ какъ ее такъ и держала непонятная сила подъ ятки къ крамаркамъ, гдѣ развѣшаны

были самыя яркія ленты, перстни, серги и монисты. Впрочемъ, она и тутъ много находила предметовъ себѣ для наблюденія: ея до чрезвычайности смѣшило, какъ цыганъ и мужикъ одинъ били другъ друга со всей силы по рукамъ, вскрикивая сами отъ боли; какъ пьяный жидъ давалъ бабѣ киселя ¹⁾; какъ посорившіяся перекупки кидались раками, приправляя попреками... Тутъ почувствовала она, что кто дернулъ ея за рукавъ сорочки. Оглянулась, и парубокъ въ бѣлой свиткѣ съ яркими очами стоялъ передъ нею. Жилки ея вздрогнули и сердце забилося такъ, какъ еще никогда ни при какой радости, ни при какомъ горѣ: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что дѣлалось съ нею.

«Не бойся, серденько, не бойся», говорилъ онъ ей въ полголоса, взявши ея руку: «убей меня громъ на этомъ мѣстѣ, если держу на умѣ что худое противъ тебя». «Вѣрно это лукавый», думала про себя (дѣвушка) *красавица* (сама и чу); «сама, кажется, знаешь, что не годится такъ... а чувствуешь, что силы не достаесть взять отъ него руку».

Мужикъ оглянулся и хотѣлъ что то сказать дочкѣ, но въ сторонѣ послышалось ему слово: пшеница (и онъ). *Это маминское слово заставило его обратиться*, оставивши все, и онъ въ ту же минуту (приблизился) къ двумъ жарко разговаривавшимъ негоціантамъ, позабывъ все на свѣтѣ (разговоръ сблизивъ), устремивъ все вниманіе на любимый предметъ свой.

3.

Чи бачышь, вянъ якый парныще?

На свити (мало) *трохи* есть такныхъ.

Сывуху такъ, мовъ якъ брагу хлыще!

Котляревскій.

«Такъ ты думаешь, землякъ, что плохо пойдетъ наша пшеница?» говорилъ одинъ (съ ви) человекъ съ вида (омъ) похожій

1) Дать киселя значить ударить кого-нибудь сзади ногъ.

весьма на заѣзжаго мѣщанина, обитателя какого нибудь местечка, въ пестревыхъ, запятнанныхъ дегтемъ и засаленныхъ шароварахъ, другому съ широкимъ носомъ и *огромною* (широкою) на немъ шишкою.

«Да думать нечего тутъ (что плохо): я готовъ кинуть на себя петлю и болтаться на этомъ деревѣ, какъ колбаса передъ Рождествомъ на хатѣ, если мы продадимъ хоть одну мѣрку».

«Кого ты, землякъ, морочишь?» *продолжалъ*: «(да вотъ) привозу *тѣдь*, кромѣ нашего, пѣтъ вовсе», *продолжалъ* говорить челоуѣкъ въ (сѣро) пестревыхъ шароварахъ.

«То-то и (диво) *есть*, что если гдѣ замѣшается чертовщина, то будетъ столько прока, сколько отъ барана молока», значительно отвѣчалъ челоуѣкъ съ шишкою на носу.

«Какъ чертовщина?» подхватилъ челоуѣкъ въ пестревыхъ шароварахъ.

«Слышилъ ты, что поговариваютъ въ народѣ?» говорилъ челоуѣкъ съ шишкой.

«Ну!»

«Ну, то-то ну! Комиссаръ, чтобъ ему чихалось *такъ* послѣ каждой пучки табаку, какъ послѣ горячей воды, (говорить) отвелъ для ярмарка (такое) проклятое *мѣсто*, на которомъ, хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли ты тотъ старый развалившійся сарай, что вонъ-вонъ стоитъ подъ горою?..» Тутъ (нашъ) дородный отецъ нашей красавицы подсунулся еще ближе и весь превратился во вниманіе. «Въ томъ сараѣ то и дѣло, что водятся чертовскія шашни, и ни одна ярмарка на этомъ мѣстѣ не проходила безъ бѣды. Вчера волостный писарь проходилъ поздно вечеромъ, только въ слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло такъ, что у него морозъ подралъ по кожѣ. То же жди, что опять покажется (красная) кумачная свитка».

«Чтожь это за красная свитка?»

Тутъ у нашего слушателя поднялись дыбомъ сѣдые волосы. Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка и парубокъ стояли обнявшись и напѣвая другъ другу какія то лю-

бовныя сказки и позабывъ про всё (свитки) находящіяся въ свѣтѣ. Это разогнало немного его страхъ и возвратило (ему веселость) *его къ прежней безпечности.*

«Эге, ге, ге! да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься. Чортъ меня возьми, если я не на четвертый только день *послѣ свадьбы* выучился обнимать мою покойную Хвеську. Да и то спасибо куму, (который) бывши дружкой, выучилъ (меня) *уже*».

Парубокъ замѣтилъ тотъ часъ, что отецъ его любезнаго не (совсѣмъ) слишкомъ дальнѣе и въ мысляхъ рѣшился попытаться склонить его въ свою пользу.

«Ты, вѣрно, человекъ добрый, не (узнаешь) *знаешь* меня, а я тебя тотъ часъ узналъ».

«Можетъ, и узналъ».

«Если хочешь, такъ и имя (скажу), и прозвище, и всяку всячину: тебя зовутъ *Солопій Черевикъ*».

(«Можетъ, и скажешь»).

«Такъ, *Солопій Черевикъ*».

«А взгляди-ка хорошенько, а не узнаешь ли меня?»

«Нѣтъ, не познаю. Не въ гнѣвъ будь сказано: на вѣку столько довелось навидаться рожь всякихъ, что чертъ самъ припомнить всѣхъ».

«Жаль, что ты не припомнишь Голупупенковаго сына».

«А ты развѣ Охримовъ сынъ?»

«Да, не кто другой, конечно».

Тутъ пошли обниманія, и (пару) нашъ Голупупинкивъ сынъ, не желая терять напрасно времени, тотъ часъ и осадилъ новаго своего знакома.

«Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка полюбили одинъ одного такъ, что хоть бы и на вѣки жить вмѣстѣ».

«Что, (дочка) *Параска!*» *обратился Черевикъ, смѣясь, къ нашей красавицѣ:* «не въ самомъ ли дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣстѣ и того... *чтобъ* и паслись на одной травѣ! Что? по рукамъ! А ну-ка, новобранный зять, давай (ка) могорычу!»

И всѣ трое очутились *въ известной ярморочной рестораціи*

подъ яткую у жидовки, въ которой (съ низу до верха) весь столъ былъ усѣянъ флажками, сулеями, бутылками всѣхъ возрастовъ.

«Эхъ, (молодецъ) *хватъ, за это люблю!*» говорилъ Черевикъ немного подгулявши, глядя, какъ какъ его нареченный зять налилъ кружку величиной съ полкварти и, *ни мало* поморщившись, выпилъ до дна, обративъ ее *потомъ* въ дребезги.

«*Что (же) скажешь, (Какого) Параска? (я тебѣ жениха даю) Какого я тебѣ жениха даю, а!* Смотри, смотри, какъ онъ тянетъ молодецки пѣнную».

И смѣясь, и покачиваясь, и побрелъ (отправился) *побрелъ* съ (сво) нашей красавицею къ своему возу, а нашъ парубокъ отправился по рядамъ съ красными товарами, въ которыхъ находились купцы даже изъ Гадяча и Миргорода, двухъ знаменитыхъ уѣздныхъ городовъ въ Полтавской губерніи, выглядывать по лучшую деревянную люльку въ мѣдной щегольской оправѣ, (и) цвѣтистый по красному полю платокъ и шапку (для гостинцевъ) *свадебныхъ* тестю и другимъ всѣмъ, кому слѣдуетъ.

4.

Хоть человикамъ не онее,
Да колы жинци, бачышь, тее,
Такъ треба угодити (имъ).

Котляревскій.

«Ну, жинко! а я нашель жениха дочкѣ!»

«Вотъ-на! какъ разъ до того теперь, что жениховъ отыскивать! Вотъ уже дурень! *Сказано*, (ти на) тебѣ, вѣрно, и на роду написано такимъ остаться! Гдѣ-жъ таки ты видѣлъ, гдѣ-жъ таки слышалъ, чтобы добрый человекъ сталъ (бѣгать) *юнатъся* теперь за женихами? Ты бь подумалъ лучше, какъ пшеницу сбыть. Хорошъ *уже* тамъ женихъ долженъ быть! Я думаю, оборванифѣйшій изъ всѣхъ голодрабцовъ».

«Э, какъ бы не такъ! Посмотрѣла бы ты, что *тамъ* за пару-

бокъ. Одна свитка больше стоять, чемъ твоя зеленая кофта и красные сапоги. А какъ сивуху славно дуеть!.. Чортъ меня возьми виѣстѣ съ тобою, если я видѣлъ еще на вѣку своемъ, чтобы парубокъ духомъ вытянулъ полкварти, не поморщившись!»

«Ну, такъ, ему если пьяница да бродяга, такъ это съ его руку. Бьюсь объ закладъ, если это не тотъ самый сорванецъ, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до сихъ поръ онъ не попадетса мнѣ: я бы ему дала себя знать».

«Чтожь, Хивря, хоть бы и тотъ самый: чемъ же онъ сорванецъ?»

«(Слышишь) Э, чемъ же онъ сорванецъ! Ахъ, ты безмозглая башка! Слышишь! Чемъ же онъ сорванецъ! (Гдѣ) Куда же ты запряталъ свои дурацкіе глаза свои, когда проѣзжали мы мельницы? Ему, хоть бы тутъ, передъ его, *запачканнымъ въ тю-тюнь*, носомъ нанесли жинкѣ безчестье, ему бы и нуж не было».

«Да, все же однако я не вижу въ немъ ничего худого: парень хоть куда! Только развѣ что заклеилъ твою образину навремя навозомъ».

«Эге, да ты, какъ я вижу, слова не дашь мнѣ выговорить. А что это значить? Когда это бывало съ тобою? Ты, вѣрно, (изволилъ) успѣлъ хлеснуть уже, не продавши еще ничего?»

Тутъ Черевикъ нашъ замѣтилъ и самъ, что разговорился черезъ чуръ (уже), и закрылъ въ одно мгновеніе голову свою одними руками, предполагая, безъ сомнѣнія, что разгнѣванная сожительница не замедлитъ вцѣпиться въ его волосы своими (острыми) *супружескими* кохтями.

«Туда къ чорту! Вотъ тебѣ и свадьба!» думалъ онъ про себя, уклоняясь отъ сильно наступившей супруги.

«Придется отказать доброму человѣку ни за что, ни про что. (Боже) Господи Боже мой! За что такая напасть на насъ, грѣшныхъ? Итакъ много *всякой* дряни на землѣ, а ты еще и жинокъ наплодилъ!»

5.

Разсѣяно глядѣлъ парубокъ нашъ въ бѣлой свиткѣ, *сидя* у своего воза, на *музо* шумѣвшій (на горѣ) со всѣхъ сторонъ народъ. *Усталое* солнце уходило отъ міра, и спокойно пылавшій въ полдень и утро день, и плѣнительно, и грустно, и ярко румянился, какъ щеки прекрасной жертвы неумолимаго недуга въ торжественную минуту ея отлета на небо. Ослѣпительно блистали (вер бѣлые) верхи бѣлыхъ шатровъ и ятокъ, осѣненные какимъ то едва примѣтнымъ, тонкимъ, огненно-розовымъ свѣтомъ. Стекла наваленныхъ кучей оконницъ горѣли; зеленныя фляжки и чарки на столахъ у шинкарокъ превратились въ огненные; горы дынь, арбузовъ и тыквъ казались вылитыми изъ золота и темной мѣди. Говоръ примѣтно утишался, и усталые языки перекупокъ, жидовъ и цыганъ лѣнивей и медленнѣе поворачивались. Гдѣ-гдѣ начиналъ сверкать огонекъ, и благовонный паръ отъ варившихся галушекъ разносился по утихавшимъ улицамъ.

«О чемъ загорюнился, Грицко?» вскричалъ высокій загорѣвшій цыганъ, ударивъ по плечу нашего парубка. «Что жъ, отдавай волю за тридцять!»

«Тебѣ бы все волю да волю. Вашему племени все бы корысть только, поддѣть да обмануть добраго человѣка».

«Тѣфу, дьяволъ! (что) да ты не на шутку раскапризничался. Ужь не съ досады ли, что самъ навязалъ себѣ невѣсту?»

«Нѣтъ, *это не помоему*: я держу свое слово, что разъ сдѣлалъ, тому и навѣки быть. А вотъ у хрыча Черевика нѣтъ совѣсти, видно, и на полъ шелега: *сказалъ да и назадъ*. Ну, да его и винить нечего. Онъ деревяной чурбанъ, (да и полно) *и больше ничего*. Тутъ всему вина старая вѣдьма, которую мы сегодня ругнули съ хлопцами на всѣ бока! Эхъ, если бы я былъ царемъ или панъ великой, я бы первый перевѣшалъ всѣхъ *тѣхъ* дурней, которые позволяютъ себя сѣдлатъ бабамъ и (ѣздить) и ходить у нихъ въ оглобляхъ вмѣсто кобылъ».

«А (про) отдашь за тридцать воловъ, если мы заставимъ Черевика отдать намъ Параску?»

«Не за тридцать, а за двадцать отдамъ, если не соврешь только».

«Смотрижь, не забывай: за двадцать. Вотъ тебѣ и пара синицъ въ задатокъ».

«Ну, а если солжешь?»

«Солгу—задатокъ твой».

«Ладно! Ну, давай же по рукамъ!»

«Давай!»

6.

(А ты, милый, чернобрывый,
Присунься близенько.

Пѣсня.)

Охъ, мени лыхо: Романъ оттеперъ, якъ разъ
надсадыть мени бебекивъ, да и вамъ, пане Хомо,
не безъ лыха буде.

Изъ малоросс. комедіи.

«Суда, Афанасій Ивановичъ! Вотъ тутъ (тынъ) (заборъ) *частоколз* пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь съ кумомъ и дочкою подъ возы, что не украсть (чего) кто нибудь чего».

Такъ грозная сожительница Черевика (крича) ласково ободряла трусливо лѣпившаго около забора поповича, который поднялся наконецъ на (заборъ) *частоколз* и сталъ, будто длинное страшное привидѣніе. Долго стоялъ въ недоумѣніи, взмѣривая окомъ, куда бы лучше спрыгнуть, и наконецъ съ шумомъ обрушился въ бурьянъ.

«Вотъ бѣда! Не ушиблись ли вы, не сломали еще, Боже оборони, шею», лепетала *заботливая* Хивря.

«Тсъ! Ничего, ничего, любезнѣйшая Хавронья (Осиповна) Никифоровна!» боязливо и шопотно произнесъ поповичъ, поды-

маясь ногою: «выключая только уязвленія со стороны крапивы, сего печеподобнаго зѣлія, по выраженію покойнаго нашего протопопа».

«Пойдемте жъ въ хату: теперь никого нѣтъ. А я думала было уже, Афанасій Ивановичъ, что къ вамъ болячка или сонешница пристала: нѣтъ, да нѣтъ. Какъ же вы теперь поживаете? Я слышала, что панъ-отцю перепало теперь не мало всякой всячины».

«Сушная бездѣлица, Хавронья Никифоровна! Батюшка всего получилъ за весь постъ мѣшковъ шесть яроваго, проса мѣшка два, кнышей съ сотню. А куръ всего, если сочитать, то не будетъ и пятидесяти штукъ; яйца большею частію протухлыя. Но воистину сладостныя приношенія, примѣрно сказать, (со стороны вашей) нашему брату предстоитъ только твои получить, Хавронья Трофимовна!» продолжалъ поповичъ, умильно поглядывая на полныя ея груди и подсовываясь къ ней поближе.

«Вотъ вамъ и приношеніе, Афанасій Ивановичъ!» приговорила она, ставя на столъ двѣ миски и жеманно застегивая свою какъ будто бы (невольна) нечаянно растегнувшуюся кофту: «варенички, галушечки, пшениченьки, пампушечки, товченички, кушайте на здорье!»

«Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ! Однакожъ, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждетъ (еще кушанья) отъ васъ кушанья послаще всѣхъ пампушечокъ и галушечекъ».

«Вотъ я уже и не знаю, какого вамъ еще кушанья хочется, Афанасій Ивановичъ!» отвѣчала отжившая свой прелестница, стыдливо потупивъ въ землю глаза свои.

«Разумѣется, любви вашей, любезная, несравненная Хавронья Никифоровна!» вскричалъ поповичъ, держа въ одной рукѣ вареникъ, а другою обнимая полный дородный станъ Хавроньянъ.

«(Вы) Богъ знаетъ, что вы выдумываете, Афанасій Ивановичъ», молвила она съ прежней стыдливостью, не стараясь, однако жъ, освободиться изъ объятій поповича. «Я васъ просила такъ только посидѣть»...

Тутъ слышались на дворѣ (стукъ) говоръ и стукъ въ ворота. Хивря поспѣшно выбѣжала и (вся поблѣднѣвши) и съ блѣдностью и дрожащими губами возвратилась.

«Ну, Афанасій Ивановичъ, насъ застукали: кумъ съ возами и дурнемъ моимъ дожидается подъ воротами (и еще) и, какъ кажется, не безъ гостей».

При этомъ словѣ вареникъ остановился въ горлѣ поповича, глаза его *выпутились* (остановились, какъ будто хотѣли вонъ прыгать, хватался за накладенные, наваленые подъ потолкомъ на мѣстѣ), какъ будто какой-нибудь выходецъ съ *того* свѣта только что сдѣлалъ передъ тѣмъ ему визитъ свой.

«Что дѣлать, полѣзайте-ка суда, Афанасій Ивановичъ!» кричала испуганая Хивря, указывая на положенныя почти подъ самымъ потолкомъ, на двухъ перекладинахъ, доски, на которыхъ была навалена домашняя поклажа.

Опасность придала духу (нашему) поповичу (и заставила его поднятъ). Опамятовавшись немного, сталъ, *вскочилъ*, онъ на ноги (на лежанку и потѣснился) и полезъ оттуда осторожно на доски, а Хивря побѣжала немедленно къ воротамъ.

7.

(Цуръ тобі, пекъ тобі).

Отъ таке чортовщины завелося.

Изъ малорос. комедіи.

На ярмаркѣ случилось удивительное произшествіе: все наполнилось слухомъ, что гдѣ-то между товаромъ показалась красная свитка. (Произшествіе видѣнное). Старухѣ, продававшей бублики, почудился сатана въ костюмѣ ужасной свиньи, который беспрестанно наклонялся какъ бы ища чего. Это быстро разнеслось по всѣмъ угламъ уже утихавшаго табара, и всѣ считали преступленіемъ не вѣрить этому, несмотря на то, что (бублица)

продавица бубликовъ, которой открытая лавка была рядомъ съ яткою (съ) шинкарки, едва держалась на ногахъ. Къ этому присоединились *еще* увеличенныя вѣсти о чудѣ, видѣнномъ волостнымъ писаремъ въ развалившемся сараѣ, такъ что къ вечеру тѣснѣ жались другъ къ другу, спокойствіе разрушилось, и страхъ мѣшалъ всякому сомкнуть глаза свои. Другіе совѣмъ поубрались, и къ числу послѣднихъ принадлежалъ и нашъ Черевикъ съ кумомъ и дочкою, которые, вмѣстѣ съ просившимися къ нимъ *съ хату* гостями, и произвели тотъ сильный стукъ, (который) такъ перепугавшій такъ нашу страстную Хиврю. Кума уже немного поразобало. Это можно было видѣть изъ того, что онъ два раза объѣхалъ съ своимъ возомъ (хату) *по двору*, покамѣстъ нашель хату. Гости тоже были всѣ въ веселомъ расположеніи духа и безъ церемоніи вошли въ хату прежде самого хозяина. (Что) (Су) Дородная супруга нашего Черевика (была) сидѣла какъ на иголкахъ, видѣ какъ гости принялись шарить по всѣмъ угламъ.

«Что, кума!» вскричалъ (ходящій) *ошедшій* кумъ: «тебя все еще трясетъ лихорадка?»

«Да, не здоровится», отвѣчала Хивря, безпокойно поглядывая на наваленныя подъ потолкомъ доски.

«А, ну, жена, доставь-ка тамъ въ возу баклажакъ», говорилъ кумъ къ пріѣхавшей съ нимъ-же жень: «мы черкнемъ съ добрыми людьми, а то проклятыя бабы такъ (пер) понапугали насъ, что и сказать стыдно... Вѣдь мы, ей Богу, по пустякамъ, братцы, пріѣхали сюда», говорилъ онъ, прихлебывая изъ глиняной кружки. «(Вотъ) я тутъ же ставлю новую шапку свою, если бабамъ не вздумалось посмѣяться надъ нами. (И вотъ явился). Да хоть бы и въ самомъ дѣлѣ сатана, что сатана? Плюйте ему на голову. Хоть бы сію минуту вздумалось ему стать (посреди) вотъ здѣсь, *напримѣръ*, передо мною: будь я собачій сынъ, если не поднесъ бы ему кукушъ подъ самой носъ».

«Эге, ге, ге! Отъ чего ты *одругъ* поблѣднѣлъ весь?»

«Я? во... я?.. Господь съ вами! приснилось, что ли? Мнѣ

только такъ... Нужно бы сходить за нуждою, да пускай уже, *погодя немного*.

Гости усмѣхнулись. Баклажокъ прокатился (вокругъ всего стола) *по всему столу*, и гости сдѣлались еще веселѣе прежняго. Тутъ нашъ Черевикъ (приступилъ къ ку), которо(му) *за любовь дергало ужасно какъ*, ужасно какъ хотѣлось развѣдать про красную свитку, приступилъ къ куму. «Скажи, будь ласковъ, кумъ. Вотъ прошусь, да и не допрошусь исторію про эту проклятую свитку».

«Эхъ, кумъ! Оно бы не годилось рассказывать на ночь, да развѣ уже для того, чтобы (позабавить) *угодить тебѣ и гостямъ нашимъ*, которымъ, я примѣчаю, страхъ хочется узнать про эту ликовинку. Ну, быть такъ. Слушайте же, что говорятъ люди. Разъ, уже и (за что) *за какую вину, и не знаю*, только выгнали одно чорта изъ пекла»...

«Вотъ, кумъ!» прервалъ Черевикъ: «какъ же могло это статься, чтобы чорта выгнали изъ пекла?»

«Что жъ дѣлать, кумъ! Выгнали, да и выгнули, какъ собаку мужикъ выгоняетъ изъ хату. Можетъ бы на него нашла блажь сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло, ну, и указали двери. Вотъ чорту бѣдному такъ стало скучно, такъ скучно *по пеклу*, что хоть до петли. Что дѣлать? Давай съ горя пьянствовать. (И чортъ сталъ такой гуляка. Поселился) *Уиньдился* въ томъ самомъ сараѣ, которой, видѣлъ, развалился подъ горою и (близъ) мимо котораго ни одинъ добрый человѣкъ не пройдетъ теперь, не (пер) ограда себя крестомъ святымъ. И сталъ чортъ такой гуляка, какого теперь не сыщешь между *вѣтви* парубками нашими: съ утра до вечера то и дѣла, что сидитъ въ шинкѣ».

Тутъ опять строгій Черевикъ (нашъ) прервалъ *нашего* расказчика:

«Богъ знаетъ, что говоришь ты, кумъ! Какъ таки можно, чтобы чорта впустилъ ктонибудь въ шинокъ? Вѣдь у него же *есть* и когти на лапахъ и рожки на головѣ».

«Вотъ то-то и штука, что на немъ была всегда шапка и ру-

кавицы. Кто его познаетъ! (Деньги въ карманѣ, такъ и лукавый станеть Ангеломъ). Ну, гулялъ, гулялъ, наконецъ, пришлось до того, что пропилъ все, что (только) имѣлъ съ собою. Шинкаръ долго вѣрилъ, наконецъ пересталъ. (Что, нечего дѣлать) Пришлось чорту заложить красную свитку чуть ли не въ треть цѣны (одному) жида, который (шинковалъ) тогда на Сорочинской ярмаркѣ. Заложилъ и говоритъ ему: «Смотри, жидъ, я прииду къ тебѣ за свиткой ровно черезъ годъ: береги ее!» и куды дѣлся послѣ того самъ, ни одинъ попъ не знаетъ. Жидъ разсмотрѣлъ хорошенько свитку: сукно такое, что и въ Миргородѣ не достанешь! А красной цвѣтъ *горитъ*, какъ огонь, такъ что (смотрѣ) не наглядѣлся бы! Вотъ жида показалось скучно дожидаться срока. (Спустя) Почесалъ себѣ песики, да и содралъ съ какого то приѣзжаго пана мало не двадцать червонцевъ. О срокѣ жидъ и позабылъ совсѣмъ. Какъ вотъ, (тоже такъ) подъ вечерокъ приходитъ какой то человѣкъ: «Ну, жидъ, отдавай-ка свитку мою». Жидъ сначала было и не распозналъ, а послѣ, какъ разглядѣлъ, такъ прикинулся, будто и въ глаза его не видалъ: «Какую свитку? У меня нѣтъ никакой свитки. Я знать не знаю твоей свитки». Тотъ, ничего, ушелъ; только въ вечеру, какъ *жидъ, заперши свою конуру на замокъ*, перещитавши по сундукамъ (своимъ) деньги, на (пялилъ) *кинулъ* на себя простыню и началъ по жидовски молиться Богу, слышать (въ окнахъ) шорохъ. Глядь, во всѣхъ окнахъ повывставлялись свинынныя рыла...

Тутъ слышался какой неясный звукъ, похожій весьма на хрюканье свиньи. (Раскащикъ поблѣднѣлъ и всѣ гости). Всѣ поблѣднѣли. Потъ выступилъ на лицѣ раскащика.

«Что?» произнесъ въ испугѣ Черевикъ.

«Ничего!»... отвѣчалъ кумъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

«Ась!»... отозвался одинъ изъ гостей.

«Ты сказалъ?»...

«Нѣтъ!»

«Кто жъ это хрюкнулъ!»

«Богъ знаетъ, чего (вы) *мы* переполошились! Никого нѣтъ!»

Всѣ такъ боязливо (начали) стали обсматриваться вокругъ и начали шарить по угламъ. А Хивря была ни жива, ни мертва.

«Эхъ, вы, бабы, бабы!» произнесла она громко: «вамъ ли козаковать и быть мужьями! Вамъ бы веретено въ руки, да посадить за гребень! Одинъ кто нибудь, можетъ, прости Господи, угрѣшился, а всѣ и метнулись какъ полуумные». Это (заст) привело въ стыдъ нашихъ храбрецовъ и заставило ихъ ободриться. Кумъ хлебнулъ изъ кружки и (сталъ) началъ рассказывать далѣе.

«Жидъ обмеръ. Только *однакожъ*, свиньиныя чудища повывезли и мигомъ оживили его плетеными тройчатками, заставивши танцовать повыше вотъ этого сволока. Жидъ въ ноги и признался во всѣмъ. Только свитки нельзя было уже воротить скоро. Пана обокралъ на дорогѣ какой то цыганъ и продалъ свитку какой то перекупкѣ; та привезла ее *снова* на Сорочинскую ярмарку, но уже никто не сталъ ничего почти покупать у нее съ того времени (какъ показала). Перекупка долго дивилась (дивилась), наконецъ (подари) смекнула: вѣрно, это *виною всему* красная свитка; недаромъ всегда, когда (*надѣвалась*) (возьмешь ее въ руки, чувствовала) вздумывалось ей надѣвать, чувствовала, что ее *все (что-то)* давить (что-то). (Вотъ въ одно утро, когда затопила). Тотъ же часъ ни мало не медля кинула, *бросила*, ее въ огонь—не горитъ бѣсовская одежда! Перекупка умудрилась, (подкинула ее) подсунула въ возъ одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и обрадовался; только масла никто и спрашивать не хочетъ. «Эхъ, недобрыя руки подкинули свитку!» Схватилъ топоръ, взрубилъ ее въ куски. Глядь, и лезетъ одинъ кусокъ къ другому, и снова цѣлая свитка. Перекрестилъ сѣкиру, хватилъ въ другой разъ и куски разбросалъ по всему (тѣлу) мѣсту и уѣхалъ. Только съ тѣхъ поръ каждый годъ и какъ разъ во время ярмарки чортъ съ свиною мордою ходитъ по всей площади и собираетъ куски своей свитки. Теперь, говорятъ, одного только *мѣлаю* рукава недостаетъ ему. (Съ тѣхъ) Вотъ уже будетъ лѣтъ съ десятокъ, какъ не было на этомъ мѣстѣ ярмарки. Да нелегкая дернула *теперь* комисара... от...»

Другая половина слова замерла на устахъ расказчика. Окно брякнуло съ шумомъ, стекла, звеня, вылетѣли вонъ, и страшная свиная рожа (выглянула), выставилась, поводя очами, какъ будто спрашивая:

«Что вы тутъ дѣлаете, добрые люди?»

8.

Цурь тоби! Пекъ тоби! Сатанинске наважденіе!

Ужасъ оковалъ всѣхъ, находившихся въ хатѣ. Кумъ, (разинувъ ротъ) съ разинутымъ ртомъ, превратился въ камень. Глаза его выпучились, какъ будто хотѣли выстрѣлить. Разверстыя пальцы остановились въ судорожной недвижности (въ) на воздухѣ. Одинъ изъ гостей, превышавшій всѣхъ прочихъ цѣлою головою и (бывшій) казавшійся всѣхъ прочихъ, въ *необъидимомъ* ужасѣ подскочилъ съ мѣста и ударилъ головою объ перекладину подъ потолкомъ. Доски посунулись, и поповичъ съ громомъ и трескомъ полетѣлъ на землю.

«Ай, ай, ай!» кричалъ (онъ) одинъ, повалившись на лавкѣ, болтая въ ужасѣ руками и ногами.

«Спасайте!» (кричалъ) голосилъ другой, (навалившись) закрываясь тулопомъ.

Кумъ, (послѣ), выведенный изъ своего окаменѣнія вторичнымъ испугомъ, (полѣзъ) *спрятался въ судорогахъ* подъ подолъ своей супруги. Высокій храбрецъ полѣзъ въ пѣчь, несмотря на узкое отверстіе, и самъ задвинулъ себя ослонкою. А Черевикъ, какъ *будто* облитый кипяткомъ (бросался), схвативши *и надѣвши* горшокъ вмѣсто шапки, (бѣжать) *бросился къ дверямъ* и какъ полумумный (очутился посреди улицы) *бѣжалъ по улицамъ, не видя земли подъ собой*. Усталость заставила его, *однакожъ*, уменьшить немного скорость своего бѣга. Сердце его колотилось какъ мельничная ступа; потъ лилъ градомъ. Въ изнеможеніи готовъ онъ

уже былъ упасть на землю, какъ вдругъ послышалось ему, что съзади кто то гонится за нимъ. (Чортъ. Дыханіе зажалось) Духъ у него завялся.

«Чортъ! чортъ!» кричалъ онъ, утронувъ силы и (бѣжа) удирая безъ памяти, и черезъ минуту растянута безсилно на землѣ.

«Чортъ! чортъ!» кричалъ, и онъ (чувствовалъ) слышалъ только, какъ что то съ громомъ повалилось на него. Тутъ память отъ него улетѣла, и онъ, какъ страшный (желецъ) (оби) тѣснаго гроба, (лежалъ) *остался* нѣмъ и недвиженъ по среди дороги.

9.

«Слышишь, Власъ!» говорилъ, приподнявшись, одинъ цыганъ изъ толпы другихъ: «возлѣ насъ кто то помянулъ чорта!»

«Мнѣ какое дѣло?» проворчалъ, потягиваясь, лежавшій возлѣ него сосѣдъ: «хоть бы не одного, а всѣхъ своихъ родичей помянулъ. (Мало ли чего не совреть)».

«Но, вѣдь, такъ закричалъ кто-то, какъ будто душать его!»

«Мало ли чего не совреть человѣкъ?»

«Воля твоя, хоть посмотрѣть нужно. А выруби-ка огня!»

Другой цыганъ, ворча про себя, поднялся на ноги, *два раза* освѣтилъ вокругъ себя, *смурное лицо*, искрами, будто молніями, (и) раздулъ губами зажегшійся труть и съ (свѣтильнею въ рукахъ отправились) *каганцемъ* — обыкновенною малороссійскою свѣтильнею, состоящею изъ (черепка) разбитаго черепка, *набитая овечьимъ жиромъ*, отправились, освѣщая.

«(Тутъ) *здесь* лежитъ что то,» сказалъ одинъ цыганъ: «а по-свѣти-ка сюда!»

Тутъ пристало къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ.

«Да что лежитъ, Власъ?»

«Да такъ, какъ будто два человѣка: одинъ наверху, другой на низу; который изъ нихъ чортъ, уже я и не распознаю!»

«А кто наверху?»

«Баба».

«Ну, вотъ, это жъ то и есть чортъ».

Всеобщій хохоть и шумъ разбудили нашихъ мертвецовъ, которые, полные прошедшаго испуга, долго стояли выпучивши глаза, глядя въ ужасъ на загорѣлыя смуглыя лица (лица) цыганъ, (которые будучи озарены мѣстами), которые, озарившись мѣстами (блѣдно) невѣрно и трепетно горѣвшимъ *отемъ* и отбѣненными черными всклокоченными волнами, казались дикимъ сонмищемъ гномовъ, окруженныхъ (мракомъ непробудной пустыни) *тяжелымъ* подземнымъ паромъ и (мракомъ) облаками мрака непробудной ночи.

10.

Цуръ тоби, пекъ тоби, сатанинске наважденіе!

Свѣжесть утра вѣяла надъ пробудившимися Сорочинцами. (Пріятный холодъ). Клубы дыма со всѣхъ трубъ понеслись навстрѣчу показавшемуся солнцу. Ярмарка зашумѣла. *Овцы заблеяли, лошади заржали, (гуси за)* (блеянье), ржаніе, блеянье, (крикъ, ревъ, шумъ), *крикъ гусей и перекупокъ, шумъ и говоръ* понеслись снова по всему табору, и (народъ) *страшные* слухи (такъ) про красную свитку, (такъ) (*много*) (напугавшіе) (сильно поди) (произведшіе) *наведшіе* такой страхъ на народъ въ таинственные часы сумерекъ, *казалось*, исчезнуть вмѣстѣ съ освѣтившимъ міръ утромъ.

Зѣвая и потягиваясь, лежалъ Черевикъ (подъ) у кума подъ крытымъ *соломою* сараемъ вмѣстѣ съ конями и мѣшками муки и пшеницы, и даже (кажется, не хотѣлъ долго), кажется, вовсе не имѣлъ желанія растаться съ своими грезами, какъ вдругъ услышалъ голосокъ такъ же знакомый, какъ *убѣжище* *тѣни* благословенная пѣчь его хаты и или шинокъ его дальней родички, (къ которому) было, *находившійся* *въ* не больше десяти шаговъ отъ *роднаго* порога (его хаты).

«Вставай, вставай!» трещала (ему) на ухо нѣжная супруга, дергая его со всей силы за руку.

Солопій, вмѣсто отвѣта, надулъ щеки и началъ болтать руками, подражая барабанному бою.

«Сумашедшій!» закричала она, уклонясь отъ замашки руки его, которою чуть-чуть не задѣлъ онъ ее по лицу.

Черевикъ поднялся, протеръ немного глаза и посмотрѣлъ вокругъ.

«Врагъ меня возьми, если мнѣ не представилась твоя рожа барабаномъ, на которомъ меня (какъ будто) *словно* москаля заставили выбивать зорю тѣ самыя свининыя рожи, отъ (которыхъ) *чмкх* кнутафьевъ (такъ) которыхъ, какъ разказывалъ кумъ, такъ (лихо) лихо, *леико*, плясалось жиду».

«Полно тебѣ чепуху молоть! Ступай, веди кобылу скорѣй на продажу. Стыдъ, (до сихъ поръ не продали еще ничего), пріѣхали на ярмарку, а хоть бы горсть пеньки продали!..»

«Ты жъ видишь, что я еще не умывался», продолжалъ Черевикъ, (почесы) зѣвая и почесывая спину, и стараясь между прочимъ выиграть время для своей лѣни.

«Вотъ некстати (захотѣлось бы) пришла блажь быть чисто-плотнымъ! Когда это за тобою водилось? Ступай! Ступай! Вотъ рушникъ, оботри свою моску.»

Тутъ она схватила что-то свернутое въ комокъ и съ ужасомъ бросила (на зе) (прочъ) на землю: это былъ красный (бла) обшлагъ изъ свитки.

«Ступай, дѣлай свое дѣло», повторила она, собравшись съ духомъ, своему (сожителю) *покорному* супругу, котораго волосы поднялись дыбомъ и зубы (бились) *колотились* одинъ о другой.

«Будеть продажа теперь!» ворчалъ онъ самъ себѣ, (прово) (ведя отъ) вязывая кобылу и ведя ее на площадь. «Недаромъ (у меня на), *когда я собирался* на эту ярмарку, огниво попало подъ колесо и волы два раза поворачивали сами домой. Неугомоненъ и чортъ проклятый: носилъ бы уже свитку безъ одного рукава; (*такъ нѣтъ*), такъ нѣтъ, нужно же добрымъ людямъ не давать

покою. Будь я чортъ, чего Боже оборони, сталъ ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями?»

Тутъ философствованіе нашего Черевика прервано было толь-
стымъ и рѣзкимъ голосомъ:

«А что продаешь, добрый человѣкъ?»

Передъ нимъ стоялъ (высокій) знакомый и высокій цыганъ. Продавецъ нашъ помолчалъ, посмотрѣлъ на него съ ногъ до головы, и не выпуская изъ рукъ узды, сказалъ съ спокойнымъ видомъ, не выпуская изъ рукъ узды:

«Самъ видишь, что продаю».

«Ремешки?» спросилъ цыганъ, поглядывая на находившуюся въ рукахъ его узду.

«Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки».

«(Ты ее) Однакожь, чортъ возьми, землякъ, ты, видно, ее соломою кормишь!»

«Соломою?»

Тутъ Черевикъ хотѣлъ было потянуть узду, чтобы провести свою кобылу и обличить во лжи безстыднаго, но рука его съ необыкновенною легкостью чуть (было) не ударила его (по затылку) *въ подбородокъ: вмѣсто кобылы одна перерѣзанная узда (оставалась) въ ней и къ ней (привязанъ) привязанъ былъ—волосы поднялись дыбомъ!—кусокъ краснаго рукава! (Плюнувъ) Три раза плюнувъ, крестясь и махая рукавами, побѣжалъ онъ опрометью отъ неожиданнаго подарка и быстрѣе парубка пропалъ въ толпѣ.*

11.

За моежь жито, та мене и
побыто.

Пословица.

«Лови! лови его!» кричало нѣсколько хлопцевъ въ тѣсномъ концѣ улицы, и Черевикъ (вдругъ) нашъ вдругъ почувствовалъ себя схваченнымъ дужими руками.

«Вязать его! Это тотъ самый, который укралъ у добраго (Черевика) *человѣка* кобылу».

«(Богъ) *Господь* съ вами, *за что* вы меня вяжете?»

«Онъ же и спрашиваетъ! *А* за что ты укралъ кобылу у заезжаго мужика Черевика?»

«(Богъ знаетъ что) Съ ума спятили вы, хлопцы! Гдѣ таки видано, чтобы *человѣкъ* самъ у себя кралъ что нибудь?»

«Старая штука! Зачемъ бѣжалъ ты во весь духъ, какъ будто бы самъ сатана за тобою *по пятамъ* гнался?»

«Поневолѣ побѣжияшь, когда сатанинская одежда...»

«Э, голубчикъ, (проведы) не до пенька прыскачивъ! Обманывай другихъ этимъ. Будетъ еще тебѣ отъ комисара за то, чтобъ не пугалъ чертовщиною людей...»

«Лови! Лови его!» послышался крикъ на другомъ концѣ улицы.

«Вотъ еще одинъ бѣглець! Держите его, братцы, покрѣпче».

Тутъ глазамъ нашего Черевика представился кумъ въ самомъ жалкомъ положеніи, ведомыми, съ закрученными назадъ руками, нѣсколькими хлопцами.

«Тутъ чудеса завелись!» говорилъ одинъ изъ нихъ: «послушали бъ вы, что говорить этотъ мошенникъ, на котораго глянь только, (такъ узнаешь) *угадаешь*, что воръ. Когда стали спрашивать: отъ чего бѣжалъ онъ, какъ полоумный? — (хотѣлъ, говорить) «погѣзъ», говорить, «въ карманъ табаку понюхать, только *вмѣсто* тавлинки, *глядь*, вытащался кусокъ (красной) *чортовой* свитки, отъ которой вспыхнулъ красный огонь», и онъ давай Богъ ноги!»

«Эге, ге! Да это изъ одного гнѣзда оба! Вязать ихъ обѣихъ *вмѣстѣ!*»

12.

Чимъ, люди добрые, я виненъ передъ вами?
 За що глузуете вы надо мною такъ?
 За що, за що? тай попустывъ патіоки,
 Патіоки гиркихъ слизъ, узавшися за боки.

«Можеть быть, ты въ самомъ дѣлѣ, кумъ, подцѣпилъ что нибудь?» Спросилъ Черевикъ, лежа связанный (вмѣстѣ съ кумомъ) вмѣстѣ съ кумомъ (на солом) подъ соломенною яткою.

«И ты туда же, кумъ! Чтобы мнѣ отсохнули руки и ноги, если я когда (нибудь) *либо* кралъ что нибудь, кромѣ пирога съ вареной капустой, когда мнѣ было десять лѣтъ *еще* отъ роду».

«За что же эта, кумъ, на насъ напасть такая? Тебѣ еще ничего: тебя вивятъ еще по крайней мѣрѣ за то, что укралъ у другаго; за что же мнѣ, непорабку, (кто видалъ на свѣтѣ) *не добрый* поклепъ, (да еще) будто бы (укралъ) у самого себя *стянулъ* кобылу? Видно, намъ, кумъ, по роду уже написано быть (горемыками)».

«Горе (сиротамъ) бѣднымъ намъ, сиротамъ!»

Тутъ оба кумы принялись вслипывать на взрыдъ, разсуждая о суетѣ міра сего. (Какъ вдругъ вошедшій *въ это время* потихоньку Грицько помѣшалъ излитію горести).

«Что это съ тобою, Солопій?» сказалъ вошедшій *въ это время* Грицько. «Кто это такъ связалъ тебя?»

«А, здорово, Охримовъ сынъ!» вскричалъ Солопій, обрадовавшись. «Слава Богу, хоть тебя удалось мнѣ видѣть. Вотъ, какъ видишь, наказалъ Богъ, видно, за то, что провинился предъ тобою. Прости, добрый человекъ! Ей Богу, радъ бы былъ здѣлать, что прикажешь. Въ старухѣ моей дьяволъ сидитъ...»

(«Чтожь», прервалъ его другой узникъ).

«Полю, Солопій, говорить объ этомъ. Что было, то (про) было», говорилъ парубокъ: «*не злюсь я*. Ты можешь снова свести дѣло на ладъ... (сегодня) свадьбу да и попируемъ такъ, чтобы и дальніе люди знали!»

«Славно, ой, славно!» сказаль Черевикъ, ударивъ: «чортъ возьми, если мнѣ не такъ же стало весело, какъ (будто) *когда бы* мою (вѣдьму) ехидную старуху москали увезли! Да что смотрѣть, годится или негодится такъ! Сегодня свадьба да и концы въ воду!»

«Смотрижъ, Солопѣй: черезъ часъ я буду къ тебѣ, а теперь ступай, тамъ ожидаютъ *тебя* покушники твоей пшеницы и кобылы».

«Какъ! Развѣ кобыла нашлась?»

«Нашлась!»

Черевикъ отъ радости остался неподвиженъ, глядя вслѣдъ уходившему Грицьку.

«Что, Грицко, худо мы здѣлали свое дѣло?» сказаль высокій цыганъ спѣшившему парубку: «Волы мои теперь?»

«Твой! твой!»

13.

Не бѣйся, матинко, не бѣйся,
Въ червонныя чобитки обуйся,
Топчи вороги
(Пидъ ноги)
Пидъ ноги,
Щобъ твои пидкивки
Брезчалы,
Щобъ твои вороги
Мовчалы.

Свадебная пѣсня.

(*Призадумалась*) Подперши локтемъ хорошеньк(ую)иі (головку) *подбородокъ свой*, (сидѣла) *задумалась* Параска за столомъ, *передъ столомъ*, въ хатѣ. *Много презъ обвивалось около русой головы*. Иногда вдругъ легкая улыбка (подымала) трогала ея алыя губки, и какое-то радостное чувство подымало темныя ея брови, то снова облако задумчивости опускалось на ея карыя свѣтлыя очи.

«Ну, что, если не будется то, что говорилъ онъ?» шептала она съ какимъ *то* выраженіемъ сомнѣнія на лицѣ своемъ.

«Ну, что, если меня не выдадутъ? (Да и то) *Ну, что, если,* можетъ, нѣтъ, этого (никогда) *не будетъ!* Мачиха дѣлаетъ все, что только ей вздумается: развѣ (и я не женщина развѣ) и я не могу сдѣлать того, что мнѣ вздумается? (Вотъ какія еще новости) Упрямства-то и у меня достанетъ. Какъ(ъ) *ой* же онъ хорошій! Какъ чудно горять его черные очи! Всѣ бы смотрѣла (въ глаза) *на него!* Какъ идетъ къ нему бѣлая свитка! Жаль, что у него не слишкомъ яркой поясъ; ну, да я ему вытку послѣ (шерсти) изъ шленской шерсти, а можетъ быть даже изъ гарусу», водбоченясь продолжала, винимая изъ-за пазухи карманное зеркало, *маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою,* и глядясь въ него съ тайнымъ удовольствіемъ: «когда я встрѣчусь тогда съ ней, я ей ни за что не поклонюсь, хоть она себѣ тресни. Нѣтъ, мачиха, полно тогда бить тебѣ свою падчерицу. Скорѣе (послѣ дождя зацвѣтетъ) на камнѣ пѣсокъ взойдетъ и дубъ (буде) (станетъ) будетъ гнуться въ воду, (нежели) чѣмъ я тебѣ кивну головою. Да, (вотъ тебѣ) я и позабыла примѣрнить къ себѣ очипокъ, посмотрѣть, какъ то онъ, какъ то *онъ* идетъ ко ко мнѣ?»

Тутъ встала она и, держа въ рукахъ зеркальце и наклонясь къ нему головою, трепетно шла по хатѣ, (видя подъ собою), какъ будто бы опасаясь (беспрестанно) упасть, видя подъ собою, вмѣсто полу, потолокъ съ наложенными подъ нимъ досками, съ которыхъ низринулся поповичъ, и полки, уставленные горшками.

«Что я, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто (маленькое) дитя маленькое», вскричала она смѣясь: «боюсь ступить ногою!»

И начала притопывать ногами, все, чемъ далѣе, смѣлѣе, смѣлѣе, наконецъ, лѣвая рука ея опустилась и уперлась въ бокъ, и она пошла танцовать, (все же) держа передъ собою зеркало, напѣвая любимую свою пѣсню:

Зелененькій барвиночку,
Стелися низенько!

А ты, мылый, чернобрывый,
Присунься близенько!
Зелен б

Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь и, нашедъ свою дочь танцующею передъ *маленькимъ* зеркаломъ, остановился (и смѣя), смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая задумавшись, *казалось*, не (могла) примѣчала ничего; но когда же услышалъ знакомые звуки пѣсни, всѣ жилки зашевелились въ немъ: гордо подбоченившись, выступилъ онъ впередъ и пустился въ присядку, позабывъ и зачемъ пришелъ (онъ) и всѣ дѣла свои. Тутъ громкій хохотъ кума заставилъ (ихъ) *обоихъ* вздрогнуть.

«(Эхъ, чудеса, хорошо!) *Ладно!* Батько съ дочкой (заранѣ) *затѣяли* сами свадьбу. Ступайте *скорѣе*: женихъ пришелъ».

(Солопій нашъ вспомнилъ) Параска, *при постѣднемъ словѣ*, вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ея голову, а простодушный ея *отецъ* вспомнилъ, зачемъ пришелъ.

«Ну, дочка, (спѣ) пойдемъ скорѣе! Хивря, (тебя) отъ радости что я продалъ кобылу, побѣжала какъ лисица, повиливая хвостомъ, закупать себѣ плахтъ и дерюгъ всякихъ, такъ нужно до приходу ея все кончить».

Не успѣла она выступить изъ порога *хаты*, какъ почувствовала себя въ объятіяхъ парубка въ бѣлой свиткѣ съ черными очами, *который давно уже стоялъ на улицѣ, окруженный танцующими*.

«Боже, благослови!» сказалъ отецъ, складывая ихъ руки: «Пусть ихъ живутъ, какъ вѣнки вьютъ¹⁾!»

- Шумъ послышался въ народѣ.

«Я скорѣе трѣсну, нежели допущу до этого!» кричала сожителя нашего Черевика, которую съ хохотомъ не допускала шумная толпа въ середину.

«Не бѣсись, не бѣсись, жинка!» говорилъ хладнокровно Черевикъ, видя, что пара дужихъ цыганъ овладѣла ея руками: «что сдѣлано, то сдѣлано; я перемѣнять ужъ не люблю»...

1) Обыкновенное привѣтствіе у Малороссіянъ новобрачнымъ.

«Нѣтъ, нѣтъ!» кричала Хивря: «этого-то не будетъ!»

Но никто не слушалъ. (Толпа) Нѣскольکو паръ обступило новую пару и составляло непроницаемую танцующую стѣнку около нее.

Странное чувство овладѣвало душою зрителя, (видя) когда отъ одного удара смычка деревенскаго музыканта, все обратилось, *волею и неволею*, къ единству и превратилось въ согласіе. Угрюмыя лица, на которыхъ, казалось, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все неслось, все танцовало. *Но, казалось, не лишены были чувства.* Но страннѣе всего было видѣть старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе моги, между новымъ, смѣющимся. Безпечныя! даже безъ дѣтской радости, безъ искры живаго, которыхъ *одинъ* хмѣль только, какъ механикъ своего безжизненнаго автомата, заставилъ (показа) дѣлать что то подобное чело-вѣческому, они *тихо* покачивали охмѣлѣвшими головами и плелись, подтанцывая за веселившимся народомъ, не обращая даже глазъ на молодую чету. И на развалинѣ и на гробѣ зеленѣеть и лѣпится мохъ, какъ будто бы, *улыбается*, самое разрушеніе (показыва) можетъ улыбаться.

Толпа вереницей *шумно* передвигалась и уходила, какъ тѣни волшебнаго фонаря. Шумъ, *шумъ*, хохоть, пѣсни (казалось) слышались тише и тише. Смычокъ умираетъ, слабѣя и тѣряя *неясныя* звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ то топанье и что то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо.

Не такъ ли и радость, (быстрая), прекрасная и непостоянная гостя, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думать выразить веселье. Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ (печаль) *грусть* и пустыню (и съ ужасомъ ему) *и дико* внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, по одиночкѣ, одинъ за однимъ, тѣряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И (жалко) *тяжело* и грустно сердцу, и нѣчемъ помочь ему!

Майская ночь.

Рукопись разсказа «Майская ночь», писанная самимъ Гоголемъ, сохранилась среди другихъ бумагъ у его наслѣдниковъ и въ настоящее время принадлежитъ Московскому Публичному и Румянцовскому Музеямъ, гдѣ хранится въ Отдѣленіи рукописей подъ № 3211.

Рукопись состоитъ изъ двухъ цѣльныхъ листовъ и двухъ вторыхъ полулистовъ отъ двухъ листовъ писчей бумаги 1829 года. Несохранившіяся первыя половинки двухъ послѣднихъ листовъ, можно предполагать, и содержали въ себѣ вторую половину четвертой главы, слѣдующую за пѣсней парубковъ, и всю пятую главу, оригиналы которыхъ совсѣмъ не уцѣлѣли среди автографовъ Гоголя.

Каждый полулистъ рукописи помѣченъ краснымъ карандашомъ, при чемъ счетъ полулистовъ непосредственно продолжается за повѣстью «Сорочинская ярмарка», и оба произведенія Гоголя занимаютъ четырнадцать полулистовъ, представляя собою все, что отъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» сохранилось въ рукописяхъ Гоголя на отдѣльныхъ листахъ.

Подробное описаніе рукописныхъ листовъ «Майской ночи» уже имѣется въ первомъ томѣ десятаго изданія сочиненій Н. В. Гоголя (стр. 536—537)¹⁾.

1) Описаніе рукописи «Майской ночи» въ седьмомъ томѣ того же десятаго изданія (стр. 892) можетъ вызвать недоумѣніе. Редакторъ седьмого тома говоритъ, что онъ видѣлъ только «два» листа рукописи: «на одномъ написано

Текст рукописи «Майской ночи» значительно отличается от ея печатнаго текста. На отличія эти уже было обращено вниманіе при напечатаніи разсказа въ первомъ томѣ десятаго изданія (стр. 52—80). Въ «Примѣчаніяхъ редактора и вариантахъ» къ этому тому приведены различненія и рукописнаго текста (стр. 537—539). Но приведенныя здѣсь различненія далеко не исчерпываютъ всѣхъ имѣющихся въ рукописи Гоголя.

Всего различненій рукописнаго текста приведено въ первомъ томѣ 16, что не составляетъ и одного различненія на каждую изъ 20 печатныхъ страницъ уцѣлѣвшей въ рукописи части разсказа. Въ дѣйствительности, при сравненіи текстовъ рукописнаго и печатнаго, можно найти различненій значительно больше. Такъ, къ первой печатной страницѣ разсказа (стр. 52 въ первомъ томѣ десятаго изданія) можно привести изъ рукописи 20 различненій, не считая трехъ, приведенныхъ въ первомъ томѣ; ко второй (стр. 53 въ первомъ томѣ) — 39, не считая двухъ, приведенныхъ въ первомъ томѣ; къ третьей (стр. 54 въ первомъ томѣ) — 33, не считая трехъ, приведенныхъ въ первомъ томѣ; къ четвертой (стр. 55 въ первомъ томѣ) — 42, не считая того одного различненія, которое приведено въ первомъ томѣ, и т. д. Такимъ образомъ, особенности рукописнаго текста указаны въ десятомъ изданіи въ самомъ незначительномъ количествѣ и, можно сказать, въ цѣломъ своемъ объемѣ остаются неизвѣстными и неиспользованными въ нашей литературѣ.

Обращаясь къ характеристикѣ этихъ особенностей, прежде

начало повѣсти; послѣ заглавія написано Гоголемъ: «Ганна»; на другомъ полулистѣ написана послѣдняя глава, озаглавленная «Пробужденіе». Здѣсь какая то загадка. Редакторъ перваго тома среди бумагъ наследниковъ Гоголя нашелъ и видѣлъ всѣ уцѣлѣвшіе листы «Майской ночи». Румянцовскій Музей, получившій бумаги наследниковъ по окончаніи десятаго изданія, тоже нашелъ и хранитъ всѣ уцѣлѣвшіе листы «Майской ночи». Совершенно непонятно, почему не нашелъ и не выдалъ ихъ редакторъ седьмого тома, когда они несомнѣнно были среди тѣхъ бумагъ, которыми онъ пользовался при изданіи. Вѣдь Румянцовскій Музей нашелъ ихъ именно среди того хаоса бумагъ, который доставленъ ему по выходѣ въ свѣтъ седьмого тома сочиненій Гоголя.

всего приходится замѣтить въ рукописномъ текстѣ присутствіе малороссійскихъ словъ и выраженій, которыя потомъ, въ печатномъ текстѣ уже совсѣмъ не встрѣчаются: а бы . . . , присьба, запаска, юшка, доню, батенько, неня и т. п. Это наличіе оборотовъ разговорнаго языка дѣйствующихъ лицъ свидѣлствуетъ о художественной необработанности литературнаго стиля разсказа. Еще болѣе убѣждаютъ въ этомъ тѣ особенности рукописнаго текста, которыя касаются преимущественно его слога. Во множествѣ предложеній, простыхъ и сложныхъ, этого текста встрѣчается совсѣмъ не та разстановка частей предложенія, которая принята потомъ въ печатномъ текстѣ разсказа: «чтобы насъ не увидалъ кто—чтобы насъ кто не увидалъ»; «и холодомъ повѣяло — и повѣяло холодомъ»; «крадется къ ней черная кошка—черная кошка крадется къ ней»; «говорилъ парубокъ, обнимая ее и садясь вмѣстѣ съ нею на присьбѣ у дверей хаты, выпустивъ изъ рукъ бандуру, которая висѣла на ремнѣ у него на шеѣ — говорилъ парубокъ, обнимая ее, отбросивъ бандуру, висѣвшую на длинномъ ремнѣ у него на шеѣ, и садясь вмѣстѣ съ нею у дверей хаты» и др. Выраженія рукописнаго текста во многихъ случаяхъ гораздо распространеннѣе выраженій печатнаго; напримѣръ: «у дѣвушекъ нечистый духъ сидитъ, который подстрекаетъ ихъ знать то, чего не слѣдуетъ — у дѣвушекъ сидитъ чортъ, подстрекающій ихъ любопытство»; «по пруду вертѣлись гдѣ-то искры — прудъ тронулся искрами»; «холодъ и мракъ воды его какъ будто угрюмо заключены въ темно-зеленыя стѣны, теряются въ садахъ, обнимающихъ со всѣхъ сторонъ его темными стѣнами своими — холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ»; «подходя... къ... хатѣ, увѣнчанной вишневыми деревьями — хатѣ съ вишневыми деревьями» и т. п.

Но если строй рѣчи и порядокъ повѣствованія требовали болѣе распространенности, то для ясности и стройности изложенія Гоголь сокращенный рукописный текстъ потомъ для печати распространялъ и вводилъ въ него новыя предложенія и

отдѣльные слова. Таковъ разсказъ Левка о панночкѣ. Въ печатномъ текстѣ онъ значительно упорядоченъ, правильнѣе расположена его хронологическая послѣдовательность, добавлены нѣкоторыя новыя подробности, и, въ общемъ, онъ значительно выигралъ въ своей художественной обработкѣ.

Какъ на примѣръ пространнаго описанія въ рукописномъ текстѣ и наиболѣе сокращеннаго въ печатномъ, можно указать на начало четвертой главы подъ названіемъ «Парубки гуляютъ». Въ печатномъ обширное и сложное описаніе замѣнено однимъ краткимъ предложеніемъ:

Рукописный текстъ:

«Блистательный мѣсяцъ, прогуливаясь въ необъятныхъ пустыняхъ своего неба и не налюбуясь красавицею землею, раздумно остановился надъ хатою, которой неровныя окна однѣ только свѣтились среди уснувшихъ улицъ, какъ будто спрашивая: «какіе это люди осмѣлились при моемъ серебрянномъ свѣтѣ разводить презрѣнный и непріятный для глазъ огонь свой». Это жилище головы».

Печатный текстъ:

«Одна только хата свѣтилась еще въ концѣ улицы. Это жилище головы».

Впрочемъ, въ одномъ случаѣ сокращеніе въ печатномъ текстѣ произведено было, повидимому, не художническою рукою Гоголя. Голова, послѣ разсказа винокура о подавившемся галушкой, замѣчаетъ: «Я слыхалъ что-то похожее еще за покойницу»... Такъ въ печатномъ текстѣ. Въ рукописномъ это замѣчаніе совершенно ясно и прямо относится къ излюбленному воспоминанію головы: «Я помню, слыхалъ что-то похожее на это. Еще за покойницу царицу...»

Повидимому, это единственное мѣсто, гдѣ преимущество остается за рукописнымъ текстомъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ особенности рукописнаго текста разсказа не говорятъ о высокой степени его художественной обработки. Напротивъ, по сравненію съ текстомъ печатнымъ, онъ представляется однимъ изъ первоначальныхъ набросковъ разсказа, художественный стиль котораго еще далекъ до законченной формы печатнаго. Во всякомъ случаѣ особенности эти такъ значительны, что представляется вѣроятнымъ существованіе еще одной редакціи разсказа. Между редакціей, сохранившейся въ рукописи, и редакціей печатной, повидимому, была еще рукописная редакція, съ которой и производился наборъ разсказа для печатнаго изданія. Гоголь, много работавшій надъ своими произведеніями, несомнѣнно, нѣсколько разъ принимался за обработку и своего разсказа «Майская ночь». Такимъ образомъ, и въ рукописномъ текстѣ «Майской ночи», какъ и въ рукописномъ текстѣ «Сорочинской ярмарки», до насъ сохранилась одна изъ первоначальныхъ формъ Гоголевскаго созданія.

И на этомъ текстѣ видна громадная творческая работа поэта. И этотъ текстъ представляетъ собою два наслоенія: одно содержитъ текстъ первоначальной работы Гоголя, а другое представляетъ собою передѣлки, дополненія и исправленія перваго. Какъ и въ рукописи «Сорочинской ярмарки», первый текстъ во многихъ мѣстахъ зачеркнутъ самимъ Гоголемъ, и надъ зачеркнутыми словами и строками имъ же вписаны исправленія и дополненія, уже болѣе близкія къ тексту печатному.

Для того чтобы можно было прослѣдить за этою работой Гоголя, мы печатаемъ текстъ различными шрифтами: текстъ первоначальный набранъ прямымъ шрифтомъ и въ скобки поставлены всѣ слова зачеркнутыя самимъ Гоголемъ; курсивомъ набраны его дополненія и исправленія, вписанныя имъ надъ строками, и здѣсь слова зачеркнутыя поставлены въ скобки. Въ прямые скобки поставлены слова, поставленные самимъ поэтомъ въ скобки, а слова, имъ самимъ подчеркнутыя, набраны съ разрядкой.

Майская ночь.

Врагъ ёго Батъка знае! Начнутъ що робить люды хрещены, то мурдююця, мурдююця, мовъ хортъ за зайцемъ, а (все) *усе* щось не до шмыгу. Толькыжъ куды чортъ усунецця, то верть хвостыкомъ, такъ деи возмецця все мовъ зъ неба.

Ганна.

Звонкая пѣсня лилась рѣкою по улицамъ села ***. Было то время, когда утомленные отъ дневныхъ трудовъ и заботъ парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ (выливать сво), въ блескѣ чистаго вечера, выливать свое веселье въ звуки, всегда неразлучные съ унынемъ. И вѣч(ѣ)ерь, вѣчно задумавшійся, мечтательно обнималъ синѣе небо (и, казалось, превращалъ), преобращая все въ неопредѣленность и даль. Уже и сумерки; а пѣсни все не утихали. Съ бандурою въ рукахъ пробирался ускользнувшій отъ пѣсельниковъ молодой казакъ *Левко*, сынъ сельскаго головы (Левко Мокогонь). На козакѣ решетиловская шапка. Козакъ идетъ по улицѣ, бречитъ рукою по струнамъ и подтыанцываетъ. Вотъ онъ тихо остановился передъ дверью одно хаты. (Что эта за) *Чья же это хата? Чья это дверь?* Послѣ минутнаго молчанія *тихо* заигралъ онъ и запѣлъ:

Сонце вызенько, вечеръ близенько,
Выйди до мене, мое серденько!

«Нѣтъ, видно, крѣпко заснула моя ясноокая красавица», сказалъ козакъ и приблизился (поближе) къ окну. «Галю, Галю! Ты спишь? Ты не хочешь выйти ко мнѣ? (Небойся, никого нѣтъ на дворѣ, улицѣ, вечеръ тепель). Ты боишься, вѣрно, чтобы насъ не увидалъ кто, (ты боишься) или не хочешь показать бѣлое ли-

чико на холодъ? Не бойся: никого нѣтъ; вечеръ тепелъ. А если бы и (былъ кто) показался *кто*, прикрою тебя своею свиткою, обмотаю своимъ поясомъ, закрою руками тебя, и никто насъ не увидать. А бы (и вѣтеръ поднялся) и *холодомъ постыло*, я прижму тебя поближе къ сердцу, отогрѣю поцелуями, надѣну шапку свою на твои бѣленькіе ножки. Сердце мое! Рыбка моя! Ожерелье! Выгляни на минутъ, просунь сквозь окошечко хоть бѣлую ручку свою... Нѣтъ, ты не спишь, Гордая Дѣвчина!» (сказалъ) проговорилъ онъ громче и (какъ будто) такимъ голосомъ, какимъ выражает(ъ)ся *себя* (рѣчь свою доведенный до, *устыдившійся своего мновеннаго униженія*) устыдившійся мгновеннаго униженія: «Тебѣ любо издѣваться надо мною; прощай!»

Тутъ онъ (обернулся) отворотился, насунулъ на бекрень свою шапку и гордо отошелъ отъ окошка, тихо перебирая струны бандуры. (Дверь заскрыпѣла) Въ это время деревянная ручка у Двери стала *за шевели(тъся)лась, завер*. Дверь разпахнулась со скрипомъ, и дѣвушка на порѣ сѣмнадцатой весны, обвѣтая (су) (мечтательны) сумерками, (оглядыва) робко оглядываясь и не выпуская изъ руки деревянной ручки, переступила черезъ порогъ. (Сквозь) *въ* полуясн(ый)омъ мрак(ѣ) горѣли привѣтно, будто двѣ звѣздочки, свѣтлыя *очи*, блистало красное кораловое монисто, (и лице рдѣлось и пылало, какъ шелкъ) (но на лицѣ, вѣрно бы, никто не примѣтилъ) и (для) отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея.

«Какой же нетерпѣливой», (шопотомъ) (*про*) говорила она ему въ полголоса: «уже и разсердился... *Зачемъ непременно такъ хочется тебѣ*. Толпа народу шатается то и дѣла (на) по улицамъ... Я вся дрожу»...

«О, не дрожи, моя красная калин(у)очка! Прижмись ко мнѣ покрѣпче», говорорилъ парубокъ, обнимая ее и садясь вмѣстѣ съ нею на присѣбѣ у дверей хаты, выпустивъ изъ рукъ бандуру, которая висѣла на ремнѣ у него на шеѣ. «Ты знаешь, что мнѣ и часу не видать тебя горько».

«Только мнѣ кажется) Знаешь ли, что я думаю?» сказала дѣвушка, задумчиво потопивъ въ него свои очи. «Мнѣ все (чувствует) что-то какъ будто на ухо твердить, что (нельзя будетъ такъ) *не видаться намъ (впередъ) такъ* часто (видѣться). Не добрые у васъ люди: (всѣ) Дѣвушки всѣ глядятъ такъ завистливо, а парубки... Я примѣчаю даже, что мать моя съ недавн(яго)ей (врем)поры стала (строже) *суровѣе* приглядывать за мною. Признаюсь, мнѣ веселѣе у чужихъ было».

Кое то трогательное движеніе тоски выразилось на лицѣ ея при послѣднихъ словахъ.

«Только Два мѣсяца въ сторонѣ и родной, а уже прискучила! Можетъ, и я тебѣ (уже) надоѣлъ, ди...?»

«О, ты мнѣ не наскулъ», молвила она усмѣхнувшись.

«Я тебя люблю, чернобровой казакъ! За то люблю (тебя), что у тебя карые очи и какъ (выведешь ты ими на меня) *поглядитъ ты ими на меня*, у меня какъ будто на душѣ усмѣхается, и весело, и чудно ей, что (такъ) привѣтливо моргаешь ты чорнымъ усомъ своимъ, что ты идешь по улицѣ, *поесишь*, играешь на бандурѣ, и люблю слушать тебя».

«О, моя милая дѣвушка!» вскрикнулъ (козакъ) парубокъ, *съ огнемъ радости въ глазахъ*, целуя и прижимая сильнѣе ее къ груди своей.

«(Полно) Постой, полно, Левко! Скажи напередъ, говорилъ ли ты съ отцемъ своимъ?»

«Что?.. Да, (говорилъ, говор)» (ска), скалъ онъ, будто проснувшись. «Да, что я хочу жениться на тебѣ, а ты выйти за меня замужъ. Говорилъ, говорилъ», (какъ) но какое то унывное (удареніе отразилось на этомъ словѣ), *но какъ то унывно зазвучало въ устахъ его это слово: «говорилъ»*.

«Что же?»

«Что станешь дѣлать съ нимъ? Притворился, старый хрѣвъ, по своему обыкновенью глухимъ, *ничего не слышитъ и еще* бранить, что таскаюсь Богъ знаетъ гдѣ, *поэтсничая и шая* съ *хлопцами по улицамъ*. Но не тужи, моя (неня красна) Галю!

(Что бы не было) *Вотъ слово козацкое*, что я (его) уломаю его».

«Я вѣрю тебѣ, Левко! Тебя (вѣрно) всякой послушаетъ (что ты не скажешь). Я по себѣ это знаю: иной разъ, кажется, не послушала бы тебя, а скажешь слово — неволью (дѣлается) *дѣлаю то*, что тебѣ угодно. Посмотри, посмотри!» продолжала она, (указывая) положивъ голову на плечо ему и поднявъ глаза въ верхъ, гдѣ необъятно синѣло теплое украинское небо, (не мно) завѣшенное съ низу кудрявыми вѣтвями стоявшихъ передъ нимъ вишенъ. «Посмотри, вонъ (далеко) вонъ далеко мелькнула звѣздочка одна, другая, третія, четвертая, пятая.... Не правда ли, вѣдь это Ангелы Божіе поотворяли (свои) окош(ки)ечки (на небѣ) своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ на насъ? Да, Левко? Вѣдь это они глядятъ на на нашу землю? Какъ широко, какъ раздольно тамъ вверху! Что бы, если бы у людей были крылья, какъ у птицъ, туда бы полѣтѣтъ высоко, высоко. Ухъ, страшно! Ни одинъ дубъ у насъ не достанетъ до неба, а, говорить, однакоже, есть гдѣ-то въ какой-то далекой землѣ такое дерево, которое уходитъ вершиною въ самое небо, и Богъ сходить по немъ на землю ночью передъ самымъ свѣтлымъ празникомъ...»

«Нѣтъ, Галю, у Бога есть длинная лѣсница отъ неба до самой земли, и ставятъ ее передъ воскресеніемъ святыя Архангелы, и какъ только Богъ ступитъ на первую ступеньку, и все нечпстыя духи стремглавъ полетятъ отъ земли и кучами попадаютъ въ пекло, и отъ того на (свѣтлой) воскресеніе Христово ни одного чорта не бываетъ на землѣ».

«(Но) Какъ тихо (стоитъ прудъ) (*дрожитъ вода*) *колышется вода*, какъ будто дитя въ люлькѣ», продолжала Ганна, указывая на прудъ, *урюмо* обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ, (оплакиваемый жалобными) *вербами*, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. (Заключаемый) *Какъ безильный старецъ держалъ* въ холодныхъ объятіяхъ своихъ Далекое, темное небо, обсыная ледяными поцѣлуями огненные звѣзды, которые тускло

рѣяли среди теплаго океана ночнаго воздуха, предчувствуя появленіе (новаго) *блистательнаго* царя ночи. Возлѣ лѣса, на пригоркѣ Дремалъ съ закрытыми ставнями *старый* деревянный домъ; кудрявые яблони разрослись передъ его окнами; (за) лѣсъ (захватывалъ) (*обхватывалъ*), обнимя его *своею* тѣнью, (и *черезъ то* усиливалъ его *мрачность*) бросалъ на него *печальну* *мрачность*. *Орховая* роща *стлалась* у *подножія* его и *скатывалась* къ *пруду*.

«Я помню, какъ будто сквозь сонъ», сказала Ганна, *не спуская* *глазъ съ пруда*: «Давно, Давно, когда я еще была маленькая и жила у матери. Что-то страшн(у)ое рассказывали про Домъ этотъ. Левко, ты, вѣрно, знаешь, расскажи...»

«Богъ съ нимъ, моя красавица! Мало ли чего (навр) не расскажутъ бабы и народъ глупой. Ты себя только потревожишь (и не заснешь покойно), станешь бояться, и не заснется тебѣ покойно».

«Расскажи, расскажи, милой, чернобровой мой парубокъ», говорила Ганна, прижимаясь лицомъ своимъ къ щекѣ его и обнимая его. «Нѣтъ, ты, видно, не любишь меня, у тебя есть другая дѣвушка. Расскажи, мой милой! Нѣ, я не буду бояться, я буду спокойно спать ночь. Теперь то я не засну уже, если не скажешь. (Я все буду думать и дог). Я буду мучиться да думать. Расскажи».

«Видно, (справедливо) правду говорятъ люди, что у дѣвухекъ нечистой духъ сидитъ, который подстрекаетъ ихъ знать то, чего не слѣдуетъ».

Давно (*уже*), мое серденько, жилъ (сот) *въ этомъ* домѣ Сотникъ. У сотника была дочка, ясная панночка, бѣлая, какъ снѣгъ, какъ твое личико. Сотникова жена давно уже умерла. Задумалъ сотникъ жениться на другой. «Будешь ли ты (люб) нѣжить меня по старому, Батенько, какъ возьмешь другую жену?» *говорила панночка*. «Буду, моя д(о)ню(о)чка! Еще крѣпче прежняго стану прижимать къ сердцу! Буду, моя дочка, еще яряе стану дарить серги и мониста!»

Привезъ Сотникъ жену въ новыій домъ свой. Хороша была молодая жена. *Румяна и бѣла собою была молодая жена.* Только такъ страшно взглянула на ея, *на свою падчерницу*, что та вскрикнула (бѣдная падчерица), ея увидѣвши, и хотъ бы слово во весь день сказала суровая мачиха. Настала ночь; ушелъ Сотникъ съ молодою женою въ свою спальню. Заперлась и бѣлая панночка въ своей свѣтлицѣ и стала плакать. Смотрить: крадется къ ней черная кошка, шерсть на ней горить и стучать по полу желѣзные когти. Въ испугѣ вскочила панночка *въ минуту* на лавку, кошка за нее. Перескочила на леженку, кошка *и туда* (за нею, вспрыгнула и стала давить ея за шею), *кинулась на шею и стала* давить ея за горло. Собравши всѣ силы, оторвалась она ея и (кинула на) *бросила на полъ*, и схватила висѣвшую на стѣнѣ отцовскою саблю, ударила по ней со всего размаху, сабля развалилась, лапа съ желѣзными когтями отскочила, и кошка съ визгомъ пропала въ темномъ углу. (Не выходила) Цѣлой день *не выходила* изъ своей свѣтлицы молодая жена. (Сурово глядѣлъ на свою дочку Сотникъ). На третій день вышла съ завязанною рукою. (Какъ взглянула) Догадала бѣдная панночка, *взглянувши на нее*, что мачиха ея вѣдьма, и (она) *что она* ея отрубила руку. Приказалъ Сотникъ своей дочке носить *воду*, (выме) мести хату (и не показываться въ), какъ *простой* мужичкѣ, и не показываться въ панскіе покои. Тяжко было бѣдняжкѣ, да нечего дѣлать: стала выполнять отцовскую волю. На четвертый день выгналъ сотникъ свою дочку (совсѣмъ изъ дому) босую изъ дому и куска хлѣба не далъ на дорогу. (Тутъ) *Тогда* только зарыдала панночка, закрывши руками бѣлое личико свое. («Погубилъ ты, Батьку, родную дочку свою! Погубила вѣдьма (грѣш) душу твою! Прости тебя Богъ, а мнѣ, несчастной, видно, (не жить) не велитъ судьба жить на этомъ свѣтѣ. Заѣла ты, злая»). И вотъ, видишь ли ты», *оборотился нарубокъ къ Ганнѣ и указывая пальцемъ на домъ*: «гляди сюда: вонъ подалѣе отъ Дома самый высокій берегъ. Съ этаго самого берега кинулась панночка въ воду, и съ той поры не стало ея на свѣтѣ».

«А вѣдьма?» боязливо прервала Ганна, устремивъ на него съ какою-то дикостію очи.

«(Что) вѣдьма? Старухи выдумали, что съ той поры всѣ утопленницы выходили въ лунную ночь въ павскій садъ грѣться на мѣсяцѣ, и Сотникова дочь сдѣлалась надъ ними главною. Въ одну ночь увидѣла она мачиху свою возлѣ пруда, съ крикомъ напала на нее и утащила въ воду. Но вѣдьма и тутъ нашлась: оборотилась подъ водою *въ одну* изъ утопленницъ и черезъ то ускользнула *отъ тройчатки изъ зеленого тростника* (отъ розгъ, которыми хотѣли сѣчь) ее утопленницы. Вѣрь бабамъ: рассказы-ваютъ еще, что паночка собираетъ каждую ночь утопленницъ и заглядываетъ по одиночкѣ каждой въ лицо, стараясь узнать, которая изъ нихъ вѣдьма; но до сихъ поръ (не можетъ) *еще не* узна(ть)ла. И если попадетъ изъ людей кто, тотчасъ заставляетъ его угадывать, не то грозитъ утопить въ водѣ. Вотъ, моя Галю, какъ рассказываютъ старые люди... Теперешній панъ хочетъ на томъ мѣстѣ строить Винокурню и прислалъ нарочно (уже и) *для того* винокура сюда. Но (ты дрожишь, Галю?) я слышу говоръ. Это ваши ворочаются съ пѣсенъ. Прощай, Галю! Спи спокойно, да не думай объ этихъ бабскихъ выдумкахъ».

(Тутъ) *Сказавши*, онъ обнялъ ее крѣпче, поцеловалъ и ушелъ.

«Прощай, Левко!» говорила Ганна, задумчиво вперивъ очи на темный лѣсъ.

Огромный огненный мѣсяцъ величественно сталъ въ это время вырѣзываться изъ земли. Еще половина была подъ землею, а уже весь міръ исполнился какого то торжественнаго свѣта (и небо). По пруду (мельк) (блеснули) *вертлись* гдѣ то искры. Тѣнь отъ деревьевъ ясно стала отдѣляться на темной зелени.

«Прощай, Ганно!» раздалось позади ея слово, сопровождаемо поцелуемъ.

«Ты воротился!» сказала она, оглянувшись, но увидѣла передъ собою незнакомаго парубка, *отворотилась отъ него въ сторону*.

«Прощай, Ганна!» и снова поцеловалъ ее кто-то въ щоку.
 «Вотъ принесла нелегкая и другого!» отвѣчала, *проговорила*,
 она съ сердцемъ.

«Прощай, (Ганна), милая Ганна!»

«Еще и третій!»

«Прощай, прощай, прощай, Ганна!» («Да т») и поцѣлунъ за-
 сышали ее со всѣхъ сторонъ.

«Да и тутъ ихъ цѣлая ватаха!» кричала Ганна, вырываясь
 (отъ) *изъ* кучи парубковъ, которые наперерывъ свѣшили обни-
 мать ее. «Какъ имъ не надоѣсть, проклятымъ, *беспрестанно*
 цѣловаться! Скоро, ей Богу, нельзя будетъ показаться на
 улицѣ!»

Это были послѣднія слова ея. Дверь со скрипомъ захлопну-
 лась влѣдъ за нею, и слыш(енъ)но только было, какъ съ виз-
 гомъ засунулся изнутри желѣзный засовъ.

Голова.

Знаете ли вы Украинскую ночь? О, вы не знаете украин-
 ской ночи! Вглядитесь *въ нее*: съ середины неба смотритъ мѣ-
 сяцъ, необъятной небесный сводъ раздался (во всѣ стороны), *раз-*
двинулся еще небьятнѣе. Горитъ и дышетъ онъ. (Серебряный
 свѣтъ) Земля вся въ сербренномъ свѣтѣ, и чудный воздухъ (и
 упоительно холоденъ) и душетъ, и полонъ нѣги, и движетъ цѣлый
 океанъ благоуханій. Божественная почъ! Очаровательная ночь!
 Недвижно вдохновенно стал(ъ)и лѣса, полные мрака, и кинули
 огромную тѣнь отъ себя.

Раздольные (не ровные долины) Какъ тихъ, какъ покоенъ
 этотъ прудъ. (Какъ) Холодъ и мракъ водъ его какъ будто *урумо*
заключены въ темно-зеленыя стѣны, тѣряются въ садахъ,
 об(итае)нимающихъ (ихъ) *со всѣхъ сторонъ его* темными (объ-
 ятjami) *стѣнами* своими. Дѣвственные корни черемухъ и чере-
 шенъ пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и из-
 рѣдка лепечутъ листьями, (какъ выговариваютъ) *будто сердятся*

и шума упреками, (какъ) когда прекрасный вѣтренникъ — ночной ветеръ — подравшись мгновенно целуетъ (и движетъ). Весь ландшафтъ спитъ. А въ верху все дышетъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ (все) и необъятно, (все) и чудно, (а она) и толпы серебрянныхъ видѣній (проходятъ) *стройно* и величественно проходятъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдругъ все ожило, и лѣса, и пруды, и пай, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья. (Звуки его раздаются, горять, блещутъ). И чудится, что и мѣсяцъ заслушался посреди неба. Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестятъ (на) при мѣсяцѣ толпы хатъ, еще ослѣпительнѣе вырѣзывается изъ мрака низкіе стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. *Благодетельные* люди *уже* спятъ. Гдѣ-гдѣ только блещутъ въ огнѣ узенькія окна. Передъ (иными) *порогамъ иныхъ* только хат(ами) запоздалая сѣмья, усѣвшись около горшка, совершаютъ свои ужины. Заливается лай собакъ.

«Да, Гопакъ не такъ танцуется. То-то я смотрю... *Все не выхотъ*. Чтожъ это говорить кумъ? А, ну: Гопъ трала, Гопъ трала, гопъ, гопъ, гопъ». Такъ разговаривал(ся) самъ съ собою (мужикъ) подголявшій мужикъ средній лѣтъ (идя *по* качаясь по улицѣ и присѣдая), танцуя по улицѣ. «Ей Богу, не такъ танцует(ь)ся *Гопакъ!* (Чтобы) Что мнѣ лгать? Ей Богу, не такъ! А, ну: гопъ трала! гопъ трала! гопъ, гопъ, гопъ!»

«Вотъ одурѣлъ человекъ! добро бы еще (малы) хлопецъ какой, (нѣтъ, старой кабанъ), дѣтямъ на смѣхъ, танцуетъ ночью по улицѣ!» вскричала проходящая пожилая женщина, неся въ рукѣ солому. «Ступай въ хату свою! Пора спать давно!»

«Я пойду!» (вскричалъ) сказалъ, остановившись, мужикъ. «Я пойду! Я не посмотрю на какого нибудь голову, что онъ думаетъ, (врагъ бы убивъ) Дидько бъ утысся его батькови. (Что онъ думаетъ), что онъ голова, что онъ (можетъ) обливаетъ *людей* холодною водою на морозѣ, такъ и носъ поднятъ! Ну, голова, голова. Я самъ себѣ голова. Вотъ, убей меня Богъ, Богъ меня

убей, я самъ себѣ голова, вотъ что! (про) а не то что...» продолжилъ онъ, подходя къ первой попавшейся хатѣ, и остановился (вмѣсто) *дверей* передъ окошко, скользя пальцами по окну и стараясь найти деревянную ручку.

«Баба! отвори! Баба, живѣй, говорятъ тебѣ, отвори! Козаку спать пора!»

«Какъ ты, Каленикъ! Ты въ чужую хату попалъ», закричали смѣясь позади его дѣвушки, (поздно) ворочавшіяся (съ пѣсней) веселыхъ пѣсней. «Показать тебѣ хату твою?»

«Покажите, любезные молодухи!»

«Молодухи? слышите?» подхватила одна: «какой учтивый Коленикъ! За это ему нужно показать хату, но нѣтъ, потанцуй напередъ».

«Потанцовать?.. Эхъ, вы, замысловатые дѣвушки!» протяжно провнесъ Каленикъ, смѣясь и грозя пальцемъ и оступаясь, потому что ноги его не могли держаться на одномъ мѣстѣ. «А дадите перецѣловать себѣ? Всѣхъ перецѣлую, всѣхъ!» И косвенными шагами пустился бѣжать за ними. Дѣвушки подняли крикъ, переиѣшались, но послѣ, ободрившись, перебѣжали(сь) на другую сторону, увидя, что Каленикъ былъ не слишкомъ скоръ на ноги.

«Вотъ твоя хата!» сказали они ему, уходя и показывая на (хату) *избу*, гораздо побольше прочихъ, принадлежавшую сельскому головѣ, и Каленикъ послушно побрелъ въ эту сторону, принявшись снова ругать голову.

Но кто же этотъ голова? О! этотъ голова важное лицо. Никого нѣтъ старше (головой) *его нѣтъ* на селѣ. Все село, завидѣвши его, беретъ за шапки, останавливается, и даже молоденькія дѣвушку низкимъ наклоненіемъ головы отдають добрыдень. Кто бы изъ парубковъ не захотѣлъ быть головою? Во всѣ тавлиники открытъ *свободный* входъ въ головѣ, а простой мужикъ, почтительно снявши шапку, стоять (передъ нимъ) въ продолженіе (того когда голова) запускаетъ свои грубые и толстые пальцы (въ свою) *его* табакерку. Въ мірской сходкѣ или громадѣ (голова), не смотря на то,

что власть его ограничена нѣсколькими голосами, голова всегда беретъ верхъ и почти по своей волѣ высылаетъ кого ему угодно ровнять и гладить дорогу или копать каналы. Голова угрюмъ, суровъ съ виду и не любитъ много говорить. (Но онъ) Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина (ѣхала) ѣздила въ Крымъ, былъ выбранъ въ прожатые; два дни находился въ этой должности и разъ даже (сидѣлъ) удостоился сидѣть на козлахъ (и съ тѣхъ поръ) съ царицынъ кучеромъ. И съ той поры, самой поры, голова нашъ еще выучился, не могъ (наговориться о томъ, какъ онъ везъ царицу, про этотъ случ), раздumno и важно потуплять голову (и китать), гладить длинные, закрутившіеся вниз, русые усы и кидать соколиный взглядъ изъ-подъ лобья. И съ той поры голова, объ чемъ не заговорили съ нимъ, всегда умѣетъ поворотить рѣчь на то, какъ онъ везъ царицу и сидѣлъ на козлахъ съ царицынъ кучеромъ. Голова (не) любитъ (щеголять) иногда притворится глухимъ, особливо если услышитъ то, чего не хотѣлось бы ему слышать. Голова не любитъ щеголять, (всѣ помнятъ его всегда черного), носитъ всегда свитку черного цѣпта, перепоясываетъ шерстянымъ цвѣтнымъ, и никто не запомнилъ его въ другомъ костюмъ, выключая только времени проѣзда царицы въ Крымъ, когда былъ на немъ синій казацкій жупанъ. Но это (врядъ) время врядъ ли кто могъ припомнить изъ всего села, а (голова) жупанъ онъ держитъ (жупанъ) всегда въ сундукѣ подъ замкомъ.

Голова вдовъ; но у него живетъ въ домѣ своячница, которая варить обѣдать и ужинать, моетъ лавки, бѣлитъ хату, прядетъ ему на рубашки и завѣдываютъ всѣмъ домомъ. (Злые) (стороною) на селъ поговариваютъ, будто она совсѣмъ ему не родственница, но (вспомните) вы уже видѣли, что у головы много непріятелей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочемъ, можетъ быть, къ этому подало поводъ и то, что своячницѣ всегда очень не нра(вится)вилось, если голова заходитъ иногда въ поле, усьянное жнищами, или въ гости козаку, у котораго (бываетъ хорошенькая) была молодая дочка. Голова кривъ, но за то одно-

кїй глазъ его злодѣй и далеко можетъ увидѣть хорошенькую по-селянку. Не прежде онъ навѣдетъ его на (ли) смазливое личико; пока мѣстъ не обсмотрится осторожно по сторонамъ, не глядитъ ли отъ куда нибудь своячница. — Но мы (*почти*) уже *все* (и) рассказали *почти* все, что нужно, про Голову, а пьяный Каленникъ не добрался еще и до половины дороги и долго *еще* угощаль гололову всѣми отборными словами, какіе могли только вспастъ на лѣнливо и несвяно поворачивавшїйся языкъ его.

«Нѣтъ, хлопцы, нѣтъ, (нѣтъ) не хочу! Что за разгульство такое! Какъ вамъ не надоѣсть повѣсничать? И (такъ уже) *безъ того уже* прослыли мы, Богъ знаетъ, какими буйнами. Ложитесь лучше спать». Такъ говорилъ Левко разгульными товарищамъ своимъ, подговаривавшимъ его на новые проказы. «Прощайте, Братцы! покойная вамъ ночь». И быстрыми шагами шелъ отъ нихъ по улицѣ.

«Спать ли моя ясноокая Ганна?» думаль онъ, подходя къ знакомой уже (вамъ) *намъ* хатѣ, (и) увѣнчанной вишневыми деревьями. Среди тишины послышился тихїй говоръ. Левко остановился. Между (вишня) *деревьями* забѣлѣла рубашка. Мелькнула синяя записка. «Что значить?» подумаль (Левко) онъ, и подкрался поближе и спрятался за вишню. При свѣтѣ мѣсяца блистало *лицо стоявшей* передъ нимъ (лицо) дѣвушки. Это Ганна. Но кто же этотъ высокїй человекъ, стоявшїй къ нему спиною? (Левко) Напрасно обсматриваль онъ его съзади: тѣнь покрывала его съ головы до ногъ. (Съ одной стороны былъ онъ) *Оз зади только онъ былъ* освѣщенъ мѣсяцомъ. Малѣйшее (же) приближеніе (со стороны его угрожало открытіемъ), *но немного приближившись къ нему*, онъ уже подвергался опасности быть открытымъ. Тихо прислуновшись къ дереву, рѣшился онъ остаться на мѣстѣ.

Дѣвушка ясно выговорила его имя.

«Левко? Левко еще молокососъ!» говорылъ (полушопотомъ) въ полголоса и хрипло высокой человекъ. «Если я встрѣчу(сь) его когда нибудь у тебя, я выдеру за чубъ...»

«Хотѣлось бы мнѣ узнать, какая это шельма похваляется выдрать *меня* за чубъ!» подумалъ Левко и протянулъ шею, стараясь не проронить ни одного слова. (Высокій человекъ) Но незнакомецъ *сталъ* говори(л)ть такъ тихо, что нельзя было разслушать ни одного слова.

«Какъ тебѣ не стыдно!» сказала Ганна по окончаніи его рѣчи. «Ты лжешь, ты обманываешь меня, ты меня не любишь. Я никогда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ».

«Знаю», продолжалъ незнакомецъ: «Левко много наговорилъ тебѣ пустяковъ и вскружилъ твою голову». [Тутъ показалось парубку, что голосъ незнакомца (нѣско) не совсѣмъ незнакомый, какъ будто бы онъ его когда то слышалъ]. «Но я дамъ себя знать Левку. (Онъ еще видно)», продолжалъ все также незнакомецъ. «Онъ думаетъ, что я не вижу всѣхъ его (пов)шашней. Попробуетъ онъ, *собачій сынъ*, каковы у меня кулак(у)и...»

При семъ словѣ Левко не могъ *уже болъ* у(держать сво)держать своего гнѣва. Под(кравшись)ошедши на три шага къ нему, замагнулъ со всей силы руку, чтобы дать порядочнаго треуга, отъ котораго незнакомецъ (можетъ быть), не смотря на свою видимую крѣпость, можетъ быть, (пошатнулся) *не устоял* бы (съ) *на мѣст(а)ѣ*. Но въ это время свѣтъ палъ на лицѣ его, и Левко остолбенѣлъ (отъ изумленія), увидѣвши, что передъ нимъ стоялъ голова. Невольное покачиваніе головою и легкій свистъ одни только выразили его удивленіе. Въ сторонѣ послышался шорохъ. Ганна поспѣшно влетѣла въ хату, захлопнувъ за собою дверь.

«Прощай, Ганна!» закричалъ парубокъ, обнявши голову и съ ужасомъ отс(ту)жочилъ назадъ, встрѣтивши жесткіе усы.

«Прощай, (Ганна) *красавица!*» вскричалъ другой, но на сей разъ полетѣлъ стремглавъ отъ тяжелого толчка головы.

«Прощай, прощай, Ганна!» закричало нѣсколько парубковъ, повиснувъ къ нему на шею.

«Провалитесь, (чертовскіе) *проклятые сорванцы!*» кричалъ голова, отбиваясь и притовывая къ нимъ ногами. «Что я вамъ за

Ганна? Поприставали, проклятые, какъ мѹхи къ меду! Убирайтесь къ отцамъ на вѣсилу, чортовы дѣти! Дамъ я вамъ Ганны!»

«Голова! голова! *это голова!*» закричали хлопцы и разбѣжались во всѣ стороны.

«Ай да Батько!» говорилъ Левко, *очнувшись отъ своего изумленія и глядя въ слѣдъ уходившему съ ругательствами головѣ.* «Вотъ какія за тобою водятся проказы! Славно! (То то) А я дивлюсь да передумываю, что бы это значило, что онъ все притворяется глухимъ, когда станешь ему говорить о дѣла. Постойже, старой хрѣнъ, ты у меня будешь знать, какъ таскаться подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ, будешь знать, какъ отбивать *чужихъ* невѣсть. Гей, хлопцы, сюда! сюда!» кричалъ онъ, махая руками къ парубками, которые снова собрались въ кучу. «Ступайте сюды! Я (усо)вѣщевалъ васъ идти спать, а теперь раздумалъ и самъ готовъ хоть цѣлую ночь гулять съ вами».

«Вотъ дѣло сказано!» сказалъ плечистый и дородный парубокъ, считавшійся первымъ гулякой и повѣсой на селѣ. «Мнѣ все кажется *тошно, какъ будто недостаетъ чего то*, что потерялъ шапку или люльку, если не удастся погулять и порядкомъ и настроить штукъ. Все какъ будто не достаетъ чего то, какъ будто потерялъ шапку или люльку, (однимъ) словомъ, не козакъ да и только».

«Согласны ли вы побѣсить хорошенько сегодня голову?»

«Голову?»

«Да, голову. Что онъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ? Онъ управляетъ(сь) у насъ, какъ будто гетьманъ какой. Мало того, что помыкаетъ какъ своими холопьями, еще и подѣзжаетъ къ дивчатамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, въ (цѣломъ) *остѣмъ* селѣ нѣтъ смазливой дѣвки, за которою бы не волочился голова».

«Это *такъ*, это такъ!» закричали въ одинъ голосъ всѣ хлопцы.

«Что жъ мы, ребята, за холопья у него? (Итакъ-таки) (развѣ) *(стѣдъ)* Разъ мы такого же рода какъ онъ; мы (вольные

козакъ), слава Богу, вольные козакъ! Покажемъ ему, хлопцы, что мы вольные козакъ!»

«Покажемъ!» закричали парубки.

«А (мнѣ) у меня, какъ нарочно», *продолжалъ Левко*: «сложилась славная пѣсня про голову. Пойдемте, я васъ выучу», продолжалъ, ударивъ рукою по струнамъ Бандуры. «Да слушайте: впереводѣвайтесь, кто во что ни попало».

«Гуляй, козацкая голова!» сказалъ плечистой парубокъ, ударивъ ногою въ ногу и хлопнувъ руками. «Что за роскошь! Что за воля! Какъ начнешь бѣсится, будто поминаешь давніе годы. Любо, вольно на сердцѣ, а душа какъ будто въ раю. Гей, хлопцы! Гей! Гуляй!»

И толпа шумно пронеслась по улицамъ. И благочестивыя старушки, пробужденныя крикомъ, подымали окошки и крестились сонною рукою, говоря: «Ну, теперь гуляютъ парубки!»

Парубки гуляютъ.

Блестательный мѣсяцъ, прогуливаясь въ необъятныхъ пустыняхъ (чудно) *своею* неба (и озирая), *не налюбывая* красавиц(у)ею землю, раздѣлочно остановился надъ (одною) хатою, которою неровныя окна однѣ только свѣтились среди уснувшихъ улицъ, какъ будто спрашивая: «какіе это люди осмѣлились при моемъ серебрянномъ свѣтѣ разводить презрѣнный и непріятный для глазъ огонь свой». Это жилище головы. Голова давно уже окончилъ свой ужинъ и, безъ сомнѣнія, давно бы заслужилъ уже; но у него (тепе) въ хатѣ гость, Винокуръ, присланный, *вмѣстѣ съ мельникомъ*, помѣщикомъ, имѣвшимъ небольшой участокъ земли *въ селѣ* между вольными козаками, *вмѣстѣ съ мельникомъ*, строить винокурню. На почетномъ мѣстѣ, подъ самымъ покутомъ, сидѣлъ гость — (небольшой) низенькой, толстенной челоуѣкъ, съ маленькими, вѣчно смѣющимися глазками, въ которыхъ, кажется, написано было то удовольствіе, съ какимъ курилъ онъ свою коротенькую трубку, поминутно сплевывая и

придавливая пальцомъ (подымавшійся) выгѣзавшій изъ трубки превращенный въ золу табакъ. Облака дыма *быстро* разроста-лись надъ нимъ, облакали его въ сизый туманъ, и (тогда чудилось) *казалось*, будто широкая труба съ какой нибудь винокурни, наскуча сидѣть на своей крышѣ, задумала прогуляться и чинно усѣлась за стол(ъ)омъ въ хатѣ головы. Подъ носомъ торчали коротенькія (но), густыя и *широкіе* усы, но они такъ неясно мелькали сквозь *спрую* табачную атмосферу, что взглянувшему, безъ сомнѣнія, почудилось бы, что винокуръ, *показались бы онъ мышью, которую поймалъ и держалъ* (держалъ въ зубахъ своихъ) *во рту своемъ* мышь, (затѣмъ) подрывая монополію анбарнаго кота. Голова сидѣлъ, какъ хозяинъ, въ одной рубашкѣ и (полотняныхъ) шараварахъ. Орлиный глазъ его, какъ вечерѣющее солнце, начиналъ (уже блистать, потомъ ярко) *жмуриться и меркнуть*. На концѣ стола (сидѣлъ одинъ) *курилъ люльку одинъ изъ сельскихъ* десятскихъ, составлявшихъ команду головы, (одинъ только изъ) *сидѣвшій изъ* почтенія къ (головѣ свое) хозяину (неснявшій) въ свиткѣ.

«Но скоро ли вы думаете», сказалъ голова, (обращаясь, зѣвая) кладя крестъ на зѣвнувшій ротъ свой и оборотившись къ винокуру: «поставить вашу винокурню?»

«(Если) *Когда* Богъ поможетъ, *сватъ*, (то къ осени и закурямъ, за лѣто думаемъ) (*Да нужно бы, сватъ, чтобы къ осени за лѣто управится*) *надѣмся* и закурить. А на Покрову, я готовъ поставить Богъ знаетъ что, если панъ Голова не буд(у)етъ пивать по дорогѣ ногами немецкіе крендели *по дорогѣ*».

(Тутъ узенькіе) *По произнесеніи сихъ словъ* глазки винокура пропали; вмѣсто ихъ протянулись лучи до самыхъ ушей, (лицо начало дрожать отъ смѣха) (*вся голова*), *туловище стало колебаться отъ смѣха*, а веселая губа оставила на мгновеніе (люльки) дымившуюся люльку.

«Теперь, сватъ, еще слава Богу», отвѣчалъ *голова*: «винницъ развелось немного. А вотъ въ старое время, когда провожалъ я царьцы по переяславской дорогѣ; еще покойный Безбородько...»

«Ну, свать, вспомнилъ время!» прервалъ винокуръ. «Тогда отъ (Полтавы) *Кременчуга* до самыхъ Роменъ не было ни одной винницы. А теперь... Слышалъ ли ты, что проклятые нѣмцы по-выдумывали? (Говорятъ) Говорятъ (будто не такъ, какъ), *станутъ* курять *не такъ, какъ* все христіане добрые, дровами, а какъ то паромъ». Говоря эт(и)о (слова), винокуръ *съ размысленнѣи* глядѣлъ (надъ) на столъ *и на* разставленныя на немъ руки свои. «Какимъ паромъ... ей Богу, не знаю».

«Что за дурни, прости Господи, эти нѣмцы!» сказалъ голова. «Я бы батогомъ ихъ, собачьихъ дѣтей! Слы(ш)ханое ли дѣло, что бы паромъ можно было кипятить что? *Потому*, это бы ложку борщу нельзя бы поднести, не (под)изжаривши губъ вмѣсто *молодаю* поросенька».

«И ты, свать», прервала (въ это время) сидѣвшая на лежанкѣ, поджавши ноги, свояченица: «будешь все это время жить у насъ безъ жены?»

«А для чего она мнѣ? Добро бы, что доброе было».

«Будто не хороша собою?» сказалъ голова, устремивъ на него глазъ свой.

«Куды тебѣ хороша? Стара мовъ бисъ. Харя вся въ морщинахъ, будто выпороженный кошелекъ». (При) (голова винокура запаталась снова, оживленная раскачиваемою) *И голова винокура раскачалась снова отъ громкаго смѣха*.

Въ это время *что то стало шарить за дверью*, дверь растворилась, и мужикъ, не снимая шапки, ступилъ въ хату и сталъ какъ будто въ раздумьи, разинувши ротъ *и озирая* на потолокъ (хаты). Это былъ знакомецъ нашъ Каленикъ.

«Вотъ я и домой пришелъ!» проговорилъ, садясь на лавку у дверей и не обращая вниманія на присутствующихъ. «Вишь, какъ растянулъ Вражій сынъ, сатана, дорогу! Идешъ, идешъ, и конца нѣтъ! Ноги (такъ) *и и* подкашивается», продолжалъ, почти (ваяясь) повалившись на лавку у дверей. «Достань-ка тамъ, Баба, тулупъ подослать мнѣ. Нѣ пѣчь къ тебѣ не приду, ей Богу, не приду: ноги болятъ. Достань его тамъ, онъ лежитъ

близъ покута. (Да) гляди, (не росшиби та) *только не опрокинь горшка съ (размолотымъ) тертымъ тютюномъ. Или нѣтъ, не тронь, не тронь! Ты, можетъ быть, пьяна сегодня. Пусть уже я самъ его достану.*

Каленикъ *приподнялся* немного, но неодолима сила (удержала) *приковала его* къ скамейкѣ.

«(Вотъ) *За это люблю!*» сказалъ голова: «пришелъ въ чужую хату и распоряжается какъ дома. Выпровидить его по добру по здорову!...»

«Оставь его *отдохнуть*, свать!» сказалъ винокуръ, удерживая голову за руку. «Это самой преполезный человекъ. Побольше бы такого народу, и Винница наша славно поидеть».

(Но винокуръ) (винокуръ былъ су) Однакожъ не добродушіе вынудило эти слова. Винокуръ вѣрилъ черезъ чуръ всѣмъ примѣтамъ, и (выгнать) *тотчасъ* прогнать человекъ, сѣвшаго уже на лавку (почиталъ онъ) *значило*, по его мнѣнію, накликать на (голову) *себя* нещастье.

«Что-то, какъ старость придетъ!» ворчалъ Каленикъ, ложась на лавку. «(Ей Богу, ни что) Добро бы, сказать еще, пьянъ, такъ нѣтъ же, *не пьянъ*, ей Богу, не пьянъ. Я готовъ сказать, *облѣпить это*, хоть самому головѣ. Что мнѣ голова?! Чтобы онъ издохнулъ, собачій сынъ! Я плюю на него! (Что онъ обливаетъ людей на морозѣ)... Что бъ его, вражьяго сына, возомъ переѣхало! Что онъ обливаетъ людей на морозѣ».

«Эге! влѣзла свинья въ хату, да и лапы на столъ!» сказалъ, гнѣвно подымаясь съ мѣста, голова. Но въ это время (порядочный) *устьистый* камень, разбившій окошко въ дребезги, влѣтъль прямо ему подъ ноги. Голова быстро отворилъ Двери на улицу. Вдохновенная ночь дышала чудесною, *дивною* теплотой въ блескѣ мѣсяца, и хотъ бы что нибудь показалось ему на землѣ. «Естли бы я зналъ», сказалъ онъ, поднявъ камень и розсматривъ его пылающимъ своимъ глазомъ: «какой это висильникъ [чтобъ его на томъ свѣтѣ черти заставили лизать языкомъ горячую скороводу] швырнулъ камнемъ, (далъ) я выучилъ бы его,

какъ кидаться! Экія проказы!» продолжалъ, разсматривая его въ рукѣ пылающимъ глазомъ. «Что бы онъ подавился этимъ камнемъ!» . . .

«Стой, стой! Боже тебя сохрани, свать!» (прерв) подхитилъ, поблѣднѣвши, Винукоръ. «Боже сохранить тебя и на томъ и на этомъ поблагословить кого нибудь такую побранкою».

«(Пусть онъ пропадетъ) Вотъ нашелся заступщикъ! Пусть онъ (еще) пропадетъ . . .»

«И не думай, свать! Ты не знаешь, вѣрно, что случилось съ покойной тещей моей?»

«Съ тещей?»

«Да, съ тещей. (Подъ вечерокъ) *вечеромъ*, немного, можетъ, раньше теперешняго устѣлись *на землю, протянувши ноги*, передъ дверью хаты вечерять. Покойная теща, покойникъ тесть, да наймытъ, да на наймычка, да дѣтей штукъ съ пятеро. Теща насыпала Галушекъ немного изъ большого казана въ миску, чтобы (прохолодить ихъ) *не были горячи слишкомъ*. (Тесть, наймытъ, наймычка и дѣти) *Послѣ работъ всѣ проголодались и всѣ повздѣвали* на длинныя деревянныя спички галушки и стали ѣсть. Какъ вдругъ откуда ни возьмись человекъ; (откуда) онъ какого роду, Богъ его знаетъ, проситъ допустить *ею къ трапезѣ*. Какъ же (отказать) *не накормить* холодн(ому) аго человекъ! Дали ему спичку. Только видятъ все, что гость упрятываетъ галушки, какъ корова сѣно, такъ что покамѣстъ онѣ съѣли по одной и опустили спички въ юшку поймать другую, дно (уже) уже было (гладко), какъ помость въ хатѣ(?). Теща насыпала еще, думаетъ: теперь гость наѣлся и будетъ меньше кусать. Ничего не бывало: еще лучше сталъ уплетать и (миска) выпорожнилъ миску еще скорѣе первой. «А чтобы ты подавился этими галушками!» подумала голодная теща. Какъ вдругъ тотъ (упалъ) закашлялся и упалъ. Кинулись къ нему, и духъ вонъ. Удавился».

«Такъ ему, обжорѣ проклятому, и нужно!» сказалъ голова.

«Такъ бы, да вышло не такъ: съ того времени покою не было тещи. Чуть только ночь, мертвецъ и тащиться. Сядетъ верхомъ на

трубу, проклятой, и галушку держать въ зубахъ. Днемъ все спокойно, и слуху нѣтъ про него; а чуть ночь, (глянь) погляди на крышу: уже и осѣдлагъ собачій сынъ трубу. . . »

«И вареникъ, *галушка*, въ зубахъ?»

«И вареникъ, *галушка*, въ зубахъ.

«Чудно, свать! Я помню, *слыхалъ*, что-то похожее на это. Еще (тогда) *за покойницу Царицу*. . . »

(Туть) *Но голова остановилъся*. Послышалось подь окномъ шумъ (беспрестанно возрастающій) и *топанье танцующихъ*. *Сначала тихо*, сильно звукнули струны бандуры; къ нимъ присоединился голосъ, струны загремѣли слыньѣ, нѣсколько голосовъ стали подтягивать, и пѣсня зашумѣла цѣлымъ вихремъ звуковъ:

Хлопцы, слышили ли вы?
 Наши ль головы не крѣпки!
 У криваго головы
 Вдругъ разсыпалися клепки!
 Набей, бондарь, голову
 Ты ст
 Сп

(Набей, Бондарь, набѣй, Бондарь, обручи ты крѣпки)

Хлопцы, слышели ли вы:
 Наши ли ль головы не крѣпки!
 У кривого головы
 Вдругъ разсыпались клепки.
 Набѣй, бондурь, голову
 Ты стальными обручами.
 Выбей, бондарь, голову
 Батогами, батогами.
 Голова самъ съѣдъ и кривъ,
 Старь какъ бѣсъ, а что задоренъ,
 Прихотливъ и похотливъ,
 Лѣзеть къ дѣвкамъ. . . Дурень! Дурень!

(Тебѣ ли с)
 Лѣзть тебѣ ли къ барубкамъ?
 Тебѣ бь спрятать въ домовину.
 По усамъ да по шеямъ,
 За чуприну, за чуприну!

Пробужденіе.

«Неужели это я спалъ?» сказалъ про себя Левко, *вставая съ своею приморка*, оглядываясь на всѣ стороны. «Такъ живо, какъ будто на яву. . . Чудно! Чудно!» повторилъ онъ, оглядываясь. Мѣсяцъ (стоялъ), остановившійся посерединѣ неба, показывалъ полночь. Вездѣ тишина. Отъ пруда вѣялъ холодъ. Надъ нимъ печально стоялъ старый ветхій домъ съ закрытыми ставнями. Мохъ и дикой бурьянъ на крышѣ показывали, что давно удалились изъ него люди. Тутъ онъ ро *зонулъ* справилъ свою руку, которая судорожно была сжата во время сна его и, къ изумленію, почувствовалъ въ ней записку. «Эхъ, если бы я (былъ грамотной) *зналъ грамотъ*», (сказ) продумалъ онъ, оборачивая ее *передъ собою* на всѣ стороны. Въ это мгновеніе послышался позади его шумъ.

«(Чего вы) *Не* бойтесь, прямо хватайте его! Чего перепугались? насъ десять (человѣкъ). Я ставлю Богъ знаетъ что, что это человѣкъ, а не чортъ!» (Горла) такъ кричалъ голова своимъ спутникамъ, и Левко почувствовалъ себя схваченнымъ нѣсколькими руками, изъ которыхъ нныя дрожали отъ страха. «Скидай-ка, *пріятель*, свою страшную личину. Полно (ду) тебѣ дурачить людей!» проворилъ голова, ухвативъ его за воротъ, и оторопѣлъ, выпучивъ на него глазъ свой. «(Сынъ!) Левко! сынъ!» вскричалъ онъ, отступая отъ удивленія. «Это ты, собачій сынъ! Вишь, бѣсовское рожденіе! Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченной дьяволъ строить штуки! А это *все* ты, невареной кисель твоему Батькѣ въ горло, изволишь заводить по улицамъ розбой. Эге, ге, ге, Левко! А что это? Вотъ мы съ тобою раздѣлаемся. Вязать его!»

«Постой напередъ, батько, велѣно тебѣ отдать эту записку», сказалъ Левко.

«Не до записокъ теперь, Голубчикъ! Взять его!»

«Постой, панъ голова!» сказалъ писарь, развернувъ записку. «Комисарова рука».

«Комисара?»

«Комисара?» повторили машинально десятскіе.

«Комисара? Чудно! Еще непонятнѣе!» подумалъ про себя Левко.

«Читай, читай!» сказалъ голова: «что тамъ пишетъ комисаръ?»

«Послушаемъ, что пишетъ комисаръ?» (сказалъ) произнесъ винокунъ, вырубивая огонь для своей люлки.

Писарь откашлялся и началъ читать:

«Приказъ Головѣ Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ, (вошло, донесъ, что) вмѣсто того, чтобы собрать (старыя) *разсѣишіяся* недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ (на старо) и строишь пакости. . .»

«Вотъ, ей Богу! . . .» прервалъ голова: «ничего я не слышу».

Писарь вмѣсто (вся) отвѣта началъ снова:

«Приказъ Головѣ Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что старой ду. . .»

«Стой, стой! Не нужно!» закричалъ голова: «я хоть и не слышалъ, однакожъ знаю, что главного дѣла тутъ *еще* нѣтъ. Читай дагѣ!»

«А въ слѣдствіе того (повелѣваю) *приказываю* тебѣ сей же часъ оженить твоего сына Левка Макогоненка на козачкѣ изъ вашего же села, Ганнѣ Петриченковой, а также подчинить (всѣ) мосты по столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ паничамъ, хоть бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же по пріѣздѣ *моемъ* найду оное приказаніе мое не приведеннымъ къ исполненію, то тебя одного потребую къ отвѣту. Комисаръ порутчикъ Козьма Деркачъ-Дришпановскій».

«Слышишь, панъ писарь?» сказалъ голова: «Слышите, господа. Я вамъ говорилъ, что за все съ меня взыщутъ, а потому прошу непрекословно слушаться, не то — прошу не прогнѣваться. . . . А тебя (собачій сынъ)», продолжалъ онъ, оборотясь къ Левку: «въ слѣдствіе приказанія комисара я оженю, только напередъ (ты у меня поб собачій сынъ) ты у меня побропуешь нагайку. Знаешь ту, которая виситъ у меня на стѣнѣ около покута? Она давно не была въ дѣлѣ. . . . Гдѣ ты взялъ эту записку?»

Левко, не смотря (на свое) изумленіе, происшедшее отъ такого неожиданнаго оборота своего дѣла, имѣлъ *благодарное* приготовить въ умѣ другой отвѣтъ и утаить *настоящую истину*, какимъ образомъ досталась записка.

«Я отлучался», говорилъ онъ: «(сегодня поутру въ сосѣднее *вчера въ вечеру еще въ городъ* и встрѣтилъ (комисара сидевшаго) на дорогѣ комисара, вылѣзавшаго изъ Брычки. Узнавши, что я изъ нашего села, далъ онъ мнѣ записку (къ) и велѣлъ на словахъ сказать тебѣ, Батка, что заѣдетъ обѣдать къ намъ на возвратномъ пути».

«Онъ это (все) говорилъ?»

«Говорилъ».

«Слышите-ли, слышите-ли!» говорилъ Голова съ важною осанкою, оборотившись къ своимъ спутникамъ: «комисаръ самъ, комисаръ своею особою пріѣдетъ къ нашему брату на обѣдъ. О!» Тутъ голова поднялъ вверхъ палецъ и голову привелъ въ такое положеніе, какъ будто она къ чему нибудь прислушивалась. «Комисаръ пріѣдетъ обѣдать. Какъ ты думаешь, панъ писарь, и ты, свѣтъ, это не совѣмъ незначущая честь. Не правда ли? А!»

«Еще, сколько я могу запомнить», подхватилъ писарь: «ни одинъ голова не ухощалъ обѣдомъ комисара».

«Можетъ быть, иной и голова головѣ не чета! Только какъ думаешь, панъ писарь, я думаю, для именитаго гостя нужно бы дать приказъ принести съ *каждой* хаты по цыпленку».

«Нужно бы, нужно, панъ голова!»

«А когда же свадьбу, Батька?» спросил Левко.

«Ты все съ свадьбой! Далъ бы я тебѣ сватьбы. . . Ну, для именитаго гостя, завтра васъ попъ и обвѣнчаетъ, чортъ съ вами! Комисаръ увидить, что значить исправный голова. Но, ребята, теперъ спать! Ступайте по домамъ. . . Я. . . еще помню. . .» (Тутъ голова) *При этихъ словахъ* пустилъ онъ обыкновенный свой важный и значительный взглядъ изъ подъ лобья.

«Ну, теперъ пойдетъ голова рассказывать, какъ везъ царяцу», сказалъ Левко и быстрыми шагами и (съ) радостью (на сердцѣ) *душн* спѣшилъ къ завѣтной хатѣ. «Дай тебѣ Богъ небесное царство, (моя) добрая и прекрасная паночка! (Пусть)» думалъ онъ про себя. «Пусть тебѣ на томъ свѣтѣ вѣчно усмѣхается между Ангелами святому. Никому не расскажу про диво, случившееся въ эту ночь. Одной тебѣ только, Галю, (повѣрю) *передамъ* его. Ты одна только повѣришь мнѣ и помолишься со мною за упокой души утопленницы». Тутъ онъ приблизился къ хатѣ. Окно было отперто, лучи мѣсяца проходили черезъ него хату, ударяли на спавшую (подлѣ него, не далеко отъ) передъ окномъ Ганну. Голова ея оперлась на локоть, щика тихо горѣла, губы шевелились (что какъ будто произно), неясно произнося его имя. «Спи, моя красавица! Приснись *тебѣ все*, что есть лучшаго на свѣтѣ. Но и то не будетъ лучше нашего пробужденія». Перекрестивъ ее, онъ закрылъ окошко и тихо удалился.

И черезъ нѣсколько минутъ всѣ уснули на селѣ. Одинъ (только) мѣсяцъ также величественно, блистательно и чудно плылъ въ небятной (дивномъ) пустыняхъ роскошнаго украинскаго неба. Также торожественно дышало въ вишинѣ. Также прекрасна была земля въ дивномъ серебрянномъ блескѣ. Но уже никто не упивался *всею* красивою ночью. Все погрузилось въ сонъ. Изрѣдка слышался только лай собакъ, и долго еще пьяный Каленикъ шатался по уснувшимъ улицамъ, отыскивая свою хату.

Дополненія и поправки ко второй редакціи „Ревизора“.

Вторая редакція «Ревизора» напечатана Н. С. Тихонравовымъ въ VI томѣ «Сочиненій Н. В. Гоголя», изданія десятаго, на 157—248 стр., а примѣчанія ко второй редакціи «Ревизора» напечатаны В. И. Шенрокомъ, въ томъ же шестомъ томѣ, на 631—665 стр.

Въ настоящее время рукопись второй редакціи «Ревизора» принадлежитъ Московскому Публичному и Румянцовскому Музеямъ, гдѣ и хранится подъ № 3214, и потому является полная возможность свѣрить напечатанные тексты комедіи и примѣчаній съ подлинною рукописью, съ которой они и печатались въ шестомъ томѣ десятаго изданія.

Сопоставленіе напечатанныхъ текстовъ второй редакціи «Ревизора» съ подлинною ея рукописью обнаруживаетъ многочисленныя недочеты въ текстахъ шестого тома, выражающіеся какъ въ неправильной передачѣ рукописнаго текста, такъ и въ пропускахъ нѣкоторыхъ частей его. Нерѣдко въ текстѣ шестого тома напечатаны такія слова, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ рукописи. Иногда же текстъ рукописный неправильно прочитанъ и переданъ въ печатномъ текстѣ шестого тома. Есть въ печатномъ текстѣ и даже значительныя иногда пропуски текста рукописнаго. Не приводя отдѣльныхъ примѣровъ такихъ недочетовъ въ печат-

номъ текстѣ шестого тома, мы прямо цѣреходимъ къ полному перечню ихъ, слѣдя за печатнымъ текстомъ второй редакціи «Ревизора» съ первой его страницы до послѣдней.

На 159 стр. въ монологѣ Городничаго напечатана фраза: «Сегодня *во снѣ* мнѣ всю ночь снились какія-то собаки». Въ подлинномъ рукописномъ текстѣ подчеркнутыхъ словъ «во снѣ» совсѣмъ нѣтъ.

Подъ шестымъ примѣчаніемъ къ той же 159 стр. напечатанъ исправленный Гоголемъ текстъ: «какія-то *этакія* двѣ обыкновенныя крысы». Въ собственноручномъ Гоголевскомъ текстѣ подчеркнутаго слова «этакія» совсѣмъ нѣтъ.

Во второмъ примѣчаніи къ 160 стр., по поводу вопроса Городничаго: «А что, какихъ вы мыслей объ этомъ, господа?» сказано: «Послѣднее предложеніе въ рукописи пропущено». Въ дѣйствительности, въ рукописи это предложеніе вовсе не пропущено: оно есть, только весьма искажено переписчикомъ и читается такъ: «Я что какъ внѣ мыслей объ этомъ господа». Впослѣдствіи это искаженное переписчикомъ предложеніе зачеркнуто чернилами рукою Гоголя, и въ такомъ видѣ и въ настоящее время находится въ рукописи второй редакціи.

На той же 160 стр. въ монологѣ Аммоса Ѳедоровича напечатана его догадка: «Россія хочетъ вести войну *съ Турками или съ Австрійцами*». Въ рукописномъ текстѣ подчеркнутыя слова «съ Турками или съ Австрійцами» зачеркнуты чернилами Гоголемъ собственноручно.

Указанія пятаго и шестого примѣчаній къ 163 стр. совсѣмъ неправильно передаютъ особенности рукописнаго текста. Въ монологѣ Городничаго, къ заявленію его: «Г. ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ—изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти», поставлено пятое примѣчаніе и въ этомъ примѣчаніи сказано: «Весь этотъ отрывокъ до словъ: «Тоже я долженъ вамъ замѣтить» въ рукописи зачеркнуть чернилами». Это заявленіе въ примѣчаніи неясно и не отвѣчаетъ дѣйствительности. Въ рукописи «весь этотъ отрывокъ» совсѣмъ не зачер-

кнутъ. Онъ оставленъ Гоголемъ въ неприкосновенности, но дальнѣйшія предложенія со словъ: «Или тотъ бишь» дѣйствительно зачеркнуты.

Къ выраженію Городничаго изъ того же монолога: «Хорошо, что тогда мундиръ былъ на мнѣ старѣй», напечатано шестое примѣчаніе такого содержанія: «Сюда относится выноска карандашомъ внизу страницы: «Ахъ, Боже мой! у меня это совсѣмъ изъ ума вышло», послѣ чего снова, въ серединѣ строки, значитя: «городничій». Во-первыхъ, выноска карандашомъ относится вовсе не сюда, а именно туда, гдѣ поставлено пятое примѣчаніе, къ выраженію Городничаго: «изъ этого чортъ знаетъ что можетъ провозйти». Во-вторыхъ, составитель примѣчанія не прочиталъ и не передалъ выноски сполна, и потому все примѣчаніе вышло непонятнымъ. Въ дѣйствительности, Гоголь, вмѣсто зачеркнутыхъ предложеній въ монологѣ Городничаго отъ словъ: «Или тотъ бишь» до словъ: «То же я долженъ вамъ замѣтить», вставилъ діалогъ Луки Лукича, за которымъ снова продолжался монологъ Городничаго. Поэтому онъ для мѣста, отмѣченнаго карандашнымъ крестомъ, внизу страницы карандашомъ же написалъ собственноручно:

Лука Лукичъ. Ахъ, Боже мой! У меня это совсѣмъ изъ ума вышло.

«Городничій»

И далѣе монологъ Городничаго начинался: «Тоже я долженъ вамъ замѣтить».

Въ четвертомъ примѣчаніи къ 165 стр. напечатаны собственноручныя поправки Гоголя въ монологѣ Городничаго: «. . . послѣ меня ужъ врядъ ли кто чѣмъ нибудь *съ нимъ* поживится. Они я знаю, теперь какъ коршуны готовы въ щепки меня всего *затрепать*». Подчеркнутыя слова въ рукописи явственно читаются иначе: «съ нихъ» и «растрепать».

Въ четвертомъ примѣчаніи къ 166 стр. напечатано: «вмѣсто зачеркнутаго «также» Гоголемъ написано сверху «и». Въ дѣйствительности Гоголемъ написано «а».

Къ стр. 166-ой совсѣмъ пропущено примѣчаніе седьмое, въ которомъ, вѣроятно, должно было находиться указаніе на то, что на словѣ «теперь», къ которому приставлено седьмое примѣчаніе, въ рукописи оканчиваются вычеркиванія карандашомъ, начинающіяся со словъ Почтмейстера: «Съ удовольствіемъ».

Въ пятомъ примѣчаніи къ 168 стр. напечатано: «При словѣ: «городничій» собственноручно приписано карандашомъ: *«исправимъ»*». Въ дѣйствительности Гоголь собственноручно и явственно приписалъ карандашомъ: «испугавшись».

Къ стр. 176-ой совсѣмъ пропущено второе примѣчаніе. Въ этомъ примѣчаніи, надо думать, должны быть напечатаны позднѣйшія исправленія Гоголемъ ремарки при діалогѣ Хлестакова: «голосомъ нерѣшительнымъ». Гоголь поправилъ собственноручно: «голосомъ вовсе нерѣшительнымъ».

Въ девятомъ примѣчаніи къ 179 стр. напечатано: «Въ этомъ предложеніи зачеркнуты слова: «очень бы не дурно было»». Въ дѣйствительности зачеркнуты слова «очень бы» и «было».

Въ двѣнадцатомъ примѣчаніи къ той же 179 стр. напечатано: «Въ VI явленіи *передъ* словами: «ну, давай сюда» *зачеркнуто*: «толкуеть еще . . .» Въ дѣйствительности, въ рукописи ничего не зачеркнуто, и приписанная Гоголемъ фраза «толкуеть . . .» находится не *передъ*, а *послѣ* словъ: «ну, давай сюда».

Во второмъ примѣчаніи къ 183 стр. пропущено послѣднее слово въ монологѣ Хлестакова, приписанное самимъ Гоголемъ собственноручно: «и брякнуть», при чемъ вся послѣдняя фраза должна читаться такъ: «я если что, то, ей Богу, бутылкою и брякнуть».

Въ первомъ примѣчаніи къ 184 стр. напечатано: «Слова «а такъ вы» зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху приписано: «И если вы»». Въ дѣйствительности сверху приписано: «О, если вы».

Десятое и одиннадцатое примѣчанія къ стр. 185 соединены въ одно; одиннадцатое примѣчаніе должно начинаться словами: «Послѣ этого съ лѣваго боку собственноручно приписаны» и т. д.

Во второмъ примѣчаніи къ стр. 189 сказано: «Слово: «строгій» передѣлано рукою Гоголя въ: «строгъ?»» Въ рукописи рукою Гоголя передѣлано въ «очень строгъ?»

Во второмъ примѣчаніи къ 192 стр. приведены надписанныя Гоголемъ слова: «одному бестолковому» (sic) «безъ всякого (sic) вкуса». Здѣсь тоже пропускъ. Гоголь написалъ: «одному бестолковому и безъ всякого вкуса».

Въ первомъ примѣчаніи къ 193 стр. пропущены собственно-ручныя поправки Гоголя, послѣ которыхъ измѣненная фраза читается такъ: «я вся обложена блондочкою, тонкою—не больше какъ въ палець». Поправки эти приведены, почти точно съ рукописью, Н. С. Тихонравовымъ въ примѣчаніяхъ къ тексту «Ревизора» (II томъ десятаго изданія, стр. 654).

Въ этомъ же третьемъ явленіи третьяго дѣйствія пропущены позднѣйшія передѣлки разговора Анны Андреевны съ Марьей Антоновной, написанныя Гоголемъ на отдѣльномъ лоскуткѣ.

На лоскуткѣ Гоголь написалъ:

1.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Марья Антоновна.

«Но я не знаю, маминька, отъ чего вамъ кажется, что у васъ «лучше всего глаза. . . .

Анна Андреевна.

«Вздоръ просто тебѣ кажется. Ты глупости, сударыня, толкуешь».

И эти поправки приведены Н. С. Тихонравовымъ (ibid.).

Во второмъ примѣчаніи къ 196 стр. приведено будто бы изъ рукописи слово: «напишете», и къ нему поставлено «(sic)». Въ рукописи явственно читается: «напишешь». Вся фраза, въ которой было это слово, по исправленіи Гоголемъ, получила такую форму: «Такъ, знаетъ, иногда прозой, а иногда такъ и стишки выкинутся».

На той же 196 стр. первое слово Городничаго въ VI явленіи напечатано: «осмѣлюсь». Въ рукописи: «осмѣливаюсь».

Въ четвертомъ примѣчаніи къ 198 стр. воспроизведено или, вѣрнѣе, повторено неисправленное Гоголемъ чтеніе фразы, напечатанное въ текстѣ, а исправленное Гоголемъ осталось неотмѣченнымъ. По исправленіи Гоголемъ вся фраза читается такъ: «Въ канцеляріи безъ меня была бы страшная еларашпъ».

Въ шестомъ примѣчаніи къ той же 198 стр. написанная Гоголемъ фраза должна начинаться словомъ «и»: «И сторожъ летитъ» и т. д.

Въ восьмомъ примѣчаніи къ той же 198 стр., въ монологѣ Хлестакова, надо читать не «и признаюсь», а «Я признаюсь». Здѣсь невѣрно указано мѣсто, къ которому относится выноска. Выноска поставлена Гоголемъ сейчасъ же за словомъ «одѣта», такъ какъ всѣ дальнѣйшія слова онъ зачеркнулъ и вмѣсто нихъ съ лѣваго бока вписалъ новыя фразы.

Въ первомъ примѣчаніи къ 199 стр. рассказъ Хлестакова долженъ начинаться: «О, да! Со мною много подобныхъ было» и т. д., при чемъ слово «было» вовсе не зачеркнуто Гоголемъ.

На 205 стр., послѣдній монологъ Городничаго въ IX явленіи имѣетъ въ рукописи ремарку, пропущенную и текстомъ и примѣчаніями, именно, послѣ слова «Городничій» въ рукописи въ скобкахъ поставлено: «(одинъ)».

Въ четвертомъ примѣчаніи къ 213 стр. приведены написанныя Гоголемъ слова: «Впрочемъ, это все равно». Тутъ лишнее слово «это», котораго въ собственноручной Гоголевской припискѣ совсѣмъ нѣтъ: «Впрочемъ, все равно».

На 214 стр., въ сценѣ Хлестакова и Растаковскаго пропущены собственноручныя поправки Гоголя, отмѣченныя, однако, Н. С. Тихонравовымъ (II т., 654 стр.). Такъ: «Растаковскій (не слыша)»; впоследствии Гоголь зачеркнулъ ремарку «не слыша» и сейчасъ же послѣ этого вновь приписалъ фразу: «Да-съ. Рогатка. Иванъ Васильевичъ».

Въ третьемъ примѣчаніи къ 215 стр., въ томъ же разговорѣ Хлестакова съ Растаковскимъ, значительный пропускъ въ собственноручно исправленномъ Гоголемъ текстѣ. Въ этомъ примѣчаніи приведенъ только рассказъ Хлестакова, оканчивающійся словами: «Я въ дорогѣ истратился». Въ рукописи, сейчасъ же за этими словами Хлестакова, Гоголь собственноручно написалъ слѣдующій разговоръ:

Растаковскій.

«Да кто это просилъ денегъ: чиновникъ у (капитана) гвардѣйца или (капитанъ) гвардѣецъ у чиновника?»

Хлестаковъ.

«Нѣтъ, это я прошу у васъ. Видите, чтобъ послѣ какъ нибудь не позабыть, такъ лучше теперь. (Если есть при васъ съ собою триста, то это для меня очень хорошо, потому что мнѣ очень нужно, а тамъ завтра же я вамъ отдамъ).

Растаковскій.

«Такъ это вамъ нужны деньги, а какъ странно, а я думалъ, что (эти деньги были при анекдотѣ, какъ обыкновенно анекдоты рассказываются. Такъ сколько вы говорили? *Хлестаковъ*. Триста рублей. *Растаковскій*) (капитанъ что) гвардѣецъ, при анекдотѣ-то, попросилъ. Какъ въ разговорѣ-то иногда случается! (А я приэ) Такъ вамъ нужны деньги? А я, признаюсь, съ своей стороны пришелъ беспокоить преубѣдительнѣйшею просьбою».

Съ шестымъ примѣчаніемъ къ 219 стр. произошло невѣроятное приключеніе. Дѣло въ томъ, что въ рукописи сохранились два текста X явленія: зачеркнутый и вновь написанный Гоголемъ.

Составитель примѣчаній, напечатавъ въ текстѣ зачеркнутый текстъ начала X явленія, хотѣлъ въ примѣчаніяхъ напечатать текстъ вновь написанный Гоголемъ.

Но... въ шестомъ примѣчаніи къ 219 стр. оказался вторично напечатаннымъ тотъ же зачеркнутый Гоголемъ текстъ, который уже разъ былъ напечатанъ на 219 стр. Вотъ вновь написанный Гоголемъ текстъ начала X явленія:

ЯВЛЕНІЕ X.

Хлестаковъ и Осипъ (*съ чернилами и бумагою*).

Хлестаковъ (*беретъ перо бумагу*).

«Ну, что, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и принимаютъ (*начинаетъ писать*).

Осипъ.

«Да, слава Богу. Только знаете что, Иванъ Александровичъ.

Хлестаковъ (*пишетъ*)

«А что?

Осипъ.

«Уѣзжайте отсюда. Ей Богу, уже пора.

Хлестаковъ (*пишетъ*)

«Вотъ вздоръ! Зачемъ?

Осипъ.

«Да такъ. Богъ съ ними со всѣми. Погуляли здѣсь два денька—ну, и довольно. Что съ ними долго связываться! Плюньте на нихъ! Неровень часъ: какойнибудь другой опять наѣдетъ. «Ей Богу, Иванъ Александровичъ! А лошади тутъ славные: такъ «бы закатали!..

Хлестаковъ (*пишетъ*).

«Нѣтъ. Мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

Осипъ.

«Да что завтра. Ей Богу, поѣдемъ, Иванъ Александровичъ. «Оно хоть и большая тутъ честь вамъ, да все, знаете, лучше

«уѣхать скорѣе . . . Вѣдь васъ за кого то другого приняли. Ей «Богу . . . И батюшка будетъ гнѣваться за то, что такъ замѣш-
«кались . . . Такъ бы, право, закатали славно! А лошадей бы
«важныхъ здѣсь дали.

Хлестаковъ (*пишетъ*)

«Ну, хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, вмѣстѣ
«пожалуй и подорожную возьми. Да (смотри) за то (по крайнѣй
«мѣрѣ) смотри, чтобы лошади хорошіе были. (Что бы лихо такъ
«фель) Ямщикамъ скажи, что (бы) я буду давать по целковому
«на водку, что бы лихо только везли, такъ какъ фельдъегеря,
«я пѣсни бы залихацкія затягивали. (*Запечатываетъ письмо*).
«Воображаю, какъ Тряпичкинъ будетъ удивляться. Онъ вѣдь та-
«кой остроумной. (*Надписываетъ адресъ*). Не съѣхалъ ли съ квар-
«тиры? Онъ вѣдь тоже любитъ переѣзжать и недоплачивать. На,
«отдай скорѣе.

Осипъ.

«Я, сударь, отправлю (черезъ) съ человѣкомъ сдѣшнимъ, а
«самъ лучше буду укладываться, что бы не прошло понаирасну
«время.

Хлестаковъ.

«(Хорошо) Пожалуй.

Осипъ (*уходитъ и говоритъ за сценой*).

«Эй, послушай, братъ! Отнеси это (письмо) . . .

На этомъ оканчивается собственноручно написанная Гого-
лемъ страница X явленія. Слово «письмо» зачеркнуто имъ по-
тому, что съ этого слова начинается страница, слѣдующая за
зачеркнутой.

Въ XIII явленіи четвертаго дѣйствія, съ 225 стр., Гоголь
собственноручно сдѣлалъ большія сокращенія и измѣненія. Въ
примѣчаніяхъ не отмѣчено главное измѣненіе, произведенное Го-
големъ въ этомъ явленіи, именно: перемѣна одного изъ двухъ

дѣйствующихъ лицъ на другое, Анны Андреевны на Марью Антоновну. Первоначально все явленіе происходило между Хлестаковымъ и Анной Андреевной. Послѣ передѣлки Гоголя все явленіе происходитъ между Хлестаковымъ и Марьей Антоновной. Этой главной перемѣной дѣйствующаго лица и вызваны были другія поправки. Однако, самыя первыя изъ нихъ не отмѣчены въ примѣчаніяхъ, поэтому необходимо привести начало явленія, по измѣненіи его Гоголемъ, въ полномъ видѣ:

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Хлестаковъ и Марья Антоновна.

Марья Антоновна.

«Ахъ!

Хлестаковъ.

«Отъ чего вы такъ испугались? Куда вы спѣшили?»

Марья Антоновна.

«Извините меня, я, право, я не знала, что вы тутъ сидите. Я «шла приказать ключницѣ».

Въ пятомъ примѣчаніи къ 225 стр. сказано: «Послѣ этого приписано собственноручно чернилами: «позднѣе». Въ дѣйствительности Гоголь приписалъ совсѣмъ другое слово, и приписалъ весьма отчетливо, и читается оно такъ: «сударыня».

Во второмъ примѣчаніи къ 228 стр., должно быть, описка. Тамъ сказано: «Весь *предыдущій* отрывокъ послѣ словъ Хлестакова. . .» Если отыскать слова Хлестакова въ текстѣ, то отрывокъ окажется не предыдущимъ, а *послѣдующимъ*.

Въ XIV явленіи четвертаго дѣйствія, съ 228 стр., тоже не отмѣчена существеннѣйшая поправка Гоголя. Въ рукописи новымъ лицомъ, появляющимся въ этомъ явленіи, была Марья Антоновна. Гоголь собственноручно перемѣнилъ ее на Анну Ан-

древну, чѣмъ и вызваны были всѣ дальнѣйшія, многочисленныя сокращенія и поправки.

И опять въ примѣчаніяхъ не указаны поправки въ началѣ явленія:

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣже и Анна Андреевна.

Анна Андреевна (*увидѣвъ Хлестакова не успѣвшюго встать на ноги и всплѣснуть руками*)

«Ахъ, какой посажъ!

Хлестаковъ (*вставая*).

«А, чортъ возьми.

Анна Андреевна.

«Признаюсь, я въ такомъ нахожусь. . . Я не знаю. . . (*Къ Марью Антоновну*). Что это ты вздумала? Съ кого ты это при- смѣръ взяла?

Хлестаковъ.

«Анна Андреевна. Руки вашей дочери прошу. Осчастливьте! (*Падаеть на колѣни*).

Анна Андреевна.

«Ахъ, Боже мой! . . . Какъ же это! (Вы) Еще на колѣняхъ стоите!

Хлестаковъ (*обращаясь къ Аннѣ Андреевнѣ*).

«Влюбленъ, влюбленъ, ей Богу, влюбленъ. . . Если не согласи- тесь, умру, сей же часъ умру на этомъ самомъ мѣстѣ. Застре- аюсь, напронало застрелюсь.

Анна Андреевна.

«Я, право, не могу еше придти въ себя. . . Мы никакъ и не «думаемъ о такой чести». . . и т. д.

Послѣдній монологъ Хлестакова въ этомъ же XIV явленіи четвертаго дѣйствія тоже необходимо привести въ томъ видѣ, въ какой привели его собственноручныя исправленія Гоголя:

Хлестаковъ.

«Вы мнѣ возвратили жизнь, я теперь самый щастливѣйшій изъ смертныхъ. (*Въ сторону*). А она тоже очень аппетитна. (*Въ слухъ Анны Андреевны*). Я (сударыня) съ перваго раза, какъ только увидѣлъ васъ, почувствовалъ къ вамъ въ сердцѣ такую любовь. . . .»

Во второмъ примѣчаніи къ 231 стр. приведены не всѣ исправленія Гоголя. Въ полномъ видѣ, исправленномъ Гоголемъ, вся фраза читается такъ:

Городничій.

«А когда же, то есть. . . Вы изволили сами намекнуть на щеть, то есть, свадьбы. . . .»

Шестого примѣчанія къ той же 231 стр. совсѣмъ нѣтъ, а поставленное шестымъ надо считать седьмымъ. Подъ шестымъ примѣчаніемъ должна стоять фраза Хлестакова, по исправленіи ея Гоголемъ, въ слѣдующемъ видѣ:

«О, нѣтъ, къ чему это? (*Немного подумавъ*) А, впрочемъ, не худо».

Въ первомъ примѣчаніи къ 232 стр. неточно приведены поправки Гоголя. Напечатано: «Мнѣ *никогда* не было такого хорошаго приема»; слѣдовало напечатать: «Мнѣ *нигдѣ*» и т. д.

Во второмъ примѣчаніи къ 233 стр. приведены собственноручныя поправки Гоголя: «Теперь-то я задамъ перцу. . . .» Гоголемъ, однако, ясно написано: «Теперь же» и т. д.

Въ третьемъ примѣчаніи къ той же 233 стр. приведены не всѣ исправленія Гоголя, которыя начались раньше, чѣмъ отмѣчено въ примѣчаніи: «Такъ жаловаться на меня! Вишь, ты, проклятой іудейской народъ! Пойдите жъ, голубчики!» и т. д.

Въ первомъ примѣчаніи къ 237 стр. невѣрно обозначено количество зачеркнутыхъ словъ, такъ какъ въ рукописи они не всѣ зачеркнуты, какъ сказано въ примѣчаніи. Зачеркнуты: «Тѣже, Погоняевъ съ женою, Лука Лукичъ съ женою и». Остались не зачеркнутыми: «множество гостей въ сюртукахъ, фракахъ и Богъ знаетъ въ чемъ. Потомъ Бобчинскій и Добчинскій».

Въ первомъ примѣчаніи къ 243 стр. приведены не всѣ сполна исправленія Гоголя. Послѣ исправленныхъ словъ Почтмейстера, Гоголь еще приписалъ:

Всѣ.

«Читайте, читайте».

Письмо Хлестакова къ Тряпичкину напечатано (съ 243 стр.) по тексту тѣхъ двухъ листовъ сѣрой бумаги, о которыхъ говорится въ первомъ примѣчаніи къ 246 стр. Между тѣмъ ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніяхъ, не приведенъ тотъ текстъ письма, который зачеркнуть Гоголемъ. Сохранившаяся часть его читается такъ, вмѣстѣ съ репликами и ремарками:

«Мая такого то числа и проч.

«Спѣшу писать къ тебѣ, душа Тряпичкинъ, по обѣщанію, и рассказать одно удивительное происшествіе. Заѣхалъ я, братъ, къ такимъ дуракамъ, какихъ никогда не видывалъ. Помнишь ли, какъ мы хотѣли, было, разъ у Палкина пообѣдать на счетъ англійскаго короля, да (хозяинъ) мерзавецъ мальчишка придержалъ тебя за шинель. Вотъ сюда, братецъ, пріѣзжай: даютъ сколько хочешь въ займы. Городничій дуракъ всевозможнѣйшій.

«Нѣсколько дамъ вскрикиваютъ: ахъ! какой посажъ!»

Городничій (*прерываетъ*)

«Не можетъ быть, тамъ нѣтъ этого написано.

Почтмейстеръ.

«Читайте сами.

Городничій (*читаетъ въ помолоса*).

«Всевозможнѣйшій... (*отпускаетъ письмо*).

Дальнѣйшій листъ вырванъ Гоголемъ и замѣненъ другими.

На 244 стр. напечатаны слова Городничаго: «Не можетъ быть: тамъ этого не писано». Въ рукописи эти слова читаются иначе: «Не можетъ быть тамъ этого написано».

Въ третьемъ примѣчаніи къ 245 стр. напечатано: «Артемій Филоповичъ (sic)». Въ рукописи: «Артемій Филиповичъ».

На 246 стр. не отмѣчено, что монологъ жены Погоняева, послѣ поправокъ Гоголя, сталъ принадлежать женѣ Коробкина.

Во второмъ примѣчаніи къ 247 стр. сказано: «Слова: «тра-ла-ла» зачеркнуты и сверху опять приписано: «тра-ла-ла». Нѣтъ, въ рукописи не приписано этихъ словъ, а надписаны совсѣмъ новыя слова: «фу-фу».

Пятое примѣчаніе къ 247 стр. совсѣмъ пропущено; въ немъ должно быть отмѣчено, что слова: «Съ чего, откуда взялось это?» зачеркнуты Гоголемъ.

Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть какъ слѣдуетъ Ревизора.

«Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть какъ слѣдуетъ «Ревизора», напечатано въ VI томѣ десятаго изданія «Сочиненій Н. В. Гоголя» (М. и Спб., изданіе А. Ф. Маркса, 1896, 249—258 и 667—676 стр.), при чемъ текстъ его взятъ изъ собственноручнаго списка Гоголя, а въ примѣчаніяхъ приведены особенности, измѣненія и поправки въ текстѣ списка.

«Предувѣдомленіе», какъ извѣстно, при жизни Гоголя ни разу не появлялось въ печати, и поэтому и въ настоящее время нѣтъ текста его въ законченномъ, въ литературномъ отношеніи, видѣ, нѣтъ текста обработаннаго и установленнаго для печати самимъ авторомъ. Сохранившійся списокъ «Предувѣдомленія» представляетъ собою первоначальный, черновой набросокъ, въ которомъ самъ авторъ сразу же, при самомъ процессѣ занесенія своихъ мыслей на бумагу, уже многое счелъ необходимымъ зачеркнуть, измѣнить, передѣлать, но который законченную художественную форму получилъ бы лишь во второмъ или даже третьемъ списокѣ. По крайней мѣрѣ начало второго списка «Предувѣдомленія» сохранилось и напечатано въ шестомъ же томѣ подъ названіемъ «Начальныхъ страницъ, переписанныхъ на-

бѣло». Поэтому сохранившійся списокъ, какъ первоначальный набросокъ, во многихъ мѣстахъ не только не даетъ законченныхъ литературныхъ формъ, но даже лишень какого либо текста, принятаго авторомъ. Этотъ черновой характеръ сохранившагося текста «Предувѣдомленія» сознавъ былъ при печатаніи десятаго изданія, въ шестомъ томѣ котораго (стр. 672), въ третьемъ примѣчаніи къ страницѣ 250-ой, поставлено, напри- мѣръ, такое заявленіе: «въ виду невозможности составить фразу иначе, беремъ необходимыя слова изъ зачеркнутой, но не замѣ- ненной строки».

Казалось бы, на издателя Гоголевскихъ текстовъ не должна возлагаться задача составлять фразы, не составленныя самимъ Гоголемъ. Наиболе посылнымъ въ этомъ случаѣ было бы точное, историческое воспроизведеніе всего хода работы Го- голя надъ извѣстнымъ текстомъ. Изданный текстъ въ этомъ случаѣ явился бы не тѣмъ гадательно идеальнымъ, какимъ, по предположенію издателя, выпустилъ бы его въ свѣтъ самъ Го- голь, а полной картиной всей работы Гоголя надъ текстомъ, при чемъ ясно долженъ быть выдѣленъ текстъ первый по вре- мени появленія и указаны всѣ дальнѣйшія его поправки.

Такого изданія текстъ «Предувѣдомленія» долженъ ожидать еще въ будущемъ. Теперь же необходимо отмѣтить неточности вкравшіяся въ его изданіе въ шестомъ томѣ и указать поправки и измѣненія, которыя необходимо произвести въ печатномъ текстѣ, вслѣдствіе несоотвѣтствія его собственноручному Гого- левскому тексту, хранящемуся въ Отдѣленіи рукописей Москов- скаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ подъ № 3215.

Послѣднія слова 249-й стр. и первая 250-й въ шестомъ томѣ читаются такъ: «и самъ не чувствуя какъ, сдѣлался *и самъ* притѣснителемъ»; здѣсь два слова «и самъ» излишне повторены, въ подлинномъ текстѣ Гоголя совсѣмъ нѣтъ ихъ повторенія: «и самъ не чувствуя какъ, сдѣлался притѣснителемъ».

Въ 14-мъ примѣчаніи къ 250-й стр. приведено чтеніе изъ 9-й стр. списка: «онъ даже *не счита(еть)*»; и здѣсь отрицаніе

«не» прибавлено издателемъ отъ себя, въ подлинномъ Гоголевскомъ текстѣ его совсѣмъ нѣтъ: «онъ даже счита».

Подъ 15-мъ примѣчаніемъ къ той же страницѣ изъ первоначальнаго зачеркнутого чтенія приведено только одно слово: «велика»; между тѣмъ въ подлинномъ текстѣ вся эта фраза и слѣдующая имѣли иное первоначальное чтеніе: «Но велика страсть ко псовой охотѣ, которая увлекала его иной разъ на неправду, его иной разъ покривить. Онъ занятъ собой и умомъ своимъ и единственно только по этой причинѣ нѣсколько безбожничъ, что на этомъ попричѣ его умъ себя выказалъ».

Подъ 4-мъ примѣчаніемъ къ 251-й стр. сказано: «Прежде было: *это*»; между тѣмъ въ подлинномъ текстѣ прежде было написано именно: «онъ», но потомъ это слово зачеркнуто и надъ нимъ надписано: «это».

Подъ 6-мъ примѣчаніемъ къ той же 251-й стр. приведено первоначальное чтеніе: «не зная, какъ вывернуться, сами прибѣгаютъ *потому*»; между тѣмъ въ подлинномъ текстѣ послѣднее слово явственно читается: «къ тому».

Подъ 18-мъ примѣчаніемъ изъ первоначальнаго чтенія приведено слово: «выразиться»; между тѣмъ въ подлинникѣ явственно читается: «выражаться».

Подъ 19-мъ примѣчаніемъ къ той же 251-й стр. сказано: «послѣ этого зачеркнуто: *лото*»; между тѣмъ въ подлинникѣ зачеркнуты два слога: «кото».

Въ 9-мъ примѣчаніи къ 252-й страницѣ трудно разобратъся въ чтеніяхъ, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя слова изъ подлинника совсѣмъ не приведены; первоначальное чтеніе: «Всякой можетъ также почувствовать, какое впечатлѣніе долженъ произвести (на каждое) пріѣздъ Ревизора на каждое изъ этихъ лицъ»; исправленное чтеніе: «Равномѣрно всякой можетъ почувствовать степень того впечатлѣнія, (какое) пріѣздъ Ревизора способенъ произвести (на каждое) изъ этихъ лицъ».

Послѣ 12-го примѣчанія на 253 стр. приведена фраза: «Ему уже кажется, что онъ дѣйствительно все это производитъ»;

между тѣмъ въ подлинникѣ послѣднее слово поставлено въ прошедшемъ времени: «производилъ».

Въ примѣчаніяхъ 14—16 также трудно установить чтенія; въ подлинникѣ первоначальное чтеніе: «Вотъ отъ чего сцена, когда онъ говоритъ о себѣ какъ о государственномъ человѣкѣ, (навела) особенно жива и навела такой страхъ на всякаго чиновника»; исправленное чтеніе: «Поэтому сцена, когда онъ говоритъ о себѣ какъ о государственномъ человѣкѣ, способна точно (пропущено слово: навести) страхъ на слушающаго чиновника».

Въ примѣчаніяхъ 19—20 къ той же 253 стр. тоже трудно установить чтенія; въ подлинникѣ три чтенія — первое: «Видя какъ распекаютъ и сосутъ, испытавши и самъ это, потому что бывалъ неоднократно распекаемъ, онъ почувствовалъ въ это время особенное удовольствіе распечь наконецъ и самому другихъ, хотя въ рассказахъ»; второе: «Будучи самъ неоднократно распекаемъ, онъ это долженъ мастерски изобразить въ рѣчахъ»; третье: «Онъ долженъ эту честь долженъ очень хорошо, потому что бывалъ неоднократно распекаемъ».

Указанныхъ подъ 3-мъ (послѣ 19-го) примѣчаніемъ словъ: «не потому, что бы», въ подлинномъ Гоголевскомъ текстѣ совсѣмъ нѣтъ.

Въ 4-мъ примѣчаніи къ 254-й страницѣ сказано: «Слова: «онъ бы преспокойно дождался толчковъ» приписаны сверхъ подчеркнутыхъ»; между тѣмъ послѣднее слово: «толчковъ» и дальнѣйшія написаны въ строку, а не приписаны сверхъ.

Подъ 5-мъ примѣчаніемъ къ той же 254-й стр. сказано: «Прежде было: «пронесло»»; между тѣмъ въ подлинникѣ прежде было: «пронеслось».

Во 2-мъ примѣчаніи къ 255-й стр. сказано: «въ подлинникѣ: «о приездѣ» (sic); между тѣмъ въ подлинникѣ написано: «о приѣздѣ».

Въ 10-мъ примѣчаніи къ той же 255-й стр. сказано: «Прежде было: «вотъ какимъ образомъ должно быть установлено (sic) картина»»; между тѣмъ въ подлинникѣ ясно напи-

сано: «установленна». Вся эта фраза въ текстѣ на 255 страницѣ оканчивается словомъ: «такъ»; въ подлинномъ Гоголевскомъ текстѣ слова этого совсѣмъ нѣтъ въ этой фразѣ.

На 256 стр. первыя двѣ строки читаются такъ: «По правую его руку жена и дочь, обращенныя къ нему съ испугомъ въ лицѣ»; въ подлинникѣ послѣднія два слова читаются иначе: «на лицѣ», а можетъ быть и «на лицахъ», — окончаніе не ясно.

Въ 6-мъ примѣчаніи къ 257-й страницѣ сказано: «Слово: «преимущественную», написано сверху строки»; слѣдуетъ добавить: надъ зачеркнутымъ словомъ: «первую».

Въ 16-мъ примѣчаніи къ той же 257-й страницѣ пропущена цѣлая фраза, въ подлинникѣ приписанная надъ зачеркнутою: «и очерствѣлъ почти нечувствительно для самого себя»; вмѣсто этой фразы Гоголь написалъ надъ строкою новую: «не чувствуя, что онъ притѣснитель и непримѣтно для самого себя».

Слѣдуетъ также исправить неточность, вкравшуюся въ самое описаніе рукописи Гоголя, содержащей черновой текстъ «Предувѣдомленія». О матеріалѣ этой рукописи сказано (стр. 667), что она написана «на листѣ синеватой бумаги, формата обыкновенной почтовой бумаги». Въ дѣйствительности рукопись написана на пяти листахъ почтовой бумаги, формата въ маленькую восьмушку.

Переходимъ теперь къ главному предмету нашей рѣчи. При описаніи рукописи издателемъ въ скобкахъ поставлено слѣдующее замѣчаніе: «на одной изъ оборотныхъ сторонъ нарисована фигура какого то господина съ дамой».

Дѣйствительно, пересматривая всѣ пять листовъ, содержащихъ текстъ «Предувѣдомленія», мы находимъ отмѣченныя изображенія на *четвертой* страницѣ перваго листка. Молчаніе описателя рукописи о первыхъ трехъ страницахъ этого листка даетъ основаніе полагать, что Гоголь оставилъ ихъ бѣлыми, не наполнилъ ихъ ни текстомъ, ни рисунками. Между тѣмъ, въ дѣйствительности Гоголь оставилъ бѣлыми лишь вторую и третью страницы перваго листка, на *первой* же страницѣ онъ

собственноручно написалъ пятнадцать строкъ текста, имѣющаго непосредственное отношеніе къ «Предувѣдомленію». Но эти Гоголевскія строки не вошли въ текстъ напечатаннаго «Предувѣдомленія» (VI, 249—258 стр.) и не отмѣчены въ примѣчаніяхъ (*ibid.*, 667—676 стр.).

Гоголь въ этихъ пятнадцати строкахъ набросалъ нѣсколько мыслей, имѣющихъ въ виду выяснить общую задачу актера при исполненіи имъ принятой на себя роли. Гоголь старался внушить каждому актеру необходимость представлять созданныя драматургомъ лица «благороднѣй и чище, чѣмъ они есть».

Такимъ образомъ въ этихъ строкахъ Гоголь излагалъ положительную задачу актерскаго искусства и, въ параллель этому изложенію, на другомъ листкѣ набросалъ нѣсколько мыслей объ отрицательныхъ задачахъ актера: «Ничего не должно быть карикатурнаго», и т. д.¹⁾ Повидимому, именно таковъ и былъ первоначальный ходъ мыслей и намѣреній Гоголя. Когда онъ только что задумалъ изложить нѣсколько руководственныхъ указаній для актеровъ, которымъ предстояло играть «Ревизора», онъ прежде всего записалъ, наскоро и начерно, свои положительные соображенія, а потомъ перешелъ къ отрицательнымъ.

Если эта догадка имѣетъ за собою нѣкоторую вѣроятность, то впервые печатаемые нами Гоголевскія строки получаютъ особое значеніе въ исторіи текста «Предувѣдомленія». Онѣ представляютъ собою начало черноваго текста «Предувѣдомленія», именно ими онъ и долженъ начинаться.

Догадка эта получаетъ подтвержденіе въ текстѣ второй редакціи «Предувѣдомленія», названной въ печати «начальными страницами, переписанными на бѣло». Редакція эта представляетъ дальнѣйшую обработку текста, наиболѣе сокращенную и наиболѣе правильную въ стилистическомъ отношеніи. И вотъ, въ

1) Необходимо отмѣтить, что первая строка въ напечатанномъ черновомъ текстѣ: «Больше всего надобно опасаться впасть въ карикатуру», написана Гоголемъ впоследствии. Первоначальный текстъ начинался съ фразы: «Ничего не должно быть карикатурнаго».

третьей фразѣ этой редакціи, сокращенно изложены, уже какъ антитеза, всѣ мысли начальныхъ строкъ первой редакціи: «Напротивъ, нужно особенно стараться *актеру* быть скромнѣй, проще и какъ бы благороднѣй, чѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ есть то лицо, которое представляется».

Такимъ образомъ необходимо признать, что печатаемая ниже строки Гоголевскаго текста не только имѣютъ отношеніе къ тексту «Предувѣдомленія», но и представляютъ собою начало первой его редакціи.

При печатаніи и этого текста всѣ слова, зачеркнутыя Гоголемъ, поставлены въ скобкахъ, а написанныя потомъ — набраны курсивомъ:

(Какъ сочиненіе хорош) (какъ сочиня)

Точно также какъ драматическій писатель, сочиня драма взятую изъ жизни, долженъ помышлять о томъ, изобразить въ ней природу нѣсколько благороднѣй и чищѣ, чемъ какъ она есть въ дѣйствительности; также точно (что) должны стараться актеры о томъ, представить имъ (выв) созданныя лица *какъ бы* благороднѣй и чище, чемъ они есть. Иначе зачемъ и представлять піэсу: она будетъ всегда пріятнѣй въ чтеніи. Никакъ не нужно позабывать того, что всякая рѣзкость становится еще резче и очевиднѣй въ представленіи. Поэтому то и самому и цензура театральная бываетъ строже той, (которая) какая бываетъ для кпигъ, назначаеваемыхъ для простаго чтенія.

Предувѣдомленіе къ предполагавшимся изданіямъ Ревизора въ пользу бѣдныхъ.

«Предувѣдомленіе къ предполагавшимся изданіямъ «Ревизора» въ пользу бѣдныхъ» было издано Н. С. Тихонравовымъ («Сочиненія Н. В. Гоголя», изданіе десятое, томъ второй, М., 1889, 338—340 и 684—690 стр.) по двумъ спискамъ, сохранившимъ въ себѣ двѣ редакціи «Предувѣдомленія» — краткую или позднѣйшую и пространную или предшествовавшую первой. Списокъ краткой редакціи, которымъ пользовался при изданіи Н. С. Тихонравовъ, «переписанъ на бѣло самимъ Гоголемъ», пространная же редакція извѣстна была Н. С. Тихонравову «по копіи, находящейся въ бумагахъ наслѣдниковъ Гоголя».

Въ бумагахъ наслѣдниковъ Гоголя сохранился и собственноручный Гоголевскій списокъ пространной редакціи «Предувѣдомленія», теперь хранящійся въ Отдѣленіи рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ подъ № 3215. При сличеніи текста этого списка съ текстомъ копіи, изданной Н. С. Тихонравовымъ, обнаруживается, что копія не точно передала нѣкоторыя мѣста собственноручнаго текста Н. В. Гоголя и совсѣмъ не воспроизвела всѣхъ подробностей литературной работы его надъ текстомъ «Предувѣдомленія», которыя сохранились въ его собственноручномъ спискѣ.

Какъ на примѣръ неточной передачи въ копіи собственно-

ручного текста Н. В. Гоголя можно указать на слѣдующія мѣста въ «Предувѣдомленіи»:

Подъ 14-мъ примѣчаніемъ, на стр. 689-й, второго тома, напечатана по копіи такая фраза: «отъ своихъ излишковъ не оставить денежнымъ вспомошествованіемъ, которое они могутъ адресовать къ одному изъ раздавателей». Фраза эта въ собственноручномъ спискѣ Гоголя сохранилась въ двухъ редакціяхъ — первоначальной и исправленной. Первоначальная, въ полномъ видѣ, читается такъ: «Тѣхъ же моихъ читателей, которые, будучи заняты должностями и обязанностями высшими, не имѣютъ чрезъ то досуга входить непосредственно въ положенія бѣдныхъ людей, но которые однако жъ достаточны и могутъ что нибудь удѣлить отъ своихъ излишковъ, я прошу прислать денежное вспоможеніе къ кому нибудь изъ тѣхъ, на которыхъ разложена раздача ихъ и которыхъ имена здѣсь означены». Въ исправленной редакціи вся эта фраза подверглась сокращеніямъ и измѣненіямъ, правда, не законченнымъ, и читается такъ: «Всѣхъ же тѣхъ, которые, будучи заняты должностями и обязанностями высшими, не имѣютъ чрезъ то досуга входить непосредственно въ положенія бѣдныхъ людей, я прошу не оставить денежное вспоможеніе, которое они могутъ адресовать къ одному изъ раздавателей».

Такимъ образомъ въ копіи не выдержана ни одна изъ редакцій собственноручного текста Гоголя и даже обѣ редакціи соединены въ одну.

Подъ 16-мъ примѣчаніемъ, на той же страницѣ второго тома, по копіи напечатана слѣдующая фраза: «Считаю обязанностію увѣдомить, что я упросилъ взять это на себя тѣхъ изъ мною лично знаемыхъ, которые имѣютъ болѣе другихъ для этого досуга» и т. д. Въ собственноручномъ спискѣ Гоголя фраза эта читается въ трехъ редакціяхъ — первая: «Считаю обязанностію увѣдомить при этомъ, что избранны мною для этого только тѣ изъ уважаемыхъ мною истинно людей, которые имѣютъ» и т. д.; вторая: «Считаю обязанностію увѣдомить, что я возложилъ раз-

дачу вспомошествованія на тѣхъ изъ друзей моихъ, которые» и т. д.; третья: «Считаю обязанностью увѣдомить, что я упростиъ взять хлопотами (sic) на себя тѣ (sic) изъ мною лично знаемыхъ людей, которые имѣютъ» и т. д.

Такимъ образомъ и въ этой фразѣ копія не передала въ точности ни одной изъ трехъ редакцій подлинника.

Кромѣ того, по копіи совсѣмъ не напечатаны имена и адреса раздавателей, чѣмъ косвенно указывается тожество ихъ со спискомъ, напечатаннымъ по краткой редакціи на стр. 340-ой второго тома. Между тѣмъ въ собственноручномъ спискѣ Гоголя пространной редакціи есть отличія и въ этомъ спискѣ, именно: въ краткой редакціи поименовано шесть Московскихъ раздавателей, а въ пространной семь, и этимъ седьмымъ, пропущенымъ въ краткой редакціи, поставленъ Василий Алексѣевичъ Пановъ. При первомъ имени Петербургскихъ раздавателей пропущенъ титулъ, тогда какъ въ пространной онъ поставленъ: «Кн. Ольга Степановна Одоевская».

Приведенные уже примѣры показываютъ, что копія старається воспроизвести преимущественно послѣднее чтеніе пространной редакціи, опуская безъ вниманія всю предыдущую работу Гоголя надъ текстомъ. Можно было бы привести и еще нѣсколько выраженій изъ первоначальныхъ чтеній текста, не воспроизведенныхъ копіей, напримѣръ: «другіе (литераторы) не отказывались участвовать въ составленіи разныхъ сборниковъ», «должны (неимущіе) содержать имъ сверхъ того мать, сестру, словомъ не одного себя», «оно (дѣло раздачи) отнимаетъ у нихъ (раздавателей) множество самыхъ пріятныхъ удовольствій и развлеченій свѣтскихъ, имѣющихъ дьявольскую приманку, которыя почти необходимы въ минуты отдыха человѣка», и др.

Можно, наконецъ, привести примѣръ произвольнаго чтенія въ копіи Гоголевскаго текста. Въ концѣ «Предувѣдомленія», на стр. 690, напечатана по копіи слѣдующая фраза: «въ разговорѣ легко могутъ быть объяснимы всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ». Въ собственноручномъ текстѣ

Гоголя эта фраза читается нѣсколько иначе: «Въ разговорѣ легко могутъ объясниться всѣ тѣ недоразумѣнія» и т. д.

Кромѣ собственноручнаго Гоголевскаго списка «Предувѣдомленія» пространной редакціи, въ бумагахъ наслѣдниковъ Гоголя сохранился и еще одинъ списокъ «Предувѣдомленія» и также писанный собственною рукою Гоголя. Матеріаломъ для него послужилъ полулистъ почтовой бумаги малаго формата in 8°, двѣ страницы котораго Гоголь заполнилъ мелкимъ, бисернымъ, но четкимъ и красивымъ своимъ почеркомъ, съ небольшими передѣлками, измѣненіями и сокращеніями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Этотъ списокъ содержитъ въ себѣ наиболѣе пространную и наименѣе обработанную редакцію «Предувѣдомленія». Почти каждая фраза ея или синтаксически не полна, или стилистически не закончена и не обработана. При сопоставленіи съ тѣми двумя редакціями, которыя напечатаны Н. С. Тихонравовымъ, эта новая редакція, въ литературномъ отношеніи, является первоначальнымъ наброскомъ мыслей и выраженій, которыя уже въ послѣдующихъ редакціяхъ постепенно принимали литературную форму. Поэтому въ хронологическомъ порядкѣ она должна быть поставлена первою среди всѣхъ трехъ извѣстныхъ редакцій «Предувѣдомленія».

Мѣста, зачеркнутыя Гоголемъ, печатаются въ скобкахъ, а надписанныя поверхъ строкъ — курсивомъ.

Почти всѣ изъ моихъ собратьевъ — *Русскихъ* литераторовъ жертвовали чемъ-нибудь отъ трудовъ своихъ въ пользу немущихъ. Или издавали сами въ пользу ихъ книги, или участвовали своими трудами въ составл(яемыхъ)еніи сборниковъ, (издаваемыхъ цѣлымъ) *предпринимаемыхъ* обществомъ *благотворительнымъ*, или наконецъ или наконецъ (производили) *составляли* съ этою цѣлью публичныя чтенія. Одинъ, къ моему стыду, отстагъ. Желая заглядать, хотя поздно, проступокъ свой, я назначаю *въ пользу немущихъ* нынѣшнее четвертое и пятое изданіе «Ревн-

зора», печатаемая въ одно время въ *Москву* и въ *Петербургъ*, съ присоединеніемъ его окончанія или развязки, которую по разнымъ обстоятельствамъ мнѣ нельзя было выдать прежде.

Деньги, выручаемыя (за нихъ будутъ обращены) за оба эти изданія, назначаются (какъ в) только въ пользу тѣхъ немнѣющихъ, которые или служатъ или служили прежде *на самыхъ невидимыхъ и незамѣтныхъ мѣстахъ*, которые имѣютъ слишкомъ мѣлкіе и маленькіе мѣста и должности, хотя тѣмъ не менѣе трудны, и получаютъ слишкомъ маленькія жалованія на свое содержаніе, хотя бываютъ иногда обязаны содержать не однихъ себя, но дряхлую мать, *больныхъ* и нигдѣ не пріютившихся родственниковъ. Я потому и прошу убѣдительно всѣхъ читателей, уже (купившихъ Ревизора) сдѣлавшихъ начало доброму дѣлу покупкой моей (продолжить) книги, сдѣлать *ему* (и завершенье) и добрый *ему* конецъ или завершенье. Я прошу всѣхъ тѣхъ читателей моихъ, которые не заняты слишкомъ важными и высокими должностями, лишаящими досуга, которые, напротивъ того, служатъ сами еще не въ важныхъ должностяхъ и стало болѣе всѣхъ другихъ могутъ встрѣчаться лично съ такими *людьми*, всѣхъ такихъ читателей я прошу заняться доставкой свѣденій обо всѣхъ (такихъ людяхъ, гдѣ бы они ихъ не встрѣтили, претерпѣвающихъ трудное горе жизни), *терпящихъ и нуждающихся* въ означенномъ видѣ. Свѣденія таковыя прошу доставлять ихъ тѣмъ людямъ, которые иною уполномочены быть раздавателями (этой) такой помочи (прося ихъ въ тоже время). *Особенно* прошу (читателей) не пренебрегать такимъ дѣломъ, *входитъ* и вникать самолично въ положеніе нуждающихся и только о такихъ доставлять свѣденія, которыхъ они узнали *уже сами* лично и не полагаться на рассказы другихъ.

(Именемъ Бога говорю) *Право*, стоять того человѣкъ, чтобы поближе и получше войти его въ положеніе, (гораздо лучше) и разговоромъ *съ нимъ* о немъ самомъ гораздо лучше всякихъ разговоровъ о томъ, что интересуетъ (все) общество въ его современную минуту. *Можетъ случиться*, тутъ же, въ одномъ

мѣстѣ, въ одной улицѣ и даже въ одномъ домѣ, въ одной комнатѣ съ нами (быть) человѣкъ, который вытерпливаетъ тяжелое горе жизни, которому мы, а не кто либо другой могъ бы помочь, — и мы этого не узнаемъ, и (умираемъ даже) достигаемъ до конца жизни и умираемъ спокойно, не подозрѣвая, могли ли быть у насъ какіе нибудь сношенія съ этимъ человѣкомъ. Молю всѣхъ Христолюбивыхъ читателей не пренебрегать (особенно) разговорами съ низшими людьми, особенно съ такими, которые молчаливо, неразговорчиво, тихо скорбятъ и претерпѣваютъ, и только послѣ ихъ смерти узнается, что они умерли отъ невыносимаго бремени нужды. Всѣхъ же тѣхъ читателей, которые, *будучи* заняты болѣе нужными и важнѣйшими дѣлами, не могутъ имѣть чрезъ то досуга входить въ положенія бѣдныхъ людей, прошу *ихъ* (предполагая ихъ людьми достаточными), разумѣется, въ такомъ случаѣ, если они достаточны и могутъ удѣлять отъ своихъ достатковъ, прислать отъ себя что нибудь на вспоможеніе, адресуя къ кому нибудь изъ тѣхъ (которые) моихъ знакомыхъ, которые *по добротѣ своей* рѣшились взять на себя обязанность быть раздавателями вспомоствованій, и которыхъ имена и адреса сдѣсь прилагаются.

(Увѣдомляю при) Считаю обязанностью увѣдомить при этомъ случаѣ, что выбраны мною тѣ особенно, которые имѣютъ покуда болѣе другихъ свободнаго времени, имѣютъ душевную потребность быть (хотя этимъ) полезными брату и будутъ стараться особенно о томъ, чтобы помощь не (пропала даромъ) копѣйка брошенная даромъ на воздухъ, но обратилась, при всей малости своей, въ пользу неимущему, а потому не прежде помогутъ ему, покуда его не узнаютъ, какъ близкаго своему сердцу человѣка, не взвѣсятъ всѣхъ обстоятельствъ его окружающихъ и не придутъ въ возможность сопроводить умнымъ совѣтомъ поданную помощь. *Въ тѣхъ сл.* гдѣ дѣло будетъ соединено тѣсно съ состояніемъ душевнаго нуждающаго, гдѣ онъ самъ окажется виной своей тяжелой участи, словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ (дѣло будетъ тѣсно) участвуетъ совѣсть человѣка, они про-

изведуть не иначе вспомошествованье свое, какъ чрезъ руки опытныхъ священниковъ и такихъ духовниковъ своихъ, которымъ приходится не впервой имѣть дѣло съ душой и съ совѣстью челоуѣка. (Прошу Доставлять же свѣденія о нещастныхъ гораздо лу) Желательно мнѣ было, если бы всякъ изъ тѣхъ знающихъ, которые имѣютъ свѣденія о страждущихъ, доставляли бы свѣденія свои лично мною означеннымъ особамъ, а не письменно. На словахъ можно разсказать лучше и обстоятельнѣе и разрѣшить всякіе недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ. Я нарочно затѣмъ раздѣлил на многихъ, а не одного, раздачу вспомошествованья, чтобы *могъ усмотрѣть самъ, съ кѣмъ ему ловче переговорить и обьясниться*, читатель видѣлъ самъ, къ кому изъ нихъ приличнѣе, по роду дѣла, обратиться. Нужно ли сострательное участіе женщины, или освѣжительное братское ободреніе мужчины. Выставляю даже, въ который они могутъ переговорить: отъ 11 до 12 часовъ, полагая этотъ часъ удобнѣе. Если же и неудобно, то все таки въ этотъ часъ они могутъ узнать отъ нихъ, въ который пріѣхать имъ переговорить о дѣлѣ.

Имена и адреса лицъ, на которыхъ возложена задача вспомошествованій

Въ Москвѣ

въ С.-Петербургѣ.

Отрывки, наброски и молитвы.

Отрывки и наброски сохранились на лоскутках писчей бумаги, на которых Гоголь собственноручно записал мысли и соображенія свои по разнымъ вопросамъ, особенно религіознымъ (№№ 1, 2, 5, 6), по географіи (№ 3), матеріалы для словаря (№ 10) и молитвы (7 и 8). На особомъ листкѣ почтовой бумаги написалъ Гоголемъ «Реестръ книгъ оставшихся въ Москвѣ», имѣющій важное значеніе для біографіи Гоголя.

Автографы Гоголя хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3213.

1.

У исповѣди собрать всѣ сословія, всѣ какъ равные между собою. Всѣ дѣла имѣють съ Богомъ.

2.

Выше того не выдумать, что уже есть въ Евангеліи. *Сколько разъ уже отшатывалось отъ него человечество и сколько разъ обращалось. Нѣсколько разъ совершить человечество своего кругообращеніе... нѣсколько мыслей совершить... оборотъ мыслей... и возвратится вновь къ Евангелію, подтвердивъ опытомъ событій истину каждого его слова. Вѣчное оно оконится илубже*

и глубже. Еще (глубже и глубже вкоренятся вѣчныя слова), какъ деревья, шатаемые вѣтромъ, пускають глубже и глубже свои корни.

3.

Особенно нужно знакомить съ тѣми мѣста, *идь является сила дѣятельности*, которые человекъ привелъ изъ бесплотныхъ въ цвѣтушіе, какъ произошло, *съ небольшой исторіей какъ онъ это совершилъ*, это оставляетъ добрыя впечатлѣнія... любовь къ труду и земледѣлю, охоту бороться съ препятствіями.

4.

Бѣдному сыну пустыни снится сонъ представить... Бѣдному сыну пустыни снится сонъ: Лежить и разстилается великое Средиземное море, и съ трехъ разныхъ сторонъ глядятъ въ него палящіе берега Африки съ тонкими пальмами, Сирійскіе голые пустыни и многолюдный, весь изрытый моремъ, берегъ Европы. Стоитъ въ углу надъ неподвижнымъ моремъ древній Египетъ. Пирамид надъ пирамидою; граниты глядятъ сѣрыми очами, одѣланные въ сфинксы идутъ величавые ступени. Стоитъ онъ величавый, питаемый великимъ Ниломъ.

5.

Одно только здѣсь ясно, что крестъ данъ Тѣмъ, кто даетъ одно благо, благо въ разныхъ видахъ, или въ видѣ ясного понятнаго намъ счастья, или въ видѣ тяжкого непостижимаго для насъ страданія. Въ такомъ убѣжденіи великая сила; но и эту силу мы получаемъ отъ Бога.

6.

Долгъ — Святыня. Человекъ счастливъ, когда исполняетъ долгъ. Такъ велитъ долгъ, говоритъ онъ и уже покоенъ.

7.

Господи, дай мнѣ помнить вѣчно мос... мое невѣденіе, мое незнаніе, *недостатокъ образованія моего, да не выведу ни о комъ и ни о чемъ неосмотрительно мнѣнія.* (Никого не судить, и сторониться выводить мнѣніе. Да помню ежеминутно Слова Апостола Твоего. Не все да будетъ).

8.

Господи! спаси и помилуй бѣдныхъ людей. *Умилосердись, Создатель, и яви руку свою и надъ ними.* Господи, выведи насъ всѣхъ на свѣтъ изъ тьмы. Господи, отгони всѣ обольщенія лукавого духа, *вспѣхъ насъ обольщающія.* Господи, просвѣти насъ, Господи, спаси насъ. Господи, спаси бѣдныхъ людей Твоихъ.

Господи, удержи гнѣвъ *твой*, и ярость казней твоихъ. Господи, преклонись немощью нашею и помоги намъ, *возвѣстия намъ, обрати къ тебѣ и вознести(съ тебя) умоляющій вопль къ Тебѣ, и рыданьемъ сердецъ нашихъ умолить тебя.* (Господи, пошли духа твоего святого, не вѣдя что творять, прости безумія нашего). Господи, не взирая на нечестивыя наши дѣла и *воплъ неистовый*, не вѣдятъ бо что творять, *ради любящихъ тебя, ради угодяющихъ*, пошли духа твоего святого, вразуми и спаси насъ. Спаси, спаси насъ, спаси.

Господи, спаси и помилуй бѣдныхъ людей твоихъ. Не дай лукавому возвеселиться и овладѣть нами. Не дай врагу поглумиться падъ нами, и мрачному производить беспорядки и неустройства, возмутить стройность, *знаменующую* присутствіе твое *съ нами.* Господи, яви, *сотвори святое* твое чудо *твое*, устрой, устрой.

Господи, спаси.

Небесная стройность и мудрость Христа, соприсутствовавшая Богу при твореньи міра, безъ нея же ни что же бысть. Яви челоуѣколюбіе свое ради святой крови своей, ради жертвы за насъ принесенной. *Внеси святой порядокъ, (Спаси и разговя*

хаосъ въ котор... бысть миръ. Устрой, устрой, спаси насъ) и разогнавши мысли (изъ хаоса) нечестивыя, вызови изъ хаоса стройность, и спаси насъ, спаси, спаси насъ. Господи, спаси и помилуй бѣдныхъ людей твоихъ.

Господу

Возгла

9.

Реэстръ книгъ, остающихся въ Москвѣ.

Собраніе русскихъ лѣтописей	2	книги
Словарь церковно-Словенскій Академическій	2	книги
Церковный словарь	2	»
Греческій словарь Косовича	1	»
Lexicon Gresco-latinum	1	»
Collexion des auteurs latins	1	»
Homeri carmina	1	»
Исторія Евсевія	2	»
Записки на книгу бытія	1	»
Luciani opera	1	»
Aristophanis comediae	1	»
Древняя Исторія Беккера	1	»
Средняя исторія	1	»
Географія Зябловскаго	6	»

10.

Губами не плюскати.

Губами не сверкати.

Ртомъ не чавкати, не ляскати.

Нищелюбець, страннопріимникъ, недосадитель.

Не славохотень, не златолубецъ.

Молитвенникъ, друголюбецъ, разумный трудникъ къ Богу неосудникъ.

Настыгнетъ поклепъ и оговоръ.

У небесныхъ чертоговъ кроткостояніе.

Посмѣхъ и укоризна.

Участникъ зла и общникъ нечестивыхъ.

Благожитіе.

Обносъ и поносъ.

Добрымъ наукомъ вѣкъ живетъ.

И въ грозѣ и во всякомъ дозорѣ.

Твоего берегли бы всѣ за одинъ.

Не потачилъ и обыскивалъ прямо съ очей на очи.

Изгинеть имѣнье.

Бездождіе, безвременные дожди и нестройные лѣта, и зима не-
угодна, и мразы, и земли бесплодіе, рыбамя и всякому
обилію скудость.

Съ благотерпѣньемъ.

Нѣтъ устроя между людьми.

Указать дневное дѣло всякому руководѣлію.

Колачи, блины, пироги, всякіе каши и кисели, и всякіе при-
спѣхи.

Стирать выполоскать и скатать.

Сталъ учить какъ сѣять муку, притворити квашню и замѣсити.

Валять и печь хлѣбъ такъ, чтобы были квасны и букóны и
выпечены.

Обрѣски сукна и холстины.

Всякому руководѣлію порядня и снасть была бы въ подворья.

Всякому домовитому обиходу была бы своя порядня.

Поваренная порядня и хлѣбная была бы сполна. И мѣдное, и
оловяное, и желѣзное, и деревяное.

Пересмотрѣть что измято, избито, утло, изваляно, подралося.

Мѣримое было бы измѣримое, вѣсовое извѣшено.

Пустыхъ, пересмѣшныхъ, соромныхъ, бездѣльныхъ рѣчей не
говорила.

Да не знаться съ переходными бабами, гадальщицами, волхова-
тельницами и ворожеями.

Ходильное платье, убрusy, рубашки, ширинки, все было бы
чисто, бѣло, уверчено, укладено, не перемято, не стол-
чено.

- А лучшее платье, саженье, монисто въ сундукахъ и коробьяхъ за замкомъ, и ключи держала въ маломъ ларцѣ.
- Вино, медъ, пиво, гостинцы держала бы жена въ погребѣ да ледникѣ, а сама бы не пила. Пила бы безхмѣльную брагу и квась и дома и въ людяхъ.
- А платье, рубашки, убрusy носить на себѣ бережно: не извальять, не изсуслить, не измять, не класть на мокрое, садясь оглядываться, питьемъ
- Три раза въ день перемывать горячей водой ковши, братины, ложки, ставцы и всякую посуду, поутру, послѣ обѣда и въ вечеру. Перемывши вытереть и высушить.
- А ведра, и ночва, и квашни, и корыта, и сита, и решета, и горшки, и кувшины, и корчаги. И вымыть, и выскрестъ, и вытереть, и высушить, и положить въ чисто мѣсто.
- А по лавкѣ, по двору, по хоромамъ сосуды не волочили бы, а ставцы, блюда, братены, ковши и ложки по лавкамъ не валялись бы. Но въ чистомъ бы мѣстѣ лежало опрокинуто ницъ. Сосуды, лучшие, серебряные, оловяные, золотые держать за замкомъ въ крѣпкомъ мѣстѣ.
- Передъ крыльцомъ солома грязи на ноги отирать, ино лѣсница не угрязнится. И у сеней передъ дверьми рогожка или войлокъ ветшаный или потирало. А подальше еще что получше.
- Такъ ведется у добраго домовитого благоразумнаго Государя своимъ дозоромъ и добрымъ наукомъ. А купить у кого приѣзжева, торгуй полюбовно и деньги плати вдругъ. А по куплѣ и почестку учини. Хлѣбомъ да солью да питьемъ, привѣчай словомъ и привѣтомъ, а смотря по торговлѣ и человѣку, какъ нибудь и подари. Не будетъ убытка. Всегда мимо тебя добраго товару не продасть, лишнева не возьметъ и худова не дастъ.
- Всему дозоръ, и присмотръ, и блюденье.
- А по обиходу смотря, купи и въ запасъ чего на возъ: тафты косякъ или сукна поставъ.

А лёсъ, и дрова, и бочки, и мѣрники, и скалы, и будникъ, и лубья,
и липнягъ, и доски, и драницы, и желобы, коли тому на возъ,
въ зимѣ на возѣхъ, а лѣтѣ на плотѣхъ и въ лодьяхъ на
годъ запасешъ.

Что слишкомъ дешево купи, коли хозяинъ, хоть и ненадобно, на-
верстаешъ въ другомъ съ прибылью чего много запасъ.

Матеріалы историческіе.

Среди собственноручныхъ бумагъ Н. В. Гоголя сохранилось значительное количество листовъ вырѣзанныхъ и вырванныхъ изъ записныхъ книжекъ разнаго формата и заполненныхъ собственноручно Гоголемъ свѣдѣніями и замѣтками по всѣмъ періодамъ исторіи всемірной и, больше всего, русской.

Сохранилась и обертка съ записной книги большаго формата (въ листъ), съ собственноручною надписью Гоголя, большими буквами, въ двѣ строки: «Матеріаль лекцій». Надо думать, что большинство уцѣлѣвшихъ листовъ, большаго формата, совершенно однородныхъ, сѣрыхъ и съ однимъ водянымъ знакомъ «Pro patria» (VI т., стр. 792), входили въ составъ одной записной книги, назначеніе которой Гоголь точно опредѣлялъ вышеприведенною надписью. Листы другою формата, въ четвертку, зеленѣватаго цвѣта, съ водяной монограммой изъ двухъ латинскихъ буквъ G и P, вырѣзаны изъ другой записной книжки, имѣвшей, однако, тоже самое назначеніе.

Очевидно, у Гоголя было нѣсколько записныхъ книгъ, которыя онъ заполнялъ матеріалами, служившими ему для составленія и чтенія лекцій по исторіи. Сюда вносились прежде всего выписки изъ источниковъ и пособій по исторіи, а потомъ уже собственныя замѣтки Гоголя и собственное его изложеніе историческихъ событій и характеристикъ, а также собственный его подборъ свѣдѣній, относящихся къ извѣстному историче-

скому лицу или событію; и лишь нѣкоторыя страницы этихъ книгъ сохранили попытки Гоголя въ литературно-обработанной формѣ изложить извѣстную лекцію.

Редактору VI и VII тт. десятаго изданія Сочиненій Н. В. Гоголя были извѣстны эти разрозненные листы съ Гоголевскими матеріалами для лекцій по исторіи, и часть изъ нихъ напечатана имъ въ VI томѣ подъ общимъ заглавіемъ: «Черновые наброски, замѣтки и выписки, относящіяся къ русской исторіи» (стр. 439—448), и въ примѣчаніяхъ къ «Наброскамъ изъ древней исторіи» подъ заглавіями: «Мидія» и «Персы» (стр. 787—789). Однако, въ примѣчаніяхъ къ «Черновымъ наброскамъ» редакторъ заявилъ (792 стр.): «Въ этомъ отдѣлѣ нами соединены *есть* тѣ черновые наброски Гоголя, относящіяся къ русской исторіи, которыя, не составляя какихъ либо законченныхъ статей, были имъ или записаны для памяти, будучи составляемы по источникамъ, или же заключали въ себѣ размышленія автора и, вѣроятно, предназначались для дальнѣйшей разработки въ будущемъ». Изъ всего этого не весьма вразумительнаго заявленія можно вывести совсѣмъ неправильное заключеніе о томъ, что редакторъ исчерпалъ *есть* черновые наброски Гоголя, по крайней мѣрѣ, по русской исторіи, что напечатанными редакторомъ набросками ограничиваются всѣ уцѣлѣвшія записи Гоголя и что, кромѣ этихъ напечатанныхъ, не сохранилось никакихъ матеріаловъ, относившихся къ занятіямъ Гоголя исторіей.

Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ: до нашего времени сохранилось и уцѣлѣло разрозненныхъ листовъ съ матеріалами Гоголевскихъ лекцій по исторіи гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ напечатано редакторомъ VI и VII томовъ десятаго изданія. Такъ, по средней исторіи не напечатанъ ни одинъ изъ трехъ уцѣлѣвшихъ листовъ, изъ коихъ одинъ начинается заголовкомъ: «Суевѣрія», другой: «Торговля Балтійская», и третій съ замѣтками о судѣ у Франковъ. На шесть же напечатанныхъ листовъ съ матеріалами по русской исторіи приходится шестьдесятъ одинъ листъ не напечатанныхъ.

Всѣ эти ненапечатанные листы были, однако, извѣстны редактору десятаго изданія: совершенно безпорядочный перечень ихъ напечатанъ имъ на 894—895 стр. VII тома. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ перечнѣ трудно узнать нѣкоторыя страницы: такъ неумѣло прочитаны первыя строки ихъ. Напримѣръ, на 895 стр. сказано: «далѣе слѣдуетъ страница, на которой написано: Періодъ Татаръ до Византіи»; очевидно, редакторъ здѣсь описываетъ страницу, на которой въ дѣйствительности написано: «Періодъ Татарскій. Изъ Визант.», и далѣе приводится выдержка изъ *Rachimeges*. Ниже одной строкой редакторъ описываетъ: «далѣе — на отдѣльной страничкѣ: Уже появляться земли Европейскаго востока... еще уже сильнымъ доказательствомъ малочисленности славянъ». Тутъ редакторъ по собственному произволу соединилъ начала двухъ страницъ въ одно, при чемъ совершенно неправильно прочиталъ Гоголевскій текстъ. Гоголь написалъ въ началѣ первой страницы: «Уже самымъ положеніемъ земли Европа восточная отличается отъ западной»; — въ началѣ второй: «Уже сильнымъ доказательствомъ многочисленности Славянъ».

Обращаясь къ тѣмъ листамъ, текстъ которыхъ напечатанъ редакторомъ въ VI томѣ на 439—448 стр., необходимо прежде всего внести нѣкоторыя существенныя поправки.

Такъ, на 439 страницѣ подъ 9 примѣчаніемъ напечатано: «по краямъ были тѣ лѣтописи *не писаны*»; въ дѣйствительности Гоголемъ написано: «по краямъ были тѣ лѣтописи *истинны*».

На той же страницѣ между примѣчаніями 14 и 15 напечатано: «а *отъ этого*... долго еще были бусурманами»; у Гоголя написано: а *отъ того*...» и т. д.

На той же страницѣ подъ 18 примѣчаніемъ напечатано: «иные вовсе *не ученые*»; у Гоголя написано: «иные вовсе *не ученые*».

На той же страницѣ между примѣчаніями 21 и 22 напечатано: «*Перемына* была не въ однихъ монастыряхъ: она была

ремесло подешника»; у Гоголя написано: «Переписка была не въ однихъ монастыряхъ: она была *что* ремесло подешника».

На 441-ой страницѣ, въ 4-ой строкѣ, напечатано: «незадомо до Чимабуэ»; у Гоголя написано: «и задомо до Чимабуэ».

На той же страницѣ, въ 10-й строкѣ, напечатано: «начинаеть писать на Моск(овскомъ) языкѣ»; у Гоголя написано: «начинаеть писать на *своёмъ* языкѣ».

На той же страницѣ, въ 17 строкѣ, дважды напечатано: «франкскій»; у Гоголя дважды написано: «франконскій».

На той же страницѣ, въ 21 строкѣ, напечатано: «написана на пергаментѣ»; у Гоголя: «писана на пергаментѣ».

На той же страницѣ подъ 3-мъ примѣчаніемъ напечатано: «поэтому нѣтъ»; у Гоголя написано: «потому нѣтъ».

На 442-ой страницѣ, въ послѣдней строкѣ напечатано: «у кого они *покупали*»; у Гоголя написано: «у кого они *покупались*».

На 443-й страницѣ, въ 7-ой строкѣ, напечатано: «велѣлъ *есть* дать»; у Гоголя написано: «велѣлъ *есть* дать».

На той же страницѣ, въ 12-ой строкѣ, напечатано: «отказывалъ и передавалъ»; у Гоголя написано: «и *все* отказывалъ и передавалъ».

На той же страницѣ, въ 17 и 18 строкахъ, напечатано: «А кто моихъ бояръ иметь *скупить* у моей княгини, а волости имуть *вдати*»; у Гоголя написано: «А хто моихъ бояръ иметь *служити* у моее кнегини, а волости имуть *вдати*».

На той же страницѣ, въ 21 строкѣ, напечатано: «Владыка Володимерскій Алексій»; у Гоголя написано: «Владыка Володимерскій Олексій».

Печатаемые ниже матеріалы для лекцій Гоголя по исторіи дѣлятся по отдѣламъ исторіи, къ которымъ они относятся, на двѣ неравныя части: 1, на матеріалы по средней исторіи и 2, на матеріалы по русской исторіи.

Матеріаловъ по средней исторіи сохранилось сравнительно немного. Они содержатся на двухъ полулистахъ большаго формата, изъ коихъ одинъ начинается заголовкомъ «Суевѣрія», а другой — заголовкомъ «Торговля Балтійская», не обнимающими, впрочемъ, всего содержанія полулистовъ, и на небольшомъ обрывкѣ листа, на которомъ набросаны замѣтки о судѣ у Франковъ.

Гораздо многочисленнѣе уцѣлѣвшіе матеріалы по русской исторіи въ частности и по исторіи Славянской вообще. Всѣ эти матеріалы состоятъ изъ выдержекъ, выписанныхъ Гоголемъ изъ первоисточниковъ и пособій, и изъ собственныхъ его замѣтокъ и соображеній.

Вся эта область матеріаловъ, повидимому, весьма мало имѣла отношеній къ лекціямъ Гоголя. Надо думать, что эти матеріалы заготовлялись для собственныхъ его занятій исторіей, особенно исторіей Малороссіи.

Извѣстно увлеченіе его исторіей и желаніе его написать многотомное пособіе по этой отрасли знаній. Переписка его съ Погодинымъ, Максимовичемъ, Срезневскимъ, Пушкинымъ и даже съ родными, до 1835 года, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о направленіи симпатій Гоголя въ сторону исторіи, о занятіяхъ его и подготовкѣ имъ матеріаловъ для предполагавшихся трудовъ въ этой области¹⁾.

Печатаемые ниже матеріалы Гоголя служатъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ его увлеченія исторіей, многочисленности его занятій и усидчивой работы его надъ ней, и наилучшей иллюстраціей для апріорнаго положенія, высказаннаго Витбергомъ, что «увлеченіе историческими занятіями составляетъ весьма серьезный вопросъ въ жизни Гоголя, а потому и отнестись къ этому увлеченію слѣдуетъ серьезно, не спѣша произно-

1) См. также отдѣльныя монографіи по этому предмету: Ф. Витберга, «Гоголь какъ историкъ», въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1892 года, книга 8, 390—423 стр., Шенрока В. И. во второмъ томѣ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя» и И. Каманина, «Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи», Кіевъ, 1892.

силь прїговоръ надъ занятїями, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ поглотавшими все вниманіе Гоголя и мѣшавшими ему отдаться природнымъ поэтическимъ влеченїямъ».

Изъ первоисточниковъ заслуживаютъ вниманїа «Выписки изъ Кїевской лѣтописи». Сопоставленїе ихъ съ напечатанными лѣтописями показываетъ, что оригиналъ ихъ былъ не печатный. Повидимому, текстъ Гоголевскихъ «Выписокъ» весьма близко подходитъ къ Хлѣбниковскому списку Лѣтописи. Однако, оригиналъ «Выписокъ» сокращеннїе Хлѣбниковскаго списка».

Не объ этомъ ли оригиналъ Гоголь писалъ Пушкину 23 декабря 1833 года: «Порадуйтеъ находкѣ: я досталъ лѣтопись безъ конца, безъ начала, объ Украинѣ, писанную, по всѣмъ признакамъ, въ концѣ XVII вѣка?»

Собственноручные листы Гоголя хранятся въ Румянцовскомъ Музеѣ подъ №№ 3220 и 3221. При печатанїи ихъ Гоголевское правописанїе не удерживалось.

Матеріаль лекцій.

Матеріалы по средней исторіи.

I.

Суевѣрія.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1399, говорятъ современный историкъ, во всей Италіи видны были *Vianchi*. Въ бѣломъ одѣяніи они проходили изъ города въ городъ, изъ провинціи въ провинцію, крича *Misericordia*, съ покрытымъ лицомъ, опущеною головою, и неся впереди крестъ. Ихъ обыкновенная пѣсня *Stabat mater*. Это продолжалось 3 мѣсяца. Всѣ неучаствовавшіе считались еретиками. Но это не въ одной Италіи: во Франціи ихъ обыкновеніе покрывать голову такъ облегчало преступленіе, что должно было запретить ихъ. Въ Англіи тоже находится актъ парламентскій Генриха IV, запрещающій, подъ страхомъ конфискаціи имѣнія, вступать въ новую секту въ бѣлыхъ платьяхъ.

Охота соколя въ 14 столѣтіи любимая забава. Рѣдко рыцарь выѣзжалъ безъ сокола на рукѣ и гончей собаки. Гробницы рыцарей всегда украшены соколомъ или несущею дичь собакою. Даже памятники дамъ были украшены соколомъ. Монахи чрезвычайно занимались охотою. Нѣсколько разъ монастыри получали позволеніе. Монахи Сентъ-Дениса представляли Карлу Вел. въ 774 году, что мясо животныхъ, убитыхъ на охотѣ,

есть лучшее для больныхъ монаховъ, и что кожа сихъ животныхъ служитъ на переплетъ книгъ библіотеки. Архіепископъ въ 1321 въ Іоркѣ охотился съ собаками. Третій соборъ Латранскій въ 1180 запретилъ это удовольствіе въ продолженіе посѣщенія епархій и ограничилъ свиту епископовъ 40 или 50 лошадыми.

Вкусъ къ охотѣ произвелъ презрѣніе всѣхъ полезныхъ занятій и угнетеніе крестьянъ. Высушка болотъ, вырубка лѣсовъ, пагубныя для животныхъ, были запрещаемы, и отъ земледѣліе, а съ нимъ и сивилизація не двигались. Охота какъ вѣчный источникъ ссоръ между баронами.

Жизнь домашняя. До Карла Великаго въ Германіи не было другихъ городовъ, кромѣ выстроенныхъ Римлянами на Рейнѣ и Дунаѣ. Домъ съ своими хлѣбами и принадлежностями, окруженный плетнемъ или другимъ заборомъ, назывался *дворомъ*, что въ англійск. книгахъ правовѣд. называлось *toft* или *homestead*. Такое обиталище съ земледѣльскими землями и прилежащими лѣсами называлось *manse* или *villa*. Соединеніе многихъ мансовъ называлось *manche*. Соединеніе маршей составляло *ragus* или кантонъ.

Комерція. Торговля не имѣетъ никакого начала, потомучто у каждаго своя ремесленники. Платье шили имъ жены и домашніе. Для низшаго класса нужны ткачи, кузнецы, кожевники были въ городахъ послѣ. Торговлѣ препятствовали неурейства и разбойничества первыхъ фамилій. Западъ Европы едва имѣлъ сношенія самыя малыя съ Востокомъ. Бѣдность Европы не въ состояніи была ничего купить у роскошнаго Востока. Венеція первая имѣла трактатъ съ Греціей и восточными странами. За нею слѣдовалъ Амальфи. Сверхъ произведеній востока, эти города вывозили изъ Константинополя сукна очень немного.

Въ 11 вѣкѣ въ Европѣ было менѣе денегъ въ обращеніи, нежели во время паденія Римской имперіи. Венеціане часто продавали Сарацинамъ рабовъ, чтобы имѣть отъ нихъ произведенія востока.

Комерція, по положенію Европы, имѣла два направленія, одно объемлющее страны при моряхъ Балтійскомъ, Нѣмецкомъ и Атлантическомъ, другое вокругъ Средиземнаго. Въ первомъ страны Нидерланды, берега Франціи, Германіи и Скандинавіи и приморскія графства Англіи, во второмъ провинціи Валенція, Каталонія, Провансъ, Лангедокъ и вся Италия.

Болѣе всего на сѣверѣ произвели движенія въ торговлѣ фабрики шерстяныхъ матерій во Фландріи. Онѣ были цвѣтущими въ 12. (Одинъ писатель 13 вѣка говоритъ, что весь свѣтъ былъ одѣтъ въ аглицкую шерсть, работанную во Фландріи). Кельнъ былъ главнымъ торговымъ городомъ на Рейнѣ. Всѣ были опечалены войною Фландрцевъ противъ ихъ графа Людовика въ 1380. Въ этой войнѣ Гандъ и Бругъ отличились демокраціоннымъ духомъ. Гандъ былъ однимъ изъ величайшихъ городовъ въ Европѣ, но Бругъ, хотя не такъ великъ, имѣлъ болѣе зданій нужныхъ для купцовъ и былъ посѣщаемъ среднеземною и сѣвѣрною торговлею. Анверсъ до 16 вѣка не замѣчателенъ. Города Зеландіи и Голандіи занимались только рыбными промыслами. Въ Германіи привилегіи, данныя Генрихомъ V вольнымъ городамъ и ремесленникамъ, способствовали промышленности. Во Франціи они не были освобождены отъ произвольной власти, а безмѣрные подати, соединенныя съ несчастною войною противъ Англичанъ, остановили промышленность.

Пиратство сдѣлалось всеобщимъ. Богатый корабль всегда подвергался опасности. Въ предотвращеніе отъ этого существовало право удовлетворенія, утонченіе древняго права мищенія. Ограбленный отъ кого нибудь изъ одного города получалъ позволеніе магистрата своего схватить все принадлежащее тому городу и держать у себя до тѣхъ поръ, пока не будетъ вознагражденъ за потерю. Это право удовлетворенія существовало.

Существовало еще обыкновеніе захватывать лицо или дѣла одного изъ иностранцевъ за долги его товарищей. Генрихъ III, давая харту Любекскимъ жителямъ, положилъ, что никто изъ нихъ не будетъ оставляемъ за долги товарищей.

Торговлѣ способствовали большія привилегіи. Общества купцовъ держали монополию и ключъ къ торговлѣ востока.

Проценты и денежныя выгоды были велики непомерно. Въ Верронѣ въ 1228 постановлено закономъ 12½ на сто. Въ Моденѣ, кажется, возвышено въ 1270 до 20 на сто. Къ концу 14 вѣка, когда Италія разбогатѣла, республика Генуезская платила своимъ кредиторамъ отъ 7 до 10 на сто. Но во Франціи и Англии такса была непомерна. Филиппъ прекрасный установилъ 20 на сто. Въ Англии, въ царствованіе Генриха III, должники, по словамъ Mathieu Paris, платили всякіе два мѣсяца десять на сто.

Въ началѣ денежная торговля находилась у жидовъ, которые лихоимствомъ стали быть извѣстны съ 6 вѣка. Въ 12 столѣтіи они не только владѣли землями въ Лангедокѣ и учились медицинѣ и равинской литературѣ въ Монпелье, подъ покровительствомъ графа Тулузскаго, но даже занимали гражданскія мѣста.

Raymond Roger vicomte de Carcassonne посылалъ приказанія своимъ судьямъ христіанскимъ и жидамъ. Одно изъ условій, возложенныхъ церковію на графа Тулузскаго, было то, чтобы онъ не оставлялъ ни въ какой должности въ его областяхъ. Въ Испаніи они были въ самомъ значительномъ числѣ. Ихъ дѣятельность и искусство во всѣхъ денежныхъ оборотахъ имъ всегда доставляли принцевъ покровителей. Въ хартіи, привилегіяхъ принца Аррагонскаго Петра III въ 1283 находится пунктъ, запрещавшій жидамъ исполненіе должностей судейскихъ. Кастильскіе короли Алоизо XI и Петръ жестокій возбудили всеобщее неудовольствіе, повѣривъ жидамъ правленіе ихъ сокровищъ. Потомъ они были сильно угнетаемы и преслѣдованы до Карла VI, при которомъ они совершенно были изгнаны изъ государства.

Иудеи не были такъ жестоко трактуемы въ Англии, но послѣ XIII ихъ богатства значительно уменьшились. Въ Англии приходъ таможни былъ часто повѣряемъ банкирамъ италіанскимъ. Первый банкъ былъ въ Барцелонѣ (какъ говорятъ) въ 1401. Банки Венеціи и Генуи были въ другомъ родѣ.

Въ послѣдней половинѣ XIII общество получило ускоренный

шагъ. Благодаря правленію справедливому Людовика, кроткому характеру его брата Альфонса графа Тулузскаго и поэта, Франція могла пользоваться улучшеніемъ. Италия быстро перешла съ утратой своей свободы къ роскоши. «Въ это время», говоритъ писавшій около 1300, говоря о царствованіи Фридриха II, «нравы Италіанцевъ были грубы, мужъ и жена ѣли изъ одной тарелки. Въ домѣ не находили ножа съ деревянною ручкою, ни болѣе одной чаши или двухъ для питья. Не знали ни свѣчей, ни подсвѣчниковъ; въ продолженіе ужина слуга держалъ факелъ изъ зажженного дерева. Одѣяніе людей было изъ кожи, рѣдко видно было золото или серебро на платьѣ. Простой изъ гражданъ ѣлъ говядину три раза только въ недѣлю и оставлялъ холодную на ужинъ. Много людей не пили вина лѣтомъ. Небольшая провизія жита составляла богатство. Приданое женщинъ было незначительно. Ихъ одежда на свадьбѣ была проста. Люди полагали всю гордость, чтобы показаться въ оружіи и на лошади. Благородные обладали высокими башнями. Такимъ образомъ города Италіи были ими наполнены. Понынѣ роскошь замѣнила воздержаніе, для платья ищутъ что есть драгоцѣнное, золото, серебро, перлы, шелковыя матеріи и богатые мѣха. Видны иностранныя вина и деликатныя блюда. Оттуда злоупотребленія, воровство, обманъ». См. Рикобальдусъ Ferragensis у Муратори. Завоеваніе Неаполя Карломъ Анжуйскимъ въ 1266, кажется, было эпохою роскоши въ Италіи. Рыцари Провансальскіе съ ихъ пернатыми касками, золотыми цѣпями и колесница королевы, покрытая золотомъ, бархатомъ, лиліями.

Mussus Муссусъ, историкъ Plaisance Пiacенцы, оставилъ намъ довольно подробное описаніе нравовъ его соотечественниковъ около 1388. Онъ противопоставляетъ ихъ тогдашней роскоши простую жизнь предковъ за 70 лѣтъ прежде. Очень замѣчательное и любопытное въ отношеніи къ домашней жизни городовъ Италіи. Нигдѣ не интересно такъ среднее сословіе. Во Франціи и Англіи оно было бѣдно.

II.

Торговля Балтійская. Любекъ, основанный Адольфомъ графомъ Голштейнскимъ въ 1140 году, былъ первый городъ на Балтійскомъ берегу. Послѣ многихъ переворотовъ въ 13 вѣкѣ началъ зависѣть отъ императора. Гамбургъ и Бременъ на другой сторонѣ Кимврскаго полуострова раздѣляли славу. Въ 1225 Гамбургъ купилъ у епископа своего независимость. Около 1192 колонія изъ Бремена основала въ Ливоніи Ригу. Данцигъ началъ дѣлаться важнымъ городомъ къ концу 13 вѣка. Въ ту же эпоху Кенигсбергъ былъ основанъ Оттокаромъ, королемъ Богемскимъ. Пиратство и грабительство рыцарей заставили ихъ соединиться въ Ганзейскую лигу. 80 городовъ составляли эту лигу. Они раздѣлились на 4 коллегіи, главами которыхъ Любекъ, Кельнъ, Брунsvикъ и Данцигъ. Любекъ былъ патриархальнымъ городомъ этой лиги. Лига имѣла четыре главныя конторы въ иностранныхъ земляхъ: Лондонѣ, Бругѣ, Бергенѣ и Новгородѣ. Города богатѣютъ и снабжаютъ королей золотомъ.

Около 14 столѣтія начинаются сношенія сѣверной торговли съ южной. Южная торговля гораздо обширнѣе кругъ имѣла. Амальфи былъ до крестовыхъ походовъ въ сношеніяхъ съ Аравітянами. Едва замѣтный въ 6 вѣкѣ, возросъ вдругъ и совершилъ блистательный карьеръ, какъ независимая республика до середины 12 столѣтія или покоренія Ротеромъ, королемъ Сициліи.

Паденіе Амальфи вознаградилось возвышеніемъ Пизы, Генуи и Венеціи, получившихъ большія выгоды отъ крестоносцевъ и христіанскія княжества въ Сиріи. Они владѣли въ городахъ Акрѣ, Триполи и другихъ отведенными кварталами, управляемыми ихъ законами и магистратскими начальниками. Впрочемъ, состояніе грубой Европы препятствовало обширности. Возстановленіе Палестины было очень важно какъ конторы, хотя Готфридъ и Урбанъ объ этомъ не думали. Вильямъ оплакиваетъ потерю торговли, которую причинило взятіе Акры, расположенной въ срединѣ и посящавшейся купцами всего свѣта. Обитатели Акры отличались

преступленіями своими. Въ 1291 они ограбили подданныхъ одного магометанскаго султана, сосѣда ихъ, и когда отказались дать удовлетвореніе, ихъ городъ былъ осажденъ и взятъ. Потеря была возвращена Венеціанами, вытравившими позволеніе продолжать торговыя сношенія съ Сиріей и Египтомъ, натурально за великія контрибуціи.

Sanuto, венеціанскій писатель начала XIV вѣка, оставилъ замѣчательныя о торговлѣ его соотечественниковъ съ ливантомъ. Изъ Александріи вывозили лѣсъ для строенія, мѣдь, бѣлое желѣзо, свинець и драгоцѣнныя металлы, деревянное масло, шафранъ и даже шерсть и сукна. Торговыя города пользовались такою же торговлею и правами въ Константинополь, имѣли кварталы и своихъ магистратовъ, избираемыхъ Венеціей. Когда Греки возвратили столицу, Генуезцы, изъ ревности споспѣшествовавшіе ихъ предпріятію, получили подобныя привилегіи. Этотъ могущественный и предпріимчивый городъ, иногда союзникъ, иногда непріятель двора, сохранилъ въ продолженіе XIV столѣтія независимость отъ своего установленія въ Перѣ. Оттуда они свой флагъ въ Евксинъ, колонизовали въ Крыму, простерли даже въ Центральную Азію направленіе своей торговли, которую не могутъ у насъ поднять и до сихъ поръ утвердить. Присредиземныя провинціи Франціи раздѣляли выгоды. Не только Марсель и Нарбонъ, Нимъ и особенно Монтпелье были на состояніи благосостоянія. Каталонія представляла картину еще болѣе оживленную. Варцелона, приближаясь къ срединѣ XIII вѣка, соперничала съ городами Италіи торговлей и морскими силами, занятая частыми и изнурительными войнами съ Генуей и Константинополемъ, тогда какъ корабли ихъ во всѣхъ частяхъ Средиземнаго моря и Ла Манша. Каталонцы играли роль первыхъ націй морскихъ.

Шелковая мануфактура, которую Рошеръ Гискардъ установилъ въ Палермо въ 1148, дала можетъ быть первое движеніе промышленности въ Италіи. Около того же времени Генуезцы ограбили два города Мавровъ въ Испаніи и заимствовали у нихъ это искусство. Въ слѣдующемъ вѣкѣ шелкъ сдѣлался главнымъ

предметомъ фабрикъ въ Ломбардіи и Тосканѣ, и разведеніе шелковицы было предписано закономъ (Muratorì). Впрочемъ, италянскія фабрики извлекали больше шелкъ изъ Испаніи и Леванта. Италія, Каталонія и Полуденная Франція производили также коммерцію Фландріи сукнами, не смотря на грубость. Между различными компаніями средняго сословія гражданъ, занимавшіяся шерстью и шелкомъ были многочисленны и значительны.

Морское право Римляне переняли у Родосцевъ. Система среднихъ вѣковъ была похожа и болѣе распространена. Она была собрана въ кодексъ письменномъ: *il consolato del mare*, около 13 вѣка, котораго обнародованіе по Галлану болѣе принадлежитъ Барцелонѣ, нежели Венеціи и Пизѣ, оспаривающимъ это. Этотъ кодексъ разсматриваетъ и военные флоты и права ихъ. Король французскій и графъ провантскій утвердили этотъ кодексъ. Въ царствованіе Людовика IX извлеченъ былъ изъ него Регламентъ, который потомъ приняла Англія. Онъ извѣстенъ подъ именемъ *lois d'Oléron*, будто бы Ричардъ I его издалъ, когда его флотъ вмѣсто Святой земли приплылъ къ этому острову. Сѣверъ тоже имѣлъ свою морскую юриспруденцію. Городомъ Висби на островѣ Готландѣ было сдѣлано извлеченіе изъ ихъ законовъ прежде 1400, которое приняли Балтійскіе купцы.

III.

Франки судились по законамъ . . .

Галлы римскіе по Θεодосіеву кодексу.

О. Готы, у которыхъ цивилизація раньше, начали двигаться прежде, оставляли обыкновенно свои и принимали римскіе законы.

Законы Вестготовъ были также приведены духовенствомъ къ соединенію съ варварскими.

Имя Галловъ и Франковъ не было совершенно смѣшано у Франковъ и только при и послѣ Карла они смѣшиваются.

Большое различіе касательно наслѣдства и судопроизводства.

Матеріалы по славянской и русской исторіи.

1.

Уже самимъ положеніемъ земли Европа восточная отличается (рѣзко, сильно и разительно) отъ западной, (означенной какимъ то), *на которой впечатлѣны знаки какою то, своенравіемъ природы, возвысившей посреди ея горы, поднявшейся на каждомъ шагу цѣпями горъ, углубившей долины, оборвавшей утесы, перекинувшей каскадами рѣки, протянувшей частые мысы въ море, не позволившей морю углубленными заливами ворваться въ ея предѣлы.* Все, напротивъ, ровно и (покойно) *однообразно* въ Европѣ восточной, какъ будто бы *прихотливая дѣятельность* природы здѣсь (успокоилась) *нашла покой.* Она вся здѣсь одна масса, одно пространство. Южная часть этого *пространства* востока, идущая къ Черному морю, — *травистыя, необозримыя, ровныя* степи. *Средняя часть* равнины покрыта боромъ; сѣверная *тоже* *ровное, но болотистое пространство, на которомъ тиснулъ Сѣверъ* свою печать, дышащую печальною дикостью. Рѣки далеко текуція, но не сообщающіяся. (Горы оградили эту неизмѣрную равнину великанскими). Горы сторожатъ эту (безмѣрную) *непомѣрно безмѣрность* и равнину. Пустынными рядами уральскими, снѣгоглавымъ Кавказомъ, вѣтвистымъ Карпатомъ, онѣ окружили ее какъ бы съ тѣмъ, что здѣсь сохранилась долговременн(ый)о

особая своеобразность, особый отпечатокъ на здѣшнихъ народахъ. Она вся заселена вѣтвями народовъ славянскихъ такъ, какъ западная германскими. Подобно какъ Германцы аборигены Европы западной, такъ Славяне аборигены восточной. Они (древни какъ) можетъ быть древни въ такой степени, какъ древни народы древняго міра.

Подъ темными именами то Скифовъ, то Сарматовъ они вели свою (темную) жизнь, лишенную исторіи, въ своихъ великихъ пространствахъ ужасавшей древнихъ даже южнымъ воскрилемъ своихъ. Что они древни, свидѣтельствуеъ ихъ великая многочисленность, уже видная съ седьмого и осьмого вѣка. Милліоны не переселяются, для того же чтобы разродиться въ милліоны, нужны тысячи лѣтъ. Что они древни *и давно жили*, доказываетъ (ихъ) глубокое безмолвіе и неслышность о нихъ. Если бы такое ужасное количество племени переселилось уже во времена известная исторіи, то это не могло бы произойти безъ шума и потрясенія по всей Европѣ. Что они древни, свидѣтельствуеъ разнообразіе племенъ и тѣ частныя отличія, которыя они получили отъ мѣстъ жизни, обстоятельствъ и хода исторіи, которыми они отдѣляются одни отъ другихъ, и которые народъ получаетъ долговременнымъ пребываніемъ на одномъ мѣстѣ. Что они древни, доказываютъ черты осѣдлой жизни во внутренности ихъ земель, замѣченныя еще съ 4-го столѣтія. Что они древни, доказываетъ многосложность ихъ религіи, ихъ богопочитаніе, носящія всѣ признаки развѣвшейся жизни; разнообразіе ихъ занятій, для чего нужно было огромное пространство времени, связанное съ мѣстностью ихъ земель, рощами, рѣками и показывающее оригинальность, возникшую именно изъ земли Восточной Европы.

Почему же, (зачерпнувши) *упершись* своимъ началомъ въ глубокую древность, они не вынесли своей исторіи. Потому что они не могли дѣйствовать оглушительно и массами, какъ дѣйствуетъ народъ пришлецъ, потому что ведущему осѣдлую жизнь трудно подняться съ своего мѣста, потому что разбросанному по великимъ несообщающимся пространствамъ трудно для этого соеди-

наться, потому различествующимъ въ племенахъ и нравахъ, потому (что не было) нѣтъ нужды народамъ семейнымъ, имѣющимъ жилища.

Тогда многіе бродящіе народы, какъ фантомы, появлялись неожиданно, безъ исторіи, безъ корня. Они были вообще малочисленны, но были страшны своею бѣдностью, своею бродяжническою жизнью и всегдашнею готовностью сдвинуться съ своего мѣста, своею удобностью дѣйствовать всею массою, не возможною для народа осѣдлаго. Они оглушали совершенно своими нападеніями и увлекали часто въ свои массы народы покоренные. Такъ, степи южной Россіи, страшныя своею беззащитностью, открытымъ положеніемъ, были удобны для ихъ кочующихъ массъ. Такъ промчались оглушительныя нашествія Гунновъ, Аваровъ, Аноковъ, Угровъ, Готовъ. Ихъ толпы состояли изъ многихъ покоренныхъ, но имя вождя и народа побѣдителя одно звучало.

2.

Уже сильнымъ доказательствомъ многочисленности Славянъ служило то, что всѣ народы перелетные, такъ громко звучавшіе своимъ именемъ, исчезли вдругъ. Полвѣка послѣ уже не было ни слѣдовъ Гунновъ, Аваровъ и (другихъ. А между тѣмъ многочисленные славяне остались неподвижны). А между тѣмъ славяне остались и на своихъ мѣстахъ, и весь востокъ Европы сдѣлался покрытымъ славянскими племенами.

Славянъ вдвинули въ исторію, можно сказать, всѣ эти ихъ завоеватели и повелители. Увлеченные ихъ толпами, они появились въ ихъ войскахъ, и уже Греки замѣтили ихъ.

3.

Почему же (эта) неслышность и безмолвная судьба исторіи Славянской.

Въ чемъ состоитъ особенность и своеобразный характеръ этой исторіи.

Ихъ многочисленность;

Ихъ удобство къ покоряемости;

Ихъ рабство и терпящая участь и, наконецъ, —

Ихъ дѣятельность, устремленная чуждою силою;

(Ихъ неподвижность)

Уничтоженіе въ ихъ потокахъ и многочисленности ихъ по-
корявшихъ властителей;

Слѣды вставляемые властителями.

Что такое Славяне.

Чисто славянскіе элементы.

Ихъ характеръ коренной, настоящей,

его гибкость и измѣняемость подъ чуждыми владѣніями;

Ихъ жизнь и занятія, порожденныя положеніемъ географиче-
скимъ;

Ихъ вольность, сборы, сходки и патріархальный республи-
канскій элементъ правленія;

Ихъ греческія, поэтически созданное язычество и мифоло-
гическій міръ;

Ихъ музыкальность.

Итогъ характера Славянина, что долженъ бы былъ онъ объ-
щать (и итогъ всего народа).

4.

Славянская мифологія.

Усладъ (у Слав. Кіев.), божество пированій и роскошей.

Туръ, идолъ, богъ сладострастія, въ честь ему праздникъ,
нынѣ семикъ, на которомъ позабываетъ даже пристойность, обо-
жравшись и напившись.

Студенецъ, священное озеро на ост. Ругенѣ, въ густомъ лѣсу.
Рыбы его святы, и никто не смѣлъ ихъ ловить.

Ключи, источники, озера, рѣки и колодцы считались святыми,
имъ приносились жертвы въ ожиданіи плодородія, и потому въ
честь имъ купались тотчасъ по вскрытіи рѣкъ, не смотря на хо-

лодную погоду. И нынѣ въ день Богоявленія, несмотря на морозъ, купаются иногда въ прорубяхъ. Это особливо считаютъ необходимымъ тѣ, которые варяжились на святкахъ чертями или вздѣвали на себя хари.

Стриба, божество кievское.

Сива, богиня Славянъ варяжскихъ.

Въ Семицкѣ дѣвки и бабы, собираясь хороводами, плясали и свивали изъ вѣтвей вѣнки, цѣловались сквозь оныя съ мужчинами, потомъ бросали въ воду, загадавши, если вѣнокъ поплыветъ, то быть ей тотъ годъ за мужемъ, а когда потонетъ, то остаться дома.

Роши и лѣса у нѣкотор. Славя. были священными, не позволялось въ нихъ ловить птицъ, звѣрей и рубить деревья.

Позвиздъ, посвистъ, богъ вѣтровъ у Слав. Кievск.

Корсъ, корисы, божество кievское, богъ припадковъ и болѣзней.

Коляда, богъ мира (въ Кievѣ).

Зимцерна, богиня зари.

Водяной дѣдушка, родъ чертей, живутъ въ мутной водѣ, особенно подлѣ мельницъ.

Догода, славян. зефиръ.

Дидимля, богиня родинь.

Купало.

Волось.

Лель.

Дидъ.

Ладо.

Полель.

Бугъ, рѣка, воды ея священны, ихъ черпали со страхомъ и долго еще послѣ вѣрили, что всякое очарованіе тамъ недѣйствительно.

5.

(Нра Слав). Изъ Славянъ южные несравненно превышали сѣвер. цивилизаціей, мягкостью и нѣкоторою утонченностью нра-

вовъ. Доказательство, что Несторъ, говоря о кротости южныхъ Славянъ Полянъ, въ противоположность говор. о Древлянахъ, Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ и даже Кривичахъ, которыхъ нравы отзываются совершенно дикою жизнью, говорить о жизни ихъ подобно звѣрей среди лѣсовъ, о нечистотѣ, о ненаблюденіи ни родства, ни брака, о похищеніяхъ, о плясаніяхъ, неистовыхъ игрищахъ и похищеніяхъ на нихъ дѣвиць.

Обычай сожженія тѣла, перешедшій изъ дальней ли Индіи, откуда производятъ отдаленное происхожденіе Славянъ, или онъ былъ наслѣдство (древней) языческой Греціи, но онъ сохранился у Славянъ. Несторъ говоритъ: Кривичи, Вятичи и Сѣверь, по сожженіи тѣла, собирали кости въ сосуды и ставили ихъ на большихъ дорогахъ.

6.

Какъ обломки ихъ, языческія имена укрыли русскую землю то въ праздникахъ, то въ названіи деревни, то въ пѣснѣ, то въ сказкѣ.

Не только одни тѣ, о которыхъ говоритъ Несторъ, должны допустить въ Слав. мифологію. Несторъ какъ историкъ, какъ монахъ, какъ христіанинъ, не имѣлъ никакого побужденія входить во всѣ подробности славян. мифологіи.

7.

О славянахъ древнихъ. Изъ Визант. хроникъ.

582. Что Славяне (были) вели осѣдлую, уже неkochующую жизнь, доказательство, что Византійскія Хроники говорятъ, что Баянъ Аварскій, вступивши въ земли Славянскія, началъ грабить и жечь села.

Доказательство миролюбив. характ. Славянъ служить, что они въ это время убѣжали въ лѣса. Menander, p. 126. 129.

Феофилактъ (говоритъ) называетъ ихъ Гетами и говоритъ, что это имя значило тоже самое, что Славяне.

Что Славяне были мало воинственны и пѣвучи, доказательство отъѣтъ, данный греческому Императору тремя славянами, схваченными царскими тѣлохранителями, которые были безъ оружія, а только съ гуслими. Мы Славяне, говорили они. Гусли имѣемъ при себѣ для того, что не привыкли носить оружіе. Да и нѣтъ совсѣмъ желѣза въ нашей землѣ. Оттого мы живемъ въ тишинѣ и мирѣ, играемъ на гуслихъ, не умѣя играть на трубахъ, ибо не зная совсѣмъ войны, музыку мы считаемъ лучшимъ нашимъ упражненіемъ. Они говорили, что ханъ Аварскій пригласилъ ихъ противъ Грековъ и что они присланы для объявленія отказа въ этомъ направленіи дальняго и труднаго пути. Они прибавили, что князьямъ ихъ присланы были отъ него подарки, что ихъ продержали 15 мѣсяцевъ (по Теофану 1½ года) и что они ушли во Фракію, услыша о богатствѣ Грековъ.

Императору (Маврикій, 591) они понравились.

Что они были хороши и атлетической крѣпости, служить доказательствомъ, что императоръ дивился ихъ дородности. Теофилактъ и Теофанъ.

Образъ войны Славянъ съ телегами самый древній.

Когда полководецъ Петръ, въ 14 лѣто царств. Маврикія (596), послалъ для преслѣдованія Славянъ отрядъ изъ 1000, онъ встрѣтилъ скоро славянъ идущихъ съ добычею. Увидавши Грековъ и не видя возможности избѣжать ихъ, они поставили телеги около себя, женъ и дѣтей спрятали въ середину. Коннымъ было сражаться съ ними трудно, покамѣстъ одинъ грекъ не вскочилъ на телегу и началъ рубить наступающихъ непріятелей, и когда пробіались сквозь эту ограду, тогда славяне были изрублены.

Музыкальность Слав. Въ день (празднествъ) народныхъ игръ при Констант. Багр. Славяне употреблялись при INSTR. музыкѣ и должны были итти въ театръ по приказанію чиновника. Constantin de Cerim. A. V. L. I. с. 72. р. 211.

Византійскія хроники говорятъ, что Славяне (были) при осадѣ Г. Солуня были мастера стрѣлять изъ луковъ. Попадали мѣтко

(и ничто не могли уст) *Jo. sameniata de Etheid. Thessal. p. 351. 352. 867.*

945—949. Славяне получали жалованья (стоявшіе въ Опсикійской области) по 5 червонцевъ (начальники) старшіе, прочимъ каждому шло по 3 червонца. Упоминають, что платящіе Россамъ дань Славяне, Кривичи, Ленчанины и другіе рубили зимою на горахъ своихъ лѣсъ, изъ котораго они дѣлали однодеревни (*μονοξύλα*), по вскрытіи рѣкъ возили ихъ въ ближнія озера, а потомъ рѣкою Днѣпромъ приговяли въ Кіевъ, гдѣ, вытащивъ ихъ на берегъ, продавали Россамъ. *Constantin. de Cerim. A. V. L. I. c. 72. p. 211.*

Въ началѣ ноября Росс. князья выѣзжали съ своимъ народомъ изъ Кіева въ другіе города, которые у нихъ *ириями* называются, или въ тѣ мѣста, гдѣ обитають Верьвяне, Дреговичи, Кривичи, Сервяне и другіе Россамъ подручные народы. (*Ibid. p. 61.*)

Печенѣжская область Явдиржимъ смежна была съ подданными Россамъ Ултинянами, Древлянами, Ленчанинами и другими Славянами, кои по селамъ жили (949 год.) (*Ibid. l. 37. p. 106.*)

Наконецъ, Славяне вносились, какъ гарнизоны, какъ военные поселенія, въ народонаселеніе Византійской Имперіи. Часто любимцы императоровъ были славянскаго народа, часто сами императоры были славянскаго происхожденія.

Славяне отличались хитростью стратегическою. При завоеваніи города Топера славяне, по сказанію Прокопія, притаились въ ямахъ и въ оврагахъ городскихъ воротъ, и только малая ихъ раздражала стоявшихъ на валу грековъ. И когда греки были обманутые малочисленностью непріятели, сдѣлали вылазку и погнались за ними, скрывшіеся въ ямахъ ударили имъ въ тылъ и положили ихъ всѣхъ на мѣстѣ. Прокопій же говоритъ, что непріятелей убивали они безчеловѣчно, привязавши къ дереву, убивали ихъ дубиною по головѣ до смерти, или заперши ихъ въ стоймя вмѣстѣ съ скотомъ, котораго не могли взять, сожигали (550).

Въ бой ходили по большей части пѣши и вооружены щитомъ

и дротиками. Латы никогда не носили. Иные безъ рубахъ и не имѣя другого одѣянія въ однихъ штанахъ вступали въ сраженіяхъ (Procop. de B. G. L. III. c. 14. p. 498). Онъ же замѣчаетъ особенно о ихъ дородности и крѣпости членовъ, тѣломъ русы, но ни желты, ни черны, какъ говоритъ Прокопій, стало быть не свѣтлорусые. Что они ѣли сухую и простую пищу и сходствовали съ Гуннами и Масагетами въ нравахъ простыхъ, что они были не злобны и не лукавы. Онъ говоритъ еще, что жили въ разсѣяніи въ шалашахъ на берегу Дуная. Прокопій находилъ ихъ языкъ, равномѣрно какъ и Антовъ, страннымъ для слуха. Онъ говоритъ, что они не подлежали единоподержавной власти, но издревле имѣли общенародное правленіе. О пользѣ и вредѣ совѣщались всегда обще. Что Творца молній почитали единымъ господомъ и богомъ міра, приносили ему въ жертву воловъ и другихъ звѣрей. Судьбу не признавали: въ опасности обѣщали жертву Богу. Вѣрили въ рѣкъ и нимфы и другихъ, всѣмъ имъ приносили жертвы и гадали о будущемъ. Это онъ говоритъ о Славянахъ и Антахъ вмѣстѣ (546 год).

Прокопій упоминаетъ объ искусствѣ славянъ ловить и хватать непріятеля, спрятавшись за кустами или въ травѣ, что Велисарій повелѣлъ такимъ образомъ одному славянину изъ находившихся въ греческихъ войскахъ поймать такимъ образомъ одного Готта живаго, и что это искусство употребляли Славяне, живучи по рѣкѣ Дунаю, противъ Грековъ и другихъ сосѣдей.

8.

Описаніе греческаго пути. Конст. Порф.

Конст. Порфир. говоритъ, что суда, на которыхъ Россы приходили къ Царюграду, были изъ Немогарды, столицы Рос. Кн. Сфендосолава, сына Ингорева. Такъ же изъ Милиниски, Теліюкры (?), Чернигочи и Вусеграда (?). Изъ этихъ городовъ они были свозимы на рѣку Днѣпръ и собирались у Кіева, котор. прозв. былъ Самватасъ (?). Подчиненные Россамъ Славяне, Кривитя-

нине, Лензанине (Κριβηταίηνοι и Λενζανῆνοι) и прочія славянскія отродія рубили зимою у себя на горахъ лѣсъ для оныхъ судовъ и строили ихъ (выдалбливали) суда. А весной, по растаяніи льда, сплавляли ихъ въ ближнія озера и потомъ далѣе по рѣкѣ Днѣпру въ Кіевъ. Здѣсь вытаскивали ихъ на берегъ и продавали Россіанамъ, которые брали только однѣ ладьи, а весла, уключины и другія снасти дѣлали сами изъ старыхъ судовъ. Снарядивши суда, спускались по Днѣпру до Витечевы (Βιτετζέβη), укрѣпленнаго мѣста, платившаго Россамъ дань и лежавшаго при Днѣпрѣ. Тутъ оставались два три дня, пока всѣ суда соберутся, а потомъ продолжали путь до Днѣпровскихъ пороговъ. Достигши перваго порога Ессуи (что значитъ по Слав. не спать), узкаго съ высокими и острыми камнями, въ видѣ острововъ, о которые съ силою ударяется вода, низвергаясь водопадами, еще издалика выходили они на берегъ, оставивши все прочее на судахъ. Потомъ нѣсколько человекъ ходили въ бродъ по рѣкѣ, чтобы ощупать босыми ногами, гдѣ нѣтъ камней; другіе, напротивъ, упирались на судахъ шестью съ переди, съзади и со сторонъ и проводили ихъ съ великимъ трудомъ между камнями и берегомъ. Затѣмъ, сѣвши вновь на суда, ѣхали до другою порога, по руски Ульворси, а по славянски Островунипрахъ (островъ подлѣ порога). Третій порогъ назывался Геландри (Γελανδρί), что на слав. значило шумъ отъ порога. Четвертый, самый большой, по руск. Авфаръ (Αειφαρ и Νεασητ), по слав. Неясытъ, отъ неясытей или пеликановъ, вившихъ въ его камняхъ гнѣзда. Тутъ, изъ боязни нападенія отъ Печенѣговъ, оставляли Росс. часть своей дружины на стражѣ; другіе выносили изъ судовъ товары и вели сухимъ путемъ 6000 шаговъ скованныхъ невольниковъ; другіе тащили суда волокомъ или несли ихъ на плечахъ до тѣхъ (поръ пока) мѣстъ, когда уже минуютъ пороги. Затѣмъ стаскивали они ихъ опять на рѣку и, нагрузивъ снова, продолжали путь свой далѣе. Приѣхавъ къ пятому порогу, который по Руски назывался Варуфорось, по славянски Вулнипрахъ (Βαρουφορος, Βουλνηπραχ), потому что онъ здѣсь образуетъ *великое озеро*, проводили они

суда свои также какъ у перваго и втораго порога. Шестой по руски Леанти (Λεαντι и Βερουτζι), по слав. Веручи, т. е. ключъ воды. Седьмой по руски Струвунъ, по славянск. Напрези, т. е. Малый порогъ (Στρούβουν, Ναπρεζή).

Проѣхавъ одни пороги, они приходили къ Крарійскому перевозу (το πέραμα τοῦ Κραρίου), мѣсту широкому . . . и глубокому, какъ только можно завидѣть глазами пущенную стрѣлу, какъ говор. Конст. Пор., черезъ который переѣзжали Корсуняне, возвращаясь изъ Россіи, и Печенѣги, ѣдучи въ Корсунь. Сюда обыкновенно приходили Печенѣги дѣлать нападенія на Русскія суда. Потомъ пріѣзжали къ Ост. Св. Георгія, гдѣ у весьма великаго дуба приносили на жертву живыхъ птицъ. Дѣлали также кругъ стрѣлами. Другіе клали туда хлѣбъ, мясо, или что другое, что (было) имѣли при себѣ. Послѣ того бросали жребій и гадали, колотъ ли имъ птицъ и ѣсть, или выпустить на волю. Проѣхавши сей островъ, не имѣли уже опасности отъ Печенѣговъ до самой рѣки Селины. Въ четыре дня ѣзды достигали они днѣпровскаго устья, въ которомъ лежалъ островъ Св. Айѣерія. Здѣсь отдыхали они обыкновенно два и три дня и между тѣмъ снабдѣвали свои суда потребными вещами, а именно, парусами, мачтами и рулями, что все привозили съ собою. А какъ Днѣпръ въ устьяхъ своихъ дѣлаетъ озеро, которое простирается до самаго моря, гдѣ лежитъ св. Айѣерія, то они подавались назадъ къ Днѣпру, гдѣ еще отдыхали (Штр. думаетъ къ Днѣстру), гдѣ еще отдыхали.

Отсюда, ежели вѣтеръ благополучной, ѣздили на парусахъ къ рѣкѣ Бѣлой (τον ποταμόν ασπρον) и, пребывъ нѣсколько времени здѣсь, продолжали путь свой къ Селинѣ, которая есть рукавъ рѣки Дуная. (До сихъ поръ, говоритъ Штр., простирались жилища Печенѣговъ, полуденный же берегъ сей рѣки принадлежалъ уже Болгаріи). Здѣсь то они окружены были отсюда Печенѣгами, и потому, если прибѣтъ нѣсколько судовъ къ берегу, Росс. выходили на сушь, чтобы общими силами защищаться отъ Печенѣговъ. Переплывши Селину, больше уже не имѣли никакой опасности. Потомъ, достигнувъ Болгаріи, продолжали путь

къ устьямъ (рѣки) Дуная, оттуда въ Конопу, въ городъ Константію, къ рѣкамъ Варнасу и Дицинѣ, которыя всѣ вытекаютъ изъ Волгаріи. На послѣдокъ приходили къ области Месамврійской, отъ главнаго города (Μεσημβρία).

9.

Собств. результаты о Слав.

Славяне не могли слишкомъ и дѣйствовать (шумно и оглушительно), потому что были раздѣлены и расселены по всему пространству, и отъ положенія, отъ удобствъ и средствъ для жизни различествовали сильно нравами.

Не дѣйствовали оглушительно и стремительно всею массою, потому что дѣйствуетъ такъ только народъ пришлецъ, который ушелъ, поднялся съ мѣста и такъ сказать на ногахъ ищетъ мѣста и добычи, устремляется тучею.

Осѣдлому народу трудно подняться.

Отъ того немногочисленный народъ, но могущій привести въ движеніе всего себя, всѣ свои силы, производить стремительныя нападенія и оглушаетъ своимъ именемъ.

Ни одинъ изъ народовъ, нападавшихъ и покорявшихъ Славянъ, не былъ многочисленъ, но онъ былъ страшенъ своею походною бродяжною жизнью, всегдашнею готовностью сдвинуться съ мѣста. Они увлекали новыхъ подданныхъ своихъ въ свои массы, и часто цѣлые отряды были изъ Славянъ, но ихъ было не слышно. Слышно было имя побѣдителей, которое придавалось.

Что Славяне были безъ всякаго сравненія многочисленны, доказываетъ, что Готы, Гунны и всѣ наводнявшія толпы исчезли, а земля осталась, вся покрытая славянскими племенами. Что Славяне были слишкомъ древни и коренной народъ, доказываетъ уже и то, что о нихъ, несмотря на ихъ множество, не было слышно ничего. Если бы же переселеніе это (могло) было дѣйствительно, оно, такое многочисленное переселеніе, произошло бы вѣрно не безъ шума и сильныхъ потрясеній, достигнувшихъ бы до слуха, и древній міръ долженъ бы почувствовать его.

Способность Славянъ и удобопримѣняемость доказательство, что они дѣлались воинственными, мирными, смотря по направлению имъ данному.

Что Славяне не соединялись въ одно, причина—несообщаемость земли. Только весною, при разлитіи рѣкъ, усматривались нѣкоторыя сношенія. См. Визант. Хр.

Религія Славянъ становилась менѣе сложной, гдѣ терялось (образованность) первое познаніе жизни. Въ глубинѣ лѣсовъ она была бѣднѣе и суровѣе, у воевавшихъ она едва существовала, такъ что они клялись даже оружіемъ только.

10.

О Россакъ.

Доказательство ихъ разсѣянія и бродяжной жизни и службы у Грековъ. У Льва Премудраго стояло на жалованьѣ при флотѣ 700 чел. Россіанъ, посланномъ къ острову Криту, и что на содержаніе ихъ выходило 100 литръ золота. Литра составляла 72 номизмы (тоже что Голандск. червонцы или Венеціанскіе цигины). 902.

На флотѣ, отправл. въ Италію подъ начальст. Патрикія Косаны, было семь русскихъ судовъ, на которыхъ было 415 человѣкъ Россовъ въ 935 году при цар. Констант. Багрян. и Ром. Лакапинѣ. *Constantinus Porphir. de Cerim. Aulae. Byz. L, II. c. 44. p. 376. 377. 378.*

При нападеніи Руск. флота въ 941 на Царградъ, при какомъ они выжгли Фракію, визант. говорятъ о жестокости Русовъ, которые плѣнныхъ прибывали къ кресту, сажали на колъ, ставили ихъ вмѣсто цѣлей и стрѣляли въ нихъ изъ лука, церкви и монастыри разрушали и вбивали священникамъ желѣзные гвозди въ голову.

Въ 946 когда при представленіи Импер. Греч. Констант. и Ром. пословъ емира Тарсійскаго Констант. Багр. говорить, что

между множествомъ зрителей были Россы, которые держали въ рукахъ небольшія знамена и вооружены были щитами и мечами.

Въ 949 году опять отряженъ былъ флотъ въ Критъ, гдѣ находились 584 чел. Россовъ, у которыхъ было 45 человекъ рабовъ, что русскихъ судовъ было 9 и что на 9 парусовъ на каждый по 30 локтей, да на два (другія небо) меньшія судна 28, на все это полотно выходило 1154.

Конст. Багр. говорить, что Россы потому старались жить въ дружбѣ съ Печенѣгами, что доставали отъ нихъ рогатый скотъ, коней и овецъ, которыхъ въ Россіи не было, чтобы обезопасить свои земли отъ ихъ нападенія во время войны съ кѣмъ нибудь и, наконецъ, чтобы имѣть свободный пропускъ и плаванія по Днѣпру и сквозь его пороги. Что для Печенѣговъ (тоже), а особливо жившихъ въ окрестностяхъ Херсонскихъ владѣній, полезно было жить въ союзѣ съ Россами, потому что они получали изъ Россіи товары, которые послѣ привозили Корсунянамъ и греческимъ императорамъ за деньги.

Противъ Сарацинскаго владѣтеля Алима 1032—1034 Греческій царь Романъ Аргиръ отрядилъ, по сказанію Кедрина, Россіанъ и другія греческія войска подъ Никиты Пегонита, разбившаго и умертвившаго Алима.

1043 неудачная попытка Владиміра, приписываемая Визант. Владиміру великому, въ царст. Конст. Мономаха.

Въ 1077 царь греч. Михайлъ Дука противъ мятежника Никифора Бриеннія выслалъ франскаго полководца Руссея и Алексія Комнина, гдѣ было множество судовъ русскихъ. Кедринъ.

Въ 1097, во время возмущенія, поднятаго Исаакомъ Комнинымъ, упоминается, что стояли на зимовьяхъ въ восточныхъ областяхъ Имперіи, изъ коихъ два были изъ франковъ, а одинъ изъ Руссовъ.

11.

Характеръ Славянъ Рускихъ.

Смирны, довольно согласны между собою всѣ племена. На югѣ (мягче) болѣе развитія мирной жизни. Браки носятъ видъ законности. Отцы и дѣти живутъ почти отдѣльно. Стыдливость замѣтна между полами. Поляне бо своихъ отецъ обычай имяку тихъ и кротокъ и стыдливъ къ родителямъ и къ племени велико стыденіе. И брачные обычай творять.

На сѣверѣ, начиная съ Древлянъ (Сѣверяне, Радимичи и Вятичи), грубѣе и меньше развитія. Жизнь въ лѣсахъ. Удобствъ никакихъ жизни. На самой низкой степени гражданственности. Отцы, снохи живутъ вмѣстѣ. Стыдливости никакой. Стыдливости браковъ не было. (А Радимичи, Вятичи и Сѣвере одинъ обычай имяку, живяху въ лѣсѣ, якоже всякой звѣрь. См. Несторъ). Распри и соры оканчивались частымъ убійствомъ, неслышнымъ у другихъ.

Костюмъ славянина. Легкость чрезвычайная, одежда одна была холстяные порты, даже не было рубашки. Съ длинными усами, съ хохломъ на головѣ, что и нынѣ сохранилось у жителей южной Россіи, въ Галиціи, у Сербовъ, Морлановъ и Черногорцевъ и у всѣхъ почти западныхъ славянъ.

12.

Происхожденіе Славянъ.

Нѣкоторые обычай показываютъ ихъ происхожденіе изъ Индіи. 1) Сходство, хоть довольно отдаленное, съ языкомъ санскритскимъ. 2) Обычай женъ сожигать на кострахъ.

Нѣсколько Славянскихъ боговъ носятъ нѣкоторое сходство съ пагодами. Идолы часто окружены у нихъ змѣями, жабами, ящерицами и разными ядовитыми насѣкомыми.

13.

Ипотезы о Славянахъ. Ихъ слѣды.

Названія Язиговъ и Роксоланъ слишкомъ ефемерны и метеорически для того, чтобы означали цѣльный народъ. Нигдѣ послѣ не упоминается о нихъ, и они исчезаютъ совершенно. Народы не могутъ исчезнуть такъ скоро. Ихъ слѣды должны были остаться. Но у Нестора, кромѣ Славянъ, не встрѣчается никакого чуждаго въ срединѣ ихъ народа. Стало быть, это было нарицательное прежнее имя нѣкоторыхъ Славянъ.

Шлецеръ тоже предполагаетъ, что Язиги были Славяне.

14.

Давность существованія Славянъ

доказывается ихъ религіею довольно многосложною, уже показывающею разностороннюю жизнь ихъ,

памятниками искусствъ: для того чтобы достигнуть которыхъ нужна долгая жизнь и переходъ къ совершенствованію.

Въ древнихъ могилахъ Венедскихъ найдены глиняныя урны, сдѣланныя съ нѣкоторымъ вкусомъ, съ изображеніемъ львовъ, медвѣдей, орловъ, покрытыя лакомъ; также копье, мечи, княжалы, искусно выработанные, съ серебряною оправою и насѣчкою.

Чехи за долго до временъ Карла Великаго занимались рудокопаніемъ.

Въ герцогствѣ Мекленбургскомъ, на южной сторонѣ Толенцкаго озера, въ Прельвицѣ найдены въ XVII мѣдные истуканы Славянскихъ боговъ.

15.

Норманизмъ въ Руси.

Доказательство равенства дружины и братства, великой силы ея, ограничивающей власть князя, находится въ договорѣ Олега

между прочимъ, гдѣ требуется съ Грековъ дань или подарки на каждаго челоуѣка и гдѣ упоминается даже и берется дань на Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полотескъ, Ростовъ, Любечъ и проч., то е., вѣроятно, находившихся тамъ чиновниковъ.

Вездѣ показательно разительно преимущество варяжской дружины надъ Славянской. Вездѣ видна побѣдительная и властвующая нація и ея преобладаніе. Въ договорѣ о Руссахъ говорится и больше имъ предоставляется преимуществъ. Паруса на лодки ихъ они употребляютъ шелковистые, подарки Императора Греческаго, а Славянамъ простые.

16.

Разселеніе Славянъ съ береговъ Дуная невозможно положить, иначе оно составило бы яркую и видную черту, тѣмъ болѣе что это разселеніе означено въ лѣтописяхъ слишкомъ быстро и, какъ кажется, въ одно время.

Но какія причины могли заставить двинуть ихъ такъ далеко на сѣверъ, куда медленно, упорно и только вслѣдствіе сильныхъ натисковъ совершаютъ народы свое обратное отступленіе. Какое нибудь втѣсненіе между ними Валаховъ было для этого не слишкомъ достаточно.

Разселеніе старый конекъ и привязка, за это обыкновенно всегда хватаются лѣтописцы и созидаютъ, потому что носятъ въ себѣ образъ переселенія сыновей Ноевыхъ, Столпотворенія Вавилонскаго и пр.

Выводъ. Славяне жили уже очень давно на мѣстахъ своихъ. Ихъ разселеніе по Восточной Европѣ случилось въ тѣ темныя времена, когда Восточная Европа была облечена Кимерійскими баснями. Это переселеніе явственно въ нашествіи Сарматовъ, безотчетномъ, общемъ имени, данномъ Греками ордамъ народовъ.

17.

Западные Славяне.

Шлецеръ думаетъ, что Сербы въ началѣ многочисленнѣйшій Славянскій народъ. Они много распространились между Эльбою и Салою подъ именемъ Сорабовъ. Венды, живущіе въ верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ, донинѣ называютъ себя Сербами. Мейссенъ назывался Зирбія; городъ Цербстъ Зорбеста (Sorbesta, Zirbia). О сербахъ довольно пространно у Стритера.

Хорутане въ 6 спискахъ, въ Ипат. Хутане, въ Соф. Шурутане, въ пол. Хобужане, Корентане у Европейцевъ, вообще Краинцы, каринтійцы и жители Штейермарка. Карнунтъ, Карнунтумомъ также, кажется, называли земли по Дунаю близъ Вѣны. Регино подтверждаетъ это тѣмъ, что говоритъ: Венгры прежде всего, по приходѣ своемъ, опустошили Карнунтумъ.

Валахи—обитающіе въ Валахіи, Молдавіи и Седмиградской области.

Волохи, Влахи, Вельши происхожденіемъ Италіянцы. Шлецеръ полагаетъ ихъ отъ древнихъ Гетовъ и Даковъ (не подтверждая, однакоже, доказательствами).

Выгѣсняють, по Нестору, Славянъ дунайскихъ, поселившись между ними, и заставляютъ иныхъ поселиться на Вислѣ подъ именемъ Ляховъ. (Иные Ляхи прозвались Полянами). Словѣне же ови пришедше а седоша на Вислѣ рецѣ и прозвашася Ляховѣ; а иніи о тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, а Ляхове друзи Лутичи, ины Мазовшане, иніи Поморяне.

Стало быть, Ляхъ есть общее названіе народа.

Лутичи. Въ Латинскихъ лѣтописяхъ Lutitii въ передней Помераніи около Лоица, отличны отъ Lusi, Lusici, что въ Лаузицѣ.

Ad. ultra Leuticos qui alio nomine Wilzi dicuntur, Oddora flumen occurrit, amnis ditissimus Slavonicae regionis, т. е. за Левтиками иначе Вильдами встрѣчается рѣка Одора, богатѣйшая изъ славянскихъ рѣкъ.

18.

Характеръ Славянъ вообще.

По Грекамъ. Славяне Дунайскіе, ибо къ нимъ это относится.

Русоволосые, смуглые, нечистоплотные (у Раича они умывались 3 раза въ годъ, въ день рожденія, женитьбы и смерти), стройные, рослые, не безъ пріятности въ лицѣ, хищные, дерзкіе, увертливые.

Они дѣйствовали всегда съ Аварами, и потому Греки ихъ смѣшивали и считали однимъ народомъ.

Нападали хищно, въ рассыпную, скрывались въ болотахъ, стрѣлы намазаны ядами, щиты тяжелы, изъ глубины рѣкъ дышали сквозными тростями. Они скитались не боясь Римлянъ, въ оставленныхъ и пустыхъ замкахъ. Сокровища зарывали, показывали всю дикость первозданной природы. Но все это рѣшительно относится къ славянамъ дунайскимъ.

При всемъ томъ простота, даже черты добродушія въ семейномъ быту. Гостепріимственно повсемѣстное и въ высшей степени. Безопасность совершенная посреди ихъ путешественниковъ.

Музыка и пляска преобладали сильнѣе у народовъ Славянскихъ, нежели у Германскихъ. Сѣверные Венеды говорили въ VI вѣкѣ Императору, что главное услажденіе жизни ихъ есть музыка, и что они берутъ въ путь съ собою не оружіе, но кифары и гусли, ими выдуманные.

Прокопій говоритъ, что войска Славянъ были разбиты ночью Греками, отъ того что они усыпили себя пѣснями и не взяли предосторожности.

Единство религіи сближало племена.

Вообще Славяне сильно были склонны къ многобожію.

19.

Славяне на Русской землѣ.

Поляне по Днѣпру.

Древляне между Кіевомъ и Припетью. Ихъ жилища и главные сборища Коростень, Туровъ, Овручъ.

Дреговичи между Припетью и Двиною.

Полочане на Двинѣ отъ впадающей въ Двину рѣки Полоты.

Кромѣ того: А друзія сѣдоша по Деснѣ и по Семи, и по Сулѣ и нарекошася Сѣвера (Сѣверяне).

Вездѣ рѣки жилища (первыхъ) Славянскихъ племенъ.

Разселившись и живя по рѣкамъ, естественно, что они могли облегчать комуникацію и средства для нее къ путешествію въ Царградъ, въ Черное море.

Вятичи сомнительно Славянскій народъ. Доказательство въ сильныхъ сопротивленіяхъ, ими оказываемыхъ. Этого мнѣнія держится Миллеръ и почти почитаетъ ихъ за Чувашей, называющихъ на мордовскомъ нарѣчій Вѣдке, или за Вотяковъ, обитавшихъ сперва при Окѣ.

20.

Печенѣги.

Ихъ образъ сраженія былъ таковъ. Ряды выдавшимися углами строились; шеренги были перемѣшиванны телегами съ женами и дѣтьми; на нѣкоторыхъ изъ нихъ были поставлены высокія башни. Порядокъ шествія ихъ былъ похожъ на движущійся городъ. Оружія ихъ лукъ и стрѣлы. Послѣ сраженія, получивъ добычу, предавались необузданно веселости, безопасности.

Переpravлялись (черезъ Дунай), по общему татарскому обычаю держась за хвостъ лошади, сидя на кожанномъ мѣшкѣ, набитомъ легкими веществами, какъ то: соломою или корою, и тащили съ собою сѣдло и военные свои снаряды. См. Сестр. Богуща, а отъ него у Анны Ком. Thounmann description de la Crimée, Кедринъ и др.

21.

О принятіи христіанской религіи.

Только можетъ быть въ Кіевѣ да въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ удалось распространить ее. Села, веси и волости долго оставались погруженными въ язычество и свои повѣрья. Несторъ упоминаетъ уже въ свое время о язычникахъ Кривичахъ и Вятчахъ: еже творятъ Вятчи и нынѣ. Сяже обычаи творяху и Кривичи и прочіе поганіи невѣдуще закона Божія, но творяху сами себѣ законъ.

22.

О мѣстожителъствѣ славян. народовъ.

Славяне Сѣверные.

Славяне Новгородскіе.

Кривичи. Многочисл. народъ обиталъ въ 3 мѣстахъ Сѣверной Россіи при истокахъ Двины, Волги и Днѣпра. Двинскіе Кривичи отъ рѣки Полоти, впадающей въ Двину, назывались Полочанами, участв. въ избраніи русскихъ князей. Днѣпровскіе Кривичи построили городъ Смоленскъ.

Дреговичи обитали между рѣками Припетью и Западной Двиною.

Славяне Южные.

Поляне по Днѣпру. Кіевъ.

Древляне тоже по Днѣпру, но въ лѣсахъ, къ сѣверо-западу отъ Кіева. Главный городъ Коростень. Уже давно имѣли собственное правленіе и князей.

Сѣверяне поселились на трехъ рѣкахъ, Деснѣ, Сеймѣ и Сулѣ: и на сей послѣдней назывались Суличами. У нихъ Ярославъ выстроилъ Новъ Сврск. 1044.

Радимичи по рѣкѣ Сожѣ.

Вятчи у верховья Оки, гдѣ, по слов. Нестора, Вятка осн. жилище.

Бужане по Бугу, на мѣсто ихъ являются Волянцы, гдѣ Великій князь Владиміръ построилъ городъ въ свое имя.

Дулэбы тоже по берегамъ Буга, упоминаются, потому что Обри дѣлали ему притѣсненіе.

Тиверцы обитали по берегамъ Буга и Днѣстра, почти къ самому Черному морю.

Лютичи тоже по берегамъ Буга и Днѣстра.

Уличи при рѣкѣ Угли (нынѣ наз. Орломъ), покорены Свенельдомъ, воеводою Игоря.

Пространство отъ Днѣстра до моря, сосѣднее городамъ греческимъ, было населено издревле городами. Тамъ рожденіе политеское началось. Прежде народъ славянскій назывался у Славянъ *Тиверцами*: а Оулучи Тиверци сидяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеву; бѣ множество ихъ, сѣдяху по Днѣстру или до моря, суть грады ихъ и до сего дне. Да то ся зваху отъ Грековъ великая Скуфь.

23.

О Варягахъ.

Черта справедливости Варяжской. Въ 1034 въ царст. Им. Михаила Пафлагонскаго, одинъ изъ Варяговъ, стоявшихъ на зимовьѣ во Фракійской области, хотѣлъ изнасиловать одну фракіанку, которая, выхвативъ у него мечъ, имъ же его заколола. Его товарищи, узнавши объ этомъ, увѣнчали фракіанку, отдали ей все имѣніе убитаго, а его оставили непогребеннаго. Кедринъ.

Варяги, какъ видно изъ Визант. хр., составляли гвардію вмѣстѣ съ франками и др.

24.

Дѣйствія Варяговъ.

Варяги очень часто отправлялись изъ Кіева въ Цареградъ служить, — доказательство въ Олеговомъ договорѣ.

По Византійскимъ хроникамъ, при Императорѣ Львѣ, во время похода патриція и логофета Гимерія на Критъ, въ император-

скомъ флотѣ было 700 Руссовъ, жалованья давалось всего одинъ только центенарій.

На флотѣ, съ которымъ протоспафарій Епифаній присталъ къ берегу Ломбардіи въ 935, было 415 Руссовъ, находившихся на 7 каравіяхъ.

Въ походѣ на Критъ 949 года было Руссовъ 384 человекъ, а съ служителями 629 (для 9 Русскихъ каравіи куплено толстое полотно, изъ котораго сдѣлано 9 парусовъ, каждый въ 300 лактей).

Въ походѣ на Критъ 962 упоминають опять о Руссахъ, помогавшихъ при взятіи одного города.

Въ 1057 упоминается о легионѣ Руссовъ, зимовавшихъ на востокѣ вмѣстѣ съ двумя легионами Франковъ.

Въ 1077 императоръ Лука послалъ противъ одного мятежника русскіе корабли.

25.

Обычай Варяговъ на Руси.

Суетность и тщеславіе воинственнаго и дикаго народа сильно проявляется во всемъ. На лодки они, вмѣсто парусовъ, они берутъ шелковыя матеріи Грековъ.

См. у Деннинго.

26.

Начало княжествъ.

Въ срединѣ 6-го вѣка покоряются славянскія племена двумя народами на сѣверѣ и на югѣ, на сѣверѣ Норманами, на югѣ козарами. Племена заставлены платить дань. Норманамъ платятъ дань Славяне, Чудь, Меря и Кривичи, Хозарамъ Поляне Кіевскіе, Сѣверяне и Вятичи. Дань должна была платиться мѣхами, по бѣлкѣ съ дыма.

Норманы грабили чужія земли, оббирали съ нихъ дани и около зимы возвращались домой. Но въ Руси оставили они людей, которые годъ отъ году собирали поборы съ жителей и угне-

тали ихъ. (См. Архан. списокъ). Это побудило Славянъ, Меръ, Чудь и Кривичей выгнать ихъ. Они боялись возвращенія ихъ, соединились для защиты и начали дѣлать укрѣпленія. Но между этими четырьмя націями возстало несогласіе, необходимое слѣдствіе федеративной системы, и 4 народа признаются. . . .

27.

Обряды религиозные.

Обряды, обычаи сложнѣе, носятъ болѣе развитія и поэзіи на югѣ.

Пѣсни и пляски всеобщы между всѣми Славянами.

Но у южныхъ онѣ преобладали въ большей степени. Всякое урочное событіе года, начинаніе всяко(го)й (дѣла) работы въ полѣ сопровождалось пѣснями. Множество свидѣтельствъ тому оставшихся пѣсенъ съ именами языческихъ боговъ, сохранившихся въ Малороссіи и Галиціи.

Надъ умершими тризна у Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ, по словамъ Нестора, при чемъ доказательство ихъ язычества. Далѣе говоритъ онъ: и.

Мертвеца сжигали на кострѣ, кости собирали и ставили на столбахъ при дорогахъ. Пиршество послѣ похоронъ или на кладбищѣ называлось *стравою* въ честь умершихъ. Въ житіи муром. князя Константина говорится о закаланіи коней умершаго и объ изрѣзаніи лица на немъ въ знакъ печали.

28.

О Тавріи.

Служить ссылкой, мѣстомъ убѣжища бѣглыхъ притязателей на престолѣ.

Два народа обитатели полуострова, греческіе колонисты, западные Херсонцы, восточные Босфорійцы. Занятіе земледѣліе, торговля хлѣбомъ. Тревожатся разными ордами народовъ,

еще облеченныхъ до Грековъ въ одежду Скифовъ, и препираются между собою властолюбіемъ своихъ небольшихъ самоуправителей. Разсѣяныя толпы Гунновъ и Готовъ по смерти Атилы производили опустошенія и грабительства и вселились въ нѣдра Босфора. Полководецъ Юстиніановъ Іоаннъ съ помощью Скифовъ (Славянъ) изгоняетъ ихъ.

Козары, занимая пространства за Яикомъ, около Каспійскаго моря, передвинулись съ своими ордами на юго-западъ и заняли степи Новороссійскія подъ предвод. своихъ Хакановъ; заводятъ вежи или города, набѣгаютъ на Таврію, проникаютъ въ сердце городовъ ея опустошительно, иногда даже утверждаютъ временную власть и начальниковъ своихъ. Вступаютъ въ политическіе союзы съ Греками, дочь хозарскаго хокана за сыномъ Императора. Выгѣснили Булгаровъ. Тогда, когда они нападали на Таврію въ Европѣ, (другимъ концомъ) хвостомъ тревожили въ Азіи Аравію, Мидію и Персію.

Нападенія Печенѣговъ и другихъ выходцевъ заставляють установиться и строить города. Строятъ городъ Бѣлую вѣжу (Саркель) (по Нарушевичу, у рѣки Донца, нынѣшній Бѣлгородъ) съ помощью греческаго архитектора Петроноса, присланнаго импер. Теофиломъ, собравшаго матеріалы изъ Херсона. Крестьята по желанію Хагана своего при императорѣ Михаилѣ (съ матерью Θεодорою) присланнымъ изъ Константинополя Св. Кирилломъ, изучившимся въ Тавріи хозарскому языку. Отважные варяги воздвигаютъ славянскія племена, освобождаютъ ихъ отъ дани и новымъ государствомъ сильно прижимають ихъ.

Печенѣги такого происхожденія, остатки азіатскіе, распространились по землямъ козарскимъ, потѣснили далѣе венгровъ, начинавшихъ свои владѣнія на западѣ съ тѣхъ поръ, гдѣ оканчивали козары. Такимъ образомъ распространились до Валахіи и Седмиградской области, перенесли даже за Днѣпръ свои кочевья. Сосѣдство угѣснительное ихъ съ Европейской стороны и съ Печенѣгами и съ моря Каспійскаго Аланами и Узами, уже перешедшими въ Европу, отняло у нихъ руки, освободило Таврію и дало

средства Греческимъ Императорамъ вредить имъ, соединяясь съ Печенѣгами, аланами и узами, которыхъ подкупали подарками и давали безпрепятственный ходъ небольшой торговлѣ херсонской. Раздоры между хозарскими племенами, раздѣлившимися на Кабаровъ и Хозаровъ, были причиною ихъ конечнаго истребленія. Часть ихъ погибла въ рабствѣ у Кабаровъ, присоединилась и смѣшалась съ разными орами. Семь ордъ присоединилось къ уграмъ.

Отличаясь нападеніями на Рускихъ, Печенѣги жили въ Тавріи довольно мирно, занимались земледѣліемъ и торговлей. Императоры греческіе вели съ ними сношенія и писали грамоты. См. Сестреницъ. Богуша, а у него Констант. Порфирод. Служили перевозчиками товаровъ изъ Россіи, Хозаріи и Хизіи въ Херсонъ, но въ торговлѣ показывали алчность, какъ вездѣ.

Святославъ беретъ и разоряетъ бѣлую вѣжу и проноситъ оружіе во всю Тмутаракань. Остатки хозаръ по степямъ были или данниками Россіи или. Владѣнія Владиміра уже почти прикасались съ греческими, и входъ въ Херсонъ былъ безпрепятственъ. Императоръ Василій изъ похода Болгарскаго въ 1016 послалъ флотъ подъ предвод. Монга, которому помогли Рускіе истребить войско козаръ, землю покорить. См. Кедринъ.

Надъ всѣми этими землями утвердилъ потомъ свою смѣлую власть Мстиславъ.

Касогія простиралась по горамъ за рѣкою нынѣшнюю Терекъ, гдѣ находится малая кабарда. См. Констант. Багрянородный.

Княжество Тмутараканское, удѣлъ Мстислава, есть часть прежняго Босфорскаго, и городъ его престольный въ Азіи, древняя Фанагорія, потомъ Тамарха и Тмутараканъ или Темрюкъ.

Но не позволяли князьямъ совершенно упрочить завоеваній Печенѣги.

Печенѣги были наѣздные, невидимые владѣтели степей. Ихъ подкупили Греки, желая отклонить нападенія рускихъ, и запирали путь по Днѣпру въ Черное море, съ другой же стороны не допустили посягнуть на Таврію.

Половцы замѣстили Печенѣговъ, почти истребленныхъ рускими князьями, безъ сомнѣнія присоединивъ остатки ихъ въ свои орды, они всѣ дѣйствія свои поворотили на сѣверъ, воюя съ Рускими, Польшею. (Чтоже Таврія въ это время?).

По мнѣнію Миллера, Узы Половцы.

Половцы были несравненно многочисленнѣе Печенѣговъ.

29.

Сочинитель Vita S. Ottonis говоритъ, что въ одномъ изъ Штетинскихъ храмовъ были снаружи и внутри выпуклыя изображенія птицъ, людей, звѣрей.

Деревянный храмъ Арконскій былъ срубленъ искусно и украшенъ рѣзбою и живописью. Въ святилищѣ его стоялъ идолъ. а конь его въ другомъ зданіи, ergo, Hist. Dan. Ergo, славяне, особенно Венедскіе, сохраняли у себя художества, можетъ быть, воспоминаніе Индѣйскихъ.

30.

Объ Олеговомъ Договорѣ.

Съ какой стати выдумывать договоръ. Иногда изъ гордости и тщеславія выдумается о предкахъ, но всегда почти въ повѣствовательномъ, въ напыщенномъ, въ баснословномъ, въ превеличенномъ видѣ. Но чтобы оно имѣло форму договора, такъ яснаго, опредѣленнаго, вылилось въ такую ясную, опредѣлительную форму, это совершенно невозможно.

Еще болѣе невозможно въ мѣстную гражданственную развѣтѣ и грубость вѣка.

Если бы выдумали (кто бы могъ выдумать?)

Какія долженъ имѣть достоинства тотъ, кто въ состояніи выдумать.

Отъ чего произошло подозрѣніе въ ихъ подлинности.

Составить такъ, съ такими обстоятельствами, такъ не упустить, такъ много вдвинуть знаменующее истинно нормандское.

Уже самое сомнѣніе Шлецера говорить въ ихъ пользу. Стало быть они такъ искусно поддѣльны. А можно ли допустить тогдашнему вѣку и тогдашнимъ людямъ такое искусство.

Страшныя описки, невѣроятныя ошибки писцовъ, необыкновенная изуродованность именъ говорятъ въ его дѣйствительность. Если бы онъ былъ поддѣльный и въ новѣйшія времена, онъ бы списался несравненно правильнѣе, онъ бы былъ понятенъ для писцевъ, и они бы не путались такъ.

Уже одни постановленія о ладьяхъ, чрезвычайно точныя, опредѣленныя, даже нѣсколько сложныя, ясно показываютъ жизнь совершенно норманской и прямо относятся къ Норманскому. Никогда, если бы допустить о составленіи его въ послѣдующія времена, не могли бы изобрѣтатели распространиться объ этомъ предметѣ. Тогдашняя жизнь руская, даже Новгородцевъ, не навела бы его на эту идею.

Въ немъ бы была неосмотрительность, между тѣмъ какъ ее нигдѣ не видно.

31.

Доказательства о письменности договоровъ.

Но развѣ Славяне не могли до Владимира узнать азбуку Кирилла и Меѳодія.

Въ Кіевѣ была церковь, стало быть была письменность и языкъ. Какъ же могло привиться. Ясный признакъ. Были они грамотны. Если сообщенія между Царегородомъ были такъ часты. Если варяги были друзьями, принимались въ службу. Если этотъ, который былъ такъ тѣсно и въ такомъ беспрестанномъ сношеніи при своемъ любопытствѣ, развѣ не могъ узнать, что Нормане тогдашней Европы не писали. Но Норманы въ Западной Европѣ основались въ земляхъ (совершенно) почти не получившихъ формъ гражданственности, гдѣ дикость и охота и грубость, всеобщій характеръ вѣка, скрывали жалкую гражданственность народовъ римскихъ и не принявшіеся начатки Карла. Этого преимущества не имѣла Европа.

32.

Изьяславъ.

Изь его вѣка можно вывести слѣдующія событія:

Половцы явились непріатели.

Упрямо отвоевывалъ свою землю и сорился съ князьми.

Полоцкій Всеславъ врагъ заклятый Ярославичей.

Жизнь велась довольно мытарски за гуслими и пиршествами, по словамъ Нестора.

Бурхардъ духовный чиновникъ, посланный Генрихомъ IV, удивлялся богатству и великолѣпію русскихъ князей, ихъ сокровищамъ.

Изьяславъ, то изгоняемый, то возвращавшій себѣ престолъ.

Святославъ Черниговскій строптивѣе былъ другихъ и духомъ его были исполнены сыновья его, которыхъ братья Изьяславъ съ Всеволодомъ лишили владѣній.

Олегу, наскучивъ праздною жизнью въ Черниговѣ, гдѣ княжилъ Всеволодъ, бѣжалъ и съ Половцами напалъ на Черниговскія земли, и выгналъ Всеволода, который скоро соединилъ съ Изьяславомъ, своими сыновьями и возвратилъ княженіе не только свое, но и Кіевское, потому что Изьяславъ былъ убитъ въ битвѣ, а Олегъ бѣжалъ.

Основалъ Кіевопечерскій монастырь Афонскій монахъ, рускій, родомъ изъ Любеча, названный тамъ Антоніемъ, поселился въ пещерѣ, ископанной Митрополитомъ Иларіономъ. Святостыю и затворничествомъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Князья приходили бесѣдовать къ нему. Двѣнадцать монаховъ, постриженныхъ Антоніемъ, выкопали подземную церковь съ кельями. Ихъ число умножалось. Святославъ далъ 100 гривнъ или 50 фунтовъ золота на сооруженіе каменной великолѣпной церкви Печерской призванными художниками изъ Кіева. Θεодосій когда входилъ къ князю Святославу, то умолкали гусли и ор-

ганы. Нѣкоторые изъ монаховъ Печерскихъ приняли вѣнцы мучениковъ обращ. въ идолопоклонство: Леонтій въ Ростовѣ, Св. Кукша въ землѣ Вятчей (въ Орловской или Калужской губерніи). Варлаамъ, бросивъ одежду боярскую, пошелъ въ Печерскіе монахи. Варягъ Симонъ внесъ 50.

Рускіе ходили въ Грецію и служили тамъ. Митрополиты были посвящаемы отъ Патріарха. Грекъ изъ Цареграда Георгій недолго побылъ и уѣхалъ. Руская Церковь считалась въ зависимости отъ Цареграда до паденія его и считалась семидесятымъ епископствомъ.

Финны и Чудь славились волшебниками, народъ вѣрилъ и прибѣгалъ къ нимъ съ гаданьями.

Княжества наследственно не дѣлились на цѣлый родъ, но существовали какъ аренда. Князья для выгоднѣйшихъ оставляли свои прежнія (оттуда причина неорганизаціи въ чисто политическія тѣла и вмѣстѣ всей Россіи).

Половцы имѣли вежи и многихъ хановъ.

Хищническій характеръ Половцевъ не удерживался ни договорами, ни пораженьями. Рускіе князья должны были также разрушительно проходить ихъ земли. Занявши земли хозаръ, они имѣли (уже) дома и хозарскіе города.

Короли польскіе, къ которымъ обращались удѣльные князья съ просьбою о помощи, обѣщали и, забравши дары, обыкновенно обманывали. Смотри: Владиславъ въ отношеніи къ Давиду Игоревичу.

Врагъ князей Всеславъ Полоцкій умеръ въ 1101, княживъ продолжительно, 57 лѣтъ.

Сраженія съ Половцами, захватившими подъ предводительствомъ Боризна табуны переславскіе и приступившаго къ Лубнамъ, происходило (на рѣкѣ) за Сулою, гдѣ Мономахъ гналъ ихъ до самаго Хорола.

33.

Всеволодъ.

По волѣ его сыны Изьяславовы Святополкъ на княженіи Новгородскомъ, Ярополкъ во владѣніе получилъ Владиміръ Волинскій древній и Туровъ, Мономахъ въ Черниговѣ.

Безпокойный Олегъ своими же Половцами, измѣнившими ему, былъ отправленъ въ Константинополь и странствовалъ на островѣ Родосѣ и возвратился вновь въ свое княженіе (братнино) Тмутараканское, гдѣ былъ братъ его Романъ убитъ Половцами.

Полоцкій князь тѣ же враждебныя дѣйствія. Его разбиваетъ Мономахъ, который побѣдилъ Торковъ близъ Переяславля, усмирилъ Вятичей, гналъ ихъ неутомимо на берегахъ Десны и Хорола.

Слабый, тревожимый строптивостью племянниковъ, поддерживаемый только Мономахомъ, преданный любимцамъ, уже не судившій на своемъ княжескомъ дворѣ, неудерживавшій своихъ тиуновъ грабить города и жителей, умеръ 1093.

34.

Святополкъ, возведенный Мономахомъ на Кіевскій престолъ, при самомъ началѣ долженъ былъ отряжать Половцевъ соединенными силами съ Мономахомъ и братомъ его Ростиславомъ, но князья потерпѣли большую утрату и поражение. Ростиславъ былъ убитъ. Половцы потомъ обратили въ пепель Торческъ, и напрасно хотѣлъ ихъ обезоружить бракомъ съ ихъ княземъ. Упорный Олегъ опять пришелъ съ ними въ 3 разъ и заставилъ Мономаха отдать ему его удѣлъ Черниговъ. Распустилъ Полов-

цевъ по всей Черниговской области, которые выжигали дома, церкви, гумна, и южную Россію значительно обезлюдилъ. Жители изъ южныхъ земель переселялись въ сѣверныя (Юрьевъ на берегу Росси, сожженный Половцами, переселился своими жителями къ Кіеву и составилъ городокъ Святополчъ).

Олегъ упорствовалъ соединиться съ князьями на Половцевъ и не хотѣлъ на сеймъ. Силою и осадю его удѣла могли заставить его.

Всегда дерзкій, даже въ критическихъ обстоятельствахъ, побѣждаемый, все упорствовалъ, однакожъ. Даже посланіе Мономаха, исполненное силы и краснорѣчія убѣжденія, выказывавшими вполнѣ высокій характеръ, его не тронуло, и изъясвивши наружное согласіе, онъ воспользовался первою безпечностью и ворвался съ дружиною къ нему въ землю Суздальскую.

Дѣло Мономаха сеймъ князей, который, казалось, опредѣлилъ границы:

За Мономахомъ Переяславль, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро.

За сыновьями Святослава Олегомъ, Давидомъ, Ярославомъ Черниговъ, Рязань, Муромъ.

За Давидомъ Игоревичемъ Владиміръ Волынской.

За Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами Перемышль и Теробовль.

Слабый, вѣроломный и подозрительный Святославъ, своими поступками несправедливыми и злодѣйскимъ ослѣпленіемъ невиннаго князя Василька, вооружилъ противъ себя удѣльныхъ князей; въ управленіи внутреннемъ корыстолюбивъ, тергѣлъ (жидовъ), завелъ жидовъ.

На второмъ сеймѣ, давши Давиду Игоревичу, вмѣсто отнятаго Владиміра Волынскаго, сверхъ его Бужска, Дубно и Чарторыжскъ, данный Святополкомъ, а чрезъ нѣсколько времени уступилъ Дорогобужъ Волынской.

Наконецъ, рѣшили на сеймѣ объявить Половцамъ, всѣ почти изъясвили участіе, даже сынъ стараго врага Всеслава Полоцкаго

Давидъ прибылъ въ станъ соединенныхъ войскъ. Одинъ только Олегъ отказался подъ егидой Мономаха. Наконецъ, совершенно поразили Половцевъ и взяли отъ нихъ добычу.

Границы земли Половецкой?

Ростиславичи Червленскіе и города?

Полоцкъ возвратилъ своихъ князей.

Сосланный въ Цареградъ Василько Рогвольдовичъ опять сталъ княжить въ Полоцкѣ.

Родъ Святослава Черниговскаго нанесъ страшное опустошеніе области Переяславля. Ольговичи нѣсколько разъ приводили Половцевъ и всегда почти держались обычая жечь селенія и города.

35.

Половцы.

Часть, избѣгая татаръ (непокоренныхъ татаръ), переправилась черезъ Дунай на кожаныхъ мѣшкахъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми и скиталась долго во Фракіи, пока Императоръ Іоаннъ не взялъ ихъ на свое содержаніе и назначилъ для нихъ земли; полагають, что ихъ было до 10,000. Жившіе на матерой землѣ въ Евр. Тавріи покорились игу побѣдителя. Приморскіе послѣдовали за жителями Дунайскими.

36.

Мономахъ Велик. Князь.

Вступивши въ Кіевъ, (исправилъ) уничтожилъ беспорядки, произведенные корыстолюбиемъ Святополка. Законъ о ростахъ.

Сынъ его, Мстиславъ, два раза побѣдилъ Чудь, завладѣлъ

городомъ Оденте или Медвѣжьею Головой въ Ливоніи. Его сынъ, оставшійся въ Новгородѣ (отецъ занялъ Бѣлгородъ), совершилъ походъ счастливый въ Финляндію.

Другой сынъ, Георгій, въ Суздаль ходилъ войной на казанскихъ Болгаръ, побѣдилъ и пришелъ съ добычею.

Третій сынъ, Ярополкъ, воевалъ въ окрестностяхъ Дова, взялъ три города въ области Половецкой: Балинъ, Чешлюевъ, Сугровъ.

Въ Руской землѣ кочевали остатки народовъ Берендѣи, Печенѣги и Торки, въ степяхъ, въ окружности Переяславля. Мономахъ изгналъ ихъ. Изъ нихъ многіе уцѣлѣли на Днѣпрѣ подъ общимъ именемъ Черкасовъ или черныхъ клобуковъ, служа Россіянамъ.

Принялъ Бѣловѣжцевъ, остатковъ Козаръ, бѣжавшихъ отъ Половцевъ. Они основали въ верховьѣ р. Остра новую Бѣлую Вежу въ 120 верстахъ отъ Чернигова. Развалины показываютъ каменныя строения.

Князья дѣйствовали съ нимъ союзню, даже Ольговичи.

Усмирилъ князя Минскаго. Взялъ города: Вячеславъ, Оршу, Копысь.

Усмирилъ Новгородцевъ, призвавши въ Кіевъ ихъ бояръ, и далъ имъ посадника, Кіевского боярина Бориса.

Четвертый сынъ его, Андрей, по повелѣнію его, опустошилъ сосѣдственныя владѣнія Болеслава Криворотаго. Ни его, ни Венгровъ и короля ихъ нападенія были неудачны.

Не сыновья его, почти посторонніе ему, были князья Черниговскіе, Полоцкіе и Ростиславичи.

Умеръ на 73, княжилъ 13 (въ 1125). Его духовное (завѣщаніе исполнено) поученіе исполнено краснорѣчія, обличаетъ размышляющій умъ, и одинъ изъ лучшихъ памятниковъ словесности, исполнено простоты и (глубокой) истины и наставленій опытности въ дѣлахъ разныхъ, въ жизни домашней.

Самъ назиралъ церковь и Божественное служеніе, домашній распорядокъ, конюшню, охоту, соколовъ, ястребовъ.

Дѣятельный, онъ совершилъ 83 похода, 19 мирныхъ договоровъ съ Половцами.

Ѣздилъ довольно скоро: изъ Чернигова выѣхавъ поутру, пріѣзжалъ въ Кіевъ прежде вечерень.

Ростовская и Суздальская земля были наслѣдственныя земли Всеволодова дома. Онъ ѣздилъ часто туда для хозяйственныхъ распоряженій. Выбралъ лучшее мѣсто на берегу Клязьмы, основалъ городъ и назвалъ его Владиміромъ Залѣскимъ (Суздальское соединившемъ съ Переяславскимъ).

37.

Мстиславъ.

Когда Мстиславъ былъ Великимъ Княземъ, его братья занимали:

Ярополкъ въ Переяславѣ, *Вячеславъ* въ Туровѣ, *Андрей* во Владимірѣ, *Георгій* въ Суздальѣ, а сыновья его Ростиславъ и Изъяславъ въ Курскѣ и Смоленскѣ.

Загналъ Половцевъ не только за Донъ, но и за Волгу.

Сыновья Олега начали показывать тоже непокорство, упрямото отца и изгнали дядю.

Въ югозападной Россіи сыновья Володаря, Владимірко и Ростиславъ, ссорились за удѣлы, первый въ Звенигородѣ, второй въ Перемышлѣ.

Наконецъ, паденіе произошло князей Полоцкихъ¹⁾. Мстиславъ поднялъ своихъ братьевъ и сыновей, далъ имъ свой полкъ и вмѣстѣ съ другими князьями покорилъ всю область Полоцкую. Послѣдніе князья Полоцкіе, два брата съ двумя племянниками, женами и дѣтьми, были отправлены на 3 ладьяхъ въ Константинополь. Мстиславъ отдалъ княженіе Полоцкое и Минское сыну своему Изъяславу.

Счастливо воевалъ Чудь и Литву.

1) Древней земли Кривичей, самыхъ непокорныхъ князей, всегда желавшихъ совершенно отдѣльной независимости.

38.

Ярополкъ.

Слабый, уступчивый. Эпохи, изъ его княженія извлеченныя, суть:

Ольговичи, князья Черниговскіе, съ Половцами выступаютъ на него, жгутъ и опустошаютъ селенія (пострадали сильно окрестности Переяславля) и заставляютъ его уступить часть Переяславской области съ Курскомъ.

Все княженіе провелъ въ спорахъ и битвахъ съ Ольговичами.

39.

Всеволодъ Ольговичъ.

Наконецъ, Ольговичи овладѣли княжескимъ престоломъ. Всеволодъ предупредилъ сына Мономахова Вячеслава и хотѣлъ также и Переяславъ, по крайней мѣрѣ приказывалъ его отдать брату своему Святославу Ольговичу.

Но скоро началъ войну съ братьями Святославомъ и Игоремъ, сердитыми за то, что онъ имъ не далъ никакихъ новыхъ удѣловъ прибыльныхъ, а давалъ сыновьямъ и родственникамъ.

40.

Игорь Ольговичъ.

2-й изъ Ольговичей, беспечною, не любовью гражданъ, измѣною бояръ своихъ, расположенныхъ къ роду Мономаха, лишился Кіева, не пробывъ трехъ (мѣсяцевъ) недѣль.

41.

Изяславъ Мстиславичъ.

Внукъ Мономаховъ (завязываетъ), угнѣтеніемъ Игоря въ Кіевѣ и содержаніемъ его въ неволѣ, вызвалъ упорную войну

брата его, Святослава, показавшаго рѣдкую братскую любовь, потерявшій чрезъ нее всѣ города свои и дѣйствовавшій почти противъ всѣхъ князей съ Георгіемъ Суздальскимъ. Народной ненавистью Кіевлянъ, убившихъ Игоря уже монаха, онъ воспламенилъ войну. Георгій Суздальскій эгоистъ, понуждаемый ненавистью къ Изьяславу и Святославомъ, противустоитъ и заставляетъ отказать Изьяслава, которому однакожъ старая любовь Кіевлянъ и ненависть къ Георгію даетъ новыя силы. Георгія войны почти всегда неуспѣшны, Изьяславовы почти уничтожаютъ владѣнія Георгія въ южной Россіи. Въ эту войну, рожденную взаимною ненавистью и безпрестанно возобновляемую, впутываютъ они—Георгій князя Галичскаго Владимірка и Половецъ, Изьяславъ Венгерскаго владѣтеля Гейзу. Изьяславъ торжествуетъ, принимаетъ въ Кіевѣ, какъ отца, дядю своего Вячеслава и раздѣляетъ съ нимъ власть. Самъ всегдашній предметъ народной любви, которую умѣетъ пріобрѣсти своимъ обхожденіемъ съ ними.

42.

Сношенія съ греками.

Дочь Всеволода Янка ѣздила въ Цареградъ.

43.

Митрополиты.

Иларіонъ.

Григорій грекъ.

Іоаннъ грекъ, сочинитель церковнаго правила.

Іоаннъ скопецъ, Грекъ—мертвецъ.

Ефремъ скопецъ.

Николай грекъ.

Никифоръ грекъ, извѣстный свѣдѣніями и краснорѣчіемъ. Его два письма къ Мономаху. Одно о раздѣленіи церквей восточной и западной, другое о постѣ.

Никита грекъ.

44.

О городахъ.

Города состояли изъ мирной половины гражданъ, постоянной, и наѣздной, воинственной дружины князя, переселявшейся вмѣстѣ съ княземъ.

Князь ѣхалъ на княженіе со всею свитою, съ своими людьми и дружиною, иногда довольно многочисленною, которую городъ содержалъ.

Строеній крѣпкихъ въ городахъ не было и не строилось, потому что князь не почиталъ ихъ потомственнымъ наслѣдіемъ и помнилъ, что со временемъ могъ перемѣнить его на другой.

Города были слишкомъ не великолѣпны на видъ, окружались землянымъ валомъ, но за то вмѣщали несчетное множество церквей, больше деревянныхъ, маленькихъ. Лѣтописи говорятъ, что во время пожара въ Кіевѣ сгорало 600 церквей. Каждый князь платилъ отъ себя дань набожности, выстроивъ церковь. Это распространялось на его дружину.

Дружины князей были причиною и зиждителемъ городовъ. Такое множество, свита не иначе могла помѣщаться, какъ въ цѣломъ острогѣ. Такое множество воиновъ, бездѣйствующихъ и праздныхъ людей, неприлагавшихъ труда, должны были собрать вокругъ себя трудящійся классъ, доставлявшій бы имъ все нужное. Отсюда классъ ремесленниковъ и мирныхъ гражданъ.

45.

Постепенное появленіе городовъ.

Въ Брестѣ былъ племянникъ Святополка, Ярополковъ сынъ Ярославъ, котораго онъ въ цѣни заключилъ. Стало быть Брестъ былъ Рускимъ и отдѣльнымъ городомъ еще въ началѣ 1101.

Лубны упоминаются во время набѣга Половцевъ 1107.

Прилукъ (1138) упоминается при осадѣ его Ольговичами.

Торжокъ взять Георгіемъ Долгорукимъ у Новгородцевъ 1139.
 Всеволодъ отдалъ и отсудилъ: Игорю Юрьевъ и Рогачевъ,
 Святославу Чарторискъ и Клецкъ, а Давидовичамъ Брестъ и
 Дроговичинъ.

46.

Внутреннее устройство.

Добыча: скотъ жителей, рабы.

Бѣжавшіе князья, предприимчивый мятежникъ, общая грабежъ, всегда могъ набрать себѣ дружину (Карамзинъ).

Какъ князья (переходили) изъ (одного) удѣла перемѣщались въ другой, такъ точно и бояре.

Отъ одного удѣла зависѣло нѣсколько другихъ: отъ Чернигова Рязань, во времена сыновей Ярославовыхъ и Изьяславовыхъ¹⁾.

Рѣдкіе, впрочемъ, пользовались удѣломъ отца. Часто (нѣкоторые) иные князья, когда нравился имъ чужой удѣлъ, изгонялись съ сильною дружиною князя, который иногда довольно спокойно отправлялся искать удѣла или принималъ предоставленный побѣдителемъ.

Это государство изъ арендъ родственниковъ Государей, дядей, племянниковъ, представляло странное явленіе. Не смотря на безпорядочность, на не имѣніе предѣльныхъ законовъ, на неопредѣлившіяся права и отношенія ихъ между собою, они носили какой то темный видъ единства и цѣльности одной націи. Князья часто въ критическія минуты говорили, напоминали о томъ, что Русь гибнетъ, а враги радуются. На сеймѣ, собранномъ Мономахомъ, явно сказано: да будетъ земля Руская общимъ для насъ отечествомъ. Святители напоминали тоже объ общемъ отечествѣ. Лѣтописцы тоже принимаютъ живое участіе въ общемъ, не смотря на свое частное пристрастіе.

1) Впослѣдствіи удѣлы чрезвычайно перемѣшались, такъ что Черниговскіе причислились къ Кіевскимъ, Кіевскіе къ Черниговскимъ. Послѣ Кіевского значительнѣе другихъ Черниговскій.

Удѣлами мѣнялись и торговались, какъ войны своими оружьями. За одинъ большой получалъ два-три маленькихъ, иногда додача деньгами.

(сен. 2-й сеймъ. Мономахъ отъ себя 200 гривенъ, Олегъ и братъ его также кромѣ городовъ за Владиміръ Волинскій)

Здѣсь то нужно искать причины остановки хода развитія въ Россіи.

Народъ, видя частое изгнаніе къ князьямъ, терялъ къ нимъ уваженіе.

Князь даже производилъ торги. Такъ, Святославъ торговалъ солью, которую привозили купцы изъ Галича и Перемысля.

Князья назначали посадниковъ въ другіе города. Въ завѣщаніи Мономаха: не надѣйтесь на посадниковъ и бирючей; стало быть, посадники были.

Мужество князей росло въ охотахъ, ими они тщеславились. Смотри завѣщаніе Мономаха.

Жители въ городахъ всегда имѣли сильное участіе въ правленіи, почти республиканское. Могли экстренно собирать вѣче и звать на оное князя. Такъ вызывали они князя съ тѣмъ, чтобы жаловаться на его тиуновъ.

Воинственность и рыцарскій обычай былъ видѣнъ въ томъ, что они прѣзжали на вѣче даже на коняхъ.

Тиуны часто сильно угнетали гражданъ своимъ правленіемъ, и за то народъ часто, выведенный изъ умѣренности, грабилъ ихъ собственные дома.

Тиуны самоуправничали часто мимо князя, и такъ дружина, и нестолько дружина, какъ въ послѣдствіи бояре оной оказывали неповиновеніе къ князю.

Часто города, будучи недовольны своимъ княземъ, тайно приглашали.

47.

Набожность.

Князья заключались и постригались. Сынъ Давида Черниговскаго, Святославъ, при Митрополитѣ Никифорѣ.

Монахи путешествовали къ святымъ мѣстамъ: Игуменъ Даниилъ, во время Святослава, былъ въ Иерусалимѣ во время Балдуина.

48.

Пирь.

Пирь давались почти на весь мѣръ, на бояръ и дружину. Три дня угощали бѣдныхъ и странниковъ.

(Пиръ данный Олегомъ по случаю перенесенія мощей (новаго) 1115 Бориса и Глѣба).

Народу бросались ткани, шкуры, серебряныя монеты.

49.

Обычаи.

Чтить гостя и иностранца какого бы ни было всегда считалось главнымъ. Мономахъ въ поученіи особенно это завѣщаетъ. Если нельзя одарить, просить по крайней мѣрѣ угостить его, ибо гости распускаютъ въ другихъ мѣстахъ худую и добрую славу.

Нѣкоторые изъ князей были довольно учены. Влад. Мономахъ въ завѣщаніи говоритъ, что отецъ его, сидя дома, говорилъ на 5 языкахъ. Карамзинъ думаетъ, на греческомъ, венгерскомъ, половецкомъ, скандинавскомъ и рускомъ.

Охоту, какъ доблестнѣйшее занятіе, лучшіе государи совѣтовали отцы сыновьямъ. Смотри завѣщаніе Мономаха.

Охота была за буйволами, оленями, дикими лошадьми, (Мономахъ своими руками вязалъ по нѣсколько дикихъ коней вдругъ. См. Завѣщаніе), вепрями, медвѣдями. Въ каждомъ удѣлѣ лучшая для князя добыча были мѣста для охоты, за нихъ иногда перемѣняли они удѣлы.

Дружина жила княземъ и беспрестанно требовала прибавки жалованья.

Жены ходили въ золотыхъ украшеніяхъ. См. Соф. Врем. вставка: «Послѣдуемъ, братцы, примѣру нашего князя» («О бра-

тіе, потогнемъ по своемъ князѣ и по Руской земли. Не глаголаху мало ми есть, княже, 10 гривень и не кладяху на своя жены златыхъ обручевъ, но хождаху жены ихъ въ сребреныхъ»).

У (великихъ) князей бывало не мало богатства въ подвалахъ, кладовыхъ и погребахъ: желѣзо, мѣдь, вино, медь, на гумнахъ множество хлѣба. У Святослава Черниговскаго, брата Игоря, нашли 900,000 скирдь.

Въ междоусобныхъ браняхъ обыкновенно дружина и вожди прежде всего старались овладѣть кладовыми и погребами и... хлѣбъ, теремъ, всѣ заведенія.

Грабили и жгли даже церкви, какъ при взятіи Путивля, дома Святослава. Меду въ подвалахъ 500 берковцевъ и 80 корчагъ вина.

50.

Городъ Кіевъ.

Была Жидовская улица, по множеству жидовъ.

Пожаръ въ Кіевѣ при Мономахѣ обратилъ въ пепель монастыри и около 600 церквей.

51.

Брачные союзы.

Князья роднились иногда съ отдаленными Европейскими домами.

Мономахъ былъ женатъ на Гидѣ, дочери Англійскаго короля Гаральда.

Мстиславъ на Христинѣ, дочери Шведскаго короля Инга Стенкильсона.

52.

Союзы государей Европейскихъ съ русскими.

Одна дочь Мономахова за Норвеж. принца Сигурда, потомъ за Датск. Эрика Эдмунда, вторая за Канутомъ святымъ, королемъ Оботритскимъ.

Третія за греческимъ царевичемъ.

53.

Великій Князь.

Великій Князь бралъ только своимъ посредствомъ, какъ третье лицо, призываемое на судъ, разумѣется, если онъ характеромъ, силою, мужествомъ, счастливыми побѣдами умѣлъ пріобрѣсть это. Тогда изъ боязни къ нему не смѣли сорить владѣтели сосѣдственныхъ удѣловъ.

Великій князь долженъ былъ хлопотать и умирать недовольныхъ. Онъ склонялъ къ сдѣлкамъ между собою въ мнѣнѣ удѣловъ князей, уговаривалъ того и другаго, уступалъ, если былъ слабъ, грозилъ, если былъ силенъ.

Его поименная некорыстная власть основывалась на мнѣніи только на давности первенства, на городѣ Кіевѣ.

Дошло до того, когда вел. князь требовалъ помощи у другихъ Великихъ князей, они торговались, требовали многихъ городовъ, и князь долженъ военнымъ хитростямъ.

Восходя на престолъ, великій князь увѣдомлялъ удѣльныхъ отправлениемъ къ нимъ пословъ.

54.

Вліяніе упадка Кіевскаго княженія.

Съ упадкомъ Кіевскаго княженія прежній призракъ порядка рушился. Вліяніе Россіи на Югозападъ Руской стало значительно меньше. Князья ихъ болѣе своевольничали и безпорядковали. Вліяніе Польши и Венгріи становилось сильнѣе.

Въ княженіи Кіевскомъ находились и зависѣли отъ него всегда: Вышгородъ, Васильковъ, Лыбедь.

55.

Войны съ Чудью и Литвою.

Война съ Чудью и Литвою обыкновенно оканчивалась разореніемъ селъ и выводомъ плѣнниковъ. Мстиславъ, сынъ Мономаха,

привелъ въ Кіевъ ихъ великое множество, которые отчасти шли въ продажу и заселяемы были.

Литва всегда съ большимъ усилиемъ упорствовала платить дань.

56.

Слова требующія изъясненія.

Куны
Долсѣи
Мыгъ

57.

Новгородъ.

Власть князя.

Власть князя была сильно ограничена. Онъ не могъ въ волостяхъ Новгородскихъ постановить своихъ мужей, но Новгородцевъ.

Онъ не могъ имѣть сель, купить, ни принять дары и подати, ни жена его, ни слуги во всей Новгородской волости.

Въ Русу могъ ѣздить только на третью зиму. Въ Озводо за звѣриною охотой лѣтомъ. Въ Ладогу на третье лѣто.

Онъ не могъ выводить въ свою волость людей ни изъ какой Новгородской волости.

Не могъ требовать для своихъ дворянъ провозу, подводъ у купцевъ, выключая развѣ въ случаѣ ратной вѣсти.

Не могъ иначе торговать съ Нѣмцами, какъ посредствомъ новгородцевъ?

Не могъ приставлять къ нѣмецкому двору своихъ приставовъ, ниже закрыть.

Кромѣ того, князю предписывалось не слушать навѣтовъ, не мстить, не препятствовать безсрочному житію Новгородскихъ гостей.

(Смотри Грамоту Новгородц. Ярославу Ярославичу 1263).

Безъ Посадника не могъ раздавать волостей, ни лишать, ни судить.

Въ Русу ѣздитъ осенью. Въ Ладоху посылать осетренника и медовара.

Не могъ дать грамоту (?), принять заложника, ни смерда, ни купчины.

Тіуновъ держалъ онъ волости пополамъ своего и новгородскаго въ землѣ Волочской. Въ Торжкѣ держать тіуна онъ могъ своего, въ отношеніи собственныхъ владѣній.

Не могъ изъ Суздальской земли своей управлять Новгородомъ.

Примѣчаніе: во всѣхъ грамотахъ всегда ясно старались отмѣтить рубежъ земли Суздальской отъ Новгородской.

Въ Низовыхъ областяхъ особенно была недѣйствительна власть княжеская, тамъ онъ не могъ во все вмѣшиваться и рядовать волости. Грамота 1309.

Запрещалось ему бить свиней въ 60 верстахъ отъ Новгорода.

Долженъ былъ поставлять своего намѣстника за Волокъ.

Слатъ судей на Петровъ день (разъѣздныхъ).

Не могъ набавлять, ни учреждать пошлинъ.

За рубежомъ земли Новгородской его суды не могли судить и быть посылаемы, и отъ слободъ и селъ отступаться.

Въ Ладогѣ не могъ держать тіуна. Упом. въ пер. разѣ въ грамотѣ данн. княз. Мих. Яросл. Твер. 1309 (А въ Ладогѣ ти тіуна не держати).

Тамъ же. Бѣгущихъ онъ въ Тверскую область половниковъ долженъ возвратить въ Новгородъ и тамъ судить.

Онъ могъ брать за провозъ черезъ его землю по двѣ векши отъ лодки, воза, отъ льна и хмѣльна короба.

Изъ Ладоги онъ бралъ дань: посылалъ для ловли осетровъ и варенія меду.

Опредѣлить степень дани или даровъ съ волости, получаемыхъ княземъ.

Что собственно Новгородская волость, вся ли государство, или округъ города Новгорода?

Отъ чего половникъ (холопъ)?

58.

Конституція Новгорода.

Новгородъ обязывалъ прежде всего князя письменною грамотою на пергаментѣ съ свинцовою печатью, съ одной стороны которой былъ образъ Знаменія Пресв. Богородицы, съ другой имя архіепископа Новгородскаго. Она начиналась благословеніемъ Владыки, поклономъ посадника, потомъ тысяцкаго, наконецъ большихъ и малыхъ чиновъ (старѣйшинъ), затѣмъ весь Новгородъ клянется (цѣлуеть крестъ) держать его княженіе честно по пошлнѣ, безъобидно и такого же требуетъ отъ князя.

Около (1132) народъ началъ избирать посадниковъ, когда изгналъ Всеволода.

59.

Доходы князя.

Доходы были не слишкомъ и всѣ опредѣлены и установлены навсегда.

А коли, княже, поѣдешъ въ Новгородъ, тогда тебѣ даръ имати по состояніемъ, а коли поѣдешъ изъ Новгорода, даръ тебѣ не надобе.

60.

Права Новгородцевъ.

Съ купленныхъ земель въ землѣ Новгородской князь получалъ куны, но удалившись изъ Новгорода, тоже получалъ, но дарственныхъ лишался.

Никогда Великій князь не могъ постановить имъ князя,

если онъ не нравился. Такъ, не захотѣли они сына Святополка и удержали у себя Мстислава.

Купцамъ давались деньги, и они уже совершали на нихъ, экипировали войска (въ 1137 противъ Всеволода, разграбивъ дань его доброжелателей, съ другихъ взявши налогъ, они деньги отдали купцамъ на заготовленіе вещей къ войнѣ.

61.

Неустройства Новгородцевъ.

Во время смуть и народныхъ волненій народъ обыкновенно сбрасывалъ своихъ начальниковъ съ мосту и топилъ ихъ въ Волховѣ.

Всеволода обвинили за то, что:

- 1, не блюдетъ простаго народа и любить только забавы, ястребовъ и собакъ.
- 2, хотѣлъ княжить въ Переяславѣ.
- 3, ушелъ съ мѣста битвы на Ждановой горѣ прежде всѣхъ.
- 4, непостояненъ въ мысляхъ, держать сторону то князя Черниговскаго, то пристааетъ къ врагамъ его.

Но всегда почти въ Новгородѣ партіи приверженныя князю— нѣсколько домовъ большихъ аристократическихъ, какъ кажется; ихъ обыкновенно народъ грабилъ во время бунта противъ князя.

Князя когда не желали и на мѣсто его просили другаго, то прежняго заключали въ епископскомъ домѣ. См. Кіевская лѣтопись.

При Георгіѣ Суздальскомъ сдѣлалось смятеніе за князей Ростислава и Мстислава, граждане раздѣлились на двѣ стороны: *Торговая* была за князя, *Софійская* противъ.

62.

Отношенія Новгородцевъ къ Великому Князю.

Владѣя отдаленными странами нынѣшней Архангельской губерніи, Новгородцы платили великому князю особенную дань, называвшуюся *Печорскою*.

63.

Исторія Новгородской республики.

Въ началѣ Новгородцы, Псковитяне и Ладожане составляли одну область (съ котораго времени?).

Купеческія суда его ходили за море и привозили товары въ Россію и въ 1142 отразили флотъ Шведскаго короля, выѣхавшаго на разбой съ шестидесятью ладьями и съ епископомъ.

...прибѣгавшій то къ папѣ (Гильдебранту), то къ Генриху IV, приведшій съ собою Поляковъ и короля Польскаго Болеслава II.

...и Олегъ первый употребилъ Половцевъ.

64.

Періодъ второй.

Общія замѣчанія.

Что удѣльные нравы все таки способствовали къ монархизму, то есть, еслибъ монархическая власть дошла туда, она имѣла бы по крайней мѣрѣ на чѣмъ укрѣпиться, но вопросъ, могла ли она зайти. Легко сказать, но власть самодержца не могла никогда держаться на великихъ малонаселенныхъ пространствахъ, потому что не на чѣмъ укорениться ея слѣды, на мѣстахъ изглаживался слѣдъ ея. Что Карлъ былъ самодержцемъ, два три самодержавные правители, этому нечего дивиться. Въ ихъ земляхъ еще старыя, освященные давностью слѣды римскіе. Но тамъ, гдѣ не была врѣзана она въ самое сердце земли ни городами, ни крѣпостями, никакими пунктами, напимѣръ, въ Германіи, тамъ она не могла существовать или существовала въ одномъ титлѣ.

65.

Періодъ Татарскій. Изъ Визант.

Rachimeres, T I. pag. 235, 236, говоритъ, что съ Татарами мало по малу мѣшались Цихи, Готы, Россіане и другіе окрестные народы, наконецъ, принявшіе отъ Татаръ нравы, образъ жизни, языкъ и одѣяніе; служили въ татарскихъ войскахъ.

66.

1386. Ягайломъ соединяются Польша, Малая Россія и Литва.

Трактатъ присоединенія: Пакта Конвента.

Сила его: присоединяемъ и соединяемъ какъ равный съ равнымъ и вольный съ вольнымъ.

Установленіе въ трехъ націяхъ трехъ равныхъ гетьмановъ съ правомъ намѣстника королевства и верховнаго военачальника.

Гетьм. коронн. Польскій

(Геть. Руской).

Гет. Литовскій

Гет. Рускій

Установленіе. Гетьманамъ и другимъ важнѣйшимъ урядникамъ даются на содержаніе старосты и ранговья деревни (вспомнить объ удѣлахъ).

Резиденціей Малороссійскаго Гетьмана дѣлается городъ Черкасъ, пониже Кіева, надъ Днѣпромъ.

Провинціальное дѣленіе земли на воеводства и повѣты.

Четыре воеводства Кіевское, Бряцлавское, волинское и Черниговское, совмѣстно съ Сѣверією названное Сѣверія Дукагусь.

Всѣ чины правит., начиная съ Гетьмана до городскихъ и земскихъ, выбираемы были изъ рыцарства вольными голосами и утверждаемы королемъ и сенатомъ.

Сенатъ составлялся изъ особъ, выбранныхъ сеймомъ или

общимъ собраніемъ. Общее собраніе или сеймъ составляли депутаты, посылаемые отъ народа.

Народъ состоялъ изъ трехъ классовъ: Д., Шляхетства и посполства.

67.

Кіевскіе Митрополиты.

Михаилъ. 988 г.	Кипріянь, родомъ Сербянинъ, 1375.
Леонъ или Леонтій, Грекъ.	Фотій, Грекъ, 1396.
Іоаннъ I. 1007 или 1008.	Григорій Самблакъ, родомъ Болгаринъ, 1414.
Θεοπεμπтъ, родомъ Грекъ.	Исидоръ, родомъ Грекъ.
Иларіонъ. 1051 г.	Мисаилъ, изъ поколѣнія князей Пеструцкихъ, 1474.
Георгій Грекъ. 1055.	Семеонъ, 1477.
Іоаннъ II. 1080 г.	Іона, 1482.
Іоаннъ III. Скопецъ, родомъ Грекъ, 1089 г.	Макарій, 1495.
Ефремъ. 1091.	Іосифъ II, 1476.
Николай, Грекъ. 1102.	Іона II, 1516.
Никифоръ, Грекъ, 1106 г.	Іосифъ III, 1526.
Никита, Грекъ, 1122.	Макарій II, 1538.
Михаилъ II, родомъ Грекъ, 1127 г.	Сильвестръ Гелькевичъ, 1555.
Климентъ, родомъ Россіанинъ, 1147 г.	Іона IV, 1568.
Константинъ I, Грекъ, 1156.	Илія, Куча, 1577.
Θеодоръ, Грекъ, 1160 г.	Онисифоръ Петровичъ-Дѣви- чій, 1578.
Іоаннъ IV, Грекъ, 1164 г.	Михаилъ, изъ шляхетнаго рода Рагозь, 1588.
Константинъ II, Грекъ, 1167 г.	Іовъ Борецкій, 1620.
Никифоръ, Грекъ, 1183.	Исаія Копинскій, 1628.
Матѳей, Грекъ, 1204 г.	Петръ Могила, 1597.
Кириллъ I, именуемый Грекомъ, 1223.	Сильвестръ Коссовъ, 1632.
Кириллъ II, Грекъ.	Діонисій Балобанъ, 1650.
Іосифъ, Грекъ, 1237.	

- Палласъ. 2 ч. 1787—1789, 3768. Собран. Пут. къ тата-
(4), 40 р. рамъ. Плато Кар. А. изд.
5953. *Сравнит. словарь* всѣхъ Языковъ. 10 р.
языковъ и нарѣчій. Я. де 3794. *Баронъ Мейербергъ*. Пер.
Мориво. 4 части. 1790—91, съ нѣм. Аделунгъ (8—2)
(4), 40 р. 55 р. 1827.
10347. Россійско Румынская 3795. Путешествіе по Россіи
Грамматика, состав. Мар- *Ганелина*... естеств. 4 т.
целлою, 3 ч., 1827—1828, 1773 (4). 40.
(8), 10 р. 3796. Дневныя записки *Лепе-*
Польскіе и рускіе разговоры. *хина* по разн. провинціямъ
Вильна. 1829. 3 р. 50 к. Россіи. 4 т. (4). 1771. 40 р.
3797. Путешествія по разн.
провинціямъ Россіи *Палласа*.
5 т. 1773. (4). 50 р.
3798. Журналъ путешес. Кап.
Рычкова, по разнымъ провин.
Росс. 2 ч. (4). 1772. 12 р.
3799. Полное собр. путешес.
по Россіи, изд. Акад. Наукъ.
1, *Краш. Лепехина*. 3. *Фоль-*
ка. Съ 2 атлас. 7 частей.
1818—1825. 65 р. (8).
3807. Записки по Запад. Рос-
сіи. Минерал. хозяйст. и пр.
В. Севергина. 3 ч. 1803—5.
(8). 8 р.
3818. Письма изъ Малороссіи
Алексѣя Левшина. Харьк.
1816. (8). 4.
3851. Археолог. Атласъ Евр.
Россіи. Соч. Гр. *Н. Потоц-*
каю. 1823. Въ листъ. 15 р.
3659. Землеописаніе Малой 10117. Древняя исторія Во-

- Россіи по ревизіи 1764 года, издалъ *В. Рубанъ*. 1777. (12). 5 р.
3660. Краткія Геогр. Полит. и Истор. извѣстія о Малой Россіи, изд. *В. Рубанъ*. (12). 5 р.
3661. Физич. опис. Тавр. области. *Карла Габлица*. (2). 15 р. 1795.
3662. Кратк. физ. и топог. описан. Тавр. области. *Палласъ*. 1795. (4). 5 р.
- 3663.
3684. Волинскія записки *Степ. Руссова*. 1809. (8). 5 р.
3553. Королевство Польское и Велик. Княж. Литовское, соч. *Бишняга*. 1775. (8). 5 р.
3554. Королевство Венгерское съ приедин. землями, *Бишняга*. 1774. (8). 6 р.
10227. *Климаново* путеш. изъ Вѣны въ Бѣлградъ и нов. Кияію. Пер. съ фр. *И. Одиновъ*. 1783. (8). 5 р.
10185. О происхожд. языка и лит. Литов. народовъ. *Петр. Кеппена*. 1827. (4). 4 р.
10110. Описаніе древ. медалей Ольвіи съ ист. извѣст. о городѣ Ольвіи. (8). 1828. 5. р.
10112. Древности Евр. бе-
 лынской губерніи. Продолженіе первобытной исторіи народовъ Госу. Росс. Граф. *И. Потоцкаго*. Пер. *Руссовъ*. 1829. (12). 2 р.
- Сокращ. Скандинав. Миеологіи по алфавиту, *Руссова*. 1829. (2). 2 р.
10992. Родословная князей Друцкихъ Горскихъ графовъ по Межи и Преславлію, потомковъ *Рюрика*. Спб. 1824. (4). 10 р.
10998. Отчетъ о разн. памятн. древности въ Болгаріи и Румиліи, *В. Тепляковымъ*. 1829. (8). 3 руб.
11011. О Достопамятностяхъ *Чернигова*. 2 р.
11012. О городахъ и селахъ Черни. губер. упомин. *Несторомъ*. *М. Маркова*. 1814. (8). 1.50.

рега Понт. С. Кеппена. 1828.

(8). 5 р.

10113. Начертаніе древней
Исторіи *Бесарабіи, Вельмана.*

1828. 5 р.

69.

Выписки изъ Кіевской лѣтописи.

И половцамъ пришедшимъ Всеволодъ со братією, со Изьяславомъ и Святополкомъ Мстиславечема, пойдоша воюючи села и города Переяславское волости, и люди сѣкуще даже и до Кыева. И Городецъ (противъ Кіева) зажгоша на св. Андрея день, и ѣздяху по оной сторонѣ Днѣпра, люди ѣмлюще, а другіе сѣкуще, не могучи перевестися черезъ Днѣпръ. Забравше скоть весь три дни стоявше за городцемъ въ Бору, и идоша къ Чернигову, и оттуда шлючи межи собою створита міръ. И паки Ольговичи начаша просити у Ярополка, что нашъ отецъ держалъ при вашемъ отци, того же и мы хотимъ; яжъ не вдасть, то не жалуйте: что ся удѣтъ, то на васъ будетъ кровь. Тое же зими (1135) Ярополкъ совокупи вся Кыевскія, а Гюргій переяславци, и стояша 8 дней у Кыева (противъ Ольговичей) и умиришась, и даше (Вел. Князь) Переяславль Андрееви, а Володиміръ Изьяславу.

Андрей возвратися въ Переяславль. Всеволодъ же, перешедъ Десну, ста противу Вышегороду съ вои. . . . и постоя 7 дней иде къ Чернѣгову, и сослаша межи собою послы и не могоша ся уладити. Паки же Олговичи съ Половци переидоша Днѣпръ Дек. въ 29 день, и почаша воевати отъ Треполя около Краина и до Бѣлагограда и Василева, олни же и до Кыева, и по Желани и до Вышегорода, и до деревъ (древлянской области по Карамз.), и черезъ Лыбедь стреляшася. Ярополкъ же убоявся суда Божія сотворыся мній (меньшій) всѣхъ, хулу и укорь прія на ся отъ братія своя и отъ всѣхъ, и сотвори съ ними міръ въ 12 Геав.

(уже въ 1137 г.), и цѣловаша крестъ, ходящу межъ ими Митроп. Михайлу, и вда Ярополкъ отчину свою ко Ольговичемъ, чего хотѣли.

Бѣжащю Святославу изъ Новагорода (1141), идущю въ Русь къ брату, и посла Всеволодъ противу ему и рече: Брате! поиди съмо. Святославъ же ѣха къ нему изъ Стародуба и не уладися съ нимъ о волости, и иде къ Курску: бѣ бо и въ Новѣ городѣ сѣдя Сиверску. Въ тоже лѣто Всеволодъ разлучився съ братомъ своимъ, и да ему Бѣлгородъ (отнявъ у него Курскъ и Нов. Сѣвер.). Въ тожь лѣто ходи Игорь къ Чернѣгову на Давидовича и створиста миръ. . . Бысть братья его (Всеволода) тяжело сердце Игореву и Святославу: волости бо даетъ сынови, а братья не надѣли. И позва Всеволодъ (въ 1142) братію къ собѣ, и стаха въ Олжичихъ, Святославъ и Володимиръ и Изьяславъ, а Игорь у Городца, и ѣха Святославъ къ Игореву и рече: что ти даетъ братъ старѣйшій? и рече Игорь: даетъ намъ по городу, Берестій и Дорогичинъ, Черторыецкъ и Клещескъ, а отчины своя не дасть Вятичъ. И цѣлова Святославъ крестъ съ братомъ Игоремъ, и наутрій день цѣловаста Володимиръ и Изьяславъ Игоремъ. . . И посла ихъ Всеволодъ звати на обѣдъ, и не ѣхаша рекуще: Се въ Києви сѣдиши, а мы просимъ у тебе Черниговское и Новгородская волости, а Киевские не хотимъ. Онъ же Вятичъ неступяше, но даха имъ 4 города, яже преди нарекохомъ. Они же рѣша: а намъ самѣмъ о собѣ поискати, и поѣхаше къ Переяславлю. . . И посла Всеволодъ Лазаря Саковского съ Печенѣгы с вои Вячеславу въ помощь. . . И поможе Богъ Изьяславу (Мстиславичу), и бися съ ними, и побѣгоша въ города своя. Въ тожь время идущю Ростиславу съ Смоленск. полкомъ къ зятю своему къ Києву, и слышавъ (о войнѣ) и поиде на волость ихъ и взя около Гомія (Гомеля) область ихъ всю (въ харатейн. 4 города). . . Изьяславъ же ѣха въ землю Черниговскую и повоева около Десны села ихъ, и возвратися въ свояси съ честію. Игорь же съ братьею ѣхаша къ Переяславлю другое, и бишась 3 дни и возвратишась. Посла по нихъ Всеволодъ брата своего Святошу, река имъ: взми-

те съ любовью что вамъ даю: Городецъ, Рогачевъ, Берестій, Дорогичинъ, Клецескъ; болѣ не воюйтеся съ Мстиславичи. Они же сташа на воли его, и позва ихъ къ собѣ къ Кыеву, и приѣхаша: Всеволодъ же не хотѣ того, иже ся братья съвокупила на одну мысль, посла къ Давидовычема, река имъ: Отступите отъ Игоря и Святослава, а азъ васъ надѣлю. Они же преступивше крестное цѣлованіе, отступиста отъ Игоря и отъ Святосл. къ брату Всеволоду. Всеволодъ же радъ бывъ ихъ разлученію, и да Берестій и Дорогичинъ и вщижъ Ормину (?), а братома пославъ и да има, Игореви Городецъ Гургевъ и Рогачевъ, а Святославу Клецескъ и Чарторискъ, и тако разыдошася... Ольговичи братья Всеволожа поропташа нань, иже любовь имѣеть съ Мстиславичи, а съ нашими ворогы, осажался ими около, а намъ безголовье и безмѣстье... И докучиваху ему пойти ратью на Мстиславичи; онъ же воли ихъ не учини.

70.

О собраніи князей въ Кіевѣ.

И сѣдшимъ всѣмъ братіи у Всеволода на сѣнехъ, и рече Всеволодъ: Повабливаетъ меня Володиславъ лятскый князь на брата своя. И рече Игорь: не ходы, но поидемъ мы... И иде Игорь съ братомъ Святославомъ и съ Володиміромъ (Давидовичемъ), а Изьяславъ Мстислав. разболѣвся и не иде. Изъ Володимера Святосл. Всеволод. иде, и идоша на средь земли лядское. Найдоша брата 2 Владислава, Болеслава и Мяжеку стояча за болотомъ и переѣхавша на сю сторону, и поклонистася Игореви съ братьею, и цѣловавше крестъ межи собою... и даста брату Владиславу 4 города, а Игореви съ братьею Визну... Тое же зимы Владиславъ, Лятскый князь, емъ мужа своего Петрока и ослѣпи его и языка ему урѣза, и домъ его разграби; токмо съ женою и съ дѣтьми выгна изъ земли своя, и иде въ Русь... Ею же мѣрою мѣрять, взмѣряться. Ты емъ лестью Володаря, и умучивъ, и имѣние его всхити все.

И везоша ѥ Вышегороду, и посла по брата своего по Игоря и по Святослава, и ста надъ Вышегородомъ въ Островѣ, и призва къ себѣ Кыяны, и нача имъ молвити: азъ есмь боленъ уже вельми, а се вамъ, братья моя, Игорь, иметеса зань. Ониже рекоша: Княже! ради ся имемъ. И поѣхаше Игорь въ Кыевъ, иде съ ними подъ Угорскый, и съзва Кіаны всѣ, они же цѣловаша къ нему крестъ рекучи: ты намъ князь, и яшась понь лестію. За утрій же день ѣха Игородъ къ Вышегороду, и цѣловаша къ нему крестъ Вышегородци. Всеволодъ же посла къ Изьяславу Мст. Володислава, зятя своего, а къ Давидовичема Мирослава Андреевича, река: стойте ли въ крестномъ цѣлованіи у Игоря? и рѣша стоимы. Въ утрій же день преставися Всеволодъ мѣс. Авг. въ 1 день.

Устремишась на Ратшинъ дворъ грабити и на мечники. . . Воземъ (Изьяславъ) молитву въ св. Михаила у еписк. Ефрема и перейде днѣпръ у заруба, и ту прислашась къ нему чернїи клобуци и все порусье (мѣста по р. Русу или Роси), и поиде Изьяславъ къ Дръковому, и ту совокупишась вси клобуци и поршане. Въ томъ же мѣстѣ прислашась къ нему Бѣлогородци и Василевци. . . Игорь же посла къ Володимеру и Изьяславу (Давид.) и рече: стоишь ли у мене въ крестномъ цѣлованіи? Она же впроста у него волости много. Игорь же имъ вда и повелѣ има пойти къ себѣ. . . Изьяславъ же Давид. ѣха въ борзѣ къ Игореву. Епископъ же Черниговской, Онуфрій, присвитеромъ своимъ рече: ащи кто сего целованія (Давидовичей къ Игорю) съступитъ, да проклять будетъ Господскыма 12 праздниками. И помалѣ днїи съступиста Давидовича крестное целованіе. Начальници же бы съсвѣту злому Улѣбъ тысяцскый и Иванъ войтищичъ и Лазарь саковскый, а въ Святослави полку Василь полочанинъ, Мирославъ хиличъ внукъ, и совокупиша около себя Кіаны.

Приде Изьяславъ къ валови, идѣ же есть Надово озеро, у Шелвова борку, и ту ста (Въ харатейныхъ на Желани)—съ сыномъ Мстиславомъ. Кыяне же особо стаха у Ольговы могилы (на горѣ Щековицѣ или нынѣшней Сковицѣ). . .

Видѣвъ Игорь, иже Кыяне, пославшеса и пояша у Изья-

слава тысячского и съ стягомъ и приведоша и къ собѣ и берендичи, переѣхавше Лыбедь, взяша Игоревы товары предъ золотыми вороты и подъ огороды . . . и Улѣбови и Иванови Войтищичю рече: поѣдта въ свои полкы. Приѣхавъ же въ свой полкъ, и повергли стягы, и поскочиша къ Жидовскимъ воротамъ. Видѣвъ же то Игорь и Святославъ и сыновець его Всеволодичъ, не смятошась, но поидоша противу Изьяславу на верхъ озера и ту биша пророви отъ озера, а друзи изъ Сухоа Лыбеди . . . Въѣхаша Берендичи съ саблями и почаша я сѣчи, и ту побѣже Игорь и Святославъ въ Слудвы (болота) Дорогожичьскыя, и Изьяславъ же съ Мьстиславомъ, сыномъ своимъ, и съ всею дружиною въѣха въ бокъ имъ, и начаша сѣчи, и разлучишась другъ отъ друга, и съ Игоремъ же не бѣ кто улучася, и бѣже Игорь въ болото Дорогожичское, и угрязе подъ нимъ конь и не може ему ѣти, бѣ бо ногами болить; а Святославъ бѣже на устье Десны, за Днѣпръ; а Всеволодичъ Святославъ вбѣже въ Кыѣвъ на св. Оринѣ въ монастырь, и ту его яша. Идоша по нихъ до Вышегорода и до Днѣпра, до устья Десны и до Перевоза до Киевскаго, сѣкуще я, а другыя въ водѣ избиваху . . . Выидоша противу ему (Изьяславу) множество народа, игумени съ черноризцы, и попове всего города Киева въ ризахъ, и приѣха къ св. Софіи . . . Бояры многы изимаша: Данила Великаго и Гурья Прокопья, Иворя Гюргевича, Мирославля внука, и инѣхъ много въ Кыѣвѣ . . . и разграбиша Кыяне съ Изьяславомъ дома дружины Игореви и Всеволожи, и селы, и скоты, и взяша имѣнія много въ домѣхъ и въ монастырехъ.

Давидовича же рекоста: се есвѣ зачала дѣло зло, а съвершива до конца; искоренива брата Святослава . . . И въпросиша Изьяслава ити на Святослава. Въ томъ же лѣтѣ ходи Изьяславъ къ Давидовичема на снемъ и рече има: поидета на Ольговича. И поидоша къ Новугороду, и сташа у пересны (вала), и идоша стрѣльци и съ товары (съ обозомъ) къ граду, къ вратомъ Чернѣговскимъ, и ту бишась. Въ утрій же день поидоша къ вратомъ Курскимъ, и посла Мстиславъ къ Давидочема и рече: Отець мой реклъ: къ

городу не приступайте, доколѣ же прииду азъ. . . И не идучи пакъ града стаѣа близъ, и пуѣѣша стрѣльци къ граду, и хрестіаны и Берендѣи. . . И быѣѣ налога (тягость) велика горожанамъ; и вбодота я въ врата острожная, и много быѣѣ убитыхъ. Убиѣа Дмитра Широѣавича и Андрея Лазаревича. Бившимся имъ до вечера, и шедше стаѣа у Млетеко въ селѣ. . . И заграбиѣа Игорева и Святослава стаѣа въ лѣсѣ по Рахни кобылъ стаѣныхъ 3000, а коней 1000. . . Поидоста на Игорево селце, идѣже бѣше устроилъ дворъ добрѣ: Бѣ же ту готовизнины много въ брѣтьяницѣхъ. . . И ту дворъ Святославъ раздѣли (Изьяславъ въ Путивлѣ) на четыре части, и скотницы (казну), и брѣтьяницы, и въ погребѣхъ 500 берковцевъ меду. И церковь Вознесенія Господня всю обоемаѣа, сосуды двоѣ сребряны и иадити (одежды престольныя) и судари (убрусы, платки), а все шито золотомъ; и кадильницы двѣ, и каѣе (какое) Евангеліе ковано, и книги, и колоколы.

Въ то время стояше Изъяславъ противу св. Михайлу у Выдобича въ Островѣ: Ростиславъ же приѣха ту; Изъяславъ же посла по него насадъ свой, и что съ нимъ дружины влѣзѣ въ насадъ; съ тѣмъ же и перевезоѣа его и поставиѣа ему особно шатеръ, и посла къ нему мужи своя» и проч. Слѣдуютъ упреки Изъяславови. Волоѣѣ тоби есмь далъ, яко ни отецъ того тоби далъ, и еще самъ и земли Руской приказалъ стеречи. . . Ты же еси, брѣѣ, удумалъ былъ такъ иже бы на мя Богъ отцу твоѣму помоглъ, и тобѣ было въѣхавши въ Киевъ брѣѣ моего няты и сына моего, и жену, и домъ мой взѣти. Ростиславъ же ему то отвѣща: Брѣѣ и Отче! яко ни въ умѣ своѣмъ ни на сердци ми того не было; пакы ль кто на мя молвилъ, князь ли которыи, а се я къ нему; мужъ ли которыи въ хрестіанѣхъ или въ поганыхъ, а ты меня старѣи, а ты мя съ нимъ и суди. Изъяславъ же рече: того на мнѣ не проси, хотя мя заворожити (посоритъ) съ хрестіанами и съ погаными.

Ростиславъ же пришедъ къ отцу своѣму въ Суждадь, и удари передъ нимъ челомъ и рече: слышалъ есмь, иже хоѣѣѣ тебѣ

вся Руская земля и черные клобуки и тако молвятъ; и насъ есть обеществовалъ, а поиди нань.

Съвокупивъ (Георгій) силу свою и Половци, поиде Іюля въ 24 и иде на Вятчи. Володимиръ же Давидовичъ посла къ Изьяславу река ему: Се Гюргій идетъ на тя, а мы есьмы крестъ цѣловали съ тобою быти. Изьяславъ же нача dospѣвати, а къ Володимеру посла мужъ свой река: Богъ ти помозе брате. Се мужъ мой, а ты пристави свой мужъ: пошлевѣ къ Святославу Ольговичю. Посланніи же придоша къ Святославу. . . Святославъ же ничто же имъ отвѣща; только имъ то рече: Поидете къ товары своя, а опять вы взову. . . И дрѣжа послы недѣлю, а сторожи постави о товары ихъ, дабы къ нимъ никто же не пришелъ, послакъ бо бяше къ Гюргеви река ему: въ правду ли идеши на Изьяслава? Гюргей же рече ему: Како хощю не вправду ити: Изьяславъ волость мою повоевалъ, еще сына моего выгналъ. Любо съромъ (срамъ) зложу свой, пакъ ли голову свою зложу. Святославъ же слышавъ Гюргевъ отвѣтъ, взва къ собѣ послы Изьяслави и Володимери и рече: . . . Изьяславъ же посла опять посолъ свой къ Святославу, река ему: Крестъ еси цѣловалъ, яко со мною быти, а вражду еси про Игоря отложилъ и товаръ его. . . а я есмь безъ тебе и на волгу ходилъ. . .

Гюргій же пришедъ и ста у Ярыкова (въ харат. ко Бьяханю или Обояну), и ту приѣха къ нему Святос. Ольговичъ (въ харат. оба Святослава) на Спасовъ день, и ту Святославъ позва его къ собѣ на обѣдъ. Въ утрій же день рано всходящу солнцу, родися у Святосл. дщерь Марія. . . Въ ть день поиде Гюргв на передъ, и Святосл. въ Понедѣльникъ постиже Гюргя. . . и послаша къ Давидочема. . . Они же отвѣщаста: душею не можемъ играть, и отрекостася и посластася къ Изьяславу. . . И поиде (Гюргій) оттуда на бѣлу Вежу на старую (но въ харат. и въ другихъ нѣтъ старой. Здѣсь говорится о Черниг. Бѣлой Вѣжѣ). . . И стояша у бѣлой вежи мѣсяцъ сжидаючи къ собѣ Половецъ и отъ Изьяслава покоренія. . . И поидоша къ Супоеви, и ту приѣха къ нему

Святославъ Всеволодовичъ неволею стрья своего дѣля, Святосл. Ольговича; и Половци дикіи придоша къ Гюргеви. . . Изьяславъ же посла по брата своего Ростислава и рече ему: се ѣсвѣ угадали тако, иже Гюргій помѣнитъ (минетъ) Чернѣговъ, а поиди, ать оба видива по мѣсту, што намъ Богъ дастъ. . .

И къ Володимеру посла полкы. . . и Ростиславъ поиде къ брату. Гюргій же рече: поидемъ къ Переяславлю; тута ему (Изьяславу) прійти да негли ту покорится. . . И сташа у *Куднова* сельца, перешедше Стряковъ, Володимеру сушу въ засадѣ въ Переяслави, а Ярополку Мстиславичу съ Поршаны, жителями береговъ Росси, Торками, Берендѣями. . . Изьяславъ же ста пришедъ у Вятняева, и ту приде къ нему Ростиславъ. . . И перебредоста днѣпръ и пойдоста къ Олто (къ Алтѣ), и ту приде вѣсть въ полудне, иже уже стрѣльцы переѣхали черезъ Стряковъ, а Половци идуть къ городу. Изьяславъ же и Ростиславъ пойдоста къ Переяславлю, и примчавша къ нимъ половчина Дикого и начаста его прошати: отъ котораго есте становища приѣхали. Онъ же рече: издалеча, но того дѣля Георгій борзо ѣхаль творяще ся до тебе передати Переяславлю. Изьяславъ же повелѣ половчина перетяти (перерубить), тако и съ Опоною; а черныя клубуки и молодъ свою пустиста напередъ. . . Пришедши же стрѣльцы отъ Изьяслава, и взбиша ратныя (непріятелей) отъ города, и гнаша я они до полку ихъ. Изьяславъ же и Ростиславъ, переѣхавши Лтицю (малую альту), пойдоста за городъ и стаста по Трубежю; а Георгій стоя 3 дни у Стрякова, а въ 4 день поиде по зори мимо городъ исполчився, и ста межн валомъ обону сторону Трубежа, за звѣринцемъ у рощенія (рощи). Стояша же полци оли до вечера, а стрѣльцы бяхомся межн полкома. На ту же ночь прислася къ нему (Изьяславу) Гюргій. . .

Изьяславъ же выправися весь изъ города и ста на болоньи за огороды. . . Гюргій же стояше за Ячнинымъ сельцемъ (нынѣшними яненками). . . И тако исполчивоя своя и переиде (Изьяславъ) за Трубежъ, не въсходя на гору, и ста на лузѣ противу кузнчамъ воротомъ; и бысть въ полдне, и побѣже перескокъ

(беребѣжчикъ) отъ Гюрга изъ полку: они же погнаша по немъ; стражіе же Изьяславли пополошишась рекучи: рать! Изьяславъ же выступи въ поле, идѣже есть Красный дворъ. Видѣвъ же Гюргій и Святосл. поидоша противу имъ, и прошедше валъ, и ту сташа, — зрящимъ на ся; стрѣльцемъ біющимся межи полкома, и тако стояша полци оли и до вечера. Гюргій же и Святославъ поидоша въ товары своя. Изьяславъ же нача думати съ братомъ своимъ Ростиславомъ и съ Изьяславомъ Давидовичемъ и съ сыномъ своимъ Мстиславомъ и съ Андреевичемъ Володимеромъ (внукомъ Мономаха) . . . и поиде на нихъ . . . И поставя Гюрги сыны своя по праву, а Святосл. Ольг. по лѣву и сыновця его Всеволодича Святослава.

И бысть леть въ Переяславцяхъ, рекучи: Гюргій намъ князь свой, того было намъ искати и далече, то рекучи и попочиша (вѣроятно поскочиша, т. е. оставили битву, или опочиша т. е. перестали биться, а въ *Новгород. лѣт.* сѣдоша на щитѣ наученіемъ Гюрга). Изьяславъ же съ полкомъ своимъ съѣхася съ Святосл. Ольговичемъ и съ половиною полка Гюргова и тако поѣха сквозѣ и, за ними будучи, узрѣ, иже полки всѣ побѣгли, и побѣже и перебрѣде (Днѣпръ) на Каневѣ . . . А на утріе Гюрги вниде въ Переяславль и поклонився св. Михаилу, и пребысть три дни, и поиде къ Києву, и ста противу св. Михаилу по лугови . . . Гюргій же поѣха въ Києвъ, и множество народа выйде противу съ радостью великою, и сѣде на столѣ отца, и посла по Володимера Давидовича къ Чернѣгову, и приѣха Володимеръ и поклонися; а Святосл. Ольг. поча ему молвити: держиши отчину мою. И тогда взялъ Курескъ съ Посемьемъ и Сновскую тысячу у Изьяслава (Давид.), и Случескъ и Клецескъ, и всѣ Дрегвичи, и тако ся уладивши разѣхашась.

Изьяславъ же пришедше въ Володимеръ почася слати къ Угры, къ зятю своему, королеви, и въ ляхи къ свату своему Болеславу и Межцѣ, и Индрихови, и къ Ческому князю, свату своему Володиславу . . . Король же ему отречеся река: ратень самъ съ царемъ (греческимъ); оже буду пороженъ (празденъ), самъ пои-

ду... А чекскій князь рече: я готовъ есмь самъ... Изьяславъ же опять посла съ дары и съ честью и рече: съ Рожества Христова всядете на кони... Король пусти ему Угорь 10000 и рече: а самъ хочу подступити подъ горы Галицкаго князя, не дати же ся ему двигнути... Болесл. же самъ поѣха съ братомъ Индрихомъ; а Межку остависта землѣ своя отъ Прусь. Вячеславъ же то слыша посла къ Гюргеви, рече ему: се Угры уже идутъ... Любо дай Изьяславу чего ти хочешь; пакы ли поиди къ мнѣ, заступи волость мою. Изьяславъ ми то молвить: ты ми буди въ отца мѣсто; поиди, сяди въ Кыевѣ; съ Гюргемъ не могу жити; не хочеш ли мене въ любовь пріяти, я хочу волость твою пожечи... Нынѣ же, брате, пакы ли не поѣдиши, а на меня не жалуй.

Гюргій, съвокупя силу свою, поиде изъ Кыева и Половци бо бѣше дикіе привелъ къ собѣ на помощь... Выступи Изьяславъ изъ Володимера и пришедъ къ Луцку и ту пребы 3 дни, и ту пасаше Болеславъ сыны боярски мечемъ многы; и въ то время приидоста въ Пересопницю Гюргевичи два, Ростиславъ и Андрей, и помощь володимера изъ Галича, а самъ володимеръ приступилъ бѣше ближе къ Шумеку. (Въ волинск. губерніи между Заславомъ и Кременцемъ). И убояшась Ляхове и Угре, и прииде Гюргій къ брату Вячеславу... Изьяславъ же (съ селяниками) поидоша и сташа у Чемерина на Ольцѣ. Въ то же время приде вѣсть Болеславу отъ Межки, иже идутъ Пруси на землю ихъ... Изьяславу же бысть вельми нелюбо... и здумаша послати мужи своя къ Вячеславу и къ Гюргеви, а Угре отъ короля своя мужи, речучи: Вы намъ есте въ отца мѣсто, а се нынѣ заратилася еста съ своимъ братомъ и съ сыномъ Изьяславомъ; а мы есмы по Бозѣ всѣ христіане... А мы хотимъ, абы вы быста уладилася: Вы сѣдѣла въ Кіевѣ, а Изьяславу се его Володимеръ и Луцескъ, а што его городовъ ать сѣдитъ въ томъ... ать возвратитъ Гюргій Новгороду Великому даже всѣ. Вячеславъ же и Гюргій тако рекоста: Богъ помощи зятю нашему королеви, и брату нашему Болеславу, и сыну нашему Индрихови, иже межъ нами добра

хочета . . . но ать Изьяславъ поидеть въ свой Володимеръ, а вы во свою землю . . . и не уладшася приѣмъ свѣтника Гюрга Ярославича.

Изьяславъ же dospѣ изъ Володимера . . . и въ то время поиде Вълодимерко, князь изъ Галича, и ста на Полошой, межи Володимеромъ и Луцкомъ, и тако разъѣхася. Добрый бо князь Володимерко братолюбіемъ свѣтяти, миролюбіемъ величаяся, не хотя никому зла; того дѣля межи ими ста, хотя я уладити. Изьяславъ же посла къ Володимерку свату Гюргеву глаголя ему: введи мя въ любовь къ стрывеи. Володимеру же молящуся о Изьяславѣ, глаголя: Богъ поставилъ насъ волостелей (властителей) въ мечь злодѣемъ и въ добродѣтель благочестивымъ . . . сыновець ваю не творится правъ, но кланяется.

Крестъ цѣловаша, яко по Переяславльскомъ полку (битвѣ) что будетъ пограблено, или стада, или челядь, что ли кому свое познавши поимати жъ по лицу. Изьяславъ же посла мужи своя и тивоны (тіуны) своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, его же бяше отшело, а мужи своего дѣля сами ѣхаша, а друзіи тивоны своя пушаша и тако приѣхаша къ Гюргеви и начаша познавати свое: Гюргій же того всего не управи . . . Изьяславъ же посла къ Вячеславу и къ Гюргеви съ жалобою.

Изьяславъ же приѣхавъ сѣде въ Луцку: въ утрій же день поѣха въ Пересонпцу и ту изъѣха Глѣба (кому былъ порученъ и Дорогобужь). Глѣбъ же стояша выше города . . . и одва утече самъ въ городъ, а товары его взяша, и дружину изымаша, и конѣ его заяша, и юну дружину его заѣхаша отъ города, и не бѣ съ кымъ стояти противу. Выславъ же Глѣбъ и рече Изьяславу, яко ми Гюрги отецъ, тако мнѣ и ты отецъ; а азъ ти кланяюсь; ты ся съ моимъ отцомъ и самъ вѣдаешъ, а мене пусти къ отцу, и цѣлуй къ мнѣ Св. Богородицю, яко мене не примеша . . . Изьяславъ позва его къ себѣ на обѣдъ и оттуда поя съ собою до Дорогобужа, и ту пристави сына своего къ нему, Мстислава до Курьпа, и тако проводи изо Торчинъ. И рече ему Мстиславъ: поиди же брате къ отцу, а волость отца моего и моя по Горыню . . . Глѣбъ

пойде на Ушецкѣ, а Изьяславъ на *Гольско Танунилю* (?) въ черныя клубуки, и ту прїѣхаша къ нему черныя клубуки вси. Възма Изьяславъ съ собою мало дружины и иде къ Вячеславу, и поклонися ему: Вячеславъ же съста противу Изьяславу, и цѣловастася и сѣдоста оба по мѣсту.

Изьяславъ же прибѣже къ Кіеву. Володимеря же дружина постиже задъ его. Овы взымаша, а другія избыша; Вячеславъ же бѣше до него вѣхалъ въ Кыевъ и сѣлъ на Ярославли дворѣ. Изьяславъ же прїѣха къ Вячеславу, и ту думаша, начаста обѣдати. И въ то время приде Гюргій съ сыны своими и Володиміръ и Изьяславъ Давидовича, и Ольговичъ Святославъ и сыновець его на берегъ противу Кыѣву. Кыяне же мнози поѣхаша въ насадѣхъ къ Гюргеви, а друзіи почаша дружину его перевозити въ подоліе. Вячеславъ же съ Изьяславомъ рекоста: наю не верема нынѣ есть . . . и повелѣ дружинѣ своей сбратися у Дорогожича, а самъ дождавъ noci поѣха изъ Кыева. Въ утрій же день приде Володимеръ Галицкій къ Олговѣ могилѣ, такоже и Гюргій прїѣха къ нему, и ту ся цѣловаша не сѣдаючи съ коней у Сѣтомля на болоньи, и здумаше послаша по Изьяславича Святослава Всеволодича, Бориса Гюргевича, и гониша до чортова лѣса, и не постигше, взвратисашь . . . и ѣха Володимерко къ Вышнегороду къ Св. Мученикома поклонитися . . . и къ Св. Софіи и къ Св. Богородицы Десятинной и въ Печерской монастырь.

Изьяславъ рече: стрій ми волости не даеть; не хочеть меня въ Руской земли, а Володимеръ Галицкій по его веленію землю мою взялъ, а опять къ Володимерю хочеть притти на мя. Изьяславъ же то здумавъ и посла брата своего Володимера въ Угры къ королеви и рече ему: ты ми еси самъ реклъ, якоже Володимеръ не смѣеть головы всклонити (не смѣеть тронуться) . . . Володимеръ же прогвалъ мя изъ Кыева. (Выступивъ въ походъ, Гейза совѣтовалъ Изьяславу итти на Галичъ съ другой стороны;) Володимерку же бяху прїатели въ Угрѣхъ и повѣдаша ему . . . Володимерко же въ то время стояше у Белза и ту поврѣга (оставивъ) возы своя, а самъ погна съ дружиною къ Перемышлю.

Король же пошедь гору и вся Санокъ городъ и посадника его яша... Володимеръ послася къ архіепископу Кукнишева и Дмитріевѣ дни уже... Король же пойде назадъ и Володимера шюрина своего поялъ съ собою въ Угры. Въ тожь время Изьяславъ згадася съ зятемъ и съ сестрою своею, королевою, пояша у Бана дщерь за Володимера. И послаша ю къ Изьяславу къ Володимеру напередъ. Король же велику честь створи ему (Владиміру) и сестра его, одаривше его и отпустиша, король же рече (Изьяславу): царь на мя греческой встаетъ ратью и сея ми зимы и весны нельзѣ на конь всѣсти. Но обаче, отче мой, твой щить и мой неразно ѣста... И рече Изьяславъ брату своему: Богъ ти помози, иже ся еси потрудилъ; но здѣ паки моеи снось, а твоеи женѣ удолжился (казалось долго). Изьяславъ пришедь и ста выше пересопницы и пожже *Зарѣческъ*. Отогъ же пусти брата своего, Святополка, блюсти Володимера, а самъ пойде съ братомъ Володимеромъ и съ сыномъ Мстиславомъ и съ Борисомъ Городенскимъ къ Дорогобужу... и перешедъ Гарыню, ту и ста на *Хотри* и отголѣ пойде къ *Корецку* (корецу), и корчане вышедше поклонишася ему, и ста на рѣцѣ *Случи* (въ другихъ сказ.: отъ *Зарѣческа* къ *Мыльску* въ окрест. *Горыни*). Володимеръ же *Галицкій* присла къ *Андрееви* *Василька* *Ярополковича* река ему: поиди брате ко мнѣ. *Андрей* снялся съ нимъ у *Мыльска*... *Изьяславу* же приде вѣсть, иже *Волод. Галиц.* и *Андрей Гюрг.* и *Володимеръ Андреевичъ* (внукъ *Мономаха*) пришли къ *Дорогобужу* съ силою великою и правятся чрезъ *Горыню*; въ утрій же день *Изьяславъ* переиде *Случь* и пойде черезъ чортовъ лѣсъ къ *Ушску*, и переиде рѣку *Ушю* подъ *Ушскомъ*... и ту привдоша стрѣльци *володимера* на берегъ... *Изьяславъ* же отступивъ, и есть рѣчка мала до города и ту исполчихуся и стреляхуся оню... и яша у *Галичанъ* мужа и вопрошаша: князь твой гдѣ? Онъ же рече: за городомъ првый лѣсъ; ту ста тако рече: сила наша за нами, ту ея ждемъ.

71.

Правда Ярославля.

Оубьеть мужъ мужа: то мьститъ братоу брата, или сынови отца, либо отцу сына, или брату чадоу, либо сестриноу сынови.

Аще не боудеть кто мьстя: то м. гривенъ за голову; аще боудеть роусиъ, либо гридинъ, либо коупчина, либо ябетникъ, либо мечникъ, аще изъгой боудеть, либо словенинъ: то м. гривенъ положить зань.

Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ: то не искати ему видока челоуѣкоу томоу. Аще не боудеть на немъ знаменія никотораго же; то ли приидеть видокъ: аще ли не можетъ, тоу томоу конецъ.

Ожели себе не можетъ мьстити: то взяти емоу за обидуо г. гривнѣ, а лѣтцю мьзда.

Аще ли кто кого оударить батогомъ, либо жердью, либо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію: то ві гривнѣ. Аще сего не постигнуть: то платити емоу, то тоу конецъ.

Аще оутнетъ мечемъ, а не вынемъ его, либо роукоятю: то ві гривнѣ за обидуо.

Ожели оутнетъ роукоу, и отпадетъ роука, либо оусохнетъ: то м. гривенъ. Аще боудеть нога цѣла, или начнетъ храмати: тогда чада смирять. Аще ли персть оутнетъ которыи либо: г. гривны за обидуо. А во оусѣ, ві. гривнѣ. А въ бородѣ ві. гривнѣ.

Ожели кто вынезь мечь, а не тнетъ: то тьи гривну положить.

Аще ли ринетъ мужъ мужъ, либо отъ себе, либо ксобѣ: г. гривнѣ, а видока два выведетъ; или боудеть Варягъ, или Колблягъ, то на ротоу.

Аще ли челядинъ съкрыется, либо оу Варяга, либо оу Кольбляга; а его за три дни не выведутъ, а познають и въ

третій день: то изымати емоу свои челядинъ, а г. гривнѣ за обиду.

Аще кто поѣдетъ на чюжемъ конѣ, не прошавъ его, то положить г. гривнѣ.

Аще пойметъ кто чюжь конь, любо оружіе, любо портъ, а познаеть въ своемъ мироу: то взяти емоу свое, а г. гривнѣ за обиду. Аще познаеть кто, не емлетъ его; то не рци ему: мое, но рци емоу тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ. Или не поидешъ: то пороучника за пять дніи.

Аже гдѣ възыщеть на друзѣ проче, а онъ ся запираги почнетъ: то ити ему на изводъ предъ ві человекѣ. Да аще боудеть обидя не вдаль боудеть достойно емоу свои скотъ, а за обиду г гривнѣ.

Аще кто челядинъ пояти хочеть, познавъ свои: то къ ономоу вести, оу кого то боудеть коупилъ, а тои ся ведеть ко другому, даже дойдеть до третьего; то рци третьемоу вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ.

Или холопъ оударить свободна моужа, а бѣжитъ въ хоромъ, а господинъ начнетъ не дати его: то холопа пояти, да платитъ господинъ занъ ві. гривнѣ. А за тымъ гдѣ его налѣзоутъ оудареныи тои моужъ, да бьютъ его.

А иже изломить копье, любо щитъ, любо портъ; а начнетъ хотѣти его деръжати оу себе: то приати скота оу него. А иже естъ изломилъ, аще ли начнетъ примѣтати: то скотомъ емоу заплатити, колько далъ боудеть на немъ.

72.

Правда Изяслава.

Аще оубьютъ огнищанина въ обиду: то платити занъ п. гривенъ оубици, а людемъ не надобѣ, а въ подѣздномъ княжи п. гривенъ.

А иже оубьютъ огнищанина в разбои, или оубица не ищутъ: то вирное платити, внеи же вири голова начнетъ лежати.

Аже оубіють огнищанина оу клети, или оу коня, или оу говяда, или оу коровѣ татьбы: то оубити въ пса мѣсто, а тоже поконъ и тивоуницю.

А въ княжи тивоунѣ, п. гривень; а конюхъ старыи оу стада, п. гривень: яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, егоже оубилъ Дорогобоудъци. А въ сельскомъ старостѣ княжи и вратаинѣмъ, въ гривнѣ: а врядовници княжѣ, є. гривень: а въ смѣрдѣ и въ хопѣ є. гривень.

Аще роба кормилица, любо кормиличинъ, ві.

А за княжъ конь, иже тои спятномъ, г. гривнѣ: а за смердѣи, в. гривнѣ: за кобылу ξ рѣзанъ: а за волъ, гривною: а за коровоу, м. рѣзанъ: а третьякъ, єі. коунъ, а золоньциноу, полъ гривнѣ: а за теля, є. рѣзанъ: за яря, ногота: за боранъ, ногота.

А оже оуведеть чюжь холопъ, любо робоу: платити емоу за обиду ві. гривнѣ.

Аще же прїидеть кровавъ моужъ, любо синь: то не искати ему послоуха.

А иже крадетъ любо конь, любо волы, или клѣтъ; да аще боудеть единъ кралъ: то гривною и тридесять рѣзанъ платити емоу. Или ихъ будеть ні: то по три гривнѣ и по л. рѣзанъ платити моужеви.

А въ княжѣ борти г. гривнѣ, любо пожгоуть, любо изоудроуть.

Или смердъ оумочатъ, а безъ княжа слова: за обиду г. гривны; а въ гницанинѣ и въ тивоуницѣ и въ мечници, вѣ гривнѣ.

А иже межоу переореть, любо перетесь: то за обиду ві. гривнѣ.

А оже лодью оукрадетъ: то за лодью платити л. рѣзанъ; а продажи, ξ. рѣзанъ.

А въ голоубѣ и въ коуряти, д. коунъ: а въ оуткѣ, и въ гоусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди, л. рѣзанъ; а продажи ξ рѣзанъ.

А оже оукрадоуть чюжь песь, любо ястребъ, любо соколъ: то за обиду г. гривны.

Аще оубьютъ татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва: то тои оубить. Аще ли до свѣта держать; то вести его на княжь дворъ: а оже ли оубьютъ, а люди боудоуть видѣли связанъ; то платити внемь.

Оже сѣно крадоуть, то д. коунъ: а въ дровехъ, д. коунъ. Аже оукрадоуть овцоу, или козоу, или свинью, а ихъ боудеть і. одиноу овцоу оукрагѣ: да положить по љ. рѣзанъ продажи. А хто изималъ, тому і. рѣзанъ: а отъ гѣрние мечникоу коуна, а в девятиноу еі. коунъ, а князю г. гривны. А отъ ві. гривноу емъцю, е. коунъ, а въ десятиноу в. гривнѣ, а князю і. гривенъ.

А се поклонъ вирнии. Вирникою взяти з. вѣдоръ солодоу на недѣлю; ть же овень, любо полоть, или двѣ нагатѣ, а въ средъ разаноу, въ триже сыры, въ пятницоу такоже, а хлеба по колькоу моугоуть ясти, и пшена, а куръ по двое наденъ: конѣ д. поставити, и соути имъ на ротъ, колько могоуть забати. А вирникоу љ. гривенъ и і. рѣзанъ и ві. вѣверици: а передѣ гривна, или ся пригоди вговѣніе рыбами, то взяти за рыбы з. рѣзанъ; ть всѣхъ коунъ еі. на недѣлю: а борошна колько моуготъ изъести; до недѣли же вирую зберуть вирници. То ти оурокъ Ярославль.

А се оурокъ мостъниковъ. Аще помостивше мость: взяти отъ дѣла нагата, а отъ городници ногата. Аще же боудеть вѣтхаго моста подвѣрдити нѣколико досокъ, или г. или д. или е: то тоеже.

Матеріали по Географіи Россіи.

Въ бумагахъ Н. В. Гоголя сохранилось *шесть тетрадей*, разнаго объема, но одинаковаго размѣра (въ малый почтовый листъ), содержащихъ въ себѣ собственноручно написанные Гоголемъ матеріалы по широко понимаемой имъ Русской Географіи.

Матеріалы эти не только не оцѣнены біографами Гоголя, но въ полномъ своемъ видѣ остаются даже и не описанными и не отмѣченными. По крайней мѣрѣ изъ всѣхъ шести тетрадей съ этими матеріалами въ Гоголевской литературѣ можно найти краткія упоминанія только о двухъ, самыхъ малыхъ по объему тетрадяхъ, содержащихъ этнографическій очеркъ о Калмыкахъ и начальныя свѣдѣнія изъ описанія путешествія Палласа¹⁾. Остальныя четыре объемистыхъ тетради, какъ и самый фактъ собранія Гоголемъ матеріаловъ по Географіи Россіи, остались неизвѣстными для его біографіи, ограничивавшей все свое вниманіе въ этой области исключительно педагогическимъ вопросомъ о «взглядахъ Гоголя на преподаваніе . . . географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ»²⁾, по поводу статьи въ «Арабескахъ»: «Мысли о географіи»³⁾.

1) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. VII. Спб. 1896. Стр. 866 и 893, подъ №№ 3 и 8.

2) Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока, томъ второй, М. 1893. Стр. 218—225.

3) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое, томъ пятый, М. 1889. Стр. 295—303 и 389—396.

Между тѣмъ, и сохранившіяся тетради и переписка Гоголя даютъ основаніе полагать, что онъ не ограничивался указаніемъ слабыхъ сторонъ въ современномъ ему преподаваніи Географіи и заявленіемъ пожеланій для его усовершенствованія, но и пытался въ своемъ собственномъ трудѣ представить примѣръ, а можетъ быть и образецъ такой книги по Географіи Россіи, которая удовлетворяла бы требованіямъ, предъявленнымъ имъ къ книгамъ этого рода.

Первоначально намѣреніе издавать книгу по Географіи вызвано было у Гоголя педагогическими побужденіями, когда онъ былъ преподавателемъ въ Патріотическомъ Институтѣ. Въ письмѣ къ М. П. Погодину отъ 1-го февраля 1833 года онъ писалъ¹⁾: «я вамъ пришлю или привезу чисто свое, которое подготавливаю къ печати. Это будетъ всеобщая исторія и всеобщая географія въ трехъ, если не въ двухъ, томахъ, подъ названіемъ: «Земля и Люди». Изъ этого гораздо лучше вы узнаете нѣкоторыя мои мысли объ этихъ наукахъ». Это намѣреніе стояло въ связи и въ зависимости отъ изданія того журнала, который вели ученицы Гоголя. Однако, ему вскорѣ пришлось отказаться отъ немедленнаго осуществленія своихъ желаній, и онъ въ томъ же февралѣ, 20 числа, уже писалъ Погодину: «Журнала дѣвицъ я потому не посылалъ, что приводилъ его въ порядокъ, и его то, совершенно преобразивши, хотѣлъ я издать подъ именемъ «Земля и Люди», но я не знаю, отчего на меня нашла тоска. . . корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ то не такъ теперь работается! . . . Чортъ поברי пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другого, спокойнѣйшаго времени».

Отложивъ временно печатаніе своихъ трудовъ по Географіи, Гоголь не переставалъ, однако, интересоваться этимъ предметомъ, при чемъ со временемъ все свое вниманіе сосредоточивалъ на Географіи Россіи. Проживая за границей, онъ писалъ, 15 юл

1) Письма цитуются по четырехтомному изданію Маркса.

1842 года, къ С. Т. Аксакову и просилъ выслать ему «Статистику Россіи» Андросова, и еще если есть какое нибудь замѣчательное сочиненіе статистическое о Россіи вообще, или относительно частей ея, вышедшее въ послѣднихъ годахъ». Въ слѣдующемъ, 1843 году, въ письмѣ отъ 18 марта, онъ снова повторяетъ С. Т. Аксакову свою просьбу прислать ему книгъ «относительно статистики Россіи». Еще яснѣе открываются предметы, интересовавшіе въ то время Гоголя, изъ письма его къ Н. Я. Прокоповичу отъ 19 апрѣля 1843 года. Перечисляя разныя книги, которыя Гоголь просилъ прислать ему, онъ говоритъ: «Присовокупи также къ этому «Статистику Россіи» Булгарина, въ 4 частяхъ, а если вышла и Географія его, то и Географію его. . . Да зайди въ Топографическое наше Депо и купи для меня карту Россіи. У меня слишкомъ громоздка и неудобна къ тасканію, да и стара. Купи ихъ подклеенными и готовыми: Европейскую Россію особенно, а Азіятскую тоже особенно, разумѣется, новѣйшія, какія есть, съ подробностями; но величиною чтобы была не больше того, сколько нужно для покрытъя двухъ ломберныхъ столовъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, даже меньше, — словомъ, чтобы была ёмка. Азіятскую, сколько можно поменьше».

Въ 1847 году, озабочиваясь воспитаніемъ племянника (Трушковскаго), Гоголь 12 декабря писалъ С. П. Шевыреву: «А на другіе сто рублей ассигнаціями накупи книгъ такого рода, которыя могли бы отрока, вступающаго въ юношескій возрастъ, познакомить сколько нибудь съ Россіею, какъ то: путешествія по Россіи, исторія Россіи и всѣ такія книги, которыя безъ скуки могутъ познакомить собственно со статистикой Россіи и бытомъ въ ней живущаго народа, всѣхъ сословій. Я не знаю и не могу теперь припомнить, что у насъ выходило хорошаго по этой части. Нельзя чтобы не вышло чего нибудь въ послѣдніе годы, гдѣ бь посущественнѣй и поближе показывалось внутреннее состояніе государства, и что могло бы легко и съ интересомъ читаться людьми. . . У меня есть племянникъ, почти брошенный мальчикъ, которому получить воспитанья блестящаго не удастся; но если въ

немъ чтеньемъ этихъ книгъ возбудится *желаніе* любить и знать Россію, то это все, что я желаю: это, по моему, лучше, чѣмъ еслибъ онъ зналъ языки и всякія науки».

Въ этомъ письмѣ Гоголь, побуждаемый желаніемъ помочь воспитанію племянника, обнаруживаетъ свой собственный, весьма широкій взглядъ на Географію Россіи и на воспитательное значеніе этой области знанія. Его статьи «Мысли о Географіи» и «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи» въ достаточной полнотѣ выясняютъ эту широту Гоголевскаго взгляда на Географію.

Въ послѣдніе годы жизни Гоголя, какъ извѣстно, интересъ его къ Географіи Россіи возрасталъ по мѣрѣ того, какъ онъ расширялъ задачу для своего творенія («Мертвыя Души»).

Не подлежитъ сомнѣнію, что ему удалось собрать для себя всѣ печатные труды по Географіи Россіи. Изъ переписки его съ Шевыревымъ¹⁾ явствуетъ, что онъ зналъ труды Гмелина, Палласа, Рычкова, Сѣвергина и Зуева. Въ 1849 году онъ послалъ графинѣ А. М. Вельгорской «изображеніе растеній русской земли, лучшее какое у насъ есть. Въ немъ собраны всѣ общепотребительнѣйшіе виды нашей флоры съ отчетливымъ изображеніемъ признаковъ»²⁾.

Кромѣ того, черезъ своихъ корреспондентовъ, онъ собиралъ географическія и этнографическія свѣдѣнія о знакомыхъ имъ мѣстностяхъ. Такъ, напримѣръ, въ концѣ іюня 1849 года Гоголь писалъ къ А. М. Маркевичу: «составьте для меня маленькій сельскій календарь годовыхъ работъ, какъ онѣ производятся у васъ въ Черниговской губерніи. По днямъ, т. е. съ какого святаго какая начинается работа, какъ она и съ какими обрядами производится и какія существуютъ по этому поводу народныя

1) Въ изданіи Маркса письма Гоголя къ Шевыреву отнесены къ 1851 году, при чемъ напечатано сначала письмо, съ которымъ возвращены книги Палласа, а потомъ—съ просьбой прислать книги Палласа (см. IV, 418 и 419 стр.).

2) Ibid., 258 стр.

поговорки и замѣчанія, обратившіяся въ правила и руководства»¹⁾).

Не ограничиваясь печатными и рукописными матеріалами, Гоголь, для ближайшаго ознакомленія съ Россіей, предполагалъ самъ путешествовать по ней, особенно по мѣстамъ ему мало знакомымъ. Въ письмѣ къ графинѣ А. М. Віельгорской отъ 3 іюня 1849 года онъ сообщалъ: «Я имѣлъ, точно, намѣреніе проѣздить по сѣверо-восточнымъ губерніямъ Россіи, мало мнѣ знакомымъ, но какъ и когда приведу это въ исполненіе—не знаю». Однако, первый же опытъ такой поѣздки въ окрестности Москвы, лѣтомъ того же 1849 года, убѣдилъ Гоголя въ недостаточной его подготовленности къ такимъ путешествіямъ, въ необходимости предварительнаго ознакомленія съ тѣми мѣстами, которыя онъ желалъ посѣтить, и въ неизбѣжности подробнаго изученія

1) Изъ письма Гоголя къ Маркевичу отъ 6 декабря 1849 года явствуетъ, что Маркевичъ прислалъ Гоголю календарь. Среди бумагъ Гоголя уцѣлѣлъ одинъ листъ почтовой бумаги съ календаремъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Не этотъ ли календарь Гоголь получилъ отъ Маркевича? Вотъ его содержаніе:

«Мартъ.»

«Оканчивается пилака лѣса на дрова.—Мужики поочередно говѣютъ.—Подвозка дровъ и сѣна въ ожиданіи распутицы.—Приготовленіе семенъ.—Переѣрка и пересушка на солнцѣ хлѣба въ амбарахъ.—Окончаніе молотбы.—Установленіе новыхъ тягелъ, бобылей.—Мужики мнутъ и треплютъ пеньку.—Цѣлаются экономическія постройки на фундаментахъ, поставленныхъ съ осени.—Подвозка матеріала къ лѣтнимъ постройкамъ.

«Апрѣль.»

«Посѣвъ гороха, овса.—Продолжаются постройки наемными.—Скотъ начинаетъ выходить на пастбища.—Случаютъ кобыль.—Унаваживаютъ конопляники.—Сажаютъ картофель.—Изъ подъ лѣса расчищаютъ нови, наймомъ.—Терсаживаютъ деревья.—Посѣвъ ячменя, яровой пшеницы.—Скородьба озимой пшеницы.

«Май.»

«Посѣвъ конопли.—Вообще продолжаютъ сѣять яровые до половины мѣсяца, въ концѣ сѣютъ горячиху.—Начинаютъ унаваживать паровое поле.—Ю мѣрѣ унаваживанія поднимаютъ паръ, также вспахиваютъ и неунаваженный.

«Іюнь.»

«Продолжается возка навоза, пахота и скородьба до послѣдней четверти іюсяца.—Тогда начинается покось за недѣлю до Петрова дня.

всѣхъ печатныхъ матеріаловъ по Географіи Россіи, тѣмъ болѣе, что они не были весьма обширны. 20 октября 1849 года онъ писалъ графинямъ С. М. Соллогубъ и А. М. Вильгорской: «Нынѣшняя поѣздка моя не была велика: все почти въ окрестностяхъ Москвы и въ сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ. Дальнѣйшее путешествіе отложилъ до другого года, потому что на всякомъ шагу останавливаемъ собственнымъ невѣжествомъ. Нужно сильно запастись предуготовительными свѣдѣніями затѣмъ, чтобы узнать, на какіе предметы преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе; иначе, подобно посылаемымъ чиновникамъ и ревизорамъ, проѣдешь всю Россію и ничего не узнаешь. Перечитываю теперь всѣ книги, сколько нибудь знакомящія съ нашей землей,—большую частію такія, которыхъ теперь никто не читаетъ. Съ грустью удостовѣряюсь, что прежде, во время Екатерины, больше

«*Іюль.*

«Покось.—Перепахиваніе (двоеніе) пара, особенно гдѣ грунтъ тяжелый глинистый.—Около половины мѣсяца начинается жатва ржи.—Тутъ даже наемныя постройки прекращаются.

«*Августъ.*

«Уборка всѣхъ хлѣбовъ кромѣ конопли большею частью оканчивается около половины этого мѣсяца.—Но даже если уборка не кончена, и тогда дѣлается посѣвъ озимаго хлѣба около этого времени, сѣютъ дней 10 господскій и мужицкой паръ, а въ концѣ мѣсяца оканчиваютъ уборку горячихи, и начинаютъ дергать коноплю.

«*Сентябрь.*

«Уборка конопли.—Продолжаютъ постройки весенній.—Пашутъ ржаной клинъ подъ зиму для овса.—Мужики мочатъ пеньку.—Чинятъ скотные дворы, конюшни, амбары, рыги, — начинается молотба. — Копаютъ фундаменты строеній.

«*Октябрь.*

«Дѣлаютъ тоже, что въ Сентябрѣ.—Молотятъ хлѣбный опытъ до зимняго пути.

«*Ноябрь, Декабрь, Январь и Февраль.*

«Молотятъ и возятъ въ города хлѣбъ.—Первое дѣлаютъ бабы, второе мужики.—Возятъ дрова напильныя прошлою зимою, а великимъ постомъ пилать для будущей возки.—Дальніе пути совершаются пока дороги гладки, а короткія, домашнія перевозки, когда большія дороги дѣлаются ухабисты.—Внутри имѣнія перевозятъ чистый хлѣбъ изъ рыгъ въ амбары.—Подвозятъ гѣсъ и кирпичъ для строеній.—Кормъ скоту и лошадямъ. Дрова для домашняго употребленія, и проч.»

было дѣльныхъ сочиненій о Россіи. Путешествія были предпринимаемы учеными смиренно съ цѣлью узнать точно Россію. Теперь все щелкопѣрно. Нынѣшніе путешественники, охотники до комфортавъ и трактировъ, съ большихъ дорогъ не сворачиваютъ и стараются пролетѣть какъ можно скорѣе. При полномъ незнаніи земли своей утвердилась у всѣхъ гордая увѣренность, будто знаютъ ее, а между тѣмъ какую бездну нужно прочесть для того только, чтобы узнать, какъ мало знаешь, и чтобы быть въ состояніи путешествовать по Россіи, какъ слѣдуетъ, смиренно, съ желаніемъ знать ее».

Въ тотъ же день, 20 октября 1849 года, Гоголь писалъ А. О. Смирновой: «Вижу, что много нужно еще приготовиться; нужно внимательно, и даже очень внимательно, прочесть все то, что знакомитъ насъ съ краемъ нашимъ, нами позабытымъ».

Подъ конецъ жизни Гоголь подробно изложилъ свои намѣренія и ту главную цѣль, которая руководила всѣми его трудами по Географіи Россіи. Въ письмѣ къ графу А. Ѳ. Орлову онъ открылъ и желаніе свое издать книгу по Географіи и связь этого желанія съ задачею его обширнаго труда, который онъ собирався выполнять во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ». Часть письма, довольно значительная и по размѣрамъ, въ которой Гоголь говоритъ о своихъ работахъ по Географіи, требуетъ однако дословнаго приведенія, въ виду ея значенія.

«Мнѣ кажется,—писалъ Гоголь графу Орлову¹⁾,—если бы доставлена была мнѣ возможность въ продолженіе трехъ лѣтъ сдѣлать три лѣтнія поѣздки во внутренность Россіи и три зимнія пребыванія внѣ ея подъ благораствореннымъ климатомъ юга, всегда дѣйствовавшимъ освѣжительно на мои силы и творческую способность,—такое благодѣяніе не пропало бы даромъ: сверхъ мной упомянутаго большого сочиненія, я бы могъ окончить тогда ту необходимую и нужную у насъ книгу, мысль о которой меня занимаетъ съ давнихъ временъ и за которую (дай только Богъ

1) Письма Н. В. Гоголя, изданіе Маркса, томъ четвертый, 344—345 стр.

силъ исполнить, какъ хочется!) многіе отцы семействъ скажутъ мнѣ спасибо.

«Всѣмъ намъ уже извѣстно, сколько бѣдствій и безпорядковъ въ Русской землѣ произошло отъ собственнаго нашего невѣдѣнія земли своей, ибо едва ли не главною причиною всѣхъ нестроений и внутреннихъ безпорядковъ есть невѣдѣніе русскими собственной земли своей, которое точно какъ бы именно съ умысломъ кладется въ основу нашего воспитанія въ тотъ именно возрастъ, который называется дѣтскимъ, но въ который живѣе воображеніе, и все, что разъ взошло, остается навѣки.

«Намъ нужно живое, а не мертвое изображеніе Россіи, та существенная, говорящая ея географія, начертанная сильнымъ, живымъ слогомъ, которая поставила бы русскаго лицомъ къ Россіи еще въ то первоначальное время его жизни, когда онъ еще отдается во власть гувернеровъ-иностранцевъ, но когда всѣ его способности свѣжѣе, чѣмъ когда либо потомъ, а воображеніе чутко и удерживаетъ навѣки все, что ни поражаетъ его. Такую книгу (мнѣ всегда казалось) могъ составить только такой писатель, который умѣетъ схватывать вѣрно и выставлять сильно и выпукло черты и свойства *народа*, а всякую *мѣстность* со всѣми ея красками выставлять такъ живо, поставлять такъ ярко, чтобы она навсегда осталась въ глазахъ, который, наконецъ, имѣлъ бы способность сосредоточивать сочиненіе въ одно слитное цѣлое такъ, чтобы вся земля отъ края до края со всей особенностью своихъ мѣстностей, свойствами края и грунтовъ, врѣзалась бы какъ живая въ память даже несовершеннолѣтняго отрока, и было бы ему очевидно даже и во младенчествѣ, какому углу Россіи что именно свойственно и прилично, и не пришло бы ему потомъ въ голову, придя въ зрѣлый возрастъ, заводить несвойственныя ей фабрики и мануфактуры, довѣряя иностраннымъ промышленникамъ, заботящимся о временной собственной выгодѣ. И точно такимъ же образомъ, чтобы ему еще во младенчествѣ видны были въ настоящемъ видѣ качества и свойства русскаго народа со всѣмъ разнообразіемъ особенностей, какими отличаются его вѣтви

и племена. Чтобъ еще во младенчествѣ ему было видно, къ чему пменно каждый изъ этихъ племенъ способенъ вслѣдствіе орудій и силъ ему данныхъ, и обращалъ бы онъ вниманіе потомъ, когда приведетъ его Богъ въ зрѣломъ возрастѣ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ, на особенности каждаго изъ нихъ, уважалъ бы обычай, порожденные законами самой *мстности*, и не требовалъ бы повсемѣстнаго выполненія того, что хорошо въ одномъ углѣ и дурно въ другомъ.

«Книга эта составляла давно предметъ моихъ размышленій. Она зрѣетъ вмѣстѣ съ нынѣшнимъ моимъ трудомъ и, можетъ быть, въ одно время съ нимъ будетъ готова. Въ успѣхѣ ея я надѣюсь не столько на свои силы, сколько на любовь къ Россіи, слава Богу, безпрестанно во мнѣ увеличивающуюся, на споспѣшество всѣхъ истинно знающихъ ее людей, которымъ дорога ея будущая участь и воспитаніе собственныхъ дѣтей, а пуще всего на милость и помощь Божію, безъ которой ничто не совершится и начинаніе наискуснѣйшаго погибнетъ вначалѣ».

Побуждаемый такими соображеніями и желаніями, Гоголь постоянно собиралъ матеріалы по Географіи Россіи и сдѣлалъ нѣкоторыя подготовительныя работы для осуществленія своихъ предположеній по изданію книги.

Свидѣтелями этихъ работъ Гоголя сохранились до вашего времени тѣ шесть собственноручныхъ его тетрадей, о которыхъ сказано выше и текстъ которыхъ ниже печатается въ полномъ объемѣ.

Первыя четыре тетради содержатъ сокращенное изложеніе Гоголемъ, собственноручно и переписанное имъ, извѣстнаго многотомнаго описанія «Путешествія по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи», составленнаго знаменитымъ естествоиспытателемъ П. С. Палласомъ и въ русскомъ переводѣ изданнаго въ грехъ частяхъ (изъ коихъ вторая и третья раздѣлены на двѣ книги или половины каждая¹⁾).

1) Въ моемъ распоряженіи было «второе тисненіе» первой части труда Палласа, напечатанное въ СПБ. 1809 г., и первое изданіе остальныхъ, СПБ. 1786—

Первая тетрадь имѣетъ заглавіе «Отъ Петербурга до Москвы». Она спита изъ двухъ тетрадокъ почтовой бумаги малаго формата въ 4 и 6 листовъ. Она содержитъ первую редакцію переработки Гоголемъ труда Палласа, болѣе подробно излагающую этотъ трудъ и заканчивающуюся описаніемъ «Дороги отъ Оренбурга въ Уфу чрезъ Башкирскія зимовья». Два послѣднихъ листка тетради остались бѣлыми.

Вторая, третья и четвертая тетради имѣютъ общее заглавіе: «Изъ Палласа. По дорогѣ отъ Петербурга до Москвы», и содержатъ вторую редакцію переработки Гоголемъ труда Палласа, болѣе сокращенную и обнимающую весь трудъ Палласа, отъ начала до конца; при чемъ часть труда, уже изложенная въ первой тетради, во второй тетради представлена исключительно перечисленіемъ растений. Вторая тетрадь представляетъ собою листъ писчей бумаги, сложенный въ 8-ую долю, приблизительно въ размѣръ малаго почтоваго листа, прировнительно къ почтовымъ листамъ всѣхъ прочихъ тетрадей¹⁾. Третья тетрадь состоитъ изъ двухъ тетрадокъ почтовой бумаги малаго формата въ 4 и 6 листовъ и содержитъ переложеніе той части труда Палласа, которая начинается переѣздомъ, 30-го мая, главнаго хребта Уральскихъ горъ и оканчивается изложеніемъ свѣдѣній, доставленныхъ студентомъ Зуевымъ. Четвертая тетрадь состоитъ изъ трехъ тетрадокъ почтовой бумаги малаго формата въ 5, 4 и 6 листовъ, при чемъ два послѣднихъ листка тетради остались бѣлыми, и содержитъ окончаніе труда Палласа.

Всѣ эти тетради хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подь № 3222.

1788. О значеніи трудовъ Палласа для нашего времени см. статью Ф. П. Кеппена «Ученые труды П. С. Палласа» въ *Ж. М. Н. П.*, 1895, апрѣль, стр. 386—437.

1) Въ седьмомъ томѣ десятаго изданія, на стр. 893 подь № 8, описана только эта одна тетрадь, при чемъ матеріалъ ея ошибочно названъ «четырьмя листами почтовой бумаги», и невѣрно прочитана послѣдняя строка первой страницы тетради. Гоголь написалъ: «Бодяга *Spongia fluviatilis*. Въ седьмомъ томѣ напечатано: «бодяга—*spongia fluvialis*».

Пятая тетрадь представляет собою листъ бѣлой писчей бумаги, сложенный въ восьмую долю, и содержитъ въ себѣ этнографическій очеркъ подъ названіемъ «Калмыки»; при чемъ въ тетрадь вложена отдѣльная восьмушка, содержащая первую, черновую редакцію начальныхъ строкъ третьей восьмушки тетрадки; двѣ послѣднія восьмушки тетради остались бѣлыми. Содержаніе очерка представляет собою сокращенное изложеніе Гоголемъ нѣкоторыхъ частей книги: «Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ Калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ Н. Нефедьевымъ», СПб. 1834. Эта, пятая, тетрадь хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 2206.

Шестая тетрадь составлена изъ трехъ листовъ зеленоватой писчей бумаги, сложенныхъ въ восьмую долю. Первые три страницы заняты статьями: «Лѣкарственный Арзамаскій травникъ» и «Травникъ Симбирской». Содержаніе травниковъ выбрано Гоголемъ, повидимому, изъ труда Палласа.

Быть можетъ, эти Травники, а также печатаемый ниже «Цветочный барометръ», представляют собою опыты того труда, о которомъ сохранилось извѣстіе, что въ послѣдніе годы своей жизни Гоголь проектировалъ составить «народную ботанику, въ которую предполагалъ внести не только сравнительный словарь народныхъ названій растений, но и легенды о цвѣтахъ»¹⁾. Эта, шестая, тетрадь хранится въ тѣхъ же Музеяхъ подъ № 3222.

Здѣсь же хранится и листъ почтовой бумаги малаго размѣра, на которомъ Гоголь написалъ перечень латинскихъ названій растений, а другою рукой, карандашомъ, противъ каждаго названія написаны латинскія же поясненія.

Печатаемые матеріалы Гоголя по Географіи Россіи способны убѣдить въ необыкновенномъ трудолюбіи его и въ той огромной затратѣ времени и труда, которую онъ посвятилъ изученію и переложенію «множества книгъ», вопреки заявленію біо-

1) Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 годъ. М., 1891. Стр. 113.

графа его о томъ, что у Гоголя не хватало, будто бы, терпѣнія «перерыть множество иногда самыхъ неинтересныхъ книгъ»¹⁾.

Отъ Петербурга до Москвы.

Выездъ Юня 22. 1768. Дорога ровная, низкая, болотная, на коей только простой турфъ да обыкновенныя болотныя луговныя травы. Болотный еловый и смѣшенный лѣсъ вездѣ почти вырубленъ и возлѣ деревень особенно.

Большое множество папоротника, вереска, черники и бесплодныхъ болотныхъ кустовъ. Мохъ растущій длинѣй $\frac{1}{2}$ арш. Не менѣе находится плауна. Большія мѣста, казалось, усыяны манной травою, сѣмена которой годны на вареніе бухонной пріятной каши. *Festuca fluitans.*

Броницкая гора. Съ нея видны озеро Ильмень и обширная страна. Гора украшена цвѣтами, которые съ растущимъ на вершинѣ Илемовымъ кустарникомъ придають сей не мало красы, почему и собираются сюда по праздникамъ молодые люди. Особенно росло много Иванова Цвѣта, *Crysanth. Leucanthemum*, и Одышной травы, а на полуденной сторонѣ горы цвѣли Склеравъ и Анеоксанъ. Гора, какъ и вся страна, состоитъ изъ Илов. земли, но въ низу ея дикой камень: красноватый полевой кварцъ, сплечренный слоями черной бленды, выламываемый на стройку.

Отъ Зайцова начиная земля усыпана крупнымъ и мѣлкимъ булыжникомъ. Въ лѣсу начали показываться Грецкій Балдырьянъ. Христофорова трава, Кипрейникъ, также довольно Буквицы, Можжевелника и Крушины. Отсѣль валдайскія горы выше, чистоводныя озера соединен. съ рѣчками. На мокрыхъ мѣстахъ болотный травян. пухъ. *Eriophorum vaginatum.*

Валдай при озерѣ съ островами. На одномъ островѣ монастырь, каменный, строенный лѣтописц. Никономъ Божьей Матери Иверской. Другіе острова обросли березами, ѣлами и вса-

1) Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока. Томъ второй, М., 1893, стр. 225.

кимъ кустарникомъ. На турфовыхъ мѣстахъ росли березки карлицы и Дикая роза, *Ledum*, охмѣляющая и производящая головную боль. Также есть Клюква, Многолистная Андромеда, Шейхзерія, Солнечная Роса, Кокушкины слезы, Грушовка, Травяной Пухъ обоихъ родовъ, Мхи трехъ родовъ, а на мѣстахъ выше разнаго рода болотныя ягоды. Въ озерѣ растетъ рѣдкой круглой, шару подобный мохъ, который выбрасываетъ водою на берегъ; его находятъ по всѣмъ мѣстамъ.

Юня 29. Сильной громъ, къ вечеру появилась двойная радуга. Отъ Вышняго Волочка множество кремней, сѣроватыхъ, желтоватыхъ, рудожелтыхъ, росколотыхъ квадратно, у которыхъ въ ноздринахъ сидятъ бѣлые или красноватые кварцевые хрусталики и всякія окаменѣлыя морскія тѣла.

Юля 1. Торжокъ. Земля худая и песчаная. Тощія песчанья пастбища. Пустыши безъ засѣва, поросшіе мѣстами сосновымъ кустарникомъ, но годные для разведенія сосновыхъ лѣсовъ, по причинѣ удобнаго сплава въ другія мѣста водянымъ путемъ.

Примѣчанія достойно множество окаменѣлыхъ морскихъ тѣлъ, которыя около Москвы почти вездѣ находятъ въ лежащихъ нѣсколько глубоко слояхъ сѣрой глины. Верхній берегъ Москвы рѣки иногда состоитъ изъ черной, рыхлой, нѣсколько глинистой весьма пиритозной земли, испещренной морскими тѣлами, которыя на воздухѣ, отъ легчайшаго прикосновенья распадаются, а нижній и все дно изъ сѣрой закаменѣлой глины, въ которой лежатъ песчаные большіе камни, наполненные морскими тѣлами, такъ что все положенье сходствуетъ съ морскимъ дномъ. Въ такихъ мѣстахъ обыкновенно находятъ множество Белемнитовъ, аммоновыхъ рогъ съ златоблестящими черепами, хамнитовъ разнаго рода, теллинитовъ, аномитовъ и малыхъ тубулитовъ, которые по большей части еще сохранили свои натуральныя, но очень нѣжныя и рыхлыя скорлупы. Здѣсь белемниты (также какъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ всѣ морскія раковины исчезаютъ и находятъ только ихъ отпечатки) не лишились обыкновеннаго строения своего существа и твердости и суть отчасти полупрозрач-

ные и желтоватые, а отчасти цвѣтомъ сѣрые или черные. Послѣ сихъ находится много нѣкоторыхъ родовъ аммонитовъ. Кажется, что нѣкоторые камни состоятъ изъ мѣлкихъ, петушьему гребню подобныхъ, теребратуловъ и энталіевъ или тубулитовъ. Въ другихъ же много отмѣнныхъ митулитовъ съ разными черепами на подобіе аномита. Напротивъ того, рѣдко находятся окаменѣлыя раковыя клешни въ разломанныхъ глиняныхъ камняхъ. Находятъ также въ глинѣ большіе куски чорнаго окаменѣлаго, колчеданомъ налитого, дерева, имѣющаго связь и видъ большаго деревяннаго уголья со слѣдами червоточины, столь окаменѣвшаго, что при ударѣ о сталь сыплеть искры. Попадаетъ также много сѣрнаго колчедана, изъ котораго около Клина скудные люди дѣлаютъ горючую сѣру.

Выездъ изъ Москвы 14 Юля. Деревня Купавна при рѣкѣ того же имени, перепруженной плотинами для мельницъ. Фабрики и порохов. заводы. На лежащихъ въ водѣ пняхъ было много мохнатыхъ полиповъ, *Tubularia reptans*; водяныя улитки, особенно ушастыя, чрезвычайной величины. Изъ водяныхъ растений росли попушникъ, сливѣ подобный мохъ и сѣточная тина.

Пространный низменный слой глины повсюду. По сухимъ полямъ растутъ метлы (*Heptaria glabra*), а около травъ репейника и чертополоха летало много продолговатыхъ, острокрылыхъ и золотыхъ бабочекъ. На мшистыхъ, соснами оброслыхъ, пустошахъ водятся дикіе голуби (*Palumbus*).

Въ малыхъ перелѣскахъ перемѣшаны всѣ деревья: дубъ, береза, тополь, осина, ель, дикая яблонь, орѣшникъ, можжевельникъ, черемуха и рябина. Кромѣ доселѣ извѣстной простой жимолости, *Xylosteum*, показалась жимолость татарская. Илемъ в вязъ дерева однородныя, разнятся почти ничемъ. На Вязѣ кора желтоватая и мягче, листья уже. На Илемѣ кора сѣрая, жестка, листья продолговатѣй, больше и мохнатѣй.

По лѣвой сторонѣ Клязмы много болотнаго гѣса на пѣсчаной почвѣ, или турфова я пошва оброслая кустарникомъ, обличающая низменные слои глины, на которой растетъ много черницы

и голубицы. Въ такихъ лѣсахъ летало множество бабочекъ и между ними рѣдкія *Papilio Laodica* и *Phalaena Melanaria*.

Далѣ идетъ пѣсчаная почва, покрытая пашнями (овсомъ, льномъ, гречой); при деревняхъ есть малые хмѣльники.

Вѣденская Пустыня красивѣйшее мѣстоположеніе на островѣ посреди озера или залива, произведеннаго рѣкою Волею. Потомъ вновь глиненные слои, наполненные морскими тѣлами, мѣстами темносѣрые, липкіе, подобные находящимся въ р. Москвѣ.

Владиміръ съ 24 церквями и окружающими городъ садами даетъ прекраснѣйшій видъ, особливо съ восточной и западной стороны. Городъ стоитъ на высокихъ мѣстахъ вдоль лѣваго или сѣвернаго берега р. Клязмы. Сады все вишневые съ высокимъ шалашомъ по срединѣ и веревками, отъ него протянутыми во всѣ углы по всему саду; на всякой веревкѣ доска съ балаболками: если веревку потянуть, произойдетъ громкая стукотня. Пока вишни не сняты, сторожа остаются въ шалашахъ безсходно, не давая покою ни днемъ, ни ночью какъ птицамъ, такъ и жителямъ.

Рѣка Клязьма, большой излучиной касающаяся города, содержитъ въ себѣ много судаковъ, окуней, ершей, щукъ, подустовъ, шереховъ, головлей, плотвы, язей, уклейки и проч. На одномъ заглохломъ, стоячемъ рукавѣ рѣки или Старицѣ, находился подобный тиноватому растенію мохнатый полипъ большого рода (*Tubulagia fungosa*), также обыкновенная Бодяга, въ кучѣ другихъ травъ рагульки, а на тиноват. берегахъ стрекучій мохъ.

За рѣкой Клязмой показываются вдали пѣсчаные холмы съ терновыми, можжевеловыми и другими кустами, между которыми показывается сдѣсь уже и ракитникъ. Корни сего куста врываются чрезмѣрно глубоко, и если во глубинѣ довольно для нихъ влажности, то его листья служатъ, посреди песчаныхъ мѣстъ, хорошею пищей овцамъ. По сухимъ уваламъ цвѣтъ звѣрбой, а корень его былъ усыпанъ Россійскимъ червецомъ, въ крашеніи ни мало не уступающимъ Полскому. Рѣчной берегъ украшенъ всякими ягодными кустами. Дикій хмѣль вился по кустамъ татарской жимолости.

Песчанья пустоши съ прерывнымъ сосновымъ лѣсомъ. Извѣстковые увалы. Ломка извести. Извѣстковый слой свѣтлосѣрый, бѣловатъ, съ верху очень твердъ, но чемъ глубже, тѣмъ мягче и рыхлѣе, или больше наполненъ влажностью. Онъ усыпанъ разломанными окаменѣлыми морскими растѣньями, которыхъ не можно вынять въ цѣлости, но ломаются съ камнемъ. Въ нѣкоторыхъ тонкихъ слояхъ видны только отпечатки двучерепатыхъ раковинъ, а другіе какъ бы состояли изъ мѣлкихъ, на подобіе пшеничныхъ зеренъ полосатыхъ тѣлъ, показывающ. въ отломѣ связь морскаго окаменѣлаго растѣнія.

Мѣста между Клязьмой и Окою: послѣ песчаныхъ пустошей, подымается высокой, густой, ѣловой лѣсъ, довольно сырой, чепыжникомъ и кустарникомъ зарослый. Далѣ мѣшается онъ съ Березой и Сосной. Лѣсомъ ѣхать было весело. Обѣ стороны дороги были засыпаны цвѣтущимъ кипрейникомъ; много бы можно было набрать съ него пуху. Около цвѣтовъ Медунки (*Ulmagia*) и Дягилика (*Angelica Silvestris*) много собиралось полевыхъ жуковъ, полевыхъ таракановъ, крылатыхъ букашекъ, жуковъ съ пережимкой.

Село Константиново, жители горшешники. Глина повсюду вокругъ села бѣлосѣрая, прочная, но чемъ ближе къ поверхности, тѣмъ больше смѣшана съ бѣлымъ пескомъ. Въ глинѣ попадаются разломанныя морскія раковины. Свѣтло-сѣрые кремнистые камни, разсѣянные въ сей странѣ и наполненные окаменѣлостями, служатъ новымъ доказательствомъ о происхожденіи сихъ камней изъ глины. Казалось, что бѣлая глина въ сихъ мѣстахъ имѣетъ нѣкоторое дѣйствіе на растѣнія: на многихъ кустахъ кипрейника сдѣсь росшаго и на нѣкоторыхъ лабозинахъ травы Царской Скипетръ находились бѣлые цвѣты.

Мѣста до Касимова то лѣсистыя, то сухія, желтѣвшія цвѣтами Золотой розги (*Iasobea*) и Золотушника, возлѣ деревень же поросшія кощечей мятой и купавкой, собираемой крестьянскими жонками для крашенья въ жолтый цвѣтъ, то въ видѣ уваловъ понадъ рѣчками извѣстковаго камня, который хотя имѣетъ сѣрые,

жесткіе слои, но состоятъ большею частью изъ бѣлаго, мягкого мелкаго песку, произшедшаго изъ растертыхъ кораловъ и морскихъ раковинъ.

Таже известка, подъ коей сѣрой иль, а поверхъ известковаго слоя лежитъ липкая кирпичная глина съ тонкимъ иловатымъ слоемъ подъ верхнимъ рядомъ земли. Таже страна низкая съ кустарниками, между коими росъ Миндальный тальникъ: *Salix amygdalina*.

Касимовъ худовыстроенный городъ на крутомъ превысокомъ берегу Оки, состоящемъ изъ твердаго толстослоистаго извѣстковаго камня. Повсюду камни годные для стройки. Населеніе города большею частью изъ татаръ, изъ коихъ есть зажиточные, торгующіе мѣхами купцы. Въ татарской слободѣ, въ высшей части города, стоитъ еще доселѣ толстая, круглая, высокая башня или Мисгирь, изъ тесаныхъ большихъ камней, оставшаяся отъ древней мечети. Повсюду окаменѣлости въ извѣстковыхъ камняхъ береговъ.

По берегамъ Оки, въ числѣ другихъ травъ, попадались Божье дерево, разноцвѣтная рожа, сыворочная трава (*Gallium boreale* и *Mollugo*), обѣ собираемыя сдѣшными женщинами на краску вмѣсто Марены, Певцеданъ, Синеголовникъ и Смольникъ (*Aristolochia clematites*), почитаемая особенно отъ мужиковъ за то, что, бывъ сварена, лѣчитъ отъ лому и боли въ костяхъ. Головный уборъ сдѣшнихъ женщинъ жесткая кичка или сорока съ высокимъ на передѣ наклономъ, середина коего вырѣзана полукругомъ, представляя два тупые рога. Кичку покрываютъ бѣлымъ платомъ и завязываютъ на затылкѣ.

Опять окаменѣлыя морскія тѣла. Подъ дерномъ снова сѣрая глина на 4 фута толщиной. Подъ ней вновь толстый слой сѣроизвѣстковаго камня, а подъ нимъ иловатая морская земля съ древою, окаменѣlostями (*sic*) и улитками. Не доѣзжая до Муромъ, на дорогѣ, деревянная церковь во имя Ильи Муромца. При ней въ часовнѣ находится колодець, который выкопалъ самъ святой отецъ.

Городъ Муромъ, подобно Касимову, построенъ на высокомъ

лѣвомъ берегу Оки, и прорыть глубокими дождевыми ручьями, въ коихъ находится глина съ вѣтвистыми колчеданами и катышками изъ мергеля. Рѣка, усугубляющая весной стремленье отъ прибылой воды, повсягодно отрываетъ часть высокаго берега. Подмытые высокіе турфовые слои возвышаютъ подошву берега. Сими турфовыми обвалившимися глыбами, состоящими изъ гнилыхъ щепъ, дрязгу, согнившихъ травъ, навозу и соломы, и съ помощью новой насыпи возвышенъ жилой берегъ до 4 сажень. Въ сей насыпи видны полусогнившія сваи и бревна обвалившихся домовъ и много всякихъ костей, а въ обвалившемся при церквяхъ берегѣ находятся снаружи старые гробы и человѣческія кости.

Муромцы садоводы и огородники. Произрастаютъ яблоки, дыни и всякую овощь. Луга и украшенные кустами сѣнные покосы вокругъ Мурома снабжены богато Сибирскимъ сабельникомъ, Соколымъ перелѣтомъ, Плакуномъ и дикимъ чеснокомъ, употребл. въ пищу. Много также чорнаго папоротника (*Osmunda Struthiopteris*), Савиной стрѣлы и Молочайника (*Euphorbia palustris*), употребляемой жителями какъ слабительное. На пѣсчаныхъ же островахъ и мѣляхъ рѣки Оки много Бѣлокопытника и Девясила.

Черный папоротникъ росъ вмѣстѣ съ кустарникомъ близъ глубокихъ, водой наполненныхъ, ямъ или хлябей, находившихся между великихъ глыбъ гипсоваго камня, дышавшихъ холоднымъ воздухомъ. Около сего растѣнья водятся ядовитыя чорныя змѣи съ желтыми пятнами на шеѣ и хвостѣ, а въ хлябяхъ опоки летучія мыши.

Безпрерывный гребень высокихъ холмовъ сухаго каменнаго мергеля, красноватаго съ бѣлыми пятнами, разсѣдающагося какъ глина, простирается по рѣкѣ. Во многихъ мѣстахъ его лежитъ Алебастръ великими нестройными глыбами или гнѣздами, твердый, бѣлый, испещренный жилами и трещинами. Его ломаютъ жители вокругъ лежащихъ деревень, отвозя потомъ въ Москву, или продавая по дешевой цѣнѣ на мимоидущія суда.

Дорога къ Арзамасу. Песчаныя пустоши покрыты простыми травами, въ числѣ ихъ Кровяя. Девясиломъ и Горлянкой. Разсѣянный мѣлкій лѣсъ. По мокрымъ мѣстамъ цвѣли кипрейникъ и собачки, на высокихъ Ореоселина. Лѣсистая страна все песчанѣй, возвышеннѣй; ѣдешь все въ гору до самого Арзамаса, отъ чего и быстрое теченье рѣки Тюши. На осохлой песчаной пустоши росли и цвѣли (17 Августа) слѣдующія травы:

Cucubulus Otites, отмѣнная мокрица.

Полевая гвоздика, *Diant. Virgineus*.

Dragoscephalum Ruyschiana.

Сибирской чертопологъ. Собранные отъ него самыя широкіе и нераздѣльные листья, и потомъ высушенные, толкутъ въ порошокъ и присыпаютъ къ ранамъ, отъ чего онѣ скоро стягиваются.

Простой Верескъ въ сей странѣ обыкновенно имѣетъ бѣлыя цвѣты.

Городъ Арзамасъ на увалѣ, невысокомъ, извѣстковаго сѣраго и желтоватаго камня, раздѣленнаго шиферомъ на удобныя къ ломкѣ части, способнаго на выжиганье извести. Худо и нечисто выстроено. Всѣ жители мыльники, кожевники, красильщики крашенины и сапожники. Отъ сихъ нечистыхъ рукодѣлій воздухъ въ узкихъ и грязныхъ улицахъ наполненъ нездоровыми парами. Всякой соръ и грязь кожевныхъ и мыльныхъ заводовъ валятъ въ мимо текущую рѣку Тёшу.

Veratrum album, бѣлая чемерица показалаь сдѣсь впервые, отсель она растеть вездѣ на мокрыхъ мѣстахъ и далѣе за Волгу. Во время сѣнокоса ее выбрасываютъ вонъ, но такъ какъ не сожигаютъ, то она оставляетъ зрѣлыя сѣмена тутъ же и размножается. Молодые ягненки, наѣвшись ея весной, умираютъ. Голодныя лошади, сѣвъ ее въ сѣнѣ, чувствуютъ колотье, при пѣнѣ изо рту. Дворовыя птицы, наклевавшись сѣменъ, умираютъ. Но высушеннымъ и столченнымъ ея корнемъ присыпываютъ коровамъ болячки отъ червей, а людямъ для прогнанья глистовъ даютъ во внутрь свѣжэго корня по ползолотника съ медомъ сырцомъ.

Христофорова трава, *Actea spicata*, и Стародубка, *Gentiana campestris*, обѣ отъ укушенья бѣшеныхъ собакъ.

Павилица (*Cuscuta*) также.

Царь трава, *Aconitum licoctonum*. Ея корень употреб. во многихъ болѣзняхъ.

Змѣевникъ, *dracunculus major*. Его свѣжее растѣнье мужики ѣдятъ отъ поносу.

Подлѣсникъ (*asarium*).

Всѣ яровыя пашни отъ сей рѣчки до Суры выжелтила собою Пулавка, которой цвѣты можно было собирать возами. Превосходная желтая краска. Высокіе холмы по рѣчкѣ Пьяной выказываютъ извѣстковой камень, но какъ земля иловата, то весь берегъ прорытъ глубокими дождевыми ручьями и буераками, какіе производятъ обыкновенно на такой мягкой землѣ стремящаяся съ горъ снѣговая вешняя вода. Вблизи рѣчки образуются беспрестанные провалы отъ подземной воды, которою вымываетъ претворяющійся въ мергель извѣстковый камень и дѣлаетъ подъ землею пещеры, въ которыя на послѣдокъ она обваливается. Такимъ образомъ однажды провалился цѣлый крестьянскій домъ со всей семьей.

Здѣсь начинается Мордва. Рачительнѣйшіе пахаря, отличные звѣроловцы, разводители пчелъ и знаменитые красильщики. Неопрятны въ жизни и въ то же время охотники наряжаться. Праздничный нарядъ женщинъ съ гремушками, колоколчиками, кольцами, висячими болобочками, шитыми шерстью выкладками, провизками и бахромой, обложенными висящими у пояса лоскутьями, не легче конскихъ шоръ.

Бугры по рѣчкѣ Пьяной то изъ раковинной известки, то изъ красного твердого мергеля. Индѣ слой липкой красной глины. Тамъ, гдѣ тиноватая рѣчка Якшонка, имѣющая сѣрную воду и садящую на днѣ красноватую и бѣловатую горючую сѣру, падаетъ въ Пьяную, находится много вонючей тины (*Chara foetida*). Мужики села Князь-Павлова въ околележащихъ горахъ ломаютъ

твѣрдый извѣстковый камень на постройку сушильныхъ овиновъ. Здѣсь же ломается и гипсовый камень и отвозится мужиками зимой въ Москвѣ на саяхъ.

Гора, обросшая кустарникомъ, была такъ подрыта наводненіями Пьяной и текущими съ горъ источниками и обвалилась, что не только вся сторона къ рѣкѣ сдѣлалась утесомъ, но еще была видна въ ней большая глябь, окруженная расколовшимися и обвалившимися горными камнями. Въ ея устьѣ можно взойти не иначе какъ ползкомъ. Сія темная хлябь, идущая въ поперегъ горы на 100 сажень длиной, шириной на 40, а вышиною на два сажня съ половиной, загромождена дикими камнями и тивой, остающейся отъ весеннихъ наводненій, и дышала стужей невыносимой. Иловатое дно при устьѣ хляби было покрыто, какъ толстымъ зеленымъ сукномъ, мѣлкимъ волокнистымъ мохомъ. Изъ разщелявшася ила росла вездѣ особливая долгая тина, а въ самомъ нутрѣ хляби на хворостѣ, водою туда занесенномъ, находилось очень великое растѣнье сего рода, *Misoglossopus* (ростетъ особо и стоитъ прямо, черешокъ волокнистый, твѣрдый, толщиной въ гусяное перо. Ростетъ въ загаченныхъ рощахъ и подземныхъ ямахъ). Каменные стѣны этой хляби были обвѣшены мягкимъ мохомъ, имѣющимъ видъ паутины, который, по взятіи пальцами, почти совсѣмъ претворялся въ воду. Не смотря на стужу, лежало здѣсь множество летучихъ мышей, по вечерамъ отсюда выбирающихся на воздухъ.

Пространства къ Пензѣ и Симбирску въ околностяхъ рѣки Сока. Тучная, черная, пахотная земля, какая при Сурѣ, Волгѣ и рѣкахъ, стремящихся въ Волгу съ восточной стороны. Въ сихъ странахъ земледѣльцы не уваживаютъ полей, но даютъ отдыхать на третій годъ. Есть и такія мѣста, гдѣ никогда пашни не истощеваютъ. Если жъ уменьшится плодородіе, то много степныхъ мѣстъ, могущихъ доставить новую пашню. Но если-бы кто захотѣлъ сію тучную землю унавозить, то хлѣбъ выбѣжалъ бы очень скоро и высоко, а послѣ повалился бы и погнилъ до созрѣнья. Можно бы сѣять здѣсь конопля, льну и пшеницы не только

для домашняго обихода, какъ дѣлаютъ жители, но и на продажу. Худо также, что какъ городскіе, такъ и деревенскіе жители вальятъ навозъ многочисленной скотины въ большія кучи подлѣ домовъ и по берегамъ мимо текущихъ рѣчекъ, отъ чего зарождается такое неслыханное множество мухъ, что весною должно бѣжать изъ избъ.

На поляхъ и пахотныхъ перелогахъ Душистая ромашка, *Anthemis cotula*, росла въ такомъ же множествѣ, какъ и въ странахъ, лежащихъ отъ Оки къ югу. Горшешники. Поташен. заводы. Изъ кустарниковъ орѣшникъ въ густыхъ лѣсахъ; тамъ же на мокрыхъ мѣстахъ Душист. Асперула и Христоф. трава. Пни и колоды деревъ покрыты грибами. Отселѣ земля тяжелая глинистая. Мѣстами въ липкой глинѣ большія окаменѣлыя известковыя глыбы съ просѣдинами струист. желтоватаго шпата. Множество колчедановъ, скрывааемыхъ крестьянами, думающими обрѣсти въ нихъ какуюнибудь руду. Дубовый лѣсъ съ подлѣсьемъ. Страна до Саранска хлѣбородна, угориста; обитатели Мордва и Татары.

1 *Сентябрь*. Саранскъ. Женщины славятся умѣньемъ красить шерстяныя травы (sic):

Въ зеленую краску красятъ мхомъ, растущимъ подъ именьемъ *Зеленицы* во всѣхъ болотныхъ и глинистыхъ мѣстахъ. Его собираютъ по деревнямъ мужики, вяжутъ въ пучки и дешево продаютъ на рынкахъ. Мордва, Чуваши и Татары, вмѣсто сего мха, употреб. простую полынь, примѣшавъ немного дрока, или же листья разнолистнаго Чертополоха, *Carduus heterophyllus*. Иные же вмѣсто того нецвѣлые колосья Мятлики (*Arundo Calamagrostis*) съ помощью варки и примѣсы квасцовъ. Ягоды крушины даютъ у нихъ желто-зеленую краску.

Въ желтый цвѣтъ цвѣты растѣнья Пупавки, Дрока и Серпухи, дико растущихъ по всѣмъ мѣстамъ Россіи.

Въ жаркой цвѣтъ употребляютъ Череду, *bidens tripartita*, съ примѣсю Марены.

Въ малиновой красятъ Мареною (*Rubia tinctorum*) или корнемъ сыворочной травы особств. рода.

Въ алый цвѣтъ красятъ душицею (*Origanum*), засушая цвѣтныя головки, исталкивая потомъ вмѣстѣ съ сушенными молодыми листьями яблони, варя съ солодомъ и дрожжами. Лучшая краска.

Въ синий цвѣтъ красятъ привезенной краской крутикомъ, дѣлаемой изъ травы, которая растетъ только въ Малой Россіи (Синій сандалъ), и брусковой краской.

Небогатая желѣзная руда, цвѣтомъ бурая, иногда имѣющая рыхлый черепъ, но чаще сѣрая и желтая, съ краской вохрой смѣшанная. Небольшой купеческ. заводъ. Мокшаны, живущіе въ сихъ мѣстахъ, мало чемъ разнятся отъ Мордвы. Нѣсколько черноволосѣй, меньше убираютъ себя погремужками. Женщины трудолюбивы, много знаютъ травъ, годныхъ въ лѣкарство и для краски. Во всякой избѣ въ сѣняхъ виситъ то та, то другая трава, вмѣстѣ съ сушеными капустными листьями.

По степи еще цвѣли двуцвѣтная степная полынь, *Chrysosome biflora*, съ синими зубчатыми цвѣточками, шершавая степная полынь, *Chrysoc. villosa*, полевой шалфей и донникъ съ бѣлыми и желтыми цвѣтами.

Видъ Пензы, стоящей на высокомъ берегу Суры, красивъ множествомъ своихъ церквей. Купеческія лавки такъ наполнены товарами, какъ не попадалось еще отъ Москвы ни въ одномъ городѣ. Сура и лежащія около озера снабдѣваютъ обильно жителей рыбой: большого вида Чехонь, большіе язи (шпіоръ), калинка (бѣлая рыбаца), Сава, синтева и тарань. Сомовъ и стерлядей ловятъ только весной, во время водополя. Хлѣбородье и обилье губерніи. Множество конныхъ и винныхъ помѣщичьихъ заводовъ и табуновъ. Страна холмиста, дубовые лѣса.

9 сентября сильная гроза и потомъ дожди непрерывно. 13 снѣгъ сталъ итти къ вечеру большими охлопьями, земля покрылась имъ на пядень толщиною, а молодой лѣсъ, еще стоявшій съ листьями, наклонился подъ его тягостью. Студенная погода. Рѣки ночью съ 15 на 16-е покрылись льдомъ. Отсюда дорога къ Сим-

бирску степью. Всѣ горные увалы въ здѣшней странѣ состоятъ изъ сѣраго глиняннаго камня, который въ огнѣ раскакивается на мѣлкія части, а ломается то четвереугольными глыбами, то плитами.

Далѣ увалы идутъ хребтомъ, къ востоку пологи, къ западу же имѣютъ крутые скаты. Они изъ сѣраго плитняка, лежащаго въ горизонтал. положеніи. Земля иловата, глиниста, въ низу черна, а на увалахъ пѣсчана. Лѣсъ на холмахъ смѣшенъ съ соснами. Въ долинахъ же и на ровныхъ мѣстахъ то чистый дубнякъ, то степной, смѣшенной лиственный лѣсъ, обильный липой и кленомъ. Липовый лѣсъ, снабждающій посудю и лыками или мочалами, изъ коихъ вяжутъ веревки и ткутъ рогожи, полезный вѣнниками, которыхъ сушатъ на зиму для корму ягнятъ, приносятъ сверхъ того особливую пользу сдѣшнимъ ульямъ. Живущіе въ лѣсистыхъ странахъ Мордвинцы оставляютъ на всю зиму пчелъ въ лѣсу подъ легкою покрывкою. Далѣ къ Свіягѣ и Симбирску открытая и высокая степь съ увалами, на коихъ показываются обыкновенно при Волгѣ степныя растѣнья, и въ томъ числѣ множество дикихъ миндальныхъ кустовъ, наз. калмыцк. орѣхами или бобовникъ. Изъ его косточекъ двоятся водка, получающая персиковый вкусъ, и выжимается масло, которое хоть и горьковато, но пріятно съ салатомъ.

Симбирскъ, какъ извѣстно, стоитъ на высокой горѣ между двухъ рѣкъ. Къ западу къ Свіягѣ Симбирская гора сходитъ полого къ высокой степи, къ Волгѣ же она крута и подмыта, какъ и прочіе увалы, составляющіе правый высокой берегъ рѣки. Сіи то увалы препятствуютъ Волгѣ соединиться съ Свіягой, заставляя послѣднюю протечь еще около 100 верстъ до впаденья въ Волгу. Они состоятъ изъ мергеля, извѣстки, извѣстковаго камня въ разныхъ видахъ, сѣрой глинистой земли, мѣстами кремнистой, мѣстами съ окамелостями (sic), и камнемъ наполевымъ, какъ около Москвы, разломанн. черепами морскихъ животныхъ. Попадаются гнѣздами хрустали и могущіе давать сѣру колчеданы.

Плоская степь къ рѣкѣ Черемшану, оброслая миндальными кустами и вишнями. Рѣку Черемшанъ переѣхали по мосту, сплоченному изъ бревенъ, полезному на нашихъ рѣкахъ во время прибылой воды. Какъ сдѣсь, такъ и въ нижней своей странѣ рѣка течетъ между оброслыми кустарникомъ берегами, или по лѣсистымъ низкимъ мѣстамъ. Въ окружностяхъ Черемшана черноземныя хорошія пашни. Березнику на дрова довольно. Обитатели Татары, Мордвины, а всего больше Чуваши, одѣвающиеся почти какъ Мордвины. Но женщины ихъ пригожей и опрятнѣй. Мужская одежда разнится только тѣмъ отъ русскихъ мужиковъ, что рубахи съ вышитыми воротниками. Жены вышиваютъ по полотну разноцвѣтной шерстью. Всѣ они черноволосы, какъ и Татары. Избы разсѣянны съ малыми клѣтками безъ дворовъ, на высокихъ мѣстахъ, какъ у Татаръ. Лавки въ избахъ широкія; имѣютъ перины.

Страна становится гористѣй. Попадались вѣтви шиферныхъ, отъ Урала идущихъ, изобильныхъ рудой, горъ. Богословскій мѣднй заводъ. Пребыванье Палласа въ селѣ Спаскомъ у ст. сов. Рычкова, извѣстнаго своими сочиненьями, съ 5 до 11 Октября. Село на веселомъ мѣстѣ, отовсюду окруженное лѣсомъ обросшими увалами. Почти въ серединѣ села бьетъ большой чистой ключъ и течетъ по бѣлому мергелю, который достоинъ примѣчанья, потому что скотъ ѣсть его охотно, хоть въ немъ и нѣтъ соляныхъ частицъ. Съ горъ текуція быстрыя рѣчки, незамерзающія зимой, по причинѣ быстроты, даютъ возможность сдѣсь плодиться водянымъ воробьямъ, *Strurnus cinclus*, рѣдкимъ повсюду, кромѣ Россіи и Сибири, ныряющимъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ для собиранья на днѣ мѣлкихъ червей и выходящимъ изъ воды сухими. Рыбы, свойств. незамерзающимъ рѣчкамъ, форель, крошица и кутема. Животное Норка, родъ выдры, питается сдѣсь всю зиму лягушками и раками.

Рѣка Сокъ еще невелика и течетъ кривизнами между смыкающимися горами по пріятнымъ долинамъ, обросшимъ березникомъ, который покрываетъ мѣстами и горы. Такая плодо-

родная, пріятная, богато изобильная травами, простирается вдоль Сока, Кинеля и Самары. Татары и Чуваши здѣсь ловятъ Сайгъ въ исходѣ зимы петлями и западнями, или хватаютъ ихъ догвавъ на лыжахъ, потому что, прошибя копытами тонкій черепъ на глубокомъ снѣгу, они бѣжать не могъ (sic). Они малорослѣй оленей, походятъ на простого сайгача, съ разницею, что на рогахъ много обручиковъ, задъ до самой спины покрытъ бѣлымъ пятномъ, а вмѣсто хвоста виситъ надъ задницею кожанная шишка, мягкой окомелокъ. Мѣста особенно благопріятныя разведенію овецъ.

Нефтяной ключъ не вдалькѣ отъ рѣки Сока при крутомъ скатѣ горы на мѣстѣ, покрытомъ тучнымъ черноземомъ и обросшемъ березникомъ, по которому течетъ главный источникъ рѣчки Байтугана. Небольшая, котлу подобная, яма, шириной и глубиной съ небольшимъ въ аршинъ, въ которую вода прибываетъ безъ примѣтнаго движенія и также непримѣтно уходитъ въ мимотекущую малую рѣчку. Ключъ не замерзаетъ и въ жестокіе морозы; и если занесетъ его снѣгомъ, то восходящіе изъ него смолистые пары, запахъ коихъ слышится издали, очень скоро дѣлаютъ сквозь снѣгъ отверстіе. Поверхность воды въ ямѣ покрыта черной, весьма липкой нефтью, которую хоть и счерпываютъ, но она вновь собирается въ нѣсколько дней. Земляной слой, въ которомъ находится яма ключа и который идетъ безъ сомнѣнья далеко въ гору, тоже наполненъ ею. По снятіи нефти съ воды, видѣнъ еще поверхъ ея тонкій, пропитательный листъ чорнаго масла, легко загоравшагося. Сію смолистую воду Чуваши и Татары употр. какъ лѣкарство, прикладая къ свѣжимъ ранамъ, скоро отъ того заживающимъ, и принимая во внутрь въ желудочн. и венеричес. болѣзняхъ. Нефть, не смотря на липкость, столь пронзительна, что въ нѣсколько недѣль напоетъ толстыя въ дюймъ доски и посему легко можетъ сохранять дерево отъ гніенія и карабл. доски отъ червей.

Горы вдоль Сока верстъ на 8 индѣ гипсового, индѣ блага крѣпкаго извѣстковаго камня. На рѣчной сторонѣ, мѣстами

разсѣвшіеся, дикаго камня утесы, между конми растеть малое гороховое дерево, *Robinia frutescens*. Далѣ страна при Сокѣ становится изобильной горючими сѣрными ключами, сѣрными озерами и болотами. Нефть попадаетея также при оброслыхъ лѣсомъ увалахъ. За версту отъ Сургута есть извѣстковая крутая гора. Она состоитъ изъ крѣпкаго извѣстковаго камня, наполненного круглыми зернами, блестящими въ отломѣ. Между ею и другими малыми горами на очень низкомъ мѣстѣ, подобномъ котлу и обросломъ березами, находится сѣрное озеро длиною до 60, а шириною до 45 сажень. Стоять при немъ долго было невозможно: такъ силенъ былъ запахъ гнилыхъ яицъ, слышимый по вѣтру за 4 версты. Движенія воды въ немъ не видно, и никогда оно не замерзаетъ. Во время морозовъ исходятъ изъ озера пары въ видѣ тумановъ. Вода въ немъ столь чиста, что можно бы измѣрить глазами его глубину, если бы дно не было покрыто тиною и черной матеріей. Дно это было покрыто кожей, похожею на перетлѣлыя какъ бы звѣриныя кожи, мѣстами темнозеленого, мѣстами неприятнаго темножелтого цвѣта, а тамъ, гдѣ покрывала она истлѣвшія растѣнія, была блѣднокрасная густая матерія наполнена горючей смолой. Глядѣть на озеро было страшно. Насупротивъ известковой горы, на восточномъ берегу сѣрнаго озера, вздымается также состоящая изъ извѣстковаго шифра гора, простирающаяся до рѣки Сургута. Изъ нее бьетъ небольшой сѣрный ключъ, сообщающій рѣчкѣ Молошной сѣрныя частицы, которыя садятся на днѣ на подобіе бѣлой густой каши.

Рѣчка Сургутъ нѣсколько разъ перепружена. Въ запрудѣ видно бѣлое незамерзающее мѣсто. Въ норахъ и ямахъ подъ толстымъ верхнимъ слоємъ видна была черная селитренная земля, въ которой лежать на видѣ перегорѣлыя ноздреватыя известковые камни, можетъ быть обличители подземнаго пожара. Въ болотномъ низкомъ мѣстѣ берега незамерзающая лужа; вода, біющая въ трехъ мѣстахъ на днѣ ея изъ земли, подобной золѣ и полной известковыхъ частицъ, не имѣетъ сѣрнаго запаха и оставляетъ на камышевыхъ тростникахъ много смѣшанной съ горючею сѣрой

бѣлой матеріи на подобіе густой сметаны. Растущій по краямъ ключа мохъ покрытъ затвердѣлой глиной. Но совершенно отличная матерія садилась на лежащій въ водѣ дрязьгъ и хворостъ. То была свѣтлосѣрая, весьма твердая глина, толщиной въ большой палецъ, имѣющая снаружи шершавый видъ покрытой тиной морской губки; на поверхности коей находилась бѣлая, весьма тонко сѣвшая сѣрная матерія.

Сѣрные ключи попадались непрерывно. Къ нимъ были тропинки въ снѣгу, пробитыя скотомъ, приходя сюда отовсюду къ сѣрной водѣ, напившись коей, бываетъ онъ здоровъ. Татары и Чуваши употребляютъ сѣрныя воды отъ коросты и сыпей, принося ее въ бани. Сергіевскъ.

Городъ Ставрополь съ пріятнымъ мѣстоположеніемъ на высокомъ восточномъ берегу рукава Волги, называемомъ Куней-волошкою. Съ сухопутной стороны сіе мѣсто окруженно пріятными соснякомъ и березникомъ, оброслыми увалами. А по ту сторону Волги видны на правомъ берегѣ высокія извѣстковыя горы, преим. Жигулевскими отъ находящейся среди нихъ деревни Жигулихи. Крѣпость съ палисадниками, башней и батареей составляетъ средину города. Въ городѣ мѣстопребыванье калмыцкихъ чиновниковъ.

Зимовье въ Симбирскѣ. Волга, иногда не замерзающая до Декабря, покрылась совершенно льдомъ съ началомъ Ноября. По наступленіи зимы продолжалась непрерывно жестокая стужа, снѣгу же выпало мало. Сѣверное сіянье, примѣченное 24 Ноября при рѣкахъ Волгѣ и Яикѣ, предвѣщало жестокіе морозы, которые въ половинѣ Декабря дошли до высшей степени. Сильные вѣтры на Волгѣ зимою дуютъ обыкновенно съ южно-западной стороны, нанося великой вредъ нѣжнымъ овощамъ здѣшной страны.

Такъ какъ снѣгъ въ половинѣ ноября едва покрывалъ еще поля, то можно было осмотрѣть страну около города. Въ 20 верстахъ выше Симбирска, на правомъ высокомъ берегу Волги, состоящемъ изъ длинной горы, лежащей при самой рѣкѣ и

соединяющейся съ другими увалами, добывается флецъ, изъ котораго стремящаяся вода вымываетъ глыбы темноцвѣтнаго шифера, содержащаго уголь. На вершинѣ горы, покрытой нѣкогда бывшими разбойничьими укрѣпленьями, находится господская деревня Городище. Въ низу сей деревни, подъ верхнимъ глинянымъ слоемъ подмытаго утесистого рѣчнаго берега, идущаго въ вышину на 20 сажений, показывается толстый слой шиферного угля, которое довольно смолисто, и не смотря на то, что горитъ пламенемъ, удобно при ковкѣ желѣза, издаетъ запахъ, подобный индѣйской Гумми и перегораеть въ сѣрой ржавый пепель. Куски твердыхъ слоевъ имѣли по высушкѣ смоляной лоскъ, зажигались отъ свѣчи и горѣли съ копотью; куски же худыхъ слоевъ во время сушки всѣ разщелялись. Хотя сей флецъ и не продолжается въ глубину непрерывно, но есть признаки, что можно добраться до хорошихъ угольныхъ слоевъ.

Звѣри степовыхъ гористыхъ мѣсть Волги суть Сурки, Суслики, Язвцы, бѣловатые Сурки, Ласточки, вѣбующіе зимою шерсть столь же бѣлую, какъ и Горностаи, Выхоули, блескомъ и мягкостью шерсти мало уступающіе бобрамъ, Горностаи, черныя полевья крысы Карбуши и бесчисленное множество вредныхъ полевыхъ мышей, распложающихся подъ хлѣбными, на поляхъ поставленными, скирдами. Тетерки и рябчики ловятся здѣсь всю зиму силками и паметами. Водяные воробьи во множествѣ при незамерзающихъ рѣкахъ. Есть варакушки особаго рода.

Рыбы собственныя Волги: Бѣлуга, не рѣдко бывающая длиной отъ 20 до 25 пяденей и вѣсящая до сорока слишкомъ пудъ, Осетръ отъ пяти до осьми пяденей и вѣсящій иногда двадцать съ лишкомъ пудъ, Кóстера, родъ Осетра, не много больше стерляди, но шероховатъ и колокъ. Шипъ, попадающій изрѣдка въ Волгу, вкусной родъ рыбы между осетромъ и бѣлугой, носомъ длиннѣй и острѣй, а тѣломъ тучнѣй и глаже. Севрюга, красная рыбаца, показывающаяся въ Волгѣ только въ двухъ послѣднихъ мѣсяцахъ года, Бѣлая рыбаца, многочисленно идущая въ верхъ по Волгѣ отъ Генваря до Іюня, величипой бывающая также какъ и красная

отъ 3 до 5 пяденей, а вѣсомъ рѣдко до 30 фунтовъ. Сазаны различной величины и вѣса, большіе, малые и средніе. Сомы величиной больше осетровъ, ловимые весной и осенью, быстрымъ своимъ стремленьемъ перескакивающіе сѣтъ, или же разрывающіе оную, уводя съ собой другую рыбу. Желѣзница или бѣшеная рыба, идущая большими стадами въ верхъ по Волгѣ отъ Мая до исхода лѣта, наполняющая сѣти къ неудовольствію рыбаковъ. Вѣря, что отъ употребленья ея люди сходятъ съ ума, они ее бросаютъ или за ничто отдаютъ Мордвинамъ и Чувавамъ, которые ѣдятъ ее безвредно и вялятъ въ запасъ, удобную еще больше къ копченью; Чехонь почти такой же величины какъ и желѣзница, ловимая въ одно время съ нею, весной, рыба малопочитаемая, тощая, ѣдомая только скудными жителями свѣжая и соленая.

Изъ другихъ рыбъ, свойственныхъ и прочимъ рѣкамъ: Судаки, Бершики, составляющіе смѣшенье Судака съ Окунемъ. Лещи, ловимые въ несказанномъ множествѣ и вмѣстѣ съ Сазанами вялимые на продажу, Кони или жерехи, головли, миноги, малоловимые, Налимы наиболѣе ловимые зимой удами, опущенными подъ ледъ, на которыя насаживаютъ тонкіе кусочки разрѣзанной рыбы. Угрей не водится ни въ Волгѣ, ни рѣкахъ въ нее впадающихъ, ни далѣе во всей Сибири.

Едвали гдѣ есть въ другомъ мѣстѣ столь много удобныхъ и остроумно выдуманныхъ снастей для рыбной ловли, какъ на Волгѣ. Не упоминая о простыхъ сѣтяхъ и неводахъ, о плетеныхъ изъ прутьевъ вандахъ, вятерахъ и вершахъ, не упоминая о устроенныхъ для ловли большой рыбы учагахъ, употребительныхъ только при Астрахани, стоитъ замѣтить о городьбѣ. Въ поперегъ рѣки бьютъ сваи прямой линіи или тупымъ угломъ, потомъ, сдѣлавъ изъ прутьевъ плетни или изъ тонкой драни, опускаютъ ихъ въ воду. Вода прибываетъ ихъ плотно къ сваямъ. Рыба, встрѣтивъ преграды, ища выхода, попадаетъ въ загороженные мѣста и закуты, гдѣ весьма искусно ее различными родами всю изловятъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ вливается въ Свіягу рѣчка Бирюча, обильная жемчужными раковинами и рыбой крошицей (форелью),

попадаются слововыя кости, заставляющія дивиться тому, какъ могли онѣ не стлѣть, лежа множество лѣтъ въ тепломъ климатѣ.

На супротивъ Ставрополя, при устьѣ рѣки Усы, начинается хребетъ извѣстковыхъ горъ, составляющій высокую часть гористого берега Волги. На горахъ находится лѣсъ и вершины ихъ покрыты соснами. Съ рѣчной стороны видны у оныхъ горъ однѣ только голыя каменныя стѣны и множество распелявшихся разныхъ камней, представлявшихъ зрѣнью пріятный видъ. На сихъ каменистыхъ берегахъ находится несказанное множество хищныхъ птицъ, которыя лѣтомъ вьютъ тамъ гнѣзда. Бѣловатыя же орлы, по тамошнему Бѣлохвосты, пребываютъ во множествѣ и зимой. Иногда вьютъ сдѣсь въ горныхъ ущельяхъ гнѣзда Соколы и водятся лѣтомъ красныя утки, называемыя на Волгѣ карагатками; въ густомъ лѣсу на горахъ водятся бурые и черныя медвѣди, рыси и большія бѣловатыя бѣлки. При влажномъ воздухѣ, когда хочетъ быть мокрая погода, сіи извѣстковыя горы покрываются обыкновенно туманомъ, предвѣстителемъ переменъ въ погодѣ, но и во время засухъ также сгущается вокругъ ихъ воздухъ, и если показались на небѣ облака, то уже ихъ почти невозможно видѣть въ туманѣ. Есть изъ горъ имѣющія болѣе 100 сажень въ вышину. Эти то горы называются *Жигулевскими* и *Марквашскими*.

У деревни Ширяевой при устьѣ Сока начинается и лѣвый берегъ внизъ по Волгѣ возвышаться каменными горами, которыя, впрочемъ, гораздо ниже находящихся на правомъ берегу. Изъ нихъ замѣчательны Соколыя горы, между которыми есть одна изъ бѣловатаго и желтоватаго извѣстковаго камня, изрытаго норами и пещерами, будто бы она лежала подъ капелью, и сіи пещеры вездѣ наполнены мѣлистымъ камнемъ, часто бѣлизной подобнымъ снѣгу.

Апрѣля 9 тронулся ледъ на рѣкѣ Самарѣ. 11-го тронулся ледъ и на Волгѣ, такъ что того же вечера прошло его больше двухъ третинъ. Возставшій 13 числа сѣверный вѣтръ произвелъ опять сильный годъ (sic) льду, продолжавшійся беспрерывно до

15 числа, и рѣка очистилась совершенно. 14-го зацвѣли Верба и Орѣшина. Съ 15 по 18 всѣ увалы были украшены миловидными цвѣтами малаго Орнитогаала, Серебренника и Стародубки (*adonis vernalis*), а при кустахъ въ полномъ цвѣтѣ находились фіалка и однолѣсничикъ, *Anemone patens*, который бываетъ сдѣсь голубой, лазоревый, синій, бѣлый и даже свѣтложелтый. Такъ онъ видимъ только въ Апрельѣ, то и называется однолѣсничикъ. Нанизавъ цвѣты его на очищенную розгу, обыкновенно втыкаютъ въ избахъ для украшенія. Изъ синихъ цвѣтовъ, варенныхъ съ Серпухой и квасцами, выходитъ превосходная зеленая краска для употребл. въ живописи.

Въ тоже время распускались листья на берегахъ и рябинахъ, а послѣ 20 числа и у всѣхъ прочихъ кустовъ. Деревя и травы пришли въ совершенный цвѣтъ и украшали своими цвѣтами всѣ увалы. Это были:

Дикій миндаль и дикія вишни.

Дикой фрителирїи *Fritillaria rugeaica*. Вѣнечникъ, Мохначъ, пухоцвѣтъ рябчикъ.

Дикіе тюлпаны, *tul. silvestris*.

Душистый Бубенчикъ, *Iris pumila*, съ голубыми, пурпоровыми, желтыми и блѣдн. цвѣтами.

Луковичная Валеріана.

Pedicularis comosa мохнатыи

Уральской Астрагалъ.

Трагеканеондъ (*sic*).

Дикія яблони, коихъ около Самары великое множество, цвѣли еще до исхода Апрелья.

Гороховое дерево, называемое въ сихъ мѣстахъ Чилига или Челезникъ.

Ракитникъ, по сдѣшнему Бѣлякъ, растущій на всѣхъ мокрыхъ мѣстахъ.

Стадовая птицы показались еще прежде. 19 и 20 видѣли уже дикихъ Лебедей и Гусей. 25 множество (пропущено: утокъ) показалось на открытыхъ водныхъ мѣстахъ. Кивики летѣли 26

числа. Всѣ водяныя птицы показались еще до исхода Марта. Сіи стадовая птицы летѣли отъ запада въ сѣверозападную сторону. Напротивъ того, Бабы (*Oncotatus*), Аисты обыкновенные и бѣлые, называемые Стерхи, Журавли и полевая птицы летать сюда изъ полуденныхъ странъ. Изъ полевыхъ птицъ первыя были Сойки, прилетавшія еще въ половинѣ Марта, а въ исходѣ его дикіе голуби, скворцы и жаворонки, летающіе въ началѣ весны здѣсь стадами, подобно воробьямъ.

Суслики показались во множествѣ на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ разстаялъ снѣгъ. Съ цвѣтами явились насѣкомые, какъ шмѣли, такъ и ройныя пчелы собирали себѣ пищу съ цвѣтовъ однолѣсняка и вербы. Съ ними въ одно время явились бабочки разныхъ родовъ. Но Ласточки показались только 16 Апрѣля вмѣстѣ съ щурками.

Городъ Самара заним. уголь между Волгой и Сѣверн. устьемъ Самары. Жители имѣютъ пропитанье отъ скотоводства и великого торгоа свѣжей и соленой рыбой, также икрой. Ъздаютъ караваномъ чрезъ степь къ Яику. Зимой собираются въ Самару торгующіе касимовскіе татары, привозящіе сюда мерлушекъ, вымѣняемыхъ на Якѣ у Калмыковъ и Киргизовъ. Здѣсь ихъ отдають выдѣлывать и шить потомъ тулупы калмыкамъ, близъ города находящимся, съ тѣмъ, чтобы послѣ отвозить въ Москву и другіе города. Мимо Самары проходятъ суда съ верху съ строевымъ и другимъ лѣсомъ, деревяной и глиняной посудой, желѣзными вещами, чужестр. товаромъ и всякимъ хлѣбомъ. Изъ *низовыхъ* же странъ Волги, кромѣ судовъ съ Ельтопской солью, выходятъ только немногія съ Астрахан. товарами, кожами, саломъ.

Страна около Самары есть высокая, ровная, слегка возвышающаяся холмами степь, почвы глинисто-песчаной, прорытая къ Самарѣ глубокими буераками отъ теченья снѣговой воды. Въ буеракахъ и въ берегахъ находится много кремней, между коими попадаются пламенные, краснопестрые и украшенные разными фигурами агаты. Провалы и ямы обросли кустами. Въ 20 верс-

тахъ отъ Самары, гдѣ Самарскіе казаки имѣютъ скотные дворы или хутора, уже высокая степь съ черноземомъ и травой, вышиной въ человѣка. По гористымъ холмамъ вверхъ по Самарѣ можно бы разводить виноградъ, но кромѣ арбузовъ и струковатаго перцу ничего не сѣютъ.

Дикихъ яблонь, дикихъ миндальныхъ кустовъ, высокорастущихъ дикихъ вишенъ, имѣющихъ весьма душистой вкусъ, неклепа, гороховаго дерева, таволги, раkitника и татарской жимолости множество. На увалахъ около Самары росли цвѣтушія здѣсь въ Маѣ:

Румяница, корнемъ которой румянятся. *Onosma echioides*.

Клематисъ, прямая, имѣющая здѣсь только 4 листа.

Молочай семянный, *Euforbia segetalis*.

Полевая плодовая гвоздика, *dianthus prolifer*.

Лѣсной шалфей колеблющійся.

Шишковое медвежье ухо (*Phlomis tuberosa*).

Вѣтреница, *Herba venti*.

Дракосефаль душистый и Сибирской.

Кошечья мята фіалковаго цвѣта.

Гедисаръ *onobrichis*.

Мошистый великоцвѣтный и свилеватый мышій горохъ.

Кентаврія Сибирская съ запахомъ бобровой струи.

Чертополохъ лазоревый.

Девясиль мошистый и душистый.

Теплая сухая страна Самарская кишитъ зелеными и сѣрыми ящерицами, находящимися подъ каждымъ кустомъ, простыми змѣями, *Coluber Berlus*, ехиднами, *Natrix*, и черными ядовитыми, водящимися въ навозныхъ кучахъ, *Coluber Melanis*, большими Тарантулами неядовитыми, множествомъ червей поѣдающихъ травы, шпанскихъ мухъ, жуковъ, клещей по кустарникамъ, приносимыхъ въ платѣ. Изъ звѣрковъ *Выхухоль*, роющій норы въ высокихъ берегахъ подъ водою, вырывающій своимъ чуткимъ хоботкомъ съ невѣроятной скоростью изъ тины пиявицъ, которыми питается вмѣстѣ съ червями. Часто слышутъ, какъ щелочутъ

они въ водѣ какъ утки. Когда дразнятъ ихъ, пищать помышачьи и кусаютъ опасно. Ихъ черева имѣютъ сѣрный запахъ и хвостъ бобровой струи. *Чокушки*, роющіе себѣ глубокія норы со многими выходами въ зарослыхъ кустами и травами мѣстахъ, выходящіе въ сумерки искать пищи и кричащіе какъ ввечеру, такъ и при восходѣ солнца, громкимъ голосомъ, подобнымъ перепелочному, слышимому за нѣсколько верстъ.

Хлѣбопашество могущее изумить всякаго иностранца. На неспаханной землѣ, плодородной и безъ удобренья, сѣютъ крестьяне овесъ, просо и рожь будто на съеденіе птицамъ; потомъ, взявъ соху, начинаютъ пахать, а за сохой идетъ другая лошадь съ бороной безъ погоняльщика, и въ этомъ состоятъ вся работа. Одинъ человекъ съ двумя лошадьми обрабатываетъ также хорошо пашню, какъ бы обрабатывали ее многіе по новому изобрѣтенію, напередъ унавозивъ и вспахавъ и потомъ уже посѣявъ и забронивъ.

Слобода Костычи состоятъ изъ 300 домовъ, построенныхъ улицею длинной на три версты. Здѣсь берегъ Волги крутъ. Каменная стѣна, простирающаяся до шести верстъ, изъ свѣтложелтаго известковаго камня, лежащаго толстыми слоями, превратившаго мѣстами, особенно при поверхности, въ мергель, покрытаго толстымъ селитреннымъ черепомъ и исполненого отпечатковъ морскихъ черепакожныхъ и раскрошенныхъ кораловъ. На полторы сажени ниже той черты, которая произошла на стѣнѣ отъ бываемой превысокой воды въ Волгѣ, торчатъ между слоями толстыя плиты сѣраго орлеца, ибо онъ крѣпче известковаго камня и потому вода размывать его не можетъ. Напротивъ того, въ известковой опокѣ вымыло много дыръ, норъ и довольно большихъ, гротамъ подобныхъ, со сводами пещеръ, которыя картинными ходами простираются на нѣсколько сажень въ берегъ, и произошли отъ того, что высоко и быстро текущей водой вымыло всѣ мѣста, наполненныя рухлымъ мергелемъ. Стѣны толсто покрыты селитрой. Въ верхъ по рѣкѣ берегъ еще плѣнительнѣй, представляя зрѣнію разнообразныя развалины. Здѣсь немного

большихъ пещеръ, но ямъ и норъ великое множество, въ коихъ водятся дикіе голуби, вороны и мѣлкія хищныя птицы, да и зимой улетаютъ отсюда не всѣ. Гагаты или каменная смола наполняетъ собою весьма часто извѣстковую опоку вышеописаннаго берега. Изъ смѣшенія сей матеріи съ извѣстковымъ камнемъ и мергелемъ видно, что она, будучи еще жидкая, вобралась въ камень и рассыпалась. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся твердые, кубично расколовшіеся камни, между коими щели всѣ наполнены черною блестящею смолою. Далѣе въ глубину попадаютъ большія глыбы чистаго гагата. Не смотря на блескъ, онъ легокъ, хрупокъ и ломается руками. На свѣчѣ топится и плаваетъ какъ черный сургучъ, съ такимъ же пріятнымъ запахомъ, хоть загорается медленнѣй и скорѣе гаснетъ. Купецъ изъ Сызрани выходилъ себѣ позволеніе дѣлать изъ него Сургучъ. Кузнецы употребляютъ его подъ именемъ чорнаго камня вмѣсто смолы для вороненія желѣзныхъ вещей.

Дорога къ Сызрани по горамъ изъ глины, смѣшенной съ извѣстковымъ шиферомъ. По верхнему же слою сухой песчаной и иловатой земли попадался разцвѣтавшій въ то время лѣсной однолѣтничикъ, любитель безлѣсныхъ степей, *Anemone silvestris*, называемый мужиками, по мягкому бѣлому своему пуху, овечьимъ рунишкомъ. Да сидѣли уже попарно на поляхъ красныя утки, турпаны, несправедливо называемыя казарками, красивыя птицы, вьющія гнѣзда не только въ каменныхъ щеляхъ, но и по высокимъ степямъ въ пустыхъ сурковыхъ норахъ.

6 Мая. Сызрань на веселомъ гористомъ мѣстѣ, жители коего занимаются болѣе чѣмъ гдѣ либо разведеніемъ яблочныхъ садовъ. Держать между дворовъ птицами Китайскихъ гусей Сухоносовъ. Носъ красный съ выгибомъ, а иногда съ горбомъ при началѣ. Извѣстковый камень и здѣсь наполненъ черной асфальтовой или гагатовой матеріей и распещренъ на подобіе мрамора. Лѣкарственная Медуница, *Pulmonaris officinalis*, цвѣла по низкимъ мокрымъ мѣстамъ, по которымъ пролегалъ дорога (по ту сторону Крымсы).

Вербы, осины, вишни, тавалга, раkitникъ стояли въ полномъ цвѣту по высокому ровному полю, по которому проходила дорога, простиравшаяся до рѣки Сызранки.

Asperula tinctoria, марѣна особливаго рода попадалась непрерывно въ числѣ множества другихъ расцвѣтавшихъ травъ.

Малая Сеселия, *Seseli pumilum*.

Горькая полигала.

Мошистый молочай.

Двухцвѣтный Бубенчикъ, *Iris biflora*, во всѣхъ мѣстахъ, оброслыхъ кустарникомъ на западн. сторонѣ Волги, Малый же бубенчикъ на восточной.

Переѣздъ черезъ Сызранку въ томъ мѣстѣ, гдѣ она быстро течетъ по каменному дну, ибо въ другомъ мѣстѣ нигдѣ нельзя переѣхать по причинѣ иловатого дна. Степь выше и суше. Кромѣ однолѣсничника, *Anechone patens*, и Ковыла не цвѣло ничего. Находящiеся къ рѣкѣ Кубрѣ буераки обросли раkitникомъ и таволгою, имѣющею бѣлый цвѣтъ.

Кубра глубокая рѣчка, течетъ между высокими берегами за три версты отъ Сызранки. Южный берегъ изъ переменныхъ слоевъ песку, дресвы и сѣрой глины, изъ которой вымыло водою тяжелые грифитовые черепы и превеликiе белемниты толщиной въ полтора дюйма. Нѣсколько глубже находится ржавая съ колчеданомъ смѣшанная морская земля, потомъ такой же крупной морской пѣсокъ, а на самомъ низу твердой черной желѣзноватый камень, который также какъ окаменѣлая глина ломается и весьма тяжелъ.

Въ Кашпурскихъ увалахъ подъ темноцвѣтной глиной лежитъ шиферное уголье, хотя и трудно горящее, хотъ и не въ большомъ количествѣ; но признаки колчедановъ говорятъ, что если бы прорыть глубже, можно отыскать богатые и лучшiе слои его.

По наступленiи ночи кричали разсѣявшiеся по степи коростели Дергуны. Свистѣли степные звѣрки, называемые перегузней или перевозчиками. Засуха сдѣлалась сильной. 9 Мая и слѣдующихъ числѣ жара была такъ сильна, что не чувствовалось ника-

кого освѣженья въ прохладныхъ отъ зноя мѣстахъ. Въ мѣстахъ же, гдѣ умножалось преломленье солнечныхъ лучей, едва можно было простоять минуту. Все посохло на поляхъ, и черная земля въ степи разсѣлась мѣстами на аршинъ глубиною и около 2 дюйм. шириною.

Высокій утесистый берегъ сѣрой глины съ извѣстков. тѣл. обросталъ любящей глину португальской вайдой, піонами, разцвѣтавшими между кустарниками горохового дерева, душистаго бѣлаго Диктама, Кентавринъ съ запахомъ бобровой струи и множества разныхъ горошковъ. Къ вечеру собралось къ снѣгъ травамъ множество насѣкомыхъ и въ томъ числѣ красивая нѣжная бабочка Фрина.

Лѣсъ дубнякъ, множество травъ, комаровъ, ночныхъ насѣкомыхъ и бабочекъ. При рѣкѣ летали Стрекозы или коромысла особливаго рода. Жестокая буря сорвавшая крыши въ деревняхъ. Усольская страна съ Соколей горой, на которой соколы вьютъ гнѣзда, (въ ней же двѣ пещеры), съ сѣрными и солеными изрѣдка мѣстами.

Дорога по горнымъ уваламъ чрезъ густой мѣлкой лѣсъ. Въ смѣшенъи съ другими кустами и деревьями, илемъ, терновникъ, шиповникъ, лившица и молодой дубнякъ. Полныя мѣста, между нихъ съ разцвѣтавшими Румяницей, Багряной скорцонерой, Луговымъ шалфеемъ и Вѣтреницей. А холмы, обращенные къ рѣкѣ Усѣ, лѣсомъ оброслые, способны къ разведенью винограда. Деревня Березовка. Издали видны были высокія *жигулевскія* горы. У оброслаго лѣса увала травы были ростомъ въ человѣка.

Армянская, кабацкая гора съ долиной, назыв. кабацкимъ оврагомъ, къ Волгѣ вздымается высокимъ мысомъ съ утесистыми боками. По горѣ (состоящ. какъ и всѣ сосѣдственныя изъ извѣстковой опоки), между густыми кустами, цвѣли Кокушкины Сапожки, Красная чемерица и душистая сыворочная трава.

Гребень мергельныхъ и мѣловатыхъ холмовъ вздымается по Волгѣ, продолжаясь непрерывно до Новодѣвичья. Къ западной степи распростирается сей гребень плоскими увалами, въ конѣхъ

вездѣ еще показывается бѣлый мергель, мѣлъ и глина. Небольшіе дубовые лѣса, въ коихъ летало около цвѣтовъ множество шмелей и красивыхъ маленькихъ бабочекъ. Въ степи же только параличная трава (*Chamaeritis*) да низкорастущій *Serratocarpus*, покрывавшій сѣрымъ цвѣтомъ землю. Высокіе бѣлые холмы, собирая и удвояя солнечные лучи, причиняютъ несносный жаръ въ безлѣсныхъ мѣсахъ (*sic*).

16 мая. Новодѣвичье большая слобода на берегу Волги между голыхъ мѣловатыхъ горъ. Студеные ключи бьютъ изъ мергельнаго мѣлу извѣстковой водой, годной къ бѣленью новинъ, прорывая глубокіе рвы до самой Волги. Здѣсь встрѣча съ Фалькомъ и Лепехинымъ и поѣздка съ ними по оброслой изрѣдка кустарникомъ степи на Кузькино и Ключищи. Встрѣченн. лѣсныя травы: Марена, Гладышъ, Турецкія лиліи и Кипрейникъ, показывали глинистое дно, наполненное ключами, или же то, что прежде страна была лѣсиста.

На сухомъ погѣ возлѣ деревни цвѣлъ Царской скипетръ. Душистого голка было также много, какъ и въ Самарской странѣ. Гдѣ степь становилась лѣсистѣй, тамъ росли (хоть и не цвѣли еще) степная полынь, кентаврія съ запахомъ бобровой струи, Воробьево семя и ядовитая соколя трава. На паровыхъ поляхъ росло много дикаго укропу (*Lithospermum officinale*) (*sic*), доказывавшаго селитренность и соленоватость земли. На голой каменистой верхушкѣ Караульнаго Бугра растетъ много Синяго чертополоха, Центаврїи, Сибирскихъ колокольчиковъ, ягодной Мокрицы, *Cuscubalus otites*, торицы и Иванова цвѣта, *Buphthalmum salicifolium*.

Дорога отъ старой Резани лѣсомъ. Цвѣлъ Татарскій кленъ, а на мокрыхъ мѣстахъ Боярская слѣсъ, *Lychnis Chalcedonica*. Ближе къ Волгѣ высокіе то оброслые кустами, то голые холмы. Сурки, сидя у норъ на холмахъ въ великомъ множествѣ, свистали провзительнымъ свистомъ, какъ бы въ насмѣшку проѣзжающихъ.

На днѣ каменистаго ручья, обросшаго Татарскимъ кленомъ

и называемаго Бруснянскою вершиною, лежать между дикими каменьями агатовые кремни. Отселъ Тарской (sic) клень поводится чаще и высокорослѣй, доселѣ росшіи кустами, яшень тоже крупнѣй. Горы становятся высоки, убираясь по вершинамъ кустарникомъ гороховаго дерева. Сурки въ изобиліи.

Извѣстный Покатунъ или Катиполе начиналъ въ это время цвѣсти. Пока онъ свѣжъ, то называютъ его шатромъ. Когда же, засохнувъ распростертыми вѣтвями, представляетъ почти шару подобный кустъ и сломленный вѣтромъ катится по степи, пугая лошадей, тогда Катунемъ и даже Качимомъ.

Вся сѣрная гора обросла густымъ лѣсомъ, а подошва ея изрыта дождевыми ручьями. Воздымается она круто отъ берега Волошки на супротивъ устья Сока почти на 100 сажень вышины. Гипсовый камень, содержащій горючую сѣру, ломали на самой лѣсистой вершинѣ горы и въ глубокихъ ямахъ, называемыхъ развалами. Въ густомъ лѣсу были:

Кусты простой и горной крушины (*Rhamnus cataricus* и *Alpinus*) и Татарского клену.

Красная чемерица, *Hellebogine*.

Кокушкины сапожки, *Calceolus*.

Кентаврея съ запахомъ бобровой струи.

Гладышъ, *Laserpitium trilobum*.

Порѣзная трава, *Athamanta Cergaia*. Изъ стволиковъ ея текла превосходная душистая камедь, распускающаяся съ пріятнѣйшимъ вкусомъ во рту, чего нѣтъ у растущей по степямъ сей травы.

Горькой Хейранѣ.

Лаевръ и Мышій горохъ. Около всѣхъ сихъ травъ собирались стадами пригожія бабочки и насѣкомыя разныхъ родовъ.

На полѣ, въ деревьяхъ, особливо же на мокрыхъ мѣстахъ и въ кустарникахъ, великое множество было летающихъ насѣкомыхъ, всего болѣе терпѣли люди отъ слепней, оводовъ, комаровъ и наполняющихъ воздухъ бурныхъ мухъ, зараждаемыхъ въ грязи, называемыхъ Москара, уязвляющихъ тупымъ своимъ хоботкомъ

до красна, отъ которыхъ носятъ на головѣ вмѣсто шапки сѣтку, обмокнутую въ деготь. Съ половины Юня онѣ пропадаютъ, и тогда на мѣсто ихъ летаютъ въ несказанномъ множествѣ мѣлкія мошки, кохры, лезущія въ ротъ, носъ и глаза. Отъ сихъ мошекъ защищаются тоже сѣтками, но вымазанными саломъ.

Дорога въ верхъ до Сергѣевска степью оброслою высокою травой, среди коей были во множествѣ полезн. цѣлитель. травы: Дрокъ.

Горный щавель, *Rumex Alpinus*, на мокрыхъ мѣстахъ. Его корень, похожій на черенковый ремень, даютъ дѣтямъ и скоту отъ глистовъ. Употребляется для крашенья.

Боярская спѣсь растетъ на мѣстахъ оброслыхъ кустами, у здѣшнихъ крестьянъ называется кокушкино или дикое мыло, потому что дѣлаетъ воду мыльною и можетъ служить для мытья рукъ и бѣлья.

Вероники разныхъ родовъ.

Phlomis tuberosa, Шишковатое медвежье ухо.

Татарская дикая крапива, *Leonutus (sic) tataricus*.

Грудная трава, *Scabiosa ochroleuca*.

Сыворочная трава, Порѣзная трава, Нѣмецкой Девясилъ и множество всякихъ другихъ.

Вдоль Самары идущая степь полна холмовъ, обильныхъ травами, сѣнокосныхъ луговъ, привольна дикимъ козамъ, потому что вѣтеръ, снося съ голыхъ холмовъ снѣгъ, доставляетъ имъ возможность легко находить кормъ; небѣдна также красивымъ осиннымъ, сосновымъ и березовымъ лѣсомъ. Самарскіе казаки ловятъ лисицъ.

Юня 18. Рѣка Кинель и ея окружность. По высокимъ мѣстамъ съ перерывнымъ мѣлкимъ лѣсомъ и сѣнокосами, въ числѣ прочихъ луговъ травъ желтѣль звѣробой, ярко синѣли кавалерскія шпоры.

Золотой крестовникъ по рѣчкамъ и низкимъ мѣстамъ еще не цвѣлъ.

Дикая морковь, *Sium Talearia*, въ великомъ множествѣ по дорогѣ.

Pulsatilla особаго рода.

Большой татарской кленъ во множествѣ по берегамъ Кинеля.

Гороховое дерево тамъ же составляетъ цѣлыя кустарники.

Топольное дерево также.

Cochlearia agrostica на низкихъ мѣстахъ при Кинелѣ.

Песчанка уже отцвѣтшая.

Риндерова трава, мало извѣстная ботаникамъ, рѣдкая, примѣченъ

въ Оренбургѣ Докторомъ Риндеромъ. Корневые листья кущемъ, овальноострые, большіе. Стебель прямъ и цвѣтки мѣлкіе бѣлыя.

Ключи бьютъ на увалахъ и близъ дорогъ. На низкихъ мѣстахъ лужи и болота, около нихъ росло довольно Девясилу, Золотаго Крестовника и *Echinops ritro*. *Черкасская Слобода*, жители малоріискіе (sic) козаки, занимаются табакомъ и скотоводствомъ. Избы бѣлыя, чистыя. Съ половины Іюня до половины Іюля бабы и дѣти занимаются (до начала жатвы) собираніемъ червеца или около корня земляники, называемой по ихнему клубайкою, или при рѣдко растущей *Potentilla reptans*, по ихнему Мохва, а иногда и при звѣробѣ. Червецомъ красятъ пояса и шерсть, которую вышиваютъ женщины себѣ рубахи.

Нѣсколько песчаныхъ холмовъ, обросшихъ Лазоревымъ Чертополохомъ, Сибирскимъ бѣлолистомъ, *Centaurea Sibirica*, Горлянкой, *Gnaphalium stoechas*, Кипариснымъ молочаемъ, Иссоповымъ Кориспермомъ, Звѣздчатымъ Ликопердономъ (бздюшкой). Отъ низкорастущаго Цератокарпа земля казалась сѣраго цвѣта.

Буераки и глубокія долины обростали Соснами, Лидами, Дубомъ, березами, осинами, тополью, татарскимъ кленомъ, крушиною, ракитникомъ, таволгой и Сибирскимъ гороховымъ деревомъ. Смѣшенный сосновый лѣсъ показывался непрерывно, да и горные увалы къ правому берегу Самары поросли высокимъ смолистымъ лѣсомъ и чепыжникомъ.

Находившіеся при рѣкѣ Бузулукѣ бобры, выдры и кабаны перовелись, выловленные козаками и переставши плодиться по немѣнью тѣнистыхъ мѣстъ по рѣкамъ, лишеннымъ лѣсовъ. На Бузу-

лукѣ только малые кусты черной смородины да низкорослаго гороховаго дерева. Больше троснику и болотныхъ травъ. Дикой салатъ цвѣтъ по берегамъ во множествѣ. Сайгаки приходятъ стадами только во времена сильныхъ засухъ. Молодыхъ воспитываютъ молокомъ и приучаютъ такъ, что они идутъ и плывутъ за человекѣмъ. Выросши ходятъ вокругъ жилищъ, идутъ въ поле ѣсть полынь, Божье дерево и другія горькія травы и къ вечеру возвращаются домой.

Солончатая степь съ свойственными ей травами, покрытая отродьемъ Катиполя, Каменнымъ Чаемъ (*Staticе tatarica*) и полынью. Выгорѣвшія мѣста. Дороги обросшія птичьимъ попутникомъ (*Polygonum aviculare*), полынью и клоповникомъ (*Lepidium guderale*).

Снова горы, поросшія лѣсомъ, при впадении рѣчки Токъ въ Самару, пристанище хищныхъ птицъ и въ томъ числѣ желтоголовыхъ черныхъ орловъ, которыхъ видѣли повсюду въ степи сидящихъ. Жители достаютъ орленковъ изъ гнѣздъ на высокихъ деревьяхъ, воспитываютъ и продаютъ Киргизцамъ. Въ вечеру показались въ степи во множествѣ птицы, называемыя Туркушками или Чернобровками, называемыя такъ по скрипучему голосу, который издаютъ, подымаясь летѣть, и по черной полосѣ, начинающейся отъ глаза. Составляютъ среднее между ласточкой и куликомъ, водятся въ травястыхъ мѣстахъ. Высидѣвъ молодыхъ, летаютъ стадами, но къ осени скрываются.

Рѣка Уранчикъ выходитъ изъ болотины, окруженной холмами, позади превысокой горы, изъ подошвы коей изъ красного мергеля бьетъ ключъ, сообщающій студенную воду рѣчкѣ. Въ ющину цвѣло множество всякихъ травъ:

Отцвѣлый Чертополохъ, *Carduus defloratus*.

Рѣпникъ, *Eupatorium*.

Lychnis chalconica, Боярская спѣсь.

Sampanula Latifolia, примочная широколиственная трава.

Сибирская рута, *Thalictrum Sibiricum*.

Копечья мята, *Nepeta violacea*.

Пупавка, *Burphthalmum filicifolium*, растущая вездѣ по низкимъ мѣстамъ по Самарѣ. Цвѣтомъ и вкусомъ похожая на зеленой чай (худой), она употребляется вмѣсто него.

Чернобыльникъ, *Artemisia Santonica*, покрывалъ во многихъ мѣстахъ сухую гору.

Дикая греча, *Achillea tomentosa*.

Мышь ушки, *heracium pinguicolum*.

Лазоревый чертополохъ, *Card. Cyan.*

Душистая бѣлая буквица, *Teucrium capitatum*.

Кустарное Воробьево семя, *Lithospermum fruticosum*.

Прямой серебрянникъ.

Cheiranthus montanus, Дикій левкой особаго рода, растущій здѣсь въ тощемъ видѣ.

Изъ насѣкомыхъ летали по сухой степи голубые коньки и большія черныя мухи. Въ оврагахъ земляные зайцы и тарбаганы. Отсель степь усѣяна могильными холмами (къ Полт. редут.), при коняхъ на глинистой малооброслой землѣ росло много Бѣлолозника (*Axugis Ceratoides*), растущ. прямыми прутьями съ шишковатыми кореньями. Сурки и суслики во множествѣ.

Около 25 іюня непрерывный дождь и страшная гроза съ проливнымъ ливнемъ продолжались нѣсколько дней. Дорога поперегъ степнаго горнаго хребта *Общій сырты*, подымающагося все выше къ Янку. Верхній слой его состоитъ изъ красноватой глины, ближе къ Янку онъ смѣшанъ съ дресвою и мѣлкимъ дикимъ камнемъ. Нутро же сего хребта, составляющаго отрогъ большихъ Уральскихъ горъ, изъ (содержить) песчаную плиту, сѣрую, красноватую и бѣлую. Растуть:

Дикой перецъ, *Artemisia dracunculus*, который здѣсь почти вовсе безъ запаха.

Перестрѣльный татарникъ, *Echinops Ritro*, но очень малый.

Бѣлолозникъ довольно рослый, особенно при Янкѣ.

Просвики (*sic*), *althae*, лѣкарственная трава на низкихъ, изобильныхъ растѣньями, мѣстахъ.

Пѣсни Калмыковъ и башкирцевъ (большей частью любовныя)

состоятъ изъ прерывныхъ, жалостныхъ и разногласныхъ тоновъ, пѣвцу подыгрываютъ обыкновенно двое музыкантовъ на двухъ разныхъ инструментахъ. Одинъ въ родѣ флейты (духовой), дудка изъ высушеннаго ствола подсолнечника со струнами и дырками, попеременно закрываемыми пальцами. Нужно большое упражненіе, чтобы сьумѣть заиграть на ней. Яцкіе козаки, у коихъ она также употребительна, называютъ ее чыбызгою, калмыки цуръ, татары кура. Другой инструменъ инструментальный, называемый турецкой скрипкой. Онъ ничто другое какъ выдолбленный деревянный цилиндръ, натянутый сухимъ пузыремъ такъ туго, какъ кожа на барабанѣ. На пузырь ставится подставка, на коей натянуты струны (черевьи). Смычокъ — тетива двойная изъ конскихъ волосъ, привязанная обѣими концами къ лучку, ходитъ между струнъ такъ, что всегда играютъ вдругъ двѣ согласныя струны.

Есть еще у нихъ Басъ о двухъ струнахъ, называемый хуръ, похожая на татарскіе гусли лежачая арфа, и большой желѣзный органъ, употребляемый тоже вмѣсто Баса.

Лощина при татищевой крѣпости, въ коей течетъ Яикъ, обросла Божьимъ деревомъ и дикимъ укропомъ.

Солодковое дерево съ шершавыми стручками покрывало все поле и мѣстами еще цвѣло.

Prenanthes hispida по берегу.

Чилимъ, водяные орѣхи, Тгара *pat.*, ѣдомые сырами, росли во множествѣ по озеркамъ.

Всѣ травы посохли и саранчи развелось множество. Дорога непрерывными холмами степнаго горнаго хребта, состоящаго изъ красноват. песчаной и глинистой опоки.

Оренбургъ. Торговля съ Азіатцами, проходящими караванами всякую весну, производится не жителями города, но пришельцами изъ отдаленныхъ Рускихъ городовъ, которые по промѣнѣ товаровъ разъѣзжаются (*sic*). Товары, привозимые азіатцами, суть золото, серебро въ персидскихъ монетахъ и индѣйскихъ рупіяхъ, иногда же въ пескѣ, лазоревый камень, сердоликъ и

другіе драгоцѣнные камни; простая и пряденная хлопчатая бумага, китайка, матеріи, готовые халаты, сѣрыя и чурныя (sic) курчавыя Бухарскія мерлушки, тигровыя кожи и прочее; верблюжья шерсть, сушонныя абрикосы, персики, кишъ мышъ мелкій безъ зеренъ, орѣхи чинаръ съ буковаго дерева. Барановъ выигриваютъ о 40 до 60 тысячъ на 10 тысячъ лошадей. Прежде ихъ гнали въ Россію, теперь же бьютъ на сало въ Оренбургѣ и другихъ городахъ на Волгѣ, отправляя его на морскія пристани для развозу по чужимъ. Отъ этого баранина въ Оренбургѣ ни по чемъ.

Товары, которые отдаютъ азіатцамъ: красный и малиновый бархатъ, пестреть, полотно, юфть, мѣдные и чугунные котлы и посуда, привозимыя съ дальнихъ сибирскихъ заводовъ, жестыныя, желѣзныя вещицы, иглы, наперстки, стекла, пронизки, красильныя матеріи, всякая къ одѣянью ихъ и къ конскому убору потребная мѣлочъ, сахаръ, куницы и бобровыя мѣха. На го-стин. дворъ, гдѣ промѣнъ товаровъ, приносятъ на продажу киргизцамъ, охотникамъ на волковъ, лисицъ и сайгаковъ, учоныхъ орловъ, Беркутовъ. За хорошаго орла, котораго способности и выучку Башкирецъ вдругъ узнаеть по движеньямъ, дастъ онъ охотно лошадь, за худаго не дастъ и барана. Вообще сначала рускіе купцы выигривали болѣе въ торговлѣ съ азіатцами, обманывая ихъ и надувая, но тѣмъ самымъ сдѣлали ихъ хитрыми и осторожными.

3 Іюля поѣздка къ Илецкимъ солянымъ заводамъ каменистою возвышающеюся степью, усыпанной булыжникомъ. Въ сорока саженьяхъ отъ Илецкой крѣпости, въ Юговосточную сторону, налдится совсѣмъ голый, подобный сахарной головѣ, бѣлый гипсовый холмъ, котораго наполненная щелями опока отчасти алебастровата, но болѣе гнѣздовата, ноздревата, селенитна и рыже цвѣтомъ. Такъ какъ съ холма можно видѣть далеко, то на вершинѣ его поставленъ караулъ, отъ сего и холмъ называется караульной горой. Гора въ чести у Киргизцовъ, называющихъ ее святой и приходившихъ доселѣ молиться. Какъ сей холмъ

(имѣющій на самой вершинѣ хлябъ нынѣ загаченную), такъ и прочіе гипсовые холмы обростали Качимомъ, Бѣлоозникомъ, грудной травой (*Scabiosa ochroleuca*), желтѣвшей дикой гречой, *achillea tomentosa*, и низкорослой бѣлой полынью, покрывавшей всю землю.

Между сей то Караульной Горой и крѣпостью, отъ озера (у крѣпости) на 600 сажень длины и почти столько же ширины, ломаютъ каменную соль, лежащую отъ поверхности то на два три аршина, то на три четыре сажени, смотря по неровности холмистаго мѣстоположенія. Надъ соленымъ каменнымъ слоемъ находится только крупной жолтой пѣсокъ. Мѣстами онъ напитался росоломъ и когда сохнетъ, то каменѣетъ. Ломаютъ соль огромными плитами съ помощью сѣкиръ, ломовъ и клинѣвъ. Каменная соль чиста, крѣпка и бѣла, въ отломѣ показываетъ четвереугольную свою фигуру, разбиваемая ломается на четвереугол. куски. Въ водѣ распускается не столь скоро и не такъ солка, какъ нидерская и морская соль. Иногда попадаются вывалившіяся кубичныя глыбы, прозрачныя какъ хрусталь, изъ коихъ дѣлаютъ солонки. Во время изслѣдованія глубины горный буравъ нѣсколько разъ ломался. Въ одномъ мѣстѣ однакоже удалось просверлить на 20 аршинъ слишкомъ сквозь самую чистую соль. Далѣе встрѣтился чорный столь крѣпкой камень, что буравъ отказался. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ стали копать яму, встрѣтилась на три сажени отъ поверхности столь крѣпкая глина, что никакія желѣзныя лопаты не брали.

Ручей Солянка раздѣляетъ на двѣ половины пространство, гдѣ ломается соль. Песокъ между ямами набросанъ холмами, обросшими дикимъ овсомъ, *Elimus ageragius*. Ямы же наполняемыя дождевою водою и вообще всѣ соленыя мокрыя мѣста обросли травистымъ вербейникомъ. Соленый попутникъ, *Plantago salza* и другія травы свойственн. соленымъ мѣстамъ въ изобиліи. Если онѣ растутъ на очень соленыхъ мѣстахъ, то цвѣтъ имѣютъ багрянный и очень солонъ на вкусъ.

Губерлинскія горы, дикія, панолнены расцелявшимися кам-

нями и вовсе голы. Опока ихъ состоитъ изъ крупнаго вишневаго, черноватаго и зеленоватаго орлеца или шифера, содержащаго въ себѣ то болѣе глины и талька, то болѣе извести. Способны, какъ и горы при Сакмарѣ, къ произведенію рудъ. Между лежащими по обѣимъ сторонамъ Яика безлѣсными каменными горами вьютъ гнѣзда въ великомъ множествѣ желтые орлы, такъ называемые Беркуты. Водятся Луни, а зимой куропатки.

Горный хребетъ непрерывно вздымается выше въ двухъ высокихъ каменныхъ горахъ, между коихъ лежитъ дорога. Видны опять слои талковаго гладкаго орлеца или шифера. Мѣстами просѣдаетъ азбестъ. Мхомъ обросшіе, лежащіе на верьху, камни вывѣтрились и даже превратились отъ солнца и воздуха въ весьма бѣлый, рыхлый, подобный извести камень. По каменнымъ, сухимъ горнымъ уваламъ летала краснокрылая громко журчащая сарана (sic).

Преображенская гора, на коей стоитъ Орская крѣпость, состоитъ изъ яшмовой опоки, сверху подобной дикому камню, но по мѣрѣ углубленія дѣлающей чище цвѣтомъ. Свѣтлозеленный-вишневый цвѣтъ ея есть самой пріятной. Впрочемъ, чаще находится красной, бѣлой, сѣрой, желтоватой, зеленоватой и черной съ полосами и крапинами яшмовой камень. Отсегъ степью, вдоль оброслой кустарникомъ лощины, по которой течетъ тихая, тростникомъ оброслая Оръ, впадающая въ Яикъ, достигаешь Аспидной горы. Изобиліе и сдѣсь, какъ и повсюду, яшмы всѣхъ сортовъ. Лучшіе куски ея находились на Киргизскихъ могилахъ. Кажется, отъ дѣйствія солнца они получили несравненно пріятнѣйшій цвѣтъ того, какой имѣли лежа внутри камня.

Порядокъ при рыбной ловли у Яицкихъ козаковъ достоинъ замѣчанья. Первая ловля зимой; это главная ловля. Тутъ происходитъ багренье осетровъ и бѣлогъ. Получа ерлыки отъ Атамана, до разсвѣта собираются козаки въ запряженныхъ савяхъ за городомъ, становясь рядами по порядку, какъ кто пріѣхалъ. Тутъ ихъ осматриваетъ атаманъ и увѣщаетъ соблюдать порядокъ. По первому пушечному выстрѣлу каждый скачетъ во всю

конскую прыть, въ назначенную для рыбной ловли сторону, чтобы занять выгодѣйшее мѣсто, которое примѣтилъ напередъ. Но прежде надо сказать, что рѣка раздѣлена на двѣ части: одна, назначенная для багренья, начинается у города и оканчивается у Антоновскаго форпоста, другая для вешняго и осенняго лова сѣтями отъ Антоновск. форп. до самого моря. Никто не смѣетъ рубить пролубъ прежде, пока не станутъ всѣ по мѣстамъ и атаманъ не подастъ знака ружейнымъ выстрѣломъ. Въ первый разъ ловятъ не много и только затѣмъ, чтобы дать возможность скуднымъ козакамъ на вырученные деньги закупить корму для лошадей и другія нужныя вещи. Спусти пять шесть дней начинается только настоящій большой ловъ, называемый коловертное багренье, въ 55 верстахъ отъ города при мѣстечкѣ Орѣшномъ. На девять дней лову дѣлаютъ девять рубежей для означенья, до котораго мѣста должна простираться каждый день рыбная ловля. При каждомъ рубежѣ въ тотъ день, когда будетъ происходить ловля, козаки снова собираются до разсвѣта и по выстрѣлу атамана пускаются въ перегонъ занимать мѣста. Каждый козакъ прорубаетъ себѣ пролубъ иногда очень близко другъ друга, такъ что попадаютъ багромъ одну и ту же рыбу, въ такомъ случаѣ дѣлятся ею пополамъ также, какъ и тогда, когда въ случаѣ тяжести рыбы призывается на помощь товарищъ. Иногда козакъ имѣетъ счастье изловить десять большихъ рыбъ въ одинъ день, а иногда въ нѣсколько дней ни одной рыбы, въ цѣлый мѣсяцъ не добудетъ столько, чтобы заплатить подати и долги. Козакъ обыкновенно при отъѣздѣ обѣщаетъ церкви первую рыбу и больше, если будетъ въ ловлѣ счастье.

Второй большой ловъ есть севрюжій, весной, въ маѣ. Выбираютъ также атамана. Рѣка отъ Антонова фор. до Гурьева раздѣляется также на девять рубежей протянутыми въ поперегъ веревками. Сидя порознь въ лодкахъ, называемыхъ будары, козаки сами гребутъ и управляютъ двойными сѣтями, однимъ концомъ привязанными къ плывущему по водѣ чурбану, а нижними влекущимися ко дну отъ тягости привязанныхъ каменьевъ.

Самъ же держитъ за 2 веревки, привязавъ другой конецъ сѣти къ палкѣ. Забросивъ сѣть поперегъ рѣки, козакъ плыветъ въ лодкѣ безъ гребли, наблюдая, чтобы она шла наискось. Отъ великаго движенья бесчисленныхъ, одна за другой плывущихъ, сѣтей и лодокъ вода дѣлается столь мутна, что идущая вверхъ рыба не можетъ видѣть сѣти и потому еще удобнѣе въ нее попадаетъ. Отъ крику и стуку ловащихъ рыба уходитъ иногда въ низъ и въ слѣдующемъ рубежѣ собирается въ такомъ множествѣ, что передній козакъ, первый бросившій сѣти, не въ силахъ бываетъ ихъ вытащить. Вотъ отъ чего при первомъ выстрѣлѣ атамана, возвѣщающемъ начало лова, всѣ наперывъ стараются другъ друга выпередить.

По окончаніи сей лова принимаютъ казаки за другіе промыслы, ѣздятъ для торгу или для покупки хлѣба на Волгу и Самару и осенью убираютъ хлѣбъ съ полей, а иногда просто пьянствуютъ. Съ конца же сентября и начала октября осенняя рыбная ловля сазановъ, сомовъ и другой мѣлкой рыбы такимъ же порядкомъ, то есть, собираются каждое утро и по первому сигналу бросаются на выпередъ, чтобы закинуть въ наилучшемъ мѣстѣ большую рѣдкую сѣть, называемую ерига, а ввечеру оканчивается ловъ при назначенномъ рубежѣ.

Калмыки почти всѣ средняго роста, не толсты какъ Башкирцы и Киргизы, сановиты, уродовъ между ними нѣтъ, чему причиною порученное одной природѣ воспитаніе дѣтей. Доброта, откровенность, услужливость, веселость — ихъ добродѣтели, порокъ же только одинъ — неопрятность. У нихъ меньше чемъ у другихъ праздности. По своему добродушію они могутъ назваться трудолюбивыми. Женщины даже обременены работами. Кочуя зимой при Каспійскомъ морѣ, гдѣ довольно находится камышу для дровъ и мѣстъ непокрытыхъ снѣгомъ для корма скота, они съ наступленіемъ весны подвигаются на сѣверъ, стараясь захватить напоенныя Волгою мѣста, особенно ища холмистыхъ, песчаныхъ, ключами изобильныхъ и гдѣ растетъ осока и тростникъ. Ихъ переходъ живописенъ. Верблюды несутъ на себѣ все принадле-

жащее къ составленію кибитки, увѣшаны сверхъ того чемоданами съ платьемъ, мѣдными и кожаными чайниками, котлами и всякою посудой и украшены колокольчиками. Бѣлые одогорбые верблюды везутъ запряженные въ телегу всѣ священныя по ихъ закону вещи, духовныя книги и бурхановъ.

Августа 12. Неровное, буераками перерѣзанное пространство въ окружности рѣки Чагана, недалеко отъ Яицкаго городка.

Степная Чилига, Божье дерево на низкихъ мѣстахъ во множествѣ.

Дикія розы особенно росли въ широкомъ обросломъ кустарникомъ оврагѣ, называемомъ Вязовой россыпш.

Малое гороховое дерево.

Таволга вышиной въ человѣка, изъ гибкихъ ея прутьевъ вьютъ кнутовища.

Земляной мохъ, мѣстами покрывающій сѣрою корою иловатую поверхность степи, которая, отставъ отъ земли, полосами засохла. Козаки называютъ его землянымъ хлѣбомъ. Въ случаѣ большой нужды ѣдятъ, употребляютъ его и въ лѣкарство, но давать изъ него краску не знаютъ.

Болотный пригрыгъ начиналъ цвѣсть въ лощинѣ при рѣчкѣ Чаганѣ.

Солодковое дерево съ мошистыми стручьями тамъ, гдѣ земля солоновата.

Каменный чай, *Statia tatarica*, тамъ же.

Солодковое дерево съ гладкими стручьями, у котораго корень гораздо лучше и слаще.

съ колкими стручьями, у котораго корень толщиной въ руку, а дерево вышиною съ человѣка, въ обросломъ кустахъ оврагѣ.

Шипковатая чина, *Lathyrus tuberosus*, тамъ же.

Луговой вясель, *Medicago sativa*.

Подорожникъ съ бѣлыми цвѣтами и сѣменами, изъ коихъ можно варить кашу, на влажныхъ мѣстахъ.

Британской девясилъ.

Серпуха, *Serratula argvensis*.

Отселъ начинается желтоватая сухая земля. (Кожухаровъ форпостъ). Травъ почти нѣтъ, кромѣ Карагазина (*anabasis arhilla*), сроднаго сей сухой степи. Онъ растетъ кустами, имѣетъ толстые жесткіе коренья и кажется издали Гребеншиковымъ деревомъ, *Tamagix gallica*. Онъ въ это время цвѣтъ. Коровы отъ него толстѣютъ, поѣдая его весной, когда еще молодъ и мягокъ. Верблюды его любятъ тоже. Вкусъ въ немъ соленый.

Гребеншикъ вышиной въ нѣсколько сажень, толщиной въ руку.

Продолжается на большое разстояніе. Взваръ изъ цвѣтовъ и кореньевъ употребл. яцкіе возаки отъ побоевъ и тяжелой болѣзни. Изъ зеленыхъ же листьевъ и вѣточекъ дѣлаютъ мазь.

Synanchum acutum, собачій ядъ, песья трава, по берегамъ.

Senecio linifolius, тамъ же.

Tribulus terrestris, тамъ же.

Riccia crustallina, Рикковъ мохъ, хрустальный, внизу подлѣ рѣки на пѣску.

Восточной клемать отчасти распростирался по землѣ, отчасти вился по деревьямъ, покрывая ихъ своими пушистыми семенными цвѣтами.

Солодковое дерево съ колючими стручками, росшее на покатыхъ мѣстахъ, здѣсь необыкновеннымъ образомъ распростирало свои отрасли по землѣ.

Глухія озера, изъ коихъ нѣтъ никакого теченья, здѣсь обыкновенно называются Ильменями, а непроточные рѣчные рукава Ериками. На озерѣ Мергенской Ильмень увидѣли стадо птицъ Бабъ (*Pelicanus onocrotalus*), хватавшихъ въ озерѣ рыбу. Обыкновенно онѣ собираются стадами на озерахъ и въ рѣчныхъ заливахъ. Составя шеренгу, всѣ вдругъ распростертыми крылами гонять рыбу въ одно мѣсто и хватаютъ ее своими носами. Вѣсомъ онѣ бывають 18 до 25 фунтовъ, длиной отъ носа до хвоста болѣ двухъ аршинъ. Въ ширину же, съ распростертыми крыльями, гораздо больше сажени.

На озерахъ въ изобиліи Колпицы, Бабы, несказанное множество малыхъ птицъ, особливо рѣдкой родъ черныхъ куликовъ, *Tantalus niger*, называемый при Яикѣ коровайками. Для сихъ водяныхъ птицъ водятся здѣсь много хищныхъ, особенно орловъ, вьющихъ гнѣзда на высокихъ деревьяхъ, изъ коихъ я видѣлъ три рода: скопу, большаго чернаго орла и малаго орла съ бѣлыми крапинками на головѣ.

Всѣ тѣ растѣнія, которыя растутъ прямо вверхъ, на мокрой соленой лощинѣ растилаются по землѣ, какъ солод. дерево, дикой овесъ, *Elymus*, и др.

Озеро Камышсамара съ берегами, обросшими камышемъ, притонъ дикихъ кабановъ. Сказываютъ, что по озеру плаваютъ до 10 острововъ, составленныхъ изъ всякихъ кореньевъ камыша и ивовыхъ кустовъ, на коихъ также водятся кабаны, лебеди и разныя птицы.

Киргизы чистоплотнѣй Калмыковъ. Ихъ кибитки просторнѣй и лучше. Приготавливаютъ калмыцкіе мѣхи на тулупы, выдѣлываютъ кожи, валяютъ войлоки изъ овечьей шерсти, умѣютъ хорошо раздвѣчать крашенную шерстью. Покуда молоды, бываютъ хороши лицомъ. Когда же старѣютъ, толстѣютъ, становятся неповоротливы и нелѣпы.

Индерскія горы состоятъ отчасти изъ желтоватаго, а отчасти изъ красноватаго съ пѣскомъ смѣшаннаго пла, въ которомъ много дресвы, камней и мѣлкихъ селенитовъ. Попадаются по возвышеньямъ и просто песчаныя мѣста. Холмы, разсѣянные по верху горнаго хребта, особливо на сѣверной части, покрыты то краснымъ, то бѣлымъ мергелемъ, изъ котораго и сами состоятъ. Въ горахъ внутри множество ямъ, проваловъ, необыкновенно студенныхъ пещеръ и хлябей, куда собирается стекающая отъ дождей вода. Стукъ во время ѣзды по горамъ показываетъ, что пещеры идутъ на далекое пространство. Во многихъ ямахъ скаты и дно обросли обросли малымъ гороховымъ деревомъ, душистыми дикими розами, терномъ и рябиною. Между ними находилась трава:

Сладка - горька, *Dulcamara*, очень лекарственная у ящичихъ козаковъ.

Бѣлолозникъ, *Axiris Ceratoides*, обыкновенно росшій по краямъ оныхъ ямъ.

Степная малина, *Ephedra monostachia*.

Горный душистый хейрантъ съ длинными, по землѣ простирающимися стволками.

Большой родъ ночныхъ фіалокъ.

Сверхъ того находится полынь, канфорная трава, качимъ и карагазинъ, *Anabasis arhilla*.

Черешковый ремень мѣстами.

Сѣрой степной мохъ во множествѣ между посохлою травою.

Индерское озеро, чудо природы, открываетъ съ вершины подобное большому полю покрытому снѣгомъ. Оно имѣетъ кругловатую форму, длиной около 50 верстъ. Вода въ озерѣ столь солена, что въ сухую погоду на низкомъ берегу садятся соленыя зерна, и когда сгонять воду вѣтромъ, ими бываетъ покрытъ тинуватый берегъ. Дно озера вездѣ покрыто твердымъ, на четверть аршина толстымъ, солянымъ черепомъ такъ, какъ бы льдомъ. Соляной черепъ твердъ, бѣлъ, чистъ и въ отломѣ показываетъ неперядочную кристаллизацію. Изумительно, что по проломѣ сего соляного черепа находится подъ нимъ сѣрая соль изъ неправильныхъ, большею частью, зеренъ и простирается въ глубь такъ далеко, что въ нее какъ въ наносный пѣсокъ уходитъ легко козацкая пика длиной въ полторы сажени и все еще не достигаетъ дна. Эту то соль берутъ козаки, потому что ее легко собирать, къ тому же она мѣлка и способна къ соленью. На самомъ озерѣ грузятъ ее въ телеги; а для очищенія отъ примѣшавшагося ила обливаютъ ее, не выѣзжая изъ озера, тузлукомъ, то есть, росломъ, отъ чего сѣрой цвѣтъ пропадаетъ.

Берегъ на западной сторонѣ озера изъ разноцвѣтнаго мергеля, слоевъ глины и другихъ земель, необыкновенно перемеженныхъ. Глина то темная, то зеленая лежитъ на верху, то наконецъ въ другихъ мѣстахъ обѣ перевились вмѣстѣ на подобіе цвѣтнаго

мрамора. Между ними находится также желтая, сѣрая и черная, съ дресвою смѣшанная глина. Въ другихъ мѣстахъ видна только голубая и черная глина такъ липкая, что едва можно отколотить. Есть также горячая черная земля, лежащая гнѣздами и слоями поверхъ красной глины. Во одной изъ пещеръ находится толстой слой желтаго мергеля, годнаго къ крашенію. Въ верхней части берега лежитъ чистой сухой алой мергель, котораго много берутъ Калмыки и Киргизцы для крашенія жердей своихъ кибитокъ и изъ котораго состоятъ многіе холмы горнаго хребта. Словомъ смѣшенъе необыкновенно глизъ (sic) и земель, перемѣшанныхъ въ изумительномъ беспорядкѣ.

На высокомъ берегу и по краямъ пещеръ растетъ множество рѣдкихъ растѣній, какъ то:

Синеватая лебеда, *Atriplex glauca*.

Арабской Вербейникъ, *Salicornia Arabica*.

Вербейникъ, *Salicornia strobilacea*, еще неописанный ботаниками, растушій на низкомъ и мокромъ мѣстѣ.

Качимъ, растушій кустарникомъ, *Salsola arbuscula*.

Кустарный каменный чай, *Statice sufruticosa*.

Простой травистый вербейникъ, *Salicornia herbacea*, росъ при ключахъ.

Ночная фіалка, *Гесперисъ tatarica*, на Индерскихъ горахъ.

Исходъ Августа. Около Гурьева и на всѣхъ сдѣшнихъ солоноватыхъ болотныхъ мѣстахъ водится много всякихъ гадовъ: тарантуловъ, ядовитыхъ скорпіонныхъ пауковъ, а пуще всего подобныхъ тарантуламъ, съ кротовымъ рыломъ, тоже ядовитыхъ. Комаровъ несмѣтное множество. Соленыя росы. Городокъ Гурьевъ выстроенъ на самомъ дурномъ мѣстѣ. Въ домахъ тараканы и стоногіе черви. По выходѣ изъ домовъ нападаютъ комари и оводы.

Всѣ берега, окружающіе морской заливъ, острова и рѣчные берега, суть ничто иное какъ плоскія отмѣли, обросшія высокимъ камышемъ и покрытыя большой частью водою. Каспійское море здѣсь цвѣтомъ сѣрозеленое, далѣе отъ береговъ превращается

въ темнозеленое. Сказываютъ, что иногда и лѣтомъ бываетъ видѣнъ фосфорный свѣтъ морскихъ волнъ. Морскія растѣнія, въ немъ водящіяся, суть *Najas*, наяда, *Potamogeton* и *Conferva viridis* (тины водятся мало). Вода въ Каспійскомъ морѣ у здѣшнихъ береговъ прибываетъ, такъ что исчезли даже нѣкоторые острова.

Островъ Каменный изъ кремнист. камней, песку, хряща и раковинъ. Дно Каспійск. моря состоитъ изъ простыхъ, треугольныхъ, зубчатыхъ и другихъ раковинъ, безъ животныхъ тварей. Посреди острова растутъ нѣсколько камышу, лебеды, соленыхъ травъ, жидовскихъ вишень и много павилицы, *Spasuta*. На берегу во множествѣ чайки и морскіе вороны, на мысахъ лежали тюлени, но они вдругъ ушли, увидя насъ.

Сентября 1. Необыкновенное множество птицъ, спускавшихся изъ верхнихъ странъ, дабы приблизиться къ теплему климату. Четвертаго числа воздухъ былъ столь теплъ, что едва можно было дышать, не смотря на жестокою бурю съ громомъ и молніей. За теплыми бурями по обыкновенію настали холода, воздухъ охолодѣлъ. Большіе и малые тетерева сидѣли въ степи стадами и устремляли свой полетъ также въ теплыя страны.

На другой день по отъѣздѣ изъ Яицкаго городка (22 Сентября) возсталая жестокая съ юговосточной стороны буря и къ ночи показалась ужасная гроза съ такимъ сильнымъ дождемъ, какъ будто бы небо прорвалось и поле чрезъ нѣсколько минутъ покрылось водою до трехъ вершковъ въ вышину. Ночью оная жестокая буря обратилась къ сѣверозападу; послѣ чего послѣдовала вьюга и такой морозъ, что собравшаяся на полѣ вода замерзла и ледъ только чрезъ нѣсколько дней разстаялъ. Въ сію пору летѣли еще журавли и тетерва стадами внизъ Яика. Изъ малыхъ птицъ Песчанки, *Emberiza passerina*, и плиги, *Oenanthe cinerea*, смѣло бѣгали по дорогамъ.

Отроги Уральскихъ горъ. Дорога отъ Оренбурга въ Уфу чрезъ Балпирскія зимовья и ямы, куда стали они теперь собираться въ избы на зиму. Ихъ избы малыя съ широкими лавками

и чуваломъ (каминоиъ по правую руку дверей) довольно теплы и недымны, но отъ большого пламени Башкирцы страдаютъ глазами.

Изъ Палласа.

По дорогѣ отъ Петербурга до Москвы.

Зиѣя (*Calla*), болотная трава. Изъ ея кореньевъ можно печь хлѣбы въ неурожайные годы.

Болотный травяной пухъ, *Eriophorum*.

Conium maculosum.

Манная трава, *Festuca fluitans*. Изъ нее варятъ кашу.

Болотникъ, *Callitriche verna*.

Одышная трава, *Succisa*.

Scleranthus annuus, Дивала, Пахотный чаберъ.

Anthoxanthum, Душица. Душникъ. Благовонная трава.

Папоротники, *Polypodium*.

Верескъ, *Erica*.

Бесплодные болотные кусты, *Andromeda*.

Мохъ, *polytrichum*.

Плаунъ, *Isorodium clavatum*.

Hieracium Cymosum, Соколя трава.

Водяной попушникъ, *Alisma natans*.

Грецкій балдырьянъ, *Polemonium coeruleum*.

Христофорова трава, *Aconitum Lycostonum*.

Epilobium angustifolium.

Eriophorum vaginatum.

Отъ Валдая.

Дикая роза, *Ledum*, опьянѣваетъ какъ хмѣль.

Oxycoccus, клюква.

Andromeda polifolia.

Scheuchzeria.

Солнечная роса, *Drosera longifolia*.

Кукушкины слезы, *Orygus monocelis*.
 Грушевка, рогола.
 Водяной мохъ шароподобный, *Conferva aegagropila*.
 Золотушникъ, *Solidago virgaurea*.
 Полевой чистякъ, *Jacobea*.
Otchis bifolia.
Uva ursi, волчья ягоды.
Euphorbia replus.
 Бодяга, *Spongia fluviatilis*.

Отъ Владиміра.

Папушникъ, *Alisma damasonium*.
 Мохъ подобный сливѣ, *Ulva pruniformis*. } водяныя растѣнія.
 Сѣточная тина, *Conserua reticulata*. }
 Метла, *Herriaria glabra*.
Sentaurea, чертополохъ.
 По перелѣскамъ Дикая яблонь, береза, тополь, орѣшникъ, моз-
 жевельникъ, черемуха и рябина.
 Татарская жимолость, *lonicera*.
 Простая жимолость, *Xylosteum*.
Hirporphae.
 Дурнишникъ, *Xanthium Strumarium*.
 Медвежій чеснокъ, *Allium ursinum*.
Melampyrum aristatum, родъ Ивана да Марья.
 Рагульки, *Tropa natans*.
 Стрекучій мохъ, *Limosela*.
 Ракитникъ, *Citissus hirsutus*.
 Мокрица ягодная, *Cucubulus tatarica*.
Lichen islandicus.
Epilobium angustifolium доставляетъ пухъ.
 Медуника, *Ulmaria*.
 Золотая розга, *Jacobea*, вмѣстѣ съ золотушникомъ все поле здѣ-
 лала желтымъ.
 Кошечья мята, *Nepeta*.

Миндальный тальникъ, *Salix amygdalina*.

Abrotanum.

Разноцвѣтная рожь, *Lavatera thuringica*.

Сыворочная трава, *Gallium boreale*, красить въ красную краску.

Eringium Alpinum.

Смольникъ, *Aristolochia clematites* (цѣлительная).

Cichoria silvestris.

Очная помочь, *Euphrasia odontites*, зубчатая.

Девясиль кровеносный, *Inula disenterica*.

Куколь, *lichnis segetum*.

Lolium temulans, головоломъ.

Отъ Мурома.

Iris sibirica.

Соколий перелетъ, *Gentiana pneumonanthis*.

Плакинь (sic), *litrum virgatum*.

Савина стрѣла, *Sanguisorba*.

Euphorbia palustris, Молочайникъ. Слабительное.

Corispermum hyssopifolium.

Panicum sanguinale.

Черный папоротникъ, *Osmunda Struthiopteris*.

Artemisia dracunculus.

» *maritima*.

» *campestris*.

Iasion.

Carduus cyanoides.

Fibago germanica.

Telephium.

Горлянка, *Gnaphalium dioicum*.

Собачки, *bidens cornua*.

Oreoselinum.

Cucubulus otites, мокрица.

Полевая гвоздика, *Dianthus virgineus*.

Dracosefalum Ruyschiana.

Сибирскій чертополохъ, *Centaurea Sibirica*. Сушеный листъ его, истертый въ порошокъ, затягиваетъ раны.

Выпаданная трава, *Gryllus Italicus* (sic), также заживляетъ, будучи высушена, истолчена и смѣшана съ конопл. масломъ.

Absinthium.

Anthemis cotula. Душистая ромашка.

Вягла, *salix ageraria*, дубятъ ея корою юфть.

Подлѣсникъ, *asaagum*.

Actea spicata, Христоф. трава.

Змѣевникъ, *Dracunculus major*. Мужики ѣдятъ сырой отъ поноса.

Стародубка, *Gentiana campestris*. Арзамаскiе мужики выдаютъ за лѣкарство отъ укушенiя собакъ бѣшенныхъ.

Пупавка, *Anthemis tinctoria*, во множествѣ.

Aster Amellus.

Brunella, гортанная трава.

Mucor decomanus, тина.

Aspergula odorata.

Sonchus palustris.

Serratula arvensis.

Зеленица (мохъ красильный), *Licorodium complanatum*.

Заячiй макъ, *Adonis verna*. Красильное въ зеленую.

Черета, *bidens tripartita*, красить въ жаркой цвѣтъ.

Марѣна, въ малиновый.

Душица, *Oreganum*, въ алый цвѣтъ.

Мятлика, *Agundo Calamogrostis*, въ зеленую изъ нецвѣлыхъ колосковъ.

Inula foetida, вонючiй девясилъ.

Trientalis.

Вахта, водяной трилистникъ, *Menyanthes*, ея у Мордвы приправляютъ тѣ мѣста, которыя рдѣютъ.

Костяника, *Rubus saxatalis*.

Comagum palustre, пятилапая трава. Мордва употребляетъ ее въ баняхъ при тяжкихъ родахъ.

Лоскутнѣй цвѣтъ, *Sentavrea jasea*, припариваетъ Мордва у дѣтей
больныя мѣста.

Stellaria Dichotoma.

Chrysosome biflora, двуцвѣтная степная полынь.

» *villosa*, шершавая степная полынь съ синими зубча-
тыми цвѣточками.

Отъ Симбирска по Волгѣ.

Весна съ Апрелья 15.

Orintogalum minimum.

Серебряникъ, *Potentilla*.

Стародубка, *Adonis verna*.

Одномѣсячникъ, *Anemone patens*, бываютъ голубые, лазоревые,
синіе, иногда совсѣмъ бѣлые, а рѣдко свѣтло-желтые, въ
маѣ отцвѣтаетъ. Изъ синихъ цвѣтовъ, сваренныхъ съ сер-
пухой и квасцами, зеленая краска, очень хорошая.

Fritillarus Purgens.

Дикіе тюльпаны. *Silvestris*.

Бубенчикъ душистый, *Iris pumila*, бываютъ голубые, пурпуровые,
желтые и блѣдные.

Valeriana bulbosa, луковичная.

Pedicularis comosa, мохнатый.

Astragalus Uralensis.

Tragecanthoides.

Cytisus hirsutus, ракетникъ.

Cerasus pumila, дикія вишни высокаго роста.

Некленъ, *Acer tataricum*; гороховое дерево, *Robinia frutescens*;
таволга, *Spirea crenata* — все кустарники.

Съ Мая 15 по . . .

Румяница, *Onosma echioides*.

Гвоздика полевая плодовая, *Dianthus prolifer*.

Clematis recta, вся трава о четырехъ листахъ.

- Молочай сѣмянный, *Euphorbia segetalis*.
 Шалфей лѣсной колеблющійся, *Salvia nemorosa et putana*.
 Шишковое медвежье ухо, *Phlomis tuberosa*.
 Herba venti, ветреница.
Dracoscephalum thymiflorum et sibiricum.
 Комечья мята фиалковаго цвѣта, *Nepeta violacea*.
Hedysarum onobrychis.
Astragalus pilosus.
 » *grandiflorus*.
 » *contortuplicans*.
Centavrea Moschata.
 » *sibirica*.
 Чертополохъ лазоревый, *Carduus cyanoides*.
Inula hirta; odorata.
 Марѣна дикая, *Rubia peregrina*.
Aspergula tinctoria, сыворочная трава, корень окрашиваетъ въ красную краску, родъ марены.
 Сибирское гороховое дерево весеннее. *Ogorus vernus*.
Anemone ranunculoides, одномѣсячникъ полевой.
 » *nemorosa*, лѣсной.
 Полевая горчица, *Erysimum Barbarea*.
Bunias orientalis.
Primula veris, свербябусь.
Чекушка, земной заяцъ, какъ ввечеру, такъ и съ восходомъ солнца кричитъ громкимъ, подобно перепелиному, голосомъ и слышенъ за нѣсколько верстъ. Въ это время ищетъ пищи, особенно листьевъ ракитника. Весь день остается въ норѣ.
Segale reptans, стелющаяся рожь.
Lamium multifidum.
 Овечье рунишко. Одномѣсячникъ, *Anemone silvestris*, несетъ мягкой бѣлой пухъ.
 Красныя утки, турпанъ, касарка, въ Сызрани и на Волгѣ.
Androsace septentrionalis.

Arenaria campestris, песчанка полевая.

» *saxatilis*, каменная.

Въ полномъ цвѣтѣ вербы, осины, вишни, таволга, ракиѣтникъ.

Медуница лѣкарственная, *Pulmonaria officinalis*.

Seseli pumilum.

Poligala amara.

Euphorbia pilosa, мохнатыи молочай.

Iris biflora.

Копыль трава, *Stipa pennata*.

Statice tatarica.

Перевощикъ, перегузня, субликъ, степовой звѣрокъ, родъ Сурка.

Isatis lusitanica, Португальская вайда, красильная тоже.

Dictamnus albus, душистый.

Lathyrus pisiformis.

Orobus angustifolius, гороховое дерево.

Centavrea moscata.

Cardunculus.

Thesium linophyllum.

Vincetoxium Asclepias, стручковат. зелье, чортова борода,
ласточникъ.

Actaea spicata, Христоф. трава.

Соколя трава, *hieratum praemorsum*.

Scorzonera purpurea.

Скерда, Шнарда, *Strepis sibirica*.

Bunias orientalis, дикая редька; мужики ѣдятъ молодые стебли
также, какъ дягиля и гладыша.

Веселые глазки, *Viola mirabilis*.

Кокушкины сапожки, *Surgipedium*.

Красная чемерица, *Helleborine*.

Asperula odorata.

Мѣловые холмы.

Параличная трава, *Chamaerithus*.

Ceratocarpus, низкорастущій, покрывалъ землю сѣрымъ цвѣтомъ.

Laserpitium trilobum.

Lilium martagon, турецкія пестрыя лилія.

Trollius eugoraicus, пригрить.

Chrysosome villosa, степная полынь.

Воробьево семя, *Lithospermum officinale.*

Мокрица ягодная, *Cucubalus otites.*

Торица, *Alyssum Colycinum.*

Ochis conopsea, кокушкины слезы.

Ластовичный корень, *Asclepias nigra.*

Покатунъ, катунъ, Покати поле, Перекати поле, Кати поле,

Качимъ. Когда она свѣжа, ее называютъ шатромъ, но какъ скоро осенью подсохнетъ, то разпростертыми вѣтвями представляетъ шару подобный кустъ и, бывъ сломавъ вѣтромъ, катится по полямъ. *Gypsophila paniculata.*

Polygala sibirica.

Lithospermum frutescens, воробьево сѣмя.

Ruta muraria, стѣнная.

Galium glaucum, сыворочн. трава березоваго цвѣта.

Порѣзная трава, *Athamanta sergaria.*

Calceolus, кокушкины сапожки.

Cheiranthus erysimoides.

Polygonum frutescens, кустарный подорожникъ.

Отъ Самары къ Янку.

Rumex Alpinus, горный щавель.

Кокушкино, дикое мыло, тоже что Боярская спѣсь, *Lycnis chalcidonica*, дѣлаетъ воду мыльною.

Leonurus tataricus, татарская дикая трава.

Ивановъ цвѣтъ, *Chrysanthemum corymbiferum.*

Степная полынь двудвѣтная, *Chrysosome biflora.*

Senecio Doria.

Sium Talearia, дикая морковь.

Coclearia armoracia.

Agenaria.

Разноцвѣтная рожь, *Lavatera Thuringica.*

Delphinium elatum.

Agrimonia, Червечникъ, козаки даютъ скоту для прогнанія глистовъ.

Мохна, *potentilla reptans*, возлѣ же отыскиваютъ насѣкомое червеца, употр. въ краску.

Клубайка, земленица, возлѣ тоже.

Медвежье ухо, *Phlomis.*

Ceratocarpus.

Falcaria.

Euphorbia Cyprarissias.

Astragalus onobrichides.

Licoperdon stellatum.

Мѣста соленыя.

Дикій укропъ, *Peucedanum.*

Клоповникъ, *lepidium ruderale.*

Каменный чай, *Statice tatarica.*

Centaurea glastifolia.

Катиполе, *Kali.*

Скорпионова трава, *Myosotis lapula.*

Salsola prostrata.

» *salsa*, обѣ съ ползущими стеблями.

Atriplex portulacoides, лебеда.

Atriplex laciniata.

Plantago salsa.

Carduus defloratus, оцвѣлый чертополохъ.

Sampanula latifolia, примочная трава.

Thalictrum sibiricum, Сибирская рута.

Lychnis chalconica.

Пупавка, *Bupthalmum filicifolium.*

Дикой кресъ, *Lepidium latifolium.*

Glaux maritima.

Синеватая лебеда, *Chenopodium glaucum*.

Общій сырть. Много могилъ, много насыпныхъ кургановъ и холмовъ; находятъ желѣзныя вещи, копійца, человѣческія кости и каменные истуканы на могилахъ.

Echinops Ritro, Перестрѣльный татарникъ.

Бѣлолозникъ, *Achyris ceratoides*.

Astrogalus alopecuroides.

» *austriacus*.

Ononis mitis.

Scabiosa ochroleuca, грудная трава.

Potentilla bifida, разрѣзной серебряникъ.

Achillea tomentosa, дикая греча.

Бѣлая полынь, *Artemisia alba*, малая шершавая, покрываетъ всю землю.

Степной перецъ, *Centaurea glastifolia*.

Lepidium latifolium, клоповникъ широколистный.

Atriplex laciniata, курчавая лебеда.

Elimus arenarius, дикой овесъ.

Tulipa gesneri.

Лурра, репейникъ.

Matricaria camomila, ромашка.

Жабрей, *Antirrhinum genistifolium*.

Боръ, *Panicum Crusgalli*.

Salsola sedoides.

» *prostrata*.

Илецкая соль тверда въ такой степени, что походитъ на хрусталь, изъ нее можно дѣлать сосуды, особенно солонки, идетъ во глубину далеко въ землю. Подъ ней досверлились до чорнаго твердаго камня и глины, о которую ломались желѣзныя лопаты.

Торица, *Alyssum montana*, съ звѣздчатыми листочками.

Veronica incana, бѣлая мохнатая.

Gryllus coeugulans, голубые коньки.

Melica altissima, турецкое пшено.

Bromus pinnatus, метлика.

Sedum globiferum, шаристый молодилъ.

Скрыпунъ, *Cotyledon serrata*, зубчатый.

Gryllus obscurus, большая саранча съ красными крыльями, летая громко журчитъ.

Centaurea paniculata.

Степной сѣрой мохъ остался, наконецъ, одинъ на полѣ, всѣ прочія травы высохли по причинѣ засухи.

Senecio serapenicus, Большой пригрытъ.

Polygonum frutescens, кустарный подорожникъ мѣстами превратился въ колючую кустарную гречу, *Atraphaxis spinosa*.

Stipra capillata, Ковыль, показавшись уже означалъ приближеніе осени. Лѣсной шалфей, доселѣ сопровождавшій, прекратился. Жары стояли несносные.

Малина курчавая степная, *Erhedra monostachia*, служить къ удержанью наноснаго песку, ибо корни ея долготнѣе, толстые, распростираются глубоко и широко въ пѣскѣ и даютъ изъ себя новые кусты.

Dodartia orientalis. Здѣсь показалась въ первый разъ. Чемъ далѣ внизъ Яика, тѣмъ ее было больше.

Holcus saccharatus, бухарское пшено.

Phlomis tuberosa, Медвежье ухо шишковатое. Его коренья калмыки сушатъ, толкутъ и варятъ изъ него молошную кашу.

Чина, земляной орѣхъ, *Lathyrus tuberosus*. Его коренья варятъ калмыки съ мясомъ.

Glycirrhiza aspera, солотковое дерево съ гладкими стручками растетъ въ степи на тощихъ мѣстахъ. Калмыки варятъ его вмѣсто чаю съ молокомъ и масломъ.

Umbellata, подсолнечникъ, его коренья также употребляютъ калмыки въ пищу.

Отъ Янцзаго городка степью.

Съ Августа.

(Примѣтно что) Отъ рѣки Чагана и отъ степнаго горнаго хребта въ Южную сторону земля и травы примѣтно перемежаются. Голая степь ровнѣе, черноземъ исчезаетъ. Сухая степь татарская. Пѣски наносятся вѣтрами, а черноземъ отъ гнѣющихъ травъ ими разносится.

Messerschmidia.

Dispacus laciniatus, ворсильныя шишки.

Atriplex tatarica, татарская лебеда.

Glycirrhiza echinata, колокое солодковое дерево.

Atriplex salicina.

Chenopodium rubrum.

Secale reptans, слонецъ стелющійся.

Astragalus contortuplicatus.

Glycyrrhiza laevis.

Вязель, medisago sativa.

Inula britanica.

идеть желтоватая сухая земля.

Апобазис арилла, Карагазинъ на ней растущій издали похожъ на tamarix gallica гребешк. корень. Отъ него толстѣетъ скотъ по причинѣ соленого его вкуса.

Inula foetida.

Гребенщикъ, tamarix gallica, дерево часто толщиной въ руку, вышиной нѣсколько сажень. Отсюда вездѣ въ изобиліи.

Цвѣтетъ поздно въ Августѣ.

Cynansum acutum.

Linifolius.

Tribulus terrestris.

Riccia crystallina.

Lorantus Europeus.

Clematis orientalis, отчасти растилающій, отчасти вьющійся

по деревьямъ, покрывая ихъ пушистыми сѣменными цвѣтами.

Ceratophyllum.

Серпуха горькая, *Serratula amara*, полезенъ въ лихорадкѣ ея отваръ, а истертая въ порошокъ — въ ранахъ отъ укушенья бѣшеного звѣря.

Грудника, Степной подсолнечникъ, *Sida abutilon.*

Копишникъ, колючая трава, у Калмыковъ чагеракъ, *Hedysarum Alhagi*, кустами растущая трава, которую и ночью обходить далеко лошади, чтобы не поколоть ногъ, а верблюды любятъ, уже цвѣла и стояла со зрѣлыми стручками.

Множество колпиць, согнанныя съ рѣкъ, поднявшись высоко, летаютъ въ строяхъ длинными и поперечными рядами и не смѣшиваются въ рядахъ даже во время выстрѣла. Бѣлизна ихъ въ полетѣ почти ослѣпляетъ глаза.

Picris hieracioides.

Polygonum divaricatum.

Сыворочная трава, *Galium saxatile*, каменная.

Atrafaxis.

Камфорная трава, *Samphorosma monspeliaca.*

Anabasis foliosa.

Euphorbia segetalis, корослѣпъ. Наклевавшись семенъ сей травы, куры слѣпнутъ и болѣютъ.

Заманиха, *Nitraria*, распространяетъ отрасли по землѣ. Черныя сладкія ягоды.

Ядовитые тарантулы, безкрылые кузнечики, земляные зайцы, которые при закатѣ солнца не скачутъ, но летаютъ по степи, прыжокъ больше полутора сажени. Легкіе козацкіе лошади не могутъ нагнать его скачущаго. Несмотря на свою песчанность, степь покрыта травами по причинѣ наводненій и солопватой земли. Иловатая степная земля не трескается отъ жаровъ, подобно чернозему, и кажется назначенна природой для жаркаго климата. По лощинамъ кусты Гребеншика и вербейника.

Верблюжья трава, Kali.

Astragalus contortuplicatus, свиловатый мышій горохъ.

Вербейникъ, *Salicornia herbacea*.

Spinacia vera.

Dulcamara.

Степная малина, *Ephedra monastachia*.

Cheirantus montanus.

Hesperis tatarica. Листья кущемъ у корня дубовидные, стеблекъ длинной, почти нагой, съ колоскомъ на верху желтыхъ цвѣтовъ, сѣмена въ стручьяхъ. Ночная фіалка.

Salicornia strobilacea.

Salsola arbuscula.

Statice suffruticosa.

Арбузные сады разведены татарами и калмыками, служащими въ козакахъ.

Бѣлая сова у Калмыковъ святая и вѣщая птица, въ красномъ же гусѣ, думаютъ, живетъ злой духъ и если его встрѣтятъ, отворачиваются. Красную утку тоже называютъ святою и попомъ всѣхъ птицъ. Журавля, какъ самую чистую птицу, не убиваютъ никогда.

Легушка хохотунья, огромной величины, водится во множествѣ при Каспійскомъ морѣ, Волгѣ и Яикѣ. На сушь никогда не выходитъ. Въ вечернее время издали голосъ ея походить на вечерній хохоть.

Въ тиневатомъ днѣ Яика множество *раковъ* величины необыкновенной. Бывъ сварены не красны, но сѣрожелты. *Птицъ* повсюду несказанное множество по причинѣ тростниковъ, удобныхъ для гнѣздъ. На рѣкѣ Яикѣ и на морскихъ берегахъ слѣдующіе птицы: Бабы, морскіе всякіе вороны, бакланы, колпицы, темно-красные и бѣлые коршуны, кваквы, цапли, кривоносые большіе черные кулики, кулики пѣсочные, кулики высоконогіе, хохотуны, морскія ласточки чегравыя и всякихъ родовъ. Изъ хищныхъ карагуши, желтые и черные луни и копчики. Водится также во множествѣ камышевые дрозды, сѣ-

гирь, совы и всякія ночныя птицы, ночныя ласточки, летучіе мыши. Несказанное множество всякихъ ночныхъ насѣкомыхъ въ болотахъ, рождающихъ ихъ, привлекаютъ отовсюду. Въ камышахъ водятся дикіе кабаны. Козаки выходятъ на нихъ зимой съ саблями, ружьями и копьями. Охота не безъ опасности. Не мало ловятъ и выдръ. Зимомъ приходятъ изъ моря тюлени; бьютъ ихъ на льдахъ много. Каспійскіе тюлени осенью бываютъ такъ толсты, что походятъ на мѣшки, наполненные саломъ. Наступалъ сентябрь.

Salicornia herbacea, по причинѣ соленой земли, была красноватаго цвѣта.

Marsilea natans.

Pulularia.

Ruppia.

Najas.

Atriplex pedunculata.

Polycnemum oppositifolium.

Кустарный качимъ, *Salsola frutescens*, стволіки его столь ломки, что превеликой кустъ можно легко сломить ногой и бросить на воздухъ.

Sonchus maritimus, съ синимъ цвѣтомъ.

Aster tripolium.

Всякая трава наполненна водяными блохами.

Cuscuta, павилица.

Aster agris, съ бѣлыми и синими цвѣтами.

Ночью по дорогѣ въ колесныхъ слѣдахъ попадались ѣжи. Большіе и малые тетерева сидѣли на степи стадами, собираясь летѣть въ теплыя страны. Становилось холодно. Травъ, кромѣ полыни и ковыли, не было, мѣстами даже одинъ сѣрый мохъ.

Ежовникъ, кислая трава, *Anabasis cretacea*, видомъ походитъ на ежа, свернувшася въ комокъ; вкусомъ кисло-солена, содержитъ въ себѣ извѣстковую землю.

Копышникъ, *Hedisarum cornutum*.

Чеберъ, *Thymus*.

Травы начинали вянуть; колѣнца ихъ отпавши лежали на землѣ, какъ пшеничныя зерна. Осеннія непогоды наступали. Жаворонки, голуби и другія перелетныя птицы стремились къ полуденнымъ странамъ, предвѣщая рано грозившую наступить зиму. Изъ малыхъ птицъ еще попадались песчанки и плинги, смѣло бѣгающія по дорогамъ, столь же вкусныя какъ и зуйки. Въ концѣ сентября начиналъ перепадать снѣгъ.

Зимнее пребываніе въ Уфѣ. Городъ выстроенъ на правомъ берегу рѣки Бѣлой, на отлогомъ косогорѣ. Разбросанъ, раздѣленъ оврагами, буераки и глубокими рытвинамъ съ ручьями бѣгущими изъ горъ. Изъ нихъ главный *Сутолока* пересѣкаетъ впоперегъ городъ и впадаетъ въ рѣку Бѣлую. Все это вмѣстѣ съ церквами (ихъ шесть, Соборъ ниже ручья Сутолоки) и главнѣйшими зданіями, стоящими на высшемъ въ городѣ угоркѣ, даютъ городу видъ пріятнѣйшій и прекраснѣйшій, чемъ онъ есть. Пребыванье въ городѣ пустынно. Нравы жителей испорчены. Жители тѣмъ и кормятся, что, накупая въ Казани простые товары, перепродываютъ ихъ потомъ дорогою цѣною Башкирцамъ, пріѣзжающимъ по тяжёлымъ дѣламъ. Рѣка Бѣлая соединяется ниже Уфы съ немалой рѣкой Діомой, тоже судоходныхъ, и потомъ со многими другими уральскими рѣками, и таковымъ совокупленьемъ водъ можетъ доставить городу большія выгоды. При первомъ вскрытіи водъ пристають къ Уфѣ суда, которыя, бывъ выстроены для свозу по рѣкамъ Бѣлой, Уфѣ, Симѣ, Юрьюзеи и Аѣ (грузъ желѣзо съ заводовъ), отваливаютъ во время высокой воды. Отъ Уфы направляють бѣгъ въ Каму. Около города и на противулежащемъ берегу рѣки Бѣлой (низкомъ) мѣлкій чорный лѣсъ. Его выжигаютъ для пашней. Берегъ дагѣ нависаетъ крутоярами надъ поемными мѣстами. Есть утесъ съ крутыми уступами. Онъ неудобовосходимъ. Вершина его плоска. Съ нее прекрасный видъ. На ней было укрѣпленье, что доказываетъ искусственная восходимость съ одной стороны. На ней кромѣ

Сибирскаго гороху, *Robinia Frutex*, не растегъ теперь никакого дерева.

Снѣгъ выпалъ въ Сентябрѣ. Въ Октябрѣ уже послѣдовала настоящая зима. Ужасные вѣтры и непогода съ ноября и во весь декабрь. Генварь былъ умѣренъ, въ февралѣ тихо. Мартъ окончился. Мартъ кончилъ зиму морозами и снѣгами, бывшими причиною великой водополи. Весна началась поздно, мѣсяцемъ позже прошлагодія. Ловили зайцовъ на островахъ, образовавшихся наводненіемъ. Ъзда на лодкахъ. Прилетѣ птицъ большими стадами начался съ исхода Марта и до начала Мая. Гуси, казарки, Бакланы и Пигмеусъ, *Pugmeus*. Чайки же еще съ февраля начали показываться на льду кучами. Лебеди, Бабы налетали тоже стадами.

Яблони въ садахъ возлѣ Уфы распустились 26 Апреля, зацвѣли въ первую недѣлю Мая. Ранѣ ихъ распустилась дикая черемуха и ребина. Гораздо позже и медленно распустились кленъ, орѣшникъ, калина, глукъ, илемъ, липа и дубъ, составляющіе смѣшенный лѣсъ около Уфы, изъ коихъ дубъ и орѣшникъ не переходить уральскихъ горъ.

Прежде всѣхъ, въ концѣ Апрѣля процвѣтающихъ травъ, явились:

Птичій лукъ, *Ornithogalum minutum*.

Пастушьи сумки, *Draba verna*.

Сухая и узколистная порода горнаго Алиса.

Вѣтреница, *Anemone nemorosa*.

Землею ладонъ, Медуница, *Erdrauf*.

Буквица бѣлая, *Stüffelblumen*.

Бѣлокопытникъ.

Мужская лапа по крутымъ известковымъ берегамъ.

Сибирская какалія.

Перваго мая громъ. 3-го вода стала сбывать. 8 и 9 при холод. NW выпалъ снѣгъ. До 16 перепалъ градъ и снѣгъ.

Перевалъ черезъ Уральскія.

Въ шести верстахъ отъ города пошелъ лѣсъ все чаще и чаще. Въ немъ начинали цвѣсти Вороній глазъ, *Asagum*, и фіалки, *Viola mirabilis*.

Petasites, *Tussilag frigida* съ желтые цвѣты.

Trolius europæus. Отмѣнность его съ большими оранжевыми благовонными цвѣтами.

Вишennyй кустарникъ во множествѣ.

Въ лѣсахъ пчельники въ изобиліи, ими занимаются татары и Башкирцы. Чуваши, татары и черемисы вмѣстѣ все извѣстны подъ именемъ тептерей.

Звѣри: куницы, норки, бѣлки; соболи рѣдки; волковъ и лисидъ по причинѣ гущины лѣсовъ совсѣмъ нѣтъ.

Звѣздочные цвѣты (*Compositifloræ*) и медовые, *ringentes*, вотъ все изъ чего здѣсь вмѣстѣ съ липой берутъ пчелы.

Прикрыть или Царь или Волчья, а по башкирски медвежья трава, во множествѣ въ лѣсахъ среди Уральск. горъ.

Acon licostopum.

Сибирская скерда, *Crepis Sibirica*. Молочноватый стебель Башкирцы охотно ѣдятъ весной.

Благовонная марѣна, *asperula odorata*.

Лѣсной шалфей, *Stachys silvatica*.

Orobus vernus.

Чесночная трава, *Alliaria*.

Золотысячникъ, *chrysosplenium*.

Большой козелецъ, Болдырьянъ; его корень Башкирцы употр. въ лихорадкѣ и назыв. Туттонакъ.

Кокорышъ, *Fumaria*. Его корень ѣдятъ Башкирцы отъ жажды.

Едва послѣ ночнаго холода пригрѣло солнце, какъ появилось вдругъ множество насѣкомыхъ. На болотныхъ тинахъ уже ворошились водяныя мошки. Онѣ летали мало и бѣгали какъ пауки. Множество выродковъ и лѣсныхъ коровокъ присутствовало тутъ для пожиранья сихъ маленькихъ тварей.

Желтоцвѣтущій бѣлокопытникъ.

Желтый горошекъ, *Orobus luteus*; его цвѣты пока молоды бѣлы, потомъ желты, а потомъ оранжевы.

Лѣсные тюлпаны.

Кислецъ. Башкирская капуста. Молодой стебель ѣдятъ Башкирцы жадно еще до цвѣта, по причинѣ пріятной кислоты.

Блѣднофіолетовый отродокъ лѣсныхъ тюлпановъ.

Гряды камней стоятъ по горамъ въ отвѣсъ прямо востока и запада, имѣя видъ развалинъ башней и крѣпостей. Известковый камень желтоватъ и пепеловиденъ, твердъ. Пещера.

Зубчатый каменоломъ.

Веснянка (*Primula cortusoides*) украшала красными цвѣтами верхи мшистыхъ камней.

Цвѣтущій кислецъ, *Oxalis*.

Горный княжикъ, *Atragene alpina*.

Сивая рѣжуха, *Dryas incana*.

Каменная пеплица, *Cineraria Alpestris*.

Centaurea Sibirica.

Аѳаманта.

Сибирскій золототысячникъ, *Thalictrum Sibiricum*.

Мшистые растѣнья по Уральскимъ горамъ:

Каменной стовожецъ, *Asplenium tricomanes*.

Каменная рута, *Ruta muraria*.

Ключевой папоротникъ, *Polipodium fontanum*.

Ретикъ, *Rhaeticum*.

Журавлино перо, *Dryopteris*.

Слѣдованье по направл. рѣки Юрьюзена горою Джигертау. Она покрыта березами и соснами. Во множествѣ дикой хмѣль, которымъ Башкирцы про... продажу. Въѣхавъ на верхъ холма, открылись глазамъ на югѣ высокія горы Уральского хребта. Высочайшая изъ нихъ Джигальги. Видно еще весьма отдаленное верховье злой горы, по Башкирски Ямантау. Въ лѣсахъ множество черныхъ дятловъ.

Кустоватый трилиственникъ.

Распушистая вѣтреница, *Anemone patens*, въ лѣсахъ цвѣла лиловымъ, бѣлымъ и желтымъ цвѣтомъ, на открытыхъ же мѣстахъ блѣднофіолетовымъ цвѣтомъ.

Дорога черезъ вырубленыя въ лѣсу просѣки. Катавъ Ивановской чугунный заводъ. На лѣв. берегу Катавы. Плотина, лѣсопильная мѣльница. Камень въ горахъ извѣстковый крѣпкій и крупной сѣрой слонецъ. На горахъ мшистыхъ камняхъ цвѣли:

Венедиктова трава. *Saxifraga geum*.

Двуцвѣтный приворотъ, *Stellaria biflora*.

Райская рѣжуха. *Cardamine triphylla*.

Пятилистникъ, *Lupinaster*.

Камень слонецъ становился (здѣсь) мягче, сѣрозеленоватаго цвѣта.

Aster alpinus.

Centaurea Sibirica.

Onosma simplex, бѣлые колокольчики.

Ирга деревцо, *Mespilus cotoneaster*.

Опять стланецъ стоячими слоями. Каменья густо обросли пластовымъ многолиственнымъ мхомъ, *Lichen pustulatus*. Цвѣли: *Arenaria saxatilis*.

Fipsophila muralis, стѣнное перекаати поле.

Androsace septentrionalis, сѣверный щитокъ.

Сивая рѣжуха, *Dryas octopetala*.

Обыкновенная вшивая трава, *pedicularis tuberosa*.

Lathyrus pisiformis.

Дорога въ горахъ. Рѣка Сямъ ударяетъ съ ужаснымъ шумомъ въ утесъ, свергается въ бездну и съ полверсты течетъ подъ землей. Пещеры.

Alissum montanum, Икотная трава.

Маленькой горошекъ съ желтыми цвѣтами.

Башкирская капуста, *Poligonum*.

Тонкостебловатый мохъ, *Lichen gracilis*, покрывающій здѣсь

камни, растеть выше фута. Съ нимъ вмѣстѣ растеть тоже большой кустовой мохъ, *lichen pixidatus*.

Aster Alpinus, горный звѣздець.

Каменонолтый ястребинець.

Богородская трава, *Serpilium*.

При Юрьюзенѣ между горъ тучные поля. Черноземъ. Живутъ Мещеряки, исправляющіе временами козацкую службу. Сѣютъ пѣньку, полбу и рожь, которые родятъ самдесять и даже самъ пятнадцать. Перелѣски зажигають. Лисиць, куницъ много. Тетервѣй также.

Благовонная ночная фіалка, *Hesperis sibirica*.

Есть огонь питающая гора. Изъ открытыхъ разсѣлинъ подымается беспрестанно тонкій, противу солнца дрожащій, жаркій паръ, къ которому нельзя прикоснуться рукой. Въ темныя ночи онъ кажется пламенемъ или огненнымъ паромъ на нѣсколько яршинъ вышиною. На другой сторонѣ Юрьюзена видѣнъ развалъ каменной горы, сквозь который изъ подземнаго истока бѣжить ручей Кургузакъ. Протекши сажень 60, низвергается онъ крутой стремниной въ Юргузенъ. Но и на семь краткомъ разстояніи есть четыре мельницы, принадлежащія Башкирцамъ. О мельницахъ и объ окол. много чудесныхъ расказовъ и вымысловъ. *Anemone narcissiflora*.

Заводы все желѣзные. Камень въ горахъ твердый, бѣло-красноватый песчанникъ. Дорога черезъ кряжъ, горный поясъ, назыв. Башкирцами собствено Уралътау. Высокія горы, покрытыя лѣсомъ, такъ мокры, не смотря на свое каменное состоянье, что при дождѣ образываються вдругъ топи на самомъ верху горы. Причина ходъ облачныхъ тумановъ и воздымающихся паровъ, которые къ возвышеннымъ лѣсистымъ горамъ имѣють теченье. Оттолѣ и рожденье множества озеръ при подошвахъ. Горы состоятъ изъ сѣраго, красноватаго и бѣлаго фельдшпата, или же изъ кварцоватаго дикого камня.

30 Мая переѣзжалъ главный хребетъ уральскихъ горъ. Въ право имѣлась высокая гора Юруктау. Дорога болотистыми го-

лыми погорками, перемежающимися сосновымъ и березовымъ лѣсами. Потомъ дурной каменистой путь между высокихъ горъ, дремучими лѣсами. Нечувствительный восходъ на вершина Урал-тая. Кречеты и ловчіе соколы. При спусканьи съ горы цвѣла повсюду *Daba Alpinus*, Алпійская рѣжа.

По всей южной сторонѣ Исетской провинціи простираются тучныя и плодоносныя степи, необыкновенно богаты здоровыми, сытными кормовыми травами. Тутъ то самыя лучшіе Башкирскіе лошади. (Есть) У рѣдкаго владѣльца табунъ меньше 500 лошадей, а есть и такіе, у которыхъ отъ 2 до 4 тысячъ. Лошади были бы еще сильнѣе, если бы не отнималъ у жеребятъ молока для кумыса. Держутъ Башкирцы и верблюдовъ, но въ маломъ числѣ. Береза больше подвержена громов. ударамъ, чѣмъ сосна. Терновый скрипунъ, земляная матка, *Cotyledon spinosum*, растетъ по солнеч. мѣстамъ горъ.

Мѣщанской разходникъ, *Sedum (sic) hybridum*, растетъ на такихъ же мѣстахъ.

Горы изъ порфирного камня. Ломка знаменитой мягкой яшмы, рудокрасноватой и блѣднозеленой. Толстыя слои ея стоятъ прямо, надъ ней красная глина. Громъ, дожди, разлитыя ручьевъ. Пошла дорога по уральской гривѣ березовыми, смоловымъ, липовымъ лѣсами. Отъ бывшихъ ливней почти все плавало въ грязи и въ водѣ. Подошва горы Юртишътау:

Жолтый горошекъ, *Orobus luteus*.

Кокушкины, *Surgipedium*, трехъ сортовъ: большіе багряноцвѣтные, жолтые душистые и двуцвѣтные.

Боярская снить, *Vupleugum longifolium*.

Круглоголовая вишвица, *pedicularis bulbosa*.

Чѣмъ больше подымались на гору, тѣмъ гуще окружалъ насъ туманъ, казавшійся издали густыми дождевыми облаками, по всѣмъ окрестнымъ горамъ воздымающимся, и который насъ сильнѣе дождя обмочилъ. Вершина Иртышъ тау, покрытая въ верху желѣзистою красною глиною, состоитъ изъ бураго, весьма крѣпкаго, сланца.

Открытая степь съ каменными пригорками. Разсыянные березы. Здѣсь исчезли горныя и лѣсныя травы:

Стародубка, *adonis arrepina*, употреб. въ народѣ для уничтоженія въ брюхѣ человѣч. плода.

Anemone narcifflora.

Стрѣлолистная гнилопашка, Прикрыть, *Cacalia hastata*.

Orobus luteus, горошекъ жолтый.

Lathyrus pisiformis, сплюснутый полевой горохъ.

Veronica longifolia, боярская снить.

Желтый перстовникъ, *digitalis lutea*.

Вмѣсто того начались:

Oenothera simplex. Бараній Пуповникъ.

Лѣсной шалфей, *Salvia nemorosa*.

Iris Sibirica. Пушнолиственный. Его плоды варячь въ Сябири для залечиванья ранъ. Погрѣшившія дѣвицы передъ свадьбой. ночью употребл. его для скрытья своего стыда.

Scorzonera purpurea.

Разные колокольчатые цвѣты.

Журавленики.

Различные чернобыльники.

Фарфоровая земля, извѣстная подъ именемъ Исетской глины, очень бѣла. Глинопромывальная фабрика. Далѣе земля черноземъ; подъ нимъ камень стоячими слоями. Повсюду холмики изъ чернаго черепичника. Плодоносныя поля. Хлѣбъ, котораго прошлый годъ не собрали по причинѣ засухи, теперь поднялся и былъ повсюду лучше засѣянного.

Valeriana rho, Полезный Болдырьянъ, иначе земляной ладанъ. по причинѣ душистого корня, который здѣсь даютъ дѣтямъ отъ разн. припадковъ.

Водяной шерстокожникъ, *Subularia aquatica*, цвѣтъ по болотнымъ мѣстамъ во множествѣ.

Множество дрохвъ паслось по полямъ и нивамъ. Красныя утки, по здѣшнему Варнавы, гнѣздились въ норахъ.

Челябинскъ. Главная крѣпость Исетской провинціи. Начало

Юня. Степь со множествомъ тучныхъ травъ и множествомъ желтыхъ комаровъ, бесконвпшихъ и людей и лошадей; воздухъ ими кишить у ручьевъ и озеръ, особенно въ жаркой день, при громовыхъ тучахъ на небѣ. Въ тростникахъ между множествомъ разныхъ утокъ есть черные какъ уголь большіе турпаны и савки, маленькія сѣрыя утки съ голубыми носиками, искусныя въ ныряньи, прячуть задъ весь въ воду.

Болотный пѣсочникъ, *Cineraria palustris*.

Песковатое урочище, прерываемое рошицами, вездѣ цвѣли: Синій звѣробой, *Dracosephalum Ruyschiana*.

Запья трава, *Phlomis tuberosa*.

Salvia nemorosa.

Пуповникъ, *Onosma simplex*.

Порѣзна, *Centaurea sibirica*.

Achillea odorata.

Каменный логъ. Берегъ каменный на нѣсколько верствъ. Камень въ немъ роговой черепичникъ. Въ немъ подальше, локтя въ два толщиной, стоячая жила, содержащая некрѣпкій камень бураго цвѣта, испещренный колчеданными блестками. Иногда являются въ роговой стланцовой породѣ маленькія кварцовыя прожилки, показывающія въ себѣ бурю золотистую обметку или охру. Растѣнья по камнямъ. Прекрасный родъ журавлиаго гороху, *Hedisarum saxatile*. Стебелекъ безъ листьевъ. Цвѣты колоскомъ.

Silene Mispicula, клейкая мухоморка, у соснов. лѣсовъ. Слюда съ проростью красныхъ гранатовъ. Посреди бѣлыхъ камней лежали кучами кварцовыя каменья, прозрачныя какъ самой лучшей хрусталь. Овражки и суслики, въ поляхъ тучный черноземъ.

Bunias съ корнемъ подобн. редкѣ. Ъдятъ и корень и стебли. Мѣста гористѣй, каменистѣй, лѣсистѣй и влажнѣй. Березнякъ, соснякъ, ельникъ, лиственничникъ, ясень. Цвѣли:

Bartsia, Сибирской цвѣтопологъ.

Нагорный трилистникъ, *trifolium alpestre*.

Пятилистяникъ, *lupinaster*, оба съ бѣл. и крас. цвѣтами.

Кукушкины слезы пестрыя, *Orchis fuscata*.

Orchis bifolia.

» *latifolia*.

Бѣлой колосникъ, *Satirum albidum*.

Марьяны башмачки большіе красныя.

» » маленькіе бѣлопестрыя.

Ligusticum peloponesiacum.

Heraclium двухъ родовъ.

Шумъ отъ молотовъ въ заводахъ. Чугоноплавныя домны, молотовыя. Каменныя возвышенія изъ твердаго извѣстняка, изъ опоки впрямъ стоящими слоями, покрыты лѣсами. Растутъ: *Veronica incana*, безъ сѣраго шерстистого моху.

Багульникъ, *ledum*, по турфу.

Andromeda caliculata, злѣшастная трава чашечная.

» *polyfolia*, востролистная.

Пурпуровый царской скипетръ, *Verbascum phoeniceum*, съ бѣло-красноватыми цвѣтами, подобными степному звѣробю, *Blattaria*.

Молочная трава морская, *Glaux maritima*.

Крѣпости, запустѣвшія укрѣпленья, неизвѣстно кѣмъ созданныя. Рудники. Желѣзнякъ въ пестрой глинѣ неперядочными ярусами и великими гнѣздами. Сей смуглый крѣпкій желѣзнякъ, состоящій изъ трестковъ и череповъ, иногда же перегорѣлымъ кажущійся, просѣдаетъ мягкими вохроватыми, но хорошими рудами. Медиплавильня съ двумя горнами.

Lilium martagon, Турецкая Сарана. Ея луковицы Башкирцы либо ѣдятъ сырыя, либо сушатъ на зиму. Она украшала цвѣтами плодоносныя поля, покрытыя березнякомъ, а также и пахатныя.

Дорога новой прорубью (просѣки въ лѣсахъ). Бѣловатый и темножелтый песчаный камень. Асбестовая гора и ломка асбесту. Бугры изъ чернозеленоватыхъ глиммеровъ, проселистыхъ гранатоподобными зернышками, которые сидятъ между сѣрымъ

дикимъ камнемъ, расчепленнымъ на толстые черепки и испещреннымъ небольшими асбестовыми крошками и нитями. Перистый асбестъ лежитъ глыбами отъ 3 до 4 пудъ величиною. Цвѣтомъ бѣлъ изъ сѣра, тяжелъ.

Близъ Гумешевского рудника, среди богатыхъ рудой глинъ, просѣдаетъ отъ юга къ сѣверу каменной поясъ изъ прекраснаго бѣлаго какъ снѣгъ, полупрозрачнаго мрамора, способнаго къ полированію. Крoвавикъ, сдѣсь составляющій большую часть желѣзной руды, видомъ или зеркальный, или вѣтками, или желваками, или щотками, въ промежкахъ наполненъ глиммеромъ, цвѣтомъ похожимъ на олово; чаще же просѣдаются промежки разсѣлины мѣдной зеленью. (О мѣди, мѣдныхъ рудникахъ, въ особомъ мѣстѣ).

Vupleurum longifolium.

Melampirum cristatum, отродокъ Ивана да Марья съ красными цвѣтостебельцами.

Carduus heterophyllus, Чертополохъ или Татаринъ особаго рода.

Имъ красятъ въ желтую краску, затѣмъ чтобы потомъ въ краску мареной, отъ того ярче цвѣтъ.

Opozna echioides, Бараній языкъ шереховато-лиственный.

Мраморная ломальня. Мраморъ лежитъ на ровномъ мѣстѣ огромными валунами. Деревня Горный щитъ. За 15 верстъ до Горнощитскій мраморъ лучшій изъ Сибирскихъ, хоть и сѣрый цвѣтомъ. Онъ лежитъ большими толстыми кабанамъ безъ всякаго соотвѣтствія одного къ другому. Золотыя промывальни, каменная вододѣйствующая точильня, водовымывальня. По лѣсу (изъ березъ и сосенъ) цвѣли:

Татарникъ разнолистный, *Carduus heterofyllus.*

Масленный дикой шафранъ, *Spicus oleraceus.*

Заячья кровля, *Ruuschiana.*

Блѣдный цвѣтопологъ, *Bartsia.*

Купальница, *leucanthemum.*

Турецкая сарана.

Аптекарская ромашка.

Горный любимецъ, *ligusticum pelopenesicum*.

Orchis latifolia.

30 Юня. Нейвянской заводъ. Деревня выстроена на двенадцать верстъ по объѣмъ сторонамъ пруда. Дворецъ Демидова. Церковь, колокольня 27 сажень вышины съ колокольною музыкой. Лавки. Домовъ до 2000, жителей одного мужеского пола болѣе 4000, болѣею частью раскольники. Для хранения чистоты улицъ каналы.

Одна изъ Доменныхъ имѣеть двѣ раздувальныя снасти о четырехъ мѣхахъ и въ сутки до 700 пудъ чугуна выплавляетъ. Кузницы дѣйствуемыя водою, молотовыя о двухъ трехъ и молотахъ и о двухъ и болѣе двойныхъ горнахъ. Плющильня. Плющильный молотъ съ горномъ. При плотильнѣ лѣсопильная мельница. Спуски почти не закрываются, вода съ ужаснымъ шумомъ и стремленьемъ льется. Пруды исполинскіе по 12 верстъ въ длину и больше 8 въ ширину. Всѣ желѣзныя выдѣлки совершаются тутъ же: котлы, горшки, сковороды, колокола, статуи, работы слѣсарныя и цѣликомъ экипажи, отправляемые въ Сибирь. Калина.

Саргеа, шиколиственная лоза.

Горной копытникъ, *Hedisagum alpinum*, лучшая изъ кормовыхъ травъ.

Сибирскіе кедры даютъ орѣхи. Красиваго вида, долголѣтніе, но растутъ необыкновенно тупо; дерево, будучи мягко, скорѣе гниеть, чѣмъ сосна. Асбестовая гора вздымается въ лѣсу на подобіе длиннаго, со всѣхъ сторонъ круто увалистаго, узкаго каменнаго хребта. Гора состоитъ изъ твердаго роговаго черепичника, котораго слои ломаютъ четверугольными плитами. Между слоями сей твердый родъ камня проросъ изобильно горной кожей. Возлѣ сей то кожи отыскиваютъ обыкновенно полосу шелковаго асбеста, который въ ломкѣ желтозеленоватъ и блещетъ струяся нитями.

Троицвѣтки, *Polemonium*, по сказанью сдѣшнихъ людей, служатъ отъ падучей болѣзни.

Запья трава, *Phlomis tuberosa*, отъ опухоли въ кишкахъ.

Прикрытъ, Царь трава, *Aconitum lycostonum*, отъ шуму въ головѣ.

Коровій языкъ, *Succisa*, растущій вышиной въ челоуѣка, отъ спячки и обмороковъ.

Cineraria sibirica, жолтый звѣробой.

Strepis sibirica, скерда.

Pirola rotundifolia, грушевка.

Asperula cynanchica, есмьянникъ.

Astragalus galegiformis.

Trientalis.

Лѣсной бальзаминъ, *impatiens*.

Ивнякъ, кедровникъ, пихтовникъ, соснякъ, ельникъ, топольникъ и прочій кустарникъ. Гора *Благодать* усѣяна вся соснами, доставляетъ богатую желѣзную руду на три завода; водятся соболи, росомахи, волки, медведи и (примѣчательный) красивый звѣрокъ Бурундукъ, съ пріятной шерстью, о ловлѣ котораго никто не заботится; Бѣлые кроты какъ снѣгъ и необыкновенно велики, черные змѣи съ бѣлыми брюхами.

Sonchus alpinus.

Moeringia и *Lipnaea*, на мокрѣйшихъ болотахъ обѣ.

Богульцы перенимаютъ все у Русскихъ. Заботятся о чистотѣ зубовъ.

Lichen fulvus, жаркой каменной мохъ, растетъ на камняхъ въ изобиліи; употребляютъ въ краску.

Деревушка. Крестьяне заняты были покосами. Бабы и дѣвки имѣли за собой возлѣ задницы по дымящейся жаровнѣ отъ комаровъ и мошекъ, горшекъ наполненный гнилымъ деревомъ. Куриво березовой наросли лучше всего прочего и не такъ вредно глазамъ. Безъ курева никуда не ходятъ; даже скоту кладутъ по загородамъ курево. Складка сѣна тоже примѣчательна. Такъ какъ оно, по причинѣ дождей, никогда не можетъ высохнуть, то не собираютъ его въ копны, но въ стожерди.

Извѣстковый камень слоями лежитъ прямо отъ востока къ

западу. Рѣка Тура съ ужаснымъ шумомъ бѣжитъ по сямъ каменистымъ мѣстамъ, называемымъ переборами. По надъ Лялою, какъ и надъ сѣверными рѣками, растутъ:

Великолиствен. Тавальникъ, *Spigaea*, отродье *Spigaeae chamaedri-folie*.

Кустарники изъ вишняку, терну, малины, смородины, крыжовнику и горнаго осняжнику.

По болотисто-лѣсистымъ ѣловымъ мѣстамъ:

Моховы ягоды, клюква, *Oxycoccus*.

Linnaea.

Stellaria ceratoides.

Меригія.

Дикій перецъ.

Разныя тальники, бузина, бѣлой курослѣпникъ, Можжевельникъ и жимолостникъ.

Отселѣ все мѣдныя рудники. Руды слѣдующихъ видовъ:

1) Превосходныя самородныя мѣдныя жилы, отчасти въ красномъ стеклорудѣ, отчасти въ кварцѣ различными видами изобразившіяся.

2) Богатая красномѣдистая извнѣ зеленымъ илорудомъ, какъ бы шелухою, обернутая.

3) Сильная мѣдозелень отчасти твердыми глыбами и желваками, а отчасти струистая и вѣтвистая, или на охрѣ и другихъ рудахъ накипѣвшая.

4) Блѣдная и высокаго зеленаго цвѣта руда, ломкостью и хрупкостью подобная изгаринѣ, по нѣжному виду можетъ назваться мѣдостекломъ.

5) Черная смоляная руда такого жъ стеклянаго вида, но крѣпче и тяжелѣ.

6) Смѣшенныя голубыя лазоревыя руды.

7) Смуглой, темный и свѣтлокрасноватый мѣдный сошнякъ, также желтая охра либо съ мѣдноцвѣтомъ, либо безъ онаго.

Дождь все обмывши заставилъ блистать обрывы и уло . . . всѣми цвѣтами.

Березнякъ на мѣсто выгорѣвшаго смоляного лѣса. Сосны.

Cinergaria Sibirica, Сибир. пѣсочникъ.

Sonchus » Сибир. чистотѣль.

Пионы съ разрѣзн. листьями.

Горный талень, *Phaca alpina*.

Марьянъ корень, лѣкарственная.

12 Июль. Съ высокихъ мѣстъ показались свѣжныя верховья сѣвернаго уральскаго пояса. Лиственничное дерево полезно на мосты, ибо въ водѣ не гниеть.

Горный Ампрыкъ, *Arbutus Alpina*, вкусныя сладкія ягоды.

Княженица, *Rubus arcticus*.

Морошка, *Chamaemorus*.

Каменица, *Saxatili*.

Жимолость голубая, *Lonicera coerulea*.

Дикія розы.

Волнистый чижевникъ, *Cytisus pilosus*.

Калина и ясень.

Магнитная гора. Сѣрый дикой горникъ въ видѣ торчащихъ камней.

Бердышная милоснь, *Casalia hassata*.

Вшивая трава выворотная, *Pedicularis resupinata*.

Pedicularis tuberosa. Она же шишковатая.

Август. 1. Сибирская бѣлая буква, *Teucrium sibiricum*.

Время все по прежнему дождливое, какъ и все лѣто. Рѣчка Таволга, названная отъ кустарника, изобильно по ней растущаго. *Anthemis tinctoria*, во множествѣ по нивамъ и сѣнокосамъ.

Въ песчаникѣ разсѣлины и при оныхъ кварцовыя прорости съ проседающими хрустала. Трепель иногда въ водѣ слоями, изверленъ на подобіе каменной опоки, цвѣтомъ дымчатъ и жолтъ съ палевыми прожилками, какъ бы окаменѣлое сосновое дерево. Пшеница въ мѣстахъ надъ рѣк. Пышмою и Исетью родить самъ 15 и даже 20.

Венечная серпуха, *Sarratula coronaria*.

Spicus spinosissimus.

Artemisia dracunculus.

» *Tanacetifolia.*

Простой подорожникъ съ красн. цвѣ.

Melampyrum cristatum, Иванъ да Марья.

Копытникъ горный, *Hedysarum alpinum.*

Козелець, *Onobrychis.*

Змѣвикъ, *gentiana cruciata.*

Pneumantae.

Amarella.

Колокольчики различн. родовъ.

Желтокорень, *Statice Tatarica.*

Морская лебеда, *chenopodium maritimum.*

Eringium planum, синеголовникъ.

Татарникъ перестрѣльный, *Echinops Ritro.*

» зубчатый, *odontites.*

Лизунъ, *Allium natans.*

Trifolium, отмѣнный цвѣтъ.

Statice speciosa.

Achillea nobilis.

Uva, водяной круглый зеленый Галертъ, называемый иначе сливянымъ мохомъ, *Uva pruniformis.*

Atriplex portulacoides.

Sonchus maritimus.

Centaurea moscata, чертополохъ съ запах. бобр. струи.

Черноголова, *Silaus.*

Дикой кропъ, *Pevcedanum.*

Ritro.

Благовонныя полыни различн. родовъ.

Переправившись черезъ рѣку Уй, подавались мы все далѣе въ степь. Картинно разсѣянныя березовыя рощицы. Благовонныхъ растоптанныхъ полыней и подорожниковъ, изобильно землю устилающихъ, наполняли воздухъ.

Scabiosa stellata.

Кавыль, *Stipa capitata.*

Veronica incana, сѣрая буквица.

Серпочникъ, *Falcaria*.

Перечникъ широколиств., *Ieridium latifolium*.

Aconitum pyrenaicum, горный прикрытие.

Scabiosa silvatica, лѣсная грудная трава.

Sanguisorba, савина стрѣла.

Тысячелистникъ съ алыми цвѣточками.

Pupleugum ranunculoides.

1 Сентября. Прилетѣть птицъ съ сѣвера на здѣшнія степи, гдѣ есть и кормъ, и озера, и даже трава подсе. . . кошечій хвостъ. Весной они тоже дожидаются здѣсь, пока не вскроются сѣверныя рѣки. Сѣверный гусь, Ледовитая утка (*Anas hiemalis*), большіе пестрые гагары, бѣлые свѣжные гуся отлетаютъ. Остаются же на здѣшнихъ озерахъ Большіе дикіе гуся, хохотуны, утки, пестрые и бѣлые журавли, различныя цапли, кулики.

Растѣнія, изпещрявшіе ящичную степь весною, собранныя студентомъ Соколовымъ.

Бѣлоцвѣтный попутникъ, *Plantago albicans*.

Каспійск. бѣлая лилея, *Scinum caspicum*.

Ornithogalum bulbiferum, Луково птичье гнѣздо.

Bulbocodium vernum, вешній нарцисъ.

Tulipa gesneriana.

Приморская сосенка, *Asparagus maritimus*.

Huosciamus pusillus, крошечный сонникъ.

Onosma orientalis, румяница восточная.

Sachys, новый размаринъ.

Сибирская мокрица, *Cucubalus sibiricus*.

Большая рѣжа, *Androsace maxima*.

Лютякъ серпоносный, *Ranunculus falcatus*.

Гвоздика пушистая, *Dianthus carthusianorum*, очень мала и неплодна.

Orobanche serena major, Горохоядъ большой и согнувшійся.

Lamium multifidum, глухая крапива съ разр. листомъ.

- Cheiranthus sinuatus*, Левкой выемчатый.
 » *littoreus*, » набережный.
 » *chius*, хійской рукоцвѣтъ.
Lepidium perfoliatum, Дикой крессъ.
 » *bonaniense*.
Biscutela didyma, двучашечные близнецы.
Astragalus vesicarius, Стручковая трава пузыристая.
 » *sarpinus*, » » козья.
 » *depressus*, » » наклоненная.
Змѣвникъ малородный, *Scorzonera pusilla*.
Устелишле, *Ceratocarpus*.
Степная малина, *Ephedra monostachya*.
Serratula caspia, Каспійск. серпуха.
Salsola oppositiflora, Солянка съ противустоящ. цвѣтами.
 » *lanata*, » шершавая.

Растѣнья, встрѣченныя лѣтомъ тѣмъ студентомъ.

- Сухая высокая Донная трава, подобная Итальянской, растетъ изобильно по пескамъ.
Anthirrhinum junceum, ситниковой жабрей.
Tragopogon villosus, шершавая козлова борода.
Corynephorum squarrosum.
Нурсорhillum.
Иртышскій укропъ.
 Торлокъ, названіе калмыцкое, *Pterococcus aphyllus*. Изъ шишковатого сего кустарника пня калмыки вырѣзываютъ маленькіе курительные трубки. Если разрѣзать корень, то изъ него истекаетъ свѣтлая камедь.

Чаканъ, его корнемъ питаются дикіе кабаны.

Камыши, дикій укропъ. Многочисленныя бабы, хохотуны, морскіе вороны, цапли, выющіе безопасны въ нихъ гнѣзда. Дикіе свиньи. Малиновое озеро, красного цвѣта отъ солей. Соли и соляныя озера вокругъ Челябинска. Октябрь. Довольно сносная осень. Морозы. Наступила зима, впрочемъ, не жестокая.

Снѣгу было много, особенно наиболѣе выпало его отъ половины Генваря до половины Марта. Поѣздка въ Тобольскъ въ Декабрѣ съ возвратомъ къ (новому году) въ Челябинскъ, гдѣ было зимовье. Годъ 1770 кончился.

Замѣчанье о гречихѣ въ Исетской провинціи.

Около р. Исети, по мѣрѣ какъ приближаешься къ Тюмени, сѣютъ мужики множество гречихи и обыкновенной и сибирской, кой семена получаютъ изъ Красноярска чрезъ Тобольскъ. Земля здѣсь черноземъ. Сѣютъ послѣ 9 маія, и то изрѣдка. Однакожъ за всѣмъ тѣмъ Нива угубжается симъ семенемъ лѣтъ на пять или на восемь и приносить чрезъ сіе время по крайней мѣрѣ пятнадцатое или десятое зерно, не требуя сѣянья вновь сѣмятъ, и сіе бываетъ по причинѣ, что во время снятія пашни выпадаетъ зеренъ довольно. Оно подъ снѣгомъ лежитъ невредимо, а весною, вспахавъ ниву одинъ разъ, родить она новую жатву и продолжается, пока земля откажется отъ плодовитости. Молотятъ ее тутъ же на полѣ. Солому, не отвозя въ жилища, жгутъ на мѣстѣ. Сообразя и то, что Гречу косятъ, а не жнутъ, нѣтъ ничего выгоднѣе ее для сибирскаго народа лѣниваго: по причинѣ такой безтрудности она очень дешева.

1771.

Челябинскъ. Исетская провинція плодороднѣйшая изъ всей Оренбур. губерніи. Травъ множество; удобна для разведенія садовъ. Огородные растѣнья велики необыкновенно, особливо бѣлая рѣпа. Конные заводы, овцы и рогатое скотоводство выгодны въ сильной степени. Верблюды, удобно здѣсь разводимы и питаемы, могли бы составить еще болѣе важный предм. торговли съ азіатскими народами. Рыбныхъ озеръ много. Притоновъ для дичи также. Климатъ очень здоровъ. Крестьяне жи-

вуть по 100 лѣтъ. Лихорадки и цынга только тамъ, гдѣ гнилыя озера и болоты.

Въ исходѣ Марта вскрылись рѣки. Около 7 Апрѣля они стали уже вступать въ прежніе предѣлы. 10-го зацвѣла Сибирская вѣтреница, *Anem. patens*, *draba vegna*, и птички, водящіяся только въ одной Сибири, родъ жаворонковъ.

Сибирская вѣтреница повсюду кустами. Цвѣтетъ не синимъ цвѣтомъ, но блѣдножелтымъ бѣловатымъ и красноватымъ. Распускаются при восходѣ солнца, наклонившись къ востоку, и оборачиваются такимъ образомъ по теченью солнца. До педь до заката, становится впрямъ, свертываются и остаются во всю осень опять до возхода. Въ холодную, пасмурную и дождливую погоду они совсѣмъ не развертываются.

Adonis arapina, стала цвѣсти. *Adonis vegna*, отцвѣла.

Salicornia herbacea. *Potamogeton marinum*.

Поле желтѣло отъ Сибирск. вѣтреницы.

Chenopodium maritimum.

Соль, на подобіе рыхлаго снѣга или сахарной пыли, нерѣдко дюйма на два толщиной, устилаетъ землю и, расходясь по стеблямъ соленыхъ растѣній, облѣпливаетъ ихъ болѣе чемъ на палецъ толщиной. На которомъ мѣстѣ соль высохнетъ, тамъ она лежитъ, какъ самая чистѣйшая мука, и уносятся вѣтрами. Нигдѣ не находится кристаллами, но въ семь простомъ бѣломъ, на подобіе каши, видѣ выходитъ она на поверхность земли и, если не успѣетъ высохнуть, растаеваетъ.

Въ рѣкѣ Тоболѣ рыбы достигаютъ большаго роста. Плотва бываетъ въ $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ аршина. Язи также. Чебаки, пискари и ѣрши и вкусны и велики. Водяной дичи бездна въ окрестностяхъ топкихъ и на самой рѣкѣ. Большіе бѣлые журавли.

Линіи крѣпостей отъ киргизскихъ набѣговъ. Все соленыя мѣста и озера.

Pedicularis incarnata.

Cytisus pilosus, мшистой ракитникъ.

Spiraea crenata, бѣлоцвѣт. таволжникъ.

allium anquilatum, дикой чеснокъ.

» *putans*.

» *obliquum*.

Pulmonaria.

Высокое поле. Курганы. Малорослый березники. Вдали низменность, искривленное озеро. Кочки, повсюду поросшіе, от множества муравьевъ. Они малы, цвѣтомъ свѣтложелты, гнѣзятся даже въ деревян. строеніяхъ и даже въ крст. избахъ. Безвредны и переводятъ клоповъ. Красивыя синички съ оранжевой грудью, черной спиной, головой и хвостомъ.

Androsace septentrionalis.

Glechoma hederacea.

Iris pumila.

Множество кургановъ и могилъ. Гдѣ кучами могилы, тамъ обыкновенно бываетъ высокая, растѣньями изобильная, сухая степь, отколѣ курганы видимы далеко. Вблизи ихъ пріятныя березовыя рощицы и видъ на югъ или востокъ къ пріятной обширной низменности, на которой находится озеро или большія извилины текущей воды.

Багряная шшивая трава, *pedicularis incarnata*.

Holcus adonatus, бѣлая вѣтреница.

Cineraria Alpina.

Май.

Бѣлые журавли лебединой бѣлизны. Далеко видятъ, по причинѣ высоты своей (5 футовъ). Осторожны, осмотрительны. Какъ бы далеко ни завидѣли человѣка, поднимаютъ лебединой крикъ и улетаютъ. Но гнѣзда свои защищаютъ отважно и отчаянно, кидаются съ яростью на собакъ и дѣтей. Кожа, носъ и ноги красные. Иначе назыв. бѣлые стерхи.

Летяги. Лѣсной звѣрокъ вьетъ гнѣзда въ дуплахъ деревь, перескакиваетъ по 20 сажень. Во время прыжка разпираетъ кожа ногами, растопыренными врозь, и такъ носится по воздуху съ помощью широкаго хвоста, дѣлая произвольныя направленія. Летѣть горизонтально не можетъ, но съ верху внизъ. Когда ла-

зять по березамъ, трудно ее, по причинѣ цвѣта кожи, отличить отъ коры на деревѣ.

Зной былъ силенъ. Теплый вѣтеръ, дующій съ юга, подымалъ множество соли, засоряя ею глаза. Около ночи по всему камышному острову раздавался ужасный крикъ разныхъ водяныхъ птицъ. Лебеди, утки, цапли, нырки, горлицы и другіе, одна за другой, до самой полуночи кричали, и наконецъ горлица заключила весь крикъ. Уже во второй разъ предозвѣщаютъ морозъ. Таволожникъ, *Spirea Crenata*.

Бараний языкъ, *Oposma simplex*.

Пурпур. солнцева сестра, *Scorzohera purpurea*.

Цвѣтная горчица, *Erysimum cheirantoides*.

Thesium linophyllum.

Astragalus onobrychides, козья стручок. трава.

Pedicularis comosa, волосистая вшивица.

Aster Alpinus.

Crataegus oxyacantha, боярыня.

Калинникъ.

По дорогѣ въ полномъ цвѣту и въ великомъ множествѣ попадался серебрянникъ развилыстый, *Potentilla bifida*, а пзъ птицъ особаго рода жаворонокъ съ желтой головкой, не летаетъ такъ высоко. Песчаная по сю сторону Иртыша степь значительно обогатилась цвѣтами (22 мая).

Кановка малютка, *Alissum minimum*, отцвѣла.

Alissum montanum, икотная трава.

Nesperis sibirica, благовон. ночная фіалка.

Myosotis scorpioides.

Lapula.

Запья трава, *Phlomis tuberosa*.

Польнь понтійская.

» бурая морская. Ее любятъ Сайгаки, сдѣсь водящіяся во множествѣ.

Берега рѣки Иртыша (дорога по надъ берегомъ) высоки, песчаны, мѣстами солоноваты, покрыты цвѣтами дикой вайды.

Стрыжи здѣсь въ необыкновенномъ множествѣ. Гнѣзда ихъ находятся въ столь невѣроятномъ множествѣ вмѣстѣ, что если, стоя на берегу, ступишь ногою покрѣпче, то они вылетаютъ цѣлыми стадами и, такъ сказать, какъ комары, на воздухѣ играютъ. Форпосты и станицы.

Степная малина, *Erhedra monostachia*.

Gypsophila paniculata, коленчатое перекатиполе.

Cotyledon spinosa, скрыпунъ. Его листья кисл. ѣдятъ.

Iris spigia, пяскульникъ.

Льянка, *Thesium*.

Brassica campestris.

Campanula sibirica.

Arabis thaliana, Турец. кресса.

Далѣе повсюду одна песчаная степь, составляющая крутые берега Иртыша. Попадаютъ однако же на другой и на этой сторонѣ рѣки низменности, обросшіе осокою, осиною, тополю, ясеню и разнымъ кустарникомъ.

Potentilla subcaulis.

Atraphaxis, кустарная греча.

Axuris cerastoides, Бѣлолозникъ татарской кустоватый.

Hedysarum grandiflorum.

Iris salsa, блѣдножелтый сабельникъ.

По берегу кустарники: терновникъ, топольникъ, березникъ и кизильникъ.

Перечникъ, Зиѣвникъ особливо душистой.

Солотковой корень съ шероховатыми стручьями.

Дикая спаржа во множествѣ, отличная, толщиной въ большой палецъ, посреди сѣнокосовъ.

Отсюда открытая степь; по ней ни одного кустика. Вѣтромъ нанесенные песчаные холмы. Изрѣдка показываются:

Колосникъ.

Двойная польнь.

Кустарный подорожникъ, *Atraphaxis*.

Песчаный стручковый горохъ, *Astragalus arenarius*.

Opozma eschioides, бараний языкъ шероховатолиственный, гдѣ песокъ подтверже.

Сибирскій ластовичный корень, *Asclepias sibirica*, родъ дикихъ фіалокъ.

Нагорный левкой, *Cheiranthus montanus*, почти тоже.

Scarzonera, Змѣвникъ съ жилистыми листьями. Ее киргизы употреб. въ пищу.

Glaux villosus. Млечникъ.

Tragorogon villosum, Мохнатая козлиная борода.

Въ лѣсной низменности на Иртышѣ и на островахъ водятся маленькіе птички Ремезы, желтогрудыя овсянки, красивый красный дурачокъ, *loxia Erythrina*. Отсюда опять соленые степи, покрытыя *Iris salsa*.

Соляная полынь.

Frankenia hirsuta.

Statice suffruticosa.

» *reticulata*.

Кустоватыя солянки обоихъ родахъ.

Портулакъ.

Соляной гулявникъ. *Sisimbrium salsugineum*.

1 Юня.

Станицы по прежнему но расстояніи 30 верстъ. . . Иртышъ составляетъ различныя острова. Вся страна сыра. Воздухъ весь наполненъ комарами. Опять соленыя озера и солончаки. Соляныя растѣнья въ большомъ изобиліи. Высокія мѣста покрыты, степи покрыты тѣмъ же поростомъ, lichen, какъ и уральскіе. Соляныя земли покрыты сверху мѣлкимъ пѣскомъ. Если ихъ взроешь, ничего не найдешь кромѣ черной тины. Вишневое соленое озеро. Иртышъ излучистъ, и отъ того дорога отъ него часто отдалается. Курганы. Высохшія горько соленыя озера и болоты. *Samphogoma monspeliaca*.

Atriplex portulacoides, Ирть портулаколистная растиается по землѣ.

Солодковое дерево повсюду съ корнями въ дюймѣ поперечника.

Берегъ Иртыша близъ Черноярской станицы черноземъ. Овода показались въ величайшемъ множестве, муча и людей и лошадей. Когда же сіе насѣкомое съ закатомъ солнца скрывается, то наполняется воздухъ комарами на подобіе ниспадающаго тумана. Комары и оводы здѣсь ядовиты. Зловредный гноющій пузырь надувается отъ ужаленія. Причина, полагаютъ, та, что садятся на всякую гниющую падаль. Полоса Бугровъ, подъ именемъ 9 бугровъ; на нихъ въ избылѣ травы:

Лазоревый горохояръ, *Orobanchе coerulea*.

Василькоподобный татарникъ, *Carduus cyanoides*.

Serratula centauroides, Серпуха чертополошная.

Cucubalus otiles, куколь.

Cheiranthus montanus.

Asclepias sibirica.

Anemone pulsatilla.

Onobrychides physodes, Чилчашная трава.

Convolvulus fruticans.

Маленькіе дикіе розы.

Благовонный перешникъ.

Грунтъ песчаный и на буграхъ. Осока, придорожная малина и вилишняя солянка, сплетаясь корнями, не даютъ пѣску разсыпаться. По дорогѣ валяется непрерывно мертвечина отъ палыхъ лошадей; воздухъ вонючъ и заразителенъ. По форпостамъ выстраиваютъ себѣ хорошіе дома комисары соленого вѣдомства, подрядчики, поставщики соли и управляющій форпостомъ подполковникъ. Опять соли и горько-соленыя озера. Тросники и слѣдующіе между многими другими травы:

Заманиха, *nitraria*.

Приморскій лапушникъ, *Plantago maritima*.

Chenopodium maritimum.

Salsola hyssopifolia.

» *pilosa*.

» *oppositifolia*.

Peucedanum silaus, черноголовый дикой укропъ.

Santolina Anthemoides.

Salicornia strobilea, вербейникъ кустоватый.

» *foliata*.

Atriplex halimata.

Корьяковское соленое озеро; бѣлый видъ. Озерная соль покрываетъ все дно озера черепомъ въ ладонь толщины и состоитъ изъ хрусталиковъ кухонной соли. Находящійся на днѣ черепъ колютъ ломами и вывозятъ соль изъ озера лошадьми на телегахъ. Черепъ весной отъ сырого времени распускается и отъ таянья снѣговъ. Опять издали краснѣющія кровавыя озера. Берега, обросшіе жидовникомъ, *Poligonum oscreatum*.

Растѣнья, удерживающіе песокъ.

Axiris ceratoides.

Centaurea sibirica.

Астрагалъ особаго рода, котораго коренья ползають бесчисл. переплетенными нитями и составляютъ бугры во множествѣ.

Низменная, совершенно соленая, яловатая равнина. На ней соленые травы:

Robinia Halodendron, гороховое дерево.

Anabasis Aphylla.

Salsola pilosa.

» *oppositifolia*.

» *clavifolia*.

Lepidium latifolium.

Dodartia.

Peucedanum silaus.

Glicirrhiza Hirsuta.

Множество тюльпановъ дикихъ, уже отцвѣтшихъ.

Водятся зеленые зайцы, ростомъ меньше чокушки. На Иртышѣ козакъ ихъ называютъ Табарганчиками. Встрѣтили множество малой саранчи, которая по всей степи кучами ползала; полосы въ 50 и 60 сажень совершенно до черна были ею по-

крыты. Она всю обложила степь, все сожрала и самый молочай, оставила только старые полынные стебли да жаркоострую вѣтреницу. Сдѣсь она, сказываютъ, размножается всякій годъ въ такомъ количествѣ.

Atriplex Halimus.

» *Portulacoides.*

» *maritima.*

Устелиполе, *Ceratocarpus agerarius.*

Salsola oppositifolia, здѣсь необыкновенно велика и нелюбима саранчою. Гдѣ оно, тамъ саранчи нѣтъ.

Фіалка, *Cheiranthus sinuatus*, во множествѣ на холмахъ, листья съ выемками, съ поспѣвшими стручьями, составляютъ совсѣмъ круглый кустъ, который, сламываясь вѣтромъ, мчится по полямъ.

Phlomis tuberosa, Калмыцкіе орѣхи.

Cochlearia draba.

Берега Иртыша становятся гористѣе. Великое множество каменныхъ скворцовъ розоваго цвѣта летаютъ стадами, гоняются за саранчей или садятся между пасущимися стадами. Водятся по каменнымъ ущельямъ и пещерамъ береговъ. Естественныя испытатели называютъ ихъ *Turdus roseus*, *Merula rosea*. Ради Саранчи водится ужасное множество Грачей, гуляющихъ по степямъ стадами. При всемъ томъ не могутъ истребить, въ половинѣ Іюня едва одинъ зеленый стебель остается во всемъ полѣ. Отъ Грачей получилъ имя Грачевскій форпостъ. Теплая долина къ югу, окруженная съ сѣвера горами, съ благоравстворе воздухомъ весны.

Salsola soda.

Chondrilla juncea, Волчій молочайникъ сытовниковидный.

Киргизская лютня о двухъ струнахъ изъ лошадиныхъ волосъ на звонкой доскѣ. Когда поведешь по нимъ смычкомъ изъ лошадиныхъ же волосъ, изходитъ звукъ, подобный лебединому крику, такъ какъ и инструментъ имѣетъ видъ лебедя.

Бдучи по каменнстмъ горамъ (день 15 юня былъ жарокъ) сухимъ, умножающимъ солнечные лучи, ничего другого не видалъ, кромѣ кустовъ дикихъ розъ, таволги и кустарныхъ колокольчиковъ. Долина; на ней:

Spinacia fega, дикой шпинать.

Atriplex laciniata.

Lepidium perfoliatum, перечникъ.

» *Ceratocarpon*.

Вохрянной яръ. Большая гора, изобилающая разноцвѣтными глинами и преимущественно желтой землей. Краски неуступающія въ нѣжности Англійскимъ.

Крѣпость Семипалатная. Пещаные холмы, въ сосновой рошѣ ничего кромѣ пѣсчанаго тросника, искополистнаго корисперма, хондриллы, дикого морковника и немногихъ вышеупомянутыхъ пѣщаныхъ растений. При источникахъ же ключей растутъ кусты разнаго жимолостника, по коимъ обвивается восточный клематисъ и во множествѣ дикой конопель.

Шулбинской Боръ. Берега Иртыша становятся весьма высоки и каменнсты. Нижнй каменнстый слой (черноват. сланецъ) покрытъ пѣскомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма крупнымъ. *Степная малина*, поросшая по немъ, убирала красиво весь берегъ своими розовыми ягодами. Нигдѣ ее не было столько. По всему краю Шулбинскаго бора бьютъ изъ берега ключи и текутъ въ Иртышъ. При источникахъ растутъ между кустарниками множество водяной мяты, дикаго конопля, хмѣля и восточной клематисы, оплетающей по деревьямъ. Тополевые благовонные деревья по низменности и по островамъ. Оно красиво; его называютъ рай дерево. Жимолость растетъ здѣсь большими деревьями. Изъ кустарниковъ: Пищальникъ. Изъ травъ растетъ дико простой Иссопъ, здѣсь называемый синимъ звѣробоемъ. Хребетъ вавилонскіе горы съ разрытыми могилами изъ набросанныхъ камней. Около нихъ кустами росъ железнякъ. Слѣпошуръ травистый.

Echinos histro.

Малыя заячы ушки.

Robinia sagapana, гороховое дерево.

» *frutescens.*

Spirea chamaedrifolia, дуболистная таволга.

Прочіе кустарники душистая осоколь, крушина, черная, красная смородина, Гороховникъ, железякъ, различные роды дикихъ розъ и земляника.

На болотахъ растетъ въ изобиліи роза *Pimpinellifolia.*

Благовонная бѣлая ясеница у подошвъ горъ.

Rosa Alpina.

Valeriana sibirica.

Veronica pinnata.

Лукъ лѣсной, Бутунъ, какъ его называютъ туземцы.

Вострая мохнатая сопка состоитъ изъ лежащихъ другъ на другѣ гранитныхъ кабановъ, но покрыта кустарниками вся козацкимъ можжевельникомъ. Удивительно извилистые стебли сего растѣнія распространяются по утесамъ и, такъ сказать, прилипаютъ къ камнямъ. Запахомъ, цвѣтомъ схоже съ Кедромъ Ливанскимъ, съ той разницей только, что извилисто, сучковато и немного больше руки толщиной. Крѣпко необыкновенно. Годно къ токарной работѣ. Ему имя.

Juniperus Lycia.

Красноватый терновникъ, весьма сладокъ, сходствуетъ съ такъ называемымъ плотнякомъ, *Uva crispa.*

Silene suffruticosa, кустарный куколь.

Куколь твердостебельный.

Кутызлыкъ, *Polygonum.*

Дикій чеснокъ, *Alium nutans.*

Прямолиственный, » *lineare.*

Углолистный, » *angulosum.*

Cotiledon spinosa.

Sedum libridum, молодильный выродокъ.

Sibbaldia erecta.

Strepis tectorum.

Болотнянка, *Ziziphora capitata.*

Коперъ сѣбнокурникъ, *Wupleurum ranunculoides.*

Бабарская пещаница.

Обратная льнянка, *Antirrhinum supinum.*

Antirrhinum genistifolium, льнянка дуболистная.

Veronica pinnata.

» *montana.*

» *canescens.*

Dianthus inodorus.

Potentilla bifida.

Auricula leporis minima, заячьи ушки малые.

Льнянка широколистная, *Clematis.*

Одноцвѣтные колокольчики, *Campanula lilifolia.*

Lavatera Thuringica.

Вшивая трава, *Pedicularis.*

Коперъ, *Peucedanum.*

Осогъ, *Hieracium sabaudum.*

Золотовласникъ двуцвѣтный, *Chrysosome biflora.*

Strepis Sibirica, Сибирскій Осогъ.

Strepis dioscoridis.

Artemisia Alpina.

» *tanacetifolia.*

» *annua.*

Юль 21. Змѣева гора. Камень сланецъ. Руды розсыпью и гнѣздами между роговымъ камнемъ, сѣрымъ сланцемъ, сребристы съ лазурью, разноцвѣтны, вмѣщаютъ сребрист. рудо-желтый свинецъ, бѣлый свинц. шпатъ, небольшіе друзы прекрасной кристаллической лазури, иногда золотые крупинки. Шахта пробита въ глубину на 19 сажень. Гористой лѣсъ съ густымъ подлѣскомъ, откуда Змѣигородская крѣпость запасается дровами. Красная смородина имѣетъ сдѣсь ягоды величиной почти съ виноградъ. Растѣнія:

Spicus oleaceus, рѣпишникъ ѣдомый.

» *sepius*, наклонный.

Болотникъ съ копьевид. листьями, *Cacalia hastata*.

Senecio sauranicus, Осотъ сарацинской.

Crepis sibirica, скерда.

Serratula coronaria.

» *Alpina*.

» *Multiflora*.

» *arvensis*.

Heracleum sphondylium.

» *sibiricum*.

Дудочникъ пелопонескій, *ligusticum peloponesiacum*.

Angelica silvestris.

Delphinium elatum.

Царь трава, *aconitum licoctonum*.

Прикрытъ, *parellus*.

Прострѣлъ (*rugosaicum*).

Большой прикрытъ, *Antora*.

Желтяница, *Thalctrum flavum*.

Желтая лавей, *lavatera Thuringica*.

всякіе колокольчики.

Trollius asiaticus.

Черноватый колчеданъ въ большихъ друзахъ добывается въ шахтахъ, и въ немъ руда. На противулежащихъ горахъ, называемыхъ ревенными, растетъ ремень. *Rheum undulatum*, ралонтикъ. Толстая колчеданная жила лежитъ на полночь; въ сѣромъ стланцѣ, изъ котораго состоятъ вся гора и который принимаетъ на воздухѣ прекрасный алыи цвѣтъ, оказывается блѣдный колчеданъ, въ одномъ пудѣ котораго находится пять фунтовъ мѣди и ползолотника серебра. Много оставленныхъ рудниковъ. Страна становится прекрасно. Растѣнья этой отрасли Алтайскаго хребта богаты. Красу полей составляли цвѣты Проскурняка со смоквовидными листьями, *Althea figifolia* и *Lavatera Thuringica*. Около ночи былъ слышанъ крикъ земляныхъ зайцовъ, и покуда совер-

шенно не смерклось, раздавалось явственно хриплый продолжительный голос сѣрыхъ змѣй, обитавшихъ тамъ во множествѣ.

Семеновскій рудникъ со Змѣевой горой наввыгоднѣйшій. Гора состоитъ изъ сланца, къ Роговому камню принадлежащему. Руды лежатъ въ ужасныхъ гнѣздахъ. Пешаная руда, почти флюэобразная, совершенно наружѣ, подъ которою сѣрый сланецъ, а за тѣмъ слѣдуетъ охровая руда, которой сила и разширѣнiе еще неизвѣстно. Возлѣ сего лежитъ колчеданъ также гнѣздомъ, который едва стрельбою достать можно, и лежащею жилою имѣеть сланцовый вапъ. Онъ бураго и блѣднаго цвѣта, въ работѣ даетъ отъ половины до полутора золотника серебра и отъ 4 до 5 фунтовъ свинцу съ пуда.

Пыщаная просѣдшая и кварцомъ проникнутая руда даетъ отъ 8 до 10 фунтовъ свинцу и въ немъ отъ 1 до 2-хъ золотн. серебра. Обыкновенная бурая *охровая* руда отъ 8 до 10 ф. свинца и до 3-хъ золот. серебра. Попадаются какъ въ пѣсскѣ, такъ и въ охрѣ прекрасныя друзы лоску, кои до 20 фунтовъ свинцу и нѣсколько золот. серебра приносятъ, но они рѣдки. *Тамже* жила изъ смѣшаной мѣдной руды, свѣтлаго рудожелтаго свинца и охры. Между добываемыми оттуда рудами находятъ колчеданные черноватые друзы, внутри коихъ показывается часто чистая мѣдь. А на наружной зеленой скорлупѣ нѣжноналетѣлые листочки чистого серебра. Рогослонцовые руды въ тѣхъ же рудникахъ наруж. часто бываютъ засыпаны прекрас. кубиками Маргазита. Изрѣдка попадаетъ въ колчеданныхъ рудахъ и чистое серебро. Наибольшая часть чистаго серебра показывалась въ разсѣлинѣ, которая идетъ черезъ охровую руду. Она состоитъ изъ крѣпкаго желѣзистаго, весьма разсѣлистаго охрового камня, цвѣтомъ то темнаго, то изсвѣтло темнаго, иногда же желтого и разсыпного. Всѣхъ богаче тотъ, который бураго цвѣта. Во всѣ разсѣлины сей отвердѣлой охры налетѣло и ихъ наполнило чистое сербро. Но сіе серебро, при прекрасномъ бѣломъ лоскѣ, раздѣлено на самыя тонкія частицы. Лежитъ въ разсѣлипахъ частію примѣшенное къ рыхлой охрѣ, частію такъ,

какъ самый тонкій иней, ниспадающій весною на траву, частію такъ, какъ самый рухлый и различные звѣздочные виды принимающій свѣгъ, и частію какъ высохшая легкая пѣна такъ налетаетъ, что тонкія и почти пыли подобныя зернышки серебра при ковкѣ или просѣваніи штуфъ по большой части выпадаютъ такъ даже, что ихъ дыханіемъ отдунуть можно. Сія прекрасная руда даетъ на пробѣ штуфъ изъ одного центнера отъ 20 до 80 золотниковъ. Еще прежде показалось такое гнѣздо чистымъ серебромъ въ пещаной рудѣ налетѣлой охры съ первымъ квершлагомъ, продѣланнымъ отъ устья штольпы, изъ котораго въ пробѣ до 40 золотниковъ выходило.

Пеонія съ расколов. листочками, Марьяннъ корень у Сибиряковъ, то-есть, корень Пеоніи, успѣшно противъ лихорадки.

Золотой мохъ въ большомъ изобиліи на горахъ Алтайскихъ.

Путь по долинѣ между горъ, по теченью ручья Омелихи, опасный, заросъ деревьями и камнями. Темныя долины изобильны травами. Множество журавлиного гороху и разныхъ стрючковъ. Горы покрыты соснягомъ и березнякомъ и заросли непроходимымъ шиповникомъ малинниковъ. *Осинова* гора, кромѣ высокаго топольника, покрыта совсѣмъ малинникомъ съ дорогами, протоптанными медведями, охотниками до сего плода, которые иногда уносятъ собой приходящихъ туда для сбиранія ягодъ ребятъ и бабъ, не причиняя имъ ни малѣйшаго вреда.

Съ верьху Осиновой горы представляется грозный видъ снѣжныхъ Алтайскихъ, называемыхъ, по причинѣ вѣчной бѣлизны, бѣлками. Они востоятъ большею частью изъ бѣлосераго крѣпкаго горваго извѣстковаго камня, кои слои кажутся довольно плоски. Видна оттолѣ другая гора фигуры конической, коея верхъ подобенъ великой каменной пирамидѣ, превышающей облака.

Сія гора также, какъ и высокіе ея сотоварищи казались еще страшнѣе отъ тучъ и дождевыхъ облаковъ, которыя, спускаясь въ долины, снова поднимались къ высочайшимъ верхамъ. Долины, имѣвшіе по правую руку высокую гору, а по лѣвую раз-

сѣлистыя извѣстковыя горы, показали неожиданную пріятную переиѣну въ царствѣ растител. Всѣ травы уже повсюду отцвѣли. Но здѣсь горы и луга зеленѣли и все было въ цвѣту:

Горная вика, листы которой зелены до зины. Она отцвѣла.

Весенняя горчанка.

Непета.

Драконова голова.

Оробъ латировидный.

Составной Алп. горохъ.

Сибирск. Астрагалъ.

Крупноцвѣтный черенковый ремень съ волнистыми листами, растушій часто на голыхъ буеракахъ.

Кустарный завязной корень, украшающій своими прямыми (ниже локтя) кустами долины.

Сибирская полигала.

Швертель.

Разные роды дикаго луку.

Сибирскіе колокольчики.

Ahamanta.

Meum.

Гранатка.

Алпійской репейникъ.

Многіе роды чернобыльнику.

Молодило.

Solyledon Spinosa, оба растѣнія любимы оленями.

Чортовы нитки.

Таволга дуболистная.

Кусты крыжовнику.

Ирга, Рисильникъ, Алтайская таволга. Прямой, толстой стебель съ кучей листовъ, подобно вѣткѣ лавра, а къ верху большой цвѣточной метелкой. Козаки стебель употребляютъ на шомполы.

На камняхъ между нѣжными растѣніями росли:

Parietaria, маленькая.

Душистая песья голова, *Scrophularia*, съ бѣлыми цвѣточками.

Ростетъ даже возлѣ свѣга и въ свѣгу.

Великое множество ласточекъ вьютъ гнѣзда по скаламъ. Пещеры отверстіями къ юговостоку; въ иныхъ изъ нихъ на сухихъ стѣнахъ видны слѣды накипи и маленькихъ кудравыхъ сталактитовъ. По скаламъ и долинамъ растутъ:

Желтоцвѣтъ, *Trollius asiaticus*.

Клюповница, *Cimicifuga*.

Cineraria glauca.

Allium obliquum, самый острый и крѣпкій изъ чесноковъ.

Чагирскій или Мунгалскій чай. *Saxifraga crassifolia*. Имъ обросли всѣ камни противулежащаго хребта въ сѣверной сторонѣ. Его пьютъ какъ обыкновен. чай, но вкусъ болѣе важущъ и горекъ.

1 Август.

Путешествіе по снѣжнымъ горамъ. По наклоннымъ сторонамъ горъ и равнины, какъ въ весну все было, все изукрашено молодыми травами и мхомъ.

Пиринейская жимолость.

Ломикамень пестроцвѣтн. *Saxifraga geum punctata*.

» сибирскій.

Swertia perennis.

Aquilegia Alpina.

Hedysarum Alpinum, въ большемъ видѣ и ростѣ.

Astragalus montanus.

Vicia Alpina.

Вшивая пасмурная трава.

Allium altaicum.

Маленькой бѣлоцвѣт. чеснокъ.

Cortusa mattiola.

Ranunculus aconitifolius. Слѣпокуръ съ листочками волчей травы.

Большая заячья капуста, *Telephium*, съ листочками, ввѣтъ наклоненными.

Teucrium canadense.

Одуванчики съ сочными нѣжными листочками.

Кардамина съ жирными листочками.

Львова лапа, *Alchemilla lobata.*

Сибирской земленой ладанъ, *Valeriana Sibirica.*

Dianthus superbus.

Куколь твердостебельный, *Sileneae suffruticosa.*

Лѣсныя заячьи лапки, *Gnaphalium silvaticum.*

Bistorta, завязной корень.

Пищуха, родъ оврашка, желтоватого цвѣта, уши имѣють большія круглыя, а вмѣсто хвоста небольшой курдюкъ. Живуть въ горныхъ ущельяхъ, выходятъ только въ ясную погоду и то подъ вечеръ, садятся на высунувшихся изъ травы камняхъ и свистять. Съ юля мѣсяца заготавлиють себѣ на зиму кормъ, срывая зубами траву, уносятъ кучи ее въ ущелья, отъ чего и называются сѣноставками. Вообще звѣрей на пограничномъ хребтѣ водится въ изобиліи. Кулонка, небольшой звѣрокъ съ красноватой шкуркой, Обжорливой горностаей, который забирается даже въ избы и крадетъ масло у мужиковъ. Множество медведей, лосей, мараловъ и дикихъ козъ, попадаются лисицы, рыси, росомахи, а въ рѣкахъ, текущихъ съ горъ, выдры и бобры. Бѣлки въ множествѣ. Такъ называемые Каменные бараны водятся только на высочайшихъ и неприступнѣйшихъ скалахъ и никогда не подходятъ къ населеннымъ странамъ. Вдоль текущаго въ Ину ручья Громотухи ѣдешь вверхъ тяжелою дорогою, въ сторонѣ разметаныхъ каменистыхъ горъ.

Дорога отъ Колывановоскресенскіе заводы на Зміевы горы почти неудобпроезжаема. Она по дикому хребту. Ростуть :

Cortusa malhioli.

Papaver nudicaule.

Pedicularis tristis.

Peganum daurica.

Potentilla fruticosa.

Вся Змѣева гора подобна великому, горами покрытому, сланцевому ярусу, который состоитъ изъ множества богатыхъ рудъ, содержащихъ въ себѣ золото, серебро, мѣдь, свинець, олово, арсеникъ и сѣру. Сія стоящая жила имѣеть два отдѣленія: лежащая часть сего яруса состоитъ изъ великой горы роговаго камня, которая съ неправильными бухтами, порогами и уступами равномерно падаетъ, висящая же сторона имѣеть тяжелый и твердый шпатъ, заключенный въ сланцевой горѣ. На роговомъ камнѣ лежатъ руды стоячими жилами, (или въ розсыпяхъ) гнѣздами, горизонтальными жилами и въ розсыпяхъ. Роговой камень подобенъ здѣсь крѣпкому кремню, хотя въ иногда заключается большой булыжникъ, еще крѣпче, подобный чистѣйшему пѣсочному камню. Цвѣтомъ онъ сверху изжелта, снизу же свѣтлосѣрый или темный и синеватый. Находится онъ также и въ близъ рудъ, особливо, въ большихъ круглякахъ и гнѣздахъ, орудѣвшій, усыпанный и усаженный многою серебряною прочерью даже въ самоалѣйшихъ скважинахъ, обогащенный и перемѣшанный чистымъ золотомъ и серебрянными листами.

Самородное золото находится: 1-е въ роговомъ камнѣ и въ заключен. въ ономъ мѣлк. пещаномъ камнѣ, 2-е) въ шпатѣ, забандѣ или вапѣ, 3, въ сѣрой охрѣ и богатой горной синевѣ. Самородное серебро, держа въ себѣ немного золота, находимо большими и малыми кусками, сросшимися рождками и дощечками, толстыми и тонкими, иногда на разбивное книжное серебро похожее, листками и налетѣлостью и, наконецъ, на подобіе серебряныхъ волосовъ въ друзахъ и разсѣлинахъ, въ роговомъ камнѣ, колчеданныхъ, шпатовыхъ и мѣдныхъ рудахъ. Отъ временъ основанья рудниковъ серебра выплавлено болѣ 10,000 пудъ и въ немъ золота болѣ 318 пудъ.

Отъ Змѣевой горы по направленью къ Томску ѣдешь ѣдешь плоскою гористою странною, гдѣ начинаютъ высовываться горы изъ дикаго и сѣраго камня, въ видѣ лежащихъ другъ на другѣ чуднымъ образомъ каменевъ, кругляковъ, точно нарочно сло-

женные кучи. Между каменьями попадаетя дикая Сибирская пшеница и Молочайная андрозана, *Androsace lactea*.

Страна высока, поката, въ разныхъ токмо мѣстахъ еще камениста и примѣтно опускается. На буграхъ показывается дикій камень, а подалѣ красноватый сланецъ. Наконецъ увидишь въ углу между Чарышемъ и Лахтевкою опять крутые каменные горы бѣлаго рудожелтаго камня. И тѣмъ кончится хребетъ въ сей странѣ, такъ что ничего уже предъ тобою не имѣется, кромѣ совершенно ровной, иловатой степи или пещаной, которая по низменностямъ солоновата. Подымается еще хребетъ, по рѣкѣ Алею называемый Алейскою гривкою, и окончивается отломомъ. Цѣлыя полосы полей казались голубыми отъ растущихъ во множествѣ, *Chrisosome biflora*, золотоголовника и маленькаго астра. *Artemisia coerulescens* и многіе другіе роды полыни.

Santonicum.

Голубая весеняя Анемона.

Chenopodium aristatum, у песчаного сосноваго лѣса.

Axuris prostrata.

Заводская контора, красиво выстроенная, примыкаетъ къ жилымъ (обыкновенно замыкаетъ или начинается дерев). Изъ бугровъ, обросшихъ густымъ лѣсомъ и кустарникомъ, вытекала рѣчка. Лѣсъ во всей странѣ сей растетъ березовый, высокой, толстой, и прекрасная трава.

Veratrum nigrum.

Orobolus latheroides.

Немерокаллисъ флава. Морецвѣтъ.

Pedicularis, многіхъ родовъ.

Сибирская крапива, *Urtica сапабина*.

Потомъ соснягъ, потомъ опять березовые лѣса, а тамъ мѣста болотныя. Во множествѣ растетъ солодковаго корня, желтой лилеи, чемъ далѣе, тѣмъ увеличивающейся болѣе. Еще цвѣли на ней поздніе цвѣты. Мужики называютъ ее теплою травою и плетутъ изъ нее также, какъ и татары, мягкіе цыновки для подстилки подъ седла.

Дикая мята, *Nepeta multifida*, здѣсь имѣетъ столь сильный лавандульный запахъ, что если только разтерши подолѣе понюхаешь, закружится голова и опьянѣешь.

Травы, употребляемыя татарами вмѣсто чая.

- 1-е. Родъ вяжущаго корня, отъ котораго вода, когда выкипитъ, красноватый принимаетъ видъ и вяжущій сильно вкусъ.
- 2-е. Чай изъ рубленныхъ стеблей или кореньевъ дикихъ розъ и сваренный какъ у татаръ казанскихъ, вкусомъ гораздо лучше.
3. *Potentilla fruticosa*, употребл. также и наз. Курильскій чай.
4. Полевой чай, *Potentilla rupestris*. Траву варятъ вмѣстѣ съ цвѣтками.
5. *Phlomis tuberosa*. Изъ нее точно также, какъ и изъ камыцкихъ орѣховъ, варятъ чай.

Сентябрь.

Томскъ. На берегу рѣки Томи. Мѣстоположенъе благодатное для торговли и картинное видомъ. Городъ на буграхъ и болотахъ. По срединѣ почти города идетъ сѣвера къ югу. Изъ озера бѣжитъ въ рѣку Тому ручеекъ. Рѣка Ушейка, соединяющаяся внѣ города съ рѣчкой Изюмкой, отдѣляетъ часть города, гдѣ юртами живутъ татары, отъ другихъ значительныхъ частей. На вышинѣ хребта крѣпость (выстроена за 130 лѣтъ), Кремль, съ четырьмя башнями, двумя воротами и колокольней. Винные и соляные амбары. Фабрики юфтяныя и набойчатые. Жители ремесленники. Пьянство, блудъ и французская болѣзнь (въ силѣ). Нечистоты довольно. Прусакъи желтаго цвѣта и маленькіе. Продовольствія съѣстнаго обильно. Хлѣбъ, мясо и рыба дешева. Бѣлокъ во множествѣ всѣхъ цвѣтовъ. Иногда они переселяются въ самый Томскъ, если ощущать недостатокъ въ пищѣ. Тогда мальчишки ихъ ловятъ живыхъ. Видятъ ихъ иногда стадами переплывающихъ рѣку Тому.

Выѣхавъ изъ города, идетъ бугристый лѣсъ вплоть до рѣки

Кія, со множествомъ лужъ и неширокихъ болотъ съ мостами. На песчаныхъ мѣстахъ сосновый Боръ, на горахъ лиственницы и болотная сосна, на буеракахъ и болотныхъ мѣстахъ ельникъ и кедровникъ. Остальные мѣста покрыты топольникомъ, ельникомъ, березникомъ и соснягомъ. Въ лежащихъ выше странахъ земля плодородная и страна прекрасная. Но какъ лѣсъ тутъ очень густъ и непрерывенъ, то новоположенные пашни весьма мокры. По сей то причинѣ водятся въ обилии здѣсь дикіе звѣри, серны, олѣни, волки, медведи. Дорога становилась все грязнѣй. Ненастѣ Сентябрь. Вороны почти совсѣмъ черны, на одной только спинѣ нѣсколько видны сѣринькія перья. Они здѣсь имѣютъ хищное свойство: по двадцати и болѣе пускаются на куръ и оныхъ раздираютъ. Глубокіе буераки, рѣчки и ручейки, впадающіе въ Чулимъ. Мѣста высокія, березовымъ лѣсомъ обросшія и плодородныя.

Serratula alpina.

Клоповница, *Cimicifuga.*

Cineraria, Пепельная бѣлая трава.

Glausa.

Casalia hastata занимаетъ всѣ мокрѣйшіе буераки. Лѣкарство отъ всѣхъ продолжительныхъ болѣзней, хотя иные имъ даже сокращаютъ жизнь свою, потому что корень ея сильно слабитъ.

Родъ травничковъ или маленькихъ соловьевъ съ жаркожелтымъ брюхомъ и зеленоватыми къ хвосту перьями (*Motacila suavis*). Попадаются также здѣсь, какъ и на Енисей, самые крохотные мыши, вѣсомъ въ ползолотника или около полдрахма, цвѣтомъ темнѣе обыкновенныхъ мышей, хвостъ же толстъ. Рѣка *Ки* камениста. На днѣ ея попадаются между колчеданомъ куски свѣтлокраснаго и чернаго Асписа, а также съ черными и желтыми полосками. Проѣхавъ я страну сильно обросшую березникомъ и содержащую въ себѣ множество мокрыхъ буераковъ. Погода была столь тепла, что стрекозы и бабочки летали какъ будто летомъ.

У деревни на навозныхъ кучахъ росла сухая трава *Azyris amaranthoides*. Плодотворный порошокъ, которымъ растѣніе сіе покрыто, столь летучъ, что если до сухого растѣнія только дотронешься, то причиняетъ оный сильный кашель, продолжающійся цѣлые дни.

Опять кедровые и ѣловые лѣса. Бурундуки бѣгали въ вѣвѣротномъ множествѣ по лѣсамъ, собирая себѣ на зиму запасъ.

Село Ачинское. Подъ самой деревней на Чулымѣ житницы, въ сіи житницы подрядчики складываютъ тотъ хлѣбъ, который возятъ по Чулыму въ Обь, въ Сургутъ, Нарымъ и прочіе на сѣверѣ лежащія, безхлѣбныя страшы, а частію въ Императорскіе Сибирскіе заводы, вверхъ по Оби, или же на линію на Иртышѣ. Красноярской уѣздъ столь благословенное имѣетъ обиліе въ хлѣбѣ (зерно даетъ самъ 30), что крестьяне изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ охотно отдаютъ въ сіи житницы рожь за 5 и за 6 коп. пудъ. Чулымъ сдѣсь широкъ и довольно глубокъ. Таракановъ въ избахъ гибель. Днемъ темные углы, щели и чуланы, а ночью вплоть всѣ стѣны имъ облѣплены. Чай пить или есть нельзя въ избахъ безъ того, чтобы сіи насѣкомые не падали съ потолка одинъ за другимъ въ чашки или блюда.

Phalaris erusaefortis, обыкновеннѣйшая трава по всей горѣ росла.

Деревня Черноярчинская, недавно заведенная изъ Малорусскихъ и Русскихъ поселянъ. Первые далеко превзошли послѣднихъ опрятностью и рачительностью.

Отъ рѣки Шерыша идетъ прекрасная степь, которая чемъ далѣ становится гористѣй, по высокимъ мѣстамъ березовые подлѣски, по горамъ рощи рѣдко сѣянной листвяницы. Далѣ степи все обильнѣе травами. Сибирской лень растетъ въ большомъ количествѣ. Могильные холмы съ камнями, въ видѣ четвероугольныхъ столбовъ, по всѣмъ угламъ. Гробницы находятся почти всегда въ близи ручья, озера или рѣки, на прекраснѣйшихъ высокихъ поляхъ, или у подошвы горы, на ровныхъ доли-

нахъ. Попадаются мѣдныя копыца, чеканы, кинжалы, ножныя черенки, маленькіе пращныя камешки, мѣдныя косы (похожія на тѣ, которые донинѣ употребляются въ Сибири), плоскослитыя фигурки лосей, оленей, дикихъ козъ, дикихъ овецъ.

Гора Учумъ камениста и бугриста, подобная слоистымъ горамъ около Юса и Енисея; равнины около простираются также слоями изъ красного и крупнаго песчанаго сланца. Травы растутъ слѣдующія:

Волчья борода.

Дикая мята.

Каменная володушка.

Двулѣтній горошекъ.

Сибирской звѣздочникъ.

Иволистая Серратула.

Аксирида роговидная.

Гибрида поземная солянка.

Перекасти поле.

Горный глистникъ.

Развиллистая потентила

и всякаго рода мышій горохъ.

Татарская горчица между каменьями, прекрасная трава.

Каменная павилица кустами.

Сибирская крапива у подошвы горъ.

Болотная горечанка между тросника, по берегамъ солен. озера.

Веснянка мяхколистная. Безъ нее почти не бываетъ никакой влажный лугъ на Енисеѣ.

Страны, защищенныя горами, пользуются благословеннымъ климатомъ. Снѣгъ столь малъ, что скотина всю зиму пасется на поляхъ.

Золотарникъ, *Robinea rugosa*.

Ballote lanata, прекрасная трава, которую, ради благовон. запаха, собирають какъ домашнее лѣкарство. Красноярскіе жители употребляютъ ее въ головн. боляхъ и называютъ

гремящею, отъ имени горы, на которой она растеть во множествѣ.

Перевозъ черезъ Енисей у горы крутой, назыв. перевозной; гора состоитъ изъ красноватаго пѣсчаника, выламывающагося четвереугольникомъ. На всѣхъ плитахъ написаны черной краской красивыя монгольскіе и татарскіе надписи. Малые боры и подлѣски полны птицъ. Овсянки, Сибирскій клесть, синеватая трясогузка, князки, пестрые дятлы и бѣлые воробьи.

Два года показались здѣсь пѣгіе медведи, какъ видно, странники изъ дальнихъ мѣстъ. Они до того были голодны и безсильны, что, забѣжавъ въ деревни, были тамъ легко умерщвляемы.

По Енисею на плотахъ пустились къ Красноярску. Плаванье было медленно, по причинѣ низкой воды. Съ обихъ сторонъ горы лежатъ около рѣки высокими буйками и возвышаются къ востоку разметанными каменистыми лѣсистыми вершинами. Твердые и разбитые въ каменистыхъ слояхъ опоковые и слонцовые роды. На право и на лѣво низвергаются въ Енисей рѣки и рѣчки. Противулежащіе каменистые берега, изъ чернаго квасцоваго слонца, содержатъ въ ущелинахъ и пустотахъ *каменное масло*. Оно садится около каменьевъ толстыми шероховатыми корами и, подобно перистымъ квасцамъ, состоитъ изъ острыхъ иглъ и друзъ; бѣло и легко. Если жечь на огнѣ, въ которомъ оно легко растопляется, варится и испускаетъ купоросныя пары, то остается легкая, весьма бѣлая и вкусная земля. Употребляется въ кровав. поносахъ, родильницами въ кровотеченьяхъ, въ случаѣ нечистого истеченія семенъ, дѣтьми вмѣсто рвотнаго, когда завалитъ грудь. Кузнецы употребл. его при дѣланіи стали. Оно также употребляется, въ случаѣ нужды, для черненья кожи, вмѣсто купороса. Надъ рѣкой показываются въ картинномъ видѣ огромныя пещеры и на нѣсколько верстъ непрерывающіеся высокіе утесы. Ночевали въ деревнѣ *Овсянская*, многолюдной, населенной зажиточными крестьянами, которые всѣ размножились отъ одного человѣка. Нѣкто Юшковъ прибылъ изъ Россіи съ

7 сыновьями. И въ 100 лѣтъ образовалось больше пятидесяти семей. Всѣ ремесленники, звѣроловы, рыболовы и зажиточные хлѣбопашцы. Въ горахъ водятся соболи, рыси, росомахи, медведи, кулонки, векши и много другихъ. Особенно замѣчательны *кабары*, родъ дикихъ ковъ. Изъ лучшая замша, по причинѣ необыкновенной мягкости кожи. Горы исчезаютъ по мѣрѣ приближенія къ Красноярску. Вмѣсто ихъ бугристые степи. Проѣхали мимо лѣсистого сосноваго острова и прибыли къ Красноярску, гдѣ назначена зимовка.

Сибирскія особенности.

Растѣнія кустарныя.

Robinia halodendron, родъ терновника, вышиной въ челоуѣка, вѣтвисто, прямо, жестко, игловато, крѣпче кустарнаго терновника, кора шероховатая сѣрая, листочки и все дерево сѣдоваго цвѣта, какъ покрытое мошкомъ. Цвѣтки на вершинахъ вѣтвей по трое вмѣстѣ, красные, пахучіе, видомъ походятъ на цвѣты горошка или акаціи. Стручки пузатые, короткіе, въ видѣ плода. Красиво; по сухимъ солончатымъ мѣстамъ на Иртышѣ.

Алтайская таволга, *Spiraea Altaica*. Подымается кустами изъ многихъ лозъ. Лозы прямы, крѣпки и убраны густыми пучками лавровидныхъ листьевъ. Цвѣточныя кисти находятся на концѣ вѣтокъ пирамидой бѣлаго цвѣта. Пахнетъ розовымъ запахомъ. Растетъ по солнцепечнымъ буграмъ и по подошвамъ высочайш. Алтайскихъ горъ. Вышиной 1½ аршина.

Торлокъ, *Pterococcus arhyllus*. Дерево прекрѣпкое, кустомъ въ аршинъ и болѣе вышиною, колѣнчатое. Стебли подымаются отъ крѣпкаго корня, глубоко идущаго въ землю, вѣтвисты, развилисты, колѣнчаты, толщиною въ палецъ, прямы отъ колена до колена. Листьевъ нѣтъ вовсе. Цвѣтки бѣлые, безъ чашечекъ, пятилепестные, выходятъ пучками на тон-

кой ножкѣ отъ коленца. Плодъ четверогранный продолговатый орѣхъ. По песчанымъ степямъ между волгою и яикомъ до самого Каспія.

Сибирской барбарисъ, *berberis sibirica*, кустарникъ вышиной не болѣ одного фута, выростетъ изъ разсѣлинъ каменныхъ горъ. Стебель прямъ, жостокъ и вѣтвистъ. Иглы и листья какъ въ обыкновенномъ барбарисѣ, но все дерево желтоватого цвѣта, ягоды круглопродолговатые, красные. Находятся на высочайшихъ каменныхъ горахъ и утесахъ, даже на скалахъ по Алтайскому хребту.

Хворостовый выющійся колокольчикъ. *Convolvulus fruticosus*. Небольшой кустарникъ, вѣтвистъ, съ мохнатыми травянистыми отпрысками, ежегодно пропадающими. Цвѣты на отпрыскахъ стоятъ вверхъ, по солнышку, растворяются очень тихо. По песчанымъ холмамъ въ восточной странѣ Иртыша.

Травы.

Особый видъ колосной травы. Стебель изгибистой, листы съ струйчатыми чехлами, пространно стебель объемлющими. Головки цвѣтутъ почти не выказываясь изъ чехликовъ. По соленнымъ степямъ.

Солонолистный Ирисъ. Листья какъ у сабельника, цвѣтомъ синеватозеленые.

Oposma micranthos, по пескамъ.

Колоноцвѣтной укропъ (*Fegula podiflora*). Корень глубоко въ песокъ углубившійся. Стебель толстый, круглый, дорожчатый, нѣсколько искривленный, со вздутыми къ основанью листовъ колечками. Листы основаньемъ своимъ объемлютъ стволъ на подобіе чехла. Все растѣнье цвѣтомъ изъ желтазеленое. Вкусомъ походитъ на пастернакъ, но пріятнѣе; рстетъ между песчаными буграми въ великомъ множествѣ.

Salsola oppositiflora, вѣтвиста, необыкновенна, красноватого цвѣта все почти растѣнье. Рстетъ по сухимъ, иловатымъ

полямъ въ полуденой сторонѣ Яика, вмѣстѣ съ розовою солянкою.

Salsola lanata, красивое растѣнье въ $\frac{1}{3}$ арш. вышины. Стебель прямой, молодая покрыта бѣлымъ пушкомъ. Цвѣтки промежъ тройныхъ листовъ, желтоватые съ тычковыми головками розоваго цвѣта.

Crinus caspicus, Каспійская лилея. Листья какъ у обыкновенной, но цвѣтки невелики, изъ красна бѣлые, выходятъ на вершинѣ стебля кучей въ видѣ зонтика.

Луковое птичье гнѣздо, *Ornithogallus bulbiferus*, маленькое тоненькое растѣние. Луковица въ горошинку.

Голубой чеснокъ, *Allium saeugileum*. Листы съ низу стебель чехломъ. Цвѣтки шаровиднымъ пучкомъ свѣтлоголубаго цвѣта. Луковица малая.

Бутунъ или Алтайской чеснокъ. *Allium altaicum*. Луковица большая. Пучокъ маленькой овальный. Вкусенъ; его ѣдятъ.

Lepidium sagatosarpon. Одинъ или много стеблей, маленькіе листочки, сидячіе, ланцетовидные. Цвѣтки жидкими колосками въ верху стеблей, маленькіе, бѣльные, стручечки на тонкихъ ножкахъ, маленькіе, рогаые, по два семешка въ каждой половинѣ.

Cardamine nivalis, снѣжная кардамина. Стебель простой, оканчивающійся колоскомъ стручьевъ, повиснувшихъ внизъ. Цвѣтки мѣлкіе бѣлые, все растѣние блѣднозеленое.

Sysimbrium salsugineum. Стебли изгибистые, оканчивающіеся стручечками. Листки продолговатосердцеобразные. Растенье изъ темна зеленое и красноватое.

Cheiranthus an littoreus.

Alyssum minimum.

Astragalus spicatus, Колосистый астрагалъ.

» *ammodites*. Прекрасный видомъ. Отпрыски отъ корня поднимаются въ великомъ множествѣ, вѣтвисты и разстилаются далеко по землѣ. Стручки маленькіе, голые, пухлые, видомъ похожіе на ягодки съ нагнутымъ носкомъ. Вся

трава скрывается между песчаными кочками, которые производят около себя сама, удерживая летучий пѣсокъ.

Hedysarum grandiflorum. Одни стебли съ листьями, другіе безъ листовъ съ цвѣтами въ видѣ колоса. Цвѣты блѣдножелтые. Форма и листовъ и цвѣтовъ какъ у акацій. Растетъ по глинистымъ ярамъ.

Serratula caspica. По соленымъ мѣстамъ, сѣмена развѣваетъ пухомъ.

Scorzonera pusilla.

Hudnum clatroides.

Звѣри.

Кулоконъ, *Mustela sibirica*, величиною съ хорька, а видомъ съ горноста. Густожелтаго цвѣта. Рыльцо черное. Хвостъ въ половину всего тѣла, цвѣтомъ еще желтѣе. Находится по гористымъ темнымъ мѣстамъ.

Пищука, Сѣноставецъ. Похожа на чекушку. Хвоста нѣтъ во все; вмѣсто его жирная шишечка въ русской орѣхъ. Шерсть на ней цвѣтомъ грязноватая въ прочернь. Въ горахъ. Свиститъ и съ Августа заготавливаетъ себѣ сѣно.
Lepus alpinus.

Птицы.

Ястребъ королекъ, *Falco regulus*. Невеликъ, гоняется за жаворонками.

Татарскій жаворонокъ, *Alauda tatarica*. Величиною съ скворца. Темные и даже черные цвѣтомъ.

Alauda calandra. Больше всѣхъ, какіе ни есть въ Европѣ жаворонки.

Персидской шуръ, *Merops persica*. Спина зеленая.

Черная трясогузка, *Motacila tauga*.

Синехвостая » » *cyanusus*.

Каменная ласточка, *Hirundo alpestris*, обыкновенной больше.

Fringilla calcarata, воробей бодцоватый. Величиною съ юрка. Стадами по пашнямъ Сѣверной Сибири. Прилетаетъ съ

полудня. Поетъ какъ чечотка. Летаеть много и бѣгаетъ по землѣ, подобно жаворонку.

Fringilla flaveostris, воробей желтоносной, самъ черенъ какъ сажа, только грудь изъ красноватыхъ перышекъ. Глупъ, водится на сѣверо-восточной Сибири, но во время сильныхъ морозовъ отлетаетъ въ полуденную Сибирь.

Emberiza pithyognus, родъ подорожника.

» *aureola*, золотистый.

Loxia Sibirica. Сибирской клестъ, красивѣйшая здѣсь птичка, величиной съ чечотку. Алтайской яркого алого цвѣта, Сибирскій розоваго. Обитаеть по кустарникамъ и густымъ лѣсочкамъ около рѣкъ и ручьевъ. Питаетъ помынными и другихъ травъ семенами. Голосъ осиплый, неясный, летаетъ беспокойно зимой небольшими стадами, выбираетъ себѣ мѣста въ густой чащѣ, гдѣ было бы потеплѣе.

Tetrao paradoxa, необычайная тетерка, что то среднее между тетеревомъ и драхвой. Спина какъ у драхвы, сѣрая съ чернымъ, волнистая. Шея сѣдая, горлышко жолто, грудь изкрасна блѣдносѣрая, прочее брюхо и паха черные.

Pelecanus rugosus, малый бакланъ, величиною съ чирка, погожъ на баклана.

Anas Rufina, шмаковая утка, величайшая изъ всѣхъ, въ 3 фунта и болѣе вѣсомъ. Темная цвѣтомъ. На Каспій. морѣ.

» *persa*, Савка синеносая, сама же цвѣтомъ рудожелтая съ черными крапинами.

Стерхъ, *grus leucogeranus*, бѣлый журавль.

Ardea somata, чепура съ хохолкомъ. Красивѣйшая птица. Бѣлыя перья на головѣ хохолкомъ, склонившись на спину, шея свѣтложелтая назадъ гривую, спереди бѣлая. Грудь свѣтложелтаго цвѣта. Спина изъ желта лазоревая. Брюхо, гузка, подхвостница и длинный хвостъ какъ свѣтъ бѣлые. По заливамъ Каспійск. моря.

Charadrius Asiaticus, азиатская полевая курочка.

» *tataricus*.

Годъ 1772.

Красноярскъ. Вьюги и бури. Воздухъ въ непрерывномъ движеніи весь октябрь и ноябрь. Енисей покрылся льдомъ 20 ноября. Зима началась въ Декабрѣ. Строеній въ Красноярскѣ не много. Отъ Ноября до Февраля переходять городъ тысячи обозовъ. Хозяева ихъ обыкновенно уѣзжаютъ впередъ закупать заблаговременно все, что ни попадется. Земные продукты дешевы необыкновенно, чемъ болѣе урожай, тѣмъ дешевле. Ржаной муки пудъ стоитъ 2 копейк., пшеничной четыре копѣйки съ деньгой. Мясо отъ 15 до 25 копѣекъ пудъ, а цѣлого быка за 1½ рубля. Корова рубль. Рабочая лошадь два и три рубля. Овца отъ тридцати до 50 копѣекъ. Свинья немного дороже.

Лѣсу въ Красноярскѣ въ изобиліи. Кедровъ много. Около Абанска растутъ въ большомъ количествѣ нѣкое душистое дерево, коего смолистые почки въ зимнее время служатъ лакомою пищею тетеревамъ, отъ коей всѣ черева заражаются неприятнѣйшимъ запахомъ. Изъ кустарниковъ больше попадается Боярышникъ и черемуха. Звѣри: соболи, лисицы, выдры, бобры, многоуважаемые, совершенно черные росомахи, барсуки, бѣлки, колонки пламенного цвѣта, любимые китайцами, и многіе сохатые звѣри, какъ то: лоси, зыни, козули (родъ оленей), кабарги, водящіеся въ великомъ изобиліи по горамъ за Енисеемъ, и составляющіе пайболѣе выгодные промыслы. Ими преимущественно Татары выплачиваютъ свой ясакъ. Рыбы немного по причинѣ, что рѣки мѣлки, и она зимой вся почти вымерзаетъ. Приѣздъ Студента Зуева, ѣздившаго вдоль по рѣкѣ Оби до Ледовит. моря.

Донесеніе студента Зуева.

Отъ Тобольска поѣхалъ Студентъ въ Березовъ (8 марта 1771). Зимняя дорога лежитъ вдоль по Иртышу, населена то русскими, то татарскими деревнями, далѣе же и ниже пойдутъ все Остяки, вначалѣ въ смѣси съ русскими, а потомъ сами. За Демья-

новскимъ ямомъ сѣтся только овесъ, ячмень и немного ржи, по причинѣ заморозовъ и мокроты хлѣбъ только на третій годъ удастся. Ниже сѣютъ конопля и ленъ. Капуста въ качаны не складывается, а разстилается по грядамъ. Батунъ, редька, рѣпа и хрѣнъ. Подальше отъ рѣки мѣста не обитаемы вовсе. Лѣсъ, болота и никакого проѣзда лѣтомъ. Липа перестаетъ за 36 версть ниже Тобольска. Лѣсъ худой, мѣлкой, Тальникъ, ольха, осина, тополь, береза, ель, сосна. Изъ мѣлкаго кустарника красная и черная смородина, ерникъ, болотникъ, сибирскій курослѣпникъ съ бѣлыми ягодами, толокняникъ и багульникъ. Въ Самаровскомъ яму (550 версть отъ Тобольска) уже нѣтъ пашень. Остатки и Рускіе питаются рыбой и птицей, которыхъ обиліе необыкновенное. Сверчки и тараканы сдѣсь прекращаются.

Отъ устья Иртыша внизъ по рѣкѣ Оби берега правой стороны высокіе, содержатъ въ себѣ слои бѣлой, желтой, красной и горшечной глины. При Сосвинскомъ устьи, не вдали отъ Березова, Обь, ставъ шириной въ нѣсколько версть, раздѣляется на многіе протоки, оставляющіе по серединѣ низкіе, поросшіе тальникомъ, острова. *Обдорскъ* городокъ. Последнее руское селеніе къ сѣверу. Лѣтнимъ временемъ можно ѣхать только водою. Въ немъ только пять дворовъ, но множество амбаровъ и запасныхъ клѣтѣй, почему онъ издали какъ большая деревня кажется. Одна деревня. церковь во имя Василья великаго. Рускіе живутъ лѣто и зиму. Остатки сѣзжаются только на зиму, имѣя для житья одни подземные юрты. Лѣто же проводятъ на рыболовствѣ въ кочевыхъ юртахъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки Оби мѣста высокіе и гористые, изъ песчаннаго и дресвянаго камня, всѣ почти голыя. Кое гдѣ небольшой дряблой лѣсъ, кедровой, лиственничный, ольховой, но какой несчастный ростъ. За Обдорскомъ уже не видно ни березы, ни ясени, ни кедра. Въ самой дали къ сѣверу, по крутымъ берегамъ рѣки Лѣсной, впадающей въ Океанъ, растутъ еще маленькіе лиственнички и олешинички, но растиаются по землѣ такъ, какъ шпалерныя лозы по стѣнамъ и хворосты по горамъ. Солнце лѣтомъ только одинъ часъ не видно днемъ, и

то по причинѣ высокой горы. Всю ночь катится оно по горизонту видимо, съ той только разницей отъ дня, что видо́мъ кажется больше, а свѣтомъ такъ слабо, что можно глядѣть на него безъ помѣхи простыми глазами. 30 Юля солнце гораздо унизи́лось, такъ что звѣзды начали появляться. Сѣверныя сіянья въ великомъ свѣтѣ; свѣтъ освѣщаетъ это темное царство. Но въ Обдорскѣ не бываетъ отъ нихъ такого шума и свисту, каковыя случаются ближе къ Океану. Причина чему приписывается воздуху. Сія сіянья оказываются здѣсь обыкновенно свѣтлой дуго́й по горизонту, изъ которой весьма скоро движущіеся столбы порываются. Бури здѣсь рѣдки. Два или одинъ разъ бываетъ слышенъ лѣтомъ громъ, и то вдали такъ, какъ бы отъ сѣвера къ полудню клонился. Рѣдко случаются и такіе жары, чтобъ не можно было имѣть на себѣ легкой шубы. Въ дорогѣ на Ледовитое море студентъ только пять дней помнитъ въ лѣто, что онъ чувствовалъ жарко и скидалъ шубу. При такой погодѣ нагорныя травы, кои по мшистымъ равнинамъ, въ половинѣ Юня еще чуть разцвѣтатъ начинаютъ, пробываютъ только нѣсколько недель, а кои позже, тѣ нѣсколько дней только, и въ то время и цвѣтутъ и сѣмена раскидываютъ. Въ Юлѣ бываютъ такіе холодныя вѣтры, что часто иней и на лужахъ ледъ являются, и травы сзябнувъ желтѣютъ. Самыя большія рѣдки и рѣпы, что сѣютъ въ Обдорскѣ, не болѣе двухъ унцій вѣсомъ, а листъ болѣе аршина. Другіе овощи больше не родятся. Земля разстаетъ только на верхахъ косогоровъ: Въ Обдорскѣ, на высокихъ равнинахъ, на три, четыре и на пять пядень глубиною. На низкихъ же часто едва на двѣ пядени разстаетъ. Далѣе къ сѣверу, при Щучьей и Лѣсной рѣкамъ, по песчанымъ мѣстамъ на двѣ пядени. По низкимъ мшистымъ тундрамъ на одну пядень, не болѣе, а по болотнымъ топямъ подъ густымъ мхомъ чистой ледъ. Привозимые сюда коровы долѣе пяти лѣтъ не выживаютъ, лошади не держатся, привозимые не проживали и года. И такъ слѣдуетъ довольствоваться оленями, которые здѣсь расплождаются сильно.

Мѣста, отъ Сибири къ Морскимъ берегамъ прилежащія, простираются иногда въ ширину на нѣсколько сотъ верстъ безлѣсицею, болотомъ, прикрытыя однимъ только мхомъ. Ѣхать по нимъ невозможно было бы вовсе лѣтомъ, еслибы земля разставала глубже пядня. Но какъ тотъ же часъ подо мхомъ лежатъ голый ледъ или замерзнувшая грязь, то олень ступаетъ безъ боязни, и легкіе санки, какими ѣздятъ самоѣды, катятся легко по мягкому мху, по коему на колесахъ не проѣхать бы вовсе, и за собою волнистый слѣдъ оставляютъ.

Гористые берега Обьскіе являлись покрыты краснымъ лѣсомъ и тальникомъ. Третьяго числа Іюля поѣхали на оленяхъ далѣе отъ Оби, прямо къ сѣверу, низменными мѣстами, покрытыми осокою и разными другими травами, особливо мѣлкимъ тальничкомъ, сланцомъ (*betula nana*), андромедами и ежовками, *arbutus alpina*. Того же дня доѣхали до рѣки Хаи, текущей изъ горъ въ обскую губу. Ширина сей быстротекущей рѣки, содержащей воду свѣтлую, какъ хрусталь, была около 15 сажень, дно каменисто, отчасти иловато.

4 и 5 дня продолжали путь къ верху по рѣкѣ Хаи. Мѣста тѣже. Листвницы все рѣже и меньше, высочайшія въ полторы сажени. Промежъ были пади, покрытыя въ великомъ множествѣ густымъ оленьимъ мхомъ (*Lichen nivalis*), которое олени въ это время не трогаютъ по причинѣ его сухости, но кормятся кустарникомъ *betula nana*, тальничкомъ, *Hedysarum alpinum* и другими. Упомянутый же мохъ оставляютъ къ веснѣ и осени, а зимой оббираютъ даже растущій по еловымъ деревьямъ, *Lichen hirtus*.

6-го Іюля подъ вечеръ наѣхали на посредственные каменистыя горы изъ снѣга камня съ кварцомъ. По оголеннымъ ихъ вершинамъ растетъ примѣч. травка *Sedum quadrifidum*. Его корешки красноваты, имѣютъ кислотоватый и вязущій вкусъ. Разсѣянныя, въ сажень вышиною, листвянишныя деревца и остролистные ольхи и тальнички оказывались тамъ и видѣ по холмамъ кустами, по удоламъ видны были то озера, то стекающіе съ горъ отъ снѣговъ воды, ибо на сѣверномъ уклонѣ горы еще до-

вольно снѣгу и льду находилось. Въ тужъ самую ночь былъ превеликой и холодный туманъ, каковы въ сихъ странахъ середь лѣта случаются нерѣдко.

Холмистая дорога по сѣверному отпрыску уральскихъ горъ неровна, трудна и для оленей. Самоѣды то и дѣла пускали имъ кровь хвоста, когда отъ усталости они начинали упадать. Остановились ночевать, имѣя ввиду высочайшія горы. Щучья рѣка течетъ также быстро съ горъ въ Обскую губу, ка Хаія, мутна, дно иловато, берега глинисты, хотя подлѣ каменная гора.

8-го дня за множествомъ комарей огѣни всѣ разбѣжались по прохладнымъ долинамъ, и потому самоѣды довольно имѣли труда, чтобы ихъ сыскать и согнать вмѣсто. Возвышенныя и обнаженныя совершенно равнины, межъ ними во впадинахъ множество большихъ озеръ. Дно у иныхъ изъ нихъ иловато, у другихъ пѣщано; рыба колючки и маленькіе чебаки. Изрѣдка въ долинахъ таловые и ольховые кусты.

Слѣдующіе три дни ѣхали къ сѣверу все горами, изъ сѣраго опочнаго или дресвянаго и кремнистаго камня. Въ первыхъ попадается гнѣздами простой и твердый азбестъ. Весь же оный хребетъ для отысканья рудъ вовсе ненадеженъ. Крутой берегъ рѣки Лѣсной украшенъ, какъ шпалерникомъ, ольховымъ, таловымъ и мѣлкимъ листовичнымъ цвѣтомъ. Повсюду проталины густыми листовичными деревьями, коихъ сучья между собою сплелись, пространныя, чистыя, гдѣ можно съ удовольствіемъ отдыхать. Вода въ рѣкѣ Лѣсной столь чиста, что можно щитать всѣ камышки. Течетъ быстро. Глубиной бываетъ въ 1½ сажень., шириной въ 10 сажень. Дальѣ пропадаютъ даже тальнички и ольховнички. Остаются только мѣлкія таловыя лозы, нѣкоторыя пучки Ампрыку, *Arbutus alpina*, и водяницы, *Empetrum*, или, по Сибирски, шишки. Дальше къ морскимъ берегамъ и они исчезаютъ, одна только морошка идетъ въ великомъ количествѣ до самого моря.

По долинамъ, промежъ горъ, по глубокимъ ямамъ, всторонѣ малыхъ каменистыхъ рѣчекъ, было еще довольно снѣгу.

Въ берегахъ рѣчекъ примѣчены наклоненныя шиферныя слои, кои сверху покрыты были желтоватымъ асбестовымъ струистымъ слоемъ. Отсюда переѣзжали черезъ каменныя бугры, межъ коими имѣлись многія ямы, наполненныя водою, и крутояры, въ разсѣлинахъ коихъ множество снѣгу находилось. Подъ вечеръ вся земля была покрыта густымъ туманомъ, что въ сихъ странахъ за предзнаменованіе погоды почитается.

15 дня переѣхали хорошимъ перегономъ черезъ подошву хребта, оканчивающагося передъ моремъ Карскимъ заливомъ и Лѣсною губою. Проѣхали также многія пади, частію наполненныя снѣгомъ, частію изпускающія изъ себя воду. Черезъ болотистыя тундры прибывши къ морскому заливу, называемому Лучною губою. Берега надъ пѣскомъ, съ котораго сбѣжало море отливомъ на 60 сажень, состоятъ изъ сѣрой глины; въ морѣ же была она чернѣе. Морская вода своею холодною была столь пронипательна, что, не смотря на теплоту въ воздухѣ, нельзя было въ ней пробытъ и нѣсколькихъ минутъ безъ жесточайшаго чувствія озяби.

Мутныя озера по мокрой степи, не смотря на каменное дно. Въ нагорномъ берегу одной рѣчки, текущей въ океанъ, видѣнъ былъ красноватый марающій мергель въ большомъ количествѣ флюса.

18-го, продолжая путь по мокрой степи, заключающей въ себѣ великія озера, пріѣхали подъ высочайшій каменный хребтъ, который, отдѣлившись отъ главнаго Уральскаго хребта, оканчивается здѣсь при морскихъ берегахъ. Напали на превеликое стадо дикихъ обливнявшихъ гусей, коихъ наколотили палками великое множество. Имя рѣчки происходитъ отъ двухъ спедшихся утесовъ, кои рѣку въ быстромъ теченіи стѣсняють. Морской берегъ находился невдали отъ дороги, крутъ и глинистъ, при высокой водѣ. По морю плавало въ неописанномъ множествѣ морское животное *Medusa Veroë*, но когда была собираема, расплывалась межъ руками. Конецъ хребта былъ еще не со всѣмъ въ виду. Это были высокіе, каменны, острые, голые

маковицы горъ, кои за двадцать версть отъ морского берега будто раздробились и уничтожились. Главный же хребетъ Урала съ Карского залива на западъ высокими, будто за облаками кажущимися, горами. Онъ долженъ также кончиться у береговъ противъ Новой Земли. У береговъ попадаются кусочки янтаря, по тамошнему называемые морскимъ ладономъ, и большіе обломки каменнаго угля, выбрасываемаго моремъ.

22-го путь продолжали по уменьшающимся горамъ, въ коихъ пропадаетъ Уральскій хребетъ и между ними лежали болотистые удоли. Море всегда было въ нѣсколькихъ верстахъ разстояніемъ. Поднявшійся со вчерашняго дни съ туманомъ вѣтръ нагналъ къ берегамъ великіе ледяные бугры, однакожъ такъ, что межъ буграми и берегами оставалось довольное разстояніе чистаго мѣста, ибо толстые каваны льда не совсѣмъ могутъ быть изворочены на отмѣлые берега. По берегамъ подъ болотиною находился хрящъ, а глубже сѣрая глина. Переѣзжали много озеръ и рѣчекъ, гдѣ дикіе гуси вилися стадами, и легко могли быть убиваемы. Всѣ озера при океанѣ изобилуютъ морскими вшами, *Monoculus arcticus*, служащими приманчивой пищей уткамъ и прочимъ водянымъ птицамъ. Нашли шайку рыбаковъ, пробравшихъ берегомъ изъ Пустозерска на рыболовство. Стужа начинала свирѣпѣть. 28 Іюля холодъ познобилъ всѣ травы, такъ что поля издали больше казались бѣлыми, чемъ зеленѣли. Вода въ судахъ и лужѣ покрывалась льдомъ.

Слѣдующіе кустарники большими полосами покрываютъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ болота и придаютъ нѣкоторое украшенье сей бѣдной странѣ.

Betula nana.

Salix mirtiloides.

» *herbacea.*

» *Larponica.*

» *Fusca.*

» *Agrenaria*, всѣ они мѣлки; сіи тальнички растлаются по землѣ и бываютъ вышиной меньше четверти аршина.

Empetrum nigrum, водяница.

Arbutus альпина, ампрыкъ, ежевка.

Rhododendrum ferugineum.

Hippuris, на гнилыхъ болотахъ при океанѣ, такой же какъ и на югѣ.

Plantago maritima.

Arenaria Peplodes.

Pinguicula alpina, сальникъ, сальная, жирная трава.

Gimnandra borealis.

Sedum quadrifidum.

Statice armeria, малоцвѣтная.

Saxifraga cernua.

» *rivularis*.

» *bronchialis*.

» *nivalis*.

Dryas octopetala, Богиня лѣсовъ, Камчадалка, Сибирячка.

Papaver nudicaule.

hieracium alpinum, Сокольникъ, ястребникъ альпійск.

Taraxacum.

Eringium alpinum, колючка синеголовникъ.

Eriophotum vaginatum, пушистый пырей, пухопырей, на полудни
бѣлилъ по болотамъ все пространство.

Veronica alpina, на ровныхъ поляхъ.

Campanula rotundifolia.

Polemonium lanatum, троецвѣтъ Бодрианъ.

Rumex digynus, Щавель двуженный.

» *acetosela*.

Anthericum calyculatum, вѣнчикъ паучникъ.

Epilobium palustre.

» *angustifolium*, только въ 3 дюйма вышиной, но съ
большими прекрасными цвѣтами.

Polygonum arvense.

» *bistorta*, горлецъ, змиевикъ, ужовникъ.

» *divaricatum*, спорышъ растопыренной, по пѣскамъ
на берегахъ моря.

Saponaria alpina.

Arenaria grandiflora.

Dianthus alpinus.

» *plumarius.*

Saxifraga hirculus.

Stellaria nemorum.

» *biflora.*

Chrisosplenium alternifolium, слезенникъ, ячникъ здѣсь такъ
малъ, что едва виденъ отъ земли.

Potentilla stipularis, серебреникъ сибирской.

Rubus chamaemorus, морошка.

» *arcticus*, сѣверная малина.

Helleborus trifolius, трилистный чемеричникъ.

Bartsia rubricona.

Pedicularis laponica.

» *hirsuta.*

» *panicullata*, всѣ не болѣе перста.

» *verticillata*, въ одинъ дюймъ вышиною.

Lamium laevigatum, слѣпота кур. гладкая.

Cochlearia grenlandica.

Cardamine nudicaulis, крессъ нагоствольный.

» *bellidifolia*, маргаритколистный.

» *triphilla.*

» *chelidonia*, чистотѣльный.

Arabis alpina, рѣзуха, греча высокая, будра трава.

Sisymbrium Sophia, Гумевникъ, Софѣина трава.

Iepidium Sibiricum, крессъ перечникъ.

Phaca, трава узлы, зимніе орѣшки, очень ее мало, но

Hedysarum alpinum, въ великомъ множествѣ.

Achillea alpina.

Gnaphalium silvaticum, комарникъ.

» *alpinum.*

Artemisia borealis.

Anthemis alpina.

Chrysanthemum bipinatum. Бѣлица, Нивникъ, Ивановъ цвѣтъ, сугубоперистый.

Viola biflora.

» *palustris*.

Phodiola rosea, вышиной нѣсколько вершковъ.

Lycopodium selago, Плаунъ сосновидный.

» *complanatum*, плоской, и пр.

Кромѣ того, попадаютъся Мамоитовыя, слоитовыя кости. Недалеко отъ Оби отыскана самоедами въ тундрѣ носорогова голова. Не смотря на осеннюю стужу, студентъ отправился изъ Обдорска еще въ Уральскія горы, былъ у подошвы высокой горы сѣраго дикого камня, имѣвшей внизу шиферные слои, а маковицей доставшей до облаковъ. Она вся была покрыта снѣгомъ, выпавшимъ въ Юлѣ межъ полнолуиьемъ и новолуиьемъ. Ночью волки, напавшіе на оленей, такъ ихъ разогнали, что въ силу ихъ можно было потомъ собрать.

Вторая ѣзда на Обскую губу предпринята была въ лоткѣ. Листья на лиственницахъ и ольховникахъ отъ мороза всѣ покрашены. 27 очутились въ мѣстахъ, гдѣ предстояла одна только чистая тундра. Берега Обской губы такъ, какъ и ниже Обдорска, состоятъ изъ наносныхъ бугровъ песку и глины, въ коихъ были видны разбитые, безъ всякаго порядку лежащія, глиняные слои, немногіе изъ нихъ хворостъ и дернъ мѣстами содержали. Травянистыя поля отъ холоду пѣстрѣли тутъ желтизной на мѣсто зелени.

11-го Сентября отправился Зуевъ обратно въ Березовъ. Показались высокимъ тальникомъ обросшіе песчаные мѣста. Наконецъ и красный лѣсъ, особливо кедровый. Въ крутыхъ песчаныхъ, иловатыхъ берегахъ видны были просѣлины различного наклоненія, черною мягкой землею наполненныя; подлѣ воды берега изобиловали великими, изъ затвердѣвшей темной глины, глыбами, мѣстами содержащими въ себѣ окаменѣлыя раковины. Всѣ они обведены были струистымъ гипсомъ. Были также и мамонтовы кости и другіе остатки иностранныхъ зве-

рей, изъ береговъ вымытые. Около Питлiарскаго устья видны были въ берегахъ тонкіе, черные, шиферные слои. Далѣ берега бугристые, крутые, изъ пѣску и глины; кости валяются по низу разметанныя, такъ какъ ихъ полая вода, бугры подмывши, вымыла и занесла, куда могла. Кости буйволовъ попадаютъ также во множествѣ. 21 прилетѣли къ Березову съ сѣвера стада большихъ и малыхъ дикихъ гусей или казарокъ, *Anser erythropus*, и Чагвоевъ, *Anser pulchricollis*, возвращающихся назадъ. Еще около 18 дня было видно, какъ они начинали стаяться на обратный къ полуднямъ путь.

Извѣстія Зуева объ Остякахъ.

Остяки росту больше средняго и малаго, сложенья слабого и сухого. Лица непріятнаго блѣднаго и плоскаго оклада. Волосы рыжеваты и русы, у мужчинъ висятъ они вокругъ головы космами и безобразятъ ихъ. Боязливы, суевѣрны, легкомыслены, впрочемъ, добросердечны, въ трудномъ и худомъ житіи съ младенчества трудолюбивы, но въ свободное время больше склонны къ праздности. Мужчины въ домоводствѣ особенно гадки и нечисты. Платье мужчинъ полушубокъ (малица), изъ звѣриной кожи, съ рукавами, до колѣнъ, сшитый кругомъ въ мѣшокъ, безъ разрѣза, съ дырой для головы, изъ молодыхъ кожъ оленей, родящихся весной, шерстью внутрь. Верхняя шуба называется паркою. Ес надѣваютъ когда холодно, также изъ оленьихъ кожъ, но шерстью наружу, съзади капишонъ на мѣсто шапки; внутри опушена собачьей шкурой. Когда же слишкомъ голодно, надѣваютъ сверхъ сихъ двухъ еще большую шубу, также съ колнакомъ назади, изъ зимнихъ оленьихъ шкуръ. Она называется гусемъ. Для дождя шьютъ платье изъ рыбьихъ кожъ, которыя во время голода, скинувъ, варятъ въ котлахъ и съѣдаютъ. Штаны изъ рыбьихъ или голыхъ оленьихъ кожъ. Обувь: чулки (нетобы), сшитыя изъ молоденькихъ оленьихъ шкуръ (пыжики), сверхъ ихъ сапоги, называемые пимами, сшитыя изъ ножныхъ оленьихъ

кожъ (кысы), коихъ подошвенная кожа имѣеть густую, твердую шерсть. Она прочнѣй и не скользитъ по льду. Рускіе купцы дѣлають сапоги, подобные симиъ пимамъ, для носки зимой. Рубашки только у богатыхъ. Щоголи дѣлають себѣ малицы изъ лоскутьевъ сукна разнаго цвѣта, опушая собачьей шкурой, хвостами или песцами. Бабы носятъ шубы халатомъ, длинныя, съ разрѣзомъ, впереди завязываютъ ремешками и, такъ какъ не широки, то беспрестанно ихъ придерживаютъ руками, боясь распахнуть. Рубахъ нѣтъ. Стыдливы. На лицѣ носятъ покрывало, шитое по краямъ съ бахромою, которое сбрасываютъ только при родныхъ своихъ матеряхъ. Лѣтомъ ходятъ босыми. Богатыя привязываютъ сзади къ косамъ двѣ суконныя покрочки, на которыхъ нацеплены мѣдныя фигурки оленей, рыбъ, лошадей и проч. Иногда искалываютъ узорами тѣло. Выдѣлываютъ кожи очень искусво, такъ что ни въ какой сырости они не портятся. Живутъ нечисто до отвратительности. Чашекъ не полощутъ, хотя бы изъ нихъ вмѣстѣ съ собаками. Рукъ не моютъ, но вытираютъ ихъ по шубу. Отъ этого Остякъ воняетъ какъ воздухъ въ рыбномъ ряду. Только немногіе богатые и зажиточные дѣлають особеннаго роду мыло, способное въ самомъ дѣлѣ отмыть всякую грязь: въ котель горячей воды кладутъ золы и потомъ подливаютъ по часту рыбнаго жира, варить до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается мыломъ. Въ юртахъ ценятся и собаки. Тутъ же и гадятъ всѣ. Тутъ же и варятъ на общемъ огню посерединѣ юрты. Отъ всегдашня копченья потолокъ весь покрытъ копотью и сажей, которая большими кистями виситъ къ низу.

Дома: для зимовьевъ строятъ Остяки настоящіе четверугольные избы, потобные рускимъ, но ниже, почти половиной въ землѣ, и безъ кровли, вмѣсто которой накладываютъ на верхъ земли. Срубы складываются изъ молодыхъ не толстыхъ деревьевъ, обыкновенно на сухихъ высокихъ берегахъ, въ близости рѣкъ. Передъ дверьми строятъ клѣти рядомъ, на обѣ стороны (лабазы), для поклажи и сохраненія рухляди и другихъ ненадобныхъ вещей. Въ таковыхъ юртахъ или зимовьяхъ живутъ многія семьи

вмѣстѣ, и потому внутренность оныхъ раздѣлена по стѣнѣ на столько конуръ, сколько семей находится. Какъ бы, по причинѣ множества народа, ни была узка сія канурка, однако въ ней должны умѣститься мать съ дѣтьми и со всѣмъ домовымъ припасомъ и при своемъ собственномъ огнѣ работать.

Богатые Остяки имѣютъ олени стада иногда многочисленныя. Бѣдные питаются только рыбою. Часто ѣдятъ ее сырьемъ. Сырая же мерзлая рыба, изструженная мѣлко вмѣстѣ съ костями, употребляется даже и Рускими. Рыбъ такое обиліе, что мѣлкіе ихъ сорта отдають однимъ собакамъ. Лучшія рыбы запасаютъ на зиму, проваливая и жаря; никогда не солятъ. *Позымз*, родъ балыка, вырѣзывается на ремни изъ рыбьихъ боковъ на каждой сторонѣ, проколовъ надѣваютъ на палки, сушатъ и поджариваютъ. Лучшіе изъ муксуговъ. Брюшки и спинки, проваливъ и поджаривъ, кладутъ въ мѣшки изъ оленьихъ желудковъ. Это съедобное называется *варка*. Кости жарятъ для корма собакъ. Сверхъ того запасаютъ въ осетровые мѣшки *ютту* изъ мѣлкихъ рыбъ. Порса изъ бѣлой рыбы, мѣлкой, высушенной на вѣтру и мѣлко истолченной съ костями. Зимой варятъ уху изъ варки и костей рыбьихъ, поддакивая къ нимъ муки, получаемой отъ русскихъ, хлѣбають большими уполовниками. Изъ брюшыхъ черевъ вывариваютъ жиръ, потребный въ домоводствѣ, который продають и рускимъ для употребленья въ посты. Рускіе не могутъ его утрафить: либо переварятъ, либо недоварятъ, отъ этого онъ и горькнетъ. Варятъ клей изъ осетровъ, который можетъ клеить безъ варенья.

Зимой звѣринные промыслы для остяковъ главнѣйшее упражненіе. Какъ только выпадетъ снѣгъ, это лучшая пора ловить лосей и оленей. Зимой ходятъ остяки за промысломъ на лыжахъ въ отдаленныя степи и лѣса, такъ что не прежде какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ могутъ назадъ возвратиться. Оружіе стрѣлы костяныя.

Табакъ курятъ и нюхаютъ съ жадностью, для крѣпости прибавляя золу изъ грибовъ и губъ, выростающихъ на берегахъ.

Набивши носъ такимъ табакомъ, они затыкають его таловыми стружками. Отъ ѣдкости табака все лицо такъ разгорается, что становится безопаснымъ отъ великихъ морозовъ. Къ водкѣ сильно падки и, сколько ее ни вымѣняютъ отъ русскихъ, вдругъ выпиваютъ. Дѣлають пьяное питье изъ мухоморовъ. Язычники приносятъ жертву болванамъ; мясо сами ѣдятъ, а болвану вымажутъ только губы. Ставятъ также передъ болваномъ рогъ съ табакомъ, который обыкновенно рускіе украдкою вынюхиваютъ. Имѣютъ шамановъ. Пляска выражаетъ разные поступки ихъ на звѣриныхъ промыслахъ. Иногда выражаетъ склонности и движенія звѣрей и птицъ, насмѣшку надъ сосѣдями, все по такту музыки. Представляютъ въ лицахъ соболиный промыселъ, обычай и поступки журавлей, лосей, полеть птицъ, поискъ мышей мышелова, какъ рускія бабы ходятъ на рѣку мыть бѣлье и платье, все довольно смѣшно. Журавля пляшутъ скорчившись, закрывшись шубой, просунувъ черезъ рукавъ вверхъ длинную палку, на мѣсто шеи, съ деревянной на концѣ журавлиной головой. Въ пляскѣ лося музыкантъ равнымъ образомъ выражаетъ различный его бѣгъ рысью или въ скокъ, или какъ ходитъ онъ просто, какъ дѣлаеть малые отдыхи для осмотра, откуда за нимъ гонятся. Невольно изумляешься всѣмъ искусно выдуманнѣмъ представленнѣмъ этого почти дикаго народа. Хорошенько насмѣяться ихъ первѣйшее увеселенье.

Музыкальные инструменты двухъ сортовъ: Домбра на подобіе лодки, точь въ точь какъ у Богуловъ, съ такимъ же числомъ струнъ, и *Дурнобой*, похожій на давыдову гусли, состоящій изъ ящичка умножающаго шумъ, къ нему придѣланной лебединой шеи и тонкой дощечки, составляющей третью сторону треугольника. Въ немъ около 30 струнъ. Игрокъ, играя обѣими руками, передвигая, прижимаетъ большимъ пальцемъ тонкую дощечку, чтобы дать тону трель. Любятъ также сказки и повѣствованія о древнихъ витязяхъ и удалцахъ на охотѣ. Ласкопріимны и не знаютъ какъ угостить гостя. Готовы убить для него лучшаго оленя, сварятъ для гостя лучшее на ихъ вкусъ, какъ

то: языкъ, мозгъ, грудину и здоръ, а накормивши еще и дарятъ.

Когда присягать новому Государю, то собираютъ ихъ вмѣстѣ въ кучу, посреди кладутъ топоръ, конимъ рубливали прежде медведя или медвежицу, потомъ даютъ каждому съ ножа кусокъ хлѣба, причемъ сіе говорить долженъ: Если я моему Государю до конца жизни моей вѣренъ не буду, своевольно отпаду, должнаго ясака не заплачу и изъ моей земли отъиду, или другіе невѣрности окажу, то чтобъ меня медведь изорвалъ, кускомъ сямъ, который ѣмъ, чтобъ мнѣ подавиться, топоромъ сямъ да отрубятъ мнѣ голову, а ножемъ сямъ чтобъ мнѣ заколоться. Если ихъ поставятъ на колѣни на медвежей кожѣ, то по совершеніи присяги всякой изъ нихъ долженъ откусить медвежины, причемъ многіе, для оказанія ревности, зубами вытеребливаютъ шерсти. Подобныя присяги, гдѣ медвежина играетъ главную ролю, въ употребленіи у всѣхъ иновѣрческихъ народовъ сибирскихъ.

Самоеды отъ остяковъ лицемъ и видомъ отличны; тѣ болѣе приближаются къ рускимъ или къ Чухнамъ, а сіи имѣютъ, какъ у Тунгусъ, круглое, плоское, широкое лицо, которое у молодыхъ женщинъ очень пріятно, толстыя заворотившіяся губы, широкій носъ, растопыренныя ноздри, ростомъ меньше Остяковъ, но стройнѣй, плотнѣй и мускуловатѣй. Въ нихъ больше двкости, чемъ у Остяковъ, находящ. въ част. обращеніи съ рускими. Одежда походятъ почти на Остяковъ. Женщины меньше стыдливы и не покрываютъ лицъ. Отъ мужчинъ не чтимы и почитаются за вещь и служанокъ. Язычники, также какъ и Остяки, имѣютъ у себя каждый деревяного болвашку. Празденства у нихъ въ борьбѣ и скаканьи до извѣстной мѣты. Пляшутъ въ кругѣ по парѣ мужчины и бабы, не сходя съ мѣста, но только двигаясь и ломаясь по такту, вмѣсто же музыки храпятъ въ носъ и выговариваютъ нѣсколько звуковъ. Бабы также подъ такту отхрапываютъ.

Нѣтъ рѣки, которая бы въ такомъ множествѣ изобиловала рыбѣ, поднимающимися стаями изъ моря. Особенно рыбы, любящія мягкое у рѣкъ дно. Собственно принадлежащія Оби: Муксунъ, *Salmo lavareto affinis*, Пыжьянъ, чогоръ; сорогъ, *Salmo vimba*, ряпушка, *Salmo albula*, бѣлая рыбаца или Нельма, пребольше налимн, таймени, хариусы, щуки, окуни, ерши, караси, плотва. Зимой добывается рыба вершами. Эта нетрудная ловля поручается ребятамъ. Веревки для сѣтей плетутся изъ тальниковыхъ прутьевъ.

По безлѣснымъ степямъ къ сѣверу, къ морю, промышляется много бѣлыхъ и голубыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ волковъ, росомахъ, оленей, а южнѣй и дальше отъ моря, въ лѣсистыхъ мѣстахъ, лоси, рыси, соболи, горностаи, бобры. Кромѣ стрельбы производятъ охоту медведей, волковъ, рысей и росомахъ капканами и самострѣлами. Волковъ и лисицъ сверхъ того отравою изъ чилибухи и сулемы, пастями или слоццами, изъ коихъ у Остяковъ особенно извѣстны Куромсѣки изъ бревна, которое обрывается и убиваетъ звѣря, какъ только тронетъ онъ приманку. Черканъ, пастъ которой въ Роси ставятъ на горностаевъ и ластокъ, у Самоедовъ ставятъ на песцовъ. Противъ лисицъ ставится самострѣлъ изъ лука на супротивъ бугорка, въ коемъ закопанъ прикормъ. Бобровъ достаютъ искусно изъ норъ собаками. На оленей выѣзжаютъ во множествѣ съ бабами. Съ оленями употребляютъ множество хитростей, подвести ихъ подъ выстрѣлы. Олени глубоко засунувъ голову въ снѣгъ, изъ подъ котораго вырываютъ себѣ мохъ, и полагаясь на вѣтеръ, который принесетъ имъ за нѣсколькo верствъ человѣческой запахъ, не видятъ приготовленій. Зимой по глубокому снѣгу гоняютъ ихъ на лошадяхъ.

Когда самоеды кочуютъ подлѣ моря, то промышляютъ моржей и морскихъ телятъ, выходящихъ невдалекѣ отъ береговъ на каменья или на льдины. Изъ тюленей замѣчательн морской заяцъ, бѣлый и чистый какъ снѣгъ, шерсть лоскнетъ какъ се-ребро.

Какъ только станеть оттепловать, ищуть талыхъ мѣстъ, гдѣ растаенный снѣгъ образуетъ болота, на кои сажаются птицы. Для ускоренія тали мечуть по такимъ мѣстамъ золу. Иногда сажаютъ на льду, для приманки, чучель изъ гусей и утокъ, и скрывшись сами, стрѣляютъ изъ ружей.

Для ловли гусей и утокъ Остяки прорубаютъ въ лѣсу прямыя проспекты. Гуси, не любя подыматься высоко, летаютъ этими улицами. Преграждая улицы сѣтями, они ихъ такимъ образомъ ловятъ. Сверхъ того Остяки искусно подманиваютъ ихъ гусиными криками свозь бересту. Растилаютъ также сѣти по берегамъ рѣкъ, гдѣ гуси любятъ шипать траву. Ловятъ только самыхъ большихъ птицъ, малыми пренебрегаютъ. Рускіе насаливаютъ утокъ во весь годъ въ такомъ изобиліи, что весной должны даже выбрасывать вонъ остающіяся.

Тутъ кончились свѣденія, показанныя Зуевымъ. До 7 марта еще пробылъ Палласъ въ Красноярскѣ. Сего же числа послѣ обѣда выѣхалъ на ту сторону Енисея. Снѣгу было мало. Но къ Ангару страна и гористѣй, и суровѣй, и лѣсистей, снѣгу много. Въ большомъ соснягѣ встрѣченъ, по первымъ выходящимъ листамъ, Багульникъ, *Rhododendrum dauricum*. Въѣхавши въ Иркутскую губернію, для проѣзжающихъ покойные свѣтлые дома.

Мѣста по Вилюю гористы, но горы всѣ слоеватыя; содержатъ или песокъ, или цвѣтной шиферъ, или мягкую слоями глину со многимъ колчеданомъ. Тамъ же находятъ по берегамъ разбитое каменное уголье, коихъ надобно находится гнѣзду гдѣ нибудь выше по Вилюю. По рѣкѣ Рамендой пѣлая гора изъ селениту, другая изъ Алебастру и подлѣ горная соль. По причинѣ наступившихъ большихъ оттепелей уже не видали больше снѣжныхъ жаворонковъ, *alauda alpestris*, и черныхъ воробьевъ, *Fringila flavirostris*. Они полетѣли дальше на сѣверъ. Напротивъ того, появился въ большомъ множествѣ по городамъ и деревнямъ, сей странѣ толь свойственный, Пестрый воронъ. *Corvus dauricus*.

Рѣка Ангара, по которой шла наша дорога, имѣла великія полыни. Далѣе она вовсе очистилась отъ льда. По ней уже плавали утки, гагары; между утками попалась *Anas Nystrionica*. Нужно было ѣхать по каменному берегу, что, по причинѣ малого количества свѣга, было тяжело. Чемъ ближе подѣзжаешь къ Байкалу, тѣмъ горы становятся выше и видъ дичѣе. Досель онѣ были отлоги и слоисты. Жерло рѣки Ангара съ обѣихъ сторонъ стѣснено каменными горами, промежъ которыхъ, какъ будто сквозь ворота, великое моря пространство и стоящіе на берегу каменные хребты видны. На горахъ травы чуть только выходили. Прекраснѣйшія изъ нихъ были:

Позимняя травка.

Saxifraga bronchialis.

Androsace lactea.

Оголившіеся морскіе берега поразили новостью: особеннымъ родомъ сомнительной въ морѣ растущей бодягѣ, *Spongia Baicalensis*, изрядной величины. Ее здѣсь случаемъ собираютъ подъ именемъ морской губы. Ею серебреники въ Иркутскѣ вычищаютъ и глядятъ серебряные и томбаков. сосуды.

Дорога по льду была прямая и часто далеко отходила отъ берега. Такъ сдѣлали 50 верстъ; потомъ пошла все по берегу, по всѣмъ заливамъ или бухтамъ, болѣе семидесяти верстъ. Мы почти переѣхали половину дороги пособіемъ жестокаго вѣтра, дувшаго намъ въ тылъ и уносившаго ямщиковъ почти по льду, такъ что не иначе какъ ножами должны были одерживаться. Опасность чтобы не замерзнуть и не попасть въ трещины, причиненныя на льду бурей. Такъ какъ вихри умножались, то приостановился до завтра въ зимовье на берегу. Въ зимовье уже было множество народу, готовившаго на ловлю тюленей, которые въ этомъ мѣсяцѣ выходятъ гулять на ледъ и спать на солнцѣ. Къ нимъ подѣзжаютъ промысленики на салазкахъ, растягивая бѣлый парусъ, за которымъ скрываются. Тюлень думаетъ, что это стоящая льдина, и убивается легко изъ ружья. Море нынѣшній годъ такъ гладко замерзло, что ледъ былъ какъ

зеркальное стекло; только по берегамъ видны были стоящія льдины и торосы. Не всякой годъ случается такъ ровно замерзать. Снѣгъ на сей просторной равнинѣ не держится и для того по льду, покуда не пробьется слѣдъ, иначе нельзя ѣздить, какъ хорошо окованными лошадьми, и притомъ съ острыми шипами. Если весной подлѣ береговъ ѣздить станетъ опасно, то берутъ дорогу прямо черезъ Байкаль съ Листвянашнаго Зимовья на Посольскій монастырь. Разстоянье 70 верстъ. Когда на морѣ ледъ начинаетъ разсѣдаться, то въ запасъ берутъ съ собою доски, по которымъ проводятъ и лошадей и сани. Въ самонужнѣйшихъ посылакахъ отваживаются переходить Байкаль тогда даже, когда разсѣлина на нѣсколько сажень шириною. Но тогда идутъ пѣшкомъ и тянутъ за собой маленькую лотку, въ которые переплываютъ отъ одной льдины до другой.

Изъ Посольскаго монастыря безо всякой остановки отправился я далѣе. По пескамъ снѣгъ великое разстояніе почти весь разстаялъ, такъ что едва можно ѣхать. Многія наводненія, промоины и соры вдоль по берегамъ, изъ Байкала разлившіеся, еще въ пути нѣсколько пособляли. Отъ монастырской степной деревни еще на нѣсколько верстъ былъ перегонъ по льду одного залива.

Страшныя горы и лѣса. Дорога лежитъ узкимъ путемъ въ лѣсныхъ глубинахъ, въ мѣстѣ гдѣ Селенга пробиваетъ хребетъ. По ту сторону Селенги застава, гдѣ осматриваютъ телеги и фуры, нагруженныя товарами съ китайскихъ границъ, всѣ ли заклеены должною печатью. Свидѣтельствуется унтеръ-офицеръ съ небольшою командой.

Пріѣздъ въ городъ Селенгинскъ. Весь Селенгинскій округъ лежитъ межъ пещаными горами въ тепломъ мѣстѣ. Весна здѣсь раньше. Уже 20 дня Февраля выгоняли въ поле овецъ. Въ исходѣ сего мѣсяца снѣхъ по мѣстамъ, лежащимъ на полдень, весь стаялъ, и птицы, проводящія зиму въ теплыхъ мѣстахъ, налетѣли. Первая показала *Motacila leucomeles*, съ черными и бѣлыми по крыльямъ полосами, какая въ гористыхъ мѣстахъ по

волгѣ и по Иртышу водится. Также маленькой сѣроголовинькой травничокъ, *Motacilla Davina*, которая лѣтомъ по сѣверу разлетается, а теперь во множествѣ около Селенги держится, находя для себя дикіе плоды съ дерева, извѣстные сдѣсь подь именемъ яблочковъ, *pirus baccata*; маленькіе птички изъ роду клюстовъ, *Loxia Sibirica*; прекрасный родъ красныхъ конопянокъ, *Fringilla rosea*; грачи, водящіеся зимой вокругъ Селенгинска, *Corvus graculus*; жаворонки, *Alauda Alpestris*, и наконецъ пестрые даурскіе галки, летавшіе по деревнямъ и по городу ужасными стадами. Къ концу марта подлетѣли Драхвы, красные утки и лебеди.

Дорога по каменнымъ, пѣскомъ и хрящомъ засыпаннымъ, горамъ, кои поднимаются вверхъ по Селенгѣ. Солончатое поле, покрытое наноснымъ пескомъ и ничего другого не производящее, кромѣ деревца Ильмовника, *Ulmus rumila*. На мѣлкой рѣчкѣ, заросшей тальникомъ, плавали красныя утки, по сдѣшнему Турпаны, гуси, похожіе на Китайскихъ, *anser cygnides*. По кустамъ летали стадами клесты и тростники.

Кяхта, на ровномъ, нѣскольکو возвышенномъ мѣстѣ, окружена высокими горами, каменными, лѣсистыми. Изъ коихъ значительнѣйшая Орель-Гора, Бургультей, подлѣ которой съ полуденно-восточной стороны находится крѣпость, такъ что всѣ улицы и лавки, равно и Китайская слобода, весьма хорошо видны. Мѣсто, на которомъ выстроена Кяхта, песчанокаменно и ни подь какіе огороды не годится. Вода въ рѣчкѣ Кяхтѣ дрянная, такъ что лучшіе питоки чая изъ милости берутъ у Китайцевъ изъ ключа, впадающаго въ Кяхту. Китайская слобода отъ нашего городка не далѣ 60 сажень на полдень. Въ ней до 200 тѣсно построенныхъ дворовъ, вокругъ дощатой заборъ и валъ. Въ каждой стѣнѣ пробиты ворота на большую улицу. Улицы усыпаны хрящемъ, стокъ для дождя по серединѣ, содержатся чисто. Дворы домовъ просторные, усыпаны щебнемъ. На улицы красные ворота съ калиткой, подлѣ амбары для товаровъ, у коихъ двери на дворъ, а снаружи большая навислая крышка. Остальное мѣсто на дворѣ вокругъ занято жилыми избами, чуланами съ запасомъ,

все изъ дерева, фашиннику, глины и выбелено извѣсткой. Крыши досчатыя, впередъ навислые, у простыхъ крытые дерномъ и мхомъ. Въ окнахъ, за дороговизной стекла, слюда, у многихъ вставлена разрисованная бумага. На стѣнахъ изъбъ вывѣшены для пробы кусочки отъ всѣхъ товаровъ, кои въ ней находятся. Стѣны внутри обиты бумажками, въ стѣнахъ шкафы съ бумажными дверцами. Лавки, на коихъ сидятъ и спятъ (на 2 фута вышиной), занимаютъ болѣе половины избы. На лавкахъ складены изъ кирпича четверугольныя печки, дымъ утягиваетъ внизъ въ дыру и потомъ въ трубу, которая проводится туда и сюда подъ лавками и выходитъ на улицу дымникомъ, проведеннымъ подъ крышу. Отъ этого лавки необновено горячи. Столъ и два маленькихъ лакированныхъ на лавахъ столика съ жаровнями для раскурки табаку — вся мебель. Кухня чистотой превосходитъ всѣ Европейскіе кухни. Китайцы удивительно чистоплотны, не смотря на то, что всѣ работы въ домахъ отправляютъ мушны. Китайцы снабжаютъ Кяхту огородной зеленью и привозимыми съ юга плодами. Китайцы въ торговлѣ несравненно хитрѣй и умнѣй русскихъ, которые своими ссорами, разногласіями и желаніями перебить другъ другу сбиваютъ сами цѣны.

Съ нашей стороны отпускаются въ Китай *пушные* товары звѣрей: Канадскій Бобръ, лучшая выдра, чернбуряя лисица, простая лисица или бѣлодушка, сиводушка, голубые песцы. Камчатскіе Бобры, большіе (матки) и средніе (кошлоки). Хвосты морскихъ бобровъ, обыкновенные Зырянскіе, Обскіе и Чулымскіе бобры, сшитые бобровые брюшка, рѣчныя выдры, выдрныя брюшка, медвѣжины, волчины, вольчьи выпоротки или выкидыши, вольчьи лапы, рыси и рысьи лапки, росомахи и росомашьи лапки, сиводушки и недолисы, сивые лисицы, огнянки или совсѣмъ красныя лисицы, бѣлыя лисицы, лисьи брюшки, лисьи душки или шейки, простые лисьи лапки, лисьи хвосты, лисій хребтовый и брюшковый мѣхъ. Киргизскіе степныя лисицы или караганки, маленькіе степныя корсаки, корсачьи лапки, песцы всѣхъ сортовъ: бѣлые, голубые, норники, сняжки и чайшники.

Одѣяла песцовые, соболи, ихъ хребтовые мѣха, брюшки, лапки и хвосты. Куницы, норки, ласки, колонки, хорьки, бѣлки, летяги, Бурундуки. Зайчины бѣлые, мѣхи изъ спиннокъ и брюшковыя, зайчины сѣрыя. Мѣхи изъ бѣлыхъ заячьихъ ушковъ съ черными концами, имѣющіе прекрасный видъ. Мѣхи кроличьи, дикіе кошки (манулы), шкурки выхохулей, мѣхи черныхъ и бурныхъ кротовъ. Еврашковыя, простыя и крашенныя сурковыя или Тарбагановы шкурки, шубы ихъ изъ брюшковъ бѣлыя какъ серебро, шкуры тюленя, молодые бѣлыя медведи, котикі морскіе черныя и сѣрыя. Санаяки (Якутскіе платья) изъ бѣлыхъ медвежьихъ кожъ, одѣяла бѣлыхъ медведей, шкуры якутскихъ пыжей или молодыхъ оленей, всякіе обрѣзки, лоскутки шубъ. Сайгачьи рога, изъ которыхъ Китайцы дѣлаютъ прозрачныя окончины въ фонари, вмѣсто стеколъ. Мерлушки и длинношерстыя ягнячьи шкурки или соксурки, бѣлыя и черныя, овчныя, козьи шкуры или яманы, изъ коихъ дѣлаются мунгальскіе шубы, собачьи шкуры, домашніе кошки всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ, черныя и красныя юфти, выростки или молодые оленины, выдѣланныя опойки, ровдуги и сафьяны.

Живыя овцы, вола, мѣрины. Говядина, баранина, лошадиное мясо старыхъ убитыхъ лошадей или клячъ. Говяжье и баранье сало. Рыбій жиръ, простой клей, рыбій клей.

Изъ мануфактурн. товаровъ: простое солдатское сукно, простое руское сукно сермяга, мужицкое сукно крашенное и некрашенное. Овечья войлоки, Московскій полуколоменокъ, русской штამедь, простой дрель, набойка, пѣстредь, простой холстъ, салфеточной холстъ, тикъ, простыя холщевыя платки, мѣдный чайникъ, простыя зеленыя бутылки и стаканы стеклянный, зеркала всякой величины, мишура, топоры, косы, серпы, простыя карманныя складныя ножи, ножи въ ножнахъ, ножницы, негодныя воробтныя замки.

Отъ Китайцевъ, кромѣ чаевъ, привозятъ серебро въ слиткахъ, употребл. у нихъ вмѣсто большой монеты. Сырая чистая хлопчатая бумага. Сученый шелкъ. Ровный бархатъ, весьма мягкой,

рыгой цвѣтной бархатъ. Тонкая фанза (лучшая шолковая матерія), Уссы, плохая шолковая матерія съ атласнымъ лоскомъ. Шелковый флеръ, шелковая ланза, Бухарская кутня (бумажная матерія съ шелкомъ и атласными полосами). Готовые для дождя эпанчи изъ фанзы. Китайки всѣхъ сортовъ и разные дрянные шолковые матерьи съ подмѣсю крапивныхъ нитокъ. Голи, горнитуры, Байберки, бумажныя байки, шолковые занавѣсы.

Фарфоровые чашки съ крышками и безъ крышекъ. Такія же тарелки и маленькіе миски, конфектные приборы и конфектные тарелки. Глиняные чашки, шпилькумки, горшки, каменные тарелки, чайники и чашки, всякіе финифтявые блюда и вещи. Лаковые подносы, деревянныя лаковыя чашки, лаковые шкапы дорогіе, лаковые деревянныя ящички съ мѣстечками на разн. употребленіе, рѣзные словой кости ячики, перламутомъ и черепахой обклеенные ящички. Китайскія библіи рисованныя и рѣзныя изъ слоновой кости, или же съ фигурками, выдѣланными изъ древесного сердца на шелку (непристойныя), всякія куклы изъ фарфора, глины, тальку или свиного камня, и тому подобный вздоръ, лаковые на часы футляры, роговые фонари, фонарики, бумажные, креповые. Портреты малеванные на шелку. Сурику, бѣлили въ коробочкахъ, бумажныхъ румяна, курительныя свѣчки, камышевые трости, и тому подобный, совершенно ненужный намъ вздоръ.

Китайцы собираютъ *ревень* руками Тангутовъ. Онь родится, гдѣ отъ Селима до самого Конноора идутъ кремнистыя ухабы. Старое годное коренье узнается по стеблямъ преужасной толщины. Листы его должны быть совсѣмъ круглые, безъ выемокъ и зазубринъ на ободѣ, и потому настоящій ревень не принадлежатъ не принадлежитъ къ названному отъ Ботаниковъ *Rheum palmatum*, коего листы Бугарцамъ даже незнакомы, но къ *Rheum compactum*, а можетъ быть и *Rheum undulatum*, который по Сибирскимъ студеннымъ и сырымъ горамъ родится съ гнилымъ корнемъ, но у нихъ по Тибетскимъ горамъ, сухимъ, открытымъ и полуденнымъ, имѣетъ корень хорошій. Вывозъ лучшій ревеня

у Китайцевъ запрещенъ, случается или тайно, или чрезъ подарки командирамъ, или въ смѣшенъи съ дурнымъ. Привозятъ его на верблюдахъ въ шерстяныхъ мѣшкахъ по 5 пудъ въ мѣшкѣ, везутъ его на ревенной дворъ, принимаютъ въ присутствіи браковщика аптекаря. Работники тутъ же, подъ присмотромъ бухарцовъ, отдѣливъ отъ здороваго корня все негодное и хилое, жгутъ его, хотя бы оно еще и годилось на настой. Только одно здоровое вѣсится и плотится по вѣсу.

Вывадъ изъ Кяхты. Солнышко такъ грѣло, что на полуденныхъ косогорахъ луга начинали зеленеть. 13 апрѣля изъ подъ пѣску показалаея вѣтреница, *Anemone pulsatilla*. Въ тоже время прилетѣли Бакланы на рѣку Селенгу. 16 по отверстіямъ песчаныхъ бугровъ начинали пролезать:

Alyssum hamilifolium. Торьяца, Кашибъ, Икотная трава, бурочокъ, съ листьями морской лебеды.

Alyssum montanum.

Lepidium Thlaspioides, перечная трава, крессъ.

Potentilla subcaulis, зелѣнѣющая подъ снѣгомъ и служащая первую паствою оголодавшимъ Бурятскимъ стадамъ, уже цвѣла 20-го.

Veronica incana, которой изсохшіе листья общипываютъ въ тоже время овцы, вмѣстѣ съ цвѣточками обоихъ сортовъ вѣтреницы, служитъ имъ слабительнымъ, очищая ихъ отъ зимней чесотки.

Детали по соснягамъ Подорожника, *Emberisa Cia* и *Pithyopus*, а по тальникамъ стадами при берегахъ голубыя кедровки съ черными головами и предлинными хвостами. *Cognus Cyanus*. Отдалясь отъ Селенги направо къ рѣкѣ Хилокъ, по коей много маленькихъ деревень. По Селенгѣ поляки разводятъ сады и арбузы.

Хлѣбопашество. Чтобъ кустоватые и лѣсистые мѣста сдѣлать пахотными, Поляки съ успѣхомъ употребляютъ плугъ съ сошниками, какъ въ ихъ землѣ, и коосу въ двѣ припряжки на колесахъ или безъ оныхъ; коею орютъ гораздо глубже и подсъ-

наютъ корѣнья лучше, чемъ рускою косою. Сошнику у плуга треугольные, шириною въ ладонь и весьма наострены; правой лежитъ плаhma и внутреннимъ краемъ нѣсколько поглубже; а лѣвой къ тому стойкомъ, и острымъ бокомъ къ верху; при семъ находится лопатка желѣзная или деревянная для оборачиванья отрѣзанной стоячимъ сошникомъ земли на другую сторону борозды.

Лѣсъ на горахъ по Куйтуну соснягъ, а по буграмъ лѣственничникъ. Онъ покрываетъ особенно сѣверную сторону Си-ней горы, которая здѣсь высочайшая, изъ которой истекаетъ и рѣка Куйтунъ. Лосей и дикихъ звѣрей великое множество. Во-кругъ лежатъ горы, не безъ рудны, хотъ и не разрабатываются. Скоро пропадающія въ горахъ жилы заставили правительство бросить начатую разработку, предоставивъ ихъ безошплинно Куйтунскимъ кузнецамъ, плавящимъ ихъ въ своихъ кузницахъ. Руда лежитъ подъ краснымъ глинистымъ валомъ и каменнымъ слоемъ горы въ половинѣ косогора къ глубокой долинѣ, толщи-ной отъ одного аршина на цѣлую сажень, а шириной на 15 са-жень, но въ горѣ такъ непостоянна, что тотчасъ и конецъ ея можно видѣть. Она вся разбита гнѣздами, такъ что кирками до-бывать легко. Тверда, съ чернымъ блескомъ, и много даетъ стали, выключая что по горѣ валяется отчасти охристая, крас-ная, отчасти темнобурая каменная, къ плавкѣ негодная, мужи-ками называемая Исмодепомъ.

Жолтая трясогузка съ совершенно жолтой головой.

Куриной цвѣтъ, *Ornitogalum luteum*, начиналъ распускаться по хрящеватымъ песчанымъ лугамъ и солнычкамъ.

Sibbaldia erecta, имѣющая красивыя звѣздки изъ листковъ, ра-спускалась по каменистымъ мѣстамъ.

Вблизи рѣки Уды, впадающей въ Селенгу. По горамъ сос-нягъ. Гора опочистаго красноватого илу, подобнаго чистому, ди-кому, кремнистому камню, который продолжался на востокъ и на западъ большими увалами, а къ сѣверу кончился глубокою до-линою.

Lycopodium rupestre. Плаунъ утѣсный; по горамъ.

Androsace villosa. Рѣзуха, Переломъ.

» *lactiflora*, обѣ распускали свои цвѣты.

Dracosefalum pinnatum, по горамъ.

Посконная крапива, *Urtica cannabina*, начинала разцвѣтать по долинамъ.

1 Мая. Повсюду оставленные рудники. Далѣе мѣста открытые и возвышенные. Выпалъ снѣгъ, горы побѣлѣли. Вблизи рѣчки Погромной минеральный ключъ, изъ коего въ безмѣрномъ количествѣ пьютъ Буряты воду отъ головной боли, отъ ослабленія и внутреннихъ припадковъ. Она производитъ рвоту. Страна холодная; мѣста и болотисты, и лѣсисты, и гористы вмѣстѣ. Снѣгъ началъ падать во множествѣ, дорога затруднялась, травъ нигдѣ. Лошади падали, не хотя вкусить березоваго листу, которыми ихъ кормятъ буряты. Множество нашли въ снѣгу отъ холода и мороза умершихъ птицъ, между ними мѣлкаго сорта голубохвостую трясогузка, *Motacilla cyanopus*. На помощь лошадямъ припрягли верблюдовъ, но упрямые ложились на колѣни и не хотѣли итти. Водныя разлитія. Переѣзды съ телегами по плотамъ и бревнамъ. Несмотря на ужасное стремленье рѣчки, посреди ея игралъ прекрасный родъ утокъ, *Anas histriónica*, называемый отъ русскихъ каменушками, по причинѣ того, что любятъ быстрѣйшіе каменные рѣчки. Высокія мѣста. По нимъ разбитый каменный хребетъ, называемый *Яблоннымъ*. Гребень, шириной въ двадцать верстъ, состоитъ изъ сѣраго камня, идетъ до восточнаго океана, отдѣляя Даурію отъ Сибири и рѣчки, впадающіе въ Лену и Байкаль, отъ Амурскихъ. Въ горахъ нѣтъ ни слоевъ, ни рядовъ, но малые и большіе каменья лежатъ будто разметанные, безо всякаго порядку; по нимъ растеть мохъ, а по щелямъ деревья разстилаютъ свои корни. Снѣжная вода, съ быстротой стекающая, оголила издревлѣ горы. Всѣ они были мокры, лѣсъ изъ лиственницъ, мѣлкихъ березокъ, на югосточной сторонѣ по рѣчкамъ красная и бѣлая сосна.

11 мая. Продолженъе пути до Читинска, въ теплыхъ мѣстахъ по горамъ Ревень, *Rheum undulatum*.

Primula farinosa, скороспѣлка, сонъ, гасникъ, бѣлая буквица (мучнистая) пролѣзала по низкимъ мѣстамъ.

Cotyledon talasophilum, пуповникъ, прекрасная травка выходила по лѣсамъ на косогорахъ.

Ужасное множество земляныхъ всякого рода мышей. Изъ нихъ особенно примѣчательнъ черноватенькой родъ, *mus oesopopus*, роющихъ норы подерномъ, необыкновенно пространныя, съ магазинами, въ которые натаскиваютъ до десяти фунтовъ чищеннаго коренья. Ихъ отнимаютъ дикіе свинья и Тунгусы, охотники до опьяняющихъ кореньевъ.

Отсель видно за рѣкою Или высокую гору Алахану, которая совсѣмъ бѣла отъ снѣга, несходящаго съ нее во все лѣто. По рѣки Или цвѣли *Spigaea chamaedrifolia*, козья борода, борода-тый лабазникъ и Сибирскій черносливъ, *Rgnus sibirica*, красивый кустарникъ, схожъ съ садовыми абрикозами, застилающій собою большую часть обнаженныхъ горъ, покрытыхъ голышами и разбитыми каменьями. Зерна его настаиваютъ на вино, получающее персиковый вкусъ. Ягоды, особенно незрѣлыя (они поспѣваютъ въ Юлѣ), причиняютъ головную боль.

Ничего нѣтъ великолѣпнѣе, какъ сіи крутые по Оною и безлѣсные горы, коихъ полуденная сторона цвѣтами Сибирскаго черносливу, полунощная же цвѣтущимъ *Rhododendron dauricum*, съ верху до подошвы, пурпуровымъ цвѣтомъ одѣвались.

Ловля дикихъ козъ, называемыхъ дзеренами, первѣйшее увеселеніе Мунгаловъ и Тунгусовъ. Выѣзжаютъ станицамъ отъ 50 до 200 человекъ. У каждого лукъ, стрѣлы и хорошо выученная собака. Избираютъ мѣста открытые къ рѣкѣ или лѣсу, преграждающему звѣрю дорогу. Ватага раздѣляется на малые кучки, дѣлаеть превеликой кругъ. Концы или крылья впередъ подающагося или заходящаго круга, подкрадываясь изъ за горокъ, изъ за бугровъ, дабы способнѣй и совершеннѣй окружить звѣря, сходятся позади того мѣста, гдѣ звѣрь указанъ. Какъ скоро обошли,

то подходить ближе, кругъ льдей становится чаще. Дзерены испуганные бросаются въ бѣгъ. Промышленники на нихъ отъ всюду со всѣхъ сторонъ скачутъ во весь опоръ и, окруживъ, крикомъ и свистящими стрѣлами обезумливаютъ звѣря и повергаютъ, сколько могутъ. Стрѣлять же и попадать въ цѣль на бѣгу, на всемъ скаку съ лошади, Даурскіе охотники мастера. Лѣсу и воды даурскіе сайгъ боятся.

По низменнымъ мѣстамъ около Онони расцвѣтала смолистая тополь, роняя съ себя почки, одѣянныя во всю зиму вязкою благовонною смолою, подобной Мекскому бальзаму. Птичьи вишни тоже начинали расцвѣтать. Цвѣли по долинамъ:

Astragalus biflorus.

Gentiana aquatica, малѣйшая изъ даурскихъ травъ.

Potentilla fragarioides, клубникъ подобная.

Viola pinnata, по горамъ.

» *digitata*.

Iris pumila, низкая ирѣ.

Scorzonera humilis, козелецъ.

Rapaver nudicaule. Макъ нагоствольный. Его желтыми цвѣтами испещрена великолѣпно весной вся Даурія, на чистыхъ мѣстахъ, сколько можно объять ихъ глазомъ.

Рѣка Ононь протекаетъ по каменному дну и потому выкидываетъ на берега множество сердоликовъ, халкедоновъ и кашелонovidныхъ камешковъ, которые, если бы были покрупнѣе и безъ трещинъ, продавались бы высокою цѣной. Куски зеленой, желтой и полосатой яшмы валяются повсюду. Кашолоновъ и сердоликовъ по Аргуню еще больше. Попадаютъ также жемчужные раковины и всякіе болотные ракушки, величины огромной, вдоль по Ононю по озерамъ.

Astragalus depressus, низменный, покрывалъ всѣ пространства въ лѣсахъ и былъ въ полномъ цвѣту.

Iris an verna, Благовонный касатикъ.

» *asaulis*.

Neмеросаулis, Лилеезлатоглавникъ, Морецвѣтъ, властоцвѣтъ.

Stellera chamaejasme.

Вербовникъ былъ разсѣянъ повсюду кустами.

Robinia sagana, килижикъ, горovníкъ, поѣдомый даурскими овцами, отъ котораго они жирѣютъ.

Lilium romponicum, Сарана или красныя полевыя лиліи еще не цвѣли, они поспѣваютъ въ Іюнѣ.

Руской и Китайской маякъ изъ одного коннаго караульнаго на холмѣ, который весь изъ яшмы темнозеленой, индѣ почти полупрозрачной, испещренной красноватыми жилками, коей слонъ въ горѣ, въ натуральномъ ихъ положеніи, почти видны были наружѣ.

Ribes diacantha, особый родъ Ежевики родится въ Дауріи и по Селенгѣ. Она имѣла уже листья и цвѣты, кои у нее бывають сережками. Ягоды во множествѣ и красноваты, но поспѣваютъ не прежде, какъ въ позднюю осень. Сладки, но меньше смородины, сушенныя какъ коринка.

Iris an spuria? голубой ксатикъ роскошествовалъ по пескамъ вокругъ озера.

Phaca, узлы, зимніе орѣшки, по землѣ растилающаяся.

Potentilla bifurca, Серебр. двоевильчатый.

Phaca salsula.

Караулы и цѣпи карауловъ. Козаки расселившіеся по рѣкѣ Оною. Родъ лошадей дикихъ, которыхъ называютъ Мунгалыды Джигитеями. Долгоушей. Похожъ на Лошака, но плодится. Дикъ и быстръ, такъ что никакая лошадь его не угонитъ. Обоянье столь сильно, что его нельзя никакъ обойти облавой, какъ сайгъ. Приучить сколько ни пробовали, никакими мѣрами не можно.

1 Іюня.

Primula farinosa.

» *Rotundifolia*, покрывали своими красными цвѣтами солончатые поля.

Плѣшивецъ особаго рода, съ свѣтлыми и желтыми цвѣтами.

Viola pinnata.

Viola lanceolata.

Sophora lupinoides, по сухимъ песчанымъ мѣстамъ.

Stellera chamaejasme.

Прекрасный, съ бѣлымъ цвѣтомъ, касатикъ.

Pedicularis, вшивникъ, вошникъ, гнидышъ, желтая.

Potentilla sericea.

» *multifida*, многораздѣльный.

Hyosciamus physalodes, блекота, белена одуревающая, одуревающія семена ее (поспѣваетъ въ Юнѣ). Тунгусы жгутъ какъ кофій и пьютъ по утрамъ.

Clematis hexapetala, Ломоносъ, бородавникъ, пищевая трава.

Отдаленные горы поднимаются изумительно какими верхами, похожими на оставшіяся развалины какого нибудь строенія. Многіе горы такъ украшены камнями, что нельзя не подумать, чтобы это не стада лошадей, коровъ или верблюдовъ паслися. Различные горъ кабаны положеньемъ и фигурой приводили въ изумленье. Необыкновенно пріятныя долины, множество оленей, птицъ всякихъ. Все вокругъ было испещрено цвѣтами, кои здѣсь цвѣли раньше, чемъ въ другихъ мѣстахъ. Нигдѣ еще не попадалось такое пріятное мѣсто. Каменные бараны, Аргали, на ногахъ выше обыкновенныхъ овецъ, шерсть зимою длинная, лѣтомъ короткая. Никой елень такъ не пужливъ. Въ бѣгу скоры и дюжи, бѣжить отъ человѣка не прямо, но кидаясь въ ту и другую сторону. Въ горахъ цѣпляются за ухабы и камни и прыгаютъ съ чрезвычайнымъ проворствомъ.

Каменные, пѣскомъ изобильные, горы на Оюнѣ были всѣ усыпаны цвѣтами. Наболѣе изобиловалъ макъ отъ бѣлаго и свѣтложелтаго даже до оранжеваго и всѣхъ смѣшенныхъ цвѣтовъ.

Касатикъ, *Iris dichotoma*, толь что пролезалъ своими листьями въ великомъ множествѣ по камен. горамъ. Монголы называютъ его ханчи, ножницы, и употреб. отъ зубной боли.

Sentaugea, съ весьма великими головками, видимая только въ одной Сибири, распушала свои первые цвѣты.

Luchnis alpina, по низменнымъ лугамъ.

Rugus bassata, Груша ягодоносная убирала берега и острова своими бѣлыми цвѣтами.

Бѣлый курослѣпникъ уже отцвѣлъ.

Розы, Тавогли, Лилеезлатоглавники и *Orobis tuberosus*, цвѣли посреди березняка, покрывавшаго высокій хребетъ.

Даурскіе Степные Тунгусы почти выводятся, утѣсняемые нуждами бѣдной своей жизни. Лица ихъ плоски, похожи на самоедскіе, волосы черные, жидкіе, бороды почти нѣтъ. На головѣ стригутъ въ кружокъ, на верхушкѣ заплетаютъ долгую косу, какъ сказываютъ, затѣмъ чтобы можно было привязать на головѣ лукъ и не замочить его во время плытья черезъ рѣку. Образомъ жизни посреди своихъ юртъ мало отличаются отъ бурятовъ. Множество Тунгусовъ изъ нужды живутъ въ Русскихъ деревняхъ. Если мужикъ согласится платить за Тунгуса въ годъ ясакъ, кормить его и одѣвать, тогда онъ работаетъ охотно и съ удовольствіемъ. Бодры, свѣжи, мастера ѣздить на лошадяхъ и стрелять изъ лука. Для казацкой службы нѣтъ лучшаго народу, ни въ грабности, ни въ вѣрности. Искусство ихъ пускать стрѣлы изумительно: воткнувши одну стрѣлу въ землю и рассказавшись на лошади изо всей поры мочи, они перестреливаютъ ее изъ лука другою. Въ одно и тоже время, сидя на лошади, погоняетъ плетью, беретъ стрѣлы, стреляетъ, не имѣя въ рукахъ узды, управляя лошадью только однимъ движеніемъ своего тѣла. Держится одной ногой за сѣдло, на скаку всѣмъ тѣломъ повѣсится на сторону, опрокинется, стреляетъ назадъ, не сворачивая лошади съ бѣгу. Тунгускіе роды имѣютъ надъ собою начальниковъ Тоіоновъ, которые дѣлаютъ роспись душамъ и за всѣхъ привозятъ ясакъ, отдавая его деньгами, а съ тунгусовъ собирая мѣхами. Ихъ много истребила въ послѣднее время оспа и венерическая болѣзнь.

Путь по рѣкѣ Агѣ, болотистой своими займищами. Вдоль по Агѣ кочующіе буряты были намъ очень благосклонны и госте-

примны. Согнали отовсюду свои табуны на дорогу добровольно, для перемѣны лошадей, приносили въ подарокъ барановъ, молока и молошной водки. Отъ рѣки Аргалея дорога лежитъ мокрыми горами, вершины сѣверной половины заросчены были березникомъ. Тѣнь и сырость производили прекраснѣйшiе, въ лучшемъ цвѣтѣ Альпiйскiе травы. Изъ нихъ примѣчательны:

Rhodiola rosea, Розовый корень, красивѣйшая изъ всѣхъ и чаще другихъ попадавшаяся на болотахъ, въ 1 ар. вышиной.

Androsace lactiflora. Переломъ млечноцвѣтнiй.

Cortusa Gmelini. Заржица, Лѣчуха, Кортузъ Гмелиновъ, очень рѣдкая.

Mitella nuda, Епископская шапка, нагая, тоже рѣдкая.

Sucripedium bulbosum, венеринъ башмачокъ. На сухомъ черноземѣ между кустами.

Thalictrum alpinum, золотуха, шелкунъ, зяблица, лучевая рута. Тамъ же.

Trollius asiaticus, желтоголовъ, купальница; и другiе лѣсные травки.

Spigaea chamaedrifolia, таволга, лабазникъ, журанъ кадилолистный, была вся усыпана цвѣтами, а иглами пуше, чѣмъ шиповникъ.

Anemone dichotoma, вѣтреница, одномѣсячникъ, бѣлокъ сокъ (двоераздѣльная), по болотнымъ займищамъ.

Pedicularis verticillata, вшивникъ верхоцвѣтнiй, коленчатый, тамъ же.

Symphitum tuberosum. Лошаково ухо. Живокость, сальной корень, (шишковатый) тамъ же.

Flora sibirica, по холмамъ.

Слѣдующаго дни дорога лежала все подлѣ рѣки Ингоды, мѣста были гористыя, густымъ лѣсомъ, каменьемъ и пѣсками изобильныя. Дорога становилась узкой отъ утесовъ, выходившихъ въ рѣку. Въ лѣсахъ цвѣли во множествѣ:

Cornus alba.

» *Asiaticus*.

Surgipedium calceolus, венер. Башм. обыкновенный.

» *guttatum*.

Hesperis sibirica, вечерница, вечерняя, ночная фиалка (сибирская).

» *matronalis*, вечерница бабья.

Stellera chamaejasme.

Potentilla fruticosa.

Polemonium. Балдырьянъ троецвѣтъ.

Geranium sibiricum.

» *Columbinum*.

Прекрасная желтая Ирѣ цвѣла по болотамъ. По холоднымъ же нагорнымъ озерамъ плавали листы травки, свойственной восточной Сибири, *Sagittaria natans*. По сырымъ пригоркамъ процвѣтали Остролистая Ольха и многие горные прутняки.

Sysimbrium asperum, расцвѣталъ по р. Удѣ.

Aster alpinus, звѣздоцвѣтъ астръ.

Centaurea uniflora, Бѣлолисъ, чертополохъ одноцвѣтвый, тотъ и другой по горамъ.

Въ темныхъ мѣстахъ цвѣла:

Кокушкины сапожки, *Surgipedium calceolus*, трехъ сортовъ.

Lilium romponium, сарана, лилія помпонная.

» *bulbosum*.

Heimerocallis flava.

Polemonium, усыпалъ промежутки голубымъ цвѣтъ, а

Trollius, оранжевымъ.

Stellera chamaejasme, Мужикъ корень, усыпала подошву одной горы въ такомъ множествѣ, какъ бы была тутъ посѣяна.

Змѣиной хвостъ, *dracoscephalum nutans*.

Даурская моховая смородина. По мшистымъ мѣстамъ подлѣ рѣчки. Листья какъ у простой черной смородины, но стебли растялаются по мху и ягоды особенны.

Symbaria daurica.

Convolvulus cantabrica, двѣ рѣдкіе прекрасные травы росли въ излишествѣ по борамъ.

На открытыхъ песчаныхъ лугахъ по Сухарѣ росло несказанно какъ много Ревеню, *Rheum undulatum*, съ чрезвычайно толстымъ корнемъ.

Крушина, *Ramnus erythroxylum*, похожій на *ramnus lycioides*.

Его твердое и какъ кровь красное дерево, называемое по сдѣшнему Яшилъ, идетъ на кивоты Божкамъ у здѣшнихъ народовъ.

Rubia cordifolia, марена сердцеобразная.

Menispermum canadense. Мѣсячное семя, лунносеменникъ канадскій, рѣдкая трава, женской родъ ея вѣтся по скаламъ какъ повилочные, мужскіе растутъ прямо.

Spigaea salicifolia. Таволга верболистная, по песчанымъ берегамъ во множествѣ.

Linum regenne, также и тамже.

Nedysarum fruticosum, Гребешокъ, Петушья головка, (кустистый) прекрасно украшалъ Селенгинскіе песчаные горы.

Hieracium erectum, Житной цвѣтъ, житникъ, мачекъ полевой, размножается до самаго жилья, какъ куколь.

Столь же хорошо роскошествовали и окольности Селенгинскія, состоя изъ пригорковъ черноземныхъ, открытыхъ солнцу, поднимающихся въ отлогіе горы, и прозводя почти всѣ травы, какіе находятся въ Дауріи. Прибывъ 20 іюня туда, засталъ я слѣдующія травы:

Sophora lupinoides, Индѣйское растѣніе.

Ballota lanata, Шерстистая глухая крапива. Чернокудреникъ.

Corispermum hyssopifolium, клоповное семя.

Isopirum fumaroides, козій горохъ.

Anchusa saxatilis, воловій языкъ; ослиныя уста, по горамъ и долинамъ.

Куколь росъ почти въ самомъ городѣ.

Asclepias rugruea. Стручковато зелье, Ласточникъ, Чертова борода.

Statice rosea. Желтокорень, вязникъ.

Atraphaxis spinosa, кустарная греча (колючая).

Cotyledon spinosa, пупокъ, пуповникъ.

» *Malacophilum*.

Sedum Aizoon, Молодиль скрыпунъ, непрерывно зеленѣющій.

Peganum daurica, Песье Дермо, ежье.

Potentilla sericea, жабникъ, молка, серебристая трава, гусиная лапка (желковистая).

Anemone narcissiflora.

Papaver nudicaule.

Dracocefalum peregrinum.

» *Moldavica*.

Symbaria daurica.

Scrophularia scorodonia, коричникъ, красной корень (португальской).

Sisymbrium integrifolium, Гулявникъ, рѣжуха, цѣлнолистный.

Hesperis rupestris.

Phaca prostrata, зимніе орѣшки; узлы.

» *lanata*.

» *physodes*.

Astragalus melilotoides.

» *laguroides*.

» *lupulinus*.

Tanacetum sibiricum.

Viola uniflora.

Съ холодной стороны и въ узкихъ ложбинахъ.

Saxifraga bronchialis.

Talictum sibiricum.

Lycopodium sanguinolentum, плаунъ кровавый.

Кустарники:

Rugus baccata.

Ribes diacantha.

Ulmus pumila, Ильна, берестина низкорослая.

Robinia rugosa, Чилижникъ, железнякъ низкорослый, во множествѣ вокругъ Селенгинска. Его цвѣты желты какъ золото, а потому называютъ его здѣсь золотарникъ.

Amigdalus papa, похожъ на маленькой кустарникъ, который водится по волгѣ и называется калмыцкими орѣхами.

По островамъ селенгинскимъ находилось во множествѣ маленькихъ, живущихъ въ пескахъ, зайчиковъ, которые называются Оготовы. Тушканчиковъ также много по причинѣ сараны, которой лукавицами они питаются и которой здѣсь растутъ въ обилии необыкновенномъ. Монголы ихъ ловятъ и жарятъ. Рассказываютъ про нихъ тоже, что въ Англіи про ѣжа, а въ Россіи про жабу коровницу, будто они по ночамъ сосутъ у скота изъ титекъ молоко. Справедливо по крайнѣ мѣрѣ то, что они дѣйствительно находятся во множествѣ въ овечьихъ стадахъ и пугаютъ ихъ своимъ прыганьемъ. Нѣкоторые Естествологи рассказываютъ тоже самое про козодѣя, *Caprimulgus Europæus*.

Гора, изъ которой ломаютъ хорошіе куски Халкедона и наждака. По правому берегу рѣки Селенги горы сѣраго разноцвѣтнаго камня, состоящаго изъ смѣшенья Аметистоваго, Рубиноваго, сѣраго и другихъ цвѣтовъ. Онъ ломокъ и ничуть не влаженъ.

Вообще сей камень такого сложенія, что наружѣ мякнетъ и распадается, и для того восходя на горы, можно ясно видѣть и доказать, что пѣсокъ летучій и переносный вѣтромъ по Селенгѣ и слѣдовательно по всей Дауріи не откуда взялся, какъ отъ распадающагося мало по малу онаго камня. Около Селенгинска усматриваются тѣже самыя аметистовыя и голубыя зернышки, кои и самыя скалы пѣстрѣютъ. Оголившіеся горъ вершины проникаются снѣгомъ и дождями, разводятся при всякой непогодѣ, раздробляются сперва крупнымъ хрящемъ, послѣ рассыпаются въ щебень и въ летучій мѣлкій пѣсокъ, который вѣтромъ сносятъ, водою внизъ смываетъ и такъ заметаетъ долины.

Товары, идущіе гужемъ съ Кяхты, съ самой весны до поздней осени грузятся въ дощеники и дощениками идутъ по Селенгѣ внизъ, по Рѣкѣ въ Байкаль и далѣе въ Ангару, Тунгузку и Енисей. Въ Чикоѣ со вчерашняго дни прибыло воды, вѣроятно въ горахъ былъ великой дождь. Селенга также выступила изъ

береговъ. Отмѣль оглыбла. Поле желтѣло отъ желтыхъ цвѣтовъ Гемерокала. Поворотъ въ узкую песчаную ложбину, которая простиралась межъ горъ, краснымъ лѣсомъ покрытыхъ, изгибается отъ востока къ сѣверо-востоку, имѣетъ слѣды протекающаго ручья и болотину. По сухому мху *Lycopodium sanguinolentum*, бѣгала моль *Ierisma*.

Отсель дорога идетъ высокими каменными и жаркими безлѣсными горами, гдѣ прыгало множество всякихъ сверчковъ, которые если поутру летаютъ долго по воздуху, то предвѣщаютъ дождь. Дорога по сторонамъ была усыпана хорошо пахнущей чернобылью, *Artemisia Pectinata*.

По болотамъ разцвѣтали:

Pedicularis paniculata, съ красными, иногда же темножелтыми, а иногда свѣтложелтыми цвѣтами.

Filago leontopodium, Мухоловъ жабникъ (кошечный).

Ophrys paludosa, Двулистникъ, Подколанъ, птичье гнѣздо (болотный).

Orchis cucullata. Кукушкины слезки, пѣтушки, сатиръ (сибирской).

Ranunculus repens, дикой макъ съ бѣлыми цвѣтами и желтизпой внутри, покрывая луга по ту сторону болотъ.

Robinia sagana, бобовникъ, имъ заросли песчанья поля по рѣкѣ Кяхтѣ.

Trifolium cytisoides, очень красивой.

Маленькая дикая конопель.

Pedicularis striata. Стебель прямой, цвѣтокъ въ верху зияющій, листики узкіе.

Convallaria verticillata, Ландышъ круглоцвѣтный.

Valeriana rupestris, Стволъ тонокъ, красноватъ, одѣтъ листьями попарно, цвѣточки многочисленнѣй, мѣлче, желтѣе, чемъ у *valeriana sibirica*.

Astragalus bullarius.

Cotyledon malacophilum. Саволь, съ низу весь въ листахъ лавровидныхъ, густо обѣвшихъ, къ верху превращается въ цвѣточный колосъ, нагнувшійся гусарскимъ ментикомъ.

leridium ruderale, перечникъ собачій, пометный.

» *latifolium*, по солончакамъ.

Твердой, порядочный Агаты, который вываливается наружу изъ обвалившихся береговъ рѣки, за двѣ версты отъ Урлудской слободы, въ деревнѣ же Гутаѣ ломаются въ кварцѣ просѣдающій карандашъ, почитаемый долго за желѣзную руду.

Вообще Даурія и все лежащее за Байкаломъ погорье кладъ для Естествоиспытателя. Говорю погорье, потому что и самыя равнины неиное что, какъ площади на отлогихъ горахъ, кои всѣ лежатъ высоко относительно Западной Сибири. Кромѣ высочайшаго, лѣсистаго хребта, непрерывно простирающагося отъ Байкала до вершинъ Селенгинскихъ и составляющаго, соединившись съ Саянскимъ хребтомъ около Енисея лежащимъ, прешрашный, отчасу ширѣ и ширѣ гребень, однимъ концемъ къ западной губѣ Байкала, а настоящимъ хребтомъ продолжающихся въ Мунгаліи чрезъ вершины Енисея, Селенги и Толы, гдѣ онъ потомъ разбивается на части, или амурскіе рѣки отъ Сибирскихъ, или свои главнѣйшіе Наунъ и Шарамуринъ межъ собою, или амурскіе отъ Хоанго отдѣляетъ, кромѣ главнѣйшаго гребня, многими ужасными, вѣчнымъ свѣгомъ покрытыми, безлѣсными, морозными, гольцами прозываемыми верхами, все прочее пространство межъ Байкаломъ и границею наполняютъ сухія, открытыя, прерывныя, крутыя, каменные горы, межъ коихъ пролегаютъ песчаныя долины и равнины, которыя также доказываютъ ясно, что песокъ состоялся отъ распавшагося сихъ горъ камня, и что вѣтры, дождь и снѣжные тали и другіе водные потоки были причиною его съ нихъ смытія и распространенія. Ибо большая часть оныхъ горъ состоитъ изъ рухлой опоки и другихъ таковыхъ каменевъ, и очень немного мѣсть, гдѣ бы были видны уклоны, кромѣ развѣ тѣхъ, которые, находясь у подошвы нѣкоторыхъ горъ, состояли изъ отмытаго хряща и нѣкоторыхъ земель.

Горы сіи выходятъ въ Селенгинскомъ Нерчинскомъ уѣздѣ и собственно въ дауріи, выходя то утесомъ, то просто высунув-

шеюся скалою, то холмами, осыпанными разбитымъ каменьемъ, часто представляютъ взору прекрасные виды. И вслѣдствіе такого положенія должны произвестъ большое разнообразіе травъ. Ибо родятся травы то въ горахъ, то въ глубокихъ тѣнныхъ, холодныхъ, открытыхъ, песчаныхъ, теплыхъ солончатыхъ долинахъ, то на поемахъ и проч. Отсюда разность въ холодныхъ и теплыхъ мѣстъ, въ сосѣдствѣ другъ друга, подъ тѣмъ же климатомъ. Около Селенгинска и Кяхты огородные овощи, арбузы, дыни и травы теплыхъ странъ. Напротивъ, по рѣкѣ на сѣверъ никакое растѣнье не успѣваетъ. Да и на самомъ Байкалѣ, гдѣ оттѣнь и морозы отъ высокихъ горъ, травы растутъ до самого морскаго берега только такіе, какіе собственны однимъ морознѣйшимъ хребтамъ.

Обыкновеннѣйшее дерево въ Дауріи и по Селенгѣ сосна, потому что все пески. На холоднѣйшихъ хребтахъ Лиственничникъ, кедровникъ, соснягъ, пихтовникъ, березникъ, осинникъ, всѣ растутъ въ смѣсь, а рябина и другой кустарникъ и багульникъ, *Rhododendron Dauricum*, составляютъ обыкновенный фашичникъ около луговъ. Самые же высочайшіе верхушки, покрытыя нетающими снѣгами, или голы вовсе, или же покрыты растлѣвающимся по каменной поверхности прутьемъ, мѣлкими отродьями деревъ, каковы: сланецъ, маленькіе кедрки, лиственнички, березнички, можжевельнички, сабиннички, и прочіе малые кустарнички. Страны сіи неудобны вообще для хлѣбопашества.

Селенгинскъ лежитъ на заливѣ, занесенномъ пескомъ, черезъ который въ малую воду можно переходить. За городомъ лежатъ тотчасъ высокіе песчаные бугры, съ коихъ вѣтромъ разноситъ пѣсокъ по всѣмъ улицамъ. Высокіе надъ нимъ горы покрыты строевымъ и годнымъ для топки лѣсомъ. Съ рѣки городъ имѣетъ видъ прекрасный. Оттуда видны его три церкви, у самаго берега стоящіе. Крѣпость деревянная, высокая, съ башнями и наугольниками. Весь городъ окруженъ надолбами.

Мѣста вокругъ Байкала подвержены землетресеніямъ. Удары

чувствуются даже въ Иркутскѣ. Въ запискахъ Месершмида говорится о землетресеніи, отъ коего земля и ледъ трескались, связи трещали и висящіе вещи качались.

Ъзда отъ Селенгинска.

Дорога по р. Темнику. Къ ночи достигнули Гусинаго озера во время великаго грома съ сильнымъ дождемъ, что было симъ лѣтомъ еще впервые. По низменнымъ мѣстамъ вокругъ озера росла *Robinia Ferox*. Сей стручистый кустарникъ величиной съ человѣка и растилается по землѣ на сажень густымъ колючимъ кустомъ. Будучи густъ, сучковатъ и усаженъ долгими иглами, онъ составляетъ, высохнувши, непролазный заборъ. Его стручки могли бы служить вмѣсто гороху, а молодыя верхушки и листь пищею овцамъ. Но прекрасный сей кустарникъ, дающій весною пріятный видъ бесчисленнымъ множествомъ своихъ желтов. листовъ своихъ, нигдѣ не находится, какъ только въ сей великой пади, отъ Темника и Гусинаго озера съ Селенгою идущаго до рѣки Убукуна и еще нѣсколькью мѣстами до Оронгоя.

Въ одной вымощи отъ снѣжной воды показывался отчасти свѣтлой, отчасти какъ кровь красной мергель.

Изъ озера иногда выкидываетъ кусками не очень твердое земляное уголье. Бугры около озера лѣсистые соснягомъ, состоятъ изъ пѣсчаного плитняку въ смѣси съ чистымъ пѣскомъ или брусомъ, обваливающагося слоями. Изрядные кормы. Отсель дорога мокрою каменистою долиною на соленое озеро и солонварни. Стручковатый кустарникъ не прекращался.

Alium sphaeroserphalum, разцвѣталъ по болотамъ.

Ogchis arbotiva, съ бѣлыми, пріятно пахнущими цвѣтами, тамъ же (австрійская).

Atrafaxis, кустарная греча.

Dracoserphalum moldavica.

Pegalum, песье дермо.

Rallote lanata, всѣ по лугамъ.

Дно соленого озера состоитъ изъ синяго илу, на коемъ въ наступающіе морозы садится слой Глауберовой соли на два вершка толщиною: изсохнувъ на воздухѣ, она разсыпается въ муку. Въ жары отдѣляется соль поверхъ озера перепонкою, издали краснѣющей къ солнцу, и отъ малѣйшаго волненья изломавшись, садится на дно. Илъ идетъ глубоко: на 7 арш. Когда хотѣли сквозь твердый слой пробиться дальше, то выгнали шуромъ чистой ледъ, съ коего рождаются и прѣсная вода въ озерѣ. Выварка соли начинается съ ноября, когда безъ перыву слоевъ довольно одинъ на другой насядетъ, и продолжается до половины марта, когда стекающая стекающая съ горъ снѣжная вода начинаетъ соль размывать. Вывариваютъ до 20,000 тысячъ пудовъ. Вываренная соль чиста, зерниста, бѣла, однакоже не столь солка, какъ Ангарская.

Высокая сухая степь до самого Байкала, но за нѣсколько верстъ начинается хрящъ и щебень, покрывающій отлогій морской берегъ даже до Посольскаго монастыря. По морскому пешаному берегу и по сосѣдственнымъ оттоль мѣстамъ росли растѣнья, которыя производятъ только одни снѣжныя, за облака заходяшіе, горы, по причинѣ, что лѣтомъ во все время дуетъ съ моря холодный и туманный воздухъ, какъ то:

Sesbvia, хвоя, хвойное дерево.

Empetrum nigrum, верескъ ягодный, каменный кустъ, грыжовникъ.

Campanula rotundifolia.

» *grandiflora*.

Fumaria impatiens.

Polygonum divaricatum.

» *angustifolium*.

» *Sericum*.

Scrofularia scorodonia.

dracocephalum nutans.

Lycopsis visicaria, Волковидъ, Волкобразъ, кривошей, червяница (надутый).

Triticum littorale, Дикая рожь, урожаеаея на берегу кааь будто пообьянная.

Lonicera caerulea, жимолюстникъ, папороть голубая.

» *reginaica*, въ лбсахъ.

Linnaea.

Rubus arcticus.

Ledum.

Andromeda polifolia, Андромеда, болотная былина, бесплодный кусть (пьяная).

Vaccinia, черника.

Rugolae, грушовка. Въ Сибири мужики пьеть ее вмбсто чая, кааь лбкарственное питье.

Когда я прбхалъ въ Посольской монастырь, то по всему Банкалу распротирался такой великой туманъ, каой бываетъ только на высокихъ горахъ, притягивающихъ къ себб облака, или же въ зиму и въ осень на земляхъ, при морб лежащихъ. Нербдо случается, что облака зашедъ промежь горъ, окружающихъ море, нбскольео дней гуляютъ то въ полуденную, то въ сбверную стороны, производя переменчивую погоду и дожди, тогда повсюду ясно. Съ 20 Юля настала однакоже повсюду дождливая ненасная погода, кааь въ вознагражденье, что всю весну и половину лбта была жаркая и сухая. Въ Байкалб съ весной ловятъ морскихъ сиговъ (*Salmo Oxirhinchus*) и линковъ, приваливающимъ въ великомъ множествб къ отмблямъ бросать икру. Лбтомъ попадаютъ только Омули. Есть еще рыба особенного рода, Коломенка, жирна и тверда, кааь кусокъ сала. Въ сбти не попадаетъ, живой ее не видали. Но во время великихъ штурмовъ она плаваеаъ на поверхности великими стадами. Недавно выброшено ее столько, что они лежали валомъ на берегу. Ни чайки, ни карги ихъ не трогаютъ по причинб жиру. Этоть жиръ изъ нее вытапливаютъ и продаютъ Кытайцамъ. Изъ моря нааидываетъ множество зеленого слизкого морского растбня; на днб всб каменья имъ обростають, будто струистымъ зипуннымъ сукномъ. Самое море подобно ужасной пропасти, имбю-

щей берегами разбитые хребты. По нимъ попадались слѣдующіе травы.

Chrysanthemum acticum, Бѣлица, Нивникъ, Ивановъ цвѣтъ (сѣверный).

Valeriana sibirica.

» *Rupestris*, часто растущіе вмѣстѣ на одномъ и томъ же камнѣ.

Sysimbrium album. Гулявникъ.

Astragalus coeruleus.

Polipodium fragrans. Сей рѣдкій, прекрасный, благовонный папоротникъ, собираемый Бурятами на высочайшихъ хребтахъ по разсѣливамъ и называемый Серликъ, составляетъ лѣчебный чай отъ цынготной и ломовой болѣзни. Два листика его, будучи приложены къ зеленому чаю, возвышаютъ его вкусъ. Духъ отъ него пронизателенъ и долго держится, онъ надушилъ собою всѣ травы и сундуки, полныя бумагою.

Polipodium Dryopteris, Ангельская сладость, соловка, черно соловодковый корень (малый).

» *Fragile* (ломкая).

Acrostichum maranta, косянецъ, сытовецъ.

Saxifraga punctata.

» *crassifolia*.

Melampyrum sibiricum. Братъ съ сестрой, Иванъ да Марья, коровій, скотскій кормъ (въ буеракахъ).

Swertia corniculata, свертово растѣвіе.

Alium altaicum или *Saxatile*, Каменный чеснокъ или лукъ, какъ называютъ его матросы, поядающіе его очень охотно вмѣсто обыкновеннаго луку, растущаго по берегамъ. Онъ находился на оголенныхъ солнечныхъ скалахъ во множествѣ.

Плаванье по Байкалу въ лодкѣ. Вѣтръ подулъ сего утра сильный съ запада, но сильнѣй того были волны отъ наступавшей на морѣ штурмы. Кормщикъ хотѣлъ прямо съ Кадильной

черезъ крутую губу на ближайшій Соболевъ отстой перекинуть, гребцамъ поспоровать, работу укоротить и опять прямо съ Соболева отстой черезъ большую губу перегревать, что и дѣйствительно верстъ бы десять обходу сократило. Однако, чуть только съ носу отвалили, такой жестокой задулъ вѣтръ, что нужно было поворотить лодку по валамъ, и насили съ опасностью жизни прибились къ ближайшему берегу. Высокіе горы съ верху до низу состоятъ изъ разбитыхъ, но опять сплоченныхъ камней, доказывая ужасное, нѣкогда бывшее Байкальскихъ горъ раздробленіе. Сей родъ камня не иначе какъ подъ водою долженъ зачатъся и страшнымъ земли проломомъ воздвигнуть вверхъ горы больше, чемъ на 100 сажень перпендикулярной высоты.

Въ вечеру отправился въ Иркутскъ. Въ темномъ и отовсюду запертомъ лѣсу по болотамъ при Усть-Ангарѣ и по рѣчкамъ Сѣнной и Банной цвѣли *Poligonum sagitatum*, *Allium victorialis*, *Swertia carniculata*, *Dianthus suberbus* и *Pedicularis Altissima*. Станціи по дорогѣ къ Красноярску населены мужиками Енисейской губерніи съ прибавкою ссыльныхъ. Въ старомъ селѣ Рыбинскомъ кузнечныя плавильни. Железо плавить Енисейскій кузнецъ. Желѣзная руда, употреб. имъ въ плавку, достойна особеннаго примѣчанія: она состоитъ изъ большихъ и малыхъ каменьевъ окаменѣлаго дерева, которое превратилось въ темный, твердый, богатаго содержанья желѣзный камень, но такъ, что и всѣ годовалые деревья приращенья и останки коры видны. Одно мѣсто ея находится по рѣчкѣ рыбной на пригоркѣ, покрытомъ березникомъ, противъ одной ложбины, на топкой низменности коей садится множество желѣзной охры. Здѣсь она лежитъ цѣлыми деревъ колодами, въ глинисто-песчаномъ слою, смѣшенномъ съ желѣзной охрой. Другое мѣсто отъ жилья съ версту. Орудѣлыя колоды сами имѣютъ такой же видъ, какъ и руда, но желѣза не даютъ; кузнецъ изъ нее выплавливаетъ чугуны. Енисейскіе кузнецы топкою въ горшкахъ желѣза такъ рапространили свою комерцію, что всѣ около лежація мѣста довольствуются онымъ. Кузнецъ платитъ въ казну за право плавить

по 10 рублей въ годъ съ горна. Руда находится верстахъ въ 25 отъ Енисейска, въ буграхъ, покрытыхъ листовницею, Ельникомъ, соснягомъ и другими досчатымъ лѣсомъ. Работники раскапываютъ сверху, на аршинъ толщиною, желтую глинистую землю, смѣшанную съ красноватой, потомъ поднимаютъ сѣрую, съ пѣскомъ смѣшанную, глину, въ коей лежитъ охра гнѣздами, по симиъ лежитъ толстой, бѣлой, песчаной, глинистой, содержащій желѣзо слой, чрезъ который просѣдаетъ тонкая, на подобіе угольной, совсѣмъ рыхлая жила. И въ бѣломъ слою добывается самая богатѣйшая желѣзная руда, которая то разсыпчата какъ трепель, то тверда какъ камень, снаружи бѣла, но ничуть не известна и точно какъ въ большомъ горизонтальномъ гнѣздѣ глина. Бѣлую руду выискиваютъ небольшими въ глубину пробоинами, сажня на четыре или пять, и тамъ прорываютъ вслѣдъ за рудою каморки или, по тамошнему, печки. Покуда жила видна, работнику плотять отъ 4 до 5 копѣекъ. Плавка зависитъ отъ мѣры огня. Если мѣхи дуютъ сильно, выходитъ чугуны, слабѣе, выходитъ мягкое желѣзо или укладъ. Но и тутъ еще не могутъ предузнать, какое желѣзо выйдетъ. Какъ скоро разгребутъ горны, то пробуютъ въ гнѣздѣ растопившуюся руду желѣзнымъ прутомъ. Если она прильнетъ къ пруту, то узнаютъ, что это чугуны, когда же пруть прикосновеніемъ къ расплавленному желѣзу издастъ звукъ такъ, какъ когда тронешь холодное желѣзо, то заключаютъ, что это мягкое и уже сварившееся желѣзо; если же дотронувшись прутомъ поскачутъ искры, то выходитъ укладное желѣзо.

Пріѣздъ въ Красноярскъ. 1-е Августа. Прибытіе студента Зуева съ Енисея (въ верхъ къ Ледовитому морю), Донесшаго, что Тунгусы составляютъ по рѣкѣ Енисею многолюднѣйшій народъ, Юраковъ же и Остяковъ меньше. Рѣка Енисей ниже Мангазеи, особливо противъ Селякина зимовья, гдѣ начинается ея устье, ширины необыкновенной, такъ что съ одного берега едва можно видѣть другой. Правая сторона рѣки гориста, но горы не

высоки и валами, лѣвая ровная, но не низменная; та и другая покрыта лѣсомъ. Къ Селякину становится лѣсъ меньше, мѣлче и наконецъ вовсе переводится. Снѣгъ и ледъ съ береговъ сходить только что въ концѣ Юня, но никогда не разстаетъ въ бугракахъ и рытвинахъ, размытыхъ снѣжною водою. Да и на холмахъ земля разстаетъ не очень глубоко: подъ мхомъ и прутняговымъ кореньемъ, разрастающимъ межъ мховъ, находятъ часто или чистый ледъ, или мерзлую землю. Оляха, лиственница, верба и береза обыкновенно тамъ пролупаются и разцвѣтають въ послѣднихъ числахъ Юня. Другія травы оказываются ранѣе и впервыхъ:

Fumaria bulbosa.

Viola uniflora.

» *biflora.*

Erigeron alpinum, Богатница, Крестовикъ.

Androsace villosa, Переломъ мохнатый.

Corthusa Matthioli, заржица, лѣчуха, коргузь.

Rhodiola rosea, Розовой корень.

Potentilla stipularis, Молка (сибирская).

Dryas octopetala, Богиня лѣсовъ, Камчадалка, Сибирячка,
(8 листная).

Adoxa moschatellina.

Linum perenne, приносящій въ сихъ холодныхъ странахъ чрезвычайно большіе цвѣты.

Rheum undulatum, продолжающійся даже до 66 градусовъ сѣверной широты.

Енисей внизъ по рѣкѣ населенъ больше, чемъ Обь, по причинѣ выгодныхъ промысловъ для Рускихъ промышленниковъ. Погосты и зимовья (иногда состоящіе изъ одного жилья) идутъ во множествѣ до самого ледовитаго моря. До моря студентъ не доѣзжалъ за 322 версты и съ Селякина зимовья воротился въ Красноярскъ.

19 Августа выѣхалъ Палласъ изъ Красноярска. Дорога

чемъ далѣ, гористей, темнѣй, болотистѣ и лѣсистѣй. Лѣсъ соснягъ, топольникъ и березникъ. Проточины рѣки Бугалы, болоты, топи затрудняли сильно дорогу, не смотря на то, что бы посланы впередъ мужики прочистить дорогу и мостить мосты черезъ ручьи и рѣчки. Отъ Качи часть высокихъ горъ, раздѣляющихъ рѣку Енисей съ Чулымомъ.

Грязные лѣса содержали растѣнія, бывающіе въ горныхъ Сибири лѣсахъ. Всѣхъ изумительнѣй была Горечавка, *Gentiana ciliata*, которая еще цвѣла и такъ далеко размножается къ Сѣверу, что даже находятъ ее на самихъ холоднѣйшихъ горахъ, съ голубыми или бѣлыми цвѣтами. Ночью свѣтящіеся червячки по кочкамъ и гнилымъ деревьямъ увеселяли глаза наши. Степь изобиловала осенними травами, изъ нихъ:

Cimicifuga, Клоповникъ, вонючая трава.

Gentiana pneumonante, Горечавка, плющевой цвѣтъ.

» *punctata*.

» *cruciata*, крестовидная.

» *ciliata*, тороченная.

Senecio cruciformis, крестовникъ горчичевидный.

По впадинамъ росли маленькіе березки и кусты отцвѣтшаго *Orobus luteus* и *latiroides*, *Lathyrus pisiformis* и отродокъ отъ большей, называемой королевскіе шпоры. Равнымъ образомъ еще не отцвѣтали *Aconitum napellus* и *Sycostomum*.

Утесы горъ краснѣли, какъ кармазинъ, отъ спѣлыхъ ягодъ земляной малины, *Erhedra*. Въ Дауріи и Селенгѣ ягоды сія считаются вредными и будто бы причиняющіе одурь. По болоту вокругъ небольшого озера росла *Swertia rotata*. У татаръ прикладываютъ ее жеванную къ ранамъ; Рускіе употребляютъ ее во внутрь, какъ горькое домовое снадобье, и называютъ ее бѣлымъ звѣробоемъ, подобно тому, какъ въ иномъ мѣстѣ Гиссопъ и *Ruyschiana* называется синимъ звѣробоемъ.

Astragalus uliginosus.

Cnicus spinosissimus.

Primula farinosa.

Drias pentapetala.

Potentilla cericea alba.

Tussilago anandria.

Четверугольная гора, утесомъ необыкновенной высокимъ. На самомъ верху ея высунулся немалый четверугольный камень. Отъ татаръ называемый Анло. По преданью, подъ нимъ закопаны великія сокровища и богатства Алтынхана, нѣкогда сдѣсь кочевавшаго. Скрывъ кладъ, онъ запаялъ наглухо всѣ щели признаки. Во время Палласа одинъ кладовскатель, съ помощью вѣрившихъ ему, рылся въ двухъ разсѣлинахъ горы, провелъ на нѣсколько сажень шахты и другіе многіе надѣлалъ пробоины. Всякую глухую дыру принималъ за сдѣланную человѣкомъ. Затеклыя каменною матеріей щели называлъ замазанными извѣстковымъ растворомъ продушинами. Случалось, что бѣлый лунь нѣсколько разъ на сію гору опускался или, надъ нею вѣючись, смотрѣлъ въ какую нибудь сторону, онъ принималъ его за указателя, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ лежитъ богатство. По его словамъ, духи препятствуютъ къ работѣ всячески, дѣлая разные насмѣшки, кидаютъ камнями, мочать или тушатъ фитили на рваняхъ, смѣются, кличутъ работниковъ по именамъ и т. подобное. Отъ небольшого соленого озера, лежащаго въ сухой впадинѣ, окруженного песчанно-каменными горами (озеро кривое и продолговатое), идутъ высокія каменные горы, а отъ нихъ дорога на Тустукуль. Съ озера собираютъ соль. По берегамъ было много выкинутыхъ насѣкомыхъ. По озеру плавала *Trynga hyperborea*. По пескамъ вокругъ озера много было прекрасной травы *Phaca muricata*, но ея красивыхъ кустовъ не ѣдятъ ни овцы, ни же другой скотъ.

Phaca prostrata, цвѣла тамъ же.

Pidicularis myriophylla, еще цвѣла на высокіхъ горахъ послѣдними отвѣтавшими цвѣтами.

Raphanus sibiricum, въ такомъ количествѣ и достоинствѣ, какъ сдѣсь и возлѣ Красноярска, его нигдѣ не находится. Онъ цвѣтетъ сначала весны и до конца осени и тогда, наклоня

отягченныя стручками вѣточки, разстилаются по чистому полю.

Valeriana rupestris.

Papaver nudicaule.

Potentilla sericea.

Astragalus bullarius, на коемъ еще нѣкоторые цвѣточки держались.

Hedisarum grandiflorum.

Tussilago anandria.

Chrisanthemum arcticum.

Маленькая *Robinia*, такъ какъ растетъ во множествѣ по ямамъ и подгорьямъ, то работники, укалываясь ею, прозвали ее браннымъ именемъ жидовникъ.

Отъ рѣки Теса до рѣки Коисы долины, лежащія промежъ лѣсистыхъ, прерывныхъ, твердыхъ, каменныхъ горъ. Попалась гора вовсе безъ лѣсу, крутая, со многими высунувшимися по стремнинѣ кабанами. На серединѣ горы пещера немного спускается внизъ и потомъ горизонтально идетъ на далекое расстояние, и разширивъ окончивается отноркомъ, нѣсколько идущимъ внизъ. Сверхъ наросшихъ по стѣнамъ каменныхъ ватковъ, нашли мы множество костей большихъ звѣрей. На верху же по горѣ были слѣдующіе останки рѣдчайшихъ травъ.

Primula cortusoides.

Myosotis rupestris.

Dryas Pentapetala.

Astragalus melilotoides, показавшаяся выродкомъ отъ

Achuris amarantoides.

Въ одной пещерѣ извѣстной горы большими комьями были прекрасныя лучистыя, цвѣтомъ желтыя, кристаловидныя накипи, коихъ лучи съ поверхности всѣ въ одинъ центръ стекаются. Дорога Сагайскою степью черезъ рѣку Уйбать, по которой множество обыкновенной въ Дауріи клейкой травы, *Stellaria dichotoma*. Она уже засохла и, свившись въ клубы, подобно другимъ степнымъ травамъ, каталась носимая вѣтромъ, разсѣвателемъ семянъ.

По утесамъ рѣкъ Сыра и Абакана росли во множествѣ:
Ballota lanata.

Robinia rugosa, имѣвшая по разсѣлинамъ стебли толщиной въ руку, а вышиной выше человѣка, ибо тамъ ей не вредятъ степныя пожары.

Nepeta multifida, производившая отродья съ листьями, походившими на листы *Veronica Austriaca* и *Verbena*.

Phasa puricata, на песчаныхъ скалахъ горъ, выходящая обыкновенно полосами.

Высочайшіе холмистые горы были одѣты лиственничнымъ и березовымъ лѣсомъ, гдѣ была въ изобилии *phasa alpina*, а изъ за лѣса видны были возстающіе верхушки горъ, изукрашенные по многимъ мѣстамъ *Dryas pentapetala* и прочими красивыми горными травами. Отъ сей горы надо спускаться узкимъ проѣздомъ или буеракомъ къ рѣкѣ Базѣ. Слѣды оставленныхъ рудниковъ, по причинѣ того, что что толстая богатая, просядавшая отъ востока до запада мѣдная жила вся уже нынѣ выработана. Мѣдную зелень выламывали всегда изъ сѣраго камня, хотя около лежащіе горы состояли изъ камня песчаного плитняку, слой коего склонялись въ глубь въ восточную сторону. Безснѣжныя внизъ по Абакану, прекрасныя степи служатъ зимнимъ кочевьемъ для Сагайцевъ.

Сагайцы лицомъ и житьемъ отличны отъ Кашинцевъ и схожи болѣе съ Белтирцами, въ Кузнецкомъ уѣздѣ живущими. Лицо татарское, калмыцкое въ нихъ мало. Волосасты, тѣлесты, членами крѣпче Кашинцевъ. Богатые имѣютъ до 100 лошадей, столько же рогатаго и понѣскольку сотъ барановъ. Бѣдные десять двадцать штукъ крупнаго скота. Число въ степномъ народѣ достаточное, чтобы поддержать семью. Въ сѣверовосточной азіи нѣтъ черкасскихъ долгохвостыхъ овецъ, но всѣ съ курдюками. Немногіе занимаются хлѣбопашествомъ, сколько нужно для собствен. обихода. Запасаются на зиму кореньями, которыхъ иногда отнимаютъ у мышей, какъ Тунгусы. Называютъ ихъ Кылыломъ.

Коренья, вообще употребляемые въ ѣду скудными слѣш. народами.

Собачій зубъ, *Erythronium*, по татарски кандыкъ, его копають особымъ инструментомъ Осукъ, похожимъ на тѣ, которые употреб. Ботаники для копанія кореньевъ. Вырытое коренье кандыка чистятъ, моютъ, потомъ щеплють дольками и сушатъ къ запасу. Передъ ѣдой обваривають его въ водѣ, пока отмякнетъ, ѣдятъ съ молокомъ и сметаной. Вкусомъ какъ сырые клецки, трудноваримъ желудкомъ.

Чегна. Сушатъ для зимы на вольномъ воздухѣ, ѣдятъ толчоную, по большой части въ мясной, съ крупкою, похлебкѣ, называемой Уре.

Коренья обыкновенныхъ красныхъ саранъ, изъ коихъ собирають двѣ: растущую по лѣсамъ, *lilium mathagon*, называемую отъ татаръ желтою, и *lilium rosprouium*, растущую по чистымъ горамъ, которую татары называютъ бѣлой Акчепъ, и такъ какъ ее больше собирается въ Юнѣ, то и мѣсяцъ сей они прозвали Акчепъ-Ай. Ихъ ѣдятъ сырыя или печенныя въ золѣ, какъ каштаны, или варенныя въ водѣ съ молокомъ и масломъ.

Коренье травы чейны или, поруски, хлебеньки, копается также для употреб. въ пищу.

Коренья земляного духа бѣлыхъ большихъ колокольчиковъ, *Campanula lilifolia* (зондъ еласть).

Carduus serratuloides, (Епшекъ) Его коренье.

Poligonum viviparum, (мукезенъ) его коренье.

Коренье водяной травы (сосахъ).

Кырлыкъ, Сибирская крупа, добровольно растущая на поляхъ по правую сторону Енисея. Кашянцы пожинають ее на пашняхъ у своихъ знакомыхъ Рускихъ, потому что, гдѣ оиъ заведется, пашня отъ него заглохаетъ. Крупа . . . столоченная ими и обѣланная, прозрачна, желтовата, пріятна на

вкусъ. На ней заваренная молошная каша называется Ботхой.

Ягоды употребля. въ кушанье слѣдующія: Дикая вишня, Чумуртъ, ее истолокши, съ косточками вмѣстѣ, ѣдятъ послѣ стола, вмѣсто закусокъ, смѣшавъ съ молокомъ. Кромѣ того, ѣдятъ шиповникъ, а новые отрасли его изрубаютъ и варятъ вмѣсто питья и чаю. Ёдятъ красную и черную смородину, Барбарисъ, *Cotoneaster* (кизилъ) и *Opulus*, шаягешъ.

Lichnys chalconica, дѣвичья красота или боярская спѣсь, растущая по удоламъ, употребляется ими вмѣсто мыла. Оттого и прозвали его Рускіе татарскимъ мыломъ.

Oposma Echioides, родящаяся во множествѣ по степямъ близъ Абаканска. Ея корнемъ Татарскіе красавицы румянятся.

Sabina и *Rhododgrum Chysantum*. Оба сія деревца употребляютъ какъ лѣкарства Енисейскіе Татары и Рускіе.

Баданъ, *Saxifraga crassifolia*, трава идетъ на чай, а корень въ лѣкарство какъ въ поносахъ и лихорадочныхъ немочахъ.

Рапонтикъ копаютъ татары для внутреннихъ припадковъ. Белтиры называютъ Сене, Кайбалы Сарапанъ.

Дикій ленъ и большая крапива, похожая на конопли, идутъ оба на выдѣлку толстаго холста, суровыхъ нитокъ, витей или веревокъ, на самострѣлахъ состоятъ большею частью изъ сего сорту поскони, потому что они не такъ, какъ ременные, отъ мокроты не дрябнуть и не слабѣютъ.

Малый Бобовникъ, *Robinia rugosa*, по Сагайски Тегенекъ, служитъ своими вязкими прутьями вмѣсто бересты на связи.

Имерокаловы листья собираются осенью, изъ нихъ весьма искусно плетутъ подъ сѣдла полсти и на полъ постлики.

Белтирцы мало чемъ отличаются отъ Сагайцевъ, также имѣютъ стада, также пахутъ, засѣвая только ячмень и яровое, и то для своего обихода, также говорятъ испорченнымъ татарскимъ языкомъ. Множество могилъ испещряютъ зимовья паствы, особливо по лѣвую сторону Абакана.

Отъ горъ къ рѣкѣ Тѣ простирается небольшая коса каменьевъ. Собраны семена слѣдующ. рѣдкихъ травъ:

Axiris sibirica, по каменистому слою здѣсь растущая, должна быть отродокъ *Axiris Amaranthoides*.

Ballote lanata.

Колючій сортъ отъ *Poligonum frutescens*, совсѣмъ походившій на *Atraphaxis*.

Обыкновенная кали.

Salsola prostrata.

Ziziphora acinoides.

Cucubalus fruticosus.

Дикій, непропадающій ленъ росъ въ Абаканской степи въ такомъ множествѣ, что можно было его собирать на домовыя потребности. Ужасное множество куропатокъ, находя довольное себѣ пропитаніе на полуденной сторонѣ каменныхъ горъ, кажется, здѣсь остается всю зиму. Они летаютъ стадами и не робки.

Rhododendron chrysanthum. Прекрасное дерево растетъ низкими кустиками на каменныхъ, мшистыхъ, безлѣсныхъ косягахъ и на пригоркахъ свѣжныхъ горъ. Цвѣтки красивые, свѣтло-желтые, пучкомъ. Листья тверды и толсты, какъ лавровые. Козаки называютъ его кашкарой. Онъ опьяниваетъ, но хмѣль проходитъ скоро. Напитокъ изъ него варятъ, замазавъ горшокъ, темной, крѣпкой. Въ левматическихъ боляхъ, производя прежде ломъ, потомъ вылѣчиваетъ навѣрно. Въ желудочныхъ завалахъ, самихъ продолжительныхъ, дѣйствуетъ съ большимъ успѣхомъ. Собираютъ его, когда поспѣютъ семена, осенью, и когда листья начинаютъ желтѣть. Разцвѣтаетъ же въ Іюль.

Коибалы всѣ почти крещены. Скотомъ не богаты, но хлѣбопашествомъ занимаютъ рачительно. Дикій ленъ и крапиву собираютъ больше, чемъ прочіе Татары, и дѣлаютъ изъ нихъ веревки. Ходятъ на ловли соболей и росомахъ осенью за Енисей. Если, долго замѣшкаясь на промыслахъ и за глубокимъ снѣгомъ, не найдутъ себѣ лошади дороги, то отнимаютъ сѣнные

копны, наношенныя на зиму горными зайцами изъ сочнѣйшихъ травъ, между коими есть Лютикъ. Онъ лошадямъ, впрочемъ, не вредитъ.

Отсель отправился верхомъ къ Енисею дорогой надвислой и опалой, по причинѣ береговыхъ утесистыхъ горъ. Передъ хребтомъ есть нѣкоторыя горы голыя и пологія, но за ними вдругъ поднимаются каменные утесы. Какъ скоро выѣдешь на Енисей у отверстья, которымъ онъ пробиваетъ сквозь горы, увидишь двѣ острые высокія горы, покрытыя снѣгомъ. Одна Иртемъ, другая высшая Бурусъ. Высокая голая маковица горы Буруса состоитъ изъ камня, обросшаго бѣлымъ камнемъ, и уже бѣлѣетъ за день ѣзды. Позады ее выходитъ Усъ, за которымъ горы становятся отчасу выше и долины преглубокія и крутыя по Енисею. На первыхъ безлѣсныхъ пригоркахъ, склоняющихся къ Енисею, находились во множествѣ остатки рѣдкой травы, называемой *Symbaга Daurica*.

Отрывныя, сверху лѣсомъ покрытыя горы оканчиваются каменной стѣной къ Енисею, и безъ того наполненному множествомъ каменьевъ, и представляютъ прохладную и сырую прогалину, по которой вдругъ переменяются. Каменья всѣ обросли слѣдующ. травами:

Saxifraga crassifolia.

Licopodium sanguinolentum.

Вилатою.

Atragena alpina.

Circea liticinata.

Rhodendron dauricum.

Sedum populifolium, еще въ соку украшавшей голыя каменья.

Ею были преимущественно покрыты всѣ сѣи, мохомъ обросшія камни. Долгіе его коренья растлались въ мхѣ по голому камню, съ коего, срывая деревянистыя его стебли съ повислыми листками, отдирался и мохъ. Издали кажутся точно молодые топольки.

Кашинцы охотники играть на Бандурѣ, какъ Калмыки, и пѣть

протяжно, надувшись, изъ горла, чтобы звонъ происходилъ сиповатый, какъ бы кто тихо биялъ по струнамъ. На вольномъ воздухѣ выходить не дурно. Живутъ какъ зажиточные татары по Енисею: зимою въ войлочныхъ кибиткахъ, лѣтомъ же ихъ прячутъ въ извѣстныхъ имъ горахъ, въ сухія пещеры, осенью для сыростью покрываютъ кибитки берестинами, которую сдвигаютъ въ Юлѣ мѣсяцѣ, когда она бываетъ прочтѣе, вареньемъ вывариваютъ изъ нее все смолистое, такъ что остается одна плотная береста, мягчатъ и дѣлаютъ такъ, чтобы не портилась.

Приѣздъ въ Красноярскъ. Зима и жестокие морозы. Возвращеніе изъ Даурской пограничной ливніи студента Соколова, донесшаго, между прочимъ:

что по рѣкѣ Аргуну растутъ во множествѣ черныя березы. Низменныя мѣста плодородны. Пригорки, называемыя лшмовыми горами, даютъ темнозеленую, полосатую, твердую яшму. Растѣнья попались слѣдующія:

Sampanula verticillata.

Clematis Hexapetala.

Ranunculus Catareticus, особый широкولیственный сортъ, имѣющій мужскіе и женскіе цвѣтки сплошь на сучкахъ. Радъ красного цвѣта сего дерева, прозванный отъ русскихъ краснымъ сандаломъ.

Chenopodium suffruticosum.

Lonicera.

Menispermum canadense.

По горамъ множество сибирскихъ дикихъ абрикозовыхъ деревцовъ и другихъ примѣчательныхъ травъ.

Spiraea sorbifolia, вездѣ по разсѣлинамъ.

Даурская неонія, цвѣтомъ какъ кровь съ молокомъ, родится во множествѣ.

Spiraea thalictroides.

» *chamaedrifolia.*

» *oppulifolia.*

Altagana, мѣлкіе бобовнички, покрывающіе всѣ скаты горъ. За ними дальніе сѣверныя горы ничего, кромѣ разбитыхъ кабановъ, стреминъ и неприступныхъ скалъ, не содержатъ.

Hioscyamus physaloides.

Sanguisorba canadensis, съ долгими бѣлыми подвѣсками.

Tamarix hermanica, гребенчикъ вездѣ по камнямъ растетъ въ изобиліи.

Serratule, весьма рѣдкіе, свойственные только Восточной Сибири.

Arcticum personata.

Solidago palmata, каменистая, по мокрымъ мѣстамъ.

Saxifraga Hirculus, коею желтели болота.

Черноталъ, *Salix fusca*, составлявшій подлѣсье вмѣстѣ съ молодыми березками.

Всего достопамятнѣе была поѣздка студента Соколова на высочайшую изъ всѣхъ даурскихъ горъ, покрытую вѣчнымъ снѣгомъ, называемую Рускими Чокондою, а Тунгусцами Сохондо. Вся гора кругомъ обнесена лѣсомъ, а пригорки изъ сѣраго камня. Но дотолѣ еще за двадцать верстъ начинается ея крутая подошва. Выше, изъ крутого яру самой горы выходитъ рѣка Агудаканъ. Съ лѣвой стороны Агудакана подымается особливая голая каменная гора Елоо, гнѣздилище страшныхъ коршуновъ. Прямо, гдѣ начинается Агацуканъ, гора какъ бы совсѣмъ исчезаетъ, и остается неровная площадь большими кабанями. Противъ самой снѣговой стѣны Агудаканъ изъ болотъ, изъ снѣговъ собирается. Вокругъ ея густой лѣсъ престарѣлыхъ большихъ кедровъ, изъ коего во всѣ стороны вытекаютъ отъ тающихъ снѣговъ проточины, стремясь изъ своихъ каменныхъ расщелинъ къ вершинамъ рѣкъ. Она я площадь въ жаркое время служитъ убѣжищемъ всякому дикому звѣрю, кроющемуся стадами въ прохладныхъ дубровахъ отъ насѣкомыхъ. Съ ней во всѣ стороны къ востоку и югу можно видѣть всѣ лежащія внизъ по Оною то же не низкія горы, а къ западу не иначе какъ съ ужасомъ глядишь на лежащіе вблизи крутые, каменные, прямою стѣною

за облака за облака заходящія горы, снѣгомъ покрытыя и снѣбящіе отъ туману. Тутъ каждый день дождь, въ непрерывномъ движеніи воздухъ, и большая часть времени года проходитъ вокругъ горы въ штурмахъ и волненьяхъ. Среди лѣта тутъ повсюду снѣга и иней, если же подуетъ съ севера, то въ Августѣ, и даже раньше, нападаетъ на лѣса новый снѣгъ, и замерзшій туманъ покрываетъ гололедицею поле. Старый снѣгъ съ сопокъ и въ ухабахъ никогда не сходитъ.

Оныя снѣговыя горы занимаютъ собою великое пространство. Изъ подъ нихъ берутся вершины и токи рѣкъ Агузы, Агуцагана, Букукуна и многихъ другихъ, къ Киркуну и въ Ингоду текущихъ. Оныя горы состоятъ изъ обмытыхъ, другъ на дружку до облаковъ взвороченныхъ, преужасныхъ, обветшалыхъ, дикихъ сѣрокаменныхъ кабановъ, почему и кажутъ будто обточены. На низу горы и на порогахъ видны пустыя разсѣлины. Нѣтъ на нихъ никакой земли и никакихъ деревъ: расти не могутъ.

На одну изъ сопокъ лезъ студентъ цѣлый день. Круча и потомъ уступы, горизонтальныя площади на нѣсколько верствъ. На каждой вытекаютъ ключи и опять съ великимъ шумомъ скрѣиваются въ разсѣлины. Верхъ горы—глазами необъемлемое горизонтальное пространство, на коемъ двѣ крутыя, страшныя ямины, на двѣ коихъ два небольшіе круглые озерка, наполненные водою съ снѣжныхъ утесовъ, которая падуномъ черезъ разсѣлину опять стекаетъ въ среднюю долину. Снѣги лежатъ на поляхъ большими горами до третьяго яруса, считая съ низу къ верху. Они на поверхности совсѣмъ заледнѣли, такъ что можно считать слои, нарастающіе въ каждый годъ. Изъ подъ снѣгу, отъ тающей воды, выходятъ ручьи, по которымъ растутъ во мхахъ холоднѣйшія горныя травы. . .

Claytonia sibirica.

Gymnandra borealis.

Primula nivalis.

Первый, второй и третій съ низу пороги убраны, будто

шпалерами, сланцами, сабинными, кедровыми и другихъ хворостовъ.

Salix berberifolia, рѣдчайшее растѣнье.

Campanula grandiflora.

Valeriana sibirica.

Saxifraga punctata.

» *crassiflora*.

» *nivalis*.

Dracoccephalum grandiflorum.

Pedicularis tristis.

» *verticillata*.

» *lapponica*.

» *spiccata*.

Doronicum pardanialchis.

Hieracium alpinum

и другіе тому подобныя, по мшистымъ утесамъ растушя, рѣдкія сибирскія былія.

Суевѣрные Тунгусы почитаютъ сію гору обиталищемъ нѣкого гнѣвнаго Божества, которое ежедневно испускаетъ изъ себя тучи, облака, бури, вѣющія по окольности, дабы никто не смѣлъ приступить. Онъ даже и не думали, чтобъ Студентъ могъ возвратится съ такой горы назадъ.

Выѣздъ изъ Красноярска 22 января 1773. Селенья въ Томскомъ уѣздѣ населены неспособными людьми отчасти и отъ того, что помѣщики, въ зачетъ рекрутовъ, для населенія Сибири отдавали старыхъ, неспособныхъ къ размноженію, отрывая ихъ отъ семействъ. Дорога отъ Томска черезъ Барабинскую степь. Плодородная равнина, изобилующая травой, мѣстами влажная, частію озеристая и солоноватая, поросшая березовыми перелѣсками. Озеро Чаны. Ловимыя въ немъ рыбы породъ мѣлкихъ, но ихъ сушатъ, морозятъ и развозятъ во все при Иртышѣ лежащія мѣста, въ Тобольскъ и на Ирбитскую ярманку. Кромѣ того, Барабинскіе Татары, живущіе разсѣянно вокругъ сихъ

мѣсть, промышляютъ продавая блестящія, подобно серебру, брюшка, снимаемая съ обыкновенныхъ и большихъ Гагаръ, сшитые въ мѣхъ и одиночкѣ. Иные собираютъ прекрасные, изъ черна фіолетовые шейки морскихъ гагаръ, лоснящіяся, зеленоватые головки дикихъ селезней, кои, бывъ сшиты вмѣстѣ, кажутся еще красивѣе и пригодны на женскіе муфты.

Городъ *Тара* лежитъ на нѣсколько возвышенномъ лѣвомъ берегу Иртышской пади и простирается вдаль по оному на нѣсколько верстъ. Половина домовъ выстроена на сырой глинистой рѣчной пади, другая на нѣсколько саженьй возвышена. Много домовъ строились по новому плану; городъ возрастаетъ, церковей пять. Большая половина деревень въ уѣздѣ татарскіе, барабинскіе, въ городѣ живетъ много бухарцевъ. Дачи татарскія просторны, имѣютъ много темныхъ лѣсовъ, вмѣстѣлицъ нужныхъ звѣрей. Страна около Тары хлѣбородна и рыбообильна. Осетры, стерляди, вельма, шаймени и ленки. Рыбные промыслы продолжаются чрезъ всю зиму. Проѣхалъ Тобольскъ и прибылъ послѣдняго февраля въ Челябинскъ.

На Исетской степи появилось много подорожниковъ и Альпійскихъ жаворонковъ, казалось, предвѣщавшихъ раннюю весну. 5 Марта изъ завода Кыштыму въ принадлежащую къ нему пристань Кизильскъ, близъ рѣки Уфы, проѣхавши здѣсь чрезъ весьма суженный Уралъ, состоящій изъ слонстаго роговаго камня и мало возвышенныхъ горъ, поросшихъ рѣдкимъ лѣсомъ и который лѣтомъ болотистыми впадинами отдѣляется. Въ пристани стояло въ готовности 12 коломенокъ для перевозу желѣза. Далѣе идущая дорога, узко прорубленная сквозь лѣсъ и горы, была трудна. Шокуръ-ауль. Изобильные владѣнія Башкирцевъ. Земледѣліе, скотоводство, пчелы и дремучіе лѣса, вмѣстители всякого рода дичины. Въ лѣловникахъ при Уфѣ и по всей части сей лѣсистой страны, даже до Камы, сверхъ прочей красной дичи, водятся Лапландскіе олени и куницы.

Уже начинается по разнымъ мѣстамъ въ сторону Дубъ и лѣщинные орѣхи. Высокая гора, на коей съ Иргинскаго завода

раскопанъ рудникъ, содержащій въ себѣ отиѣнную желѣзную руду, состоящаго изъ крупнаго хрящу съ мѣлками голышами, перемѣшанную съ зеленоватымъ, изъ сѣня-чорнымъ цементомъ. Лѣснстая полоса, отдѣляющая Пермскую провинцію отъ Уфимской, состоитъ большей частью изъ ели, но мѣстами попадаетъ сосна и чорный лѣсъ. Нигдѣ не видалъ я такого множества клестовъ, какъ въ сихъ лѣсахъ: ихъ ловятъ, поливая землю чемъ нибудь соленыхъ, до котораго клесты охотники, и потомъ ставятъ на этой землѣ волосяные сѣлки. Богатые Башкирцы хорошіе хлѣбопашцы, отвозятъ множество ржи на Камскіе винокурни. Въ землешествѣ подражаютъ Казанскимъ татарамъ, Черемисамъ и вотякамъ. Успѣшно водятъ пчель.

Дубовые лѣса всѣмъ общіе, но, по причинѣ сырости почвы, негодные къ строенію.

Вотяки народъ финскаго поколенья, туземцы вятской области. Проворнѣй, веселѣй и менѣе упрямы, нежели Черемисы. Охотники до пьянства. Малорослы, свѣтло-волосы и рыжи, какъ клопы. Головной уборъ у женщинъ необыкновенно сложенъ и громоздокъ. Они не скидаютъ его и ночью, а въ работахъ то и дѣло его поправляютъ, чтобы какъ нибудь не покривить. Дома разсѣяны, безъ дворовъ, внутри широкіе нары для спанья и татарскіе пѣчи. Они хорошіе землешцы, водятъ бортовыхъ пчель, а зимою ходятъ и на звѣриныя промыслы, не уступая въ стреляньи и въ ставкѣ ловушекъ Черемисамъ.

Вотяцкій ткальный станъ очень простъ и удобенъ. Въ немъ нѣтъ ничего укрѣпленнаго, кромѣ избянной подпоры или столба, поставленнаго близъ дверей избы между потолкомъ и поломъ, въ поперегъ котораго, чрезъ продолбленную дыру, вставляется поперешная палка или клюка и столъ мало дѣлаеть въ избѣ препятствія, какъ и два шеста, которые къ матицамъ избы прикрѣплены для повѣшенія на нихъ ниченыхъ крючковъ. Все прочее расположеніе стана въ скорости можно разнимать и опять составлять. Въ мужичьей избѣ можно помѣстить удобно три или

четыре такихъ станка. Расщепленная скалка, на которую навивается холстъ, кладется на два вдолбленные въ полъ столбика съ ушками, но которые можно вынимать и между которыми садится ткачка на скамейкѣ. Другая часть основы, въ полторы саженьяхъ отъ скалки, кладется на крюки, вдолбленные въ выше-сказанной избяной столбъ и служащіе вмѣсто навоя. Ниченки, которые движутъ основу, вѣшаютъ или на двухъ кружечкахъ, вырѣзанныхъ изъ дерева, или только на крючкахъ, дѣлаемыхъ изъ гусиныхъ папоротковъ и прикрѣпляемымъ къ шестамъ, утвержденнымъ подъ потолкомъ. Берда дѣлаютъ по большей части изъ тростику, или изъ спичекъ черемушныхъ. Ткальный чолнъ бываетъ столь длиненъ, сколь широка новина, такъ что ей надлежитъ только просунуть и вытащить другой рукой. Когда же просѣсти холста будетъ наткано столько, сколько руки вотячки достать могутъ, тогда нѣсколько кистей основы спускаютъ съ клюкъ, а ватканную холстину навиваютъ на скалку.

Черемисы занимаютъ страны около Вятки и Камы. Средственнаго росту, волосомъ бѣлокуры и рыжеваты, рѣдкобороды. тѣломъ бѣлы, но безъ выраженья, слабосильны, неповоротливы, боязливы; обманчивы и упрямы необыкновенно. Женщины попадаются недурны, но татаркамъ уступаютъ. Недлинные жидкіе свои волосы завертываютъ въ двѣ вертушки, изъ коихъ одна завивается на макушка, а другая на затылкѣ. Сіи волосные пучки и большую часть головы покрываютъ маленькой холщевой шапочкой, вышитой разноцвѣтной шерстью.

Прибытіе 7 Марта въ село Сарапулъ. Оттепель. Снѣгъ на открытыхъ мѣстахъ совсѣмъ уже стаялъ, и оказался бѣлокопытникъ. 9 Апрѣля появился цвѣтушій во множествѣ между кустами трилистный Геллеборъ. 12 числа начала цвѣсть болотная фіалка, а къ 18 числу размножилась она сильно съ медунцею и золотоголовникомъ. Въ сіе время начали также распускаться лещиные кусты, нѣкоторые въ теплыхъ мѣстахъ стоящія березы и сѣверная андроника.

Въ числѣ первыхъ прилетныхъ птицъ, въ послѣднихъ числахъ Марта, были скворцы, грачи, зяблицы, овсянки, дрозды и луговки. Въ началѣ Апрѣля прилетаютъ синички болотные и лѣсные кулики и прочія дикіе птицы. Но въ разсужденіи прилетныхъ птицъ страна сія ничего не имѣетъ примѣчательнаго, ибо никакихъ озеръ въ ней не находится, а рѣки неокружены горами и еловыми лѣсами.

Сарапулъ богатое многочисленное село, почти городъ, удѣльнаго вѣдомства, на берегу камы, на правомъ, вдоль его. Нѣсколько церквей, хорошій рынокъ и лавки со всякими мѣлочными товарами, которыхъ продавцы очень выгодно торгуютъ, по причинѣ великаго народнаго стеченія изъ околныхъ деревень и многихъ, весной ѣздящихъ, судовщиковъ по Камѣ и Бѣлой, проѣзжающихъ мимо сихъ мѣстъ судовъ съ желѣзомъ изъ Чусовой, съ дровами и саломъ изъ верховыхъ мѣстъ Камы. Множество хлѣба отвозятъ отсюда и изъ прочихъ, около нижней части Камы лежащихъ, плодоносныхъ странъ, частію по Камѣ въ Соликамскъ и далѣе въ Чердынъ, даже и Запечорской и Двинской волокъ, въ сѣверныя безхлѣбныя селенія, лежащія въ верховьяхъ двины и печоры. Частію же внизъ по Камѣ и Волгѣ даже до Астрахани, также и вверхъ, въ нижній Новгородъ.

Мимотекущая рѣка Кама, еще полная густыхъ лѣсовъ, полна рыбой, которая здѣсь вкуснѣй, чѣмъ въ волгѣ. Здѣшніе рыбацы, осетры и стерляди далеко превосходятъ волжскихъ. Осетровъ и стерлядей ловятъ па крючки, называемые Бабатками. Лососей, бѣлую рыбацу и осетровъ ловятъ перебойками, наз. Камскій Езь. Цѣлые рукава рѣки перебиваютъ сваями; большія отверстія переграждаютъ сѣтми съ матнями; на езахъ ловятъ рыбу во все лѣто, да и зимою подо льдомъ, исключая только высокую воду и когда ледъ безопасенъ. Для ловленья въ удобныхъ мѣстахъ рыбы обыкновенно употребляются невода, большіе верши, морды и мережи съ длинными крыльями, иначе ветелями называемыми.

Казенные камскіе чугунные заводы подъ вѣдомствомъ Бла-

годать-Кувшинскаго горнаго правленья. На Иштинскомъ заводѣ 16 молотовъ, на Воткинскомъ 18-ть, изъ коихъ одинъ для выбиванія жести и другой для дѣланія стали. Вокругъ обширныя лѣса лучшихъ деревъ и вода въ изобиліи.

21 Апреля выѣздъ изъ Сарапула. Трудныя водянистыя дороги отъ рѣчныхъ разлитій. Возвышенья съ прекрасными полями и лѣсомъ, перемежаннымъ съ Ельникомъ. Въ лѣсу цвѣли земляной дымъ, вѣтреница, лютикъ, Геллеборъ трилистный, медуница, ягоды или волчье мыло, болотная фіалка.

Мало въ Россіи странъ, гдѣ бы больше прилежали къ хлѣбопашеству, какъ въ мѣстахъ Казанской Губерніи, къ волгѣ и камѣ прилегшихъ. Рускіе, Черемисы и Татары стараются другъ друга въ ономъ превзойти, но мнѣ показалось, что Татары ихъ всѣхъ превосходятъ. Зажиточные крестьяне въ честь себѣ представляли имѣть превеликіе одони хлѣба, остающагося отъ расхода, и таковой немолоченной хлѣбъ держать отъ нѣсколькихъ лѣтъ. Осимая пшеница, несмотря на холодную влажную, глинистую почву, урожается хорошо. Ее сѣютъ нѣсколько позже озими и изыскиваютъ къ тому гористые, не столь влажныя мѣста. Для удобренія нѣсколько земли, прежде вспаханія подъ лѣтніе посѣвы, а частію и для уменьшенія влажности, здѣшніе крестьяне сожигаютъ при тихой погодѣ солому, остающуюся на корняхъ послѣ жатвы. Крестьяне же, обитающіе по сухимъ степямъ, лѣтніе посѣвы подпахиваютъ (особенно если весна суха), что самое и въ южныхъ странахъ, при рѣкахъ Сокѣ, Самарѣ и Волгѣ употребительно (См. 1 часть). Сей образъ посѣва называютъ они сѣять подъ соху. Изъ опыта узнали, что посѣянные сѣмена лучше отъ того всходятъ, поелику по посѣвѣ вспаханная земля не можетъ такъ скоро высохнуть и свою весеннюю влажность испарить, а посѣянные семена зарываются въ землю глубже.

Крестьяне, живущіе около Камы, начинаютъ нынѣ разводить Воложскій ленъ, перенесенный изъ Польши въ Сибирь пе-

реселенными туда переселенцами и съ добрымъ успѣхомъ размножающійся на Камѣ. Растетъ онъ въ 7 пяденей вышиною и даютъ гораздо лучшую пряжу, нежели обыкновенный ленъ.

Рѣки еще не выступали изъ береговъ. 22 переѣхали ручей Дристуниху, впадающій въ Бургушъ. Потомъ черезъ Тетрицу, отстоящую только на полверсты и впадающую въ (Чистуниху) Чихостаниху. Въ 5 верстахъ отъ насъ находилась рѣка Ишъ, которая уже выступила изъ береговъ такъ, что едва можно было переправиться.

Деревня Пихтова при р. Икашурѣ, Мордвее при р. Чашѣ и Терсы принадлежатъ Генералъ Маіору Таваеневу, который самъ Магометанскаго закона, какъ и всѣ его крестьяне, необыкновенной хозяйнѣ. Устройство экономическое, обиходъ относительно сохраненія хлѣба, саженья сноповъ, бережливости въ дровахъ, а также раздѣленія пашень, скотоводства и домашняго порядка, даже у крестьянъ, въ ихъ деревняхъ чистота, пріятный видъ пашень, украшенныхъ изрѣдка поросшими молодыми сосновыми рощами, и въ нихъ множество соловьевъ увеселяли много эту холодную страну. Самъ помѣщикъ былъ въ отлучкѣ въ другихъ деревняхъ при рѣкѣ Бѣлой, гдѣ обыкновенно празднуетъ онъ татарскій пашенный праздникъ Сабанъ.

Мѣдные рудники, впрочемъ, небогатые и большею частью оставленные. Берега рѣки Камы круты. Немного въ сторону высокія, горястыя мѣста, покрытыя дубовыми и березовыми лѣсами; въ нихъ цвѣла вѣтреница бѣлыми и голубыми цвѣтами. Слышилось повсюду пѣнье дроздовъ, которыхъ нигдѣ не водится такое множество, какъ въ камскихъ лѣсахъ, наполненныхъ мозжевеловыми кустами.

24 въ первый разъ Громъ вдали. По степи цвѣли Вѣтреница, Гусиная трава, весенній адоникъ и фіолы. По мокрымъ мѣстамъ Болотный Лютикъ. Въ первый разъ встрѣтили ракетникъ и степныя вишни. Степь черноземна и по возвышеннымъ мѣстамъ суха. Суслики во множествѣ.

Горы вдоль по Шайтанкѣ, впадающей въ Діому на южной

сторонѣ, были увѣнчаны прекрасными весенними цвѣтами. Обыкновенные Скорцонеры и *Astragalus depressus* уже отцвѣли; напротивъ того, еще распушались ракутникъ, таволга, *Thesium alpinum*, *Onosma Echioides* и *Carduus Cyanoides*. Но *hedisarum grandiflorum* еще не распускался. Наиболѣе всего тутъ въ цвѣту стоялъ Бобовникъ и *Astragalus physoides*. А еще сильнѣе цвѣли гороховый кустъ и вышесказанная таволга. На горахъ по ту сторону Діомы разцвѣтала *Bunias scakile*. Сухая трава наполнена тогда была травяными вшами, такъ что, побывавъ тамъ, едва можно было ихъ потомъ выжить изъ платья. Въ сіе время сидятъ они на вершинахъ колосовъ и листьевъ, на коихъ держатся, зацѣпясь двумя ногами, а прочіе 6 распространяютъ на воздухѣ, чтобы можно было скорѣе вцѣпиться въ проходящихъ животныхъ.

Въ вечеру видѣли зрѣлище на пригоркахъ, на коихъ зажжена была крестьянами сухая трава, и гдѣ огонь, оставленный неосторожными мужиками во власть вѣтру, захватилъ также нѣкоторые большіе хлѣбные одонья. Изобиліе дѣлаетъ равнодушнымъ (къ такимъ потерямъ), и рѣдко кто заботится сохранить свои одонья отъ огня, въ степи пущеннаго.

1-го Мая дорога по Кинелю черезъ открытыя плодоносныя возвышенія. Каменистые, глинистые горы по Кинелю совершенно поросли рѣдкимъ въ другихъ мѣстахъ, нагбеннымъ шалфеемъ, *Salvia nutans*, обыкновенно родящимся на открытыхъ юго-западныхъ угоркахъ уральскихъ; онъ вошелъ въ это время въ цвѣтной стебель.

Astragalus glaucus, пушистый бѣлый.

Veronica teucrium, дубровкѣ подобная.

Hesperis sibirica, весьма низко растущая.

Androsace maxima.

Seseli pumilum, Сердечникъ, Смлодь, Чистецъ, жабрица, (малорослый).

Vincetoxium. Ласточникъ, чортова борода, *Asclepias*.

Переѣхавъ на плоту Кинель, ѣхали высокой степью, вы-
женной въ прошедшую ночь и украшенную небольшими подчи-
щенными перелѣсками. Далѣе степь наполнилась цвѣтущими
вишнями и гороховыми кустами.

Pedicularis comosa, Гнидишъ, вшивникъ итальянскій. Изобильно.
Adonis arvensis. Горицвѣтъ, желтоцвѣтъ, одномѣсячникъ, ста-
родубка.

Adonis verna.

Выродокъ *Astragalus depressus*, имѣвшій красные цвѣтки съ до-
вольно длинными цвѣточными стебельками.

Orobanchus angustifolius, бѣлоцвѣтный, а на влажныхъ мѣстахъ кра-
сноцвѣтный, росъ тамъ же вмѣстѣ съ нимъ.

Orobanchus polygala.

Astragalus physodes, надутый.

Seseli pumilum.

Малорослый касатикъ съ синими и блѣдножелтыми цвѣтами.

Желтые лесные тюльпаны.

Барбаря, стоявшая въ цвѣту около пашень. Смотр. *Erythronium*
et *Sisymbrium*.

Возвышенья, перемежаемые изрѣдка (небольшими) дубовыми
лѣсками, то желтѣвшіе, то блѣвшіе по полосамъ отъ цвѣту-
щихъ вишенъ и гороховыхъ кустовъ. Рѣка Токъ и озера по ея
низменностямъ наполнены черепахами и такими же кричащими
лягушками, какіе въ Яикѣ. И такъ какъ она тиновата и глубока,
то въ ней держатся въ великомъ числѣ большіе сомы. По низ-
кости, съ которой стекла вода, выросло много цвѣтовъ.

Fritillaria meleagris, Рябчикъ, вѣнчикъ, мохначъ, пухоцвѣтъ.

Ficaria, Лютикъ, слѣпокурникъ, *Ranunculus*.

Valeriana tuberosa. Маунъ. *Valeriana*, шишковатая, на пригор-
кахъ.

Robinia frutescens, Кустоватый гороховникъ, Чилижникъ, Чи-
лига, Чемыжнякъ, дерева. Цвѣтъ на пригоркахъ.

Hedysarum grandiflorum. Гребешокъ, Петушья голова, копеш-
никъ. Былъ въ полномъ цвѣту.

Мать-мачиха, *Thussilago hybrida*, росла по песчанымъ его берегамъ.

Тополь росъ по низменностямъ гористаго праваго берега, идущимъ въ длину всей рѣки.

4 Мая, ночевка у подошвы горной большого или нижняго Урала. Около его находится пространныя низменность къ Самарѣ, наполненная кустарниками, лужами, небольшими озерами, гдѣ отъ бесчисленнаго множества соловьевъ, всякаго рода водяной дичи, лягушекъ и черепахъ, происходилъ такой шумъ, а отъ комаровъ такое беспокойство, что мы не спали всю ночь. Здѣшніе дикіе кустарники, растушіе на сихъ низменныхъ мѣстахъ и вдоль по Самарѣ, какъ то: Бобовникъ, степные вишни, *Lothus* и другіе стрючковатыя кусты, составляютъ прекрасныя живыя изгороди, вышиною въ ростъ человѣка, которыхъ цвѣты разцвѣтаютъ одни за другими чрезъ всю весну: ибо, какъ скоро соидеть свѣгъ, сперва разцвѣтаетъ Бобовникъ, потомъ степныя вишни, наконецъ стрючковатыя кусты, а послѣ ихъ гороховый кустъ, *Robinia frutescens*. Изъ сихъ однихъ, въ Россіи находящихся кустовъ, къ коимъ если причислить таволгу, *Spirea crenata*, и еще позже цвѣтушій терновникъ, неклевь, *Acer tataricum*, то можно здѣлать прекрасныя, живыя изгороди и увеселительныя сады. Сколько бы красоты Россійскимъ садамъ придала Сибирь различными родами своихъ цвѣтовъ и благоуханными цвѣтами?

Потопленная низменность заставила взять окольную дорогу по высокимъ холмамъ между Большимъ Ураномъ и Уранчикомъ, имѣющимъ основанье каменистое, верхъ же глинистый. Нигдѣ не видалъ я *Hedysarum* въ такомъ великолѣпнн и множествѣ растущаго, какъ здѣсь. Также цвѣли на горахъ сихъ:

Hedysarum obscurum.

Astragalus depressus, сплюснутый горохъ.

Verbascum phoeniceum.

Euphorbia replis, молочайникъ морской.

Salvia nemogosa.

» *putans*, шалфей нагбенный.

Teucrium sibiricum, Дубровникъ, дубровка, кадьло, оганка. Порода подобная полевому шалвею, средняя между двумя упомянутыми видами шалфея, ими же произведенная.

Pedicularis foliosa.

Дикія лошади, тарпаны, неукротимые, бѣгающія быстрѣе всякой быстрой лошади, появляются едѣсь иногда большими косяками, спасаясь отъ овода, великихъ жаровъ и засухи Индіи и Персіи, куда осенью возвращаются съ изнова. Слѣды ихъ косяковъ видны иногда по степи шириною на цѣлую версту.

Общій сыртъ начинается пологими холмами, обросшими дубнякомъ и березникомъ. Здѣсь видны были въ цвѣту *Trifolium montanum*.

Scorzonera purpurea, Козелець, волчій и змѣевъ обѣдъ.

Spirea crenata.

Расцвѣтавшими гороховыми кустами желтѣли крутые берега Иртека.

По ту сторону Иртека, на южной сторонѣ холмовъ, составляющихъ общій сыртъ, степь вдругъ переменяется въ сухую, голую, наполненную солнышками, покрытыми полынью. По степи видны были остатки и вновь появляющіеся листья:

Peucedanum silaus, яркій укропъ, смовдъ.

Sison verticillatum. Сирейчикъ, петрушечникъ коленчатый.

Scorzonera tomentosa.

Dianthus prolifer, Гвоздика, пускающая отпрыски.

Iepidium perfoliatum, кресь, перечная трава.

Жимолость, *Lonicera tatarica*, стала появляться по скатамъ возвышеній къ низменнымъ мѣстамъ, вмѣстѣ съ гороховымъ кустомъ *gobinia* и тюльпанами.

Rindera tetrapais, во множествѣ, но уже съ совершенными семенами, огражденными крылышками, имѣвшими хорошую фіолетовую тѣнь.

Oposma Echioides, Долгуша, Румяница, Ежеобразная, только что начинала цвѣсть.

Все около 10 мая. Попались степные дикіе козы и косякъ дикихъ лошадей изъ 20 кобылицъ. Изъ рѣдкихъ насѣкомыхъ стала попадаться малая порода жуковъ, дѣлающихъ шарики изъ навоза, *Scarabaeus Schaeferi*, работали въ дорожныхъ колеяхъ по парно и, скатывая небольшіе изъ навозу шарики, закопывали ихъ въ землю, между конми потомъ сіе насѣкомое размножало свою породу.

Astragalus sulcatus, бороздковатый.

Alyssum calicinum, Торица, Кашикъ, икотная трава, бурачокъ, чашчная.

Sherardia arvensis, на песчаныхъ горахъ.

13 мая степь, къ изумленью всѣхъ, покрылась снѣгомъ раннимъ утромъ. Хотя снѣгъ лежалъ до 9 часовъ, но холодный воздухъ лишилъ надежды жителей донна собрать свой хлѣбъ. Мокрая бурная погода наступила необыкновенная въ семь краю.

Santolina Anthemoides. Садовый кипарисъ, священное растѣнье, ромашкѣ подобная. Шла въ цвѣтной стебель и покрывала собою низколежащую равнину, по которой пролегла дорога. Она издавала свой пахучій запахъ, любительница солончаковъ.

Sysimbrium bursifolium, Гулявникъ ярутколистый, на лугахъ шаганскихъ.

Dodartia orientalis, додартово растѣнье.

Statice trigona, еще не расцвѣтала. Вязникъ, желтокор.

Glicirhiza aspera.

Camphorosma, камфорное растѣнье.

Grambe orientalis. Катрань, морская капуста.

Astragalus cicer, многогѣтнй, желтый.

Узколистый морской левкой.

Прекрасный зубной корень (*sachris*). Его бѣлые гладкіе семена душисты, корень употребл. козаки какъ лѣкарство отъ. На тонкомъ стебелькѣ. Цвѣтки зонтикомъ.

Растѣнія, собранныя студентомъ Зуевымъ на Индерскихъ горахъ.

Molluscella Tuberosa, корень превеликой изъ двухъ либо трехъ кругловат. шишекъ, сросшихся воедино. Иногда же простой, похожій на рѣпу и видомъ и вкусомъ, но горчае. Стебель прямой, четвереугольный, бороздчатый. Листы какъ умяты и притомъ противоположны. Желтые. . . цвѣтки заключены въ длинные чашечки, похожіе на кувшинчики; въ большомъ количествѣ попадаетъ по буграмъ на волгѣ около Енотаевской пристани. Цвѣтеть въ маѣ, семена поспѣваютъ въ Юлѣ и тогда катается по степи вѣтрами.

Biscutella didyma, Двоещитъ двуузластый.

Sedum reflexum, Молодиль, Скрыпунъ, Заячья капуста, пчельникъ завивной, загнутый.

Tragorogon, козлиная бородка, теканда, *rotifolium*.

Plantago minuta, шершавинокое маленькое растѣвьецо.

Vella tenuissima, растетъ только по Индерскимъ буграмъ около Урала. Тонивьякая необыкновен. Цвѣтеть въ Апрѣлѣ маленькими бѣлинькими цвѣточками.

Дорога по сухой голой степи. Въ ложбинахъ, заросшихъ зеленью, цвѣли:

Astragalus alopesuroides, издававшій пріятный фіалковый запахъ.

Astragalus sulcatus, бороздковатый, попадавшійся иногда до 2 локтей вышиною.

Rindera tetraspis.

Восточный петрушечникъ, еще не разцвѣтшій.

Черенковый ревень, росшій по сухимъ возвышеньямъ степи. Его узнать можно было по изсохшимъ листамъ и стеблямъ, содержащимъ семена.

Степь къ Ручью Кучуму солена, поросла *Halimus* и дру-

гими соляными травами. Маленькіе ехидны, проворныя ящерицы зеленого цвѣта и ящерицы песчанныя были тутъ весьма обыкновенны. Сагаковъ изобильно. Козаки ихъ убиваютъ легко, мясо ѣдятъ, а рога продаютъ приѣзжающимъ купцамъ, отвозящимъ ихъ въ Китай. Гдѣ Суслики вырыли изъ норъ землю, тамъ попадались во множествѣ Пектининиты и черепа другихъ малыхъ раковинъ, еще не совершенно превратившихся въ известъ.

Anabasis arphylla, кислая трава, кошечій хвостъ, карагазынь,
Ежовникъ (безълиственный).

Salsola frutescens, кустоватая. Обѣ большими кустами.

Biscutela didyma.

Тамарисковой кустарникъ, уже отцвѣтшій.

Заманиха цвѣла въ изобиліи.

Степь становится къ Узенямъ чрезвычайно суха и песчана, не производя ничего, кромѣ полыни, камфоросмы и сухихъ стеблей колосьями, то, приближаясь къ общему сырту, содержитъ влагу среди пѣсковъ и покрывается трясникомъ. Солончаки и соленые озера также нерѣдки.

Песчаная Степь Нарынъ состоитъ изъ большихъ, зеленую покрытыхъ, песочныхъ глыбъ, возвышающихся на сухой, соляной, глинистой степи. Недаромъ говорятъ калмыки, что она была прежде дномъ моря, въ чемъ подтверждаетъ и множество ключей, находимыхъ повсюду, стоитъ копнуть землю. Обширные, изъ наноснаго пѣску состоящіе, холмы, лежащіе между собою на нѣкоторое пространство, покрыты трясникомъ и песчаной осокой и кажутся издали, отъ высоковырастающихъ стеблей, какъ бы покрытыми лѣсомъ. Въмѣсто лѣсу природа даровала симъ песчанымъ кучамъ нѣсколько кустовъ:

Caligonum polygonoides, Тарлыкъ или торлокъ. Всѣ вѣтви были осыпаны зрѣлыми плодами, придающими ему больше красоты.

Artemisia santonicum, или Цытварное сѣмя, повсюду въ пѣскахъ,

имѣеть древесоватый стволъ, подь осень выростающій въ сажень.

Prenanthes Chondrilloides. Лактукъ, молочайникъ горской (волчій), превратившійся сдѣсь въ кустарникъ.

Узколистные ивы, степной Лохъ (*Elaeagnus*) и тополовые кусты пріятно усаживали собой низкіе земли между холмами, особенно старыя копани.

Прочіе травы, украшавшіе песокъ по равниѣ и по углубленіямъ, были:

Bromus cristatus, Мятлина полевая, петушьему волоску подобная.

Poa an tenella, Мятликъ нѣжный.

Nardus stricta, Скипидарникъ прямой.

Phalaris erucaeformis, Канарейникъ, кенарейское сѣмя, горчице-подобный.

Scirpus romanus, Ситникъ, кровавникъ (римской).

Нѣсколько родовъ Кипра или полеваго Галгана, *Cyperus*.

Обыкновенныя колосистыя травы.

Corispermum hyssorifolium, клоповное сѣмя Иссополистное.

» *suaegozum*, шероховатое.

Gallium rubroides, подмаренникъ красноватый.

» *glaucum*, ржавчинный.

Rubia peregrina, марѣна чужеземная.

Opuntia Echioides, воловь языкъ съ бѣловатыми большими цвѣтами, какіе растутъ по Иртышу, а не по Уралу.

Guzorphila paniculata, перекати поле.

Cucubalus otites, куколь ушковатый.

Dianthus prolifer, отмѣннаго вида.

Euphorbia Esula. Молочай, ослиное молоко.

potentilla reptans.

» *aurea*.

Orobanche major, Солнцевъ корень, львиной хвостъ, солнечный стебель, большой, съ свѣтлосиними цвѣтами.

Dodartia orientalis, Додартово растѣнье.

Cheiranthus montanus.

Arabis thaliana, Греча высокая, Будра - трава, Башенка рѣзуга.

Glycyrrhiza glabra, въ весьма тощемъ видѣ.

Hedisarum Alhagi.

Astragalus sulcatus, бороздковатый.

» *physodes*, надутый.

» *depressus*, сплющенный.

Melilotus officinalis, донникъ.

» *polonicus*.

Medicago falcata, Медунка серповидная.

» *sativa*, садовая.

Centavrea paniculata, Бѣлолистъ, чертополохъ метелковатый.

Scabiosa, съ синефіолетовыми цвѣтами.

Carduus Cyanoides, Волчець, чертополохъ, осеть василькообразный.

» *monoclonos*.

» *polyclonos*.

Achillea nobilis, Гулявица, Греча дикая, деревей, рубника:

» *tomentosa*, пушистая.

Tragopogon, козлиная борода, теканда, молочай.

» *villosa*, власистая, любимая лошадьми, по причинѣ горькаго млечнаго соку.

Scorzonera tomentosa, Козелець, сладкой корень, Змиевъ обѣдъ, ужовникъ, змиедушникъ, касматикъ.

Gnaphalium elichrysus, комарникъ, мухоловъ, горлянка, сушенница, кошечья лапа.

Полынь, растущая во множествѣ по равнинамъ и наполнявшая воздухъ сильнѣйшимъ лимоннымъ запахомъ. Подобной нѣтъ въ другихъ мѣстахъ.

Lucium eugoraeum, Придорожная иголка.

Сѣрые тамарисковые кусты, *Salicornia Strobilacea*.

Anabasis, карагазинъ, Ежовникъ, кислая трава, кошечий хвостъ.

Родъ кресса или перечника (*lepidium*) съ толстыми листьями.

Май оканчивался. Сѣрые слѣпни и комары начинали мучить. Европейскихъ домовыхъ сверчковъ было сдѣсь въ дикѣ столь же много, какъ и на песчаной степи противу волги, и они во множествѣ собрались въ то мѣсто, гдѣ мы ночевали. Изъ насѣкомыхъ *tenebrio echinatus*, живущій на холмахъ наносного песку, и *Scarabeus Ammon*, находившійся всякую ночь на паствѣ нашихъ лошадей.

Степной Лохъ обростывалъ вмѣстѣ съ ивами копани, наполняя пріятныхъ благоуханіемъ воздухъ. Плоды его сдѣсь малы, немного побольше сахарнаго гороху, листы узки.

Synanchum acutum, Собачій ядъ, песья отравы, попадался въ великомъ множествѣ по углубленьямъ.

Особый родъ скорцонеры съ листьями, подобными троснику и кругловатымъ, раздвоеннымъ сладкимъ корнемъ, покрывалъ собою всѣ сырыя мѣста по окружности углубленій.

Frankenia hirsuta, Франково курчавое растѣніе росло по большимъ и малымъ солнчакамъ, совокуплявшимися на подобіе цепи по всей дорогѣ.

Verbascum Boerhavii, царскій скипетръ, Вербишникъ, Петровы батоги (Бюергавовъ). Цвѣтъ въ пѣскахъ около соленнаго болота.

2 Іюня пѣсчаные горы становились выше. Межъ ними были глубокіе долины, гдѣ росли Ивнякъ, степной лохъ и дикой тополь. Турлукъ, находившійся во множествѣ, имѣлъ стволы толщиною въ руку.

Rhus cotinus, дикое кожевенное дерево, росъ въ углубленіяхъ.

Spartium arphyllum, безлистный родъ дрока, тонкими вѣтвями похожій на дикорастущій тросникъ. Вѣтвистые побѣги его, стоящіе на подобіе лозъ въ сажень вышиной и всякой годъ изсыхающіе, лежали кучами по долинамъ, расбросанные вѣтромъ.

Antirrhinum junceum, Ситникообразный жабрей цвѣтъ во множествѣ по песчаной долинѣ.

Снова сухая, глинистая, соленая степь со множествомъ

солнчаковъ, гдѣ ничего другого, кромѣ безсочной полыни и соленыхъ растѣній. Насѣкомое, *lasceta helioscra*, бѣгала во множествѣ. Нашли еще паукообразного сѣнокоса, который былъ одутловатъ какъ мѣшокъ, весьма великъ и съ яйцами. По углубленьямъ росъ перекасти поле, который цвѣлъ и былъ посѣщаемъ всякого рода насѣкомыми.

Рѣдкой родъ *Mantis* или Богомола, *recticornis* и *gongyloides* сидѣлъ почти на каждомъ растѣніи, скрывшись подъ густыми вѣтвями и караулили бабочекъ.

У конаней и лужъ находились прекрасные куропатки съ острыми крылами и голубинымъ полетомъ. Пьютъ часто, питаются сѣменами во множествѣ растущаго *Astragalus cicer* и *alorescuoides*, весной же семенами соленыхъ растѣній. Лѣтомъ по одному и попарно, весной же малыми стадами, подымаясь, кричать на подобіе скрежетанья, но лѣтаютъ безъ всякого примѣтнаго шума. Мясо вкусно, хоть и жестко. Яйца бѣлы, мало чемъ меньше куриныхъ. Прилетаютъ поздно, избираютъ обиталищемъ южную сторону волги.

Каменная соль на Капчачи. Болота, у которыхъ великое множество черныхъ куликовъ (*Falcipectus*). Зеленые заводи и лежащія возлѣ нихъ углубленія долины были покрыты прекрасными каварскими шпорами съ кофейными цвѣтками, привлекавшими пчелъ. По возвышеньямъ росли вѣтромъ катаемые травы: *Molucella tuberosa*.

Biscutella didyma, Двоещитъ двуузластый.

10 іюнь.

Ревень похожій на *Rheum giber*.

Зубной корень составляетъ, подобно ревеню, листьями круглой и удобно катающійся кустарникъ.

Прекрасная волнистая солянка около соляныхъ ямъ.

Восточная опосма.

Арабская саликорнія подымала свои пушистые стебли.

Дикой лукъ, *paraveget rhoeas*, доселѣ мною невиданный, росъ во множествѣ на покрытыхъ зеленью углубленьяхъ.

Bromus squarrosus, костерь, овесецъ (шероховатый) росъ тамъ же.

Lappula (Myosotis), мышье ушко, красиво произраставшее на углубленьяхъ.

На голыхъ холмахъ гнѣздились различныхъ породъ орлы. При соленыхъ ямахъ лежали по разнымъ мѣстамъ известковые камни и плиты, на коихъ исчерчены были Мунгальскіе и Тунгутскіе молитвы. Начинаясь красноватыя, тягостныя для переѣзда, горы наносныхъ пѣсковъ со множествомъ копаней, беспрестано засыпаемыхъ песками.

Sentaurea Salmantica, чертополохъ бѣлолистъ (сальмантскій) стоялъ въ цвѣту съ горькою травюю.

Солодковой корень съ шерохов. стручьями.

Бѣлена съ желтыми цвѣтками.

Opozha orientalis, которой цвѣтки при распусканьи желтоваты, но послѣ дѣлаются алыми, какъ случается съ цвѣтками воловьего языка.

Naigala, Песье дермо (*reganum*). Красивые цвѣтки, но издаетъ запахъ, подобный падалищу.

Bromus tectorum, растетъ по кирпичнымъ обломкамъ древнихъ татарскихъ жилищъ.

Прекрасныя, но совершенно разобранныя и разрушенныя развалины дворцовъ древнихъ хановъ у Селитрен. городка. Множество змѣй между развалинами и въ яминахъ. Цвѣли растѣнья, любящія соленую селитреную почву:

Заманиха, похожая на Европейск. *lucium*.

Huresoum pendulum, Житный цвѣтъ, полевой мачекъ, житничекъ.

Ornithogalum.

Алфэгъ росъ во множествѣ по сухой бесплодной степи. Малые сѣрые пауки плели по немъ сѣрую паутину.

Phlomis herbaeanti, Чужеварникъ вѣтренный по степ. плодонос.

Dracoscephalum thymiflorum. Драконоголовникъ фиміамолистный.

Salvia nemorosa.

Sysimbrium altissimum.

Scabiosa Ucrainica.

Allium descendens, чеснокъ нисходящій.

Lavatera thuringica, Лаватеро растѣніе турингск.

Thalictrum flavum, зяблица, золотуха, щелкунъ.

Echinops ritro, Мордвиникъ, Татарникъ, перестрѣлъ малорослый.

Dipsacus laciniatus, чесалка, ворсяная щетка.

Achillea odorata, Гулявица благовонная.

Galium glaucum, подмаренна съ ржавчинной.

Salsolla prostrata.

» *ericoides*.

Bromus squarrosus, костеръ шероховатый.

Болотный молочай по низкимъ мѣстамъ.

Австрийская Вероника. На иловатомъ берегу она уже приносила сѣмена.

Солотковой корень уже также отцвѣлъ.

Всѣ лѣтніе растѣнія, по причинѣ сильной жары, отцвѣли раньше обыкновенного. Посему переѣхалъ къ солянымъ озерамъ для наблюденія за соленными травами, но большая часть ихъ едва начинала показывать свои стебли.

Statice trigona (вязникъ), во множествѣ около Чернояра.

Policnemum monandrum, тамже.

Приморская, *Asclepias*, чортова борода, ласточникъ, уже цвѣла.

Восточная капуста въ мѣстахъ, гдѣ попадался Черноземъ, была уже съ созрѣлыми сѣменами. Въ семъ своемъ состоянн, со многочисленными своими вѣтвями, она походила на хворость, вѣтромъ колеблемый. Донскіе козаки ѣдятъ ея молодые стебли и называютъ ее бѣлымъ *катраномъ*.

Красный или настоящій катранъ есть вышеупомянутая *Statice trigona*. Ея дикіе коренья, вырываются съ великимъ трудомъ, употребляютъ въ южныхъ безлѣсныхъ мѣстахъ на дубеніе

кожъ, которые отъ сего скорѣй приготавлиются, чемъ отъ дубовой коры.

Дорога шла чрезъ мѣста различныхъ свойствъ. Малорослая мята, бывъ растаптываема лошадьми, наполняла воздухъ своимъ запахомъ. Страна столь изобилуетъ солью, что лужи отъ дождей дѣлаются въ скоромъ времени солеными. Толстой слой хорошей темносѣрой мыловатой глины. По обжиганьи также красна и нѣжна на видъ, какъ тонкая китайская. Изъ нее въ Царыцинѣ военноплѣнные турки дѣлають трубки, чернильницы и мѣлкую посуду.

Все, и соленость земли, не производящей ничего другого, кромѣ приморскихъ соленыхъ растѣній, и песчанность ея, и множество черепокожныхъ, разсѣянныхъ по всей Яицкой, калмыцкой и волжской стени, и безтравность почвы, состоящей изъ наносного пѣску, слѣпившаго отъ морскаго илу, и липкая соленость нижняго глинистого слоя, все говоритъ, что нѣкогда мѣста сіи были покрыты водами Каспійскаго моря. А возвышенная страна между дономъ, общій сырть, были древними его берегами, ибо на нихъ только прекращается соленость и являются толстый слой дерна и тучный черноземъ.

[что же касается до черепокожныхъ и кораловъ, лежащихъ цѣлыми грядами въ гористыхъ возвышенныхъ берегахъ волги, то сіе произошло отъ давнишняго всемірнаго наводненья и морскіе произведенья сихъ слоевъ не находятся ни въ Каспійскомъ, ни въ Черномъ морѣ, но только въ глубинахъ океана].

Если допустить [мнѣнье Турнефорта], что Черное море до излитія своихъ водъ чрезъ проливъ Константинопольскій, перегражденое какъ плотиною хребтомъ неразорваннаго фракійскаго Босфора, стояло выше чемъ нынѣ отъ необыкновеннаго въ прежнія времена полноводья рѣкъ, огрожденныхъ лѣсами отъ высуханій, то вся крымская, волгская, Куманская и яицкая степь и равнины великой татаріи, простирающіеся даже за Аральское море, были покрыты по всей вѣроятности моремъ,

которое узкимъ и топкимъ каналомъ (слѣды коего показываегъ Манычъ), обтекши сѣверный кряжъ Кавказа, оставило два глубокие, великіе залива на нынѣшнемъ Каспійскомъ и черномъ морѣ. И въ то время тюлени, осетры и другіе, въ черномъ морѣ находящіяся рыбы, Атерина (*Atherina*), игла рыба, *Singantus pelagicus* и пектиниты, могли удобно зайти въ Каспійское море.

Но продолжительнымъ дѣйствіемъ увеличивавшимся напыловъ воды или трясеньями земли прорванная Босфорская плотина заставила Черное море съ великимъ стремленьемъ взлѣть свои воды въ Средиземное, дабы стать съ нимъ въ равновѣсіи, и произвела тѣ наводненія, которыми были опустошены, по историческимъ преданьямъ, часть Греціи и Архипелажскіе острова. Съ паденьемъ водъ Чернаго моря большая часть ровныхъ береговъ его сдѣлалась степью, Каспійское море, прежде соединявшееся съ нимъ мѣлкимъ проливомъ, обмѣлѣло, а проливъ, отдѣлившись отъ Чернаго моря, сталъ озеромъ, и такъ какъ въ оное уже не было больше приливу отъ водъ, несущихся въ Черное, то на его ровныхъ берегахъ еще болѣе вскрылось матерой земли отъ испаренія и ухода воды въ землю, и соединеніе Каспійскаго съ Аральскимъ моремъ тогда пресѣклось. Прежде бывшіе мѣли претворились въ наносный пѣсокъ, котораго нанесло цѣлые холмы, прежде бывшіе острова очутились на сухомъ морскомъ днѣ, какъ холмы, каковы Индерскій и другіе, многіе глубины, которыя морская вода стекая съ равной земли обѣжала, остались озерами и солончаками, нынѣ покрывающими степи.

Замѣченно уменьшеніе солености въ Черномъ морѣ. Бѣгъ Чернаго моря въ средиземное быстръ отъ того, что не можетъ испарять всѣхъ водъ, въ него бѣгущихъ. Напротивъ того, всѣ околности сѣверныя Каспійскаго моря показываютъ, что воды въ немъ убыло болѣе, чемъ во всѣхъ другихъ моряхъ, и убыванье ея происходитъ до нынѣ.

Слабительная Глауберова соль находится около Сарпинскаго селенія братьевъ Гернгутеровъ, въ ручьяхъ, озерахъ и ключахъ, на глубокихъ пространствахъ тростниками обросшихъ, гдѣ отъ

испареній осѣдаетъ столько соли, что образуются великіе безтравные солѣчаки. На одномъ болотѣ Глауберова соль выходитъ весною, какъ пѣна, поверхъ земли; на лѣвой сторонѣ болота холмикъ, отдѣленный отъ буерака снѣжной дождевой водой, стекающею съ вершинъ, составляющихъ крутизну оной долины, на подобіе обороченной воронки. При подолѣ холма, состоящаго изъ клеикой глины, лежитъ цѣлыми грудами и гнѣздами желтоватая охра, содержащая въ себѣ желѣзные частицы, которую калмыки жгутъ и употребляютъ для крашенья основы своихъ домашнихъ кибитокъ. Отъ сей краски, калмыками называемой Сиссунъ, получила названье свое и долина. Поверхъ воды (отдѣляющей холмъ отъ горы) плавали темноцвѣтные черепки испортившагося желѣзняка, дающаго въ перезженъи хорошую красную краску. Калмыки утверждаютъ, что холмъ возвышается ежегодно. Онъ долженъ возвышаться, потому что мягкая земля при его подошвѣ ежегодно глубже осѣдаетъ отъ снѣжной и дождевой воды. На горахъ около сей долины растутъ кустарникомъ прекрасный ракитникъ, украшая ихъ и цвѣтами, и желтоблестящей своей корой, и листьями, составляющими пріятную паству вокругъ бродящаго скота. Калмыки называютъ его сухой верблюжей травой, хотя верблюды и не ѣдятъ ее.

Степи въ окрестностяхъ Сарпы то ровныя, безлѣсныя, безъ горка, со впадинами, исполненными мокрыхъ солончаковъ, то гористыя съ долинами, обросшими тросникомъ, и заливами ручьевъ, впадающихъ въ Сарпу, жилищемъ множества черепахъ. Долины, перерѣзываемыя кряжами, индѣ покрыты бѣлымъ тополовымъ деревомъ, индѣ дико растущей яблонью, индѣ придорожной иголкой (*Rhamnus Catharticus*), называемой по причинѣ красного его дерева Калмыкамъ Яшилъ. Отъ него получила названье и Долина. Только сдѣсь уменьшается соленость земли и начинаются въ бѣльшемъ изобилъи травы. Доселѣ же только изрѣдка на песчаныхъ кряжахъ цвѣлъ Ирисъ, *rumila* и *graminifolia* да *Cheirantus montanus*, и въ степи на черноземѣ *Hesperis tristis*, *Astragalus cicer* и *gamosus*, все попадалось изрѣдка. На сухой

же, населенной одними змїями и ящерицами, равнинѣ ничего не росло, кромѣ малого бѣлаго, о двухъ цвѣткахъ, тюльпана и орнитогалумъ, *umbelatum*. Отсель же

Астрагалы разныхъ родовъ.

Veronica Austriaca.

lepidium perfoliatum, крессъ, перечникъ прободенный.

Ranunculus lanuginosus, шерстистой.

» *Illiricus*.

Pervinca major.

Къ рѣкѣ Манычу (впадающей въ Донъ) страна возвышенная опять понижается долиной съ тростниками и мокрыми солончаками. Соленыя озера, называемыя отъ Донскихъ козаковъ святыми. Травъ почти никакихъ, кромѣ *Geganium Moschatum*. Отсель начинаются лѣсомъ поросшіе горы, постепенно возвышшіеся. Переѣхавъ сей хребетъ, съ высшей точки возвышенья увидишь передъ собою южную равнину, рѣку Куму и какъ бы въ облакахъ скрывающей свою вершину, снѣгомъ покрытый Кавказъ.

Рѣка Кума имѣетъ теченье быстрое. Поля по обѣимъ сторонамъ водянисты, поросли густымъ тростникомъ—обиталищемъ фазановъ, которыхъ казаки, по причинѣ ихъ крика, называютъ мажарскими петушками. Здѣсь лѣсу довольно, особливо дубяку, осиннику, карагачу, Кизилю [*cornus sanguinea* 1)], терновнику, ивняку и свидины [*Periploca graeca*, обойникъ, обвойка, песій колокольчикъ], также какъ и *Clematis orientalis*. Но выше къ истоку рѣки, выходящей изъ переднихъ Кавказскихъ горъ, вьзв. пятигоріе, лѣсъ уже перемеѣшанъ съ чинаромъ, кленникомъ, ясенникомъ, грушовыми деревьями, дикими сливными, лѣснымъ виноградомъ и другими, при Терекѣ растущими дикими овощами. Изъ травъ, которые еще не отцвѣли, попались только *Valeriana locusta*, полевой салатъ, да *Hyacinthus amethystinus*, Аметистовый Іакинфъ. Сиворонки, Иволги, щуры и другіе птицы великимъ

1) Кровавый красный куролѣпникъ.

своимъ множествомъ увеселяли страну. По обѣимъ сторонамъ Рѣки Кумы находятся множество кургановъ, останки каменныхъ строеній. Плодородная низменность Кумы способна ко всякому обработыванью.

4 Августа отъ Царыцына вверхъ по волгѣ. Баки арбузовъ и дыней. Виноградъ также хорошо удается. Вдоль волги отъ Царыцына до Камышенки слѣдующія травы:

Девясилъ.

tussilago hybrida, особый родъ Мать мачихи.

Carduus cyanoideus, по холмамъ.

Chenopodium scoriaria, гусья нога, лебеда вѣшниковатая.

Высокорастущая *Statice*, или такъ называемый катрагъ, по травястымъ песчанымъ мѣстамъ, между возвышеньями.

Украивка, *Scabiosa veronica*.

Перекажи поле.

Xeranthemum annuum, Соломенный цвѣтъ. Сухоцвѣтъ однолѣтній.

Синеголовникъ, *Egungium camprestre*, между Царыц. и Дубовкою, но выше Камышенки не попадается.

Солодковый корень съ гладкими стручками покрываетъ почти всѣ возвышенія.

» » съ шерохов. стручками и съ иглистыми головками растетъ по волжской низменности.

Дубовка городокъ на покатости холмовъ, на самой волгѣ, которая прежде здѣсь имѣла крутой берегъ и столь была глубока, что суда могли приставать къ самому городу; но весенними водопольями и стремлениями переменяющая всякій годъ свои мѣли и берега, волга получила и здѣсь иной видъ. Песочный островъ при устьѣ ручья Пѣсковатки, лѣсомъ и прекраснымъ сѣнокосомъ снабженный, котораго доселѣ отмывало водой весьма мало, при нынѣшней высокой водѣ совсѣмъ оторвало и песокъ онаго по большей части прижало къ берегамъ дубовки. Такъ что теперь вода, когда убудетъ, бываетъ отдаленна отъ города сухой песча-

ной глыбой, простирающейся болѣе чемъ на сто сажень, да и все околное мѣсто въ рѣкѣ учинилося мѣлкимъ.

Дубовскіе козаки зажиточны, настроили много хуторовъ, богаты рогатымъ скотомъ. Имѣютъ какъ гористыя степи, такъ и лѣсныя низменности по другую сторону волги, торгуютъ съ Довскими козаками дегтемъ, бревнами, досками, смолою, готовыми лодками и судами. Все это перевозится на волахъ (пріѣзжими малоросіанами) до донской станицы Качальной. Большія суда (длиной въ 6 и 8 сажень) ставятся на катки и тащены бываютъ 15, а иногда 20 волами. Во все лѣто видны повозки, отъѣзжающіе изъ дубовки со всякою деревяною посудю и снарядами для судовъ, приходящихъ сюда съ Камы и съ вышнихъ странъ волги.

За Дубовкой сухія и голые возвышенья. У ручьевъ, впадающихъ въ волгу, на вымытыхъ песчаныхъ берегахъ попадаютъ иногда рога лапландскихъ оленей. Свидѣтели нѣкогда бывшихъ лѣсовъ. На косогорахъ изобильно растетъ красивый ракутникъ. Другое осенью растѣнье, попадавшееся, была *Euphrasia lutea*. Свѣтъ очей, очная, глазная помощь. Высохнувшая гористая степь имѣла только одну свѣтложелтую одышную траву. Далѣе стали попадаться съ поздними цвѣтами

Astragalus.

Stachys annua, дубровная буквица.

Melampyrum arvense, Коровій скотный кормъ. Братъ съ сестрой, Иванъ да Марья.

Dianthus aeneus, цвѣтъ обильно по песчан. холмамъ, къ Камышенкѣ.

Sherardis, тамже.

Schoenus aculeatus, сытъ, сытникъ игольчатый, по соленымъ мѣстамъ.

Statice tatarica, вязникъ, желтокорень.

Arenaria Maritima.

Нѣкоторый родъ камфорной травы.

Полынь, доставлявшая пріятну паству сайгамъ.

Salsola dichotoma, еще не цвѣла.

Polychnemum, уже отцвѣлъ.

Sison verticillatum, сирейчикъ, перечникъ, еще не цвѣлъ, хотя листье его засыхаютъ прежде появленья цвѣтнаго стебля.

Anabasis, карагазинъ, ежовникъ, кошечій хвостъ.

Курчавая, гладколистная и татарская лебеда покрывали, вмѣстѣ съ Бѣлоозникомъ, полянками, возвышенный берегъ. Они были въ полномъ цвѣту, такъ что идучи покроешься отъ нихъ весь желтой цвѣточной пылью.

Echinops ritro, малорослый перестрѣлъ, татарникъ или мордвинникъ.

Ворсяныя шишки.

Sentaurea glastifolia, чертополохъ, бѣлолистъ, вандолистный.

Мягкій илъ или грязь, покрывающая большія дороги степей, превращается въ весьма тонкую летучую пыль, которая при выѣшней засухѣ подымаясь высоко на воздухъ отъ малѣйшаго движенья. Пѣсчаная пологость по рѣку Еруслану изобилуетъ высокими топольнягомъ, оссинникомъ и вичажникомъ.

Corispermum squarrosum, Клоповное сѣмя (шероховатое), росъ обильно по берегамъ изъ наноснаго пѣску, достигая росту человѣка.

Малорослая Ветреница тамъ же.

Особенный родъ куколя.

Перекасти поле.

По высокимъ степямъ попадались большіе и малые дудаки. Черныя жаворонки летали стадами по всей соловозной дорогѣ къ Саратову.

Serratula salsa, цвѣла въ большемъ количествѣ между тростниками.

tripolium, Денеявникъ, Африканская фиѣа начинала распускать цвѣты.

Salsola ericoides, покрывая иловатые холмы возвышавшейся степи, давала имъ видъ какъ обросшихъ кустарникомъ.

Нѣмецкія слободы находятся не въ дальнемъ растояніи

другъ отъ друга. Собраны изъ всѣхъ областей нѣмецкой земли разныхъ вѣръ. Дома деревянные по новому плану — двѣ связи подъ одной кровлей — источникъ ссоръ, вредныхъ сосѣдствъ и опасностей во время пожаровъ. Земли выбраны хоть изъ хорошаго чернозема, но сухи, подвержены засухамъ, по причинѣ притяженія грозы и дождевыхъ облаковъ къ лежащимъ насупротивъ ихъ горамъ. Сами колонисты ремесленники и побродяги, къ земледѣлью сихъ странъ не привыкшіе, долго будутъ еще входить въ неоплатные долги правительству.

Саратовъ лежитъ на крутомъ берегу при подошвѣ высокихъ горъ, которыхъ сѣверные, находящіяся у самой волги, называются Соколовскими, а лежащія къ западу отъ города и въ отдаленіи отъ волги, по причинѣ голаго каменистого содержанія, именуются лысыми горами, соединяются съ идущими къ Увику горами внизъ по волгѣ и вообще составляютъ хребтъ съ горами, идущими отъ Казани по волгѣ и переходящими съ Иловлею къ Дону извѣстковыми слоистыми горами. Великою привозъ изъ Астрахани и нижнихъ странъ вверхъ въ губернію судовъ съ кожами, саломъ, рыбою, солью и Персидскими товарами, а съ верху съ хлѣбомъ, дровами, каменною и деревяною посудю, плывущихъ въ Астрахань, особенно же зимой, многими тысящами приходящихъ воевъ съ рыбой и солью, составляетъ большое пропитанье жителямъ.

Нѣмецкіе колонисты разводятъ виноградъ, изъ котораго получается красное вино, похожее на французское, несравненно лучшее Астраханскаго по той причинѣ, что колонисты мало поливаютъ свой виноградъ, не смотря на сухую почву.

На сухой степи стали появляться соленыя травы, соленыя поля и соленныя болота, лѣтомъ высыхающія и покрытыя только одною тонкой корой поваренной соли.

Salsola sedoides.

» *baccifera*, прежде всего показались обѣ въ началѣ степи.

Salicornia strobilacea, Соль трава, солець, растлавшаяся плоско по земли, покрывала болотныя низменности.

» *herbacea*, выростала тамъ весьма высоко.

Halimus (atriplex, Лебеда), по возвышен. солен. полю.

Statice suffruticosa, вязникъ кустистый тамъ же.

Salsola salsa, солянка Авриванская »

» *rosacea*, » розовая »

Artemisia cyna.

Озеро Эльтонъ, золотое озеро, по причинѣ пурпурнаго цвѣта во время ударенья въ него лучей солнца. Мало чемъ меньше Индерскаго. Берега круты и высоки. Степь отъ него понемногу подымается во всѣ стороны. Но дно озера плоско и такъ мѣлко, что можно переходить его вездѣ въ бродъ. Соли неисчерпаемое множество. Слой соляной коры, покрывающей дно, толстъ; подъ нимъ илъ, подъ иломъ снова соляной слой еще твердѣйшій. Выломанныя мѣста въ немногіе годѣ наполняются снова солью. Всѣ роды соляныхъ травъ росли здѣсь какъ дома:

Salsola rosacea.

» *dichotomia*.

» *altissima*.

» *monandra*.

» *tamariscina*.

Polichnemon luciferum.

Приморской Хеноподій.

Желтокорень татарской и чепыжный.

Заманиха.

Соляная Серпуха.

Aster tripolium, Звѣздоцвѣтъ Морской.

Лебеда, похожая на портулакъ.

» татарская.

» стрѣлолистная.

» имѣющая листы съ выемками.

» синеватая.

Травяная Саликорнія и шишковатая, покрывавшая красиво вели-

кими и густыми своими вѣтвями весь берегъ около устья рѣчки Солянки.

Трава, называемая Пердунъ, составляющая сдѣсь лучшій кормъ для лошадей, росла по сухой степной почвѣ.

Пригожій чернѣющій ракитникъ, мѣстами попадавшій во множествѣ, имѣлъ еще нѣсколько осеннихъ цвѣтовъ.

Волжская низменность. На ея возвышен. иловатыхъ и солоноватыхъ берегахъ росли сродные почвѣ простой поликнемъ, солянка, кали, дихотома, приморская лебеда.

Водяные же ямы всѣ обыкновенно покрыты лежащими отпрысками солоткового корня, имѣющаго колючіе стрючки, *glicigiza echinata*.

Песчанья ихъ мѣста изобилуютъ стрючковой травой, имѣющею листы подобныя солотковому корню, *Astragalus glycyphillus*, также *opobrychides* и желтокорень *trigonoides*.

Тамъ же, гдѣ стоящіе рѣчные рукава остановились на низменности, окруженные песчаными берегами, находились во множествѣ *Phagnaseum sergiana*, красная *agenaria* и *Cen-tunculus*.

По лучшимъ травистымъ мѣстамъ *Sida abutilon*, морская роза, шелковникъ. Мѣстами же цѣлыя полосы кислой травы, негодной къ сѣнокоосу.

Тальникъ и другіе, по берегамъ растущіе, деревья были во множествѣ.

Зимовка въ Царыцынѣ. Благословенный климатъ, могущій возрастать растѣнія южныхъ странъ. Дикіе груши во множествѣ. Тутовые деревья растутъ сами собою на дикой низменности Ахтубы. При Манычѣ и около рѣки Кумы находятся дикіе оливныя деревья. Посѣянный мною *Phaseolum radiatum*, сѣмена котораго привезъ изъ Китаю, виѣстѣ съ другими Китайскими растѣніями, теплолюбящими травами. произвелъ еще въ Августѣ спѣлыя сѣмена. Миндальные кусты, сливныя деревья и другія растѣнія часто цвѣтутъ осенью во второй разъ.

Въ Генварѣ бываютъ непрерывные морозы, но безъ бурь и потому нечувствительны и безвредны. Въ февралѣ погода переменнѣй: то безъ вѣтру морозы, то бури, сопровождаемыя метелицей отъ сѣверозапада, покуда не окончится дующимъ съ югозападной стороны теплымъ вѣтромъ, такъ что въ семь мѣсяцѣ большая часть снѣга сходитъ съ высотъ. Въ эту зиму (1774 года) весь сей мѣсяцъ былъ чрезвычайно пріятенъ и нехолоденъ. Въ половинѣ его уже налетѣли всякіе мѣлкіе пролетные птицы, а къ послѣднимъ числамъ Лебеди, утки, луговки, большая часть прочихъ водяныхъ птицъ и даже чапуры. *Draha pigalis* стала уже цвѣсти и ранніе тюльпаны показались изъ земли. 25 числа очистилась нижняя волга ото льда, но того же дни схватилась буря и стало вновь холодно, и продолжалось это до 11 Марта и съ такой жестокостью, что сверху напиравшій ледъ при Царыцынѣ опять остановился и можно было переѣзжать на телегахъ и лошадяхъ. Впрочемъ, обыкновенно въ Мартѣ уже не бываетъ снѣгу и югозападныхъ вѣтровъ. Трогается ледъ обыкновенно при сѣверозападномъ и восточномъ вѣтрѣ. Если же дуютъ южный и юговосточный вѣтры, то волга, не смотря на хорошую погоду, не вскрывается даже до Апреля. Одно время (въ 1769) даже до мая держался ледъ, покуда не подулъ жестокой холодной сѣверозападный вѣтеръ.

Апрѣль лучшій и постояннѣйшій мѣсяцъ: дождей нѣтъ, а вѣтеръ, постоянно дующій съ востока, съ моря, съ великой степи, умѣряетъ жаръ, иссушая землю, напоенную снѣжной водой. Въ началѣ или половинѣ мая начинаются южные и югозападные вѣтры, приносители теплыхъ ночныхъ дождей, которыхъ если не бываетъ, то умножается засуха, увеличиваемая еще болѣе потомъ, начинающимися сухими суровыми вѣтрами. Покуда въ Волгѣ высоко стоитъ вода, достигающая въ Іюнь мѣсяцѣ своей наибольшей высоты, тѣхъ падаетъ въ великомъ множествѣ ночная роса. Впрочемъ, этотъ мѣсяцъ такъ ясенъ, что сряду восемь дней не бываетъ на небѣ облачка, въ руку величиною.

Жаркой и несноснѣйшій мѣсяцъ есть Іюль. Непрестанно

дующіе со степи и съ моря южные, юговосточные и восточные вѣтры, уносящіе на воздухъ гѣски, бываютъ столь теплы, какъ бы выходили изъ какой горячей печи. Они обыкновенно начинаются со втораго часу по полудни и продолжаются до полуночи. При такихъ вѣтрахъ падаютъ овцы, какъ мухи, харкаютъ кровью, пухнуть, и такъ скоро начинаютъ гнить, что кожи изъ ни къ чему не годятся. Вѣтры становятся еще горячѣе отъ великаго выжиганья степей. Жары въ Іюлѣ 1774 были въ Царыщинѣ такъ велики, что термомѣръ, наполненный спиртомъ, лопнулъ. Отъ жару дохли въ Саргѣ рыба и раки, отравляя зловоньемъ воздухъ. Воздухъ же въ Іюлѣ бываетъ такъ густъ, что глазъ не можетъ видѣть далеко въ степи, хотя кажется прѣтвное. Ибо колеблющіеся въ степи пары холмы и высокую траву кажутъ отдаленными высокими горами и лѣсами и всѣ предметы представляютъ издали большими, чемъ вблизи. Часто видется дою окруженный холмъ, гдѣ одна только сухая степь.

Въ Августѣ наступаютъ бури отъ юга на сѣверъ, иногда сопровождаемые такимъ градомъ и ливнемъ, что вода съ возыше льется въ пади и въ большемъ количествѣ, чемъ при тающемъ снѣгѣ, и на подобье ручьевъ протекаетъ къ волгѣ. Иногда же сухіе, вовсе не подающіе плодотворной влажности. Часто ужасные вихри поднимаютъ со степи дѣточную пыль съ великаго множества лебеды и полыни и наполняютъ онымъ весь воздухъ, такъ что кажется стоишь въ густомъ темножелтомъ дымѣ или туманѣ, пока не пройдетъ вихрь. Не безъ страха глядишь на эти явленья, когда при ясномъ днѣ вдругъ помрачится воздухъ. Густой темный дымъ отемнитъ все и въ видѣ облака помчится съ вѣтромъ за волгу.

Въ Сентябрь дни ясные, умѣренные, вѣтръ перемѣнный: съ юга, юговостока, восточной и сѣверовосточной стороны. Въ Октябрь все еще бываетъ тепло. Вступившая съ Іюля мѣсяца въ берега волга въ это время получаетъ нѣкоторое приращеніе, отъ дождей въ ея верховьяхъ какъ ея собственныхъ, такъ и Камскихъ, что снова мутитъ воду, причиняя болѣзни, подобно

какъ весной. Дожливый мѣсяць есть Ноябрь: вѣтры дуютъ съ сѣверовостока на западъ, неся сырую погоду съ туманомъ, при буряхъ дождь превращается въ снѣгъ, и тогда Волга покрывается наноснымъ льдомъ. Волга замерзаетъ въ Декабрѣ. Но дотолѣ, отъ 8 до 14 дней, идетъ по ней снѣгъ, пока не подуетъ восточный вѣтеръ, не сопретъ его и не сдѣлаетъ твердымъ. Весь этотъ мѣсяць продолжаются непрерывные сѣверные бури съ мятелю, захватывая иногда даже часть Генваря. Но снѣгъ на степи не остается; вѣтры его сносятъ въ углубленья и пади.

Утки, жаворонки и куропатки здѣсь даже зимуютъ, избирая защитныя отъ бурь мѣста, низменности и соленые, гдѣ снѣгъ не покрываетъ служащихъ въ пищу семень.

Пролетные птицы, зимующія въ теплѣйшихъ странахъ, прилетаютъ сюда въ Сентябрѣ на все то время, когда продолжается хорошая погода, кормясь сѣменами лебеды и гусиныхъ лапокъ. Всего болѣе попадаются желтобрюшки, выгѣдающіе осоковые шишки, овсянки, юрки, съ ними прилетаютъ лѣсные и степные кулики, *Morinellus*, а нѣсколько прежде бѣлые журавли (*Grus leucogeganos*), пролетающіе чрезъ сіе мѣсто къ югу. Сѣверные гуси являются въ исходѣ Сентября большими стадами и, пробывъ немного, скрываются въ западной странѣ. Не залетающіе же далеко на сѣверъ заморскіе птицы, но пребывающіе лѣто здѣсь, вѣя гнѣзда, какъ то: бѣлые и красные чапуры, кваквы, островосые кулики, степные курицы, малые дудаки, Бакланы, красно-головые нырки, поганки, начинаютъ отправлять на южные свои зимовья еще съ послѣднихъ чиселъ Августа, чтобы дать мѣсто прилетающимъ изъ Сѣвера стадамъ.

Весной начинается прилетъ птицъ съ половины февраля. Въ началѣ сего мѣсяца перелетаютъ во множествѣ къ сѣверу подорожники и пѣночки, за ними овсянки. Къ 15 числу прилетаютъ коноплянки, потомъ скворцы вмѣстѣ съ красно-головыми утками и водяными птицами. Къ 20-му Февралю прилетаютъ во множествѣ къ Сарпѣ и на Ахтубскую низменность обѣихъ родовъ лебеди, особливо крикуны съ желтымъ на носу концемъ, и первые

дикіе гуси. Бакланы и луговки также сюда прилетаютъ, а по сухому тростнику водится необъятное множество камышенныхъ воробьевъ и князьковъ. Къ исходу сего мѣсяца горитъ степь на всѣхъ мѣстахъ, и низменность насупротивъ ахтубы съ сего времени чрезъ цѣлый мѣсяцъ Мартъ почти непрестанно выжигается.

Во время холодныхъ Мартовскихъ утрениковъ отлѣтѣвшіе далѣ птицы снова сюда возвращаются, кроясь по болотамъ въ густомъ тростникѣ и по рѣчнымъ низменностямъ. Иногда холода удерживаютъ цѣлый мѣсяцъ позднихъ весеннихъ птицъ. И только въ концѣ марта болотные и большіе кулики, вышеупомянутые степные курицы, бѣлые трясогузки, черныя и бѣлые плѣшавки и коршуны.

3-го Апрѣля прилетѣли ласточки. Въ сіе же время впервые, не смотря на холодный восточный вѣтръ, ожили насѣкомые. Почти въ то же время прилетѣли Дикіе полевые голуби, сиворожки, шурки и потатуйки. Между 6 и 10 числомъ цѣлыми стадами опустились къ Саргѣ живущіе на сѣверѣ красногорлые гуси, *Anser pulchricollis*, но вскорѣ улетѣли. Тогда же пролетѣли чрезъ сію страну Зяблики, *Fringilla celebs*, съ сѣрыми коноплянками (*Fringilla petronia*).

Звѣри, скитающіеся по сей пустой степи, суть уходящіе зимою на югъ Сайгаки или Антилопы, изрѣдка попадающіеся карсаки или малые горные лисицы, красныя лисицы, во множествѣ водящіеся на горахъ между Дономъ и Волгою, зайцы, удерживающіе сѣрую шерсть свою въ продолженіи зимы, большіе и малые переходные слѣпыши, избиратели чернозема по высокимъ мѣстамъ произрастающаго коренья имъ въ пищу. Ласточки, хорнасти, хорьки, лещадная мышь или полячка (*Mus quercinus*), земляныя зайцы трипалые, пятипалые и суслики.

Насѣкомыхъ докучныхъ множество, въ числѣ ихъ мѣлкіе комары, влетающіе кучами въ щели, поѣдатели всего състного. Домы, стоящіе неподалеку отъ поемныхъ мѣстъ, летнею порою совсѣмъ облеплены блохами, пасущимся лошадямъ они такъ

толсто садятся на храпъ, что кажутся совсѣмъ чорныя. Слѣпней и комарей на большихъ широкоразливающихся рѣкахъ гибель.

Въ половинѣ Марта весна украшалась прекрасными цвѣтами. Изъ самыхъ первыхъ показались:

Draba muralis, стояла въ цвѣту повсюду, гдѣ только растетъ трава.
Ornitogalum luteum.

Прекрасный темносиній морской лукъ (*Scilla bifolia*) въ теплыхъ, обросшихъ кустарникомъ, долинахъ.

bulbosodium vernum, похожій на шафранъ, показывающій до 3 и 4 цвѣтковъ, въ падахъ, наполненныхъ снѣжною водою.

Мать мачиха, *Tussilago Falfaga* и *hybrida*, растущія при ручьяхъ.

Fumaria bulbosa, въ кустарникахъ.

Ranunculus ficaria, употребляемая вмѣсто салату, распускалась въ мокрыхъ мѣстахъ.

Весенние тюльпаны, совершенно отцвѣтающіе въ исходѣ марта.

Бѣлый тюльпанъ, съ двумя и даже тремя цвѣтками, распускаетъ, какъ только отцвѣтетъ *bulbosodium*.

Настоящій тюльпанъ, *Tul. gesneri*, появляется въ великомъ множествѣ на черноземѣ около 10 Апреля, украшая собою поля и горы девять дней. Темнокрасные изъ нихъ самые ранніе, самые большіе и самые рѣдкіе, розовые чаще, а жолтыхъ множество. Ребята, рѣзвѣщіяся въ это время во множествѣ на поляхъ, вырываютъ изъ земли луковицы ихъ, называемые растъ, и ѣдятъ.

Rindera tetrapsis, на всѣхъ буеракахъ возвышен. страны. Его молодые листы, не смотря на естествен. сродство съ вонючимъ *Cynoglossa*, бывъ сварены, даютъ вкусное, здоровое, хоть нѣсколько горьковатое кушанье.

Въ послѣдней половинѣ Апреля вдругъ распускается такое множество цвѣтовъ, что трудно опредѣлить порядокъ ихъ распусканья. Приблизительно онъ слѣдующій:

Veronica verna.

Ranunculus falcatus, серповидный.

» *nivalis.*

Potentilla aurea.

Alissum calicinum, торица, Икот. трава, чашечная.

» *minutum.*

» *montanum.*

Holcus odoratus.

Astragalus depressus.

» *cicer.*

» *physodes.*

Fritillaria meleagris, Мохначь, пуходвьѣтъ.

Amigdalus nana.

Ulmus campestris, Его липкіе листы если положить на нѣсколько времени въ воду, то вода слабитъ также, какъ и манна.

Ulmus pumila.

Draba verna.

Valeriana tuberosa.

Iris graminifolia.

» *pumila.*

Geranium tuberosum.

Scorzonera graminifolia.

Tragopogon orientale.

» *pratense.*

poligonum frutescens.

Spiraea crenata.

Cerasus pumila.

Malus vulgaris.

Pinus communis.

Alium ursinum.

leontodon tarrahasum, одуванчикъ, куйбабка.

Ceratocarpus arenarius.

Raphanus tenellus.

Veronica austriaca.

- Sysimbrium sophia*.
Scorzonera tuberosa, Змѣдущникъ. Змѣвъ обѣдъ.
Anemone pulsatilla.
Cytisus pilosus.
Crataegus oxyacanta, Обыкновенный глудъ.
Astragalus hamosus, крючковатый.
 » *contortuplicatus*, сибирской.
 » *Fulcatus*.
Fumaria officinalis.
Lepidium ruderaie, перечная трава, пометная.
Euphorbia esula. Молочай, Ослиное молоко.
Achillea tomentosa.
Potentilla bifida.
 » *supina*.
 » *hirta*.
Hesperis tristis.
Arabis thaliana.
Cheiranthus erisymoides, клоповниковидный.
Litospermum aruense, Воробьиное сѣмя.
Lamium amplexicaule, куриная слѣпота, стволоокружная.
bromus tectorum.
Veronica chamaedris, дубровкѣ подобная.
Onosma Echioides.
Verbascum phoeniceum.
Ranunculus Illiricus и *lanuginosus*.
Cochlearia Draba.
Lepidium graminifolium.
Allium lineari affine.
Ornitogalum narbonense.
Cynoglossum officinale.
Anchusa orientalis, воловій языкъ, ослиные уста.
Vicia cassubica.
Astragalus tenuifolius.
Thymus vulgaris и *asinos*, Оимьямъ базиликъ.

Thymus serpyllum, Тимьямъ чабрецъ.

Conuallaria majalis и *poligonum*.

Cheiranthus montanus.

Stipa pennata, ковыль¹⁾.

Нижеслѣдующіе отцѣтали въ Майѣ:

Veronica spicata.

Verbena officinalis.

bromus squarrosus, костеръ шероховатый.

» *cristatus*, петушьему волоску подобный.

Plantago media и суноръ.

Solanum dulcamara, Сорочьи ягоды, сладкогоркія псинки.

Echium staticum.

Myosotis lappula.

Verbascum nigrum.

Messerschmidia angusta.

Chaerophyllum bulbosum.

Caucalis orientalis, стебельникъ, петрушникъ восточный.

Allium descendens.

Cucubalus otites.

tribulus terrestris, водяной орѣхъ, Болотной рожекъ (земляной).

Dianthus prolifer.

Nitraria Schoberi,

Thalictrum minus.

Dodartia orientalis.

Phlomis tuberosa, чужеварникъ шишковатый.

Hesperis matronalis.

Crambe orientalis.

Melilotus flava.

Cytisus an nigricas.

lotus angustissimus, Лотъ, комоница,

1) Сѣрой горохъ на соленыхъ полосахъ, его большіе стручки, называемые хлопунчиками, по причинѣ треску, ими производимаго, ѣдятъ молодыми охотно овцы и крестьянскіе дѣти.

trifolium resupinatum.

Scorzonera tomentosa.

Tragopogon villosus.

Centavrea Centavreum et scabiosa.

Matricaria camomilla.

Achilleae tomentosae.

Въ послѣднихъ числахъ мая уже начинаетъ изсыхать на возышеньяхъ всякое произрастенье, а въ слѣдующіе два мѣсяца и повсюду, пока наконецъ отъ осеннихъ дождей не возрастуть вновь полынь, лебеда, гусинья лапы и соляныя растѣнія, которыя по причинѣ обильныхъ своихъ соковъ могутъ противиться зною и засухѣ. Кромѣ ихъ и высокорастущей травы съ бѣлыми цвѣтами, называемой Дьявольское искушенье, никакихъ почти невидно травъ, выключая осенніе цвѣты.

Слѣдуетъ замѣтить еще слѣдующіе деревья и кустарники:

Черноталь. Поздняя Ива, растущая и цвѣтущая на нижней волгѣ, называемая отъ Ботаниковъ *Salix pentandra*, по числу своихъ тычекъ. Сей черноталь распускается здѣсь въ исходѣ Маія мѣсяца, слѣдовательно полутора мѣсяцомъ позже обыкновенной ивы.

Бѣлолозь. Примѣчанія достойный родъ Ивы, растущій на поемныхъ мѣстахъ и отмѣляхъ при устьѣ Сарпы и около Астрахани и вообще по Волжскимъ островамъ къ полудню. Кустомъ, а на сухомъ мѣстѣ деревомъ, толщиной въ руку. Вѣтви къ верху стоящія, изъ зеленасѣрые, толстыя, ломкія, листы большія, длинныя, иногда въ четверть. Дерево не распускается по тѣхъ поръ, пока вода въ волгѣ не станетъ сбывать. Только въ половинѣ Іюня начинаетъ цвѣсть, выпуская свои сережки. Крайнія вѣтви ея обыкновенно посыхаютъ, корень же свой пускаетъ она по пѣску, на подобіе дикой травы, и имѣетъ много отпрысковъ. Почему весьма хорошо можетъ употреблена быть для скрѣпленія береговъ.

Калмыки.

Волжскіе въ Астрах. Губерніи.

Почва степей, занимаемыхъ ими, песчана, солонцовата и вловато-глиниста. Вездѣ слѣды подводнаго состоянія, исчезающіе съ приближеніемъ къ высотамъ, назыв. иргенями. Иргени тянутся потомъ на сѣверо западной сторонѣ степей непрерывною цепью. Гора Богда у калмыковъ священна, ее считаютъ перенесенною изъ Зюнгаріи двумя праведниками, изъ которыхъ одинъ не донесъ ея до мѣста: на дорогѣ она обрушилась и подавила его, обгившись его кровью (за грѣхъ какой то); въ этомъ удостовѣряетъ калмыковъ красная глина, составляющая оконечность горы, другая часть горы изъ гипса и алебастра. Гору посѣтилъ невидимо Богда Далай лама, кушалъ на ней и въ память сего вылилъ изъ своего блюда остатки соленого блюда, произведшаго большое Баскунчатское озеро. Калмыки приходятъ сюда молиться, бросая, въ видѣ жертвъ, въ ущелья горы и прямо, деньги, вещицы и проч. При искатѣ Иргенскихъ горъ есть озера, но вообще степь бѣдна водами. Небольшія рѣчки теряются въ пѣскахъ, другіе пмѣю солонцевато горькія воды, текутъ весной и почти исчезаютъ къ осени. Жары бываютъ сильныя, особенно на востокъ: 40° въ тѣни, зимой морозы до 30°. Поваренная соль въ видѣ кристалловъ покрываетъ въ изобиліи озера.

Звери. Барсуки, чекалки, волки, лисицы, зайцы и тушканчики (земляные), хорьки, суслики, водяныя крысы при рѣкахъ, кабаны,

и особенно сайгаки, бродящія цѣлыми стадами и загоняемыя иногда осенними бурями на приволжскія селенія. *Птицы*: Беркуты, балабаны, ястребы, скопы, мышеловы, коршуны, бѣлые луни, совы, филины, сычи, вороны, скворцы, журавли, фазаны, дрозды, крохали, лебеди обит. въ морск. камышахъ и заливахъ, дикіе гуси и разнаго рода утки, бабы, бокланы, колпики, мартышки, чайки, цапли и проч. Въ весеннее время птицы, питающіеся рыбами, выбравъ мѣлкій заливъ, составляютъ изъ себя неразрывную цепь и съ разнаголосьнымъ крикомъ и шумомъ крыльевъ подгоняють къ берегу множество мѣлкой рыбы и потомъ на отиѣли поглощаютъ ее. Водятся рыбы особенно у береговъ моря, но калмыки ими не пользуются. Степь наполнена множествомъ насѣкомыхъ. Черепахи, ужи, змѣи, тарантулы, веретеницы, муравьи, мошкары, комары, оводы, саранча, мухи, пауки черные въ грецкія орѣхи, пушечное ядро (Табунъ-сумунъ), также ядовитые, какъ и тарантулы; тѣ и другіе однакожь поѣдаются овцами безвредно. Изъ предосторожно нужно спать лѣтомъ въ крѣпкомъ пологу и вымазывать колеса телеги дегтемъ, чтобы по нимъ не взобрались пауки, также укрывать овчинами и войлоками изъ овечьей шерсти.

Число калмыцкаго народа полагается до 30 т. кибитокъ или около 100,000 душъ предположительно, потому что чотовъ не ведутъ. Дѣлятся на улусы (улосовъ 9). Улусы подраздѣляются на Аймаки, т. е. участки Зайсанговъ, а сіи на роды и семейства. Сословія 4. 1) Владѣльцы, 2) Зайсанги, Духовенство и Простолюдины.

1) *Владѣльцы* (Нойоны) ведутся съ незапятной древности, наследственны, деспоты, могутъ располагать даже жизнью подвластныхъ. Власть однакожь умѣрилась Рускимъ правительствомъ, хотя и подкрѣпляется сильно уваженіемъ и вѣрой народа; они существа высшіе, называются Цаганъ ясанъ, бѣлые кости.

2) Зайсанги, родъ вассаловъ, также наследственны владѣтели аймаковъ, съ которыхъ собирають подать и требуютъ прислуги.

Также называются бѣлые кости, но нойны, однакожь, могутъ ихъ наказать и отвалить по бѣлымъ костямъ. Лишить владѣнія однакожь не могутъ безъ суда. 3) *Духовенство* (хувракъ) ненаслѣдственно. Всякой калмыкъ, имѣющій трехъ сыновей, уже водить одного съ обритою головою и въ красномъ кафтанѣ (Духовные всѣ въ красныхъ кафтанахъ и жолтыхъ шапкахъ), называетъ его мангли (ученикъ вѣры) и посылаетъ 10 лѣтъ въ Хуругъ (капище) для изученія тунгутскаго языка и полученія дальнѣйшихъ степеней. По закону ламайскому духовенство безбрачно и должно вести строгую монашескую жизнь, оставаясь при капищахъ. Но вмѣсто того они ведутъ бродяжническую жизнь, надуваймы и мерзавцы. Въ каждой почти кибиткѣ живетъ по одному духовному, который калмыку необходимо нуженъ для изгнанія чертей (эрликовъ). Чертямъ калмыкъ очень вѣритъ. Они, кромѣ того что ведутъ веселую жизнь, участвуетъ еще въ грабежахъ, въ угонахъ скота, нѣтъ скверностей и ни одного уголовного дѣла, въ которомъ бы не попался духовный. А между тѣмъ они составляютъ почти третью часть населенія. Гелюнги высшіе духовные, а Лама Первосвященникъ, получавшій сей санъ прежде отъ Тибетскаго Далай Ламы, но теперь, за дальностью мѣста, обходится съ помощью Русскаго правительства.

Простолюдины или Хара, т. е. черные. Фамилій и прозвѣтъ не имѣютъ, кромѣ именъ, и носятъ большею частью цѣлыми поколеньями имена древнихъ родопачальниковъ. Чтобы отыскать въ улусѣ калмыка, прежде нужно знать изъ какого онъ рода. Частию состоятъ изъ несущихъ подати владѣтелямъ, часть отродки фамилій владѣльческихъ, исполняютъ при нихъ разныя должности: ключника или казначея, знаменосца, конюха, повара, варителя чаю и наказателя; часть такихъ, которые (суть) въ родѣ приписныхъ къ монастырямъ, церквямъ, зависятъ отъ духовенства, прислуживаютъ при ламахъ и священодѣйствія, пасутъ стада, принадлежащія капищамъ. Наконецъ есть такіе, которые въ слѣдствіе разныхъ услугъ владѣльцамъ освобождены отъ повинностей.

Образъ жизни. Кибитка, конусообразный шалашъ, высокій, въ два сажня съ половиною въ вышину, а въ діаметрѣ пять сажень, строится изъ сошекъ или палокъ и деревянныхъ решетокъ, которыя сверху прикрываются кошмами (рогожками изъ камыша), все это везется готовое. Кибитка строится въ полчаса, а разбирается и того скорѣе. Двери на востокъ. Посреди кибитки чугунный котелъ, поддерживаемый таганомъ, для пищи и чая. Налѣво наложникъ съ бурханами и тунгутскими молитвами. На право домашній снарядъ, чайныя чашки, кружки, кадочки, бартоги для вина, мѣшки для собирающаго скотскаго помета, замѣняющаго дрова, мѣшки съ длинной палкой для доставанья воды. Противъ дверей у стѣны находится кровать, отъ земли вышиную на четверть аршина, покрытая стегаными стеганами. Кибитка украшена привязанными къ разнымъ мѣстамъ решетки лошадиными, бараными головами, ногами и другими частями мяса, сырыми кожами, ружьями. Кибитка страшно холодна. Дѣти (нагіе) въ силу согрѣваются, сидя на цыпочкахъ вокругъ огня, прикрывъ кое чемъ спины. Дыму много. Владѣльцы имѣютъ по нѣскольکو кибитокъ, для себя, для семействъ и для прислуги. Иныя опрятны, даже роскошны: внутренность обтягивается шолковою матеріей, скрывающею решетки, палки, кошмы. Постель подъ одѣялами и балдахинами, полъ устланъ кошмами и коврами, по бокамъ сундуки одинъ на другомъ и кумирни, гдѣ бурханы рѣзныя. Кочевья разсѣвается на большое пространство, иногда на 300 верстъ и болѣе. Главное мѣсто владѣльческая ставка. Владѣльческіе кибитки вообще стоятъ отъ простыхъ на нѣкоторыхъ отдаленіяхъ и передъ дверью воткнута пика на длинномъ черенкѣ. Ночью у нихъ караульныя. Кибитка, гдѣ Бурганы или капище, стоитъ тоже отдѣльно съ двумя пестрыми флагами и вокругъ ея цепь другихъ кибитокъ, гдѣ живутъ лама, Гелюнга и прочее духовенство. Въ кочевье есть также подвижной базаръ изъ кибитокъ, обращенныхъ дверями во внутрь на площадь, тѣсно сдвинутыхъ для безопасности отъ похищеній. Торговлей мѣлочной, но довольно прибыточной, занимаются Армяне и Татары. Это сборъ

калмыковъ и новостей, привозимыхъ изъ городовъ купцами, дело всѣхъ толковъ, извѣстій. Кочующій базаръ въ улусѣ имѣетъ большое значеніе.

Въ продолженіи весны, лѣта и осени (то есть, съ первыхъ числъ февраля до половины ноября) болѣе двухъ недель никогда калмыки не держатся на одномъ мѣстѣ. Останавливаются обыкновенно при колодцахъ (худукахъ), которыми испещрены всѣ степи и которые даютъ бѣловатую, соленогорькую воду и обыкновенно къ вечеру вечерпливаются и выбираютя. Какъ только тощія травы (частью сожженныя солнцемъ) вполнѣ истощатся, владѣлецъ въ разговорахъ съ приближенными даетъ замѣтить, что надобно скоро откочевать въ другое мѣсто. Вѣсть о семъ разносится по всѣмъ кибиткамъ главной ставки, и каждый калмыкъ, выходя поутру изъ своего жилища, прежде чѣмъ выгоняетъ на паству скоть (скоть всегда проводитъ ночь около хозяйской кибитки), смотритъ, нѣтъ ли сигнала къ походу. Воткнутая въ землю владѣльская пика — все приводитъ въ движеніе. Калмыки и калмычки ловятъ верблюдовъ, разбираютъ кибитки, укладываютъ домашній скарбъ, и чрезъ часъ огромный караванъ трогается съ мѣста.

Весь караванъ (кромѣ нѣсколькихъ арбъ, двухъ колесныхъ телегъ, запряженныхъ волами) состоитъ изъ верблюдовъ, навьюченныхъ разобранными кибитками, сундуками, котлами и разными другими вещами. Впереди всадникъ везетъ владѣльческую пяку; потомъ семейство владѣльца, окруженное Зайсангами и служителями; потомъ уложенные въ ящики бурханы въ сопровожденіи Ламы и духовенства. Дѣти калмыковъ, калмыченки, качаются на верблюдахъ въ мѣшкахъ и коробахъ, привязанныхъ въ числѣ вьюковъ и обложенныхъ внутри кошмами или овчинами; изъ нихъ видны только одни головы калмыченковъ. Старики и старухи на самомъ верху тоже среди вьюковъ. Молодые калмыки и калмычки, разодрѣтые, на лучшихъ лошадяхъ, опережаютъ другъ друга въ бѣгахъ (кокетничаютъ). По сторонамъ на огромныхъ пространствахъ тянутся стада и раздѣзжаютъ кавалькады охотни-

ковъ съ собаками, ястребами и балабанами (въ родѣ ястреба). Весною проходятъ отъ 15 до 20 верстъ въ день; лѣтомъ во время жаровъ отъ 10 до 12, а осенью отъ 25 до 40. Въ Ноябрьѣ переселяются на зимнее постоянное кочевье въ мѣста, гдѣ камышъ или кустарникъ около волги доставляетъ кое какую защиту отъ бурь и средство имѣть огонь. Бѣдствуютъ и сносятся иногда бурей. Въ началѣ Февраля поднимаются съ мѣста, отпраздновавъ праздникъ Цаганъ-Сара (бѣлый мѣсяцъ), въ память побѣды, одержанной однимъ бурханомъ надъ злымъ духомъ. Главный праздникъ, въ который калмыки оживаютъ, какъ Баибакн, и выходятъ изъ своей оцепенѣлости, радуются до нельзя, дарятъ другъ друга, мѣняются вещами, фруктами, деньгами; довольство необыкновенное. Еще замѣчательнъ праздникъ лѣтній (юрюсъ сара), когда хурулы и всѣ кибитки украшаются зеленою травой и древесными вѣтвями, пекутъ хлѣбы Бурханамъ.

Кочевья ихъ, среди степей разсѣянные, имѣютъ видъ унылый. Крикъ верблюдовъ, смѣшанный съ лошадинымъ ржаньемъ, коровьимъ мычаньемъ и блеяньемъ овецъ, дико разить невыкшіе уши. Утро начинается тѣмъ, что калмычки идутъ доить коровъ, а другія съ мѣшками на плечахъ отправляются за пометомъ въ поле и къ колодцамъ за водою. Калмыки выгоняютъ стада на паству и водопой. Послѣ обѣда у котла свои кибитки, жены принимаются за бабьи ремесла, а мужья ничего не дѣлаютъ, сидятъ поджавши ноги, перебираютъ четки, курятъ, или таскаются по чужимъ кибиткамъ, нѣтъ ли гдѣ мяса или чего иного поѣсть.

Неопрятенъ калмыкъ страшно. Неумывается, не перемѣняетъ бѣлье, зимой даже нераздѣвается и никогда не скидаетъ тереуха. Вшей и блохъ носить съ собой страшное множество, тѣмъ болѣе что вѣрится въ переселеніе душъ и никогда не бьетъ ихъ, но если поймаегъ, кладетъ осторожно возлѣ себя. Ъстъ изъ того же котла. Въ томъ же котлѣ варится и чай, гдѣ за двѣ минуты варилося мясо. Молоко держать въ нечистыхъ кожаныхъ посудахъ, откуда невозбранно хлѣбають собаки. Обходится паль-

цами, вытирая ихъ тутъ же объ овцу или собаку, на мѣсто салфетки. Въ случаѣ именитого гостя, желая оказать опрятность, вытираетъ чашку полою собственного кафтана, мерзѣйшею въ послѣдней степени. Несмотря однакожь на неопрятность и бѣдность жизни, тощія и почти не производящія степи, калмыкъ здоровъ, стариковъ между ними много, строенъ и крѣпокъ. Смугль, черноволосъ, широкоскулистъ, схожь съ китайцемъ и манжуромъ. Узкіе, черные глаза, носъ, какъ обыкновенно, плоскій. Зубы хороши и бѣлы. Быстроглазь и видитъ далеко, не смотря на то, что иногда ему вовсе выкуриваетъ очи кибиточный дымъ. Статень, средняго роста, ловокъ на лошади и неуклюжь въ ходьбѣ, по причинѣ кривизны ногъ отъ беспрестанной верховой ѣзды. Силень: сила не нарывная, но неутомимая. Нанимаясь въ Астрах. Губер. для разѣздовъ по Волжскимъ протокамъ, работаютъ веслами нѣсколько дней безъ отдыха, безъ пищи, противъ вѣтровъ и теченія, солнца и комаровъ. Борьба въ употребленіи. Силачи называются батырями или богатырями. Калмыкъ, даже пьяный до нельзя, не свалится низачто съ лошади. Одѣтъ зимою въ овчинной тулупъ, лѣтомъ въ китайчатый кафтанъ или чапанъ, опоясанный китайчатымъ поясомъ. Шапка большею частью желтая съ узкимъ мѣховымъ околышкомъ, иногда войлочная маленькая шляпа. То и друго съ красной кистью на верху.

Нравомъ калмыкъ гостепріименъ и подѣльчивъ. Въ обращеніи ровень и съ богатымъ и съ бѣднымъ. Бѣдный можетъ зайти въ любую кибитку и подсѣсть къ хозяйскому котлу, ему поднесутъ чашку на равнѣ съ другими. Если только у кого падеть верблюду или лошади, тотчасъ явятся гости и знакомые на трапезу, все съѣдятъ, такъ что и хозяину не остается (мясное ѣдятъ рѣдко и только къ праздникамъ рѣжутъ барана; въ обыкновенныя дни питаются крѣпко варенымъ кирпичнымъ чаемъ и пьяными напитками изъ молока). Если калмыкъ получилъ чтонибудь въ подарокъ, деньги, пищу, табакъ, тотчасъ раздѣлится поровну съ товарищами, которые тутъ найдутся. Калмыкъ наклоненъ къ пьянству и воровству, послѣднее считается не больше какъ ша-

лостью и состоитъ въ кражѣ барана или угнанія скота. Мы подѣйствовали на нихъ просвѣщеніемъ своимъ съ другой стороны: сообщили картежную игру, до которой они стали страстные охотники: дуютъ въ горку, въ марьяжъ или въ марью, цыхру, армянскую игру безъ козырей. Степные купцы продаютъ имъ играныя колоды по рублю и по два за каждую. А кто заведетъ у себя игру въ кибиткѣ (изъ богатыхъ), тотъ беретъ съ запальчивыхъ игроковъ за новую колоду отъ 5 до 20 рублей. Суевѣренъ калмыкъ страшно, прибѣгаетъ на гаданьямъ и колдуньямъ, вѣрить въ обморочиванья и въ чертей страшно. Не мстителенъ. Соры и драки часты, но прекращаются скоро, ябедничествамъ и тяжбамъ выучился уже находясь подъ рускимъ правительствомъ. Отчасти любопытенъ, легковѣренъ и непостояненъ и всегда привязанъ къ степямъ и кочевью, которыхъ ни за кія блага не промѣняетъ, не смотря на то, что уже занялъ много обыкновеній у Рускихъ. Имень нѣтъ. Какъ родится калмыченокъ, отецъ его или бабка выходитъ тотчасъ изъ кибитки и, что первое попадется ему на глаза, тѣмъ называетъ ребенка. Волга, топоръ, собачій пометъ, ложка, старуха, если попадется рускій чиновникъ пріѣхавшій, то именемъ его чина: маіоръ, сенаторъ. Для женщинъ иногда съ разборчивостью: кукушка, куница, спокойствіе, драгоцѣнность. Дитя тотъ же часъ завертываютъ въ тряпку, а зимой въ баранью овчину, закупориваютъ въ ящикъ изъ лубковъ, зашнуровываютъ, оставивъ дырки для рта, глазъ и сзади; гдѣ ребенокъ свищетъ, даютъ ему въ ротъ кусокъ сыраго сала и оставляютъ его рѣшительно на попеченіе Бога. Грудью сытъ изрѣдка, но кормятъ до трехъ лѣтъ. Дитя въ это время даже куритъ табакъ. До 2 лѣтъ ребенокъ держится въ ногомъ видѣ, не моется, не стрижется. Празднества у калмыковъ сопровождаются яденьемъ быковъ, лошадей и барановъ, музыкой, пѣньемъ, пляской, борьбой, охотой и лошадиной скачкой. Пляска у калмыка подъ отрывистую музыку сильна и не только въ движеніи тѣла, но даже въ движеніи мускулъ, въ кривляньяхъ и огибаньяхъ, движеньяхъ судорожныхъ до изступленія. Напѣвы пѣсней, напротивъ, про-

тяжны необыкновенно, унылы сильно, однозвучны, кажется, как будто выражается грусть. Переходы къ гортаннымъ звукамъ. Инструменты балалайка и ятга (родъ гуслей о 7 мѣдн. струнахъ).

Религія и духовная образованность и словесность.

Въ Религіи Калмыковъ таятся слишкомъ замѣчательныя начала, говорящіе много о внутренней силѣ этого беспечнаго народа. Вотъ понятія о происхожденіи міра: Прежде существовало неизмѣримое пространство пустоты, хаосъ. Потомъ (неизвѣстно когда) поднявшаяся со всѣхъ десяти сторонъ свѣта буря породила множество облаковъ, которые пролили сильный дождь, отъ чего составилось величайшее море. На поверхности этого моря, движимаго бурей, накопилось чрезмѣрное множество пѣны, изъ коей уже образовалась земля и воздвигнувшаяся среди моря гора, утвержденная на пронзенной Бурганомъ Манцзошири черепахѣ. Гора сія (Сюммеръ ула) составляетъ средоточіе земли и имѣетъ четыре стороны: серебрянную, лазурную, рубинную и золотую. Она вся обитаема духами и состоитъ изъ семи уступовъ: внизу живутъ злые, въ верху добрые, на вершинѣ самые добродѣтельные 33 Тенгерія. Выше сего, уже вѣроятно въ странахъ небесныхъ, находится царство боговъ и жилище праведныхъ въ области бурхана абида.

Вокругъ горы четыре острова, первый земля драгоцѣнностей, гдѣ наход. и наша Европа, второй и третій заняты людьми великанами. На четвертомъ, называемомъ землей зловѣщаго голоса, люди безъ болѣзней достигаютъ до тысячи лѣтъ и о времени кончины за нѣсколько дней извѣщаются какимъ то таинственнымъ голосомъ. Между островами сношеній нѣтъ и только однѣ бурханы могутъ переходить съ одного на другой.

Первые люди, получившіе бытіе вмѣстѣ съ сотвореніемъ міра отъ нѣкоего Свѣтлаго духа, осчастливлены были всѣми дарами благодати: они издавали отъ себя сіяніе, имѣли крылія, не требовали пищи, жили по 80 т. лѣтъ и возраждались вновь чрезъ

преселеніе душъ. Такое состояніе, продолжавшееся неизвѣстно сколько, было утрачено невоздержаніемъ одного человѣка, съевшаго какое то земное растѣніе и соблазвившаго къ тому и другихъ. Послѣ чего исполинскій ростъ, долголѣтіе, сіяніе, способность лѣтать, словомъ, все исчезло и люди долго оставались во тмѣ, пока не учредилось солнце, луна и звѣзды. Но среди такого переворота были еще люди, сохранившіе святость. Они въ числѣ 1000 существъ переселились на небо и сдѣлались бурханами. Съ того времени солнце, состоящее изъ огня и стекла, ежедневно обращается около горы. Когда оно, движимое воздушными конями, выходитъ противъ серебрянной стороны означенной горы, тогда начинается разсвѣтъ, когда равняется со стороною лазурною, тогда наступаетъ полдень, когда приближается къ сторонѣ рубявной, тогда день склоняется къ вечеру, и наконецъ со стороны золотой отражается ночь. Луна, какъ и солнце, странствуетъ около горы и состоитъ изъ стекла и воды; на ней, какъ и на звѣздахъ, обитаютъ свѣтлые тенгеріи. Потерявъ благодатную жизнь, люди довольствовались сначала различными питательными растѣніями, но какъ оныя скоро перевелись, то всѣ впали въ неизъяснимую крайность, за которою слѣдовали необходимость пріобрѣтать пищу трудами и водвореніе на землѣ пороковъ. Въ семь бѣдственномъ положеніи благоразумнѣйшій изъ людей выбранъ былъ ханомъ. Бурханы, видя землю осиротѣвшую добродѣтелями, рѣшились посѣтить оную, и когда вѣкъ людей отъ 80 т. уменьшился до 40 лѣтъ, снизшелъ первый бурханъ, имѣвшій имя: разоритель, проповѣдывать вѣру. Когда люди не могли жить уже болѣе 30 т., другой: строитель міра, потомъ, когда 20 т., третій: блюститель міра, далѣе четвертый и, наконецъ, когда уже люди стали жить по ступлѣтъ, сошелъ на землю бурханъ Шакджимуни, управляющій нынѣ міромъ и указавшій настоящую Ламайскую вѣру. Уменьшеніе роста человѣческаго, однакожь, не прекратится и достигнетъ до того, что человѣкъ будетъ жить только 10 лѣтъ, ростъ ему дастся не болѣе одного аршина, и самыя лошади будутъ не болѣе зайца. Наконецъ, ужасныя бѣдствія истребятъ

всѣхъ живущихъ; послѣ чего земля очистится огнемъ и водою и вновь настанетъ вѣкъ блаженства. Люди получаютъ опять долголѣтіе и, слѣдуя внушеніямъ добродѣтельнѣйшаго Бурхана Майдри, который долженъ поступить тогда вмѣсто Шакджимуни и удивить смертныхъ своими совершенствами, величіемъ, сіяніемъ и красотою, приобрѣтутъ возможность пользоваться возрастомъ до 80,000 и, что всего важнѣе, въ этомъ вѣкѣ будутъ владычествовать на землѣ уже не мужчины, а женщины. По ученію Ламайскому, существованіе міра полагается бесконечнымъ, но опредѣленность такая имѣетъ періоды, наз. *огненными истребленіями*. Каждый періодъ имѣетъ въ себѣ семь семъ малыхъ эпохъ, изъ коихъ каждые семь огненные сопровождаются осьмымъ изъ воды потопомъ. Всѣ же вообще заключаются разрушеніемъ міра. Сверхъ того, потомъ всѣ имѣютъ четыре большіе эпохи, одна объемлетъ время уменьшенія рода человѣческаго отъ 80 т. до 10 лѣтъ, потомъ слѣдуетъ время разрушенія, когда все разрушается на землѣ и истребляется, потомъ время пустоты на землѣ, потомъ время возстановленія, когда буря возвращаетъ изъ ада души для новаго населенія земли.

Калмыки чувствуютъ верховность одного существа свыше всѣхъ бурхановъ, Творца вселенной, но не называютъ его по имени. «Существо всевидящее, непостижимое, невидимо всѣмъ управляющее, духомъ святымъ преображеніе имѣющее и спасающее всѣхъ животныхъ». Образа его не представляютъ и воздаютъ почести только Бурханамъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ управленіе какую нибудь часть.

Шакджимуни пользуется уваженіемъ болѣе другихъ, какъ учитель и основатель вѣры. Древнее монголо-камыцкое уложеніе начинается къ нему молитвою въ сихъ выраженіяхъ: Яко пучина великаго моря, всѣми добродѣтелями исполнившемуся и тѣми украсившему, и самую вѣрою бесплотнымъ уподобившемуся, и три существа въ себѣ вмѣстившему и обо всемъ вѣденіе и самодержавную власть получившему — Шакджимуни ламѣ поклоняемся. Замѣчат. *Хурмуста*, защитникъ и хранитель земли, бла-

годѣтельный духъ, пекущійся о всѣхъ тваряхъ, обитаетъ съ 33 подвластными ему тенгеріями на высотахъ Сюмеръ улы. Онъ изображается въ видѣ старца, разѣзжащаго на слонѣ необыкновенной бѣлизны, шерсти и огромности: вышина и длина его въ нѣсколько верстъ. Пасется онъ въ очаровательной долинѣ и утоляетъ жажду водою, сладкою какъ медъ. При отправленіи *Хурмусты* въ путь, получаетъ онъ 33 красныя головы, изъ коихъ на каждой по 6 хоботовъ, на всякомъ хоботѣ по семи бассейновъ, на каждомъ бассейнѣ растетъ по 7 лилій, а на лиліяхъ сидятъ воздушныя дѣвы, которые поютъ и ударяютъ въ литавры. Самъ хурмуста помѣщается на средней головѣ слона, на прочихъ 33 сопутствующихъ ему Тенгеріи. Множество другихъ бурхановъ занимаютъ разныя должности, какъ то: Богъ рая, брани, ада, злые, добрые духи. Судить по смерти Эрликъ ханъ, Богъ и повелитель ада. Чистота понятій о добрѣ и злѣ, заключающаяся въ правилахъ ихъ религіи, стоитъ глубокаго вниманія. Грѣхи слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ. *Приписываемые произволу*: убійство, всякое насиліе, всякое телесное оскверненіе, *грѣхъ происходящій отъ словъ*: злословіе, празднословіе, клевета и ложь, смуты и подстрекавія. Грѣхи душевныя: зависть, мщеніе, бесбожіе или непризнаніе святости закона. Души въ слѣдствіе грѣховъ и добродѣтелей получаютъ (четыре) *пять* назначеній. Однѣ отправляются къ Бурханамъ, другіе поступаютъ въ число добрыхъ Тенгерій, третіи въ число злыхъ духовъ, четвертыя возвращаются на землю, будучи поселяемы или возраждаемы въ людяхъ или безсмысленныхъ тваряхъ, и, наконецъ, пятые осуждаются на мученія. Далай ламы пользуются божескими почестями, представителями Бурхановъ. Тенгеріи (добрые духи) обоого пола рождаются отъ взаимныхъ лобзаній и даже отъ взоровъ или одной улыбки любви, существуютъ иногда цѣлыя сотни тысячъ лѣтъ и, исчезая, вселяются въ благочестивыхъ людей. Обширныя преданія о подвигахъ Бурхановъ, ихъ непорочности и стяжанномъ величій и, наконецъ, ученіе Шакджимуни, написанныя въ огромныхъ книгахъ, заключаютъ въ себѣ *Номъ*, т. е. законъ Калмыцкой вѣры.

Калмыкъ способенъ вѣрить чудесному и охотникъ до сказокъ. Иногда дня по три сряду слушаетъ преданія о подвигахъ сказочныхъ героевъ, которыхъ очень любитъ. Раскащики водятся мастера своего дѣла и сопровождаетъ, гдѣ слѣдуетъ, пѣньемъ, музыкой, тѣлодвиженіемъ, гдѣ нужно — подражаніемъ голосу животныхъ. Герои бываютъ ростомъ въ нѣсколько верстъ, махомъ меча поражаютъ цѣлыя тысячи, конями перескакиваютъ моря и горы. Болѣе всѣхъ другихъ нравится баснословная повѣсть Джангирь. Замѣчательный всякій случай рождаетъ у калмыковъ пѣсню. Въ замѣнъ рифмъ строки начинаются съ одинаковыхъ буквъ и звуковъ. Предметы ихъ: подвиги наѣздниковъ, достоинства коней, любовныя приключенія, Странствія, гдѣ были, что ѣли, что дѣлалъ ихъ хозяинъ. Часто является наклонность къ ироніи и оригинальная острота.

Нѣсколько мыслей и изреченій изъ калмыцкихъ книгъ.

У всякаго человѣка желанія неограниченны, но благоразумный питаетъ ихъ втайнѣ.

Благоразуменъ тотъ, кто пріятною улыбкою уничтожаетъ вредные замыслы враговъ, не показывая имъ и вида неудовольствія.

Не пренебрегай никѣмъ изъ ближнихъ и не говори худо. Послѣ онъ можетъ быть и добрымъ; равно не превозноси ни чьихъ достоинствъ выше мѣры: узнать ихъ трудно.

При излишнемъ гнѣвѣ къ рабамъ рѣдко можно имѣть около себя служителей.

При совѣщаніяхъ женѣ преимущества не давай и слѣдуй своимъ соображеніямъ.

Человѣку завидливому лучшее сокровище свое не показывай.

Не все слышанное отъ другихъ принимай за истину, а обсуди самъ со вниманіемъ.

Если богатый умѣетъ распоряжаться своимъ имѣніемъ, онъ прирапается, но если бѣдный умеренно живетъ, онъ можетъ вѣщасливъ.

Кто нескромно другихъ обременяетъ вопросами, тотъ есть человекъ слабоумный, а тотъ, кто предпріятій своихъ до совершенія оныхъ ни словомъ, ни дѣломъ не обнаруживалъ, есть человекъ глубокомысленный.

Одинъ человекъ истинно образованный блистаетъ въ мірѣ семь, какъ солнце; тогда какъ многіе невѣжды въ совокупности не могутъ уподобиться и звѣздамъ.

Скворецъ, сколь бы ни жаждалъ, стоячую воду пить не будетъ, такъ и умный человекъ, въ какіе бы бѣдствія ни впалъ — совѣтамъ глупаго не послѣдуетъ.

У глупаго способности на языкѣ, а умный хранитъ ихъ втайнѣ.

(Нѣсколько) Пословицы тоже есть замѣчательныя:

Видя близкую смерть, и мышь укуситъ кошкѣ хвостъ.

На одномъ верблюжьемъ пометѣ тысяча верблюдовъ споткнутся.

...болѣе, что вѣрять въ переселеніе душъ и никогда не бьетъ ихъ, но если поймаетъ одну, кладетъ осторожно возлѣ себя. Ъсть изъ одного и того же котла. Пьетъ (изъ него) чай (изъ того же) *кирпичный*, который варится докрасна въ котлахъ, гдѣ только что кипятилось мясо. Молоко держитъ въ кожаныхъ сосудахъ, откуда невозбранно глѣбаютъ собаки. Обходится пальцами, вытирая ихъ тутъ же объ овцу, или собаку, или кошку, на мѣсто салфетки, а если хочетъ обойтись опрятнѣе при посѣщеніи именитаго гостя, то вытираетъ чашку собственною полою, мерзѣйшею и подлѣйшею.

(Не смотря, однакожь, на неопрятность и бѣдность жизни, тощія и почти не производящія свои степи. Ъсть падалъ и всякую дрянъ, и то не всегда, однакожь рѣжетъ барана по поводу угощанія).

Травники.

Лѣкарственный Арзамаскій Травникъ.

Плакунъ-трава (*Lytrum Salicaria*) заставляетъ плакать нечистыхъ духовъ, выгоняетъ домовыхъ кикиморъ, открываетъ приступъ къ заклѣтому кладу.

Кожка (*Carlina vulgaris*) во множествѣ растеть по пригоркамъ. Ея дымомъ окуренное ружье не можетъ заговорить никакой колдунъ.

Царь трава. *Veratrum album*. Корень ея, сваривъ въ меду золотникъ и выпивъ, избавится человекъ отъ всякой нечести, которую вынесетъ верхомъ и низомъ. Уваромъ ея промываются скоту всѣ раны и истребляются въ нихъ черви. То же что Чемерица.

Дяиль. *Angelica Sylvestris*, внутреннее лѣкарство для скота.

Жабрей. *Antirrhinum Linaria* употребляется на мѣсто боброй струи къ поправленью мужской слабости.

Попутникъ (*Plantago Latifolia*). Листами полезень ранамъ всѣмъ безъ изыятія, а корешкомъ роженицамъ послѣ родовъ, ослабѣвающимъ отъ теченія крови.

Лютикъ (*Ranunculus flammula*) и чеснокъ, будучи привязаны вѣстѣ съ квашеннымъ тѣстомъ ко лбу или ногамъ, унимають жарь.

Мухоморы или Сосенка. *Asparagus officinalis*. Корень пригоденъ

отъ каменной болѣзни и запору. А траву вѣшаютъ въ до-
махъ для умору мухъ.

Молочай трава. Leontodon teraxasum. Одуванчики. Разбиваетъ
сперсееся молоко въ грудяхъ у роженицъ и умножаетъ
его.

Молочай трава. Euphorbia palustris. Свѣжій сокъ его при-
маютъ чарочною мѣрою одержимые лихорадкою и отъ того
исцеляются.

Чернобыльникъ. Artemisia vulgaris. Имъ поятъ дойный скоть,
когда онъ не доить отъ наговора ворожей.

Сорочій щавель. Rumex acetosella. Пьютъ отъ кровавой рвоты.

Гулявица рябинка. Achillaea millefolia, пригодна отъ отдышки.

Коневой щавель, разбиваетъ кровь и мокроты. Rumex acetosa.

Черноголовникъ. Pimpinella sanguisorba, останавливаетъ крово-
харканье и утоляетъ грудныя болѣзни.

Мать и Мачиха. Tussilego barbara, умягчаетъ всякіе опухоли.

Медвежье ухо. Potamogeton natans, варятъ и пьютъ отъ цынги.

Кошечья мята. Glechoma Hedera terrestris, уменьшаетъ по-
чечуи.

Дикая крапива, bonurus cardica. Уваръ ея считается за надеж-
ное средство отъ укушенья бѣшеной собаки.

Сердечная трава (Polygonum bistorta). Жеванье ея корня сы-
рого и глотанье останавливаетъ простой и кровавой по-
нось.

Лобазникъ или Живокость. Spiraea Ulmaria. Пьютъ въ переломѣ
кости; кость сростается.

Купена. Conularia sigillum. Щеголихи мокутъ уваромъ ея ху-
дощавыя щеки и чрезъ то полнѣютъ.

Золитникъ полевой. Centaureum minus, пригоденъ во всякой
боли въ животѣ.

Змѣевая трава. Stachis Arvensis, отъ угрызенья змѣи.

Дурманъ (Datura Stramonium) сгоняетъ мягкіе опухоли.

Дуркманъ (Xanthium strumarium) пригоденъ лошадямъ отъ
сапу.

Подльсникъ или сухой Водоленъ, *Asarum Europaeum*, въ черной болѣсти, въ пострѣлѣ и въ падучей болѣзни.

Дербенникъ. Плакунъ трава. Стебель стоящій четырехсторонній, къ верху мохнатый, вышиною въ аршинъ и больше. Цвѣты яркого темнорозоваго цвѣта, столбомъ, вокругъ стебля вверху сидячіе, противоположные остролистные. Цвѣтеть въ Юлѣ и Августѣ, созрѣваетъ въ сентябрѣ сѣменами. По берегамъ рѣкъ, озеръ, каналовъ.

Травникъ Симбирской.

Бобовникъ, *Amygalus pans*. Прекрасное деревцо, растущее во множествѣ на пашнѣ. Плодъ мохнатый, схожъ съ миндалемъ. Ядра употребя на перегонку и потдѣлку водою.

Сій косолиственный. *Sium Falcaria*.

Перекасти поле. *Gypsophyla Paniculata*, изсохнувъ, большими клубами валяется по пашнямъ. Употребляется для умору мухъ.

По рѣкѣ *Черемшану*, по луговой сторонѣ, обширные и тучные поля, по правую гнѣздовые перелѣски, наполненные дикими розами. Растетъ множество *девясила* (*Inula Helenium*). Въ березовыхъ перелѣскахъ гордиться алыми шапками.

Барская степь. *Luchnis chalcidonica*. Казылбаши засѣваютъ цѣлыя поля Арбузами и дынями. По Черемшану растутъ кра- сильныя травы, которыми Мордва красить шерсть на свою одежду. Корнемъ Марёны, *Galium Rubioides*, красятъ въ красную. Жолтую краску даетъ трава дрокъ. *Genista tinctoria*.

Изъ соку ягоды *костеники*: *Bubus Saxatilis*, приѣшавши къ нему квашеннаго молока, татары составляютъ напитокъ пріятнаго. . . красноватаго вкуса и нѣсколько разбирающаго свойства. Костеника растеть изобильно въ перелѣскахъ.

По Черемшану среди березовыхъ перелѣсковъ растутъ *Серпуха чертополошная*. *Serratula Centauroides* и *Чертополохъ* серпуховидный. *Carduus serratoloides*.

Чертополохъ, *Centavrea benedicta*. Лѣсной салатъ, *Lactuca Scariola*. Мошистой звѣробой, *Hiericum Elodes*. Всѣ три по лѣсамъ.

Собацки. Черета. *Bidens serpuia*. Трава растеть при мокрыхъ мѣстахъ, Мордва извлекають изъ нее хорошій рудожелтый цвѣтъ.

Кавылъ, Stipa pennata, которою зеленѣется вся степь при началѣ весны.

Двуцвѣтная Ирѣ (Iris bistora) устилаеть синними цвѣтами степь. Сокъ даеть синюю краску.

Цвѣты *Вятра* или Вѣтреницы, *Anemone*, составляютъ не меньшую красу степей. Ихъ три рода: Цвѣтъ распушенный, *Anemone Patens*, весенній, *Anemone vernalis*, и колокольчистый, *Anemone Pulsatilla*.

Весенній шерстоцвѣтъ, *Adonis vernalis*, по берегу рѣчки.

Желтоцвѣтные благовонные лѣсные *тольпаны*, *tulipa silvestris*.

Кокушкины баимачки съ голубыми цвѣтами лазоревыми. *Surgipedium calceolus* употребляется въ черной немощи.

Золотая сарацинская лоза, Senecio Saracenicus, покрываетъ горы.

Благовонный девясилъ, Inula odorata. } по горамъ.
Большой ландышъ, Nemoracalis Liliastrum. }

Таволожникъ. Сибирскій кустарникъ. *Spiraea crenata*.

Молочай Пашенный. *Euforbia segetalis*.

Сибирскій волосистый молочай на низменныхъ мѣстахъ. *Euphorbia pisola*.

Кирказонъ (Аristoloxia Clematis), плодъ, на подобіе яблокъ, кладутъ въ шляпу для унятія головной боли.

Дикая ретька, Bunias orientalis, въ армянскомъ буераку, при самомъ уступѣ его къ горному ущелью. Столбики ея ѣдятъ сырые.

Скерда, Hieracium grasonosum. Стебли служатъ пищею, особенно въ жаркіе дни. Ёдятъ ихъ облупивъ верхнюю кожицу.

Устели поле (*Ceratocarpus arenarius*) покрываетъ равнины по подгорью, особенно на песчаныхъ мѣстахъ.

Драконова голова была въ цвѣту.

Astragalus tragacantoides. Мышій чай на горахъ.

Carduus cianoides, татарникъ, подобенъ Васильку.

По юнѣй.

Бабы румяны. *Echium*. Корень его, наполненный краснымъ цвѣтомъ, употребляютъ на подкрашиванье щекъ. Стебель прямой, косматый, съ темнокрасными почками, подымается одинъ къ верху на два фута и больше. Продолговатые листы также косматы. Стебель оканчивается цвѣточнымъ колосомъ, хорошаго краснаго, кармазиннаго, цвѣта. Растетъ между васильковыми цвѣтами.

Колокольчики, *Campanula decurrens*.

<i>Danthonia</i>	<i>lepturus filiformis</i>
<i>Arrhenatherum elatius</i>	<i>psilurus nardoides</i>
<i>Glyceria aquatica</i>	<i>Sorylium halepense</i>
<i>Koeleria valesiaca</i>	<i>Oxytropis pilosa</i>
<i>Capsella procumbens</i>	<i>Sarothamnus scoparus</i>
<i>Braya pinnatifida</i>	<i>Cajanus argenteus</i>
<i>Senebiera coronopus</i>	<i>Rindera tetraspis</i>
<i>Imperata cilindrica</i>	<i>Rhynchospora fusca</i>
<i>Calamagrostis</i>	<i>Gastridium lendigerum</i>
<i>Erianthus ravennae</i>	<i>Coleanthus subtilis</i>
<i>Heteropogon Allionii</i>	<i>Polichnenum nuciferum</i>
<i>Calamagrostis gaudiniana</i>	<i>Ceratocephalus falcatus</i>
<i>Crypsis Schoenoides</i>	<i>Nuphar pumilum</i>
<i>Gaudinia fragilis</i>	<i>Malcolmia africana</i>
<i>Molinia Serotina</i>	<i>Hugueninia tanacetifolia</i>
<i>Iammarhia aurea</i>	<i>Syrenia angustifolia</i>
<i>Spartina stricta</i>	<i>Rapistrum rugosum</i>

<i>Corynephorus canescens</i>	<i>Myagrum perfoliatum</i>
<i>Phragmites communis</i>	<i>Euclidium Syriacum</i>
<i>Polypogon littoralis</i>	<i>Calepina Corvini</i>
<i>Leersia oryzoides</i>	<i>Diplotaxis tenuifolia</i>
<i>Apera spicaventi</i>	<i>Hutchinsia brevicaulis</i>
<i>Cynodon dactylon</i>	<i>Aethionema saxatile</i>
(<i>Cyperus esculentus</i>)	<i>Capsella bursa pastoris</i>
<i>Rhynchospora alba</i>	<i>Corydalis ochroleuca</i>
<i>Eriophorum triquetrum</i>	<i>lasiagrostis Calamagrostis</i>
<i>Piptatherum paradoxum</i>	<i>Nestia paniculata</i>
<i>Crypsis aculeata</i>	<i>Farsetia incana</i>
<i>Viola rothomagensis</i>	<i>Lobularia maritima</i>
<i>Malachium aquaticum</i>	<i>Helichrysum arenarium</i>
<i>Drypis Spinosa</i>	<i>Silybum marianum</i>
<i>Helianthemum fumana</i>	<i>Thrinicia hirta</i>
<i>Tunica Saxifraga</i>	<i>Helminthia echioides</i>
<i>Erodium cicutarium</i>	<i>Urospermum picroides</i>
<i>Mercurialis annua</i>	<i>Willemetia apargioides</i>
<i>Zanichelia pedicellata</i>	<i>Phoenixopus muralis</i>
<i>Orlaya grandifolia</i>	<i>podospermum laciniatum</i>
<i>Turgenia latifolia</i>	<i>Galasia villosa</i>
<i>Haquetia epipactis</i>	<i>Telekia Speciosa</i>
<i>Hydrocotyle vulgaris</i>	<i>bidens cernua</i>
<i>Conioselinum Fischeri</i>	<i>Stenactis annua</i>
<i>tetra gonolobus</i>	<i>Adoxa Moschatellina</i>
<i>Securigera coronilla</i>	<i>Aronicum Clusii</i>
<i>bonjeanea hirsuta</i>	<i>Barkhunsia foetida</i>
<i>Corydalis fabacca</i>	<i>Lacyntha verrucosa</i>
<i>Corydalis daviculata</i>	<i>Adenostiles alpina</i>
<i>Zahlbrucknera paradoxa</i>	<i>Cirsium eriophorum</i>
<i>Malcolmia africana</i>	<i>Petasites spurius</i>
<i>Camelina dentata</i>	<i>Homogine alpina</i>

Матеріалы по сельскому хозяйству.

Подъ общимъ заглавіемъ «Матеріалы по сельскому хозяйству» печатается цѣлый рядъ выписокъ и замѣтокъ Гоголя по предметамъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ домашнему быту и сельскому хозяйству.

На первомъ мѣстѣ печатается собственное разсужденіе Гоголя о сельскомъ хозяйствѣ, по собственноручной его рукописи, хранящейся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подь № 3222. Рукопись представляетъ собою листъ бѣлой писчей бумаги, сложенный въ 8-ую долю, изъ котораго вырваны три восьмушки. Текстъ Гоголя находится на лицевыхъ страницахъ первой и второй (со словъ: «На что преимущественно») восьмушекъ. При печатаніи текста слова, зачеркнутыя Гоголемъ, помѣщены въ скобкахъ, а слова, написанныя имъ вмѣсто зачеркнутыхъ и въ дополненіе къ написаннымъ въ строку, набраны курсивомъ¹⁾.

На второмъ мѣстѣ печатаются собственноручно выписанныя Гоголемъ выдержки изъ послѣдней части Домостроя по изданію: «Домострой Благовѣщенскаго попа Сильвестра. Сообщено Д. П. Голохвастовымъ». М. 1849.

1) Этотъ Гоголевскій отрывокъ разсужденія по поводу сельскаго хозяйства въ десятомъ изданіи его сочиненій, по необъяснимой причинѣ, напечатанъ по копіи Трушковскаго, подь названіемъ «Замѣтка» и «Замѣтки о сельскомъ хозяйствѣ». См. шестой томъ, стр. 450—451 и 799—800.

На третьемъ мѣстѣ печатаются собственноручно выписанныя Гоголемъ выдержки изъ «Народнаго Дневника», напечатаннаго И. Сахаровымъ въ книгѣ: «Сказанія русскаго народа», въ томѣ второмъ, въ книгѣ седьмой, при чемъ Гоголь не механически выписывалъ у Сахарова то, что его интересовало.

На четвертомъ мѣстѣ печатаются «Народныя повѣрья въ селѣ Лопуховкѣ Саратовской губерніи», собственноручно выписанныя Гоголемъ, по его показанію, изъ *Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*.

На пятомъ мѣстѣ печатается «Цвѣточный барометръ», составленный тоже приворонительно къ потребностямъ сельскаго хозяина.

На шестомъ и седьмомъ мѣстахъ печатаются «Календарь крестьянъ» и «Народныя замѣчанія по явленіямъ природы», при чемъ мѣстность, откуда взяты они, Гоголемъ названа Симбирскою губерніей, но подъ вопросительнымъ знакомъ.

На восьмомъ и девятомъ мѣстахъ печатаются небольшія замѣтки Гоголя, носящія названія: «Хлѣбопашество» и «Садоводство».

Всѣ эти статьи, №№ 2 — 9, собственноручно вписаны Гоголемъ въ ту тетрадь, которая начинается лѣкарственными травниками.

На десятомъ мѣстѣ печатается статья «О крестьянскомъ жилищѣ», собственноручно написанная Гоголемъ на двухъ несшитыхъ листахъ почтовой бумаги, при чемъ обѣ вторыя половинки листовъ остались бѣлыми.

На одиннадцатомъ мѣстѣ печатаются нѣсколько сельско-хозяйственныхъ замѣтокъ, собственноручно написанныхъ Гоголемъ на двухъ листахъ, тоже несшитыхъ, почтовой бумаги, при чемъ послѣдняя половинка листа осталась бѣлою.

На двѣнадцатомъ мѣстѣ печатаются небольшія замѣтки о цѣнѣ хлѣба и о конномъ заводѣ, собственноручно записанныя Гоголемъ на первой страницѣ восьмушки листа писчей бумаги.

Всѣ эти Гоголевскія рукописи хранятся въ томъ же вышеуказанномъ № 3222 Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ. Здѣсь же, въ этомъ № 3222, кромѣ того, сохранились относящіяся къ сельско-хозяйственному отдѣлу статьи, писанныя не рукою Гоголя.

Одна изъ этихъ статей, въ родѣ сельскаго календаря, повидному, писана Маркевичемъ и напечатана выше, въ прилѣжаніи къ предисловію «Матеріаловъ по географіи». Другая статья, «О размноженіи растеній черенками», на листѣ почтовой бумаги. Третья, безъ заглавія, о положеніи крѣпостныхъ, писана на двухъ листахъ писчей бумаги, сложенныхъ и сшитыхъ въ 4-ку. Въ почеркѣ этой тетради нельзя не узнать руку той переписчицы, которая переписала для Гоголя и вторую тетрадь южно-русскихъ пѣсенъ. Четвертая статья: «Историко-статистическія свѣдѣнія о раздачѣ земель въ Южной Россіи», писана на листѣ почтовой бумаги большого размѣра.

1.

Почему нужно хозяйство? Поэтому, что отъ это зависть благосостояніе всего государства. Потому что устрояетея лучше (наша) *собстве* жизнь *всякого челоу*. Потому что занятія и беспре-
станное движеніе укрѣпляетъ тѣло и здоровье. Потому что отъ
этого самыя умственные способности въ свѣжести, *дѣятельны*
высшей степени, кои бездѣйствовали. Потому, наконецъ, что этимъ
исполняетъ челоуѣкъ свой долгъ и назначеніе, данн отъ Бога,
въ потѣ лица снискивать хлѣбъ.

Что происходитъ отъ пренебреженія хозяйства. Отъ прене-
бреженія хозяйства происходятъ нещастья всей земли, *конечное*
обѣднѣніе ея и растройство. Засухи безвр времянъ растройство.

(Чемъ разорили имѣнія помѣ) *Какимъ образомъ*.

(Тѣмъ что) *Ибо, незанимаясь самъ, тотъ* бросили имѣнія.
Отдали земли въ руки управ и наемниковъ, которыхъ (плохіе
блюстители земли. Пристрастились къ занятіямъ не свойствен,
къ роскоши и прихотямъ и сдѣлали то, что вся жизнь стала гор)
заботятся только о своихъ выгодахъ, о доставленіи временныхъ
доходовъ, не обращая вниманія на будущее, все (истреб) выводя
и ничего не насаждая, *какъ уже и случилось* въ Россіи, что вы-
рубили множество лѣсовъ. Отъ этого обмѣлѣли рѣки и меньше
стали давать нужной влаги. Земля стала суше и бесплоднѣе.
(Облака, не встрѣчая деревъ, проходятъ). Перестали дожди, ко-
торыя привлекаются обыкновенно лѣсистымъ мѣстомъ.

На что преимущественно нужно обращать въ хозяйствѣ вниманіе.

На то, что бы (дурно хозяйство отъ того, что) *не усп* упущено Время. Поэтому нужно знать время, когда что дѣлать.

Что нужно дѣлать весной?

2.

Купи осетрину и семжину на просолъ и на провѣсъ и засѣки на зиму въ ледъ.

Купи не вдругъ, изгодно—коли подешевлѣ.

Ничего не бросай, но коренье, листы, обрѣски, остатки и объеди собравъ по полицамъ, по чуланамъ, по залавкамъ, ставъ по судамъ на кормъ животинѣ.

Вдоволь у хозяики яицъ, твѣрогу, сыровъ, вазного молока, сметаны, масла. Пондуть варенцы, простокваши.

Птицъ всего, что хочешь, куры, гуси, утки, дичи не стреляй, — сама идетъ.

У мужа въ годъ все припасено и ржи, и пшеницы, и овса, и гречи, и толокна, и ямени, и солоду, и гороху, и коноплю.

И об. ихъ всего припасено, у всякого запасу, и у рухляди, и у питья, и ѣствы, и у хлѣбнаго, и воложнаго, и у мясного, и у полтявого, и у рыбнаго, и у ветчины, и у солонины, и у вялого, и вѣтренного, и у просолу, — и сухарей, и муки, и толокна, и иной запасъ, и макъ, пшено, и горохъ, и масло, и соль, и дрова, и солодъ, и хмѣль, и мыло, и зола, и все въ береженьи.

Ставленье на зиму земляного, рѣдки, хрѣну, капусты, ролу, ставленье и иныхъ земляныхъ плодовъ.

Сушенье грибовъ, яблокъ, грушъ, вишеня, малины, клубно, сливъ, марошки.

Соленье огурцовъ, капусты, грибовъ, груздей и рыжиковъ, и всякого овощу, сливъ, грушъ, арбузовъ, молодыхъ тыквъ.

Вареня въ меду и сахарѣ и дѣланье постилъ всѣхъ сортовъ, изъ клубники, изъ яблокъ, изъ терну, изъ поленики, ежевики, костеники.

Квасы изъ всѣхъ фруктовъ, брусничная, и морсы, и наливки всѣхъ сортовъ, и водка всякихъ такихъ настоевъ.

Меды и пива.

Закуски подавались: точная морянка безъ конца.

Водки точно разноцвѣтные хрустали.

Собиранье семень такъ, чтобы безъ вывода они были, можно бы и продать.

Челядь кормить въ мясоедныя дни. Хлѣбъ рѣшетной, щи да каша съ ветчиною, жидкая, иногда густая съ саломъ. Если случится мясо къ обѣду, а въ недѣлю и въ праздники: или пироги, или кисель, или блины, а на дѣ. . . щи да молоко или каша.

Въ житницахъ и закромахъ.

Зерно было бы не сгноено, не навѣяло бы, не слеглося, не затхгло бы ся, не проточено отъ мышей. А что въ бочкахъ, сундукахъ, ночвахъ, коробахъ: Мука, и горохъ, и конопли, и греча, и толокно, и сухари и ржаные и пшеничные, было бы все покрыто, и судно твердо, не намокло бы, не знило и не затхлося.

Въ сушиль Мясо полтевое и солинина вѣтреная, полотки и языки, и прутовая рыба, и пласти, и всякая рыба вялая и вѣтренная, и въ готкахъ, и крошняхъ, и вандыши, и хохольни было бы въ счетѣ и въ письмѣ, сколько чего куплено, вывѣшено и проявлено и положено. Пересматривай: что начинаетъ портиться, изводить прежде, а изгой выбросить.

Въ погребъ и на лѣдникъ и погребницахъ сыры, яйца, забѣла, лукъ и чеснокъ, мясо свѣжее и солонина, рыба свѣжая и просольная. Медъ прѣсной, яствы, варенья, рыбнаго студеню. Огурцы и капуста соленая и свѣжая, рѣпа и всякіе овощи, и рыжики, и икра, и расолы ставленные, и морсы, и квась, и медъ, и пиво сыченое и простое, и брага.

Въ клятвѣхъ, подклятвѣхъ и амбарехъ устроить ключнику всякой порядокъ. Платье ветчаное и дорожное и служне, и полсти, и епанчи, и кепеняки, и шляпы, и рукавицы, и медведно, и ковры,

и попоны, и войлоки, и седла, и саадоки и съ луки и съ стрѣлами, и сабли, и топорки, и рогатины, и пищали, и узды, и оброты, и морхи, ласино, и похва, и остроги, и плети, и кнуты, и вожжи, моржевые, ременные, и шлен, и хомуты, и дуги, и оглобли, и миндери, припоны, и шатры, и пологи, и лень, и посконь, и веревки, и ужища, и мыло, и зола, и ветшаной всякой запасъ, и обрѣски, ветшанное и новое, и мѣхи дымчатые, и сумы, и мѣхи холщевые; обрѣски платяные, кожаные, желѣзные обломки всякіе, и гвозды, и цепи, и замки, и топоры, и заступы, и всякой железный запасъ, и всякая рухлядь. Разобрати, положить, въ коробьяхъ, или въ бочкахъ, или по грядкамъ, иное по спицамъ, иное въ коробѣхъ.

А въ иныхъ *подкльтъхъ* въ *подстѣнѣ* устроить сани, дровни, тѣлеги, коша, одры страдные, дуги, хомуты, оглобли, рогами посконные, вожжи, лыка и мочала, веревки лычные, оброты, тяжи, шлен, попоны и другой дворовый запасъ конскій, что пригоже, поставити, положить или повѣсити.

А *въ другомъ онбарѣ или сараѣ*. Бочки, и мѣрники, и цѣпники, и высѣтки, корыта, жолобы, извары, корцы, сита, решота, фляги и всякая порядня поваренная и погребная. Которые бочки попортились, или обручи сгнили или свалились, и то велѣти окрѣпить, уторы передѣлать, дно поправить и обручи новые наколотить.

А дубникъ въ запасѣ держати, что починити или дѣлати. А ветчаная бочка, извара и выситокъ, донце, дощечки бочечные, и вичка, и всякое судно, все было бы приурявано.

Въ стѣнницахъ стѣно было бы устроено, и не разрыто, и не разволочено по лѣсницѣ, и по крыльцу, и по двору не растаскано, всегда бы было обрано и подметено, и въ ногахъ и въ грязи не затоптано и не гнило. Солома бы тоже была покрыта.

А бревна бы, и доски, и дрова, и драницы, и усѣчки, и урупкіе дощаные и бревенные и всякіе устроить въ сторонѣ, гдѣ пригоже, а не на дорогѣ, а бревна и доски и драницы на подклякахъ, а лучше того подъ кровлей.

Ничего не бросать.

А въ поваренныхъ избахъ, и въ поварняхъ, и въ хлѣбняхъ, и гуща, и дробина, и отруби всякіе, и копустное коренье, и хряпье, и листьє свекольное, и рѣпное плюсенье, и бражная гуща, и винная изъ котловъ, и кисельные ожимны [ожимины] ожимки, и что очищаютъ въ поварнѣ отъ мяса, и отъ рыбы, и отъ кислыхъ щей, и опара, всего того не метати, но въ ветчаные суда класти, которые ни въ поварнѣ, ни въ погребѣ не пригодятся, и тѣмъ страдные лошади кормити, подмѣшаючи невѣйници, или овсяной муки, или сѣно рѣзаного, или чего инаго. А иное, посыпавъ мукой, пригоже и коровамъ, свиньямъ, гусямъ, уткамъ, курамъ и собакамъ. Помывки судовые, горшечные, котеѣльные, и всякіе яствы, и пригарины, все животинѣ копить: животина тѣмъ сыта бываетъ.

Все осматривать.

А на погребяхъ, и въ ледникахъ, и въ житницахъ, и въ сушилѣ, и въ клетѣхъ, и онбарехъ, и въ конюшнехъ и вся дни вечере какъ либо день пересмотрити Государю всякого питья, ествы и всякого обиходу, и всякого запасу, и всякой рухляди, и въ конюшнѣ, и хлѣбнѣ, и въ поварнѣ, и въ чьемъ приказѣ, или у ключника, или у повара, или у хлѣбника, или у конюха всего пересмотрити, самому перепытати, колько чего есть и всему ли есть мѣра, и щоть, и письмо, и во всякихъ хоромѣхъ, и клѣтѣхъ у всякой животины, и въ сѣпникахъ, у мастеровъ, мастерицъ, учениковъ и у торговцевъ, и у всякихъ своихъ прикащиковъ, всего пересматривати и пытати: иного вечера ключника, иного вечера пивовара и конюха смотрити и смѣтити во всемъ; а ключнику тутъ же быти.

Какъ держать слугъ.

А радѣнемъ своимъ и слугъ приучать къ радѣнью, толкуя имъ, что блюденье порядка есть дѣло угодное Богу, блюстителю

порядка, а который служба въ приказѣ бережень, живетъ по наказу, въ службѣ чисто ходитъ, безъ безъ хитрости, самъ не украдетъ яства, и потреба покрыта, не сгнила, не поплесѣла, не прокисла, и все подметено, вытерто, не налипло, не нагрязнено и не насорено, суды чисты, перемыты и все цѣло — то службу такого жаловать и всякимъ добрымъ словомъ привѣчать, ѣства и питья подать и всякая нужда его исполнити.

А слугамъ заповѣдуй: о людяхъ не переговаривать, что видятъ не добро въ людяхъ, дома бы не сказывали, а что дома дѣется, въ людяхъ бы не сказывали. О чемъ бы посланъ, то бы и памятовалъ, а на другое бы не отвѣчалъ и вѣстей не переносилъ, ино промежъ государей не было никакой ссоры. И предъ всякимъ бы дѣломъ сотворилъ про себя молитву, выходить изъ дому, или въ домъ входить. А что дано несть, знать не любопытствуй, не верти и не заглядывай, осмотри только, когда отпускаютъ, цѣло ли. Впустять, и стой вѣжливо и, борзѣ исправивши дѣло, борзѣ иди дома. На встрѣчные запросы не отвѣтствуй и съ ними не калякая не о какой вещи, нигдѣ не ворочая и не потрогивая.

3.

Егорій Весенній.

Если удастся высѣять росаду до Егорья, до будетъ капусты много.

Если на Егорья морось, то урожай овса и проса.

Егорій съ тепломъ, Никола съ кормомъ, Егорій съ водою, Никола съ травой, Егорій съ кормомъ, Никола съ мостомъ, Егорій съ полувозомъ, а Никола съ цѣлымъ возомъ, Егорій съ вошей, а Никола съ возомъ.

Выгонъ скота св. вербою, въ сопровожденнѣ молебней съ ранняго утра у студенцовъ, колодцевъ, рѣкъ и на лугахъ, яблагословеньемъ священника, угошеньемъ пастуховъ, отъ всего міра. [Пастуховъ надѣляетъ яичницей, холстомъ и деньгами, вся деревня съ ними веселится.

Начало поствозъ и выходъ на засѣянные поля съ молебными, водосвященемъ, окропленемъ нивъ св. водой, а иногда крестными ходами вокругъ пашень и катанье потомъ мушницъ и женщинъ по нимъ, въ надѣждѣ быть сильными и здоровыми, какъ Юрьева роса.

Производство всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ и назначенье сроковъ, наемъ работниковъ съ весенняго Юрья по по Семень день или Покровъ. Торговцы говорятъ: выставъ къ Юрьеву дню, доспѣю къ Юрьеву дню.

Начала гуляній и вечернихъ хороводовъ. Въ Солигаличѣ и Буѣ выходятъ поселяне ночью пѣть пѣсни, оканчивающіеся припѣвами о сохраненіи стада.

Старинное преданье древнихъ временъ. Въ лукоморье есть люди, которые 26 ноября умираютъ, а 23 апрѣля оживаютъ. Предъ смертью будто они сносили свои товары въ одно мѣсто, гдѣ зимою сосѣди могли ихъ брать за извѣстную цѣну безъ всякого обмана. Съ безсовѣстными покупателями они рассчитывались весной, при своемъ оживленіи.

[Исторія Карамзина. Т. VII, стр. 233].

Никола Весенній.

Полное утвержденье весны, дорогъ и перевозовъ, установленье тепла. Никола вешній съ тепломъ. До Никола крѣпись, а съ Никола живи не тужи. Прошелъ бы Николинъ день, а то будетъ тепло. Города городьбу послѣ Николина дня.

Время возрастанья травъ. Не хвались на Юрьевъ день посѣвомъ, а хвались на Николинъ травой. Никола Осенній лошадь на дворъ загонять, а весенній откормить. Съ этого дни въ за московскихъ селеніяхъ выгонять лошадей на ночнину, въ сопровожденіи холостыхъ ребятъ всего села. Проводивъ ихъ до поля, ребята всю ночь проводятъ въ играхъ, и некутся для этого дни пироги съ гречневой кашей.

Праздникъ конюховъ въ бѣлорускихъ губерніяхъ. Конюхи,

послѣ угощенья съ подарками и пирогами, ѣдутъ на ночлегъ съ лошадьми и цѣлую ночь проводятъ въ гуляньи.

Дождь въ этотъ день полезенъ, и Велика милость Мужику, на Николинъ День, когда поле польетъ дожджичкомъ.

Юрїя Осенній.

Время сроковъ, торговъ и всякихъ сдѣлокъ. Крѣпки ряды на Юрьевъ день. Судила Маланья на Юрьевъ день, на комъ справлять протори. На чью долю потянетъ поле, то скажетъ Юрьевъ день. Позывалъ дьякъ мужика судиться на Юрьевъ день, а мужикъ и былъ таковъ. Около этого времени платятъ мужики оброки помѣщикамъ, что называется Юрьевскимъ оброкомъ. *Время замерзаній рѣкъ* повсюду. Юрїй съ мостомъ, Никола съ гвоздемъ.

Время переходовъ крестьянъ, какъ было въ старину, въ два сроки: на Юрїя весенняго и осенняго. Когда Борисъ Годуновъ прикрѣпилъ ихъ къ землѣ и объявлено было имъ въ другъ, что они уже не могутъ переходить и должны остаться крѣпостными на тѣхъ земляхъ, гдѣ засталъ ихъ царскій указъ. Это опечалило и поразило многихъ, отсюда и пословица: вотъ тебѣ, Бабушка, и Юрьевъ день.

Переходы совершались за недѣлю до Юрьева дня и недѣлю по Юрьевѣ днѣ Осеннемъ. Называли ото всюду въ опустѣлые дворы слободъ сельскихъ людей пашенныхъ и непашенныхъ, а отказывали тѣмъ людямъ о Юрьевѣ днѣ осеннемъ, какъ видно изъ стоглава. Такъ же вольны были итти въ градъ на посадъ или въ села жити всѣ христіане. Митрополичьи, Епископскіе, монастырскіе о сроцѣ Юрьевѣ днѣ съ отказомъ.

Крестьяне, переходя на помѣщичью землю, обязываются подчиняться помѣщикамъ, исполнять условныя повинности, платить подати за владѣніе ихъ вотчиною. Обязанные условіями, они не могли отойти прежде срока, уложеннаго законами, не могли поднаться съ своими животами, не рассчитавшись за пожилое. Помѣщикъ не могъ брать и требовать лишнее; сдѣлки бывали при

свидѣтеляхъ и послухахъ; онъ не могъ удержать его на своей землѣ: законъ ограждалъ и мужика и владѣльца. Переходы совершались послѣ предварительнаго объявленія помѣщика и при свидѣтеляхъ. Сбѣжавшій тайно считался бѣглецомъ и наказывался пѣвнями. По судебнику видимъ, что сѣмъ дней назначались для объявленія и сдѣлокъ и сѣмъ дней для сборовъ. Царь Борисъ, потомъ Шуйскій, потомъ Михаилъ Ѳеодоровичъ укрѣпили совершенно крестьянъ Владѣльцамъ. Вотъ тебѣ, Бабушка, и Юрьевъ день.

Никола Зимній.

Установленіе зимы. На день Св. Николая зима ходитъ съ гвоздемъ. Подошелъ бы Николинъ день, а то будетъ зима на санкахъ.

Не прочность зимы, начинающейся до Никола. Коли на Михайловъ день зима закуетъ, то на Николу раскуетъ. Провезли зиму на санкахъ до Николина дни, вотъ тебѣ и оттепель. Коли зима до Николина дни слѣдъ замечаетъ, дорогѣ не стоять. Хвали зиму послѣ Николина дни.

Установленіе цѣны на хлѣбъ. Цѣны на хлѣбъ строятъ Николы торгъ. У добраго мужика и на Никольщину торгъ стоитъ. Никольской торгъ всему указъ.

Первые обозы. Никольской обозъ для боярской казны дороже золота.

Знаменитая складщина—праздникъ Никольщина. Крестьяне всего села складываются, варятъ пиво, ставятъ всѣмъ міромъ въ церкви свѣчу и правятъ молебень о ниспосланіи на нихъ всѣхъ благъ. Послѣ чего угощеніе поселянъ всего околodka брагой, пивомъ, пирогами. Остатки раздаются нищимъ. Никольщина красна пивомъ да пирогами. На Никольщину ѣдутъ мужики съ поглядкой, а послѣ Никольщины валяются подъ лавкой. Знать мужика, что Никольщину справлялъ, коли на головѣ шапка не держится. На Никольщину зови друга, зови и ворога, оба будутъ друзья. Горевалъ мужикъ по Никольщину, зачемъ она не цѣлой вѣкъ стоитъ.

4.

Народныя повѣрья въ селѣ Лопуховкѣ Саратовской губерніи.

Народныя повѣрья сдѣсь слѣдующіе: 1) Первый день Марта, преподобной мученицы Евдокіи, почитается первымъ весеннимъ праздникомъ. По погодѣ этаго дни заключаютъ о цѣлой веснѣ. 2) 9 Марта, въ день сорока мучениковъ, изъ прѣснаго пшеничнаго тѣста пекутъ птичекъ жаворонковъ, съ коими дѣти, всходя на кровлю строеній, съ крикомъ зовутъ къ себѣ весну и жаворонковъ. 3) На четвертой педѣлѣ великаго поста, т. е. въ крестопоклонную середу, которая называется сдѣсь средокрестьемъ, въ ночи этой среды на четвертокъ, по ихъ мнѣнію, ломается по поламъ постъ съ трескомъ; впрочемъ, увѣряютъ въ этомъ однихъ дѣтей, просящихъ скоромной пищи, что ужъ недолго говѣть. Въ этотъ день изъ прѣснаго же пшеничнаго тѣста кресты, по числу мужеска пола въ семействѣ душъ, неисключая и малолѣтнихъ, запекая въ одинъ изъ нихъ деревянный или мѣдный крестъ, который носятъ на шеѣ, съ тѣмъ, если кому достанется запеченный въ лепешкѣ крестъ, тотъ долженъ и засѣвать въ слѣдующую весну хлѣбъ. 4) На праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы требуютъ отъ священника, чтобы непременно розданы были всѣмъ у обѣдни бывшимъ просфоры, для чего предварительно собирается просфорницею мука. Просфоры, принесенныя въ домъ, употребляютъ прежде всякой пищи, а одну изъ нихъ оставляютъ и кладутъ въ пшеничныя сѣмена; она при первомъ посѣвѣ должна быть въ томъ возу или мѣшкѣ, который будетъ сѣяться на первой загонѣ, наблюдая притомъ, чтобы она всыпана была вмѣстѣ съ хлѣбомъ въ первый осѣвальникъ; сѣятель бросаетъ зерна, но не смотритъ въ него, и когда попадаетъ въ руки просфора, бросаетъ ее вмѣстѣ съ хлѣбомъ; идя назадъ, находятъ, и всѣ бывшіе изъ семейства на пашнѣ употребляютъ ее въ пищу. Послѣ этаго обряда ожидаютъ съ твердою надеждою хорошаго урожая. Просфоры на праздникъ Благовѣщенія раздаются въ

церквѣ при цѣлованіи креста, по отходѣ Литургіи, перваго сорта лучшія взрослымъ, а вторыя малолѣтнимъ. Въ случаѣ нераздачи просфоръ, ропчуть на духовенство, съ предвѣщаніемъ неурожая. 5) Въ тотъ же день и въ недѣлю Ваій, по сдѣшнему выраженію вербную, пчеловоды никакъ не должны ужинать при огнѣ, иначе не поведутся пчелы. 6) На праздникъ Пасхи, когда все духовенство ходитъ въ каждый домъ и служитъ молебны, многіе изъ хозяевъ сыплють на столъ подъ скатерть соль, на то мѣсто, гдѣ должно лежать Евангеліе или крестъ; этою солью кормятъ скотъ въ отвращеніе на цѣлый годъ заразы.

[Изъ Саратов. Губер. Вѣдомст.].

5.

Цвѣточный барометръ.

Alsine media. Мокрица середняя при ясной погодѣ разверзаетъ свой цвѣтокъ въ 9 часовъ утра и цѣлой день находится въ этомъ положеніи. Если же собирается итти дождь, то цвѣтокъ опускаетъ головку и не раскрывается.

Asperula odorata. Шерошница душистая. Въ сухомъ состояніи этотъ цвѣтокъ показываетъ перемену погоды: при дождливой онъ испускаетъ благовонный запахъ, а во время сухой теряетъ его. Въ Норвегіи вѣнки изъ душистой шерошницы служатъ вмѣсто гигрометра.

Calendula pluvialis. Ноготка дождевая. Цвѣты ея во всей красотѣ своей только показываются только въ ясный день. Обыкновенно они начинаютъ раскрываться между 6 и 7 часовъ утра и засыпаютъ около 4 часовъ по полудни. Если же они еще не пробудились послѣ 7 часовъ утра, то можно надѣяться, что пойдетъ дождь еще до наступленія ночи.

Carlina Vulgaris. Колюка обыкновенная. Сухія чашечки этого цвѣтка расширяются при сырой погодѣ и сжимаются при сухой.

Draba verna. Сухоребрица весенняя закрывается при приближеніи ночи.

Lapsana Communis. Бересква обыкновенная. Цвѣтокъ ея закрывается вечеромъ и спитъ всю ночь, если погода ясная. Если же цвѣтокъ раскрытъ въ продолженіи всей ночи, то значить, что на слѣдующій день поидетъ дождь.

Mirabilis Jalapa. Чудоцвѣтъ ялаппа въ ясную погоду спитъ обыкновенно въ теченіи цѣлаго дня и распускается только въ вечеру, оставаясь такъ до восхода солнца. При дождливой же погодѣ ялаппа раскрываетъ цвѣтки.

Soncus Sibiricus. Молочай Сибирскій. Если этотъ цвѣтокъ закрывается ночью, то на слѣдующее утро будетъ ясная погода. Если же раскрывается, то дождливая.

Trientalis Europea. Семеричникъ Европейской. Предъ вступленіемъ дождя цвѣтки этого растѣнія склоняются внизъ.

6.

Календарь крестьянъ (Симбирской ?) Губерніи.

Я Н В А Р Ъ.

6. Въ день *Богоявленья* Господня если идетъ снѣгъ, будетъ годъ урожайный. Чемъ больше снѣга, тѣмъ больше урожая.
16. *Петра Полукорма*, половина кормленья скотины на дворахъ до подножнаго корма.
24. *Аксиньи-Полухлебницы* (означаетъ) половина года до новаго сбора хлѣба, то есть, до 24 Іюня, дня поспѣванія жатвы.

Ф Е В Р А Л Ъ.

2. Въ день *Срѣтенья* Господня начинаютъ откармливать племенныхъ птицъ овсомъ, чтобъ лучше неслись.

М А Р Т Ъ.

1. Въ день *Евдокіи* ясная погода предвѣщаетъ хорошій урожай пшеницы.

4. *Герасима-Грачевника*. Грачи возвращаются изъ теплыхъ странъ.
9. Въ день *сорока мучениковъ* прилетаютъ сорокъ птичекъ.
17. *Алексыя съ горъ вода*. Прилетаютъ жаворонки.
19. *Хрисанфа и Даріи*. Грязные проруби.
22. *Василія Капельника*. Съ крышъ каплетъ.
25. Въ который день случится это число, важныхъ полевыхъ работъ не начинаютъ.
26. *Василія выверни оглобли*. Прекращеніе зимняго пути.

А П Р Ъ Л Ъ.

1. Въ день Маріи Египетской говорятъ, что снѣгъ и за колодою растаялъ.
16. *Ирины урожай-берега*.
23. Коли Георгій съ тепломъ, Никола съ кормомъ.

М А І Й.

1. *Еремья запрягальника*. Начинаютъ орать.
3. *Тимофея и Мавры* — зеленые щи.
4. *Ирины разсадницы*. Сѣянье капусты.
6. *Іова-горошника*. Сѣянье гороха.
9. Замѣчаютъ, что послѣ Николина дня бываютъ двенадцать морозовъ. Если же они не всѣ случатся весною, то остальные исполнятся до Симеона Столбника, т. е. до 1 Сентября.
11. *Макія-Мокраго*. Если въ этотъ день идетъ дождь, то все лѣто будетъ мокрое.
13. *Гликеріи-Комарницы*. Появленье комаровъ.
14. *Сидора-Сивера*. Холодная погода въ этотъ день означаетъ холодное лѣто.
15. *Пахомія Теплаго*. Теплая погода въ этотъ день предвѣщаетъ теплое лѣто.
21. *Константина и Елены*. Сѣять ленъ и садить огурцы. Въ этотъ же день сѣется ранній ленъ и поздній овесъ.

25. Въ день обрѣтенія честныя главы *Предтечи Іоана* сѣять пшеницу. Какъ глава въ этотъ день обрѣтена была въ землѣ, то въ возблагодареніе предается въ этотъ день лучший плодъ, т. е. пшеница.
29. *Феодосіи-Колосянницы*. Рожь въ этотъ день начинаетъ колоситься.

І Ю Н Ъ.

12. *Петра-Поворота*. Солнце на зиму, а лѣто поворачиваетъ на жары.
23. *Арафелы-Купальницы*. Съ этого дни начинаютъ купаться.
29. Въ день *Петра и Павла* начинаютъ косить траву.

І Ю Л Ъ.

20. Въ день пророка Ільи есть обыкновение приносить въ церковь части колотыхъ молодыхъ барановъ для окропления ихъ водою.
30. *Силы и Силуана*. Посѣянная въ этотъ день рожь родится сильно.

А В Г У С Т Ъ.

1. Въ день происхожденія честныхъ древъ сѣменная рожь приносится въ церковь для освященія Св. водою. Въ этотъ же день происходитъ первый посѣвъ ржи. Есть также обычай купать въ этотъ день лошадей.
12. *Флора и Ласра*. Кто сѣетъ рожь послѣ этого дни, у того вмѣсто ржи вырастаютъ флоры, т. е. цвѣты.
29. Въ день усѣкновенія честныя главы Іоана или, какъ крестьяне называютъ, Івана Постнаго, есть уже послѣдній срокъ сѣять ленъ на лугахъ.

Н О Я Б Р Ъ.

1. Въ день *Козьмы и Даміана* крестьянскія дѣвки приносятъ въ церкви живыхъ цыплятъ и ленъ, въ видѣ церковныхъ вкладовъ.

ДЕКАБРЬ.

12. *Спиридона-Поворота*. Солнце на лѣто, а зима на морозъ поворочиваетъ.

7.

Народныя замѣчанія по явленьямъ природы въ той же Губерніи.

1. Начинать сѣять, когда начнутъ квакать лягушки.
2. Когда листь на березѣ начнетъ распускаться, то время сѣять овесъ.
3. Овесъ хоть въ воду, да въ пору. Сѣй овесъ въ грязь, будешь князь.
4. Когда песты (дикая спаржа) хороши, то и овесъ будетъ хорошъ.
5. Когда много шишекъ на ѣляхъ, будетъ урожай яроваго хлѣба.
6. Много шишекъ на соснахъ, урожай ячменя.
7. Кукушка закукуетъ — время сѣять ленъ.
8. Горлица заворкуетъ — пора сѣять конопли.
9. Черемуха зацвѣтетъ — сѣять пшеницу.
10. Можжевельникъ зацвѣтетъ — сѣять ячмень.
11. Листъ полонъ, такъ и сѣять полно.
12. Какъ полетѣлъ слѣпень, такъ и полно сѣять ячмень.
13. Сѣй рожь въ золу, а пшеницу въ грязь.
14. О погодѣ для посѣва ржи говорятъ: какъ обмочило оглобли, такъ и поезжай домой.
15. О полевыхъ работахъ для ржи говорятъ: до Петрова взорать, до Ильина заборонить, а до Спаса (16 Августа) посѣять.
16. Если погода была ясная послѣ Рождества, такъ будетъ ясная и послѣ Петрова.
17. Когда осенью листь, падая съ деревь, ложится къ верху гладкой стороною, то означаетъ на лѣто неурожай; а передъ хорошимъ урожаемъ ложится шероховатой стороною къ верху.

18. Ненастная погода въ воскресенье передъ масленицей обѣщаетъ хорошій урожай грибовъ.
19. Если ледъ на Волгѣ становится грудями, то и хлѣба будутъ груды; а если гладко, то и урожай будетъ гладкой. Замѣчаютъ также, что ледъ на Волгѣ не проходитъ въ свѣтлыя ночи, т. е. въ полнолуніе.

8.

Хлѣбопашество.

Соха. Рѣзецъ ея съ небольшимъ на вершокъ прорѣзываетъ землю. Выгодна въ мѣстахъ пѣсчанвыхъ, рыхлыхъ. Пашутъ ею только старую пашню.

Косулями же дерутъ новую пашню или дербу. Она глубже идетъ въ землю и деретъ вершка на полтора глубже.

Что бы дать землѣ отдыхъ, раздѣляютъ пашню на четверо: на новину, яровую, озимую и паръ.

Новина. Около Петрова дни вырубаютъ палестину лѣса и бросаютъ его на мѣстѣ. На другой годъ съ весны валежникъ зажигаютъ, а пепель оставляютъ вмѣсто удобренія. Первый посѣвъ на новинѣ бываетъ ленъ, а на другой годъ ячмень или овесъ, а потомъ и озимый хлѣбъ.

Яровое поле называется то, гдѣ посѣянные семена въ одно лѣто приносятъ свой плодъ, куда принадлежать: пшеница, полба (*triticum spelta*), ярица (*secale vepnum*), ячмень, просо или пшено, дикуша или греча, ленъ, конопля, горохъ, макъ, боръ и овесъ.

Озимую пашню почитается та, которая посѣянные семена отъ осени чрезъ всю зиму и будущее лѣто питаетъ, и сію пашню единственно занимаетъ ржаной хлѣбъ.

Паръ или отдыхъ бываетъ послѣ озимой и лежитъ остатки лѣта, осень и всю зиму безъ всякаго посѣва. Ночтобы еще болѣе отдохнуть землѣ, на другой годъ на озимой пашнѣ сѣютъ не столь много вытягивающіе тучность посѣвы, какъ то: ячмень, овесъ и проч.

Удобренье пашень состоитъ въ одномъ назѣмѣ всякого скота безъ разбора. Но его не бываетъ достаточно. Можно бы удобрять пашню опадающимъ и согрѣвающимъ *листомъ дерева*. Но это не въ обычаѣ. Также какъ и удобренье *мерелемъ*, поправляющимъ пѣсчаные земли, или извести, поправляющей иловатая земли, которой повсюду у насъ въ изобиліи.

Сабань родъ плуга. Въ двѣ деревянные ноги вставляется стрѣлка, излучистое длинное бревно, подъ нимъ два желѣза, рѣзецъ и ладонь, а съ боку доска или палица. Рѣзецъ подрѣзываетъ, ладонь подымаетъ, доска или палица сворачиваетъ на сторону. Въ концѣ стрѣлки вколоченъ деревянный гвоздь, къ которому привязывается веревкою припрягъ. Онъ ничто другое, какъ ось съ деревянными колесами. Меньше четырехъ лошадей не запрягается.

9.

Садоводство.

Размноженіе яблоній. Вѣтхую яблоню зарываютъ въ землю вмѣстѣ съ сучьями, подрубивъ корни съ одной стороны и наклонивъ ее на ту сторону, гдѣ остались ея корни. Погребенная яблоня даетъ новыя отпрыски, которые потомъ, какъ возмужаютъ, разсаживаютъ. Они приносятъ плодъ скорѣе, чемъ отъ семенъ.

10.

О Крестьянскомъ Жилищѣ.

Крестьянской домъ состоитъ изъ 2 главн. частей: избы и клѣти. Въ избахъ печи черныя [т. е. безъ трубъ], бѣлыя [съ мазанковыми трубами] рѣдки.

Выгода первыхъ та, что черная изба долговѣчнѣе бѣлой, какъ утверждаютъ крестьяне, что скорѣй просушиваетъ бѣлье, сбрую и обувь, и что для сушенья льна необходима также, какъ и черныя бани. По той же причинѣ она выгоднѣе для красиль-

щиковъ и овчинниковъ, высушивая скорѣе крашенныя издѣлія и овчины. Сверхъ того примѣчаютъ въ нихъ меньше угару, чемъ въ бѣлыхъ, такіе печи требуютъ меньше дровъ.

Невыгоды, что все въ нихъ скорѣе чернится; дымъ и чадъ во время топки заставляетъ часто отворять и выпускать холодъ. Для дыму прорубается въ сѣни дымное окно, къ которому представляется такъ называемый Дымволокъ (труба) (иногда) изъ тесу или липоваго дупла, выводимый выше крышки и оканчивающийся дырчатою буточкою съ отверстиемъ по бокамъ, покрытою сверху на два ската.

Къ пѣчи придѣлывается изъ досокъ *Голбецъ*, немного ниже печи для того, чтобы крышка его служила покоемъ для старыхъ и малыхъ и во время топленья печи; подъ ними дѣлаются двери и лѣсница для проходу въ подполье.

Въ *подпольѣ* держать зимою квасъ или пиво, молоко и разную посуду, употребляемую въ стряпнѣ, равно какъ и разные принадлежаш. къ ней орудія, какъ то: помело, клюку, хлѣбную лопату, ухватъ, сковородникъ и проч.

Палати составляютъ весьма пужное отдѣленіе, гдѣ женщины, сидя обыкновенно зимою, исправляютъ свои домашніе работы, т. е. прядутъ, шьютъ и проч., когда на полу будетъ холодно, особливо въ морозы. На Голбцѣ и печи держатся болѣе дѣти. На палатяхъ, особливо въ бѣлыхъ избахъ, дѣлаются небольшія окошка для свѣта. Подъ ними въ углу утверждается пересовецъ, то есть деревинка, больше кривая, чтобы вѣсить на немъ платье (лопотъ).

На *Воронцѣ* и *рядку*, утвержденные однимъ концемъ въ брусъ, поддерживающей палати, а другимъ въ стѣну, кладутъ дрова для просушки, лучину, ошепки, назовки и сѣяльницу съ мукою, сѣчки, ухваты, сковородники и корытцы. На *Полмичѣ*, устроенныхъ подлѣ всѣхъ стѣнъ, начиная отъ палатей, ставятъ горшки, дуплянки съ отрубями. Также сушатъ на нихъ лукъ, держатъ разные орудія, какъ то: коточиги, кошии ковыряютъ лапти, деревца, при плетеніи ихъ употребляемые, жигала, трубки,

иногда струги, скобели, долота, ножи, ножницы, брусокъ для точенія и всякую другую мѣлочь.

Залавокъ, дѣлаемый при одной стѣнѣ съ печью, нуженъ для храненія на немъ разной мѣлкой деревянной посуды и, у кого есть, мѣдной и оловянной, какъ ложекъ, чашекъ, блюдъ и проч. А иногда для содержанья въ немъ и на немъ вынятого изъ печи кушанья.

Подъ *шесткомъ*, а иногда и залавкомъ, держать зимою куриць. Подъ лавки, дѣлаемые вокругъ всѣхъ стѣнъ, чаще съ навѣсами [подзорами], кладутъ топоры, коты, лапти и всякую другую мѣлочь.

Надъ челомъ печи въ черныхъ избахъ утверждаютъ надпыльнякъ, т. е. перекладину, положенную на грядку и полицу; на немъ кладутъ сырые дрова для просушки, если не успѣеть крестьянинъ запасти веснодѣльныхъ.

Въ клѣти съ волоковыми окошками дѣлаются лавки, казенки, родъ чулановъ, для сохраненія скарбу и лучшаго имѣнія, кладутся также грядки для вѣшанія на нихъ платья [лопоти]. Стѣны внутри вытесываются или просто оставляются. Потолки дѣлаются въ нихъ только у Богатыхъ, а у бѣдныхъ одна крѣпкая крыша, подобно какъ и въ анбарахъ. На потолкѣ наверху хранятъ тюрики, Воробы, навои, кросна, лукошка съ куделью. Въ *подклѣти*, то есть подъ поломъ, дѣлаются сусѣки для храненія хлѣба, особливо муки и солода, такъ что часто она за анбаръ отвѣчаетъ, для чего дѣлаются въ оную двери изъ ограды. Въ окна вставляются слюдяные, стеклянные, холщевые, вымазанные древесною смолой, иногда же бумажные, а зимою, для теплоты, брющинныя оконницы.

Обѣ части дома, изба и клѣть, соединяются сѣнями. У иныхъ раздѣляются они на верхніе и нижніе, потому что первые дѣйствительно дѣлаются выше послѣднихъ, почему и всходятъ на оныя посредствомъ маленькой лѣстницы.

Изъ нижнихъ сѣней устроены одни двери на переднее крыльцо, а другіе на заднее или въ скотской дворъ. Въ сѣни, особливо верхніе, выносятся зимой изъ избы постели и лишнее

платье. Подъ сѣнями находятся по большой части погреба, рѣдко подъ особливыми амбарами. Вообще же домъ покрытъ скальемъ, берестою и съ верху Драницами. Дома лицомъ обращаются болѣе къ югу, исключая построенныхъ при большихъ дорогахъ.

Къ дому съ задней стороны, гдѣ заднее крыльцо, пристраивается скотный дворъ и покрывается скальемъ, лубьями, драницами, рѣдко соломою. Стѣны же состоятъ изъ ослѣдника или плахъ, расколотыхъ изъ толстыхъ бревенъ и забратыхъ въ столбы. Какъ устрояютъ на дворѣ овечьи хлѣвы, ясли, конюшни, стаи и при нихъ загоны съ сараями, свинарниками, будетъ ниже.

Что же до прочихъ службъ при домѣ, то задняя, или лучше, *скотная* изба, дѣлается въ углу двора изъ бревенъ или плахъ, съ черной печкой, гдѣ доятъ зимою коровъ и содержатъ молодыхъ ягнятъ и телятъ, а иногда уходятъ въ онаыя отъ угару. Амбары строятся отъ домовъ саженьяхъ въ 15 ти. Богатѣйшіе крестьяне имѣютъ до 5 амбаровъ.

Бани строятся далѣе амбаровъ, обыкновенно на огородахъ, изъ сосноваго лѣса. Въмѣсто печи изъ большихъ песчаныхъ камней дѣлается такъ называемая каменка, верхъ которой составляетъ груда мѣлкихъ камней, гольшей или кремнист. рода; вмѣсто свода кладутъ въ нихъ противники изъ чугуна, штыковъ. Подлѣ каменки дѣлается изъ тесу полокъ и вокругъ стѣнъ лавки. Передъ дверью, снаружи, такъ называемый передбанникъ изъ стоячаго или обыкновеннаго забора.

Лучшіе крестьяне какъ дома, такъ и все принадлежащее къ нимъ строеніе, ограждаютъ оградю изъ бревенчатого заплотника, бѣднѣйшіе жердями, а нѣкоторые около своей бѣдной хижины не имѣютъ никакой городьбы. Ограды при домахъ, находящихся при большой дорогѣ, покрываются повѣтью, состоящею изъ жердей и соломы или драницъ, для помѣщенья подъ ними лошадей и воевъ проѣзжающихъ.

Гумна, иногда принадлежащіе одному, а иногда, и большею частію, многимъ, строятся болѣе для безопасности отъ пожаровъ внѣ селенія, въ логахъ или косогорахъ и при рѣкахъ или

рѣчкахъ, въ какомъ случаѣ располагаются при нихъ и скотскіе для зимы загоны, огороженные жердями или шетнемъ и покрытые соломой, дабы скоть, имѣя всегда гуменный кормъ подъ ногами, самъ ходилъ и на водопой; для чего дѣлаются въ рѣкѣ проруби, если она покрывается льдомъ, потому что есть довольно и здѣсь незамерзающихъ рѣчекъ. Гумна огораживаются жердями подъ именемъ *гуметниковъ*. При самихъ же домахъ имѣютъ крестьяне огороды для насажденія огородныхъ злаковъ. Но для капусты по большей части особливые при влажныхъ или рѣкахъ, на наземныхъ мѣстахъ, какъ и конопляники для сѣянія въ нихъ коноплей съ хмѣльниками.

Крестьянинъ, предпріявшій выстроить себѣ домъ, ронить самъ нужный для того лѣсъ.

11.

I.

Если запустить поле черноземной почвы въ залежь, — оно съ перваго года покроется различными травами, изъ которыхъ одно преимущественно преимущественно болѣе нежели другими, смотря потому, какой въ послѣдній разъ съ поля снятъ былъ хлѣбъ. Въ этомъ случаѣ, послѣ ржи покажется преимущественно *попынь*, особенно на тучныхъ черноземныхъ почвахъ; послѣ гречи дикая сурепица; послѣ овса пырей, овсяница, осоть, молочай, на самыхъ тучныхъ мѣстахъ Дигильникъ. Наконецъ, чрезъ восемь или сѣмъ лѣтъ, запущенное поле тучной черноземной почвы покроется травами, годными для сѣна. Пусть сѣнокосъ продолжается три четыре лѣта, потомъ вспашите плугомъ залежь весною или осенью, почему на ней сплошная пойдетъ лебеда, хотя земля десять одиннадцать лѣтъ была подъ залежью и покосомъ. —? Почему теорія не только не объяснила всѣхъ этихъ феноменовъ, которые до сихъ поръ непостижимы, но, кажется, даже и не подозрѣваетъ, что они могутъ случиться. Между тѣмъ какъ эти явленія во многихъ отношеніяхъ оказываютъ величайшее вліяніе на обработку посѣва и расчеты? Или почему

многіе сѣемыя хлѣба имѣютъ на этихъ же почвахъ въ нѣкоторые годы постоянныхъ своихъ спутниковъ: рожь — лебеду, жабрикъ или мятлину; овесь — куколь; ленъ — рыжикъ; горохъ — чернобыльникъ? Извѣстно, что на благоразумномъ удобреніи почвъ, на отчетливомъ ихъ воздѣльваніи и на приличныхъ каждой сѣвооборотахъ держится все основаніе теоріи земледѣлія. Опредѣлила ли книжная теорія съ точностію, какіе посѣвы, въ какихъ климатахъ и въ какой мѣрѣ могутъ почитаться приготовительными для будущихъ. Напримѣръ, у насъ есть мѣстности, гдѣ единственно посѣвомъ гречи можетъ поддерживаться плодородіе черноземныхъ почвъ. Обратила ли теорія особенное вниманіе сельскихъ хозяевъ на этотъ вопросъ?

II.

Относительно климата.

Въ Маѣ и Іюнѣ морозы бьютъ просо, гречу и вредятъ.

О климатическихъ вліяніяхъ.

Губительность морозовъ нашихъ состоитъ въ томъ, что въ Апрелѣ они бьютъ на повалъ только что взшедшую рожь, когда она еще въ краскѣ, т. е. ту, которая не успѣла взойти въ августѣ и Сентябрѣ. Въ Маѣ и Іюнѣ морозы бьютъ просо, гречу и вредятъ въ цвѣту ржи и травамъ; а въ Іюлѣ наливу ржи, цвѣту и наливу яровыхъ хлѣбовъ; во второй половинѣ Августа не позволяютъ укореняться озимымъ посѣвамъ, и потому въ нашихъ хозяйствахъ правиломъ положенно всѣми мѣрами стараться озимый посѣвъ кончить къ 10 Августу.

Жары пагубны для растительности. 1. Продолжительностью и непрерывностью, во время которые длиннота дней нашихъ неосвѣжается ночами, лишенными морск. вѣтровъ и влаги. 2. Произвожденіемъ червей и насѣкомыхъ, особенно безчисленнаго множества кобылокъ. 3-е изсушеніемъ листьевъ самыхъ широкихъ растѣній и часто недозрѣлаго зерна, и способствованіемъ

оплодотвореніемъ яицъ насѣкомыхъ, вредныхъ какъ для посѣва, такъ и для скота. Такъ было въ несчастный 1839, 1840 и особенно 1841. Отраженіемъ всему этому служить благотѣльность тѣхъ же самихъ морозовъ. Еслибъ въ Маѣ и Августѣ не было морозовъ въ тѣ годы, когда въ эти мѣсяцы не бываетъ частыхъ дождей, пришлось бы намъ отказаться отъ коренныхъ нашихъ посѣвовъ: овса и ржи, потому что овесъ и рожь поѣдены были бы червями, которыхъ уничтожаютъ одни только морозы, или убавляетъ холодная или дождливая температура. Точно такимъ же благодареніемъ провидѣнія должны мы почитать зимній нашъ снѣжный покровъ, который защищаетъ корни деревьевъ и растѣній и даетъ намъ средства къ дешевымъ и возможнымъ сообщеніямъ.

Изобрѣтенія среди мужиковъ.

Травосѣяніе съ незапамятныхъ временъ извѣстно нашимъ мужикамъ. Мужики Вятской губерніи, въ Яранскомъ и Слободскомъ уѣздахъ, сѣяли и сѣютъ подъ названіемъ *стѣнца* и *сивухи* Тимофѣеву траву гораздо прежде Американца Тимофея. Ярославскіе мужички-огородники производятъ и берегутъ во всѣ времена года, въ убійственномъ климатѣ, зелень и корнеплодыя растѣнія.

Мужики садовники снабжаютъ обѣ столицы абрикосами, персиками и ананасами, взрощенными безъ ученыхъ пособій, дешевыми средствами. Въ Перми сверлили давно Буравленные колодцы, прежде чѣмъ они вошли къ намъ подъ именемъ артезіанскихъ. Ярославцы и костромичи вывели и усовершенствовали породу такихъ овецъ, которыя, ягнясь два раза въ годъ, никогда не приносятъ менѣе 3 4 ягнятъ. Стало быть, нельзя сказать, чтобы хозяйство у насъ остановилось. Оно идетъ вездѣ тамъ, гдѣ подстрекаютъ его окружающія обстоятельства.

О почвѣ.

Всѣ классификаціи почвъ неопредѣлительны, сбивчивы и ошибочны, границы, раздѣляющія разнородныя почвы, неопредѣ-

ленны. Слѣдуетъ узнать, какъ велика степень плодородія данной почвы и для какихъ именно растѣній она въ данномъ климатѣ болѣе способна. Но этого никакая теорія еще не опредѣлила, замѣняетъ ее опытность земледѣльца, переходящая отъ отца къ сыну. Съ помощію ея они твердо знаютъ: какіе хлѣба и въ какихъ именно мѣстахъ ихъ земли рождаются хорошо, посредственно, плохо, или вовсе не рождаются. Предъ этимъ знаніемъ книжное ученіе, особенно столь мало обработанное какъ наше, еще долго будетъ ничтожно. Не зная химическихъ названій, они также знаютъ главные составы ихъ земель до той степени, которой требуетъ практическое производство. Въ слѣдствіе чего на песчаной почвѣ озимой посѣвъ они вездѣ боронуютъ, чтобы почва менѣе просыхала; на глинистой это дѣлается только на югѣ, т. е. въ климатѣ болѣе сухомъ и тепломъ; а въ сѣверной части бороздами, мѣлками, средними или весьма широкими грядами ados, смотря по климату, обычной температурѣ, цвѣту и составу почвы, и потому еще на горизонтальной ли площади разбиты поля, гдѣ нѣтъ скатовъ для дождевой и снѣжной воды, или на мѣстахъ отлогихъ, крутыхъ. На глинистой иловатой землѣ, насыщенной на возвышенныхъ мѣстностяхъ всегда кислотами, какъ наша черноземная почва, сѣять рожь, гречу, овесъ, а не пшеницу, ячмень, горохъ и просо, сѣять всегда хоть простыми, но различными приѣмами и способами: на извѣстковой почвѣ сѣять послѣдніе хлѣба, а первыхъ мало и т. д.

О черноземѣ.

На южныхъ черноземныхъ земляхъ яровая пшеница рождается хорошо, а въ средней полосѣ на такихъ же земляхъ очень дурно, и причины этого неизслѣдованы. Черноземъ, по мнѣнію Пензенскаго помѣщика, не есть перегной, а чисто глинистая почва. Доказывается это слѣдующими: когда у насъ кирпичъ бываетъ безцвѣтенъ, то мы примѣшиваемъ къ глинѣ, изъ которой онъ дѣлается, черной нашей земли, взятой на 5—6 вершковъ отъ ея поверхности, чтобы въ ней не было замѣтныхъ остатковъ ра-

стительности. Послѣ обжига кирпичъ получаетъ яркій алый цвѣтъ. Если бы черноземъ былъ перегной, то кирпичъ разсыпался бы. Доказывается еще сцѣпляемостью глыбъ земли чернозема, которая во время засухи имѣетъ комковатость, а не рассыпчатость. Желѣзный окисль, перейдя изъ метала съ помощію воздуха и сырости въ окисъ, т. е. соединившись съ кислородомъ (см. Тэера), полагать надобно, и поверхностный слой нашей глинистой почвы окрасилъ въ черный цвѣтъ на такую глубину, до которой достигали вода и воздухъ. Въ этомъ убѣждаетъ то, что темно-желтая глина, лежащая подъ нашимъ черноземомъ на полъ аршина, на аршинъ и болѣе глубины, не имѣетъ никакого видимаго и постигаемого отдѣленія отъ черноземнаго пласта, на ней лежащаго. И если составныя части чернозема измѣнились, то развѣ въ томъ только, что поверхностный растительный слой его вмѣщаетъ въ себѣ болѣе или менѣе перегною и весь вообще—двѣ различныя кислоты, произшедшія, полагать надобно, отъ вліяній атмосферныхъ; а глина, подъ нимъ лежащая, бывъ лишена этихъ кислотъ, является чемъ глубже, тѣмъ извѣстковатѣе до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наконецъ, превращается въ совершенный мергель, вѣроятно кислотами въ верхнемъ слоѣ уничтоженный. Эта догадка опирается на фактъ, всѣмъ опытнымъ и мыслящимъ хозяевамъ извѣстный, именно, что эта глина, бывъ подвергнута вліянію свѣта, сырости и воздуха, годъ отъ году чернѣетъ. Потвердить это можетъ и опытный помологъ нашъ Г. Шварцъ. Но если бы, положимъ, черноземъ былъ точно перегной (хотя самый цвѣтъ перегная бурый, а не черножелѣзный, какъ въ черноземѣ), то для того, чтобы окрасить глинистую или песчанную почву въ черный цвѣтъ до той степени, въ какой они находятся, надобно примѣшать къ нимъ такое ужасное количество перегноя, что послѣ смѣшенія почва можетъ годиться только для посѣва коноплей, и конечно на ней пшеницы, ржи, овса, ячменя, гречи, гороха, проса, льну ни одинъ мыслящій хозяинъ не посѣетъ, потому что такая почва будетъ до того легка и рыхла, что при засухѣ

всякое колосовое растѣніе засохнетъ, а при обыкновенной температурѣ повалится.

12.

Московская цѣна хлѣба въ 1845.

Ржи четверть отъ 8 р. 50 к. до 9.50 к. Овса отъ 8 до 10. Ячмена отъ 8 до 9. Гречи отъ 7 до 8. Проса отъ 15 до 21. Пшеницы отъ 20 до 22. Семя конопленнаго: 13. Льнянаго 14. Картофелю 3.50 к.

О конномъ заводѣ (Глѣбова).

Кобыла Кинарейка выжеребилась отъ жеребца васьки Апрѣля 26 дня и принесла кобылку гнѣдую, во лбу малая звѣздка, на лѣвой задней ногѣ по щотку бѣло, другихъ отиѣтинъ нѣтъ, да ожеребенъ еще жеребчикъ отъ жеребца васьки гнѣдоваго и кобылы умильной, съ проточиной во весь лобъ. На задней ногѣ по выше щотки бѣло. Грива на лѣво.

<i>Названье кобылъ.</i>		<i>Названье жеребцовъ.</i>
Прелестная	Игрушка	Васька
Лисичка	Фигурка	Диктаторъ
Роза	Молодка	Воронъ
Наянка	Мурашка (отъ бѣл.	Соколенокъ
Смирная	пятень въ позд-	Фиць-Патрикъ
Злая	ряхъ и лбу)	Красенькой
Тупоноса	Краснощечка	Мужичокъ
Умильная	Птичка	Рулетъ
Галка	Струя	Свирѣпый
Лебедка	Арабка	Бриліантъ
Постоянная	Цыганка	Потѣшный
Львица	Суета	Цыганъ
Красавица	Любезная.	Атласный
		Юпитерь.

Цѣна 2 руб.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

М. М. Глазунова и Н. Л. Ринкера въ С.-Петербургѣ, М. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, М. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, М. Мишманъ въ Ригѣ, Фоссъ (Г. В. ЗергеиФрей) въ Лейпцигѣ, Люзанѣ и Женевѣ, въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:

J. Gassewof et C. Nieker à St.-Petersbourg, M. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna, N. Oglebline à St.-Petersbourg et Kiev, M. Kummel à Riga, Voss' Sortiment (G. W. Sargantov) à Leipzig, Luzac & Cie, à Londres.

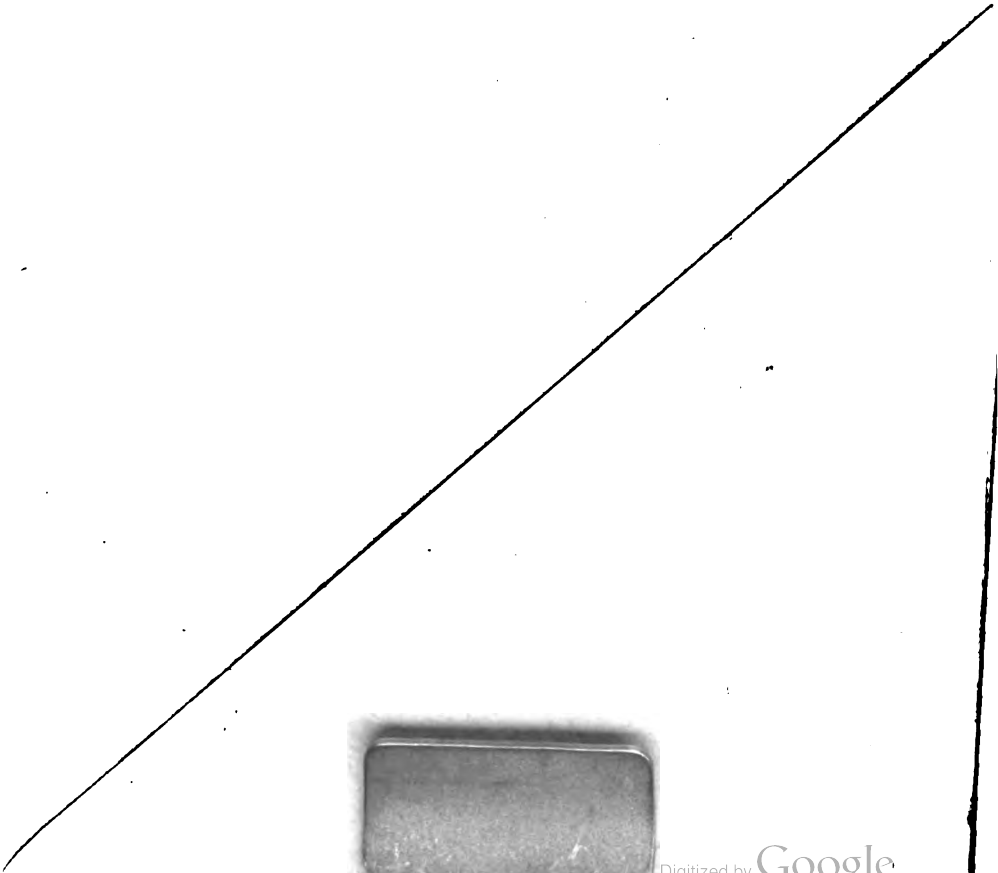
FOUND IN LIBRARY

SEP 18 1977

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 07479 4309

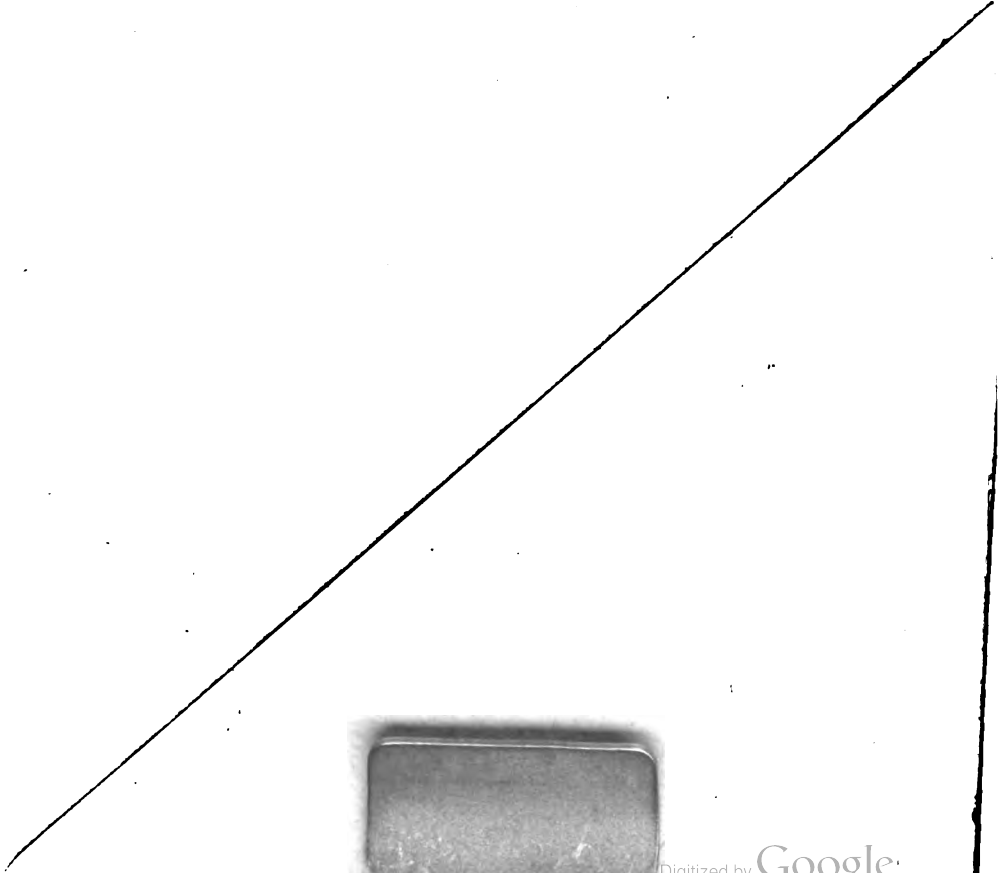
FOUND IN LIBRARY

SEP 18 1977

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 07479 4309

FOUND IN LIBRARY

SEP 18 19

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 07479 4309

